

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

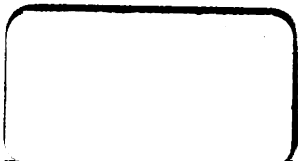
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 08190612 9

*QCA

4311

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

INDEXED

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. КАТКОВИЧЪ

ТОМЪ СТО ПЯТЬДЕСЯТЬ ДЕВЯТЫЙ

МОСКВА

Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ)

1882

✓

1051093
OCT
25
1947
4477

О Г Л А В Л Е Н І Е

ТОМА СТО ПЯТЬДЕСЯТЬ ДЕВЯТАГО.

М А Й.

	<i>Стр.</i>
Московскіе „божьи люди“ во второй половинѣ XVIII и въ XIX столѣтіи. <i>Н. В. Реутскаго</i>	5 ✓
Путевыя записки поклонницы Святаго Гроба Господня <i>Б.</i>	80
Вяѣ колеи. Романъ. Часть вторая. Гл. I—V. <i>К. Орловскаго</i>	115 ✓
Отношенія Россіи къ Пруссіи въ царствованіе Елисаветы Петровны. <i>Е. М. Шектисова</i>	150 ✓
Семь лѣтъ въ лагуну на Кавказѣ (1849—1856). (Очерки политическаго и домашняго быта Кавказскихъ горцевъ.) <i>Н. Волконскаго</i>	217 ✓
Жизнь прожить не поле перейти. Записки неизвестной. Гл. XIV—XX. * * *.....	284 ✓
Подъ облаками. Повѣсть. <i>Дмитрія П—ва</i>	322 ✓
Греко-болгарскій церковный вопросъ по неизданнымъ источникамъ. <i>В. А. Теплода</i>	379
Сербскія мелодіи. Стихотворенія. <i>А. И. Орлова</i>	445
Литературныя новости.....	451

І Ю Н Ъ.

	<i>Стр.</i>
✓ Въѣ колеи. Романъ. Часть третья. Гл. VI—X. <i>К. Орловскаго</i>	468
Архимандритъ Пименъ настоятель Николо-Угрѣвскаго монастыря. Біографическій очеркъ (1810—1880). <i>Д. Б.</i>	520
Очеркъ исторіи классической филологіи въ западной Европѣ. <i>А. Д. Вейсмана</i>	595
✓ Злой духъ. Романъ. Часть третья. Гл. I—XI. <i>В. Г. Асѣвенка</i>	618
Къ университетскому вопросу. Изъ исторіи одного университета. <i>З.</i>	679
Въ русскомъ домѣ за границей. <i>М.</i>	687
Ярославскій домъ призрѣнія ближняго. Изъ воспоминаній воспитанника пятидесятихъ годовъ. <i>Д. Ѡ. Назарова</i>	712
Былина про Царя Ивана Грознаго да про князя Трифона Патрикѣева. <i>А. Г. Лукьяновскаго</i>	739
Мирная дѣятельность на войнѣ. Записки сестры милосердія находившейся при дивизионномъ лазаретѣ 14й пѣхотной дивизіи въ войну 1877—1878 годовъ. <i>Е. В. Дугоиной</i>	760
Греко-болгарскій церковный вопросъ по неизданнымъ источникамъ. <i>В. А. Теплова</i>	811
Психическій міръ женщины, его особенности, превосходства и недостатки. Гл. IV—V. <i>П. Е. Астафьева</i>	862
Стихотворенія. <i>Князя Д. Н. Цертеллева</i>	898
Новости литературы.....	902
Современная дѣтопись.....	929

ВЪ КОНТОРЪ ТИПОГРАФІИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

МОЙ ВКЛАДЪ. Статьи, записки, чтенія, замѣтки. Н. А. Любимова, профессора Московскаго Университета. Томъ I. Университетскій вопросъ. Москва, 1881 г. Цѣна 2 руб.

ПРОТИВЪ ТЕЧЕНІЯ. Бесѣды о революціи. Наброски и очерки въ разговорахъ двухъ пріятелей Вареоломея Кочнева. Цѣна: выпускъ первый 75 к., выпускъ второй 75 к.; I и II выпуски вмѣстѣ 1 р. 50 к., за пересылку прилагать 25 к.

НЮМА РУМЕСТАНЪ. Романъ Альфонса Додэ. Переводъ съ французскаго. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

НАШЪ ВЗАИМНЫЙ ДРУГЪ. Романъ Чарльза Диккенса Въ двухъ частяхъ. Переводъ съ англійскаго. Цѣна 3 руб., съ перес. 3 руб. 50 коп.

БОЛЬШІЯ ОЖИДАНИЯ. Романъ Чарльза Диккенса. Переводъ съ англійскаго. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА ИЛИ ЖИЗНЬ НЕГРОВЪ ВЪ НЕВОЛЬНИЧЬИХЪ ШТАТАХЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКИ. Романъ гжи Бичеръ Стоу. Переводъ съ англійскаго, изданіе второе. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

СЪ ТЕАТРА ВОЙНЫ (1877—78). ДВА ПОХОДА ЗА БАЛКАНЫ. Соч. кн. Л. В. Шаховскаго. 1878. Ц. 2 р.

СТРАНИЦЫ ИЗЪ КНИГИ СТРАДАНИЙ БОЛГАРСКАГО ПЛЕМЕНИ. Повѣсти и разказы Любена Каравелова. 1878. Ц. 1 р. 50 к.

КЕНЕЛМЪ ЧИЛЛИНГЛИ, ЕГО ПРИКЛЮЧЕНІЯ И МНѢНІЯ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. 1874. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

ПАРИЖАНЕ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. 1875. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ЗАКОНЪ И ЖЕНЩИНА. Романъ Уилки Коллинза. 1875. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

НОВАЯ МАГДАЛИНА. Романъ Уилки Коллинза. 1873. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

ВЪДНАЯ МИССЪ ФИНЧЪ. Семейная исторія. Соч. Уилки Коллинза. 1872. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ЛЕДИ АННА. Романъ Автона Троллопа. 1874. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ДО ГОРЬКАГО КОНЦА. Романъ миссъ Брэддонъ. 1873. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

МОЯ МАТЬ И Я. Романъ автора „Джона Галифакса“. 1874. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

ВВРА. Повѣсть автора романа „Гостиница Сень-Жанъ“. Переводъ съ англійскаго. 1872. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

ПО ВОЛѢ СУДЬБЫ. Романъ Албани Фонбланка. Переводъ съ англійскаго. 1871. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ФОРМЫ ВОДЫ ВЪ ОБЛАКАХЪ И РѢКАХЪ, ВО ЛЬДѢ И ВЪ ЛЕДНИКАХЪ. Соч. Джона Тиндала. Переводъ съ англійскаго. Съ девятнадцатью рисунками въ текстѣ. М. 1873. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

РУЖЕЙНЫЙ ОГОНЬ ВЪ БОЮ (обработка боевыхъ наблюдений) соч. Н. Волоцкаго. 1881. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

О ПОДПИСКѢ

на

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

1882 года.

Годовое изданіе *Русскаго Вѣстника*, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, въ 1882 году, стѣбитъ въ Москвѣ, безъ доставки ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ 50 КОП., съ доставкою на домъ въ Москвѣ ШЕСТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ и съ почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи СЕМНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи, на углу Большой Дмитровки и Страстнаго бульвара.

Служащимъ можетъ быть дѣлаема разсрочка за ручательствомъ казначеевъ или начальства.

За заграничную доставку слѣдуетъ высылать кредитными рублями или въ векселяхъ на Москву:

Въ государства входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза: въ Англiю, Францiю, Австрию, Бельгiю, Германiю, Грецiю, Данию, Италию, Испанiю, Норвегiю, Швецию, Швейцарiю, Португалiю, Румынiю, Сербiю, Европейскую Турцiю, Голландiю, Черногорiю и Сѣверо-Американскiе Соединенные Штаты. 18 р.

Въ прочiя мѣста за границей по предварительному соглашенiю съ редакцiей.

МОСКОВСКІЕ „БОЖЬИ ЛЮДИ“

ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVIII И ВЪ XIX СТОЛѢТІИ

I.

Широкій трактъ пролегалъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія изъ Костромы на Судиславль. Верстахъ въ 20ти отъ Костромы, по пути на Судиславль, направо отъ этого тракта сворачивалъ проселокъ, на восьмой верствѣ котораго находилась бывшая монастырская деревня Старая, отчисленная въ послѣдствіи къ Грудевскому экономическому вотчинному управленію 2го участка. Находилась она всего въ четырехъ верстахъ отъ села Криушина и состояла изъ одной улицы, по одну сторону которой было шесть дворовъ, а по другую одну. Этотъ послѣдній рѣзко отличался отъ остальныхъ и богатствомъ построекъ, и величиной. Онъ представлялъ собою огромный квадратъ обнесенный избами и службами связанными между собою высокими дощатыми заборами, что все мѣстѣ составляло одну общую непроницаемую ограду. По лицевому фасу двора тянулась большая изба въ нѣсколько оконъ съ латными ставнями и желѣзными запорами. Со двора къ ней пристроена была просторная горница съ бревенчатыми теплыми сѣями и глухимъ крыльцомъ. По одну сторону этой избы находились высокія крытыя ворота съ

небольшою калиткой. Далѣе уже, по обѣ стороны избы, по линии ограды, шло нѣсколько небольшихъ избъ съ окнами и выходами во дворъ. Во глубинѣ двора былъ колодезь съ навѣсомъ въ видѣ купола, вокругъ котораго росли рябины, черемухи и другіе деревья и кусты, образуя собою небольшой садикъ. Сзади протекалъ небольшой ручей, отдѣлявшій дворъ отъ большого огорода, окруженнаго амбарами, житницами и другими службами. Невозмутная тишина и спокойствіе царили надъ этимъ жилищемъ, въ которомъ проживала крестьянка дѣвица Ульяна Васильевна со своею матерью вдовой Настасьею Алексѣевою. Это была полная, бѣлолицая, румяная дѣвушка, склонная къ быстрому ожиренію. Отецъ ея, коренной житель деревни Старой, давно умеръ, и она проживала съ матерью и нѣсколькими пожилыми дѣвучками. Двое пожилыхъ мушницъ составляли всю мужскую прислугу дома. Какъ мушницы такъ и дѣвучки проживавшія у Ульяны Васильевны были выкуплены у помѣщиковъ или Ульяной Васильевной или ея родителями и многіе проживали въ этомъ домѣ съ давняго времени. Пожилыя дѣвучки жили въ главной избѣ вмѣстѣ съ хозяйками дома и прислуживали имъ, молодыя работали въ ткацкой и бѣлацнѣ, помѣщавшихся во дворѣ. У Ульяны Васильевны было и свое хлѣбопашество, но въ небольшихъ размѣрахъ. Несмотря на такой незначительный собственный промыселъ Ульяна Васильевна слыла первою богачкой во всей округѣ. Дѣйствительно, богатое убранство дома, дорогіе, хотя и простые наряды, дорогіе лошади и экипажи, ея щедрость извѣстная всѣмъ ее знавшимъ, показывали что Ульяна Васильевна обладала средствами далеко превышавшими ея видимое общественное положеніе. Знакомство ея было громадно: многіе значительные сосѣдніе помѣщики и почти всѣ костромскіе кулцы и промышленники были въ числѣ ея хорошихъ знакомыхъ. Но кромѣ этихъ знакомыхъ въ домъ къ ней стекались не рѣдко цѣлыя толпы богомольцевъ приходившихъ въ Кострому для поклоненія образу Феодоровской Божіей Матери. Отъ нея обыкновенно эти богомольцы уходили въ село Кріушино и служили ланнихицы въ тамошней церкви. По большимъ годовымъ праздникамъ Ульяна Васильевна угощала и своихъ сосѣдей крестьянъ, но угощеніе это происходило или на просторномъ крыльцѣ, или въ широкихъ и теплыхъ сѣняхъ, ведшихъ въ пристроенную къ главной избѣ горницу. Причѣтъ Кріушинскаго прихода, къ которому

она принадлежала, считала ее самою почетною своею прихожанкой. Она и ея домашніе строго наблюдали всѣ таинства и обряды православной церкви. Она всегда принимала въ своемъ домѣ церковный причтъ съ молитвой, крестомъ и св. водой, гостеприимно угощала и щедро надѣлала. Кромѣ того она подавала богатые вклады въ Кріушинскую церковь, ветхую и постоянно нуждающуюся въ ремонтѣ. Особенно чтала она день Покрова Пресвятыя Богородицы. Въ этотъ день она совершала поминовеніе по своимъ умершимъ предкамъ и служила панихиды на ихъ могилахъ находившихся около Кріушинской церкви. Особенно же въ этотъ день она поминала своего прапрадѣда Давида Филипповича. Несмотря на такое отношеніе ея къ православной церкви, сосѣди ея хотя и относились къ ней съ уваженіемъ и старались говорить о ней съ замѣтною сдержанностію и осторожностію, однако же скрывали что Ульяна Васильевна и ея домашніе были „по другой вѣрѣ“. Эта другая вѣра, по которой была, по мнѣнію сосѣдей, Ульяна Васильевна, была вѣра „людей божіихъ“, въ просторѣчій называемая „христовщиной“ отъ слова „христовщина“, характеризующаго это вѣроученіе, сущность котораго заключается въ томъ что Богъ самъ непосредственно руководитъ путями людей своихъ, для чего періодически волеющается въ избранныхъ своихъ. Ульяна Васильевна, по глубокому убѣжденію „людей божіихъ“, была послѣдней земною отраслью самого „живаго превышняго Бога Саваоа“, которымъ по ихъ вѣрованіямъ былъ прапрадѣдъ ея Давидъ Филипповичъ, по которомъ она творила ежегодныя поминки въ день Покрова Пресвятыя Богородицы.

Всѣ мѣстическія сказанія „людей божіихъ“ связаны съ описаннымъ нами домомъ Ульяны Васильевны. По этимъ преданіямъ Господь Богъ просвѣтилъ божественнымъ ученіемъ своимъ Іерусалимъ, а верховный и богатый гость Давидъ Филипповичъ просвѣтилъ Россію, начавъ свое просвѣщеніе съ Костромы—верховой стороны. Давидъ Филипповичъ прежде былъ переkreщенецъ и имѣлъ много старообрядческихъ книгъ. Потомъ отрѣшившись отъ земнаго начала и вмѣстивъ въ свою пречистую плоть самого Господа Саваоа, сошедшаго съ неба на гору Городицу съ ангелами и архангелами, Давидъ Филипповичъ, ставъ вмѣсташцемъ божества, сталъ получать отъ него наставленія и

творить чудеса. Поэтому всѣ свои книги бросилъ въ Воугу и заповѣдалъ не читать болѣе книжнаго ученія, а руководствоваться лишь внушеніями Св. Духа чрезъ вдохновеніе пророковъ и пророчицъ. Пребывалъ Данила Филипповичъ въ Костромской верховней сторонѣ въ деревнѣ Старой, въ своемъ „божьемъ домѣ“, горнемъ Сионѣ, и проповѣдывалъ вѣру истинную „людей божіихъ“. И свѣдалъ про то патріархъ Никонъ и сталъ онъ преслѣдывать Данила Филипповича жестоко преслѣдовать. Преслѣдовалъ онъ его тридцать лѣтъ и не могъ поймать. * И поѣхалъ Данила Филипповичъ къ Макарію на ярмарку и заѣхалъ къ своему возлюбленному сыну Ивану Тимофеевичу и звалъ его къ себѣ по Волгѣ въ Кострому, въ деревню Старую, и долго гостилъ тогда у своего сына возлюбленнаго Данила Филипповичъ со своимъ народомъ костромскимъ, духовными братьями, учениками вѣры истины, и много народу привелъ на луть и чудеса творилъ великія. Пошелъ богатый гость Данила Филипповичъ со своимъ сыномъ единокровнымъ Иваномъ Тимофеевичемъ на рѣку и повелъ рыбъ цѣли на берегъ, и вышла рыба на берегъ, вся на берегъ вылезла, и не осталось въ рѣкѣ ни единой рыбки. И сталъ братъ Данила Филипповичъ рыбину леца и судака, вырѣжетъ середку, приложить голову къ хвосту и опуститъ въ воду, рыба и поплыветъ. Сказалъ онъ потомъ остальной рыбѣ: цди, рыба, на свое мѣсто; рыба и поплыла и цѣдали кланялась. Народъ подивился свѣту-разуму, государю нашему поклоннася, проврѣли очи его слѣпыя и принималъ онъ святую вѣру истинную „людей божіихъ“. ** Свѣдалъ про такое великое чудо патріархъ Никонъ и поймалъ онъ Данила Филипповича у самаго Макарія Нижегородскаго и посадилъ его въ темницу темную, въ Богоявленскій монастырь. И стала мгла по всей землѣ. И освободили Данила Филипповича изъ темницы. Возвратился онъ олять въ Костромскую верховную сторону, въ деревню Старую, въ свой божій пресвѣтлый домъ. И пришелъ

* Дѣло о хлыстахъ задержанныхъ въ 1844 году у Мавры Федоровой, т. I. лл. 107—142, т. II лл. 53 и 54 (*Московский Центральный Архивъ Старыхъ Дѣлъ*, дѣло № 414) и дѣло о хлыстахъ задержанныхъ въ 1837 году т. II а т. VI, лл. 1—12.

** Дѣло о хлыстахъ 1844 года т. II лл. 1—8, 39—41, 53—57 (*Московский Центральный Архивъ Старыхъ Дѣлъ*, дѣло № 414).

къ нему сюда избранный сынъ его Иванъ Тимофеевичъ и воли они бесѣдъ тихія, кроткія, божественныя. Далъ онъ божество Ивану Тимофеевичу и три ночи ораду возмощило съ нимъ при свидѣтеляхъ на небо.

Изъ этого же дома, по тѣмъ же преданіямъ, Данила Филипповичъ, предъ своею кончиною, въ 1699 году, хадилъ въ Москву на свиданіе со своимъ сыномъ Иваномъ Тимофеевичемъ и возвратясь тутъ же и умеръ, достигнувъ глубокой старости, на сотомъ году своей жизни. Погребенъ онъ, по преданію, около церкви села Крюшана, и когда его хоронили, го

Лѣса къ землѣ преклонялся,
А кресты въ Костромѣ на церквахъ
Къ той сторонѣ наклонялися....

Вотъ этого-то богатаго гостя Данила Филипповича послѣднюю земною отраслю, то-есть прамую правнучкой, сыла у „людей божіихъ“ Ульяна Васильевна. Поэтому неудивительно что она служила для нихъ предметомъ не только глубокаго благоговѣнія, но и прямого обожанія. Со всѣхъ концовъ Россіи стекались „люди божіи“ поклониться ей и ея дому. Подъ видомъ поклоненія Костромской Феодоровской Божіей Матери они отправлялись въ Кострому, останавливались тамъ лишь на самое короткое время и спѣшили въ деревню Старую, въ домъ Ульяны Васильевны, съ послыными приношеніями. Иные же, для большаго подвига, отправляли возы съ подарками со своими работниками, или оставляли лошадей въ Костромѣ, а сами, нарочно выбирая болотистыя и тернистыя тропинки, пѣшкомъ шли въ деревню Старую. Предваряемая заблаговременно о такихъ посѣщеніяхъ письмами содержателя литейныхъ домовъ въ Костромѣ и Судиславлѣ, Ульяна Васильевна ожидала посѣтителей. Ея дѣвушки сторожили у воротъ, и только что поклонники, подойдя къ дому, успѣвали поцѣловать священныя для нихъ ворота, калитка отворчалась, ихъ впускали и отводили имъ помѣщеніе въ одной изъ пустыхъ избъ. Послѣ отдыха поклонники допускались къ Ульянѣ Васильевнѣ, ладали ей въ ноги, цѣловали ея руки. Иные при этомъ крестились и проливали слезы умиленія. Знакомыхъ и незнакомыхъ одинаково угощали и прицѣмали въ домъ Ульяны Васильевны, съ тою лишь разницей что знакомыхъ и болѣе именитыхъ поклонниковъ угощали въ

комнатахъ самой Ульяны Васильевны и въ ея присутствіи, а остальныхъ въ комнатахъ ея дѣвушекъ. Послѣ этого странники отправлялись въ село Кріушино на поклоненіе могилъ Давиды Филипповича и служили лампахи въ Кріушинской церкви. Въ это время въ домъ Ульяны Васильевны готовились особые хлѣбы замѣненные на водѣ изъ ея „священнаго“ колодца и готовились стлянки съ этою же водою. Этими хлѣбами и водою Ульяна Васильевна на прощаньи снабжала странниковъ. Хлѣбъ этотъ и воду „люди божіи“ привозили на родину какъ величайшую святыню и распределяли между своими родными и знакомыми своего согласія, и каждый хранилъ свою долю у образовъ. Небольшія частицы ихъ они клали въ годовые запасы муки, въ соленья, а также сѣдали такія частицы предъ отправленіемъ въ церковь въ день принятія Св. Таинъ Христовыхъ. Кромѣ того и сама Ульяна Васильевна разсылала эти хлѣбы и воду черезъ вѣрныхъ людей въ нѣкоторыя мѣстности къ знакомымъ „людямъ божьимъ“, въ томъ числѣ и въ Москву къ нѣкоторымъ настоятельницамъ „кораблей“*, о которыхъ будетъ сказано далѣе.

Ульяна Васильевна иногда также и сама навѣщала нѣкоторые корабли „людей божіихъ“. Сначала она ѣздила въ сопровожденіи матери, а по ея смерти, случившейся въ тридцатыхъ годахъ, въ сопровожденіи одной изъ своихъ дѣвушекъ. Ѣздила она въ Кострому, Плесо, Судиславль, село Воронье и Москву. Въ Москву она ѣздила почти ежегодно, и эти поѣздки ея были наиболѣе торжественны. Но прежде описанія этихъ поѣздокъ Ульяны Васильевны постараемся описать состояніе московскаго общества „людей божіихъ“ къ этому періоду времени. Предварительно же считаю великимъ высказать нѣсколько соображеній по поводу приведенныхъ преданій.

Судя по всѣмъ преданіямъ „людей божіихъ“, трудно не прійти къ тому заключенію что несмотря на всю сказочность и мифическій характеръ ихъ деталей ядро этихъ преданій, освобожденное отъ своей сказочной обстановки, должно состоять въ томъ что во второй половинѣ XVII вѣка въ

* Корабль то же что приходъ, общество людей божіихъ, сосредоточившихся около извѣстнаго учителя или учительницы.

Костромскихъ предѣлахъ и именно въ деревнѣ Старой долженъ былъ дѣйствительно существовать одинъ изъ первыхъ вѣроучителей „людей божіихъ“, который потомъ въ ихъ легендарныхъ сказаніяхъ является подъ именемъ Господа Савана Давилы Филипповича. Отрицать его дѣйствительное существованіе въ виду всей массы преданій, съ величайшею настойчивостію устанавливающихъ историческое бытіе этой личности, едва ли представляется возможнымъ. Въ особенности это представляется невозможнымъ въ виду того обстоятельства что всѣ легендарныя сказанія о Давилѣ Филипповичѣ приурочиваются исключительно къ одной мѣстности: деревнѣ Старой, близъ города Костромы и села Криушица. Невѣроятно чтобы безо всякихъ историческихъ основаній, безо всякой точки опоры въ дѣйствительности, эта ничтожная деревушка сосредоточила на себѣ вниманіе, почетъ и благоговѣніе всего міра людей божіихъ. Нельзя допустить мысли чтобы, безо всякихъ историческихъ данныхъ, „люди божіи“ всего лица Россіи перенесли на эту глухую, безвѣстную деревушку самыя священныя воспоминанія о происхожденіи своего вѣроученія, связали съ нею всю исторію своего культа. По всему слѣдуетъ полагать что въ указанное время въ деревнѣ Старой дѣйствительно проживалъ и проповѣдывалъ свое ученіе одинъ изъ первѣйшихъ вѣроучителей секты, что онъ дѣйствительно носилъ имя Давилы и что онъ былъ наставникомъ и учителемъ перваго „христа“ „людей божіихъ“, Ивана Тимофеевича Суслова, а можетъ-быть и нѣкоторыхъ другихъ первыхъ учителей и пророковъ секты. По всѣмъ вѣроятіямъ это былъ одинъ изъ послѣдователей Калитона Давиловскаго, проповѣдывавшаго въ Костромскихъ предѣлахъ во второй половинѣ XVII вѣка и отвергшаго уже и всякое единеніе съ церковью, и видимыя храмы, и таинства, и всякое вообще церковное руководство. Этотъ послѣдователь могъ въ своемъ отрицаніи пойти далѣе своего учителя, отвергнуть всякое вообще посредничество между Богомъ и людьми и дойти до ученія о непосредственномъ руководствѣ людей самимъ Богомъ черезъ непосредственное вдохновеніе Св. Духа и вселеніе въ избранниковъ самого Божества, что составляетъ сущность догматики „людей божіихъ“. Ознакомленіе учениковъ этого первоучителя изъ деревни Старой, Давилы Филипповича, съ проповѣдью Кульмана могло дать ученію Давилы Филипповича.

дальнѣйшее развитіе и сообщить ему тотъ характеръ какой оно имѣетъ въ вѣроученіи „людей божіихъ“. А что ересь Кульмана имѣла значительное вліяніе на дальнѣйшее образованіе вѣроученія „людей божіихъ“ и способовъ ихъ богомоленія, на это имѣются документальныя указанія въ слѣдственномъ дѣлѣ о квакерской ереси въ Москвѣ 1733 и 1734 годовъ и въ дѣлѣ о хамстахъ открытыхъ въ Москвѣ на сборищѣ у мѣщанки Борисовой 15 іюня 1837 года. *

II.

Московское общество „людей божіихъ“, возникшее въ 1700 годахъ и организованное первымъ „христомъ“ ихъ Иваномъ Тимофеевичемъ Сусловымъ, при содѣйствіи старицъ и бѣлицъ Настасьи Карловой, Мары Трофимовой, Мары Павловой и другихъ учителей и „пророковъ“, въ первой половинѣ XVIII вѣка пережило два періода жесточайшаго „гонительнаго“ времени. Первымъ такимъ періодомъ былъ розыскъ о квакерской ереси 1733 и 1734 годовъ, окончившійся казнями старицъ Настасьи Карловой, Мары Трофимовой, иноковъ Тихона и Филарета, всеароднымъ наказаніемъ кнутомъ со осмылкой многихъ другихъ старицъ, учителей и „пророковъ“. За этими казнями на цѣлыя семь лѣтъ „настало древнее молчаніе и престаи пророчества“. Вторымъ такимъ періодомъ былъ еще болѣе страшный розыскъ 1746—1752 годовъ. Этому розыску, со всѣми тогдашними его ужасами, подверглись одновременно около 400 человекъ московскихъ и около 100 человекъ иногородныхъ „людей божіихъ“. По окончательному приговору третій „христокъ“ „людей божіихъ“, юродивый Андреянъ Петровъ, со всѣми своими „пророками“ въ числѣ 34 человекъ, по наказанію кнутомъ, были сосланы въ каторжную работу въ балтійскій портъ Рогервикъ. Двадцать восемь учительницъ и „пророчицъ“, также по наказанію кнутомъ, сосланы были въ вѣчную работу на отдаленныя фабрики. Главныя учительницы старицы, Варсонофьевскаго монастыря Евфросинья Панфилова и Егорьевскаго Ксенофонта Иванова, высвѣчены были шеледами и сосланы

* Дѣло канцеляріи московскаго генералъ-губернатора 1837 года и дѣло о квакерской ереси 1733 и 1734 годовъ въ Моск. арх. Мин. Юст.

въ тяжкую работу въ отдаленнѣйшіе монастыри. Простые согласники, въ числѣ двухсотъ шестидесяти человекъ, частью отданы въ солдаты и матросы, частью же оселены въ Рогервикъ. Сто тридцать человекъ, одни по наказанію кастели, другіе безъ наказанія, водворены въ мѣстоцѣ своего жительства. * Въ этотъ приговоръ не вошли сто шестидесятъ семь человекъ, еще въ началѣ розыска успѣвшимъ разбѣжаться по разнымъ губерціямъ и неразмочканнымъ. Эти-то бѣглецы, вмѣстѣ съ высланными изъ Москвы приговоренными согласниками, ревностно послужили дѣлу строенія и распространенія секты по всему лицу Россіи, такъ что розыскъ 1746—1752 года оказался обоюдоострымъ оружіемъ. Если въ Москвѣ результатомъ его было совершенное подавленіе секты на многіе годы, то въ другихъ мѣстностяхъ Россіи онъ повелъ къ лучшей организаціи секты и возникновенію ея тамъ гдѣ ея до того не существовало. Розыскъ этотъ, создавъ сектѣ цѣлый рядъ новыхъ „мучениковъ“ и „мученицъ“ за вѣру, доставилъ ей въ то же время въ провинціяхъ около двухсотъ закаленныхъ бойцовъ высланныхъ изъ Москвы по приговору или бѣжавшихъ оттуда во время розыска. Вышедши цѣлыми изъ бѣды, при тѣхъ страшныхъ условіяхъ при которыхъ тогда производился розыскъ, они, весьма лояльно, въ глазахъ своихъ провинціальныхъ собратій являлись героями, которыхъ не могла одолѣть даже самая страшная тайная канцелярія, что само собой дѣлало авторитетъ ихъ несомненнымъ.

Не таковъ былъ результатъ этого розыска въ Москвѣ: нужно было пройти не одному десятку лѣтъ, нуженъ былъ цѣлый послѣдовательный рядъ либеральныхъ въ отношеніи раскола мѣръ императора Петра III и Екатерины II, чтобы мало-по-малу проглотить ужасный кошмаръ событій 1746—1752 годовъ. Такимъ образомъ лишь около 1770 годовъ, уже послѣ московскаго „мора“, секта „людей божіихъ“ въ Москвѣ начала обнаруживать легкіе симптомы жизни.

И въ этотъ періодъ времени дѣлу строенія секты не мало послужили прежніе пріюты ея—Рождественскій, Егорьевскій и Ивановскій женскіе монастыри. Никакія казни и ссылки не могли окомчатально искоренить въ нихъ симпатій къ сектѣ и ея старыхъ преданій. Да оно и понятно: никакими

* Первое Полное Собраніе Зак. Росс. Имп. т. XIV, № 10.664.

какими нелзя заставить человека сласать свою душу иными способами ~~нужда~~ тѣ которые онъ единственно считаетъ спасительными, какъ бы онъ жестоко ни заблуждался въ этомъ отношеніи.

Такимъ образомъ около 1770 годовъ въ Рождественскомъ монастырѣ появляется уже нѣсколько принадлежащихъ къ сектѣ „людей божіихъ“ бѣлицъ жившихъ въ собственныхъ, откупленныхъ кельяхъ. Таковы были: крестьянки Московскаго уѣзда, экономической деревни Меттина, Настасья Осипова, указница монастыря, крестьянки Владимірскаго уѣзда, деревни Глыбашевой, Елена и Дарья Алятовы, заведшія въ своихъ кельяхъ плетеніе шнурковъ и посковъ, московская мѣщанка Матрена Вахрамѣева и бѣлица Елизавета Иванова, заведшая у себя въ кельѣ школу для обученія дѣвочекъ грамотѣ. Въ Ивановскомъ монастырѣ такая же сектантка Настасья Федорова завела также размотку бумаги и шелку. Онѣ брали къ себѣ дѣвочекъ, и смотря по наклонностямъ, учили ихъ грамотѣ или мастерствамъ. Проживая тутъ съ малыхъ лѣтъ, дѣвочки конечно не знали другихъ религіозныхъ вѣрованій кромѣ „вѣры людей божіихъ“, и потому понятно что въ нихъ „сестры“ безъ особеннаго со своей стороны труда воспитывали своихъ послѣдовательницъ и наперсницъ. Кромѣ того воспитательницы выкупали этихъ дѣвочекъ отъ помѣщиковъ, если которыя-нибудь изъ нихъ были крѣпостными. Тѣмъ изъ нихъ въ которыхъ замѣчали особенную ревность къ „вѣрѣ“ и способности къ учительству, сестры помогали въ послѣдствіи открывать собственные шнурочныя или мотальныя заведенія, а остальныхъ пристраивали къ нимъ въ качествѣ мастерицъ или мотальницъ. Кромѣ того приходившіе въ Москву изъ губерній „братья“ и „сестры“ находили у этихъ бѣлицъ совѣтъ, рекомендацію, иногда даже денежную помощь. Все это впрочемъ дѣлалось подъ покровомъ тайны, съ надлежащею осторожностію и въ небольшихъ размѣрахъ.

Но вскорѣ къ этимъ скромнымъ лоборницамъ „вѣры людей божіихъ“ присоединились новые дѣятели. Около 1780 года въ Москвѣ водворились бывшіе „ло вѣрѣ людей божіихъ“ крестьяне Царскосельскаго уѣзда, села Пулкова, Федоръ Андреевъ Украинцевъ съ дочерью Лукерьею, села Большихъ Кузьминъ, Лука Ларионовъ Калугинъ, Мещовскаго уѣзда, села Утѣшева, Савелій Андреевъ Поталовъ, Жиздринскаго уѣзда,

Борисъ Григорьевъ Бердниковъ съ сестрой Ириной, Владимірскаго уѣзда, села Улыбышева, Борисъ Леонтьевъ Борисовъ, Костромскаго уѣзда, села Жадимірова, Иванъ Емельяновъ Дѣлщикъ, Ярославскаго уѣзда, деревни Бергица, Иванъ Ивановъ Торжинъ и многіе другіе. *

Всѣ эти пришельцы были зажиточные и предприимчивые люди, сразу поставившіе свои промыслы въ Москвѣ на твердой почвѣ. Всѣ они, по указаніямъ поименованныхъ выше бѣлицъ-сектантокъ, селились преимущественно вокругъ Сухаревой башни, такъ какъ съ этою мѣстностію были связаны позднѣйшія и наиболѣе важныя воспоминанія и преданія „людей божіихъ“. Тутъ, близъ Сухаревой башни, на углу третьей Мѣщанской, находилась „божій домъ“, „горній Сіонъ“, домъ о шести свѣтлицахъ „христа“ Андреяна Петрова. Тутъ вдалеко находится церковь Ивана Воина, близъ которой было похоронено тѣло учительницы „богородицы“ Марьи Павловой. Близъ Сухаревой же башни находились главные моленныя послѣдне-сосланныхъ „людей божіихъ“ и ихъ приходскія церкви: моленная Григорія Саложникова на Срѣтенкѣ, Ивана Сафьянникова, въ приходѣ церкви Св. Сергія въ Пушкаряхъ, моленная Садовникова въ приходѣ церкви Св. Николая Драчи, церковь Адриана и Наталіи, бывшая приходскою церковью Андреяна Петрова и нѣкоторыхъ его пророковъ. Такою же отчасти въ глазахъ „людей божіихъ“ была и соседняя мѣстность вокругъ Красныхъ Воротъ, гдѣ въ 1730 годахъ была моленная втораго „христа“ Прокофія Лулкина. Поэтому прибывавшіе послѣ „мору“ въ Москву „люди божіе“ облюбили всю Сухаревку, Пушкарское, Срѣтенку и приходъ Трехъ Святителей вокругъ Красныхъ Воротъ. Въ Мѣщанской части они селились по всѣмъ четыремъ Мѣщанскимъ, ближе къ Сухаревкѣ, Троицкомъ и Сласскомъ переулкахъ, въ Срѣтенской части—по Сухаревской площади, Колосовскому, Сергіевскому, Просфоринскому и Черногряжскому переулкамъ, въ Басманной—по Харитоньевскому и Жеребцовскому переулкамъ. Такъ Украинцевъ, Калугинъ и нѣкоторые другіе заняли Колосовъ переулокъ, Борисовъ поселился по первой Мѣщанской, Дѣлщикъ и Торжинъ на Черногряжкѣ у самой части, Бердникова—на Срѣтенкѣ и т. д.

* Дѣло о хлыстахъ открытыхъ 15 іюня 1837 года у мѣщанки Борисовой, т. 2й и дѣло о хлыстахъ задержанныхъ въ 1844 году (Моск. Арх. Стар. Дѣл., № 414).

Слуста два, три года, по вызову Украинцева, изъ Пулкова и Кузьминскъ переселились въ Москву и устроились въ Колосовомъ переулкѣ родственники и земляки Украинцева Душины, Шестовы, Ивановы, Макфевы и другіе. Всѣ эти семьи подъ влияніемъ Украинцева и Рождественскихъ бѣлицъ въ весьма непродолжительномъ времени присоединились къ вѣрѣ „людей божіихъ“. Въ то же время прибывали въ Москву и селились въ указанной выше мѣстности и коренные „люди божіи“. Прибывъ сюда, они, весьма поматно, примыкали къ кораблю, центромъ котораго былъ Колосовъ переулокъ и домъ Украинцева. Украинцевъ же, по самой силѣ вещей, сталъ во главѣ сформировавшагося такимъ образомъ въ Москвѣ въ концѣ XVIII столѣтія общества „людей божіихъ“. Онъ отдѣлялся „кормщикомъ“ корабля и какъ человекъ желѣзнаго характера и въ то же время высокой нравственности и весьма заботливый сохранялъ за собой это положеніе до самой смерти своей. Въ его домѣ открывались молитвенныя собранія и раднія „людей божіихъ“, „престало древнее мамлаіе“ и „отверзла уста свои пророки“. Созывала такіа собранія и Ирина Бердникова въ своемъ домѣ въ Харитовьевскомъ переулкѣ, но и тамъ руководилъ и первенствовалъ Украинцевъ. *

Но эти собранія вскорѣ перестали удалять общество. Съ молебными Украинцева и Бердниковой не была связаны преданія секты, на нихъ не лежала печать древности, что и лишило ихъ характера особой святости, а чрезъ то и вероуныя привошенія со стороны провинціальныя собранія. Привошенія же были необходимы для особія бѣднымъ собраніямъ, для помощи пришельцамъ, для поддержки начинающихся и на ублаженіе всѣхъ кого ублажить необходимо было. Поэтому „люди божіи“ обратили свои взоры на дома стояшіе на углу третьей Мѣщанской и Малой Сухаревки и напротивъ по той же Малой Сухаревской площади. Первый домъ, какъ уже сказано, былъ „божьимъ домомъ“, „горимъ Сіономъ“ „христа“ Андреяна Петрова, а во второмъ до 1746 года была моленная его сотрудника Саножникова. Воспоминаніе о тѣхъ „тихихъ кроткихъ бесѣдахъ и ангельскихъ ликованіяхъ“, которыя такъ долго происходили въ этихъ домахъ и тѣ пытки и трагическій конецъ, которые

* Дѣло о хлыстахъ задержанныхъ въ 1844 году, т. I, лл. 106—136 и др. т. II (Моск. Арх. Стар. Дѣл., № 414).

постылаи ихъ домовладыкъ Андреяна Петрова и Саложникова, окружили эти дома въ глазахъ „людей божіихъ“ ореоломъ величайшей святости. Съ теченіемъ времени память о дѣйствительныхъ личностяхъ Андреяна Петрова и его пророковъ утратилась, но память о великихъ бесѣдахъ и ликованіяхъ, невыблемой святости этихъ домовъ и „мученичества“ ихъ хозяевъ сохранялась твердо и съ теченіемъ времени принимала сказочный, легендарный характеръ. Около этихъ домовъ сгруппировались тѣ легенды и преданія о которыхъ упоминается въ началѣ этого очерка, но въ нихъ дѣйствительно игравшія роль личности Андреяна Петрова и его пророковъ замѣнили никогда не жившія въ этихъ домахъ „христосъ“ Иванъ Тимоѣевичъ Сусловъ и его названный отецъ „богатый гость“ Данила Филипповичъ. И такимъ образомъ твердо установилось преданіе что въ этихъ домахъ пребывалъ самъ Иванъ Тимоѣевичъ Сусловъ и вмѣстѣ съ „превышнимъ богомъ“ „господомъ савоѣомъ“ Даниломъ Филипповичемъ творилъ свои святые вечера. * Въ 1745 году оба дома были конфискованы и долго находились во владѣніи казны, но послѣ „мору“ перешли въ частныя руки и около 1780 годовъ принадлежали первый купцу Михѣеву, а послѣдній графу Мартыну Карловичу Скавронскому. ** Около 1790 года домъ Андреяна Петрова приобрѣла ревностная послѣдовательница секты московская кулчиха Ульяна Васильева Снурочникова, а домъ Саложникова—упоминавшійся выше—Борисъ Леонтьевъ Борисовъ. ***

Дворъ Андреяна Петрова составлялъ неправильный квадратъ выходившій одною стороною на Малую Сухаревку, другою на 3 Мѣщанскую, третьею граничилъ съ сосѣднимъ дворомъ по 3й Мѣщанской, а четвертою стороною, противоположною 3ю Мѣщанской, примыкалъ къ дворовому мѣсту гжи Орловой. Отступала значительно отъ угла Сухаревки, по третьей уже Мѣщанской расположенъ былъ главный корпусъ—„домъ о шести свѣтлицахъ“, въ которомъ до 1745 года проживалъ Андрейанъ Петровъ. Корпусъ этотъ тянулся отъ

* То же дѣло т. I, лл. 106—136, т. IV лл. 90, 149 и 150.

** Ibidem т. II, л. 89.

*** Ibid т. IV, лл. 90, 149 и 150, т. I, лл. 106—136, т. II, лл. 77—79 и дѣло о хыстахъ открытыхъ въ 1837 году у Борисовой т. II, лл. 153—152 и 174.

самой улицы далеко въ глубь двора по направленію къ мѣсту Орловой. Далѣе по направленію къ тому же дворовому мѣсту Орловой вплоть до него, начиная отъ праваго внутренняго угла этого дома шелъ заборъ отдѣлявшій садъ, въ которомъ при Андреянѣ стояла его домовая деревянная о трехъ прѣдѣлахъ церковь. Отъ третьей Мѣщанской до этого сада оставался небольшой задній дворикъ, имѣвшій особый выѣздъ на третью Мѣщанскую. На этомъ дворикѣ, на самой межѣ съ соседнимъ дворомъ, стояла длинная, узкая кирпичная изба въ десять оконъ, съ фундаментомъ лишь подъ стѣнами, имѣвшая входъ со двора. Это и была та „приворотная свѣтлица“ въ которой проживали наперсники Андреяна—учитель Иванъ Ивановъ Башмачниковъ или Бѣлый и капитанъ Смуригинъ, и въ ней найдено было въ 1746 году въ землѣ подъ поломъ караульными солдатами тѣло пріемной матери Андреяна „богородицы“ Марѣы Павловой, погребенное потому близъ церкви Ивана Воина, на кладбищѣ „неимущихъ“. Отъ главнаго дома и сада къ Сухаревкѣ тянулся передній дворъ, имѣвшій также особый выѣздъ на Сухаревку. Входъ въ домъ Андреяна Петрова былъ съ передняго двора. Сквозными сѣнами онъ раздѣлялся на двѣ половины: двѣ комнаты направо (отъ двора), гдѣ и происходили „бесѣды“, и четыре налево, гдѣ жилъ Андреянъ. *

Ульяна Васильевна Смурочникова проживала съ пожилою сестрой Матреной Васильевной, съ двумя старухами служанками, и въ прежнемъ своемъ домѣ у церкви Адриана и Натальи имѣла небольшое шнурочное заведеніе, на которомъ работало около десяти дѣвушекъ. Перейдя въ домъ Андреяна, она поселилась на лѣвой половинѣ главнаго корпуса, а на правой устроила молельную. Въ передней комнатѣ поставлены были сундуки, столы и скамейки; здѣсь предполагалось дѣлать обѣды послѣ моленій. Во второй комнатѣ, выходящей окнами въ садъ и на задній дворикъ, устроены были по всей передней стѣнѣ, ближе къ потолку, полки и уставлены старинными образами въ серебряныхъ ризахъ, а также ладанницами, курильницами, стаканами и подсвѣчниками. Многіе изъ этихъ предметовъ принадлежали въ свое время самому Андреяну Петрову, проданы съ аукціона, и въ послѣдствіи

* Дѣло 1837, т. II, лл. 137—175 и дѣло объ открытой въ Москвѣ въ 1745 году квакерской ереси.

выкуплены „людьми божіими“. Въ обоихъ переднихъ углахъ были повѣшены ланникадила въ нѣсколько свѣчъ каждое. Вокругъ стѣнъ въ нѣсколько рядовъ поставлены были узенькія скамейки для „братій“. Въ стоящемъ на переднемъ дворѣ и выходившемъ лицевымъ фасомъ на Сухаревку флигель Уляяна Васильевна Смурочникова устроила сновальное заведеніе въ большихъ размѣрахъ, на которомъ работали дѣвушки принадлежавшія къ сектѣ. Сзади этого флигеля, внутри переднего двора, параллельно Сухаревской Малой площади, она поставила высокій каменный брантъ-мауеръ, скрывавшій комнаты моленной не только отъ Сухаревки, но и отъ флигеля, куда могли заходить постороннія лица. На заднемъ же дворикѣ она пристроила къ главному дому флигелекъ на случай прихода иногородныхъ братій и ночлега молящихся. Устроивъ все это Смурочникова открыла моленные собранія и радвнія, на которыя сходились „божьи люди“ не только изъ Москвы, но и иногородные. Моленная ея вскорѣ стала извѣстна „людямъ божіимъ“ какъ ихъ древнѣйшій „домъ божій“. На эту моленную подавались значительныя вклады и завѣщались капиталы и движимыя имущества „на поминъ души“. Въ то же время увеличивалось и личное состояніе Смурочниковой, отличавшейся большою оборотливостію и умѣренностію жизни. Въ восьмисотыхъ годахъ ея оборотный капиталъ по шнурочному производству дошелъ до двухсотъ тысячъ ассигнаціями,—размѣра небывалаго въ то время. Кромѣ дѣвушекъ, работавшихъ на ея собственномъ шнурочномъ заведеніи, она давала работу на дома въ такомъ громадномъ количествѣ что на нее работали въ городѣ до трехсотъ дѣвушекъ. *

Борисъ Леонтьевъ Борисовъ также открылъ моленную въ своемъ новокупленномъ домѣ, но она въ это время не пользовалась еще такою широкою извѣстностію и такимъ уваженіемъ какъ „божій домъ“ Смурочниковой. Самъ Борисовъ торговалъ краснымъ товаромъ и также составилъ себѣ значительное состояніе.

Жизнь тогдашняго общества „людей божіихъ“ въ Москвѣ имѣла однообразный характеръ. Въ домахъ наиболѣе зажиточныхъ лицъ были моленные, въ которыхъ по нѣскольку разъ въ годъ происходили моленные собранія. И въ эти моленные

* Дѣло 1837, т. II, лл. 173—175 и дѣло 1844, т. I.

дѣлались пожертвованія и завѣщались имуществомъ, хотя и въ значительно болѣе скромныхъ размѣрахъ. Всѣ почти женщины и часть мужчинъ занимались шнурочнымъ, мотальнымъ и поясочнымъ дѣломъ. Шнурки шли въ Гостиный Дворъ, пояски шли крестьянамъ и въ большомъ количествѣ раскулались самими людьми божіими, которые опоясывались ими при моленіяхъ. Остальные мужчины вели на Сухаревкѣ и вокруг нея мучную, овощную и ягодную торговлю. Борисовъ почти одинъ торговалъ краснымъ товаромъ. Безбрачіе, тишина, воздержность во всемъ, скромность, трудолюбіе и замкнутость жизни характеризовали тогдашнее общество людей божіихъ въ Москвѣ. Если и были между членами секты жеватые, то и тѣ жили съ женами какъ съ сестрами (въ лосестріи). Хмельные напитки, веселыя пѣсни, пирушки, вечеринки и другія тому подобныя невнятыя удовольствія были положительно изгнаны изъ домовъ „людей божіихъ.“ Почти въ каждомъ домѣ гдѣ были пожилыя хозяйки, проживало по нѣскольку молодыхъ и пожилыхъ дѣвушекъ при шнурочныхъ, поясныхъ и мотальныхъ заведеніяхъ. Обыкновенно это были или дальнія родственницы или дочери знакомыхъ бѣдныхъ крестьянъ, выкуленные у помѣщиковъ, или сироты, или малолѣтнія нищенки ходившія по міру. Ихъ старались обласкать, смолоду приучить къ терпѣливой усидчивой работѣ, приучить къ мастерству и вполнѣ освоить съ удивительною, изолированною отъ остальнаго міра жизнью. Въ то же время старались внушить имъ уваженіе и повиновеніе къ хозяевамъ и старшимъ. А затѣмъ уже исподоволь успѣвали вкоренить въ нихъ и самыя вѣрованія секты, тѣмъ болѣе что вслѣдствіе исключительной жизни въ этой средѣ у этихъ дѣвушекъ постепенно самъ собою утрачивался тотъ скудный запасъ религіозныхъ правилъ, который они выносили изъ родительскаго дома. Приобрѣтеніе прозелитовъ изъ мужчинъ не могло идти такъ успѣшно. Но и здѣсь много помогали съ одной стороны строго-нравственная и для неопытнаго глаза истинно-религіозная жизнь членовъ секты, невольно покорявшая имъ сердца молодыхъ людей, которыхъ жизнь приводила въ солпикосмовеніе и особенно въ зависимость отъ членовъ секты, а съ другой возможность со стороны послѣднихъ доставить молодымъ прозелитамъ спокойную и удобную службу по разнаго рода промысламъ. Успѣху прозелитизма не мало способствовалъ также и неизмѣнно

существовавшій въ обществѣ „людей божіихъ обычаевъ“ взаимнаго вспоможенія. Молитвенныя собранія секты всегда заканчивались поминальными обѣдами. Во время этихъ обѣдовъ всякій зажиточный членъ собранія дѣлалъ посильное денежное пожертвованіе въ пользу находившихся на обѣдѣ бѣднѣйшихъ собратій. Тутъ же дѣлались и раскладки кому изъ зажиточныхъ членовъ секты, по скольку и какихъ именно бѣдныхъ „братьевъ“ и „сестеръ“ принять на свое постоянное поочеченіе. Объ этихъ бѣдныхъ ихъ покровитель или покровительница заботилась уже постоянно, помогая имъ съѣстными приласами и деньгами. Одинокихъ дѣвушекъ и старухъ не могшихъ почему-либо пропитать себя своими трудами самостоятельныя женщины принимали къ себѣ въ домъ на полное содержаніе. Этотъ обычай, при увѣренности каждаго члена секты что онъ въ нуждѣ найдетъ въ своихъ собратіяхъ не только совѣтъ, но и дѣйствительную помощь, не мало привлекалъ въ секту бѣдныхъ людей, вошедшихъ почему-либо въ близкія къ ней отношенія. Единomyслие же въ вѣрѣ и значительная общность полатій, нравовъ и образа жизни, въ связи съ этимъ высокогуманнымъ обычаемъ, служили для общества тою связью которая соединяла всѣхъ его членовъ въ одно неразрывное цѣлое *.

III.

„Люди божіи“ корабля Украинцова, какъ сохранившіе въ возможной чистотѣ ученіе „господа саваога“ Даниила Филипповича и Ивана Тимофеевича Сулаова и старавшіеся не смѣшиваться съ возникшею въ то время сектой „бѣлыхъ голубей“, именовали себя „господствующими“, въ отличіе отъ тѣхъ которые имѣли религиозное общеніе съ „бѣлыми голубями“ и смѣшивались иногда съ ними въ молитвенныхъ собраніяхъ **.

Украинцевъ умеръ около 1780 года. Съ его смертію званіе старѣйшины и кормчика корабля „господствующихъ“ принялъ на себя племянникъ его Лука Ларионовъ Калугинъ, сестра котораго Матрена, имѣвшая необыкновенную память,

* Дѣло 1844. Т. 1, лл. 106—140 и др. и дѣло 1837. Т. 8-й лл. 1—8.

** То же дѣло. Т. 1-й лл. 106—118 и 127—133.

была настоящимъ ковчегомъ преданій и сказаній секты, и на всѣхъ молитвенныхъ собраніяхъ исполняла должность указницы. Къ ней обращались со всеми вопросами и недоумѣніями, касавшимися порядка моленій и воспоминаній о прежнихъ дѣлахъ и дѣтеляхъ секты.

Такимъ образомъ центръ тяжести секты, по наружности по крайней мѣрѣ, перемѣстился изъ дома Лисиныхъ, гдѣ жилъ Украинцевъ, въ домъ Шестовыхъ, въ Колосовомъ же переулкѣ, гдѣ жилъ Калугинъ. Но тяготѣніе общества къ Калугину и къ дому Шестовыхъ было весьма слабо. Съ одной стороны и самому Калугину не доставало того настойчиваго и энергичнаго характера, благодаря которому Украинцевъ въ значительной степени способствовалъ организациі разсѣянаго и залуганнаго общества и усвоенію его молитвенными собраніями прежняго строя и своего рода благолѣпія. Съ другой стороны, безусловное обаяніе „домовъ божіихъ“ Снурочниковой и Борисова парализовало значеніе дома Шестовыхъ. Поэтому Калугину и оставалась лишь роль первостепеннаго учителя на молитвенныхъ собраніяхъ, чѣмъ въ дѣйствительности и ограничивалась его дѣятельность какъ кормщика корабля.

Несравненно болѣе важное значеніе имѣла въ обществѣ Ульяна Васильевна Снурочникова, какъ по своему богатству и громадному количеству пособій ею раздаваемыхъ такъ и по своей благочестивой жизни и беззапятной преданности дѣлу „людей божіихъ“. Какъ владѣлица древнѣйшаго „божьяго дома“ въ Москвѣ, Снурочникова оказала сектѣ неоцѣненныя услуги. Возстановивъ въ немъ моленную съ невозможнымъ благолѣпіемъ, Снурочникова придала ей еще особую святость обставивъ ее многими предметами составлявшими, по преданію, утварь этого дома еще во время Ивана Тимофеевича Суслова. Въ дѣйствительности же это были предметы принадлежавшіе Андреяну Петрову, чего впрочемъ Снурочникова не знала. Оградивъ моленную отъ взоровъ постороннихъ и устроивъ при ней пріютъ для „странниковъ“, она могла открыть молитвенныя собранія въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Къ ней на моленія ходили не только всѣ члены московскаго общества „людей божіихъ“, но и цѣлородные. Имѣя по своимъ промысламъ огромное знакомство, Снурочникова завела сношенія и съ провинціальными кораблями, такъ что домъ ея въ качествѣ древнѣйшаго божьяго дома въ самомъ

непродолжительномъ времени приобрѣлъ громкую извѣстность. На поклоненіе ему начали приходить „божьи люди“ изъ многихъ мѣстностей Россіи. Въ ихъ глазахъ домъ этотъ уступалъ въ святости лишь дому „господа саваса“ въ деревнѣ Старой. Все это служило вѣрнѣйшимъ средствомъ къ поднятію нравственнаго духа секты, болѣе тѣсному обличенію между собою разбланныхъ по всему лицу Россіи кораблей и сообщенію секты надлежащей устойчивости и крѣпости, а чрезъ то и ея распространенію.

Съ дѣятельностью Смурочниковой тѣсно связана жизнь другой личности, которая въ началѣ XIX вѣка играла видную роль въ обществѣ „господствующихъ“ „людей божіихъ“ въ Москвѣ. Это былъ московскій мѣщанинъ Николай Ивановичъ Князевъ, который въ послѣдствіи несъ обязанности страпчача при обществѣ. Онъ происходилъ изъ крестьянъ Рыбинскаго уѣзда, села Еремѣйцева, деревни Терентьевой, гдѣ родился около 1790 года. Въ 1800 году онъ, по волѣ родителей, поступилъ въ услуженіе къ московскому бумажному фабриканту Насонову и заслужилъ было его довѣріе и расположеніе, но гроза неприятельской нашествія 1812 года разрушила благосостояніе Насонова, и Князевъ, 22 лѣтъ отъ роду и уже женатый, остался безо всякихъ средствъ и безъ мѣста. Но едва миновала гроза какъ Князевъ пристроился къ подрядчику столярныхъ работъ Ильину въ качествѣ надсмотрщика надъ рабочими. Это послужило для него звеномъ знакомства со Смурочниковой и связало навсегда его жизнь съ судьбой секты. Ильинъ снялъ значительныя работы въ домѣ Смурочниковой. Надсматривая за рабочими, Князевъ познакомился съ ней и услѣлъ ей поправиться. Расположеніе старухи выразилось на первый разъ въ томъ что она осудила ему двѣ тысячи руб. асс., сумму по тогдашнему времени значительную, на заведеніе своего собственнаго дѣла. Князевъ устроилъ бѣлильню полотень и миткалей, повелъ дѣло хорошо и въ скоромъ времени возвратилъ занятую сумму. Это еще болѣе усилило довѣріе къ нему Смурочниковой. По всѣмъ вѣроятіямъ, уже въ это время Князевъ вступилъ въ секту, такъ какъ около этого времени принадлежавшая къ сектѣ бѣлица Ивановскаго монастыря, Дарья Васильева, предложила ему свой капиталъ на постройку собственнаго въ компаніи съ ней дома на Самотекѣ. Но Князевъ въ своемъ локальномъ довереніи поданномъ много лѣтъ спустя, именно въ 1838 году, во

время содержанія его въ Задонскомъ Богородицкомъ монастырѣ, архимандриту Доспевю, отрицаетъ это обстоятельство. Хотя въ донесеніи этомъ Князевъ очевидно старается выродить себя и придать своимъ сношеніямъ съ сектой случайный, почти вынужденный характеръ, а свое единомысліе съ „людьми божіими“ представить въ ложномъ свѣтѣ, но такъ какъ это донесеніе представляетъ собою въ деталяхъ весьма вѣрный очеркъ жизни, вѣрованій и обрядовъ секты, то я и постараюсь сдѣлать изъ него нѣкоторыя извлеченія.

„Такъ какъ капитала Дарьи Васильевой на постройку дома было недостаточно, то я рѣшилася, говорить Князевъ, снова обратиться къ Смурочниковой за помощью. Но Ульяна Васильевна стала отклонять меня отъ этого предпріятія, говоря: кому у васъ въ домѣ жить? у васъ семья малая, а мы желали бы взять васъ къ себѣ въ домъ вмѣсто сына и наследника, ибо мы съ сестрой уже стары и слабы и близкихъ родственниковъ не имѣемъ. Но я, говорить Князевъ, не отказался отъ своего намѣренія, и Смурочникова ссудила меня деньгами.“

Но, вскорѣ по переходѣ въ новый домъ, отецъ и мать Князева умерли; овъ остался лишь съ женой, съ сестрой и малолѣтнимъ сыномъ. „Тогда, говорить Князевъ, Смурочникова и ея сестра Матрена снова стали уговаривать меня перейти жить къ нимъ въ домъ и, чтобъ окончательно на меня подѣйствовать, написали въ мою пользу духовное завѣщаніе на большую сумму. Я согласился и переѣхалъ, что было въ 1816 году. Смурочникова отвела мнѣ половину своего флигеля на переднемъ дворѣ. Служа немного времени послѣ переѣзда, Смурочникова уговорила меня оставить свое прежнее занятіе бѣльемъ полотень и завѣдывать ея шмурочнымъ производствомъ. Вскорѣ Смурочниковы завели со мною такой разговоръ:

„Нужно жить боясь Бога, говорили оны,—быть божьимъ человѣкомъ, душу сласти.

„Я отвѣчалъ что всегда боялся Бога, но что ихъ называли въ народѣ не „божьими людьми“, а хлыстами.

„На Иуса Христа произносили хулы, отвѣчала Ульяна Васильевна,—всякій божій человѣкъ долженъ со смиреніемъ переносить и хулу и поношеніе. Видишь ли, безъ этого нельзя утвердить и духовной.

„Я продолжалъ, говорить Князевъ, отказываться. Тогда Ульяна Васильевна сказала:

„Мы съ сестрой стары и нездоровы, смерть наша близка, нужно бы намъ устроить дѣла наши мірскія, прикончить и съ духовной, а ты утрамишься. Развѣ мы гибели тебѣ желаемъ? Мы желаемъ тебѣ пути истиннаго найти, душу спасти, а въ семь вѣкъ проживешь въ довольствѣ и безо всякой нужды и насъ помянешь грѣшныхъ. Ты наслушаася людскаго наговору, худы мірской на насъ. Повѣрь Богу и ангеламъ, у насъ худаго вѣтъ, какъ міръ говоритъ. Самъ посмотри, самъ разумъ имѣешь, судить можешь.“

Князевъ изъявилъ наконецъ желаніе быть принятымъ въ секту.

Принятіе это послѣдовало, по разказу Князева, 7 декабря, въ праздникъ св. пророка Давида и отроковъ Анавіи, Азаріи и Мисаила. Какъ только смерклося, въ моленную Смурочниковой собралась значительная часть общества „господствующаго“. Около дома поставлены были насторожѣ двѣ пожилыя дѣвушки, а самъ Князевъ приведенъ былъ въ праздничномъ платьѣ въ прихожую предъ моленной. Сюда вошли къ нему Ульяна Васильевна и московскій мѣщанинъ Савелій Андреевъ Паталовъ. Послѣдній былъ одѣтъ въ длинную коленкоровую рубаху, олодсанъ шелковымъ пояскомъ, въ бѣлыхъ чулкахъ и кожаныхъ туфлахъ. На груди висѣлъ серебряный крестъ, въ рукахъ была икона Іоанна Крестителя и бѣлая зажженная восковая свѣча. Ульяна же Васильевна была въ синемъ китайчатомъ сарафанѣ съ мѣдными головчатыми луговицами вдоль всего перада. Голова ея была покрыта свѣтлымъ шелковымъ платкомъ, завязаннымъ сзади двумя концами. На плечахъ былъ такой же платокъ. Они повели за собой Князева въ моленную, гдѣ уже сидѣло человекъ лятьдесятъ „братьевъ“ и „сестеръ“. Въ переднемъ углу подъ образами, на маленькомъ столикѣ, покрытомъ бѣлою скатертью, стояла зажженная бѣлая восковая свѣча въ высокомъ мѣдномъ подсвѣчникѣ.

При входѣ Смурочниковой, Паталова и Князева, собраніе поднялось со своихъ мѣсть. Вошедшіе помолясь Богу поклонились въ ноги собранію, и Паталовъ сказалъ:

— Богъ въ помощь вамъ, братія святая.

— Слассибо на Божьей помощи, отвѣчали собравшіеся, и изъ передняго угла вышелъ Калугинъ, одѣтый точно такъ же какъ и Паталовъ. Взявъ у Паталова икону и поставивъ на столикѣ къ углу, Калугинъ обратился къ Паталову съ вопросомъ:

— Зачѣмъ вы пришли съ названымъ человѣкомъ, послушать или послушаться?

— Послушать и послушаться и душу сласти, былъ отвѣтъ Паталова.

— Хорошо, сказалъ Калугинъ, и обратясь къ Князеву заговорилъ:— Обидаешься ли ты терпѣть что мнръ-народъ говорить о насъ худо, а за нами худыхъ дѣлъ нѣтъ? Обидаешься ли хранить свято все что здѣсь увидишь и услышишь и никому не открывать: ни отцу родному, ниже отцу духовному, и лучше потерпѣть кнутъ и плети, и огонь, и мечъ, и топоръ, и плаху, а обо всемъ этомъ никому не сказывать?

— Помолитесь, Бога ради, за меня грѣшнаго, отвѣчалъ Князевъ.

Тогда всѣ встали и усердно стали молиться, а Снурочкикова и другія старухи молились со слезами. Затѣмъ заглѣли: „Святый Боже“... „Дай къ намъ, Господи, Исуса Христа, дай къ намъ Сына Божія“...

По окончаніи лѣнія Калугинъ и еще два старика, снявъ съ себя обувь и олоясавшись полотенцами, на подобіе того какъ діаконъ олоясывается ораремъ, выступили на середину комнаты и начали одиочное радѣніе. Они вращались на одномъ мѣстѣ на ляткѣ, приподнимались къ верху, потомъ ударяли объ полъ обѣими ногами и затѣмъ опять продолжали вертѣться, постепенно все быстрее и быстрее. Радѣніе это продолжалось всего нѣсколько минутъ. Затѣмъ Калугинъ вывелъ Князева на середину комнаты, препоясалъ полотенцемъ и началъ водить вокругъ комнаты, держа за концы полотенца и произнося на распѣвъ: „Благодатный богъ, полуста богъ, съ нами пребуди богъ, съ нами до скончанія вѣка“. За Калугинымъ и двое другихъ стариковъ радѣвшихъ съ нимъ пролѣли то же самое, и потомъ втроемъ подвели Князева къ Паталову и Снурочкиковой, сидѣвшимъ на переднихъ мѣстахъ, и сказали:

— Вотъ вамъ крестникъ, любите и учите какъ душу сласть, на луть истинный стать; а ты, крестникъ, почитай и уважай ихъ лаче отца и матери: тѣ на грѣхъ тебя породили, а эти привели на истинный луть и души спасеніе.

Князевъ приложился къ иконѣ Іоанна Крестителя, и всѣ стали поздравлять Паталова и Снурочкикову съ крестникомъ, а другъ друга съ новорожденною душой. Послѣ этого

опять началось радѣніе и пѣніе расгѣвовъ, продолжавшіяся далеко за полночь.

Послѣ этого, по разказу Князева, онъ былъ всего на двухъ молитвенныхъ собраніяхъ у Смурочкиковой: на Новый Годъ и въ праздникъ Богоявленія.

„Какъ - то послѣ праздниковъ, продолжаетъ Князь— Ульяна Васильевна позвала меня къ себѣ и завела рѣчь о своемъ домѣ.

„Домъ нашъ, говорила она, есть домъ божій, у насъ и колодець святой. Самъ господь богъ савооеъ, гость богатый костромской Данила Фидилловичъ и возлюбленный сынъ его Иванъ Тимошеевичъ въ нашемъ домѣ въ старину жили и воздавали божіимъ людямъ правое и святое ученіе свое. Такихъ божіихъ домовъ по всей землѣ только три: первый въ Костромѣ, второй нашъ, третій въ Стародубѣ, гдѣ родился избранный сынъ божій Иванъ Тимошеевичъ.

„А гдѣ же это Стародубье, матушка? спросилъ я.

„Когда пробудешь въ нашей святой вѣрѣ десять лѣтъ и будешь вѣровать съ истинной, тогда побываешь и въ божіихъ домахъ въ Костромѣ и Стародубѣ, а прежде того нельзя тебѣ ничего о томъ сказывать гдѣ божьи дома находятся, а ѣздить туда не бывавъ въ нашемъ согласіи десяти лѣтъ и совѣмъ запрещено.

„На дальнѣйшіе разспросы мои она сказала:

„Любопытствовать грѣхъ, а разказать тебѣ всю правду еще рано, потому что ты еще ничего не повѣдалъ. Ну да дѣлать нечего, надобно тебя увѣрить съ истиной что было второе пришествіе бога на землю, а міръ тому не повѣрилъ, повѣрили тому лишь одни божьи люди и приняли его, и онъ пребывалъ въ Москвѣ въ нашемъ домѣ и въ божьихъ домахъ въ Костромѣ и въ Стародубѣ.

„Сколько же лѣтъ тому назадъ это было? спросилъ я.

„У божьихъ людей, отвѣчала Ульяна Васильевна, — грамотныхъ мало, записывать некому, а вѣримъ съ истиной что Исуса Христа мучили въ Москвѣ при царѣ Алексѣй Михайловичѣ и патриархѣ Николѣ.

„На это я отвѣтилъ рѣшительно:

„Не правда что было второе пришествіе, это васъ обманули; я этому совершенно не могу вѣрить и вамъ на старости лѣтъ не совѣтую.

„Услыхавъ такой отвѣтъ, Смурочкиковы начали плакать,

доказывать истину своихъ словъ, грозили данною мною присягой, судомъ божіимъ и своимъ проклятіемъ. Когда же я послѣ этихъ словъ ихъ окончательно отказался отъ ихъ согласія, Ульява Васильевна такъ заплакала какъ бы по умершемъ сынѣ, говоря что я ввелъ ихъ въ смертный грѣхъ предъ Богомъ и въ великій стыдъ предъ божьими людьми, за что она не взяла бы изъ доброй воли и ста тысячъ рублей. Затѣмъ она приказала мнѣ немедленно уѣзжать изъ дома, тутъ же изорвала составленное въ мою пользу духовное завѣщаніе. Я выѣхалъ изъ дома, а они съ тѣхъ поръ перенесли свои моленія въ другой домъ черезъ улицу.“

Заключительная часть этого разговора Князева со Снурочниковой очевидно есть самая нагаая съ его стороны выдумка и разчитана была на легковѣріе архимандрита Досиѣея. Князевъ дѣйствительно въ 1819 году переѣхалъ отъ Снурочниковой, но переѣхалъ къ Калугину, у котораго и поселился въ качествѣ довѣреннаго прикащика. Слѣдовательно, никакого разрыва съ сектой у него не было; иначе ни одинъ членъ ея, а тѣмъ болѣе главный учитель и кормщикъ не имѣлъ бы уже болѣе съ нимъ никакихъ сношеній. Сочиненіемъ же предъ архимандритомъ Досиѣеємъ этого небывалаго разрыва его, Князева, съ сектой, онъ надѣялся получить скорѣе разрѣшеніе возвратиться въ Москву. А что Князевъ никогда не былъ искренно приверженъ къ ученію людей божіихъ и держался его главнымъ образомъ вслѣдствіе матеріальныхъ разчетовъ, это, помимо воли Князева, довольно ярко, по моему мнѣнію, просвѣчиваетъ во всемъ его покаянномъ разказѣ.

Если и былъ у Князева разрывъ съ сектой, то временный, не окончательный, и случился онъ около 1820 года, послѣ смерти Калугина. При жизни Калугина, онъ взялъ у купца Полова въ кредитъ на имя Калугина цибикъ чаю. По смерти Калугина, наслѣдники его Шестовы не признали этого долга, и Князевъ долженъ былъ выдать Полову вексель въ триста рублей, въ срокъ по векселю не уплатилъ и былъ посаженъ Поповымъ въ долговую тюрьму, изъ которой вышелъ спустя ужъ нѣкоторое время, уплативъ понемногу долгъ доходами съ дома. Такъ какъ ни Снурочникова и ни кто другой изъ членовъ секты въ этотъ критическій для Князева моментъ ему не помогли, то очевидно что послѣ смерти Калугина между Князевымъ и сектой послѣдовалъ временный разрывъ. Съ этого времени дѣла Князева начали постепенно приходить

въ уладокъ. Но въ 1827 году случилась въ Москвѣ покража вещей съ лотереи вѣскога Власова. Въ кражѣ залозорвны были квартирантъ Князева Полакъ Товарницкій и самъ Князевъ. Оба немедленно скрылись, но были настигнуты и задержаны Князевъ въ Ростовѣ-на-Дону, а Товарницкій въ Кіевѣ. Оба были посажены въ тюрьму, и дѣло разсматривалось въ Имѣ Департаментѣ Московскаго Магистрата, но было замято, и въ концѣ 1827 года Князевъ не только оказался на свободѣ, просидѣвъ девять мѣсяцевъ подъ стражей, но успѣлъ поправить свои дѣла и возстановить свое производство по отдѣлкѣ полотенеъ и миткалей. Дѣло о цибакѣ чаю было совершенно прекращено.

Разъясненіемъ такого неожиданнаго поворота дѣлъ Князева можетъ служить событіе происшедшее въ концѣ 1827 года и въ первый разъ послѣ грозы 1745—1752 годовъ нарушившей спокойствіе общества московскихъ людей божіихъ.

20 октября 1827 года Князевъ заявилъ чиновнику особыхъ порученій при жандармскомъ генералѣ Волковѣ, офицеру корпуса жандармовъ Вороненко, что желаетъ открыть ему важный государственныи секретъ. Важный секретъ заключался въ томъ что въ ночь на 22 октября въ домѣ мѣщанокъ Борисовыхъ, на Сухаревской Малой площади (старый божій домъ), противъ третій Мѣщанской улицы, будетъ сборище хлыстовъ. Тотъ же доносъ Князевъ подалъ секретно и квартальному поручику Говрыневу. Вороненко и Говрыневъ тотчасъ довели объ этомъ по начальству. Генералъ Волковъ и оберъ-полицеймейстеръ генералъ-майоръ Дмитрій Ивановичъ Шульгинъ 2й немедленно сдѣлали распоряженіе о задержаніи „сборища“. 22 декабря въ 10 часовъ вечера домъ Борисовыхъ окружила полицейская команда, которую сопровождали Вороненко, частный приставъ Жилинъ и квартальные поручики Говрыневъ и Дудинъ. Перелѣзли черезъ заборъ, полицейскіе отворили калитку, и чиновники незамѣтно подошли къ самой моленной, находившейся за главнымъ домомъ внутри двора, налѣво отъ воротъ. Въ моленной они нашли человекъ восемьдесятъ, купцовъ, мѣщанъ, крестьянъ, мушницъ и женщинъ. Мушницы были въ длинныхъ коленкоровыхъ рубахахъ, женщины въ китайчатыхъ сарафанахъ. Тутъ оказались между прочими: братъ Ульяны Васильевны Смурочниковой Егоръ Васильевъ, Иванъ Емельяновъ, Лѣлчикъ, Григорій Петровъ Торжинъ или Боженевъ, хозяйки дома Борисовы,

Аксинья Шестова, Матрона Калугина, Ирина Бердникова, Настасья Лисина и другіе. Оцѣливъ домъ, Жилинъ послалъ извѣстять оберъ-полицеймейстера. Шулгинъ пріѣхалъ на мѣсто самъ со слѣдственнымъ приставомъ Яковлевымъ и врачомъ. Осмотрѣвъ моленную и велѣвъ переписать задержанныхъ и произвести осмотръ мушкетерамъ, не осколелы ли они, онъ уѣхалъ. Переписка и осмотръ продолжались до утра—оскопленнымъ никто не оказался. Рано утромъ Жилинъ доложилъ объ этомъ Шулгину, который приказалъ распустилъ всѣхъ задержанныхъ по домамъ, чѣмъ дѣло и кончилось. Генералъ-губернатору объ этомъ не докладывалось, и ни въ дѣлахъ полиціи, ни въ дѣлахъ канцеляріи генералъ-губернатора не найдено ни одной бумаги касавшейся этого обстоятельства. Свѣдѣнія же объ этомъ случаѣ добыты были уже въ послѣдствіи, много лѣтъ спустя, изъ допросовъ производившихъ обыскъ чиновниковъ и показаній самихъ задержанныхъ при разслѣдованіи произведенномъ вслѣдствіе локальнаго донесенія Князева.

Въ этомъ донесеніи Князевъ такъ разказываетъ о послѣдствіяхъ своего доноса:

„Дѣлу не дали никакого хода. Чиновники Вороненко и Говрышевъ приняли сторону хлыстовъ, открыли мнѣ кто донесъ на нихъ и чрезъ то ввергли меня въ ужасное бѣдствіе и убытокъ, такъ что я и въ 1838 году еще оплачивалъ убытокъ съ процентами. Хлысты упростили пристава Яковлева застращать меня, прилутать къ какимъ-либо дѣламъ и сослать въ Сибирь. Приставъ призвалъ меня къ себѣ, началъ бить по скуламъ, вышибъ четыре зуба, ругалъ всячески и приказалъ свести въ часть, сковать желѣзами и никого ко мнѣ не допускать. Въ такомъ положеніи я находился девять мѣсяцевъ и совершенно разорился: бѣлильное заведеніе мое разстроилось... И я сидѣлъ бы долго еслибы не узналъ о томъ московскій кулець Мазуринъ и не заступился за меня. Мазуринъ выручилъ меня изъ-подо стражи, а приставъ Яковлевъ взялъ съ меня подписку чтобы на будущее время я добрыхъ людей не обижалъ и начальства напрасно не беспокоилъ.“ И этотъ разказъ Князева не вѣдетъ ни съ предшествовавшимъ, ни съ дальнѣйшимъ ходомъ событій. Разорился онъ задолго до этого времени: бѣлильное производство прекращено было имъ еще около 1821 года, вскорѣ послѣ смерти Калугина, вслѣдствіе исторіи съ цибикомъ чаю. Чиновники о его доносѣ

людямъ божьимъ вовсе не открывали, иначе послѣдніе уже не имѣли бы съ Князевымъ болѣе никакихъ сношеній и ни въ какомъ случаѣ не допускали бы его къ участию въ своихъ молитвенныхъ собраніяхъ, между тѣмъ какъ Князевъ, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго разказа, принималъ это участіе и послѣ описаннаго случая, вплоть до ссылки его въ Задонскій монастырь въ 1838 году. Что члены секты вовсе не знали о доносѣ Князева, это видно и изъ того что при всѣхъ своихъ разказахъ о событіи 22 октября 1827 года, они никому и никогда не высказывали что на нихъ донесъ Князевъ. Выше сказано было что Князевъ былъ арестованъ по дѣлу о кражѣ вещей Власова въ началѣ 1827 года и освобожденъ по неизвѣстному поводу въ концѣ этого года. Очень вѣроятно что, желая получить свободу, Князевъ сдѣлалъ такъ-называемое открытіе: открылъ сборище у Борисовыхъ. А такъ какъ это открытіе могло оказаться выгоднымъ для чиновниковъ производившихъ по поводу этого открытія дознаніе, то весьма естественно что Князевъ въ благодарность за открытіе и могъ получить свободу. На такой исходъ дѣла указываетъ и то обстоятельство что вся полицейская переписка по доносу Князева была уничтожена и отъ нея не оставлено было ни малѣйшихъ слѣдовъ. Зимой въ концѣ 1828 года умерла Ульяна Васильевна Смурочникова, сдѣлавъ наслѣдницей всему своему имѣнію племянницу, дочь Егора Васильева, Анну Егорову. На похоронахъ распорядились Князевъ, получившій также въ наслѣдство отъ покойной небольшую сумму денегъ, и Егоръ Васильевъ. Похороны были торжественны. Отпѣваніе происходило въ приходской ея церкви Адриана и Натальи. Тѣло усопшей провожала масса народу. На похоронномъ обѣдѣ было около трехсотъ человѣкъ. Обѣденные столы разставлены были по всѣмъ комнатамъ кромѣ молельной. Священство, кулечесто и остальные мужины обѣдали въ залѣ, женщины въ другихъ комнатахъ. Священство и почетнѣйшихъ гостей угощали и подавали имъ кушанья самъ Князевъ и отецъ новой хозяйки Егоръ Васильевъ. По смерти Смурочниковой дѣла Князева снова пошли самымъ блестящимъ образомъ: въ компаніи съ Матривою Калугиной и другими сектантками онъ занялся арендованіемъ земель, разведеніемъ ягодъ, ягодною торговлей и устроилъ смурочное заведеніе. Но самымъ главнымъ его занятіемъ съ этихъ поръ было ходатайство по дѣламъ божьихъ

людей въ присутственныхъ мѣстахъ и у должностныхъ лицъ: приписка къ московскому мѣщанству, внесеніе податей, выправка паспортовъ и отпусковыхъ отъ помѣщиковъ и веденіе безчисленныхъ процессовъ Калугинныхъ и процессовъ другихъ членовъ секты всецѣло лежали на Князевѣ. Никакое дѣло членовъ секты требовавшее хожденія по присутственнымъ мѣстамъ или у должностныхъ лицъ не дѣлалось безъ Князева. Кромѣ того на немъ лежала еще одна чрезвычайно важная въ глазахъ секты обязанность, о которой будетъ сказано вслѣдъ за этимъ. *

IV.

Пріѣзды Ульяны Васильевны Костромской (такъ обыкновенно ее называли, хотя она жила, какъ сказано выше, въ деревнѣ Старой) въ Москву каждый разъ составляли эпоху въ жизни московскихъ людей божіихъ. Для нихъ такіе пріѣзды были не только величайшимъ праздникомъ, но цѣлымъ рядомъ непрерывныхъ праздниковъ.

Обыкновенно, собираясь ѣхать въ Москву, Ульяна Васильевна Костромская письмомъ чрезъ содержателя литейныхъ домовъ въ Судиславѣ извѣщала Ульяну Васильевну Снурочникову, а по ея смерти наследницу ея Анну Егорову, а въ послѣдніе годы Ивана Емельянова Лѣлщика, у которыхъ она въ Москвѣ останавливалась, о днѣ своего пріѣзда. Тогда въ домѣ Снурочниковой (въ послѣдніе же годы въ домѣ Лѣлщика) начинались въ обширныхъ размѣрахъ приготовленія къ ея пріѣзду. Мыли полы, бѣлили стѣны и потолки дома, убирали спальню лучшимъ постелями и бѣлоснѣжнымъ бѣльемъ, заготовляли въ огромныхъ размѣрахъ лучшую провизию, выбирали отборныя ягоды и фрукты, варяжали дѣвущекъ изъ почетнѣйшихъ домовъ секты прислуживать Ульянѣ Васильевнѣ и ея матери. Въ день пріѣзда приглашали самую знаменитую повариху готовить обѣдъ, непременно со сладкимъ пирогомъ, и высылали Князева встрѣтить Ульяну Васильевну за городомъ и проводить въ домъ Снурочниковой. Во дворѣ ее встрѣчали земными поклонами, вводили въ

* Дѣло 1837 года, т. 6й, лл. 1—4, 13—15; томъ 13й, лл. 156, 173—176 и 126; т. 1—9, лл. 456—461; дѣло 1844 года, № 414 (Моск. Арх. Стар. Дѣлъ) т. 1, л. 118.

домъ и начиналось угощеніе. Между тѣмъ къ Свурочниковой собирались почетнѣйшіе члены общества. Хозяйка дома по-одиночкѣ представляла ихъ Ульянѣ Васильевнѣ, которой они кланялись въ ноги, цѣловали у нея руки и подносили подарки, въ рубль, 5, 10 и 25 рублей. По смерти Свурочниковой Ульяна Васильевна останавливалась въ ея домѣ всего два раза и затѣмъ стала останавливаться у Дѣлщика на Черногозвкѣ, близъ Срѣтенскаго частнаго дома. У Анны Егоровой она не стала останавливаться потому что два брата Егоровой, не принадлежавшіе къ сектѣ, нѣсколько стѣсняли ее и при томъ не дозволяли сестрѣ созывать въ ея домѣ молитвенныя собранія. Со дня прѣзда Ульяны Васильевны созывались непрерывно молитвенныя собранія въ молельныхъ Борисовой, Калугиныхъ (по 3й Мѣщанской радомъ съ домомъ Свурочниковой), Шестовыхъ (въ Колосовомъ переулкѣ) и Ирины Бердниковой (въ Харитоньевскомъ переулкѣ). Собранія эти отъ обыкновенныхъ отличались тѣмъ что на первомъ мѣстѣ подъ образами сидѣла Ульяна Васильевна, которая не „радѣла“ и не ходила „кораблемъ“. Послѣ каждаго дѣйствія составлявшаго часть моленія ей кланялись въ ноги паравнѣ съ образами, а „пророки“ и „пророчицы“, соревнуя другъ предъ другомъ, возвѣщали ей самую блестящую судьбу.

Въ остальное время, не занятое моленіями, Ульяна Васильевна навѣщала почетнѣйшихъ членовъ общества, напримѣръ мѣщанокъ Борисовыхъ, а по смерти ихъ, ихъ племянницу Марью Петровну Борисову, Матрону Калугину, Ирину и Марью Бердниковыхъ и своихъ старыхъ знакомыхъ Натасью Брюшкову и Варвару Лужникову. Навѣщала и другіе дома въ которые ее приглашали. Въ каждомъ домѣ гдѣ ее ожидали дѣлались такіе же приготовленія и происходило такое же угощеніе какъ и въ домѣ Свурочниковой. Посылали за ней лучшаго извозчика съ биржи, всѣ домашніе сходились къ ней на поклонъ, цѣловали ея руки и подносили серебряные рубли, полтинники и т. л. Такое посѣщеніе считалось не только величайшею честью для дома, но чѣмъ-то въ родѣ благодати Божіей, осѣняющей и благословляющей домъ. Лихачамъ извозчикамъ стоявшимъ тогда у Сахаревой башни хорошо была извѣстна Ульяна Васильевна подъ именемъ „хлыстовской богини“.

Проживъ такимъ образомъ нѣсколько дней въ Москвѣ,
т. слх.

Ульяна Васильевна, надѣленная подарками и напутствуемая слезами умиленія своихъ послѣдователей, съ такимъ же торжествомъ выѣзжала изъ Москвы, какъ и въѣзжала въ нее. Лошадей нанималъ ей и провожалъ далеко за городъ съ нѣкоторыми почетнѣйшими членами секты обыкновенно Князевъ. Въ послѣдній разъ Ульяна Васильевна была въ Москвѣ зимой съ 1836 на 1837 годъ *. Въ 1837 же году она привлечена была къ слѣдствію по дѣлу о задержанныхъ 15 июня этого года въ домѣ Борисовой „людахъ божиихъ“ и по окончательному приговору отправлена была на жительство и покаяніе въ Кіево-Фроловскій женскій Вознесенскій монастырь **.

О дальнѣйшей судьбѣ Ульяны Васильевны мы узнаемъ изъ сообщенія костромскаго губернатора Григорьева, на имя состоявшаго при московскомъ генералъ-губернаторѣ полковника графа В. П. Толстаго, бывшаго председателемъ слѣдственной комиссіи „о людяхъ божиихъ“ въ 1844—1846 годахъ. Сообщение это, послѣдовавшее отъ 13 декабря 1846 года, слѣдующаго содержанія:

„По собраннымъ мною секретнымъ, безо всякой огласки, свидѣніямъ, оказалось: дѣвка Ульяна Васильева есть крестьянская дочь Костромской губерніи и уѣзда, вѣдомства государственныхъ имуществъ, Гридицкой волости, деревни Старое, гдѣ и написана, по послѣдней 8й ревизіи, 35-ти лѣтъ. Она дѣйствительно состояла въ сектѣ хлыстовъ, за что, по Высочайшему повелѣнію, въ 1838 году отправлена была въ Кіево-Фроловскій монастырь на увѣщаніе въ заблужденіи ея относительно вѣры, откуда въ 1842 году, вслѣдствіе чисто-сердечнаго ея раскаянія, по Высочайшему же повелѣнію, возвращена въ прежнее мѣсто жительства, въ деревню Старую, гдѣ и нынѣ проживаетъ въ домѣ крестьянина Григорія Никитина Симакова, который, купивъ у нея, по крѣпостному акту, принадлежащій ей домъ, обязался тѣмъ же актомъ содержать ее въ томъ домѣ по смерти на собственномъ иждивеніи. Дѣвка Васильева, по водвореніи въ деревнѣ Старое, поручена приходскому священнику съ тѣмъ чтобъ онъ

* Дѣло о хлыстахъ задержанныхъ въ 1844, въ домѣ Мавры Федоровой. Т. 1. сл. 107—142, 53 и 54 (Моск. Арх. Стар. Дѣлъ № 414) и дѣло 1837. Т. 11-й и Т. 6. сл. 1—12.

** То же дѣло. Т. 16. сл. 125—220.

внушалъ ей важность прошедшаго заблужденія, а относительно надзора за образомъ ея жизни подчинена ближайшему наблюдению начальства вѣдомства государственныхъ имуществъ и земской полиціи. Васильева занимается шитьемъ бѣлья и тому подобнымъ рукодѣльемъ. Другаго же рода занятія должны быть для нея тягостны, судя по чрезмѣрной тучности ея. Со времени водворенія ея на нынѣшнемъ мѣстѣ жительства (дерезня Старое) нѣтъ видимости чтобъ она куда-либо отлучалась изъ губерніи. Что же касается уваженія къ ней Васильевой, жилищу ея и прочаго, то нельзя ничего другаго сказать, какъ ограничиться существующими народными разказами о бывалыхъ временахъ жизни Васильевой, а болѣе о временахъ умершей ея матери. Вотъ всѣ свѣдѣнія, которыя я, на сей разъ, успѣлъ собрать..... присовокупляя что о строгомъ наблюденіи за Васильевою, не придерживается ли она и теперь толку хлыстовской секты, не бываютъ ли у нея собранія послѣдователей сей ереси, въ какое преимущественно время, кто эти послѣдователи, откуда и съ кѣмъ прѣзжаютъ, я предложилъ палатѣ государственныхъ имуществъ о постоянномъ наблюденіи по принадлежности къ вѣдомству означенной дѣвки и костромскому земскому исправнику, отнеся къ ихъ же обязанности бдительно смотрѣть какъ за образомъ жизни Васильевой, такъ и за всѣми могущими подать сомнѣніе въ обращеніи ея къ прежнему согласію дѣйствіями..... Далѣе нахожу за нужное передать къ свѣдѣнію вашему, милостивый государь, что о дѣвкѣ Ульянѣ Васильевой и вообще что открыто было здѣсь относительно принадлежности ея къ сектѣ сообщено предмѣстникомъ моимъ г. московскому военному генералъ-губернатору 18 октября 1837 года *. Въ заключеніе имѣю честь извѣстить ваше сіятельство что о дѣвкѣ Васильевой, изъ полугодичныхъ донесеній начальнику губерніи палаты государственныхъ имуществъ видно что она ведетъ себя добродѣтельно, въ домѣ сборищъ никакихъ не бываетъ и въ противозаконныхъ поступкахъ не замѣчена **.

Итакъ Ульяна Васильевна доживала свои дни въ родномъ домѣ въ подвомѣ удивленіи, подѣ постояннымъ надзоромъ духовнаго и свѣтскаго начальства.

* Этимъ сообщеніемъ вмѣстѣ съ другими документами и свѣдѣніями пользовался авторъ при составленіи этого очерка.

** Дѣло 1844 года.

V:

По смерти Калугина старшиной и настоятелемъ Московскаго общества „господствующихъ“ „людей божіихъ“ сдѣлался сколецъ московскій купецъ Савелій Андреевъ Паталовъ, жившій близъ Слеса Новаго. До этого времени онъ былъ въ числѣ „пророковъ“, занимался наставленіемъ „на луть“ и по преимуществу былъ приемнымъ отцомъ новыхъ членовъ. Такъ онъ принималъ Князева, онъ же былъ приемнымъ отцомъ другаго виднаго члена общества мѣщанина Дмитрія Чистопольскаго. Наставленіе „на луть“ и принатіе Чистопольскаго было послѣднимъ его подвигомъ въ сектѣ „людей божіихъ“. Со времени задержанія „сборища“ въ 1827 году въ домѣ Борисовыхъ, когда всѣхъ задержанныхъ залодозрѣли въ сколчество, „люди божіи“ отъѣла „господствующихъ“ боялись допускать Паталова какъ скольца на свои собранія, опасаясь чтобъ ихъ не судили за „сколчество“, если между ними найдутъ скольца. Поэтому они совершенно ототранили Паталова, и онъ удалился къ своему земляку, бывшему также „по вѣрѣ людей божіихъ“, Егору Максимову Долбняеву, въ село Утѣшево, Мещовскаго уѣзда, гдѣ и умеръ около 1836 года.

Послѣ него настоятельство и первенство на молитвенныхъ собраніяхъ принялъ на себя племянникъ одного изъ восстановителей секты въ Москвѣ Ивана Торжина, московскій мѣщанинъ Григорій Петровъ Торжинъ или Боженецъ, прозванный такъ потому что былъ кривъ на одинъ глазъ. Значеніе Торжина въ обществѣ было еще менѣе нежели Калугина.

Періодъ настоятельства Торжина, то-есть время съ 1827 по 1837 годъ, было самымъ блестящимъ временемъ существованія секты со времени восстановленія ея здѣсь во второй половинѣ XIX вѣка. Общество „господствующихъ“ вполнѣ образовалось и насчитывало въ средѣ своихъ членовъ болѣе двухсотъ человекъ мужчинъ и женщинъ. „Открылись“ пророки и пророчицы, были и учительницы, твердо помнившія всѣ преданія секты и весь строй ея радній и моленій. У нихъ было девять моленныхъ, въ томъ числѣ два старѣйшіе по преданіямъ „божіи дома“. Моленные украшены были древними иконами и снабжены нѣкоторыми предметами, какъ напримѣръ курильницами, ладонницами,

педсѣчниками, бывшими въ употребленіи въ старыхъ божіихъ домахъ. Молитвенныя собранія ихъ привлекали къ себѣ и провинціальныхъ послѣдователей секты, для которыхъ служил образцомъ и предметомъ подражанія. Главная же сила общества заключалась въ плотности и замкнутости его союза, богатствѣ его членовъ и томъ глубокомъ уваженіи съ которымъ провинціалы относились къ московскимъ божіимъ домамъ. „Люди божіи“ изъ многихъ мѣстностей Россіи нарочиво пріѣзжали въ Москву чтобы въ нихъ помолиться и совершить поминованіе по усопшимъ. Съ прекращеніемъ со смертію Смурочниковой молитвенныхъ собраній въ ея домѣ, домъ Борисовыхъ и ихъ моленная заняли первое мѣсто. Къ дому этому относились съ такимъ же уваженіемъ какъ и къ дому Смурочниковой, вслѣдствіе существовавшего между „людьми божіими“ преданія, будто въ этомъ домѣ провелъ послѣдніе годы своей земной жизни Иванъ Тимоѣевичъ Сусловъ. Преданіе гласило также что въ этомъ именно домѣ Иванъ Тимоѣевичъ принималъ отца своего „гостя богатаго“ Давыду Филипповича, и что здѣсь они совершали свои святые вечера. Здѣсь, по преданію, находилась тотъ колоколъ въ который когда-то ударялъ Иванъ Тимоѣевичъ Сусловъ, возбуждая тѣмъ въ себѣ дѣйствіе духа святаго. Дѣйствительно въ домѣ Борисовыхъ хранился лудовой колоколъ, о которомъ хозяева дома говорили что это тотъ самый который существовалъ при Иванѣ Тимоѣевичѣ.

Владѣлица этого дома мѣщанка Марья Петровна Борисова была самымъ уважаемымъ членомъ общества. Если Ульяна Васильевна Смурочникова при Калугинѣ въ дѣйствительности имѣла первенствующее значеніе въ обществѣ „людей божіихъ“, то Борисова, при Торжинѣ, была фактической настоятельницей секты. Ея вліяніе было такъ велико что мнѣніе ея въ дѣлахъ общества принималось безъ возраженій. Причины ея вліянія заключались съ одной стороны въ „святости“ ея дома, а съ другой въ древности ея рода среди „людей божіихъ“ и, главное, въ личныхъ ея достоинствахъ.

Основателемъ ея рода былъ крестьянинъ деревни Улыбышева, Владимірскаго уѣзда, Борисъ Леонтьевъ Борисовъ, поселившійся въ Москвѣ тотчасъ послѣ „мору“ или чумы. Выше было сказано что въ 1780 годахъ онъ пріобрѣлъ отъ графа Скавронскаго этотъ „божіи домъ“. Борисовъ былъ важнымъ послѣдователь вѣры „людей божіихъ“, а потому не былъ

женаты и умеръ бездѣтнымъ. Но у него былъ женатый братъ, Михайла Леонтьевичъ, также бывший „ло вѣрѣ людей божіихъ“. Оба они⁹ приписались къ московскому кулечеству и вели значительную торговлю краснымъ товаромъ въ рядахъ. Михайла Леонтьевичъ Борисовъ умеръ въ восьмисотыхъ годахъ, оставивъ сына Петра, уже женатаго, и четырехъ дочерей дѣвицъ: Василису, Акулину, Настасью и Прасковью. По смерти обоихъ стариковъ Петръ Борисовъ остался въ отцовскомъ домѣ на 2й Мѣщанской, а сестры его переселились въ домъ дяди (божій домъ). Петръ Борисовъ умеръ въ 1806 году, а вслѣдъ за нимъ умерла и жена его. Послѣ нихъ остались сынъ Павелъ и двѣнадцатилѣтняя дочь Марья, о которой предъ этимъ шла рѣчь. Тетки взяли дѣвочку на воспитаніе и отдали въ ученье проживавшей въ Рождественскомъ монастырѣ бѣлицѣ-грамотницѣ Елизаветѣ Ивановой, принадлежавшей къ тому небольшому кружку бѣлицъ котораго, послѣ томительнаго времени 1746—1752 годовъ, въ тиши монастырскихъ келій поддерживали тлѣющій огонь вѣры „людей божіихъ“. Ревностныя сектантки, тетки Марьи Петровны Борисовой, со своей точки зрѣнія не могли найти своей племянницѣ лучшей наставницы. Такимъ образомъ, Борисовой съ юныхъ лѣтъ внушали стремленіе къ безбрачной, созерцательной, посвященной, лишь молитвѣ и вѣрѣ „людей божіихъ“ жизни. По выходѣ изъ монастыря въ 1810 году, Борисова немного прожила въ отцовскомъ домѣ и переселилась навсегда къ теткамъ въ „божій домъ“ на Сухаревской площади. Такимъ образомъ изъ рукъ взрослыхъ въ вѣрованіяхъ „людей божіихъ“ Елизаветы Ивановой, Борисова почти прямо поступила подъ руководство фанатическихъ старухъ-тетокъ. Въ 1830 году умерла послѣдняя изъ ея тетокъ, завѣщавъ ей все свое и своихъ сестеръ имущество. Тогда-то обнаружались результаты даннаго ей воспитанія и исключительнаго пребыванія въ средѣ „людей божіихъ“. То и другое сдѣлало изъ нея не только замѣчательнаго дѣателя секты, но и непреклоннаго борца за ея вѣрованія. Окруживъ себя нѣсколькими пожилыми женщинами своего согласія и передавъ имъ управленіе своимъ хозяйствомъ, лавками, садами, огородами, молочною, она всецѣло отдалась интересамъ секты и молитвѣ. Она вела переписку съ Ульяной Васильевной Костромской, получала отъ нея непрерывно „освященные“ хлѣбцы и воду и снабжала ими весь домъ „людей божіихъ“; она вела

перелиску съ нѣкоторыми провинціальными кораблями, подерживая единеніе между ними и Московскимъ кораблемъ. Такъ какъ вслѣдствіе этого наплывъ провинціальныхъ поклонниковъ московскихъ божьихъ домовъ сдѣлался довольно частымъ, то она двадцать разъ въ году устраивала въ своей молельной молитвенныя собранія, созывая на нихъ какъ возможно большее число согласниковъ. Главнѣйшими изъ собраній были: наканунѣ дня Св. Тихона, 16 іюня, въ осеннюю родительскую субботу и въ Крещенье. Домъ ея сдѣлался подобіемъ монастыря: ворота и калитка были вѣчно на замкѣ и калитка отпиралась по предварительному звону въ колокольчикъ, проведенный отъ нея къ дому; во дворѣ царствовала тишина невозмутимая, ни одинъ мужчина, безъ особой настоятельной надобности, не пропущался во дворъ. Борисова и жившія съ нею дѣвушки, за исключеніемъ необходимой прислуги, большую часть своего времени проводили въ молеліяхъ; посты соблюдались строжайшимъ образомъ, ничто мірское и суетное не допускалось. Такой образъ жизни, ваяя и на другихъ членовъ общества, приобрѣлъ ей глубокое уваженіе и бесплорный авторитетъ въ дѣлахъ секты.

Послѣ дома Борисовой наибольшимъ уваженіемъ пользовался домъ Ирины Григорьевны Бердниковой, въ Харитоньевскомъ переулкѣ, Яузской части. Ирина Бердnikова уважалась какъ старѣйшая изъ членовъ общества. Въ тридцатыхъ годахъ ей было уже около 80ти лѣтъ. Молельная существовала съ 1780 года. Ирина Бердnikова принимала въ свой домъ странниковъ и странницъ со всѣхъ концовъ Россіи и давала въ своемъ домѣ пріютъ провинціальнымъ молельщикамъ. Молитвенныя собранія бывали у нея на второй день Пасхи, въ Ильинъ день, въ день Св. Николая-зимняго, объ Масляницѣ и въ день Св. Герасима грачевника, что бываетъ въ мартѣ. Иногда бывали у нея молитвенныя собранія и въ другіе дни по заказу пріѣзжихъ. Сестра Ирины Марья Бердnikова, вслѣдствіе своего особеннаго знакомства съ Ульявой Васильевной Костромской, служила посредницей между ней и тѣми провинціальными поклонниками Ульяны Васильевны, которые, будучи совершенно съ ней незнакомы, пріѣзжали въ Москву чтобы чрезъ посредство московскихъ „собратій“ получить доступъ въ деревню Старое. Въ такихъ случаяхъ Марья Бердnikова, предварительно спсавшись съ Ульявой

Васильевной, лично сопровождала къ ней незнакомыхъ модельщиковъ.

Третьимъ по значенію въ мірѣ „людей божіихъ“ былъ домъ московскаго мѣщанина Григорія Петрова Торжина, близъ Срѣтенскаго частнаго дома. Съ нимъ жила племянница Мавра Феодорова Торжина, занимавшаяся съ нѣсколькими дѣвучками размоткой шелку и бумаги. Важнѣйшія молитвенныя собранія у Торжина бывали: въ день Св. Григорія Богослова, именины Торжина, въ день мученицы Ирины, въ маѣ мѣсяцѣ, и въ день Св. Петра „полукормы“. За домомъ Торжина слѣдовалъ домъ дѣвицъ Матрены и Марьи Александровыхъ Калугиныхъ, племянницъ бывшаго настоятеля Луки Калугина, жившихъ рядомъ съ домомъ Смурочниковой по третьей Мѣщанской. Особеннымъ уваженіемъ и значеніемъ пользовалась Матрена Калугина, лучше всѣхъ знавшая всѣ обряды и преданія секты и исполнявшая во время молитвенныхъ собраній обязанность „указницы“. Она вела значительную торговлю ягодами и занималась плетеніемъ сурковъ и посковъ. На ея имя многіе бездѣтныя члены секты составляли свои завѣщанія, если хотѣли, минуя не принадлежащихъ къ сектѣ родственниковъ, завѣщать свое имущество въ пользу секты. Изъ-за этихъ завѣщаній Матрена Калугина вела безконечныя процессы съ лишенными наслѣдства родственниками завѣщателей. Ходатаемъ по всѣмъ этимъ процессамъ со стороны Калугиной былъ всегда Князевъ, бывшій компаніономъ ея и по торговлѣ. Молитвенныя собранія у Калугиныхъ происходили въ праздникъ Введенія во Храмъ Пр. Богородицы, въ Сборное Воскресенье, въ день Св. Александра Невскаго и въ дни именинъ хозяевъ. Большимъ уваженіемъ также пользовался домъ Шестовыхъ въ Колосовомъ переулкѣ. Моленная въ этомъ домѣ была основана еще въ восьмисотыхъ годахъ Иваномъ Шестовымъ и бывшимъ настоятелемъ Калугинымъ. Всѣхъ Шестовыхъ было двѣнадцать человекъ: однанадцать дѣвучекъ принадлежавшихъ къ сектѣ и одинъ мужчина, племянникъ старшихъ Шестовыхъ, Григорій Шестовъ. Онъ не принадлежалъ къ сектѣ, а потому семья его не любила и онъ жилъ въ отдѣльномъ домѣ. Были еще молящія въ домахъ: Бориса Бердникова, на Срѣтенкѣ, въ 5 кварталѣ, подъ № 593-мъ, московскихъ мѣщанокъ дѣвицъ Варвары и Анны Лужниковыхъ, въ Колосовомъ переулкѣ, московской мѣщанки Феодоры Кутузовой, въ 5 кварталѣ Срѣтенской

части, подъ № 697, и въ домѣ московской же мѣщанки Настасьи Брюшковой, въ Якиманской части, въ Лавровскомъ переулкѣ, противъ Болота. Брюшкова была въ близкихъ отношеніяхъ съ Ульяной Васильевной Костромской.

Изъ лицъ въ домахъ которыхъ молитвенныя собранія не происходили большимъ уваженіемъ „людей божіихъ“ пользовался Иванъ Емельяновъ Лѣлчицкѣ, въ домѣ котораго останавливалась Ульяна Васильевна Костромская, послѣ того какъ по смерти Снурочниковой нашла неудобнымъ для себя останавливаться у Анны Егоровой. Лѣлчицкѣ занимался иконописнымъ дѣломъ и другою лѣпною работою, имѣлъ значительное состояніе и былъ однимъ изъ старѣйшихъ членовъ секты. Такимъ же уваженіемъ пользовался прежде и отецъ Анны Егоровой Егоръ Васильевъ, братъ Снурочниковой, но съ тѣхъ поръ какъ его два сына, не принадлежавшіе къ сектѣ, стали запрещать сестрѣ своей Аннѣ Егоровой собирать молитвенныя собранія въ „старѣйшемъ божьемъ домѣ“, Егоръ Васильевъ потерялъ значительную долю этого уваженія. Дошло наконецъ до того что Егора Васильева и Анну Егорову перестали приглашать на секретныя совѣщанія и собранія секты, а звали лишь на обыкновенныя молитвенныя собранія. Къ числу уважаемыхъ также членовъ общества принадлежали московскіе мѣщане двоюродные братья Дмитрій и Прокофій Чистопольскіе, потомственный почетный гражданинъ Розановъ, купецъ Лебедевъ и нѣкоторые изъ членовъ купеческаго семейства Стариковыхъ.*

Этотъ періодъ былъ самымъ блестящимъ для общества „людей божіихъ“ въ Москвѣ послѣ погрома 1744—1752. Но съ этого времени оно пошло видимо къ упадку, пока не дошло наконецъ до полнаго почти истощенія. Съ одной стороны на упадокъ секты въ Москвѣ вліяли духъ времени и постепенный ходъ народнаго развитія, съ другой стороны, оказали дѣйствіе постигшія его одно за другимъ два серьезныя преслѣдованія: слѣдствіе 1837 года и слѣдствіе 1844 года.

Въ первомъ случаѣ ударъ былъ направленъ оттуда откуда „общество“ никакъ не могло ожидать его, именно изъ дома восстановителя секты Украинцева. Наслѣдницей его была

* *Дело о алыстахъ* 1844, т. 1, сл. 71—78; 106—146; 225—228; т. 2, сл. 1—7; 39—41; 53—57; 87—90 и др. (*Моск. Арх. стар. дѣл.*, № 414) и *Дело о алыстахъ* 1837.

его дочь, дѣвица Лукерья Украинцева, хотя ревностная по-сѣдовательница секты, но отличающаяся яснымъ умомъ и отсутствіемъ фанатизма. Совершенною противоположностью ей составляла ея племянница и наслѣдница, пожилыхъ лѣтъ дѣвушка Настасья Лисина, упрямая и властолюбивая фанатичка. Не любя ея, старуха Украинцева въ 1824 году вызвала къ себѣ изъ села Пулкова внучекъ, племянницъ Лисиной, Ирину и Наталью Лисиныхъ, изъ которыхъ первой было 17, а второй 16 лѣтъ. Отпуская дочерей къ богатой бабушкѣ въ Москву мать Лисиныхъ строго наказывала имъ быть осторожнѣе, и не поддаваться вѣрѣ бабушки и тетки. Поэтому Лисины, поселившись у Украинцевой, уклонялись отъ участія въ домашнихъ моленіяхъ и исполненія обрядовъ секты. Настасья Лисина стала принуждать ихъ къ этому, что и послужило первымъ поводомъ ко враждѣ возникшей потомъ между теткой и племянницами. Старуха Украинцева возгнѣлась однако за внучекъ, и пока она была жива, дѣвушки хотя и бывали на „бесѣдахъ“, но въ радѣніяхъ участія не принимали. Лукерья Украинцева умерла въ 1826 году, завѣщавъ всю утварь и капиталъ своей молеальни въ молеальню Брюшковой, а свое имущество Настасья, Ирина и Наталья Лисинымъ, главнымъ образомъ первой. Главой дома такимъ образомъ сдѣлалась Настасья Лисина, и вражда къ ней племянницъ каждодневно прибрѣтала новую пищу. Проживъ кое-какъ съ теткой нѣсколько лѣтъ, онѣ отдѣлились отъ нея и зажили самостоятельно. Но такъ какъ вмѣстѣ съ этимъ онѣ должны были разорвать и свои отношенія къ сектѣ, то кредита у нихъ не стало, работа туго сходила съ рукъ, и дѣла ихъ въ скоромъ времени пошли такъ дурно что Ирина Лисина попала за долги въ тюрьму. Тетка же и ея единомышленники совершенно отшатнулись отъ нея и бросили ее на произволь судьбы. Находясь въ безвыходномъ положеніи, Ирина Лисина рѣшилась на дѣло оловорившее семью Украинцевыхъ въ глазахъ секты навсегда. Подъ условіемъ освобожденія изъ тюрьмы она рѣшилась открыть полиціи все что знала о сектѣ и выдать „людей божьихъ“ начальству головоѣ.

Въ первыхъ числахъ юня 1837 года Ирина Лисина заявила московскому сѣдственному приставу Сивяеву что она имѣетъ свѣдѣніе „о тайномъ обществѣ собирающемся здѣсь, въ Москвѣ, въ разныхъ мѣстахъ, мужеска и женска пола людяхъ, для отправления секты подъ названіемъ хлыстовской.

противной церковнымъ и гражданскимъ правиламъ...“ Оглавъ представлялъ Лисину исправлявшему должность московскаго оберъ-полицеймейстера полковнику Миллеру, которому она сообщила что „главное сборище мужеска и женска пола людей по хлыстовской сектѣ бываетъ обыкновенно на день (наканунъ) Св. Тихона, 17 іюня, въ домѣ мѣщанки Марьи Петровны Борисовой, на Сухаревской площади, но что теперь, по случаю прѣзда въ Москву калуужскихъ хлыстовъ, оно будетъ 15 іюня, въ полдень...“ Миллеръ доложилъ объ этомъ генералъ-губернатору князю Дмитрію Васильевичу Голицыну, приказавшему задержать сектантовъ во время самаго „сборища“. Поэтому всѣ необходимыя распоряженія сдѣланы были въ самыхъ широкихъ размѣрахъ: вокругъ дома Борисовой и по Колосовому переулку разставлены были секретныя караулы изъ расторопнѣйшихъ полицейскихъ солдатъ, а самъ Миллеръ и командированный генералъ-губернаторомъ гвардіи полковникъ Барышниковъ съ приставомъ Срѣтенской части и мѣстнымъ квартальнымъ надзирателемъ оставались наготовѣ, чтобы по первому извѣстію броситься въ домъ Борисовой. Все ведено было самымъ секретнымъ образомъ, какъ важное государственное дѣло. Ночью на 15е Миллеру донесли что къ Борисовой прошло, по одиначкѣ, съ узелками въ рукахъ, много народу. Утромъ свѣдѣнія эти вполнѣ подтвердились. Поэтому, дожидавъ до полудня, Миллеръ и Барышниковъ, въ сопровожденіи слѣдственныхъ приставовъ Снялева и Ульянова, частнаго пристава, квартальнаго надзирателя, добросовѣстныхъ свидѣтелей и полицейской команды, отправились къ Борисовой. Ворота и калитка оказались на замкѣ, и солдаты стали лѣзть черезъ заборъ. Но едва лишь они показались на заборѣ, какъ внутри двора прозвенѣлъ колокольчикъ. Соскочивъ во дворъ, солдаты отперли ворота и впустили чиновниковъ, которые бросились къ молебнѣ, а солдаты мгновенно оцѣлили дворъ и садъ.

Дворъ Борисовой переднимъ фасомъ выходилъ на малую Сухаревскую площадь, а задомъ примыкалъ къ заданъ Колосова переулку, отъ которыхъ отдѣлялся лишь невысокимъ заборомъ, въ которомъ была устроена калитка, соединявшая дворъ Борисовой съ Колосовымъ переулкомъ. Отъ сосѣднихъ дворовъ онъ былъ отдѣляемъ справа высокимъ, плотнымъ досчатымъ заборомъ, а слѣва каменнымъ брантмауэромъ. По Сухаревкѣ вплоть до вѣчно запертыхъ воротъ также

тѣлулася высокій досчатый заборъ. Расположенный тотчасъ за воротами домъ лѣтью окнами выходилъ на Сухаревку, а всею длиною тѣлулася вглубь двора, по лѣвую его сторону, и состоялъ изъ одного этажа и антресолей. Къ концу дома со двора было пристроено небольшое деревянное же зданіе, скрывавшееся за домомъ и закрытое совершенно отъ улицы и сосѣдей заборами и брантмауеромъ. Окна этой пристройки выходили въ садъ и во дворъ. Это-то и была знаменитая у „людей божиихъ“ Борисовская молеельня.

Надъ однимъ изъ оконъ дома прибитъ былъ колокольчикъ, отъ котораго до воротъ проведена была веревка, которою и звонили въ колокольчикъ желавшіе войти во дворъ.

Еще съ субботы 12 іюня въ домѣ Борисовой начались приготовленія къ празднеству. Налерсицы Борисовой Дарья и Матрена Лукьяновы испекли восемь колоссальныхъ хлѣбовъ, а въ воскресенье Дарья принесла отъ огородика Поликарпова триста отборныхъ огурцовъ, а Матрена зелень для ботвиньи. Сама же Борисова привезла съ базара огромную семгу, половину бѣлорыбицы, четверть луда икры и т. п. Въ понедѣльникъ приготовили ботвинью и разные рыбныя блюда: щи, жаркое, лалшу и приготовили тѣсто для цѣлой печи пироговъ. Затѣмъ уже Дарья отправилась по городу сзывать молеельщиковъ. Къ вечеру явилась Бердыкова со своими гостями—калуужскими „сестрами“. Онѣ расположились на чердакѣ, куда принесены были имъ хозяевами подушки, перины и войлоки. Какъ только стемнѣло, Дарья отперла садовую калитку и стала впускать гостей, приходившихъ огородами изъ Колосова переулка, а Матрена, по звонку, впускала приходившихъ чрезъ главную калитку. Гости сходились по одиначкѣ съ узлами, въ которыхъ были радѣльные рубахи, пояски и чулки. Мушны располагались въ прихожей молеельни, а женщины на чердакѣ, гдѣ потомъ и переодевались въ радѣльные костюмы. Утромъ 15 іюня оказалось налицо около лятнадцати мушны и пятьдесятъ двѣдшекъ и женщны. *

Бесѣда началась поученьемъ произнесеннымъ старикомъ Егоромъ Васильевымъ:

* Дѣло о задержанннхъ въ 1837 году въ домѣ Борисовой алыстѣхъ. Т. II—XIII аа. 77—100; т. I—II аа. 3—8. (Архивъ канцеляріи генералъ-губернатора.)

„Рече прѣисчайшій житель небесъ, древо златоверхое, государь нашъ лаче всѣхъ человекъ пресвѣтлѣй, наслаждатель очей нашихъ, великій пастырь и учитель своего стада словесныхъ овецъ, господь богъ нашъ: которые человекъ вспоминають вначалѣ превышняго бога и меня сына божія и духа святаго и царицу небесную, тѣ человекъ ходять подъ защитой небесною и до тѣхъ человекъ не допущаю я никакаго зла на землѣ.“

Звѣтъмъ заглаю: „Святый Боже... Дай къ намъ, Господи, дай намъ Исуса Христа“...

Послѣ этого собраніе быстрымъ, почти ласковымъ темпомъ заглаю стихъ:

Сокатилъ Господь съ неба на землю,
 А рожденье его
 Въ Стародубской сторонѣ,
 А житье въ Костромѣ,
 Верховной сторонѣ,
 Да и въ каменной Москвѣ,
 Во Мѣщанской третьей улицѣ.
 Какъ спозналъ про него
 Патриархъ Николю;
 Предалъ его на муку, на страдање.
 А то время какъ прошае,
 Той до праведныхъ дошае:
 Стали праведныхъ вязать,
 Въ земляны тюрьмы сажать,
 Караулы приставлять,
 Огнемъ, пламенемъ пытать.....

Потомъ тихимъ заунывнымъ тономъ заглаю:

Приидите, вѣрные мои,
 На мой тихій Донъ,—
 Тамо утѣшитесь;
 Приходите, вѣрные мои,
 На Сладимъ рѣку—
 Тамо насладитесь;
 Приидите, мои праведные,
 На Дарей-рѣку—
 Тамо надаритесь;
 Не ходите жь вы
 Да на Шатъ-рѣку,
 Ибо Шатъ-рѣка
 Шатоватаа....

Затѣмъ совершенно жалобнымъ тономъ заглава:

Расплачется убо царь Давидъ,
У пустыни стоя, стоячи,
Пустымъ моляся:
О мати моя пустыня,
Отъ свѣта-заа укрой мн....
Небесная лебедь—
Мати божія,
Въ небесныхъ селеніяхъ
Обитаючи,
Слезно горестно молила,
Омыа божьяго просила:
Бааговоли, сударь-свѣтъ,
На небо катить
Меня слезную
На мѣбъ посѣтить....

Послѣ глвна стиховъ началось радѣніе „кораблемъ“ и продолжалось долго, затѣмъ послѣдовало одиночное радѣніе, предшествующее обыкновенно пророчествамъ, а тамъ и самое пророчество. Пророчествовали одинъ за другимъ: сначала Аѳанасій Ермиловъ, затѣмъ Прокофій Чистопольскій, а послѣ него Иванъ Тихоновъ Смирновъ. Послѣ пророчествъ снова радѣли „кораблемъ“, потомъ помолились и сѣли по мѣстамъ. Началась „бесѣда“ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Первый началъ бесѣду Егоръ Васильевъ. Вставъ съ мѣста, онъ сталъ говорить:

„Превышній и преблагій свѣтоподатель господь рекъ ученикамъ своимъ: слушайте, ученики мои и апостолы, есть у меня старая церковь Троица Живоначальная; въ той церкви стѣны золотыя и полъ золотой, потолокъ лазоревый, главы яковтъ-аметистъ; въ ту церковь ходять люди богу молиться. Ежели они научатся отъ разумнаго свѣта и отъ разуму-свѣта и отъ разуму голубинаго и тѣ у насъ люди полу не замарають и вторично меня бога тяжкими грѣхами не распивають и эти у меня люди наслаждаются царствіе божіе и ото всѣхъ грѣховъ будутъ прощены и во царствіе небесное будутъ влущены. Эти же люди, ежели не научатся отъ разумнаго свѣта и отъ разуму-свѣта и отъ разума голубинаго, въ церковь войдутъ эти люди полъ замарають и во вторые меня бога великаго своими тяжкими грѣхами распивають. Эти люди не будутъ прощены и въ царствіе небесное не будутъ влущены. Аминь.“

Послѣ Васильева говорилъ Борисъ Архиповъ.

„Господь, такъ началъ Архиповъ, сказалъ ученику своему и апостолу Абакуму: * слушай, Абакумъ, а богъ не до нашего вѣка, вы останетесь, а вознесусь на небо, сяду одесную превышняго бога-саваоа, отца моего, судить живыхъ и мертвыхъ. Живите вы такъ какъ я живу; сами вы моимъ лутемъ ходите и людей поведите; гдѣ вы сойдетесь, сядете за хлѣбъ-соль, сколько васъ богъ солучить, говорите вы за хлѣбомъ за солью про отца моего бога-саваоа и про меня сына божьяго и про духа святаго и про мою мать царицу небесную, и хозяйская хлѣбъ-соль зачтется въ высотъ, и вы со двора пойдете всѣ съ барышомъ и на тотъ день отъ меня бога дастся вамъ участь въ царствѣ небесномъ. Слушай, Абакумъ, ежели вы не станете говорить про отца моего бога-саваоа и про меня сына божьяго и про духа святаго, про царицу небесную, хозяйская хлѣбъ-соль не будетъ зачтена и на тотъ день вамъ отъ меня, бога, участи нѣтъ, и вы со двора пойдете съ накладомъ; а недругъ вашъ, непріятель нашъ, ** по-за спинами ходя, перелышетъ ваши слова и дѣла. Абакумъ! простой рѣчи такъ вы не оставяйте, выберись изъ васъ хоть одинъ человекъ умный, молитву сотворите и крестнымъ знаменемъ оградитесь; молитвою письмо пожжете у него ***, а крестомъ въ преисподнюю его проговорите; прійти ему въ преисподнюю къ отцу-демону не съ чѣмъ будетъ похвалы привести; а если вы просто оставите, молитву не сотворите, креста не положите, онъ уйдетъ и письмо увесетъ къ отцу своему въ преисподнюю похвалу привести. Абакумъ! придетъ время души ваши съ плотями раздѣлятся и придете вы ко мнѣ, къ богу, на судъ, въ царствіе мое, и онъ придетъ и письмо принесетъ: господи! твои рабы за хлѣбомъ за солью говорили рѣчи мірскія. Въ томъ вы предо мною, богомъ, будете повинны и какъ мнѣ, богу, въ томъ отвѣтъ дадите. Аминь!“

Послѣ бесѣды началось вновь радѣніе, но въ это время послышалась звонъ колокольчика, вбѣжала услуганная Матрена и закричала: „Полиція! полиція!“ Произошло страшное смятеніе, всѣ бросились бѣжать и въ суматохѣ только

* Очевидное воспоминаніе о знаменитомъ старообрядческомъ перемучителѣ и мученикѣ протопопѣ Аввакумѣ.

** Діаволъ; „божьи люди“ никогда не произносятъ его имени.

*** Діавола.

толкали другъ друга. Но Розановъ, Архиповъ и Борисова, не теряя присутствія духа, немедленно приняла возможныя въ подобномъ положеніи мѣры: Розановъ и Архиповъ, бросившись въ переднюю, проворно переодѣлись въ обыкновенное платье, выставили два окна въ садъ и выскочили туда, за ними выскочили въ садъ и другіе кто помоложе и проворнѣе. Но подбѣжавъ къ садовой калиткѣ они увидали за нею караулъ, рванулись назадъ и разсыпались по двору и саду; болѣе робкіе зашли въ кустахъ малины, проникли въ подвалъ и погребъ и зашли въ лустыя бочки и кадѣ, иные зарылись даже въ щель. Борисова же спокойно погасила свѣчи, вышла изъ молельни и исчезла въ своихъ комнатахъ. Егоръ же Васильевъ, Иванъ Емельяновъ Лѣлщикъ, Ирина Бердвикова и другіе старики и старухи вскорѣ оломнились и спокойно остались на своихъ мѣстахъ. Молодые же дѣвушки не успѣвшія выскочить въ окно скучились по срединѣ молельни. Въ такомъ положеніи и нашли ихъ Миллеръ, Барышниковъ и прочіе. Велѣли открыть ставни. Увидавъ выставленныя окна, Миллеръ велѣлъ обыскать домъ, дворъ, чердаки, подвалы, сараи: всѣ спрятавшіеся были найдены и приведены въ молельню, куда призвана была и Борисова. Осмотрѣвъ утварь, отобрали отъ Борисовой свѣдѣніе о назначеніи каждаго предмета и составили такимъ образомъ подробный списокъ иконамъ, ланикадиламъ, подсвѣчникамъ, подручникамъ, полотенцамъ и нѣсколькимъ только-что снятымъ радънымъ рубахамъ. Задержанныхъ размѣстили по разнымъ комнатамъ и приставили караулъ. Составивъ затѣмъ актъ, Миллеръ и Барышниковъ поѣхали доложить обо всемъ генералъ-губернатору.

22 іюня назначена была слѣдственная коммиссія. Назначая предсѣдателемъ ея полковника Барышникова, генералъ-губернаторъ писалъ ему: „Считая важнымъ обнаружить мѣру ихъ заблужденія, цѣль и занятія сборища, поручаю вашему высокоблагородію, при чиновникѣ особыхъ порученій надворномъ совѣтникѣ Бороздинѣ и при делутатѣ съ духовной стороны, произвести внимательное изслѣдованіе: постигнуть прамыя ихъ намѣренія, дѣйствія, источникъ и распространеніе ихъ ученія, ихъ учителей и послѣдователей, мѣсто и время ихъ сходбищъ, образъ ихъ жизни и поведеніе. Объ иногородныхъ же открыть ихъ званіе, родъ занятій, причину и время пріѣзда ихъ въ Москву и мѣстожительства здѣсь.“

Очевидно высшее начальство въ сходбищахъ „людей божіихъ“ видѣло не одно лишь только религиозное заблужденіе. Оно подозрѣвало въ нихъ, съ одной стороны, какія-либо противогосударственныя стремленія, чего въ дѣйствительности не могло и быть, такъ какъ нелѣпо было горсти стариковъ, старухъ и неграмотныхъ молодыхъ дѣвушекъ, кроткихъ и осторожныхъ по принципу, задаваться какими бы то ни было политическими дѣлами. Да и откуда могли проникнуть въ ихъ крайне тѣсный умственный кругозоръ какія-либо политическія стремленія или планы? Съ другой стороны, начальство предполагало что за этими радніями, лѣвнємъ распѣвовъ и бесѣдами кроется самый грубый развратъ и варварскіе обряды въ родѣ приношенія въ жертву младенцевъ-первенцевъ и причащенія дѣйствительными тѣломъ и кровью этихъ младенцевъ или богородицъ, на что были нѣкоторыя указанія въ исторіи „людей божіихъ“ первой половины XVIII вѣка. Но и въ первое время существованія секты подобные обряды могли представлять собою лишь весьма рѣдкія исключительныя проявленія одиочныхъ случаевъ фанатизма, не имѣвшихъ ничего общаго съ системой вѣроученія и обрядовъ секты. На существованіе же подобныхъ звѣрскихъ обрядовъ между „людьми божіими“ въ XIX столѣтіи, насколько автору извѣстно это изъ массы подлинныхъ дѣлъ взятыхъ со всѣхъ концовъ Россіи и изъ личныхъ изслѣдованій произведенныхъ во многихъ мѣстностяхъ Россіи, не было ни малѣйшихъ указаній. *

Барышникову поручалось кромѣ того, по мѣрѣ допросовъ задержаннымъ, докладывать о результатахъ генераль-губернатору въ тѣхъ видахъ чтобы менѣе виновныхъ и увлеченныхъ другими въ секту можно было освободить изъ-подъ ареста и не держать въ заключеніи далѣе чѣмъ то было необходимо. **

При слѣдствіи Ирина Лисина и Козьма Волостниковъ раскрыли всѣ извѣстныя имъ тайны вѣроученія и „обрядовъ“

* Авторъ въ качествѣ судебного слѣдователя Московскаго окружнаго суда по особо важнымъ дѣламъ, производя слѣдствія по всей Россіи, имѣлъ возможность лично ознакомиться съ жизнью и обрядами „людей божіихъ“ въ губерніяхъ: С.-Петербургской, Московской, Тульской, Калужской, Рязанской, Орловской, Курской, Харьковской, Пензенской, Тамбовской, Саратовской, Воронежской, Таврической и Херсонской.

** Дѣло о задерж. въ 1837 хлыстахъ. т. I—II, лл. 1—26.

„людей божіихъ“. Многие изъ числа задержанныхъ сознались въ принадлежности къ сектѣ, въ посѣщеніи молитвенныхъ собраній и рассказали о ходѣ этихъ собраній, но о происхожденіи секты и объ Ульянѣ Васильевнѣ Костромской не сказали ни слова. Большинство же не созналось ни въ чемъ.

Ирина Лисина показала, между прочимъ, слѣдующее:

Секта хлыстовъ имѣетъ свое начало въ давности, какъ уломиналось иногда въ разговорѣ между лицами принадлежащими къ сему согласію, относя даже къ ветхозаконоію, ко временамъ пророка Давида *. Сначала согласіе было общее между хлыстами и скопцами, ** но по какому-то разногласію между начальниками они поссорились, другъ друга преслѣдовали, произошла драка; тотъ котораго осилили, былъ стѣчень лозами и вышибень ему глазъ. Его очень почитаютъ скопцы и поминуютъ. Жилъ онъ, какъ говорятъ, у Слеса на Новомъ, въ богадѣльнѣ, противъ колокольни, очень давно, встарину, до мору. *** У хлыстовъ есть какія-то темныя сужденія о рождествѣ Господа Іисуса Христа и его земномъ житіи. И въ подражаніе у нихъ есть люди называемые: мушцы (Христомъ, дѣвицы богородицей или богиней—и считается это по роду. Такъ изъ мушцы преимущественно извѣстенъ былъ Давидъ Филипповичъ, человекъ благочестивый, дожившій до глубокой старости, умершій Костромской губерніи, близъ города Судиславля, въ селѣ Кріушинѣ. Туда съѣзжаются поклонники этого согласія, особенно для поминокъ, когда въ семьѣ кто умретъ, особенно въ день Покрова Пресвятой Богородицы: въ этотъ день, говорятъ, померъ Давидъ Филипповичъ. Отъ села Кріушина верстахъ въ трехъ или четырехъ есть деревня Старая... Тамъ живетъ дѣвица Ульяна Васильевна, особенно уважаемая людьми хлыстовскаго согласія, какъ послѣдняя отрасль рода Давида Филипповича. Она, для виду, занимается ткачествомъ полотень—у ней съ пятнадцать своихъ дѣвокъ откуленныхъ; она

* Очевидно Лисина здѣсь смѣшиваетъ пророка Давида съ учителемъ Давидомъ Филипповичемъ изъ дер. Старой.

** Слѣдуетъ разумѣть время до возникновенія скопчества.

*** Полагать надо что это сказаніе составляетъ искаженное преданіе о скопческомъ искушителѣ Андрѣ Ивановѣ Семеновѣ, выданномъ „людьми божіими“, наказанномъ кнутомъ въ Моршанскѣ и жившемъ потомъ въ Петербургѣ въ Смольномъ въ богадѣльнѣ.

закупасть яржку, продасть по ярмаркамъ холсты, привозить и въ Москву. Къ ней хлысты имѣютъ необыкновенную привязанность и уваженіе. Поставляется даже въ непрѣмѣнный дождь, какъ бы вмѣсто богомолья, вступившимъ вновь въ согласіе, побывать у ней, не прежде однакожь нѣсколькихъ лѣтъ по вступленіи въ согласіе и съ дозволенія Ульяны Васильевны, о чемъ не мало переписываются. Богатые жъ люди ѣздятъ и чаще. Всѣ въ согласіи хлыстовской секты здѣсь проживающіе обоюга пола люди, знакомые съ Марьей Борисовой и съ прочими въ спискѣ поименованными, составляютъ особый отдѣлъ старообрядцевъ и даже отдѣленіе, какъ толкуютъ старухи, изъ пяти толковъ, раздѣлившихся незадолго предъ смертью Давида Филипповича. Ихъ называютъ „господствующими“. Они употребляютъ всякую пищу, ѣдятъ мясное, а по постамъ рыбу. Другіе же отдѣлившіеся не ѣдятъ вовсе мяснаго, иные суть скопцы: всѣ произошли изъ одного источника, но съ нашими не сообщаются. У показанныхъ въ спискѣ хлыстовъ первымъ правиломъ считается соблюдение „чистоты“ и удаленіе отъ супружества до того что бракъ считаютъ они величайшимъ грѣхомъ. Живутъ они уединенно, и если есть между ними женатые, то принимаются въ согласіе не иначе какъ отказавшись отъ обязанностей супружества и живутъ съ женами какъ братья съ сестрой*. Между себя именуются „происходящими отъ колѣна Израилева покланяющимися живому богу.“ Въ ихъ разговорахъ примѣчается что ихъ ученіе гонимо было при патріархѣ Никонѣ, что тогда былъ мучимъ Давидъ Филипповичъ. Преслѣдованіе его продолжалось лѣтъ тридцать. Пойманъ онъ былъ у Макарія въ Нижегородской губерніи. И сколько былъ мучимъ столько была и мгла по всей землѣ. А какъ хоронили его въ селѣ Криушинѣ, то лѣса ему покланялись и кресты на церквахъ въ Костромѣ нагнулись къ той сторонѣ. Рассказывающіе эти чудеса имѣютъ необыкновенное уваженіе къ тѣмъ у кого въ роду есть удостоившіеся покланяться ломутому Давидѣ. ** Таковы здѣсь старухи Прасковья и Наталья Ямщиковы и братъ ихъ Григорій Усачевъ (у посадыаго Лисина училась и грамотѣ). Ближняго ученія они не любятъ и

* Въ посестріи.

** Надо разумѣть ноги Давида Филипповича около Криушинской церкви.

толкуютъ изустно. Въ церковь ходятъ они всѣ, ко всѣмъ службамъ, по приходамъ гдѣ кто живетъ, но особенное почему-то почитаніе имѣютъ къ церкви Николая въ Драчахъ. Тутъ часто дѣвицы ихъ согласія заходятъ въ праздничные дни помолиться хотя нѣсколько на палерти. Сходятся многія и въ церковь Адриана и Натальи * за Сухаревою башней и въ Ивановскій монастырь **. При первой изъ сихъ церквей слышно похоронена какая-то ими почитаемая за праведницу Анна Иванова, которую въ царствованіе императрицы Елисаветы принуждали идти замужъ за какого-то чиновника, но она побраталась съ нимъ крестами. Въ монастырь Новоспасскій любятъ ходить молиться иконѣ Преображенія Господня. Въ Благовѣщенскомъ соборѣ поклоняются изображенію Спасителя съ отвращеннымъ лицомъ, толкуя что отвращеніе лица произошло чудомъ когда въ сей церкви мучимъ былъ патріархомъ Никономъ Данила Филипповъ. Подобныхъ разказовъ неисчислимое множество толкуется въ ихъ собраніяхъ. Обряды же исключительно ими исполняемые суть собранія въ моленныхъ. Моленья располагаются въ заднихъ горницахъ, а не на улицу. Иконы по стѣнѣ въ большомъ количествѣ. Свѣчи предъ иконами зажигаются только для свѣту во время собраній. Кругомъ горницы лавки, другихъ украшеній нѣтъ. На моленья сходятся по предварительному зову. Зовутъ съ земнымъ поклономъ каждому приглашаемому. Сходятся съ утра, часто такъ рано что народъ по улицамъ еще не ходитъ. Послѣ моленій садятся обѣдать. За обѣдомъ толкуютъ о божествѣ, объ обрядахъ относящихся до воздержанія въ пищу, до употребленія ея и т. п. Послѣ обѣда отдыхаютъ на приготовленныхъ постеляхъ, но не всѣ вдругъ, а кто устанетъ, и всегда мушны отъ женщинъ отдѣльно. Когда расположатся молиться дальше, то иные встанутъ и опять начнутъ моленіе, а больше толкуютъ вновь вступающимъ свои обычаи и правила: въ подобныхъ толкованіяхъ всегда обращаются къ Матренѣ Калугиной, даже на молитвѣ среди пророчества

* Приходская церковь третьяго „христа“ Андреяна Петрова. Въ эту церковь передано много иконъ изъ домашней церкви Андреяна и приготовленные имъ для тѣла Марыи Павловой парчевые покровы.

** Въ Ивановскомъ монастырѣ былъ погребенъ первый „христъ“ Иванъ Тимофеевичъ Сусловъ.

если кто неладно что скажетъ или запнется, то ссылается на означенную Матрону, и она, необычайную имѣя память, разрываетъ и даетъ наставленіе. Пророчествующими и вертящимися у бабки (Дукерыи Украинцевой) и у тетки нашей сама видѣла Григорія Петрова Боженца, Дмитрія Чистопольскаго, Аванасія Ермилова: всѣ они тогда бывали босые. Пророчица Прасковья Ямщикова однажды мнѣ въ пророчествѣ выговорила: „тебѣ Господь пожаловалъ чинъ, вся въ лентахъ“, а другіе ее остановили, сказавъ: „Иже не ври, Ойта не мели“. Ей это сказали Григорій Петровъ и Марья Калугина. Въ обѣдахъ на собраніи подаютъ милостыню, то-есть разносятъ деньги каждому въ столѣ находящемуся, не только ему, но и для всѣхъ кто кому приказалъ изъ единомышленныхъ: кому семьи двѣ, кому три, человекѣкъ на лять, на десять и болѣе, столько долей и получаютъ каждый за столомъ. А подаютъ разное: и по цѣлкозому и по гривеннику и даже мѣдью. Подаютъ многіе: иногда лять, шесть дачъ за обѣдъ. И тѣмъ дѣлается немощнымъ вспоможеніе для содержанія. Случаются дачи отъ ивогородныхъ и значительныя. То же самое показалъ и задержанный въ домѣ Борисовой Козьма Волоостииковъ, а въ послѣдствіи въ своемъ покаянномъ донесеніи и Николай Князевъ. Изъ остальныхъ задержанныхъ многіе показали что принадлежать къ сектѣ, рассказали и о молитвенныхъ собраніяхъ своихъ, умолчали лишь объ Ульянѣ Васильевнѣ Костромской и о сущности вѣроученія секты *.

Слѣдственная коммиссія старалась также и на основаніи документальныхъ данныхъ выяснитъ происхожденіе секты и для этого собирала свѣдѣнія и справки изъ подлинныхъ дѣлъ прежняго времени, особенно изъ дѣлъ 1733 и 1744—1752 годовъ, и на основаніи всѣхъ собранныхъ ею свѣдѣній и справокъ пришла къ тому заключенію что секта „людей божиихъ“ есть отпрыскъ квакерства, занесеннаго въ Москву иноземцемъ Квириномъ Кульманомъ, въ царствованіе царей Петра и Иоанна Алексѣевичей, выросшій на почвѣ старообрядства безполовщинскаго согласія **.

Послѣ первыхъ допросовъ большинство задержанныхъ были

* Дѣло 1844 *Моск. Арх. стар. дѣлъ* № 414, т. 1, лл. 106—118, 127—133 и Дѣло 1837 *Арх. Канц. генер.-губерн. секрет. отд.*

** То же дѣло Т. 2, л. 81 и др.

освобождены на поруки. Оставлены подъ стражей только Борисовы, Лукьяновы, Марья Берднкова, Дарья Тюрина, огородникъ Никита Повикаровъ. Объ освобожденіи изъ-подъ стражи Марьи Петровны Борисовой хлопотала жена князя Владиміра Ивановича Долгорукаго, бывшаго редакторомъ *Московскихъ Вѣдомостей*, княгиня Анна Михайловна.

Въ январѣ 1838 года она обратилась ко князю Голицыну съ письмомъ, прося отдать ей Борисову на поруки, но получила отвѣтъ что дѣло представлено уже на Высочайшее усмотрѣніе. Княгиня знала Борисову, потому что въ Рождественскомъ монастырѣ гдѣ подъ руководствомъ клиришани Елизаветы Ивановой воспитывалась Борисова, прожила 16 лѣтъ, не бывъ впрочемъ постраженною, мать княгини. Послѣдняя мать, княгиня Долгорукая познакомилась и съ Борисовой *.

Слѣдствіе, какъ уже было сказано, коснулось и Ульяны Васильевны Костромской, о которой производились разслѣдованія не только въ Москвѣ, но и по Костромской губерніи.

Въ началѣ 1838 года состоялось Высочайшее повелѣніе рѣшившее участь задержанныхъ. Наиболѣе вліятельные члены секты разсланы были по монастырямъ на жительство впредъ до раскаянія ихъ въ своихъ заблужденіяхъ; остальные оставлены на мѣстѣ жительства и отданы лишь подъ надзоръ духовнаго и свѣтскаго начальства. Ульяна Васильевна Костромская сослана была въ кievскій Фроловскій-Вознесенскій женскій монастырь, Марья Петровна Борисова—въ новгородскій Духовъ монастырь, Матрена Калугина въ вологодскій Горній-Успенскій женскій монастырь, Берднкова въ великолудскій Вознесенскій, Егоръ Васильевъ во мценскій Петролавловскій мужской монастырь Орловской епархіи, Розановъ въ Спасо-Камenskій Вологодской епархіи, Торжиковъ въ глуховскій Петролавловскій, Черниговскій епархіи, Дьяцикъ въ Иверскій Богородицкій, Новгородской епархіи, Князевъ въ задонскій Богородицкій **.

Предъ отправленіемъ Борисовой и Анны Егоровой въ назначенные для нихъ монастыри имъ было объявлено, чрезъ смотрителя Московскаго тюремнаго замка, гдѣ онѣ содержались, послѣдовавшее относительно ихъ домовъ Высочайшее

* То же дѣло, Т. 2, ст. 93—95.

** То же дѣло. Т. 1, ст. 125, 132, 203, 219—220 и др.

повелѣніе объ экспроприаціи этихъ домовъ въ пользу Московской военной богадѣльни. Анна Егорова безпрекословно исполнила высочайшую волю, выдавъ въ концѣ мая 1838 года на свой домъ кулчую на имя военной богадѣльни и получивъ за него по оцѣнкѣ 5.882 руб. 35 коп. на ассигнаціи; Борисова же объявила что не согласна на продажу своего дома. Когда же оны, 18 мая 1838 года, были оцѣнены архитекторомъ строительной комиссіи въ 8.000 руб. на ассигнаціи и ей предложено было принять эту сумму, Борисова подала Московскому митрополиту Филарету прошеніе, прося разрѣшенія пожертвовать свой домъ на церковь Св. Николая что въ Драчахъ. На это было ей объявлено что, на основаніи высочайшаго повелѣнія, домъ ея никому, кромѣ Московской военной богадѣльни, принадлежать не можетъ и предложено пожертвовать назначенные по оцѣнкѣ за домъ ея 8.000 руб. на церковь или уполномочить кого-либо получить эти деньги и употребить по ея назначенію. На это Борисова отозвалась что, согласно волѣ своихъ умершихъ родственниковъ, желала бы пожертвовать домъ на означенную церковь, а если это невозможно, то во исполненіе высочайшей воли готова уступить свой домъ, но не иначе какъ за 20.000 руб. ассигн., такъ какъ имѣеть въ виду покупателей на домъ, готовыхъ дать ей эту сумму. Въ концѣ концовъ она объявила что ни сама получать означенныхъ 8.000 руб. не станетъ, ни полномочія на то никому не дастъ. Съ тѣмъ она и отправлена была въ новгородскій Духовъ монастырь. Тогда къ экспроприаціи дома ея были примѣнены правила объ оцѣнкѣ частной собственности лоступающей въ казну, и домъ ея присажными цѣновщиками, въ присутствіи городского головы, архитектора и добросовѣстныхъ свидѣтелей, былъ оцѣненъ въ 10.000 руб. ассигн. А такъ какъ за неимѣніемъ въ виду довѣреннаго отъ Борисовой получить кулчую было не отъ кого, то обо всемъ этомъ представлено было на высочайшее усмотрѣніе, и 3 ноября 1838 года состоялось повелѣніе: „Сдѣлать установленнымъ порядкомъ распоряженіе о выдачѣ военной богадѣльнѣ формальнаго акта на домъ Борисовой, а слѣдующія за оныя, по безпристрастной оцѣнкѣ, деньги 10.000 рубл. ассигн. положить въ одно изъ кредитныхъ установленій на имя хозяйки того дома Борисовой, дабы она могла ими располагать по ея желанію“. Во исполненіе этого высочайшаго повелѣнія, въ декабрѣ 1838 года, 2й департаментъ

Московской гражданской палаты совершилъ на имя военной богадѣльни надлежащій актъ на домъ Борисовой и выдалъ этотъ актъ полковнику Барышникову, завѣдывавшему богадѣльней. Деньги же 10.000 рублей были внесены въ сохранную казну Московскаго Воспитательнаго Дома и билетъ сохранной казны отосланъ и выданъ подъ расписку Борисовой въ Новгородскомъ Духовомъ монастырѣ. Въ послѣдствіи Борисова подала московскому генералъ-губернатору князю Щербатову жалобу на Барышникова, обвиняя его въ самовольномъ занятіи ея дома подъ военную богадѣльню и выдачи за домъ билета сохранной казны, который она будучи арестанткой не принять не могла. На это Борисовой было вторично объявлено высочайшее повелѣніе послѣдовавшее относительно ея дома 3 ноября 1838 года. *

VI.

Въ то время какъ Украинцевъ и Калугины съ бѣлицами Рождественскаго и Ивановскаго монастырей возсоздали общество „господствующихъ“, въ другомъ концѣ Москвы формировался другой корабль „людей божіихъ“, не имѣвшій общаго съ „господствующими“ по причинѣ нѣкоторыхъ разногласій въ вѣрученіи.

Около 1778 года, значить послѣ мору, въ 1 кварталъ Рогожской части, на большой Алексѣевской улицѣ, стояли рядомъ два двухъэтажные каменные дома солидной кулеческой постройки. При первомъ изъ этихъ домовъ, въ концѣ огорода, на задахъ, стояла отдѣльная изба съ сѣнями, прихожей и горницею. При второмъ домѣ отдѣльной избы не было, но въ нижнемъ этажѣ, со стороны двора, были отдѣлены корридормъ двѣ просторныя „свѣтлицы“. Въ первой свѣтлицѣ, кромѣ иконъ въ переднемъ углу, лавокъ и сундуковъ по стѣнамъ, ничего не было; во второй же, въ переднемъ углу, на широкой косячатой полкѣ стояли огромные старинные образа въ потемнѣвшихъ серебряныхъ ризахъ и небольшой мѣдный осьмиконечный крестъ съ распятіемъ. Предъ ними стоялъ посеребренный высокій канделябръ съ нѣсколь-

* То же дѣло т. I—IX лл. 344—366; 444—453; 510—512; т. V лл. 275—286, и дѣло 1844, т. IV лл. 132, 149 и 150.

ками бѣлыми восковыми свѣчами. Вокругъ всѣхъ четырехъ стѣнъ укрѣплены были деревянныя лавки и разставлены скамьи.

Быль вечеръ апрѣля мѣсяца 1800 года. Въ верхнемъ этажѣ этого дома, въ просторной залѣ меблированной обыкновенною мебелью, въ переднемъ углу у образнаго столика сидѣлъ старикъ лѣтъ шестидесяти. Сѣдые волосы были острижены коротко, борода бритая, одѣтъ былъ въ шелковый халатъ, изъ-подъ котораго видѣлась бѣлосвѣжая рубаха и чернаго сукна брюки. Старикъ говорилъ стоявшей предъ нимъ лятнадцатилѣтней дѣвочкѣ:

— Веди себя воздержно, хмѣльнаго не пей, мяснаго не ѣшь, блуда не твори, ближняго не обижай, содержи плоть въ чистотѣ, ходи въ церковь каждодневно, а къ исповѣди и причастію каждый годъ. Ходи и ко мнѣ на бесѣды когда бываетъ у меня соборъ „людей божіихъ“.

Взявъ затѣмъ со стола толстую въ кожаномъ переплетѣ книгу *Прологъ Алексѣя Божія Человѣка* прочиталъ изъ нея вѣсколько страницъ. Затѣмъ прочелъ нѣкоторыя мѣста изъ дѣяній Варлаама, Павла, Фомы и др. и снова началъ говорить продолжавшей стоять дѣвочкѣ:

— Надо жить какъ въ Писаніи написано, поступать по правиламъ святыхъ отецъ, апостоловъ, мучениковъ, мученицъ. А что увидишь о нашей святой вѣрѣ, услышишь на святой бесѣдѣ, того ни подѣ какимъ видомъ никому не должна открывать: ни отцу родному, ни отцу духовному, ни князямъ, ни господствіямъ. Согласна?

— Согласна, отвѣчала дѣвочка, и поклонилась старику въ ноги.

— Ну, молись Богу и приходи на святую бесѣду.

Дѣвочка вновь поклонилась и вышла изъ комнаты. Она спустилась въ маленькую комнату нижняго этажа, куда тотчасъ вошла старушка въ синемъ китайчатомъ сарафанѣ, опоясанномъ бѣлымъ широкимъ поясомъ. Изъ-подъ сарафана видѣлась бѣлая миткалевая рубаха. Голова была повязана бѣлымъ платкомъ, сложеннымъ полосой въ три вершка и завязаннымъ назади двумя длинными концами. Такой же платокъ былъ накинутъ на плечи старухи, изъ-подъ котораго висѣла коса со влетенною въ нее длинною шелковою лентою. Старуха принесла бѣлую восковую свѣчу и такой же костюмъ какой былъ на ней и начала одѣвать въ него дѣвочку.

Старикъ этотъ былъ хозяинъ дома, московскій купецъ Яковъ Гавриловичъ Жигаревъ, „кормщикъ“ корабля „людей божіихъ“, находившихся въ едиченіи по вѣрученію со сколцами. Онъ происходилъ изъ купечества города Кадома, Тамбовской губерніи, но послѣ „жору“ поселился въ Москвѣ и нажилъ состояніе. Стоявшая предъ нимъ дѣвочка была крестьянка Звенигородскаго уѣзда, Елена Фомина Сарычева, въ послѣдствіи „пророчица“ и „богородица“ Жигаревскаго корабля „людей божіихъ“. Старушка была бѣлица Никитскаго женскаго монастыря Харитина Осипова. Собирала она Сарычеву на „бесѣду“, на которой должно было совершиться „принятіе“ Сарычевой въ секту, причемъ Осипова должна была быть приѣмною матерью.

Обрядъ приѣма немногимъ отличался отъ приѣма у „господствующихъ“. Разница была только въ томъ что у Жигарева вводили прозелита съ одною свѣчей, безъ иконы, и что вопросы и отвѣты были нѣсколько иные.

Поклонившись образамъ и собранію на всѣ четыре стороны, приѣмная мать заявляла громко что „сія раба или сей рабъ желаетъ душевнаго спасенія“, послѣ чего Жигаревъ, держа въ правой рукѣ крестъ, а въ лѣвой свѣчу, спрашивалъ: „Чего просишь?“ Встулающій, повторяя слова приѣмной матери, отвѣчалъ: „Душевнаго спасенія!“ Жигаревъ продолжалъ: „Волей или неволей ищешь ты души спасенія?“ Встулающій отвѣчалъ: „Пришелъ я вольною волей и чистымъ сердцемъ, безо всякаго понужденія лута искать, душу спасти“. Тогда Жигаревъ произносилъ слѣдующую клятву:

„Душевное спасеніе — это взять терпѣніе, страданіе, хулу и повошеніе, творить добро и предстать предъ Богомъ съ чистосердечнымъ раскаяніемъ; жить воздержно: вина и пива не пить, мяса не ѣсть, никого не обидѣть, блуда ни съ кѣмъ не творить, мірскихъ лѣсенъ не лѣть, отъ людей невоздержныхъ удалиться, не сквернословить, на пиршествя не ходить, содержать себя въ чистотѣ и опрятности. А что здѣсь увидишь и услышишь, никому не долженъ открывать и сказывать, ни другу, ни недругу, ни отцу родному, ни духовному, хотя бы пришлось терпѣть и кнутъ, и огонь, и мечъ, толпоръ и плаху. Согласенъ ты все это перенести съ радостію и веселіемъ и быть чистымъ и свѣтымъ, како сія горящая свѣча?“ Встулающій, обѣщавъ все это вылолвить и перенести и давалъ въ томъ порукой

самого Бога и за тѣмъ торжественно клался все свято исповѣть и, положивъ три земные поклона, прикладывался ко кресту и свѣчкѣ, кланялся въ ноги Жигареву и всему собранію на всѣ четыре стороны.

Въ заключеніе Жигаревъ говорилъ:

„Помни же свою клятву, ибо ты далъ по себѣ порукой не князя міра сего, ни царя земнаго, а Царя Небеснаго, самого Царя царствующихъ и Господа господствующихъ!“

Послѣ этого всѣ молились, произнося:

„Преблагій и Премилосердый Господи! ниспосли намъ истиннаго своего Духа Святаго.“

Потомъ клали десять поклоновъ и пѣли:

„Все улованіе мое на Тя возлагаю, Мати Божія, всели въ насъ Духа Святаго и покрой покровомъ своимъ; Пресвятая Троица, слава Тебѣ.“

Молитвенныя собранія „людей божіихъ“ этого корабля отличались отъ собраній „господствующихъ“ тѣмъ что у Жигарева пѣли не только распѣвы чисто „людей божіихъ“, но и сколческіе и даже преимущественно послѣдніе. За тѣмъ у Жигарева не произносились тѣ поученія и рѣчи въ которыхъ, какъ выше сказано, упоминается о Данилѣ Филипповичѣ, ученикѣ его и апостолѣ Аввакумѣ, о церкви Троицѣ Живоначальнѣй. Словомъ, молитвенныя собранія Жигаревскаго корабля, по своему характеру, скорѣе подходили къ сколческимъ чѣмъ къ собраніямъ „господствующихъ“.

Начинались они молитвой Жигарева: „Господи Ісусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!“ Царю Небесный“..... За нимъ все собраніе молилось и шепотомъ произносило молитвы: „Отче нашъ“ и „Бородице, Дѣво, радуйся“ и другія. Послѣ чего пѣли хоромъ: „Дай къ намъ, Господи, дай къ намъ Ісуса Христа, дай къ намъ Сына Божьяго, помилуй, сударь, насъ! Пресвятая Богородице, упроси объ насъ, Свѣтъ, у Сына Своего, Бога нашего; Свѣтъ! Тобою спасены, Государь, души наши многорѣшныя на землѣ, на сырой, Государь, землѣ, на матушкѣ, на кормилицѣ!“

Пѣли: „Христось воскресъ!“ „Да воскреснетъ Богъ!“ Потомъ пѣли распѣвы:

Веселятся небеса,
И радуется земля,
Вкупѣ человекѣ,
Всегда и во вѣки.....

О премудрая, пребагаая,
 Чисто-дѣвственная душа,
 Безо всякаго порока
 Къ Создателю пришла,
 Вѣрой и трудомъ,
 Цѣломудреннымъ умомъ,
 Воздержаніемъ, постомъ
 Да и чувственнымъ Христомъ
 Безпрестанно молилася
 Съ надеждой навсегда.
 Возвращается слезами,
 Огней пламя погасила,
 Обо всѣхъ вѣрныхъ просила,
 Трудомъ въ небо пригласила,

Злаго Фараона
 Въ Сиенѣ Морѣ утопила;
 Злаго Молику побѣдила,
 Воздержаніемъ, постомъ
 Люта змѣя прекратила;
 А что Богу не угодно,
 Аки въ зеркало узнала,
 Завладела высотой,
 Небесною красотою.

Царство ты царство,
 Небесное царство!
 Построено царство
 Для изгнанныхъ,
 Которые на свѣтѣ
 Были загнаны.
 Они правдою жили,
 Вѣрою служили,
 Отъ чистаго сердца
 Бога возлюбили.
 Кто Господа любить,
 Отнюдь не забудеть,
 Часто воспоминаеть,
 Тяжело вздыхаетъ,
 Челобитье пишетъ,
 Присутствіе ищетъ,
 Гдѣ его подать,
 Душу оправдать?
 Боже нашъ создатель,
 Дай намъ одежды
 Бѣлы, не тѣмны,

Отъ черныхъ отливны,
 Ангельскаго хлѣба
 Съ седьмаго неба;
 Не умори насъ съ гладу,
 Избавь отъ аду;
 Не лиши насъ
 Небеснаго царства.
 Въ Твоемъ бо во царствѣ
 Праведни, святіи
 Живутъ, не унываютъ
 Всегда веселятся.
 Меня же на свѣтѣ
 Всѣ люди боятся,
 Какъ лютаго звѣря:
 Іуда я, аль какой предатель.
 Лучше бъ я на свѣтѣ
 Вовсе не родилася:
 Ничего мнѣ не скажутъ
 Про твой домъ Давидовъ
 Кабинетъ * Господень.
 Въ твоемъ кабинетѣ
 Ангелы трепещутъ,
 Тебя на престола
 Господнемъ утѣшутъ!

Въ конюшенкѣ Государевой
 Тутъ стояли да всѣ конючки;
 Ужь одинъ изъ нихъ и не пьетъ и не ѣстъ:
 Онъ почуялъ дорожку дальнюю;
 Отъ Москвы была до Питера
 Пролегала путь-дороженька.
 Ужь по той ли по дороженькѣ
 Тутъ везутъ красну дѣвицу **
 Настасьюшку Полицаровну.
 У ней роженъки
 Были скованы,
 Бѣлы рученьки

* Сравненіе съ кабинетомъ Императрицы Анны Іоанновны, при которой было первое преслѣдованіе секты.

** Старица Московскаго Ивановскаго монастыря Настасья, въ мѣрѣ Агафья Карпова, бывшая главой общины „людей божіихъ“ въ Ивановскомъ монастырѣ и одною изъ главныхъ учительницъ людей божіихъ, каменная потомъ въ Петербургѣ на Сытномъ рынкѣ при Алевтѣ Іоанновнѣ, въ 1734 году.

Назадъ связаны
 Ужь ведутъ ее
 Два полка солдатъ
 Ко тому дворцу
 Государеву,
 Къ Государынѣ
 Аннѣ Ивановнѣ.
 Какъ возговорили тутъ
 Да солдатушки:
 „Ой ты гоѣ еси Государыня
 „Анна Ивановна!
 „Возьми ты эту невольницу
 Въ свою царскую
 Во палатушку!“
 Ужь и стала тутъ
 У ней спрашивать:
 „Ты въ которую
 Вѣру вѣруешь,
 Ужь которому
 Богу молишься?“
 „Изволь высать ты
 Своихъ вѣрныхъ слугъ—
 Я скажу тебѣ
 Правду истину“.
 И воистину
 Она услугалася
 И воскликнула
 Громкимъ голосомъ:
 „Ужь и вы слуги,
 Слуги вѣрные,
 Вы возьмите прочь
 Эту невольницу;
 Посадите вы ее
 Во темную темницу
 И подъ красное
 Да окошечко,
 Которое на Неву-рѣку.“
 И взглянула
 Во красно окошечко
 „Ужь ты, матушка,
 Ты Неву-рѣка,
 Ужь теки ты, теки
 Въ камени Москву,
 Ты скажи поклонъ

Вѣрнымъ-праведнымъ,
 Отду съ матерью,
 Что хотятъ мена
 Казнить, мучить
 Топоромъ остримъ,
 Еще плахою,
 Еще плащадью,
 Красною рубахою.
 Вы прости, прощай
 Вѣрны, праведны,
 Отецъ съ матерью;
 Ты прости, прощай
 И весь міръ-народъ;
 Ты прости, прощай
 Два поака соадать;
 Ты прости, прощай
 Маадъ-грозею наачъ.
 Не прощаю я
 Одну государыню
 Адыу Иванову
 И черезъ три дна
 У ней. “ * .

„Восплачется дѣвица
 Во высококъ терему
 Возмолятся дѣвица
 Небесному царю.
 Умилась, нашъ батюшка,
 Возжалѣся, государь,
 Стало тошно жить
 Посадимъ сиротамъ.
 Прикатила матушка
 Къ сиротскимъ воротамъ;
 Вострубила матушка
 Въ живогласную трубу,
 Возбудила она
 Духовную родню,
 Выывала, выкакала
 Честныхъ дѣвицъ и вдовицъ.
 Она честныхъ дѣвицъ
 Цѣлый поакъ набрала,

* Конецъ распѣва предвѣщаетъ кончину Адыу Ивановны чрезъ три дна.

И набравши поакъ •
 Положила дѣла.
 Вы поакъ, дѣвушки, дѣвицы,
 Вы—духовныя сестрицы,
 Коли Богу набрались,
 Служить задалась,
 Служите, не робѣйте,
 Я за ваши труды
 Рызы бѣлыя сошью,
 Со ангелы пришаю.
 На головушки ваши
 Златы вѣнцы сошью;
 На бѣлыя руки
 Божьи поручни воздамъ,
 Украшу васъ, уряжу,
 Въ вѣчно царство привожу.“

„Благослови меня
 Батюшка, государь,
 Походить, погулять,
 Поутѣшиться
 По селамъ, деревнямъ,
 Гдѣ бы мѣсто избрать
 Соборъ-церковь создать.
 Построю церковь
 Я соборную,
 Украшу лампадами
 Я серебряными;
 Засвѣчу я свѣчи
 Отъ сердечной теплоты.
 Не тѣ мои дѣвицы почтенны
 Что лентами красятся,
 А тѣ дѣвицы почтенны
 Что съ богомъ соединятся.
 Свѣтъ-любовь
 Любовь божья моя,
 Божья истинная.
 Гдѣ бы намъ видать,
 Гдѣ бы намъ слышать
 Про божьи дѣла,
 Кабы не самъ Богъ,
 Кто бы намъ помогъ—
 Божья истина.“

„Птица моя птица,
 Райскій мой соколъ,
 Всегда въ раю живешь
 Ночью мало спишь,
 По зарямъ рано встаешь,
 Богу честь воздаешь,
 Саваоу въ небеси,
 Сыну божьему свѣту,
 Родной матушкѣ превышней,
 Ко всей силѣ ко небесной.
 Изъ рая вылетаешь,
 Когда батюшка пошлетъ,
 На сыру земаю сошлетъ.
 Весела птица бываетъ
 По землѣ катаетъ,
 Во трубушку трубитъ,
 Судомъ божьимъ судитъ.
 Стойте вси со страхомъ,
 Подарить васъ отецъ даромъ.
 Мы не можемъ заслужить
 За великіе его дары...“

„Благослови насъ, государь,
 Твою пѣсенку спѣть:
 Про твое житье,
 Про сошествіе;
 Какъ прежде жили,
 Богу служили,
 Молился въ слезахъ,
 Писался на образахъ
 Они Богу угодили,
 Въ небеса укатили.
 А мы грѣшныи,
 Малолѣтніи,
 Оставались на землѣ,
 Родились, опоздали,
 Такихъ дѣлъ ни застади.
 Стали аѣлки умомъ,
 Разумомъ не крѣпки:
 Только знали, вѣдали.
 Какъ день къ вечеру идетъ;
 День прѣторгуемъ,
 Темны ноченьки проспимъ,
 Красно солнышко восходитъ,
 Въ суетахъ наша жизнь проходитъ.“

Радѣніе у „людей божіихъ“ Жигаревскаго корабля было круговое и одиночное. Круговое заключалось въ томъ что Жигаревъ, взявъ въ руки крестъ, свѣчу и чашку съ водою, шель кругообразно по горницѣ въ правую сторону, припрыгивая, притопывая и все время погружая крестъ въ воду. За нимъ, не отставая, точно также шли и остальные собравшіеся, и такимъ образомъ образовывался огромный, волнующійся и постепенно все скорѣе и скорѣе двигающійся въ правую сторону кругъ. Одиночное радѣніе совершали одни „пророки“ и „пророчицы“, которыми въ Жигаревскомъ кораблѣ были бѣлицы Московскаго Егорьевскаго монастыря Прасковья Мартыанова и Настасья Андреева, Алексѣевскаго монастыря Пелагея Иванова и Ивановскаго монастыря Аксінья Егорова. Одиночное радѣніе заключалось въ томъ что онѣ, сбросивъ съ себя обувь, вскакивали съ лавокъ и кланяясь собранію на всѣ четыре стороны, говорили:

„Простите братцы и сестрицы и помолитесь за меня!“ Получивъ въ отвѣтъ: „Дай вамъ Господи милости Божіей“, пророчицы выступали на середину комнаты и начинали вертѣться на одной ногѣ, вращаясь въ правую сторону, привскакивая вверхъ, приладая къ полу и притопывая ногами. Постепенно онѣ начинали кружиться чаще и быстрѣе и наконецъ доходило до того что лица ихъ уже нельзя было видѣть. Соответственно этому и собраніе, лѣвшее въ это время распѣвы, учащало темль и лѣло все быстрѣе и быстрѣе. Наконецъ „пророчицы“, придя въ экстазъ и почувствовавъ вдохновеніе, останавливались и провозглашали: „Во мнѣ Отецъ и Сынъ и Святой полный Духъ!“ Тогда собраніе окружало ихъ, и онѣ начинали пророчествовать попеременно, сначала одна, потомъ другая и такъ далѣе. Пророчествовали онѣ каждому отдѣльно. Каждый выслушивалъ пророчество стоя на колѣняхъ, такъ какъ, по мнѣнію собравшихся, устами пророчицы говоритъ самъ Святой Духъ. По окончаніи моленія, чтѣ было далеко за полночь, всѣ уходили отдыхать: мужчины на чердакъ, а женщины въ комнаты нижняго этажа. На другой день въ восемь часовъ утра накрывали столы, пили чай и затѣмъ обѣдали, совершивъ предъ обѣдомъ поминовеніе по усопшимъ родственникамъ. Послѣ обѣда расходились.

Въ другомъ упомянутомъ выше домѣ жилъ двоюродный братъ Якова Жигарева, московскій именитый гражданинъ и

надворный совѣтникъ Василій Яковлевичъ Жигаревъ, также родомъ изъ Кадома. Онъ былъ настоятелемъ другаго корабля „людей божихъ“ того же согласія что и корабль Якова Жигарева. Моделелья этого корабля находилась въ той отдѣльной избѣ которая стояла на задахъ на огородѣ. Пророкомъ и наставникомъ въ корабль Василія Яковлевича Жигарева былъ неизвѣстный старикъ Семенъ Яковлевъ, главнымъ же „бесѣдникомъ“ былъ кучеръ и наперсникъ Василія Жигарева, крестьянинъ села Ознобишина, Подольскаго уѣзда Прохоръ Филипповъ. Несмотря на полное единеніе въ вѣрѣ и обрядахъ посѣтителю этой моделельи не ходили въ моделелью Якова Жигарева *.

Богатство Василія Яковлевича Жигарева давало ему возможность оказывать въ широкихъ размѣрахъ помощь бѣднымъ членамъ секты, что и доставило ему глубокое уваженіе собратій. Умеръ онъ 21 октября 1802 года и похороненъ въ оградѣ Андроньевскаго монастыря, гдѣ и поставленъ надъ нею мраморный памятникъ, на которомъ вычеканенъ полный портретъ его въ полуразстегнутомъ мундирѣ. Портретъ вычеканенъ въ профиль, лѣвою стороною лица, смотрящаго къ алтарю. Волосы залетевы въ косы съ булками у висковъ; на полѣ мундира четыре летлицы, на воротникѣ двѣ, галстукъ въ пять складокъ, изъ-подъ мундира на груди видна гофренная манжка. Подъ портретомъ, окруженнымъ вѣнкомъ и гирляндами, высѣчена надпись: „Надворный совѣтникъ, московскій имянитый гражданинъ Василій Яковлевъ Жигаревъ; родился 1741, апрѣля 10; тезоименитство его было 12 апрѣля; житія его было 61 годъ, скончался въ 1802 году октября 21 дня.“

По смерти Василія Яковлевича Жигарева домъ и все состояніе его достались его роднымъ племянникамъ Гавриилъ и Ивану Яковлевичамъ Жигаревымъ, которые, не будучи сектантами, прекратили молитвенныя собранія въ моделельѣ покойнаго.

Еще задолго до смерти Василія Жигарева, именно въ 1795 году, къ нему лоступилъ дворникомъ крестьянинъ Дмитровъ

* Дѣло о задержаніи 25 мая 1846 въ домѣ кнѣзянина Елграфова хамствова. № 343, т. 1, дд. 462—504 и др. (*Архив. Канц. ген.-губер.*) и дѣло объ открытыхъ въ Москвѣ въ 1806 скопцахъ д. 11, № 1851 98 (*Моск. Губерн. Арх. Стар. дѣл.*)

скаго уѣзда, села Пятницы-Береждѣвой, Василиій Ивановъ Евграфовъ, которому тогда было 18 лѣтъ. Замѣтивъ въ немъ пылливый умъ и сильно развитое религиозное настроеніе, Семенъ Яковлевъ, въ непродолжительное время воспиталъ въ немъ себѣ преемника. Съ 1800 годовъ Евграфовъ уже „пророчествовалъ“ въ молебнѣхъ Василія Жигарева. Со смертію послѣдняго домъ его закрылся для „людей божіихъ“, и Евграфовъ съ Семеномъ Яковлевымъ, Прохоромъ Филипповымъ и остальною братіей присоединились къ кораблю Якова Жигарева и стали ходить въ его молебню *.

Яковъ Гавриловичъ Жигаревъ былъ однимъ изъ наиболѣе самоотверженныхъ дѣятелей секты въ тогдашнее время. Онъ всецѣло отдался ея интересамъ и подчинилъ имъ все свои желанія и средства матеріальныя и умственныя. Благодѣліе молебни, чинность молитвенныхъ собраній, умноженіе братіи и матеріальное ея благосостояніе наполняли все его существованіе. Если радѣнія приводили его въ неизъяснимое состояніе, „въ которомъ ему было легко и радостно и чувствовалъ онъ въ себѣ вселеніе Духа Святаго“, то умноженіе братіи было вождѣлнѣйшимъ дѣломъ его жизни. Только страхъ казни удерживалъ его отъ открытой проповѣди и заставлялъ дѣйствовать съ нѣкоторою осторожностію. Для привлеченія однихъ Яковъ Жигаревъ имѣлъ въ своемъ домѣ дешевыя квартиры, для другихъ у него находилась подходящая должность, третьимъ оказывалъ посильную денежную помощь, крѣпостныхъ откупалъ у помѣщиковъ и такимъ образомъ привязывалъ къ себѣ и своему ученію.

Сущность ученія „людей божіихъ“ этого согласія заключалась въ томъ чтобы „творить добро, вести воздержную жизнь, сласти свою душу и предстать предъ Богомъ съ чистосердечнымъ раскаяніемъ, постулая по словамъ Святаго Евангелиста Іоанна и пророчестваній Юлія, а сверхъ того, посредствомъ постной жизни, моленія и радѣнія достигать вселенія въ себѣ Духа Святаго, дабы пріобрѣсть даръ пророчествованія, знать при жизни о прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ человѣка и чрезъ то дѣлать людямъ, сошедшимъ съ пути, въ общежитіи направленіе, а пришедшему постулить въ истинную вѣру—дѣлать поученіе, какъ жить въ благочестіи, слѣдуя стопамъ святыхъ праведныхъ

* То же дѣло, № 343, лл. 462—504 т. 1.

отецъ, пророковъ и мучениковъ и внушать о благочестіи всей жизни..“

Такимъ образомъ процвѣталъ корабль Якова Жигарева до 1812 года. Наступило непріятельское нашествіе: запылала Москва, и домъ Жигарева сгорѣлъ до основанія. Тогда Яковъ Жигаревъ, забравъ свое имущество и спасенную отъ пожара утварь, переселился въ подмосковное село Гольяново, къ старѣйшему изъ своихъ послѣдователей крестьянину Алексѣю Иванову Комарову, которому было тогда 70 лѣтъ отъ роду. Комаровъ жилъ съ дочерью Авдотьей и племянникомъ Павломъ Андреевымъ Комаровыми. Сюда же перешли съ Жигаревымъ бывшая въ его кораблѣ „вводною матерью“ Настасья Петрова, „пророчица“ бѣлица Рождественскаго монастыря Екатерина Алексѣева, „пророчица“ Елена Оюмина Сарычева, Евграфовъ и нѣкоторые другіе ближайшіе его единомышленники. Семья Яковлевъ въ это время умеръ. Едва лишь стихла гроза непріятельскаго нашествія, какъ Жигаревъ собралъ свой разсѣявшійся корабль и открылъ „бесѣды“ въ домѣ Комаровыхъ. Но время и годы сломили Якова Жигарева и водить „корабль“ во время радѣній онъ уже не могъ. Поэтому онъ избралъ своимъ преемникомъ любимаго ученика покойнаго Семена Яковлева, молодаго Евграфова, записавъ ему все свое состояніе и сдать ему еще при жизни своей настоятельство.

Умеръ Яковъ Гавриловичъ Жигаревъ въ томъ же селѣ Гольяновѣ, въ домѣ Комаровыхъ, въ 1824 году, и гробъ его, сопровождаемый Евграфовымъ и другими послѣдователями, торжественно по чину православной церкви былъ олущенъ въ могилу на Гольяновскомъ кладбищѣ. * Надъ могилой его Евграфовъ поставилъ въ формѣ гробницы памятникъ изъ дикаго камня съ такою же на немъ плитой. На правой его сторонѣ высѣчена была слѣдующая надпись:

„Пусть добродѣтели награды въ семь мірѣ нѣтъ,
Но доблественность сама себя есть славы цвѣтъ,
Сыновняя жь любовь и чувствъ его стремленье
Возмогутъ ли забыть даръ жизни и рожденья?
Отче! ты мнѣ служилъ нѣжнѣйшею отрадой:
Какой по смерти я почту тебя наградой?
Сей памятникъ не есть хвалы твоей вѣнецъ,
Но въ ономъ нашъ закрытъ залогъ любви сердецъ!“

* Тамъ же и т. 2го лл. 519—611.

На лѣвой же сторонѣ памятника высѣчена была такая надпись:

„Подъ симъ камнемъ погребено тѣло раба Божія московскаго 3й гильдіи купца Якова Гаврилова Жигарева. Скончался 1824 года, іюня 27 дня полудни. Въ послѣднюю минуту жизни его было ему отъ роду 85 лѣтъ, 9 мѣсяцевъ и 3 дня. Родился въ 1739 году, октября 15 дня, а тезоименитство его было октября 23 дня.“ Въ головахъ памятника тоже была надпись: „Господи! приими духъ мой съ миромъ! Въ память вѣчную будетъ праведнымъ о Господѣ!“ *

Вслѣдъ за Яковомъ Жигаревымъ умеръ и пріотившій его и его корабль въ своемъ домѣ Алексій Комаровъ, скончавшійся въ 1826 году. Изъ числа сотрудниковъ Жигарева по вѣрѣ бѣлица Настасья Андреева умерла въ 1828 году, въ Егорьевскомъ монастырѣ, и погребена на Вагавьковскомъ кладбищѣ; Прохоръ Филипповъ, основавшій въ своемъ домѣ, въ Басманной части, у Троицы въ Сыромятникахъ, шнурочное заведеніе для выкупленныхъ имъ изъ крѣпостнаго состоянія дѣвушекъ, умеръ въ 1836 году и похороненъ на Калитенскомъ кладбищѣ. Старѣйшая „пророчица“ корабля, бѣлица Егорьевскаго монастыря Прасковья Мартыанова, оставила монастырь, построила домъ въ Яузской части, устроила въ немъ такое же заведеніе какъ у Прохора Филиппова и прожила тутъ до глубочайшей старости, укрѣпляя въ жившихъ у нея дѣвушкахъ вѣру „людей божіихъ“. Умерла она въ 1843 году и погребена на Калитенскомъ кладбищѣ. **

Дома Прохора Филиппова и Мартыановой съ ихъ шнурочными заведеніями въ дѣйствительности были скитами или женскими монастырями „людей божіихъ“ корабля Жигарева. Ни одинъ мушкетеръ никогда сюда не допускался. Оба дома, всѣмъ своимъ длинникомъ, тянулись въ глубь дворовъ, огражденных высокими заборами съ воротами и калиткой вѣчно на запорѣ. Жизнь въ нихъ была вполнѣ монастырскою: въ нихъ царствовали ничѣмъ ненарушаемая тишина и спокойствіе; строжайшее соблюденіе постовъ и полное воздержаніе отъ мясной пищи, пища и вина составляли непремѣнное правило; общая молитва въ часы положенныя монастырскимъ уставомъ, общая трапеза, трудъ, смиреніе, повиновеніе

* Тамъ же, т. 6й, лл. 2.925 и 2.926.

** Тамъ же, т. 1й, лл. 462—504.

старшимъ и темный цвѣтъ верхней одежды дополняли обстановку этой жизни. Дома эти послужили въ послѣдствіи прототипомъ множества подобныхъ домовъ, устроенныхъ въ Басманной, Лефортовской и Серпуховской частяхъ Москвы жилищнѣйшими послѣдователями тѣхъ кораблей „людей божіихъ“ которые подобно кораблю Жигарева имѣли единеніе со скопцами въ молитвенныхъ собраніяхъ и обрядахъ. Домъ Василя Жигарева продавъ былъ его племянниками московскому купцу Семену Алексѣеву, отъ котораго онъ достался потомъ его вдовѣ. Яковъ же Жигаревъ еще въ 1813 году продалъ свое обгорѣлое дворовое мѣсто купцу Чельшеву, а сей послѣдній той же Алексѣевой. На мѣстѣ прежнихъ деревянныхъ домовъ Жигаревыхъ и цѣхъ молеель воздвигнуты были большіе каменные дома и просторныя службы. *

Умирая, Яковъ Жигаревъ завѣщалъ Евграфову построить молеельню въ самой Москвѣ, въ Басманной части, у Троицы въ Сыроматникахъ, гдѣ былъ и домъ Филиллова. Евграфовъ свято исполнилъ волю своего учителя. Года три спустя послѣ смерти Жигарева онъ возвелъ въ указанномъ мѣстѣ большой деревянный домъ съ мезониномъ, коюшнями и сараемъ, оградилъ дворъ высокимъ заборомъ и выкопалъ среди двора колодець съ навѣсомъ надъ нимъ въ видѣ крыши часовни. Въ нижнемъ этажѣ дома, на половинѣ обращенный во дворъ, устроена была просторная молеельня, обставленная образами и утварью прежней Жигаревской молеельни. Къ 1826 году все было окончено, и Евграфовъ открылъ въ новой молеельнѣ „бесѣды“ своего корабля, численность членовъ котораго простиралась до 100 человекъ. Пророчествовали на этихъ бесѣдахъ, кромѣ Прохора Филиллова и Прасковьи Мартыановой, бѣлицы Рождественскаго монастыря Екатерина Алексѣева, Авдотья Алексѣева Комарова (Гальяновская) и Елена Оомина Сарычева. **

Молитвенныя собранія или „бесѣды“ въ этой новой молеельнѣ продолжались спокойно и безпрепятственно до 1846 года, когда по поводу слѣдствія о „людяхъ божіихъ“, задержанныхъ 17 ноября 1844 года, въ домъ Мавры Федоровой Торжиной, до слѣдователей дошли свѣдѣнія и о молеельнѣ Евграфова. Сдѣлано было распоряженіе о задержаніи единомышленниковъ Евграфова во время молитвеннаго собранія

* Тамъ же, л. 552.

** То же дѣло, т. 3, л. 1.567, т. 2, л. 604.

ихъ. Задержано было 80 человекъ и въ томъ числѣ самъ Евграфовъ, Авдотья Комарова, Елена Сарычева и главный бесѣдникъ моельни, послѣ смерти Филиппова, крестьянинъ Старацкаго уѣзда, села Елифаньева, Ульянъ Автиловъ. Задержавъ былъ также незадолго предъ тѣмъ начавшій похвалять эти „бесѣды“ юродивый странникъ Омисимъ Степановъ Улаевъ, пользовавшійся немалымъ значеніемъ въ тогдашнемъ московскомъ кулеческомъ кружкѣ и получившій большую извѣстность своимъ юродствомъ и странными поступками.

Улаевъ происходилъ изъ дворянъ Орловской губерніи, Малоархангельскаго уѣзда, Губкинской волости, деревни Лесковъ. Онъ былъ юродивый странникъ, ходилъ въ послушнической одеждѣ, босой, въ желѣзныхъ веригахъ, обвѣшанный иконами. Въ такомъ видѣ ходилъ онъ въ 1830 годахъ по Киеву, при митрополитѣ Евгеніи. Затѣмъ онъ странствовалъ съ кіотами, образами, крестами и другими принадлежностями богослуженія, имѣя въ рукѣ трость, въ нижній конецъ которой былъ вѣзанъ желѣзный цилиндръ, а въ набалдашникѣ изображеніе Божіей Матери. Странствуя въ веригахъ и босой по селамъ и деревнямъ, онъ благословлялъ народъ старообрядческимъ крестомъ, освящалъ воду погруженіемъ креста, раздавалъ ее въ бутылки деревенскимъ женщинамъ и изъ бывшаго при немъ стекляннаго боченочка отливалъ имъ деревяннаго масла во флакончики, не требуя за это никакой платы. Въ началѣ іюня 1833 года онъ былъ задержанъ въ Перемышльскомъ уѣздѣ, причемъ у него оказались пелена съ мишурою бахрамой, кресты, иконы, латимѣстный подсвѣчникъ, кадильница, лампада, ладавъ, требники, акаѣисты, святцы, печать для просфоръ и другія принадлежности походной часовни. Его препроводили на родину въ распоряженіе Малоархангельскаго уѣзднаго суда, въ которомъ въ концѣ 1833 года состоялось такого рода рѣшеніе: „Его, Улаева, за разглашеніе себя что якобы онъ пошелъ для проповѣданія Христа, за погруженіе креста въ воду, сливаніе оной въ чашки женщинамъ, отливаніе для помазанія глазъ деревяннаго масла по силѣ указа 1811 года іюля 5 дня, выдержать въ смиренномъ домѣ два мѣсяца; за названіе жъ имъ въ присутствіи Перемышльскаго земскаго суда членовъ оваго крючками, взыскать съ него штрафу въ пользу казны десять рублей; отобранныя у него деньги отослать въ приказъ общественнаго призрѣнія, кіотъ же и (перечислены предметы) въ церковь.“

Отсидѣвъ свой срокъ, Улаевъ снова пошелъ странствовать по Россіи. Въ 1837 году онъ былъ уже въ Москвѣ, ходилъ по улицамъ среди зимы босой, въ веригахъ, юродствовалъ. Въ февралѣ этого же года вновь попалъ подъ судъ и заключенъ въ тюремный замокъ за учиненіе всенароднаго „соблазна“ въ церкви Св. Покрова, что въ Зарядьѣ, во время литургіи, и нанесеніе оскорбленія священнику. Дѣло разсматривалось I департаментомъ Московскаго надворнаго суда, въ которомъ состоялся слѣдующій приговоръ: „I департаментъ находитъ одноворца Улаева виновнымъ въ нелицевыхъ поступкахъ въ церкви во время служенія; впрочемъ помѣшательства отъ того не произошло кромѣ соблазна, за что, соображаясь (законы), онъ подлежалъ штрафу или временному заключенію, но, признавъ въ уваженіе то что таковой его поступокъ могъ быть учиненъ не въ здоровомъ разсудкѣ, ибо медицинская контора засвидѣтельствовала что онъ наклоненъ къ шлохондріи, то... вмѣнить ему въ наказаніе содержаніе подъ стражей, а какъ онъ и донынѣ не поступилъ въ монашество, то сдѣлать ему предъ судомъ (о томъ) строгое подтвержденіе что если онъ за симъ не поступитъ въ монастырь и не воздержится отъ праздношатанія, въ такомъ случаѣ поступлено будетъ съ нимъ какъ съ бродягой...“ Очевидно что Улаевъ имѣлъ сильныхъ почитателей, если и медицинская контора свидѣтельствовала объ его шлохондріи и надворный судъ повѣрилъ на слово этому свидѣтельству. По всѣмъ вѣроятіямъ почитателями и ходатаями этими были почетные граждане Соковницы, Гаврила и Алексѣй Чижовы, у которыхъ мы находимъ проживающимъ Улаева въ 1840 годахъ. Въ послѣднее время предъ его задержаніемъ у Евграфа онъ также беззавѣтно прилѣпилася къ вѣрѣ „людей божіихъ“, какъ прежде относилася къ проповѣди старообрядства. Поглощенный новымъ для него ученіемъ, Улаевъ оставилъ Чижовыхъ и поселился у племянницы Прохора Филиппова, московской цеховой Натальи Григорьевой, ревностной послѣдовательницы Евграфа. Будучи затѣмъ задержанъ въ 1846 году въ молеельнѣ Евграфа на самой „бесѣдѣ“, Улаевъ былъ заключенъ въ Московскій тюремный замокъ, гдѣ и умеръ 4 октября 1847 года. *

Между тѣмъ слѣдствіе и судъ по дѣлу Евграфа и его

* То же дѣло (*Арх. канц. моск. ген.-губ.*) № 343 т. 1, л. 556, т. 6, л. 3.079, т. 2, лл. 612, 931, 933, т. 3, лл. 1.200—1.300.

корабля таянулись до конца 1849 года, когда состоялось наконецъ рѣшеніе. Евграфова велѣно было сослать въ Чебоксарскій Троицкій монастырь Казанской епархіи, Антилова—въ Спасо-Камешскій Духовъ монастырь Вологодской епархіи, Сарычеву—въ Галичскій женскій Николаевскій монастырь Костромской епархіи. Остальные задержанные отданы были подъ надзоръ духовнаго начальства и полиціи на мѣстахъ ихъ жительства. *

Того же согласія небольшіе корабли были въ Даниловской слободѣ Москвы и въ Ольховцахъ. Первый корабль соби-рался съ 1820 по 1846 годъ въ домѣ крестьянки Подольскаго уѣзда, деревни Песья, Авдотьи Никифоровой, второй въ домѣ московскаго кулца Петра Силавтьева Дилюкова. Моельня Никифоровой была закрыта и сломана еще въ 1840 годахъ, и дворовое мѣсто Никифоровой поступило въ вѣдомство Московской удѣльной конторы. Дилюковъ же былъ привлеченъ въ 1846 году къ дѣлу Евграфова. моельня его была закрыта и корабль разсѣлся. **

Такимъ образомъ преслѣдованіе 1846—1849 разсѣяло московскіе корабли „людей божіихъ“ того согласія которое, отступивъ отъ чистаго ученія „вѣрныхъ“ „праведныхъ“ и отчасти утративъ преданія о Данилѣ Филипповичѣ и Иванѣ Тимоѣевичѣ, не чуждалось общенія со сколцями. Но прошло „гонительное время“ и „отверзли уста свои пророки“. Оставленные на жительствѣ въ Москвѣ члены этихъ кораблей присоединились ко сколцамъ и вмѣстѣ съ ними сформировались въ небольшія группы. И вотъ по всей Серпуховской, Лефортовской, а отчасти и Басманной частямъ и въ Даниловской слободѣ возникли такіе дома-монастыри какіе были у Прохора Филиппова и Мартыяновой. Къ 1870 году такихъ домовъ въ этихъ мѣстностяхъ явились цѣлыя десятки и каждый такой домъ заключалъ въ своихъ стѣнахъ плотно организованную общину, состоявшую изъ 10, 15 и даже 20 дѣвушекъ разнаго возраста. Мужской элементъ въ этихъ общинахъ представляли исключительно уже одни сколцы. Послѣдніе проживали обыкновенно въ мезонинахъ или уединенныхъ горенкахъ, если сами не были хозяевами такихъ домовъ. Въ каждомъ изъ такихъ домовъ наиболѣе уединенная горница служила моельней. ***

* То же дѣло т. 1 и 2й, лл. 121, 152, 159.

** То же дѣло т. 2, лл. 845—890 и т. 3й, л. 1.230.

*** Дѣло о распространеніи скопческой секты въ Москвѣ Соболевыхъ, Чумаковымъ и др. 1870—1871.

VII.

Сосланные представители согласія „господствующихъ людей божіихъ“ недолго оставались въ назначенныхъ для ихъ жительства монастыряхъ. Монастырское начальство доносило Св. Синоду объ ихъ раскаяніи, Синодъ сообщалъ министру Внутреннихъ Дѣлъ, министръ испрашивалъ Высочайшее соизволеніе, и сосланные постепенно были освобождаемы изъ монастырей и возвращались въ Москву. Такъ въ іюнѣ 1839 года возвратился въ Москву купецъ Антонъ Розановъ, въ мартѣ 1841 года Князевъ, въ маѣ Ермиловъ, въ іюнѣ Борисова, въ апрѣлѣ 1842 года—Авдотья Шацкая, въ іюнѣ 1843 года—Анна Егорова. Въ 1844 году возвратились Дмитрій Чистопольскій, Матрена Калугина, Лѣлщикъ и нѣкоторые другіе. Въ 1845—1847 года были возвращены и остальные сосланные, за исключеніемъ Торжина, умершаго въ монастырѣ еще 17 ноября 1843 года.

По возвращеніи въ Москву этихъ наиболѣе видныхъ дѣятелей согласія „господствующихъ“, между послѣдними вновь возникла мысль о восстановленіи молитвенныхъ собраній. Подходящимъ поводомъ къ тому послужила вѣсть о смерти бывшаго настоятеля согласія Григорія Торжина, за чтѣмъ и взялась племянница его и наследница московская мѣщанка Мавра Федорова Торжина. Ей было извѣстно что, еще до слѣдствія 1837 года, Торжинъ предлагалъ Дмитрію Чистопольскому принять на себя, по смерти его, Торжина, настоятельство. Поэтому узнавъ о возвращеніи Чистопольскаго, она объявила ему что желаетъ справить поминки по дядѣ и стала упрасивать его руководить, въ качествѣ настоятеля и пророка, молитвеннымъ собраніемъ, имѣющимъ быть по этому случаю въ ея домѣ. Чистопольскій согласился. Собраніе назначено было на 17 ноября того же 1844 года, такъ какъ въ этотъ день должна была исполниться годовщина смерти Торжина. Затѣмъ Мавра Федорова отправилась приглашать на собраніе. Одни, какъ напримѣръ Матрена Калугина, согласились безпрекословно, другіе, какъ напримѣръ, Никифоровъ и Лѣлщикъ, не могли придти сами по старости и слабости, но обѣщали отпустить домашнихъ, третьи, болѣе осторожные, вовсе не обѣщали быть.

Домъ Торжиной находился въ Сильвестровскомъ переулкѣ, 5 квартала Срѣтенской части, и значился подъ № 607. 17 ноября, съ самаго утра, начали собираться къ Торжиной „вѣрные“ „праведныя“. Изъ числа бывшихъ подъ слѣдствіемъ явились Чистопольскій, Калугина, Лужникова, сестра Никифорова Федосья Архилова, внучка Лѣлчика Аксинья Емельянова, Пелагея Шестова, Аграфена Бердникова и еще нѣсколько другихъ. Явились и такіе которые въ 1837 году не попали подъ слѣдствіе. Всего, впрочемъ, собралось четверо мужчинъ и двадцать дѣвушекъ. Къ полудню переодѣлись въ радѣльные костюмы, собрались въ молельню и зажгли свѣчи. Чистопольскій препоясаясь полотенцами, сталъ въ переднемъ углу, и подъ его руководствомъ началось моленіе.

Между тѣмъ объ этомъ собраніи еще наканунѣ было донесено московскому оберъ-полицеймейстеру Л. М. Цынскому. По его распоряженію приставъ Мѣщанской части Лисицынъ еще съ утра 17 ноября началъ наблюдать за домомъ Торжиной. Замѣтивъ приходившихъ къ Торжиной по одиночкѣ женщинъ, Лисицынъ около полудня, съ тремя квартальными надзирателями и добросовѣстнымъ свидѣтелемъ Писляковымъ, вошелъ въ домъ. Молившіеся бросились было бѣжать, но были задержаны: одни на чердакѣ Торжиной, другіе на чердакѣ сосѣдняго дома Бердниковой. Чистопольскаго, Абрамова и нѣсколькихъ дѣвушекъ задержали въ радѣльныхъ костюмахъ въ самой молельнѣ. Свѣчей погасить не успѣли, подручниковъ не успѣли скрыть. По распоряженію оберъ-полицеймейстера задержанныхъ размѣстили по разнымъ полицейскимъ частямъ, а въ домахъ ихъ произвели обыски. Ничего особеннаго однако не нашли, кромѣ развѣ того что у Марьи Бердниковой и Прасковьи Михайловой, въ особыхъ горницахъ, нашли такую обстановку какая обыкновенно бываетъ въ молельняхъ.

22 ноября, по распоряженію генераль-губернатора, образована была слѣдственная коммиссія подъ предсѣдательствомъ полковника гвардіи графа В. П. Толстаго. При слѣдствіи Чистопольскій и нѣкоторые другіе указали на дѣйствительную цѣль собранія, остальные утверждали что собрались на помпальный обѣдъ по Торжинѣ. Въ началѣ 1846 года дѣло поступило въ 1й департаментъ Московскаго магистрата и послѣ разныхъ мытарствъ (возвращеній, дослѣдованій и т. п.) рѣшено было наконецъ 19 апрѣля 1850 года въ Московской

уголовной палаты и рѣшеніемъ этимъ заключено: „Дмитрія Чистолопольскаго, Мавру Злоцдову и Ирину Калустину, какъ добровольно сознавшихъ въ принадлежности къ сектѣ хлыстовъ, отослать, для вразумленія и покаянія съ ними по правиламъ церкви, къ мѣстному духовному начальству; остальныхъ же, какъ не сознавшихъ, оставить въ сильномъ подозрѣніи, съ отдачей ихъ подъ надзоръ полиціи и увѣщаніе приходскихъ священниковъ“. Приговоръ этотъ вмѣстѣ съ дѣломъ чрезъ генералъ-губернатора поступилъ на разсмотрѣніе Комитета Министровъ, который, журналомъ своимъ состоявшимся 24 октября того же 1850 года, положилъ: „Марю Федорову Торжину, Дмитрія Чистолопольскаго и прочихъ подсудимыхъ, хотя и не сознавшихъ, но навлекающихъ на себя подозрѣніе въ принадлежности къ сектѣ хлыстовъ, предоставить особому вниманію епархіальнаго начальства, дабы оно чрезъ отличающихся познаніемъ, олытностію, благонамѣренностію и усердіемъ духовныхъ лицъ, при содѣйствіи гражданскаго начальства, старалось вразумлять и назидать сказанныхъ подсудимыхъ въ правилахъ св. вѣры, а независимо сего поручить губерискому начальству сдѣлать распоряженіе объ учрежденіи надзора за образомъ жизни всѣхъ вышеозначенныхъ людей и преимущественно изъ нихъ за Федоровой, Чистолопольскимъ, Сергѣевой, Соколовой, Злоцдовой, Никифоровой, Калустинной и Калугиной. Найденные же у Федоровой два подручника и четыре полотенца, а также отобранную отъ Чистолопольскаго длинную рубаху уничтожить“ *.

Послѣ этихъ одио за другимъ постигшихъ „господствующихъ людей божіихъ“ преслѣдованій, московское общество ихъ, вслѣдствіе указанныхъ выше причинъ, постепенно упало до того что въ 1870 годахъ, когда автору удалось лично ознакомиться съ нимъ, оно состояло изъ нѣсколькихъ мужиковъ и нѣсколькихъ десятковъ старухъ и разнаго возраста дѣвушекъ. Эти послѣдніе представители ученія „людей божіихъ“ въ Москвѣ въ 1870 годахъ, по своему вѣншему образу жизни, промысламъ, отношеніямъ къ православнымъ, уже ничѣмъ почти не отличались отъ послѣднихъ. Слѣдуетъ

* Дѣло о задержанныхъ 17 ноября 1844 въ домѣ мѣщанки Мавры Федоровой хлыстахъ (*Моск. Губ. Арх. Стар. Дѣл., № 414*), т. 1, лл. 1—22, 71—96; т. 2, лл. 39—41 и др.; т. 4, лл. 1—2, 160—162 и т. 5.

отдать справедливость ихъ воздержности въ пищу, скромности поведенія, трезвости и трудолюбію; качества эти всегда составляли отличительную черту „людей божіихъ“ этого отдѣла.

Судьба „божіихъ домовъ“ этого общества была слѣдующая:

Выше было сказано что оба „божіе дома“, по высочайшему повелѣнію, въ 1838 году поступили на вѣчныя времена въ собственность Московской военной богадѣльни, съ тѣмъ чтобы въ нихъ никогда не проживали сектанты, а отдавались бы они внаемъ подъ торговыя заведенія.

Было ли испрашиваемо относительно этихъ домовъ новое высочайшее повелѣніе, мы не знаемъ, но около 1850 года домъ Анны Егоровой (на углу 3й Мѣщанской и Сухаревки) былъ купленъ съ аукціона извѣстною полковницей Татариновой, созывавшею въ своей квартирѣ въ Петербургѣ молитвенныя собранія „людей божіихъ“. Какъ этотъ домъ, такъ и сосѣдній домъ Матрены Калугиной Татаринова купила на имя дочери своей, вышедшей замужъ за Урбановича-Пелецкаго. По смерти Пелецкаго вдова его вышла замужъ за дѣкара Башкевича, которому и достались отъ жены оба эти дома. Отъ Башкевича домъ Анны Егоровой приобрѣлъ крестьянинъ Мещовскаго уѣзда, деревни Полкова, Василій Ивановичъ Комаровъ. Но дѣйствительнымъ покупщикомъ и владѣльцемъ дома былъ не Василій Комаровъ, а братъ его Фѣдоръ Ивановичъ Комаровъ, значащійся въ числѣ тѣхъ „людей божіихъ“, списокъ которыхъ представленъ былъ генералъ-губернатору полковникомъ Барышниковымъ въ 1838 году, вмѣстѣ со слѣдственнымъ дѣломъ о задержанныхъ въ домѣ Борисовой сектантахъ. Фѣдоръ Комаровъ былъ помѣщичьимъ крестьяниномъ поручика Александра Смирнова. Въ 1820 году онъ прибылъ въ Москву, жилъ работникомъ сначала у разныхъ хозяевъ, потомъ у купца Фѣдора Савельевича Медвѣдева на Канавѣ, 2го квартала Якиманской части. Въ 1835 году, будучи уже прикащикомъ Медвѣдева, выкупился при его содѣйствіи на волю. Слустя нѣсколько лѣтъ Фѣдоръ Комаровъ приобрѣтаетъ себѣ собственный домъ въ приходѣ Михаила Архангела, въ Овчяниконскомъ переулкѣ, гдѣ Василій Комаровъ жилъ при немъ въ видѣ работника. Купивъ домъ Анны Егоровой или иначе „божіи домъ“ Андреяна Петрова, Комаровы нашли его въ полуразрушенномъ состояніи. Комаровы часть его сломали, а часть возстановили, доведя главный домъ до 3й Мѣщанской. Въ такомъ видѣ этотъ домъ существуетъ

и въ настоящее время. Приворотная же свѣтлица Андреянова, въ которой жили Иванъ Бѣлый и калитаѣ Смургинъ (наперсники Андреевы) игдѣ хранилось тѣло Марѣи Павловой, осталась въ томъ видѣ какъ была и по настоящее время. Она находится сзади главнаго корпуса, выходящаго на Зю Мѣщанскую улицу. Федоръ Комаровъ умеръ 22 марта 1870 года и, судя по разказамъ лицъ близко его знавшихъ, при жизни игралъ роль главы общества „господствующихъ людей божіихъ“, пользовался глубокимъ уваженіемъ и полнымъ повиновеніемъ. Человѣкъ онъ былъ суровый, недоступный. Ходилъ постоянно въ бѣломъ парусиномъ халатѣ, жилъ въ угловой комнатѣ, выходившей окнами къ саду. Комната эта была убрана частью тою утварью которую „люди божіи“ успѣли сохранить отъ бывшей въ этомъ домѣ, при Ульянѣ Васильевнѣ Смурочниковой, моделини. Къ числу этихъ вещей принадлежатъ: покрытыя краснымъ сукномъ узенькія скамейки, старинныя образа, ладоницы, подсвѣшники. Между сосѣдами Федора Ивановича Комарова называли „христомъ людей божіихъ“. Послѣ Федора вскорѣ умеръ Василій Ивановичъ Комаровъ, послѣ котораго домъ достался третьему изъ братьевъ Ильѣ Ивановичу Комарову.

Какъ, когда и кѣмъ выкупленъ у военной богадѣльни домъ Борисовой или второй „божій домъ“ неизвестно, но въ 1870 годахъ онъ принадлежалъ московской мѣщанкѣ Аксинѣ Филипповой, проживавшей въ этомъ домѣ съ нѣсколькими дѣвухами, большею частію пожилыми.

НИКОЛАЙ РЕУТСКІЙ.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ

ПОКЛОННИЦЫ СВЯТАГО ГРОБА ГОСПОДНЯ *

XV.

Іерусалимъ, 8 апрѣля 1875.

Поездка въ Галилею пугала меня своею трудностью и метразимо влекла сердце священными воспоминаніями. Теперь путь совершенъ. Слава Богу!

Выѣздъ въ Галилею каравана русскихъ поклонниковъ назначили въ пятницу на четвертой недѣлѣ поста, чтобы къ Благовѣщенію онъ могъ придти въ Назаретъ. На мое горе у меня страшно разболѣлись зубы. Пятница приближается, всѣ готовятся, всѣ суетятся,—хоть плакать. Къ счастью призжаетъ назаретскій митрополитъ и присылаетъ сказать консулу чтобъ онъ остановилъ караванъ, потому что отъ страшныхъ дождей лившихъ цѣлую недѣлю по дорогѣ сдѣлалась ужасная топь. Караванъ остановили до середины пятой недѣли. Въ день Благовѣщенія, послѣ обѣдни, мы отправились въ Геесиманію помолиться у гроба Пресвятой Дѣвы и испросить ея помощи въ предстоящемъ пути. На другой день 26го, съ ранняго утра, страшный шумъ и бѣготня въ домѣ и на дворѣ свидѣтельствовали о приготовленіи каравана къ походу.

* См. №№ 3 и 4 *Русск. Вѣстн.*

Толпы народа, лошади, осамы, мулы свозили и шумѣли во всѣхъ углахъ русскихъ построекъ. День былъ ясный, но вѣтреный, не предвѣщавшій добра.

Одни за другими лотянулись крестясь гнѣшеходы по Дамасской дорогѣ; начали отправляться и верховые; вотъ повели и нашихъ коней; стали сѣдлать, но сборы оказались необыкновенно долги. Уже ушла и тяжелая кавалерія, по выраженію консула, то-есть мулы съ вещами и гѣжа Т. въ тахтараванѣ (родъ лаланкина, у котораго сзади и спереди шести съ крючьями продѣвающимися въ хомуты двухъ здоровыхъ муловъ), а мы все еще не собрались. Наконецъ все готово. Генеральша П. со своею дѣвучкой помѣстились въ корзинки по бокамъ мула, а остальное общество, то-есть М. Н. а, отецъ Стефанъ, прежній нашъ спутникъ іеромонахъ со своимъ послушникомъ и нашъ кавасъ, получивъ благословеніе архимандрита и при благожеланіяхъ всѣхъ провожавшихъ, сѣли на лошадей и послѣдніе тронулись въ путь.

Позади насъ остался Іерусалимъ, направо высится громадная гора Самуила. Предъ нами другая гора, ознаменованная встрѣчей Александра Македонскаго съ іудейскимъ первосвященникомъ, при видѣ котораго великій завоеватель первый преклонилъ голову, и на вопросъ Пармениона: „зачѣмъ онъ воздастъ почеть еврейскому первосвященнику?“ отвѣчалъ что не ему онъ воздастъ почеть, а тому всемогущему Богу имя котораго начертано на его челѣ. (На передней сторонѣ кидара первосвященническаго полагалась дощечка съ вырѣзаннымъ на ней именемъ Іеговы.)

Наконецъ, предъ нами та дорога по которой столько разъ ходило Святое Семейство, а потомъ Спаситель со своими учениками изъ Галилеи въ Іерусалимъ и обратно. Это та самая природа изъ которой Божественный Учитель бралъ образы для своихъ притчей.

Предъ закатомъ солнца мы достигли довольно большаго арабскаго православнаго селенія Раманы.

Палатки наши были разбиты рядомъ съ селомъ, а простой народъ, сколько могло помѣститься, пустили ночевать въ церковь для защиты отъ холоднаго вѣтра который начиналъ нагонять густыя облака. Послѣ скуднаго обѣда отецъ Стефанъ предложилъ намъ пойти въ церковь ко всеобщей.

Большая, довольно чистая церковь была биткомъ набита поклонниками, уже расположившимися было на ночлегъ. Не

вдругъ поняли они что такое будетъ. Началось служеніе, русское пѣніе огласило храмъ; покаянный псалмъ „Помилуй мя Боже“ возбуждалъ духъ къ бодрствованію. Отецъ Стефанъ началъ великій канонъ Андрея Крптскаго. Чудныя слова его доходили до души, не смотря на ея отяжелѣвшую тѣлѣнную оболочку.

Послѣ всеобщей послѣдшили на покой, но должно-быть часовъ въ двѣнадцать были разбужены дождемъ, неприятно стучавшимъ о верхъ палатки и наполнявшимъ ее сыростью.

Предъ свѣтомъ дождь прекратился, но повидимому не на долго. Въ нашей палаткѣ собрался совѣтъ дабы рѣшить какъ дѣйствовать, продолжать ли путь или вернуться назадъ. Храбрая старушка гжа П. рѣшила что разъ выѣхали—надо ѣхать. Живо сняли палатки, осѣдлали лошадей и съ разсвѣтомъ, благословясь, тронулись въ путь. Намъ предстоялъ въ этотъ день большой переходъ, девять часовъ ѣзды, до Наллува. Многіе поклонники уже ушли, другіе слѣшили забирать свои вещи и слѣдовать за ними, побуждаемые криками кавасовъ. Дорога все горная и каменистая, небо будто свинцовое; низко, низко бѣгутъ облака. „А вотъ это Веоиль“, указалъ направо отецъ Стефанъ. Древній Веоиль теперь ничтожная деревушка на голой, каменистой горѣ, а внизу у подошвы ея то мѣсто гдѣ патріархъ Іаковъ видѣлъ во снѣ таинственную лѣстницу и проснувшись сдѣлалъ жертвенникъ изъ камня на которомъ спалъ сказавъ: „это мѣсто святое, здѣсь домъ Божій и врата небесныя“.

Часовъ около десяти, по страшно-трудному, только здѣшнимъ лошадямъ доступному спуску, съѣхали мы къ источнику, у котораго уже отдыхали поклонники. Тутъ былъ назначенъ привалъ.

Отсюда мало-по-малу природа начинаетъ принимать болѣе оживленный видъ; чаще встрѣчаются засѣянные пшеницей поля, покрытые оливами вершины и склоны горъ, смоковничные сады.

Мы вступили въ древнюю Самарянскую область, спустились въ преддверіе долины Іакова (участокъ земли купленный этимъ патріархомъ и отданный имъ сыну своему Іосифу, кости котораго были перевезены сюда изъ Египта).

Оставивъ вправѣ колодезь Самарянки, мы въѣхали въ самую долину, узкою полосой пролегающую между двухъ

горныхъ цѣпей, Гезала и Геразина. Въ этой-то долинь, одѣтой зеленою смоковницъ, кактусовъ, масличъ, лимонныхъ деревьевъ и финиковыхъ пальмъ, будто спрятаная древній Сихемъ или Сихаръ, теперешній Наллузъ, со своими куполами и грандіозными минаретами. Мы обогнули всю его стѣну, обсаженную гигантскими кактусами; палатки наши были разбиты на противоположной сторонѣ города.

Какъ стемнѣло, мы легли, съ намѣреніемъ поскорѣе заснуть чтобы на утро раньше встать. Не тутъ-то было: сперва выстрѣлы турецкихъ часовыхъ приставленныхъ для нашей охраны, затѣмъ вой шакаловъ въ горахъ и крикъ Арабовъ страхъ какъ напугали одну изъ моихъ слугницъ. Потомъ вѣтеръ полилъ страшный дождь съ сильнымъ вѣтромъ, безпрестанно срывавшимъ палатку съ кольевъ. Вода скоро стала проваивать къ намъ; постели вымокали, на полу сдѣлались лужи; тьма на дворѣ была непроницаемая. Выстрѣлы снова раздались, и на вопросъ: „что такое“? кавасъ имѣлъ глупость отвѣтить что близко Бедуины и что Турки выстрѣлами хотятъ имъ дать знать что тутъ военный караулъ. Песѣ этого уже воиенію не было конца до самаго разсвѣта. Дождь лилъ какъ изъ ведра, мы ждали не дождались разсвѣта наконецъ, слава Богу, небо стало блѣднѣть. Наллузъ предсталъ покрытый густымъ туманомъ. Со страшною быстротою поелись какъ дымъ темныя облака, совсѣмъ близко между Гезаломъ и Геразиномъ, вершины которыхъ выступали изъ-за нихъ и уходили въ туманную высь.

Около палатокъ стояло просто море. Мелкій, частый дождь переставалъ на минуту и потомъ возобновлялся съущею силой.

У насъ составила опять совѣтъ и рѣшилъ что надобно искать квартиру и переночевать въ Наллузѣ. Квартиру нашли съ грязнѣйшею лѣтницею, землянымъ поломъ, грязными стѣнами, съ желѣзными рѣшетками въ окнахъ вмѣсто стеколъ, во и она оказалась намъ дворцомъ послѣ мокрой палатки. Въ ней мы имѣли возможность обсушиться и были застрахованы отъ дождя. Мушоны заняли комнату гораздо больше похожую на сарай, и окна заложили камнями; темно, да тепло. Табуретки и кровати были принесены изъ палатокъ и служили единственною мебелью. Наша комната была гораздо меньше и съ тѣми же неудобствами.

Дождь началъ по временамъ переставать на болѣе долгій

премекнутокъ, и мы пошли проводить поклонниковъ осваившихся по ту сторону Наплауза подъ открытымъ небомъ. Оказалось что Турки очистили ближайшія казармы и отдали въ ихъ распоряженіе, такъ что они прекрасно тутъ ночевали, а утромъ перешли въ греческій монастырь, гдѣ мы ихъ и встрѣтили. Отсюда мы отправились осматривать городъ. Улицы его также узки и грязны, постройки тѣ же что и во всѣхъ восточныхъ городахъ; но обиліе воды есть его преимущество. Базаръ широкъ, снабженъ прекрасными сводами и очень оживленъ. Я здѣсь приобрѣла арабскій *машлатъ* изъ верблюжьей шерсти, который конечно очень оригиналенъ на моихъ плечахъ, но не промокаетъ отъ дождя, а мнѣ только этого и надо. Пусть надо мою лотышаются какъ хотятъ. Отецъ Стефанъ повелъ насъ на склонъ Герасима смотрѣть оттуда Наплаузъ, буквально потонувшій въ роскошной зелени долины. Онъ представляетъ рѣзкій контрастъ съ Иерусалимомъ, лежащимъ на каменистыхъ высотахъ.

Глядя на красивый Наплаузъ припоминается его исторія. Онъ древнѣе Иерусалима. Иисусъ Навинъ, введя народъ Израильскій въ землю обѣтованную, поставилъ здѣсь жертвенникъ Богу: шесть столбовъ израильскихъ стояли на Гевалѣ и шесть на Герасимѣ, когда долиной несли Кивотъ Завета и Иисусъ Навинъ объявилъ благословеніе народу, если онъ будетъ вѣренъ заповѣдямъ, и проклятіе если не будетъ вѣренъ.

По раздѣленіи царствъ, Сиземъ сталъ столицей царства Израильскаго, а Герасимъ священною горой. На ней воздвигся храмъ скоро оскверненный идольскимъ служеніемъ и сдѣлавшійся предметомъ вѣчной вражды Самарянъ съ Иудеями. Эта вражда сохранилась, говорятъ, до сихъ поръ. Потомковъ древнихъ Самарянъ осталось всего семействъ сорокъ; они живутъ въ Наплаузѣ, не сообщаются ни съ какимъ другимъ племенемъ и сохраняютъ свое ученіе во всей силѣ, какъ то было во времена Спасителя. До сихъ поръ эти исчезающіе остатки вѣкогда многочисленнаго племени совершаютъ служеніе на Герасимѣ и повторяютъ что „тутъ только достоинъ кланяться Богу“.

Теперешній городъ вдвое меньше древняго и преимущественно населенъ Турками и Арабами-магометанами.

Предъ вечеромъ, наши поклонники прислали депутацію просить отца Стефана отслужить всенощную въ греческомъ монастырѣ, такъ какъ былъ канунъ празднованія Похвалы

Вожией Матери. Монастырская церковь поражает своею бедностью: она хуже всякой нашей сельской церкви и безлорадокъ въ ней невообразимый. Какіе - то мальчишки, во все время службы, стояли въ алтарѣ и, держась за царскія двери, выглядывали на народъ: грязь, жара и тѣснота необыкновенная. Признаться сказать, мало пользы для души вынесла я изъ этой всемогущей.

На другой день ясное небо привѣтствовало наше пробужденіе. Скорѣй въ дорогу! Съ сердечнымъ стремленіемъ впередъ и съ радостною надеждой сѣли мы на лошадей и по отлогому спуску съѣхали на самое дно долины. Чтò за роскошь!

Солнце радугой отражается въ тысячѣ горныхъ каскадовъ, со страшною силой бьющихъ изъ развалинъ древнихъ водопроводовъ Сихема. Подъ ихъ лѣнящимися и шумящими струями пышная растительность юга блещетъ, будто осыпанная брилліантами. Кактусы, оливы, сплошная цвѣтущая айва, благоухающія лимонныя и апельсиновыя деревья, роскошная трава испещренная самыми разнообразными цвѣтами, все полво жизни и обаятельной красоты. Очаровательная долина вьется между высокихъ горъ и доходитъ до Средиземнаго Моря. Нашъ луть лежалъ направо: надо было взбираться на Гевалъ по каменистой тропинкѣ. Нельзя было не любоваться осторожностью и ловкостью съ которою здѣшнія лошади взбираются на крутизны. Все изогнется умное животное на узкихъ крутыхъ поворотахъ, нѣсколько разъ попробуетъ колытомъ на какой камень лучше ступить, и разъ ступитъ, не слотыкнется. Сколько разъ я благодарила судьбу что не поѣхала на ослѣ!

Подъезмы и спуски продолжаютъ, но природа такъ хороша что забываешь всѣ трудности.

Послѣ короткаго отдыха у одного источника въѣхали мы въ Дженинскую долину, ярко зеленую, испещренную прелестными цвѣтами, благоухающую миртами и душистою акаціей.

Вотъ ярко обрисовались на горизонтѣ нѣсколько высокихъ финиковыхъ пальмъ, чуть-чуть покачивающихъ свои величавыя верхушки; это Дженинъ. Вотъ сталъ слышенъ и шумъ расположившихся около него поклонниковъ. Миновавъ масляную роцу и изгородь изъ кактусовъ подѣхали и мы къ мѣсту бивуака, гдѣ уже стояли наши палатки. Небо прекрасно въ огнѣ заката, влажная земля благоухаетъ, природа

оживлена огромною массою суетящагося народа. Самъ Дженивъ исчезаетъ за зеленою стѣной деревъ—Арабы свуютъ съ огромными лальмовыми вѣтвями, которыя покупаютъ у нихъ поклонники и тащатъ вездѣ съ собою, не смотря на утѣщаніе отца Стефана. Мы съ М. Н. вѣзли въ стоявшія уже на землѣ корзинки генеральши и любовались окружающимъ. Какъ хорошъ югъ! По преданію Дженивъ есть то мѣсто гдѣ Христосъ исцѣлялъ десять прокаженныхъ мужей. Населеніе Дженивъ мусульмане и, говорятъ, исполнено фанатизма. Прежде здѣсь, какъ и въ Налаузѣ, жители провожали и встрѣчали христіанъ-поклонниковъ бранью и камнями; на ночлегѣ караванъ весь оцѣплялся турецкимъ войскомъ; теперь же они стали помягче; любенія прекратились, развѣ мальчишки иной разъ не вытерпятъ, лустать камень въ слѣдъ запоздавшему богомольцу, и то бываетъ рѣдко. Турецкій конвой сопровождающей караванъ состоитъ только изъ двухъ солдатъ. Сверхъ того, его конвоируютъ драгоманъ и двое консульскихъ кавасовъ, а на ночлегахъ охраняетъ еще нѣсколько человѣкъ мѣстныхъ башки-бузукъ. Отъ Бедуиновъ теперь нѣтъ опасности, ихъ меньше стало, да они къ тому же, говорятъ, блудливы какъ кошки, трусливы какъ зайцы. Они тщательно высматриваютъ въ своихъ ущельяхъ: если увидятъ одного или двухъ путешественниковъ, то непременно обернутъ; если же съ ними есть хоть одинъ кавасъ, то не тронутъ. Знакомецъ нашъ миссіонеръ, оставшій отъ насъ еще на Иорданѣ, провелъ тамъ, съ нѣкоторыми изъ Абиссинцевъ потерявшихся великимъ постомъ въ уединеніи Иорданской лустыни, нѣсколько недѣль и потомъ отправился вдоль Иордана въ Галилею совершенно одинъ. Дорогой ему приходилось просить пищи у Бедуиновъ, и они очень гостеприимно давали ему мѣсто у своихъ очаговъ и дѣлили съ нимъ свою суровую трапезу. Онъ не видалъ отъ нихъ ни малѣйшаго притѣсненія. Такимъ образомъ онъ достигъ Галилеи и встрѣтился съ нами въ Назаретѣ.

Когда смерклось, вездѣ загорѣлись костры, зашумѣли самовары. Ужинъ состоялъ изъ чая и привезенныхъ изъ Россіи черныхъ сухарей. Послѣ того поклонники собрались слушать акаѳистъ Божіей Матери, и хоръ импровизованныхъ пѣвчихъ огласилъ Дженивскія высоты довольно стройнымъ, прочувствованнымъ пѣніемъ.

И сводъ небесный, и благоухающая природа юга казались

внимали торжественному пѣнію русскихъ мужичковъ, пришедшихъ пѣшкомъ изъ далекой отчизны на поклоненіе Святой Землѣ. Самы крикуны Арабы притихли около своихъ муловъ и лошадей и слушали одушевленные звуки хвалебной пѣсни. Акаеистъ кончился, пѣніе смолкло; крикъ коростелей въ сосѣднемъ болотѣ, да перекличка конвойныхъ солдатъ одни нарушали безмолвіе ночи.

Еще задолго до свѣта, за лалатками уже послышался шумъ: то караванъ готовился къ походу, и при появленіи первой бѣлой полоски на горизонтѣ отправился въ путь.

Намъ предстоялъ послѣдній переходъ до Назарета.

Часа черезъ два, мы миновали послѣднюю арабскую деревню, начали спускаться извилистою, каменистою тролой, и предъ нами предстала библейская Эзраеловская долина, будто волнующееся море зелени между Назаретскими горами съ одной стороны и Малымъ Эрисономъ съ другой.

Спустившись съ горы мы остановились отдохнуть у источника, къ которому безпрестанно приходили изъ сосѣдней деревни женщины за водой. Онѣ довольно красивы, но обезображиваютъ себя синею краскою которою татуируютъ лицо и руки. На головахъ у нихъ, въ видѣ украшенія, также надѣты безобразные обручи, обшитые тряпьемъ и окаймляющіе лицо. Мнѣ объяснили что тутъ защиты серебряныя деньги — первый подарокъ жениха своей невѣстѣ, который она уже обязана постоянно носить всю жизнь.

Въ праздники онѣ снимаютъ тряпичный мѣшокъ и серебряныя монеты предстаютъ во всей красѣ. Есть дѣвочки лѣтъ десяти уже просватанныя, знакомъ чего и служить неизбѣжный обручъ. Для большей ловкости, онѣ его перевязываютъ на лбу платкомъ. Наливъ громадный каменный водоносъ, онѣ ставятъ его на голову и несутъ, почти не поддерживая рукой, на крутую огромную гору. Мы встрѣчали также женщинъ несущихъ люльки съ дѣтьми на головѣ. Ребенокъ побольше сидитъ верхомъ на плечѣ матери.

Послѣ короткаго отдыха, снова сѣли мы на лошадей. Дорога ровною, черною лентой стлалась предъ нами. Много разъ по этой долинкѣ проходили въ Иудею галилейскіе рыбаки слушая поученія своего божественнаго Наставника. Теперь долина тиха и безмолвна. Ни одинъ звукъ не нарушаетъ ея покоя; изрѣдка то тамъ, то сямъ изъ высокой

травы поднимается длинноногій востъ и опять спустится въ роскошный коверъ зелени и цвѣтовъ. Тихо ѣдемъ мы одинъ за другимъ: Эрмонъ сталъ отдаваться, и вотъ изъ-за него показалась полукруглая вершина, а скоро выступило и все почти правильное полушаріе Фавора. Ничего величественнѣе нельзя себѣ представить. Не надо спрашивать, это ли Фаворъ; довольно взглянуть на него чтобъ узнать. Огромный, весь покрытый зеленью, онъ возвышается посреди Эдраелонской долины совершенно одинъ и господствуетъ надъ ней и окружающими ее горными хребтами. Эта гора достойна явленія славы Единороднаго Сына Божія. И теперь надъ Фаворомъ стояло свѣтлое облако.

Недалеко отъ подъема къ Назарету лежитъ крошечная деревушка, то древній Наинъ, гдѣ Христосъ воскресилъ юншу, сына бѣдной вдовы. Подъемъ очень труденъ; усталые поклонники уже стали попадаться намъ и отставать отъ насъ.

Долго взбирались мы, то спускаясь, то опять поднимаясь по извилистому косогору, пока увидѣли наконецъ среди зеленыхъ вершинъ горъ маленькій, бѣлый городокъ Назаретъ. Чѣмъ-то чистымъ, свѣтлымъ озарилось сердце при видѣ этого городка. Солнце могучими струями свѣта и тепла обливаетъ природу, растянувшійся длинною полосой караванъ съ лѣніемъ входитъ во святой городъ; маленькій назаретскій колоколь радостнымъ звономъ привѣтствуетъ далекихъ гостей, узкія улицы залерлись народомъ; медленно, съ трудомъ пробираются наши усталыя лошади между сплошною массою поклонниковъ и высылавшихъ на встрѣчу жителей въ пестрыхъ праздничныхъ костюмахъ, такъ какъ день воскресный. Радостно бьется сердце; вся усталость исчезла; слово *Назаретъ* безпрестанно повторяется въ душѣ. Но вотъ передовые слѣзли съ лошадей предъ домою русской миссіи; консульскій агентъ привѣтливо встрѣчаетъ насъ и по бѣлой каменной лѣстницѣ ведетъ въ чистыя, просторныя комнаты. На террасахъ, на улицѣ, на дворѣ, вездѣ кишитъ и шумитъ разнообразный людъ; колокольный звонъ такъ и льетъ радость въ душу. Послѣ обѣда и маленькаго отдыха, мы отправились въ греческій монастырь ко всемогущей, которую служилъ отецъ Стефанъ. Пѣли же наши поклонники.

Монастырь дореально богатъ, но живеніе уже очень не-красива. Этотъ монастырь построенъ на томъ мѣстѣ гдѣ по преданію Матерь Божія брала воду изъ колодезя, находящагося донынѣ въ церкви. Около него сооруженъ мраморный престолъ, а за нимъ икона Благовѣщенія. Недавно открыта древняя гѣстаца ведущая къ нему снаружи. Служеніе было предличное.

Отдыхъ въ Назаретѣ былъ превосходный: здѣсь отдыхали и душа и тѣло. Домъ мисіи снабженъ удобною мебелью, некофными кроватами, чистымъ бѣльемъ, оловомъ всемъ необходимымъ для отдыха.

На другой день въ шесть часовъ ударили къ обѣднѣ. Еще разъ мы имѣли счастье присутствовать при русской службѣ въ Назаретѣ. Послѣ обѣдни, по древней гѣстацѣ спустились къ источнику Богородицы и наполнили изъ него свѣжей, превосходной воды. Небо опять было чистое, солнце такъ же роскошно обладало все своимъ блескомъ. По дорогѣ изъ церкви мы зашли въ пеншеніе митрополита, но самъ онъ былъ въ Іерусалимѣ. Въ его покояхъ ничего особеннаго нѣтъ: хорошъ дворъ съ его олеандрами и лимонными деревьями. Послѣ чай отправилсъ посѣщать святая мѣста: синагогу въ которой Спаситель читалъ пророчество Ісаи, теперь обращенную въ церковь липшевую всякихъ украшеній: въ католическую церковь построенную на мѣстѣ кипарисоваго сада, по преданію, любимаго Господемъ. Здѣсь находится огромный овалный камень, также, по преданію, часто служившій столонъ для трапезы Божественнаго Учителя и Его учениковъ. Камень оставленъ въ первобытномъ видѣ, только покрывается отъ пыли шелковымъ покровомъ. Предъ нимъ находится прекрасный мраморный престолъ; вся церковь отдѣлана хорошо и со вкусомъ. Отсюда мы перешли въ другую, близко находящуюся, католическую же, церковь, устроенную на мѣстѣ мастерской праведнаго Іосифа. Она украшена прекрасными картинами изображающими Святое Семейство за его вседневными занятіями. Наконецъ пришли и во храмъ Благовѣщенія, также принадлежащій католикамъ, и надо имъ отдать справедливость, украшенный и содержащійся необыкновенно хорошо. Снаружи онъ не представляетъ ничего особеннаго, но внутри необыкновенно изященъ. Такъ-называемая „пещера Благовѣщенія“ находится

прямо противъ главнаго входа и все открыта. Въ нее ведутъ нѣсколько отлогихъ мраморныхъ ступеней. Наверху стоитъ древняя гранитная необыкновенно массивная колонна, — остатокъ бывшаго здѣсь греческаго храма Св. Елены. Во время пожара Хозроева невѣрные хотѣли эту колонну уничтожить, но не могли, а только вышибли ее середину. Уцѣлѣвшая верхняя часть съ перваго взгляда кажется висающею на воздухѣ. Этою колонной обозначено мѣсто гдѣ предсталъ Архангелъ Гавриилъ. Шага два отступивъ престоломъ обозначается мѣсто на которомъ стояла Пресвятая Дѣва. Подъ сводомъ этого престола, нѣсколько горящихъ дорогихъ лампадъ освѣщаютъ мраморный кругъ къ которому прикладываются христиане.

Надъ лецерыю возвышается другой алтарь, къ которому ведутъ двѣ великолѣпныя мраморныя лѣстницы, и тамъ надъ престоломъ стоитъ огромная, чудной живописи, картина Благовѣщенія. Я не могла узнать чья именно это работа, но говорить что одного изъ извѣстныхъ италянскихъ художниковъ. Колѣнопреклоненная фигура Пресвятой Дѣвы вся дышетъ невинностью и чистотой; предъ ней на воздухѣ Архангелъ со свѣтлымъ, торжественнымъ лицомъ, а вверху въ облакахъ Господь Савасоъ, окруженный велико обрисовывающимися Серафимами, и Святой Духъ въ видѣ голубя. Всѣ лица и позы полны красоты и величя. Картина стоитъ прямо надъ мѣстомъ Благовѣщенія, предъ входными дверями. Она прежде всего останавливаетъ на себѣ вниманіе и производитъ сильное впечатлѣніе. Въ этомъ храмѣ все полно мысли и изящества: ничего не хотѣлось бы ни прибавить, ни убавить. Благовѣщенскій престолъ украшенъ витыми мраморными колоннами и великолѣпнымъ бронзовымъ Распятиемъ. Направо изъ лецерыи узкій ходъ ведетъ наверхъ, въ древнее помѣщеніе признаваемое всѣми христианами за остатокъ дома Иосифова, гдѣ провелъ дѣтство и отрочество Господь. Теперешнія комнаты восточныхъ жителей мало чѣмъ отличаются отъ этого древняго жилища, оставленнаго въ первобытномъ видѣ, съ его каменными, будто высѣченными въ скалѣ, стѣнами, поломъ и сводомъ потолка. На правой стѣнѣ врытъ крестъ, къ которому прикладываются. Отсюда лѣстница ведетъ еще выше, въ обширную ризницу. Внизу же, лозади Благовѣщенской лецерыи, еще маленькая какъ бы комната, также имѣющая больше видъ лецерыи, составляетъ тоже часть древняго жилища Богоматери.

Моей одежде, со всюю толстой пеласоникой, пошел мы на гору съ которой Назаретне хотѣли свергнуть Христа. Подъемъ на нее до того труденъ что мѣстами приходится и руками и ногами дѣлаться за камни. На значительной высотѣ, подъ отвѣсною скалой, на остаткѣ престола бывшей здѣсь некогда церкви, поставленъ образъ изображающій евангельское событіе. Отдохнувъ тутъ немного, начали опять взбираться еще выше. Путь сталъ еще труднѣе: сначала узкою тропой между двухъ рядовъ шплетеныхъ кактусовъ, а потомъ по огромнымъ камнямъ. Къ счастью, пронасть была сведа, такъ что намъ ее не было видно; иначе врядъ ли мы рѣшились бы туда взобраться. Тутъ уже собственныя руки отказывались помогать, а пришлось кавасамъ и Арабамъ проводникамъ просто тащить насъ на эти каменные глыбы, подобно тому какъ, говорятъ, поднимаютъ путешественниковъ на египетскія пирамиды. Жара къ тому же усилилась ужасно. Видъ съ горы хорошъ на Эдруселонскую долину.

На другой день въ шесть часовъ утра мы были уже на лошадахъ и съ грустью прощались съ Назаретомъ. До послѣдней минуты я не слускала съ него глазъ. Еще лучше казался онъ мнѣ теперь, сердце просилось опять къ нему, говорило что этого мимолетнаго пребыванія здѣсь слишкомъ мало.. Вѣтъ открылся и послѣдній высокій минаретъ на зеленомъ вершинѣ; я ударила хлыстомъ лошадь, надо было догонять моихъ спутниковъ. Мѣстность открылась прелестная: живоотечественное село Іоакима и Анны, впереди леястрионція дѣлтанга холмы и долины столько разъ видѣнные проходившаго и отдыхавшаго Спасителя. Часа черезъ полтора показалась живо отъ дороги, въ ровной мѣстности, маленькая, бѣдная арабская деревня, вовсе не привлекавшая моего вниманія. Отецъ Стефанъ, однако, повернулъ къ ней, и изъ низкой хаты съ поросшею зеленою кровлей и почеркѣлыми стѣнами вышелъ арабскій священникъ въ довольно бѣдной расѣ: около него толпа мальчишекъ неистово кричить „баѣшишъ“ и хватятъ подъ уады лошадей. Отецъ Стефанъ сошелъ съ лошади и направился въ хату. Стала и я сѣзять и думала: вѣрно этотъ священникъ по восточному гостепрѣимству, увидавъ путниковъ, приглашаетъ къ себѣ отдохнуть. Вспомъ за другими вошла я въ хату, низкую, грязную, съ землянымъ поломъ, но немного приподнявъ шляпу увидѣла бѣднѣшій

иконославъ и вышолъ съ тѣмъ же вѣра ушамъ услышала: „а вотъ это остались два изъ тѣхъ сосудовъ въ которыхъ Христосъ претворилъ воду въ вино“.

Такъ это Кама Галилейская! съ замирающимъ сердцемъ соображала я. Это церковь—бывшій домъ гдѣ Господь приутожовлялъ на бракъ, а вотъ у стѣны и сосуды, бывающіе каменные, очень большіе и массивные, имѣющіе видъ нашихъ кадокъ, до половины выдолбленные внутри. Приложились мы къ нимъ; священникъ спросилъ, не утѣдно ли залезать сюда; записали, дали кто сколько могъ денегъ, еще помолились и вышли;—я съ какимъ-то неопредѣленнымъ неудовольствиемъ чувствомъ. Да неужели же это Кама? все думалось мнѣ; да отчего же тутъ такъ бѣдно и грязно? „Оттого, отвѣтилъ отецъ Стефанъ,—священники мнѣ откровенно сознался что все жертвуемое поклонами они прирутъ и не употребляютъ на украшеніе храма, боясь что если оны будутъ въ хорошемъ видѣ, то меньше будутъ жертвовать.“ Какая оригинальная логика!

Все роскошнѣе становились поля съ колосающею жемчужной и луга съ пасущимися на нихъ стадами. Вправо отъ дороги среди ковра зелени и цвѣтовъ показалась гора неправильной формы,—*гора Блаженствъ*, объяснилъ отецъ Стефанъ и хотѣлъ пройти мимо; но мы съ М. Н. уговорили повернуть къ ней. Магическое имя неотразимо повлекло на ея вершину. Она довольно большая, но подъемъ не труденъ. У ея подножья впервые блеснуло предъ нами яркоголубое Гемисаретское озеро. Съ ея вершины, покрытой развалинами храма времена царицы Елены, восхитительный видъ. Громадная площадь у ея подножья покрыта яркочелюстными коврами сплошь усыпанными цвѣтами; тамъ лазурь Галилейскаго моря, а за нимъ вдали Ливанская горная цѣль и вѣчающій ее великій Эрмонъ. Слово въ бриллиантовой коронѣ блещетъ оны своими вѣчными снѣгами подъ волнами яркаго южнаго колорита, поражающаго непривычный глазъ. Эта очаровательная площадь представилась мнѣ полною народа, а на горѣ Великій Учитель Галилейскій съ божественнымъ ликомъ и вдохновеннымъ взоромъ, отверзающій уста полныя благодати.

Долго, долго не хотѣлось сходить съ чудной горы, не хотѣлось оторвать глазъ отъ восхитительной панорамы.

Отъѣхавъ часа полтора отъ горы Блаженствъ, мы

остановились у горнаго склеса. Предъ нами море раздвинулось предостное озеро Генксаретское. На сремннхъ камняхъ лежали просфоры и хлббы, горбн свчн. Толпа поклонниковъ ждала отца Стефана. Это мсто умноженя хлббовъ Христова. Въ память чудеснаго насщеня пяти тысячъ чловкхъ пятью хлббами, во приходъ каравана тутъ всегда читается священникомъ Евангелie и благославляются хлббы. На этомъ мствъ обрядъ имветъ необыкновенную торжественность.

По благословеню хлббовъ мы тотчасъ же сѣли на лошадей, чтобы скорше дойти до Тиверіады; а жерь была страшная, такъ что ѣхать надо было тихо.

Дорогой отецъ Стефанъ указалъ намъ ту ниву на которой, по преданю, ученики Христовы срывали колосья и ѣли въ день субботній. И теперь нива покрита зеленою цвѣтущей пшеницей. Гамилея, это житница Палестины. Пасодородная почва ея покрита обработанными плодами и богатѣйшими растенцами. На роскошныхъ луговыхъ коврахъ, въ шумительномъ изобиліи, разсыпаны цвѣты самыхъ разнообразныхъ красокъ и видовъ.

Часа черезъ два мы начали спускаться къ Гамилейскому морю, опять представшему предъ нами во всей красѣ. Совершенно лѣтнее аркагаубое, мѣстами чуть-чуть посеребренное солнечнымъ лучамъ, лежитъ оно точно въ зеленомъ гнѣкѣ въ окружающихъ его горныхъ вершинахъ. За ними блестятъ на солнцѣ, какъ драгоценныя камни, свѣта великаго Эрмена. Никогда еще роскошь мѣтнаго колорита не поракала меня такъ, какъ здѣсь: я не умю передать того очарованія, той жизни которую онъ придаетъ природѣ. Здѣсь лучше вспоминается вѣрность возраженія царя Давида „одѣйся свѣтомъ яко ризою“.

Въ этотъ чудный колоритъ, именно какъ въ ризу свѣта, облечена природа прекрасная и безмолвная, но дышащая ученими и чудесами Богочеловѣка.

У подошвы горъ, на самомъ берегу лежитъ Тиверіада, роскошная столица Ирода, названнаго ее въ честь Тиверія кесаря. Сверху она представляется красивою и лѣтчною, но въблизи это печальный рядъ развалинъ. Стѣны ея были возстановлены крестоносцами, хотя въ гораздо меньшемъ объемѣ; но и онѣ до половины улали, и за ними опять идутъ

луотыри, заваленные горами камней, среди которыхъ, кое-гдѣ, возвышаются остатки готическихъ арокъ и фронтоновъ.

Въ сторону моря городъ обитаемъ: въ немъ живутъ преимущественно Евреи. На древнихъ развалинахъ великолѣпныхъ зданій они построили свои безобразныя грязныя лачуги. Городъ грязенъ до отвращенія. Черезъ улицы перекинута какія-то рваныя рогажи, вѣдукъ отвратительный.

Къ югу отъ телерешвей Тиверіады, еще версты на двѣ, идутъ развалины древняго города: гранитная лодочница колонада, громадные тесные камни дворцовъ, рѣзные обломки калителей свидѣтельствуютъ что сюда распространялся городъ Ирода; а на западѣ доходилъ до самыхъ горъ. На югъ отъ развалинъ древней столицы находится минеральный горячій источникъ; близь него-то и расположились наши лодочники. Было должно-быть часа четыре когда мы сѣли на лошадей и расположились отдохнуть на травѣ. На берегу шумѣлъ и суетился народъ, голубое озеро, чуть камышными плесками, разбивало легкую зыбь о песчаный берегъ, покрашенный морскими камешками и раковинами. Причалили рыбачьи лодки, и Арабы во все горло кричали по-русски: рыба, рыба. Мои слуги купили двухъ огромныхъ рыбъ, и М. Н., которой это былъ день именинъ, заказала лодочникъ повариху сварить уху чтобы насъ угостить.

Итакъ, предъ глазами Галилейское море! Вьется и радостно замираетъ сердце. Одно за другимъ воскресаютъ въ памяти евангельскія событія здѣсь совершившіяся. Послѣ благословенія хлѣбовъ и насыщенія народа, Господь остался въ удивленномъ мѣстѣ чтобы помолиться, а учениковъ отправилъ въ лодкѣ однихъ на ту сторону озера. Ночью поднялся вѣтеръ и лодку било волнами. Въ четвертую стражу ночи ученики увидѣли Иисуса идущаго по волнамъ, и принявъ Его за призракъ испугались и закричали. „Это Я, не бойтесь“, успокоилъ ихъ Господь. „Господи, если это Ты, вели мнѣ придти къ Тебѣ по водамъ“, сказала Петръ. „Иди“, отвѣтилъ Господь. Пламенный ученикъ ступилъ на волнующуюся воду, но усумнился, сталъ утопать и вскричалъ: „Господи, помоги мнѣ, я утопаю“. Иисусъ тотчасъ простеръ къ нему руку, поддержалъ его и сказалъ: „Маловѣрный, зачѣмъ ты усумнился?“ Когда они вошли въ лодку, сдѣлалось

великая тишина. Здѣсь было изобрѣненіе первыхъ знаменитыхъ, здѣсь привлеченъ, чудною ловитвой рыбы, первооткрыватель Петръ, удалившій въ послѣдствіи свѣтъ евангельскаго ученія всю вселенную, вмѣстѣ съ другими рыбаками галилейскими. Здѣсь Іаковъ и Іоаннъ, оставивъ въ лодкѣ отца своего, послѣдовали за Христомъ. Здѣсь погибавшіе отъ бури ученики будили спящаго на кормѣ Учителя, который вставъ запретилъ вѣтру и морю, и настала великая тишина. Здѣсь взявъ у Петра его лодку, небесный Проповѣдникъ тѣснымъ отовсюду толпами народа вошелъ въ нее и повелѣвъ отчалить отъ берега лючмалъ народъ.

Потухъ послѣдній солнечный лучъ Эрмона; озеро изъ голубаго перешло въ свѣтлодикій цвѣтъ, сияющая даль горъ слилась въ сумракъ съ люблявшимъ горизонтомъ.

Какъ таинственныя свѣчи, въ таинственномъ сводѣ неба загорѣлись звѣзды, изъ-за горъ вынырнулъ мѣсяцъ. Покаянники спятъ, все тихо.

На другое утро я встала вмѣстѣ со свѣтомъ и пошла на берегъ собирать раковинки, въ ожиданіи пробужденія остальныхъ. Скоро первый лучъ солнца заигралъ на эрмонскихъ скалахъ. Золотомъ отразила поверхность священнаго моря появившесся изъ-за горъ свѣтло. Покаянники огулировались около отца Стефана, готовившагося служить редосвященной молебенью. Я присоединилась къ нимъ и простояла до Навигація отъ Іоанна, повѣствующаго о явленіи воскресшаго Господа на берегу Геннисаретскаго озера.

Скоро началась намъ съ вечера лодка, и мы поплыли по лавровой поверхности священнаго моря. Такъ же ярко блистаетъ Эрмонъ, та же чудная синева одѣваетъ далекія горы, такъ же прекрасны ближайшія зеленыя возвышенности. Что-то нестачески грустное навѣваетъ на душу полуразрушенная Тиверіада. Мѣрно разбѣгаютъ весла гребцовъ поверхность Геннисаретскаго озера, а съ берега уходящаго народомъ далеко несется въ чистомъ утреннемъ воздухѣ русское гнѣие „Спаси Господи люди Твоя“.

Не хотѣлось выходить на берегъ; все озеро хотѣлось объѣхать, но надо было готовиться къ отъѣзду. Вздумали мы еще кулаться въ минеральной водѣ. Входъ въ кулальню прегражденъ, но внутри она великолѣпна; эта огромная мраморная

кушнями окружена гранитными косяками поддерживающими куполь и мраморными офансами. Изъ горъ въ нее бьетъ сладкій, горячій сѣрый ключъ. Цѣлебность этого источника признава врачамъ, тутъ можно бы устроить множество ваннъ и открыть лечебницу, но это не дѣло Турокъ. Они и эту купальню, еще построенную императоромъ Юстиніаномъ, не поддерживаютъ: потому-то снаружи она и находится въ такомъ печальномъ видѣ.

Вода такъ горяча что войти въ купальню мы не могли, а выплыли на берегу ея.

Выйдя отсюда еще разъ наполнивъ вкусомъ, чистой воды изъ Генисаретскаго озера, умыли ею руки и лицо и сѣли на лошадей, съ глубокою грустью оставя чудное озеро.

Теперь нашъ путь лежалъ на Фаворъ. Теплая ванна оказала намъ ласковую услугу, до того ослабела что пробѣжавъ часа два мы начали чувствовать страшную усталость и со страшнымъ трудомъ держались на оследахъ. Насолу дождались привала на которомъ я положительно какъ споль повалилась на землю.

Привалъ былъ подъ развѣсистымъ деревомъ на Андреевской долинѣ. Востъ уже ничего не хотѣлось, все желаніе сосредоточилось на томъ чтобы както не потрещать, но чрезъ четверть часа награвули локонники, начали тѣлнться также подъ единственную тутъ тѣнь, и кричавъ проснулись съ етдымъ. Плохо дѣло, подумала я, какъ быть? А въ слѣдующій переходъ надо взбираться на Фаворъ, нужны силы. Сѣла я на камень и безъ мысли смотрѣла на движущуюся и шумящую толлу. Около часу времени прошло такъ. Наши стали усаживаться на лошадей, взобралась и я на свою добрую лошадку.

Начался подъемъ на первые уступы горъ, образующіе какъ бы льдесталь Фавора; дорога еще была довольно хорошая, но скоро ее смѣнила крутая извилистая трѣпа (иногда приходилось просто лечь на шею лошади и схватиться за луку чтобы не упасть назадъ). Поразительная ловкость и дѣлкость лошадей брала верхъ надъ всѣми препятствіями; но тахтараванъ жи Т. при самомъ началѣ подъема перекувырнула и по особенному счастью она со своею четырехлѣтнею воспитанницею отдѣлалась только легкими ушибами и испугомъ. Бѣдный миссіонеръ послѣдившій къ нимъ на ломецъ

выткнувъ себѣ ногу. Послѣ такого приступа надо было или идти пѣшкомъ, или верхомъ на одномъ изъ муловъ взбираться на гору, оставивъ у ея подножія неудобный экипажъ.

Өаворъ съ подонивы до вершины покрытъ не частыми, но огромнаго размѣра и прекрасной формы теревиневыми и дубами, между которыми стелется коверъ зелени и цвѣтовъ. Воздухъ наполненъ необыкновеннымъ ароматомъ.

Эти деревья такъ причудливо и изящно сгруппированы что будто искусство разставило ихъ. Листья ихъ необыкновенно роскошна. Врядъ ли въ Палестинѣ найдется мѣсто равное этому по красотѣ растительности. По мѣрѣ того какъ мы подвигались, окрестности выступали предъ нами все въ большей красотѣ.

Мы догоняли и опережали поклонниковъ. Сталъ слышенъ звонъ въ вѣнчающемъ өаворскую вершину монастырѣ Преображенія Господня. Этотъ монастырь недавно воздвигнутъ Греками среди развалинъ древняго монастыря построеннаго царицей Еленой. Два съ половиной часа взбирались мы къ монастырю. Здѣсь у воротъ насъ встрѣтили греческіе монахи и, радушно привѣтствуя, ввели въ святую обитель. Монастырскій дворъ кишѣлъ народомъ, колокольный звонъ не умолкалъ.

Намъ отвели двѣ чистыя комнаты выходящія на предеступную террасу. Послѣ чая повели въ церковь Преображенія. Она ничего не имѣетъ особеннаго снаружи, но внутри чудо какъ хороша. Лучше ея, кромѣ храмовъ Св. Гроба и Рождества въ Вилелемѣ, кажется у Грековъ нѣтъ. Живопись, правда, и здѣсь не такъ хороша, кромѣ мѣстнаго образа Преображенія Господня. Этотъ образъ есть даръ Россіи. Отсюда мы вернулись опять на террасу, съ которой долго любовались великолѣпною панорамой. Вершина горы образуетъ огромную площадь покрытую зеленью, роскошными деревьями и развалинами древнихъ зданій.

Въ восемь часовъ отецъ А. началъ праздничную всеобщую. На вершинѣ өавора раздался троларь „Преобразился еси на горѣ Христе Боже“. На другой день была назначена литургія Іоанна Златоустаго. Мы встали рано чтобъ исповѣдаться и слушать правила. Въ седьмомъ часу началась обѣда. Съ радостнымъ трелетомъ ждала я появленія Св. Даровъ. Это причастіе на өаворѣ пришлось въ день моего рожденія. Я приняла его какъ благословеніе Божіе, какъ залогъ новой, лучшей духовной жизни.

Послѣ обѣдни мы осматривали развалины монастыря построеннаго царицей Еленой. Главная часть ихъ пріобрѣтена теперь католиками, которые отрываютъ усердно развалины, и вѣроятно тутъ скоро воздвигнется новый католическій храмъ: камень весь можетъ идти старый. Множество мраморныхъ колоннъ, капителей, мозаическихъ обломковъ и мелкихъ камней украшавшихъ иконы разсыланы среди развалинъ, и русскіе поклонники во множествѣ берутъ ихъ на память.

Мы стали собираться въ обратный луть; въ послѣдній разъ посѣтили церковь Преображенія Господня. Вереница поклонниковъ потянулась по тропѣ къ слуску. Распростившись съ Греками и записавъ имена на поминованіе, вышли мы за монастырскія ворота. Спустились мы лѣшкомъ, и нѣсколько отдохнули у подошвы горы.

Ночевать пріѣхали въ Дженинъ, гдѣ встрѣтили цѣлый лагерь различныхъ народностей: Англичанъ, Французовъ, Испанцевъ, Американцевъ. Еще больше разнообразія и оживленія было на нашей стоянкѣ въ благоухающихъ окрестностяхъ Дженина.

Отсюда въ Напаузъ мы поѣхали теперь уже другою дорогою, на Севастію, древнюю Самарію, чтобы посѣтить темницу гдѣ была усѣчена глава Иоанна Крестителя. Севастія теперь магометанская деревня, помѣщающаяся рядомъ съ развалинами церкви нѣкогда построенной царицей Еленой надъ темницей Предтечи Господня. Эти развалины носятъ отпечатокъ необыкновеннаго изящества. Въ одной ихъ части Турки устроили безобразную мечеть. Самая темница находится низко подъ землею и довольно обширна. Въ нее ведетъ узкая, крутая и темная лѣстница. Я сходила туда со страхомъ, потому что опередившіе насъ поклонники ложились въ нее такъ что въ толпѣ могли передуть другъ друга. На лѣстницѣ произошла драка у каваса съ однимъ изъ мужиковъ. Къ тому же въ темницѣ двѣ-три восковыя свѣчки составляли все освѣщеніе, такъ что я ничего не разсматривая приложилась къ мѣсту усѣкновенія честной главы Иоанна и при первой возможности вышла оттуда. Снаружи шумъ и движеніе были страшные. Мусульмане обступили поклонниковъ и кричали тѣ и другіе не понимая другъ друга. Арабскіе мальчишки требовали бакшишъ, а взрослые собрались вѣриво изъ любопытства и громко по-восточному сообщали другъ другу свои наблюденія.

Севастія еще замѣчательна двойною колоннадою сохранившеюся отъ дворца Иродова. Эта гранитная колоннада опоясываетъ почти всю вершину довольно высокой горы. Теперь часть этой горы покрыта фиговыми деревьями, а остальное пространство роскошнымъ лугомъ, среди котораго возвышаются эти ряды колоннъ изъ цѣльнаго камня—поразительные остатки древняго величія. Мы ихъ объѣхали кругомъ. Видъ отсюда, особенно на югъ, прекрасный. Самыя колонны, рѣзко выстулающія на фонѣ синяго неба или яркозеленаго дуга, такъ великолѣпны въ самомъ разрушеніи что я не могла никакъ себѣ представить такую красоту въ развалинахъ.

Пріѣхавъ въ Наллузъ довольно рано, мы въ этотъ же вечеръ посѣтили колодезь Самарянки, образующій теперь глубокую яму среди развалинъ древней церкви. Она разрушена также во время многочисленныхъ войнъ обратившихъ всю Палестину въ груды развалинъ. Въ ямѣ маленькое отверстіе и въ немъ глубоко есть вода, которую Арабы за бакшишъ черпаютъ и даютъ поклонникамъ. Отецъ Стефанъ прочелъ намъ Евангеліе о здѣшнемъ событіи.

Выѣхавъ изъ Наллуза рано въ субботу, мы остановились отдохнуть въ Веилѣ и минуя Рамалу, форсированнымъ ходомъ, дошли въ этотъ же вечеръ до Иерусалима.

Въ таинственномъ величіи предсталъ намъ святой городъ подъ покровомъ вечерняго мрака, въ которомъ горѣлъ огненный крестъ. Наступаютъ дни памятованія страданій и крестной смерти Богочеловѣка на томъ мѣстѣ надъ которымъ горитъ теперь этотъ крестъ.

Этотъ крестъ есть изумительное произведеніе греческаго искусства освѣщать: иллюминацій здѣсь не бываетъ, а потому Греки устроили надъ Воскресенскимъ храмомъ сквозной крестъ, въ который вставляется наканунѣ большихъ праздниковъ множество горящихъ шкаликовъ подъ колпачками, такъ что ни вѣтеръ ни дождь не могутъ ихъ затушить. Издали этотъ крестъ представляется горящимъ въ воздухѣ.

XV.

Иерусалимъ, 12 апрѣля 1875.

На другой день по прѣздѣ, въ Вербное Воскресенье, мы присутствовали при крестномъ ходѣ вокругъ храма Св. Гроба. Этотъ крестный ходъ совершается въ память торжественнаго входа во Иерусалимъ Христа Спасителя. Церковное лѣвнѣе сливалось съ колокольнымъ звономъ, яркое солнце обливало своимъ сіяніемъ разноплеменные толпы народа не только наполнявшія храмъ, но плацадку предъ входомъ, крыши, террасы, окна, даже карнизы всѣхъ прилегающихъ зданій. Народъ держалъ въ рукахъ зажженные свѣчи и вѣтви финиковыхъ пальмъ.

Всю эту недѣлю я къ службѣ ходила въ русскую церковь, а ко Гробу Господню въ свободное отъ службы время. Въ четвертъ присутствовала при обрядѣ умовенія ногъ, которое у Грековъ отличается отъ нашего тѣмъ только что совершается съ меньшимъ благоговѣніемъ. Сверхъ того ставится около мѣста умовенія (происходящаго предъ храмомъ на плацадкѣ) масличное дерево, подъ которое патріархъ приходитъ три раза приклонять колѣна, изображая моленіе о чашѣ Господа. Послѣ обряда дерево вмгъ расхватывается на части православными, какъ святыня.

Къ самому Св. Гробу въ этотъ день уже невозможно было пробраться, я удовольствовалась посѣщеніемъ Геесиманскаго сада; а потому была у всеобщей съ чтеніемъ двѣнадцати Евангелій. Читали по очереди архимандритъ, члены миссіи и восемь прибывшихъ іеромонаховъ-локлонниковъ. Послѣ шестаго Евангелія изъ алтара вынесли за-престольный крестъ и поставили предъ аналоемъ.

На слѣдующій день рано были царскіе часы; во второмъ часу вечерня; въ пять всеобщая, а въ десять вечера все наше населеніе отправилось на Голгоу.

Заутреня служится въ Воскресенскомъ храмѣ, на Голгоу произносится проловѣдь. Часу въ двѣнадцатомъ многочисленное духовенство въ черномъ облаченіи, съ зажженными свѣчами и лѣвнѣемъ, приноситъ плащаницу на престолъ голгоескій, озаренный гирляндами разноцвѣтныхъ огней. Послѣ краткаго греческаго служенія, нашъ архимандритъ [приблизился къ

престолу и сталъ говорить проповѣдь, полную особеннаго великаго значенія на этомъ мѣстѣ.

По окончаніи проповѣди архіереи взяли плащаницу и отнесли ее на камень муроломазанія, гдѣ была произнесена проповѣдь на турецкомъ языкѣ. Отсюда ее перенесли на Святой Гробъ, гдѣ были сказаны проповѣди греческая и арабская. Затѣмъ Св. Гробъ залечатали и къ нему приставили турецкую стражу.

На слѣдующее утро, въ шесть часовъ, на нашихъ построикахъ началась обѣдня, за которою превосходно пѣли, особенно: *да молчитъ всака плоть челоуѣча.*

По окончаніи обѣдни мы пошли, въ сопровожденіи двухъ драгомановъ и нѣсколькихъ кавасовъ, на такъ-называемую *благодать*. Насъ поразилъ страшный гвалтъ во храмѣ — что-то дикое, потрясающее.

Намъ отвели мѣсто въ узкой галлерей подъ куполомъ, откуда мы могли видѣть все, не рискуя быть раздавленными страшно густою массою народа. Русскіе локловники наполняли Воскресенскій храмъ, Армяне и Арабы всю ротонду вокругъ Кувукліи. Около нея однако оставлена была полоса пустаго мѣста для крестнаго хода. Ее огораживали два ряда турецкаго войска. За этою цѣлью словно бѣсновалась масса Арабовъ. Они плясали ту дикую пляску которую мы видѣли въ Іерихонѣ, только вмѣсто сабель у нихъ въ рукахъ были лучки свѣчь: скакали по плечамъ одни другимъ и неустово кричали по-своему что Господь даетъ православнымъ радость, и не взирали на турецкую плеть, иногда старавшуюся водворить молчаніе. Женщинъ между ними не было.

Всѣ огни во храмѣ были потушены.

Часа три ждали мы патріарха и слушали этотъ неистовый восторгъ восточныхъ сыновъ церкви. Наконецъ, слава Богу, пришелъ патріархъ, подняли хоругви, крестный ходъ двинулся вокругъ Кувукліи. Три раза обошли ее и унесли хоругви въ Воскресенскій храмъ, а патріархъ вошелъ во Святой Гробъ.

Шумъ смолкъ. Минуть десять во храмѣ было совершенно тихо; затѣмъ въ боковыя маленькія отверстія, чѣмъ въ придѣлѣ Ангела, патріархъ подалъ народу по лучку горящихъ свѣчь. Не прошло минуты какъ Воскресенскій храмъ загорѣлся тысячами огней. Около Кувукліи сдѣлалась страшная суматоха; свѣтъ озарилъ и эту часть храма почти моментально и затѣмъ наполнилъ и переполнилъ весь храмъ. Шумъ

народа слылся съ колокольнымъ звономъ. Этотъ моментъ былъ поразительно хорошъ. Всѣ слышали со своими зажженными лучками (въ 33 свѣчи, по числу лѣтъ Спасителя) домой донести благодатный огонь. Скоро храмъ сталъ наполняться дымомъ и чадомъ отъ тухнувшихъ лучковъ, и мы уже не могли разсмотрѣть какъ патріарха, говорить, на рукахъ понесли отъ Св. Гроба. Мы также зажгли свои пучки благодатнымъ огнемъ и отправились домой. Намъ легко было выбраться потому что съ нашего высокаго помѣщенія есть выходъ на крышу, а съ нея на улицу. Говорятъ, нѣкоторые изъ русскихъ поклонниковъ отвозятъ благодатный огонь въ фонаряхъ въ Россію.

XVI.

Іерусалимъ, 13 апрѣля 1875. День Пасхи.

Христось воскресе! Какое торжественное слово! На этотъ разъ я не могу имъ привѣтствовать никого изъ моихъ близкихъ родныхъ; но никакимъ сожалѣніямъ нѣтъ мѣста въ сердцахъ когда встрѣчаешь праздникъ Воскресенія Христова предъ живоноснымъ Гробомъ.

Заутреня только что началась когда мы пришли ко Св. Гробу. Хоругви и крестъ уже были подняты готовые къ крестному ходу, многочисленное духовенство въ богатомъ облаченіи стояло въ два ряда предъ входомъ въ Кувуклію, которая горѣла тысячами разноцвѣтныхъ огней, также какъ и вся ротонда, полная густыми массами народа всѣхъ странъ и племенъ. Воскресенскій храмъ былъ залитъ свѣтомъ. Въ Россіи понятія не имѣютъ о чарующей прелести греческаго освѣщенія.

Воскресенскій куполь превратился въ брилліантовую корону отражающую мириады огней. Блескъ лампадныхъ гирляндъ идущихъ по всѣмъ направленіямъ, вмѣстѣ съ горящими громадными паникадилами и зажженными свѣчами въ рукахъ народа, составляли море свѣта. Наконецъ двинулся крестъ, хоругви и духовенство вокругъ Кувуклію, съ лѣвнѣмъ на непонятномъ для насъ языкѣ; но я мысленно повторяла: „Воскресеніе Твое, Христе Спасе, Ангели поютъ на небеси“. Три раза обошли Кувуклію и остановились предъ входомъ въ нее. Мы стояли противъ входа на высокомъ балкончикѣ.

Митрополитъ вошелъ въ часовню и чрезъ минуту появилась снова въ дверяхъ Гроба, и колокольный звонъ слышійся съ первымъ Христосъ воскресе духовнымъ свѣтомъ озарилъ всѣ сердца.

Въ полдень были опять у Святаго Гроба у вечера. Она была необыкновенно торжественна. Мы пришли сперва въ патриархію, откуда патриархъ и все духовенство въ великолѣпномъ облаченіи, съ зажженными свѣчами въ рукахъ, двинулись къ живоносному Гробу. Служили въ Воскресенскомъ храмѣ, котораго дивное освѣщеніе какъ бы повторяло слова церкви: „мынѣ убо вся исполнишася съта“. Евангеліе читали на семи языкахъ, въ томъ числѣ на славянскомъ.

XVII.

Пароходъ *Александръ*, 13 мая.

Последній мѣсяцъ пребыванія въ Иерусалимѣ я посвящала прощальному посѣщенію священныхъ мѣстъ внутри города и въ его окрестностяхъ. Вновь была въ Вилелемѣ, въ Виваніи и въ Сіонѣ.

Съ 6 числа мая начались уже мои приготовленія къ дорогѣ. Въ праздникъ Преловленія служба была на русской постройкѣ, а въ день памяти апостола Іоанна Богослова русская миссія служила обѣдню въ Геесиманіи, на гробѣ Богоматери.

Съ пятницы на субботу, то-есть на 10 мая, назначена была по моей просьбѣ обѣдня у Св. Гроба Господня.

Предъ всеюнощной я обошла въ послѣдній разъ всѣ святыя мѣста окружающія Гробъ Господень. Всеюнощную по обыкновенію служили на Голгоетѣ; затѣмъ начались здѣсь же панихиды, а потомъ и исповѣдь, послѣ которой я сошла внизъ и съ глубокою мольбой припала къ живоносному Гробу. Тутъ никого не было. Скоро начались часы, затѣмъ литургія и раздавалось свѣтоносное Христосъ воскресе! предъ дверью Гроба Христова. Вотъ явились Св. Дары въ двери Гроба, и „Вѣрую Господи и исповѣдую“ повторила душа вмѣстѣ съ устами слова священника.

Поднявшись во Иерусалимъ, я прошла лѣшкомъ по крестному пути отъ Геесиманскихъ воротъ до Судныхъ.

Послѣ обѣды отправилась въ Геесиманію и въ послѣдній разъ въ Геесиманскомъ саду преклонила коявна подѣ

священною тѣмью тысячелѣтнихъ маслинъ, такъ много говорящихъ сердцу вѣрующаго.

Завтрашній день будетъ днемъ отъѣзда.

11 мая въ послѣдній разъ яркое небо Иерусалима привѣтствовало мое пробужденіе. Въ послѣдній разъ я присутствовала у обѣдни въ русскомъ храмѣ на лестройкахъ, и вскорѣ потомъ стали служить намъ здѣсь же въ путь шествующимъ молебень.

Наступила минута послѣдняго прощанія и со Св. Гробомъ. Я пошла раньше другихъ. Храмъ былъ залерть; общаіе бакшаша помогло уговорить Турокъ отворить двери. Въ послѣдній разъ вступила я въ дорогое святилище. Я не умѣю сказать ни сколько тутъ пробыла, ни что испытала, ни о чемъ молилась; я чувствовала тогда что больше уже не буду тутъ молиться.

Вошелъ монахъ, окропилъ меня розовою водою, далъ цвѣты изъ вазы стоявшей у Св. Гроба; я ихъ взяла какъ послѣднее благословеніе.

Затѣмъ наступили послѣдніе расчеты, наконецъ общій завтракъ у гжи П., гдѣ собралось все русское населеніе, и прощанье со всѣми остающимися, которые всѣ оказали мнѣ столько искренней доброты, такое теплое участіе, о которомъ я всегда буду вспоминать съ глубокою признательностью. Увижу ли я ихъ еще въ жизни? я услѣла такъ ихъ полюбить. Лошади уже всѣдланы. Мнѣ подвели того же кося который носилъ меня, полную радости, въ Галилею. Мы помолились на русскій храмъ, услышали послѣдній привѣтъ остающихся друзей и выѣхали за ворота.

Насъ провожала почти вся русская миссія. Первый отдыхъ былъ чрезъ полтора часа ѣзды въ красивой горной мѣстности называемой Колонія. Тутъ находится просторная, обсаженная апельсинными деревьями кофейня. Здѣсь мы приняли послѣднее благословеніе архимандрита и съ искреннею грустью расстались съ нимъ.

Предъ закатомъ солнца достигли мы еврейской кофейни, находящейся на половинѣ пути до Лиды. Здѣсь надо было кормить лошадей, и остановка продолжалась часа три. За самое скверное помѣщеніе и самоваръ съ насъ взяли семь франковъ. Выѣхали мы отсюда уже подъ звѣзднымъ небомъ теплою ночью. Миновали Латрунь, по преданію отечество благоразумнаго разбойника, но за темнотою нельзя было хорошо

видѣть селеніе. Проводникъ сбился съ дороги и мы сдѣлали версты три крюка, но я не досадовала на него: напротивъ, рада была подольше но любоваться въ послѣдній разъ ладестинскою ночью, свѣтлою, благоухающею. Но вотъ и Лиды. Высокій минаретъ такъ близко стоитъ къ греческому монастырю что могъ бы быть принять за его колокольню если бы надъ нимъ былъ крестъ.

Насилу достучались мы монаховъ; былъ первый часъ ночи. Оказалось что ихъ здѣсь живетъ всего двое или трое, а архимандритъ съ остальною братіей въ Иерусалимѣ. Намъ отвели большую пустую комнату съ циновками на полу и жесткими подушками около стѣнъ и дали еще въ наше распоряженіе террасу и нѣсколько ваточныхъ отдѣлъ. Кое-какъ добились мы очень незавиднаго кофе и размѣстились кто какъ сумѣлъ для ночлега, но заснуть не оказалось возможности.

Отецъ Стефанъ по обыкновенію всталъ первый еще до восхода солнца и началъ насъ торопить идти въ церковь. Церковь во имя великомученика Георгія очень красивое, новое зданіе, построенное надъ его могилой, находящееся подъ престоломъ. Тамъ устроена часовня, куда ведутъ двѣ красивыя лѣстницы. Посреди часовни возвышается бѣлая мраморная гробница, отличной работы, съ изображеніемъ великомученика на верху. Монастырь построенъ патриархомъ Кирилломъ въ большомъ размѣрѣ, но внутри еще далеко не конченъ, потому и лишень пока всякихъ удобствъ для путешественниковъ.

Отъ Лиды до Яффы дорога идетъ Саронскою долиною, ровная, но каменистая, обрамленная лугами, смоковничными и масличными садами.

Утро было блестящее, но ближе къ Яффѣ жаръ очень усилился; рады, рады мы были слѣзть съ лошадей на дачъ нашего архимандрита. Она очень близко отъ Яффы. Тутъ у него устроены небольшой, но уютный, привѣтливый домъ. Окруженный молодымъ садомъ изо всѣхъ возможныхъ деревьевъ. Предъ домомъ устроена огромная цистерна съ проточною водою, въ которой водится много рыбы. Ее окружаетъ каменная терраса, съ которой открывается восхитительный видъ на Яффу съ ея окрестностями и на сияющую даль Средиземнаго Моря. Очень близко отсюда находится мѣсто гдѣ

апостолъ Петръ воскресилъ Тавиоу. Это пещера съ небольшою высвѣщенною въ скалѣ гробницею, совершенно открытою, дающею понятіе объ устройствѣ Гроба Господня. Часть пещеры еще завалена мусоромъ. Рядомъ съ ней другая пещера гдѣ, предполагаютъ, было жилище Тавиоы. Поклонившись святому мѣсту, полюбовавшись восхитительною панорамой мѣстности, возвратились мы въ домъ, гдѣ насъ ожидало радужное угощеніе и привѣтъ бѣднаго арабскаго семейства живущаго здѣсь и пользующагося содержаніемъ отца архимаандрита. Такъ было здѣсь хорошо что ужасно не хотѣлось уѣзжать; но вещи были отправлены въ Яффу, въ русское агентство; пришлось ѣхать туда.

Отсюда ходили мы на мѣсто дома Симона Кожевника, гдѣ апостолъ Петръ имѣлъ видѣніе чрезъ которое Господь запретилъ ему гнушаться язычниками. Теперь на этомъ мѣстѣ грязный арабскій домъ съ древнимъ каменнымъ водовмѣстителемъ, вѣроятно нѣкогда служившимъ гробницею. На верху же, гдѣ именно и было видѣніе, открытая площадка съ видомъ на Средиземное Море, чрезъ которое лежалъ путь апостола въ языческія страны готовившія ему смерть и вѣнецъ вѣчной жизни,—то море въ которое и намъ приходилось вступать на утро. Здѣсь же находящійся маякъ наломивалъ намъ о предстоящемъ плаваніи.

Мы вернулись домой уже вечеромъ и провели его въ оживленной бесѣдѣ съ остающимися здѣсь спутниками. Уже было очень поздно; съ сердцемъ полнымъ тоски легла я въ постель и долго слушала шумъ разбивающихся о берегъ, будто сердитыхъ, волнъ; съ тою же тоской встала утромъ.хлопоты съ укладкой и отправкой вещей на пристань, съ размѣномъ денегъ и проч. взяли все время. Спутники наши во всемъ усердно намъ помогали. Наконецъ наступила минута отъѣзда. На пристани насъ оглушилъ ужасный шумъ и гвалтъ. „Лодка готова“, объявилъ кто-то. „Прощай“, сказалъ мнѣ старикъ Ибрагимъ, окончивъ хлопоты съ укладкой нашихъ вещей на лодку, „ты хорошъ, дай Богъ еще увидѣть“. Жаль мнѣ было старика, точно я вѣкъ его знала.

Въ послѣдній разъ усадилъ онъ насъ въ лодку и остался на берегу провожать ее глазами. Отецъ Стефанъ и отецъ Виссаріонъ поѣхали съ нами. Море было непокойно. Благополучно миновали рифы и пристали къ моему знакомцу *Александрю*, стоявшему на рейдѣ. Его порядочно колебало, такъ

что, едва ступивъ на палубу, мы должны были лечь. Минуть черезъ пять подошелъ ко мнѣ отецъ Стефанъ, „прощайте Н. Г.“. Съ тяжелымъ сердцемъ поцѣловала я въ послѣдній разъ его благословляющую руку и какъ могла отвѣтила на прощальныя привѣтствія отца Виссаріона; проводить ихъ не позволяла качка, принудившая меня снова лечь. Пароходъ засвисталъ и тронулся. Я приподнялась чтобы взглянуть еще разъ на быстро удаляющуюся Яффу. Прощай библейская земля!

Наконецъ достигли Бейрута и кое-какъ переправились на берегъ. Земля оживила насъ всѣхъ; мы стали способны любоваться свѣтными вершинами Ливана и красотой города, уже нѣсколько напоминающаго Европу. Коляска, запряженная парой хорошихъ лошадей, довезла насъ до греческаго монастыря Георгія Побѣдоносца, выстроеннаго въ память пораженія змія угодникомъ Божіимъ. Помолясь здѣсь, мы отправились по Дамасской дорогѣ до памятника одного бейрутскаго паши принявшаго христіанство. По дорогѣ зашли въ одинъ изъ фруктовыхъ садовъ. Возвратясь съ прогулки въ гостиницу лостроенную на берегу и очень роскошную, съ видомъ на море съ одной стороны и на красивый Бейрутъ съ другой, мы тутъ обѣдали и отдохнули и уже вечеромъ вернулись на пароходъ. Волненіе стало утихать, однако пароходъ миновалъ Летацію и на другое утро бросилъ якорь въ Александретской бухтѣ. Но въ Александреттѣ насъ ждало полное разочарованіе. До той шелковичной роши съ кофейней, о которой намъ рассказывалъ кафеджи, надо было пройти весь городъ, хотя и небольшой, но наполненный такою отвратительною грязью и такими удрушающими міазмами что это путешествіе намъ показалось чуть не безконечнымъ; къ тому же жаръ былъ лютѣйшій. Совсѣмъ измученныя дошли мы до пресловутой роши, тѣмъ которой на первыхъ порахъ дѣйствительно показалась намъ почти раемъ. Подъ шелковичными деревьями журчатъ ручей, хотя не очень чистый; близъ него ломѣщается не то сарай, не то шатеръ, около котораго наслаждались кейфомъ оборванные Турки и Арабы. Хозяинъ, субъектъ неопредѣленной націи, локуривалъ наргиле, мало обращая вниманія на ввзовъ прішедшую публику и на русскихъ поклонницъ шумѣвшихъ у его шатра. Кафеджи добылъ намъ стулья, болѣе похожіе на маленькія орудія лытки чѣмъ на стулья. Подали въ грязныхъ чашкахъ турецкаго кофе, и затѣмъ оказалось что вичего не имѣется въ импровизованномъ ресторанѣ.

Послѣ многочисленныхъ протестовъ противъ стувель въ авильсь цыновка, на которой мы и пролежали до тѣхъ поръ пока голодъ не принудилъ насъ покинуть это убѣжище. По дорогѣ одна изъ слугицъ предложила зайти въ находящуюся тутъ ресторацію, но въ ней кромѣ грязи и мороженаго изъ прокислыхъ сливокъ ничего не оказалось; *bon gré mal gré* надо было отправляться на пароходъ. Всѣ остались очень недовольны своимъ днемъ и Александреттой. Между тѣмъ это портъ большого торговаго города Алепа.

Переѣзда до Родоса мы не замѣтили; пароходъ шелъ какъ по рѣкѣ.

Красивый Родосъ такъ и манилъ насъ къ себѣ, но съѣзжать было некогда, *Александръ* простоялъ здѣсь очень не долго и отправился дальше.

XVIII.

21 маа.

Наконецъ достигли мы красавицы Смирны.

Мы предпочли остаться на пароходѣ чѣмъ перебираться въ гостиницу, хотя стоять здѣсь должны были три дня; но погода была тихая, а помѣщеніе и столъ на пароходѣ лучше. На берегъ все же мы съѣзжали; катались по окрестностямъ города, были въ нѣкоторыхъ магазинахъ. Вечеромъ слушали береговую музыку. Вечеръ лучшее время; днемъ страшная жара. Намъ говорили что это еще цвѣточки, потому что съ моря дулъ благодатный для Смирны вѣтеръ, но что когда, въ половинѣ лѣта, онъ прекращается, то жаръ становится невыносимъ и угрожаетъ солнечными ударами. Общественная жизнь идетъ ночью, а на весь день запираются ставни и всѣ ложатся спать. Въ это время происходятъ здѣсь частые грабежи. Жители, большею частію Греки, не пользуются хорошою репутаціей. Другой бичъ Смирны лихорадки, происходящія отъ близости болотъ и отъ сырости въ помѣщеніяхъ въ зимнее время. Частыя землетрясенія также причиняють городу немалый вредъ.

Отъ Смирны до Митилены насъ опять порядочно покачало. Простоявъ въ Митиленѣ часа три, пароходъ пошелъ дальше и утромъ присталъ къ Дарданелламъ, гдѣ сошли многіе поклонники вѣдущіе на Аѳонъ.

На другой день *Александръ* вышелъ въ Золотой Рогъ. Царь-Градъ сталъ еще великолѣпнѣе, одѣтый въ свѣжую зелень. Воздухъ однако далъ почувствовать что мы приближаемся къ сѣверу.

Мы и здѣсь предпочли нашъ пловучій домъ всѣмъ отелямъ и подворьямъ; но условились съ однимъ изъ явившихся съ услугами русскихъ монаховъ взять часъ во второмъ осматривать примѣчательности Константинополя.

Первое наше посѣщеніе было въ Аѳонское Андреевское подворье. Скитъ Андрея Первозваннаго сооруженъ на Аѳонской горѣ по старанію Муравьева не очень давно. Монахи въ немъ всѣ изъ Русскихъ. По примѣру Пантелеймоновскаго монастыря они устроили здѣсь подворье въ которомъ могутъ останавливаться русскіе богомольцы, находящіе у нихъ радушный приемъ и проводниковъ для посѣщенія святыни константинопольской. Церкви еще нѣтъ тутъ, но есть небольшая молельня гдѣ служатъ молебны. Монахи насъ приняли очень пріятливо. Рѣшено было что прежде всего мы посѣтимъ Пантелеймоновское подворье, гдѣ находится часть мощей цѣлителя Пантелеймона и часть животворящаго древа. Это къ тому же близко. Здѣсь все имѣетъ болѣе богатый видъ; есть маленькая, но еще неосвященная церковь, устроенная вѣломѣрно высоко. Съ окружающей ее террасы открывается превосходный видъ.

Константинополь, 25 мая.

Вчера рано утромъ нашъ проводникъ-монахъ явился на пароходъ. День воскресный, и мы рѣшили посѣтить царьградскую святыню. Взяли карету до третьяго часа за 20 франковъ и отправились. Монахи еще вчера выправили намъ билеты изъ консульства для посѣщенія Софійской мечети. Билетъ этотъ даетъ право на обзоръ еще разныхъ рѣдкостей. Платять за него турецкую лиру, нѣсколько побольше шести рублей.

Карета наша, запряженная парой въ дышло, съ Грекомъ-кучеромъ, быстро покатила по страшно узкимъ улицамъ, вызывая лай и визгъ между лежащими цѣлыми семействами собакъ. Въ Старомъ Стамбулѣ бѣда встрѣтиться съ другимъ экипажемъ; и одна карета едва помѣщается во всю ширину улицы, оттого и стараются проѣхать улицу какъ можно скорѣе.

Скоро мы остановились у воротъ патриархіи. Снаружи, какъ и всѣ зданія Востока, она такъ загромождена всякими строениями что ея архитектуру нельзя разобрать. Въ церкви шла обѣдня, служилъ самъ патриархъ, народу было много, освѣщеніе великолѣпное. Мы помолились предъ чернымъ рѣзнымъ иконостасомъ, приложились къ части коловны бичеванія и къ мощамъ, которыя здѣсь совершенно открыты. Намъ показали древній мозаикой украшенный патриаршій тронъ, уже почернѣвшій отъ времени: это еще тронъ Іоанна Златоуста.

Изъ патриархіи мы проѣхали въ церковь Влахернской Богоматери, съ ея чудотворною иконой и частью животворящаго дерева. Въ этой церкви Андрей Христа ради юродивый и Элифаній удостоились видѣть Матерь Божию, покровяющую христіанъ своимъ омофоромъ. Тутъ и теперь есть икона Покрова Богородицы, но церковь поражаетъ своею бѣдностью, потому что Греки не радуютъ о ней. Со времени взятія Константинополя они перестали праздновать Покровъ Богородицы. Затѣмъ мы поѣхали мимо тройной стѣны древней царьградской крѣпости. По правую сторону тянутся великолѣпныя кипарисовыя рощи, съ тысячами мусульманскихъ лампачниковъ: это кладбище на брани павшихъ Турокъ при взятіи Царь-Града. За нимъ начинается кладбище христіанъ, мѣсто покоя павшихъ сыновъ освобожденной Греціи.

При входѣ въ находящуюся близъ кладбища церковь Живоноснаго Источника стоятъ бѣлыя мраморныя гробницы патриарховъ. Церковь эта воздвигнута еще греческими императорами и потому очень изящна. Иконостасъ изъ бѣлаго мрамора украшенъ бѣлою рѣзьбой. Лампады и паникадила всѣ хрустальныя. Отъ входной площадки направо идетъ слускъ къ самому источнику, также обложенному бѣлымъ мраморомъ. Надъ нимъ помѣщенъ большой образъ Богоматери Живоноснаго Источника, въ мраморной оправѣ превосходной работы. Народу было очень много, всѣ желали помочить глаза этою водою и напиться ея. По преданію этотъ источникъ чудеснымъ образомъ явился въ царствованіе императора Льва Премудраго. Гуляя однажды по окрестностямъ столицы, этотъ государь встрѣтилъ слѣплаго старика. Несчастный, слышавъ приближеніе человѣческихъ шаговъ, попросилъ дать ему напиться. Императоръ хотѣлъ исполнить желаніе слѣпца, но

поглядѣвъ вокругъ вспомнилъ что тутъ нигдѣ нѣтъ воды. Въ это время ему послышался голосъ, повелѣвавшій идти на близъ находящееся мѣсто „Балукли“. Императоръ повиновался и увидѣлъ источникъ превосходной воды. Таинственный голосъ велѣлъ ему напоить слѣпца и вымыть его глаза. Левъ исполнилъ это, и слѣпецъ прозрѣлъ. Отъ источника многіе стали получать исцѣленіе, а императоръ былъ удостоенъ видѣнія Богоматери, сказавшей что она та которая дала ему возможность сдѣлать доброе дѣло. Левъ богато отдѣлалъ источникъ, получившій названіе Живоноснаго, и соорудилъ тутъ великолѣпную церковь. Мѣсто это очень чтимо всѣмъ православнымъ міромъ.

На христіанское кладбище, прилегающее ко храму, каждый праздникъ собираются христіане для прогулки.

Затѣмъ мы посѣтили мечети Софійскую, Соломонову и погребальную мечеть султановъ. Обѣ первыя были христіанскими храмами и носятъ печать древности и величія. Архитектура ихъ очень сходна, но Софійская почти вся покрыта мозаиками. Массивныя коринѣскія колоннады изъ дикаго мрамора съ прелестною рѣзьбой даютъ ей богатый и изящный видъ. Великолѣпный полъ покрытъ весь цыновками, и ходить дозволяется не иначе какъ безъ башмаковъ. Надъ мѣстомъ главнаго алтаря ясно виденъ древній контуръ изображенія Богоматери „Іерусалимская Стѣна“. Говорятъ, мусульмане, несмотря на всѣ старанія, не могли изгладить его. Также ясно виденъ вправо отъ него крестъ. Кресты остались еще въ двухъ мѣстахъ на фрескахъ. Вся остальная живопись уступила стараніямъ невѣрныхъ: лики евангелистовъ и прочихъ святыхъ замѣнены изреченіями изъ Корана. Тяжело видѣть этотъ храмъ, прекрасное произведеніе византійскаго искусства, олустошеннымъ, испещреннымъ изреченіями Корана, съ сидящими въ немъ Турками, съ луной надъ величественнымъ куполомъ.

Погребальная мечеть султановъ не велика, но изящна, бѣлая мраморная, круглая, съ мраморными гробницами. Султанскій мавзолей покрытъ чернымъ бархатнымъ покровомъ, на которомъ вышиты серебромъ тексты Корана, и окруженъ серебряною рѣшеткой. Въ изголовьѣ на мраморной колоннѣ виситъ феска съ богатѣйшимъ брилліантовымъ перомъ. Гробницы другихъ особъ царствующаго дома не такъ роскошно убраны.

Были потомъ въ султанскомъ музеѣ. Прежде всего бросается здѣсь въ глаза золотой тронъ съ жемчужною отѣлкой. Много дорогихъ оружій и камней, между прочимъ хорошъ розовый алмазъ довольно большой величины и коробочка въ квадратный вершокъ сдѣланная изъ цѣльныхъ изумрудовъ. Предлагали намъ осмотрѣть музей древнихъ оружій, но помѣшала усталость, и мы воспользовались только возможностью посѣтить небольшой дворецъ султана гдѣ онъ дѣлаетъ приемы въ нѣкоторые торжественные дни и другой дворецъ принадлежавшій его брату. Дворецъ телерешаго султана не великъ и очень изященъ снаружи. Внутри тоже отѣланъ хорошо въ европейскомъ вкусѣ.

Эта часть города расположена на горѣ, и потому съ окружающихъ дворецъ балконовъ открывается поразительно прекрасный видъ. Около дворца разбиты цвѣтники, между которыми дорожка ведетъ въ другой дворецъ, выстроенный на мѣстѣ дворца императора Константина. Здѣсь намъ показали только библиотеку, большую комнату съ мозаическимъ поломъ и потолкомъ, съ дверями покрытыми инкрустаціей изъ черепахи и перламутра, съ роскошными диванами и шкафами книгъ въ богатыхъ переплетахъ. Комната эта окружена стеклянною галлереей, потому довольно мрачна. Съ прилегающей къ ней террасы открывается панорама на Босфоръ, Скутари, Сераль, Галату и Золотой Рогъ съ переполняющими его судами подъ флагами всѣхъ націй,—панорама не имѣющая, мнѣ кажется, себѣ подобной по красотѣ.

Полюбовавшись на нее сколько было можно, мы направились домой. Карета наша еще отъ Софійской мечети была отпращена, идти надо было лѣшкомъ. Изъ крѣлости, въ которой находятся эти дворцы и музеи, направо ворота ведутъ прямо къ слуску на берегъ; но турецкій караулъ насъ тутъ не пропустилъ, говоря что здѣсь ходитъ только простой народъ, а что мы должны идти въ другія ворота выходящія въ противоположную часть города. Наши просьбы не привели ни къ чему, и мы должны были по страшной пылы и жарѣ, усталые и голодные, тащиться версты двѣ лишнихъ до лодки.

Сегодня утромъ, часовъ въ девять, отправились мы съ нашимъ проводникомъ-монахомъ въ знаменитый константинопольскій базаръ. Это чистый омутъ, отчасти напоминающій московскій городъ, но въ огромномъ размѣрѣ, съ публичкой изъ всѣхъ возможныхъ націй, съ восточными кулцами, съ

несметнымъ множествомъ собакъ, съ гуломъ смѣшанныхъ ларчикъ и лавроуланымъ валросомъ за товаръ. Въ добавокъ видѣто московскихъ мальчишекъ съ ихъ крикомъ *пофс-людма*, тутъ внезапно васъ окружають выскакивающіе изъ всѣхъ лавокъ Французы и Греки говорящіе по-французски и кричають вамъ въ уши что-то такое что вы не въ силахъ уже разобрать. Турки, по своей лѣни и медлительности, не способны исполнять роль рыняныхъ зазывателей, но находя этотъ методъ вѣроятно очень полезнымъ, наивмать для этой должности подвижныхъ и ловкихъ Французовъ и Грековъ, съ какииъ-то неистовствомъ исполняющихъ свою должность. Приходилось по десяти разъ возвращаться въ одну и ту же лавку за одною и той же вещью, бѣгать огромныя расстоянія для отысканія другихъ лавокъ и возвращаться туда гдѣ за вещь стоящую одну лиру запрашивали четыре и уступали по одному франку послѣ каждаго возвращенія. Разумѣется, безъ опытнаго проводника мы перелетали бы пропасть лишнихъ денегъ или вернулись бы ни съ чѣмъ. Я уже не въ состояніи была разсматривать всѣ азіатскія рѣдкости, рада была что исполнила порученіе одной знакомой и больше рѣшила ничего не покупать, насилу вырвались мы изъ этого ужаснаго базара. На дорогѣ къ берегу оказалась таможня; а такъ какъ Турки берутъ пошанну съ вывозимыхъ отъ нихъ товаровъ, то надо было ее миновать. Для этого мы зашли на Андреевское подворье, гдѣ отдохнули, помолились и отправились на пароходъ, готовый сняться съ якоря. Здѣсь насъ встрѣтилъ-таки таможенный турецкій чиновникъ. Не успѣли мы взойти на пароходъ какъ онъ бросился къ тралу чтобы загородить намъ путь; но наши офицеры, видѣвши эту сцену, представили ему какъ не деликатно лѣзть на узкій тралъ когда по немъ идутъ дамы. Этотъ маневръ подѣйствовалъ, такъ какъ Турки желаютъ показать себя не менѣе образованными чѣмъ Европейцы. Мы прошли свободно, и тѣмъ временемъ момахъ ловко сунуль подъ свою расу бывшія лодъ лавкой вещи, и Турокъ ничего не нашелъ въ олуствѣвшей лодкѣ.

Въ четыре часа *Александръ* снялся съ якоря. Вся публика стояла на палубѣ; пассажировъ прибыло очень много. Во всѣхъ кружкахъ шелъ оживленный разговоръ о красотѣ Константинополя и Босфора. Нѣкоторые бывшіе тутъ моряки обошедшіе весь свѣтъ говорили что лучше Босфора не

видали ничего въ мирѣ. Между тѣмъ *Александръ* вошелъ въ чудный проливъ. Вотъ его гористые берега, одѣтые темною зеленью кипарисовъ, украшенные роскошными дворцами, kiosками, изящными минаретами. Пароходъ идетъ медленно; но его хотѣлось бы остановить. Вотъ блеснулъ вправо, у самой сѣней ленты пролива, бѣлый мраморный дворецъ построенный для пріѣзда императрицы *Евгеніи*, и влѣвъ уже уходитъ въ даль огромный, тоже бѣлый мраморный дворецъ—лѣтняя резиденція султана. Золотой Рогъ съ вѣщающимъ его Царь-Градомъ и Скутари уже отогулили на задній планъ, но въ перспективѣ стали еще очаровательнѣе, рѣзко рисуются на роскошномъ фонѣ сиваго неба.

Два часа шелъ *Александръ* между этихъ волшебныхъ береговъ; противъ дворца русскаго посольства остановился взять почту. Босфоръ почти весь былъ уже позади. Пароходъ пошелъ быстро...

4 іюля, Москва.

Когда приближались къ Бѣлокаменной, небо было покрыто тучами, вдали рокоталъ громъ, разъ, другой блеснула молнія, и пошелъ дождь. Непривѣтливо хочетъ встрѣтить меня Бѣлокаменная, подумала я: какое-то тяжелое предчувствіе вдругъ точно камень налегло на сердце. Нетерпѣніе мое однакожь не уменьшилось. Дождь сталъ проходить, тучи рѣдѣли, густой туманъ засталъ горизонтъ; изъ-за него какъ бы сквозь дымъ показалась высокая колокольня *Симонова монастыря*; я перекрестилась. Туманъ сталъ рѣдѣть, съ большею и большею ясностью обрисовывались на блѣдностромъ фонѣ золотыя маковки московскихъ церквей. Скоро поѣздъ подошелъ къ вокзалу. Расстояніе иногда замѣняетъ время: только съ осени не была я здѣсь, и въѣхала 3 іюля, но мнѣ казалось я цѣлый вѣкъ не видала Москвы.

Предчувствіе меня не обмануло, я узнала о кончинѣ двухъ дорогихъ для меня людей.

Да будетъ воля Господня!

Б.

ВНѢ КОЛЕИ *

РОМАНЪ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Spott ist das Wetterleuchten
der Verleumdung.

Поговорка.

Петръ Николаевичъ всталъ необычайно рано. Всю ночь ему не давалъ спать неугомонный лай собакъ на дворѣ, да муха бившаяся объ окно, да комары неумолимо лицавшіе вокругъ его ложа. Онъ всунулъ ноги въ вязавыя туфли, накинулъ бархатный халатъ и почувствовалъ усиленный приливъ неудовольствія ото всей этой несносной деревенской обстановки. Онъ подошелъ къ окну и сердито оглянулъ проспавшійся садъ; сѣрое, невеселое утро встало надъ Бѣлыми Столбами. Даже въ июлѣ такіа утра наступаютъ иногда послѣ звѣздныхъ ночей. Петръ Николаевичъ забарабанилъ по окну, не рѣшаясь открыть его—онъ вѣчно боялся простудиться. Онъ рѣшительно не зналъ что дѣлать. Въ Петербургѣ зимой и лѣтомъ на дачѣ все такъ хорошо напередъ устроено и разчитано: въ передней непременно ждутъ его просители,

* См. *Русск. Вѣстн.* №№ 1, 2, 3 и 4.

да чиновникъ съ докладомъ, и хотя онъ тамъ всегда ворчить по поводу этихъ тяжелыхъ обязанностей служебнаго положенія, здѣсь въ деревенской глуши онъ сожалѣлъ объ отсутствіи этой привычной скуки. „Еще бываютъ люди, думалось ему, которые увѣряютъ что въ деревнѣ-то и есть настоящій отдыхъ и настоящее дѣло, а тутъ, какъ разъ, некуда дѣваться послѣ бессонной ночи!“

Въ домѣ никто еще не подвигался. Петръ Николаевичъ позвонилъ своего камердинера, умылся и спросилъ чаю. Какъ нарочно, на зло ему, едва налилъ онъ себѣ чашку, въ нее ударилась и принялась барахтаться муха, та самая, должно-быть, которая надоѣдала ему всю ночь. Онъ разразился громкою бранью, хотя въ комнатѣ былъ совершенно одинъ; какъ бы въ отвѣтъ на нее снова вошелъ камердинеръ и доложилъ что къ его превосходительству пріѣхалъ управляющій изъ Никольскаго. Петръ Николаевичъ залахнулъ свой халатъ и съ торжественнымъ видомъ принялся лить чай: онъ почти обрадовался Гондзевскому—это хоть сколько-нибудь походило на обычный пріемъ чиновника съ докладомъ.

— Здравствуйте, милый мой, отвѣтилъ онъ на глубокій поклонъ Гондзевскаго и подалъ ему третій палецъ руки. Тотъ почти къ этому пальцу приложился.

— Елена Михайловна, кажется, вами несовсѣмъ довольна, съ приличною строгостію отозвался сановникъ на оправдательную рѣчь Поляка, который, предвидя грозу, слѣшилъ выставить себя въ самомъ выгодномъ свѣтѣ.—Вы не оправдали возложеннаго на васъ довѣрія.

— Ваше превосходительство, воскликнулъ Гондзевскій, придавъ своему туловищу форму вопросительнаго знака,—принимая на себя довѣренную мнѣ должность, я думалъ здѣсь найти просвѣщенныхъ хозяевъ, способныхъ оцѣнить вашу высокую рекомендацію и мои усилія въ примѣненіи усовершенствованныхъ пріемовъ агрономической науки.

Совсѣмъ не тотъ это былъ Гондзевскій который предъ Еленой Михайловной и Дмитріемъ такъ щелетально отстаивалъ свой гоноръ, порой даже съ замѣтною прихвсью нахальства.

— Знаю, любезный мой, знаю, возразилъ Петръ Николаевичъ, уже нѣсколько смягченный,—что вы ученый агрономъ; оттого я васъ сюда и назначилъ, но все-таки вы допустили, кажется, нѣкоторыя оплошности въ хозяйствѣ и по отношенію къ крестьянамъ не всегда соблюдали интересы экономіи.

Туловище Говдзевскаго теперь выпрямилось и приняло нѣсколько протестующій видъ восклицательнаго знака.

— Ваше превосходительство намѣренно ввели въ заблужденіе, сказалъ онъ,—если я и входилъ съ крестьянами въ соглашенія, которыя профанамъ могутъ казаться невыгодными, то это потому лишь что въ наше время можно дѣйствовать на крестьямъ только мягкими мѣрами.

— Была какая-то исторія съ лѣсомъ, нетерпѣливо перебилъ его Петръ Николаевичъ, неясно выговаривая слова, такъ какъ онъ жевалъ кусокъ сухаря и заливалъ его чаемъ. Здѣсь Говдзевскій пустился въ длинныя объясненія того какъ напрасно очернили его благія намѣренія и какъ все дѣло было испорчено вмѣшательствомъ Дмитрія.

— Конечно господи́въ Корецкій—племянникъ вашего превосходительства, и я потому обязавъ къ нему относиться съ уваженіемъ, но вы понимаете какъ тяжело опытному управляющему подчиняться молодому человѣку, ничего не понимающему въ хозяйствѣ и къ тому же горячему и неделикатному въ обращеніи.

— Я Дмитрію выславъ довѣренность, совсѣмъ по генеральски отрѣзалъ Петръ Николаевичъ,—и вы не должны были себѣ позволить...

Но подобострастіе вдругъ совсѣмъ исчезло съ лица г. Говдзевскаго. Онъ теперь даже позволялъ себѣ перебить своего патрона, хоть и сдѣлавъ это самымъ мягкимъ, вкрадчивымъ голосомъ.

— Вашему превосходительству, сказалъ онъ,—я всегда готовъ отдать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ; ваше превосходительство, конечно, изволите припомнить что я аккуратно высылалъ къ вамъ какъ денежныя суммы по имѣнію, такъ и вѣдомости о приходѣ и расходѣ, и если я не могу въ настоящее время представить общій отчетъ по управленію, то потому лишь что мнѣ неизвѣстно какъ ваше превосходительство сообразовали распорядиться этими суммами.

Съ лица Петра Николаевича немедленно слетѣло генеральское выраженіе. Онъ припомнилъ что въ этихъ суммахъ онъ самъ, въ качествѣ опекуна, не былъ бы въ состояніи дать особенно полный отчетъ. Временныя затрудненія въ деньгахъ—Петръ Николаевичъ велъ крупныя дѣла и потому иногда нуждался въ кредитѣ—вынудили его къ займу несовсѣмъ законнаго свойства. Деньги эти онъ конечно думалъ возратить,

но для него все-таки было крайне неприятно что Гондзевскій догадывался объ этомъ обстоятельстве и могъ о немъ сообщить Еленѣ Михайловнѣ и Женичкѣ.

— Конечно, Дмитрій поступилъ очень неосторожно, замѣтилъ онъ будто вскользь, не глядя прямо на Гондзевскаго.

— Самовольное нарушение условія со стороны Дмитрія Алексѣевича, продолжалъ тотъ,—крайне озлобило крестьянъ. И меня нисколько не удивить, ваше превосходительство, если во время уборки хлѣба возникнутъ въ Никольскомъ безпорядки.

Петръ Николаевичъ не успѣлъ отвѣтить—въ его комнату входила Анна Григорьевна, чтобъ осведомиться о здоровьи девера. Хоть она его и недолюбливала, Анна Григорьевна всегда твердо исполняла то что по ея понятіямъ входило въ обязанности гостепріимства.

— Сегодня же я буду въ Никольскомъ и окончателно переговоры съ вами, послѣшилъ отлучить управляющаго Петръ Николаевичъ.

Одѣвшись, онъ затѣмъ перешелъ въ гостиную, гдѣ Анна Григорьевна по утрамъ неизмѣнно разливала чай.

— Хорошо, братъ, нечего сказать, обратился онъ съ напускною важностію къ Дмитрію,—славныхъ вещей я отъ Гондзевскаго про тебя слышался.

— Это вы должно-быть про условіе объ очисткѣ лѣса, котораго я ему не далъ заключить, хладнокровно отвѣтилъ Дмитрій.

— Да, шутка сказать, разорвалъ документъ, подписанный обѣими сторонами, да это произволь, самоуправство, какъ? Правительство озабочено улучшеніемъ быта крестьянъ, все просвѣщенное общество, вся литература въ одинъ голосъ твердятъ про необходимость водворить строгую законность и увеличить размѣры крестьянскаго землевладѣнія, а ты подаешь примѣръ нарушенія этой же законности, и все это для того лишь чтобы не дать крестьянамъ необходимаго лѣснаго матеріала. Да ты плантаторъ послѣ этого; и если произойдутъ безпорядки, я умываю себѣ руки!

Долго еще Петръ Николаевичъ ораторствовалъ въ этомъ смыслѣ, производя, увы, мало впечатлѣнія на слушателей; даже Володя равнодушно барабанилъ по столу, думая про себя что въ такой прохладный денекъ какъ сегодня отлично будетъ прокатиться верхомъ съ Женичкой. Впрочемъ,

позволительно думать что Петръ Николаевичъ мнѣе горячо принималъ бы къ сердцу обиженныхъ Никольскихъ крестьянъ, еслицъ и онъ весь обузу поземельной собственности.

Правда, онъ недавно успѣлъ приобрести три тысячи десятинъ въ Уфимской губерніи, изъ Башкирскихъ земель, что было наиболее существовавшимъ плодомъ дѣятельности комисіи объ улучшеніи быта Башкиръ, въ которой Петръ Николаевичъ былъ главнымъ дѣятелемъ; но эти тысячи десятинъ къ всеобщему благу страны Петръ Николаевичъ поспѣшилъ раздать въ аренду съемщикамъ главнымъ образомъ Моисеева закона.

— Когда мы съ вами будемъ въ Никольскомъ, дядюшка, отвѣтилъ Дмитрій, — я берусь убѣдить васъ въ званіи и честности господина Гондзевскаго.

Вшедшій Терентій доложилъ что къ барину прѣхалъ изъ Черныхъ Хуторовъ волостной старшина, за которымъ съ раннего утра было послано.

Вернувшись ночью домой съ Надей, Дмитрій въ усадьбѣ не встрѣтилъ никого. Весь домъ былъ погруженъ во мракъ, и никто такъ по крайней мѣрѣ ему показавшись — его съ Надей не видалъ. Дмитрій самъ отвелъ лошадей въ конюшню. Славшій конюхъ въ просонкахъ пробормоталъ: „кто тамъ?“ повернулся на другой бокъ и снова захрапѣлъ. Дмитрій провелъ всю остальную ночь не раздѣваясь на креслѣ предъ окномъ въ своей комнатѣ, и дневной свѣтъ засталъ его все въ томъ же безлюбойномъ раздумьи. Проснувшееся въ немъ чувство не сулило радости впереди, оно какъ солнце въ этотъ свѣтлый день зарождалось окруженное тучами.

Но сомнѣніе въ ямотѣ молодой дѣвушки ни на одинъ мигъ не залало въ его сердце. Чѣмъ болѣе онъ вдумывался въ еботолательства ихъ ночной встрѣчи, тѣмъ ловатнѣе ему казалось ея поведеніе. Ее палугалъ, конечно, тотъ человекъ имя котораго она ему не смѣла выдать. Она боялась за нихъ, за Корецкихъ, хотя бояться собственно и нечего. Теперь, при дневномъ свѣтѣ, всѣ опасенія Нади казались Дмитрію лишь призраками навѣянными ночью. Что въ сущности могли сдѣлать эти люди? Они развѣ только могутъ держать ее подъ страхомъ мнимой отвѣтственности предъ ними. Этого онъ, конечно, не допустить; хоть опасности нѣтъ, онъ станетъ зорко наблюдать за тѣмъ чтобы кто-нибудь изъ этихъ людей не потревожилъ вновь молодую дѣвушку. Въ особенности

подозрительнымъ ему казался Василій; рѣшившись быть на сторожѣ, Дмитрій приказалъ послать за старшиной.

Онъ прошелъ въ контору, гдѣ его дождался старшина Черноутерской волости Прокофій Артемьевъ. Это былъ высокій немолодой мужикъ съ правильнымъ лицомъ, замѣтно старавшійся держать себя съ большимъ достоинствомъ. Знакъ на его груди преобразилъ его: лѣтъ за десять предъ тѣмъ онъ былъ простымъ кучеромъ.

Дмитрій коротко объяснилъ ему что въ волости завелась неблагонадежныя личности возмущая крестьянъ, что поэтому не мѣшало бы сельскимъ старостамъ имѣть надзоръ за людьми пріѣхавшими со стороны и представлять въ волость тѣхъ которые покажутся подозрительными.

— Можетъ случиться что кто-нибудь изъ этихъ голубчиковъ нарядится мужикомъ, заключилъ Дмитрій,—ну а нашего брата провести трудно.

— Будьте благонадежны, самодовольно отвѣчалъ благообразный старшина.—Своего дѣла не упустишь. Строго будетъ приказано старостамъ, потому, значитъ, ко мнѣ начальство имѣеть довѣріе и у меня на то знакъ..

— Можетъ случиться что будутъ подложные указы или прокламаціи раздавать...

Старшина улыбулся.

— На этотъ счетъ не извольте сомнѣваться, Дмитрій Алексѣичъ, сказалъ онъ,—объ этихъ египеткахъ всегда надзоръ имѣемъ, приказаніе намъ есть секретное отъ исправника, и штука всѣ ихнія поняли мы вполне. Изволили слышать? въ Дѣвичьей Слободѣ, у предводителя, тоже такіе обманные царскіе указы про новую волю народу читали, такъ все это мы накрыли и къ начальству представили, все это по нашей вѣсти, сами знаемъ какъ поступать надоть, ведаромъ указъ вышелъ, изволили слышать?.. чтобы насъ, значитъ, старшинъ, всѣ волости почитали какъ начальниковъ, потому знакъ имѣемъ.

— А что, много въ народѣ толкуютъ про новую волю? спросилъ Дмитрій.

— Толкуютъ, какъ не толковать: народъ, сами изволите знать, гауный, только при мнѣ, конечно, не смѣютъ!.. Я имъ говорю: господа, Царь разъ далъ волю, и поамо будетъ, какую вамъ еще другую волю? а если кто вамъ говоритъ—не вѣрьте... Только по правдѣ сказать, все-таки толкуютъ, не выбьешь дурь изъ головы.

И волостной сановникъ вздохнулъ.

Простившись со старшей, Дмитрій пошелъ въ поле; надо было рѣшить скоро ли начинать уборку ржи и заранѣе все приготовить въ молотильномъ сараѣ. Нада между тѣмъ все не показывалась въ гостиной. После этой тревожной ночи уснуть она, конечно, не могла; но она почувствовала такое полное изнеможение что не въ состоянiи была подняться съ постели.

— Поди-ка, Володя, обратилась Анна Григорьевна къ сыну довольно раздраженнымъ голосомъ, — посмотри скоро ли придетъ Нада, а то я прикажу убрать чай, одиннадцатый часъ, это ни на что не похоже. Володя радъ былъ случаю улизнуть, но къ Надѣ онъ не пошелъ, „не бѣда коли опоздаетъ немножко, подумалъ онъ, а мама погорачится немножко, да и усмокоится“. У Володи было слишкомъ много своихъ грѣзь чтобы въ это утро весь остальной миръ не отошелъ для него на задній планъ. Въ голосѣ его такъ и кружились нестроимыя вереницы сладкія, немного задорныя воспоминанiя о Николаевскомъ и въ то же время недавно зародившіяся у него мечты о будущей совсѣмъ новой дѣятельности. То что ему казалось несбыточнымъ, когда въ первый разъ о томъ заговорила Женичка, теперь, после вчерашнихъ выборовъ, улыбалось ему какъ вѣчто вполне возможное и близкое къ осуществленiю. Онъ быстро входилъ во вкусы своей будущей предводительской роли и его воображенiю мерещилось какъ въ этихъ самыхъ Бѣлыхъ Столбахъ онъ славно заживетъ съ молодой женой.

Не мудрено что изъ памяти его вовсе исчезла неожиданная встрѣча съ Неродовичемъ на постояломъ дворѣ и то загадочное письмо которое онъ взялся передать Надѣ. Молодой человѣкъ совсѣмъ не тревожился послѣдствiями этого появленiя Неродовича, хотя, конечно, не было у него уже и тѣмъ сочувствiя къ тому что могъ затѣять такъ уважаемый имъ прежде заливало агитаціи. Едва услѣвъ Володя сойти въ садъ и погрузиться въ свои дорогiя мечты, какъ Нада показалась въ дверяхъ гостиной. На ней лица не было. Краска совсѣмъ исчезла съ ея поблѣднѣвшихъ щекъ и большіе глаза горѣли будто въ лихорадкѣ. Въ прежніе дни Анну Григорьевну обезпокоилъ бы ея болѣзненный, усталый видъ, но теперь она лишь сухимъ тономъ, безъ малѣйшей тѣни участiя, спросила у молодой дѣвушки, думаетъ ли она что всѣ въ домѣ обязаны ждать пока ей будетъ угодно придти. Нада отъ чаю отказалась.

— Такъ можно было, кажется, давно объ этомъ сказать. Я люблю во всемъ порядокъ.

Анна Григорьевна отрывисто позвонила. Съ прошлаго вечера она долго передумывала, слѣдуетъ ли спросить Надю про то на что намекала Володя. Она рѣшилась обождать, пока ея наблюденія подтвердятъ догадку о ней. Дмитрій и Надя конечно выдадутъ себя, думалось ей, если въ самомъ дѣлѣ Володя не ошибся, а пока лучше избѣгать тяжелыхъ объясненій. Анна Григорьевна сознавала что стоить ей сказать два, три рѣзкихъ слова Надѣ, и оскорбленное чувство не дастъ молодой дѣвушкѣ оставаться въ домѣ и одного дня; а ей все-таки еще слишкомъ жаль было бѣдной сиротки, какъ она ее мысленно называла, чтобы пустить ее на бѣлый свѣтъ изъ теплаго гнѣзда въ которомъ она укрыла племянницу. Анна Григорьевна, однако, не настолько владала собою чтобы вполне осмыслить то внутреннее раздраженіе которое возбудили въ ея материнскомъ сердцѣ слова Володи. Въ комнатѣ дарило натянутое молчаніе. Петръ Николаевичъ погрузился въ газету, но въ томъ какъ онъ ее вертѣлъ и тормозилъ въ рукахъ, изрѣдка отканиваясь, былъ вѣмой укоръ молодой дѣвушкѣ. Въ рукахъ Анны Григорьевны длинныя слиты на которыхъ она что-то вала метерпѣливо прыгали, словно и онѣ на что-то сердились. Вдругъ Петръ Николаевичъ отложилъ газету, наспѣшавшо прищурился глаза и обратился къ Надѣ съ вопросомъ:

— А что, Надежда Сергѣевна, куда это вы изволили ночью, уже послѣ двѣнадцати часовъ, выйтя прогуляться? Мнѣ не спалось и я замѣтилъ какъ ваше свѣтаое платье медькнуло предъ моимъ окномъ.

— Я вышла въ садъ, у меня голова болѣла, сдержанно отвѣтила Надя.

— Да, да и мнѣ показалось что потомъ ужъ очень поздно, не знаю только въ какомъ часу, лѣстница вверхъ скрикнула отъ чьихъ-то легкихъ шаговъ. Несносныя собаки всю ночь мнѣ не давали спать. Это вы должно-быть возвращались съ прогулки?

— Должно-быть, былъ короткій отвѣтъ Нади.

Но видно ея голосъ при этомъ сильно дрогнулъ, только Анна Григорьевна сочла за лучшее прекратить этотъ вопросъ.

— Пойдемъ ко мнѣ въ кабинетъ, Надя, мнѣ нужно съ тобой переговорить, сказала она, укладывая вазанье въ корзину.

Про ночную прогулку Нади она съ нею не заикалась, будто слово Петра Николаевича она не слыхала. Анна Григорьевна поставила себѣ за правило ни въ чемъ не стѣснять свободу молодой дѣвушки.

— Скажи мнѣ теперь, начала она, стараясь быть спокойною, — что у васъ вчера было съ Боровскимъ? Ты ему отказала?...

— Отказала. Я не могу стать женою человѣка котораго не люблю.

— Но отчего же ты вчера такъ мнѣ ничего и не объяснила? или ты думала что меня это совсѣмъ не касается?

И въ голосъ Анны Григорьевны будто поднималась гнѣвная волна.

— Мнѣ тяжело было съ вами вчера про это говорить, тетюшка.

— Тяжело, почему тяжело? Развѣ ты со мною не можешь быть откровенною? Развѣ есть у тебя какая-нибудь иная причина?..

— Я вамъ уже сказала, тетюшка, что я не люблю Боровскаго, съ плохо скрытымъ волненіемъ перебила ее Нада. — Другой причины у меня нѣтъ.

Анна Григорьевна не захотѣла настаивать. Она чувствовала что ея самообладаніе ей готово измѣнить. Подозрѣніе залавшее ей въ душу все росло. Она послѣдшне оборвала разговоръ подъ предлогомъ какихъ-то дѣлъ по хозяйству. Нада вернулась къ себѣ въ комнату.

Она понимала чего не договаривала тетка. Ея чуткое ухо сразу подмѣтило отгѣнокъ холодности въ голосъ Анны Григорьевны, а когда та упомянула про размолвку съ Боровскимъ, Нада тотчасъ догадалась откуда шла эта холодность. За нѣсколько дней предъ тѣмъ она, долго не думая, уѣхала бы изъ Бѣлыхъ Столбовъ. Куда?... Да не все ли равно? Ей не привыкать стать къ кочевой жизни. И чѣмъ тѣснѣе новое, невысказанное чувство привязывало ее къ дому Корецкихъ, тѣмъ скорѣе и рѣшительнѣе она бы покинула этотъ домъ. Еслибы даже ее Дмитрій полюбилъ какъ она его любитъ — а онъ и не думаетъ объ ней — она бы не захотѣла стать его женою вопреки его матери, войти въ семью окольнымъ путемъ — это претило ей въ высшей степени, и она нашла бы въ себѣ довольно твердости чтобы разомъ, не колеблясь, порвать свои отношенія къ Корецкимъ; но теперь она уже не можетъ этого сдѣлать. Съ тѣхъ поръ какъ она узнала что

противъ нихъ замышляютъ что-то недоброе, она не имѣетъ права уѣхать. Она должна остаться въ Бѣлыхъ Столбахъ чтобы защитить Корецкихъ въ случаѣ опасности. Вѣдь только она и можетъ проникнуть замыслы Неродовича... Сама не сознавая того, Нада уже вышла изъ нейтральнаго положенія между прежними и новыми своими друзьями, да развѣ и можно было сохранить это положеніе?

Прежде всего она должна снова повидаться съ Дмитриемъ. Сказать ему все она, конечно, не имѣетъ права, но она можетъ, она должна предостеречь его! Есть средство вырвать оружіе изъ рукъ противниковъ, войти въ соглашеніе съ крестьянами и тѣмъ устроить поводъ къ ихъ раздраженію; Дмитрій это безъ сомнѣнія пойметъ, и тогда уже нечего будетъ опасаться Неродовича. Цѣлыхъ два часа она ожидала возвращенія Дмитрія, но онъ не являлся. Ею овладѣло нетерпѣніе и она пошла его отыскивать въ поле.

II.

Съ нашимъ народомъ можно ладить, только не по-нѣмецки.—съ то-
момъ законовъ подъ мышкой, когда
дѣло идетъ по землѣ, по хозяйству,
или даже по сосѣдству.

Гр. Валугевъ.

Дмитрій возвращался съ поля въ сопровожденіи старосты Якова. По пути они зашли въ молотильный сарай и, къ своему изумленію, Дмитрій нашелъ паровую молотилку испорченною. Это показалось ему тѣмъ страннѣе что за мѣсяць предъ тѣмъ она была въ совершенномъ порядкѣ. Тутъ очевидно не обошлось безъ чьей-то злонамѣренной руки. Дмитрій съ непривычною ему рѣзкостью разбилъ Якова за то что тотъ не предупредилъ вовремя о порчѣ машины. Староста отвѣчалъ своимъ обычнымъ равнодушнымъ голосомъ, улорно глядя внизъ. Брань, казалось, не производила на него ровно никакого впечатлѣнія.

— Полортилась, твердилъ онъ,—значитъ починить надо. А кто ее знаетъ отчего она развинтилась и кто гайки ставилъ?

Дмитрій сталъ подозрѣвать что Яковъ виновать не въ одномъ недосмотрѣ. Онъ пристально вглядѣлся въ застывшее лицо старосты.

— Ты у меня смотри, Яковъ, сказалъ онъ выхода изъ сараю,—я шутить не люблю.

Яковъ лопрежнему не выразилъ никакого омущенія.

— Что же? прикажите разчитать коли мною недовольны, произнесъ онъ холодно.

— Сегодня же въ городъ за машинистомъ послать. Эввать нечего.

— Машинистъ-то, слышно, въ уѣздѣ, отвѣтилъ Яковъ,—у предводителя работаетъ. А вотъ лучше въ Никольское съѣздить, тамъ сегодня человекъ одинъ подрадилъ, тоже изъ города вчера пріѣхалъ, Ефимомъ прозывается,—землякъ мнѣ, тоже Хвалыньскій, дѣло свое ничего—знаеть.

— Найми его, пожалуй, только за настоящимъ машинистомъ все-таки послать.

Дмитрій увидалъ подходившую къ нимъ Надю и тотчасъ отпустилъ Якова.

— Вы будто взволнованы, начала она, замѣтивъ гнѣвный блескъ его глазъ и его сдвинувшіяся брови. Онъ передалъ ей о случившемся.

— Вы понимаете, тутъ злой умыселъ очевиденъ, это хоть кого взбѣситъ... тѣмъ болѣе, добавилъ онъ,—что это сдѣлалъ не посторонній, а кто-нибудь изъ служащихъ здѣсь; а коли такъ, я стало-быть имѣю дѣло съ цѣлымъ заговоромъ.

Надѣ показалось что слова эти звучали улрекомъ для нея самой.

— Заговоры не бываютъ безъ причины, отвѣтила она и посмотрѣла ему прямо въ глаза чтобы вычитать въ нихъ недоговоренную мысль.

— Причину я понимаю отлично, живо возразилъ онъ.— Есть кто-нибудь, можетъ и не одинъ, а нѣсколько, кому нужно противъ меня возбуждать людей и портить хозяйство.

— Вы крестьянъ противъ себя возстановили.

— Да не въ крестьянахъ дѣло! Мужики стануть лѣсъ рубать или травить поля, пожалуй даже хлѣбъ подожгутъ—этому примѣровъ много,—но умышленная порча дорогой молотилки совсѣмъ не въ ихъ духѣ. Такой прѣдой мести изъ подтишка русскій мужикъ не знаетъ. Да и не одно это: я только-что былъ на селѣ чтобы сказать Трофиму когда

приняться имъ за уборку, и получилъ какой-то странный, уклончивый отвѣтъ, очень похожій на отказъ. Мужики точно мнѣ въ лицо глянуть не смѣютъ, отвѣчаютъ неохотно, словомъ—что-то замышляютъ и не отъ себя это замышляютъ, а будто ихъ подбиваетъ кто-то... Да что же я вамъ все это объясняю, Надежда Сергѣевна,—и голосъ Дмитрія вдругъ перешелъ на провинческій тонъ,—вамъ все это гораздо лучше извѣстно чѣмъ мнѣ.

Краска бросилась ей въ лицо и глаза ея блеснули; Дмитрію тотчасъ стало совѣстно, но онъ не успѣлъ взять назадъ свои обидныя слова.

— Я и шла сюда, Дмитрій, чтобы переговорить съ вами обо всемъ этомъ, сказала она тихо.—Можетъ-быть я сумѣю вамъ дать хорошій совѣтъ.

Онъ посмотрѣлъ на нее съ изумленіемъ.

— Да, совѣтъ, продолжала она,—какъ ни странно вамъ это слышать.—Въ ей прямомъ взглядѣ не было и тѣни смущенія.—Что бы ни затѣяли противъ васъ, дѣйствовать могутъ только посредствомъ крестьянъ. И съ крестьянами вамъ надо помириться. Этимъ вы предотвратите оласность.

— Ну, оласности ровво нѣтъ никакой. Могутъ быть убытки, неприятели, а этимъ, вы знаете, меня не испугаешь.

— Нѣтъ, Дмитрій,—и въ отвѣтъ ему она покачала головой,—кто знаетъ обойдется ли этимъ, да и вы не одни: у васъ мать, которая не вынесетъ нравственнаго потрясенія, а вѣдь она до сихъ поръ въ крестьянахъ видитъ своихъ бывшихъ крѣпостныхъ. Избѣгнуть взрыва пока еще можно, но можно только уступками.

Дмитрій остановился и недовѣрчивое удивленіе опять показалось на его лицѣ.

— И вы мнѣ даете такой совѣтъ, Надя? Вы, которая боитесь мнѣ выдать зачинщика всей этой кутерьмы!...

И на этотъ разъ она покорно выслушала упрекъ.

— Если вы не хотите понять чувства которому я повинуюсь, проговорила она въ подголоса,—я ничего не могу прибавить въ свое оправданіе... Да оправдываться я и не умѣю.

— Надя, взволнованно отвѣтилъ онъ,—когда же наконецъ исчезнутъ между нами эти недомолвки? Искренность не бываетъ наполовину...

Она опустила голову и не отвѣтила.

— Общайте мнѣ по крайней мѣрѣ что когда будутъ улажены эти затрудненія, вы мнѣ скажете все. О, еслибы вы могли ловить съ какою радостью я повѣрю всякому вашему слову.

Должно-быть онъ прочелъ на ея главахъ безмолвный, но утвердительный отвѣтъ, только онъ болѣе не настаивалъ.

— А улажено будетъ все, продолжалъ онъ,—и очень скоро; я самъ давно вижу что уступки необходимы съ нашей стороны, потому что для насъ съ матерью есть ничто выше чѣмъ наше законное право—есть нравственная обязанность сдѣлать все зависящее отъ насъ чтобъ обезпечить и успокоить этихъ бѣдныхъ сбитыхъ съ толку людей.

Лицо Нади освѣтилось благодарною радостью.

— Я бы такъ хотѣла, сказала она,—видѣть васъ, Дмитрій, всегда и вполнѣ правымъ, не по закону только правымъ, и знать что всѣ другіе это чувствуютъ и признаютъ...

Онъ горячо пожалъ ей руку.

— А теперь, простилась онъ съ нею,—я пойду къ матери чтобъ уговорить и ее.

Анну Григорьевну Дмитрій засталъ за какими-то счетами. Только ясный, недвусмысленный языкъ цифръ, казалось, былъ для нея загадочнымъ. И она тоже, всегда твердая и спокойная, въ этотъ день не могла совладать съ тревожными мыслями, не дававшими ей покоя.

Дмитрій сказалъ ей про молотилку.

— Якова придется разчитать, закончилъ онъ,—я его сильно подозреваю.

Но Анна Григорьевна поддалась не сразу; она вѣрила Якову, который уже цѣлые четыре года жилъ въ Бѣлыхъ Столбахъ. Онъ попалъ туда случайно въ качествѣ столара. Яковъ былъ изъ мастеровыхъ и долго жилъ у хозяина въ Москвѣ. Смышлявость его поразила Анну Григорьевну. Онъ ей повредился за ту нехлопотливую своровку, которую онъ выкалывалъ во всемъ за что ни принимался. Она не могла допустить чтобъ Яковъ могъ быть заодно съ какими-нибудь зачинщиками безпорядковъ: очень ужъ не любилъ онъ потакать крестьянамъ и съ рабочими бывалъ взыскателемъ со всѣмъ даже не по-русски.

— Я это не въ первый разъ замѣчаю, настаивалъ Дмитрій.— Да и не нравится мнѣ очень что Яковъ все водится съ ловскимъ сыномъ Василюмъ. А того, вы знаете, давно бы надо какъ дурную траву изъ поля вонъ.

Съ этимъ послѣднимъ мнѣніемъ Анна Григорьевна была вполнѣ согласна. Уже съ тѣхъ поръ какъ Боровской упоминалъ про дружбу Василя съ молодымъ человѣкомъ арестованнымъ въ Златоустовѣ, она косилась на священникова сына

и самому батюшкѣ два раза выговаривала на его счетъ. „Молодежь, что съ нею чюдывается“, веселѣнно отвѣчалъ тотъ, улыбаясь въ отвѣтъ на строгое выраженіе лица Анны Григорьевны.

Дмитрій такъ настойчиво требовалъ увольненія Якова что мать наконецъ согласилась. Она успѣвъ расшевелить и ея подозрѣнія.

— Но это еще не все, продолжалъ Дмитрій.—Если вы не хотите чтобы въ Бѣлыхъ Стобахъ все пошло вверхъ дномъ, надо помириться съ мужиками.

— Какъ вверхъ дномъ? Да и чего тутъ мириться! воскликнула она.

— Вы мнѣ уже нѣсколько разъ въ этомъ отказывали, спокойно возразилъ Дмитрій.—Но теперь это стало необходимо. Черезъ пять дней начнется уборка, и могу васъ увѣрить что они не выйдутъ на работу, если мы съ ними не согласимся насчетъ земли.

— И ты хочешь чтобы я уступила предъ мужиками, оттого что они своевольничаютъ и хотятъ нарушить условія!—Ея голосъ задрожалъ отъ негодованія.—Да вѣдь послѣ этого хозяйничать въ самомъ дѣлѣ будетъ невозможно. Это значитъ то же что распустишь вожжи, когда лошади несутъ.

— На этотъ счетъ правилъ не можетъ быть, возразилъ ей сынъ.—Иной разъ уступать, конечно, опасно, а главное неуважительно; но только не для насъ и не въ телерешнемъ случаѣ. Я ни предъ кѣмъ и не уступаю, потому что угрозы никакой нѣтъ, а только нахожу что наши мужики не какіе-нибудь чужіе арендаторы, съ которыми всегда твердо стоишь на своемъ правѣ, опираясь на букву закона.

— Такъ чего же ты собственно хочешь? подумавъ немного спросила Анна Григорьевна.

— Теперь, отвѣчалъ Дмитрій,—мужики держатъ изъ году въ годъ нашу землю и она имъ обходится кругомъ по семи рублей за десятину. Я думаю предложить имъ взять разомъ семьсотъ пятьдесятъ десятинъ на пятнадцать лѣтъ и платить за нихъ по пяти рублей. Тутъ главное дѣло не въ цѣнѣ, а въ томъ что у нихъ будетъ тогда впереди надолго обезпеченное владѣніе землей, и чувствуя себя хозяевами, они успокоятся и станутъ исправно работать. А теперь, развѣ тотъ кто снялъ у насъ двѣ или три десятины можетъ знать что онъ останутся за нимъ на другой годъ? Развѣ эта неизвѣстность не подрываетъ все его

хозяйство? И случись неурожай, они поправиться уже не могут и должны отстать отъ земли.

— Этотъ убытокъ надо принять на себя, только потому что иначе они не выйдутъ на работу? Хорошо примѣръ на будущее время!..

— Вы забываете, матушка, что убытокъ этотъ будетъ повторяться каждый годъ и, стало-быть, гораздо больше. того который бы намъ причинили мужики не выйдя на работу. Не воображать же они будто мы такъ ихъ испугались что изъ огня полѣзли въ лопымя.

— Хотѣла бы я только знать,—и Анна Григорьевна нѣжливо взглянула на сына,—откуда у тебя вылазъ какъ разъ теперь эта вѣжливость къ мужикамъ? Не заслушался ли ты Надивныхъ рѣчей, чего добраго?

Между бровями Дмитрія тогдашъ показалась морщина, вѣрный признакъ того что онъ съ трудомъ сдерживалъ въ себѣ гнѣвный порывъ.

— Я не понимаю, съ какой кстати вы заговорили про Наю, сказалъ онъ.

Но у Анны Григорьевны раздраженіе теперь оказалось сильнѣе воли.

— Съ такой стати, отрѣзала она, уже не сдерживалось,—что пора тебѣ наконецъ раскрыть глаза на ся счетъ. Я ли не старалась ее приласкать, а все она въ дѣсь гладить. Чего добраго, коли сюда забредеть одинъ изъ тѣхъ оборванцевъ съ которыми она прежде вѣдилась, она изъ-за него всѣхъ насъ продать готова. Знаешь ли что Нада чуть ли не всю эту ночь гдѣ-то пропадала.

— Знаю, тѣмъ больше что мы вернулись вмѣстѣ, холодно отвѣтилъ Дмитрій,—мы встрѣтились, когда я возвращался изъ Никольскаго.

Морщина все глубже бороздила его лобъ, но голосъ его не дрогнулъ, и Анна Григорьевна обманулась насчетъ того что чувствовалъ ее сынъ, слушая ее.

— Ты былъ съ нею? Это, конечно, иное дѣло, нервнѣтельно проговорила она. И удивленіе и досада слышались въ ее голосъ, хоть она и придала ему слегка насмѣшливый отгѣнокъ.

— Мнѣ кажется, спокойно продолжалъ Дмитрій,—что доброе дѣло не оставляютъ неоконченнымъ. Коли вы привяли Наю въ свой домъ, вы наложили на себя обязанности которыя не

въ вашей волѣ теперь отбросить. Да вы этого и не захотите сдѣлать.

„Нѣтъ, подумала Анна Григорьевна, ослабъ онъ любилъ ее, онъ бы не могъ говорить о ней такъ хладнокровно.“

— Отъ Елены Михайловны нарочный привезъ, сказалъ последний Терентій, подавая Дмитрію записку. Пробѣжавъ ее, Дмитрій передалъ матери. Вотъ что прочла она:

„Вашъ дядя ужасный человѣкъ! Онъ вотъ ужъ цѣлый часъ читаетъ мнѣ лекцію объ агрономіи и твердитъ мнѣ о какихъ-то правахъ крестьянъ на лѣсъ, въ которыхъ я ничего не смыслю; если вы не хотите чтобы весь завтрашній день у меня болѣла голова, прѣжайте ко мнѣ на выручку и, разумѣется, отобѣдайте въ Никольскомъ; вы можете мнѣ спастись и отъ мудрыхъ рѣчей Петра Николаевича и отъ необходимости держать въ имѣніи такого местоснаго человѣка, какъ Гондзевскій. Надѣюсь, до скорого свиданія. *Е. Ордынцева.*“

„Вчерашняго вечера какъ будто и не было“, промелькнуло у Дмитрія когда онъ прочелъ записку.

— Ты поѣдешь? спросила Анна Григорьевна.

— Конечно, поѣду.—И Дмитрій приказалъ Терентію чтобы запрягали лошадей.—Я вмѣшался въ управленіе Никольскимъ и не могу жь теперь не довести начатаго до конца.

Анна Григорьевна опять съ недоумѣніемъ посмотрѣла на сына. „Нѣтъ, подумала она,—онъ не могъ бы теперь спокойно вѣхать въ Никольское говорить съ Еленой Михайловной про дѣла, еслибы!.. И Анна Григорьевна почти успокоилась, сказавъ себѣ что ея опасенія были преувеличены.

— Но объясни мнѣ, начала она опять,—какимъ образомъ ты въ Никольскомъ отстаиваешь интересы Ордынцевыхъ противъ крестьянъ, а у насъ наоборотъ?

— Да тамъ чужое имѣніе, а здѣсь свое, перебилъ ее Дмитрій.—Вотъ и объясненіе.

Анна Григорьевна привадумалась. Обрадованная тѣмъ что тревоги ея насчетъ Дмитрія были, казалось, напрасны, она теперь стала уступчивѣе и мягче.

— Вспомните, продолжалъ Дмитрій,—что мы все-таки для мужиковъ не простые сосѣди. Судъ и законъ годятся для равныхъ и къ тому же для чужихъ, а мы для нихъ ни то ни другое. Нельзя оставаться господами для тѣхъ съ кѣмъ торгуешься.

— Ну, дѣлай какъ хочешь, вдругъ неожиданно рѣшила Анна Григорьевна,—пеняй на себя коли дѣла лойдутъ скверно.

III.

Не зови, не готовь откровеній!
 Мы не властны догадать, воротить
 Пролетѣвшихъ, далекихъ мгновений
 И заставить вновь сердце любить!

 Ты не вѣрь моей клятвѣ безумной:
 То минутный порывъ—не любовь!

В. И. Красов.

Елена Михайловна вовсе не принимала къ сердцу управленіе Никольскимъ; но и здѣсь, какъ и во всемъ, она возмущалась тѣмъ въ чемъ видѣла себѣ отпоръ. Личность Гондзевскаго, его манера говорить, присущая ему смѣсь нахальства съ подобострастіемъ, въ высшей степени ей претили. Когда Петръ Николаевичъ пріѣхалъ и облекся предъ ней въ свою олекудскую власть чтобы защитить Гондзевскаго, Елена едва сдержала нетерпѣніе и досаду вызванныя его вмѣшательствомъ. Бывшаго друга своего мужа она всегда недолюбливала. Онъ напоминалъ ей про ту ненавистную чиновничью среду въ которой прошли два первые года ея замужества и въ особенности про обиду нанесенную ей умирающимъ мужемъ, когда своимъ завѣщаніемъ Ордынцевъ приставилъ къ ней Петра Николаевича, въ качествѣ непрощеннаго совѣтчика. Да и Петръ Николаевичъ, оскорбленный не разъ презрительнымъ обращеніемъ Елены, не прочь былъ дать ей почувствовать что въ ея домѣ онъ почти равный ей хозяинъ. Въ этотъ день вдобавокъ его пріѣздъ былъ особенно неприятенъ Еленѣ. Совѣтъ не дѣловаго свойства были вопросы занимавшіе ее, и воспоминавія прошлаго вечера оставили жгучее чувство, вызывавшее въ ней раздраженіе отъ одного звука голоса Петра Николаевича.

Дмитрій засталъ ее со своимъ дядей на большой террасѣ, выходившей на дворъ. Здѣсь днемъ было всего прохладнѣе. Женичка стояла облокотясь на перила, и все вниманіе ея, казалось, было сосредоточено на Джакѣ, въ величавомъ спокойствіи отдыхавшемъ внизу подъ крыльцомъ, между тѣмъ какъ она очень уже разсѣянно слушала то что говорилъ ей Сокольницкій.

— Придите ко мнѣ на помощь, Дмитрій Алексѣевичъ, съ притворною веселостію начала Елена.—Я ничего не могу понять изъ всего того что вотъ уже цѣлый часъ мнѣ объясняетъ вашъ дядюшка.

И Елена Михайловна принялась излагать предъ нимъ мудреныя рѣчи Петра Николаевича, намѣренно съ очаровательною безпомощностію лутаясь въ замысловатыхъ вопросахъ хозяйства. Ей можетъ-быть хотѣлось поскорѣе отдѣлаться отъ всѣхъ этихъ скучныхъ и немужныхъ дразгъ, чтобы затѣмъ перейти на иныя темы, занимавшія ее гораздо болѣе; но Дмитрій не появлялъ или не хотѣлъ ловить этого. Онъ слушалъ ее съ невозмутимымъ вниманіемъ дѣловаго человѣка.

— Я охотно приму этотъ трудъ на себя, сказалъ онъ въ отвѣтъ Еленѣ.—Мы теперь же съ Петромъ Николаевичемъ провѣримъ отчетность, а потомъ мы вмѣстѣ пройдемся по усадьбѣ и полямъ. Легко будетъ убѣдить дядюшку, какъ хорошо велъ хозяйство Гондзевскій.

И сказавъ это Дмитрій подошелъ къ Женичкѣ. Петръ Николаевичъ слегка поморщился отъ предстоявшей ему скучной работы, а Елену поразила страшная перемена въ Дмитріи, она смутно чувствовала что предъ ней совсѣмъ уже не тотъ человѣкъ который наканунѣ вмѣстѣ съ нею любовался июльской ночью. Ей казалось что въ это короткое время въ немъ совершился неопытный поворотъ и будто цѣлая пропасть отдѣляла отъ настоящаго тѣ, недавно прошедшія, сладкія и тревожныя минуты.

— Вы не видались еще съ братомъ сегодня? спросила у Дмитрія Женичка, подавая ему руку.—Ничего онъ вамъ не сказалъ?

Ничего особеннаго. Мы видѣлись мелькомъ.

Графъ Борисъ Сергѣевичъ, сухо поздоровавшись съ Дмитріемъ, тотчасъ ушелъ съ террасы. Глаза Женички вдругъ приняла сосредоточенное выраженіе, словно она собиралась сообщить Дмитрію что-то очень важное и могла это сдѣлать только теперь, въ отсутствіи Сокольниковкаго.

Волода за два часа предъ тѣмъ завѣжалъ въ Никольское на своемъ Солиманѣ и предложилъ молодой дѣвушкѣ съ ней проѣхать верхомъ.

Но Елена Михайловна на этотъ разъ нашла какія-то прелестія и разстроила прогулку. Съ Володей она обошлась при этомъ довольно сухо. Должно-быть Борисъ Сергѣевичъ

успѣлъ ей раскрыть глаза насчетъ возможныхъ послѣдствій сближенія между молодыми людьми. Володя просидѣлъ въ Никольскомъ какихъ-нибудь четверть часа и усакалъ домой. За послѣдніе дни онъ очень выросъ въ собственныхъ глазахъ и ни за что бы не захотѣлъ уронить своего достоинства.

— Вы знаете, продолжала Женичка понизивъ голосъ,—что вчера Боровской одѣлалъ предложеніе вашей кузинѣ и она ему отказала.

— Неужели? вы это знаете наѣврное?

Лицо Дмитрія, самымъ недвусмысленнымъ образомъ выразило радостное удивленіе.

— Мнѣ вашъ братъ сказалъ... и вы очень довольны, сознайтесь?

Женичка лукаво прищурила глазки.

— Ахъ, я была бы такъ рада, еслибы... она не договорила.

— Ну, и я была бы радъ отъ души еслибы...

И глаза его тоже досказали его мысль, вслѣдствіе чего щечки Женички покраснѣли какъ маковъ цвѣтъ.

— Тш... васъ услышать, проговорила она съ замѣшательствомъ.

— Евгенія Александровна, хотите мы будемъ союзниками?

Дмитрій крѣпко пожалъ ея маленькую ручку, и самъ не зная почему, вдругъ почувствовалъ приливъ радости.

Возвращеніе графа прервало ихъ разговоръ.

— Хотите, кузина, мы поѣдемъ верхомъ? обратился онъ къ Женичкѣ,—я прикажу осѣдлать вашу лошадь.

— Нѣтъ, нѣтъ, благодарствуйте, мое сѣдло испортилось, живо отвѣтила она и припомнивъ вдругъ что еще недавно готова была ѣхать съ Володей, прибавила:—Кажется дождикъ будетъ.

Женичка сознавала должно-быть что говорила явную неправду, только она тотчасъ за тѣмъ окрылась и не показывалась до самаго обѣда.

— Ну-съ, дядюшка, поѣдемте, сказалъ Дмитрій.—Предупреждаю васъ что у насъ дѣла довольно впереди.

— А я и забылъ вамъ разказать, припоминая что-то, началъ Петръ Николаевичъ,—про новаго машиниста, котораго нанялъ сегодня Гондзевскій. Я съ нимъ встрѣтился: презабѣчательный человекъ. Представьте себѣ—самоучка, русскимъ умомъ дошелъ до механики, совсѣмъ простой мужикъ, а во всей подробности мнѣ разказалъ устройство паровика, тѣмъ эти лоршны, понимаете, цилиндры, винты, ну словомъ гениальная наивность.

Но Елену, къ которой былъ обращенъ этотъ разказъ, вовсе не занимала гениальная наивность мужика, въ которомъ почетный савошникъ не подозревалъ одного изъ представителей темной силы, чье разрушительное дѣйствіе онъ самъ въ рѣдкѣ олакивалъ. Неподвижный взглядъ ея красивыхъ глазъ былъ устремленъ въ какую-то невѣдомую даль, словно она тамъ искала отвѣта на подымавшійся въ ея умѣ мучительный вопросъ. Она и не слышала того что говорилъ Петръ Николаевичъ, и когда онъ вышелъ съ Дмитріемъ, она долго, будто прислушиваясь къ собственной мысли, оставалась въ той же безмолвной неподвижности, не замѣчая даже присутствія Соколицкаго. Молодой графъ умѣлъ хорошо наблюдать и отъ него не ускользнула странная напряженность въ движеніяхъ и голосъ двоюродной сестры. Онъ понималъ что въ этой сложной женщинѣ, прозрачной какъ горное озеро въ тихую погоду, такъ онъ разъ выразился про нее, готова подмяться нешуточная буря.

Петръ Николаевичъ не разъ уже отиралъ платкомъ всплывшій лобъ, такъ жутко ему приходилось отъ длинной вереницы цифръ на которыя Дмитрій безошадно обращалъ его утомленное вниманіе.

Увы! эта долгая провѣрка не оставляла сомнѣнія въ томъ что рекомендованный имъ питомецъ академіи очень уже развязно злоупотреблялъ его довѣріемъ. И когда отъ цифръ перешли къ живому дѣлу, то и здѣсь обнаружилось что дипломъ не обезпечиваетъ ни честности, ни даже знанія. Хлѣбъ на полѣ былъ хуже чѣмъ во всемъ околоткѣ, мостовки коегдѣ валялись, въ крышахъ амбаровъ обнаруживалась течь, а молотилки стояли разобранными, въ полномъ безпорядкѣ, хотя имъ ужъ чрезъ недѣлю приходилось работать. Гондзевскій не ожидалъ что Петръ Николаевичъ будетъ ранѣ августа, а еще менѣе конечно что онъ станетъ заглядывать въ хозяйство. У паровика они застали новаго машиниста за работой.

Наканувъ вечеромъ онъ пріѣхалъ изъ города, и Гондзевскій тотчасъ его подрачалъ.

— Тутъ пустяки одни, дня на два работы, отвѣтилъ машинистъ на вопросъ Дмитрія.

— Стало-быть послѣзавтра ты можешь ко мнѣ поступить въ Бѣлые Столбы?

Машинистъ согласился, и при этомъ въ его прыткихъ маельскихъ глазкахъ на мигъ блеснуло что-то похожее на зло-

радство. Дмитрій этого не замѣтилъ, да и не обратилъ бы на те вниманія. Трудно ему было догадаться что предъ нимъ, въ поношенномъ обромъ кафтанѣ, никто иной, какъ тотъ самый Неродовичъ, котораго онъ чуть не засталъ съ Надей на Федотовой ласкѣ.

Левъ Александровичъ сумѣлъ усвоить себѣ хватки масте-
роваго, и его загрязненные руки на первый взглядъ даже ка-
зались не отличались отъ жесткихъ и грубыхъ рукъ рабочаго. Петръ Николаевичъ съ явнымъ восхищеніемъ слѣдилъ за ихъ
ловкими, уверенными движеніями.

— Какоеъ молодець, самородокъ, замѣтилъ онъ Дмитрію.

Неродовичъ подавилъ на своихъ губахъ улыбку.

— А скажи мнѣ, любезный, продолжалъ саяновникъ,—ты изъ
какихъ мѣстъ?

— Хвалыскій безземельный крестьянинъ Ефимъ Петровъ.
не моргнувъ отвѣтилъ Неродовичъ.

— А гдѣ ты этому искусству научился?

— Никакаго особеннаго искусства тутъ нѣтъ, ваше бла-
городіе.

Губы и брови дрогнули у Петра Николаевича, когда онъ
услышалъ этотъ неподходящій титулъ.

— На машинномъ заводѣ жилъ-съ, въ Питерѣ, продолжалъ
Неродовичъ, не отрываясь отъ работы,—у Нѣмца всю эту
штуку высмотрѣлъ, дѣло самое обыкновенное.

— Какъ же это, однако, промолчавъ съ минуту заговорилъ
опять саяновникъ,—дѣло это совсѣмъ не легкое, съ такимъ ло-
комотивомъ справляться?

— Не локомотивъ, а локомобиль, дядюшка, поправилъ его
Дмитрій.

— Ну да, ну да, съ легкою запинкой продолжалъ Петръ
Николаевичъ,—у насъ вѣдь всѣ говорятъ что русскихъ тех-
никовъ нѣтъ, и все иностранцевъ выписываютъ.

— Мало ли что у насъ водится, и про что господа не вѣ-
даютъ, проговорилъ сквозь зубы машинистъ, навинчивая
только-что смазанную имъ гайку.

— Пойдемте, дядюшка, дѣла у насъ еще много, остановилъ
Дмитрій восхищеннаго жителя Невы.

— А ты, братецъ, обратился онъ къ машинисту,—послѣ-
завтра понавѣдайся въ Бѣлыхъ Столбахъ.

Неродовичъ молча кивнулъ головой.

Страннымъ образомъ, пока съ нимъ говорилъ Петръ Ни-
колаевичъ, его очевидно только смѣшилъ робѣвшій предъ

нимъ сановникъ, но когда повелительнымъ тономъ заговорилъ Дмитрій, озлобленіе готово было подняться у переводчатаго агитатора и полусознательная ненависть закинула у него противъ молодого барина въ которомъ онъ чувалъ гавнаго, настоящаго врага.

Ревизія имѣнія порядкомъ уходила Петра Николаевича. Цифры денежныхъ суммъ вертѣлись у него въ головѣ, всё эти чуждые ему вопросы о молотилкахъ, о скотѣ, о постройкахъ, объ удобреніи казались ему чѣмъ-то враждебнымъ и непонятнымъ, какъ азбука для дѣтей. И въ самомъ дѣлѣ, для этого петербургскаго бюрократа, много читавшаго докладныхъ записокъ о подъемѣ русскаго земледѣлія, настоящее хозяйство было тарабарскою грамотою. А впереди еще предстояло крайне непріятное дѣло. Послѣ всего видѣннаго имъ Петръ Николаевичъ уже не могъ оставить въ Николаевскомъ Гондзевскаго.

Съ видимымъ замѣшательствомъ онъ объявилъ Поляку что, къ крайнему своему прискорбію, онъ вынужденъ его уволить и попросить у него обратно довѣренность. Прибавивъ что онъ готовъ ему выдать самый лучший аттестатъ и рекомендовать его знакомымъ, Петръ Николаевичъ даже съ чувствомъ протянулъ Гондзевскому руку и выразительно глянулъ ему въ глаза.

Но всякая тѣнь подобострастія исчезла теперь съ лица Полака. Онъ выпрямился, и еслибъ у него были усы онъ непремѣнно бы сталъ крутить ихъ.

— Какъ вашему превосходительству будетъ угодно, возразилъ онъ съ холоднымъ достоинствомъ, — только довѣренности своей я возвратить не могу пока не сдамъ имѣнія въ чьи-нибудь вѣрныя руки и заготовлю полную отчетность о всѣхъ лостулившихъ суммахъ.

Эти слова, произнесенныя съ особымъ удареніемъ, заставили Петра Николаевича усиленно утирать потъ на своемъ лицѣ.

— Затѣмъ, продолжалъ Гондзевскій болѣе и болѣе куражась, — я долженъ получить удовлетвореніе по разнымъ моимъ личнымъ счетамъ и по убыткамъ причиняемымъ мнѣ неожиданнымъ увольненіемъ.

Петръ Николаевичъ что-то невнятно прошамкалъ.

— Убытки ваши суцій вздоръ, оборвалъ Гондзевскаго Дмитрій, — а довѣренность будетъ уничтожена коли вы не хотите ее возвратить, имѣніе же временно приму я.

Сказать это, Дмитрій ушелъ даю. Когда они вернулись дожей тамъ уже собирались обидать, но Дмитрій не захотѣлъ остаться—у него и въ Бѣлыхъ Столбахъ предвидѣлось саниш-комъ много дѣлъ. На слѣдующее утро онъ впрочемъ обѣщалъ вернуться чтобы принять Никольское изъ рукъ Гондзевскаго, но это любезное обѣщаніе было дано имъ какъ-то особенно сухо, и Елена подмѣтила странную, непривычную ноту въ его голосѣ; она взглянула на него съ недоумѣніемъ, какъ бы не допуская чтобы въ ихъ отношеніяхъ совершился роковой внезапный поворотъ.

— Вы мною довольны, надѣюсь, проговорилъ онъ весело прощаясь съ нею,—и не взыщите если не могу у васъ остаться.

Слова эти были сказаны совсѣмъ непринужденно, но и въ нихъ было нѣчто новое, совсѣмъ непохожее на то какъ онъ говорилъ съ нею еще наканунѣ. Она молча протянула ему руку. Рука эта была холодна какъ ледъ.

IV.

Man soll den Tag nicht vor dem Abend loben.

Весь міръ желаютъ сгладить
И тѣмъ ввести равенство,
Что все хотятъ загадить
Для общаго блаженства.

Гр. А. Толстой.

Золотистые отливы полей стали блѣднѣть и приняли свѣтлую, желтобурую окраску совсѣмъ уже слѣлаго хлѣба. Дни стояли ясные; правда, къ полудню собирались сѣроватыя облака съ яркими бѣлыми краями, ложившіяся на небо затѣйливымъ рисункомъ. Но къ вечеру оно прояснилось опять, и развѣ только съ самаго его края доносился слабый отголосокъ дальней грозы. Несмотря на іюльскій зной на воздухѣ дышалось легко. Слабый вѣтеръ ровною струей вѣялъ надъ степью. Словомъ, царствовала тихая, обильная благодать черноземнаго лѣта. Но умолкнувшій лѣсъ, гдѣ не слышалось уже птичьихъ голосовъ, и листъ уже кое-гдѣ желтѣвшій на деревѣ, и мохъ который теперь сухо хрустѣлъ подъ ногой, все это говорило что лѣто повернуло къ осени. Неизбѣжное увяданіе заранѣе предвѣщало о своемъ близкомъ наступленіи.

Въ Бѣлыхъ Столбахъ были наканунѣ уборки. Июньское утро сіяло во всей своей смѣлкой красѣ. Прозрачнѣмъ казалось яркоголубое небо, почная роса еще блестяла на травѣ и на листьяхъ. Надѣ захотѣлось еще разъ взглянуть на поля, гдѣ теперь все было пока тихо и безлюдно, а со слѣдующаго утра должна была закинуть работа. За послѣдніе дни Надя полюбила одинокія прогулки, словно она избѣгала близкаихъ ей людей. Ее мучило сознаніе какой-то вины предъ этими людьми. Невысказанная тайна легла между ними и Надей и создавала тяжелое, гнетущее отчужденіе. Но не одно это чувство заставляло ее искать удивленія. Она въ особенности избѣгала Дмитрія. Послѣ ихъ встрѣчи на Федотовой пасѣкѣ, странное смущеніе, похожее на стыдъ, овладѣвало ею въ его присутствіи. Съ тѣхъ поръ прошло пять дней, и ей казалось что на лицѣ его она читала презрительный укоръ. Дмитрію тоже повидимому не искалъ случая объясниться съ нею. И страннымъ образомъ, хоть она сама избѣгала его, Надѣ казалось почти обиднымъ его очевидное нежеланіе заговорить вновь о томъ что произошло на Федотовой пасѣкѣ.

За эти пять дней она не видала его почти вовсе. Онъ все возиася съ дѣлами Никольскаго, хотя старанія его устроить эти дѣла, казалось, вовсе не доставили ему благодарности Елены. Дмитрій упорно держался своей дѣловой роли, будто онъ совсѣмъ забылъ про тотъ недавній вечеръ когда Елена едва не измѣнила для него всѣмъ завѣтамъ своего прошлаго. О, какъ упрекала она теперь себя за то что такъ легко поддавалась увѣреніямъ его воскреснувшей любви! Но въ тѣ самыя минуты когда она всего строже осуждала себя за это, кто знаетъ, можетъ-быть тайный гѣлосъ ей нащелтывать чуть внятно что совсѣмъ въ иномъ ей слѣдуетъ себя вичить. У совѣсти тоже есть свой официальный языкъ.

Надя миновала плотину и не заходя въ село свернула на большую дорогу. Вдругъ за нею послышался веселый звонъ бубенчиковъ; тройка быстро въѣхала на пригорокъ у пруда и остановилась въ нѣсколькихъ саженьяхъ за молодою дѣвучкой. Она обернулась. Къ Дмитрію, сидѣвшему въ тарантасѣ, подходила кучка мужиковъ съ сельскимъ старостой во главѣ. Мужики тащили за собою земляемѣрную цѣпь, колья и веревки. За ними шли Василій и Брусковъ.

— Такъ, значить, батюшка, на межу идти прикажете, снявъ шалку заговорилъ староста Трофимъ.

— Да, начинайте; когда я изъ города вернусь, я пройду къ вамъ въ поле. Все кажется улажено?

Трофимъ сталъ мять шапку и почесалъ затылокъ.

— Вотъ только, батюшка, ослабился онъ нерешительно произнося слова,— толкують итѣ къ надѣльной нанней, значить, землѣ, прирѣзать бы десятинахъ съ десятковъ семь у самыхъ у огуменниковъ.—И Трофимъ показалъ рукой на низкій валъ окружающій крестьянскіе огороды.—Что бы вамъ, батюшка, заглянуть-то? Недалече будетъ.

Но Дмитрій наотрѣвъ отказался.

— Это итѣ еще за выдумки? Вчера кажется все было рѣшено и условія подписаны!

По лицу старосты было видно что задвѣнная имъ просьба изъ тѣхъ на которыхъ особенно не настаиваютъ. Русскій человекъ, извѣстное дѣло, никогда не обойдется безъ того чтобы не просить надбавки.

— Такъ начинать, стало, прикажете? стверчиво добавилъ староста,—много вамъ благодарны, батюшка.

И поклонившись еще разъ барину, поллеся съ мужиками по межяку. Едва отошли они на нѣсколько шаговъ какъ послышался громкій безлорабочный говоръ ихъ голосовъ, на этотъ разъ впрочемъ веселый повидимому говоръ.

— Я очень радъ что дѣло уладилось, сказалъ Дмитрій подошедши къ тарантасу Надѣ.—Осталось только засвидѣтельствовать условія, да провести межу. Отчасти я вамъ обязанъ этимъ счастливымъ исходомъ.

Надѣ, однако, не отозвалась на его довольное расположеіе духа.

— Вы въ городъ идете? спросила она только.

— Да; на всякій случай надо лишними рабочими замястись и для насъ и для Никольскаго. Я теперь временно въ должности управляющаго у Елены Михайловны, весело добавилъ онъ. Лицо Дмитрія, казалось, такъ и дышало тѣмъ одушевленіемъ которое приносить съ собою усиленная и услѣпная дѣятельность. Но оживленіе это не передавалось Надѣ.

— У васъ много было дѣла за послѣднее время, проговорила она съ тѣмъ только чтобы отвѣтить что-нибудь.

— И вы не можете себѣ представить, какъ я радъ этому дѣлу! Теперь только я чувствую что у меня въ самомъ дѣлѣ въ рукахъ вожжи, и благодаря мнѣ все здѣсь движется и, надѣюсь, не сойдетъ съ настоящаго луты. По-моему тогда только хорошо живется, когда чувствуешь что съ каждымъ

шагомъ идешь къ цѣли. А знаете ли что за эту недѣлю я ни разу и не заглянулъ въ свою лабораторію, право.

Надя не возразила ничего.

— Ну-съ, до свиданія, Надежда Сергѣевна, протянулъ онъ ей руку,—мнѣ торопиться надо. Трогай, приказалъ онъ кучеру.

Тройка дрогнула и живо помеслась по дорогѣ. Тарантась скоро исчезъ за облакомъ лыи.

Надя безо всякой опредѣленной цѣли свернула на тотъ же межникъ по которому ушли крестьяне. Несмотря на то что сама она такъ настойчиво убѣждала Дмитрія искать состоявшагося теперь соглашенія, она почему-то не раздѣляла того живаго, довольнаго чувства, какимъ весь былъ проникнутъ Дмитрій. Это было тѣмъ страннѣе что Надю какъ разъ всегда привлекала крѣпкая воля и живая дѣятельность. Дмитрій выросъ въ ея глазахъ оттого что онъ такъ сознательно шелъ теперь къ намѣченной цѣли и успѣшно справлялся съ трудностями дѣла. И все-таки встрѣча съ нимъ навѣяла на нее грустное чувство.

„Развѣ онъ могъ бы, говорила она себѣ, такъ всецѣлѣнно отдаться работѣ, такъ охотно принимать на себя дрязги по управленію Никольскимъ, съ тѣмъ только чтобъ угодить Еленѣ, еслибъ онъ...“

Надя и себѣ не договаривала свои мысли, но болѣзненно цемившее сердце сознавало что въ этой килучей жизни для нея мѣста не было.

Во время ихъ ночной встрѣчи была однако минута когда у молодой дѣвушки мелькнула надежда что онъ можетъ-быть относиться къ ней не съ одною только дружескою заботливостію. Но это, конечно, было самообольщеніе. Въ чувствѣ Дмитрія къ ней было можетъ-быть состраданіе къ ея тяжелому положенію въ ихъ домѣ—и только. О, еслибы Дмитрій могъ поскорѣ успѣшно выйти изъ всѣхъ неразрѣшенныхъ еще затрудненій. Еслибы всякая опасность была устранена, съ какою радостною послѣдностію она уѣхала бы отсюда чтобы никогда, никогда уже не встрѣчаться съ Корецкими!

— Надежда Сергѣевна, куда вы? сзади обозвалъ ее чей-то голосъ.

Она обернулась; за нею шелъ сынъ священника Василій съ какимъ-то тяжелымъ инструментомъ въ рукахъ, неста который ему помогалъ Брусовъ.

— Представьте себѣ, астролябію забылъ, насмѣшливо заговорилъ Брусовъ,—пришлось домой сбѣгать. Хорошъ землемѣръ!

— А вы тоже на межу, Александръ Фомичъ? машинально спросила Нада.

— Да такъ, отъ нечего дѣлать, засмѣялся онъ.— Дѣломъ вѣдь школьному учителю только бить бакалупи приходится, да барскія денежки себѣ даромъ въ карманъ класть.

— Охота же вамъ было проситься на эту должность, коли такъ, возразила Нада.

— Что жь, повелъ онъ плечами,—коли добрые люди платятъ, да вы такъ милостивы были что незнакомаго человека рекомендовали...

— А васъ по настоящему, сказалъ Василій, — пожурить надо. Вѣдь это вы, кажется, нашего магната надумали съ мужиками сойтись.

Слова эти и томъ какими они были сказаны неприятно прозвучали въ ушахъ Нади.

— Я думаю, и безъ меня бы это сдѣалось, отвѣчала она сухо.— А вамъ при вашихъ убѣжденіяхъ слѣдовало бы радоваться тому что мужики лучше заживуть.

— Вотъ какъ, виѣшался Брусковъ,—за какихъ же вы насъ цѣлотовъ принимаете что такіе узоры предъ нами разводите. Изъ силъ мы здѣсь съ Васильемъ Зосимычемъ выбиваемся чтобы втолковать этимъ осламъ все безобразіе такого положенія дѣла при которомъ у господъ Корецкихъ, то-есть у трехъ человекъ, въ двадцать разъ больше земли чѣмъ у двухсотъ душъ бѣлостволбовскихъ крестьянъ, а вы намъ все дѣло испортили. Развѣ вы не понимаете что когда они съ Дмитриемъ Алексѣевичемъ помирился, ничѣмъ ужь этихъ олуховъ не разшевелить. Эхъ, барышня, бырышня, а вы, я увѣренъ, все изъ самыхъ благихъ побужденій... Романтизмъ вѣчный, улучшение быта! А что въ немъ толку, въ этомъ улучшеніи?

— Да какъ вамъ не стыдно такъ говорить? съ негодованіемъ воскликнула Нада.

— Вотъ еще стыдно! Вамъ дѣло толкуешь, объяснить вамъ стараешься въ чемъ ваша ошибка, а вы говорите стыдно!.. Да вы ужь не изъ нашихъ развѣ?.. а впрочемъ, Вася—и Брусковъ хлопнулъ по плечу землемѣра,—дѣло вѣдь не окончательно испорчено. Земля-то еще не отведена!

— Василій Зосимычъ, обратилась теперь Нада къ молодому человеку почти умоляющимъ голосомъ,—да вы не станете, надѣюсь, теперь отговаривать крестьянъ: они, я знаю, васъ охотно послушаютъ. Вы здѣсь въ селѣ выросли. Вы понимаете, какую отвѣтственность приняли бы на себя...

— Надежда Сергѣевна, да что же это наконецъ, выѣхался Брусковъ,—вы его еще хотите съ толку сбить, на что жь это похоже?

Надя, не слушая его, продолжала уговаривать Василю, напоминая ему про то какъ часто онъ самъ говорилъ съ нею прежде о необходимости обезпечить крестьянъ. Молодой человекъ только молча покусывалъ усы.

— Вы совсѣмъ перешли въ непріятельскій лагерь, съ гнѣвнымъ изумленіемъ перебилъ ее Брусковъ.

— Пойдемъ живѣе, Василій, мужики, видишь, тамъ дожидаются; а вы, я думаю,—снова обратился онъ къ Надѣ,—не станете обходить съ нами межу; больно ужь не дамское это дѣло. Или, можетъ-быть, пожелаете ораторскій талантъ лустить въ ходъ съ господами сельскими обывателями. Ну-съ, барышня, до свиданія, не взъщитѣ коли мы васъ покидаемъ.

И приподнявъ картузъ, онъ крутыми шагами выѣхавъ съ Василюмъ направился къ стоявшей впереди группѣ крестьянъ.

V.

Неродовичъ не торопился окончаніемъ своей работы въ Бѣлыхъ Столбахъ. Онъ уже третій день чинилъ паровикъ и предупредилъ Дмитрія что еще добрую недѣлю придется съ нимъ провозиться.

Слишкомъ уже сподручно было Льву Александровичу находиться подъ удобнымъ предлогомъ въ самомъ сердцѣ непріятельскаго лагеря. Ночевалъ онъ въ усадьбѣ, въ рабочей избѣ, чтобы не терять времени на напрасную бѣготню взадъ и впередъ. Володѣ и Надѣ онъ, разумѣется, избѣгалъ попадаться на глаза: у Корецкихъ и не подозрѣвали кто поселился у нихъ подъ именемъ Ефима Петрова. Дмитрію Неродовичъ казался умѣлымъ и ловкимъ мастеромъ и ему онъ думалъ поручить уходъ за паровикомъ на время молотбы, такъ какъ другаго машиниста подъ рукой локя не было.

Мастерству Неродовичъ выучился не на петербургскомъ заводѣ, какъ увѣрилъ онъ Петра Николаевича. Уже пять лѣтъ тому назадъ, будучи еще учителемъ словесности, онъ исподоволь подготовилъ себя къ машинному дѣлу, вѣрно разчитавъ что это едва ли не лучшій способъ для „хожденія въ народъ“ на тотъ случай, если ему придется испробовать свои силы въ пропагандѣ среди крестьянъ. Въ то самое время

когда Нада встрѣтилась съ Дмитріемъ на большой дорогѣ, Неродовичъ шелъ тероплясь по широкой улицѣ села: онъ заходилъ въ школу къ Брускову и отпраивался на работу.

— Приходи, братъ, пособишь мнѣ въ сараѣ, остановилъ онъ полавшагося ему навстрѣчу рабочаго, одного изъ недавно нанятыхъ Дмитріемъ.—Одному мнѣ не справиться, а всѣ какись зачѣмъ-то въ поле ушли.

— Да, баринъ велѣлъ на межу идти веки втыкать, отвѣтилъ тотъ.

— Ну, бѣда не велика, коли однимъ меньше будетъ, пойдемъ. Вокругъ нихъ, между тѣмъ, собралось человѣкъ съ десятокъ ларней, которымъ наканунѣ уборки, да еще въ воскресенье, было нечего дѣлать.

— А что тамъ межевать собираются? обрѣтился къ нимъ Неродовичъ, будто совсѣмъ не догадывался въ чемъ дѣло.

— Да слышно, вѣшь, старики у барина земаю сняли на пятнадцать лѣтъ, отвѣчалъ ему одинъ изъ ларней, ослабѣвъ неизвѣстно почему.

— Вотъ какъ, на пятнадцать лѣтъ! добродушно разсмѣялся Неродовичъ.—Хитеръ видво баринъ-то вашъ. И будто не впавай, Левъ Александровичъ сталъ разсказывать что не черезъ пятнадцать лѣтъ, а всего черезъ какой-нибудь годъ или два непременно выйдетъ новая воля и на всю земаю будетъ общій передѣлъ; а ему это доподлинно извѣстно, потому онъ самъ въ городѣ слышалъ какъ о томъ генералъ говорилъ. Между тѣмъ къ кучкѣ ларней теперь присоединилось и нѣсколько мужиковъ постарше изъ настоящихъ хозяевъ.

— Да ты что, родимый, недовѣрчиво проговорилъ одинъ изъ нихъ, совсѣмъ тихій на видъ, хоть онъ постоянно болѣе всѣхъ кричалъ на сходкахъ.—Правду настоящую говоришь, или такъ себѣ языкъ чешешь? И мы-то про волю слыхивали, только вотъ ужъ который годъ, а нѣтъ какъ нѣтъ.

— Да больво скоро захотѣли, а про то и не слыхивали что господа царскій указъ ломавъ строго-на строго въ церквахъ читать запретили, космы имъ остричь грозятся, а ужъ извѣстное дѣло: что такое стриженный полъ? Только вотъ теперь слышно—царь всѣ ихнія штуки поразвѣдалъ и указъ секретнѣйшій прямо по волостямъ разошлетъ.

— Такъ что же это мы сдуру-то, верѣшительно проговорилъ одинъ изъ мужиковъ.

— Ну ты, слушай его, мало ли что вретъ, сказалъ другой, плавулъ и отошелъ въ сторону.

— Да вы все же поторопнясь-то кажитесь напросно, продажалъ Неродовичъ, замѣтивъ что ему не особенно доврѣяють.

— Коли указъ-то выйдеть, а вы себя на пятнадцать лѣтъ связали, будете сожалѣть, да поздно; да что съ вами толковать! Не мое дѣло, а ваше.

И Неродовичъ пошелъ своею дорогою.

— А ну коли оно и взаправду-то такъ, слышались за нимъ верѣшительные голоса,—будемъ мы въ дуракахъ что подписали условіе.

— Подписали-то, подписали, а явить не явили, замѣтилъ смиренный на видъ воротило сходакъ; и говорившіе съ Неродовичемъ крестьяне побрели на межу, гдѣ уже привалились разоставлять вехи.

Нѣсколько часовъ спустя Брусовъ сидѣлъ въ своей комнатѣ при школѣ за токарнымъ станкомъ. Онъ только-что отточилъ круглую деревянную чашку.

— Эко, баринъ, хитрая штука какаа, проговорилъ всматриваясь въ станокъ мужикъ зашедшій къ Брусову посоветоваться насчетъ своей зашибленной руки.

Неизвѣстно почему въ Бѣлыхъ Столбахъ среди крестьянъ Брусовъ приобрѣлъ репутацію знахара.

— Да ты, баринъ, свою работу продаешь что ли? продолжалъ мужикъ.

— Такъ, больше для потѣхи, разсмѣялся Брусовъ.—На, возьми, пригодится... Онъ протянулъ ему чашку.

— Много благодарны, отвѣтилъ тотъ ему поклономъ, не трогаясь съ мѣста.

— Ну, братецъ, а теперъ ступай, у меня дѣло есть.

— А насчетъ руки какъ же скажете? переминаясь съ ноги на ногу продолжалъ разспрашивать мужикъ.

— Говорятъ тебѣ, пройдетъ. Что, право, повадились вы ко мнѣ изъ-за всякихъ лустяковъ ходить!.—Не въ обычаѣ Брускова было вѣжничать съ народомъ, хоть это повидимому не мѣшало ему пользоваться нѣкоторою популярностью.—А, а, Яковъ Степановичъ, что скажете? и Брусовъ протянулъ руку вошедшему Якову.—А ты, братецъ, ступай; повторишь онъ верѣшавшемуся уйти мужику.

Тотъ вздохнулъ, кашлянулъ и медленно вышелъ, раза два обернувшись на порогѣ. Есть новости какія? снова обратился Брусовъ къ Якову совсемъ уже инымъ, оживленнымъ голосомъ.

— Да вотъ разчиталъ меня Дмитрій Алексѣевичъ, сумрачно

проговорилъ Яковъ.—Завтрашній день отсюда уберусь куда-нибудь; такъ вотъ я насчетъ этого къ вамъ и зашелъ.

— Ну, положимъ, разчитали-то васъ по дѣломъ, съ короткимъ беззвучнымъ смѣхомъ отозвался Брусовъ.—А убираться вамъ покуда незачѣмъ. Пригодитесь еще!

— Нѣтъ ужь, Александръ Ѡмичъ, увольте. Дѣлать мнѣ здѣсь ровно нечего. Народу здѣшнему, вы знаете, я по душѣ не прихожусь.

— Да какъ же это, съ тѣмъ же небрежнымъ смѣхомъ продолжалъ Брусовъ,—наканунѣ важныхъ событій? Крестьяне я думаю, завтра на работу не выйдутъ; а?

— А чортъ ихъ знаетъ, у нихъ семь пятницъ на недѣлѣ, презрительно и злобно отвѣчалъ Яковъ.—Пока одно только вижу, что по вашей милости я мѣста лишился; а мѣсто хорошее.

— Дѣло у нихъ съ Дмитриемъ Алексѣвичемъ разоидется, сказалъ Брусовъ не обращая вниманія на послѣднія слова Якова.—Мужики съ межи ушли; говорятъ, зачѣмъ намъ съ барининомъ связываться коли вся земля-то наша будетъ. Это Неродовичъ съ Василиемъ ловко устроили.

— Пустое они говорятъ, Александръ Ѡмичъ, покачалъ головой Яковъ,—этому не бывать.

— Добромъ конечно не бывать. Намъ съ вами другъ друга морочить незачѣмъ. А когда они за умъ возьмутся, да сами за себя постоятъ, и безо всякаго указа земля будетъ ихняя. Какъ вы на этотъ счетъ думаете?

Но Яковъ не отвѣчалъ. По лицу его пробѣжала словно судорога, но оно тотчасъ опять приняло свое безжизненное выраженіе.

Яковъ еще въ Москвѣ, гдѣ онъ два года прожилъ у столярнаго мастера, сбился съ обычной колеи простаго рабочаго. Онъ былъ родомъ дворовый челоувѣкъ и стараніями прежняго барина научился грамотѣ и столярному мастерству. Но грамота ему въ прокъ не пошла. Всегда несообщительный и угрюмый, онъ не ладилъ съ другими рабочими, не ходилъ въ кабакъ, но за то очень легко поддавался увѣщаніямъ какого-то залетнаго дилеттанта по дѣлу „просвѣщенія“ массъ. Онъ вышелъ какимъ-то недооцѣненнымъ, съ обрывками повятій, крѣпко засѣвшихъ въ его упрямой головѣ. При всей его споривѣ и ловкости онъ ни къ какой настоящей работѣ не былъ уже пригоденъ, такъ какъ и потерялъ охоту

работать и въ будущемъ ничего опредѣленнаго предъ собою не видѣлъ. Для русскаго рабочаго отстать отъ своего брата хуже можетъ-быть чѣмъ для всякаго иного. Въ Бѣлыхъ Столбахъ онъ могъ бы жить пригнѣваючи, да не давалъ ему покоя тотъ несвязанный сумбуръ котораго онъ нахватался въ Москвѣ. Съ мужиками онъ держался сурово и презрительно и въ то же время мечталъ о „черномъ передѣлѣ“. Когда Неродовичъ съ мѣсяцъ предъ тѣмъ въ первый разъ явился въ околоткѣ, онъ сбилъ Якова окончательно съ толку и обратилъ его въ слѣзное орудіе.

— Чтò жъ вы, батюшка, молчите? опять спросилъ Брусковъ, снова принимаясь за стамокъ.—Вы же говорили что у васъ до меня есть дѣло?

— Да я такъ, больше чтобъ узнать не будетъ ли какихъ порученій; я думалъ въ городъ къ мастеру опредѣлиться. Мнѣ тамъ сподручнѣе будетъ, а въ городѣ, можетъ, и случай представится другихъ надоумить насчетъ притѣсненій рабочаго человѣка, значить, отъ капиталистовъ.

Яковъ вдругъ оживился, словно произнесенное имъ мудреное выраженіе подѣйствовало на него какъ электрическая искра.

— Тамъ все-таки народъ развитѣе будетъ, лучше мужичья понимаетъ...

Дверь въ комнату закрикнула и вошедшій Неродовичъ перебилъ Якова. Онъ мимоходомъ кивнулъ головой бывшему старостѣ и обратился къ Брускову.

— Чтò жъ, чѣмъ дѣло кончилось, живо спросилъ онъ,—отказались? Я видѣлъ что мужики съ межи ушли.

— Ушли-то ушли, да новый староста, котораго вчера наняли, кремень настоящій, потребовалъ чтобы Василій продолжалъ межеваніе съ рабочими, а Трофима настраивалъ баринкомъ. Тотъ и не знаетъ въ чью сторону ему гнуть. Сходку на селѣ собираеть.

— Чортъ бы побралъ эту мокрую курицу! Ну, а вы, Яковъ, уходите собираетесь?

Яковъ повторилъ то чтò сказалъ предъ тѣмъ Брускову, но уже нервнѣе и вяло. Онъ словно побаивался Неродовича.

— Порученій вамъ теперь не будетъ никакихъ, оборвалъ онъ Якова.—Въ городѣ намъ дѣлать нечего: почва не подготовлена, а спасибо вамъ за то что молотилку испортили и дали мнѣ возможность здѣсь водвориться. Неродовичъ сухо кивнулъ ему головой.

Яковъ молча простоялъ еще съ минуту, но Левъ Александровичъ повторилъ на этотъ разъ уже нетерпѣливо движеніе головой въ знакъ того что ему нечего болѣе сказать своему подручнику.

— Много вамъ благодаренъ, значить, что изъ-за васъ мѣста лишился, сказалъ Яковъ и слегка поклонившись вышелъ изъ комнаты.

— Ничего изъ него путнаго не выйдетъ, равнодушно произнесъ ему вслѣдъ Неродовичъ,—такой человѣкъ, ни рыба, ни мясо, да и съ народомъ ладить не умѣетъ.

Дверь опять растворилась и влустила на этотъ разъ тощую особу г. Гондзевскаго.

— А-а, вотъ и еще интересная жертва помѣщичьяго деспотизма, привѣтствовалъ его Левъ Александровичъ.—Садитесь и разказывайте.

Неродовичъ ткнулъ перстомъ въ спинку аляповатаго деревяннаго стула, ножки котораго были выточены Брусковымъ.

Интересная жертва была одѣта съ иглочки въ голубой сюртукъ и въ невѣроятные штаны сиреневаго цвѣта, на ласкихъ ногахъ были лаковые ботинки, а на шеѣ красовался голубой шелковый галстукъ съ розовыми горошинами. Полякъ самодовольно присаивался и сталъ увѣрять что благодаря его старанію Никольскіе крестьяне доведены до крайней степени раздраженія. Они теперь ни на какія соглашенія не пойдутъ, закончилъ онъ.

— Ну положимъ на этотъ счетъ иллюзій себѣ дѣлать не слѣдуетъ, замѣтилъ Неродовичъ обращаясь къ Брускову.—Сторонниковъ мы въ сущности не приобрѣли ни одного, за исключеніемъ развѣ Якова. Да не въ этомъ дѣло. Пусть они только побужаютъ хорошенько, а тамъ чортъ съ ними.

— Нѣтъ, могу васъ увѣрить, продолжалъ Гондзевскій,—что недостойный образъ дѣйствій Дмитрія Алексѣевича...

— Эхъ, батюшка, перебилъ его Брусковъ,—между нами-то вы бы по крайней мѣрѣ эти разводы не разводили. Дмитрій Алексѣевичъ ровно ничего возмутительнаго не сдѣлалъ, а вы вотъ конечно постарались раздуть по возможности неудовольствіе мужиковъ.

— Не вамъ, кажется, на то жаловаться, обиженно проговорилъ Гондзевскій,—а я конечно глубоко оскорбленъ въ своей чести, тѣмъ болѣе что господинъ Корецкій не только своими интригами лишилъ меня мѣста, но съ наглостію требуетъ

чтобъ я выѣхалъ изъ Никольскаго и даже позволяетъ себѣ грозить мнѣ судомъ. Я разумѣется не поддаюсь—меня не испугаешь.

— Стойкость главное дѣло, сквозь зубы и довольно презрительно вставилъ Брусковъ.

При сдачѣ имѣнія Гондзевскій выдумывалъ разныя проводочки и всячески осложнялъ эту неприятную для него операцію. При этомъ обнаружались такіе грѣшки что Дмитрію пришлось ему пригрозить слѣдователемъ.

— Ну-съ, а какъ будетъ насчетъ презрѣннаго металла? спросилъ Неродовичъ, забарабанивъ пальцами по столу, за которымъ онъ сидѣлъ.

Тому кто вошелъ бы въ комнату въ эту минуту, не зная отношеній этихъ трехъ людей, непонятнымъ бы показалось, какъ это невзрачный и сутуловатый мужикъ, въ плохомъ сѣрмяжномъ кафтанѣ да въ столпавныхъ салогахъ, обращался съ двумя остальными какъ начальникъ съ подчиненными. А Неродовичъ и не думалъ смягчать повелительный тонъ не допуская возраженій, когда онъ говорилъ съ Брусковымъ и Гондзевскимъ.

Полякъ ослабилъ:

— Я могу вамъ передать всего восемьсотъ рублей, сказалъ онъ доставая бумажникъ изъ кармана, знаю что мало, да что прикажете дѣлать? за годъ управленія...

— Да что вы съ вами-то вляете? нетерпѣливо перебилъ его Неродовичъ.—Напрасная потеря времени: давайте сюда деньги.—Онъ бережно сосчиталъ ихъ и передалъ Брускову.— У васъ, Александръ Ѳомичъ, есть гдѣ спрятать, сказалъ онъ и снова обратился къ Гондзевскому.

— Мы вѣдь всѣ очень хорошо знаемъ, какими путями добываются подобныя сбереженія.

— И можемъ догадаться что себя вы при этомъ не забыли, добавилъ Брусковъ.

Гондзевскій вздумалъ протестовать.

— Ну, ну, пожалуйте не теряйте лишнихъ словъ, остановилъ его Неродовичъ,—а то мы пожалуй у васъ спросимъ сколько вамъ заплатили крестьяне за право разчистки господскаго лѣса. Меня-то, батенька, вы не проведете; а, Василій, съ какими вѣстями? живо обратился онъ ко входившему землебрѣу. Тотъ не сразу отвѣтилъ: онъ сильно зальхался, и усталое, разгоряченное лицо, съ котораго потъ лилъ градомъ, да покрытые цѣлымъ слоемъ грязи и пыли высокіе сапоги, свидѣтельствовали о томъ что онъ въ этотъ день толтался не мало.

— Вы ужь знаете что мужики съ межи ушли, заговорилъ онъ усѣвшись.—Думали, голосили долго, наконецъ-таки рѣшились уйти, наши старанія, значить не пропали. Я продолжалъ работу, какъ вдругъ прибѣжалъ съ села комръ посланный и говорить что баринъ приказалъ бросить межеваніе. Я разумѣется сейчасъ въ село, узнать въ чемъ дѣло. На сходкѣ проспорили долго. Наконецъ осилили тѣ кто господской земли брать не хотѣли. Когда Дмитрій Алексѣевичъ изъ города прибѣжалъ, Трофимъ къ нему сейчасъ съ извѣстіемъ что крестьяне отъ условія отказываются. Дмитрій Алексѣевичъ вспыхнулъ. Говорять въ такомъ гнѣвѣ его никто не видалъ, пошелъ на село и принялся увѣщевать крестьянъ. Но не тутъ-то было; когда мужикъ заартачится, извѣстное дѣло, чѣмъ больше его убѣждать, тѣмъ онъ больше на полятаый. И земли, говорятъ, вашей брать не хотимъ, пускай все будетъ по-старому, а работать на васъ тоже не желаемъ. Шабашъ! На томъ и порѣшили.

Глаза Василя словно прыгали отъ удовольствія, когда онъ это разказывалъ. Неродовичъ и Брусковъ лотирали руки.

— Теперь главное не терять времени, сказалъ Левъ Александровичъ, и заходилъ по комнатѣ.—На работу завтра мужики не выйдутъ, но этого недовольно. Теперь бы ихъ подбить на что-нибудь такое!...

Онъ молча прошелся раза два усиленно работая мыслию.

— Надо чтобъ изъ этой исторіи вышло что-нибудь крутое, настоящее...

— Боюсь, вы одно только, Неродовичъ, улускаете изъ виду, виѣшался Брусковъ,—то что васъ знаютъ въ Бѣлыхъ Столбахъ двѣ личности, на которыхъ вамъ разчитывать никакъ нельзя.

— Ну, Володя не страшень, перебилъ его Неродовичъ.

— Но за то ваша хваленая Надежда Сергѣевна...

Неродовичъ рѣзко оборвалъ Брускова, и жилы у него на лбу навились; но Брусковъ настаивалъ и ссылаясь на Василя разказалъ про свою встрѣчу съ Надей. Неродовичъ прослушалъ его молча, съ трудомъ сдерживая гнѣвъ.

— Ну-съ, это мое дѣло, сказалъ онъ, когда тотъ кончилъ.—Будетъ что будетъ, а мнѣ сдается что Бѣлымъ Столбамъ не сдобровать.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

К. ОРЛОВСКИЙ.

ОТНОШЕНІЯ РОССІИ КЪ ПРУССІИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ

Извѣстно что до весьма недавняго времени, а именно до появленія въ свѣтъ XXI—XXIV томовъ *Исторіи Россіи* С. М. Соловьева, господствовали у насъ самыя превратныя понятія о политикѣ которую преслѣдовало правительство Елисаветы Петровны по отношенію къ Фридриху Великому. Общее убѣжденіе было таково что если Пруссія при вступленіи своемъ на историческое поприще въ роли великой державы встрѣтила энергической отпоръ со стороны Россіи, то объясняется это личными предубѣжденіями и антипатіями какъ самой императрицы, такъ и главнѣйшихъ ея совѣтниковъ, что вѣнательство наше въ Семилѣтнюю Войну, потребовавшее столько тяжкихъ жертвъ, не обуславливалось никакими существенными для насъ интересами. С. М. Соловьевъ сталъ на совершенно противную точку зрѣнія и успѣлъ подтвердить свой взглядъ доказательствами которыя произвели чрезвычайно сильное впечатлѣніе. „Благодаря твердости и энергіи Елисаветы, говоритъ онъ, силы короля Прусскаго были сокращены, и если не такъ, какъ бы она того желала, то достаточно сокращены для того чтобы въ послѣдствіи Екатерины II не встрѣтила въ нихъ препятствія для достиженія

своихъ цѣлей; кромѣ этого важнаго значенія Семилѣтней Войны для Россіи, она была школой изъ которой вышли русскіе полководцы, сдѣлавшіе царствованіе Екатерины столь блестящимъ въ военномъ отношеніи.“ Когда покойный нашъ историкъ былъ занятъ превосходнымъ своимъ трудомъ, онъ не имѣлъ возможности пользоваться нѣкоторыми документами и изслѣдованіями, проливающими обильный свѣтъ на время 1741—1761 годовъ. Первое мѣсто между ними принадлежатъ политической корреспонденціи Фридриха Великаго (*Politische Correspondenz Friedrich's des Grossen*), издаваемой вынѣ по распоряженію Прусскаго правительства; до сихъ поръ вышло отъ семь томовъ, и хотя они обнимаютъ лишь періодъ до половины 1750 года, но какъ извѣстно именно въ это время уже вполнѣ опредѣлилась отношенія Россіи къ Прусскому королю. Мы имѣли возможность судить объ его намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ по историческимъ его сочиненіямъ, въ которыхъ онъ не считалъ нужнымъ слишкомъ строго придерживаться истины, по донесеніямъ его дипломатовъ, далеко еще не обнаруженными вполнѣ, а въ корреспонденціи своей высказываетъ онъ очень часто завѣтныя свои мысли съ поразительною откровенностью; по ней можно сдѣлать шагъ за шагомъ какъ зарождались его планы и какими путями стремился онъ къ ихъ осуществленію,—излишне было бы следовательно распространяться о высокой важности такого памятника. Два тома посвященные Арне-томъ Семилѣтней войнѣ въ его *Geschichte Maria Theresia's* были также неизвестны С. М. Соловьеву, когда писалъ онъ исторію царствованія Елисаветы и не имѣлъ онъ предъ собою VIIго тома *Архива князя Воронцова*. О другихъ книгахъ вышедшихъ послѣ появленія въ свѣтъ его труда упомянуто будетъ ниже. Мы не задаемся мыслию передѣлывать то что съ такимъ совершенствомъ исполнено было С. М. Соловьевымъ, а намѣрены лишь прослѣдить въ какой мѣрѣ новыя данныя дополняютъ сдѣланные имъ выводы или находятся иногда въ противорѣчій съ ними.

I.

Тяжелое время переживала Россія послѣ того какъ сошелъ въ могилу ея великій Преобразователь. Власть находилась въ слабыхъ рукахъ; если между государственными людьми окружавшими престолъ не исчезло попятіе о національной политикѣ, которую пресѣдывалъ Петръ, то ни у одного изъ нихъ не хватало ни мужества, ни умѣнья чтобы поддерживать ея преданія. И обстоятельства были не благопріятны для этого. При быстрой смѣнѣ одного царствованія другимъ открывалось широкое поприще для честолюбій и интригъ. Каждый слѣдилъ вслать наверхъ, не задумываясь губить своихъ соперниковъ. И Русскіе были безпощадны другъ ко другу; и Нѣмцы, уже не сдерживаемые болѣе желѣзною рукою Петра, отячались тѣми же алчными инстинктами. Въ Европѣ составилось убѣжденіе что Россія такая страна въ которой все возможно, что народъ равнодушенъ къ перемѣнамъ совершавшимся въ Петербургѣ, а въ правительственныхъ сферахъ все зависитъ отъ случайности. Между тѣмъ наступалъ въ Европѣ кризисъ, къ которому наше отечество не должно было относиться безучастно. Въ октябрѣ 1740 года умеръ императоръ Карлъ VI, востотуло погашенный въ послѣдніе годы своей жизни мыслию о томъ чтобъ австрійская королева со всѣми подвластными ей землями перешла къ единственной его наследницѣ, эрцгерцогинѣ Маріи-Терезіи. Благодаря невѣроятнымъ ея стараніямъ прагматическая санкція, содержащая его волю на этотъ счетъ, была заблаговременно признана почти всѣми европейскими государствами; онъ закрылъ глаза утѣшая себя мыслию что никто не отважится нарушить данныя ему торжественныя обязательства, но немедленно оправдались слова принца Евгенія Савойскаго что хорошо организованная армія была бы гораздо болѣе надежною гарантіею чѣмъ всякіе пергаменты. Вопросъ объ австрійскомъ наследствѣ возникалъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Повсюду Марія-Терезія видѣла враговъ, и между этими врагами не было для нея никого опаснѣе Фридриха II только-что воцарившагося въ Пруссіи. Съ безцеремонностью изумившею даже тогдашнюю Европу, прежде чѣмъ другія правительства успѣли основаться

окончательно на какомъ-нибудь планѣ дѣйствій, онъ ворвался въ Силезію и занялъ часть ея своими войсками. Въ тотъ самый день когда получено было въ Берлинѣ извѣстіе о смерти Карла VI, онъ писалъ своему министру Подевилюсу: „Трауръ о покойномъ императорѣ сдѣдуетъ установить на столько же недѣль и съ такими же подраздѣленіями какъ это сдѣлано было въ Австріи при кончинѣ моего родителя. Кстати, предлагаю вамъ на разрѣшеніе задачу: когда имѣешь выгоды на своей сторонѣ, то нужно ли пользоваться ими или нѣтъ? У меня все готово для войны; если я улущу благоприятную минуту, значить не умѣю цѣнить то что у меня въ рукахъ; если же поступаю иначе, всѣ скажутъ только что у меня хватало умѣнья воспользоваться моимъ превосходствомъ надъ сосѣдами“. Министры короля возражали ему, не лучше ли вступить въ переговоры съ Маріей-Терезіей, которая быть-можетъ въ виду критическихъ обстоятельствъ согласится добровольно на уступку принадлежавшей ей области. „А еще вѣрнѣе, отвѣчалъ онъ, сперва взять, а потомъ уже вести переговоры“ (erst nehmen und dann unterhandeln). Впрочемъ Фридрихъ не прочь былъ выставить свой поступокъ какъ благодѣяніе для императрицы: пусть откажется она отъ Силезіи, въ такомъ случаѣ онъ готовъ ололчиться вмѣстѣ съ нею за ея права; если она отвергнетъ эту сдѣлку онъ будетъ дѣйствовать противъ нея въ союзѣ съ Франціей и вообще съ кѣмъ угодно; но всего выгоднѣе было бы удержать за собою захваченную область не жертвуя ни однимъ солдатомъ и ни одною колѣвкой денегъ; Фридрихъ разчитывалъ что при счастіи можно достигнуть и этой цѣли, если напримѣръ Англія приметъ на себя роль посредницы. Вообще наступали событія громадной важности: долженъ былъ разыгратъ послѣдній актъ давнишней борьбы Габсбурговъ и Бурбоновъ, Германію ожидалъ переворотъ, еслибъ австрійскіе государи потеряли императорскую корону, которая въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ считалась какъ бы наследственнымъ достояніемъ ихъ дома, и среди этого, подобно тому какъ въ началѣ XVIII вѣка Россія заняла вдругъ одно изъ первенствующихъ мѣстъ въ Европѣ, выдвигалась теперь Пруссія подъ предводительствомъ человека одареннаго гениальными способностями и непреодолимою силой воли.

Всякій разъ приступая къ какому-нибудь важному политическому дѣйствию Фридрихъ имѣлъ обыкновеніе набрасывать

на бумагѣ свои соображенія по его поводу. Такъ поступилъ онъ и предъ началомъ первой Силезской войны. Въ документѣ, озаглавленномъ: *Idées sur les projets politiques à former au sujet de la mort de l'empereur* * онъ ставилъ себѣ вопросъ, слѣдуетъ ли ему опасаться Франціи, Англіи, Голландіи, и отвѣчалъ на него отрицательно. „Остается Россія, говорилъ онъ: всѣ другія державы не въ состояніи тревожить меня; только одна Россія способна причинить мнѣ безлокоіство. Но чтобы сдержать ее, можно проритъ на главнѣйшихъ сановниковъ заседающихъ въ совѣтѣ императрицы (Анны Ивановны) дождь Данаи, что заставитъ ихъ думать какъ мнѣ угодно. Если императрица умретъ, то Русскіе будутъ такъ поглощены своими внутренними дѣлами что не хватить у нихъ досуга заниматься иностранною политикою; во всякомъ случаѣ не лишнее дѣло ввести въ Петербургъ осла нагруженнаго золотомъ.“ Фридрихъ сознавалъ могущество Россіи. Въ *Histoire de mon temps*, обсуждая положеніе каждой изъ европейскихъ державъ предъ войной 1740—1748 годовъ, онъ отзывался такимъ образомъ о нашемъ отечествѣ: „Въ 1740 году Россія могла выставить въ поле безъ усилія 170.000 войска; флотъ ея состоялъ изъ 12 линейныхъ кораблей, 26 кораблей визшаго разряда и 40 галеръ. Доходы Имперіи простирались до 15 милліоновъ талеровъ, сумма умѣренная въ сравненіи съ громаднымъ пространствомъ страны, но въ Россіи все дешево. Самая необходимая и жизненная для монарховъ потребность—солдаты не стоятъ здѣсь и половиною того что тратятъ на ихъ содержаніе другія государства. Петръ I составилъ проектъ какого не составлялъ до него ни одинъ государь. Завоеватели заботятся лишь о томъ чтобы расширять свои владѣнія, а Петръ хотѣлъ сократить пространство своего государства, потому что оно было дурно населено въ сравненіи съ его обширностью. Онъ хотѣлъ сосредоточить 12 милліоновъ жителей, разбавяныхъ по Имперіи, между Петербургомъ, Москвою, Казанью и Украиною, чтобы эта земля была хорошо заселена и обработана; остальные же области представляли бы пустыню—превосходную защиту отъ Персіанъ, Турокъ и Татаръ. Смерть помѣшала великому челоуѣку исполнить этотъ планъ. Послѣ несчастій Карла XII и утвержденія Августа Саксонскаго въ Польшѣ, послѣ

* См. *Pol. Corr.* I, 90—92.

побѣдъ Миниха надъ Турками, Россія держала въ своихъ рукахъ судьбы сѣвера; Русскіе были такъ страшны что никто не могъ ждать успѣха въ нападении на нихъ, ибо чтобы достигнуть Россіи нужно пройти пустыни, а съ другой стороны, можно все потерять, еслибы даже ограничиться оборонительною войною, въ случаѣ нападенія Русскихъ. У нихъ въ войскѣ множество Татаръ, казаковъ и Калмыковъ; эти кочевыя орды хищниковъ и зажигателей способны опустошить цѣлѣюція провинціи прежде даже чѣмъ регулярное русское войско вступитъ въ нихъ. Для избѣжанія этихъ опустошеній сосѣди уклоняются отъ столкновения съ Россіей, а Русскіе смотрятъ на союзы заключенные ими съ другими народами какъ на покровительство которымъ они удостоиваютъ своихъ кліентовъ.“ Въ политической своей корреспонденціи Фридрихъ неоднократно высказывалъ мысль что реформа Петра вовсе не коснулась народа и лишь высшіе классы нѣсколько затронуты ею; что для громаднаго большинства общества нѣтъ ничего слаще какъ оставаться погруженнымъ въ азіатскую безлечность, но что если правительство дастъ толчокъ этому богатырю и направить его силы въ ту или другую сторону, можно ожидать грозныхъ послѣдствій. Необходимо слѣдовательно заручиться расположеніемъ людей пользующихся въ Россіи властью, а достигнуть этого не трудно, такъ какъ личный интересъ преобладаетъ у нихъ надъ политическими соображеніями. Императрица Анна Ивановна умерла при самомъ началѣ войны долженствовавшей охватить почти всю Европу, и Биронъ назначенъ былъ регентомъ за малолѣтствомъ новаго государя: Фридрихъ разчитывалъ что едва ли Биронъ предприметъ что-нибудь противъ него уже потому что владѣть богатымъ помѣстьемъ въ Силезіи (помѣстье Вартебергъ). По низверженіи Бирона управление страной перешло къ Аннѣ Леопольдовнѣ, но сама она не была въ состояніи заниматься дѣлами; вліятельные люди при ней были Минихъ и Остерманъ, изъ коихъ первый не скрывалъ своихъ симпатій къ Пруссіи. Надеждамо еще болѣе укрѣпить его въ этихъ чувствахъ. „Вы должны пустить въ ходъ все свое умѣнье, писалъ Фридрихъ своему посланнику въ Петербургъ, чтобы склонить графа Миниха къ моимъ интересамъ; расточайте щедро съ этою цѣлію обѣщанія и ласки. Обнадежьте его что если онъ окажетъ мнѣ помощь при теперешнихъ обстоятельствахъ, если успѣетъ расположить правительницу къ

моимъ планамъ, которые въ сущности совершенно согласны съ истинными интересами какъ Австрійскаго дома, такъ и Россіи, то не только укрѣплю за нимъ и его потомствомъ Бигенъ, уже конфискованный мною и приносящій болѣе 5.000 червонцевъ дохода, но также графство Вартенбергъ въ Силезіи.“ Фридрихъ не терялъ еще надежды что дѣло можетъ устроиться для него безъ войны; ничего такъ не желалъ онъ какъ посредничества между нимъ и Маріей Терезіей и старалась направить на этотъ луть Англію, онъ надѣялся что и Россія будетъ дѣйствовать съ нею въ тѣсномъ согласіи. „Было бы большимъ для меня счастьемъ, писалъ онъ, еслибы Петербургскій дворъ вмѣшался въ нашу распрю и внушилъ Австріи желаніе сойтись со мною, отнявъ у нея вмѣстѣ съ тѣмъ надежду на поддержку со своей стороны. Въ такомъ случаѣ русскіе министры пріобрѣтутъ право на вѣчную мою признательность и я сочту за особое удовольствіе выражать ее всякій разъ когда будутъ затрогиваемы интересы Россіи и интересы этихъ великихъ гениевъ стоящихъ у кормила правленія“ (de ces grands génies qui sont au timon des affaires).

Великіе гении сами желали бы предотвратить войну. Положеніе новаго правительства было шатко, финансы находились далеко не въ цвѣтущемъ состояніи:—при этихъ условіяхъ Россія не могла желать чтобы въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ нею началась борьба, послѣдствія коей могли отразиться и на ней. Посредничество представлялось повидимому самымъ удобнымъ средствомъ чтобъ избѣжать такой напасти, но, какъ уже замѣчено выше, оно было невозможно при тѣхъ условіяхъ которыя были выставляемы Прусскимъ королемъ. Въ сущности онъ лишь добивался чтобы посредники постарались закрѣпить за нимъ то что было захвачено имъ силой; отъ Маріи-Терезіи требовалось чтобъ она узаконила своимъ согласіемъ самое возмутительное нападѣніе; въ замѣнъ этого онъ предлагалъ ей какія-то сомнительныя блага въ будущемъ. Но не говоря уже о томъ какъ неосторожно было бы полагаться на его обѣщанія, гордость молодой государыни была въ высшей степени оскорблена его насильственнымъ образомъ дѣйствій, и съ первой же минуты, подъ вліяніемъ быть-можетъ даже не столько политическихъ соображеній, сколько женскаго чувства, заявляла она что готова перенести всякія потери и невзгоды, но не вступать въ сдѣлку съ хищникомъ. Фридрихъ принадлежалъ къ числу

тѣхъ людей которые отваживаясь на самыя волющія мѣры увѣряютъ всѣхъ въ искренности и чистотѣ своихъ намѣреній и, повторяя это другимъ, сами начинаютъ убѣждаться въ своей нелогичности; такъ и въ настоящемъ случаѣ онъ винилъ Марію-Терезію за то что она отстаиваетъ свои права на принадлежавшую ей область, заранѣе обвинялъ посредниковъ, если они не помогутъ его замысламъ, и только съ самаго себя слагалъ всякую отвѣтственность. „Предположимъ, говорилъ онъ, что Вѣнскій дворъ будетъ обнаруживать непреклонное упорство; я поневолѣ соединяюсь тогда съ Франціей и ужь конечно не на мигъ, а на Англій и Россію будетъ лежать вина за пожаръ который охватитъ Европу“ *.

Прибѣгнуть къ посредничеству между двумя враждующими сторонами значило неминуемо возстановить противъ себя ту или другую изъ нихъ. Не хотѣлось министрамъ Анны Леопольдовны раздражить Вѣнскій дворъ, потому что онъ уже былъ и могъ еще быть полезнымъ для насъ союзникомъ въ борьбѣ съ Турками, но опасно было поссориться и съ Прусскимъ королемъ, который не задумался бы конечно сдѣлать разныя противъ насъ козни въ Швеціи. Съ обычною своею осторожностью Остерманъ старался вывернуться изъ этихъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Одинъ изъ наиболѣе довѣренныхъ министровъ Фридриха, Подевальсъ, доносилъ королю: „Ваше величество уже отправили къ Остерману собственноручное письмо долженствовавшее сильно польстить его тщеславію; такъ какъ онъ желалъ вмѣсто денежнаго подарка въ 8.000 червонцевъ получить вашъ портретъ украшенный брилліантами, то мнѣ кажется слѣдовало бы употребить означенную сумму на изготовленіе портрета столь же великолѣпнаго какъ тотъ который былъ подаренъ графу Миниху и даже лучше. Кромѣ того, необходимо задобрить родственниковъ Остермана въ Вестфаліи, надѣлать ихъ баронскими, дворянскими и всякаго рода другими дипломами, не стоющими ровно ничего, а между тѣмъ это расположить къ намъ русскаго Ринелье.“ Фридрихъ охотно соглашался на такого рода предложенія, но вскорѣ долженъ былъ убѣдиться что въ Петербургѣ нельзя, какъ казалось ему, достигнуть всего съ помощью золота. Правда, Минихъ настоялъ на заключеніи съ Пруссіей оборонительнаго договора, но даже и

* *Pol. Corr.* I, 208.

онъ, несмотря на свои симпатіи къ Прусскому правительству, находилъ невозможнымъ жертвовать ему Австріей. Вскорѣ послѣ одержаннаго имъ успѣха онъ вынужденъ былъ выйти въ отставку. Вліяніе Остермана усиливалось, а Остерманъ не переставалъ повторять что малѣйшее раздробленіе австрійскихъ владѣній нанесло бы тяжкій ударъ интересамъ общеевропейскаго равновѣсія. „Измѣна Россіи ужасна“, (*la trahison de la Russie est épouvantable*), писалъ Фридрихъ, обольщавшій себя одно время надеждой что вслѣдствіе заключеннаго съ нею трактата можетъ вполне разчитывать на нее. Посредничество такое какое было ему желательно рѣшительно не удавалось. Англійское правительство склонялось все болѣе и болѣе на сторону Маріи-Терезіи, и Фридрихъ началъ слѣдить переговорами о союзѣ съ Франціей. Еще въ январѣ писалъ онъ Подевилъсу: „Въ Россіи все идетъ удивительно хорошо для насъ—такъ хорошо что имѣя возможность опереться на Россію и Англію, мы не имѣемъ никакой причины торопиться соглашеніемъ съ Тюльрійскимъ дворомъ; нужно сѣдовательно водить его за носъ пока не разъяснится окончательно вопросъ о посредничествѣ.“ Черезъ нѣсколько недѣль послѣ того Фридрихъ заговорилъ уже совсѣмъ другимъ тономъ. Надежды его обращены были не на Англію и Россію, а на Францію, и однимъ изъ главнѣйшихъ условій задуманнаго имъ союза было то чтобы Французское правительство подыало на насъ Шведовъ. Мысль эта такъ занимала его что онъ безпрерывно возвращался къ ней въ своихъ сношеніяхъ съ французскими уполномоченными. „Я былъ чрезвычайно изумленъ, говорить онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ маркизу Валори, посланнику Лудовика XV при Берлинскомъ дворѣ, узнавъ что Шведы колеблются начать военныя дѣйствія. Маркизь Бель-Иль не рѣшится конечно отрицать что онъ положительно обѣщаль мнѣ что они нападутъ на Русскихъ въ Финляндіи, лишь только я подпишу трактатъ съ Франціей. Теперь все готово для этого, а Швеція продолжаетъ выставлять разные затрудненія. Предупреждаю что трактатъ нашъ разлетится въ прахъ если вы не одержите полного успѣха въ Стокгольмѣ; ни на какихъ другихъ условіяхъ не соглашусь я быть союзникомъ вашего короля“ *.

* *Pol Corr.* I, 263.

Въ августъ 1741 года Швеція объявила намъ войну, безо всякой основательной причины и даже безо всякаго повода, единственно потому что слабое ея правительство было жалкимъ орудіемъ чужеземныхъ вліаній. Изъ этого видно, между прочимъ, какъ безрасудно было долго господствовавшее въ нашей литературѣ мнѣніе будто бы позавѣ императрица Елисавета могла держаться въ сторонѣ отъ европейскихъ смуть, будто вмѣшавшись въ нихъ она даромъ проливала русскую кровь и тратила русскія деньги. Съ тѣхъ поръ какъ Россія заняла видное мѣсто въ Европѣ, подобное отчужденіе отъ того что происходило въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ нею представлялось для нея невыносимымъ; каждая изъ воюющихъ сторонъ хотѣла заручиться ея содѣйствіемъ; напрасно увѣряла бы она что хочетъ соблюдать строгій нейтралитетъ,—подобныя заявленія не могли усложнить никого; оласались что рано или поздно она измѣнитъ свое рѣшеніе, отъ невмѣшательства перейдетъ къ болѣе энергической политикѣ, а потому заботились поссорить ее съ Турками или Шведами и тѣмъ самымъ стѣснить ея свободу дѣйствій. Правительство Анны Леопольдовны было очень миролюбиво, но это не оградило его отъ шведской войны. Къ счастью враги выставленные противъ насъ Фридрихомъ и Лудовикомъ XV оказались плохи; съ самаго начала, послѣ взятія нашими войсками Вильманстранда, можно было предвидѣть что они не долго будутъ въ состояніи выдерживать борьбу, и Фридрихъ попрежнему, хотя родственныя связи соединяли его съ Брауншвейгскою фамиліею, сталъ тревожиться относительно замысловъ Русскаго правительства. Вдругъ получено было изъ Петербурга извѣстіе о переворотѣ, слѣдствіемъ коего было восшествіе на престолъ Елисаветы Петровны.

Переворотъ этотъ поразилъ его своею неожиданностью, хотя отчасти онъ могъ предвидѣть его. Въ запискахъ своихъ онъ отзывается о немъ такимъ образомъ: „публика довольно легкомысленно думаетъ что событія совершающіяся въ пользу государей суть плоды ихъ предусмотрительности и искусства; подъ вліаніемъ такого предубѣжденія полагали что Пруссійскій король принималъ участіе въ русской революціи: ничего подобнаго однако не происходило. Король былъ тутъ не причемъ и узналъ о событіи одновременно съ публикой. За нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ, когда маршалъ Бель-Иль посѣтилъ лагерь въ Мольвицѣ,

разговоръ коснулся Россіи. Маршалъ былъ очень недоволенъ образомъ дѣйствій правительницы Анны и ея супруга принца Антона, и однажды, въ минуту крайняго раздраженія, спросилъ короля не будетъ ли ему непріятно, если въ Петербургѣ низвергнуть приходившагося ему племянникомъ юнаго императора Ивана и возвести на престолъ принцессу Елисавету. Король отвѣчалъ на это что между государями онъ считаетъ своими родственниками только тѣхъ которые друзья съ нимъ. Вотъ и все—разговоръ не продолжался*. * Можно было бы усомниться въ искренности показаній Фридриха, но цѣлѣнная его переписка, относящаяся къ означенному событію, доказываетъ что на этотъ разъ онъ не уклонился отъ истины. Французская дипломатія дѣятельно работала въ Петербургѣ, не сообщая ему однако о ходѣ своихъ интригъ. „Искренно сожалѣю о печальной участи которая по всему вѣроятію постигнетъ принца Антона-Ульриха и его брата Лудовика, писалъ король своему посланнику Мардефельду, ** узы крови и дружбы связывающія меня съ Брауншвейгскимъ домомъ не позволяютъ мнѣ относиться равнодушно къ его несчастію. Но, оставивъ это въ сторонѣ, я не думаю чтобы совершившійся переворотъ былъ вреденъ для моихъ интересовъ; кто бы то ни были его виновники, нельзя предположить чтобы они рѣшились вовлечь въ войну со мной націю которая только жаждаетъ покоя и могла бы возмутиться еслибы слишкомъ упорно стали противиться ея наклонности къ миру... Мнѣ было бы однако пріятно еслибы вы сохранили кое-какія сношенія съ низверженною партией, чтобы имѣть заручку на всякій случай; дѣйствуйте только съ большимъ благоразуміемъ и осторожностью и старайтесь не возбуждать подозрительности людей пользующихся нынѣ властью. Затѣмъ требую я отъ васъ подробнаго отчета о переворотѣ: чѣмъ онъ былъ главнымъ образомъ вызванъ, кто руководилъ интригой, какіе министры—русскіе или иностранные—участвовали въ ней, особенно же принималъ ли въ ней участіе маркизъ Шетарди или все было дѣломъ самихъ Русскихъ; какую роль играли графы Минихъ и Остерманъ и что ожидаетъ ихъ теперь; присоедините также ваши соображенія о предстоящей судьбѣ принцессы Анны, ея

* *Histoire de mon temps*, т. IV, 159—160.

** *Pol. Corr.*, I, 438—439.

дѣтей, ея супруга; позволять ли имъ отправиться въ Германію или заставить ихъ предпринять путешествіе въ Сибирь: останется ли дворъ въ Петербургѣ, по крайней мѣрѣ на время шведской войны, или же переселится въ Москву и каковы его намѣренія относительно Шведовъ“...

Фридрихъ утѣшалъ себя мыслию что воцареніе Елисаветы Петровны будетъ тяжкимъ ударомъ для Вѣнскаго и Лондонскаго дворовъ. „Телерь, читаемъ мы въ письмѣ его къ тому же Мардефильду, надо надѣяться что эти сдѣлаются гораздо податливѣе и не будутъ отказываться отъ соглашеній требуемыхъ общимъ положеніемъ дѣлъ. Но такъ какъ по всему вѣроятію они подчинятся этому въ послѣдней крайности, а предварительно употребятъ чрезвычайныя усилія чтобы притянуть къ себѣ Россію, расточая деньги русскимъ министрамъ или прибѣгая ко дворцовымъ интригамъ, то вы обязаны зорко слѣдить за ихъ происками. Особенно не упускайте изъ виду нѣкаго лѣкаря Лестока, о которомъ я имѣю свѣдѣнія какъ о большомъ интриганѣ, горячо преданномъ интересамъ Ганноверскаго дома; увѣряютъ будто бы онъ пользуется расположеніемъ новой императрицы. Важныя дѣла подготавливаются нерѣдко съ помощью ничтожныхъ людей, а потому, если справедливо что государыня довѣряетъ этому человѣку и если не удастся сдѣлать его нашимъ орудіемъ, вамъ нужно учредить за нимъ бдительный надзоръ, чтобы не быть застигнутымъ врасплохъ.“

II.

Вступленіе на престолъ императрицы Елисаветы Петровны положило конецъ господству Нѣмцевъ въ правительственныхъ сферахъ Россіи. Дочь Петра Великаго окружила себя русскими людьми, поручала исключительно имъ завѣдываніе какъ внутреннею, такъ и внѣшнею политикою. Но слѣдовало ли изъ этого чтобъ иностранныя вліянія совершенно исчезли въ Петербургѣ? Можно ли было ожидать что европейскіе дворы не будутъ употреблять всевозможныхъ стараній съ цѣлью овладѣть довѣріемъ и расположеніемъ новаго правительства? Ни для кого не было тайной что французскій уполномоченный Шетарди много хлопоталъ о возвышеніи Елисаветы, считался однимъ изъ главныхъ ея приверженцевъ:

отсюда не трудно было вывести заключеніе что императрица поставитъ себѣ правиломъ поддерживать тѣсныя сношенія съ Франціей, тѣмъ болѣе что личныя ея симпатіи давно уже склонялись къ этой странѣ.

Въ послѣднее время появилась книга, * авторъ коей, на основаніи документовъ хранящихся во французскомъ государственномъ архивѣ, старается доказать что Елисавета питала какое-то непреодолимое влеченіе ко Франціи, несмотря на то что въ первой половинѣ ея царствованія кабинеты С.-Петербургскій и Тюльрійскій преслѣдовали различные планы. Иначе не могло и быть, говорить онъ, ибо въ юности своей Елисавета предназначалась сдѣлаться французскою принцессой, и воспоминаніе объ этомъ никогда не покидало ея. То была завѣтная мысль ея отца, которую онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду преслѣдовалъ съ обычнымъ своимъ упорствомъ. Петръ Великій желалъ союза съ Франціей, но союзъ этотъ могъ осуществиться въ томъ только случаѣ еслибы Франція отказалась отъ возрѣвнѣй которая издавна руководила ея политикою. „Намъ предстояло одно изъ двухъ, говорить г. Вандаль: откровенно сблизиться съ Россіей, но въ такомъ случаѣ слѣдовало пожертвовать Турціей, Швеціей и Польшей. Возвышеніе Россіи могло упрочиться не иначе какъ въ ущербъ этимъ государствамъ; только отказавшись поддерживать ихъ, допустивъ ихъ снизойти на роль вассаловъ Русскаго царя, Франція могла привлечь къ себѣ симпатіи Россіи, заручиться ея признательностью, предпочесть, словомъ, прежней системѣ нашихъ союзовъ тѣсное сближеніе съ молодою и исполненною силъ имперіей. Другая политика состояла, напротивъ, въ томъ чтобъ еще болѣе закрѣпить узы связывавшія насъ съ Турціей, Швеціей и Польскою республикой, задерживать по возможности ихъ разложеніе и образовать подъ нашимъ руководствомъ конфедерацію, которая имѣла бы цѣлію отбросить Россію въ ея степи и заградить ей доступъ къ цивилизованному міру.“ Союзъ съ названными сейчасъ государствами былъ необходимъ Франціи для того чтобы пользоваться ими какъ орудіемъ въ борьбѣ съ давнишнимъ ея врагомъ—Габсбургскимъ домомъ, но они могли исполнять болѣе или менѣе успѣшно эту задачу лишь до тѣхъ поръ пока Россія не

* *Louis XV et Elisabeth de Russie*, par Albert Vandal. 1882.

приобрѣла новаго значенія въ семьѣ европейскихъ народовъ. Съ этого времени положеніе ихъ измѣнилось, а вмѣстѣ съ тѣмъ громадныя затрудненія возникали и для Французскаго правительства. Опираясь на Швецію, Польшу и Турцію противъ Австріи, ему приходилось ограждать ихъ самихъ отъ Россіи: предпріятіе крайне неблагодарное, ибо уже тогда сознавали во Франціи очень ясно что и Оттоманская имперія и Польская республика заражены недугомъ который неминуемо долженъ былъ довести ихъ до гибели. Обстоятельства были такого рода что Тюльрійскому кабинету слѣдовало бы, казалось, остановиться на вопросѣ, не благоразумнѣе ли было бы измѣнить радикально свою политическую систему? Быть-можетъ энергическое и провицательное правительство остановилось бы на подобномъ рѣшеніи, но нельзя было ожидать этого ни отъ регента герцога Орлеанскаго, ни отъ главнаго его министра, лозорной памяти кардинала Дюбуа. Въ 1717 году наступила критическая минута: императоръ Петръ посѣтилъ Парижъ съ цѣлю убѣдиться нѣтъ ли возможности придти къ какому-нибудь прочному соглашенію съ Франціей. Онъ былъ принятъ съ большимъ почетомъ, но не достигъ никакихъ политическихъ результатовъ. Самъ регентъ обнаруживалъ наклонность къ сближенію съ Россіей, но Дюбуа, находившійся въ то время въ Лондонѣ, обратилъ к нему съ письмомъ въ которомъ умолялъ его не отступать отъ прежней политики. „Если, говорилъ онъ, содѣйствуя упроченію могущества царя вы вытѣсните Англичанъ и Голландцевъ изъ Балтійскаго моря, то возбудите навсегда ихъ ненависть. Здоровье царя давно уже потрясено, а его сынъ не будетъ поддерживать телерешныхъ преобразованій. Прусскій король, находящійся уже въ близкомъ родствѣ съ Англійскимъ домомъ, постарается выдать замужъ одну изъ своихъ дочерей за принца Вельскаго, а этимъ еще болѣе закрѣпитъ свою связь съ Англіей... Не могу не вспомнить при этомъ о двухъ италіанскихъ пословицахъ; одна изъ нихъ гласитъ: *chi sta bene non si muove*, другая послужила эпитафіей челоуѣка который довелъ себя до могилы прибѣгая непрерывно къ укрѣпляющимъ лѣкарствамъ: *per star meglio son qui*. Проникнитесь глубокимъ смысломъ этихъ изреченій и не заботьтесь улучшить ваше положеніе когда оно и безъ того уже хорошо.“ Переговоры между Франціей и Россіей продолжались впрочемъ по отъѣздѣ Петра, и въ августѣ

1717 года привели въ Амстердамъ къ заключенію трактата, въ которомъ участвовала и Пруссія,—трактата гарантировавшаго договоры Утрехтскій и Баденскій и возлагавшаго на Версальскій дворъ посредничество для прекращенія Сѣверной войны. То былъ конечно союзъ, но не измѣнившій общаго направленія политики каждой изъ трехъ державъ.

Посланникомъ въ Петербургъ назначенъ былъ Кампредонъ. Прибывъ къ мѣсту своего назначенія онъ тотчасъ же убѣдился что Петръ отнюдь не покинулъ мысли высказанной имъ еще въ Парижѣ, о бракѣ своей дочери Елисаветы съ юнымъ королемъ Лудовикомъ XV. Повидимому слѣдовало бы забыть объ этомъ, потому что въ промежутокъ времени между 1717 и 1721 годами произошло важное событіе—официальное обрученіе Лудовика съ Испанскою инфантой. Но въ Петербургѣ созрѣлъ кажется новый планъ, о которомъ Кампредонъ доносилъ кардиналу Дюбуа слѣдующее: „Близкій пріятель сообщилъ мнѣ что было бы желательно, съ цѣлю совершенно склонить царицу къ нашимъ интересамъ, устроить бракъ младшей дочери царя съ однимъ изъ французскихъ принцевъ, который бы потомъ избранъ былъ королемъ польскимъ; достигнуть этого избранія весьма легко при томъ вліяніи которымъ пользуется царь въ Польшѣ. Я убѣжденъ что эти внушенія идутъ отъ Шафирова.“ Кампредонъ горячо схватился за нихъ и со словъ своего пріятеля указывалъ кардиналу на герцога Шартрскаго, старшаго сына регента. Выгоды для Франціи были по его мнѣнію очевидны: такъ какъ не представлялось возможнымъ сласти Польшу, которая замѣтно все болѣе и болѣе приходила въ упадокъ, то не слѣдовало ли поставить ее въ вассальныя отношенія къ Россіи, которая въ такомъ случаѣ довольствовалась бы господствомъ надъ нею не посягая лишить ее вовсе независимости? Упроченіе московскаго вліянія въ Варшавѣ возбудило бы недоброжелательство и соперничество со стороны Австріи и Пруссіи и такимъ образомъ Россія неминуемо должна была бы сдѣлаться на будущее время врагомъ Габсбургской династіи. Дюбуа отозвался сочувственно на предложенія сообщенныя ему Кампредономъ, но изъ отвѣта его не трудно догадаться что онъ хотѣлъ воспользоваться ими для совершенно другихъ цѣлей. Если рѣчь идетъ, говорилъ онъ, о бракосочетаніи принцессы Елисаветы съ герцогомъ Шартрскимъ и возведеніи сего послѣдняго на

польскій престоль, то пусть прежде получить оны корону, а потомъ уже состоится бракъ. Иначе какія гарантіи что оны будетъ царствовать въ Польшѣ? „Какъ бы ни было высоко положеніе занимаемое нынѣ царемъ въ Европѣ, различныя обстоятельства могутъ снова погрузить его монархію въ тотъ мракъ изъ котораго оны ее извлечь, а потому было бы рискованно основывать столь важное дѣло на родственной связи съ нимъ. Къ тому же развѣ можно ручаться что задуманный планъ не огласится прежде чѣмъ наступитъ избраніе короля въ Польшѣ? Въ такомъ случаѣ европейскія державы и по всему вѣроятію значительная часть польскихъ магнатовъ предпочтутъ герцогу Шартрскому другаго кандидата, и Франція не достигнетъ своей главной цѣли, а между тѣмъ раздражитъ и возстановитъ противъ себя лучшихъ своихъ союзниковъ.“ * Таково было главное условіе выставленное кардиналомъ Дюбуа, но были еще и другія: оны настаивалъ что если будетъ заключенъ союзъ между Франціей и Россіей, то, во первыхъ, Англія должна быть привлечена къ нему, а затѣмъ Французское правительство не хотѣло оказывать Россіи никакой помощи въ случаѣ войны ея съ Турками. Все это бросало тѣнь на искренность намѣреній Версальскаго двора, который главнымъ образомъ заботился лишь о томъ чтобы при содѣйствіи Петра пролѣжить одному изъ своихъ привцевъ путь къ польскому престолу.

Петра Великаго не было въ Петербургѣ когда происходили эти переговоры между Кампредономъ и первымъ министромъ герцога Орлеанскаго. Оны былъ занятъ своею экспедиціей на Каспійскомъ морѣ. Лишь въ концѣ 1722 года прибылъ оны въ Москву, гдѣ встрѣтилъ его и французскій уполномоченный. Тотчасъ же начались совѣщанія о бракосочетаніи Елисаветы Петровны, которая отъ имени императора велъ князь Долгорукій. Энергически возставалъ оны противъ попытки отложить бракъ до избранія герцога Шартрскаго королемъ. „Что же будетъ, говорилъ Долгорукій Кампредону, если король польскій проживетъ еще пятнадцать лѣтъ? Великая княжна состарится оставаясь невѣстой. Государь поручилъ мнѣ сообщить вамъ что ему пріятно предложеніе Французскаго двора, но оны намѣренъ дѣйствовать быстро, а если вы будете тянуть переговоры и настаивать на привлеченіи къ

* *Vandal*, 54—55.

союзу Англіи, то лучше и не помышлять объ этомъ.“ Если Петръ Великій относился сочувственно къ плану, встрѣчавшему въ Кампредонѣ столь ревностнаго поборника, то у него былъ другой расчетъ: никогда не помышлялъ онъ о польскомъ престолѣ для своей дочери; не могъ онъ не сознавать что еслибы сочеталась она бракомъ съ герцогомъ Шартрскимъ и еслибы герцогъ занялъ мѣсто Августа II, то это не только не послужило бы къ сближенію между Россіей и Франціей, но было бы для нихъ источникомъ безпрерывныхъ распрей. Версальскій дворъ добивался посадить своего принца въ Польшѣ вовсе не для того чтобъ онъ былъ покорнымъ вассаломъ Русскаго царя. Петръ попрежнему питалъ надежду сдѣлать Елисавету Французскою королевою: если надежда эта была поколеблена обрученіемъ Лудовика XV съ Испанскою принцессой, то съ другой стороны онъ зналъ что здоровье Лудовика возбуждаетъ сильныя опасенія, его не считали долголѣвнымъ, а въ случаѣ его смерти престолъ долженъ былъ перейти къ Орлеанской линіи. Именно то обстоятельство что герцогъ Шартрскій могъ въ непродолжительномъ времени возложить на себя французскую корону побуждало Петра отнестись съ интересомъ къ предложенію съ которымъ выступилъ Кампредонъ. Оно не имѣло однако никакихъ послѣдствій. Какъ скоро отъ имени царя было заявлено что онъ вовсе не намѣренъ выжидать чтобы старшій сынъ регента, при его же содѣйствіи, воцарился въ Польшѣ, Тюильрійскій дворъ предпочелъ хранить упорное молчаніе по возбужденному имъ самимъ вопросу. Напрасно Кампредонъ посылалъ въ Парижъ одну депешу за другою, напрасно жаловался на свое невыносимое положеніе, невыносимое до такой степени что онъ сказывался больнымъ чтобы не появляться при дворѣ,—и кардиналъ Дюбуа, и преемникъ кардинала герцогъ Бурбонъ уклонялись отъ сколько-нибудь опредѣленнаго отвѣта.

Со смертью Петра Великаго не прекратилось дѣло такъ сильно занимавшее его въ послѣдніе годы его жизни. Неожиданное обстоятельство снова пробудило надежды нашего правительства. Какъ уже сказано выше, Лудовикъ XV былъ обрученъ съ Испанскою принцессой, которую даже заранѣе привезли во Францію, но она была еще ребенкомъ, и долго приходилось ждать ея совершеннолѣтія, а между тѣмъ возникалъ тревожный вопросъ: что если король сойдетъ

въ могилу не оставивъ ло себѣ наследниковъ? Болѣе чѣмъ кто - вѣбудь озабоченъ былъ этимъ первый министр герцога Бурбонъ, ибо въ такомъ случаѣ престолъ сдѣлаася бы достояніемъ ненавистнаго ему Орлеанскаго дома. Онъ унотребилъ все свое вліяніе чтобъ ускорить бракъ короля и влоавъ достигъ своей цѣли. Съ инфантой поступили безо всякихъ церемоній: какъ скоро рѣшеніе состоялось, се тотчасъ же выпроводили изъ Франціи, смертельно оскорбивъ этимъ Мадридскій дворъ. Въ то же самое время довѣренные люди отравились за границу съ цѣлью собрать свѣдѣнія о принцессахъ на которыхъ король могъ бы остановить свой выборъ. Такихъ принцессъ оказалось семнадцать, и хотя никто изъ посланныхъ не посѣтилъ Петербурга, великая княжна Елисавета Петровна включена была въ этотъ списокъ и даже занимала въ немъ второе мѣсто.

Императрица Екатерина не замедлила узнать о событіи взволновавшемъ весь Парижъ, и вечеромъ того самаго дня когда пришло извѣстіе объ этомъ, спросила Кампредона: „правда ли что король отослалъ Испанскую инфанту.“? Кампредонъ отозвался что не имѣетъ официальныхъ свѣдѣній. „Я получила письма изъ Голландіи не оставляющія ни малѣйшаго сомнѣнія, продолжала императрица; надо было предвидѣть это, ибо бракъ со столь юною принцессой не годился его величеству и не соответствовалъ бы интересамъ его государства. Желаю ему всякаго благополучія и прошу васъ увѣрить короля что дружба и союзъ съ нимъ была бы для меня предпочтительнѣе союза съ какою бы то ни было другою державой въ свѣтѣ.“ На другой день посѣтилъ Кампредона князь Мевшиковъ, прямо заявившій ему что теперь наступила самая удобная минута соединить тѣсными узами Францію съ Россіей посредствомъ бракосочетанія Елисаветы Петровны съ Людовикомъ XV. Быть-можетъ герцога Бурбонъ будетъ прелятствовать этому, но есть вѣрное средство заинтересовать и его: отчего бы не жениться ему на дочери Станислава Лещинскаго, проживавшаго во Франціи послѣ изгнанія своего изъ Польши? Лещинскій отказался бы отъ своихъ притязаній на польскій престолъ, но такъ какъ многіе изъ Поляковъ сохранили привязанность къ нему, то на предстоящихъ выборахъ кандидатомъ вмѣсто него могъ бы выступить герцога Бурбонъ. Чтобы расположить честолюбиваго министра Русское правительство показывало видъ будто

современемъ онъ можетъ даже разчитывать на его содѣйствіе. Кампредонъ рѣшился энергически поддерживать сообщенный ему планъ, хотя дальнѣйшія извѣстія изъ Парижа были не совсѣмъ благопріятны. Посланникъ нашъ Куракинъ писалъ что вмѣсто тѣхъ невѣсть о которыхъ такъ тщательно собирали свѣдѣнія почти при всѣхъ европейскихъ дворахъ, герцогъ Бурбонъ задумалъ женить короля на сестрѣ своей, дѣвицѣ Сансъ, не задолго предъ тѣмъ появившейся въ Версалѣ и произведшей на Лудовика сильное впечатлѣніе. Это не обезкуражило однако Кампредона. Въ дѣлесахъ своихъ къ статсъ-секретарю иностранныхъ дѣлъ Морвиллю онъ старался выставить на видъ всѣ выгоды союза съ Россіей и восхвалялъ Елисавету Петровну. „Все, писалъ онъ, слышанное мною отъ князя Меншикова о личныхъ качествахъ этой принцессы вполнѣ справедливо. Нужно было конечно ей и сестрѣ ея Аннѣ обладать значительными природными дарованіями чтобы сдѣлать такіе успѣхи во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, на которыхъ онѣ объясняются и пишутъ очень хорошо, и чтобъ усвоить себѣ столь изящныя манеры и въ разговорѣ и вообще во всемъ поведеніи, особенно если принять въ разчетъ неспособность лицъ занимавшихся ихъ воспитаніемъ. Къ тому же въ Россіи таковъ обычай что жены, начиная съ принцессы и кончая простолюдинками, сдѣло повинуются волѣ своихъ мужей.“ Кампредонъ обнаружилъ не малую долю мужества, рѣшившись, между прочимъ, написать Морвиллю слѣдующее лисьмо: „Еслибъ искренная моя привязанность къ особѣ вашего превосходительства нуждалась въ доказательствахъ, я не могъ бы ничѣмъ лучше обнаружить ее какъ тѣмъ довѣріемъ съ которымъ передаю вамъ то что говорятъ здѣсь о предполагаемомъ бракѣ короля. Въ официальныхъ моихъ дѣлесахъ я старался какъ можно болѣе смягчить выраженія къ которымъ прибѣгають здѣсь относительно герцога (Бурбона): князь Куракинъ утверждаетъ что онъ готовъ принести все въ жертву своему честолюбію и своей ненависти къ Орлеанскому дому и что только ради этого удалилъ онъ инфанту безъ соблюденія самыхъ обыкновенныхъ приличій. Не подобаетъ такому ничтожному червяку какъ я разсуждать о намѣреніяхъ высшаго правительства, тѣмъ болѣе что, быть-можетъ, разсужденія мои опирались бы на ложныя основанія; но если содержится хоть частица правды въ томъ что сообщаетъ сюда князь Куракинъ, то нельзя сомнѣваться что

бракъ короля съ русскою принцессою былъ бы гораздо предпочтительнѣе для него во всѣхъ отношеніяхъ. Его величество имѣлъ бы въ своемъ распоряженіи одну изъ главныхъ державъ Европы: Россія привлекла бы къ нему Польшу и Швецію, а вмѣстѣ съ тѣмъ доставила бы польскую корону герцогу посредствомъ брака его съ дочерью короля Станислава. Еще не далѣе какъ вчера царица подтвердила мнѣ все это чрезъ князя Меншикова, давъ замѣтить при этомъ что особенно оцѣнить услуги которыя въ настоящемъ случаѣ окажете вы какъ ей, такъ и его величеству. Повторяю еще разъ что я передаю лишь въ точности все что слышу здѣсь, предоставляя вашему просвѣщенному уму воспользоваться какъ будетъ вамъ угодно моими додесеніями.“ *

Герцогъ Бурбонъ не отважился настаивать на намѣреніи женить короля на своей сестрѣ. Общественное мнѣніе слышкомъ рѣзко высказывалось противъ этого, но онъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ дать Лудовику такую сулругу которая играла бы приближенную роль, отъ которой онъ не могъ бы опасаться ничего лично для себя. Выборъ его остановился на Маріи Лещинской. Надежды Кампредона что онъ самъ постарается сочетаться съ нею бракомъ оказались такимъ образомъ неосновательны. Нельзя сказать чтобъ упомянутое событіе произвело благоприятное впечатлѣніе во Франціи. „Свадьба объявлена, записалъ въ своей хроникѣ адвокатъ Маре, но дворъ такъ печаленъ какъ будто распространилась вѣсть что король пораженъ аполлексическимъ ударомъ. Очень скоро должны обнаружиться послѣдствія этого брака съ дочерью короля, который уже не король и принадлежитъ къ націи совершенно чуждой нашей.“ Дѣйствительно, Франція не выигрывала ровно ничего. „Выборъ Маріи Лещинской, говорилъ г. Вандавъ, былъ огромною ошибкой. Въ политическомъ отношеніи этотъ бракъ не только не приносилъ Франціи никакихъ выгодъ, но напротивъ, долженъ былъ вовлечь ее въ опасныя предпріятія. Вмѣсто того чтобы семейными узами привязать къ себѣ какой-либо изъ европейскихъ дворовъ, Лудовикъ принималъ нравственное обязательство поддерживать невозможныя притязанія своего тестя.“ Что касается Елисаветы Петровны, то въ іюнь 1727 года Кампредонъ получилъ изъ Парижа делешу, въ которой говорилось что конечно

* *Vandal*, 89—90.

Французскій король не задумался бы предпочесть ее всѣмъ другимъ невѣстамъ еслибы не вопросъ о вѣроисповѣданіи, который дѣлаетъ бракъ съ нею положительно невозможнымъ для него.

Мы изложили довольно подробно исторію сватовства Елисаветы Петровны, между прочимъ, по той причинѣ что нѣкоторые историки, на основаніи доведеній французскихъ дипломатовъ состоявшихъ при нашемъ дворѣ, увѣряютъ будто долго и въ послѣдствіи не могла она отдѣлаться отъ чувства какого-то особаго расположенія къ Лудовику XV, котораго одно время считала уже своимъ женихомъ. Но, во-первыхъ, никогда она не имѣла на это достаточно права, а во-вторыхъ, всѣ переговоры съ Тюильрійскимъ дворомъ должны были скорѣе оставить въ ней неіріятное чѣмъ отрадное воспоминаніе. Если позднѣе, когда уже сдѣлалась она императрицей, Елисавета выражалась очень любезно о Лудовикѣ, желала имѣть его портретъ и т. п., то странно придавать этому какую-либо важность. Мы увидимъ что въ первой половинѣ своего царствованія не скупилась она на заявленія такого рода и относительно Фридриха, хотя уже и тогда знала что онъ далеко не былъ ея другомъ. Несомнѣнно однако что до своего воцаренія и нѣкоторое время послѣ того Елисавета Петровна питала сильныя симпатіи ко Франціи, но это объясняется личностью французскаго посланника въ Петербургѣ Шетарди и увѣренностью ея что онъ готовъ оказывать ей важныя услуги. Шетарди прибылъ въ Россію въ 1739 году. Лишившись въ молодости отца, онъ былъ воспитанъ своимъ вотчимомъ, г. Моластеролемъ, который заставилъ даже Версааль говорить о своей расточительности и распутствѣ и кончилъ жизнь самоубійствомъ. Вотъ чрезъ какую школу прошелъ будущій дипломатъ и она оставила на немъ слѣды. Сначала онъ поступилъ въ военную службу, потомъ блисталъ при дворѣ и вообще обращалъ на себя вниманіе всюду гдѣ появлялся. Онъ страстно любилъ общество, славился своими услѣхами у женщинъ, но имѣлъ также много враговъ вслѣдствіе своей заносчивости и страсти къ злословію; человекъ отличавшійся скорѣе острымъ чѣмъ глубокимъ умомъ, тщеславный, съ довольно поверхностнымъ образованіемъ, онъ не лишень былъ извѣстной ловкости въ дѣлахъ, но часто портилъ ихъ слишкомъ легкомысленною самоувѣренностью. Всѣ отдавали ему впрочемъ

справедливость какъ весьма пріятному собесѣднику, и даже такой строгій судья какъ Фридрихъ, хорошо знавшій его, говоритъ о немъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: „на слѣдующей недѣлѣ пріѣзжаетъ сюда Шетарди; это для меня конфета“. Въ Петербургѣ новый посланникъ не могъ быть доволенъ образомъ дѣйствій Русскаго правительства, которое въ распрѣ начавшейся между Франціей и Австріей склонялось на сторону послѣдней изъ этихъ державъ; онъ тотчасъ же замѣтилъ что правительство возбуждаетъ сильное противъ себя неудовольствіе и что взоры недовольныхъ обращены на Елисавету Петровну, которую всѣ знали и любили, тогда какъ Анна Леопольдовна и Антонъ-Ульрихъ съ окружающими ихъ Нѣмцами были ненавистны уже потому что въ нихъ видѣли чужеземцевъ. Елисавета Петровна была какъ бы ослѣплымъ иностранное дипломаты остерегались сближаться съ нею, но Шетарди искалъ напротивъ случая выразить ей свое расположеніе. По возможности онъ часто посѣщалъ ее, и Елисавета по складу своего ума не могла не лѣниться бесѣдой остроумнаго и блестящаго маркиза. „Умъ у нея, писалъ польскій резидентъ Лефоръ, чрезвычайно живой и до такой степени подвижный что некогда ей заниматься тѣмъ что происходитъ вокругъ; эта живость характера отзывается даже вътрисностью, она почти не способна сосредоточиться на чемъ-либо серьезномъ. Великая княжка хорошо говоритъ по-французски, порядочно по-нѣмецки и вообще кажется что она какъ бы создана для Франціи, ибо любить только то что блеститъ.“ Но Шетарди, сближаясь съ Елисаветой Петровной, преслѣдовалъ отважное предпріятіе; война, которую Шведы объявили Россіи по наущенію Франціи, должна была, по его мнѣнію, не отвлекъ только вниманіе Русскаго правительства отъ европейскіхъ дѣлъ, но послужить средствомъ для низверженія Ивана Антоновича и его матери. Онъ не думалъ скрывать свои замыслы отъ великой княжны, и она не прочь была отъ того чтобы переворотъ произведенъ былъ чужими руками, чтобы по возможности не требовалась въ немъ ея собственная инициатива. По натурѣ своей Елисавета Петровна была вовсе не изъ тѣхъ которыя жаждутъ власти и упорно стремятся къ ней; одинъ дипломатъ, намекая на извѣстное выраженіе въ Шекспировскомъ *Юліи Цезарь*, справедливо замѣтилъ что она была „слапшкомъ полнаго тѣлосложенія для того чтобы сдѣлаться заговорщицей“; при болѣе

слонкойныхъ обстоятельствахъ и еслибы никто не прелят-
 отвоваъ ей устроить жизнь согласно своимъ влеченіямъ, она
 вѣроятно примирилась бы со своею участью. Но права ея
 на престолъ выдвигались сами собой, имя ея произносилось
 всѣми; съ другой стороны, за нею зорко слѣдили, собирали
 свѣдѣнія съ кѣмъ она видится и о чемъ ведетъ разговоры,
 непрерывно могла она опасаться что будутъ приняты про-
 тивъ нея суровыя мѣры. Несмотря на то, она не рѣшалась
 дѣйствовать, не возлагала большихъ надеждъ на такихъ людей
 какъ Лестоку, Воронцовъ и другіе, пользовавшіеся ея распо-
 ложеніемъ. Чего же лучше если перемена правленія могла
 совершиться вслѣдствіе несчастной войны, если ударъ Бра-
 уншвейгской фамиліи будетъ нанесенъ совокупными усиліями
 французской дипломатіи и шведскаго оружія, а Елисавета
 Петровна выступитъ лишь въ послѣднюю минуту, когда дѣло
 будетъ окончательно устроено?

Мы не останавливаемся подробно на событіяхъ 1740—1741
 годовъ, не излагаемъ достаточно уже извѣстныхъ свѣдѣнія объ
 отношеніяхъ Елисаветы къ маркизу Шетарди. Они замѣча-
 тельны, между прочимъ, потому что въ нихъ выказалась
 основная черта ея характера. Шетарди принадлежалъ къ числу
 тѣхъ иностранцевъ которые нисколько не вѣрили въ долго-
 вѣчивость реформы Петра Великаго, были твердо убѣждены
 что новый порядокъ вещей поддерживается лишь Нѣмцами
 пользующимися властью, но что громадное большинство рус-
 скаго общества будетъ радо вернуться къ старинѣ. „Если
 Елисавета будетъ на тронѣ, писалъ онъ, то старинныя при-
 ципы, любезныя Россіи, одержать верхъ. Уступая склонности
 своей, а также и народа, она немедленно переѣдетъ въ Мос-
 кву; хозяйственныя занятія, къ которымъ склонны знатные,
 лобудать ихъ тѣмъ болѣе обратиться къ нимъ что они уже
 лишены того съ давнихъ временъ; морскія силы будутъ пре-
 небрежены, и Россію увидать постепенно возвращающеюся
 къ старинѣ, которую Долгорукіе во времена Петра II и Во-
 льевскій при Аннѣ желали возстановить и которая суще-
 ствовала до Петра I. Въ царствованіе Елисаветы старина
 укоренится настолько что принцъ, ея племянникъ, вососетъ
 ее и привыкнетъ къ ней въ такой мѣрѣ что, когда наслѣ-
 дуетъ корону, то будетъ въ совершенномъ невѣдѣніи о дру-
 гихъ началахъ.“ * Съ этой точки зрѣнія Шетарди полагаалъ

* Пекарскій, Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи, 248.

что безъ большихъ затрудненій удастся убѣдить Елисавету чтобъ она уступила Шведамъ ту или другую часть областей которыя перешли къ Россіи по Ништадтскому договору. И оиъ самъ, и союзникъ его, шведскій посланникъ при Петербургскомъ дворѣ Нолькенъ, хотѣли заранѣе заручиться ея согласіемъ на этотъ счетъ, но встрѣтили непреодолимое сопротивленіе съ ея стороны. Елисавета слѣдила съ участіемъ за дѣйствіями Шведовъ, долженствовавшими, какъ увѣрялъ ее Шетарди, доставить ей корону, но ничто не могло вырвать у нея обязательства возвратитъ врагу то что было приобрѣтено Россіей цѣной столькихъ мучительныхъ усилій и пожертвованій. Этому противилось и уваженіе ея къ памяти отца и политическій смыслъ, который никогда не покидалъ ея въ важныхъ обстоятельствахъ. Нельзя отрицать что она не была создана для государственной дѣятельности, что серьезныя занятія утомляли ее, что она слишкомъ увлекалась своими личными симпатіями, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ у нея трезвый умъ, вѣрно распознававшій путь по которому слѣдовало идти. Вслѣдствіе того она поддерживала людей лично ей непріятныхъ какъ скоро убѣждалась что они отстаиваютъ здравые государственные интересы и не поддавались вліянію ихъ противниковъ, хотя бы и пользовавшихся ея расположеніемъ. Конечно это сопровождалось сильными колебаніями, приводившими въ отчаяніе наиболѣе достойныхъ изъ ея приближенныхъ, но въ концѣ концовъ она все-таки не давалась въ обманъ. Шетарди не замедлил испытать это на себѣ, точно также какъ въ послѣдствіи испытали это и многіе другіе.

III.

Планъ Шетарди не удался. Правительство Анны Леопольдовны и ея сына мало не вслѣдствіе невзгодъ которыхъ ожидалъ оиъ для Россіи отъ Шведской войны, а потому что сама Елисавета Петровна, какъ ни устрашалъ ее подобный шагъ, вынуждена была наконецъ стать во главѣ недовольныхъ. Переворотъ долженъ былъ удивить его своею неожиданностію. Это не мѣшало ему однако въ официальныхъ донесеніяхъ приписывать главную заслугу себѣ и увѣрять что Елисавета

болѣе чѣмъ когда-нибудь намѣрена поддерживать тѣсную дружбу съ Франціей. Вскорѣ очутился онъ однако въ неловкомъ положеніи. Лестокъ пришелъ къ нему крайне разстроенный и сообщилъ что австрійскій посланникъ Ботта д'Адорно передалъ государынь лисьмо французскаго министра иностранныхъ дѣлъ Амело къ состоявшему при Вѣнскомъ дворѣ Кастеллану. Въ лисьмѣ этомъ, перехваченномъ въ Австріи, говорилось что „совершившійся въ Россіи переворотъ знаменуетъ послѣдній предѣлъ величія Россіи; такъ какъ новая императрица намѣрена не замѣщать высшія должности иностранцами, то Россія, предоставленная самой себѣ, не замедлитъ обратиться въ свое прежнее ничтожество; нужно поэтому дѣйствовать на Порту, убѣдить ее что наступило для нея время избавиться отъ сосѣда виновнаго предъ нею во многихъ несправедливостяхъ; нужно чтобы Порта дѣйствовала заодно со Швеціей“*. Шетарди жаловался на такую неосторожность; изъ Парижа отвѣчали ему что такъ какъ дѣло уже сдѣлано, то поправить его нельзя. Несмотря на то, разчитывая на неослабѣвавшее вниманіе къ нему императрицы, онъ приготовлялся играть важную роль. Въ новое царствованіе военныя дѣйствія съ нашей стороны были еще гораздо успѣшнѣе чѣмъ прежде. Швеція предложила миръ, а послѣ взятія Гельсингфорса и капитуляціи своей арміи, находившейся подъ начальствомъ Левенгаулта, окончательно убѣдилась въ невозможности продолжать борьбу. Выйти изъ нея она не могла иначе какъ на тяжелыхъ для себя условіяхъ, но лоятно что и Франція и Пруссія должны были всячески заботиться о томъ чтобы облегчить ея положеніе. „Государственный переворотъ въ Россіи, писалъ Фридрихъ, перемиріе заключенное между русскими и шведскими войсками, путешествіе въ Петербургъ принца Голштинскаго, все это до такой степени запутало дѣла на сѣверѣ что трудно разобрать что-нибудь въ этомъ хаосѣ: столько сталкивается тамъ противоположныхъ интересовъ, такъ много соперничества и честолюбивыхъ замысловъ министровъ. Думаю однако что можно было бы установить миръ благопріятный для Швеціи. Соображенія мои основываются на отвращеніи всей націи къ войнѣ, на сибаритскихъ наклонностяхъ императрицы, на ея стремленіи вести жизнь спокойную и исполненную удовольствій,

* *Vandal*, 171.

на истощеніи государства и наконецъ на томъ что нѣтъ въ министерствѣ способныхъ людей. Мнѣ кажется что съ дѣлю воспользоваться такимъ положеніемъ дѣлъ сдѣдало бы тянуть переговоры начатыя маркизомъ Шетарди до предстоящей коронаціи въ Москвѣ. Тамъ потеряютъ изъ виду Петербургъ и Европу, и пріятный климатъ вмѣстѣ съ отвращеніемъ къ серіознымъ занятіямъ сдѣлаютъ Русскій дворъ болѣе податливымъ чѣмъ онъ былъ до сихъ поръ* *. Надежды возлагались главнымъ образомъ на Шетарди. Въ Парижѣ находили его „слишкомъ русскимъ“ (un peu trop Russe) и требовали отъ него энергическаго образа дѣйствій. Напрасно ссылался онъ на то что по отношеніямъ своимъ къ императрицѣ не можетъ явно оказывать предпочтеніе ея врагамъ и утверждалъ что было бы выгоднѣе привлечь Россію къ тѣсному союзу съ Франціей. У Амело были свои мысли на этотъ счетъ. „Мы никогда не усматривали, писалъ французскій министръ, дѣйствительной пользы въ сближеніи съ Россіей, развѣ только въ торговомъ отношеніи; основной нашъ взглядъ постоянно заключался и долженъ заключаться въ томъ чтобы только препятствовать злу которое Русское правительство могло бы причинить намъ вступая въ союзъ съ нашими врагами.“ ** Шетарди отъ имени своего правительства выступилъ съ предложеніемъ о посредничествѣ Франціи, но посредничество не было допущено. Напрасно старался онъ поддѣйствовать лично на императрицу, усиливался при пособіи Лестока, который получалъ отъ него деньги, выставить положеніе дѣлъ въ желательномъ для него свѣтѣ. Все чаще и чаще слышалъ онъ въ отвѣтъ: „обратитесь къ моимъ министрамъ“. Шетарди понавлялъ что между этими министрами находилась человекъ борьба съ которымъ представляла для него непреодолимая затрудненія.

Мы говоримъ объ Алексѣѣ Петровичѣ Бестужевѣ-Рюминѣ. При вступленіи на престолъ Елисаветы ему было 50 лѣтъ, и большую часть своей жизни онъ провелъ за границей. Сначала состоялъ онъ при Ганноверскомъ курфюрствѣ, который, сдѣлавшись Англійскимъ королемъ, взялъ его съ собой въ Англію; затѣмъ по нѣскольку лѣтъ сряду занималъ должность посланника въ Коллегагенѣ, Голландіи и въ Гамбургѣ.

* *Pol. Corr.* II, 47.

** *Vandal*, 180.

Такимъ образомъ онъ прошелъ хорошую дипломатическую школу, принимая участіе въ разрѣшеніи многихъ вопросовъ занимавшихъ тогда европейскую политику; еще Петръ Великій обратилъ на него вниманіе въ ранней его молодости и отправилъ его учиться за границей; при Петрѣ же не мало времени находился онъ на службѣ и имѣлъ возможность уразумѣть тѣ воззрѣнія которыя руководили великимъ Преобразователемъ въ сношеніяхъ его съ различными государствами. Бестужевъ былъ одинъ изъ немногихъ оставшихся неизмѣнно вѣрнымъ завѣщаннымъ имъ преданіямъ и въ ло-саѣдствіи, завѣдуя иностранною политикою при Елисаветѣ, онъ имѣлъ полное право говорить что преслѣдуетъ цѣли указанныя еще ея отцомъ. Иностранцы находившіеся въ Россіи оставили намъ ненавистные отзывы о знаменитомъ канцлерѣ; они какъ бы соперничали между собой чтобы выставить его въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ. „Онъ человѣкъ довольнонаго ума, говоритъ Манштейнъ, и по долговременной опытности видно хорошо зналъ дѣла, а сверхъ того и трудолюбивъ; но съ другой стороны, былъ нравомъ высоко-мѣренъ, скупъ, развратенъ, криводушенъ и столько мститель-ленъ что никогда не прощалъ тѣмъ которые оскорбляли его высоко-мѣріе или касались его пользы. По властолюбивому своему нраву возбудилъ онъ противъ себя много непріателей, которые ни одного случая не пропускали чтобъ очернить его предъ государыней.“ Пецольтъ отказывалъ, напротивъ, Бестужеву даже въ тѣхъ качествахъ которыя признавалъ въ немъ Манштейнъ; по его словамъ „онъ не обладалъ ни свѣдѣніями, ни трудолюбіемъ въ такой мѣрѣ какъ слѣдовало бы требовать отъ министра, на коего было возложено столь тяжкое бремя“. Посланникъ Фридриха Великаго Мардефельдъ шелъ даже дальше. Онъ изображаетъ Бестужева человекомъ ума ограниченнаго и робкаго, мстительнымъ и злорѣчивымъ, алчнымъ и склоннымъ къ притворству, готовымъ продать кому угодно, но не литавшимъ ни малѣйшей признательности къ тѣмъ кто подкупалъ его, честолюбивымъ сочинителемъ разныхъ проектовъ не отличавшихся ни послѣдовательностью мысли, ни политическою провицательностью, человекомъ который нуждался въ крѣпкихъ налиткахъ чтобъ обнаруживать признаки мнимой энергіи. „Съ утра до вечера, говоритъ Мардефельдъ, подкрѣпляетъ онъ себя крѣпкими налитками, а потому не удивительно что постоянно видишь его

подъ хмѣлькомъ“ *. Но и эти отзывы еще недостаточно жестоки въ сравненіи съ тѣми которые щедрою рукою разсыпаны въ письмахъ Фридриха великаго. Замѣчательно однако что преемникъ Мардефельда Фивкенштейнъ, тоже сильно ненавидѣвшій Бестужева, былъ другаго мнѣнія о личныхъ его свойствахъ: онъ отдавалъ справедливость и рѣдкому его трудолюбію, заставлявшему его просиживать цѣлыя ночи за работою, и замѣчательнымъ его способностямъ. Но всѣ нѣмецкіе историки Фридриха II, не останавливаясь на этомъ показаніи, тщательнѣе подбираютъ въ своихъ сужденіяхъ о русскомъ канцлерѣ лишь то что можетъ набросить на него мрачную тѣнь. Они какъ бы унаслѣдовали непримиримую ненависть къ нему дипломатовъ которые вели съ нимъ борьбу на жизнь и смерть,—явное доказательство что Бестужевъ былъ несравненно болѣе крупною личностью чѣмъ хотѣлось бы имъ выставить.

Конечно, въ характерѣ его проявлялись и непривлекательныя стороны, но въ этомъ отношеніи онъ былъ отнюдь не хуже другихъ. Время было такое что человѣку пользовавшемуся властью приходилось интриговать чтобы самому не сдѣлаться жертвою интригъ, не щадить другихъ чтобы не пасть подъ ихъ ударами. Можно было изъ ничтожества вдругъ подняться на самую вершину почестей и значенія и точно такъ же быстро пасть, причемъ враги ставили въ вину низверженному всю предшествовавшую его дѣятельность за то только что она не согласовалась съ ихъ интересами и не задумывались возвести его на эшафотъ. Примѣромъ этого могъ служить и Бестужевъ: дважды былъ онъ признаваемъ достойнымъ смертной казни,—въ первый разъ присужденный къ четвертованію, онъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того занялъ должность вице-канцлера, а во второй, уже подъ конецъ его жизни, изреченный надъ нимъ приговоръ не помѣшалъ ему быть въ послѣдствіи фельдмаршаломъ. Императрица Елисавета, какъ уже сказано выше, не питала къ нему особаго расположенія, но тотчасъ по вступленіи на престолъ поручила ему вмѣстѣ съ княземъ Черкасскимъ завѣдываніе иностранными дѣлами, ибо лѣтъъ было замѣнить пользовавшагося большимъ авторитетомъ въ дипломатическомъ

* R. Koser, Preussen und Russland im Jahrzeit vor dem siebenjährigen Kriege, въ *Preussische Jahrbücher*, 1881, XLVII, 289.

міръ Остермана, а Бестужевъ имѣлъ за себя многолѣтнюю опытность и къ тому же онъ оставался послѣднимъ изъ школы Петра Великаго. Но положеніе его въ самомъ началѣ представлялось чрезвычайно труднымъ. „Я убѣжденъ, писалъ Фридрихъ Подевильсу, что императрица душой и сердцемъ предана французской партіи“ *, и онъ имѣлъ основаніе думать такимъ образомъ. Довѣреннымъ лицомъ ея былъ Лестоукъ, самая презрѣнная личность, безъ зазрѣнія совѣсти торговавшій собой и получавшій въ то время деньги отъ Франціи. Онъ рабски исполнялъ приказанія Шетарди, а этотъ послѣдній дѣйствовалъ въ тѣсномъ союзѣ съ прусскимъ посланникомъ Мардефельдомъ, превосходно знавшимъ русское общество, ибо съ 1727 года жилъ почти безвыѣздно въ Петербургѣ, а къ нимъ присоединался вскорѣ Брюммеръ, прибывшій съ великимъ княземъ Петромъ Теодоровичемъ изъ Голштиніи. Не удивительно что подъ вліяніемъ этой клики императрица обнаруживала расположеніе ко Франціи, а слѣдовательно и къ Пруссіи, которая съ Франціей находилась въ союзѣ; сближеніе съ Австріей встрѣчало отпоръ съ ея стороны уже потому что это была политика ненавистнаго ей Остермана. Еслибы, какъ утверждали враги Бестужева, онъ преслѣдовалъ всегда только личный свой интересъ, то ему было бы выгодно присоединиться къ этому теченію, но съ первыхъ же шаговъ его обнаружилось что онъ намѣренъ былъ продолжать политику лавшаго министра, хотя въ былое время его съ Остерманомъ раздѣляла глубокая непріязнь. Основные принципы этой политики выразилъ онъ такимъ образомъ: „своихъ союзниковъ не покидать, а оныя суть морскія державы, Англія и Голландія, которыхъ Петръ I всегда наблюдать старался; король Польскій, яко курфиртъ Саксонскій, королева Венгерская, по лодоженію ихъ земель, которые натуральныи съ Россійскою имперіей союзъ имѣють. Сія система—система Петра Великаго.“ На сцену выступилъ такимъ образомъ человекъ съ твердыми, опредѣленными убѣжденіями, которыми онъ и оставался постоянно вѣренъ. Требовалось много гражданского мужества чтобъ улорно отстаивать ихъ несмотря ни на какія обстоятельства, а обстоятельства бывали часто крайне неблагоприятны. Тѣмъ болѣе было чести для министра который не падалъ духомъ и столько же чести для

* *Pol. Corr.* II, 291.

императрицы умѣвшей мало-по-малу оцѣнить разумность его совѣтовъ и не отказавшей ему въ поддержкѣ.

Благодаря настояніямъ Бестужева, посредничество Франціи при заключеніи мира со Швеціей не было принято, и Шетарди былъ такъ огорченъ этимъ что уѣхалъ изъ Россіи. Предположенія Фридриха рѣшительно не оправдывались. Еще въ апрѣлѣ 1743 года онъ писалъ: „Я считаю Россію державой саабою внутри, находящеюся подъ управленіемъ женщины чувственной, которая сама подчинилась Сенату, занятаму расхищеніемъ государственнаго достоянія; чтобы лучше воровать, Сенатъ предпочтетъ чтобы Россія замкнулась внутри и ни малѣйшимъ образомъ не вмѣшивалась въ европейскія распри, ибо войны были бы и разорительны и бесполезны для нея“ *. Оказывалось что Россія вовсе не въ такомъ печальномъ положеніи какъ увѣряли Фридриха его доброжелатели и агенты. Императрица отнюдь не ломышляла только объ удовольствіяхъ и не слѣшила переѣхать въ Москву махнувъ рукой на все что было совершенно ея отцомъ; находились при ней люди вѣрно понимавшіе національные интересы. Руководясь совѣтами Бестужева, готовилась она подписать славный миръ со Швеціей, по которому вмѣсто уступокъ сама сдѣлала земельныя пріобрѣтенія; кромѣ того, вѣзаніе ея упрочивалось повидимому въ Швеціи, ибо она настояла на томъ чтобы наследникомъ шведскаго престола былъ избранъ епископъ Любекскій Адольфъ-Фридрихъ, администраторъ герцогства Голштинскаго. Шетарди вслѣдствіи старался прелатствовать такому исходу войны, и потерпѣлъ поражение. Чья же рука вела все это дѣло и оказалась настолько сильною чтобы поборотъ людей наиболѣе близкихъ къ Елисаветѣ Петровнѣ и которымъ она считала себя даже лично обязанною? Фридрихъ тотчасъ же угадалъ какого опаснаго противника неожиданно встрѣтилъ онъ въ вице-канцлерѣ Бестужевѣ.

Для людей недалъновидныхъ положеніе его въ это время могло оказаться очень выгоднымъ, но не такъ было на самомъ дѣлѣ. Мы уже знаемъ что онъ захватилъ Силезію и рѣшилъ не выпускать ея изъ своихъ рукъ; для этого вступилъ онъ въ союзъ съ Франціей, которая со своими войсками явилась на помощь курфирсту Баварскому, предъявившему

* *Pol. Corr.* II, 358.

кандидатуру на императорскую корону и успѣвшему достигнуть того что во Франкфуртѣ-на-Майнѣ избрали его императоромъ подъ именемъ Карла VII. Заодно съ Франціей дѣйствовала Испанія; къ ней же вскорѣ присоединился и Саксонскій курфюрстъ; война приняла такимъ образомъ обширные размѣры, происходила одновременно на разныхъ пунктахъ, а единственнымъ союзникомъ на котораго могла разчитывать Марія-Терезія былъ Англійскій король. Несмотря на поразительную энергію обнаруженную ею въ этихъ критическихъ обстоятельствахъ, Марія-Терезія при разстройствѣ своихъ финансовъ и при печальномъ уладкѣ своей арміи не могла разчитывать на успѣшный исходъ борьбы. Фридрихъ послѣдшилъ воспользоваться безвыходнымъ ея положеніемъ; онъ уже держалъ добычу въ своихъ рукахъ и не видѣлъ никакой для себя необходимости продолжать военныя дѣйствія; ничто не побуждало его стремиться къ окончательному разгрому Австріи, ибо, по его мнѣнію, это значило бы только усилить на будущее время преобладаніе Франціи. Напротивъ, теперь, когда война разгорѣлась, онъ предпочиталъ оставаться спокойнымъ зрителемъ того какъ Австрія, Франція, Баварія и Саксонія истощали въ ней свои силы, а онъ оставался бы въ сторонѣ, выжидая той минуты когда будетъ ему удобно снова появиться на сценѣ. Онъ добивался отдѣльнаго для себя мира съ Австріей, но такого мира который укрѣпилъ бы за нимъ обладаніе Силезіей, а одна мысль объ этомъ причиняла болѣзненное раздраженіе Маріи-Терезіи. Обстоятельства были однако сильнѣе ея воли. Англійская дипломатія употребила всѣ усилія чтобы склонить ее къ уступкамъ, доказывая что она рискуетъ потерять все если не удовлетворитъ самаго предприимчиваго изъ своихъ враговъ, и въ іюнѣ 1742 года былъ подписанъ въ Бреславлѣ мирный трактатъ между Австріей и Пруссіей, по которому Фридрихъ получилъ всю Силезію за исключеніемъ Троппау, Эгерсдорфа и Тешена.

И на этотъ разъ, ведя переговоры съ Вѣнскимъ дворомъ чрезъ посредство англійскаго дипломата лорда Гидфорда, Фридрихъ набросалъ на бумагѣ какія соображенія руководили имъ. Первая записка, озаглавленная *Exposé des raisons que je puis avoir pour rester dans l'alliance de la France* *, начинается слѣдующими словами: „Дурно нарушать свое слово

* *Pol. Corr.* 98—99.

безе всякой причины; до сихъ поръ мнѣ нечего было жаловаться ни на Францію, ни на другихъ моихъ союзниковъ. Можно приобрести себѣ репутацію человека непостояннаго и легкомысленнаго если не исполняешь плана который составилъ самъ и переходить изъ одного лагера въ другой.“ Фридрихъ поясняетъ затѣмъ что изъ союза съ Франціей онъ извлечъ и можетъ еще извлечь въ будущемъ значительныя выгоды, но затѣмъ въ другой залюбокъ уже безо всякихъ нравственныхъ сентенцій онъ говоритъ что считаетъ себя въ правѣ измѣнить Лудовику XV, главнѣйшимъ образомъ потому что еслибы Франція счастливо окончила войну, то „сдѣлалась бы рѣшительницей судьбы міра“ и кромѣ того неблаго-разумно трудиться для возвышенія Саксоніи. Переговоры Фридриха съ Маріей-Терезіей ведемъ были въ глубочайшей тайнѣ отъ правительствъ оплодчившихся вмѣстѣ съ нимъ противъ Габсбургскаго дома, и результатъ этихъ переговоровъ поразилъ ихъ какъ громомъ. Они ничего не предвидѣли и не успѣли принять никакихъ мѣръ. Французскій посланникъ при Берлинскомъ дворѣ Валори съ ужасомъ узналъ отъ самого короля о состоявшемся рѣшеніи. „Никакому полишинелю, писалъ Фридрихъ Подевилюсу, не удалось бы передразнить кривлянья Валори; онъ стоялъ съ открытымъ ртомъ, двигалъ бровями, вообще волновался забавнымъ образомъ и все-таки не сказалъ мнѣ ничего путнаго.“ Послѣднее не совсѣмъ вѣрно. Валори не скрывалъ своего взгляда на поступокъ короля и у него вырвалось даже слово „обманъ“. „Но это значить не обманывать, а только вылутаться изъ дѣла“ (*mais se n'est pas tromper cela, c'est se tirer d'affaire*), возразилъ Фридрихъ. Больше всѣхъ улажалъ духомъ кардиналъ Флѣри, который не хотѣлъ войны, былъ вынужденъ согласиться на нее лишь по настояніямъ придворной партіи, во главѣ коей стоялъ маршалъ Бель-Иль, и рассчитывалъ на успѣхъ преимущественно при содѣйствіи Пруссіи. Именно этого содѣйствія онъ лишился теперь. „Я писалъ, говорилъ онъ въ письмѣ своемъ къ Фридриху, столь безграничное довѣріе къ неоднократно повторявшимся обѣщаніямъ вашего величества не предпринимать ничего иначе какъ по соглашенію съ нами, и мы со своей стороны такъ вѣрно соблюдали заключенный трактатъ что не могу выразить изумленія съ которымъ узналъ я о неожиданной перемѣнѣ въ вашемъ образѣ дѣйствій. Изъ уваженія къ вамъ я воздержусь отъ разсмотрѣнія лобужденій руководившихъ вашимъ величествомъ, хотя могъ бы многое сказать по этому

поводу, но это было бы бесполезно, и какъ скоро ваше величество заключили миръ, намъ остается только подчиниться этому, остерегаясь даже чтобы жалобы наши проникли въ публицу. Могу увѣрить васъ въ нашей сдержанности и молчаніи, но не думаю чтобы таково же было настроеніе націи. Вашему величеству извѣстно съ какою свободой судить она о дѣлахъ, а если принять противъ этого мѣры, то, быть-можетъ, это еще болѣе раздражило бы ее...“ Въ отвѣтъ своемъ Фридрихъ всего менѣе думалъ оправдываться. „Все что можетъ сказать противъ меня, говорилъ онъ, несправедливая, малообразованная и легкомысленная публика, насколько меня не озабочиваетъ. Только потомству принадлежитъ судъ надъ монархами. Можно ли призывать меня къ отвѣту за то что маршалъ Броль не Тюренъ? Я не въ состояніи изъ филіи сдѣлать орла. Справедливо ли укорять меня за то что я не намѣренъ еще двадцать разъ драться за Французовъ? Это было бы работой Пенелопы, ибо маршалъ Броль поставилъ себя правиломъ разрушать то что созидали другіе. Слѣдуетъ ли сердиться на меня за то что для собственной безопасности заключилъ я миръ и постарался высвободиться изъ союза, который, по собственному вашему сознанію, вы заключили лишь съ сожалѣніемъ?“ *

Но вскорѣ послѣ Бреславльскаго договора Фридрихъ убѣдился что положеніе его далеко не такъ прочно какъ могло ему казаться въ началѣ. Нельзя было германскому государю оставаться спокойнымъ въ то время какъ война продолжала свирѣпствовать въ Германіи; послѣ удаленія Прусаковъ, дѣла Австрійцевъ пошли лучше, а Марія-Терезія лишь съ отчаяніемъ согласилась на уступку Силезіи и конечно поспѣшила бы воспользоваться сколько-нибудь благоприятными обстоятельствами чтобы нанести ударъ своему заклятому врагу. Франція имѣла право считать себя обманутою самымъ недостойнымъ образомъ. Курфирстъ Саксонскій былъ обиженъ тѣмъ что Фридрихъ, съ дѣлюю втянуть его въ союзъ, обѣщалъ ему Моравію, а между тѣмъ о Моравіи нечего было и думать. Наконецъ у Россіи, по заключеніи Абовскаго мира, были развязаны руки, и какъ было ручаться что она останется равнодушною къ тому что происходило въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ нею? Мало-по-малу торжествующій томъ Фридриха измѣнился. Онъ старался изгладить тяжелое

* *Pol. Corr.* II, 270—271.

влечательнѣе произведенное во Франціи его образомъ дѣйствій и доказывалъ что обстоятельства противъ его воли заставили измѣнить свою политику. „Я смотрю, писалъ онъ маршалу Бель-Илю, на все это дѣло (то-есть на борьбу союзниковъ съ Австріей) какъ на плаваніе предпринятое нѣсколькими съ одною цѣлью; буря разбила ихъ корабль, и каждый изъ путешественниковъ долженъ ломышать о безопасности, спастись вплавь и добраться до какого бы то ни было берега. Съ этого берега я простираю руки къ моимъ союзникамъ и забочусь о своемъ спасеніи только для того чтобы спасти ихъ насколько это въ моихъ силахъ“. Но ближе всего простиралъ Фридрихъ руки къ державѣ которая не находилась съ нимъ въ союзѣ, простиралъ ихъ къ Россіи, необходимой для него потому что съ теченіемъ времени новые планы созрѣвали въ его головѣ.

Нельзя ли было побудить С.-Петербургскій кабинетъ чтобы онъ гарантировалъ ему обладаніе Силезіей—вотъ чего домогался Фридрихъ. Еслибъ удалось ему достигнуть этой цѣли, то затѣмъ можно было бы мало-по-малу привлечь Россію къ совмѣстному образу дѣйствій съ Пруссіей. Фридрихъ началъ хлопотать объ этомъ вскорѣ послѣ заключенія Бреславльскаго договора, но встрѣчалъ упорное сопротивленіе со стороны Бестужева, который въ это критическое время, когда безчисленныя нити разныхъ интригъ перелетались при нашемъ дворѣ, когда императрица не могла вполнѣ освободиться отъ чужеземныхъ и въ высшей степени вредныхъ вліяній, всячески старался чтобы Россія не вовлечена была въ опасные для нея союзы. Ему приходилось выдерживать при этомъ тяжкую борьбу. Шетарди уѣхалъ, но остались другіе, между которыми Лестокъ и Мардефельдъ стояли на первомъ планѣ. „Я ни на одну минуту, писалъ замѣнившій маркиза Шетарди Дальбонъ, не улускаю изъ виду погубленія братьевъ Бестужевыхъ; господа Брюммеръ, Лестокъ и генераль-прокуроръ Трубецкой не меньше моего этимъ занимаются. Первый изъ нихъ сказалъ мнѣ вчера что готовъ прозакладывать голову въ услѣхѣ этого дѣла; князь Трубецкой надѣется найти что-нибудь на чемъ можно поймать Бестужевыхъ; онъ клянется что если это ему удастся, то ужъ доведетъ дѣло до того что оба брата понесутъ на эшафотъ свои головы“. Стараніями этой гнусной партіи было создано и раздѣто до невѣроятныхъ размѣровъ дѣломъ 1743 года такъ-называемое

Лопухинское дѣло или дѣло Ботты д'Адорно. Очень понятно что переворотъ возведенъ на престолъ Елисавету Петровну породилъ и недовольныхъ; всѣ кому жилось хорошо при прежнемъ правительствѣ сожалѣли о немъ и утѣшали себя пустыми надеждами что новый порядокъ вещей долго не продержится; недоволенъ былъ и австрійскій посланникъ Ботта, вида что императрица далеко не обнаруживаетъ такого сочувствія къ Австріи какое привыкъ онъ встрѣчать въ Аннѣ Леопольдовнѣ. Все ограничивалось впрочемъ болтовней, никакого плана, никакой организаціи не было, но Лестокъ и его друзья умѣли выставить Елисаветѣ Петровнѣ всю эту исторію въ такомъ свѣтѣ что она серьезно считала себя въ опасности. Извѣстно какія страшныя казни повлекло за собой упомянутое дѣло; дѣлъ не была однако достигнута; не удалось открыть ровно ничего что могло бы компрометтировать вице-канцлера или его брата, хотя жена сего послѣдняго и оказалась въ числѣ осужденныхъ. Важнѣе всего было то что отношенія наши къ Вѣнскому двору испортились, ибо императрица потребовала удовлетворенія „за богомерзкіе неоднократные въ конфиденціальнхъ обхожденіяхъ имѣвшіеся разговоры Ботты, за дерзостныя его слова, ругательныя выраженія и злобныя намѣренія“, а правительство Маріи-Терезіи отвѣчало что во всякомъ случаѣ надо выслушать Ботту и имѣть основательныя доказательства его вины, а основательнымъ нельзя считать того что Лопухины и другія лица показывали подъ пыткой о своихъ съ нимъ разговорахъ.

Никто такъ не радовался разказанному нами событію какъ Фридрихъ. Конечно онъ очень хорошо зналъ кѣмъ и какъ оно было подготовлено и въ своихъ мемуарахъ ядовито замѣчаетъ что кнутъ ухитрился открыть существованіе заговора, но съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ слышалъ онъ извѣстч изъ этого пользу. „Случай, писалъ онъ Мардефельду, кажется мнѣ слѣшкомъ хорошимъ (l'occasion me paraît trop belle), и вы должны употребить всѣ старанія чтобы подорвать во мнѣніи императрицы кредитъ партій австрійской, англійской и саксонской. Нужно ковать желѣзо пока оно горячо, нужно внушить императрицѣ что между всѣми европейскими государями только на мою искреннюю дружбу она можетъ вполнѣ разчитывать; самъ по себѣ Ботта никогда не отважился бы на подобное дѣло еслибы не имѣлъ секретныхъ инструкцій

отъ своего двора, а потому императрица можетъ видѣть чего слѣдуетъ ей ожидать отъ Венгерской королевы“. Въ другомъ письмѣ его къ тому же лицу мы читаемъ: „Было бы непростительною олошвѣстью удушить теперешній удобный случай закрѣпить мои отношенія къ Россіи такою связью чтобъ я одинъ, за исключеніемъ другихъ, пользовался расположеніемъ, чтобъ я одинъ могъ устанавливать тамъ власть и ведро, смотря по тому какъ мнѣ выгодно (que moi seul, à l'exclusion des autres, soit le plus favorisé, que j'y puisse faire seul la pluie et le beau temps, selon ma convenance). Еслибъ я счелъ необходимымъ остановить въ Германіи честолюбивые замыслы Вѣнскаго и Лондонскаго дворовъ, быть-можетъ императрица согласится дать въ мое распоряженіе нѣсколько своихъ войскъ, хотя бы не болѣе 4 или 5.000 человекъ, чтобъ и она могла участвовать въ славѣ обезлечить миръ Германіи и сласта эту страну отъ угрожающаго ей пораженія. Не щадите же ничего для достиженія моихъ цѣлей. Я отдалъ секретное приказаніе банкирской конторѣ Шллитгербера въ Петербургъ открыть вамъ кредитъ до 20.000 экю, которыми вы можете распоряжаться для подкуловъ; если эта сумма оказалась бы недостаточною, то получите еще столько же. C'est l'heure de berger: надо чтобъ я имѣлъ Россію теперь или не удастся мнѣ ее имѣть никогда“. * Что бы стать твердою ногой въ Петербургъ было, по мнѣнію Фридриха, только одно вѣрное средство, а именно во что бы то ни стало погубить Бестужева. „Его величество, писалъ секретарь короля Эйхель, приказалъ внушить г. Мардефельду что не долженъ онъ щадить ни золота, ни интригъ и никакихъ усилій чтобы низвергнуть вице-канцлера; если будетъ противиться этому Воронцовъ, то не надо церемониться и съ нимъ, а вообще employer le vert et le sec для достиженія цѣли“. Какъ извѣстно Фридрихъ потребовалъ отъзванія Ботты, который не задолго предъ тѣмъ какъ разыгралась исторія связанная съ его именемъ былъ переведенъ изъ Петербурга въ Берлинъ. Онъ старался показать что оскорбленъ Вѣнскимъ дворомъ отнюдь не менѣе чѣмъ сама императрица Елисавета. Нѣжная его заботаивость объ ея безопасности не знала никакихъ границъ. Ему хотѣлось поддерживать императрицу въ томъ настроеніи что враги ея не дремлютъ, что

* Pol. Corr. II, 406—412.

они изощряютъ свой умъ въ изысканіи средствъ низвергнуть ее съ престола и что она можетъ полагаться только на людей въ родѣ Лестока. „Вы должны, писалъ онъ Мардефельду, испросить аудиенцію у императрицы или довести до ея свѣдѣнія чрезъ вполнѣ преданныхъ вамъ лицъ что я во имя Бога серьезно умоляю ее подумать о собственной ея безопасности; съ разныхъ сторонъ получаю я свѣдѣнія о направленныхъ противъ нея замыслахъ; Австрійцы, Англичане, Саксонцы, Датчане одинаково считаютъ своимъ интересомъ низвергнуть ее съ престола; Датчане и Англичане даже не дѣлаютъ изъ этого тайны и открыто говорятъ что со дня на день ждутъ революціи въ Россіи“. * Фридрихъ совѣтовалъ императрицѣ принять строгія мѣры противъ Брауншвейгской фамилии и заточить ее въ Сибирь въ такое мѣсто которое и по названію было бы мало извѣстно. Не полагаясь вѣроятно что Мардефельдъ съ надлежащею ловкостью исполнитъ данныя ему наставленія, онъ рѣшился писать ей самъ, но посланникъ не считалъ возможнымъ вручить его письмо. „Мои друзья, доносилъ онъ, совѣтуютъ мнѣ не дѣлать этого, ибо императрица начинаетъ сердиться когда ей говорятъ объ окружающихъ ее опасностяхъ; она убѣждена что твердо упрочилась на престолѣ.“ Очевидно страхъ возбужденный такъ называемымъ заговоромъ Ботты мало-по-малу исчезалъ.

Вообще же императрица была очень довольна Фридрихомъ. По увѣренію Мардефельда, однажды, когда предостерегали ее что Россія можетъ поссориться съ Австріей и Англіей, она отвѣчала: „что мнѣ за дѣло до этого коль скоро я въ хорошихъ отношеніяхъ съ Прусскимъ королемъ“. Несмотря на то никакъ не удавалось удалить ея совѣтника, который со дня на день могъ измѣнить ея образъ мыслей, и это приводило въ отчаяніе Фридриха. „Не понимаю, говорилъ онъ, чѣмъ объясняется такое пристрастіе императрицы къ вице-канцлеру; тутъ должна быть какая-нибудь скрытая причина, которую желательно было бы разгадать“. Мардефельдъ представлялъ разгадку такого рода: „Всѣмъ здѣсь извѣстно что императрица не любитъ вице-канцлера и даже не питаетъ къ нему довѣрія; тѣмъ не менѣе она не рѣшается отказаться отъ его услугъ, во первыхъ, потому что считаетъ его очень свѣдущимъ въ политическихъ дѣлахъ, а во вторыхъ, по той

* *Pol. Corr.* III, 8—9.

причинѣ что не знаетъ кѣмъ замѣнить его. Только генералъ-прокуроръ князь Трубецкой былъ бы пригоденъ для этого, но еще неизвѣстно выиграла ли бы мы отъ подобной перемѣны. Трубецкой, обладая всѣми пороками Бестужева, гораздо умнѣе, предприимчивѣе его, имѣеть болѣе связей и сдѣлался бы современемъ еще опаснѣе для насъ чѣмъ теперешній вице-канцлеръ.“ Фридрихъ соглашался что нечего желать возвышенія князя Трубецкаго, но указывалъ на Румянцева и вообще готовъ былъ помириться съ какою угодно кандидатурой, лишь бы удалось сломить шею Бестужеву: „не жалѣйте денегъ, повторялъ онъ Мардефельду; ничего не значитъ если даже та или другая часть будетъ просто выброшена за окно. Такъ какъ честность ваша мнѣ достаточно извѣстна, то вы не можете опасаться чтобы я вздумалъ дѣлать придирки относительно того какъ будетъ употреблена вѣренная вамъ сумма; если хотите, то для успокоенія вашего я готовъ даже впередъ выслать вамъ квитанцію что всѣ счеты между нами покончены.“

Какъ нарочно именно въ это время враждебная Бестужеву партія при дворѣ еще болѣе усилилась. Шетарди вернулся въ Россію. Французское правительство, послѣ того какъ Фридрихъ поставилъ его въ затруднительное положеніе, старалось укрѣпить свое вліяніе въ Петербургѣ и отправило туда прежняго своего уполномоченнаго, который имѣлъ тамъ столько прочныхъ связей; императрица Елисавета была рада этому назначенію и даже чуть ли не первая подала о немъ мысль. Съ одной стороны, появленіе при Русскомъ дворѣ Шетарди тревожило Фридриха, ибо онъ не имѣлъ права разчитывать чтобы Франція, оскорбленная Бреславльскимъ договоромъ, сообразовалась въ своей политикѣ съ его интересами, и дѣйствительно мы видимъ что онъ зорко слѣдилъ за каждымъ шагомъ маркиза. Онъ подозрѣвалъ что тотъ будетъ хлопотать объ установленіи недоброжелательнаго для Пруссіи союза между Россіей, Франціей и Швеціей, но вокорѣ опасенія его на этотъ счетъ разсѣялись. * Но вѣстѣ съ тѣмъ онъ

* Герцогъ Бромъ въ своемъ сочиненіи „La première lutte de Frédéric II et Marie Thérèse“ (*Revue des deux mondes*, 15 mars 1882) говоритъ: „J'ai eu la patience de parcourir la correspondance de M. de la Chétardie et y ai cherché vainement quoique se soit qui ressemble à cette étrange imputation“.

зналъ что преданные ему люди въ Петербургѣ найдутъ въ Шетарди надежнаго сообщника для низверженія вице-канцлера, ибо это было одинаково въ интересахъ какъ Берлинскаго, такъ и Версальскаго дворовъ. Вотъ почему Мардефельду дано было приказаніе дѣйствовать въ самомъ тѣсномъ согласіи съ французскимъ уполномоченнымъ.

Въ книгѣ Вандаля, на которую мы уже ссылались неоднократно, находятся любопытныя подробности о вторичномъ пребываніи Шетарди въ Россіи. До сихъ поръ полагали что онъ не привезъ грамоты отъ Лудовика XV съ императорскимъ титуломъ для Елисаветы, и именно вслѣдствіе этого долженъ былъ оставаться *безхарактернымъ*, то-есть не имѣть официального значенія посланника. Оказывается однако что грамоты были ему вручены, хотя двоюкаго рода,—въ одной титулъ былъ олущенъ, а въ другой онъ красовался: „*A sa majesté imperiale, notre chère soeur et très parfaite amie Elisabeth, impératrice et autocratice de toutes les Russies*“. Амело предписалъ маркизу воспользоваться послѣднею изъ этихъ грамотъ въ самую рѣшительную минуту, когда итрига будетъ ведена настолько успѣшно что останется лишь окончательно произвести благоприятное впечатлѣніе на императрицу. „Врожденная необузданность характера, говоритъ Вандаля, ненависть къ братьямъ Бестужевымъ и безпредѣльная самоувѣренность какъ бы омрачили разумъ Шетарди. Онъ покинулъ Парижъ съ твердымъ намѣреніемъ дѣйствовать исключительно на императрицу и чуждаться сношеній съ ея министрами, но посланникъ не можетъ поступать такимъ образомъ не нарушивъ самыхъ элементарныхъ обязанностей своего официального положенія. Именно вслѣдствіе того Шетарди и предпочелъ явиться въ Россію не въ званіи посла, а просто какъ французскій дворянинъ лично извѣстный государынѣ. Онъ держалъ бы въ карманѣ королевскія грамоты, а между тѣмъ императрица видалась бы съ нимъ, приглашала бы его къ себѣ; въ цѣлѣнныхъ бесѣдахъ онъ разчитывалъ возстановить свое вліяніе надъ нею, обнаружить ей коварство Бестужева, подготовить его погубить, а затѣмъ, когда развязка будетъ уже не далеко, личный другъ императрицы превратится въ официального представителя своего двора; онъ открыто усвоитъ дипломатическій характеръ и вручитъ свои грамоты. Такимъ образомъ

овладѣтъ оныя позиціей съ боя, вступить въ нее съ подвѣ-
стымъ челомъ и торжествующимъ взоромъ.“ *

Вслѣдъ за Шетарди появлялось на сценѣ новое лицо. Им-
ператрица Елисавета задумала женить своего племянника, и
выборъ ея остановился на принцессѣ Ангальтъ-Цербтской.
Отецъ ея былъ фельдмаршалъ прусской службы и губерна-
торъ Штеттина, слѣдовательно находился въ близкихъ отно-
шеніяхъ ко Фридриху, который прямо утверждаетъ въ сво-
ихъ мемуарахъ что сватовство было устроено имъ. По мнѣ-
нію Соловьева, ** король преувеличивалъ свое участіе
въ этомъ дѣлѣ, ибо „всѣ пружины приводились въ дѣйстви-
е Брюннеромъ и Лестокомъ, а Мардефельду тутъ нечего было
дѣлать“. На это можно возразить что и Лестокъ, и Брюн-
меръ давно уже привыкли исполнять то что имъ предписы-
валось изъ Берлина или что подсказывалъ имъ прусскій по-
сланникъ въ Петербургѣ. Достаточно просмотрѣть политиче-
скую корреспонденцію Фридриха чтобы убѣдиться съ какою
рабскою вѣрностью почти буквально они воспроизводили
не только мысли, но чуть ли не самыя выраженія короля.
Бестужевъ предлагалъ въ невѣсты принцессу Маріанну, дочь
курфюрста Саксонскаго Августа, но это укрѣпило бы связь
между Россіей и Саксоніей,—обстоятельство чрезвычайно
опасное для Пруссіи. Шетарди отъ 10 декабря 1743 года до-
носилъ министру Амело: „Брюнмеръ и Лестокъ, провѣдавъ
о проискахъ вице-канцлера, представили царицѣ что прин-
цесса изъ сильнаго дома едва ли будетъ склонна къ послу-
шанію, а надо избрать такую для которой подобный бракъ
былъ бы подлиннымъ счастіемъ“. Но Фридрихъ еще за три
мѣсяца предъ тѣмъ писалъ Мардефельду: „необходимо на-
учить Лестока что, по моему мнѣнію, интересы императрицы
востоятельно требуютъ что если она хочетъ держать въ сво-
ихъ рукахъ великаго князя наслѣдника, то пусть не женить
его на принцессѣ изъ большаго и сильнаго дома, а выберетъ
ему невѣстой дочь какого-либо изъ незнатныхъ германскихъ
князей, которая вслѣдствіе того будетъ признательна един-
ственно самой императрицѣ за свое счастье и никогда не
причинитъ ей неудовольствія, не будетъ составлять противъ
ея партіи“***. Дѣло подъ руководствомъ Фридриха ведено было

* *Vandal*, 186—187.

** *Исторія Россіи*, XXI, 314.

*** *Pol. Corr.* II, 417.

очень ловко. Бестужевъ ничего не знаетъ, и для самого Петра Теодоровича прїездъ Церботскихъ принцессъ былъ неожиданнымъ. Предварительно цѣлые два мѣсяца велъ Фридрихъ переписку съ матерью будущей великой княгини, стараясь всмѣшески приготовить ее къ предназначавшейся для нея роли: „je lui apprendс la danse haute“, писалъ онъ Мардефельду, — задача не легкая, ибо принцессъ Юаннъ-Елисаветъ, женщиной по природѣ безтактной и взбалмошной, привыкшей къ скромной сферѣ, предстояло теперь вдругъ перенестись на широкое полприще, окунуться въ омутъ интригъ и служить двательнымъ ихъ орудіемъ. Еще не успѣла она собраться какъ Фридрихъ уже посвятилъ ее въ свои тайны: „Искреннее участіе принимаемое мною въ судьбѣ вашего семейства, писалъ ей король, побуждаетъ меня сообщить вамъ что по всемъ получаемымъ мною извѣстіямъ условленое между нами дѣло идетъ очень хорошо и не нужно только пропускать благоприятной минуты“.

Императрица Елисавета находилась въ Москвѣ когда прибыла въ Петербургъ принцесса Церботская со своею дочерью. Здѣсь уже нетерпѣливо ждали ее комоводы извѣстной партіи. „Мардефельдъ и я, писалъ Шетарди министру Амело, зная обѣихъ принцессъ, поджидаемъ ихъ въ Петербургъ, съ тою цѣлью чтобы въ отсутствіи царицы никого къ нимъ не допускать.... Необходимо принцессѣ-матери не много разъ говорить, ибо все что она слышитъ скоро позабываетъ.“ Весной 1747 года томъ Фридриха становился все самоувереннѣе. „Я даже не предвижу возможности, говорилъ онъ, чтобъ ударъ не попалъ въ цѣль“, а ударъ былъ направленъ противъ Бестужева. Какія же причины заставляли короля такъ страстно желать низверженія нашего вице-канцлера? Почему именно въ описываемое время домогался онъ подчинить себѣ во что бы то ни стало русскую политику?

IV.

Загадка объясняется тѣмъ что Фридрихъ задумалъ снова взяться за оружіе. Онъ приготовлялся къ такъ-называемой второй Силезской войнѣ, до такой степени для него неудачной что поклонники его славной памяти и до сихъ поръ недоумѣваютъ зачѣмъ онъ ее предпринялъ. Въ оставленныхъ

имъ мемуарахъ излагаетъ онъ побужденія свои далеко не удовлетворительно, ссылаясь главнымъ образомъ на совершавшую въ немъ увѣренность что нейтралитетъ былъ для него невозможенъ, что рано или поздно пришлось бы ему обнажить оружіе для защиты завоеванной области. „По правдѣ, говорить одинъ изъ новѣйшихъ его историковъ *, едва ли не было бы лучше и въ политическомъ, и въ военномъ, и даже въ нравственномъ отношеніи еслибъ онъ выждалъ предполагаемаго имъ наладенія на свои предѣлы, вмѣсто того чтобы предупредить его такимъ наладеніемъ на другихъ, которое недостаточно оправдывалось во мнѣніи публики.“ Въ послѣдствіи, въ манифестѣ своемъ объ объявленіи войны, король прямо заявилъ что нѣтъ у него распріи съ Венгерскою королевою, которая требовала бы разрѣшенія оружіемъ, но если такъ, то что же заставило его ополчиться въ походъ? Забота о свободѣ Священной Римской имперіи, отвѣчалъ онъ, сознаніе своихъ обязанностей ко вновь избранному императору Карлу VII (курфирсту Баварскому). Прошло уже три года какъ состоялось это избраніе, а между тѣмъ Карлъ все еще вынужденъ былъ въ ожесточенной борьбѣ отстаивать свои права: подобный образъ дѣйствій его враговъ не угрожалъ ли стариннымъ вольностямъ Германіи и не было ли бы слѣдствіемъ ихъ побѣды порабощеніе страны? Фридрихъ очень старательно развивалъ эту тему; она встрѣчается почти во всѣхъ официальныхъ его заявленіяхъ, но было бы большою наивностью вѣрить тому чему не вѣрилъ онъ самъ. Въ письмахъ своихъ онъ постоянно подсмѣивался надъ своимъ имперскимъ патріотизмомъ; въ мемуарахъ своихъ онъ говоритъ: „я разыгрывалъ роль хорошаго патріота чтобы привлечь къ себѣ нѣмецкихъ князей“. Въ какой мѣрѣ была дорога ему имперія видно, между прочимъ, изъ того что еще въ мартѣ 1743 года пытался онъ завязать переговоры съ Вѣнскимъ дворомъ, а именно предлагалъ содѣйствовать избранію императоромъ супруга Маріи-Терезіи, эрцгерцога Франца, если за эту услугу будетъ ему обѣщано дальнѣйшее расширеніе его владѣній. Отъ самой Австріи не требовалъ онъ никакихъ уступокъ, но—писалъ въ инструкціи своему посланнику въ Вѣнѣ—„Священная Римская имперія достаточно обширна, и по сосѣдству съ Пруссіей можно найти то что будетъ вполнѣ

* Oncken, *Das Zeitalter Friedrichs des grossen*, I, 393—394.

пригодно для меня“*. Еслибы въ Вѣнѣ отозвались сколько-нибудь сочувственно на это предложеніе, то Фридрихъ готовъ былъ идти дальше,—онъ лелѣлъ мысль о томъ чтобы вообще подѣлить господство надъ Германіей между Габсбургами и Гогенцоллернами.

Марія-Терезія не хотѣла однако и слышать о замыслахъ своего противника. Тогда остановился онъ на томъ чтобы соединить подъ своимъ водительствомъ германскихъ князей и самому принять титулъ несмѣняемаго начальника всѣхъ имперскихъ войскъ**. Онъ сдѣлался бы наследственнымъ майордомомъ, императору принадлежали бы вѣшнія почести, а ему дѣйствительная власть. Вообще возвышеніе Пруссіи въ Германіи путемъ расширенія ея предѣловъ и предоставленія виднаго мѣста ея королю, вотъ что поглощало его умъ въ то самое время когда въ официальныхъ своихъ манифестахъ онъ провозглашалъ что „ничего не желаетъ для себя и выступаетъ лишь въ качествѣ простаго союзника въ борьбѣ, единственною цѣлью коей должно быть обезпеченіе старинныхъ вольностей Германіи“. Заявленія такого рода не помѣшали ему однако заключить съ Карломъ VII трактатъ, по которому тотъ заблаговременно обязывался, если будетъ завоевана Богемія, уступить ему значительную часть сѣверныхъ ея округовъ. Несчастный императоръ записалъ по этому поводу въ своемъ дневникѣ: „Съ сильнымъ сокрушеніемъ сердца согласился я на такую уступку, но жестоко-сердце Вѣскаго двора не оставило мнѣ другаго выхода. Этотъ дворъ стремится къ уничтоженію моей династіи, и чтобы слати ее вынужденъ былъ я соединиться тѣснѣйшими узами съ Прусскимъ королемъ, самымъ могущественнымъ и непримиримъ врагомъ Лотарингскаго дома.“ Планъ Фридриха, рассчитанный на содѣйствіе если не всѣхъ, то большей части германскихъ князей, страдалъ однако существеннымъ недостаткомъ. Князья эти не могли оказать пользы еслибы не получали денежнаго пособія; ни одинъ изъ нихъ не былъ въ состояніи на собственные средства содержать войско. Надлежало поэтому заручиться согласіемъ какой-либо державы

* *Pol. Corr.*, II, 352.

** *Lieutenant-général à perpétuité des troupes de l'empire.* Фридрихъ подробно изложилъ этотъ планъ въ инструкціи Камигтрефену, своему посланнику при Баварскомъ дворѣ. См. *Pol. Corr.* II, 483—485.

выдавать имъ субсидіи, а такою державой при тогдашнихъ обстоятельствахъ была только Франція. Фридрихъ поневолю долженъ былъ искать союза съ нею, хотя бы онъ менѣ всего желалъ этого, ибо Франція служила бы ему лишь помѣхой въ германскихъ дѣлахъ; онъ хотѣлъ одинъ распорядиться въ Германіи, боялся ея соперничества, но крайняя необходимость заставила его искать сближенія съ Людовикомъ XV. Рѣшаясь на это онъ принималъ однако мѣры чтобы какъ можно болѣе ослабить свою зависимость отъ Версальскаго двора, имѣть возможность въ случаѣ нужды опереться противъ него на другія государства, привлеки ихъ вполнѣ къ своей системѣ, а кто же могъ служить лучше для этой цѣли какъ не Швеція и Россія? Не задолго предъ тѣмъ только-что удалось ему уладить дѣло о бракосочетаніи своей сестры Ульрики со Шведскимъ наследнымъ принцемъ; тутъ открывалось новое и широкое поприще для его вліянія, но вліяніе это было еще въ зародышѣ, Швеція не послѣдовала бы за нимъ будучи сдерживаема Россіей; напротивъ она не отказалась бы служить ему еслибы Россія дѣйствовала съ нимъ заодно, вотъ первая выгода которую прибрѣлъ бы онъ отъ своего союза съ Петербургскимъ дворомъ; чрезъ тотъ же дворъ можно было обуздывать Саксонскаго курфюрста, который, какъ предвидѣлъ Фридрихъ, не замедлил бы присоединиться къ его врагамъ; наконецъ Россія сама по себѣ, склонившись на его сторону, усиливала въ такой мѣрѣ его значеніе что онъ могъ усвоить себѣ вполнѣ самостоятельный образъ дѣйствій относительно Франціи. Союзъ съ Россіей и Швеціей становился такимъ образомъ предметомъ неотложной и настоятельной необходимости для Фридриха; на этомъ сосредоточивались всѣ его помыслы и долго не рѣшался онъ подписать договоръ свой съ Версальскимъ дворомъ, выжидая чтобы выяснились опредѣленно отношенія его къ императрицѣ Елисаветѣ.

Надежды его съ этой стороны были, какъ казалось ему, далеко не безосновательны. Правда до сихъ поръ онъ не успѣвалъ подчинить себѣ русскую политику. Мы уже видѣли что онъ всячески хлопоталъ о томъ чтобы Россія гарантировала ему обладаніе Силезіей, предлагая ей въ свою очередь такую же гарантію относительно прибрѣтенной сдѣланныхъ ею по Абовскому миру въ Финляндіи, но всѣ эти старанія не привели ни къ чему. Такая гарантія, сказано было въ

резолуціи императрицы на доклад вице-канцлера Бестужева, „не взаимственна съ обѣихъ сторонъ быть имѣть, яко пріобрѣтенная къ Россійской сторонѣ чрезъ послѣдній трактатъ со Швеціей малая часть Финляндіи весьма не сравнительна Силезіи, которую король Пруссій получилъ; къ тому же помянутая новая въ Финляндіи конкетта уже въ поставленную прежнимъ союзнымъ трактатомъ генеральную конвенцію довольно и точно включена, и для того въ сей новой гарантіи кажется никакой нужды нѣтъ“ *. Императрица Елисавета лишь въ ноябрѣ 1743 года согласилась присоединиться къ Бреславльскому трактату, но не иначе какъ подъ условіемъ чтобы, кромѣ Пруссіи, пожелали этого и Австрія и Англія. Подобный трактатъ не обязывалъ Россію ни къ чему точно также какъ нисколько не была стѣснена ея свобода дѣйствій оборонительнымъ трактатомъ еще прежде того (въ мартѣ 1743), заключеннымъ съ Пруссіей, о которомъ самъ Фридрихъ выражался что это „un assemblage de mots sans âme, qui ne promettent et ne roulent sur rien“. Но съ того времени обстоятельства измѣнились. Дѣло Ботты оставило по себѣ глубокій слѣдъ: хотя въ концѣ 1744 года можно было считать его улаженнымъ, ибо Вѣнскій дворъ согласился наконецъ дать удовлетвореніе котораго требовали въ Петербургѣ, но императрица Елисавета даже и послѣ этого не могла совершенно подавить въ себѣ недоброжелательное чувство къ Австріи, а это чувство всячески старалась поддерживать въ ней извѣстная партія, ряды коей, какъ уломянуто выше, значительно пополнились въ описываемое время. Отъ проросковъ этой партіи зависѣло очень многое для Фридриха. „Судя по тому, писалъ онъ Мардефельду, какъ вы условились съ принцессой Цербстскою, мнѣ кажется почти совершенно невозможнымъ чтобы и на этотъ разъ замыселъ не удался. Уполномочиваю васъ объявить принцессѣ что если будетъ она ловко дѣйствовать на императрицу съ цѣлію погубить Бестужева и устроить мои дѣла въ Россіи такъ какъ мнѣ желательно, то я постараюсь доставить сестрѣ ея мѣсто коадьютрисы аббатства, которое занимала до сихъ поръ естра моя Ульрика. Не теряйте времени: участь моя зависитъ отъ вашего искусства и отъ успѣха задуманнаго нами плана“ **. „Если мнѣ придется имѣть дѣло только съ

* Мартенъ, *Собр. трактатовъ*, V, 354.

** *Pol. Corr.* III, 79—81.

королевой Венгерскою, читаемъ мы въ другомъ его письмѣ къ тому же лицу, то перевѣсъ всегда будетъ на моей сторонѣ. Главное условіе—условіе *à ne qua non*—въ нашемъ дѣлѣ, это—погубить Бестужева, ибо иначе ничего не будетъ достигнуто. Намъ нужно имѣть такого министра при Русскомъ дворѣ который заставлялъ бы императрицу дѣлать то что мы хотимъ (*qui fasse faire à l'impératrice ce que nous voulons*)⁶. Мардефельдъ доносилъ что по его наущенію Лестокъ уже намекалъ Елисаветѣ Петровнѣ о воинственныхъ намѣреніяхъ Фридриха и будто бы намеки эти приняты были очень доброжелательно. „Дай Богъ, сказала императрица, чтобы Прусскій король всегда былъ расположенъ ко мнѣ какъ теперь“. „Ваше величество можете разчитывать на это, замѣтилъ Лестокъ, ибо независимо отъ личнаго уваженія къ вамъ, онъ и изъ собственнаго интереса долженъ дорожить дружбой съ вами. Повидимому намѣревается онъ въ непродолжительномъ времени выступить со всѣми своими силами на помощь императору (Карлу VII)“.—„Дай-то Богъ“, отвѣчала Елисавета. При такомъ настроеніи Мардефельдъ не сомнѣвался въ возможности заключить союзъ съ Россіей, но предупреждалъ лишь короля что едва ли Русское правительство отдастъ подъ его начальство отрядъ Калмыковъ и казаковъ, о которыхъ король безпрерывно упоминалъ въ своихъ письмахъ: „это потому, говорилъ посланникъ, что въ Россіи принято правиломъ чтобъ означенные народы (*sic*), то-есть Калмыки и казаки, не служили никогда въ арміяхъ какой бы то ни было иностранной державы; боятся чтобъ они не уразумѣли различія между своимъ бытомъ и бытомъ другихъ націй“. Нетерпѣніе Фридриха было такъ велико что останавливаясь на предложеніи о неудачѣ происковъ направленныхъ противъ Бестужева, онъ возбуждалъ вопросъ о томъ нѣтъ ли какой-нибудь возможности сойтись съ этимъ министромъ. „Если, говорилъ онъ Мардефельду въ письмѣ отъ 4 іюля 1744 года, * противъ всякаго ожиданія и по велѣнію рока, гибельнаго для самой императрицы, вице-канцлеръ удержится на своемъ мѣстѣ, то вы должны будете измѣнить политику, и не переставая поддерживать тѣсныя сношенія съ прежними друзьями, употребите всѣ старанія чтобы Бестужевъ измѣнилъ свои чувства и свой образъ дѣйствій относительно меня; для

* *Pol. Corr.* III, 169.

пріобрѣтенія его довѣрія и дружбы придется израсходовать значительныя суммы денегъ. Съ этою цѣлію уполномочиваю васъ предложить ему отъ 100.000 до 120.000, даже до 150.000 червонцевъ, которые будутъ доставлены вамъ тотчасъ какъ окажется въ томъ нужда. Нужно только чтобы вы принадлели за это дѣло съ большою осторожностію и искусствомъ, иначе можете натолкнуться на отказъ со стороны министра, который еще болѣе повредитъ намъ похваляясь своимъ поступкомъ предъ императрицей.“ Время шло, время чрезвычайно дорогое для Фридриха—и между тѣмъ ничего опредѣленнаго не получалъ онъ изъ Петербурга. „Не могу же я, восклицалъ онъ, оставаться дольше въ этомъ состояніи неизвѣстности; сообщите же мнѣ наконецъ вполнѣ точно какъ идутъ дѣла; не опасайтесь смутить меня, ибо гораздо лучше знать истину какъ бы ни была она непривлекательна, чѣмъ колебаться между страхомъ и надеждой. Съ часу на часъ ожидаю я отъ васъ курьера...“

Курьеръ прибылъ и привезъ извѣстіе о катастрофѣ Шетарди. Въ то время какъ маркизъ въ тѣсномъ союзѣ съ Мардефельдомъ, принцессой Цербстскою и Лестокомъ подводилъ подколы подъ Бестужева, вице-канцлеръ зорко слѣдилъ, благодаря перлюстраціи его писемъ, за всѣми нитями этой интриги. Перлюстрація играла тогда большую роль въ любомъ изъ европейскихъ государствъ и въ широкихъ размѣрахъ практиковалась также и въ Россіи („извѣстная перлюстрація писемъ, которая множествомъ какъ рѣка течетъ“, выразился потомъ Воронцовъ въ письмѣ своемъ къ императрицѣ); всѣмъ было это извѣстно, и Мардефельдъ даже два раза протестовалъ противъ распечатыванія его писемъ, но получилъ отвѣтъ что императрица находитъ его заявленіе „крайне страннымъ и удивительнымъ“ *, дѣйствительно страннымъ, потому что Фридрихъ отнюдь не лучше поступалъ у себя, страннымъ и по той причинѣ что какое же было другое средство дѣйствовать противъ дипломатовъ которые, забывая обязанности своего официальнаго положенія, упражнялись въ самыхъ возмутительныхъ подпольныхъ козняхъ? Изъ книги Вандаля мы узнаемъ что Французское правительство сначала совѣтовало, а потомъ приказывало Шетарди представить императрицѣ данныя ему грамоты; въ теченіе послѣднихъ двухъ

* *Мартенсъ*, V. 361.

мѣсяцевъ каждый курьеръ привозилъ ему наломиваніе объ этомъ, но онъ медлилъ, стараясь довести задуманное имъ дѣло до конца, и дождался наконецъ того что былъ съ позоромъ изгнанъ изъ Россіи. Версальскій дворъ не обнаружилъ ни малѣйшаго намѣренія вступиться за Шетарди, да и трудно было сдѣлать это въ виду слишкомъ очевидныхъ фактовъ. „При телерешнихъ обстоятельствахъ, писалъ Фридрихъ маршалу Ноаю, было бы лучше всего еслибы король тотчасъ же отправилъ въ Петербургъ другаго посланника, который выразилъ императрицѣ негодованіе его величества на поведеніе маркиза и привезъ бы ей признаніе императорскаго ея титула. Если вы поступите иначе, то увеличите только число своихъ враговъ въ Россіи, а между тѣмъ вы не имѣете средствъ отмстить за себя; вотъ почему благоразуміе требуетъ затаить гнѣвъ и послѣдовать моему совѣту“ *.

За однимъ неприятнымъ для Фридриха извѣстіемъ послѣдовало и другое, которое должно было особенно тяжело поразить его. Въ юнѣ 1744 года разыгралась исторія Шетарди, а въ слѣдующемъ затѣмъ мѣсяцѣ Бестужевъ занялъ должность остававшуюся нѣкоторое время вакантною по смерти князя Черкаскаго,—назначенъ былъ канцлеромъ. Положеніе его видимо упрочивалось, чему не мало способствовало и то что нѣсколько позднее удалось ему женить своего сына на племянницѣ фаворита графа Разумовскаго, но враги его отнюдь не думали считать свое дѣло проиграннымъ. Какому-нибудь Лестоку или принцессѣ Цербстской не по силамъ было вести съ нимъ борьбу, но въ Петербургѣ оставался Мердефельдъ, вполне достойный быть ихъ руководителемъ. Посланникъ Прусскаго короля употреблялъ всѣ усилія чтобы завязать тѣсныя сношенія съ лицомъ способнымъ какъ нельзя лучше служить для его цѣлей, а именно съ Михаиломъ

* По возвращеніи на родину, Шетарди получилъ приказаніе не выѣзжать изъ своихъ помѣстій, а затѣмъ долженъ былъ находиться нѣкоторое время въ военной службѣ прежде чѣмъ снова выступилъ на дипломатическое поприще. Онъ приписывалъ это мѣнанію Фридриха и обратился къ нему съ объясненіями и жалобами. Король отвѣчалъ очень любезно (*Pol. Corr.* VI, 469), увѣряя что строгія мѣры относительно маркиза нисколько не встрѣчали его одобренія, „но къ сожалѣнію, говорилъ онъ, необходимость заставляетъ иногда правительство въ критическихъ обстоятельствахъ взваливать вину на своихъ агентовъ“.

Иларіоновичемъ Воронцовымъ, который одновременно съ съ повышеніемъ Бестужева былъ назначенъ вице-канцлеромъ. Воронцовъ принадлежалъ къ числу лицъ пользовавшихся полнымъ довѣріемъ и расположеніемъ императрицы еще до вступленія ея на престолъ и игралъ видную роль въ переворотѣ 25 ноября 1741 года; съ этихъ поръ почести обильно сыпались на него; камеръ-юнкеръ, затѣмъ камергеръ, генералъ-поручикъ, кавалеръ ордена Александра Невскаго, онъ привлеченъ былъ теперь, въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, къ завѣдыванію иностранною политикою когда ему только-что минуло тридцать лѣтъ; онъ не прошелъ никакой дипломатической школы, не успѣлъ усвоить себѣ никакихъ опредѣленныхъ воззрѣній, но это не послужило прелатствіемъ для того чтобы занять ему одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ въ государствѣ. Едва ли кому казалось это страннымъ вслѣдствіе близости его къ Елисаветѣ, съ которою онъ даже породнился женившись на двоюродной ея сестрѣ графинѣ Аннѣ Карловнѣ Скавронской. Фридриху, имѣвшему вѣрныя свѣдѣнія обо всемъ что происходило при Русскомъ дворѣ, не трудно было предугадать блестящую карьеру Воронцова; и онъ заранѣе началъ употреблять мѣры чтобы склонить его на свою сторону. Онъ прислалъ ему орденъ Чернаго Ора и по его же ходатайству получилъ Воронцовъ отъ Римскаго императора Карла VII графское достоинство. По многимъ причинамъ возвышеніе Воронцова могло только радовать Фридриха: „теперь дѣла наши пойдутъ лучше, писалъ онъ фельдмаршалу Шметтау, потому что товарищемъ канцлера назначенъ человекъ который всегда поступалъ относительно меня очень честно“ (*qui de tout temps a agi fort honnêtement avec moi*). Ликовала и извѣстная партія въ Петербургѣ, какъ это видно между прочимъ изъ письма съ которымъ принцесса Цербстская обратилась къ Воронцову тотчасъ по его назначеніи. „Вся Германія воспрянула духомъ, говорила она, узнавъ что ваше сіятельство привлечены къ управленію дѣлами“; затѣмъ начинается апологія Прусскаго короля, „который, присоединивъ къ себѣ Силезію, не можетъ помышлять о дальнѣйшихъ завоеваніяхъ; не таковы его намѣренія, какъ не замедлитъ онъ объявить это самъ, но въ качествѣ курфирства и одного изъ могущественнѣйшихъ германскихъ государей нельзя ему относиться равнодушно къ тому какъ Вѣнскій дворъ унижаетъ достоинство священной главы

государства, явно стремясь низвергнуть императора и возложить корону на эрцгерцога Тосканскаго“. Письмо было очевидно писано какъ бы подъ диктовку самого Фридриха *. На Воронцова возлагаемы были надежды что онъ выступитъ представителемъ направленія въ политикѣ противнаго тому которое преслѣдовалъ канцлеръ, хотя Фридрихъ и получалъ извѣстіе что совершенно полагаться на него нельзя, что это человѣкъ далеко не отличавшійся ни стойкостью своихъ убѣжденій, ни твердостью характера. Прусскій посланникъ въ Стокгольмѣ Финкенштейнъ доносилъ между прочимъ: „Гилленборгъ и Тессинъ говорили мнѣ что у нихъ есть такіа доказательства лукавства и двоедушія Воронцова, которыя заставляютъ ихъ считать его столь же злонамѣреннымъ какъ и Бестужевъ, но быть-можетъ еще болѣе опаснымъ потому что онъ превосходитъ канцлера своимъ образованіемъ; по словамъ ихъ, онъ притворился другомъ маркиза Шетарди, но въ то же время былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ его гибели; въ то самое время какъ онъ интриговалъ противъ него сообщая съ Бестужевымъ и даже за нѣсколько дней до катастрофы Воронцовъ посѣтилъ маркиза и просилъ его не можетъ ли тотъ доставить ему мѣсто посланника во Франціи, все это единственно съ цѣлію усилить его, отвести ему глаза отъ опасности“. Быть-можетъ по натурѣ Воронцовъ и не былъ интриганомъ; быть-можетъ при другихъ обстоятельствахъ, въ болѣе спокойное время, онъ оказался бы полезнымъ и честнымъ государственнымъ человѣкомъ, но съ нимъ случилось то что не рѣдко бываетъ съ людьми которые вдругъ возносятся на не подобающую для нихъ высоту и при томъ среди ожесточенной борьбы партій. Умомъ своимъ онъ могъ все понять, но не былъ въ состояніи, подобно Бестужеву, положить душу на какое-нибудь дѣло; главный недостатокъ его заключался не въ свойствахъ ума, а въ характерѣ, нервнѣйшемъ и малодушномъ. Еслибъ указанъ былъ ему опредѣленный путь и онъ встрѣтилъ бы сильную поддержку, то вѣроятно неуклонно держался бы его, но другое дѣло когда приходилось выбирать этотъ путь самому; а тутъ еще примѣшивалась значительная доля самолюбія и тщеславія, на которыя умѣла искусно дѣйствовать окружающая среда. Такіе люди не способны сами руководить интригой,

* *Архивъ кн. Воронцова*, I, 417—419.

но они легко могутъ сдѣлаться орудіемъ въ рукахъ интригановъ, и Воронцовъ доказалъ это своимъ примѣромъ. Съ самаго вступленія своего въ должность вице-канцлера онъ былъ олутовъ козьями партіи враждебной не только Бестужеву, но и вообще русскимъ интересамъ; „важный другъ“ (ami important) все чаще и чаще уломиняется въ письмахъ какъ Фридриха, такъ и его посланниковъ при нашемъ дворѣ; Воронцовъ сильно скомпрометтировалъ себя и потомъ самъ приходилъ въ отчаяніе отъ этого, ибо намъ кажется что нельзя залодозрить искренность словъ содержащихся въ извѣстномъ письмѣ къ императрицѣ Елисаветѣ отъ 1749 года: „Я ни на кого не жалуясь, но только плачуся о горестномъ и бѣдномъ моемъ состояніи; единственно защиты, покровя и милости вашего величества себѣ испрашиваю, а особливо когда помышляю что ежелибы возможно было, всемилостивѣйшая государыня, вынѣшнее мое состояніе на прежнее переменить, когда я будучи при вашемъ величествѣ камеръ-юнкеромъ и камергеромъ, неоцѣнною милостію и повѣренностью наслаждался и тогда никакихъ заботъ и оласевій ни отъ кого не имѣлъ. Нынѣ же, столь много честию и чинами пожалованъ, возведенъ, въ повседневномъ безпокойствѣ и печали нахожуся, лишаясь предражайшей оной вашей милости и прежней повѣренности къ себѣ, которыхъ ничего болѣе въ свѣтѣ имѣть не желалъ. Я бы съ радостію сіе премѣненіе жизни учинить желалъ, ежелибы токмо сіе премѣненіе компатибельно и безъ предосужденія устава свѣта сего быть могло.“

Не дождавшись благоприятнаго для него оборота дѣлъ въ Россіи, Фридрихъ рѣшился начать войну. Мардефельду поручено было объяснить его намѣреніе въ Петербургѣ. „Такъ какъ Венгерская королева, писалъ Фридрихъ, всегда старалась причинить всевозможное зло императрицѣ Елисаветѣ, и сама императрица неоднократно заявляла что ей было бы пріятно еслибъ я напалъ на королеву, то полагаю что рѣшеніе мое будетъ одобрено, тѣмъ болѣе что я не имѣю въ виду никакихъ завоеваній, а желаю только возстановить миръ въ Германіи, поддержать установленную въ ней систему и помочь императору Карлу VII вступить въ свои права, которыя оспариваютъ у него самыми несправедливыми и возмутительными способами; все это не имѣетъ никакого отношенія къ Бреславльскому договору, къ которому приступила

императрица, а потому я ожидаю отъ ея дружбы что она не допуститъ Польскаго короля стать въ ряду моихъ враговъ.“ Въ собственноручномъ письмѣ къ Елисаветѣ Фридрихъ указывалъ еще на другую причину побудившую его будто бы взяться за оружіе: „Считаю долгомъ, говорилъ онъ, извѣстить ваше величество, какъ самую дорогую мою союзницу, о принятомъ мною намѣреніи оказать помощь императору противъ королевы Венгерской, которая хочетъ лишить его престола. Но чтò болѣе всего склонило меня къ такому предпріятію, это несомнѣнно желаніе отмстить королевѣ за недостаточное уваженіе къ особѣ вашего величества, за гнусный заговоръ маркиза Ботты и постоянныя попытки Вѣнскаго двора возвести на престолъ юнаго Ивана.“ Мы уже знаемъ что Фридрихъ намѣревался образовать подъ своимъ предводительствомъ союзъ германскихъ князей: въ этомъ союзѣ предлагалъ онъ занять мѣсто великому князю Петру Федоровичу какъ герцогу Голштинскому *—новая уловка съ цѣлю расположить къ себѣ Россію. А между тѣмъ вдругъ вторгнулся онъ со своими войсками въ Саксонію и провелъ ихъ чрезъ эту страну въ Богемію; курфирсту, находившемуся тогда въ Варшавѣ, написалъ онъ письмо, въ которомъ старался выставить этотъ неожиданный поступокъ какъ вѣчто весьма обыкновенное; министру его Брюлю обѣщалъ титулъ владѣтельнаго князя, а пользовавшемуся славнымъ вліяніемъ при Дрезденскомъ дворѣ патеру Гварини кардинальскую шалку, въ надеждѣ что быть-можетъ подъ вліяніемъ ихъ курфирстъ не будетъ слишкомъ роптать за навеселную ему обиду.

Какъ уже замѣчено выше, Фридрихъ нуждался въ Русскомъ правительствѣ главнымъ образомъ для того чтобъ оно сдерживало Саксонію, но льстивыя заявленія его не производили никакого эффекта. „Онъ подлинно толь необыкновенно ласкательно или лаче сказать удивительно пишеть, говорилъ Бестужевъ, что мнѣ при чтеніи его писемъ италіанская весьма правдивая пословица на умъ пришла, а именно: кто чрезвычайно льститъ и по губамъ мажетъ, тотъ или обманулъ или обмануть щеть.“ Безцеремонное нарушеніе королемъ Бреславльскаго договора и вторженіе его

* Письмо Фридриха къ Елисаветѣ и инструкция Мардефельду о переговорахъ съ ея наслѣдникомъ въ *Pol. Corr.* III, 247—249.

во владѣнія курфюрста Саксонскаго сильно встревожили наше правительство. Императрица была тогда въ Кіевѣ; Воронцову, находившемуся при ней, изложилъ Бестужевъ подробно свой взглядъ на опасности угрожавшія со стороны Пруссіи. Очевидно, говорилъ онъ, король стремится осуществить предпріятія „украшенные добрымъ претекстомъ усюкоенія всего, а дѣйствительно приведеніемъ всего въ замѣшательство“. Изъ всѣхъ сосѣдей Россіи онъ самый близкій и могущественный, а потому и самый опасный, „хотя бѣ онъ такого вѣлостояннаго, захватчиваго, безлокойнаго и возмутительнаго характера и нрава не былъ какъ у него суще есть“; со вступленія своего на престолъ онъ уже неоднократно доказывалъ какъ мало цѣны имѣютъ въ его глазахъ принимаемыя имъ на себя обязательства: „можно ли послѣ сего такому принцу вѣру подавать, который свои наиторжественнѣйшіе обѣщанія и трактаты толь мало держитъ? Чего другія державы себѣ отъ того обѣщать могутъ? И чего мы ожидать имѣемъ, когда сему всегда новыми проектами наполненному принцу понравится съ нами такимъ же образомъ поступить?“ Не можетъ быть сомнѣнія, продолжалъ Бестужевъ, относительно той политики которую должна усвоить себѣ Россія: „ежели сосѣда моего домъ горитъ, то я натурально принужденъ ему помогать тотъ огонь для своей собственной безопасности гасить“. Неужели дожидаться пока король Пруссій разгромитъ союзныя съ Россіей государства, а затѣмъ „военнымъ ламенемъ и нашу имперію съ трехъ сторонъ воспалитъ, яко съ одной стороны онъ самъ, съ другой Швеціей (гдѣ онъ впредь довольно власти имѣть будетъ), а съ третьей, по искреннимъ своимъ съ Франціей союзамъ, Турками дѣйствовать будетъ?“ Необходимо заранѣе препятствовать замысламъ короля, а для этого „ничего болѣе не надобно какъ только твердость показать, которая въ ея императорскомъ величествѣ болѣе нежели въ какой другой принцессѣ обитаетъ“. Письмо Бестужева отправлено было 11 августа, а ровно чрезъ мѣсяцъ послѣ того, 11 сентября, Воронцовъ представилъ императрицѣ въ Кіевѣ свое мнѣніе о положеніи дѣлъ. Онъ находился вдали отъ дурныхъ вліяній, гнѣздившихся въ Петербургѣ, да на первыхъ порахъ, почти тотчасъ же по вступленіи своемъ въ должность, не совсѣмъ удобно было вступать ему въ борьбу съ канцлеромъ по коренному вопросу нашей иностранной

политики,—все это въ связи съ тѣмъ что сильная аргументація Бестужева не могла не произвести впечатлѣнія на его умъ, достаточно объясняетъ почему въ означенномъ мнѣніи онъ сталъ совершенно на точку зрѣнія канцлера. Вся его задача заключалась въ томъ чтобы подробнѣе развить соображенія содержавшіяся въ присланномъ ему письмѣ. „Въ усиленіи короля Прусскаго и что онъ хитрый, скрытный и конкверативный нравъ имѣеть, спрашивалъ Воронцовъ, кто порукой по немъ есть что онъ противъ Россіи ничего не предпріиметь? Положимъ что теперь вскорѣ онъ ничего не начнетъ и въ разсужденіи томъ что имѣеть любовь и почтеніе къ вашему величеству, а долго ли она продолжится никто жъ еще не ручался; а буде станетъ противъ Польши дѣйствовать и не токмо отбирать пристойныя къ себѣ города и земли, но и конфедераціи заведя короля Польскаго съ престола свергнетъ и такого властью и силой своею посадить отъ котораго самъ въ локоѣ останется, а противъ Россіи всякіе неоконченныя еще споры и претензіи на Украйну, Смоленскъ и Лифляндію (какъ Поляки чинить обыкли) производить и тѣмъ обезпокоивать ее конечно заставить, тогда что будемъ дѣлать?“ Воронцовъ указывалъ на происки Фридриха въ Швеціи и Турціи, которыя не откажутъ ему конечно въ помощи когда созрѣетъ у него планъ „Россію со всѣхъ сторонъ поубавить“. Не слѣдуетъ ли теперь же принять противъ него мѣры „держась натуральныхъ и старинныхъ друзей“, ибо „когда всѣ дружескія державы въ настоящее состояніе приведены будутъ и помощи дать не возмогутъ, тогда по человѣческому разуму никакого спасенія уже имѣть не видится.“ По мнѣнію вице-канцлера, надлежало расположить „въ неоплошную позитуру“ на границахъ Лифляндіи и Польши достаточное количество войска, такъ чтобы часть его была всегда готова двинуться въ походъ; „объявить свою высочайшую персону всѣмъ находящимся въ войнѣ державамъ медиатрисой и вступить въ соглашеніе съ дружественными Россіи державами, между прочимъ и съ Голландіей. Бестужевъ былъ очень доволенъ отзывомъ Воронцова; онъ послѣднимъ выразить ему даже „пріятное удивленіе“ что мысли ихъ такъ совладали, хотя въ сущности удивляться этому было нечего.

Въ то время какъ совѣтники императрицы Елисаветы обсуждали какой политики держаться имъ относительно

Прусскаго короля, военныя дѣйствія начатыя имъ шли очень неудачно. Онъ всегда старался быстро налечь на противника и однимъ или двумя смѣлыми и рѣшительными ударами сокрушить его. Въ своихъ *Principes généraux de la guerre* онъ говоритъ: „Воины наши должны быть ведены скоро и живо. Для насъ вовсе не пригодно затягивать дѣло. Командующему прусскою арміею слѣдуетъ напрягать всѣ усилія чтобы по возможности безотлагательно довести дѣло до развязки; пусть погибаетъ въ бою нѣсколько солдатъ болѣе чѣмъ страдаетъ цѣлая нація“. Вторгнувшись въ Богемію, Фридрихъ очевидно разчитывалъ сообразоваться съ этими правилами и такъ твердо былъ увѣренъ въ успѣхѣ что не сдѣлалъ никакихъ приготовленій на случай если война затянется, а между тѣмъ именно это и произошло. Онъ овладѣлъ Прагою, но это не привело его ни къ чему. Фельдмаршалъ Траунъ, котораго называлъ онъ въ послѣдствіи своимъ учителемъ въ военномъ дѣлѣ, тщательно уклонялся отъ сраженій; Фридриху угрожала опасность быть отрѣзаннымъ отъ Силезіи, у него оказывался недостатокъ и въ снарядахъ, и въ провіантѣ, все это заставило его очистить Богемію, которую одно время онъ считалъ уже своею добычей. Послѣдствіемъ такой тяжкой неудачи была крайняя деморализація войска. „У насъ нѣтъ болѣе арміи, писалъ министру Подевиальсу находившійся при королѣ графъ Мюнховъ; то что мы видимъ предъ собой это не болѣе какъ сбродъ людей, которыхъ удерживаютъ въ рядахъ привычка и авторитетъ офицеровъ, но и сами офицеры недовольны, а у нѣкоторыхъ изъ нихъ недовольство доходитъ до отчаянія. Еще какое-нибудь неудачное дѣйствіе въ это время года, и въ войскѣ неминуемо вслыхнетъ мятежъ.“ Словомъ, кампанія была полнѣйшимъ фіаско, и самъ Фридрихъ откровенно сознавался въ этомъ говоря: „репутація наша погибаетъ такъ же скоро какъ мы ее приобрѣли“. Но за однимъ несчастіемъ слѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ. Въ Варшавѣ заключенъ былъ трактатъ, которымъ Австрія, Англія и Голландія привлекли къ себѣ Саксонію, обязавшуюся за англійскія деньги дѣйствовать вмѣстѣ съ ними противъ Фридриха. Въ январѣ 1745 года умеръ императоръ Карлъ VII, а преемникъ его курфирстъ Максимилианъ-Иосифъ отказался ото всякихъ притязаній на австрійское наслѣдство и кромѣ того изъявилъ готовность содѣйствовать избранію на императорскій престолъ супруга Маріи-Терезіи. Изъ Россіи

приходили тревожныя вѣсти; на Французовъ нечего было разчитывать, потому что они были всецѣло поглощены своими предпріятіями во Фландріи. Горизонтъ омрачался со всѣхъ сторонъ, но хуже всего было то что Фридрихъ потерялъ подъ собою почву: не повторялъ ли онъ во всѣхъ своихъ манифестахъ что ополчился единственно съ цѣлью отстаивать права императора Карла VII, но императоръ лежалъ въ гробу, и Фридриху не оставалось повидимому ничего болѣе какъ сложить оружіе, сложить его обезславленнымъ послѣ неудачнаго похода. Наиболѣе близкія къ нему лица убѣждали его подчиниться этой крайности, заключить миръ на какихъ бы то ни было условіяхъ. „При всемъ безграничномъ моемъ уваженіи къ священной особѣ вашего величества, писалъ Подевильсь, осмѣливаюсь высказать что вы будете отвѣтственны и предъ самимъ собой, и предъ потомствомъ, если подвергнете свое государство случайности потерѣтъ такой разгромъ отъ котораго никогда оно не оправится“. Отвѣтъ Фридриха замѣчательнъ во многихъ отношеніяхъ: съ одной стороны проявляется въ этомъ отвѣтѣ рѣдкое величіе его духа, никогда не склонявшася подъ самыми тяжкими ударами, съ другой нельзя не изумляться тому эгоизму съ которымъ готовъ былъ онъ судьбы цѣлой страны привести въ жертву своему честолюбію. „Я предпочитаю, говорилъ онъ, погибнуть съ честью чѣмъ утратить на всю жизнь мою славу и репутацію. Всегда гордился я тѣмъ что болѣе чѣмъ кто-либо содѣйствовалъ возвышенію моего дома; я игралъ почетную роль между европейскими вѣнценосцами: все это личныя для меня обязательства, которыя я рѣшилса поддерживать цѣной моей жизни и благополучія. Вы разсуждаете какъ честный человѣкъ, и еслибъ я былъ Подевильсомъ, то разсуждалъ бы точно такъ же, но я перешагнулъ черезъ Рубиконъ и теперь или не долущу умалить мое могущество или же пусть все и даже самое имя Прусаковъ будетъ погребено вмѣстѣ со мною. Впрочемъ успокойтесь и потерпите. Мое рѣшеніе принято, мы всѣ готовы погибнуть за благо отечества и за славу моего дома. Безполезно было бы обращаться ко мнѣ съ противными этому совѣтами: найдется ли такой трусъ капитанъ корабля, который, будучи окруженъ непріятелями и сдѣлавъ все для своего спасенія, не предпочелъ бы въ ту минуту когда убѣдился бы что не откуда ему ожидать помощи, взорвать на воздухъ свое судно, лишь бы не осуществились

надежды враговъ что оно сдѣлается ихъ добычей? Вспомните что королева Венгерская, женщина, не отчаялась въ своей участи когда непріятель приближался къ ея столицѣ и наводнилъ самую цвѣтущую ея провинцію. Почему знать, какой-нибудь значительный успѣхъ, и мы можемъ подняться такъ высоко какъ никогда“ *.

Надежды выраженный въ этихъ послѣднихъ словахъ осуществились. Фридрихъ велъ уже не наступательную, а оборонительную войну, отстаивая Силезію противъ вторгнувшаго въ нее непріятеля, какъ вдругъ побѣда одержанная имъ 4 іюня 1745 года при Гогенфридбергѣ радикально измѣнила его положеніе. Первымъ слѣдствіемъ ея было то что Англія оклочилась на его сторону. Король Георгъ II, встревоженный высадкой претендента Карла-Эдуарда въ Шотландію, согласился подписать такъ-называемую Ганноверскую конвенцію, которою гарантировалъ Фридриху обладаніе Силезіей и обязывался побудить Австрійцевъ и Саксонцевъ къ заключенію съ нимъ мира. Но это еще не входило въ расчеты Маріи-Терезіи, не хотѣвшей примириться съ мыслию что Силезія попрежнему останется въ рукахъ ея врага. Война продолжалась, но на этотъ разъ съ рѣшительнымъ перевѣсомъ на сторонѣ Фридриха, который послѣ побѣды своей при Гогенфридбергѣ былъ неотступно поглощенъ одною мыслию—отмстить Саксонцамъ за ихъ образъ дѣйствій, нанести имъ такой ударъ отъ котораго долго не могли бы они оправиться. Курфирста Августа считалъ онъ заклятымъ своимъ врагомъ или, вѣрнѣе, самъ питалъ къ нему непреодолимую ненависть. По смерти Карла VII Франція задумала выставить Августа кандидатомъ на императорскій престолъ: она считала это выгоднымъ для себя; ибо будучи обязавъ ея своимъ возвышеніемъ, онъ порвалъ бы связи соединявшія его съ Австріей, да къ тому же Французское правительство было не прочь найти въ немъ опору противъ такого ненадежнаго союзника какъ Прусскій король. Дѣла Фридриха шли тогда слишкомъ дурно чтобы могъ онъ воспротивиться означенному плану; онъ не мѣшалъ Французамъ, но лишь настолько чтобы могли они посорить курфирста съ Вѣнскимъ дворомъ, а не обезпечить его избраніе. „Пристрастіе Французскаго правительства къ Саксоніи поистинѣ вѣлостижимо, восклицалъ онъ;

* *Pol. Corr.* IV, 134—135.

равно или поздно мы непременно сдѣлимся изъ-за этого вопроса“. Впрочемъ самъ Августъ и министръ его Брюль не поддались на ловушку, отстранили предложеніе Лудовика XV, но это нисколько не примирило ихъ съ Фридрихомъ, который писалъ Подельвису: „надо поступить съ Саксоніей такъ чтобъ она поняла какой громадный вредъ мы можемъ причинить ей и поставила бы себѣ правиломъ на будущее время заискивать въ насъ“.

Итакъ съ поворотомъ счастья новыя воинственные планы возникали въ умѣ Фридриха, и это приводило въ отчаяніе его министровъ, которые были убѣждены что затронуть Саксонію значило сдѣлать вызовъ Россіи. Подевилсъ и на этотъ разъ явился органомъ общаго тревожнаго чувства. „Вы вѣчно со своими робкими совѣтами, отвѣчалъ ему король; мнѣ кажется вы готовы довести свое мягкосердіе до того что позволили бы отрѣзать себѣ одинъ членъ за другимъ до тѣхъ поръ пока добрались бы до вашей головы. Я уже предвидѣлъ что вы выдвинете ваше обычное пугало—Московию, но повѣрьте что Саксонія будетъ исцелена прежде чѣмъ въ Петербургѣ узнаютъ о началіи военныхъ дѣйствій“. Если Фридрихъ говорилъ съ такою увѣренностію, то это потому что изъ Петербурга получалъ онъ весьма успокоительныя извѣстія. По мнѣнію Мардефельда, Россія рѣшительно не была въ состояніи предпринять что-либо серьезное: „У Русскаго правительства, писалъ онъ, страшный недостатокъ денегъ, полки только въ половинномъ составѣ, повсюду въ Имперіи неудовольствіе, которое со дня на день можетъ перейти въ мятежъ. Собака которая лаетъ не кусается; канцлеръ попрежнему трубитъ въ трубы, но здѣсь очутились бы въ очень затруднительномъ положеніи, еслибы ваше величество заявили что сочтете неприязненнымъ дѣйствіемъ приближеніе русскихъ войскъ къ границамъ Пруссіи.“ * На основаніи всего этого Мардефельдъ утверждалъ что Россія останется безучастною зрительницей дальнѣйшихъ подвиговъ Фридриха, и повидимому Воронцовъ поддерживалъ его въ этомъ убѣжденіи; по крайней мѣрѣ въ одномъ изъ писемъ короля къ его посланнику мы читаемъ: „Свѣдѣнія полученныя вами отъ вице-канцлера оковчательно подкрѣпили принятое мною рѣшеніе не щадить Саксонію“. Случилось однако иначе. Съ тѣхъ поръ какъ заключенъ

* Коопер въ *Preuss. Jahrb.* XLVII, 287.

былъ въ Варшавѣ упомянутый выше договоръ, Фридрихъ не переставалъ выставлять курфюрста предъ Русскимъ дворомъ въ самомъ ненавистномъ свѣтѣ, постоянно доказывалъ что его образъ дѣйствій относительно Пруссіи былъ волюющею несправедливостью, требовалъ вмѣшательства Россіи чтобъ обуздать его, но въ Петербургѣ всакій разъ отвѣчали на это что онъ поступаетъ отнюдь не хуже чѣмъ самъ Фридрихъ; если король, вступившись за главу имперіи, напалъ на Марию-Терезію, хотя по его же собственному заявленію не имѣлъ никакой причины враждовать съ нею, то почему курфюрстъ не могъ дѣйствовать противъ него на такомъ же точно основаніи? Въ послѣднее время роли ихъ даже измѣнились далеко не къ выгодѣ Фридриха, который продолжалъ войну, хотя Карлъ VII находился уже въ могилѣ, тогда какъ въ сентябрѣ 1745 года состоялось наконецъ избраніе императоромъ Франца Лотарингскаго, и курфюрстъ Августъ исполнялъ только свой долгъ, помогая ему своимъ оружіемъ. Австрійскія войска вторгнулись въ Силезію, — что же страннаго если и вспомогательныя войска саксонскія двинулись туда вмѣстѣ съ ними? А между тѣмъ Пруссійскій король именно за это и хотѣлъ разгромить Саксонію такъ чтобъ она долго не могла оправиться отъ пораженія. Въ Петербургѣ очень хорошо понимали его замыслы и рѣшено было принять мѣры, но тутъ тотчасъ же обнаружилось разногласіе между канцлеромъ и его товарищемъ. Воронцовъ, вопреки мнѣнію еще такъ недавно представленному имъ императрицѣ въ Кіевѣ, вдругъ оказался весьма податливымъ относительно Пруссіи и доказывалъ что двинуть войско было бы неудобно по разнымъ причинамъ, что Поляки будутъ препятствовать переходу Русскихъ чрезъ ихъ земли, что рекрутскій наборъ вызоветъ чрезвычайные расходы, тогда какъ казна и безъ того уже истощена, а потому благоразумнѣе ограничиться простымъ заявленіемъ Прусскому королю чтобъ онъ воздержался отъ нападена на Саксонію, присоединивъ къ этому угрозу, если онъ будетъ упорствовать въ своемъ намѣреніи. Въ сущности Фридрихъ только и желалъ чтобы Россія не шла далѣе протестовъ. „Главнымъ образомъ, говорилъ онъ въ письмѣ къ Подевиальсу, нужно добиться чтобы Русскіе не двигались, это дастъ мнѣ возможность выиграть время, а вы знаете пословицу: *chi a tempo, a vita*“. Мнѣніе Воронцова вполнѣ согласовалось слѣдовательно съ тѣмъ о чемъ было предписано

хлопотать Мардефельду. Бестужевъ со своей стороны подробно изложилъ мысли * издавна руководившія его политикою. „Ваше императорское величество, говорилъ онъ, нужды не имѣете отъ какой-либо посторонней державы вспоможенія и помощи требовать, но лаче въ славномъ обстоятельствѣ себя усматриваете со всѣхъ сторонъ искаемою и упрашиваемою быть, и вся Европа зрѣніе свое на ваше величество устранила, ожидая, какъ вамъ угодно будетъ при нынѣшнихъ конъюктурахъ дѣйствовать, ибо въ состояніи находитесь балансъ на ту сторону куда изволите преклонить и твердою резолюціей безсмертную себѣ честь приобрѣсти, теченіе заключительной войны удержать и къ окончанію привести.“ Но пользуясь такимъ завиднымъ положеніемъ можетъ ли Россія оставаться безучастною къ тому что происходитъ вокругъ нея, и если вознамѣрится она прибѣгнуть ко вмѣшательству, то въ чью пользу? Для рѣшенія этого вопроса Бестужевъ считалъ необходимымъ „генеральную систему постановить, которая всему прочему основаніемъ служить могла бы“, то-есть разсмотрѣть отношенія Россіи къ разнымъ державамъ съ точки зрѣнія пользы происходящей для нея отъ союзовъ съ ними. Прежде всего указывалъ онъ на союзъ съ Англіею: „сей союзъ, нацареннѣйшій есть, ибо оный на взаимной безопасности обѣихъ король противъ Швеціи, Даніи, Пруссіи и Польши, на взаимномъ благѣ обоихъ государствъ и на производимой англійскою націей въ здѣшней Имперіи коммерціи основанъ“; Петръ Великій, „который, какъ весь свѣтъ признавать имѣетъ, оной и своей Имперіи интересы совершенно зналъ“, постоянно заботился о поддержаніи тѣсныхъ сношеній съ Великобританіей. Такой же политикѣ слѣдовалъ онъ и относительно Саксоніи, „неотмѣнно желая Саксонскій дворъ колико возможно наивыще себѣ присвоить, дабы польскіе короли сего дома совокупно съ нимъ Рѣчь Посполитую въ уздѣ держали“. Затѣмъ союзъ съ Пруссіей такъ же могъ бы быть полезенъ для Россіи, „если бы мы свидомы не были, коль мало Прусскій король свое слово и свои обязательства додерживаетъ, и коль мало на воѣ его ласкательныя обнадеживанья положиться можно“. Бестужевъ указывалъ на явно завоевательную политику Фридриха, на неразборчивость его въ средствахъ для достиженія

* Мнѣніе его см. въ *Архивъ кн. Воронцова*, II, 76—83.

дѣлей, искусно приводя выдержки изъ известнаго мнѣнія Воронцова, въ которомъ такъ убѣдительно выставлены были опасности могущія произойти для Россіи отъ замысловъ Прусскаго короля. Россія желала бы жить въ добромъ мирѣ съ обоими своими сосѣдями, и съ королемъ Фридрихомъ, и съ курфирстомъ Августомъ, но какъ скоро возгорѣлась между ними распря,—возгорѣлась исключительно по вѣкъ перваго изъ нихъ,—то можетъ ли Русское правительство отдать Саксонію въ жертву Пруссіи, должно ли оно спокойно смотрѣть на усиленіе государя который интригуетъ противъ Россіи въ Швеціи, Турціи и въ Польшѣ. Австрія уже пострадала отъ него, Саксонію угрожаетъ онъ разгромомъ, и если осуществить этотъ планъ, то рано или поздно образуетъ коалицію противъ Россіи: не требуетъ ли благоразуміе остановить его вовремя? Вопросъ поставленный Бестужевымъ былъ подвергнутъ обсужденію въ двухъ засѣданіяхъ чрезвычайнаго совѣта и рѣшенъ вполне согласно со мнѣніемъ канцлера. Императрица приказала изъ Лифляндіи и Эстляндіи отправить въ Курляндію такое число полковъ какое можно будетъ расположить тамъ на зимнихъ квартирахъ, условиться съ Дрезденскимъ дворомъ насчетъ направленія и пролитанія этого вспомогательнаго войска, а Прусскому королю представить чтобъ онъ воздержался отъ нападенія на Саксонію, иначе Россія будетъ вынуждена дѣйствовать противъ него. Воронцову не только не удалось настоять на своемъ предложеніи, но Елисавета такъ ясно показала ему свое неудовольствіе что онъ вынужденъ былъ тотчасъ же отправиться за границу. Едва ли можно объяснять это только тѣмъ что взгляды его не сошлись со взглядами канцлера; по всему вѣроятію Бестужевъ уже имѣлъ вѣрныя свѣдѣнія подъ какими вліяніями дѣйствовалъ онъ и представилъ императрицѣ доказательства, которыя произвели на нее сильное впечатлѣніе; позднѣе, когда начался процессъ Дестока, мы видимъ изъ допросныхъ пунктовъ этому проходивцу что за всѣми сношеніями и дѣйствіями Воронцова слѣдили очень зорко, знали какъ нельзя лучше что онъ пользуется милостями Прусскаго короля, и нельзя сомнѣваться что надворъ такого рода учрежденъ былъ за намъ уже давно.

Фридрихъ былъ крайне смущенъ, узнавъ о рѣшеніи принятомъ Русскимъ правительствомъ. „Эти проклятыя случайности портятъ все дѣло, писалъ онъ Подевиальсу; проводить весь свой вѣкъ въ тревогахъ, это значить не жить, а

ежедневно умирать по нѣскольку разъ“. Неудовольствіе короля обнаружилось главнымъ образомъ противъ Мардефельда, который какъ нарочно до самой послѣдней минуты присылалъ усложнительныя извѣстія изъ Петербурга; впрочемъ и послѣ этого онъ продолжалъ утѣшать короля, что бояться нечего, что Россія во всякомъ случаѣ не можетъ выставить болѣе 15.000 войска: „сообщить Мардефельду, приказывалъ Фридрихъ, что я очень недоволенъ его донесеніями; онъ воображаетъ что 15.000 Русскихъ не значать ровно ничего; полагаешь ли онъ что я подобно Лудовику XIV могу войска противопоставить имъ 20.000?“ Мардефельдъ писалъ между прочимъ: „Появился указъ что такъ какъ король Прусскій объявилъ войну Саксоніи, то императрица посылаетъ ей вспомогательное войска. Вотъ по истинѣ много шума и мало дѣла, или я очень ошибаюсь! Всѣ здравомыслящіе люди убѣждены здѣсь что канцлеръ склонилъ къ этой мѣрѣ императрицу единственно съ цѣлью вытянуть побольше денегъ отъ Саксонцевъ; по слухамъ онъ очень недоволенъ тѣмъ что я не обнаруживаю ни малѣйшаго безпокойства относительно его проковокъ.“ На этомъ письмѣ Фридрихъ начерталъ замѣтку: „удивляюсь что о столь затруднительномъ дѣлѣ разсуждаетъ Мардефельдъ такъ легкомысленно“. * Вообще онъ помялъ въ это время что посланникъ его, точно такъ же какъ прежде Шетарди, дѣйствовалъ очень безрассудно. „Ошибка Мардефельда, говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, заключалась въ томъ что онъ былъ убѣжденъ въ успѣхѣ еслибъ удалось ему заручиться расположеніемъ императрицы и ближайшихъ ея фаворитовъ; другіе дипломаты, его соперники, старались напротивъ сблизиться преимущественно съ канцлеромъ, и именно поэтому побѣда досталась имъ.“ ** Дѣйствительно такъ, но сойтись съ канцлеромъ можно было бы только на почвѣ общихъ политическихъ интересовъ, взаимнаго уваженія къ правамъ и потребностямъ той и другой стороны, а этого Фридрихъ и не хотѣлъ допустить: его цѣлью было совершенно подчинить себѣ русскую политику, направлять ее такъ или иначе, согласно своимъ видамъ. Одинъ изъ нашихъ дипломатовъ, хорошо изучившій его, графъ Кейзерлингъ, писалъ Бестужеву: „Разсудите, ваше сіятельство, сами—возможно ли по

* *Pol. Corr.* IV, 331 и 339.

** *П.*, IV, 359.

извѣстному намѣренію Берлинскаго двора къ намъ чаать чтобы король случай изъ рукъ упустилъ свои виды въ Россіи слослѣшествовать? По вынѣшней его системѣ не можетъ между нами и имъ никакой дружбы состояться; ако же и склонность его такъ далеко его отъ сего отводить что всѣ тѣ кои о истинномъ интересѣ Россіи усердствуютъ, по сему основанію ему власно какъ терніе въ глазахъ суть.“ * Фридрихъ какъ будто и не признавалъ что Россія имѣеть свои законные интересы, съ которыми слѣдуетъ считаться; въ безконечномъ радѣ его писемъ мы не видимъ чтобъ онъ когда-нибудь, хотя на минуту, счелъ нужнымъ стать на эту точку зрѣнія, а потому всѣ—къ сожалѣнію очень немногіе—наши государственные люди которые отстаивали національную политику являлись въ его глазахъ интриганамъ руководившимся самыми низкими корыстными разчетами. Ненависть его къ Бестужеву была безпредѣльна, но онъ какъ бы умышленно не понималъ что если борьба съ „бѣшнымъ канцлеромъ“ (set enragé chancelier) не по силамъ даже такому искусному бойцу какъ онъ, то Бестужевымъ должно было руководить и твердое убѣжденіе, и преданность своей странѣ, и ясное сознаніе той роли которую она была призвана играть въ средѣ европейскихъ государствъ. вмѣсто этого Фридрихъ приписывалъ для его дѣятельности объясненія одво мизеряѣе другаго—будто бы Бестужевъ не могъ забыть обиды что еще прежній король, Фридрихъ-Вильгельмъ I не далъ ему какого-то ордена, будто находился онъ на содержаніи у Англичанъ, хотя неудачныя попытки Мардефельда, которому приказано было предложить канцлеру 150.000 червонцевъ, доказывали достаточно краснорѣчиво что не такъ легко было подкупить его совѣсть. Если распра между Фридрихомъ и знаменитымъ министромъ Елисаветы принимала все болѣе и болѣе личный характеръ, то главнымъ виновникомъ этого былъ не министръ. Мы видѣли сейчасъ что Фридрихъ убѣдился въ безтактности своихъ друзей и довѣренныхъ лицъ въ Петербургѣ, которые хотѣли вести дѣло съ самою императрицей, помимо канцлера и даже въ явной враждѣ съ нимъ, но мысль эта явилась у него мимолетно: и онъ самъ, и его посланники возвратились тотчасъ же къ прежней системѣ, или быть-можетъ уже поздно было мѣнять ее. Вообще обширная корреспонденція Фридриха, въ которой высказывается

* *Архивъ князя Воронцова*, III, 327.

онъ часто съ поразительною откровенностію, оставляетъ очень смутное впечатлѣніе относительно того какъ смотрѣлъ онъ на Россію, и это замѣчено было еще иностранными дипломатами находившимися при его дворѣ. По словамъ лорда Гиндфорда „король боялся Россіи болѣе чѣмъ Бога“, а маркизъ Валори говорилъ что „руссофобія наследственна въ Берлинѣ; Русскихъ трепещутъ здѣсь какъ льшаго“. Нельзя отрицать этого, принимая въ расчетъ какъ усиленно заботился король о томъ чтобы привязать къ себѣ Россію и какое смущеніе овладѣвало имъ всякій разъ когда получалъ онъ извѣстіе что она начинаетъ вооружаться. Но наряду съ этимъ вдругъ овладѣвала имъ поразительная самоувѣренность и онъ начиналъ увѣрять что не придаетъ ей никакого значенія. „По зрѣломъ разсужденіи, писалъ онъ Финкенштейну, я не могу себѣ представить какую особенную выжду имѣемъ мы въ Россіи; не понятны для меня и выгоды, которыя могли бы быть достигнуты моимъ домогъ отъ союза съ нею: въ сущности и безъ Московскаго государства мы въ состояніи устроиться какъ нельзя лучше.“ Противорѣчія такого рода объяснялись не минутнымъ настроеніемъ короля, но вообще тѣмъ что онъ не составилъ себѣ опредѣленнаго понятія о нашемъ отчествѣ, и это было причиною громадныхъ ошибокъ его не только въ описываемое время, но и въ будущемъ. „Съ одинаковою запальчивостію, говорилъ Турконецъ, замѣтившій маркиза Валори въ Берлинѣ, отзывается король о Россіи крайне презрительно, а завтра судить о ней совсѣмъ иначе.“

Фридрихъ достигъ своей цѣли, разгромилъ Саксонію прежде чѣмъ Русскіе успѣли исполнить свою угрозу. Произошло это отъ того что время года—глубокая осень и зима—было неблагоприятно для движенія нашихъ войскъ, да и вообще состояніе ихъ, не зависѣвшее конечно отъ воли канцлера, было далеко не завидно, какъ доказала это въ послѣдствіи и Семилѣтняя война. Бестужевъ, считавшій не безполезнымъ вести очень любезную переписку съ находившимся за границей Воронцовымъ, сообщалъ ему по этому поводу: „когда теперь пострадавшей сторонѣ подать помощь болѣе не время, то ничего иного не осталось какъ о томъ, а наглавнѣйше о непредупрежденіи сего злополучія сожалѣть; ежели бы кievское вашего сіятельства мѣніе въ дѣйство произведено было, то конечно всего того не воспослѣдовало бы... Сожалительно что при знатномъ усиленіи короля Прусскаго ея

величество впредь почти ежегодно принуждена будетъ движенія войсками и потребныя на то убытки для своей и Польши безопасности чинить.“ Послѣ Кессельдорфской битвы Фридрихъ разорилъ Саксонію какъ только могъ и принудилъ Австрійцевъ и Саксонцевъ къ миру, который и заключенъ былъ 25 декабря 1745 года въ Дрезденъ. И на этотъ разъ не обратилъ онъ ни малѣйшаго вниманія на интересы союзной съ нимъ Франціи. Лудовикъ XV, извѣщенный впрочемъ о началіи мирныхъ переговоровъ, не могъ конечно воспрепятствовать имъ и въ отвѣтъ своемъ королю замѣтилъ только: „ваше величество можете сами лучше чѣмъ кто-нибудь другой давать себѣ мудрые совѣты; прислушайтесь къ тому что скажетъ вашъ умъ.“—„Вашему величеству угодно, отвѣчалъ Фридрихъ, чтобъ я руководился своимъ умомъ; а поступилъ по вашему желанію и умъ мой внушаетъ мнѣ какъ можно скорѣе окончить войну, которая, не имѣя прямой цѣли вслѣдствіе кончины императора Карла VII, причиняетъ лишь бесполезное пролитіе крови; умъ говоритъ что пора мнѣ подумать о собственной безопасности, что многочисленная армія Московитовъ угрожаетъ мнѣ со стороны Курляндіи, что войска Трауна легко могли бы сдѣлать диверсію въ Саксонію, что вообще фортуна измѣнчива и что я не въ состояніи ожидать дѣйствительной помощи отъ своихъ союзниковъ.“ *

Послѣ Дрезденскаго мира война продолжалась еще почти цѣлые три года между Австріей и морскими державами съ одной стороны, Франціей и Испаніей съ другой. Русское правительство было раздражено конечно неудачною ролью которую разыграло оно при разгромѣ Саксоніи и это было одною изъ главныхъ причинъ того что въ самомъ началѣ 1746 года императрица Елисавета согласилась вступить въ переговоры о союзномъ договорѣ съ Вѣнскимъ дворомъ. На основаніи его Россія и Австрія обязывались, въ случаѣ если сдѣлано будетъ нападеніе на одну изъ нихъ, то другая двинетъ на помощь ей 30.000 войска (исключая нападенія на Россію со стороны Персіи, а на Австрію со стороны Италіи); король и республика польскіе приглашаются къ этому союзу, установленному на 25 лѣтъ, равно и король Англійскій въ качествѣ курфирста Ганноверскаго. Къ трактату присоединено было шесть секретныхъ статей: первая изъ

* *Pol. Corr.*, IV, 389—390.

нихъ (секретнѣйшая) гласила что если Турки нападутъ на одну изъ договаривающихся сторонъ, то другая немедленно объявитъ имъ войну; изъ остальныхъ статей особенную важность представляла четвертая, въ которой было сказано что хотя Марія-Терезія и отказалась отъ Силезіи и графства Гладъ, но не замедлитъ предъавить на нихъ свои права, если Прусскій король начнетъ войну съ нею; въ виду этой случайности обѣ договаривающіяся стороны должны держать наготовѣ по 30.000 войска, а затѣмъ, когда наступитъ дѣйствительная опасность, то вдвое болѣе, за что Вѣнскій дворъ уплатитъ Россіи два милліона гульденовъ. Трактатъ о которомъ идетъ рѣчь имѣлъ въ виду главнымъ образомъ Пруссію и не относился къ происходившей войнѣ уже потому что Пруссія перестала принимать въ ней участіе. Значеніе его было громадно: двѣ державы соединялись тѣсными узами для ясно обозначенной цѣли и этимъ самымъ обезпечили себѣ, какъ увидимъ, рѣшительное вліяніе на послѣдующія событія.

Война за австрійское наслѣдство прекратилась въ 1748 году, но неизвѣстно сколько времени было бы еще суждено продолжаться ей еслибы не вмѣшательство Россіи. Воюющія стороны были истощены до крайности, Голландіи угрожала опасность отъ Французовъ, услѣживъ дѣйствовавшихъ въ австрійскихъ Нидерландахъ,—все это побудило морскія державы начать переговоры о томъ не согласится ли Русское правительство дать имъ вспомогательное войско. Въ 1747 году состоялась по этому поводу конвенція, сильно встревожившая Фридриха. Мысль о томъ что появленіе Русскихъ въ Европѣ можетъ совершенно измѣнить положеніе дѣлъ, что Австрія воспользуется этимъ для нападенія на него, не давала ему покоя и онъ уже разчитывалъ шансы предстоявшей борьбы. „Вы все повторяете, писалъ онъ Мардефельду, что Русскихъ нечего страшиться потому что у нихъ мало хорошихъ генераловъ и войска ихъ плохи; на это я отвѣчаю что въ настоящее время дѣло идетъ вовсе не о достоинствахъ русскихъ военачальниковъ, а о численности непріятеля. Если королева Венгерская заключитъ миръ съ Французами и рѣшится впасть на меня въ Силезію, то она можетъ выставить по крайней мѣрѣ 60.000, къ которымъ присоединятся 20.000 Саксонцевъ, прибавьте къ этому 30.000 Русскихъ—вотъ уже 110.000. У меня 120.000, но вѣдь часть ихъ надо отдѣлать для содержанія гарнизоновъ, и какихъ же громадныхъ расходовъ потребуетъ война! Затѣмъ если регулярная

русскія войска не внушаютъ мнѣ опасенія, то тѣмъ болѣе боюсь я казаковъ, Татаръ и всего этого люда, которые могутъ опустошить и выжечь цѣлую область въ какую-нибудь недѣлю, прежде чѣмъ успѣешь оставить ихъ. Вотъ почему я все-таки полагаю что было бы гораздо лучше выторговать миръ у злонамѣреннаго министра (*ministre malintentionné*), вылативъ ему отъ ста до двухсотъ тысячъ червонцевъ.“ Фридрихъ, какъ видимъ, постоянно возвышалъ сумму. Онъ не прочь былъ прибѣгнуть и къ другому отчаянному средству. „Если не удастся дѣйствовать подкупомъ, читаемъ мы въ одномъ изъ его писемъ къ Мардефельду, то необходимо вамъ подумать о революціи въ пользу того для кого она можетъ быть устроена“ (*il faut que vous pensiez absolument à une révolution à faire en faveur de qui elle puisse être*). Одно время распространились слухи что не могло состояться соглашеніе между Россіей и морскими державами относительно русскаго вспомогательнаго корпуса, и Фридрихъ оболящала себя надеждой что это повлечетъ ладеніе ненавистнаго ему канцлера: „онъ очутится въ невыносимомъ положеніи, ибо сдѣланы уже значительные расходы совершенно напрасно; какъ будетъ онъ объяснять императрицѣ неудачу предложеннаго имъ плана?“ Войска однако двинулись за границу, извѣстная партія въ Петербургѣ сопровождала ихъ желаніями чтобъ они были разбиты, единственно для того чтобы погубить Бестужева! Со своей стороны Фридрихъ писалъ: „Мнѣ кажется что важному другу (Воронцову) савдовало бы привлечь къ себѣ нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ изъ духовенства, съ цѣлью возбудить въ императрицѣ угрызенія совѣсти по поводу того что канцлеръ посылаетъ столько Русскихъ далеко за предѣлы ихъ отечества и заставляетъ ихъ проливать кровь за дѣло совсѣмъ чуждое интересамъ Россіи.“*

Походъ совершился съ честью, подъ предводительствомъ Реллина. Достаточно было появленія русскіхъ войскъ чтобы склонить противниковъ къ миру, хотя войскамъ нашимъ и не пришлось обнажить оружія. Ахенскій трактатъ 1748 года, укрѣпившій между прочимъ за королемъ Прусскимъ Силезію и графство Гладъ, не произвелъ такихъ существенныхъ измѣненій какихъ можно было ожидать отъ столь продолжительной борьбы; имъ заканчивался лишь первый актъ драмы, развязка коей была еще впереди.

Е. ФЕОКТИСТОВЪ.

* *Pol. Corr.* V, 516.

СЕМЬ ЛѢТЪ ВЪ ПЛѢНУ НА КавказѢ

(1849—1856)

ОЧЕРКИ ПОЛИТИЧЕСКАГО И ДОМАШНЯГО БЫТА Кавказскихъ Горцевъ*

I.

Вблизи города Владивостока есть такъ-называемая Тарская долина. Она и до сихъ поръ сохранила свое названіе, хотя съ окончаніемъ военныхъ дѣйствій на Лѣвомъ Крылѣ (нынѣ Терская область) она утратила свое историческое значеніе. Последнее поколѣніе не знаетъ даже гдѣ она, несмотря на то что долина эта гремѣла постоянными разбоями мирныхъ и немирныхъ Галашевцевъ и Карабулаковъ, которые выжидали ежедневно свою добычу въ густыхъ кустарникахъ окружавшихъ рѣчку Камбидеевку.

Въ августѣ 1849 года на Тарскую долину была послана команда солдатъ Навагинскаго полка для рубки дровъ. Двое изъ этой команды: рядовой Шелестъ (такъ звали его товарищи для краткости; настоящая же его фамилія Шелестовскій) и унтеръ-офицеръ Зралева, окончивъ работу, отправились

* Статья эта писана въ 1858 и 1859 годахъ частью на мѣстѣ путешествія и среди дѣйствующихъ въ ней лицъ. *Авт.*

къ ручью владающему въ Камбилеевку утолить жажду. По безпечности свойственной русскому человѣку они не благоразсудили взять съ собою ружья.

Лишь только Шелестъ и Зралевъ, отдѣлившись отъ команды, подошли къ водѣ, въ ближнихъ кустахъ послышался шорохъ, и прежде чѣмъ усталые рабочіе подняли отъ ручья головы, сильныя руки крѣпко держали каждаго изъ нихъ за воротъ. Невольный крикъ готовъ былъ вырваться у нихъ, но сверкнувшее лезвие кинжала и еще новыя руки сильно зажавшія имъ ротъ оказались надежнымъ средствомъ задушить въ ихъ груди всякое восклицаніе. Убѣдившись что сопротивленіе бесполезно, оба солдата сдались безпрекословно. Разбойники въ нѣсколько прыжковъ очутились со своими жертвами у Камбилеевки, перескочили по камнямъ на противоположный берегъ рѣки и затѣмъ вошли въ густой лѣсъ. Тутъ только оломались наши ребята. „Прощайте, добрые товарищи! подумалъ Шелестъ. Вотъ казія! Еслибы знать, ни за что безъ ружья не пошелъ бы воду лить.“ Что думалъ Зралевъ—неизвѣстно. Его не было на службѣ въ то время (въ 1858 году), когда разказъ этотъ былъ писанъ на мѣстѣ происшествія въ Нагорной Чечнѣ, при бытности героя его, Шелеста, служившаго въ ту пору въ 3мъ баталіонѣ Навагидскаго полка.

Галашевцы, рѣшившіеся почти въ виду всей команды на свой рискованный поступокъ, быстрее шакаловъ бѣжали отъ рѣки въ глубь лѣса. Ихъ было пять человѣкъ.

Въ разстояніи полуверсты отъ мѣста происшествія разбойники дали своимъ лѣвникамъ перевести духъ и предложили идти смирно, иначе „сикиль башка!“ И одинъ изъ горцевъ указалъ на обнаженный кинжалъ своего товарища.

Предложеніе было высказано кратко, но съ такою рѣшимостью что не локориться ему было бы безуміемъ. Шелестъ и Зралевъ молча пошли за своими вожаками.

Въ трехъ верстахъ отъ Камбилеевки, въ темной труппѣ, горцевъ ожидали еще двое товарищей, присматривавшіе за семью осѣданными лошадьми. Вся эта ватага сѣла на лошадей и, окруживъ свою добычу, отправилась далѣе.

Ночь. Лѣсъ съ каждымъ шагомъ все гуще и чернѣй. Ни одна звѣздочка не прорвется сквозь чащу нависшихъ вѣтвей. Шелестъ и Зралевъ едва двигаются.

— Саберде, Альземъ! (стой Альземъ) отозвался тотъ

который усерднымъ нажиманіемъ рукъ раскровавилъ Шелесту десны. Всѣ остановились.

Путники слѣзли съ лошадей, сѣли вокругъ лѣтвыхъ и стали разводять огонь. Вскорѣ маленькій костеръ запылалъ. Тогда горцы вынули изъ-за пазухи по чуреку * и по куску сыра и предложили лѣтвымъ раздѣлить ихъ тралезу. Шелестъ передавалъ что Зраеву было не до ѣды. Онъ думалъ о томъ что подѣлываетъ во Владикавказѣ его жена, мать двухлѣтняго мааденца. Самъ же Шелестъ—дѣло другаго рода: у него ни кола, ни двора, и кусокъ чурека послѣ утомительнаго перехода не былъ для него лишнимъ.

Давъ время лѣтникамъ отдохнуть, покормивъ лошадей лугомъ и травой, которую отыскивать въ темнотѣ ночи было предоставлено ихъ конскому инстинкту, молчаливые путники двинулись далѣе.

На другой день къ ночи горцы хорошо знакомыми тропами добрались до аула Мужичъ. Съ разнородными чувствами приближались они къ дымнымъ саклямъ. Солдаты ласкала надежда на выкупъ; горцы же делѣли себя пріятнымъ убѣжденіемъ что они у преддверія тѣхъ мѣстъ гдѣ выгодно можно сбыть свой товаръ.

Объ аулѣ Мужичъ нѣтъ нужды много говорить; онъ въ свое время былъ притономъ отъявленныхъ мошенниковъ, и притомъ байгушей (бѣднаковъ) двухъ сосѣднихъ обществъ. Помято что такимъ людямъ, какъ жители Мужича, лѣтники не нужны. Они ихъ только будутъ стѣснять. Дѣло Мужичевцевъ—добыть Русскихъ, если можно, и промѣнять ихъ ради дневнаго пропитанія тѣмъ изъ сосѣдей которымъ нужны рабочія руки.

На утро въ саклю гдѣ содержались Зраевъ и Шелестъ стекалось все населеніе аула.

Оборванные, полунагіе ребятишки, изможденные старухи, байгуши, заѣзжіе джигиты, ** всѣ интересовались знанъ цѣну продаваемыхъ, хотя никто не думалъ ихъ купить, и всѣмъ было объявлено что Зраевъ, какъ мужчина видный и способный на самую тяжелую работу, повидимому сносливый до нельзя, идетъ въ пятьдесятъ рублей, съ придачей

* Хлѣбъ на подобіе лепешки.

** Удальцы.

нѣсколькихъ головъ скота: а Шелестъ, съ виду малоспособный для лѣтоваго труда,—въ двадцать пять безо всякой придачи. Цѣны огромныя! на нихъ могли быть покупщики только изъ глубины горъ.

Прошла недѣля, другая, а лѣвники все томались, каждый въ отдѣльной саклѣ. Наконецъ изъ аула Хальдыхыроа * явились кулцы. Семь человекъ, виновники несчастья Зраева и Шелеста, составили совѣтъ въ который съ правомъ голоса вступили и покупатели. Засѣданіе было шумное. Съ одной стороны нищета и жажда прибыли, съ другой скудость и грубость сошлись въ неравномъ бою. Наконецъ послѣ двухдневнаго спора кулцы превозмогли, и Шелестъ оцѣненъ въ десять рублей. Въмѣсто денегъ продавцамъ было улачено коровою, быкомъ и нѣсколькими баранами. Зраевъ пока остался не проданнымъ. Участь его въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ мѣсяцевъ неизвѣстна, а затѣмъ онъ былъ выкупленъ кажется за сто рублей женой, въ которой принялъ участіе покойный герой баронъ Вревскій. Такъ или иначе, русскіе солдаты разстались. Оставимъ же Зраева и обратимся къ Шелесту.

Сдѣлавшись собственностью новаго хозяина, Шелестъ былъ тутъ же связанъ по рукамъ и вмѣстѣ съ своимъ господиномъ отправился въ луть.

Черезъ нѣсколько дней они прибыли въ аулъ Хальдыхыроа. Наружность хозяина не внушала къ нему никакого довѣрія со стороны Шелеста. Обращеніемъ своимъ Даледъ съ первыхъ дней заслужилъ полное негодованіе горемыки, негодованіе которое навсегда осталось въ его душѣ.

Тяжело было бѣдному Шелесту привыкать къ новой жизни. Въ Хальдыхыроа онъ встрѣтилъ полное равнодушіе всѣхъ жителей, а въ семьѣ Даледа не былъ утѣшенъ ни однимъ ласковымъ взглядомъ. Угрюмый, молчаливый хозяинъ изподлобья смотрѣлъ на своего батрака. Заковавъ его въ тяжелыя кандалы, онъ чуть свѣтъ гонялъ его на работу, кормилъ скудно, на ночь запиралъ на замокъ въ темную каморку. Правда, во все время пребыванія своего у этого хозяина Шелестъ не былъ оскорбленъ ни однимъ ударомъ; но не проходило дня чтобы тотъ его не выбранилъ или за то что

* Хальдыхыроа находится въ 8 или 10 верстахъ отъ Евдокимовскаго укрѣпленія.

привезъ мало дровъ, или за то что плохо дворъ вычистилъ, словомъ „гвоздилъ“, какъ выражался Шелестъ. Незнаніе языка заставляло Шелеста быть безответнымъ. Жена и дѣти Даледа подчасъ лорывались какимъ-нибудь подавнѣемъ утѣшить Ивана (такъ называли они Шелеста), хотя это дѣлалось не изъ участія, а изъ расчета, въ поощреніе къ труду, но взглядъ хозяина всегда парализовалъ эти намѣренія семьи. Нѣтъ, не ужиться тутъ Шелесту. Долго пѣнникъ думалъ и передумывалъ о томъ какъ бы отдѣлаться отъ своего хозяина. Согласится ли Даледа перепродать его? Вотъ вопросъ. Во всякомъ случаѣ Шелестъ рѣшился дать ему это какъ-нибудь уразумѣть.

Возвратившись однажды изъ лѣсу, онъ сложилъ хворостъ въ углу сакаи подъ досчатою настилкой, служившею кроватью хозяйкѣ, и обратился къ своему владѣльцу, который, сидя на деревянномъ обрубкѣ, грѣлъ латки у слабо пылавшаго очага.

— Даледа! сказалъ онъ.

Хозяинъ огаянуся.

— Я не хочу служить у тебя, продай меня другому.

Даледа хотя повидимому и ловилъ смыслъ словъ своего батрака, но, не выражая ни удивленія ни отрицанія ни согласія, продолжалъ молчать.

— Тутъ аманъ (дурно), объяснилъ лавтомимами Шелестъ.— Ты меня все ругаешь, ѣсть не даешь, заставляешь много работать.

Даледа вопросительно и вмѣстѣ съ тѣмъ равнодушно посмотрѣлъ на него.

— Не хочу, заключилъ Шелестъ. — Будь ты не ладенъ!

Хозяинъ кивнулъ головой и отвернулся къ огню.

— Сада да-а Иванъ (дай ѣсть Ивану), сказалъ онъ, обратясь къ женѣ, сидѣвшей на полу въ углу подлѣ камина и завернувшей рубаху поверхъ шароваръ на коѣнѣи. Хозяйка направилась къ большому рѣзному сундуку, стоявшему у двери при входѣ въ сакаю, и вынувъ изъ него кусокъ чурька подала его Шелесту.

Прошло около трехъ недѣль съ тѣхъ поръ какъ Шелестъ жилъ у Даледа. Въ Халдыкырой пріѣхалъ горецъ котораго Шелестъ уже разъ какъ-то видѣлъ тамъ. Была половина октября. День стоялъ ясный. Хозяинъ встрѣтилъ своего гостя у двери дома, подавъ ему руку, смалъ съ него вистовку и кивкалъ и пропустилъ впередъ въ сакаю, гдѣ усадилъ на

своей постели. Надъ нею висѣло оружіе его и двухъ его сыновей.

Лишь только гость усѣлся, хозяйка молча подошла къ нему съ подушкой. Приѣзжіи встали, и подушка была ему подложена. Вслѣдъ за тѣмъ хозяйка приготовила гостю хауль. * Черезъ нѣсколько минутъ, когда купанье было готово, одна изъ дочерей хозяина подвинула къ ногамъ гостя деревянный чурбанъ, а другая поставила предъ нимъ кувшинъ съ водой. Хозяйка же, выложивъ въ деревянную миску хауль, поставила ее на жестяное блюдо, обложила кусками недавно испеченаго чурека и предложила гостю. За этимъ завтракомъ, въ которомъ хозяева, по обычаю горцевъ, не принимали участія, а только смотрѣли какъ бы предупредить всякое желаніе гостя, рѣшилась участь Шелеста. Черезъ полчаса онъ былъ проданъ этому гостю за 25 рублей, конечно большею частью съ уплатой скотиной.

„Какимъ-то хозяиномъ надѣлили меня Господь?“ думалъ Шелестъ, идя впереди своего новаго владѣльца, со связанными за спиной руками, но безъ колодокъ на ногахъ. „Ну, что если этотъ да хуже еще прежняго!“ заключилъ онъ, покачивая головой.

Предъ заходомъ солнца путники прибыли въ Дышны. **

Ихъ встрѣтила цѣлая ватага праздныхъ горцевъ, которые принялись осматривать Шелеста, осаждаая Цюука со всѣхъ сторонъ вопросами о томъ, сколько онъ заплатилъ за своего работника и гдѣ добылъ его.

Проходя мимо одной сакли, Шелестъ неожиданно услышалъ: „что братъ, землячекъ, пришлось горе мыкать?“ Пѣвникъ оглянулся. У двери сакли стоялъ высокій парень съ русою бородой, въ красномъ бешметѣ.

— Да, наказалъ Господь, отвѣчалъ Шелестъ.

— Ну, ничего. Благодарю Бога что попалъ къ доброму человѣку; даромъ не обидить.

— Подавай Господи! А тебя какъ занесло сюда, землячекъ?

— Да жутко пришлось—и уѣхалъ изъ роты.

* Родъ лепешки изъ муки, масла и меду.

** Ауль Дышны находится за хребтомъ ограничивающимъ съ сѣверо-запада ту площадь на которой въ ущельи построено укрѣпленіе Вадюкинское. Хребетъ называется Дышны-Дана. Отъ укрѣпленія до аула Дышны часа четыре хода.

— А какого полка?

— Алшеровскаго.

— Что жь, лучше тебѣ здѣсь?

— Разумѣется, лучше. Я, значить, Шамилевскій. Такъ насъ зовутъ здѣсь. Живу гдѣ понравится, люди кормятъ, поятъ. Чего же еще? Да что толковать, поговоримъ послѣ.

Во все время бесѣды двухъ земляковъ хозяинъ Шелеста стоялъ подавъ своего плѣнника и улыбался. Между тѣмъ на порогѣ сакли Цоука ихъ ожидали двѣ дочери его, жена и сынъ. Когда Цоукъ слѣзъ съ коня, одна изъ дочерей приняла поводья и послѣшила увести его.

II.

Несмотря на предупрежденіе дезертира Алшеровскаго полка о томъ что Шелестъ полагалъ къ доброму человѣку, семейство Цоука, состоявшее изъ жены его Дзады и дочерей Саты и Хац, встрѣтило солдата на первый разъ не съ полнымъ довѣріемъ. Тутъ, впрочемъ, не было ничего мудренаго: кто же съ безпечностію сталъ бы вѣрять сразу свои интересы пришельцу, да еще чужеземцу и притомъ батраку? Однако къ чести этого семейства слѣдуетъ отнести что такое положеніе Шелеста въ семьѣ Цоука продолжалось недолго. Сата, старшая дочь хозяина, прежде другихъ выразила свое участіе къ плѣннику. Она охотно приняла на себя обязанность выдавать ему пищу, старалась по мѣрѣ силъ поднимать его просьбы, учила его понемногу азыку и во всѣхъ нуждахъ являлась съ теченіемъ времени какъ бы посредницей между нимъ и ея семействомъ. Все это значительно облегчало участь Шелеста, который въ благодарность Сатѣ за ея вниманіе становилась весьма усерднымъ тамъ гдѣ требовалось помочь ей или вообще раздѣлать въ чемъ-либо ея труды. Много вліяла на него и привлекательная наружность Саты. Она не была красавицей, но въ карихъ глазахъ ея выражалась доброта и скромность, которыя невольно останавливали на себѣ вниманіе. Сата была блондинка, какъ и большая часть женщинъ Чечтывскаго общества * къ которому она

* Общество это получило названіе отъ рѣки Чечты—Аргуна.

принадлежала. Въ 1849 году ей былъ пятнадцатый годъ—возрастъ когда дѣвица въ горахъ думаетъ уже быть женой. Но Сата далеко не мечтала о замужествѣ, потому что ей было привольно жить у своихъ родителей, которые любили ее отъ души. Любовь эта простиралась до того что Цоукъ нарѣдко позволялъ себѣ, въ противность обычаю, ласкать свою дочь, проводя рукой по ея длиннымъ бѣлокурымъ волосамъ. Въ 1859 году Сатѣ было около двадцати пяти лѣтъ, и она ужь тогда седьмой годъ была замужемъ. Въ эти лѣта замужнія женщины въ горахъ видимо старѣютъ и дурѣютъ отъ трудовъ, нечистоплотности и отъ частыхъ родовъ. Но на Сатѣ не отразились эти невыгоды, главнѣе всего потому что она, къ прискорбію ея, оставалась бездѣтною, и потому что она и въ замужествѣ была окружена возможнымъ въ ея быту довольствомъ.

Страннѣе всего что мужъ несмотря на ея неплодаость не лишалъ ее своей любви—случай довольно рѣдкій у горцевъ, которые прежде всего требуютъ отъ жены дѣтей и находятъ нѣсколько постыднымъ для себя бездѣтность. Сата, при ея высокомъ ростѣ, была сложена гибко и граціозно. Она не отличалась ни быстротою движеній, ни послѣдностію въ словѣ. По словамъ Шелеста, то же самое замѣчалось у ней въ ея юномъ возрастѣ. Эта небогатость, какъ бы разчитанность приемовъ и нѣкоторая замкнутость характера, отличавшія ее отъ прочихъ подругъ ея возраста, доставляли ей всегдѣшнее довѣріе послѣднихъ и въ особенности нравились отцу ея. Въ семьѣ гдѣ Сата была замужемъ ее окружали около тридцати человекъ родни и у всѣхъ она пользовалась любовью и уваженіемъ. Никто лучше ея не владелъ иглой, никто обстоятельнѣе не распоряжался хозяйствомъ, никто не обнаруживалъ столько бережливости во всемъ какъ Сата. Придется ли починить мужу бешметъ, она дѣлаетъ это мастерски и постарается какъ-нибудь обойтись безъ заллаты, тогда какъ одна изъ невѣстокъ ея непременно вклеитъ своему мужу заллату въ цѣлую четверть. У Саты ничто не шивалось на живую нитку какъ у другихъ: шовъ у нея всегда правильный, рядъ и закладка ровные. Въ то время какъ другія ея родственницы, пользуясь отсутствіемъ мужей, слѣшили оставить работу и поджавъ ноги у камина болтали о пустякахъ, Сата бывало приодѣваетъ дѣтей, уберетъ сакаю, подоитъ коровъ, накормитъ старухъ, слодитъ

по воду, и все это не спѣша, аккуратно. Словомъ, она выражала собою полное требованіе горцевъ, въ силу коего вся тягость домашней работы исключительно падаетъ на женщину. Муцкина оставляла за собою или право на бродячую жизнь или въ минуты досуга заботу о чисткѣ оружія и о строганіи палочекъ на крышѣ своей сакли. Земледѣльцемъ онъ являлся или въ случаѣ надобности, или въ тѣхъ случаяхъ когда плодородность почвы сама какъ бы напрашивается на умѣренный, но за то въ высшей степени благодарный трудъ.

Въ семействѣ Цоука Шелестъ скоро почувствовалъ перемену своего положенія. Увидѣвъ что однимъ усердіемъ къ труду онъ можетъ заслужить право на вниманіе горца, русскій солдатъ безъ ропота покорился своей участи и работалъ сколько отъ него требовали. Хотя колодки все еще были у него на ногахъ, но никто никогда не встрѣчалъ его ни бранью, ни свирѣлымъ взглядомъ. Правда, одежды у него не было кромѣ той въ которой онъ явился сюда, то-есть рубахи и подштанниковъ, но за то на него смотрѣли довольно свисходительно и кормили его тѣмъ что ѣли сами. Когда же случалось что семьѣ нужно въ некоторое время поэкономничать, сократить расходы, Сата являлась утѣшительницей и покровительницей русскаго солдата. Она всегда находила гдѣ-нибудь лишній ломоть черстваго чурека или небольшую чашку молока и слѣдила утолить ими голодъ батрака.

Разъ какъ-то вечеромъ наѣхали къ хозяину гости. Шелестъ, сидя у себя въ маленькой отдѣльной саклѣ на подобиѣ сарайчика куда запираютъ на ночь барановъ и отогрѣвая озябшія ноги, былъ забытъ среди общаго движенія. Вдругъ видитъ онъ что мимо его дверей мелькнула желтая рубаха. Шелестъ выходитъ въ сѣни въ ожиданіи молодой хозяйки. Находясь нѣсколько мѣсяцевъ у Цоука, онъ уже выучился многимъ чеченскимъ словамъ и умѣлъ попросить ѣсть и пить.

Сата возвращается.

— Сата, останавливаетъ ее Шелестъ. — Дай чего-нибудь поѣсть; я голоденъ.

— Сейчасъ, Иванъ, отвѣчала она. — Подожди. Мать мнѣ велѣла приготовить шашлыкъ для гостей. Лишь только баранина попадетъ ко мнѣ въ руки, мы подѣлимся.

Дѣйствительно, не болѣе какъ черезъ десять минутъ Сата

прыгнула къ Шелесту въ конуру и положила предъ нимъ два фунта баранины. Съ легкостью козаенка она выскочила на дворъ.

Но это участіе Саты къ лѣвняку оставалось пока тайной для ея родителей. Сестра же хотя и бывала свидѣтельницей этихъ отношеній, но ни мало не прелятствовала имъ.

Зима была въ разгарѣ. По временамъ нагорный вѣтеръ насквозь провизывалъ холодныя и темныя каменныя сакли. Если кому-либо случалось выходить изъ-подъ кровли, онъ старался возвращаться какъ можно скорѣе, тотчасъ сбрасывалъ свои „лошмакишъ“ и отогрѣвалъ у огня лятки.

Въ одинъ изъ такихъ холодныхъ вечеровъ въ гости къ Шелесту пришелъ дезертиръ Алшеронскаго полка.

— Чтѣ ты все сидишь, куманекъ? сказалъ онъ входя въ темную и холодную каморку Шелеста и поправляя на головѣ изорванную лалаху.

— А по твоему мнѣ бы гулять, да погуливать? спросилъ Шелестъ.

— Да зашелъ бы ко мнѣ. У меня хозяйка славная; чурека бы подвела, продолжалъ дезертиръ усмѣхался.

— И Богъ съ ней, да съ ея чуреками. Вишь на мнѣ одеженка-то какая, вѣтромъ разнесетъ!

— Ну позабавилса бы съ золовкой хозяйскою, приставаалъ дезертиръ, какъ бы не обращая вниманія на слова Шелеста.

— Эхъ, землякъ, землякъ! Грѣхъ тебѣ право смѣяться надо мной. Нашелъ забаву когда кулакомъ приходится слезы утирать.

Гость непринужденно расхохотался.

— Не тужи, кумъ, прервалъ онъ Шелеста. — Стерпитса слюбитса. Вотъ и я, примѣромъ сказать, какъ принесло меня сюда, самъ былъ не свой. И не слитса и не вѣтса. Все оно какъ-то не понутру. И ихній значить обычай всякій, и подсматриванье за мной и лица. Все такъ словурило что даже тоска прохватила, пожалѣлъ о ротѣ. А телерь вишь ты и хозяйка стала ласкова и слюбились мы, какъ водилось у насъ бывало когда застоишься на зимовкѣ въ Россіи. И куда какъ хорошо стало! Муженекъ-то моей хозяйки значить съ утра до вечера пропадаетъ гдѣ-нибудь. Говорять, съ мирными знаетса. Крѣлко серчаютъ за то на него товарищи и самъ наибѣ, а мы выходить и живемъ дружка съ дружкой. Телерь меня булочкой не заманилъ бы въ роту-то.

И при послѣднихъ словахъ дезертиръ снова громко засмѣялся. Его узкій лобъ съ нѣсколькими морщинами и широкія сросшіяся брови ни мало не располагали къ нему русскаго лѣвника.

— Смотри, землякъ, не дожиться бы тебѣ! проговорилъ Шелестъ, помѣшная горсть потухавшихъ угольевъ.

— Мнѣ-то!.. Нѣтъ, братъ. Переведу я всю эту шваль, какъ пить дамъ, прежде чѣмъ кому изъ нихъ дамся въ обиду. Не на такого наѣхали... А тебѣ что кручиниться обо мнѣ? Ты вотъ на меня бы посмотрѣлъ, да у меня бы поучился бы, и дѣло бы вышло ладно. Здѣсь, кумъ, безъ обмана не прожить нашему брату. Помни что вѣдь это горы. Сказано горы...

Шелестъ не сказалъ ни слова на это логическое заключеніе.

— Ну, а каково же тебѣ здѣсь? спросилъ дезертиръ, послѣ нѣкотораго молчанія.—Чтѣ?..

— Да Бога не гнѣваю, бить не бьютъ, не ругаютъ; одно слово, люди добрые.

— Еще бы бить. Да ты не въ добрый часъ, коли дотроутся, тузги такъ чтобы лечень заморозило. Ха-ха-ха! Вѣдь трусы. Боятся-то ихъ нечего. А колодки давно сняли?

— Да почитай что тутъ мало и ходилъ въ нихъ.

— Ми... Значить, тебѣ тово... люди хорошіе, раздумчиво, какъ бы про себя, замѣтилъ онъ, и что-то въ родѣ зависти къ положенію Шелеста промелькнуло на его лицѣ; какъ бы желая скрыть этотъ мимолетный проблескъ недобраго чувства, дезертиръ со своею отвратительною улыбкой снова заговорилъ, махнувъ рукой:

— Да, всѣ они добры, поколь вашъ братъ у нихъ службу несетъ какъ слѣдуетъ. А лоди ты... Да чтѣ и говорить!

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Дезертиръ вынулъ изъ кармана коротенькую трубку, набилъ ее тютюномъ и закурилъ.

— Чтѣ съ тобой, кумъ, толковать, сказалъ онъ.—Заходи, когда будетъ можно. Прощай пока.

Такъ кончился первый визитъ дезертира, изъ котораго Шелестъ выдѣсь неприятное воспоминаніе.

Слуста нѣсколько дней послѣ описаннаго нами посѣщенія Шелестъ по обыковенію сидѣлъ у себя въ каморкѣ и при свѣтѣ слабо горѣвшихъ мокрыхъ головень разметывалъ

лакао. Хотя онъ успѣлъ уже свыкнуться со своею долею, хотя тоска его была время отъ времени улаждаема ласковымъ обращеніемъ доброй Саты и почти дружескими съ ней объясненіями, конечно, большею частью на лантомимѣ; тѣмъ не менѣе подневольное житье среди совершенно чуждыхъ людей, тяжелые труды, скудная пища, замѣтно избороздили его лицо. Не разъ мелькала въ его головѣ мысль о побѣгѣ. Но какъ бѣжать, не зная дороги и вида вокругъ себя все горы, да горы, покрытыя непроходимымъ снѣгомъ? Наконецъ, еслибъ и можно было преодолѣть это препятствіе, то какъ разчитать сколько дней придется быть въ пути и какъ прокормить себя въ эти дни? Вотъ гдѣ былъ камень преткновенія для лѣвника. Изрѣдка проблескивала въ головѣ его слабая надежда быть выкуленнымъ или обмѣненнымъ на кого-либо изъ лѣвниковъ горцевъ. Эта мысль занимала его и въ настоящую минуту. Между тѣмъ, въ смежной комнатѣ отецъ семейства сидѣлъ въ темномъ углу у изголовья своей кровати, покрытой желтымъ войлочнымъ ковромъ, и пересматривалъ свое оружіе. Когда дѣло дошло до кинжала, перешедшаго къ нему въ наслѣдство отъ дѣда и богато обдѣланнаго въ блестящее серебро подъ чернью, лицо Цоука просвѣтлѣло. Онъ вынулъ клинокъ изъ ноженъ, осмотрѣлъ его внимательно и ловко повернулъ въ воздухъ. По лезвию мелькнулъ лучъ отъ ярко пылавшаго въ каминѣ огня.

— Э-э! проговорилъ Цоукъ прищелкнувъ языкомъ.— *Дел-лерж-декенз ду!* Сата,—продолжалъ онъ обращаясь къ дочери и вкладывая клинокъ,—ступай, посмотри, сыта ли лошадь. Пора ее сводить напиться.

Сата вышла изъ сакли.

Цоукъ повѣсилъ на стѣнѣ свое оружіе, подошелъ къ котлу, висѣвшему подъ потолкомъ по серединѣ сакли, деревянною чашкой черпнулъ изъ него воды и вылилъ ее себѣ на руки. Потомъ, снявъ съ себя башмаки, онъ сталъ на койку и, обратившись на востокъ, замурлыкалъ: *я-аллаз-иль-алла*. По мѣрѣ того какъ онъ продолжалъ свою молитву, онъ повышалъ голосъ, вздыхалъ, поглаживалъ свою борду, склонялся къ землѣ, наконецъ палъ на колѣни и приникъ головой къ войлочному коврику.

Послѣ слова *аменз* онъ всталъ и началъ одѣваться. Обмотавъ ноги онучами, надѣвъ погавицы и двѣ пары чевякъ,

онъ отошелъ въ уголъ, перебрѣнулъ рубаху, одѣлся въ короткій полушубокъ, сверхъ его набросилъ вишневаго цвѣта черкеску и перетянулъ ее отдѣльнымъ въ серебро поясомъ, на которомъ висѣлъ знакомый намъ кинжалъ. Расчесавъ свою черную бороду, Цоукъ уперся лѣвою рукой въ бокъ, правую взялся за рукоятъ кинжала и призадумался.

Вошла Сата.

— Чтѣ? спросилъ онъ ее коротко.

— Лошадь сыта и напоена.

— Пошли ко мнѣ Ивана и подавайте ужинъ проговорилъ Цоукъ, не перебрѣная своего положенія.

— Возьми заодно муку и чуреки, произнесла мать обращаясь къ Сатѣ,—прикрыли ихъ у сѣдла.

Сата привала отъ матери два небольшіе мѣшечка и вышла изъ сакли.

— Стулай къ отцу, тихо произнесла она, войдя въ каморку въ которой у догорѣвшихъ угольевъ жался Шелестъ.

— Зачѣмъ, Сата?

Сата двинула плечами въ знакъ невѣдвія.

Шелестъ явился къ хозяину.

— Садись, Иванъ, произнесъ Цоукъ, когда Шелестъ пришелъ въ саклю. Плѣвникъ сѣлъ на земаѣ, подлѣ кровати, поджавъ подъ себя ноги. Его удивило это непринужденное и мягкое обращеніе. Онъ вопросительно смотрѣлъ на серьезное, правильное лицо Цоука, которое время отъ времени освѣщалось пламенемъ изъ камина.

Черезъ нѣсколько минутъ предъ хозяиномъ и его батракомъ Дзада поставила огромное мѣдное блюдо, на которомъ находились кушанья всѣхъ родовъ. Тутъ было и молоко въ небольшой деревянной чашкѣ, мелко наръзаный шашлыкъ, хаудъ, теплые чуреки, медъ, творогъ, масло, словомъ ловемногу всего чтѣ было лучшаго въ хозяйствѣ. Цоукъ рукой пригласилъ плѣвника раздѣлить съ нимъ ужинъ и самъ молча сталъ ѣсть.

Хозяинъ скоро окончилъ ужинъ и не только не торопилъ плѣвника, а слѣдуя обычаямъ гостепріимства, просилъ его ѣсть болѣе и не слѣшить.

Наконецъ Шелестъ, наѣвшись вволю, всталъ и поблагодарилъ хозяевъ.

— Поволи Андрея, сказалъ Цоукъ обращаясь къ Сатѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ саюю вошелъ знакомый намъ солдатъ Алшеровскаго лодка.

— Андрей, сказалъ Цоукъ, усадивъ гостя.—Передай Ивану мои слова: я иду въ походъ; насъ зоветъ имамъ. Если меня убьютъ, и тѣло мое на утѣшеніе семейства будетъ привезено сюда, тогда Иванъ свободенъ. Я приказываю Сатѣ вывести его за Дышны и указать ему удобнѣйшую дорогу къ Русскимъ. Но если въ мое отсутствіе или въ то время когда бы я случайно попалъ въ лѣвъ, Иванъ рѣшится бѣжать, то пусть онъ помнитъ что далеко не уйдетъ. Здѣсь будетъ нѣсколько глазъ которые день и ночь будутъ сторожить его. Я его предупреждаю потому что не желаю изъ-за пустяковъ лишиться работника который до сихъ поръ вѣрно и усердно исполнялъ свою обязанность. Притомъ скажи ему чтобы во всякомъ случаѣ онъ хорошенько подумалъ и о томъ о чемъ я ему говорилъ не разъ. Если онъ исполнитъ мое желаніе, мнѣ будетъ очень пріятно, а Иванъ со своей стороны пріобрѣтетъ многое: если не захочетъ, не буду принуждать.

Андрей буквально передалъ Шелесту слова хозяина.

Затѣмъ, не ожидая отвѣта, Цоукъ снялъ со стѣны шашку, винтовку, бурку; надѣвъ ихъ, подошелъ къ маленькому дитяти, лежавшему въ противоположномъ углу на разостланныхъ овчинахъ, и взялъ его на руки. Долго горевъ смотрѣлъ на своего сына. Маленькій Магометъ въ изумленіи поводилъ застывшими глазами. Наконецъ Цоукъ прижалъ его къ груди, поцѣловалъ, бережно передалъ на руки близъ стоявшей матери и направился къ двери. Все семейство, не исключая и матери съ ребенкомъ, послѣдовало за нимъ. На дворѣ двѣ дочери Цоука уже держали подъ уздцы его свѣраго коня. Отецъ подошелъ къ стремяни и ловко прыгнулъ въ сѣдло. Сата и Хая, бывшія по сторонамъ его, молча поцѣловали его въ колѣни.

— Прощайте! сказалъ Цоукъ, завернувшись въ бурку и по хрупкому свѣгу медленно направился за аулъ, гдѣ гарцовало уже нѣсколько джигитовъ ожидавшихъ сбора Дышмынской партіи.

— Прощай, прощай! Да хранитъ тебя Богъ и его пророкъ Магометъ! Нѣтъ Бога, кромѣ Бога и Магометъ пророкъ его! послышалось изъ устъ семьи Цоука.

Вскорѣ эта священная лѣснь раздалась за ауломъ, и Дышнынская партія, съ распущенными значками, подъ предводительствомъ своего пятисотеннаго, мюрида Аслана, направилась къ сборному мѣсту и резиденціи наиба, въ аулъ Итовъ-Кале.

Опустѣло Чевтынское общество. Въ аулахъ его остались только одни дряхлые старики, женщины и дѣти. Несмотря на то, отъѣздъ мужей развязалъ руки многимъ женамъ. Онѣ уже не плотно прикрывались чадрами; чаще стали заходить другъ къ другу въ гости. Въ тѣсныхъ проулкахъ ауловъ, время отъ времени, можно было услышать громкую болтовню или звонкій смѣхъ дѣвушекъ. Въ Дышны гуще стала толпа у источниковъ куда обыкновенно женщины утромъ и вечеромъ ходили по воду. Ихъ не стѣсняло ничье постороннее присутствіе; онѣ рѣзались, толтались на хрупкихъ лдынахъ, грѣли одна о другую свои озябшія руки.

Такъ прошло около недѣли.

Уже раза два или три изъ Большой Чечни, гдѣ въ то время происходило занятіе нашими войсками Теллю-Гечю, пріѣзжали въ Дышны нѣкоторые хозяева на двухчасовую побывку, чтобы только захватить для себя и для своихъ кунаковъ чурековъ, баранины, кукурузной муки. Уже доставили сюда нѣсколько раненыхъ, навстрѣчу которымъ каждый разъ высылали всѣ оставшіеся въ аулѣ. Наконецъ прошла уже другая и третья недѣля. Наступилъ 1850 годъ. А „партія“ все не возвращалась.

Въ обширной саклѣ Аслана, пятисотеннаго (маазума) Дышнынской партіи, у яркаго каміна сидѣла на земляномъ чисто выметенномъ полу его молодая хозяйка Маня. Амбразура въ ея саклѣ, выходящая на дворъ и служившая вмѣсто окна, была прикрыта толстымъ ставнемъ. Въ темномъ углу сакли подъ двумя тудупами лежали дѣвочка и мальчикъ; у изголовья ихъ покоился котъ и не вдалекѣ жевалъ и колошился колоссальный баранъ. Манѣ было не болѣе двадцати двухъ лѣтъ. Свѣтло голубые глаза ея были опущены, и только изрѣдка, когда Маня поводила ими по саклѣ, или при малѣйшемъ стукѣ на дворѣ чуть вздрагивала и готова была подняться съ мѣста, въ этихъ прозрачныхъ глазахъ отражались лучи огня и съ ними какое-то сильное безлокойство. Свѣтлорусые волосы Мани туго сплетенными косичками,

по три съ обѣихъ сторонъ, ладали на плечи. На ней была желтая, еще довольно новая рубаха и сверху черныи шелковый бешметъ на ватѣ, обшитый узенькимъ серебрянымъ галуномъ (чимчерга). Видно было что Маня приодѣлась не безъ цѣли; она кого-то ждала.

Хорошенькую Маню любили не всѣ дышвынскія женщины. Ея свѣтлая, всегда прिवѣтливая наружность, видимая покорность мужу, трудолюбіе и доброта сердца—послѣднее, по мнѣнію горцевъ совершенно лишнее качество для женщины—не привязывали къ ней, какъ бы слѣдовало ожидать, старухъ и молодыхъ дѣвушекъ. За Маней никто никогда не замѣчалъ уклоненія отъ супружескихъ обязанностей; никому не выда-ла она себя ни словомъ, ни дѣломъ, ни взглядомъ. Мушныи въ особенности были убѣждены что лозунгъ Мани любовь, вѣрность и покорность своему мужу. Асланъ не чадалъ въ ней души. Онъ съ гордостью иногда выслушивалъ комплименты стариковъ которые отзывались о Манѣ съ уваженіемъ и увѣренностью.

Но что же теперь призадумалась бѣдная Маня? Отчего глаза ея то заблестятъ, то вновь скроются подъ рѣсницами, то вздрогнетъ она, то вздохнетъ и опуститъ нарядную головку?...

Нѣтъ, сегодня всѣ, даже самъ мужъ, ошиблись бы въ ней. Никто не слѣдитъ за ней въ саклѣ. Вся прислуга ея покоит-ся крѣпкимъ сномъ въ нижней саклѣ, смежной съ хлѣвомъ... Но хрулкому снѣгу кто-то тяжелыми и быстрыми шагами направляется къ ея саклѣ. Маня живо поднялась со своего мѣста, лѣвую руку неволью поднесла къ груди, насторожи-ла уши и притаила дыханіе.

— Маня! раздалось вполголоса за дверью.

Маня, какъ кошка, прыгнула къ двери. Въ одно мгновеніе ловко приподняла она деревянную щеколду и влустила зна-комаго намъ дезертира.

— Андрей, тебя никто не видѣлъ? спросила она его шепотомъ и съ безлокойствомъ.

— Никто, никто, Маня, отвѣчалъ онъ ей довольно громко, ни мало не стѣсняясь присутствіемъ спавшихъ дѣтей и обнимая ее за талию.

— Андрей! съ ислугомъ произнесла она.—Дѣти!.. И какъ вьюнь она вывернулась у него изъ-подъ руки.

Прежде чѣмъ дезертиръ опомнился, Мама прыгнула къ очагу, разметала горѣвшія головки, засыпала ихъ лепломъ и тогда снова подошла къ своему гостю.

— Андрей, *dellenduxo jellimish diya* (пожалуйста говори тише), чуть слышно произнесла она, обнимая его.

Умоляющій голосъ Мани, какъ видно, образумилъ дезертира. Онъ нехота покорился ей. Его нахальная физиономія приняла какъ бы мягкое выраженіе. Мама осторожно взяла его за руку, подвела къ лавкѣ, покрытой войлокомъ и находившейся у свѣтлой стѣны подъ амбразурами, посадила и сама усѣлась подлѣ него, протянувъ ноги и прикрывъ ихъ кускомъ того же войлока. Дезертиръ обнялъ ее и прижалъ къ своей груди.

Но въ эту самую минуту надъ самымъ ухомъ Мани, за ставнемъ амбразуры, раздавался знакомый голосъ.

То былъ голосъ Шелеста.

Направляясь къ саклѣ Аслана, онъ, при поворотѣ въ переулокъ, увидѣлъ тѣнь Андрея вышедшаго изъ башни на противоположной сторонѣ двора и быстро промелькнувшаво въ жилище хозяйки. Шелестъ не болѣе какъ изъ любопытства неслышными шагами подошелъ къ амбразурѣ и былъ тогда невольнымъ свидѣтелемъ происходившаго внутри. Какъ поразила его эта сцена!

„Такъ вотъ, подумалъ онъ, хвалена Мама!“

— Мама! сказалъ онъ громко.

Хозяйка вскочила съ койки; глаза у ней заискрились, сердце словно молотъ стукнуло раза два въ груди и замерло. Мгновенная тишина воцарилась въ саклѣ.

— Мама! повторилъ Шелестъ.

Тутъ только Мама опомнилась, быстро повернулась къ изголовью, выхватила изъ ноженъ кинжалъ, висѣвшій надъ койкой, и поднявъ кулакъ лѣвой руки къверху, правую занесла противъ груди Андрея. Въ эту минуту въ комнатѣ загорѣлась тлѣвшая головня, вслыхнула, освѣтила Маню, ея отчаянное выраженіе лица, помертвѣлыя щеки, руку дрожащую надъ грудью дезертира и самого дезертира, прижавшагося въ противоположный уголъ койки, и снова потухла.

— Иди къ Дзадѣ; пріѣхалъ кунакъ Аслана; скоро побѣдетъ обратно, послѣшилъ сказать Шелестъ домашнимъ чеченскимъ азыкомъ, вздрогнувъ при взглядѣ чрезъ щель ставни на эту картину.

Голова Маши медленно откинулась назадъ, лѣвая рука ея, не сгибаясь, какъ лапка опустилась, и сама она въ изнеможениі облокотилась о койку.

— Сейчасъ, сказала она довольно твердымъ голосомъ, но такъ какъ будто только-что была разбужена.

— Прости, Андрей, проговорила она лишь только затихли шаги удалившагося Шелеста.—Я думала что ты измѣнилъ мнѣ, что хотѣлъ посмѣяться надо мною. Прости, мой добрый кулакъ. И она протанула руки чтобъ обнять его.

Тутъ только очнулся Андрей. Онъ подвинулся съ койки. Ислугъ на лицѣ его смѣнилася досадою, злостью. Теперь онъ чувствовалъ себя господиномъ: кивжала болѣе не было надъ его грудью.

— А, смѣя!... застоналъ онъ поджавъ теперь въ свою очередь кулакъ надъ головой Маши.—Такъ-то ты вѣришь мнѣ!

Но Маша не отступила предъ занесеннымъ кулакомъ. Даже и въ эту минуту она не допускала мысли чтобы какая-нибудь дерзкая рука посмѣла коснуться женщины, хотя бы то была рука глаура, способнаго на всякій предосудительный поступокъ. Нѣжность и доброта вмигъ пропали съ ея лицъ: она презрительно и съ достоинствомъ взглянула на дезертира, сняла со столба свой лестрый платокъ, окутала имъ лицо, залахнула бешметъ и молча вышла изъ сабли.

Эта женщина вмигъ преобразилась и стала прежнею Машей какою знали ее люди.

III.

Спокойно загорался день на Дышны-Ламѣ.

Ребра боковыхъ хребтовъ этого великана позлащались красными лучами восходящаго солнца, которые будто медлили пробраться въ аулъ, перебирая на пути мириады блестящихъ свѣжинокъ. Дышнынскія женщины, завернувшись въ бешметы и полушубки, доверчиво скользили подъ гору съ кувшинами и котлами. Подойдя къ ручью у того мѣста гдѣ еще вчера черпали воду, онѣ находили его покрытымъ корою льда и вытаскивъ изъ-подъ снѣга своими оконченными руками тяжелые камни, разбивали ими ледъ, чтобы такимъ образомъ добраться до глубины ручья, гдѣ на двѣ чуть слышно струилась вода. Наполнивъ ковшами свои котлы и

кувшины съ узкимъ горломъ, онѣ торонились обратно въ сакаи. Въ числѣ прочихъ женщивъ сюда явилась и работница Аслана. Лишь только она склонилась къ ручью чтобы зачерпнуть воды, какъ услышала подлѣ себя знакомый ей голосъ.

— Что дѣлаешь Маня? спросила Сата, остановившись подлѣ нея.

Работница вмѣсто отвѣта двинула плечами какъ бы затрудняясь выразить то чѣмъ была занята ея хозяйка.

— Скажи ей что я сейчасъ буду у нея. Вотъ только исполню порученіе которое мнѣ дала мать и прибѣгу.

— *Déchez-ou* (хорошо), отвѣчала работница.

И Сата какъ серна въ два прыжка перелпрыгнула на ту сторону ручья и скрылась за тѣсно сгроможденными сакаями.

Маня сидѣла у себя въ сакаѣ на маленькой скамеечкѣ предъ очагомъ, въ которомъ потухали уголья. Ея глаза, всегда болѣе или менѣе красныя отъ дыма лостоанно господствовавшаго въ сакаѣ, еще краснѣе стали отъ бессонно проведенной ночи. Концы ея дорогаго бешмета слустились на полъ и валялись въ лыли. Двѣ изъ ея косичекъ, полу-расплетенныя ею вѣроятно въ то время когда она предполагала прилечь, далеко не гармонировали со всѣми остальными, въ которыхъ перевивались разноцвѣтныя ленточки. Поддерживая голову руками, она бессознательно смотрѣла на потѣвшій уголь и не обращала ни малѣйшаго вниманія на стужу господствовавшую въ сакаѣ.

Вошла ея работница. Бросивъ на хозяйку озабоченный взглядъ, она молча и съ участіемъ покачала головой. Поставивъ кувшинецъ съ водой въ дальнемъ углу, работница подошла къ Манѣ и дотронулась до нея рукой.

— Маня!

Маня повернула голову и вопросительно посмотрѣла на свою работницу.

— Я видѣла Сату. Сата обѣщала сейчасъ придти къ тебѣ.

Маня отвернулась и снова стала смотрѣть на очагъ. Работница сложила на груди руки и почтительно ожидала отвѣта.

Въ это время проснулись дѣти. Дѣвочка высунула голову изъ-подъ тулуна которымъ была прикрыта и тотчасъ спрятаа ее снова.

— *Nana, shéno* (холодно, мать!) пропищала одна изъ-подъ своего овчиннаго одѣяла.

Хозяйка не шевелилась.

Прошло еще нѣсколько минутъ. Въ то время когда работница повернулась и готова была отойти отъ Мани, эта быстро приподнялась со своей скамеечки и неожиданно спросила:

— Ты говоришь что Сата будетъ?

— Будетъ.

— Хорошо. Разведи огонь и подмети сакаю.

Вслѣдъ затѣмъ она торопливо сняла съ колышка вбитаго въ стѣнку свою черную шерстяную, довольно поношеную чадру, подобрала наскоро волосы и окутала ею голову; потомъ сняла шелковый бешметъ, бросила его въ уголъ, а съ дѣтей безцеремонно сдернула тулупъ которымъ они были прикрыты и набросила себѣ на плечи. Дѣвочка и мальчикъ боязливо взглянули на мать и не нашлись что сказать. Послѣ нѣкотораго недоумѣнія дѣти безмолвно подвинулись съ постели и, корчась отъ холода, придвинулись къ очагу. Полуизорванная черкеска мальчика и поношенная рубаша и шаровары дѣвочки, въ которыхъ они спали не раздѣваясь, составляли рѣзкій контрастъ съ тѣмъ костюмомъ ихъ матери, который она старалась прикрыть ветхимъ тулупомъ. Несмотря на всю доброту которую славилась Мана видно было уже изъ настоящаго обхожденія что дѣти и женщины находившіяся у нихъ въ домѣ безпрекословно и съ уваженіемъ привыкли подчиняться ея волѣ. Хотя дѣти были въ томъ возрастѣ который постигаетъ материнское горе, но не смѣли спросить мать о причинѣ ея страданій. Вообще ни они, ни работница не позволили себѣ ни единымъ словомъ нарушить тишину въ сакаѣ.

Вошла Сата.

— Въ добрый часъ, Сата, сказала хозяйка;—садись.

Гостья усѣлась.

— Давно уѣхалъ Бедушъ?

— Вскорѣ послѣ того какъ привесли отъ тебя посылку Аслану.

Наступило молчаніе. Разсѣянность не сходила съ лица Мани. Видно было что она хотѣла что-то сказать Сатѣ, но рѣшимость боролась въ ней съ недовѣрчивостью. Въ свою очередь и Сата, мѣряя урывками Маню съ ногъ до головы, порывалась начать съ нею какой-то серьезный разговоръ. Мысли обѣихъ женщинъ, сколько можно было судить по ихъ

замѣшательству выражавшемуся на лицахъ, были далеки отъ обычной болтовни; притомъ и появленіе Саты въ домѣ Аслана имѣло какую-нибудь особенную цѣль. Еслибы Сата явилась сюда за хозяйственной нуждой, она не мѣшкала бы и давно бы ее высказала. Но дѣло, какъ видно, касалось не горшка или вертела, а чего-нибудь поважнѣе.

— Маня, я хочу просить твоего совѣта въ одномъ дѣлѣ, сказала нервнѣе Сата послѣ нѣкотораго молчанія.

Хозяйка обратилась къ работницѣ и велѣла ей выйти, а дѣтей ушла въ дальній уголъ.

— Я видѣла, Сата, что ты имѣешь нужду во мнѣ, на твоихъ лицѣхъ не укрылось отъ меня безпокойство. Можешь смѣло разчитывать на меня. Сестра твоя Хая не могла бы тебя больше любить и быть съ тобою искреннѣе моего.

— Благодарю, Маня; да наградишь тебя Пророкъ за это. Серіозный и вмѣстѣ ласковый тонъ Мани расположилъ Сату къ совершенной откровенности.

— Видишь ли, когда отецъ увѣжалъ, онъ поручилъ мнѣ строго присматривать за Иваномъ. Между тѣмъ этотъ надзоръ не по силамъ мнѣ. Еслибъ отъ меня зависѣло, я бы давно вывела его сама за нашу ограду, сама дала бы ему кияжаль въ руки и именемъ Пророка благословила бы его въ путь. Онъ мнѣ очень жалокъ, Маня, и кромѣ того онъ очень хорошій человекъ. Можетъ-быть между гаурами есть у него жена, дѣти, которыя плачутъ по немъ, а онъ такой локорный, послушный!... Мнѣ очень жаль его, Маня! Сегодня ночью, когда мы проводили Бецуша, я подошла къ его саклѣ и посмотрѣла на него. Онъ жался въ углу на снѣгъ. Увидѣвъ меня, онъ попросилъ войти и такъ обрадовался, когда я сѣла подле него. Я думала ему принести шашлыкъ, потому что отъ гостя нашего остались кушанья приготовленные для него; но онъ въ первый разъ отказался. Знаешь, онъ меня спрашивалъ о томъ, какой путь въ настоящее время болѣе удобенъ для перехода въ Чечню или на Лезгинскую линію. Я тотчасъ замѣтила что онъ спрашивалъ не безъ цѣли. Но могла ли я ему указать его? Еслибъ отецъ узналъ, а при спросѣ его я не смѣла бы отпираться, что я руководила его любовью, онъ убилъ бы меня. Я отказала Ивану, ничего не объяснила. Онъ это приписалъ моему нерасположенію и, опасаясь чтобъ я не измѣнила его тайнѣ, закліналъ, умолялъ

меня не выдавать ее никому. Вѣдь ты также не выдашь меня, Маня? произнесла она голосомъ ласкающагося ребенка.

— Нѣтъ, можешь быть спокойна.

— *Беркѣлла, беркѣлла*, (благодарю, благодарю) Маня. Что же мнѣ дѣлать теперь?

Маня нехотя улыбулась этой наивности.

— Я все-таки не понимаю, Сата, чего же ты хочешь?

— Я?... Я не знаю, Маня. Мнѣ жаль Ивана, онъ добрый человекъ и всегда такъ усердно работалъ.

— Значитъ изъ расположенія и признательности ты хотѣла бы сласти его.

— Сласти... отвѣчала она задумчиво и потомъ чрезъ минуту продолжала какъ бы спохватясь,—а если вдругъ отецъ?... и испуганными глазами взглянула на Маню.

Объ женщины задумалась.

— Знаешь что, Сата, продолжала хозяйка нѣсколько слухая.—Если ты спасешь его, ты дѣйствительно накличешь гнѣвъ отца на свою голову, и не потому что лишила его работника, у васъ работницъ и безъ того довольно, а потому что осквернишь и себя и все семейство помощію которую окажешь глауру. Будь Иванъ магометанинъ, тогда еще съ полгоря. Посовѣтуй ему перемѣнить вѣру.

— О, Маня, отецъ много говорилъ ему объ этомъ и увѣрялъ что изъ него вышелъ бы хорошій нашъ едимовѣрецъ, но Иванъ и слушать не хочетъ. Онъ готовъ исполнять наружно всѣ наши обряды и обычаи, но перемѣнить вѣру не желаетъ. Отецъ обѣщалъ тогда женить его на хорошей, хотя и бѣдной дѣвушкѣ въ горахъ; но Иванъ мнѣ послѣ сказалъ что еслибъ и пришлось жениться, то онъ женился бы только...

Сата склонилась въ эту минуту къ очагу, и стала перебирать руками недогорѣвшія головни.

— На тебѣ, конечно, договорила Маня.—Теперь я все понимаю. Не мудро, произнесла она съ ласковою улыбкой,—если вслѣдствіе такого предпочтенія ты такъ радѣешь о немъ. Продолжай.

— Но и тогда не перемѣнилъ бы своей вѣры.

— Глухой Иванъ, произнесла Маня, двинувъ плечами.

Снова наступило продолжительное молчаніе.

— Вотъ что я тебѣ скажу, прервала наконецъ Маня.—Слушай. Теперь ты дѣйствительно не можешь оказать ему

никакой помощи, потому что какъ дѣвица, ты и себя и свое семейство подвергнешь опасности и злымъ толкамъ. Нѣтъ сомнѣнія что отецъ тебѣ этого не проститъ. Попроси Ивана чтобъ онъ отложилъ свое намѣреніе или до прибытія отца, когда съ тебя снимется всякая отвѣтственность за него, или до того дня когда выйдешь замужъ; это еще лучше. Притомъ объясни Ивану что безумно теперь пускаться въ дорогу по неизвѣстнымъ мѣстамъ и глубокимъ сѣвгамъ. Онъ не долженъ забывать что нашъ аулъ находится въ самой серединѣ горъ. Когда же ты будешь замужемъ, тогда втайнѣ ото всѣхъ ты сама можешь вашего работника вывести на дорогу, и имя мужа защитить тебя отъ подозрѣнія и обиды какъ со стороны отца, такъ и со стороны всѣхъ жителей аула.

— Но если этому пройдетъ годъ, два и болѣе?

— Что же дѣлать? Впрочемъ, не горюй, Сата, продолжала Маия съ улыбкой, треляя ее по плечу.—Такія хорошенькія какъ ты не заспиваются въ дѣвкахъ.

Этотъ complimentъ имѣлъ благотвельное вліяніе на Сату. Самолюбіе ея было польщено, и она робкою, но благодарною улыбкой отвѣтила на любезность хозяйки. Маия также достигала этимъ путемъ своей цѣли. Съ одной стороны, она усложняла Сату и удовлетворяла ея требованію, съ другой—маленькимъ лукавствомъ и общеженскою хитростію располагала ее въ свою пользу.

— Ты хорошо рѣшила, Маия; я такъ и буду дѣлать, такъ и передамъ все Ивану. До времени онъ не захочетъ чтобъ я жертвовала собою. Иванъ хорошій человекъ.

Когда послѣ нѣкотораго раздумья которымъ заключился разговоръ двухъ женщинъ Сата встала чтобъ идти домой, Маия ее оставила.

— Постой, Сата, мы не кончили еще, возразила она.—Сядись.—И потомъ со сдержаннымъ равнодушіемъ продолжала:—Хотя ты не замужемъ и очень молода для того чтобы повѣрить тебѣ что-либо, но ужь если мнѣ суждено подѣлится моими мыслями съ кѣмъ-нибудь, то, конечно, приличнѣе всего съ тобой, потому что ты добрая и расположенная ко мнѣ дѣвушка.

Сата съ недоумѣніемъ и любопытствомъ смотрѣла на серьезное лицо Маии, которая говорила не поднимая глазъ.

— Видишь ли: дѣло шло о вашемъ лѣвничкѣ, а теперь

касается моего жильца. Тебѣ извѣстно что онъ, по волѣ наиба, живетъ у насъ на дворѣ. Но Асланъ его не любитъ и запретилъ ему входить въ нашу саклю. Вчера же, пользуясь отсутствіемъ мужа, я вышла къ нему, впустила къ себѣ, и вижу теперь что поступила очень дурно. Къ тому же обидѣла Андрея, когда онъ почти не заслуживалъ этого. Конечно, я бы оставила безъ вниманія этотъ случай, еслибы, какъ прежде, была увѣрена что Андрей добрый человекъ. Этого теперь я не думаю, но ссориться съ нимъ опасно, онъ будетъ мстить мнѣ. Сдѣлай же для меня вотъ что: когда придетъ къ вамъ въ саклю Андрей за тѣмъ подавнѣемъ которое ему отъ васъ назначено наобомъ, скажи ему что сегодня, помни же „сегодня“ я тебѣ говорила что желаю его видѣть у себя. Иначе онъ не рѣшится быть у меня. Просить его о томъ послѣ обиды которую я ему сдѣлала я не могу сама; но возлагаю это на тебя и увѣрена что ты мнѣ не откажешь.

— Хорошо, Маня, будь покойна. Если нужно будетъ, я сама сумѣю къ тебѣ привести Андрея.

— Нѣтъ, нѣтъ, этого не нужно. Дѣлай такъ какъ я сказала.

— Хорошо. Прощай. Только не обвиняй меня, если дѣло не сладится.

Сата вышла. Когда она шла по двору и плотно куталась въ чадру, легкая двусмысленная улыбка не сходила съ ея губъ. Внутренно Сата была довольна что въ рукахъ ея секретъ лучшей жевницы аула; и хотя она не давала себѣ яснаго отчета въ отношеніяхъ Мани къ дезертиру, но догадывалась что тутъ нѣчто болѣе чѣмъ простое участіе, тѣмъ болѣе что положеніе Андрея относительно было очень хорошее и не могло возбуждать состраданія, а скорѣе даже въ сердцахъ байгушей и мелочи подобной имъ возбуждало зависть. Но значить и сердце Мани, образцовой Мани, также способно таять какъ и жесткій снѣгъ на высотахъ Дышны-Ламы, если касается его лучъ солнца.

Сата бѣгомъ пустилась къ своей саклѣ.

IV.

Постъ „ураза“ былъ уже на исходѣ. Время отъ времени изъ ущелій наносило теплые вѣтры, и упорный свѣгъ, подаваясь влѣдую весенняго солнца, таалъ на покатоствахъ горъ, а въ подднѣ мутилъ ручьи, нанося песокъ и глину. Вскрывшіяся поля просили сохи. У подошвы хребтовъ подыались васильки и незабудки; окрестные аулу дуга зазеленѣли черемшей и рѣзкій запахъ ея разносился по закаулкамъ аула.

Пришла вѣсть о возвращеніи партіи. Всѣ кто только могъ стоять на ногахъ въ назначенный день высылали за аулъ. Почтенные старики въ своихъ изорванныхъ полушубкахъ, съ которыми они не разставались и лѣтомъ, старухи въ своихъ засаленныхъ чадрахъ, дѣвушки и молодыя женщины въ разноцвѣтныхъ рубахахъ, увѣшанныя на груди и на шеѣ стекларусомъ, серебромъ, разными бусами; ребятшки и дѣвочки съ трещотками, балалайками, мѣдными и жестяными блюдами и тазами,—все это сбѣжалось со всѣхъ сторонъ на дорогу по которой должны были проѣзжать ихъ отцы, мужья, братья и сыновья. Лица встрѣчающихся горѣли радостью. Одна Маня стояла молча въ сторонѣ, опершись объ уголъ полуразрушенной башни. Она, повидимому, не принимала никакого участія въ общемъ веселіи. Сложивъ на груди руки, она какъ и прочіе дѣйствительно глядѣла на дорогу, но взоръ ея скользилъ по ней какъ-то упрамо, нехотя. Всѣмъ было любо, всѣмъ было весело; ее одну, бѣдняжку, томилъ какое-то недоброе предчувствіе. Было ли то страданіе за свою будущность или оласеніе за благо близкихъ ей — кто разбереть!

— Здравствуй, Маня! сказала Сата, весело подойдя къ ней.

— Здравствуй, Сата!

— Чтѣ съ тобой, отчего это ты такъ повѣсила голову?

— Такъ что-то тяжело, моя дорогая.

— Ъдутъ! ъдутъ! Раздалось съ башни, оборонявшей входъ въ аулъ.

Магическое дѣйствіе этого слова разомъ подняло всю толпу. Крикъ, гамъ, визгъ, нестройные звуки рожковъ, браканье мѣди и желѣза, лѣсны, все это слилось въ какой-то

хлось и дикою гармоніей понеслось по ущелью. Толпа пустилась бѣжать на встрѣчу всадниковъ, толкаясь, опережая, нагоняя другъ друга.

А тамъ, изъ-за горы, на истощенныхъ лошадкахъ, въ разнохарактерныхъ чухахъ, бешметахъ, полушубкахъ и оборванныхъ сѣрыхъ солдатскихъ плащахъ, мелкою рысью подвигалась Дышнынская сотня. Впереди развѣвался двухцвѣтный значокъ, и объ руку съ нимъ, блестя серебряною оправою оружія, ѣхали Аславъ и мулла, представители этой нестройной, дикой, безпорядочной толпы, наломившей собой челядь Чингисханову. Въ этой толпѣ какъ-то странно и смѣшно сплетались крайности: серебро съ нищенствомъ, нищенство въ высокомѣріемъ и гордостью, сіявшими на лицахъ послѣднихъ байгушей, гордость и высокомѣріе во взглядѣ съ тощимъ желудкомъ и обрюзглымъ тѣломъ; огневые движенія всадниковъ съ медленностью и лѣнью измученныхъ коней, которые не привѣтствовали своего жилья даже и веселымъ ржаніемъ; словомъ, тутъ было все, не исключая и радости на лицахъ, которую вызываетъ у людей встрѣча съ близкими послѣ долгой разлуки. Нетерпѣніе, по мѣрѣ приближенія партіи къ аулу, выражалось въ болѣе частомъ и звонкомъ хлестаніи лошадей, которыя ловиуясь нагайкѣ мало-по-малу прибавляли рыси.

Почти за версту отъ аула сотня была встрѣчена жителями Дышны. Мулла затянулъ „ля-иллахи“. Молитву подхватили всѣ воины, и смѣшавъ свои голоса съ изстуженными криками встрѣчавшихъ, наводняли воздухъ такою нескладницей что вѣроятно и самъ Магометъ, еслибы всталъ изъ гроба, не могъ понять что хочетъ выразить эта взбѣленившаяся толпа.

Отъ мѣста встрѣчи до самой сакли Аславъ былъ провожаемъ своею женою и дѣтьми. Горцы, не взирая на адатъ по которому изъявленіе ласки ихъ женамъ считается неумѣстнымъ, радостно привѣтствовали каждый свою семью. Только ихъ маазумъ ѣхалъ угрюмый и молчаливый. Его нахмуренный лобъ и сдвинутыя брови обличали какое-то душевное разстройство. Дѣти при встрѣчѣ съ отцомъ бросились къ его стременю, ловили его руками; но желѣзный ли характеръ отца или тяжелое состояніе его духа разомъ парализовали эту любезность. Малютки молча и съ недоумѣніемъ отошли въ сторону къ своей матери и схватили ее за бешметъ, искоса поглядывая на отца.

При въздѣ во дворъ Асланъ увидѣлъ стоящаго у дверей своей сакли Андрея, покуривавшаго трубку.

Ага, кунакъ, здорово живешь! весело прокричалъ ему дезертиръ.

Хозяинъ слегка повернулъ голову въ его сторону и провѣхалъ мимо.

— Ишь, собака, черти бы тебя разорвали! Загордился, небось, пуще прежняго. Постой, братъ, какъ бы не пришло время чтобъ агнекомъ поглядѣлъ на меня, проворчалъ оскорбленный бѣглецъ.

Въ эту самую минуту лошадь Аслана, лѣнливо и устало ступавшая подъ своимъ сѣдокомъ, споткнулась на передня ноги.

— А-а, всё проклятiя правовѣрнаго на твою голову! злобно проговорилъ Асланъ бросивъ взглядъ на Андрея, такъ что трудно было отгадать къ кому относится этотъ комплиментъ: къ Андрею ли, или четвероногому. И вслѣдъ затѣмъ онъ нестово хлестнулъ нагайкой бѣдное животное.

Лишь только Асланъ вошелъ въ саклю какъ съ удивительными привѣтствiями явились къ нему его работники и съ послѣпшностью бросились за яствами которыми прiобрѣли для давно жданнаго хозяина.

— Пока я ничево не хочу, Маня, проговорилъ Асланъ. Мнѣ прежде нужно отдохнуть. Я такъ усталъ что и вѣчерный день мнѣ не въ радость. Никогда еще я съ такимъ неудовольствiемъ не входилъ въ эту саклю, докончилъ онъ какъ бы про себя.

И съ этими словами онъ снялъ съ себя поясъ, кинжалъ и пашку и швырнулъ ихъ въ изголовье широкой скамейки, на которой къ его прiѣзду былъ постланъ красный войлочный коверъ. Затѣмъ, не снимая папахи и чухи, онъ легъ и заложилъ руки подъ голову.

Вотъ все чѣмъ была удостоена Маня послѣ долгой разлуки. Она не смѣла ни о чемъ спрашивать своего мужа, потому что знала его характеръ и обычай, по которому гордость мушкеры запрещала повѣрять женщинамъ тайны или предчувствiя своего сердца.

Медленно и грустно вышла Маня на дворъ чтобы разсѣлать и наложить коня Аслана. Эту заботу, въ знакъ особеннаго вниманiя къ женѣ, Асланъ раздѣлялъ исключительно только съ нею одной.

Значеніе которымъ пользовался Асланъ среди своихъ одновозрастцевъ и довѣріе которымъ облакалъ его Шамиль были занозой для тѣхъ болѣе или менѣе испытанныхъ храбростію горцевъ которые видѣли въ немъ препятствіе къ ихъ вышешенію. Не менѣе того и наибъ, мѣтившій въ преемника себѣ старшаго своего сына, Мажи, втайнѣ готовъ былъ раздѣлять съ ними это неудовольствіе. Всегда угрюмый, молчаливый, деспотически управлявшій своими войсками во время походовъ и на мѣстѣ, Асланъ хотя наружно и пользовался уваженіемъ въ Дышны и окрестностяхъ, но этотъ родъ привязанности былъ не совсѣмъ прочевъ потому что поддерживался не любовью къ нему, а страхомъ. Безупречный во всѣхъ отношеніяхъ какъ горецъ и магометанинъ, Асланъ имѣлъ много враговъ, и стоило только кому-нибудь изъ нихъ мѣтко бросить искру въ сторону маазума, какъ тотчасъ нашлись бы сотни людей, даже изъ лицъ ловидимому болѣе или менѣе родственныхъ, близкихъ ему, которые готовы были раздуть эту искру въ огромный пожаръ. Асланъ все это зналъ; ему тяжело было вѣчно оглядываться по сторонамъ и изъ-за сливы ждать удара. Но гордость и честолюбіе не позволяли ему снать какимъ бы то ни было образомъ почетное званіе маазума, которое въ будущемъ представляло возможность быть наибомъ. Асланъ рѣшился ждать и пока кое-какъ перебиваться, лишь бы со временемъ видѣть въ своихъ рукахъ все общество. Тогда бы онъ расправилъ крылья..

Не лучшее сравнительно было состояніе духа и его жены. Вся эта огласка объ ней, похвалы и крики со стороны большей части женщинъ были не болѣе какъ рабское потворствованіе словамъ ихъ мужей, неподдѣльно уважавшихъ Мавю, въ сущности же подруги не любили Мавю почти столько же сколько ихъ мужья не любили Аслана. Словомъ, и мужъ и жена не угодили каждый своей сторонѣ. Аслана любили всѣ женщины, но подъ него подкалывались мужчины; Мавю, напротивъ, любили всѣ мужчины, въ особенности старики и дѣти, но втайнѣ ненавидѣли многія женщины.

Андрей былъ малый не глухой, казался отважнымъ джигитомъ, и наконецъ былъ для Мави запрещенный плодъ. Какъ строга горская женщина съ христіанствомъ въ присутствіи постороннихъ, такъ искательна и угодлива когда

увѣрена что за ней не присматриваютъ. За увлеченіемъ скоро посадовало разочарованіе. Андрей оказался негодяемъ, и увлекшая имъ женщина страдала тайнѣ. Ее душило уязвленное самолюбіе, униженное достоинство.

Несносенъ былъ и Асланъ. Добиваясь наиубства, онъ возбуждалъ немалое противъ себя негодованіе. Были тайные замыслы на его жизнь. Раслукали слухи будто онъ измѣнникъ, будто самъ посылалъ лазутчиковъ въ русскій лагерь не съ цѣлью вывѣдать численность и расположеніе войскъ, а съ цѣлью продать за десять тумановъ Дышвынскую сотню. Старый наубъ попрежнему былъ ласковъ; но Асланъ не вѣрилъ этимъ ласкамъ: онъ зналъ что Альдамъ храбръ, хитеръ, добръ, но слабъ и по большей части служить орудіемъ чужихъ цѣлей. Какъ человекъ опытный и прозорливый, Асланъ былъ увѣжденъ что чѣмъ наружно-ласковѣе будетъ съ нимъ наубъ, тѣмъ сильнѣе и быстрѣе дѣйствуютъ его враги. Нужно было или самому дѣйствовать рѣшительно или сдаться.

Такія мысли волновали Аслана при вѣздѣ въ родной аулъ; вотъ почему онъ такъ нелюдимо встрѣтилъ свой дворъ и измѣнился въ лицѣ, когда его дорогой, любимый конь споткнулся у порога. Плохой, видно, знакъ!

V.

Старый Альдамъ пользовался заслуженнымъ уваженіемъ въ аулѣ, хотя и нельзя было не видѣть что наубъ устарѣлъ и обезсилѣлъ. Будь это кто-нибудь другой, можно бы сказать: ты послужилъ какъ умѣлъ, теперь иди на отдыхъ. Но Альдаму этого нельзя было сказать. Еще многимъ и не разъ придется обратиться къ вельможному старику съ просьбой о защитѣ, о гостепріимствѣ, о заступничествѣ, о кускѣ хлѣба. Альдамъ былъ слишкомъ дорогъ по воспоминанію Чентынцамъ.

Не задолго до окончанія уразы Альдамъ обратился къ своему куваку въ Дышвы, къ Цоуку, съ просьбой отлустить къ нему на нѣсколько дней его батрака, который владѣя хорошо толоромъ заслужилъ себѣ нѣкоторую извѣстность. Цоукъ, конечно, не отказалъ, потому что сознавалъ что къ байраму у такихъ хорошихъ хозяекъ какъ бабы Альдама можетъ явиться большая нужда въ разной работѣ которую онъ

откладывали до времени прибытія мушницъ. Шелестъ и самъ не безъ удовольствія отправился на эту работу, ибо былъ увѣренъ что трудъ его не пропадетъ даромъ. И вотъ онъ началъ кое-что отесывать, кое-что строгать, тамъ подклеивать, въ иномъ мѣстѣ подлипливать, въ другомъ подрѣзывать. Иной разъ и нужды нѣтъ никакой: какой-нибудь рѣзной сундукъ, или скамейка вѣкъ бы еще держались въ томъ видѣ въ какомъ застаалъ ихъ Шелестъ, а онъ какъ малый не промахъ, дай молъ покажу свое усердіе. Такъ какъ ему было любо у Альдама, то, думая онъ, почему бы лишній денекъ и не прожить у него. Вѣдь кормить хорошо. Притомъ и развлеченіе есть. А хозяйка, въ особенности бабы, просто не нахвалятся Иваномъ. Словомъ, Шелестъ съ удовольствіемъ вспоминалъ объ этихъ дняхъ.

Однажды, сидя во дворѣ у каменной ограды и отесывая, какія-то ножки къ скамейкѣ, Шелестъ былъ невольнымъ свидѣтелемъ разговора между наибомъ, его старшимъ сыномъ, Мажи и двумя мюридами. Альдамъ сидѣлъ на большомъ плоскомъ камнѣ по ту сторону ограды и чертилъ на землѣ своею нагайкой разные іероглифы. Подлѣ него стоялъ Мажи, герой Дарго, гдѣ въ 1845 году онъ лишился праваго глаза. Два мюрида, приставщики Шамиля и претенденты на кадїевъ или маазумовъ, въ палатахъ ловитыхъ бѣлыми полотенцами, стояли тутъ же, заложивъ большіе пальцы рукъ за свои пояса.

— Общество не хочетъ его, говорилъ вполголоса одинъ изъ мюридовъ.—Вѣдь не ходитъ же съ этими драгмами къ Шамилю.

— А я не беру на себя права лишать его достоинства или изгонять изъ общества, отвѣчалъ наибъ.

— Въ такомъ случаѣ есть лучшее средство избавиться отъ Аслана, подхватилъ горячо второй мюридъ.

— Какое? спросилъ Альдамъ, взглянувъ на говорившаго.

— Убить его, это дѣло благословляетъ и Коранъ, потому что лучше принести въ жертву одного недостойнаго чѣмъ подвергать несчастью и стыду сотни правовѣрныхъ.

Наступило общее молчаніе.

— Но для этого нужно мѣсто и время, замѣтилъ Мажи.

— Такъ что жь! Наибъ пригласить его къ себѣ..

— Нѣтъ, нѣтъ, живо прервалъ Альдамъ.—Я не допущу нарушить право гостепріимства въ моемъ дымѣ, хоть бы тогѣ

требовали даже и крайнія обстоятельства. Не было еще призора, чтобы подвергся опасности, и самый ничтожный из гуровъ если судьба приводила его подъ кровъ Адыма, проговорилъ наизъ гортостію.

— Въ такомъ случаѣ предоставь это намъ, замѣтилъ первый мюридъ. Ни рука правотворнаго, ни права гостепріимства не будутъ унижены недостойнымъ убійствомъ. Нападенье будетъ лицомъ къ лицу, можетъ если пожелаетъ защищаться.

Въ это время Мажи увидѣлъ подходившаго къ нимъ Андрея.

— Овъ, вѣрно, къ тебѣ, отецъ, замѣтилъ Мажи.

— Кстату, проговорилъ одинъ изъ мюридовъ, — Андрей здѣсь не лицій...

— Напрасно ты такъ думаешь, замѣтилъ Адыма. — Гуръ не дражетъ быть посвященъ въ интересы правотворныхъ...

— Но ему приличнѣе всего быть палачомъ, съ душою скрытаемою злобой замѣтилъ другой мюридъ. — Пускай собака кусаетъ своего господина.

— Помни что хотя собака гадкое животное, котораго правотворная рука не должна коснуться, но она никогда не измѣняетъ своему двору.

Въ это время подошелъ Андрей. Овъ подобострастно поклонился наизъ, получилъ въ отвѣтъ легкій кивокъ головы, и съ первыхъ словъ сталъ жаловаться на Аслана.

— Среди мена съ его двора, наизъ, сказалъ овъ съ неудовольствіемъ. Будто ужъ вѣтъ ауловъ и другихъ дымовъ, гдѣ бы слугѣ Имама имѣть пріютъ и спокойствіе. Небось, батракъ какой-нибудь въ родѣ Ивана — и тотъ безлечнѣе и удобнѣе живетъ у своего халца; а вѣдь овъ не болѣе какъ простой цѣвникъ. Я же, кажется, заслужилъ у Шамия хорошій уголъ.

Послѣднія слова были произнесены съ отъявленнымъ нахальствомъ, такимъ что Мажи сжалъ неволью рукоять кинжала, и только одно присутствіе отца и вмѣстѣ наиза заставило его преодолѣть волненіе.

— Почему же ты не хочешь жить у Аслана? Вѣдь это лучшій и богатѣйшій дворъ въ Дышны.

— Прахъ его возьми съ его дворомъ! Живешь у него въ курятникѣ хуже козла какого-нибудь; соломы, нельзя взять на подстилку безъ того чтобы не докосиася на тебя какъ на воака. Прежде бывало хоть жена его поднесетъ тебѣ

кусокъ чурека или пашлыка, а теперь какъ прѣхалъ изъ похода, такъ мало того что самъ лучше прежняго сталъ ворчать, да и на бабу-то словно шаль валустилъ. Ну, ужъ и она сама хороша, замѣтилъ онъ презрительно, разчитывая вѣроятно заодно обогатить и жену.

Но онъ встрѣтилъ свирѣпый взглядъ Мажи.

— Не смѣй, гауръ, обижать нашихъ лучшихъ женщинъ, замѣтилъ онъ горячо.

Рѣчь Андрея оборвалась на половинѣ.

— Постои, Мажи, молчи! сказалъ сурово наибъ. Что дальше? продолжалъ онъ, обращаясь къ дезертиру.

— Да я хотѣлъ было прибавить, началъ оправившись отъ своей неудачи Андрей, — что не ровень часъ, и меня когда-нибудь потянутъ за Аслана. Что ни ночь къ нему навъзаютъ какіе-то гости закутанные въ башлыки, до свѣта сидятъ въ кунацкой, льютъ бузу, вѣдятъ и чуть свѣтъ съвзжаютъ со двора. Говорятъ они что мирные... Я это все вижу; мнѣ, значить, нельзя не доложить твоей милости, потому что вѣдь измѣнникомъ назовутъ меня, на то я служу Шамилю чтобы свою должность какъ есть править, а тутъ съ такимъ хозяиномъ того и гляди втешешься.

Хотя Шелестъ и до сихъ поръ не очень хорошо зналъ чеченскій языкъ, хотя свое собственное горе ему было ближе чѣмъ чье бы то ни было, но услышавъ эти сплетни, онъ вздрогнулъ отъ негодованія. И за что, подумалъ онъ, этотъ человекъ, который нѣсколько мѣсяцевъ назадъ такъ хорошо отзывался о семействѣ Аслана, которому, если вѣрить его словамъ, была такъ близка Маия, теперь такъ безсовѣстно и нагло лжетъ на мужа и на жену? Шелестъ былъ глубоко взволнованъ неблагодарностью дезертира.

— Хорошо, сказалъ наибъ дезертиру послѣ нѣкотораго молчанія. — Ступай.

— Да, у васъ всегда хорошо, проворчалъ Андрей по-русски, отходя отъ наива, — чтобы васъ чортъ побралъ! Проклятый народъ!

— Видишь, наибъ, сказалъ одинъ изъ мюридовъ вслѣдъ дезертиру, — не правду ли я говорю: хоть собака и гадкое животное, да гаже гаурской не найдешь. Наша, какъ ты говоришь, хоть аулъ бережетъ, а эта своихъ же загрызть готова.

— Да, задумчиво отвѣчалъ наибъ.

— Вотъ что, Альдамъ, сказалъ одинъ изъ мюридовъ послѣ

продолжительнаго молчанія.—Довольно терпѣть намъ сраму изъ-за нашего маазума. Плохо если и гауръ станетъ поносить насъ изъ-за него, стыдно намъ. Въ первую пятницу, лишь только Асланъ прѣидетъ сюда на базаръ...

Въ это время выглянула изъ сакли жена Альдама и позвала Шелеста, объявивъ ему что чуреки и молоко для его ужина готовы. Какъ бы спохватавъ, не былъ ли пѣтнаникъ свидѣтелемъ ихъ разговора, наибъ и мюриды понизили голоса. Тутъ ужъ трудно было Ивану разобрать что-либо. Онъ молча удалился и взбирался по деревянной лѣстницѣ на верхній этажъ сакли наиба, гдѣ жилъ тотъ со своимъ отаршимъ сыномъ и съ женами, Шелестъ видѣлъ вдали пробиравашагося Андрея, который весело насвистывалъ какую-то лѣсню.

На слѣдующій день, едва только проснулся наибъ и совершилъ свой намазъ, Шелестъ явился къ нему.

— Спасибо, наибъ, за хлѣбъ-соль, сказалъ онъ Альдаму.— Твою работу я кончилъ; отправь меня теперь домой.

Альдамъ поблагодарилъ Ивана, велѣлъ женѣ своей принести ему муки, баранины, меду, овчину и чеваки. Все это Альдамъ принялъ отъ жены и изъ своихъ рукъ надѣлалъ Шелеста. Потомъ онъ обратился къ своему третьему сыну Шамъ и велѣлъ ему проводить пѣтнаника до порога сакли Цоука. Одаренный по-царски, какъ выражался Шелестъ, онъ отправился домой, раздумывая обо всемъ что слышалъ наканунѣ подъ оградой.

При входѣ въ аулъ Дышны, Шелестъ печально встрѣтилъ дезертира, который, заложивъ на бокъ изорванную палаху и локуривая тютюнъ, лежалъ на пригоркѣ, распахнувъ на солнцѣ отрелья своего бешмета.

— Здорово, землякъ! обозвалъ его Шелестъ.

— А, здорово, братъ! отвѣчалъ ему Андрей,—что это на плечахъ у тебя? Вишь чѣмъ его навьючили. Знамо, работащій человекъ—и брюхо будетъ полно всегда... Э! да у тебя никакъ и чеваки подъ мышкой. Это, свать, повыгоднѣе будетъ твое ремесло, чѣмъ мое. Таскаешься съ бабами, ни чортова кулича не сгребешь. Вотъ-те и любовница... Мыѣ, кумаекъ, никакъ и животы подвело съ моею любезной, а все ѣсть не даютъ.

— Что лорочишь-то ее, Андрей! Чѣмъ она виновата?

— Какъ чѣмъ? Нешто у мужа жаль стащить бешметшко какой, али подбарава подать доброму человекъку? сказано, стерва!

— Не хули ее, Андрей, продолжалъ Шелестъ.— Не виновата она ни въ чемъ. Что же станешь дѣлать, коли за ней ото глазъ глядеть? Можеть и душу рада бы отдать тебѣ, да, вишь ты, свазана совѣтми: то мужъ, то люди у народа.

— Да, кабы не эти мюриды проклятыя что всю ночь да пролеть сидятъ въ кунацкой да лютуются, такъ она бы и дѣвка была вначо. себя. А мнѣ вѣдь отъ того не легче. Эта толстомордая бестія, хозяинъ-то мой, куска чертоваго чурека ни разу не бросилъ мнѣ, для кунаковъ, небось наплекаеть каждый вечеръ столько, ажко печь трещить.

Теперь Шелесту отчасти стало поматно, почему Андрей не долюбивалъ Аслана. Ему, между прочимъ, хотѣлось знати также и о томъ, что это за ночные посятители навѣщающіе ежедневно Аслана.

— А скажи на милость, землякъ, проговорилъ онъ вкрадчивымъ голосомъ,—что это за мюриды такіе что ѣздятъ каждую ночь къ твоему хозяину?

— А ихліе, значить, разбѣйники, пройдохи что Шамила то окружають, да напештываютъ ему то на того, то на другаго.

— О чемъ же они толкуютъ тамъ?

— Кто ихъ знаетъ о чемъ! разъ какъ-то послышалось мнѣ случайно что онъ говорилъ насчетъ наобства какого-то. Вишь куда мѣтитъ собака! И гляди добьется-таки своего, какъ тамъ ни насѣдай на него.

Теперь поматно стало Шелесту, почему мюриды разговаривавшіе вчера съ Альдамомъ такъ жадно искали погибели Аслана. Въ своихъ тайныхъ переговорахъ съ приближенными Шамила Асланъ делѣвалъ себя надеждой сдѣлаться наобомъ. Отсюда великовѣ къ Аслану и со стороны Мажи, который самъ по смерти отца мѣтилъ на это мѣсто. Наконецъ, есаибъ Асланъ захватилъ наобство, то вѣтъ сомнѣній, поступилъ бы тогда со своими тайными врагами весьма не миролюбиво, то-есть, по всей вѣроятности такъ какъ хотѣли съ нимъ поступить они сами.

Появъ насколько возможно всю эту хитро сплетенную интригу, Шелестъ рѣшился во что бы то ни стало передать ее Сатѣ и просить ее, при посредствѣ Мани, предостеречь Аслана отъ угрожавшей ему погибели.

— Скажи, Сата, ты любишь Манию?

— А тебѣ развѣ это неизвѣстно? спросила она улыбаясь.

— Если ты ее любишь, а также желаешь добра и Аслану и не прочь была бы предостеречь иль отъ одного большого несчастія которое готовится имъ, то я тебѣ сообщу кое-что.

— Иванъ, ради Бога, говори скорѣе, прощайтала Сата.— Я должна знать и непременно предупреджу Манию; я очень люблю ее.

И въ эти минуты съ лицомъ одушевленнымъ участіемъ и неподдѣльною грустью, Сата присѣла на корточкѣ близь Шелеста и со слезами на глазахъ слушала все чему наканунѣ онъ былъ свидѣтелемъ.

На слѣдующій день у Сагы готовы были тысячи предлоговъ для того чтобы лишній часъ провести въ обществѣ Мани. Не успѣла молодая дѣвушка отдѣлаться отъ своихъ утреннихъ заботъ, какъ тотчасъ же, завернувшись въ бѣлую чадру, полетѣла къ своей подругѣ.

VI.

Наступилъ день байрама. Истощенные мѣсячнымъ постомъ, и истомленные ожиданіемъ, Дышвынды съ восходомъ солнца устремились въ мечеть, на крышѣ которой стоялъ мұлла. Голосъ послабдаго, призывавшаго правоверныхъ къ молитвѣ, разносился далеко по аулу.

Было замѣтно особое одушевленіе. Чеченцы весело стекались ко храму. Просвѣтитель правоверныхъ сядъ на солдѣ радостью и развощѣтными цвѣтами своего азіатскаго костюма. Въ полчаса съ небольшимъ служеніе кончилось. Жители разошлись по сакаамъ, и вскорѣ маленькіе приземистые столки явились на сцену; ихъ началъ устлавать свѣжими аствами. У зажиточныхъ хозяевъ, проникнутыхъ съ виду важностью и выраженіемъ покровительства, дурно, скрываемыми подъ личиной гостепріимства и хлѣбосольства, сидѣли на полу приглашенные ими байгуши, ожидавшіе своей части. И вотъ хозяйки, въ шелковыхъ шароварахъ и рубашкахъ по большей части желтыхъ и красныхъ, въ фиолетовыхъ и лиловыхъ бешметахъ отороченныхъ галуномъ, суетливо устлали сакаю войлочными коврами и вокругъ столиковъ, на полу, ставили кудшмы съ бузой. Нигдѣ не было такого порядка какъ въ сакаѣ Цоука, гдѣ заботливыя Сата и Хая умѣли всему придать порядокъ,

чистоту и блескъ. Конечно, въ ихъ дѣятельности Шелестъ принималъ не послѣднее участіе. За то онъ теперь время отъ времени пользовался любезностями Дзады, благосклонными улыбками Цоука и пріивѣтливыми взглядами Саты. Одѣтый въ свой новый бешметъ и красныя чеваки, подаренныя ему наибоиъ, полу-Татаринъ, полу-Русскій съ виду, Шелестъ одинъ какъ бы въ знакъ особеннаго уваженія къ своимъ хозяевамъ стоялъ по русскому обычаю безъ лалахи. Онъ отклонялъ предложеніе накрыть голову не только потому что ссылался на русскій обычай, но въ тайнѣ еще и потому что изъ всего его наряда одна только лалаха не гармонировала свѣжему сафьяну чевакъ, бѣлизнѣ исподнихъ шароваръ (за неимѣніемъ другихъ) и новой ткани его бешмета.

Наконецъ, по мановенію руки Цоука, приглашенные имъ бобыли, въ томъ числѣ—увы! и Шелестъ, заняли мѣста на разостланныхъ на землѣ коврахъ. Лишь только они составили кружокъ, какъ огромное жестяное блюдо, вычищенное словно зеркало, очутилось посрединѣ. Поставивъ его, Сата граціозно завернула повыше локтя рукава своей рубахи, отбросила свѣтлорусыя косы и стала противъ отца, въ ожиданіи его дальнѣйшихъ приказаній. Почтенное лицо Цоука, сидѣвшаго на скамьѣ, но въ томъ же общемъ кругу, слегка озарилось мелькнувшею добродушною улыбкой, когда онъ обмѣривалъ съ ногъ до головы свою дочь, которую по непонятному ему самому чувству и противно всѣмъ правиламъ, обычаямъ и религіознымъ убѣжденіямъ своего племени, онъ любилъ едва ли не болѣе своего сына. Конечно, этому чувству онъ не позволялъ обнаруживаться черезчуръ явно и часто.

Когда буза и ливо были до дна осушены, Дышныяцы оспѣвали своихъ коней и началась скачка и джигитовка. Тутъ всякъ имѣлъ свое мѣсто, предпочтеніе отдавалось не сотенному, или лятисотенному начальнику, а тому кто искуснѣе другихъ владѣлъ своимъ оружіемъ. И байгушъ, и маазумъ были равны.

Въ разгарѣ народнаго веселья Сата подошла къ Манѣ, любовавшейся въ числѣ прочихъ джигитовкой своихъ одноаульцевъ.

— Ну что, Маня, поладила ли ты съ Асланомъ? спросила она у ней вполголоса.

— Видишь, Сата, я сегодня веселѣе чѣмъ когда-нибудь, отвѣчала ей Маня.

— Это почему?

— Потому что будущая участь Аслана меня не страшить, а радуешь.

— Какъ такъ?

— Вчера ночью мой мужъ получилъ уведомленіе что не долго ему ожидать наобства.

— Какимъ это образомъ?

— Это извѣстіе привезли ему мюриди Шамиля. Я случайно подслушала ихъ разговоръ.

— Ахъ, Маня, Маня! отвѣчала Сата покачивая головой.— Многое въ этомъ родѣ было обѣщано и Магомету, предмѣстнику твоего мужа, и даже моему отцу. Но не все то сбывается что обѣщаетъ Шамиль. Неужели твой мужъ могъ повѣрить на слово калерсникамъ Шамиля, которые привозятъ ему эти вѣсти не иначе какъ скрывъ лицо подъ башлыкомъ? Плохо мнѣ что-то вѣрится. Прошу тебя еще разъ, не упускай изъ виду всего что я тебѣ передала, и пока Асланъ не получитъ наобства здѣсь или въ другомъ обществѣ, береги его и предостерегай отъ поѣздки въ Итонъ-Кале.

Свѣтлый взоръ Мани мгновенно помрачился при этихъ словахъ.

— Твоя правда, Сата, отвѣчала она.— Великій Аллахъ награждаетъ васъ, невинныхъ дѣвицъ, большею прозорливостью, чѣмъ опытныхъ воиновъ. Ты во многомъ права, моя дорогая подруга.

Въ это время изъ сакаи вышелъ Асланъ и, заложивъ руку за бешметъ, съ веселою улыбкой смотрѣлъ на бѣснующуюся молодежь, которая не щадя ни реберъ, ни ногъ своихъ лошадей. Завидѣвъ его, Маня послѣдила подойти къ нему.

— Нечего дѣлать, Маня, сказалъ онъ ей,— для праздника можно и маазуму повеселиться. Вишь какъ расходилась молодежь!

— Что жъ, осѣдлать тебѣ коня? спросила жена, видя что буза и пиво произвели свое дѣйствіе на ея мужа.

— Нѣтъ, ужъ сегодня я самъ подтяну ему подпругу, замѣтилъ весело Асланъ.

И черезъ четверть часа онъ лихо скакалъ на своемъ аргмакѣ къ тому мѣсту гдѣ валаалась брошенная на земь палаха.

Свергнувшись подъ сѣдло своей лошади, онъ подхватилъ съ земли эту палаху, метнулъ ее надъ головами толпы, выхватилъ изъ-за пояса пистолетъ и съ быстротою молніи всадилъ пулю въ ея верхушку.

— Джигитъ маазумъ! закричали въ одинъ голосъ близь стоявшіе горцы.

Прошло три недѣли со дня баярама. Маня зорко, словно любовница, слѣдила за каждымъ движеніемъ своего мужа. Сѣдлалъ ли онъ коня, собираясь ѣхать куда-нибудь, она употребляла всѣ хитрости чтобы направить его путь какъ-нибудь мимо Итокъ-Кале, если только дорога пролегла въ ту сторону; уходилъ ли онъ въ мечеть, она какъ ягураръ высматривала, непримѣченная, съ кѣмъ сходилъ ея мужъ, подслушивала о чемъ онъ разговаривалъ; приходилъ ли кто-нибудь ночью подъ саклю Аслана и вызывалъ маазума для какой-либо надобности, Маня прежде мужа выскакивала за дверь чтобы узнать гостя и спросить что ему нужно. Сердце Мани чуяло что скоро быть какому-то перевороту. Ей не хотѣлось и думать что этотъ переворотъ будетъ не въ пользу Аслана.

Хилый Альдамъ, видимо, слабѣлъ день ото дня. Уже поговаривали довольно громко что наобствомъ управляетъ Мажи и два приближенные къ наобу мюрида. Что старикъ доживаетъ послѣдніе дни свои, въ этомъ никто не сомнѣвался. Но кто же будетъ его преемникомъ? Этотъ вопросъ наполнялъ головы не только всѣхъ Чентынцевъ, не исключая и байгушей, но даже женщинъ. Всѣ непритворно жалѣли о своемъ патриархѣ. Разнесся слухъ что преемникомъ Альдама будетъ сынъ его Мажи. Другіе положительно говорили что власть перейдетъ въ руки Аслана. Были нѣкоторые, меньшинство, которые улорно, неизвѣстно вслѣдствіе какихъ данныхъ, утверждали что Шамиль прочтетъ на Чентынское наобство нѣкоего Тавлицца Гамзата, человека свирѣлаго и недальновиднаго.

Итакъ, въ одно время были три претендента на лучшій кусокъ нагорной Чечни. Чья возьметъ—рѣшить будущее.

Между тѣмъ Альдамъ уже совсѣмъ не показывался народу: рѣдко приходилось ему даже вставать съ постели. Давнія раны мучили старика; недостатокъ крови, пролитой за свободу горъ или подчасъ по прихоти имама, но никогда вслѣдствіе грабежа или другой унизительной корысти, томилъ,

судилъ одинаковаго наиба. Добрый отецъ семейства, онъ каждый день собиралъ у постели любимыхъ сыновей, поучалъ ихъ жить въ дружбѣ, сберегать хозяйство, юкорѣ жениться и храбро стоять за народную волю какъ противъ Русскихъ, не щадя жизни гауровъ, такъ и противъ покушавшейся и партій претендовавшихъ на первенство и съединенныхъ раздоръ среди одноплеменниковъ.

Въ окрестностяхъ разнесся слухъ о близкой кончинѣ наиба. Изъ отдаленныхъ ауловъ стекались къ нему его родные и знакомые. Всякъ съѣхавшій почтять послѣднимъ благоговѣйнымъ поклономъ сѣдлавы готовящагося на покой старика.

Но не тѣ мысли волновали двухъ извѣстныхъ намъ мюридовъ, не отходившихъ отъ постели больного. Они употребили всѣ усилія чтобы завлечь сюда Аслана. Нечего было терять времени; нужно было дѣйствовать какъ можно скорѣе, иначе, нѣтъ сомнѣнйя, Асланъ ихъ пересилить. Орудіемъ своихъ замысловъ мюриды избрали дезертира, и Андрей искусно разотавлялъ тенета своему бывшему хозяину, завлекая его въ западню медленно, осторожно, но вѣрно.

Невозможно же и маазуму въ числѣ другихъ не съѣздить къ своему боевому сподвижнику и не воздать ему послѣднихъ почестей.

Былъ праздничный день, пятница, когда Асланъ съѣлъ на коня и поѣхалъ въ Итонъ-Кале. Мана проводила его до своего двора и долго смотрѣла вдаль. Когда Асланъ скрылся за поворотомъ горы, она со скатымъ отъ дурнаго предчувствія сердцемъ, опустивъ голову, медленно направилась къ Сатъ.

VII.

Въ резиденціи Чевтынскаго наиба было шумно. Нѣкоторые изъ горцевъ пріѣхали для купки и продажи, другіе же для свиданія съ умирающимъ наибомъ. Всѣ закоулки были полны народомъ.

Въ Итонъ-Кале въ ту эпоху (1858) были лавки съ красивыми товарами игравшія значительную роль. Нѣсколько дѣтъ спустя онѣ преобразились въ темные чуланы открывавшіеся лишь тогда когда кто-либо изъ покупателей потревожитъ продавца въ его сакаѣ и заставитъ оставить лавъ чтобы идти и отнѣрить нѣсколько аршинъ кумачу или

ситцу. Въ началѣ пятидесятихъ годовъ эти лавки имѣли щеголеватый видъ. Любая изъ горскихъ женщинъ могла найти въ нихъ все что льстило ея прихоти. Шелковые матеріи разныхъ сортовъ и цвѣтовъ, бусы, гранаты, ожерелья, часто весьма дорогія, галуны, разные шелки, иголки, булавки, гребни черепашковые и слоновые,—по большей части добытые конечно у Русскихъ и, вѣтъ сомнѣнія, не всегда на чистую монету,—все это было къ услугамъ русскъ чентынскихъ красавицъ. Изъ отдаленныхъ угловъ Тавліи приходили сюда на базаръ истреланные, оборванные, черные, грязные мужчины и женщины и привосили на продажу бурки, ковры. Чеваки и вогавицы доставляли на базаръ горскіе Евреи, люди въ высшей степени оборотливые и промышленные. Покупатель находилъ здѣсь готовые мужскіе и женскіе бешметы, чухи, шаровары. Словомъ, любой изъ желающихъ, еслибъ явился въ отрепьяхъ, но съ деньгами, могъ оставить Итонъ-Кале въ лучшемъ блестящемъ платьѣ, съ оружіемъ опривленнымъ серебромъ и на конѣ верхомъ. Теперь всѣ прибывшіе на базаръ были большею частью заняты политическими и административными новостями. Время отъ времени можно было замѣтить отдѣльные кружки которые вполголоса толковали между собой о близкой кончинѣ Альдама и объ его преемникахъ. Говорили о Мажи и о Гамзатъ; объ Асланѣ же можно было слышать только урывками и съ видимою осторожностью со стороны тѣхъ которые упоминали имя маазума.

Немногіе изъ Тавлицевъ принимали дѣятельное участіе въ этихъ разговорахъ. Несмотря на то что предметъ толковъ былъ имъ довольно близокъ, такъ какъ касался ихъ земляка, они оставались совершенно безстрастными къ этому предпочтенію ихъ обществу со стороны Шамиля. Этимъ голышамъ, изъ которыхъ многіе едва-едва умѣютъ на своемъ нарѣчій попросить ѣсть и пить, рѣшительно было все равно изъ ихъ ли среды будетъ избранъ чентынскій наибъ или изъ среды другаго племени. Съ отпечаткомъ на лицѣ гора, нищеты и всякихъ бѣдъ, дико-угрюмые и суровые, они съ невыразимымъ хладнокровіемъ и безцеремонностью толкали въ шею всѣхъ и каждаго: и муллу, и кадія, и эфендія, навязывая легкую какъ вѣтеръ щегольскую бурку собственнаго издѣлія.

Въ сторонѣ отъ толкачаго рынка, у дороги стояли два знакомые намъ мюрида и позади ихъ Андрей.

— Когда же наконецъ онъ прійдетъ? произнесъ одинъ изъ мюридовъ обращаясь къ Андрею.—Вѣдь скоро и базаръ кончится. Смотри ужь подходитъ пора третьяго намаза.

— Ты не солгалъ, Андрей? спросилъ второй мюридъ искоса поглядывая на Русскаго.

— Ахъ, собака васъ съѣхл! сердито проворчалъ дезертиръ.— Ну взгляните теперь вовъ на ту гору. Нешто не онъ слушается по тропикѣ? Сказалъ что приманю—и приманилъ. Саово-то свое значить держу какъ есть крѣпко.

Мюриды взглянули въ сторону указанную Андреемъ и действительно увидѣли Аслана спускавшагося съ крутизны.

— Ну, теперь давай полтумава (5 руб. сер.), проговорилъ онъ претягивая руку къ одному изъ мюридовъ и помахиная ею у него подъ носомъ.

На эту выходку мюридъ не обратилъ никакого вниманія. Онъ весь отдался своимъ наблюденіямъ. Его сѣрые глаза буквально вливались въ каждое движеніе лошади Аслана, будто стараясь издали разсмотрѣть малѣйшую черновину ея подковъ. Усы и борода его, посѣдѣвшіе въ изторгахъ и пестрь, молитвахъ и убійствахъ, какъ бы противъ воли его торщались и чуть замѣтно шевелились.

— Чтò жь, мюридъ, давай! повторилъ Андрей.

— Пошелъ вовъ! Подожди конца, дохлая собака! злобно проговорилъ мюридъ, не смотря на дезертира.

Андрей ворча отошелъ нѣсколько шаговъ и сталъ набивать свою трубку.

Черезъ десять минутъ маазумъ гордо въѣхалъ въ аулъ красуясь на своемъ выкормленномъ конѣ. Проѣзжая мимо базара онъ слышалъ какъ многіе изъ его воиновъ говорили ему: Здравствуй маазумъ. Но съ вѣчно тяжелою заботой въ лицѣ, сосредоточенный въ себѣ теперь еще болѣе обыкновеннаго, онъ ни на кого не обращалъ вниманія и никому не отдавалъ поклона. Онъ видѣлъ предъ собой только саклю Альдама и къ ней понукалъ своего коня, вливаясь глазами въ деревянную лѣстницу ведущую чрезъ балконъ безъ перилъ на верхній этажъ жилища наиба.

У ограды наибскаго дома Асланъ спрыгнулъ съ коня и забросилъ ему поводья на сѣдло. Оставивъ на произволь благородное животное съ полною увѣренностью въ его преданности и послушаніи, онъ вошелъ во дворъ.

— Задержать ли его наубъ у себя до ночи? спросилъ одинъ изъ мюридовъ у своего товарища.

Спрощенный вѣсто отвѣта утвердительно кивнулъ головой.

И вотъ у смертнаго одра сошлись два человѣка: одинъ изнеможенный, хилый, дряхлый; другой свѣжій, полный жизни, надеждъ. Кто смѣлъ бы сказать что первый переживетъ второго? А вышло такъ. Сошлись эти два человѣка, взаимно понимавшіе другъ друга лучше чѣмъ родная мать можетъ понимать свое дѣтище. Оба они были одинаково рыцари, согласно понятію горцевъ; но враги между собою. За что? Одинъ велъ своего сына по тому пути по которому шелъ другой— и неизвѣстно кто кого опередить; другой видѣлъ давно что ему хотятъ перейти дорогу. Но уступить не думалъ. Тонкая, лукавая политика просвѣчивала во взглядѣ каждаго изъ нихъ.

При появленіи Аслана Альдамъ силится привстать: маазумъ не обнаружилъ желанія просить науба не безлокониться. Собралъ въ лицѣ всю притворную ласку, ховянивъ казалось хотѣлъ ее передать въ пожатіи руки своему гостю. Последній съ обычною теплотой, но молча и серьезно пожалъ руку науба и, сбросивъ съ себя шапку, винтовку и пистоль, довольно вѣжливо передалъ ихъ Мажи въ знакъ того что онъ считаетъ себя совершенно безопаснымъ въ ихъ домѣ. Выжалъ остался на поясѣ у маазума. Все лучшее и роскошнѣйшее изъ яствъ было потревожено въ сундукахъ и чучакахъ ради пріѣзда маазума. Женщины наперерывъ старались угодить ему; самъ наубъ повидимому отъ души поощрялъ эту готовность то словомъ, то взглядомъ.

Солнце давно ужъ скрылось за горы когда Асланъ оставилъ жилище Альдама. Съ цѣлью ли послѣдній удерживалъ его такъ долго или нѣтъ—неизвѣстно. Базаръ уже давно разошелся; горцы совершили свой вечерній намазъ; полукругъ луны медленно выдвигался изъ-за ближайшихъ уступовъ; въ большей части улицъ была тишина и спокойствіе. Только кое-гдѣ у растворенныхъ дверей сидѣли горцы, услаждаясь своею лѣнью и прохладой вечера.

Конь маазума щипалъ траву подъ оградой наубова дома. Асланъ взялъ его за поводъ и лѣшкомъ прошелъ улицы. За послѣдними саклями онъ остановился снова, повѣсилъ винтовку и шапку на сѣдло и на открытомъ мѣстѣ сталъ совершать свой намазъ.

Въ это время изъ-за башни, стоявшей предъ ауломъ съ правой стороны, * медленно, но твердымъ шагомъ, вышли двѣ тѣни и направились къ тому мѣсту гдѣ стоялъ маазумъ. Въ ѣвкоторомъ отдаленіи боязливо скользилъ еще одинъ силуэтъ.

Разстояніе между маазумомъ и подходившими было не велико. Прежде чѣмъ Аславъ дважды поклоуился въ земаю, эти люди были за его спиной. Услышавъ за собой легкое шуршаніе чевякъ, Аславъ быстро повернулся, и не успѣва рука его выхватить кинжалъ, одинъ изъ мюридовъ вонзилъ ему въ грудь свое оружіе вплоть до самой рукоятки **.

Аславъ застоналъ и грянулся о землю.

— Ишь какъ ловко, замѣтилъ подошедшій Андрей.— Не шелохнулся даже!

Маазумъ въ послѣдній разъ полуоткрылъ глаза. Этотъ свинцовый взглядъ былъ до того страшенъ что и Андрей не выдержалъ, отвернулся.

Въ это время Маня, поджидавшая своего мужа, сидѣла у дверей сакли, разсѣянно слушая Сату, которая сдерживала ея тоску. Было около полуночи, когда онѣ разстались.

Вотревоженная и разстроенная Маня безъ она провела всю ночь. Когда же стало разсвѣтать, она вышла за ограду своего двора. Тутъ только ей пришлось встрѣтить своего мужа. Аславъ лежалъ перекинутый поверхъ сѣдла на своей лошади, и единственный изъ горцевъ до конца оставшійся расположеннымъ къ нему, старый Бецушъ, сидя на своемъ ковъ, сопровождалъ трупъ бывшего маазума. Маня, увидя эту картину, поднала руки къ небу, выпрямилась такъ что всѣ суставы у ней хрустнули, ахнула—и какъ подкошенная свалилась на земаю.

* Въ 1858 году, по сооруженію рядомъ съ Итонъ-Кале укрѣпленія Евдокимовскаго, на этой башнѣ постоянно находилась нашъ ликеть.

** Въ 1858 году, когда постройка укрѣпленія Евдокимовскаго еще не окончилась и только существовала стѣнка изъ наваленныхъ въ ростъ челоуѣкка камней, на томъ мѣстѣ гдѣ былъ убитъ Аславъ, по удостовѣренію жителей, стояла наша артиллерійская землянка.

VIII.

На прилавкѣ у стѣны обширной, но пришедшей въ страшный безпорядокъ сакал, лежалъ маазумъ Асланъ, повитый разноцвѣтными шелковыми матеріями. Руки его были протянуты вдоль туловища, лицо закрыто; у ногъ лежало его оружіе, такъ долго и неизмѣнно служившее ему во всѣхъ бояхъ и подъ конецъ измѣнившее въ родной землѣ. Надъ головой висѣла большая медаль, награда Шамила. Подлѣ него на обручкѣ дерева сидѣла Маня. Но, Боже мой! кто рѣшился бы сказать что это та самая чентынская красавица которая украшала собой Дышны? Лицо у ней было испаралано; растрепанные волосы не знали куда пріютиться, виспали оми и на грудь, и на плечи, и были всклокочены на затылкѣ. Казалось, кровь давно уже застыла въ этомъ живомъ мертвецѣ. Глаза у ней впали, сивія борозды буквально выпирали ихъ изъ орбитъ. Изорванный, истрепанный бешметъ былъ похожъ на рубище нищаго. Маня не плакала. На сухихъ рѣсницахъ ея не было даже и капли слезъ. Она сидѣла молча, безъ движенія, безъ мысли во взглядѣ. Нѣсколько позади ея пріютилась бѣдная, измученная Сата и, обнявъ плечи своей подруги, тихо шептала укоръ ея злочастной судьбинѣ. Бѣдной дѣвучкѣ не по силамъ было сдерживать себя и притворяться. Въ этой скорбной группѣ она не слѣдовала обычаю горь, не царалала себѣ тѣло, не рвала на себѣ волосы. И никто не смѣлъ упрекнуть ее въ этомъ улущеніи, потому что каждый, остававливавшій свой взглядъ на страдающемъ лицѣ ея, въ одно мгновеніе читалъ всю духовную красоту ея доброй души. Божественная сила сказалась теперь въ глазахъ полудикой магометанки.....

На дворѣ толпа женщинъ съ раслуценными волосами глосила на всѣ манеры. Тутъ была иная картина. Тутъ было вѣчто даже комическое, потому что изо всѣхъ такъ громко кричавшихъ и рыдавшихъ въ оградѣ дома Аслана, немногіе чувствовали хоть отчасти ту душевную тревогу которую, слѣдуя обычаю, старались выказать. Разрывая на себѣ одежду, скребя ногтями по лицу и по плечамъ, эти плакальщицы ради театральнаго эффекта не щадили ни глотки, ни легкихъ, ни своихъ ни чужихъ ушей. А ихъ

тутъ собралось очень много, потому что покойникъ былъ богатъ, славенъ, именитъ, и всѣмъ предстояла обильная закуска. Эту поминальную трезну приготовлялъ Шелестъ въ сообществѣ съ работницами Аслана. Въ теченіе перваго дня уже десять барановъ были уничтожены горцами, приходившими по обычаю изъ Дышны и ближайшихъ къ нему ауловъ почтить память маазума. А сколько еще предстояло привести въ жертву аdata этихъ четвероногихъ! Въ отдаленные углы Чечни и всюду гдѣ только были у маазума родные или знакомые, посланы были гонцы возвѣстить о смерти мужа Мани и призвать въ Дышны всѣхъ желающихъ воздать прощальный селамъ покойнику. И всѣ эти гонцы требовали вознагражденія и корма, всѣ званые и незваные требовали поминковъ: арака, бузы, шапалыка, чуреконъ, хаула, меду, и на всѣхъ ихъ щедрою рукой дилось имущество осиротѣвшей Мани, расточаемое работницами, раскрадываемое наемницами—благо что сама хозяйка ни во чтѣ не входила.

Въ вечеру въ саклю Аслана вошли носильщики въ сопровожденіи муллы. Бережно уложили они трулъ на носилки, прикрыли бѣлымъ подотномъ и въ сопровожденіи почти всего аула и гостей пошли на кладбище. Процессія эта сопровождалась неистовымъ крикомъ *ла-иллахи*, заунывнымъ воемъ муллы, дикими погребальными возгласами, вздохами, охами и слезами всѣхъ собравшихся огуломъ разрывать и безъ того надорванное сердце Мани. Покойника принесли на мѣсто. Повернувъ трулъ лицомъ къ востоку, олустили его въ яму въ аршинъ глубины и заложили ее досками, такъ что покатошь шла отъ головы къ ногамъ. * Мулла со словомъ *аменъ* бросилъ на крышу еще одну послѣднюю потребу для человѣка—сырую землю и тѣмъ покончилъ.

* У горцевъ вообще хоронятъ безъ гробовъ. Обычай требуетъ чтобы подъ покойникомъ не было ничего кромѣ сырой земли. Если онъ не оставилъ никакого завѣщанія на счетъ своихъ похоронъ, то мулла по погребенію ходитъ всего три утра и поминаетъ усопшаго на могилѣ. Если же завѣщанъ большой срокъ для поминанія, то мулла соглашается съ волей усопшаго, за чтѣ, конечно, отъ родныхъ его требуетъ вознагражденія.

IX.

Прошло два мѣсяца со смерти маазума. Многое измѣнилось въ этотъ періодъ времени въ Чечынскомъ обществѣ. Старикъ Альдамъ отошелъ въ вѣчность. Итонкальцы, руководители всѣхъ остальныхъ ауловъ въ ихъ политической и общественной дѣятельности, логично желали въ преемники наубу его старшаго сына Мажи. Зная его характеръ и уважая заслуги они были вполнѣ увѣрены что Мажи станетъ править народомъ съ тѣмъ же благоразуміемъ, придерживаясь тѣхъ же правилъ въ управленіи которыми руководился его отецъ. Сказываютъ, Итонкальцы посылали даже депутатацію къ имаму о назначеніи имъ въ преемники старшаго сына локойника. Но Шамиль не спусшелъ къ ихъ желанію. Говорятъ что главною причиною тогдашняго нерасположенія его къ Чечынскому обществу было убійство Аслана, къ которому онъ благоволилъ за его рыцарскія доблести. Въ преемники Альдаму имамъ назначилъ Гамзата. Не можетъ быть чтобы царь кавказскихъ горъ не зналъ въ точности этого человѣка. А если же зналъ его хорошо, какъ горца свирѣлаго и неукротимаго, то что же заставляло имама избрать его Чечынскимъ наубомъ? Не былъ ли это родъ мести за смерть маазума? Какъ бы то ни было, правленіе утвердилось за Гамзатомъ, и съ первыхъ дней для Чечынцевъ зашло красное солнышко. Гамзатъ принялъ въ ежовыя рукавицы эту своевольную ватагу. Съ каждымъ днемъ чаще и чаще стали отворяться двери въ башнѣ примыкавшей ко двору науба. Не рѣдко можно было видѣть въ этой башнѣ по два и по три арестанта томившихся по мѣсяцу и болѣе въ темномъ, сыромъ, вонючемъ и душномъ казематѣ. Прежнее радушіе и хлѣбосолюство въ стѣнахъ наубскаго дома исчезли; не было тамъ болѣе ласковаго привѣта, куска хлѣба и пріюта провзjemu гостю, не было потому что въ саклѣ сидѣлъ, вмѣсто Альдама, Тавлапнецъ Гамзатъ. Угрюмый, вѣчно нахмуренный, дико глядѣвшій изъ-подъ надвинутой на глаза лапачи, новый наубъ, казалось, и знать не хотѣлъ о томъ какъ на языкѣ нагорной Чечни называются слова: доброта, свисходительность, прощеніе. Всю эту черствость души науба Чечынцы пожалуй готовы были еще

кой-какъ стерпѣть. Чтò жь дѣлать, не плакать же! Но зачѣмъ этотъ новый наиубъ, чрезмѣрно строгій къ другимъ, дѣлаетъ исключенія въ пользу себя и своего семейства. Это помнать ему и до сихъ поръ на берегу Ченты-Аргуна. Ужь коль скоро ваялся быть строгимъ, говорили Итонкаальцы, то постарайся во всемъ другомъ быть образцомъ обществу. Между тѣмъ объ этомъ-то и не хлопоталъ Гамзатъ. Онъ немилосердо грабилъ богатое общество доставшееся ему въ руки. Лишь только являлась какая-нибудь причина секвестровать извѣстную долю имущества зажиточнаго хозяина, наиубъ старался какъ можно послѣднѣе привести это въ исполненіе; лишь только представлялась возможность вложить штрафъ на кого-либо изъ жителей аула, Гамзатъ и тутъ успѣвалъ со свойственною ему алчностью. Не болѣе какъ въ два или три мѣсяца у него красовались въ загонѣ и отличныя горскія лошади, и съ подюжины коровъ; на лугахъ вокругъ аула и на покатоствахъ близнхъ горъ мычали и сноваали сотни головъ баранты, тогда какъ еще недавно ничего этого не было.

Гамзатъ, между прочимъ, терпѣть не могъ приживальщиковъ въ обществѣ, каковы бы они ни были. Если же къ довершенію зла приживальщикъ былъ русскій бѣглець, тогда конечно лучше убирайся заранѣе по добру по здорову. Вслѣдствіе этого, какъ ни видалъ Андрей предъ новымъ наиубомъ, ничего не взялъ. Гамзатъ недружимо смотрѣлъ на чентынскаго Іуду. Притомъ, послѣ смерти Аслана, ему и безъ того было жутко въ обществѣ. Часто ему приходилось два по два не имѣть куска хлѣба во рту; всякъ гналъ его отъ порога какъ чуму, и только Сата да Шелестъ время отъ времени надѣляли его ломтями черстваго чурека или сыра.

Видитъ Андрей что пришелъ его часъ. Чтò тутъ думать долго, сказалъ онъ себѣ. Давай-ка уберусь отсюда.

Въ одинъ темный вечеръ залѣзъ Андрей въ саклю обнищавшей Мани и увидѣвъ что хозяйки нѣтъ дома—видю, пошла по воду, вотъ каково ея житье теперь!—собралъ на полкахъ и въ незамкнутомъ сундукѣ всю провизію, которую дня на два заготовила для себя и для дѣтей бѣдная женщина, и былъ таковъ. Къ утру и слѣдъ его простылъ.

Впрочемъ, никто имъ не интересовался; его отсутствія будто и не замѣтили.

Что касается двухъ мюридовъ, то ихъ расчеты не удались. Правда, месть за какое-то давнее оскорбленіе и ненависть ихъ къ Аслану была удовлетворена, но за то вторая половина ихъ плана не осуществилась: они остались тѣмъ чѣмъ были. Гамзатъ и не любилъ и боялся этихъ людей. Не ожидая времени когда коса наладеть на камень, онъ привязалъ всѣ мѣры къ ихъ удаленію. Такъ какъ они не были здѣшніе обыватели, а только играли роль адъютантовъ Шамиля, то это сдѣлать было не трудно. Планъ касательно ихъ удаленія Гамзату тѣмъ легче что сами мюриды увидѣли что поживы близъ науба будутъ немного, а нанести себѣ вреда легко.

Но изъ всѣхъ лицъ горшая доля выпала Манѣ. Со смертію мужа, съ той минуты когда Маня такъ живо почувствовала свое одиночество, ея сердце, умъ, разумъ; все облеклось въ такую плотную траурную пелену что спрятало не только отъ свѣта, но и отъ сознанія самой Мани всякую улыбку, всякую искру человѣческихъ чувствъ, страстей и побужденій. Маня нравственно одеревенѣла въ полномъ смыслѣ этого слова. Участіе къ положенію дѣтей, забота о нихъ, все было брошено, забыто, оставлено; и еслибы не Сата, то Богъ вѣсть какимъ бы образомъ эти существа были сыты и одѣты.

Она жила въ горахъ, въ разстояніи трехъ дней пути отъ Дышны, отца и мать, людей достаточныхъ; но она и слушать не хотѣла о томъ чтобы поселиться у нихъ и оставить могилу мужа на чужой сторонѣ. Убитая горемъ, она въ первый двѣ недѣли не знала и не помнила, прѣзжалъ ли къ ней кто-нибудь изъ ея родныхъ выдавшихъ ее замужъ. Родные же, хотя, впрочемъ, были при погребеніи мужа Мани, но мало настаивали на томъ чтобъ она оставила Дышны. Сбывъ нѣкогда съ рукъ такъ выгодно свою дочь, родители теперь не находили расчета возвращать ее въ свою семью. Эгоизмъ вступилъ въ свои права.

Сата навѣщала подругу иногда по два или по три раза въ день, но никакъ не успѣвала разогнать ея тоску.

Х.

Еслибы та жизнь и тѣ маленькія утѣхи которыми пользовался Шелестъ въ Дышны своею оригинальностью и своеобразностью не напоминали ему зачастую что онъ въ лагѣру, то нѣтъ сомнѣнія, русскій солдатъ и не пожалѣлъ бы о

быломъ положеніи въ ротъ. Но какъ тутъ его ни ласкали, какъ ни дорога ему была Сата, а все время отъ времени, какъ говорится, не то тайкомъ, не то украдкой, заползала ему въ голову мысль о томъ, какъ бы этакъ какъ-нибудь поудобнѣе, да похитрѣе шагнуть черезъ три, четыре хребта—да и концы въ воду.

А Саты все будетъ жаль, заключалъ онъ обыкновенно про себя. Да что жь, добавлялъ онъ потомъ, какъ бы въ видѣ утѣшенія, чего же мнѣ жалѣть о ней? Не со мной вѣдь ея счастье. Не отдастъ же ее отецъ за лѣвнаго христіанина. А вѣры не переменяю. Нѣтъ, скорѣе бы въ отставку отъ Цюука, да олять на дѣйствительную.

Вотъ какого рода были ежедневныя размышленія русскаго солдата. Ему и нравилось въ семьѣ у горца, и въ лодкѣ хотѣлось. Словомъ, одно время онъ колебался и не зналъ самъ что избрать, трудовую и удобную жизнь у Цюука, или вѣчно тревожную, походную, исполненную подчасъ лютыхъ невзгодъ жизнь въ лодку.

Но пришло время когда свое родное пересилило. Несмотря на то что онъ болѣе чѣмъ когда-нибудь сроднился душой со своими хозяевами, грусть-тоска давила его; онъ все чаще и чаще задумывался.

Удобная, но скучная, однообразная жизнь въ аулѣ пріѣлась ему вполнѣ. Пришло наконецъ время когда онъ не колебался въ выборѣ. По его словамъ, онъ *разгадалъ*, что своя лепешка лучше чужаго киселя. Итакъ, Шелестъ сталъ сильно въ лѣсъ смотрѣть. Убѣжать отъ добраго хозяина было не трудно, но добраться до своихъ не представлялось никакой возможности.

Такъ протянулся годъ, за нимъ другой. Вдругъ узнаетъ Иванъ что Сату выдаютъ замужъ.

Въ одинъ изъ жаркихъ дней на исходѣ лѣта лась онъ хозяйскую баранту на покатосяхъ горъ, за дышвынскимъ кладбищемъ, по дорогѣ въ Итовъ-Кале. Въ полдень прикорнулъ къ дереву и задремалъ. Невозмутимыя овцы и бараны, наѣвшись вдоволь, сбились въ кучу, уткнули морды другъ другу межъ переднія лопатки и со своей стороны предалися покою. Въ это время по дорогѣ проходила Сата, посланная матерью за какою-то покулкой въ итовкаальскую лавку. Въ послѣдствіи оказалось что этотъ маневръ былъ не болѣе какъ женская хитрость. Вдова Альдамá давно уже

переговорила съ Дзадой о томъ чтобы женить своего третьяго сына Шаму на ея дочери. До послѣднихъ дней Сата объ этомъ не знала. Секретъ ей открыла случайно Хая. Обычай горцевъ не только не запрещалъ скрывать подобныхъ вещей отъ другой сестры, но не рѣдко допускалъ избирать младшую сестру посредницей для переговоровъ съ невѣстой, если только старшей минуло 15 лѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ, то-есть когда имѣется посредница, а мать допускаетъ родителей спрашивать согласія у своей дочери. Конечно въ отвѣтъ на это всегда свѣдуютъ слова: пусть будетъ такъ какъ родителямъ угодно. Такимъ образомъ Хая и передала Сатѣ всѣ свѣдѣнія о намѣреніи родителей. Когда же Дзада убѣдилась что Сата согласна на ея волю безъ малѣйшаго ролота, то чтобы дать Шамѣ возможность видѣть невѣсту чаще, матери придумывали разные предлоги.

Сата завидѣвъ Шелеста тихонько подошла къ нему.

— Ивань! обозвала она его.

Шелестъ проснулся.

— Это ты, Сата? спросилъ онъ ее.—Какимъ образомъ очутилась ты здѣсь?

— Меня послала мать въ Итонъ-Кале.

Послѣдовало молчаніе. Оба были въ весьма неловкомъ положеніи.

— Я тебѣ хотѣла кое-что передать, Ивань.

Всѣдствие какого-то страннаго предчувствія у Шелеста екнуло сердце.

— Говори, моя красавица, отвѣчалъ Ивань.

— Меня хотятъ выдать замужъ, чуть слышно проговорила дѣвушка и медленно олустила голову.

Въ это время Шелестъ забылъ обо всемъ что было близко его сердцу, кромѣ Саты. Онъ не вымолвилъ ни слова, но слеза медленно скатилась по его морщинистой, загорѣлой щекѣ. Оба стояли другъ противъ друга молча, какъ бы не рѣшаясь ни словомъ, ни вздохомъ нарушить торжественность этой знаменательной минуты.

— Такъ какъ же? спросилъ наконецъ оломившійся Шелестъ, съ трудомъ произнося эти слова. И не ожидая отвѣта онъ продолжалъ:—Что же мнѣ дѣлать теперь? Прощай, Сата. Я лотороплюсь васъ оставить какъ можно скорѣе.

Въ эту минуту дѣвушка очнулась.

— Прошу тебя, пожалуйста, мой добрый Ивань, проговорила

она съ послѣдностью, не рѣшайся на побѣгъ; еще не пришла твоя пора! Вѣдь всѣ окрестные аулы знаютъ тебя и на первомъ часѣ пути выдадутъ головой.

— Что жь, лускай выдають, отвѣчалъ онъ совершенно равнодушно.

— Нѣтъ, не нужно. Твое еще не ушло отъ тебя. Дождись того времени когда ты можешь исполнить свое намѣреніе не подвергая себя опасности.

— Долго ждать, моя любая сестра.

— Ничего, Иванъ. Положись на меня. Аллахъ видитъ и знаетъ что за тебя я готова отдать половину своего счастья. Я тебѣ все устрою какъ нельзя лучше, но для этого нужно ждать. Если это удастся мнѣ до моей свадьбы,—я не замедлю; если же нѣтъ, то помни что, по обычаю нашему, я черезъ годъ должна возвратиться къ отцу чтобы нѣкоторое время пожить съ нимъ. Тогда я не буду связана какъ теперь и прищу тебѣ удобный случай. Если же ты уйдешь теперь, то заставишь меня мучиться за тебя, потому что черезъ полгода послѣ побѣга твою голову принесутъ къ отцу. Подожди пожалуйста, Иванъ; вѣдь крайности еще нѣтъ.

— Ты умная дѣвушка, Сата, и, Боже мой! какъ дорога моему сердцу. До поры до времени пусть будетъ по твоему, родная. Иди себѣ съ Богомъ, не то кто-нибудь увидитъ тебя.

Сата быстро и молча обернулась, утерла рукавомъ свои глаза и чрезъ пять минутъ скрылась за горой.

XI.

Такъ какъ, по обычаю горцевъ, сватомъ можетъ быть старшій въ родѣ, то-есть отецъ если онъ живъ, или старшій братъ, то спустя нѣсколько дней послѣ встрѣчи Саты съ Шелестомъ, Мажи осѣдлалъ лучшаго своего коня, одѣлъ его въ серебро, самъ принарядился въ щегольское, но не блиставшее галунами платье и поѣхалъ къ Цоуду сватать его дочь за своего брата Шаму. Между тѣмъ Дзада еще прежде успѣла передать мужу что, по слухамъ дошедшимъ до нея отъ вдовы Альдама, семейство послѣдняго изъявило желаніе породниться съ Цоукомъ.

Ветеранъ ласково принялъ это извѣстіе и съ улыбкой отвѣчалъ обыкновенною въ этомъ случаѣ фразой:

— И у бабъ есть подчасъ толкъ въ головѣ.

Предувѣдомленный о томъ что на дняхъ у него будетъ старшій сынъ покойнаго наиба, Цоукъ приготовилъ побольше бузы, раки, лива и сталъ поджидать гостя. Пріѣхавъ свать. Лишь только онъ остановился во дворѣ къ нему на встрѣчу вышелъ Цоукъ, собственноручно привалъ отъ него коня, передалъ его Хаѣ, обезоружилъ Мажи и съ почетомъ ввелъ его въ свою саклю. Товаръ нужно было показать лицомъ. Поэтому не только Сата, которая предъ сватомъ не должна была скрываться, блистала въ этотъ разъ роскошью красоты и богатствомъ убора, но все лучшее и новое изъ вещей, какъ-то: подушки, перины, ковры, шелковыя одѣяла, бешметы, рубахи, отлично вычищенная посуда, все это было наружу и празднично, чуть не съ улыбкой смотрѣло на пріѣзжаго. Такое довольство и блескъ показались послѣднему достойными особенной похвалы; онъ пощелкивалъ языкомъ, умильно качалъ головой и весьма сожалѣлъ о томъ что все это вмѣстѣ съ невѣстой достанется не ему.

Не у одного только Русскаго народа водка и вино хорошіе проводники всякихъ задушевныхъ разговоровъ. Этого обыкновенія придерживаются и кавказскіе горцы. Лишь только все что въ безтолковомъ количествѣ было напечено и наварено къ пріѣзду гостя сошло со стола и кушанья смѣшались кувшинами съ налитками, Дзада, какъ опытная женщина, сдѣлала знакъ присутствующимъ, и всѣ за исключеніемъ Мажи и Цоука вышли изъ сакли.

Послѣ перваго стакана раки Мажи началъ:

— Въ домѣ у тебя, почтенный хозяинъ, обиліе и роскошь; твое семейство самое уважаемое во всемъ аулѣ; твои душевныя качества и воинскіе подвиги служатъ удивленіемъ и примѣромъ всемъ юношамъ. — А затѣмъ, понизивъ нѣсколько изъ скромности голосъ, онъ продолжалъ: — Наше же семейство, хотя живетъ безъ своего отца, тѣмъ не менѣе считаетъ себя настолько счастливымъ что можетъ соперничать съ твоимъ. Въ одномъ мы не равны: у насъ много джигитовъ: Мажи, Тата, Шама, Алханъ и Ахметъ, а въ будущемъ еще зрѣютъ Магометъ и Хаджи-Муратъ; за то нѣтъ брилліантовой звѣзды какъ у тебя. Хочешь ли уравниатъ и въ этомъ случаѣ одно съ другимъ? Породнись съ нами, отдай намъ твою блестящую звѣзду, украшеніе твоего семейства, дочь Сату, а мы оставимъ тебѣ сына и джигита въ лицѣ нашего брата Шамы.

— *Боркала, Мажи! Алляги, билляги, дукодекенз-ду**. Нужно тебѣ замѣтить одно что на мою звѣзду уже заглядывался не одинъ джигитъ. Предчувствіе мнѣ говорило что я долженъ ее сберечь для крови Аадама и я устоялъ противъ всѣхъ искушеній. Теперь берите отъ меня мою дочь, пусть она украситъ собою ваше семейство. Присылайте за ней; она ваша. Но предупреждаю васъ что будете возиться со мною три дня прежде чѣмъ получите ее **. Мажи съ достоинствомъ умылся и поглаживая свою бороду, не совсѣмъ понято плелъ комплименты хозяину. Черезъ часъ Цоукъ проводилъ своего гостя до воротъ ограды и попрощался съ нимъ, поднявъ правую руку горизонтально, въ уровень со своею бородой. Спустя нѣсколько дней женихъ избралъ довѣренными отъ себя лицами Мажи и Бецуша, послѣдняго по близкому знакомству его съ домомъ Цоука—и надѣливъ ихъ калымомъ отправилъ за невѣстой. Довѣренныя пригласили съ собою родныхъ и знакомыхъ. Послѣднихъ набралось до 40 человѣкъ.

* Спасибо, Мажи! Богомъ клянусь это очень хорошо. Слова: *алляги, билляги, силляги* у горцевъ выражаютъ самую высокую клятву и употребляются въ ихъ присягѣ.

** Когда калымъ отъ жениха доставленъ, то въ назначенный день являюся отъ него къ невѣстѣ выборные въ лицѣ его родныхъ или друзей чтобы взять и отвести къ жениху его нареченную. Самъ же женихъ не долженъ во все время до первой ночи показываться ей, иначе стыдливая дѣвушка, если увидитъ что этотъ обычай нарушенъ, въ правѣ прервать съ женихомъ всякія отношенія. Невѣста довѣряетъ выборнымъ какъ своимъ братьямъ. Когда эти повѣренныя, въ коихъ которыхъ иногда состоитъ отъ 50—100 человѣкъ, являюся къ отцу невѣсты и онъ обладаетъ достаткомъ въ такой мѣрѣ что можетъ ихъ принять и угостить на отваль, то проситъ всѣхъ пожаловать къ нему на дворъ и открываетъ у себя правдикъ. Кутежъ иногда продолжается до трехъ сутокъ. Въ продолженіе этого времени невѣста по возможности избѣгаетъ всѣхъ, за исключеніемъ лицъ довѣренныхъ отъ жениха. Когда отецъ нареченной окончитъ свое угощеніе, гости собираются обратно къ жениху и взявъ съ собою невѣсту за которую слѣдуетъ (если она богата) обозъ съ ея вещами арбъ 30 или 40, съ джигитовкой, криками и пѣснями конвоируютъ ее въ домъ жениха. Нужно замѣтить что на арбахъ вещи распредѣлены весьма лаутовски: нерѣдко на одной арбѣ лежитъ двѣ-три подушки, на другой перина, на третьей два ковра и одѣяло и такъ далѣе. Словомъ, все дѣло состоитъ не въ громадности арбъ, а въ количествѣ ихъ.

Вся эта ватага въ правдивыхъ чухахъ и бешметахъ, на отстоявшихся коняхъ, съ оружіемъ оправленнымъ въ серебро, а у многихъ и съ золотой насѣлкой, шумно двинулись въ Дышны.

Мажи везъ записку, или лучше сказать контрактъ, написанный муллою, по которому объявлялось что Сата выходитъ замужъ за Шама, а послѣдній, еслибы по простествіи въ некотораго времени захотѣлъ съ нею развестись, обязывается оставить за ней половину своего каыма не превышаваго на деньги 50 рублей серебромъ *.

Лишь только поѣздъ вступилъ въ Дышны, къ нему со всѣхъ сторонъ присоединились жители аула. Хотя они не были приглашены, но знали что по существующему обычаю никто не имѣлъ права не влустить ихъ во дворъ Цоука. А такъ какъ логоваривали что Цоукъ задаетъ пиръ на славу, то нѣтъ никакого сомнѣнія что ихъ не минетъ кружка раки или бузы.

Въ честь прибытія гостей широкимъ ручьемъ на задворья у Цоука полилась баранья кровь. Явились приглашенная Дзадой дѣвушка, пришли *пандуристы*—и ликованіе началось.

Сата со своими подругами была въ особомъ отдѣленіи, и

* У разныхъ горскихъ обществъ на Кавказѣ каымъ различенъ, въ Осетіи и Дигоріи *алдаръ* (равноспально званію князя) или *мулла-алдаръ* (полу-князь), а равно и зажиточные дворяне платятъ за невесту, если она дѣвица, не свыше 580 руб. сер., если же она вдова, то не болѣе 400 рублей. Кабардинцы, лучшее и благороднѣйшее по происхожденію племени въ горахъ, служили издавна для всѣхъ законодателями и, гордясь благородною кровью и богатствомъ, внесли въ адатъ положеніе о каымѣ въ 2.000 руб. сер. Кабардинскіе князья болѣе не платятъ. Кабардинцы небогатые платятъ каымъ не меньше 100 руб. сер. Иногда онъ понижается до 25 руб. Въ Малой Чечнѣ, смотря по богатству и знатности жениха, каымъ простирается отъ 25—180 р. с.; въ Большой Чечнѣ отъ 3—25 р. с. Въ Таваніи приносится иногда въ каымъ одинъ баранъ и кой-какая *аурда-мурда*. Въ Нагорной Чечнѣ, до занятія ея Русскими, каымъ въ 50 р. с. былъ уже чрезчуръ значителенъ, но за то вещь стоящая 10 р. цѣнилась въ 3—4 рубля. По занятіи же нами этихъ обществъ, жители хотя и обѣдѣли, но потребности ихъ, вѣроятно изъ подражанія, стали шире, и каымъ увеличился. Серебромъ горды платятъ рѣдко. По большей части вмѣсто денегъ даютъ скотину, оружіе, домашнюю утварь, матерію разныя и проч. Каымъ за невесту получаютъ старшій въ ея родѣ мужчина.

изъ скромности не показывалась гостямъ. Только Мажи и Бедушь, вступавшіе въ настоящемъ случаѣ въ права братьевъ, могли безпрепятственно входить въ ту часть дома гдѣ находилась невѣста.

Какъ ни старались старѣйшіе изъ горцевъ улросить дѣвицъ чтобъ онѣ вышли веселиться и плясать на дворѣ, въ присутствіи всего общества, ихъ старанія до самаго вечера оставались безуспѣшны. Только не задолго до захода солнца Хая, по свойственной ей характеру рѣзвости и какъ хозяйка дома, прежде другихъ разрушила всю притворную серьезность своихъ подругъ и заставила ихъ вмѣстѣ съ нею собраться въ кружокъ, не вдали отъ веселившихся мужчинъ. Пандуристы * ударили въ струны, и пошла круговая сперва скромно, тихо, потомъ съ притопываніемъ, съ возгласами и прибаутками. Тамашу смѣнила лезгинка, и дѣвицы одна предъ другою валерерывъ выказывали всю грацію и ловкость своихъ пріемовъ, всю историческую замысловатость этого танца, перехода съ каждымъ аккордомъ пандуристовъ къ болѣе быстрымъ движеніямъ и поворотамъ, то вытягивая ноги въ струну и опираясь на одни только большіе пальцы, то становясь на пятки и открывая глазамъ зрителей всю подошву своей маленькой ноги. Въ этомъ танцѣ выражали онѣ и сватовство, и свадьбу дѣвицы, и джигитство жениха, и мужество, и разладъ съ мужемъ, и вновь примиреніе, и чуть-чуть не объятія и поцѣлуи. Но на этомъ танецъ заканчивался. Раскраснѣвшіеся дѣвица и мужчина останавливались, граціозно разведя руками въ сторону, кланялись какой-либо другой парѣ, а сами садились отдыхать при общемъ одобреніи подкутившей компаніи. Уже поздно ночью угомонилось большинство. Только нѣсколько пожилыхъ и болѣе или мѣше почетныхъ гостей досиживали еще въ кунацкой своей чашки съ бузой. Скоро и они свалились тамъ гдѣ сидѣли....

На утро началось повтореніе вчерашняго; къ полудню празднество было въ разгарѣ. Число пандуристовъ увеличилось еще нѣсколькими дудочниками. Въ то время когда дѣвицы, изъ которыхъ не одна, ради свадьбы Саты, сильно потрела-ла родительскій карманъ, снова явились на дворѣ и въ своихъ яркихъ, блестящихъ бешметахъ и чевякахъ, увѣшанныя

* Пандуръ инструментъ о шести или пяти струнахъ на подобіе гитары, только безъ деки, и меньшаго размѣра.

въ нѣсколько рядовъ разнаго рода ожерельями, начали свою пляску, молодежь подтянула подруги лошадямъ, выѣхала за ограду дома Цоука и пустилась въ джигитовку. Любо было смотрѣть на этихъ лихихъ всадниковъ. Если слѣдить за ихъ движеніями и поворотами въ сѣдлахъ, то казалось что каждый изъ нихъ дѣтски нетвердо сидитъ на конѣ: онъ свободенъ и поворотливъ какъ кукла; его будто бросаетъ на всѣ четыре стороны. Но эти самые вѣдоки, съ виду до того плохіе что вотъ, того и жди, любой изъ нихъ свернетъ себѣ шею, на полномъ карьерѣ вдругъ останавливали своихъ лошадей почти на данной точкѣ и, сдѣлавъ ловкій прыжокъ, такъ что хвостомъ животнаго захватывали чуху близъ стоявшаго горна, ловко неслись назадъ чтобы перескочить высокій барьеръ и остановиться за нимъ какъ пригвожденные къ землѣ.

Къ вечеру, по принятому обыкновенію, Мажи и Бецушъ стали просить Цоука выдать имъ невѣсту.

— Невѣста еще не собралась и просить гостей обождать ее и продолжать веселиться, былъ постоянный отвѣтъ подкутившаго родителя.

Наконецъ на третій день къ обѣду, когда подобное препровожденіе времени, показалось наконецъ утомительнымъ и однообразнымъ, и многіе изъ гостей увиливади, уже отъ бузы и раки, во дворъ стали въѣзжать арбы, запряженныя быками и лошадьми. Ихъ всѣхъ было до двадцати. На каждую изъ нихъ клали какія-нибудь вещи, которыя вывозили за аулъ. Въ числѣ послѣднихъ арбъ въѣхали четыре крытыя рогожами. Мажи и Бецушъ со всею родней Сата дошли въ отдѣленіе невѣсты и, окруживъ ее, вывели на дворъ. Лицо дѣвушки было закрыто. Когда ее подвели къ арбѣ въ которой она должна была занять мѣсто, Сата на мигу остановилась, будто ожидая кого-то, потомъ съ нетерпѣніемъ повернула голову къ дому и наконецъ медленно стала садиться въ арбу.

Подлѣ нея помѣстилась Хаа; дѣвушки удостоившіяся приглашенія размѣстились въ остальныхъ трехъ арбахъ. Мажи и Бецушъ поѣхали верхомъ близъ арбы невѣсты, а всѣ другіе провожатые, съ пѣснями, съ джигитовкой, пальбой, лавдурями, дудками и свистками, мчались, останавливались, возвращались и снова скакали впереди поѣзда.

По едва проѣзжей для арбы дорогѣ поѣздъ потянулся въ Итовъ-Кале.

Въ продолженіи послѣднихъ трехъ дней Шелеста можно было видѣть рѣдко, потому что онъ появлялся на дворѣ или въ саклѣ на самое короткое время. За то незадолго до разсвѣта, когда всѣ, утомленные тревогой дня, съ головами отягченными бузой, раки и пивомъ, искали убѣжища и отдыха гдѣ попало на задней сторонѣ дома, подъ прикрытіемъ предразсвѣтной тьмы, замѣтны были двѣ тѣни, которыя тихо, осторожно, но серьезно о чемъ-то разговаривали. Одна тѣнь маленькая, съ быстрыми движеніями, дрожавшая отъ страха и нескладно передававшая заученныя, какъ видно, чужія слова; то была Хая. Другая Шелестъ.

Когда сестры сѣли въ закрытую арбу, куда не смѣлъ проникнуть ни одинъ нескромный взглядъ, Сата отбросила свою чадру. Ея лицо нѣсколько стянулось, поблѣднѣло; взглядъ былъ словно чужой, и по покраснѣвшимся вѣкамъ и глазамъ можно было догадаться что она или плакала недавно, или не спала въ эти дни.

Она обняла правою рукою шею сестры, и тихо шептала: „Жаль мнѣ его, Хая, очень жаль. Скажи чтобы помнилъ меня, и ждалъ, пока я черезъ годъ не буду опять къ вамъ. Бѣдный Иванъ! Жаль мнѣ его, Хая... Не оставляй его, дорогая сестра“...

Поздно вступили арбы въ Итонъ-Кале. Было темно. Несмотря на это гостей ожидали здѣсь новыя налитки и яства. Всѣ кое-какъ втащались на дворъ и размѣстились на открытомъ воздухѣ и въ саклѣ. Пандуристы прежде всѣхъ принялись за свою работу, и снова балъ открытъ на три дня. Невѣсту упрятали въ одно изъ уединенныхъ отдѣленій. Она отстраняла отъ себя всякія посѣщенія и разговоры постороннихъ лицъ и оставалась почти все время только съ одною Хаяй.

Опять тѣ же танцы, лолойка и джигитовка...

На третью сутки вдова Альдама объявила своимъ почтеннымъ старухамъ-сосѣдкамъ что Шама мужъ вполнѣ, что есть надежда на спокойную и счастливую будущность молодыхъ. Гости простились съ хозяевами.

XII.

Сата зажила со своимъ мужемъ въ той же обширной двух-этажной саклѣ въ которой помещалось все семейство Альдама. Свекровь ея, по обычаю, въ первое время не заставляла ее нести всѣ обязанности по хозяйству и требовала отъ новобрачной помощи только тогда когда сама не въ состояніи была управиться.

Наступилъ 1854 годъ. До этого времени Сата не навѣщала своихъ родителей; только мужъ ея два раза съѣздилъ въ Дышны. Что же касается Хаа, то она почти каждый мѣсяцъ приходила навѣстить свою сестру, и долго бесѣдовали онѣ наединѣ, сидя гдѣ-нибудь въ темномъ углу. Благодаря обычаю запрещающему молодымъ женщинамъ быть нескромными и разговаривать громко въ то время когда въ саклѣ присутствуютъ старшіе, двѣ сестры перебирали втихомолку всѣ обстоятельства новой жизни Саты, положеніе Шелеста, его ожиданія, надежды и горестъ въ разлукѣ со своею кормилицей.

Нужно замѣтить что съ тѣхъ поръ какъ Шелестъ лишился Саты, онъ неволью съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе привязывался къ Хаѣ. Это было весьма естественно, потому что кромѣ того что она каждымъ движеніемъ напоминала ему сестру, но своею заботливостью объ участи плѣнника давала ему время отъ времени возможность не такъ глубоко чувствовать отсутствіе Саты. Несмотря на все это, Хаа не была во всемъ похожа на свою старшую сестру. На Сату Шелестъ привыкъ смотрѣть скорѣе какъ на полечительницу свою, наставницу и руководительницу въ жизни ему незнакомой, чуждой; въ Хаѣ онъ видѣлъ не болѣе какъ добрую, привязанную къ нему дѣвочку. Словомъ, взглядъ Шелеста на Хаю близко подходилъ ко взгляду отца на свое любимое дитя. Но пришло время, когда и Хаю нельзя было узнать. Въ теченіе двухъ лѣтъ она сильно измѣнилась. Изъ рѣзвой, игривой дѣвочки она преобразилась въ серьезную и молчаливую; подчасъ маленькое облако набѣгало на ея дѣтскій добъ. Причина этой перемѣны заключалась въ томъ что Цоукъ и Дзада неожиданно просватали ее за одного изъ горцевъ аула Хальды-Хырея. День свадьбы былъ назначенъ до наступленія уразы.

Между тѣмъ въ горахъ пронесся темный слухъ о томъ что имаѣмъ намѣренъ предпринять въ текущемъ году какую-то весьма серьезную экспедицію, или, лучше сказать, набѣгъ на плоскокость. Говорили что этотъ набѣгъ обѣщаетъ горцамъ несмѣтную добычу, груды золота и серебра...

Это обетованство сильнѣе поста заставило Цоука поторопиться отпраздновать свадьбу.

И вотъ въ условный день повторилась въ семействѣ Цоука та самая исторія сватовства, которая была съ Сатой. Но въ настоящемъ случаѣ сватовство и свадьба были скуднѣе, бѣднѣе и продолжались въ домѣ родителей невѣсты всего одна сутки.

На свадьбу явилась и Сата, вмѣстѣ съ прочими приглашенными женщинами. Она снова увидѣла Шелеста; но въ присутствіи постороннихъ дѣлала видъ будто не замѣчаетъ его. Въ продолженіе дня ей удалось сказать ему нѣсколько словъ только тогда когда вся молодежь, не стѣсняясь ни холодомъ, ни вѣнаниемъ, пустилась въ джигитовку. Сата, проходя по двору подъ предлогомъ взглянуть на удалъ Чевтыяцевъ, остановилась у воротъ ограды, за которыми находился Иванъ, выжидавшій удобнаго случая сказать нѣсколько словъ своему другу.

Когда Чеченка увидѣла что вблизи никого нѣтъ и что никто ихъ не можетъ подслушать, она, смотря совершенно въ противоположную сторону, вполголоса сказала ему:

— Здравствуй, мой хорошій Иванъ. Не печалься. Для тебя очень полезно что Хая будетъ жить въ Халды-Хыроѣ. Увидишь! У меня лавъ готовъ для твоего освобожденія; потерпи немного и жди меня; я скоро прибуду къ родителямъ на довольно продолжительное время.

Шелестъ не успѣвъ отвѣтить ни слова, потому что Сата быстро отвернулась отъ него и пошла обратно въ саклю.

Въ этотъ разъ пѣтнякъ имѣлъ возможность лицомъ къ лицу встрѣтиться со своею благодѣтельницей. Какъ сильно измѣнилась эта женщина въ такое короткое время! Лицо ея поблѣднѣло, похудѣло; въ одеждѣ и на тѣлѣ не было той чистоты и опрятности которыми когда-то, въ семействѣ своемъ, она всѣхъ удивляла. Неизмѣнными остались ея постоянная добрая улыбка и приковывавшіе глаза. Эти глаза теперь стали еще привлекательнѣе, потому что удержавъ при себѣ

свой блескъ, приобрѣли болѣе неподвижности. Жаль одно: ваяніе дыма весьма было замѣтно на слегка олухшихъ вѣкахъ.

Какъ увезли въ Халды-Хырой. Вотъ когда стало Шелесту вполнѣ тяжело. Бывало, въ скучную длинную ночь сидитъ онъ въ своей каморкѣ, а слеза такъ и набѣгаетъ. Недѣли казались ему мѣсяцами. Все ждетъ онъ, не дожидется весны; и сдается ему что еще сто лѣтъ осталось до наступленія ея.

Но весна настала. Снова забушевали рѣки, разлился Аргунъ такъ что ни проходу, ни проѣзду нѣтъ. Около половины іюня имамъ воззвалъ къ народу, и все засуетилось. Всѣ кто только могъ носить оружіе стали собираться въ походъ. Черезъ два дня Чентынская сотня была готова. Собрать массы горцевъ давно жаждавшихъ добычи, Шамиль отпрявился въ Кахетію.

Послѣдствія этого набѣга, сопровождавшагося рядомъ несчастій для Кахетіи вообще и въ частности для семействъ князей Орбеліани и Чавчавадзе, извѣстны. Недолго были въ отлучкѣ мужья, братья и отцы тѣхъ женщинъ попеченію которыхъ въ ихъ отсутствіе были предоставлены сакли и цѣлые аулы. Въ половинѣ іюля оставшіеся въ домахъ своихъ горцы, съ нетерпѣніемъ ожидавшіе развязки набѣга, съ восторгомъ примѣтили на хребтахъ отдаленныхъ горъ длинныя вереницы своихъ героевъ, нагруженныхъ разнаго рода добычей. Перелазо тутъ не мало награбленныхъ вещей и въ руки Цоука и Аждама. * Почти всѣ горцы возвратились домой цѣлы и невредимы. Шелестъ съ высокой Дышнынской башни видѣлъ на отдаленномъ поперечномъ хребтѣ, идущемъ по направленію отъ Туметіи къ Андіи, вдоль Лезгинской линіи, караванъ съ именитыми лѣвняцами. Конечно, онъ не зналъ кто это такія, но нечего было задумываться о томъ, съ охотой или поневолѣ слѣдовали онѣ въ резиденцію имама. Въ то время когда въ аулѣ радости и восторгамъ не было конца, у него одного быть-можетъ щемило сердце. Крѣпко грустно стало ему, жутче прежняго...

Не прошло и мѣсяца со дня возвращенія партій изъ набѣга какъ Сата явилась въ домъ родительскій чтобы

* Въ числѣ другихъ вещей въ семействѣ покойнаго мауба являлись съ того времени: самоваръ, чайники мѣдные, фаянсовые тарелки и прочая утварь. По словамъ Мажи, съ того дня они стали употреблять чай и угощать имъ почетныхъ своихъ посѣтителей.

привести, по обычаю, благодарность за счастливо устроенную судьбу.

Все встрѣтило ее съ распростертыми объятіями. Но русскій плѣнникъ былъ счастливѣе всѣхъ. Онъ рѣшительно земли не чуялъ подъ ногами. Онъ ждалъ удобной минуты чтобы высказать и дать понять своей бывшей кормилицѣ все нелюдѣльное удовольствіе, всю радость, внесенную въ его сердце прибытіемъ ея.

Уже около недѣли прошло съ того дня какъ Сата временно поселилась у своихъ родителей. Теперь свиданія и разговоры ея съ Шелестомъ не происходили украдкой, какъ это было прежде, вопервыхъ, потому что Сата-женщина имѣла боѣе правъ чѣмъ Сата-дѣвица; а вовторыхъ, потому что Цоукъ, выдавъ замужъ обѣихъ своихъ дочерей, сталъ еще боѣе довѣрчивъ къ своему батраку. Впрочемъ и Шелестъ вполнѣ заслужилъ это довѣріе послѣ пяти саишкомъ лѣтъ своего плѣна. Цоукъ теперь не смотрѣлъ на него какъ на чернорабочаго и гяура: онъ видѣлъ въ немъ человека болѣе или менѣе преданнаго ему и умѣлъ цѣнить ту признательность которую выражалъ ему Русскій за ласковое съ нимъ обращеніе. Иванъ скажется его женѣ и отправится въ ближній аулъ за какою-нибудь нуждой для своихъ хозяевъ. Иногда онъ уходитъ съ утра и явится только къ вечеру. Хозяйка не вымогаетъ ему ни одного удрека.

— Чтò ни говори, твердилъ Шелестъ въ послѣдствіи своимъ ротнымъ товарищамъ,—а сказано: свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Такъ оно значить и выходитъ.

Даледъ, у котораго былъ купленъ Шелестъ, имѣлъ въ особенности въ послѣднее время всѣ свѣдѣнія о своемъ бывшемъ батракѣ. Сильно жалѣлъ онъ о томъ что лишился такого работника. Да дѣлать нечего: онъ только кусалъ губы и угрюмо покачивалъ головой.

Однажды послѣ небольшого дождика былъ прекрасный прохладный вечеръ. Цоукъ крѣпко состарѣвшійся въ послѣдніе годы, скуки ради, пошелъ посидѣть во дворъ одного изъ сосѣдей, гдѣ на камняхъ уже прохладдалось довольно много горцевъ, строгавшихъ палочки, чертившихъ пальцемъ разныя іоты и отплевавшихъ на всѣ четыре стороны. Въ это время Шелестъ пригналъ хозяйскую баранту и загонялъ ее въ дойный хлѣвъ. Работницы Цоука, собравъ свои дойники и засучивъ рукава, принимались за дѣло.

— Что, Иванъ, усталъ? спросила Сата лѣвадика въ то время когда вогнавъ овецъ въ хлѣвъ, онъ притворилъ за ними ворота и, ударивъ рукой объ руку, проговорилъ: шабашъ!

— Нѣтъ, отчего тутъ устать. Нешто трудъ великъ?

Сата улыбнулась и ближе подошла къ нему.

— Слушай меня, Иванъ, сказала она вполголоса.

Шелестъ по предчувствію весь обратился въ слухъ.

— Довольно тебѣ перебиваться тутъ, проговорила она.— Какъ ни хорошо мнѣ бывало съ тобой въ нашемъ домѣ и какъ часто ни старалась я удерживать тебя по крайней мѣрѣ въ то время когда могла жить съ тобой подъ одною кровлей, но вѣрю что тебѣ пріятнѣе будетъ между своими. Я приготовила для твоего освобожденія все что отъ меня зависитъ.

— Ахъ ты моя родная! ахъ ненаглядная! шепталъ невольво Шелестъ по-русски, устремивъ неподвижно глаза на Сату и сложивъ на груди руки.

— Я завтра пойду дня на два къ Хаѣ, продолжала она.— Ты пользуешься полнымъ довѣріемъ моего отца, поэтому можешь безпрепятственно выдти изъ аула послѣзавтра. Помни: послѣзавтра, немного раньше теперешняго времени, отправляйся прямо въ Халды-Хырой. Правда, тебѣ короче дорога изъ Дышны чрезъ свѣговой хребетъ, но туда не ходи, опасно. Дѣлай такъ какъ я говорю. Поверни изъ аула назадъ по дорогѣ въ Итонъ-Кале. Этимъ ты отворишь всякое подозрѣніе. Подумають что идешь или за аулъ, или на дорогу. На всякій случай приготовь что сказать, если у тебя спросятъ, куда и зачѣмъ идешь? На половинѣ пути къ Итонъ-Кале старайся идти какъ можно скорѣе, сверни влѣво и подъ горой пробирайся къ Аргуну. Перейдя на ту сторону рѣки и взобравшись на хребетъ, ты увидишь меня на дорогѣ. Если встрѣтишь кого-нибудь при переправѣ и тебя спросятъ: куда идешь, скажи что посланъ за мною. При встрѣчѣ я тебя извѣщу, если будетъ какая-либо опасность, и тогда мы вернемся; ты отложишь свой побѣгъ до болѣе счастливаго случая. Если же опасности не будетъ, иди прямо въ Халды-Хырой. Сколько возможно я буду слѣдить тебя, и лишь только пригнусь къ землѣ,—значитъ берегись. Отъ мѣста нашей встрѣчи до Халды-Хыроя будетъ недалеко. Старайся подойти къ аулу въ сумерки. Тамъ тебя встрѣтитъ Хая.—Тутъ Сата оглянулась, положила руку на грудь, тяжело вздохнула и съ грустью продолжала:—

Но съ этой минуты будь крайне остороженъ, потому что Хая неопытна, труслива и можетъ не сладить съ собою. Ея мужа въ эти часы не будетъ дома. Она тебя проведетъ мимо аула такъ что ни одна собака не тавкнетъ. Держись крѣпко той дороги которую она тебѣ укажетъ и помни что влѣво отъ тебя пойдетъ другая тропа въ Дидѣ. Иди все направо и направо. Твоя дорога выведетъ тебя прямо въ Тушетію. Имѣй въ виду что ночи теперь очень темны. Если собьешься съ пути, то направляйся прямо къ Барбалѣ, эту гору ты всегда узнаешь. Если тебѣ счастье послужитъ, то къ разсвѣту ты будешь внѣ всякихъ горскихъ ауловъ и кутанъ. А тамъ ты ужъ если встрѣтишь провѣзжихъ, то нѣтъ сомнѣнія, это будутъ Тушины или Хевсуры, которые скорѣе будутъ тебѣ покровительствовать чѣмъ сдѣлаютъ вредъ. Помни же каждое слово мое, Иванъ. Прощай.

И не ожидая отвѣта, Сата отвернулась отъ лѣвника, отворила хлѣвъ, гдѣ въ дальнемъ углу двѣ работницы доила овецъ, и скрылась.

Шелестъ едва переводилъ дыханіе отъ избытка чувствъ. Ему хотѣлось молиться, благодарить Бога за это ниспосылаемое счастье, и приласть къ ногамъ Саты, цѣловать чеваки ея маленькой ноги, плакать отъ радости и улыбаться сквозь слезы...

На третій день послѣ разговора съ Сатой, Шелестъ, собираясь въ путь, отправился въ свою каморку и тамъ съ неудержимымъ биеіемъ сердца сталъ на колѣни, шепотомъ сотворилъ молитву, и затѣмъ нѣсколько успокоенный вышелъ за ограду дома Цоука. Осмотрѣвъ внимательно дорогу по которой ему слѣдовало идти, онъ, по возможности затаивая сильное волненіе, принялъ беззаботный и безпечный видъ набилъ свою трубочку и направился за аулъ по направленію къ Итонъ-Кале. Ему не разъ приходилось въ разное время ходить туда и обратно, и никогда онъ не ощущалъ такого страха и безпокойства, какъ въ настоящую минуту. Отчего бы, кажется, трусить? вѣдь никто и не подозрѣвалъ его намѣренія?.. Скрывшись отъ аула, лѣвникъ съ возможною послѣдностью проходилъ поворотъ за поворотомъ, изгибъ за изгибомъ. По счастливому стеченію обстоятельствъ, онъ на значительномъ протяженіи не встрѣтилъ ни одного горца, который остановилъ бы и о чемъ-либо спросилъ его. Только раза три

попалась ему два какіе-то оборванца, да измѣжденная старуха, послѣппавшіе засвѣтло въ свои кутаны. Имъ было не до Шелеста.

Солнце еще не садилось за горы, когда, пробравшись подъ хребтомъ улиравшимся въ Чевты-Аргувъ, Шелестъ подошелъ къ рѣкѣ. Ни моста, ни кладокъ на ней не было, но спускъ былъ сильно истоптанъ. Перекрестился Иванъ и смѣло побрелъ въ воду, благо что въ это время года всѣ горныя рѣчки мелководны. Очуввшись на противоложномъ берегу, онъ какъ кошка сталъ карабкаться по крутизнамъ, оставивъ въ сторонѣ дорогу. Ему какъ можно скорѣе нужно было перевалиться за хребетъ чтобы скрыться ото всякаго дозорнаго и любопытнаго взгляда. Взобравшись на гору, онъ увидѣлъ вдали аулъ и тотчасъ узналъ его. То былъ Хальды-Хырой. Но дорога по которой онъ шелъ ему рѣшительно не была извѣстна. Та которую онъ зналъ и по которой должно полагать отпавилась вчера Сата была короче настоящей и служила ближайшимъ путемъ между названнымъ ауломъ и Дышны. Но разсуждать было некогда. Шелестъ спустился съ горы и направился по ущелью. Въ то время, когда онъ пройдя дефиле, готовился вступить на ту небольшую гору которая ограждала Хальды-Хырой съ западной стороны, на вершинѣ ея показалась Сата. Шелестъ остановился. Сата стояла выпрямившись во весь ростъ, неподвижная, видимо печальная. Пучъ багровыхъ лучей заходящаго солнца заманчиво рисовалъ на зеленомъ фонѣ горы ея стройный бюстъ. Она выбрала мѣсто заранѣе разчитавъ всѣ выгоды его: съ одной стороны ей былъ виденъ аулъ какъ на ладони и дорога къ нему, съ другой—глазъ обнималъ все ущелье. Шелестъ началъ взбираться, не спуская глазъ со своей благодѣтельницы. Хотя гора была не высока, но крута; утомленный быстрою ходьбой и ослабленный внутреннимъ волненіемъ, Шелестъ напрягалъ всѣ усилія чтобы поскорѣе взойти на гору. Въ разстояніи не болѣе пятидесяти шаговъ отъ вершины онъ остановился чтобы перевести духъ. Тогда Сата, осмотрѣвшись на всѣ стороны, быстро спустилась къ нему.

— Тутъ ты долженъ подождать, Иванъ; еще рано.

— Меня могутъ замѣтить, Сата, едва проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, ложись тутъ.

Сата указала ему на неглубокую яму засыпанную щебнемъ, доказывавшимъ что когда-то здѣсь была сакая.

— Ты сейчасъ уйдешь, Сата?

— Нѣтъ, а подожду пока ты не спустишься къ аулу.

— Но вѣдь тогда поздно будетъ, моя родная! Какъ ты доберешься домой?

— Ничего, Иванъ, отвѣчала она съ печальною улыбкой,— если меня никто не замѣтитъ, я возвращусь на ночь къ Хаѣ. У ней въ домѣ я предупредила что пойду на гору собирать траву для больныхъ барановъ.

Шелестъ улегся въ указанную ему яму, а Сата отойдя немного въ сторону, дѣйствительно начала собирать какую-то траву.

Смеркалось. Сата подошла къ Ивану и глубоко растроганнымъ голосомъ тихо проговорила:

— Вставай, Иванъ, и иди скорѣе. Пока спустишься къ аулу—будетъ поздно.

При этихъ словахъ Шелестъ приподнялся, и слезы градомъ полились у него изъ глазъ. Сата же была серьезна, угрюма, печальна, но ни голосъ, ни цвѣтъ лица, ничто ей не измѣнило.

— Прощай, моя родная, моя возлюбленная! Прощай, моя милая кормилица и благодѣтельница! проговорилъ Шелестъ, не въ силахъ будучи сдерживать своего гора.— Спасибо тебѣ за твою ласку, за доброе слово, за хлѣбъ за соль. Прощай, Саточка, голубушка!

И онъ приподнялся..... Сата оклоivilась къ нему и приложила губы къ лицу лѣтника. Это былъ первый и послѣдній поцѣлуй который крѣпилъ дружбу христіанина и мусульманки.

— Прощай, мой добрый Иванъ, ты хороший человекъ. Помоги тебѣ Аллахъ! Иди скорѣе....

Шелестъ почти бѣгомъ сталъ спускаться съ горы, оставивъ Сату на вершинѣ ея. Сколько позволяли сумерки, онъ некоторое время видѣлъ еще ея силуэтъ, неподвижно темнѣвшій на вершинѣ. Наконецъ она мало-по-малу уменьшается, сглаживается и совсѣмъ пропадаетъ на темномъ фонѣ горы. Когда Шелестъ спустился къ аулу, Саты уже не было видно. Лишь только онъ сталъ подходить къ оградѣ аула, на встрѣчу ему, изъ-за разрушенной сакли, пріютившейся у дороги, быстро вышла маленькая закрытая черною чадрой женщина. Въ разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, лѣтникъ узналъ въ ней Хаю. Она что-то тщательно скрывала подъ бешметомъ.

— Иванъ, проговорила она,—пойдемъ скорѣе.

И схвативъ его за полу бешмета, Хаа съ судорожною торопливостію увлекала его за собой. Шелестъ не могъ не

замѣтить, какъ по голосу ея такъ и по рукѣ державшей его за платье, что она вся дрожала какъ осинový листъ.

— Скорѣе, скорѣе, повторила она шепотомъ и еще быстрѣе увлекла его.

Отдавшись машинально въ полное распоряженіе своей путевоительницы, Шелестъ безотчетно повернулъ голову къ аулу гдѣ нѣкогда онъ служилъ у суроваго Даледа. Тамъ была глубокая тишина. Только время отъ времени, то въ одной, то въ другой сакаль изъ трубы выскакивали искры огня. Наконецъ оба миновали аулъ, взяли вправо и пройдя еще съ четверть версты остановились у поворота горы.

— Взбирайся на вершину по ложу этого ручья, теперь воды въ немъ нѣтъ, шепотомъ проговорила Хаа. — Когда взойдешь на гору, увидишь предъ собой тропинку. Черезъ часъ ходьбы будетъ предъ тобой полуразрушенный навѣсъ изъ хвороста. Это мѣсто принадлежитъ одному изъ нашихъ ликетовъ. Тамъ теперь никого нѣтъ, и ты можешь отдохнуть. Возьми это себѣ на дорогу. И вынувъ изъ-подъ бешмета четыре чурека, Хаа подала ихъ Шелесту.

— Прощай, Иванъ, дай Богъ тебѣ счастья, проговорила она и повернувшись въ противоположную сторону, бѣгомъ пустилась къ аулу.

Черезъ два дня обезсиленный, исцараланный о камни и самодерь * Шелестъ сидѣлъ предъ дымившимся костромъ на казачьемъ ликетѣ и уныло дождавъ остатки послѣдняго дружескаго приношенія Хаа.

Въ 1858 году русскія войска вошли въ Итоль-Кале и рядомъ съ нимъ заложили укрѣпленіе Евдокимовское. Шелестъ былъ въ числѣ побѣдителей.

Сата, Мажи и всѣ прочіе члены семейства Альдама находились въ живыхъ и съ радостію приняли званыхъ гостей. Не разъ Сата приносила Шелесту разные съѣстные припасы. Шелеста навѣщала также и мать Саты, Дзада, для которой навсегда осталось тайной участіе ея дочерей въ побѣдѣ львѣнника.

Семейство покойнаго Альдама въ теченіе года оставалось однимъ изъ преданнѣйшихъ нашему правительству. Какимъ образомъ Мажи и его братья увлеклись смутами 1860 года—трудно рѣшить. Эта задача становится неразъясненною въ

* Дакіи рододеандромъ.

особенности потому что Мажи первый подалъ голосъ противъ Гамзата, прелятствовавшаго призыву русскихъ въ Итонъ-Кале. Мажи во время тревогъ въ укрѣпленіи Евдокимовскомъ всегда впереди, съ открытою грудью и съ полною готовностію умереть за Русскихъ, шелъ противъ враговъ тревожившихъ насъ своими наладеніями. Говорили будто Мажи увлекся примѣромъ Байсенгура (взбунтовавшаго Беной и повѣщеннаго близъ Хасавъ-Юрта), но такого рода *увлеченіе* болѣе чѣмъ странно.

Гамзатъ, пріобрѣвшій заслуженную ненависть Чентынскаго общества, въ концѣ 1856 года лишился своего племянника убитаго Итонкальцами въ отплату наубу за его несправедливости. При изъявленіи Чентынцами покорности Русскимъ, Гамзатъ бѣжалъ въ горы.

По словамъ Кистина Догуса, служившаго ординарцемъ у покойнаго генерала Слѣпцова и въ свое время лично знавшаго Гамзата, послѣдній до низложенія его наубомъ былъ *намека*, то-есть аскетъ. Это самъ чрезвычайно почетный въ горахъ. Въ періодъ своей отшельнической жизни Гамзатъ пользовался извѣстностію и уваженіемъ всѣхъ окрестныхъ обществъ, жители которыхъ приходили къ нему за совѣтомъ и благословеніемъ. По причинѣ какихъ-то неудовольствій съ Шамилемъ Гамзатъ подпалъ его немилости, былъ низведенъ съ сама намека и назначенъ наубомъ. Въ этомъ назначеніи таилась и политическая цѣль: Шамилю нужно было обуздать своеволіе Чентынцевъ, котораго онъ опасался. Для указанной цѣли онъ не нашелъ правителя жестче и суровѣе Гамзата *.

По словамъ нѣкоторыхъ Итонкольцевъ, покойный Альдамъ умышленно продержалъ у себя Аслана до ночи и этимъ подготовилъ ему погибель. Думаютъ что еслибъ Альдамъ зналъ что Мажи ему не наследуетъ—онъ этого не сдѣлалъ бы.

Сынъ Аслана Таутъ въ 1860 году жилъ въ одномъ изъ ауловъ на рѣкѣ Ассѣ. Его мать впала въ помѣшательство и послѣ смерти мужа прожила въ бѣдности и нищетѣ всего полтора года.

О дезертирѣ не было ни слуху ни духу. Такъ какъ онъ всѣмъ надобѣ въ обществѣ, то полагаютъ что какая-нибудь благодѣтельная рука проткнула его кинжаломъ и низвергла съ крутизны въ Аргунъ.

Н. ВОЛКОНСКІЙ.

* См. статью автора 1858 году *отъ Чечни*, напечатанную въ т. III *Кавказскаго Сборника*.

ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ *

ЗАПИСКИ НЕИЗВѢСТНОЙ

XIV.

Было уже темно когда мы подѣзжали къ вѣчному городу. Храмъ Св. Петра, замокъ Св. Ангела, Тибръ, все это представлялось неявно во мракѣ, но живо привѣтствовалось сердцемъ какъ нѣчто дорогое и давно знакомое. Мы долго искали палаццо Бернини, куда перѣѣхала Александра Ивановна Васильчикова. Наконецъ мы остановились у какого-то дома и услышали голосъ Лины. Она выбѣжала на улицу, за ней слѣдовала Александра Ивановна. Александра Ивановна съ радостію увидѣла дѣтей своихъ и съ любовью обняла меня. Послѣ нѣжныхъ изліяній, она повела насъ смотрѣть палаццо, который хотя былъ очень хорошъ и великъ, но не помѣстителенъ. Александра Ивановна устроила мнѣ спальню въ своей комнатѣ.

Александра Ивановна желала чтобы прежде всего мы посѣтили въ Римѣ храмъ Св. Петра; къ сожалѣнію, это не удалось намъ. Мы отправились пѣшкомъ, взяли не надежащую дорогу, сдѣлали большой крюкъ, потеряли много времени и

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 9, 10 и 11я 1881.

принуждены были уже въ экипажѣ возвратиться чтобы не опоздать къ нашей обѣдѣ.

Послѣ службы мы немного отдохнули и отправились кататься по городу, такъ какъ для храма Св. Петра мы назначили уже завтрашнее утро. Римъ какъ городъ не великолѣпенъ. Развалины не поражаютъ съ перваго взгляда; надобно вникнуть въ нихъ чтобы понять все значеніе и прелесть этихъ драгоценныхъ памятниковъ древности.

На другой день мы отправились въ храмъ Св. Петра. Французы, во время своего господства въ Римѣ; снесли дома загромождавшіе площадь и этимъ оказали большую услугу, но все-таки площадь не довольно еще обширна для такого громаднаго зданія.

Посреди ея находится египетскій обелискъ, съ необычайными трудностями перевезенный изъ дальней страны въ Римъ. Два чудесные фонтана немолчными плесками словно воздаютъ непрестанно хвалу величію храма Бога живаго, предъ которымъ находятся. Наружная архитектура съ перваго взгляда не поражаетъ своею красотой, но изумительно величественны колонады съ обѣихъ сторонъ храма. Чувствуешь какое-то волненіе, какое-то трепетное ожиданіе, входя по ступенямъ ведущимъ ко храму Св. Петра. Массивная занавѣсь надъ дверями приподнимается, вступаешь въ святилище и нѣмѣешь отъ изумленія. Первое что испытываешь есть чувство простора, на душѣ такъ хорошо въ этой необъятной атмосферѣ исполненной величіемъ красоты словно въ раю. Когда же начнешь разсматривать подробности храма, тогда испытываешь какое-то внутреннее самодовольство: благоговѣшь предъ гениемъ челоуѣка создавшаго столько прекраснаго. Произведенія Кановы, Торвальдсена, Бернини, творенія Рафаэля, Гвидо Рени и многихъ другихъ, дивно воспроизведенныя въ мозаикѣ, словомъ, всѣ искусства выразились въ превосходныхъ произведеніяхъ и слились въ одно великое цѣлое.

Великолѣпна капелла внизу надъ гробомъ апостола Петра, посреди собора; въ ней много драгоценностей, золота, мрамора; прекрасны витыя колонны поддерживающія ее, но всего лучше молящаяся предъ алтаремъ фигура Пія VI работы Кановы. Нельзя было поэтичнѣе олицетворить нескончаемую молитву христіанства какъ въ видѣ этого колѣнопреклоннаго старца, коего умиленная поза. благоговѣнное

выраженіе лица производятъ сильное впечатлѣніе. Множество лампадъ разнообразныхъ формъ неугасимо телящихся вокругъ капеллы довершаютъ обаяніе и располагаютъ къ молитвѣ.

Превосходенъ памятникъ Климента VIII, также Кановы. Его знаменитые львы верхъ совершенства. Мозаичныя колпіи съ произведеній Рафаэля достойны своихъ оригиналовъ, особливо выдается Преображеніе. Въ мозаикѣ краски ярче чѣмъ на картинѣ, и для такого громаднаго зданія, какъ соборъ Св. Петра, только мозаичные образа въ большомъ размѣрѣ могутъ производить эффектъ. Замѣчательны также памятникъ Александра VII, послѣдній трудъ Бернини. Но какъ описать всѣ чудеса храма Святаго Петра? О куполѣ и говорить нечего, о немъ было уже все сказано. Кромѣ первоклассныхъ произведеній искусствъ, каждая часовня, каждый предметъ превосходны. Каждое украшеніе изумляетъ своимъ изяществомъ и тѣмъ что оно какъ будто необходимо для полноты цѣлаго. Но и на солнцѣ есть пятна; во храмѣ Св. Петра, на мой по крайней мѣрѣ взглядъ, есть нѣкоторые предметы не соответствующіе красотѣ цѣлаго, а именно: нѣкоторыя колоссальныя фигуры, особливо Петра и Павла. Статуя Петра подъ балдахиномъ, къ которой безпрестанно прикладываются богомольцы, не произвела на меня впечатлѣнія какого я ожидала. Полагаютъ что первоначально это былъ Юпитеръ Капитолійскій, и такъ какъ многіе остатки древности послужили на украшеніе христіанскихъ храмовъ, то и думаютъ что Юпитеръ обратился въ апостола Петра; впрочемъ предположеніе это оспаривается.

Гжа Жанлисъ въ своихъ запискахъ сказала что въ ея жизни только три предмета превзошли ея ожиданіе: видъ моря, площадь Св. Марка и храмъ Св. Петра. О себѣ могу сказать что только послѣдній превзошелъ далеко то что я воображала и ожидала.

Въ этотъ же день, послѣ обѣда, мы были на дачѣ нашей соотечественницы княгини Волконской. Развалины древняго водопровода посреди сада придаютъ ему много живописности. Въ комнатахъ намъ пріятно было найти образъ Николая Чудотворца и бюстъ императора Александра I, во грустно было видѣть что еще одна Русская отреклась отъ своего отечества, посвятила жизнь странѣ чуждой, перемѣнивъ свою вѣру.

Видла доказывада что у ея владыцы много вкуса. Мы понравились *аллея восполнимой*. Между розъ и другихъ цветущихъ кустарниковъ стоять на пьедесталахъ разнообразныя урны съ надписями посвященными памяти людей которые были ей близки; не забыта ея кормилица и слуги вѣрно служившіе ея отцу.

Послѣдніе дни Страстной Недѣли мы засѣли дома и никуда не ѣздили. Въ семействѣ съ которыми я находилась строго соблюдались всѣ русскіе обычаи, и потому-то позаботились о томъ чтобы все было приготовлено къ Свѣтлому Воскресенію какъ въ Россіи. Были сдѣланы пасхи, испечены куличи, выкрашены яйца. Мы весело встрѣтили праздниковъ праздникъ.

Всѣ Русскіе находившіеся въ Римѣ были въ церкви. Мы увидѣли многихъ съ кѣмъ провели прошлую зиму: Галагановъ, Камаровскихъ и пр. По окончаніи обѣдни посланникъ найтъ, графъ Потоцкій, пришелъ приглашать всѣхъ Русскихъ къ себѣ разгавливаться. Церковь находилась въ домѣ посольства. Разумѣется приглашеніе было принято. Церковь находится въ домѣ посольства. Въ большой залѣ были накрыты столы, по русскому обычаю заставленные пасхами, куличами и всевозможными яствами. Въ числѣ гостей находилась какой-то прусскій принцъ, пожелавшій видѣть русское розговѣнье. Графъ Потоцкій человекъ слабаго здоровья и какъ-то не представительнъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ ночь на Свѣтлое Воскресеніе, онъ сдѣлалъ пресмѣшной промахъ. Тогда въ Римѣ находилась княгиня Татьяна Васильевна Голицына, жена московскаго генераль-губернатора Дмитрія Владиміровича и многія другія дамы высшаго круга. Потоцкій чрезвычайно близорукъ. Послѣ службы, когда нужно было идти разгавливаться, онъ подлетѣлъ къ дамѣ стоявшей у клироса, принявъ ее за княгиню Голицыну, и предложилъ ей руку, та сконфузилась, отговаривалась, лятилась назадъ. Потоцкій настойчиво и почти насильно увлекъ свою даму, не подозревая что она жена дьячка и что всѣ присутствовавшіе помирали со смѣху. Каково было его замѣшательство когда qui pro quo объяснилось. Графиня Потоцкая по рожденію Англичайка и очень странная, такъ что отъ нихъ обоихъ не много радости Русскимъ. Но въ этотъ разъ они оба были чрезвычайно внимательны ко всѣмъ своимъ гостямъ и хорошо исполнили обязанность русскаго хлѣбосольства. Возвра-

тавшись домой изъ церкви мы, какъ водится, легли спать, очень долго проспали, но успѣли еще поутру сдѣлать нѣсколько визитовъ тѣмъ изъ Русскихъ кого намъ хотѣлось видѣть. Вечеромъ у насъ былъ балъ, были всѣ русскіе художники находившіеся въ Римѣ, всѣ наши знакомые соотечественники, прусскій принцъ, который у Потюкыхъ былъ представленъ Александрѣ Ивановнѣ, нѣсколько имо-странцевъ, монсеньйоръ Брути и секретарь палы.

Наканунѣ католическаго Вознесенія мы были въ Сикстинской капеллѣ. Знаменитая фреска Микель Анджело пострадала отъ времени, но при солнечномъ освѣщеніи производитъ до сихъ поръ необыкновенный эффектъ. Созданіе міра и страшный судъ, какъ грандіозная концепція, превосходны, многія подробности исполнены съ необыкновеннымъ искусствомъ, но изображеніе Иисуса Христа меня не удовлетворило.

Въ капеллѣ было немного посѣтителей, и мы могли хорошо рассмотреть палу. Онъ сидѣлъ неподвижно на своемъ креслѣ, возлѣ него находились два кардинала, напротивъ сидѣло духовенство и монахи разныхъ орденовъ. Пѣли пѣвчіе и жестоко разочаровали меня. Мнѣ кажется что у насъ у всякаго архіерея пѣвчіе поютъ лучше, не говорю уже о пѣвческой Петербургской капеллѣ и о духовномъ пѣвчій въ нѣкоторыхъ московскихъ монастыряхъ и соборахъ.

Въ день Вознесенія пала присутствовалъ у обѣди въ базиликѣ Св. Іоанна Латеранскаго. Мы были хорошо помѣщены и могли видѣть весь обрядъ богослуженія. Я ничего не нашла въ немъ ни торжественнаго, ни умильнаго. Палу привели на рукахъ и посадили на его тронъ, вокругъ его усѣлись кардиналы, и обѣдя началась. Священнослужители часто преклоняли колѣна предъ нимъ, и онъ каждый разъ благословлялъ, но кромѣ того оставался недвижимъ.

Особенно торжественно было благословеніе народа. Обширная площадь Латеранская была покрыта народомъ, войскомъ, экипажами. Сначала играла музыка, потомъ все замгло, водворилась благоговѣйная тишина, удивительная при такомъ всеміртномъ стеченіи народа. Взоры всѣхъ были устремлены на балконъ базилики, гдѣ долженъ былъ показаться пала. Наконецъ его привели, освѣннаго съ обѣихъ сторонъ огромными олахалами; войско и народъ преклонили колѣна.

Пала прочелъ молитву, съ умиленіемъ возвелъ очи къ небу и благословилъ.

XV.

О Римѣ писано такъ много что распространяться о впечатлительностяхъ его было бы совершенно излишне. Не могу, однако, хотя бѣгло, не коснуться впечатлѣній оставившихъ неизгладимый слѣдъ въ памяти. Возлѣ храма Св. Петра находится дворецъ Ватиканскій. Ничего не можетъ быть величественнѣе лѣстницы ведущей во дворецъ. Она построена Бернини, удивительна по своимъ размѣрамъ, широка, безъ поворотовъ, и чѣмъ выше по ней подымаетесь тѣмъ красивѣе кажется перспектива улицы ведущей ко храму Св. Петра.

Ватиканъ великолѣпенъ и какъ архитектурное зданіе. Необыкновенно хорошъ фасадъ выходящій на внутренний дворъ. Съ одного изъ балконовъ самый лучшій видъ на Римъ, и потому-то эту часть Ватикана называютъ Бельведеромъ. Очень понравился мнѣ внутренний портикъ, окружающій семизугольную площадь, посреди которой бьетъ фонтанъ. Вдоль портика идутъ открытыя галереи съ саркофагами, раздѣляемыя четырьмя кабинетами, въ которыхъ находятся скульптуры. Въ первомъ кабинетѣ Персей Кановы, во второмъ Меркурій, известный подъ именемъ Антиоя; въ третьемъ знаменитая группа Лаокоона, наконецъ въ послѣднемъ Аполлонъ Бельведерскій.

Говорить ли о великихъ произведеніяхъ живописи? Долго стояла я предъ *Преображеніемъ* Рафаэля. Картина дѣйствуетъ на душу неизъяснимо; не вѣрится что предъ глазами твореніе человека, но какъ будто совершается божественное явленіе и боишься перевести духъ чтобы не исчезло чудное зрѣніе это.

Гуляли мы и по садамъ ватиканскимъ, соотвѣтствовавшимъ великолѣбію всего остальнаго. Мы предварительно любовались ими изъ оконъ Ватикана, они прекрасно разбиты, исполнены множествомъ цвѣтовъ, оживлены фонтанами.

Къ Напотолю насъ сопровождалъ г. Висconti, знатокъ древности, показывавшій иностранцамъ Римъ съ научной точки зрѣнія. За каждую истолковательную прогулку онъ бралъ пять скуди. Александра Ивановна съ Линой прошли съ

нимъ цѣлый историческій курсъ, мы удовольствовались однимъ урокомъ. Новый Капитолій не что иное какъ возвышенность застроенная прекрасными зданіями, на которую ведетъ великолѣпная лѣстница, кончающаяся балюстрадою, у которой стоятъ колоссальныя статуи Кастора и Поллукса и два мраморные трофея принадлежавшіе Марію. Посреди площади стоитъ прекрасная статуя Марка Аврелія верхомъ. Это единственная статуя въ этомъ родѣ увидѣвшая отъ древняго Рима. Мы прямо пошли на Капитолійскую башню, построенную Микель-Анджело. Съ Капитолійской башни открывается великолѣпный видъ на древній и новый Римъ.

Ръ одинъ разъ нельзя было удовлетворительно рассмотретьъ всѣ сокровища Капитолійскаго музея; такое множество тамъ прелестныхъ статуй, изящныхъ вазъ. Бюсты людей вліявшихъ на судьбу Рима какъ бы представляютъ исторію въ лицахъ.

Венера Капитолійская по моему граціознѣе и цѣломудреннѣе Венеры Медиційской, но ничто ни въ древней, ни въ новой скульптурѣ не производило на меня такого впечатлѣнія какъ *Умирающій Гладіаторъ*. Это не мраморъ, но умирающій человѣкъ въ самый торжественный моментъ жизни. Лицо его—цѣлая поэма. Въ немъ изображается и дума, и сожалѣніе, и страданіе, все что было переиспытано и перечувствовано. Вспомнимъ какъ изобразилъ Байронъ умирающаго гладіатора.

Площадь Квиринала украшена драгоценнымъ памятникомъ греческаго рѣзца—группой состоящею изъ двухъ человѣческихъ фигуръ и двухъ лошадей. Если вѣрить латинской надписи, то группа эта работы Фидія и Праксителя. Квиринальскій дворецъ великолѣпенъ какъ зданіе, но въ немъ мало художественныхъ произведеній. Здѣсь Пій VII жилъ лѣтникомъ, здѣсь онъ кончилъ жизнь свою исполненную испытаний. Замѣчательна дворцовая церковь расписанная Гвидо. Онъ во фрескахъ своихъ изобразилъ земную жизнь Богоматери.

Близъ палатцо Бернини, гдѣ мы жили, находится церковь Andrea del Trutto. Здѣсь похороненъ извѣстный художникъ Кипренскій. Онъ перемѣнилъ религію, сдѣлался католикомъ, женился на католической монахинѣ (это цѣлый романъ) и возвратился въ Россію.

Близъ церкви Св. Апостолаовъ похороненъ Камова. Памятникъ его простъ: предъ его бюстомъ изображена плачущая фигура, олицетворяющая общую горестъ. Памятникъ въ своей простотѣ выразителенъ и достоинъ великаго художника.

Монастырь Св. Онуфрія находится на превысокой горѣ, акилажи не могутъ выше лодыматься. Мы очень устали входя на нее и очень долго стучали въ монастырскую дверь пока намъ не отперли. Мы просили показать намъ келью Тасса, но она находится внутри ограды, а по правиламъ монастырскимъ туда женщины не пускають. * Церковь намъ отперли. При входѣ въ углу похороненъ Тассъ. На мраморной доскѣ вѣданной въ стѣну надпись и ничего болѣе. За монастырскими стѣнами показываютъ дубъ подъ которымъ лѣвецъ Иерусалима предавался своимъ послѣднимъ думамъ. Дубъ этотъ стоитъ на маленькомъ бугоркѣ и живописно раскинулъ свои густыя вѣтви. Видъ отсюда очаровательный: Римъ представляется со всеми своими церквами, развалинами, памятниками, дворцами, вилами.

Обозрѣвая памятники древности, музеи, галлерей, мы не забывали посѣщать и мастерскія русскіхъ художниковъ. Между ними на первомъ планѣ былъ Айвазовскій. У него было великолѣпное помѣщеніе въ палаццо Боргезъ. Когда мы у него были, его картины почти всѣ были уже уложены. Онъ собирался ѣхать въ Геную и Англію для изученія морей. Видѣли только картины которыя онъ доканчивалъ. Братья Чернецовы произвели на меня самое отрадное впечатлѣніе. Они оказали большую услугу Россіи своимъ живописнымъ путешествіемъ по Волгѣ. Предприняли они его не съ одною только художественною цѣлью, но съ намѣреніемъ познакомиться съ берегами такой важной рѣки какъ Волга и собрать свѣдѣнія о прибрежныхъ мѣстностяхъ. Чернецовы трудолюбивы, дѣятельны, работа у нихъ кипитъ, и все что выходитъ изъ ихъ рукъ—осмыслено и отчетливо. Они всецѣло посвятили себя искусству и добру. Получивъ за изображеніе какого-то парада отъ государя три тысячи рублей, они бѣольшую часть этихъ

* Посѣтила я опять монастырь Св. Онуфрія въ 1874 году. Строгости монастырскія уменьшились, и намъ безъ затрудненія показали комнату гдѣ жилъ и умеръ Тассъ. Войдя въ нее я была изумлена увидѣвъ Тасса стоящаго близъ окна и читающаго. Совершенно какъ живой человекъ. Забыла имя художника который написалъ на стѣнѣ эту удивительную фигуру.

денегъ употребили на выкупъ крѣпостнаго мальчика въ которомъ они подвѣтили склонность къ живописи. Отказываясь себѣ во всемъ они нашли средства завести школу живописи въ городѣ гдѣ родились. Изъ трое, они чрезвычайно дружны между собою, никогда не разлучаются, работаютъ въ одной студіи, вмѣстѣ путешествуютъ.

Еще былъ художникъ въ Римѣ къ которому я имѣла большое сочувствіе и съ которымъ очень сошлась, это—Иорданъ. Онъ исполнялъ тогда великій трудъ: гравировалъ *Преображеніе* Рафаэля. Пріятно думать что лучшее произведеніе великаго живописца превосходно передано на стали русскимъ художникомъ. Иорданъ прожилъ четыре года въ Лондонѣ для изученія своего искусства, приобрѣлъ знаніе англійскаго языка и сталъ нѣсколько похожъ на Англичанина, но сохранилъ русское добродушіе.

Другой замѣчательный художникъ, Ивановъ, уже нѣсколько лѣтъ трудится надъ картиной, отъ которой многіе ожидаютъ. Иоаннъ представляетъ крестьянцѣмъ народъ и говорящихъ о другомъ, грядущемъ Божественномъ Крестителѣ у „Котораго онъ недостойнъ развязать ремешъ сапога“ и Который показывается вдали. Концепція картины въ цѣломъ превосходна. Отдѣльныя фигуры исполнены съ величайшимъ искусствомъ. Впрочемъ оцѣнить вполнѣ картину было невозможно, она была еще не окончена. Ивановъ очень несообщителенъ, и потому мы съ нимъ не общались, но говорили что онъ и какъ человекъ чрезвычайно замѣчательнъ.

Художникъ Тырановъ преимущественно рисовалъ портреты и по моему превосходнѣе Габерцетена, считавшагося тогда лучшимъ портретистомъ въ Римѣ. Мы видѣли одну картину Тыранова „Ангелъ съ масличною вѣтвію“, которая мнѣ очень понравилась.

Изъ русскихъ окулльторовъ въ то время въ Римѣ былъ Пименовъ, недавно пріѣхавшій. Мы видѣли его *Маленькаго Лицаго просящаго милостыню* и другаго мальчика ловящаго бабочку. Обѣ эти фигурки исполнены выраженія. У Пименова большое дарованіе.

Къ концу нашего пребыванія въ Римѣ мы были у кардинала Меддофанга, знаменитаго полиглота. Это одна изъ современныхъ замѣчательностей Рима. Онъ пріялъ насъ очень радушно. Старичокъ онъ, кажется, добрый и въ своемъ родѣ феноменъ. Онъ говорить, если не ошибаюсь, на всѣхъ

языкахъ не только европейскихъ, но и азиатскихъ, и даже уво-
мъ многіе народныя цѣлмы, такъ что онъ представляетъ
собой живой лексиконъ всевозможныхъ діалектовъ; но онъ
ничего не сдѣлалъ для науки, не отличается ни умомъ, ни
даровитостію. Однако полиглотизмъ его до того изумителенъ
что долженъ обозначать необыкновенную особенность ума
и безпримѣрную память. Онъ не поверхностно знаетъ всѣ
эти языки и умѣетъ говорить на нихъ, но онъ правильно
владеетъ ими и изучилъ грамматически. Доказательствомъ
того могутъ служить стихи которые онъ написалъ мнѣ и Але-
ксандрѣ Ивановнѣ. Повѣстическаго достоинства они не имѣютъ,
но написаны правильно и со смысломъ. Вотъ стихи напи-
санные мнѣ:

Блаженъ кто Божій страхъ въ себѣ хранитъ
И истинъ во свѣдѣ всегда ступаетъ.
На всѣхъ враговъ безстрашный онъ взираетъ,
Бо Вышній самъ ему покровъ и щитъ.

Александрѣ Ивановнѣ написалъ стихи другаго содержания.
Меццофанти зналъ что на него приходятъ смотрѣть какъ на
чудо и какъ бы давалъ представленія своего искусства. Онъ
говорилъ съ нами то по-русски, то по-англійски, то по-фран-
цузски, то по-нѣмецки и угостилъ бы насъ еще нѣсколькими
десятками языковъ еслибы предполагалъ что кто-нибудь изъ
посѣтителей пойметъ его. Вѣроятно всѣмъ своимъ гостямъ
онъ дѣлаетъ одинаковый пріемъ: просилъ насъ подождать остать-
ся въ Римѣ и еще разъ посѣтить его. Вѣроятно и это за-
ученная фраза.

На другой день послѣ нашего посѣщенія лакеи Меццофанти
пришли къ намъ просить на водку. Это меня очень удивило.
Но намъ сказали что въ Римѣ обычай послѣ посѣщенія ка-
кого бы то ни было кардинала давать его людямъ. Вотъ стран-
ный обычай!

Васильчикова торопилась какъ можно скорѣе устроиться
гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ Неаполя и потому слѣшила. Але-
ксандра Ивановна очень уговаривала меня поѣхать вмѣстѣ съ
ними, но я чувствовала непреодолимое желаніе еще нѣсколь-
ко дней насладиться Римомъ и притомъ же былъ законный
предлогъ остаться. Я обѣщала Александрѣ Ивановнѣ сдѣлать
для нея портретъ съ себя въ Римѣ. Скотти началъ его писать,
но не успѣлъ кончить. Слѣдовательно и для окончанія пор-
трета мнѣ нужно было остаться въ Римѣ.

Хозяинъ лааацо, по отъѣздѣ Васильчиковой, согласился уступитъ мнѣ нашу квартиру пока я останусь въ Римѣ за самую умѣренную плату. Сначала мнѣ было нѣсколько страшно жить одной въ большомъ домѣ, остаться одной въ Римѣ, но всѣ обстоятельства моего пребыванія тамъ устроились такъ удачно, что я съ удовольствіемъ буду вспоминать дни которые провела въ вѣчномъ городѣ.

Наканунѣ моего отъѣзда ко мнѣ собрались нѣкоторые художники, Гордавъ, Завьяловъ, Пименовъ, Скотти. Мы говорили о Россіи, много читали стиховъ, и мнѣ живо припомнилось то время когда въ Петербургѣ, при моемъ добромъ мужѣ, у меня собирались люди трудившіеся также для искусства, науки, литературы.

Я рѣшилась ѣхать въ дилижансѣ. Въ Албано не останавливалась и ничего не видала. Вечеромъ, когда проѣзжала Повтинскія болота, меня предупредили что опасно спать: легко схватить лихорадку, но я не выдержала и заснула крѣпкимъ сномъ. Ночью пріѣхала въ Террачину, гдѣ должна была ожидать дилижансѣ изъ Неаполя, и пробыла часа два. Много гуляла по морскому берегу. Огромная скала съ развалинами дворца Теодориха, къ сожалѣнію не ясно рисовавшимся при тускломъ на этотъ разъ сіяніи луны, плескъ волны, фосфорическія огненные мушки летавшія по воздуху, — все это было уютельно и знакомо съ наслажденіями южной природы. ... Террачина осталась опасною только въ оперѣ *Морской Разбойникъ*: теперь о бандитахъ и слуху нѣтъ. Сознаюсь, къ стыду моему, что я проспала Моль-де-Гаету и почти безпробудно спала до самаго Неаполя. Вѣроятно Повтинскія болота, вмѣсто лихорадки, навѣяли на меня этотъ богатырскій сонъ.

XVI.

Въ 6 часовъ пополудни 23 (11) мая 1842 года пріѣхали мы въ Неаполь. У заставы меня ожидала очень милая записка Александры Ивановны, увѣдомлявшая меня въ какой гостиницѣ они остановились, съ просьбой пріѣхать къ нимъ, въ приготовленную уже для меня комнату. Александра Ивановна знала что я пріѣду въ дилижансѣ и знала въ какой день, слѣдовательно и могла такъ распорядиться чтобы записка была подана у заставы въ дилижансѣ. Тогда были еще и заставы, и дилижансы.

Неаполь съ перваго взгляда не произвелъ на меня пріятнаго впечатлѣнія, и мнѣ тотчасъ показалось что тамошняя жизнь не придется мнѣ по сердцу. Александра Ивановна встрѣтила меня со всегдашнею своею сердечностью. Вечеромъ мы пошли гулять въ Вилла-Реале. Это гулянье напомнило мнѣ одесскій бульваръ. Мы прожили десять дней въ Неаполѣ и—Боже мой!—какъ мнѣ было скучно! Въ первые два шумъ Неаполя привелъ меня въ какое-то одурѣніе. Я не видывала болѣе оживленнаго города; Петербургъ предъ нимъ пустыня. Улицы кипятъ народомъ, на нихъ поютъ, кричатъ, свистятъ, толкаются, продаютъ, покупаютъ, скачутъ экилажи, развасисто шагаютъ навьюченные ослы, бѣгаютъ собаки, но это не осмысленное оживленіе каково должно быть въ Парижѣ и Лондонѣ и какое было въ веселомъ, разрушенномъ телерь, Гамбургѣ*; но суета праздности, оживленность отъ нечего дѣлать. Атмосфера Неаполя заражена какою-то вѣгдой, какимъ-то желаніемъ шумно наслаждаться жизнью. На меня же атмосфера эта и нестерпимая жара подѣйствовали иначе: привели въ апатичное состояніе и сдѣлали неспособною не только чѣмъ бы то ни было заниматься, но даже осматривать достопримѣчательности города. Все семейство наше находилось болѣе или менѣе въ такомъ же настроеніи. Мы въ четыре или пять пріемовъ принимались осматривать музей. Не хотѣлось двигаться изъ дому, да и тамъ не было покоя. То подшипивель лищаль у оконъ, то гудѣлъ какой-то несносный инструментъ, котораго я и имени не знаю, то мальчики на всѣ лады выкрикивали милостыню. Убѣжать во внутреннія комнаты предполагая что тамъ тише—ничего не бывало! на дворѣ безпрестанно кричатъ, бранятся и пляшутъ тарантеллу. Но вечеромъ Неаполь очарователенъ. Съ балконовъ нашихъ виденъ былъ заливъ. Когда изъ-за моря взойдетъ луна, а на рыбачьихъ лодкахъ замелькаютъ огоньки, то все это составляетъ удивительную картину. Къ довершенію очарованія слышались со всѣхъ сторонъ прелестныя національныя пѣсньи и, къ величайшему нашему удивленію, иногда нашъ народный гимнъ. Его пѣлъ прехорошенькій мальчикъ лѣтъ лятнадцати, котораго научила одна наша соотечественница, и онъ, существовавшій своими лѣснами, вѣроятно пріобрѣлъ много скуди за нашъ народный гимнъ.

При насъ былъ праздникъ Тѣла Господня. Мы смотрѣли на

* Въ этотъ годъ Гамбургъ весь сгорѣлъ

процессію изъ окна какого-то палато. Забрались туда въ 10 часовъ, а процессія началась только въ 12. Жара была невыносимая. Еслибы хозяинъ дома не оживилъ насъ гранитомъ (родъ мороженого), то я не знаю что бы съ нами произошло. Сначала лотянулись капуцины, за ними послѣдовали монахи другихъ орденовъ, но они шли такъ нестройно, такъ нечисто, въ такомъ разстояніи одни отъ другихъ что не производили никакого эффекта. Послѣ долгаго ожиданія показалось высшее духовенство, багдахинъ подъ которымъ несли Св. Дары и за нимъ шелъ король съ открытою головою, окруженный многочисленною свитой. Торжественна была только та минута, когда при приближеніи Тѣла Господня, войско стоявшее по обѣимъ сторонамъ улицы преклоняло колѣна.

Мнѣ было такъ скучно въ Неаполѣ что я съ радостью поѣхала съ Александрой Ивановной и Лимой въ Казерту. Рано поутру мы отправились. По дорогѣ нѣтъ ничего замѣчательнаго кромѣ водопроводовъ соединяющихъ двѣ горы и проводящихъ воду за 12 миль въ Казерту. Водопроводы эти построены въ 1759 году и такъ великолѣпны что ихъ можно было бы привать за древнюю постройку Римлянъ. Дворецъ находится въ совершенно плоской мѣстности. Зданіе огромное, но не изящное, красивѣе всего грандіозная лѣстница. Комнаты отдѣланы были Мюратомъ, отличаются лестротой разнаго рода мраморовъ и золота. За дворцомъ тянется огромный садъ во французскомъ вкусѣ. Онъ оканчивается высокимъ пригоркомъ съ котораго бѣжитъ каскадъ. Послѣ невкуснаго обѣда въ какой-то остеріи, мы поѣхали въ Санта-Лучія, гдѣ выстроены красивый бельведеръ, и находится самая лучшая неаполитанская фабрика шелковыхъ издѣлій. Затѣмъ прошли садомъ къ каскаду и потомъ въ ботанической садъ; но къ сожалѣнію уже смеркалось, и мы ничего не могли разсмотрѣть. Послѣ дождя воздухъ сдѣлался влаженъ, живительнъ, фосфорическія мушки свѣтились между деревьевъ и словно зажигали для насъ неожиданную, передвижную иллюминацію.

Въ Неаполѣ было опять празднество, называемое празднествомъ Четырехъ Алтарей. Мы очень хорошо видѣли процессію съ балкона арфиста, у котораго я брала на прокатъ арфу. Возлѣ дома гдѣ мы были построенъ былъ алтарь, а на балконѣ театра Св. Карла, который былъ также предъ нашими глазами, находилась королевская фамилія. Пушечные выстрѣлы возвѣ-

стали о началѣ процессіи, которая тавулась въ такомъ же порядкѣ или скорѣе безпорядкѣ, какъ въ праздникъ Тѣла Господня. Въ этотъ разъ суматохи было еще болѣе, потому что шелъ дождь и большая была возня съ зонтиками. Но эта процессія понравилась мнѣ болѣе первой, въ ней участвовало войско, играла музыка, и когда духовенство вошло въ алтарь находившіяся противъ королевскаго балкона, королевское семейство стало на колѣна, епископъ прочелъ молитву и благословилъ, послѣ чего воспитанники консерваторіи заплѣли гимнъ. По какому случаю было учреждено это празднество, я не могла узнать.

Были два раза на могилѣ Виргилія, находящейся въ Паузилианѣ, надъ входомъ въ знаменитый гротъ. Въ небольшой пещерѣ, сдѣланной вѣроятно руками человеческими, стоитъ доска со странною надписью: Au Prince des Poètes par (забыла фамилію) un chambellan de S. M. la Reine des Français. Какой именно королевы не сказано. Надъ пещерой находится небольшая площадка со скамьей, гдѣ читатели Виргилія могутъ сидѣть и если угодно мечтать о немъ. Гротъ Паузилианскій замѣчательнъ по своей длиннотѣ, онъ идетъ черезъ всю гору и, полагаютъ, былъ выкопанъ для соединенія Неаполя съ Пуццолі. Фонари блѣдно освѣщаютъ гротъ, глухо ѣздятъ надъ нимъ экипажи. Странное испытываешь ощущеніе, полавъ изъ-подъ яркаго неаполитанскаго солнца, съ шумной улицы, въ царство мрака и сравнительной тишины.

Третьяго іюня, въ 7 часовъ утра, оставили мы Неаполь и переселились въ Кастелламару. Мы занимали виллу высоко на горѣ. Вмѣстѣ съ нами жила княгиня Елизавета Петровна Долгорукова (рожденная Давыдова) съ семействомъ, такъ что мы составили цѣлую колонію и насъ садилось пятнадцать человекъ за обѣдъ. Никакой самый легкій экипажъ не могъ къ намъ взобраться. Мы оставили нашъ огромный дилижансъ въ Кастелламарѣ, всѣ пожитки перевезли на ослахъ и наняли нѣсколько этихъ милыхъ животныхъ съ ихъ логонщиками, называющимися тамъ *чучарами*, которые и обитали на нашей виллѣ чтобы всегда находиться въ нашемъ распоряженіи. Рано поутру мы ѣздили на нихъ кулаться въ Кастелламару, но кулаться въ Средиземномъ морѣ не представляло особеннаго наслажденія, вода слѣшкомъ тепла, кулальни устроены плохо, да и трястись на ослѣ такую даль не

очень пріятно, такъ что мы купались не каждый день, какъ намъ было предписано, а раза два, три въ недѣлю.

Любала я, лежась спать, поздно вечеромъ смотрѣть на Везувій, который какъ мощный стражъ стоялъ противъ самаго моего окна. Иногда онъ ясно рисовался на голубомъ небѣ клубясь своимъ бѣлымъ, тонкимъ паромъ; иногда стоялъ нахмурясь, густой дымъ ложился по всей его вершинѣ, сѣдая облака обвивали его со всѣхъ сторонъ.

Были въ Помпеѣ. Судя по сокровищамъ искусствъ перенесеннымъ отсюда въ Неаполитанскій музей и гдѣ мы ими столько любовались, я ждала чего-то другаго. Дома замѣчательно малы, улицы просто узки. Трудно вообразить себѣ Римлянъ, этихъ властелиновъ міра, въ такихъ крошечныхъ жилищахъ. Какъ-то не вѣрится чтобъ удѣлѣвшія изящныя произведенія найдены были въ домикахъ которые мы видѣли. Конечно расположеніе домовъ соответствовало климату и образу жизни Римлянъ, но все-таки непонятно это изящество во всемъ и эта тѣснота въ помѣщеніи. Дома всѣ одинаковой архитектуры. Внутренніе четырехъугольные дворы болѣе или менѣе просторны, посреди ихъ фонтанъ окруженъ живыми локоями. Прекрасно сохранились театръ и амфитеатръ; они болѣе говорятъ воображенію нежели другія зданія, и я разсматривала ихъ съ большимъ любопытствомъ. Помпея такъ много разъ была описана что излишне повторять то что извѣстно во всѣхъ подробностяхъ.

24 іюня въ Неаполѣ праздновали рожденіе королевы-матери съ торжественнымъ представленіемъ въ Санъ-Карло и освѣщеніемъ а гіаго. Нѣкоторые изъ нашей колоніи туда отправилась. И въ Кастеллармари было празднество. Здѣсь стояла часть французскаго флота пришедшаго съ принцемъ Жуанвильскимъ. Поутру корабли салютовали громкою канонадой и украсились разноцвѣтными флагами. Съ захожденіемъ солнца лупечная пальба возобновилась. Весело было смотрѣть съ верхней нашей террасы какъ мелькаетъ то съ одного, съ другаго корабля огонекъ и за нимъ послѣдуетъ громъ выстрѣла, повторяемый эхомъ Везувія и перекатами сосѣднихъ горъ. Наконецъ отъ сильной канонады всѣ корабли покрылись дымомъ, сквозь который продолжали мелькать выстрѣлы. Когда пальба кончилась, дымъ началъ мало-по-малу расходиться, корабли понемногу обозначаться, и вскорѣ весь иллюминированный флотъ, обрисовался на звѣздномъ небѣ...

Природа здѣсь каждому эрланцу придаетъ особенную прелесть.

На другой день у насъ былъ двойной праздникъ: рожденіе Императора и Лавы Васильчиковой. Обѣдали у насъ два русскіе артиста, Тырановъ и Беме. Мнѣ пріятно было поговорить съ ними по-русски, безъ примѣси французскихъ фразъ, и узнать о моихъ римскихъ знакомыхъ. Вечеромъ собрались соотечественники. На площадкѣ предъ террасой сожженъ былъ фейерверкъ, очень удавшійся. Вензель Императора вышелъ отлично.

XVII.

Намъ очень хотѣлось видѣть праздникъ Святой Розаліи, и мы 27 іюня, въ 7 часовъ вечера, пріѣхали въ Неаполь. Омъ и въ зной дѣта чрезвычайно оживленъ. Повидимому его населеніе мало уменьшается и не переселяется за городъ. Остановились въ той же гостиницѣ и въ тѣхъ же самыхъ комнатахъ которыя занимали шесть недѣль тому назадъ.

Отправились къ герцогу Серра ди-Фалка, хорошему пріятелю княгини Долгоруковой. Пріѣхали въ самую пору. Улица была наполнена народомъ, колесница приближалась. Это было вѣчто чрезвычайно оригинальное и вмѣстѣ грандіозное. Громадная колесница сдѣлана свизу въ видѣ раковины, очень красивой, напередѣ этой раковины поставлены были двѣ фигуры мушвы и женщины въ родѣ того какъ изображаютъ Юпитера и Юнову, а кого они въ сущности представляли— не знаю. За ними устроены были эстрады покрытыя краснымъ сукномъ съ двумя возвышенностями; на первой сидѣли музыканты и маленькіе мальчики, красиво одѣтые, на второй какія-то почтенныя особы. За ними возвышалась пирамида колоссальнаго размѣра, выше шестистажныхъ домовъ, разукрашенная позолотой, гирляндами дѣлаанныхъ цвѣтовъ, драпировкой, соммомъ ангеловъ въ разныхъ позахъ, а на самой вершинѣ въ облакахъ стояла Святая Розалія окруженная трубящими ангелами. Двадцать паръ разукрашенныхъ воловъ везли колесницу. Предъ нею ѣхалъ эскадронъ городской гвардіи и священники, также верхами. Народъ усердно молился своей покровительницѣ. Въ домѣ противъ палатцо Серра ди-Фалка въ самомъ верхнемъ этажѣ за рѣшеткой си-

дѣли монахины, которыхъ, какъ намъ оказали, подземнымъ ходомъ провели изъ монастыря въ этотъ домъ, чтобы онѣ могли видѣть процессію. Старыя монахины утирали слезы умиленія при видѣ колесницы, а молодыя, между которыми были очень хорошенькія, повидимому не радовались религиозныхъ ощущеній своихъ наставницъ. Онѣ смѣялись и, казалось, очень забавлялись зрѣлищемъ: бѣднѣжки имѣютъ такъ мало развлеченій! Колесница, не знаю почему, на нѣскольکو минутъ оставовилась предъ самымъ нашимъ балкономъ, такъ что мы могли разсмотрѣть всю ея закулисную обстановку. За фигурами ангеловъ стояли лазароны, а позади самой пирамиды вѣшали уличные мальчишки. Вблизи ангелы были уродливы, а прочія фигуры ужасны, особенно когда трясались отъ движенія колесъ. Проводивъ колесницу мы отправились, по приглашенію герцога Серра ди-Фалка, въ его загородный садъ, котораго рѣдкости съ большимъ наслажденіемъ и гордостію показывалъ самъ владѣлецъ.

Прежде всего любезный хозяинъ завелъ насъ въ лабиринтъ съ разбросанными по немъ хижинами пустынниковъ. Подходишь къ первой—дверь сама собою растворяется и на порогѣ показывается монахъ въ бѣлой рясѣ. Отворяешь другую посредствомъ какого-то механизма, пустынникъ сидящій за Библіей машетъ рукой. Наконецъ, въ третьей, монахъ молится на колѣняхъ и брызжетъ водою на тѣхъ кто къ нему подходитъ. Выбравшись изъ лабиринта, мы видѣли много другихъ чудесъ: затѣливые фонтаны, разнообразныя киоски. Но послѣдняя штука была самая замысловатая. Стояли деревянныя лошадки на подобіе нашихъ коньковъ, что бывають на Масляной и на Святой лодъ качелями. Предъ лошадкой находилось дерево съ прикрѣпленною къ нему небольшою дощечкой, до которой, какъ намъ объясняли, долженъ всадникъ на лету дотронуться кольемъ. Молодой графъ К. сѣлъ на лошадь, ее толкнули, и она начала быстро качаться. Графъ далъ нѣсколько промаховъ, но наконецъ коснулся кольемъ таинственной дощечки, дерево распалось и изъ него вышла нимфа. Добродушный герцогъ наслаждался нашимъ удивленіемъ и далъ намъ замѣтить что нимфа толще дерева и входитъ въ него посредствомъ пружинъ.

Въ 9 часовъ княгиня Бутера, заранѣе приготовившая для насъ всѣ приглашенія, повезла насъ къ княгинѣ Спартаво.

Насъ провели на огромную террасу гдѣ находились хозяйки и многочисленное общество.

Напротивъ террасы стояла галерея, въ аркахъ которой были транспаранты, прекрасно изображавшіе замѣчательныя событія исторіи Сициліи. Надъ аркой возвышалась колоннада, освѣщенная матовымъ свѣтомъ.

Предъ галереей былъ построеныя лавильоны для музыки, безпрестанно игравшей. Позади всего этого видѣлось море и по немъ плавало множество лодокъ сверкавшихъ огнями. Площадь и всѣ прилежащія улицы были великолѣпно иллюминированы... Народъ сплошную массой покрывалъ все пространство. Фейерверкъ начался на морѣ. Потомъ попеременно, то съ одной, то съ другой стороны галереи, полетѣли огненные змѣи, вслыхивали на воздухъ разноцвѣтныя овалы; забили фонтаны, зашумѣли колеса протянутыя вдоль галереи, зажглись блестящія звѣзды, размахнулись жельницы, показался храмъ съ чудными зелеными огнями, наконецъ вслыхнула вся галерея, очерки ея красиво обозначились, на фронтонѣ явился королевскій вѣзель; изъ каждой статуи галереи брызнули огненные струи, изъ внутренности раздалась выстрѣлы и скоро все зданіе облилось пламенемъ. Мы уѣхали какъ только кончился фейерверкъ—едва живыя отъ утомленія...

Были на другой день въ дворцовой церкви. Замѣчательно что тамъ иконы древней византійской живописи, какъ въ нашихъ старинныхъ церквахъ. Обѣдали у княгини Бутера. Домъ ея построенъ въ помпейскомъ стилѣ, но гораздо обширнѣе и удобнѣе тѣхъ домиковъ остатки которыхъ мы видѣли въ Помпѣи. Садъ прелестенъ, особенно для насъ, жителей сѣвера, по чудной разнообразной растительности юга. На этой виллѣ жила императрица Александра Феодоровна въ бытность свою въ Палермо. Для нея были произведены на виллѣ большія улучшения, стоившія очень дорого и доставившія теперь во владѣніе княгини Бутера.

Послѣ обѣда мы большимъ обществомъ отправились въ Цузу, замокъ арабской архитектуры, откуда прелестный видъ на Палермо, представляющійся ясно со своимъ великолѣпнымъ соборомъ, чудными церквами, обставленный полукругомъ горъ самыхъ разнообразныхъ очерковъ. Пріятно было сидѣть на крышѣ замка и смотрѣть то на горы, то на море, то на городъ. Хотѣлось подольше полюбоваться всѣмъ этимъ, но мы слѣшили возвратиться къ княгинѣ Бутера, которая

непремѣнно желала чтобы мы были на балѣ герцога Серра ди-Фалка, и была такъ любезна что сама хлопотала о нашихъ нарядахъ и устроила намъ уборную, гдѣ мы одѣлись и наплаи множество вещей нужныхъ для туалета. Мы не знали что поладимъ на такіе великосвѣтскіе праздники и ничего съ собой не взяли. Княгиня Бутера предложила Аннѣ свои великолѣпные брилліанты и фрейливскій шифръ; также и мое скромное платье, шитое въ нѣсколько часовъ, было украшено ея вещами. Въ девять часовъ мы отправились.

Лѣстница была роскошно убрана цвѣтами и деревьями, на ней стояли лакеи въ богатыхъ ливреяхъ, словно у настоящаго вельможи, а не у сицилійскаго аристократа, угнетаемаго и разоряемаго какъ всѣ представители знатныхъ фамилій въ Сициліи.

Палаццо герцога Серра ди-Фалка не огроменъ, но изящень и убранъ съ большимъ вкусомъ; много хорошихъ картинъ и вещей. Главный фасадъ дома обращенъ на Толедскую улицу, вдоль всѣхъ комнатъ идетъ балконъ. Изъ внутреннихъ комнатъ, также окруженныхъ балконами, видъ на площадь, посреди которой возвышается фонтанъ съ разными фигурами, обнесенный рѣшеткой, отъ которой къ центру фонтана были протянуты гирлянды зажженныхъ шкаликовъ, образовавшихъ какъ будто огненную сѣтку. Вся площадь была прекрасно иллюминирована. Видъ на Толедскую улицу былъ еще великолѣпнѣе; на ней стояли ярко освѣщенные готическіе храмы, статуи, вазы, всевозможныя украшенія, все это вдали казалось въ двѣ огненные полосы, между которыми толпилась несмѣтная масса народа. Опять колесница Св. Розаліи медленно приближалась при звукахъ музыки. Вечеромъ ея украшенія не казались грубыми, а ея громадность, ея фантастическая форма, ея освѣщеніе производили чудный эффектъ. По прямой улицѣ долго можно было видѣть удаляющуюся колесницу. Когда она совсѣмъ исчезла, тогда началось экипажное гулянье, также представлявшее красивое зрѣлище, съ колясками имѣвшими зажженные фонари и наполовненными нарядными дамами. Часовъ въ одиннадцать пріѣхала королевская фамилія и начался балъ. Король очень толстъ и не имѣетъ въ себѣ ничего величественнаго, братья его также не красивы. Меня поразило то что у нихъ у всѣхъ цѣловали руки даже дамы. Короля не любятъ вообще, а въ Сициліи въ особенности. Дочери его, говорятъ, не

привлекательны, а ихъ не видала, потому что не любилъствована пойти въ заду гдѣ онѣ участвовала въ танцахъ. Молодая королева мнѣ понравилась. У ней очень пріятное лицо, но ея также не любятъ. Герцогъ Серра ди-Фаака былъ чрезвычайно привѣтливъ и внимателенъ.

На слѣдующій день обѣдали у княгини Бутера и въ 6 часовъ поѣхали съ ней вмѣстѣ въ какой-то домъ смотреть бѣгъ лошадей. Толедская улица—арена всѣхъ народныхъ увеселеній. По обѣимъ ея сторонамъ были протянуты канаты, народъ толпился за ними вдоль домовъ; балконы были покрыты зрителями. Три пушечные выстрѣла возвѣстали начало скачекъ, и отъ воротъ Фемли повеслось вѣсколько лошадей, безъ наѣздниковъ, но на нихъ надѣты были дощечки съ гвоздями внутрь, которыя колотясь отъ движенія причинали имъ боль, нуждавшую бѣжать быстрее. Лошадей опередившихъ другихъ народъ встрѣчалъ радостными криками, а на отставшихъ лодымались палки и сыпались ругательства. Такимъ образомъ эти несчастныя лошадки должны бѣжать три раза. Мы не дождались окончанія скачекъ и отправились къ себѣ въ гостилицу. Въ 9 часовъ за нами заѣхала княгиня Бутера и мы вмѣстѣ отправились къ княгинѣ Портано опять смотреть фейерверкъ. Къ сожалѣнію, погода была неблагоприятная. Вѣтеръ, ужасная пыль, иллюминація не хорошо горѣла, дымъ отъ фейерверка летѣлъ прямо на насъ и душилъ насъ. Но фейерверкъ самъ по себѣ былъ еще великолѣпнѣе перваго: болѣе блеска и болѣе шума. Въ этотъ вечеръ бываетъ блестящее гулянье въ публичномъ саду, но на этотъ разъ оно не удалось, вѣтеръ тушилъ иллюминацію.

Были на развалинахъ церкви Св. Духа, замѣчательной по ужасной памяти Сицилійскихъ Вечерней. Вблизи находится *Campo Santo*, гдѣ между кипарисовъ погребены жертвы холеры. За оградой построены двѣ длинныя комнаты одна противъ другой, сквозь рѣшетки дверей можно было видѣть внутренность этихъ комнатъ. Въ углубленіи находится вѣчто въ родѣ алтара, по обѣимъ сторонамъ въ стѣнахъ сдѣланы въ три ряда углубленія на подобіе пародныхъ коекъ и въ нихъ лежатъ мертвые, вичѣмъ не прикрытые, въ одѣянιάхъ въ которыхъ ихъ туда положили. Нѣкоторые изъ нихъ сохранили человѣческую форму, но большая часть обратилась въ безобразные скелеты. Намъ сказали что только богатые за дорогую цѣну приобрѣтаютъ

право гнать во всеувидѣнiе. Послѣ этого мрачнаго посвященiя, мы отправились въ лубячный садъ, гдѣ видѣли остатки вчерашней иллюминации. Несмотря на палящее солнце мы съ прiятностию гуляли по ботаническому саду; въ немъ есть прохлада и множество рѣдкихъ растений. Мнѣ очень понравилась ротонда гдѣ преподается ботаника. Она построена съ большимъ вкусомъ, вокругъ стѣны расположены скамейки для учениковъ, въ нишахъ стоятъ статуи Линнея и Турнефора.

Герцогъ повезъ насъ въ калуцвскiй монастырь. Обыкновенно жевщины не впускаются туда, но по могущественной протекции добраго герцога намъ открыты всѣ двери. На возвратномъ пути, когда мы были уже недалеко отъ виллы княгини Бутера, вдругъ полилъ дождь какъ изъ ведра, настоящiй южный ливень, и пока закрывали коляску, мы всѣ вымокли и принуждены были возвратиться къ себѣ въ гостиницу, переодѣвшись и лоскавали опять къ княгинѣ Бутера, но встрѣтили ее на дорогѣ и вмѣстѣ отправились въ соборъ. Внутренность была освѣщена великолѣпно. Не знаю какимъ способомъ свѣды сіади безчисленнымъ множествомъ звѣздъ составленнымъ изъ шести свѣточей, въ куполахъ висѣли огромныя люстры. Это дивное освѣщенiе, при звукахъ прекрасной инструментальной музыки, при народной толпѣ наполнившей всю церковь, при духовенствѣ и сематъ сидѣвшихъ на возвышенностяхъ въ алтарѣ, составляла такое торжественное зрѣлище ледобнаго которому мнѣ не случилось видѣть. Колокольный звонъ и музыка заглушала на площади возвѣстили о прiѣздѣ короля. Духовенство и сематъ пошли на встрѣчу. Обѣ королевы, покрытыя брилліантами, шли впереди, за ними слѣдовалъ король съ немногочисленною свитой. Они шли подъ балдахинами устроенными для нихъ въ алтарѣ. Началась вечерня, но мы убѣжали, потому что было невыносимо жарко.

Вечеромъ отправились смотрѣть на заключительную процессію всѣхъ празднествъ. Площадь и Толедская улица были освѣщены какъ въ день бала. Процессія началась въ 9 часовъ. Сначала шли музыканты, потомъ слѣдовало шествіе статуй изображавшихъ разныхъ святыхъ: Юсіафа, Никодима и множество другихъ. Каждаго святаго несли на носилкахъ и предъ каждымъ барабашки немилосердно барабанили. Безсребрениковъ Козьму и Даміана несли съ особеннымъ

усердием, какъ безпрестанно какъ-то повертывали, и предъ ними плясали мальчишки. За безвзвѣсностью множествомъ свѣтъкъ понесся вѣсколко вѣсоккъ дождь оскверненныхъ шугри отрезными восковыми свѣчками и наводненыхъ фигурами долженствованнхми, вѣроятно, что-нибудь изобразить, но что именно, трудно было разгадать. Наконецъ, показались кресты, за ними послѣдовало духовенство, вѣнать, раздался колокольный звонъ, и въ заключеніе представлялась обрѣзанная гробница Св. Розаліа. Процессія продолжалась до 12 часовъ ночи.

Въ концѣ іюля присутствовали на открытіи желѣзной дороги отъ Кастелемары до Неаполя. Офицалъ короля, который долженъ былъ прѣхать чрезъ часъ. Но ничего не было еще готово. Возлѣ жандарма, очень огромнаго, кондитеръ вертѣлъ мерцающее, неблагообразные лакеи еутилились, лютники что-то строили, обойщики что-то приколачивали, а лишь за нѣсколько минутъ до прибытія поѣзда все пришло въ возможный порядокъ. Музыка заиграла, и *огненный конь* прицался влеча за собой длинный поѣздъ. Королевскій вагонъ отщипался отъ дружекъ вагоновъ своихъ убранствомъ. Французъ Бааръ, смотритель дороги, одинъ только встрѣтилъ короля. Въ то время какъ его толокное величество шивало изъ кареты, вѣсколко дамы бросались цѣловать его руку, которую онъ не настоятельно отнималъ. За нимъ поодѣлово его влѣдывающае семейство. Насъ драгмаемъ въ палатеро жандарма и угощали разными яствами, очень вкусными. Не знаю комуны были обязаны этимъ приглашеніемъ и этимъ угощеніемъ.

У подножія одной изъ горъ окружающихъ Авернокое озеро находится гротъ Сивиллы. Насъ уведѣли что въ немъ нѣтъ ничего замѣчательнаго, и потому мы туда не пошли. Грязные лодчишки на своихъ плечахъ вносятъ на него путешественниковъ; я не согласнаго подвергнуться этому испытанію. Гротъ этотъ замѣчательнъ тѣмъ что въ *Энеидѣ* Виргиліа Эней чрезъ него отправляется въ адъ. Недалеко отъ Авернокого озера находятся бани Перона. Въ нихъ такой жаръ что кажется ни на секунду невозможно вывести его. Однако тутъ есть человекъ который промышляетъ тѣмъ что жаритъ себя для удовлетворенія любопытства путешественниковъ. Онъ раздѣвается, беретъ сырое яйцо и отправляется въ темный корридоръ; чрезъ вѣсколко минутъ

возвращается со свареннымъ лимономъ, но въ ужасномъ положеніи—красный, едва дышащій.

Въ концѣ августа мы совсѣмъ неожиданно собрались на Везувій. Нѣсколько дней сразу шелъ дождь, воздухъ освѣжился, утро было прелестное, и мы съ большимъ удовольствіемъ катились по желѣзной дорогѣ вдоль дивнаго лазурнаго моря. Дальнѣйшее путешествіе до Резины совершили въ кабриолетѣ, а затѣмъ наняли ословъ. Скоро пришлось отказаться и отъ этого способа передвиженія. Мы увидали предъ собой мрачную крутизну, покрытую лавой. Намъ предлагали носилки, но намъ показалось что на нихъ еще страшнѣе тяжело идти гнѣшкомъ. Мы ухватились за веревку надѣтую на шнуръ проводника (у каждой изъ насъ была особешная) и начали шагать съ одного камня на другой. Кромѣ человѣка тащившаго меня веревкой, возлѣ меня шелъ другой и поддерживалъ съ боку, но несмотря на все это я спотыкалась и едва волочила ноги. За нами шелъ продавецъ фруктовъ и при каждомъ отдыхѣ предлагалъ виноградъ, груши и абрикосы; они утоляли жажду и оживляли насъ.

Везувій раздвоился въ послѣднее изверженіе, а прежде онъ представлялъ одиночную вершину. Мы слышали гаукой гулъ и смотрѣли какъ изъ жерла выходилъ густой дымъ словно изъ дымящейся печки. По всей вершинѣ просачиваются тонкія струйки дыма. Очевидно что находишься въ области огня. Занежъ обрѣ былъ такъ силенъ и удушливъ что мы желѣшшии спускаться. Мы почти полтора часа взбирались на его вершину, а спустились въ десять минутъ. Можно представить себѣ каково мчаться съ двумя проводниками по сторонамъ, держа ихъ за руку, на крутой горѣ, и утопать по колѣны въ лавѣ. Можно также представить себѣ въ какомъ состояніи находились наши платья и обувь. Хотя обыкновенно вѣда на ослѣ утомляетъ меня и я небольшая до нея охотница, но въ этотъ разъ, послѣ всѣхъ испытанныхъ утомленій, она показала мнѣ отдыхомъ. Мы опоздали къ поезду и принуждены были болѣе часа ожидать другаго. Присидѣли въ прекрасномъ саду короля, находящемся близъ дворца Портичи.

Всѣ эти дни погода стояла ужасная, лилъ проливной дождь, море волновалось, бушевала буря, завывалъ вѣтеръ и все это нагоняло тоску. Хотя было удобнѣе и дешевле изъ Неаполя въ Ливорно воспользоваться пароходомъ, но мы не рѣшились

на морской переезд; пожелание было исполнено сухим путем. Я этому очень обрадовалась. Исполнилось мое желание еще раз увидеть Римъ, поклониться храму Св. Петра, полюбоваться на Коллизей.

XVIII.

Дальнейшее путешествованіе по Италіи мы продолжали безостановочно. Больше продолжительное время оставались въ Миланѣ и Венеціи. Въ Венеціи встрѣтили Чижова и Айвазовскаго. Оба страстные ея поклонники. Нашъ маршрутъ лежалъ на Францію. Но у меня и у моей горничной паспорта были только въ Италію и Германію. Я боялась что насъ не пустятъ во Францію и обратилась къ нашему посланнику въ Туринѣ, Кокошкину. Онъ далъ мнѣ паспортъ въ Англію *черезъ Францію*. Прямо во Францію было запрещено давать паспорта. Все это была комедія; не имѣвшая множеству Русскихъ быть во Франціи и жить въ Парижѣ.

28 октября мы перешли французскую границу и послѣ почти шестидневнаго переезда (съ остановкой въ Лионѣ), при весьма холодной погодѣ, 29 октября вечеромъ, подъѣхали къ Фонтенбласской заставѣ.

Остановились въ гостиницѣ на Вандомской площади. На другой день погода была прекрасная, и я часа четыре бѣгала по Парижу и любовалась магазинами. Александра Ивановна, вслѣдствіе простуды, которой мы подвергались по дорогѣ въ несносныхъ гостиницахъ, занемогла и первые дни лежала въ постели. Ее безпрестанно посѣщали ея родные и знакомые, которыхъ здѣсь множество. Цѣлую недѣлю прожили мы въ гостиницѣ. Наконецъ ей стало лучше, и мы переселились на квартиру въ улицѣ Риволи.

Были въ италіянкой оперѣ. Давали *Норму*. Оперный театръ слишкомъ малъ по многолюдству Парижа. Внутреннее расположеніе его какое-то особенное. Сверхъ партера выдаются балконы раздѣленные на ложи, и сидящіе въ нихъ совершенно на виду; во тутъ не красуются изящные наряды законодательницъ моды; галереи эти посѣщаются скромными красавицами и не-красавицами средняго класса, не дерзающими

имѣть претензію на щегольство, но за первыми балкономъ находится рядъ завѣшанныхъ ложъ, закрытыхъ, уютныхъ, убранныхъ бархатомъ и зеркалами, со спокойными креслами, — ложъ откуда показываются лица которыхъ всѣ знаютъ или которыхъ всѣ хотятъ знать, гдѣ находишься какъ въ своемъ будуарѣ, гдѣ такъ привольно задуматься и придти въ умаленіе отъ голоса Гриси. Голосъ ея не огроменъ, онъ не покрываетъ оркестра, но нельзя пѣть лучше ея, съ большимъ вкусомъ и умѣньемъ.

Въ Театрѣ Водевила видѣли новую піесу г. Ансоа *L'Hôtel Rambouillet*. Въ этой піесѣ мало драматизма, но много остроумія и красивыхъ фразъ. Исполненіе не совсемъ было удовлетворительно. Во французской труппѣ Михайловскаго театра болѣе согласія и замѣчательныхъ дарованій. Театръ Водевила обладаетъ необыкновеннымъ комикомъ Менпиемъ. Я его видѣла въ глухой піесѣ, но такой талантъ какъ у Менпя всякую піесу сдѣлаетъ занимательною. У него нѣтъ преувеличаній, онъ не шаржируетъ, но передаетъ комическое лицо такимъ какимъ оно должно быть въ натурѣ.

Были во Французской Комедіи (*Comédie Française*). Давали *Ариадну* Корнея, и мы имѣли наслажденіе видѣть знаменитую Рапсаль, любимицу эдиповой публички. У ней огромное природное дарованіе, которое она увеличила изученіемъ сцены и драматическаго искусства. Каждое ея движеніе исполнено пластической красоты. Я видѣла Рапсаль также въ *Поліевктѣ* Корнея. Игра ея въ первыхъ актахъ не имела меня удовлетворяла: я ожидала чего-то еще большаго, но когда, послѣ смерти Поліевкта, Рапсаль валется блѣдною, просвѣтленною благодатью, она поразительна! Нельзя было сказать лучше: *je crois, je suis chrétienne!*

10 декабря была въ годичномъ засѣданіи Академіи Наукъ; мы опоздали и не слышали провозглашенія премій назначенныхъ за 1841 годъ. Послѣ раздачи премій Свѣтъ Илеръ (*Isidore Geoffroi St. Hilaire*) прочелъ расужденіе о методѣ Линаея, а Фурансъ произнесъ похвальное слово Декандолю.

Были въ церкви Святаго Рока, гдѣ проповѣдывалъ аббатъ Ботень по случаю благотворительнаго собранія для помощи бѣднымъ сиротамъ, которые тутъ налицо стояли около кафедры. Проловѣдникъ началъ съ того что говорилъ о нихъ, о пособіи

котораго она требуют и коснулись любви христіанской как источника благодати и милосердія. Пригласилъ присутствующихъ возвестить молитвенно ко Господу и послѣ краткой молитвы началъ снова говорить. Онъ исчислилъ благодѣанія Бога къ человѣку, изобразилъ искупительную смерть Іисуса Христа и началъ говорить о христіанской любви въ человѣческомъ сердцѣ, и изображать отношенія человѣка къ семейству, друзьямъ, отечеству и наконецъ ко всему человечеству. Чудно говорилъ онъ о материнской любви, съ тонкостію анализа изобразилъ онъ это чувство, самое чистое, самое живое, но часто и себялюбивое. Несчастная королева Амалия, мучимая о смерти сына, находилась въ церкви и многое въ проповѣди относилось къ ней.

16 декабря были на лекціи Кюпе; въ первый разъ какъ я его слышала наша что онъ слишкомъ гримасничалъ, во второй онъ читалъ естественнѣе. По обыкновенію Французовъ всегда выставлять Францію, онъ доказывалъ что она вдохновляла поэтовъ Італіи и что Карлъ Великій создалъ Аріоста. Возвращаясь съ лекціи гнѣхомъ въ сопровожденіи Дмитрія Петровича Варесомоева и Сергія Михайловича Соловьева, жившаго у Строгановыхъ въ качествѣ наставника.

Слышала два раза Мишле *Философію Исторіи*. Можно было бы ожидать что чтенія такого знаменитаго профессора и писателя какъ Мишле должны быть интересны, а выходитъ наоборотъ. Это не лекціи, а какая-то мистификація, которую выносить могутъ только Французы и потому еще что имя писателя сдѣлавшагося извѣстнымъ внушаетъ имъ уваженіе и что они всегда стараются поддерживать и возвеличивать свои знаменитости. Впрочемъ, и слушатели Мишле необузданны какъ его мысли. На его лекціяхъ шумать, кричать, смѣются. На первой лекціи профессоръ былъ выведенъ изъ терпѣнія и сказалъ: *S'il y avait des enfants parmi vous, Messieurs, j'aurais prié qu'on les mette à la porte.* Эти слова усмирили буйную аудиторію. Въ своей вступительной лекціи Мишле говорилъ о Сисмонди, о томъ, о семъ, а болѣе ни о чемъ. Философія была за тридевять земель. Вторую лекцію онъ началъ очень грозно, вѣроятно до него дошли неблагопріятные отзывы о его лекціяхъ. Онъ гнѣвно высказалъ что знать никого не хочетъ, кромѣ своихъ учениковъ, что онъ говорить только для нихъ, что *илл* только

хочетъ быть понятымъ, что не онъ виноватъ если зала наполнилась людьми всѣхъ возрастовъ, всѣхъ половъ (этотъ наметъ на дамъ вызвалъ громкій хохотъ). Каково же намъ было это слушать? Бѣ несчастно, еще мы сидѣли предъ самымъ его носомъ. Потому профессоръ накинудся на стенографовъ, просилъ чтобы не думали о томъ что онъ говорить (!), чтобы забывали его мысли. Онъ желалъ только одного—чтобы мысли эти *нечувствительно* дѣлали изъ нихъ (то-есть изъ учениковъ его) *людей*.

За симъ слѣдовалъ разказъ о себѣ, о своихъ сочиненіяхъ, о томъ что производило на него впечатлѣніе, и тѣмъ кончилось! Былъ ли тутъ хотя признакъ философіи? Это просто мороченіе.

Нельзя не сознаться что магазины, пассажи, все изящныя произведенія моды и вкуса чрезвычайно привлекательны въ Парижѣ. Теперь настало время подарковъ на Новый Годъ, и нельзя вообразить какъ блестящи магазины! Сколько дешевыхъ бездѣлицъ, сколько дорогихъ и прекрасныхъ вещей!

Новый Годъ здѣсь встрѣтили довольно тихо, развозили поздравленія и подарки другъ другу, были приемы у короля, но не было никакого празднества и особеннаго оживленія ни въ чемъ не проявилось.

Слушала опять Кине. У Французовъ нѣтъ послѣдовательности, это замѣтно во всемъ, даже въ лекціяхъ. Профессора рѣдко говорятъ о томъ о чемъ имъ слѣдуетъ говорить, они увлекаются самохвальствомъ или ловѣствомъ о предметахъ совершенно постороннихъ. Напримѣръ, Кине долженъ былъ по программѣ знакомить съ южною литературою, а онъ всю лекцію говорилъ о Нибелунгахъ и приводилъ изъ нихъ цитаты. Между прочимъ онъ сказалъ что любимые герои народной поэзіи всегда представляютъ собою типы народнаго характера, такъ у Нѣмцевъ Зигфридъ образецъ рыцарской любви, у Французовъ страстный Рожеръ, у Италіянцевъ пылкій беззаботный Роландъ.

Я очень сошлась съ С. М. Соловьевымъ. Меня удивляло въ немъ то что онъ не допускаетъ никакого увлеченія. Онъ точно по программѣ составилъ себѣ задачу жизни и непреложно исполняетъ ее. У него были назначенныя часы для занятія со Строгановымъ, для чтенія, для посѣщенія библіотеки и архивовъ, для сочиненій, для прогулки. Въ воскресенье онъ бывалъ у обѣда, посѣщалъ достопримѣчательности

Парижа и вечером ходилъ въ *Коллечную Оперу*. Я часто считалась надѣе нить что онъ дурно выбралъ мѣсто для развлечения, но въ программѣ онъ поставилъ: *оскресные вечера въ Коллечной Оперѣ*. Такъ и не отогнулъ въ продолженіе всего пребыванія въ Парижѣ. Мнѣ кажется и для всей своей жизни онъ заранѣе начерталъ программу, по которой неуклонно слѣдовалъ.

Иногда по субботамъ приходилъ П. Г. Рѣдкинъ; мнѣ нравилась въ немъ любовь къ наукѣ и къ профессорству. Онъ говорилъ что выше всего ставить свое призваніе дѣйствовать на молодежь, передавать ей мысли и убѣжденія.

Были въ Академіи на избраніи въ ея члены Патена (Patin), онъ послужилъ на мѣсто Рожера, драматическаго писателя, и въ своей скромной рѣчи благодарилъ за свое избраніе, говорилъ что онъ высоко цѣнитъ эту честь и исчислялъ, какъ это всегда водится, достоинства своего предшественника. Рѣчь была очень складна; я впрочемъ не съ особеннымъ вниманіемъ слушала рѣчь Патена. Все мое вниманіе было устремлено на Виктора Гюго и на одну необыкновенно красивую молоденькую дѣвушку. Слѣдить мысль на лицѣ также приятно какъ и прочесть ее на бумагѣ. Ни одно движеніе Виктора Гюго не скрылось отъ меня. Я замѣтила улыбку презрѣнія которая показала на его губахъ когда коснулись романтизма въ драмѣ: ему это не понравилось.

Отвѣтная рѣчь Баранта была также ловка. Мнѣ понравилось вступленіе, которое привѣтствовали громкими рукоплесканіями. Къ сожалѣнію, Барантъ имѣеть такое неприятное лицо что я не хотѣла на него смотрѣть и продолжала мои наблюденія надъ Викторомъ Гюго и хорошенькою дѣвушкой.

Наканунѣ нашего Новаго Года былъ раутъ у графини Разумовской. На раутѣ было много Русскихъ, Французовъ, Англичанъ, былъ Гизо, Гумбольдтъ, гжа Эмиль Жирарденъ, довольно красивая полная дама, съ белокурыми локонами. Мнѣ кажется я никогда не видала до такой степени биткомъ набитыхъ гостями комнать какъ это было у гжи Разумовской. Вся эта толпа двигалась насколько могла, разговаривала, смѣялась, шелталась, острела, дѣлала замѣчанія. Съ трудомъ можно было найти мѣсто чтобы сѣсть. Наконецъ мнѣ удалось пріютиться возлѣ знакомыхъ, и я осталась весь вечеръ неподвижною. До ушей моихъ долетали

какіе-то несладкіе звуки отъ говора толпившихся людей и музыки игравшей въ первой комнатѣ. Когда пробило двѣнадцать, музыка заиграла нашу народную гимнь, появились бокалы съ шампанскимъ. Толпа заволновалась, и послышались со всѣхъ сторонъ привѣтствія и поздравленія.

XIX.

Непостижимо какъ скоро идетъ время! Прошло уже девять дней новаго 1848 года! Выдаются такіе дни что рѣшительно некогда ожить. Напримеръ, во вторникъ поутру была у обѣда, оттуда поѣхала въ Лувръ, гдѣ осталась до самаго обѣда, сейчасъ послѣ обѣда отправилась ко всемогущей; это былъ кауувъ Крещенія. Возвратившись домой, приодѣлась и пошла внизъ; у насъ была вечеринка на которой были Строгановы, Гудовичъ, графиня Шуазель (рожденная Голицына), Нарышкина, Балабинъ и пр. и пр.

На этихъ дняхъ была въ палатѣ перовъ, находящейся въ Лукомбургскомъ дворцѣ. Зала прекрасна, кресла возвышаются амфитеатромъ и предъ каждымъ столикъ. Противъ сѣдалищъ перовъ находится полукружіе, гдѣ мѣсто президента и какія-то тумбы на которыхъ написаны имена Кальбера, Моля, Малерба и пр. и пр. Не лучше ли бы было поставить ихъ бюсты? Трибуны для посѣтителей обиты бархатомъ. Фрески на плафонѣ положительно дуры, въ общемъ же красиво, но не изящно. Засѣданіе назначено было въ часъ, а началось въ два. Много мѣстъ оставалось незанятыми; почтенные перы собирались какъ-то нехотя, разговаривали между собой, читали газеты, зѣвали, не замѣтно было никакого оживленія. Предсѣдатель открылъ засѣданіе ударивъ какимъ-то орудіемъ по столу. Всѣ ушлись по своимъ мѣстамъ. Сначала прочли адресъ королю, съ выраженіемъ между прочимъ участія къ его потерѣ. Послѣ адреса г. Буази сильно говорилъ противъ министерства, безлощадно нападалъ на Гизо и требовалъ отвѣта по поводу всѣхъ его преступленій. Я ожидала что Гизо вскочить и начесть амергично оправдываться. Ничего не бывало, онъ преспокойно сидѣлъ и слушалъ.

Случается что президентъ засыпаетъ посреди преній и пробуждается только когда какой-нибудь задорный перъ, въ порывъ гнѣва, громко ударить по столу, что часто случается съ Казиміромъ Перье.

У графини Разумовской былъ музыкальный вечеръ, пѣла Виардо Гарсія и игралъ на скрилкѣ какой-то ученикъ Паганини, и несмотря на это все-таки было скучно. Выдаются такіе вечера на которыхъ окука дѣлается заразительною, хотя этого не должно было бы случиться у графини Разумовской, любезной, привѣтливой хозяйки. Графиня Разумовская въ своемъ родѣ замѣчательная особа. Она была въ молодости необыкновенно хороша собой и сохранила въ старости молодость и миловидность. Она умѣетъ такъ изящно одѣваться что смотря на нее никто бы ни оказалъ ея настоящаго лѣта. Она всегда весела, привѣтлива, старается всѣмъ доставить удовольствіе и страстно любитъ свѣтскія удовольствія. Днемъ она много выѣзжаетъ, вечеромъ бываетъ въ оперѣ или театрѣ и услѣдуетъ иногда попасть еще на два бала.

Познакомилась съ Филаретомъ Шалемъ, котораго сочиненія и лекціи мнѣ довольно понравились. На кафедрѣ онъ совсемъ другой человѣкъ нежели въ гостиной. Когда онъ читаетъ для публики, у него голосъ дѣлается пріятнѣе, физиономія принимаетъ болѣе благородное выраженіе. Въ гостиной Филаретъ Шаль фразеръ, старающійся разыгрывать изъ себя свѣтскаго человѣка. На кафедрѣ онъ является симпатичнымъ профессоромъ, привлекающимъ вниманіе прекраснымъ изложеніемъ своего предмета.

Здѣсь не легко попасть на засѣданіе палаты депутатовъ. Рѣдкинъ, профессоръ права, пріѣхалъ нарочно провести зиму въ Парижѣ чтобы присутствовать при преніяхъ камеры депутатовъ и до сихъ поръ ни разу не могъ попасть туда; а наши русскія дамы, то-есть богатая и важная, каждый разъ получаютъ билеты. И у Рѣдкина есть знакомые депутаты и профессора; но они скорѣе дадутъ билеты свѣтскимъ дамамъ нежели молодому ученому. Много толковали о томъ что Ламартинъ перешелъ на лѣвую сторону; общее мнѣніе было противъ него. Ламартинъ, говорятъ, дѣйствовалъ единственно изъ оскорбленнаго честолюбія. Онъ желалъ быть посланникомъ—его не сдѣлали. Александра Ивановича, многими восхищающагося въ Парижѣ, возвратилась разъ изъ

камеры депутатовъ совершенно въ первомъ состояніи отъ всего чего она тамъ наслушалась. Столько непримичныхъ выходовъ, дерзостей и личностей! Газо бранили шарлатаномъ, а надъ маршаломъ Суальтомъ безлощадно сиблашеь.

Слышала знаменитаго проповѣдника Равильиона. Онъ проповѣдывалъ по случаю покупки дома Обществомъ des jeunes économes, составленнымъ изъ молодыхъ дѣвушекъ жертвующихъ для благотворительной цѣли часть денегъ получаемыхъ отъ родителей на удовольствія. Равильионъ говорить нараслѣвъ, какъ прежде играли трагедіи, и жестикулируетъ какъ италянскій проповѣдникъ. Замѣчательно что въ Парижѣ посреди суеты, тщеславія, величайшей безнравственности есть кружокъ людей живущихъ духовною жизнью и всецѣло преданныхъ дѣланъ милосердія.

Была въ Пантеонѣ. Первоначально это была церковь во имя Святой Женевьевы, сооруженная при Лудовикѣ XV когда благочестіе внутреннее гной Ментеновъ дряхлomu Лудовику XIV и его двору еще не совсѣмъ изсякло, по крайней мѣрѣ въ формахъ. Разразилась революція, и церковь Божія превратилась въ языческій храмъ, посвященный великимъ людямъ. Реставрація снова сдѣлала изъ него храмъ Божій, иудейская революція опять изгнала алтарь и начертала на фронтонахъ аих grands hommes la Patrie reconnaissante. Внутри голые стѣны, дурная фреска, какая-то статуя въ родѣ языческаго божества, поуклюжая, некрасивая, сдѣланная изъ алебастра. Въ нижнемъ этажѣ гробницы Жанъ-Жака Руссо и Вольтера. Много незнакомыхъ имель прочелъ намъ проводникъ на гробахъ, наполняющихъ нѣсколько отдѣльныхъ сводовъ. — „Où sont donc vos hommes célèbres?“ спросили мы. — „Que voulez vous? отвѣчалъ онъ: L'Empereur était pressé et au lieu des grands hommes il a mis des sénateurs“.

Здѣсь есть курсы для дамъ г. Менете, бывшаго чтеца Карла X. Июльская революція разорила его, и онъ занялся частнымъ преподаваніемъ. Севъ-Жерменское предмѣстье покровительствуетъ ему, превозноситъ его курсы, заманиваетъ на нихъ иностранцевъ, и зала г. Менете всегда биткомъ набита. Курсы раздѣлены на сорокъ уроковъ. По повѣдальникамъ читаются литературы французская, нѣмецкая, италянская, испанская; по лянцамъ преподается физика, химія и астрономія. Обо всемъ говорится поверхностно, но ясно и хорощимъ слогомъ. Въ заключеніе каждой литературной лекціи

г. Менее прочитывалъ какое-нибудь стихотвореніе или оперы изъ французскихъ классиковъ. Онъ читаетъ прекрасно. Мы иногда посѣщали эти курсы.

Здѣшняя масляница вовсе не такъ шумна, какъ о ней говорили. Водили быка, *beauf gras*, разукрашеннаго, раззолоченнаго, съ музыкой, сопровождаемаго колесницей на которой сидѣлъ амуръ и кортежемъ наряженныхъ масликовъ. Надо было замѣтить что весь этотъ маскарадъ составленъ изъ масликовъ, ихъ жёнъ и дѣтей: это ихъ праздникъ по преимуществу. На улицахъ, особенно на бульварахъ, толпилось много народу, масокъ было мало, можетъ-быть потому не хотѣли наряжаться что погода была очень дурна.

Наша масляница пришлась въ одно время съ французскою, и Александра Ивановна во вторникъ устроила блины, очень вкусныя, съ икрой, со сметаной, совершенно какъ у насъ, но обоедѣшея не совсѣмъ благополучно. Столовая наша не велика, гостей было названо множество, столъ былъ накрытъ тѣсно, полъ кафельный и хотя покрытъ ковромъ, но все-таки скользкій. Офиціантъ второпяхъ поскользнулся, задѣлъ за ножку стула князя Ливена, который всею своею длинною особою покотился подъ столъ, на него упалъ приборъ и онъ очень ушибся, такъ что его подняли и вывели въ другую комнату; дамы бросились за нимъ ухаживать; прамочки, компрессы явились немедленно, и какъ только онъ немного оправился, то разумѣется уѣхалъ домой, за нимъ многіе посѣдовали.

Была въ одномъ изъ судовъ, куда *Mlle Maxime*, актриса *Французской Комедіи*, подала жалобу на совѣтъ *Французской Комедіи* и на Виктора Гюго.

Камера суда очень не велика, мы едва могли найти мѣсто; было тѣсно и жарко, но довольно весело. Предъ нами сидѣла сама *Mlle Maxime*, и любопытно было видѣть ея волненіе когда говорилъ адвокатъ ея противника, слышать ея замѣчанія и опроверженія. Дѣло въ томъ что Викторъ Гюго написалъ новую драму и далъ ее разучивать во *Французскую Комедію*. Главная роль была дана *Mlle Maxime*. Послѣ нѣсколькихъ релетицій авторъ увидѣлъ что она играетъ неудовлетворительно и совѣтовалъ отказаться самой отъ роли, которая была не по ней. Она не согласилась. Тогда Викторъ Гюго предложилъ совѣту состоящему при *Французской Комедіи* рѣшить, справедливо ли его требованіе. Совѣтъ

согласилась съ его мнѣніемъ. Тогда Мlle Maxime обидѣлась и подала въ судъ. Процессъ этотъ совершенно во французскихъ правахъ. Занимательно было слышать какъ Мlle Maxime разсуждала съ молодыми адвокатами, окружавшими ее въ то время какъ судьи лопали совѣщаться. „C'est ma dignité d'artiste qui est offensée“, говорила она съ азартомъ. Она отдавала справедливость Виктору Гюго какъ лирику, но утверждала что его драмы накуда не годятся. Говоря о новой пьесѣ она прибавила: *Comme toujours il y a une biere dans cette pièce?*—Oh, Victor Hugo ne peut s'en passer, замѣтилъ одинъ изъ присутствовавшихъ, новидимому актеръ. *Il en produit tant, qu'il pourrait y enterrer toutes ses pièces.* Остроуміе во французскомъ вкусѣ. Судъ оправдалъ Виктора Гюго.

Была въ учебномъ заведеніи г. Леви, знаменитаго дѣйствительнаго преподавателя. У него цѣлый курсъ образованія, начинающій отъ дѣтей четырехъ, пяти лѣтъ до двѣнадцати семнадцати лѣтъ. Есть даже курсъ для наставницъ и матерей. Есть курсы и для мальчиковъ, совершенно отдѣльные, такъ что оба пола и не встрѣчаются. Я была на урокъ исторіи самого Леви въ высшемъ классѣ. Это былъ разговоръ объ исторіи со взглядами на современныя событія и поясненіемъ событій прошедшихъ. Отъ исторіи бесѣда нечувствительно перешла къ литературѣ, говорено было о красоворѣчьи, о движеніи въ слогѣ. Въ заключеніе г. Леви коснулся новыхъ сочиненій. Онъ обыкновенно знакомить своихъ ученицъ съ замѣчательными произведеніями литературы, указываетъ на тѣ которыя онѣ должны прочесть вполнѣ и дѣлаетъ выборъ изъ тѣхъ которыя вполнѣ онѣ прочесть не могутъ. Въ этотъ разъ г. Леви говорилъ о драмѣ Виктора Гюго *Burgaves*, на дняхъ данной на сценѣ. Въ заключеніе урока читались сочиненія ученицъ, на тему заданную г. Леви въ предыдущій классъ.

XX.

Здѣсь находится одно семейство князей Голицыныхъ, которые отреклись отъ Россіи, сдѣлались католиками и поселились въ Парижѣ. Старикъ князь, умирая, почувствовалъ угрызеніе совѣсти въ своемъ отступничествѣ и завѣщалъ жемъ и дѣтямъ возвратиться въ Россію. На княгиню сильно подѣйствовало предомертное желаніе мужа; она, по какому-то

доброму наитію, искренно одушевляясь такими же чувствами, пожелала возвратиться въ отечество, сдѣлать омысловъ своихъ (уже женатыхъ на Французенкахъ) снова Русскими, жить въ деревнѣ и печься о своихъ крестьянахъ. Васильчикова способствовала во связяхъ своимъ къ облегченію возвращенія Голицыныхъ на родину и вступленію вновь въ русскіе подданные съ полученіемъ прежнихъ правъ. Княгиня Голицына въ Парижѣ участвовала во многихъ богоугодныхъ заведеніяхъ, взялась показать намъ нѣкоторыя изъ книгъ и во многія мѣся сопровождала.

Имя святаго Венсанъ де-Поля создавшаго общину Сестеръ Милосердія блещетъ яркимъ свѣтомъ между всеми именами учредителей человѣколюбивыхъ заведеній Парижа. Теперь въ католическомъ мірѣ много орденовъ вышедшихъ въ образецъ Сестеръ Милосердія и посвящающихъ себя служенію ближнихъ. Еслибы Св. Венсанъ ничего болѣе не дѣлалъ какъ только основалъ общину Сестеръ Милосердія, то и тогда бы онъ оказалъ великое благодѣяніе человѣчеству. Не его милосердіе не имѣло предѣловъ: ему хотѣлось облегчить всѣ страданія, утѣшать всѣ язвы. Онъ основалъ домъ для подкидышей (*La maison des enfants trouvés*). Силою своего краснорѣчія убѣдилъ короля и многихъ другихъ высоко поставленныхъ лицъ помочь ему въ этомъ добромъ дѣлѣ. Несчастныя малытки, которыя до сихъ поръ рождались для того только чтобы быть безпомощно брошенными, милосердіемъ Св. Венсана были привѣтны, взлелѣаны и благочестиво росли подъ покровительствомъ сестеръ милосердія. Другъ человѣчества не забывалъ также и о старикахъ: въ 1654 году онъ учредилъ богадѣльню для стариковъ. Но не одними богоугодными учрежденіями ограничивалась всеобъемлющая любовь Св. Венсана къ человѣчеству. Возникла ли война — онъ посылалъ своихъ достойныхъ слодвижниковъ, чтобы укрѣплять твердость воиновъ, приносить облегченіе и утѣшеніе раненымъ, напутствовать умирающихъ за отечество. Постигало ли какое-нибудь бѣдствіе отдаленныя провинціи, онъ отправлялся туда съ помощію и утѣшеніемъ. Возникали ли общественныя смутенія, — онъ являлся среди разъяренныхъ партій чтобы укротить и примирять. Неизгладима память такихъ благодѣтелей человѣчества.

Въ настоящее время, въ Парижѣ, масса богоугодныхъ и филантропическихъ учрежденій. Есть общество называемое

Материнскими, подъ покровительствомъ королевы, для помощи при родахъ бѣднымъ матерямъ. Есть множество разнаго рода приютовъ. Есть заведеніе для дѣтей которыхъ родители погибли въ камеру, есть Христіанскія Школы (Ecoles Chrétiennes des Frères), основанная Францискомъ де-Салль, подъ покровительствомъ брата посвятившей себя безвозмездному учению бѣдныхъ. Общество Друзей Дѣтства, Общество для обученія бѣдныхъ спротивъ ремесламъ, Общество ремесленниковъ и работниковъ, Общество маленькихъ Сапожровъ и Оверцевъ, Общество покровительства освобожденнымъ изъ темницъ, Общество для освобожденія содержимыхъ за долги, Тюремное Общество, Филантропическое Общество, Общество для распространенія вѣры и пр. и пр. Мы посетили многія изъ этихъ учрежденій, и я опишу нѣкоторыя.

Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ по своей цѣли и по своему примѣненію мы нашли учрежденіе святаго Николая (Ouvrage de S.-Nicolas), основанное въ 1827 году аббатомъ Берванжеромъ. Цѣль этого заведенія—доставлять возможности бѣднымъ дѣтямъ научиться какому-нибудь полезному ремеслу и приобрести свѣдѣнія относящіяся къ нему и способствующія достиженію возможнаго совершенства въ избранномъ ремеслѣ. Выбѣтъ съ тѣмъ, воспитанниковъ учить письму, грамматикѣ, арифметикѣ, а главное заботятся утвердить законъ Божій въ сердцахъ ихъ, чтобы набожностями были правила нравственныя, чтобы религіозное утѣшеніе было действительно въ скорбяхъ и несчастіяхъ, столь часто встрѣчающихся среди бѣднаго класса. Учрежденіе это возникло безо всякаго капитала. Приняли нѣсколькихъ бѣдныхъ дѣтей, помѣстивъ ихъ на чердакѣ въ одномъ изъ предмѣстій Парижа, потомъ годъ отъ году оно увеличивалось и приобрѣло покровительство Карла X и его семейства. Июльская революція нанесла жестокій ударъ этому заведенію: нѣсколько разъ оно находилось въ самомъ затруднительномъ положеніи, и только неуслынное усердіе учредителя могло спасти его. Теперь оно находится въ цвѣтущемъ состояніи и воспитываетъ 400 дѣтей. За каждаго изъ нихъ родители или покровители платятъ по 20 франковъ въ мѣсяцъ за ученіе и полное содержаніе. Если воспитанникъ, научившись какому-нибудь ремеслу, остается для усовершенствованія въ мастерскихъ, то получаетъ все чтó добывается его работой.

Общество называемое братствомъ Сенъ-Венсаъ де-Поль

чрезвычайно благотворительно. Его составляют молодые люди изъяснившие желаніе нѣсколько часовъ въ недѣлю посвящать благотворительности. Они раздѣляютъ между собой попеченіе о несчастныхъ семействахъ, поощряютъ больныхъ, раздаютъ бѣднымъ хлѣбъ, дрова, мясо, одежду, заботятся о дѣтяхъ, стараются отдавать ихъ въ ученіе, доставляютъ работы тѣмъ которые въ ней нуждаются. Узнавая несчастныхъ и ихъ нужды они помогаютъ имъ, доставая на то средства отъ своихъ богатыхъ знакомыхъ. Братство распространилось во многихъ провинціяхъ Франціи и соединяетъ молодыхъ людей между собою святымъ, благотворительнымъ союзомъ на поприщѣ добра и пользы.

Молодые дѣвушки не отстаютъ въ благотворительности отъ молодыхъ людей и образовали также общество, приносящее пользу какъ тѣмъ которымъ благотворительствуетъ, такъ и самимъ благотворительницамъ—развивая съ юныхъ лѣтъ благотворительную любовь къ ближнимъ и благородное стремленіе приносить пользу. Общество называется *Association des jeunes sœurs*. Изъ денегъ назначаемыхъ для удовольствій членамъ Общества обязаны вносить въ мѣсяцъ по 30 сантимовъ. Сверхъ того, они должны работать въ пользу Общества. Добродетельныя привошенія, лоттерея и одинъ разъ въ годъ сборъ въ церквахъ, вотъ всѣ средства Общества, и несмотря на это оно содержитъ 250 дѣвочекъ.

Замѣчательно учрежденіе *Les Menages, Отдѣльныхъ Хозяйства*. Оно содержится правительствомъ при попеченіи сестеръ милосердія. Намъ не сумѣли разказать въ точности исторію этого заведенія. Узнали только что оно существовало еще до первой революціи и имѣло разныя назначенія. Лѣтъ двадцать только какъ оно образовалось въ теперешнемъ своемъ видѣ. Теперь туда принимаются вдовцы и вдовы не моложе 60 лѣтъ, и преклонныхъ лѣтъ мужъ и жена, если находились не менѣе 20 лѣтъ въ супружествѣ. Для не имѣющихъ средствъ платить за отдѣльное помѣщеніе находится 150 кроватей въ общихъ дортуарахъ. Всѣ остальные комнаты отдаются за назначенную плату:

Важней четъ за большія комнаты	2.300 фр.
Вдовамъ за маленькія	1.600 „
За одну комнату	1.000 „

Внеся эту сумму поступающіе въ заведеніе совершенно обезпечены: у нихъ теплое, удобное помѣщеніе, хорошій

столь, и сверхъ того имъ даютъ по три франка каждыя десять дней на издержки. Мы входили въ нѣкоторые отдѣленія. Въ одномъ нашли большую старуху съ мужемъ. У нихъ было все въ безпорядкѣ. Въ другомъ хозяйствѣ нашли очень благовидную чету, во настоящихъ Французовъ, болтливыхъ, самохвальныхъ: старичка съ ленточкой въ петлицѣ, очень опрятно одѣтаго, супругу его, также очень чистенькую. Въ ихъ комнатахъ находились уцѣлѣвшіе остатки ихъ прежней болѣе достаточной жизни: стояли часы, канделябры, хорошая мебель, были развѣшены картины нарисанныя самимъ хозяиномъ, висѣлъ его крестъ Почетнаго Легіона. Казалось, старички были очень счастливы. Начальница заведенія, сестра милосердія, сопровождавшая насъ, очаровала меня тѣмъ какъ обращалась съ обитателями заведенія: каждому и каждой она нашла сказать что-нибудь ласковое, утѣшительное, и это не былъ затверженный урокъ, но искренній провѣтъ сердца.

Мы пообѣдили въ сопровожденіи герцогини Ларошфуко, одной изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ тюремнаго комитета, тюрьму Святаго Лазаря, основанную также Сень-Венсанъ де-Полезъ, содержащую теперь правительствомъ и находящуюся подъ покровительствомъ нѣсколькихъ дамъ. Тюрьма раздѣлена на два отдѣленія: въ одномъ находятся воровки, въ другомъ женщины дурной жизни. Намъ говорили что эти несчастныя и на свободѣ каждую недѣлю должны являться въ полицію и оттуда тѣ изъ нихъ которыя нездоровы посылаются для излѣченія въ больницу Святаго Лазаря, гдѣ благотворительныя дамы стараются врачевать ихъ и духовно. Гжа Ламартинъ, достойная супруга знаменитаго поэта, состоитъ председателницей Тюремнаго Общества. Она въ тюрьмѣ Св. Лазаря взяла на свое попеченіе отдѣленіе воровокъ, а другое находится въ заведываніи герцогини Ларошфуко и еще нѣкоторыхъ дамъ. Мы были только въ отдѣленіи женщинъ дурной жизни. Многія изъ нихъ чрезвычайно страдаютъ: одѣхъ чахоточныя и кашляютъ, другія лежатъ подвязанныя, въ ранахъ и истомеженіи, третья, легко больныя, безлечно развалились на постеляхъ, въ серьгахъ, съ завитыми бу-клями и какъ бы ожидая съ нетерпѣніемъ минуты выздоровленія и возвращенія къ прежней жизни. На лицахъ одѣхъ изображенъ порокъ, другихъ—порокъ и вмѣстѣ безстыдство, иныя молоды, хороши собой, граціозны; иныя плачутъ, другія смѣются, громко разговариваютъ, съ озабоченнымъ

видомъ лишуть въ постеляхъ, только, вѣроятно, не показанную исповѣдь. Мы подошли къ одной, у которой была рана въ горлѣ. У нея на колѣняхъ стоялъ горшечекъ съ теплымъ молокомъ; она не могла глотать, съ отчаяніемъ подносила ложку ко рту и потомъ отнимала. „Mais on meurt, si on ne mange pas“, говорила она и громко рыдала. Герцогиня Ларошфуко старалась утѣшить ее словами христіанской любви. Другая дѣвушка съ дерзостію говорила что пойдетъ снова по прежнему пути, третья—что она готова была бы исправиться, но что ее бросили родители и что она съ горя ведетъ такую жизнь. Четвертая, дѣвочка лѣтъ пятнадцати, говорила что она всему дурному научилась отъ мачихи, что она вовсе не знаетъ Закона Божія и никогда не причащалась Святыхъ Таинъ. Одна изъявила желаніе вступить въ заведеніе Добраго Пастыря (du Bon Pasteur). „Какъ тяжело, говорила она, жить здѣсь когда почувствуешь отвращеніе къ пороку и обречешь себя на другую жизнь“. Но она должна была еще оставаться въ тюрьмѣ, потому что не было мѣста въ заведеніи Добраго Пастыря.

Мы были также и въ заведеніи Добраго Пастыря основанномъ графиней Вильдонъ, семидесятилѣтнею старушкой, посвятившею себя добру и при концѣ жизни имѣющею наслажденіе видѣть что она жила не бесполезно, что все наматое или внушенное ею привнесло благотворные плоды. Заведеніе это также находится подъ руководствомъ сестеръ милосердія, вносящихъ вездѣ съ собою любовь, сильныя дѣйствующихъ нравственно на несчастныхъ дѣвушекъ, которыя совершенно перерождаются и раскаяніемъ, кротостію и смиреніемъ искупаютъ свою прежнюю жизнь. Жаль только что заведеніе Добраго Пастыря не довольно обширно, и что иногда долго ожидаютъ очереди попасть въ него.

(Продолженіе будетъ.)

ПОДЪ ОБЛАКАМИ

ПОВѢСТЬ

Настась Александровнѣ или Стази Аладивой въ 186* году минуло уже двадцать восемь лѣтъ, хотя въ кругу родныхъ и близкихъ, по матушкиной хронологіи, ей числилось только двадцать четыре. Но злые языки остроумно замѣчали что выводить въ свѣтъ четырнадцатилѣтокъ не рѣшались по сіе время даже самыя доброжелательныя маменьки, а Стази уже добрый десятокъ годовъ фигурируетъ на паркети. Злые языки были правы; это слишкомъ хорошо сознавали и сама Стази, и почтенная ея матушка Анна Николаевна, женщина весьма энергичная, болѣе десяти лѣтъ бесплодно тратящая усилія на прискаваніе блестящей партіи для своей единственной, нѣжно любимой дочери. По какимъ-то неполаднымъ, нужно полагать просто роковымъ, обстоятельствомъ, ни вѣшнее изящество, соединенное съ замѣчательнымъ музыкальнымъ талантомъ, ни миловидная русая головка, ни осмысленно-тонкое кокетство не возымѣли пока должной силы чтобы закрѣпить ей узами Гименея одного изъ тѣхъ баловней фортуны для которыхъ эти дары расточались почти ежедневно въ теченіе четырехъ или пяти мѣсяцевъ подъ магкимъ свѣтомъ карселей или яркимъ блескомъ люстръ.

Что ни сезонъ—новое разочарованіе, новый рой отлетающих надеждъ и въ заключеніе скучный отъездъ въ Смоленскую губернію, въ родныя дебри далекаго Сашина. Правда, года три назадъ Стаси совсѣмъ было вскружила голову захватшему въ столицу испанскому граду, пять разъ маркизу и дважды герцогу, не считая остальныхъ титуловъ, но какъ-то въ концѣ концовъ ничего не вышло. Градъ бывалъ запросто, пилъ чай, слушалъ романсы, присылалъ даже букеты, ухаживалъ на вечерахъ и раутахъ, да вдругъ совершенно неожиданно женился въ Баденѣ. Послѣ него былъ на примѣтѣ острейскій баронъ, встрѣченный на водахъ, съ изряднымъ состояніемъ и хорошимъ родствомъ, но Стаси нашла его почему-то *trop roide et pas assez homme du monde*; въ сущности, перспектива одинокаго счастья на курляндской границѣ, въ предѣлахъ какого-нибудь Луизенгофа, съ титуломъ „*Fran Baronin*“, показалась ей слишкомъ узкою и несоответственною ея требованіямъ. Сватался и свой братъ помѣщикъ, изъ кружныхъ, агрономъ и земскій дѣятель, мужчина видный и солидный, да на бѣду носилъ перстень на указательномъ пальцѣ, былъ съ жога и громко чихалъ; подумали и оставили про запасъ, осылаемъ на молодость и желаніе предварительно получить шифръ, который де жо всей вѣроятности не замедлитъ.

Въ достопамятный день коимъ начинается нашъ разказъ, Стаси проснулась въ первомъ часу, усталая и озабоченная. Наканунѣ на музыкальномъ вечерѣ у княгини Делановой, князь Иванъ Михайловичъ Голенищевъ сообщилъ какъ живо трепещущую новость что у одной изъ высокихъ особъ предполагается необычайный праздникъ съ *charades en actions* и аллегорическою процессіей. Со свойственною ему важностию князь пояснялъ окружающимъ его слушательницамъ всю разносторонность предстоящихъ ему, какъ главному распорядителю, заботъ и трудовъ, присовокупляя что тѣмъ не менѣе надѣется управиться, при дружескомъ содѣйствіи князя Коко, извѣстнаго всему столичному свѣту меломана, приваиваемаго завѣдываніе музыкальною частію. О предполагаемыхъ исполнителяхъ и исполнительницахъ князь таинственно умолчалъ, уложивъ только что предполагается привлечь къ участію *la ogême de votre monde*.

Подъ впечатлѣніемъ этихъ разказовъ, Стаси тревожно провела ночь. Ей снилась мраморная зала, густо залюбованная

блестящею толпой. Въ благовонномъ воздухѣ легкой шорохъ роскошныхъ туалетовъ, мерцаніе алмазовъ, густыя эполеты, и звеня въ ціахъ моръ атласа и бархата; вдали, за лервынъ рядомъ, ярко освѣщенная эстрада вся въ цвѣткахъ и драпировкахъ и на этой эстрадѣ вдругъ она сама Стаси, въ очаровательномъ костюмѣ субретки времени Людовика XV, не то поетъ, не то говоритъ прелестныя кулметы подъ волшебныя звуки оркестра Манжана. Кончила... молчанье! Ей становится невыносимо жутко, она робѣетъ, терзается... во вѣкъ чей-то звучный голосъ изъ перваго ряда произноситъ bravo, и вся зала разражается восторженными аплодисментами. Затѣмъ что ни выходитъ, то новый услѣхъ, ограда до боли сжимается отъ восторга... Между тѣмъ тамъ, въ залѣ, среди знакомыхъ лицъ, сколько зависти и досады!—Cette petite intrigante a vraiment un succès inouï, шепчуть Мари Хвалыискаая; Арра Звенигородская зеленѣетъ подъ румянами, княжна Lison только пожимаетъ плечами и махотъ по обыкновенію губы языкомъ. — Elle est pourtant bien gentille, говоритъ государственный самовлакъ.—Et quel cachet, вторитъ дипломатъ.—Beaucoup de chien, énormément de chien!—людтверждаетъ красавецъ флигель-адъютантъ. Стаси все слышитъ и торжествуетъ. Сонъ не останавливается и тихонько уноситъ ее все далѣе и далѣе въ чудный міръ фантазіи. Последнее дѣйствіе: князь Кoko въ сообществѣ съ графомъ Фобро измани въ немъ все тонкости французскаго ума, каковымъ переполнена ихъ славянская натура. Стаси въ заключеніе должна протанцовать „la bougrée“ для посвященія зрителей въ послѣдній слогъ парады—„dance“. Стуколкинъ еще утромъ пришелъ въ восторгъ при репетиціи самъ князь Кoko предсказалъ несомнѣнный услѣхъ и подкавалъ какой-то особенно тиличный, хотя и нѣсколько омылый жестъ, „изученный“ имъ „на мѣстахъ“; но Стаси страшна: вдругъ въ залѣ не понравится, найдутъ trop osé. Она въ смущеніи озирается на своего кавалера, и съ ужасомъ никого не находитъ... Все какъ бы покрывается туманомъ. Гдѣ же онъ, кто онъ? воанутся Стаси. И вотъ туманъ рѣдѣетъ, изъ него слезна смутно, затѣмъ все ярче и ярче, выдѣляется изящная фигура мушманъ. „Онъ! Восхитительный, непережаемый, очаровательный криацъ Эросты!“ Принцъ привѣтливо улыбається смутившейся Стаси, беретъ за руку, слегка пожимаетъ, и оба пускаются въ танецъ... Валь тренецетъ отъ

сдержаннаго восторга; Стаси не спускаетъ глазъ со своего кавалера и мнитса ей что въ немъ тоже проглядываетъ то живое, робкое чувство, которое волнуется ея грудь... Величественное высочество! мелькаетъ въѣсть съ тѣмъ у ней въ головѣ... Отчего же нѣтъ?.. При этомъ вся зала разразилась такими аллодисментами что Стаси даже проснулась.

Тусклое декабрьское утро, просвѣчивавшее сквозь жиденькія кретононыя драпировки, вневально и неприятно перенесло ее въ охлаждающую область дѣйствительности. Послѣдніе отблески чудныхъ видѣній унеслись съ сознаниемъ многочисленныхъ трудностей предстоящей задачи. Участвовать въ качествѣ исполнительницы въ парадахъ являлось дѣломъ далеко не легкимъ, при тѣхъ исключительныхъ условіяхъ о которыхъ упоминалъ князь. Самое свойство этихъ условій естественно должно было вызвать неужолимую скачку съ прелестями сотни самолюбій, всколыхать цѣлый океанъ страстей, лутить въ дѣйствіе тысячи комбинацій, интригъ, среди которыхъ положеніе, связи и протекція опредѣляютъ по всей вѣроятности составъ избранныхъ. Удовольствоваться скромною ролью какого-нибудь „знака зодіака“ или „часа“ въ аллегорической процессіи, допуская даже что послѣ немнѣтельныхъ усилій и ходатайствъ таковая и будетъ ей предоставлена, казалось для Стаси слишкомъ недостаточнымъ. Она сознавала что ея силы и умѣніе достойны несравненно большаго. Одно имя князя Кото было ручательствомъ что музыкальная часть займетъ выдающееся, если не первое, мѣсто въ программѣ спектакля. При талантливомъ исполненіи можно стагать блестящій успѣхъ. Успѣхъ! Въ этомъ прѣстолѣ, во магически-чарующемъ словѣ находилось разрѣшеніе настоящихъ тревогъ и заботъ Стаси. Она тщетно искала, ловила, шла ему на встрѣчу цѣлыя десять лѣтъ. Онъ какъ будто заигрывалъ съ ней, дразнилъ, заманивалъ, и когда она, трепещущая и изнуренная, сводила руки чтобъ его обнять, онъ, какъ насмѣшливый сказочный призракъ, отскакивалъ куда-то въ сторону. Теперь, казалось, наступила минута помѣряться съ нимъ окончательно, на это были у Стаси свои глубоко затасяныя соображенія.

Еще наканунѣ же возвращеніи отъ графини Денисовой, несмотря на усталость и позднее время, Стаси продолжительно совѣщавась съ Анной Николаевной, не менѣе ея заинтересованною въ успѣхъ, о способахъ добиться приглашенія

участвовать въ проектированномъ спектаклѣ. Со вѣншей стороны особыя прелестивія повиданному не представлялось: Стазу была представлена и даже какъ-то разъ находилась въ числѣ продавщицъ на благотворительномъ базарѣ устроенномъ высокою хозяйкой, но въ сущности это ничего не значило. Весьма естественно что высокопоставленная устроительница праздника при выборѣ участвующихъ будетъ руководствоваться прежде всего своимъ личнымъ вкусомъ, симпатіями и разумніемъ, но въ силу своего исключительнаго положенія станетъ искать таковыхъ прежде всего въ болѣе близкомъ къ ней кружкѣ, или между лицами ежечасно попадающимися на глаза.

Единственнымъ вѣскимъ аргументомъ, какъ это вознавала Стазу, могли явиться въ ея пользу талантъ, умѣніе; но кто же возьмется представить объ этомъ? На женскія протекціи и ходатайства разчитывать было безразсудно: каждая прямо или косвенно будетъ заинтересована въ этомъ дѣлѣ для себя или своихъ и скорѣе подставитъ ногу чѣмъ окажетъ помощь.

Всѣ эти соображенія съ возможными pro и contra озабочивали мысли Стазу въ то время какъ горничная проводила въ обычный порядокъ ея золотистые роскошные волосы. Тщетно старалась она сосредоточить вниманіе на раскрытой предъ ней новой брошюрѣ Орлеанскаго епископа монсеньора Дюлану, рѣчь о которой могла зайти на утреннемъ приѣмѣ у Татьяны Борисовны Тавридовой. Краснорѣчивые періоды католическаго публициста бесслѣдно мелькали предъ глазами. Появленіе Анны Николаевны уже причесанной и одѣтой заставило Стазу очнуться.

— Изъ Оашина? спросила она указывая глазами на интеллектуальный конвертъ целисанный крулымъ старосвѣтскимъ почеркомъ, который Анна Николаевна держала въ рукахъ вмѣстѣ со связкой ключей и носовымъ платкомъ.

— Чтò новаго, пара здоровъ?

— *Comme toujours mauvaises nouvelles*, вздохнула Аладина, — на рождѣнныя совсѣмъ плохи... *Avant la fin du prochain mois aucun espoir de toucher quelque chose*, перешла она вновь на французскій языкъ, замѣтивъ появленіе горничной.

Разговоръ послѣ нѣсколькихъ отъгованій на тему какъ трудно жить на свѣтѣ вообще, а въ Петербургѣ въ особенности, незамѣтно перешелъ къ завѣтнымъ парадамъ. Анна Николаевна сообщила дочери что размышляла въ ночной тиши она

пришла къ заключенію обратиться письменно съ просьбой къ княгинѣ Ражской, приближенной къ высокой хозяйкѣ, и вывѣстѣ съ тѣмъ попытаться ловліать на князя Ивана Михайловича чрезъ Мисси Езерскую, доводящуюся ему *grande tante*.

— Милая мама, вѣжко коснувшись рукъ Анны Николаевны оставовила ея какъ бы лосѣщенная врезалнымъ вдохновеніемъ Стази,—все это никуда не годится... волервыхъ, потому что Ражскую осадить сотнями просьбъ, изъ которыхъ она ни одной не исполнитъ по боязни показать свое вліяніе, а у Езерской цѣлый легіонъ кузинъ, племянницъ, *que sais je...* Да и едва ли ея слово можетъ имѣть значеніе, вѣдь Иванъ Михайловичъ послѣ нея не наследуетъ. Вотъ что я придумала: надо дѣйствовать смѣло; князь Кoko мнѣ кажется самымъ лучшимъ и вѣрнѣйшимъ путемъ.

— Князь Кoko! съ удивленіемъ воокликнула Анна Николаевна,—да вѣдь мы едва съ нимъ знакомы и почему ты думаешь что его слово будетъ имѣть какое-нибудь значеніе. Онъ безъ особенно виднаго положенія...

— Положеніе тутъ не при чемъ, *chère maman*, перебила Стази,—развѣ вы забыли что вся музыкальная часть исклю-чительно поручена ему. Правда мы недавно знакомы, но при поминте, гдѣ онъ былъ намъ представленъ?

— У графини Катшъ.

— Въ томъ-то и сила, и мнѣ почему-то сильно сдается что несмотря на всю свою напускную оболочку *de gentilhomme campagnard et oppositioñiste* ему кажется не по годамъ камеръ-юнкерскій мундиръ и онъ бы ничуть не прочь украсить его ключомъ, а пожалуй и увести, какъ онъ выражается, въ свою *Hollande* церемоніймейстерскую тросточку.

— *Et puis?* возразила недоумѣвая Анна Николаевна,—не могу же я заставить Катшъ...

— Обязать князя подпиской о предоставленіи мнѣ первой роли взамѣнъ ключа или жезла, смѣясь продолжала Стази.—Нѣтъ, ваша задача будетъ гораздо легче; я отлично знаю что графиня Катшъ никогда и не для кого не измѣнитъ своихъ правилъ *malheureusement* во всякія служебныя повышенія и отпачія, но вывѣстѣ съ тѣмъ я убѣждена что по дружбѣ къ мамѣ будетъ не прочь намекнуть князю о моихъ *notables* и сѣвическихъ орудствахъ.

— И ты думаешь что этого будетъ достаточно? недоумчиво спросила Анна Николаевна.

— Нѣтъ! отвѣчала Стаси,—я съ своей стороны напишу ему нѣсколько словъ съ просьбой взглянуть къ намъ этики для ми прослушать вѣрно ли я передаю его *Андалузскую Серенаду* и *Сегидиллу*, причемъ могу добавить что у мама не хватаетъ смѣлости проиѣть ихъ въ будущій понедѣльникъ у графини Катинь безъ предварительнаго наставленія и одобренія автора.

— Планъ не дуренъ, одобрила Анна Николаевна,—одвако мы заговорились, а время дорого, уже третій часъ, скоро придетъ карета; да я было и забыла: Катинь прислала сказать утромъ что мы будемъ приглашены въ субботу къ Рамодановскимъ. Ты вѣрно будешь имѣть случай встрѣтиться тамъ съ принцемъ Эрнестомъ.

Внезапная краска выступила по всему лицу Стаси при этомъ имени и смѣвилась тѣнью неудовольствія.

— Vous êtes vraiment étrange maman, какъ бы нехота проговорила она.

— Знаю, знаю, многозначительно кивнувъ головой, возразила подымаясь съ мѣста Анна Николаевна,—но не слѣдуетъ падать духомъ и терять энергію. Вѣрь мнѣ что время и терпѣніе всегда берутъ свое!

Послѣ этой знаменательной сентенціи Анна Николаевна удалась, захвативъ и скомканное въ разговорѣ письмо мужа съ неприятнымъ извѣстіемъ о низкихъ цѣнахъ на рожь въ Смоленской губерніи. Стаси, оставшись одна предъ туманнымъ зеркаломъ, закинула назадъ свои красивыя полныя руки, выскользнувшія почти по плеча изъ широкихъ рукавовъ бѣлаго левюара, долго смотрѣла неподвижно въ какую-то неудовимую точку, будто думая найти въ ней разрѣшеніе своихъ завѣтныхъ сомнѣній.

II.

Аладины при появленіи своемъ въ петербургскій свѣтъ столкнулись со многими непредвидѣнными усложненіями и трудностями. Происхожденія они были безусловно родовитого; родъ дворянъ Аладиныхъ внесень въ первую часть шестой книги дворянства Россійскаго и значится по родословнымъ князя

Долгорукова. Въ былыя времена Аладныи отличались и на поляхъ брани и въ подвигахъ государственныхъ, но несмотря на все это, при недостаточности средствъ, вѣятельнаго родства и виднаго, общественнаго положенія, для нихъ являлось почти невозможнымъ слиться, примкнуть, „сдѣлаться своими“ въ какомъ-либо великосвѣтскомъ кружкѣ, а „попадать“ оказывалось дѣломъ далеко не легкимъ. Свѣтъ даже и „большой“, какъ оказалось на ихъ счастье, не безъ добрыхъ людей. Анна Николаевна, женщина предусмотрительная и вѣжкая мать, еще прежде, въ малолѣтствѣ Стази, старалась, насколько позволяли перелетѣи военной жизни, никогда не прерывать сношеній съ Петербургомъ и рачительно поддерживала оставленныя въ немъ дружескія или свѣтскія связи, которыя, по ея мнѣнію, могли пригодиться въ будущемъ. Въ числѣ такихъ на первомъ планѣ, какъ самая прочная и старинная, являлась дружба съ графиней Бергемъ, подругой по Смоленскому. Бѣдная дѣвушка изъ далеко незнатной, многочисленной дворянской семьи, графиня Екатерина Александровна вслѣдствіе высокаго положенія мужа въ придворныхъ сферахъ была одною изъ царицъ столичнаго high life. По свойству ума и характера она принадлежала къ числу тѣхъ исключительно рѣдкихъ, свѣтлыхъ натуръ въ коихъ величіе и удача не затираютъ ни искренности чувствъ, ни врожденнаго добродѣлительства. Общественное значеніе ея, независимо отъ всякихъ кружковъ и партій, было поставлено на такихъ крѣпкихъ основахъ, такъ давно и неоспоримо всѣми признано что она могла покровительствовать безъ опасенія локолѣбать своей кредитъ и вліяніе въ свѣтѣ. Стази своею симпатичною милосердіемъ, острымъ, находчивымъ складомъ ума, а въ особенности неподдѣльнымъ музыкальнымъ талантомъ и вкусомъ сразу свискала ея расположеніе. Графиня, несмотря на царственное помѣщеніе и обстановку дома, не давала ни бабловъ, ни раутовъ. Кромѣ общихъ утреннихъ пріемовъ у ней изрѣдка собирались на маленькихъ музыкальныхъ вечерахъ „quelques intimes“, то-есть почти весь цвѣтъ столичнаго свѣта. Эти сравнительно немногочисленные собранія послужили хорошимъ починкомъ для постепеннаго расширенія Аладныими круга свѣтскихъ знакомствъ. Толчокъ былъ данъ: остальное зависѣло отъ личнаго умѣнія, настойчивости и такта. Во всемъ этомъ недостатка не оказалось, а талантъ Стази, ея „полезность“ въ гостиныхъ содѣйствовали постепенному раскрытію предъ нею многихъ сначала тугихъ дверей.

Состояніе Аладиныхъ было настолько ограничено что для возможности ежегодно проживать зимній сезонъ въ Петербургѣ, съ половины ноября по апрѣль, они принуждены были остальную часть года хорониться въ глуши Смоленской губерніи, въ незначительномъ родовомъ помѣстьи. Въ немъ же безвыѣздно проживалъ уже лѣтъ лятнадцать старикъ Аладинъ, отецъ Стази, отдыхая за хозяйствомъ и охотой отъ тревогъ военной жизни, съ чиномъ генералъ-лейтенанта въ отставкѣ. Постоянной квартиры въ столицѣ такимъ образомъ онъ не имѣли, а по примѣру многихъ перехватывали небольшія монтированныя квартиры случайно передаваемыя на нѣсколько мѣсяцевъ. Кухарка, горничная и лакей составляли весь персоналъ ихъ прислуги; карета нанималась по-мѣсячно у извозчика изъ самыхъ стоворчивыхъ за полтора ста рублей.

Несмотря однако на всю скромность подобной обстановки, несмотря на расчетливость Анны Николаевны, ей стоило не малыхъ трудовъ и ухищреній удерживаться, при развивавшейся со дня на день дороговизнѣ петербургской жизни, въ тѣсныхъ рамкахъ опредѣленнаго непреклонною волею старика Аладина мѣсячнаго бюджета въ шестьсотъ рублей или, точнѣе, трехъ тысячъ на весь сезонъ „на все“.

— Дѣлай какъ знаешь, возражалъ онъ на всякіе аргументы при прощаніи, — а больше мнѣ взять неоткуда; въ жизнь не занимал ни у кого гроша и лутаться не намѣреюсь. Помру, такъ хоть все Сашино на тряпки пустите; вамъ же хуже будетъ.

При такихъ условіяхъ и обстановкѣ принимать у себя было немислимо, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя было обойтись и безъ того чтобы не пригласить въ продолженіи сезона нѣсколькихъ лицъ „на чашку чая“. Эти маленькія вечеринки подготовлялись задолго впередъ въ предварительныхъ интимныхъ совѣщаніяхъ между Анной Николаевной и Стази. Дѣло было не шуточное: предстояло всякій разъ умѣстить на пространствѣ въ нѣсколько квадратныхъ аршинъ квинтъ-эссенцію тѣхъ что были или могли оказаться полезными, льстили самолюбію или тщеславію, изощряясь утаить эти собранія или оправдаться „случайностью“ въ глазахъ тѣхъ кого обходили. Графиня Бергеймъ, конечно, являлась прежде всего желанною гостьей; одно имя ея удачно вставленное въ разговоръ обезпечивало появленіе въ назначенный день даже самыхъ чопорныхъ приглашенныхъ. Разъ или два въ зиму на

эти „сауверен“ привлекалась, благодаря содѣйствию той же графини, одна изъ знаменитостей сезона: Тамберликъ, Марю, Кануль или Николини, и Стази просто и естественно, съ увѣренностью сознающаго себя таланта, исполняла предъ очарованными слушателями съ этими знаменитостями некоторые изъ блестящихъ дуэтовъ вдохновенной музыки Италиі. По временамъ эти маленькія собранія оживлялись увлекательнымъ бесѣдой одного извѣстнаго свѣтскаго поэта, таившаго столько юношескаго пыла подъ старческими обидями, или тонкимъ юморомъ графа Фебро, присяжнаго „bel esprit“ тогдашняго большаго свѣта. Словомъ, эти невзначайныя вечеринки кругомъ чайнаго стола, гдѣ Стази ловко управлялась и хозяйничала въ длинныхъ замшевыхъ перчаткахъ, составлялись съ большимъ умѣніемъ и тактомъ, не мало содѣйствуя успѣху Аладивыхъ въ свѣтскихъ кружкахъ. Все это конечно давалось не легко, а годами неуслынныхъ усилій, настойчивости, внимательнаго изученія мелочныхъ оттѣнковъ причудливаго свѣтскаго барометра.

Музыкальныя дарованія Стази обнаружилась съ ранняго возраста. Дѣтство ея сложилось довольно своеобразно. Отца она видела мало. Вѣчно занятый дѣлами службы, по командованію сперва полкомъ, а затѣмъ бригадой, онъ не вмешивался въ воспитаніе дочери, предоставляя себѣ въ свободные отъ дѣлъ и преферанса часы любоваться и дѣловать эту малую куколку. Анна Николаевна, обязанная многими успѣхами молодости замѣчательному музыкальному таланту, на первыхъ порахъ развитія ребенка задалась мыслью пробудить въ его душѣ любовь къ искусству. Все остальное казалось ей лишь дѣломъ прикладнымъ и легко восполнимымъ въ послѣдствіи. Шести лѣтъ Стази уже довольно правильнымъ голосомъ пѣла несложныя лѣсенки заученныя отъ матери и перебирала пальчиками гаммы на большомъ Виртѣ Анны Николаевны. Старанія матери упали на благодарную почву: Стази одарена была несомнѣнными задатками музыкальныхъ способностей. Музыка оказывала на впечатлительные нервы ребенка какое-то чарующее дѣйствіе. Въ долгіе осенніе вечера Анна Николаевна, неуклонно проживавшая до глубокой осени въ деревнѣ, иногда по дѣловымъ часамъ оставалась у фортепіано. Стази, смиренно прижавшись въ тепломъ уголкѣ дивана между шитыми подушками, съ куклой или книгой, внимательно слѣдила за

блестящими эволюціями матери, причѣмъ даже самый характеръ музыки отражался въ ней еще несвязнымъ, но тѣмъ не менѣе сильнымъ напавомъ то грустныхъ, то радостныхъ впечатлѣній. Подростая, она стала схватывать не одни лишь мотивы музыкальныхъ произведеній. Горячія страницы страсти нашихъ лучшихъ поэтовъ переложенныя на музыку невольно внадедали ей на память и создавали въ дѣтскомъ воображеніи какой-то смутный, но волшебный міръ, совершенно отличный отъ дѣйствительнаго. Музыкальная, ритмическая сторона поэзіи дѣйствовала на ребенка независимо отъ содержанія, подчасъ даже для нея непонятнаго или туманнаго. Такъ однажды, прослушавъ романсъ на слова „Парусъ“ Лермонтова, Стаси долго, безсознательно твердила: „а онъ мятежный ищетъ бури, какъ будто въ буряхъ есть покой“. Съ годами этотъ фантастическій міръ, разрастаясь, дѣлался ослзательнѣе, въ немъ стали мелькать толпами изящныя фигуры дамы и кавалеровъ въ бархатѣ и шелкѣ, мраморныя залы съ тысячами люстръ, вѣчно цвѣтущіе сады съ журчаніемъ ручейковъ и фонтановъ... Все это было тѣмъ страннѣе что Стаси ничего подходящаго не имѣла случая видѣть, ни въ смоленской деревнѣ, гдѣ проживала лѣтніе мѣсяцы и часть осени съ матерью, ни въ губернскомъ городѣ общаго типа, куда перебиралась на зиму и гдѣ стояла часть которою командовалъ ея отецъ.

Традиціональная Англичанка, миссъ Кроссъ, приставленная къ ней на одиннадцатомъ году, не внесла ничего новаго во внутренній міръ Стаси. Она безропотно покорялась ея настояніямъ касательно манеръ и реверансовъ, вѣря на слово что благовоспитанная дѣвочка обязана все это продолжать именно такъ подъ опасеніемъ быть „shoking“.

Анна Николаевна, въ силу привычки, которую не даромъ величаютъ второю натурой, рано успѣла вкоренить въ воспріимчивой головкѣ дочери своеобразныя понятія составляющія введеніе къ кодексу свѣтскихъ приличій. Стаси въ двѣнадцать лѣтъ отлично сознавала что она не такая „какъ всѣ“, что между ею и барышнями Кинкулькиными, хотя и допускаемыми „faute de mieux“ въ ея общество, существуетъ много различій, вопервыхъ, уже потому что ея, Стасина, бабушка была урожденная княжна Туманова, а grande tante графиня de Montépin; вовторыхъ, что она носила длинные волосы à la Bretonne, безо всякаго присутствія помады, а

барышни Кивкулькины были завиты въ лавальютки и сильно напояемы, наконецъ тѣ же барышни сопровождались долговздою Нѣмкой и ни слова не знали по-англійски.

Сопоставляя подобнаго рода доводы, Стаси мало-по-малу приходила къ убѣжденію что окружающій ее міръ есть только несчастная случайность, что тамъ далеко есть совершенно иной, настоящій міръ, тотъ который ей грезилса сквозь неувѣримыя налѣвы мелодій, долетавъ изъ писемъ grande tante de Montérin, проживающей въ Парижѣ, читаемыхъ вслухъ Анной Николаевной, заглядывая перою въ губернскую гостиную подъ свѣтскимъ аксельбантомъ мѣстнаго землевладѣльца князя Веакова, навѣщавшаго въ трудныя минуты свое родовое гнѣздо и заѣзжавшаго по знакомству къ Аладимымъ. Анна Николаевна признавала даже полезнымъ въ виду будущаго посвящать дочь съ четырнадцатилѣтняго возраста въ тонкіе отрывки свѣтскаго катихизиса.

Когда Стаси минуло пятнадцать лѣтъ, Анна Николаевна для довершенія общаго воспитанія дочери, въ особеннота же музыкальнаго, начала проводить весь зимній сезонъ въ Петербургѣ.

Стаси стала посѣщать высшіе курсы въ высокосвѣтскомъ пансіонѣ Mlle Trouville, гдѣ вмѣстѣ съ познаніями о красотахъ французскихъ писателей прибрѣтала отъ своихъ юныхъ сверстницъ не менѣе полезныя познанія: о посѣднемъ туалетѣ Mme Матильды, интимныя подробности о ссорѣ княгини Лиза съ графиней Миши, изъ-за „Туту“ Солнцева, словесъ о всѣхъ животрепещущихъ новизнахъ столичнаго свѣта, въ раданъ коего все demoiselles жаждали занять ожидавшія ихъ мѣста. Независимо отъ этихъ педагогически-свѣтскихъ курсовъ, Стаси блестящимъ образомъ довершала свое музыкальное образованіе подъ руководствомъ свѣталь музыкальнаго міра столицы. Конечно, всѣ сокровища ея таланта таялись пока подъ слудомъ, такъ какъ было бы крайне неумѣстно и даже непрактично расточать ихъ на маленькихъ soirées d'adolescents, но должна была явиться на свѣтъ въ великій день перваго выѣзда, когда наступятъ заветныя восемнадцать лѣтъ.

Страшное явленіе: могучая струя идеализма, которую постоянное общеніе, если можно такъ выразиться, съ идеальнѣйшимъ изъ искусствъ влосна въ нравственный міръ Стаси, не пробудила въ ея душѣ тѣхъ мимолетныхъ ощущеній

почти всегда неизбежно стоящихъ на рубежѣ дѣтства и юности, непреодолимыхъ хотя и смутныхъ влеченій къ другому живому существу. Избытокъ внутренней полноты не вымывалъ въ ней потребности дѣлиться, искать сочувствія, дружбы, не располагалъ къ откровенности. Практическая свѣтская премудрость Анны Николаевны хотя и рано освѣтила предъ Стази ту намѣченную колею, по которой ей предстояло стремиться къ точной и опредѣленной цѣли, но рядомъ съ этою дѣйствительною жизнью, какъ мы уже замѣтили, въ ней жилъ самостоятельно цѣлый міръ, созданный могучею силой искусства и воображенія. Съ годами этотъ міръ не только не заглохъ въ душѣ Стази, но разросся и окрепъ еще болѣе. Ей казалось что этотъ дуализмъ, порою невольно ее смущавшій, не болѣе какъ временное явленіе, происходящее отъ неполноты ея существованія, и разомъ сольется въ одно гармоническое цѣлое, называемое свѣтомъ... Свѣтъ!... вотъ разгадка всего, вотъ цѣль, да, именно свѣтъ, думалось ей, въ буквальномъ смыслѣ слова... вѣдѣть темныхъ пятенъ, все ярко, свѣтло, полно жизни, извѣщества, искусства, восторговъ!...

III.

Первые шаги Стази въ свѣтъ дали ей почувствовать всю бездану отдалявшую дѣйствительный свѣтъ отъ фантастическаго созданія ея воображенія. Съ одной стороны она нашла въ блескѣ и извѣствѣхъ вѣшной обстановки полное удовлетвореніе своихъ эстетическихъ инстинктовъ, но торжество, услаждѣніе, составлявшіе для нея какъ бы лучезарнѣйшую точку картины, при соприкосновеніи съ дѣйствительностью удалились на такія недосыгаемыя высоты что ей стало страшно погибнуть въ этой борьбѣ. Борьба!... это понятіе сразу явилось въ сознаніи Стази, явилось какъ вѣчто смутное, неопредѣленное, но вѣчто съ тѣмъ гнетущее. Борьба съ кѣмъ, чѣмъ-за чего, какимъ оружіемъ? спрашивала она себя, и природный умъ, отвѣчалъ на это: нужно посмотреть, нужно наблюдать, нужно изучить врага, его силы, дѣйствовать его же оружіемъ.

Эти доводы скоро вернули Стази на время упавшую энергію и указали на новыя невѣдомыя доселѣ задачи.

Несмотря на нѣкоторыя старинныя связи сохраненныя въ свѣтскомъ кругу Анной Николаевной, несмотря на весьма вѣскую, по своему значенію, протекцію графини Бергеймъ, Аладины, какъ мы уже упомянули, въ первые года выѣздовъ Стази не могли сразу попасть въ тотъ великосвѣтскій Олимпъ гдѣ патентуется и, если можно такъ выразиться, получаетъ инвеституру всякій свѣтскій услѣхъ. Анна Николаевна съ дочерью получала ланкарты на посольскіе и другіе большіе балы, приглашенія во всѣ дома сохранившіе еще многолюдныя пріемы, бывали на всѣхъ великосвѣтскихъ раутахъ и базарахъ, составляли неизбѣжную принадлежность всевозможныхъ спектаклей, картинъ и музыкальныхъ вечеровъ, но съ другой стороны, та же самая графиня Тата, столь любезно приглашавшая къ себѣ на *tasse de thé* когда у нея было сто человѣкъ, почему-то забывала объ ихъ существованіи при маленькой *saunterie* подъ фортепiano въ четырнадцать паръ; или княгиня Lison, всегда предупредительная, несмотря на свою рѣзкость съ другими, точно невзначай, со свойственными лишь ей колючими пріемами, прыгала куда-то въ сторону при одномъ намекѣ о затѣвемомъ ею ликникѣ въ оранжереяхъ г. Штейница. Стази со своей стороны, предаваясь наблюденіямъ, могла не разъ задуматься надъ вопросами: почему Marie Аземская, съ которою она была такъ дружна у *Mlle Трувиль*, какъ-то особенно небрежно киваетъ ей головой при встрѣчѣ на балахъ, а князь Жюль предводительствуя котильйономъ, вѣчно, какъ будто въ рассянности, забываетъ протянуть ей кончикъ одной изъ цвѣтныхъ лентъ своего золоченаго жезла, почему Мита Брикенштадтъ, графъ Ники и князь „Григри“, охотно вальсирующие съ нею по нѣскольку разъ въ вечеръ, никогда не приглашаютъ на мазурку, не выбираютъ въ фигурахъ и многое, многое въ томъ же родѣ.

Первыя неудачи не вызвали однако въ душѣ Стази чувства горечи, ненависти, желчи, обманутыхъ надеждъ, которыя начали закрадываться гораздо уже позднѣе. Послѣ первыхъ порывовъ возмущеннаго самолюбія она примирилась съ фактической стороной своего положенія въ свѣтѣ, въ твердомъ убѣжденіи что это дѣло временное, и что Провидѣніе, надѣливъ ее такъ щедро, предоставило ей достигнуть собственными силами того что нѣкоторыя счастливцы находятъ давая лишь себѣ трудъ появиться на свѣтѣ. Съ

необыкновенною скоростью вѣчно напряженной наблюдательности Стаса усвоила себѣ въ короткое время истинно свѣтскіе пріемы. Робость дебютантки исчезла и уступила мѣсто неподдающему алаомбу. Изысканная вѣжливость, считавшаяся вѣкогда признакомъ благовоспитанности, замѣнилась крайнею сдержанностью. Стаса тотчасъ поняла что истинно свѣтскіе люди бываютъ изысканно любезны только съ низшими, дабы „подавать“ своимъ превосходствомъ. Вместе съ тѣмъ она порѣшила что вѣтъ надобности расточать свои музыкальные таланты, что необходима крайняя осторожность въ заволакиваніи новыхъ знакомствъ, такъ какъ по свѣтской логикѣ быть „допускаемою“ и быть „привятою“ два совершенно различные отгѣика. Стаса не разъ выслушивала до вѣитыя насмѣшки надъ какою-нибудь Мше Рейверъ, осаждающею швейцарскую княгиню Блородовой за цѣлую недѣлю предъ баломъ, въ надеждѣ вымолить приглашеніе, которое все-таки не послѣдуетъ, и присѣдающею предъ финансовою баронессою чтобы не быть забытою вместе съ дочерью на „folle jougnée“. Эти балы, рауты и праздники, эта переполненная шумомъ и суетой изанная лустота непреодолимо привлекали окривеннѣйшіе инстинкты всего ея существа, дразнили, зазывали, но все это получало въ глазахъ ея дѣйствительную прелесть только при условіяхъ постановнаго и полноправнаго участія, неслоримаго, не подверженнаго тысячѣ случайностей и калризовъ.

Благодаря такой обдуманной сдержанности, встрѣтившей сочувствіе и въ Аннѣ Николаевнѣ, Аладимы мало-по-малу расширяли кругъ своихъ свѣтскихъ сношеній, не вызывая упрековъ въ навязчивости. Все что могло быть достигнуто неуслышными стараніями, тактомъ и временемъ, было достигнуто; остальное, то-есть услѣхъ въ высшихъ сферахъ, составлявшій завѣтную мысль Стаса какъ средство къ достиженію исключительнаго положенія въ свѣтѣ, зависѣлъ лишь отъ случая и обстоятельствъ; но увы! года проходили, а случай не являлся.

V.

Князь Кoko откликнулся самымъ любезнымъ образомъ на призывъ Стази и обѣщавъ завернуть на слѣдующій же день, *Séguidille* была пропѣта; князь остался въ восторгѣ. Стази расточила всѣ средства своего умѣнія, таланта и милосердія, окутала князя такимъ облакомъ тончайшаго фиміама отъ котораго бы у всякаго смертнаго невольна закружилась голова. Этотъ истый поклонникъ всего граціознаго, тонкаго, неизбитаго, воспылавъ отъ одной мысли найти подобную исполнительницу для своихъ музыкальныхъ затѣй въ предлагаемыхъ шарадахъ.

Стази уже достаточно изучила людей чтобы сразу вывести отрадное заключеніе что труды ея не пропадутъ даромъ и что князь Кoko, поддавшійся вліянію ея таланта, станетъ при малѣйшей возможности горячо настаивать на зачисленіе ея въ „первыя сюжеты“ формируемой изящной труппы. Съ этой стороны успѣхъ казался обезпеченъ, оставалось, по мнѣнію Анны Николаевны, заручиться вліяніемъ на князя Ивана Михайловича, котораго легко могли спросить какъ знатока по части этикета, и наконецъ ходатайствомъ графини Бергеймъ чрезъ приближенную къ высокой хозяйкѣ бала княгиню Ржевскую о приглашеніи *mlle* Аладиной къ участію въ шарадахъ.

Всѣ эти сложные ходы оказались лишними; князь Кoko въ тотъ же день, при чтеніи либретто своего музыкальнаго фарса, на замѣчаніе о трудности подыскать подходящую примадонну, указавъ на Стази какъ лучшую по его мнѣнію исполнительницу, обезпечивающую несомнѣнный успѣхъ. Высокопоставленная устроительница праздника вспомнила при этомъ случаѣ что Стази когда-то была ей представлена и по заявленію князя Ивана Михайловича что Аладины бывають въ свѣтѣ и люди порядочнаго общества, *de bonne compagnie*, привлеченіе Стази къ участію было тутъ же рѣшено.

На слѣдующее утро, когда Аладины едва начали пить утренній кофе, сильный звонокъ внезапно привелъ ихъ въ смущеніе. Минуту спустя Стази съ блаженнымъ читала привезенную фурьеромъ любезную записку князя Ивана Михайловича, передававшего ей приглашеніе на участіе въ шарадахъ

и аллегорической процессіи, съ просьбой пожаловать на слѣдующій же день утромъ, въ два часа, для полученія ролей и рисунковъ костюмовъ.

Блаженство охватившее Стази было безпредѣльно. Быстрота успѣха превзошла всякое ожиданіе. Она еще разъ перечитала записку, поддаваясь неопредѣленному чувству сомнѣнія, невольно закрадывающемуся въ душу когда легко и внезапно приходитъ то что составляетъ предметъ завѣтныхъ желаній. Нѣтъ ли ошибки, недоразумѣнія?... перевернула конвертъ, нѣтъ, адресъ ясець: *Mademoiselle Anastasie d'Aladune*, а вблизи карандашомъ крупнымъ почеркомъ помѣчено: гжѣ Аладиной, на Фурштадтской... Смыслъ ясець. Она приглашена, она будетъ тамъ куда всѣ стремятся и столь немногіе поладутъ, она будетъ не въ рядахъ зрителей, а на эстрадѣ, въ присутствіи всего что только есть блестящаго, знатнаго въ столицѣ. При этой мысли чувство страха и робости впервые проникло въ сердце Стази, но сознаніе собственныхъ силъ скоро вернулось непоколебимое и твердое. „Что за малодушіе“, мелькнуло въ ея головѣ, „теперь не до робости; вотъ онъ желанный моментъ развязки; теперь или никогда... успѣхъ или ничтожество!..“

Персональ импровизованной труппы по своему составу вполнѣ соответствовалъ изящнымъ требованіямъ и положенію высокой хозяйки дома. Князя Коко и Ивана Михайловича, купца съ графомъ Фебро, собрали весь цвѣтъ молодежи высшаго свѣта; принцъ Эрнестъ былъ зачисленъ въ первые ряды исполнителей; Стази, сообразно указанію князя Коко, назначили первую роль въ музыкальномъ отдѣлѣ шарады. Шарада эта, задуманная въ весьма широкихъ размѣрахъ, выходила нѣчто въ родѣ цѣлаго спектакля съ опереткой и балетомъ, безконечнымъ количествомъ переодѣваній. Вечеръ предстояло закончить аллегорическою процессіей, во главѣ которой та же Стази въ костюмѣ „незабудки“ должна была привѣтствовать иностранную владѣтельную особу временно гостившую въ Петербургѣ, въ честь которой организовался праздникъ.

Князь Коко набросалъ проектъ костюма „незабудки“, но встрѣтилъ серіозное затрудненіе въ опредѣленіи формы жезла; наконецъ по совѣту графа Фебро и это затрудненіе было устранено: жезлъ порѣшили воспроизвести изъ незабудокъ слетенныхъ въ надпись: *ne m'oubliez pas*.

Двѣ недѣли предшествовавшія великому дню представленія промелькнули для Стази какимъ-то очаровательнымъ спомъ, жерлопешнымъ лучезарнымъ видѣніемъ, уютельнымъ надеждами, безконечною вереницей пріятныхъ заботъ и хлопотъ. Репетиціи, домашнія свиданія съ княземъ Коке и графомъ Фобро, сеансы со Стуколкинымъ для интерпретаціи менуэта и bougée (нормандскій танецъ), пренія съ модисткой, костюмеромъ и куаферомъ, наконецъ расширеніе круга знакомыхъ вызывавшее новыя визиты и отношенія, все это въ совокупности перемолвало дѣла. Анна Николаевна, съ самоотверженіемъ доходящимъ до героизма, мужественно выносила на своихъ плечахъ всѣ заботы и дрязги, составлявшія неизбежную оборотную сторону этой блестящей медали. Мысленно предвкушая практическую оворону Стазинскихъ услѣховъ, рисовавшихъ ей въ видѣ фрейлинскаго шифра, а затѣмъ выгодной ларкіи, со связями и положеніемъ, она мужественно ратовала съ извѣсткомъ требовавшимъ прибавки за непосильную гоньбу лошадей, усердно отстранствовала лю Гестиному Двору, скулаа всю наличность имѣемыхъ незабудокъ, такъ какъ модистка Франдуженка запросила какую-то невозможную цѣну, писала энергическія посланія мужу, увѣщавая его не ожидать пока рождъ лодыметса на лять колѣбекъ лишнихъ, такъ какъ деньги нужны немедленно и за неполученіемъ какихъ-либо презрѣваемыхъ тысячи рублей, столь крайке необходимыхъ, участь Стази можетъ быть компрометтарована навсегда и плоды столькихъ лять ея усиленныхъ материнскихъ стараній, хитрослестенныхъ комбинацій, пропадутъ безвозвратно, благодаря его несмошой скарелности и упрямству.

Наконецъ настала и желанный день. Стази всю ночь была въ акорадѣ. Несмотря на несомнѣнность услѣха, обнаруженнаго генеральною репетиціей, на которую было допущено болѣе лубаика чѣмъ приглашенныхъ на самый спектакль, Стази не была увѣрена. Репетиція дѣло совѣмъ иное, допущенное общество безъ сомнѣнія было весьма хорошее, но все же это не тѣ, не „избранные“, предъ которыми предстоитъ появиться сегодня вечеромъ, одобреніе или жорипаціе которыхъ слособно ловлять на все остальное теченіе ея жизни, лоднять, какъ ей казалось, на олимпійскія высоты или ниввергнуть въ ничтожество, каковымъ предогавилась теперь прежнее существованіе. Блѣдная и усталая лоднялась она около полудня. Попробовала голось у фортепіано:

ей показалось что онъ спалъ. Приездъ князя Коко, завернувшего необыкновенно рано, то-есть около двухъ часовъ, нѣсколько оживилъ ее. Одушевлявшая его энергія нѣсколько перешла въ оробѣвшее сердце Стаси, и она, прищуривъ немного глаза, какъ бы отъ ослаблявшаго ихъ блеска, вдохновенно повторяла за расходившимся княземъ: „nous l'emportegons, chef prince, nous l'emportegons“.

Остальная часть дня протянулась необыкновенно влао, въ какой-то тоскливой тревогѣ. Стаси-поминутно подымала бѣлыя простыни покрывавшія костюмы разложенныя на постели, диванахъ и столахъ; приглядывалась къ деталямъ, пробоваала крѣпость прикрѣпленныхъ бантиковъ и букетовъ, поправляла складки пуффовъ и рюшей, выпрямляла погнувшуюся вѣточку гирлянды или дышала на лепестки поманшейся розы. Все было въ порядкѣ: свѣжо и нарядно, но ей все казалось что чего-то недостаетъ; что что-то улучено, что именно, она опредѣлить не могла, но была убѣждена что этотъ недостатокъ, это улученіе непременно выяснится въ послѣдній моментъ, когда будетъ поздно, невозможно пособить горю. Оставивъ костюмы она тщательно осматрѣла обувь и перчатки въ восемь луговицъ присланныя утромъ отъ Мориссона; затѣмъ перешла ко всякимъ мелочнымъ аксессуарамъ вечернихъ туалетовъ; разглядела совершенно свѣжую бархотку на которой блестяло нѣсколько нашитыхъ крупныхъ „солитеровъ“ великолѣпной воды, ссуженныхъ ей на этотъ случай доброю графиней Бергеймъ, примерила предъ зеркаломъ не то каску, не то діадему изъ незабудокъ, шейное кольцо и серьги изъ такихъ же цвѣтовъ, но бирюзовыхъ съ амазными листьями, разысканныя и добытыя на прокатъ у одного изъ извѣстныхъ столичныхъ антикваріевъ, подъ поручительствомъ той же графини, тратившей у него по нѣсколько тысячъ въ годъ на различный *bric à brac*. Наконецъ съ помощью горничной старательно уложила все въ двѣ огромныя кардонки для отправленія въ свою уборную во дворцѣ. Въ шесть часовъ ровно, послѣ легкаго обѣда, за которыми она ограничилась нѣсколькими ложками бульона и айдами въ сматку, чтобъ обремененный желудокъ не повалилъ на силу и чистоту голоса, Стаси въ изящномъ темномъ утреннемъ туалетѣ и шалкѣ, съ небольшимъ мѣшечкомъ изъ красной *cuir de Russie*, заключавшимъ драгоценности осуженная графиней, обляла не менѣе ея взволнованную

Анну Николаевну, только-что обсылавшую лудрой свои дебелыя васьжко вымытыя плечи, и въ сопровожденіи выѣзднаго направилась во дворецъ. Черезъ нѣсколько минутъ сквозь запершія стекла кареты мелькнули тѣни конныхъ жандармовъ и рядъ газовыхъ звѣздъ окаймлявшихъ широкій дворъ вплоть до подѣзда, украшеннаго просторнымъ тамбуромъ изъ поло-сатого тика, надъ которымъ сіялъ разрываемый порою порывами вѣтра огненный вѣзель.

VI.

Сонъ обылся на яву. Услѣхъ полный, блестящій, ослѣпляющій выпалъ на долю Стази. Едва упалъ занавѣсъ надъ заключительною частью шарады, едва услѣла она, взволнованная, упоенная, опустить тяжелую суковную драпировку своего особаго отдѣленія въ туалетной гостиной чтобы приступить къ новому переодѣванью для предстоящей процессіи какъ торолливые шаги и полугромкій ролоть въ смежной гостиной, гдѣ помѣщался роскошный буфетъ для участвовавшихъ въ спектаклѣ, сопровождаемый легкимъ брацаніемъ приподнятаго оружія, возвѣстилъ о появленіи какого-то высокаго лосѣтителя. Скоро послышался громкій симпатичный голосъ: „Je ne vois pas la charmante Cassolette, où est donc mademoiselle Aladine?“ Шорохъ увеличился, кто-то пробѣжалъ по уборной; наконецъ знакомый голосъ князя Ивана Михайловича озабоченно и торолливо, вопреки свойственному ему обыкновенно олимпійскому спокойствію, раздался у самой драпировки: „Mademoiselle Aladine, mademoiselle Aladine!—Me voilà, mon prince, отвѣчала мигомъ воспрянувшая Стази, забывая все въ мірѣ, и какъ бы оласаясь что одинъ шагъ безвозвратно лишитъ ее этой минуты. Съ необычайною быстротой оправивъ безпорядокъ туалета, очутилась она среди гостиной, у дверей которой показался въ то же время высокій лосѣтитель, благосклонно подававшій въ продолженіи вечера знакъ къ аплодисментамъ. Стройная, изящная фигура, въ генеральской венгеркѣ, величавое величіе поступи и осанки, взглядъ отражавшій вмѣстѣ съ привычкою повелѣвать твердость и мягкость душевнаго строя, таковы были вѣншіе признаки появившагося лица. „Laissez moi vous remercier, mademoiselle, pour tout le plaisir que vous nous avez

госпитѣе“, произнесъ онъ своимъ необычайно симпатичнымъ, звучнымъ голосомъ, немного раскатывая букву *r*, подойдя къ невольна смутившейся Стазе. Она едва проговорила нѣсколько невнятныхъ словъ, глубоко наклоняясь и низко присѣдая. Прямой, благосклонный взглядъ, полный доброты и искренности, совершенно ее оправдалъ, и она уже безъ смущенія и робости отвѣчала на нѣсколько послѣдующихъ вопросовъ, пока высокій посѣтитель не отступилъ ее съ любезною оговоркой что боится произвести беспорядокъ и помѣшать ея туалету.

Съ какимъ чувствомъ Стазе вернулась въ свою уборную и описать трудно. Обаяніе величія какъ бы сразу подняло предъ нею таинственную завѣсу ослѣпительнаго міра ея за вѣтныхъ грезъ, вознесло и поставило на ту высоту куда она стремились безуспѣшно цѣлыми годами усилій. Ей казалось что эти нѣсколько минутъ имѣли для нея значеніе цѣлой вѣчности, что въ теченіе ихъ таинственно совершился процессъ ея „перерожденія“ въ какую-то новую Стазе, отрѣшенную ото всякихъ докучливыхъ придатковъ. Словомъ, она испытывала состояніе похожее на то которое должны ощущать молодые птенцы въ тотъ моментъ когда, взмахнувъ окрѣпшими крыльями, вольно и лавно вступаютъ впервые въ воздушную обитель. Посѣщеніе высокаго гостя, его милостивое вниманіе къ Стазе, съ быстротой электричества обнеслось по уборнымъ и проникло въ залы.

Высокая хозяйка была весьма довольная успѣхомъ своего праздника и справедливо сознавая что шарада, благодаря живости, таланту и мастерскому исполненію Стазе, возбудила неподдѣльный интересъ и заслужила общее одобреніе, сочла умѣстнымъ подойти къ Аннѣ Николаевнѣ и, выразивъ ей свою признательность вмѣстѣ съ самыми лестными отзывами о талантахъ дочери, дружески взяла подъ руку и представила иностранной государынѣ, въ честь которой давался ей праздникъ. Королева сказала нѣсколько милостивыхъ словъ о талантѣ Стазе и протянула свою изящную, худощавую руку, обвитую какъ четками нѣсколькими рядами крупнаго жемчуга. Анна Николаевна, замирая отъ невыразимаго блаженства, съ легкостью которую трудно было ожидать при ея далеко не сухощавомъ сложеніи, присѣла чуть не до самаго паркета, такъ чтобы губы ея могли коснуться протяннутой руки, которую она не прыгая, согласно этикету, при этомъ

только слегка поддержала своею. Когда королева отпустила Аяну Николаевну: прелестью наклоненіемъ головы, она вся зардѣвшаяся отъ удовольствія и волненія оперлась на руку иностраннаго дипломата подвернувшася на случай и гордо стала пробираться въ сосѣдную залу, рясочая улыбки и любезности въ отвѣтъ на обращаемыя къ ней болѣе или менѣе чистосердечныя поздравленія и комплименты, соразмѣряя свои остановки, привѣтствія, а подчасъ полуреверансы, со значеніемъ, самовитостью и степенью полезности встрѣчаемыхъ лицъ. Ей дышалось теперь вольно и хорошо въ ароматномъ воздухѣ этихъ царственныхъ покоевъ; она сознавала что невидимое ядро приковылавшее ее досель у мраморныхъ стѣнокъ и ло уголкамъ балъныхъ залъ, въ рядахъ многочисленныхъ мамелекъ, тоскливо выжидающихъ ужина, какъ будто отлучено и она не хуже другихъ займетъ мѣсто въ тѣхъ группахъ около которыхъ мелькаютъ дипломаты, государственные самовники, золотые аксельбанты, словомъ цвѣтъ столичнаго свѣта, власти и знатности. Она съ меньшимъ недоувѣріемъ отнеслась къ своему темноволосому бархатному платью, служившему уже шестой годъ, и штопанымъ кружевамъ искусно прикрывавшимъ вставки лифа, забыла о тускломъ блескѣ стразовыхъ шпилекъ, украшавшихъ, въ должности солитеровъ, головной уборъ, словомъ, ей стало вдругъ необыкновенно удобно, какъ человѣку утомленному и измученному тѣсною обувью, обмѣнявшему ее на развошенную. Какъ ни сильны были волнованія ее чувства, Анна Николаевна, подобно старому боевому коню, услышавшему завѣтный призывъ, мгновенно очнулась и такъ-сказать замерла въ пытующемъ взглядѣ, направленномъ сквозь двойной лорнетъ, когда расслабнувшаяся невидимою рукой бархатная завѣса, закрывавшая арку расположенную въ глубинѣ зала, открыла восхищеннымъ глазамъ зрителей ослѣпительную картину аллегорической процессіи выступавшей подъ плѣнительные звуки полонеза изъ *Жизни за Царя*. За герольдами и трубачами, облаченными въ богатые средневѣковые костюмы, по цвѣтамъ ливреи хозяйки дома, совершенно одна, скромна и задумчива какъ изображаемый ею цвѣтокъ, медленнымъ поступью выступала Стазивъ въ костюмѣ „забудки“. Полукороткое платье, настолько соразмѣренное чтобы не придавать вида балетной танцовщицы и вмѣстѣ съ тѣмъ не утаивать формъ красивой ноги, было составлено изъ нѣсколькихъ

юпокъ тончайшаго голубаго газа положеннаго на розовый чохъ, что при перебивахъ свѣта сообщало какой-то неопредѣленно - голубоватый оттѣнокъ, на которомъ рельефно выдѣлялись гирлянды и букеты причудливо расположенныхъ тысячъ незабудокъ. Блѣдоголубое шелковое трико и такого же цвѣта атласныя туфельки на высокихъ каблукахъ, украшенныя пучками незабудокъ, безупречно обували ноги. Фантастическая куафюра изъ тѣхъ же цвѣтовъ, перемѣшанная съ завитыми прядями слегка калудренныхъ свѣтаорусыхъ волосъ, бирюзовые коле и браслеты съ алмазными литоками и жезъ изъ голубыхъ цвѣточковъ, искусно сплетенныхъ гирляндой, изображавшею фразу „ne m'oubliez pas“, довершали изящную простоту наряда. Непосредственно за нею слѣдовала великолѣпная золоченая колесница, влекомая четырьмя необыкновенно искусно воспроизведенными античными конями. Окруженный временами года расположенными у его ногъ, соллутствуемый 12 Часами, Меридіаномъ и знаками Зодіака, съ броней, шлемомъ и щитомъ усаженнымъ брилліантами, правилъ ею принцъ Эрнестъ, изображавшій Феба. Идеальная красота юности гармонировала какъ нельзя болѣе со строго классическимъ костюмомъ, едва прикрывавшимъ пластическую мускулатуру его стана. Голыя руки и шея, ноги облитыя въ шелковое трико тѣлеснаго цвѣта, могли по красотѣ и изяществу формы привести въ восторгъ любого ваятеля и зажать ротъ всѣмъ толкующимъ о вырожденіи людской породы. Четыре молодыя женщины изображавшія времена года, расположенныя у его ногъ, въ неудовимо граціозныхъ позахъ какъ по вѣншности, такъ и по осмысленной до тонкостей роскоши нарядовъ, составляли вполне достойную рамку этому по цогикѣ „лучезарному“ божеству. Дальнѣйшій составъ процессіи соответствовалъ очерченному началу. Все что только столичныи свѣтъ имѣлъ въ себѣ юнаго, изящнаго, богатаго, мелькало какъ причудливыя фигуры калейдоскопа, затемняя другъ друга красотой, роскошью и причудами. Тутъ были всѣ боги Олимпа, Экваторъ и Эклиптика, Зара и Закать, Часы, кадрили diables bleus и diables roses съ брилліантовыми рожками.

Пройдя двѣ залы, шествіе остановилось предъ рядомъ кресель, гдѣ въ числѣ нѣсколькихъ высокихъ гостей помѣщалась королева. Стави лосаъ глубокаго реверанса, твердымъ и звучнымъ голосомъ продекламовала, со всѣми

необходимыми оттенками интонаціи, приветственные куле-ты написанные въ честь королевы. *Mlle Aladine*, представила ее хозяйка дома. Королева въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ поблагодарила Стази за доставленное удовольствіе и когда процессія двинулась дальше, обратилась къ хозяйкѣ дома и вполголоса, но настолько громко что сама Стази и окружающіе могли слышать, высказала свое одобреніе. Балъ продолжавшій въ заключеніе всего былъ новымъ рядомъ торжествъ для Стази, а отчасти и для Анны Николаевны. Громогласное замѣчаніе королевы облегчившее всю залу имѣло магическое вліаніе. Надменная графиня Елена Александровна; въ числѣ прочихъ поздравляя Анну Николаевну, постыдилась добавить что надѣется имѣть удовольствіе видѣть ее у себя съ дочерью въ четвергъ. Князь Жиль, Мига, Григоръ и другіе корифеи паркета, бросились приглашать Стази, кто на кадрыль, кто на котильйонъ и мазурку, но получили смеходостойно вѣжливые отвѣты что ея танцы все разобраны и что мазурку она обѣщала принцу Эрнесту, а котильйонъ танцуетъ съ принцемъ, сыномъ королевы. Ей доставляло немомѣрное наслажденіе небрежно произносить эти высокія имена, какъ бы случайно, только для мотивированія своихъ отказовъ, видимо не придавая тому никакого значенія, между тѣмъ какъ напряженная воля усиливалась подавлять наливъ внутренняго волненія чтобы не выдать его въ мнѣніи или интонаціи голоса.

Въ пятомъ часу ночи Аладины вернулись домой. Анна Николаевна со слезами умиленія обняла усталую, но глубоко счастливую Стази, и, конечно, въ порывѣ материнской нѣжности не замѣтила что въ гирляндѣ незабудокъ съ лѣвой стороны корсажа не доставало одного букетика, небрежно валавшягося въ это самое время на туалетномъ столѣ Феба принца Эрнеста, рядомъ съ лишнюю розой и темною фіалкой иной рассадки.

VI.

Когда случайное стеченіе обстоятельствъ открыло Стази доступъ въ придворный спектакль и доставило ей случай обратять на себя вниманіе кружка въ котораго дальнѣйшее топаніе въ свѣтъ по мнѣнію ея не имѣло значенія, ей показалось что наконецъ наступаетъ моментъ развязки. Нѣжное:

защескіе давно таившееся въ ея сердцѣ къ принцу Эрнесту, смерла какъ нѣчто неопредѣленное и туманное, стало мало-по-малу, подъ покровомъ ежедневнаго общенія во время репетицій и спектакля, разрастаться въ опредѣленное и сильное чувство, можетъ-быть и не чуждое обаянію блеска внѣшней обстановки, но тѣмъ не менѣе искреннее уже потому что оно являлось „первымъ“. Блестящій сочетаніемъ всѣхъ внѣшнихъ изысканствъ, способныхъ ослѣпить и очаровать женское сердце, несомнѣнный неподдѣльными артистическими дарованіями, юный красоты, жизни, молодости, этотъ полуцарственный юноша былъ въ то время кумиромъ всѣхъ великосвѣтскихъ дамъ. Попадѣе, когда преждевременная смерть безжалостно его похитила, многія изъ этихъ дамъ, помотивъ никогда не пользовавшихся ничѣмъ инымъ кромѣ его мимолетныхъ любезностей, чуть не у самого гроба оспаривали другъ у друга завидное право на завладѣнія пламы его остывшаго сердца.

Начало знакомства Стази съ принцемъ Эрнестомъ было положено за годъ до момента началія нашего разказа, на морскихъ купаньяхъ въ Біаррицѣ, при самой поэтической обстановкѣ.

Едва оправившаяся отъ тяжкой болѣзни, вызвавшей по настоянію докторовъ необходимость этой поѣздки, Стази мало-по-малу воскресла къ жизни согрѣтая благотворнымъ солнцемъ юга. Мощныя волны Океана казались ежедневно вливали въ ослабнувшее отъ долгаго недуга тѣло свѣжіе притоки молодой, возрождающейся жизни. Аладины пріѣхали въ Біаррицъ изъ смоленской деревни, въ концѣ августа, самую блестящую эпоху купальнаго сезона.

Европейская знать, собравшаяся сюда по стародавней привычкѣ, сплетилась, смотря по роду интересовъ и отношеній, небольшими кружками. Въ числѣ посѣтителей насчитывалось нѣсколько иностранныхъ государей и принцевъ, но эти высокіе гости большею частью прикрывались „инкогнито“ и вполнѣ счастливые временнымъ отдыхомъ отъ представительства и этикета, за исключеніемъ тѣснаго круга нѣсколькихъ близкихъ, чуждались всякаго общенія. Всѣ попытки неутонченныхъ *новомодель есмичій*, въ радахъ коихъ наши соотечественники занимали не послѣднее мѣсто, оставались безуспѣшными. Аладины, пріѣхавъ въ Біаррицъ, съ невыразимымъ прискорбіемъ ощутили первое время какъ бы отчужденными между этими разнотипными кружками. Анна

Николаевна съ дочерью считали себя въ правѣ примкнуть къ тому кружку соотечественниковъ гдѣ находились представители „высшаго общества“, но какъ на бѣду этого кружка состоялъ болѣею частью изъ людей или мало знакомыхъ Аладимымъ, или изъ такихъ которыхъ относились къ нимъ свысока и обмѣниваясь привѣтствіями и поклонами при встрѣчахъ въ цѣлительность не допускали, какъ людей чужаго лѣшба. Около этого кружка, гдѣ царил прелестьная княгиня, прославившаяся свойствомъ необыкновенно пластично отдаваться морской волнѣ, неизбѣжно солутотвужаемая чернымъ какъ ночь водолазомъ чистѣйшей альфауалевокой породы, толпилось и примыкало все что считало себя почему-либо въ правѣ изображать цвѣтъ нашего отечества у подошвы Пиренеевъ. Въ немъ же конечно въ первыхъ рядахъ молодежи находился и принцъ Эрнестъ, предпочитавшій веселое, шумное общество хорошеенькихъ женщинъ и петербургскихъ товарищей и знакомыхъ, чиналымъ и скучнымъ салонамъ маленькихъ владыкъ куда онъ имѣлъ доступъ по праву родства и происхожденія. Анна Николаевна съ грустью убѣдившись въ невозможности слиться съ этою золоченою средой, во избѣжаніе неудобствъ и мелочности отчужденія, примкнула къ одной ложной остзейской графинѣ довольно громкой фамиліи, съ которою вѣкогда встрѣчалась, не придавая этому знакомству особаго значенія, въ Петербургѣ, гдѣ графиня сама, благодаря вѣсколькимъ оригинальнымъ выходкамъ, за чудачку и сумасбродку. Эта почтенная дама приходилась сродни чуть ли не всѣмъ германскимъ фамиліямъ занесеннымъ на страницы *Готскаго Альманаха* и насчитывала не мало племянниковъ, кузеновъ и кузинъ въ числѣ приближенныхъ сопровождавшихъ прѣзжихъ государей. Однажды вечеромъ Стази, къ величайшему удовольствію, въ числѣ собравшихся у графини вѣсколькихъ посѣтителей, предъ которыми она съ необыкновеннымъ успѣхомъ, вдохновенная дивною красотой ночи, исполнила вѣсколько новыхъ только что написанныхъ ею романсовъ озглавленныхъ *échos de Biarritz*, узнала одного изъ приближенныхъ короля Георга Ганноверскаго. Мысль что его величество, глубокоже любившій музыку, можетъ быть заинтересованъ ея твореніями настолько что возымѣетъ желаніе услышать ихъ исполненіе, тотчасъ мелькнула въ ея головѣ. Пользуясь случаемъ она познакомилась тутъ же съ барономъ Т. и употребила всѣ

успѣла чтобъ оставить въ немъ пріятное впечатлѣніе. Благодаря совершенному знанію нѣмецкаго языка, неподдѣльному лаеосу съ примѣсю тонкой струйки ловко воскуренаго фиміама, ей легко удалось достигнуть желанной цѣли. Очарованный ею баронъ на слѣдующее же утро прогуливался съ его величествомъ по взморью послѣ куланья не прикинувшись упоминуть что наканунѣ вечеромъ у своей tante графини Ретлингерь познакомился съ одною знатною „russische Fräulein Gräfin von Aladine“, замѣчательною виртуозкою и композиторомъ. Король, всегда интересовавшійся всѣмъ что относилось къ любимому и единственно доступному для него искусству, * выразилъ глубокое сожалѣніе что общественное положеніе артистки не позволяетъ ему пригласить ее къ себѣ въ качествѣ присяжной исполнительницы, а принятое имъ „шлюкнито“ съ другой стороны прелатствуетъ формальному представленію ея ко двору. Эти слова монарха не замедлили при случаѣ быть переданными Стази, которая упросила барона передать своему государю что она почла бы себя счастливѣйшею изъ смертныхъ еслибы могла доставить своимъ слабымъ талантомъ хотя минутное развлеченіе его величеству. Недвѣю слыста, благодаря хитросплетеннымъ компромиссамъ и неутомимой настойчивости Анны Николаевны, а можетъ-быть отчасти и заманчивымъ улыбкамъ Стази помутившимъ разумокъ и сердце ганноверскаго камергера, Стази, высекретившимъ образомъ представленная его величеству, расплывала въ его гостиной при немногочисленномъ кружкѣ нѣсколькихъ интимныхъ, между которыми на этотъ разъ находился и принцъ Эрнестъ. Наэлектризованная окружающими ее величіями, Стази сумѣла вызвать въ себѣ одно изъ тѣхъ ольняющихъ вдохновеній которыя охватываютъ окружающихъ помимо воли и настроенія. Звуки лились томно и нѣжно, безконечною цѣлью, какъ бы нагоняя другъ друга въ какой-то невидимой воздушной перебѣжкѣ; блестящіе арпеджи и гаммы акомпанимента налетали порывами словно дождь розовыхъ лепестковъ хлынувшій въ стаю причудливыхъ мотыльковъ рѣзвящихся въ свѣтовомъ лучѣ, и среди этого свѣта и блеска переполненной жизни, молодости и счастья, мѣрно повторялась какая-то задумчивая фраза на нѣжныхъ нотахъ, какъ бы навѣянная сдержанною тоской безумныхъ неудержимыхъ желаній... Стази глѣла

* Король былъ слѣпой.

собственный романсъ перефразированный ею на мотивъ одного изъ старинныхъ вальсовъ Ланнера. Она глѣла забывавъ вся мѣрѣ нисходящаго вдохновенія весь окружающій міръ, все величія ее слышавшія, глѣла такъ какъ поютъ соловьи въ темныхъ душистыхъ чащахъ въ благодатныя майскія ночи! Темное южное небо усыпанное звѣздами словно заслушалось ее чрезъ растворенныя окна, изъ-за жидкой зелени тамариновъ видѣлась освѣщенная терраса казино, а за нею гладкая, безконечная фосфорическая поверхность Океана...

Кругомъ въ гостиной, полуосвѣщенной двумя карсеями, подъ огромными бумажными абажурами, царила полная тишина, тишина сосредоточеннаго вниманія. Свѣлой король казался весь погруженнымъ въ музыкальный экстазъ, принцесса Фредерика низко наклонила свою симпатичную русую голову надъ клеенчатою полоской съ вышивкой, можетъ-быть чтобъ утаить отъ присутствовавшихъ охватившее ее волненіе или скрыть наверхнувшуюся слезу; принцъ Эрнестъ задумчиво глядѣлъ въ растворенное окно, втягивая живительный южный воздухъ широко дышавшею грудью...

Этотъ вечеръ положилъ начало ихъ знакомству; положилъ можно сказать начало тому невѣдомому чувству которое впервые заглянуло въ сердце Стази.

„Вотъ онъ“, мысленно порѣшила она возвращаясь глѣшкомъ по пустыннымъ улицамъ въ душный антресоль состоящій изъ двухъ крошечныхъ комнатъ. „Вотъ тотъ кого я могу и должна полюбить, кому стоить посвятить все мечты, все порывы души, чью любовь можно купить цѣной хотя бы самихъ страданій.“ Ей спалось плохо, пылавшее лицо искало напрасно свѣжаго мѣста на горячей подушкѣ. Легкій хралъ Анны Николаевны раздражительно дѣйствовалъ на ея нервы; несмотря на настежь раскрытыя окна, въ комнатѣ было невыносимо душно. На утро усталость бессонной ночи и разывавшихся нервовъ разомъ исчезла послѣ перваго удара живительной волны Океана; мѣсто купанья уже кишело народомъ въ одиннадцатомъ часу утра. Погода была превосходная, сентябрьское солнце стояло на темносинемъ небѣ безъ малѣйшаго облачка, затопля Океанъ цѣлыми потоками расплавленного серебра. Изъ мужскаго отдѣленія кабинъ доносились веселые крики, шумъ и смѣхъ; все звали какого-то Рипі. „Ripi, mon bain de pieds“, слышался звонкій голосъ князя Курбатова. „Ripi, mon costume“, лицалъ

фаворитомъ Анатоль Головошейкинъ, неизмѣнный слуга и домашній шутъ князя Санте-Карло. „Pipi, mes grosses à friction“, звучалъ повелительный басъ петербургскаго сановника управлявшаго полгода обширнымъ вѣдомствомъ изъ прекраснаго далека, преимущественно же съ береговъ Сены. Свѣтскія красавицы строгаго тона, „en femmes qui se respectent“, спускалась съ балконовъ безобразно закутанная въ черныя фланелевыя плащи съ еще болѣе безобразными клеенчатыми челщами на шивъйонахъ. Только прелестная княгиня Эммануилова, презирая эти уродливыя „accoutrements“, смѣло выступала босыми ножками по песку въ одномъ кулальномъ костюмѣ, съ волосами подобранными въ кокетливый фланелевый беретъ, сопровождаемая своимъ неизмѣннымъ, чернымъ какъ ночь Ньюфаундлендомъ Него, словно Диана не страшаяся никакихъ Актеоновъ. Около тростниковыхъ будокъ, прикрывавшихъ отъ солнца изящныхъ представительницъ петербургскаго свѣта, толпились полуголые, въ короткихъ кулальныхъ костюмахъ совершенно прилипшихъ къ тѣлу, представители не менѣе изящной молодежи, и нѣсколько сановниковъ того же круга, строго дорожившихъ здѣсь, вдали отъ сага patria, своими привычками и правами свѣтскихъ людей. Опытный глазъ могъ легко различить преобладающій элементъ кавалеристовъ, по роскошной мускулатурѣ рукъ и ногъ и стройной выправкѣ стана и груди. Эти господа видимо чувствовали себя такъ же удобно какъ въ собственномъ кабинетѣ или любой гостиной и съ презрительнымъ сожалѣнiемъ поглядывали на дряблыя оконечности и худыя шеи статскихъ „креве“ стремившихся тоже пощеголять безупречностью ноги.

Свободно, какъ бы не замѣчая своей наготы, или вѣрнѣе съ признанiемъ что таковая не оскорбитъ ни въ комъ чувства изящнаго, свовали они между дамскими будками, направляясь во временахъ къ *buvette* проглотить рюмочку *gende* (мѣстный ликеръ), порто или хересу. Черноглазые Бискайцы съ лотками безцеремонно располагались, присѣдая на одно колѣно, тамъ гдѣ чуяли ложиву и немилосердно приставали съ предложенiемъ своихъ андалузскихъ шарфовъ, каталонскихъ ножей, выкидныхъ стилетовъ и прочей дряни. Въ вѣкоторыхъ группахъ втораго разбора вырывались во временахъ язвительная насмѣшка, злословное хихиканье или мнимо презрительныя улыбки, плохо прикрывавшія горечь

мелочнаго самолюбія людей отрекающихся душой и помыслами туда куда ихъ не пускаютъ. Иностранцы съ некоторымъ удивленіемъ поглядывали на этихъ сѣверныхъ варваровъ, такъ легко, такъ свободно освоившихся на чужой землѣ, словно у себя дома. „Sont ils beaux ces cosaques“, шептала поглядывая на роскошныя мускулатуры маленькая французская герцогиня съ утинымъ носомъ, кокодетка времяя имперіи, рыжеватой австрийской графиня, не менѣе извѣстной своими эксцентричными выходками и мотовствомъ. „Oui, ma chère, ils ont du biceps, mais cela ne prouve rien“, отвѣчала та съ чисто парижскимъ жаргономъ уличныхъ мальчишекъ. После нѣсколькихъ туровъ обычной прогулки, Аладины усѣлись на соломёныхъ стульчикахъ не вдалекѣ отъ того мѣста гдѣ толпились представители высшаго русскаго общества. Княгиня Эммануилова въ изящномъ короткомъ туалетѣ съ тростью въ рукѣ обрала кругомъ своей будки блестящую толпу молодежи и славянокъ. Нѣсколько молодыхъ женщинъ того же общества, сознавая тщетность всякихъ попытокъ отвлесть толпу обожателей очаровательной купальщицы, присоединились къ ея кружку и приказали перенести свои будки по сосѣдству съ княгининою.

Стази равнодушно обвела глазами эти знакомыя лица и сознавая недовкость своего отчужденія раскрыла маленькій томикъ новаго англійскаго романа. Взоръ разсѣянно скользившій по строчкамъ украдкой направлялся ежеминутно къ будкѣ княгини Эмануиловой какъ бы отыскивая кого-то. Нужно ли пояснять что этотъ *кто-то* былъ не кто иной какъ принцъ Эрнестъ. „Quelle splendide journée“, раздався надъ самымъ ея ухомъ знакомый голосъ, отъ котораго она невольно вздрогнула; принцъ поздоровавшись съ Анной Николаевной съ прелестною улыбкой обращался къ застигнутой врасплохъ Стази. Она, не вставая, моментально оправилась и протягивая руку проговорила: „Bonjour Monseigneur, vous aller prendre votre bain?—Je viens de le faire, mademoiselle“, отвѣчалъ принцъ какъ ей показалось съ некоторымъ насмѣшливымъ отбѣскомъ въ голосѣ. Тутъ Стази впервые замѣтила изящную слегка загорѣвшую шею принца рельефно выдѣлявшуюся по самыя ключицы надъ черною фланелевою рубашкой отороченною синею тесьмой и прелестно оможенные руки обнаженные выше локтя. Смущенная этимъ открытіемъ или скорѣе тою тревогой которую оно почему-то въ ней

пробудило, она вспыхнула и опустила глаза; вверх ея нагоакнулась на пару стройныхъ и красивыхъ, безупречно сложенныхъ и выхолощенныхъ ногъ, легко и твердо поставленныхъ на мягкомъ прибрежномъ пескѣ. Стази, почему-то вдругъ сдѣлалось ужасно стыдно смотрѣть на полубогаженнаго мужчину, хотя она сознавала что такое смущеніе паститутки, вове до сей поры не приходившее ей въ голову, совершенно не къ лицу ей, святокой дѣвушкѣ, далеко не первой молодости, и что въ сущности она конфузится только потому что созерцаніе принца Эрнеста въ „такое видѣ“ будить въ ней какое-то безпокойное чувство, не чуждое наслажденія. Страхъ обнаружить ощущаемое волненіе былъ причиною что оно настолько явно проглянуло что вызвало самодовольную внутреннюю усмѣшку въ принца Эрнеста.—Пресыщенный, не взирая на свои двадцать два года, женскими поклоненіями, онъ по врожденному добродушію не могъ остаться хладнокровнымъ предъ этою молчаливою, но безыскусственною дамыю воздаваемою его красотѣ. Испытанный съ раннихъ лѣтъ по самому свойству своего положенія разчитанными преклошеніями и подогрѣтыми восторгами, онъ всегда сочувственно относился къ тѣмъ рѣдкимъ случаямъ гдѣ его личность выступала независимо отъ высокаго сана. Ловкимъ оборотомъ разговора онъ тотчасъ же отвлекъ вниманіе Ады Николаевны, чтобы дать Стази время совершенно оправиться, и затѣмъ обратился къ ней съ вопросомъ; принимаетъ ли она участіе въ поѣздкѣ въ Камбо, устраиваемой княгиней Эммануиловой для голубивой охоты? Стази весьма непріятно было сознаться что она мало знакома съ княгиней и не принадлежитъ къ ея кружку. Ей стоило успѣть формуловать свой отвѣтъ настолько небрежно, но вмѣстѣ и ровно, чтобы принцъ не заподозрилъ въ немъ оттѣнка досады или затаеннаго сожалѣнія, которыя ей казалось почему-то особенно унижительно дать ему замѣтить. Она быстро перешла на разговоръ о вчерашнемъ вечерѣ, о симпатичной и высоко эстетической личности короля Георга.

— Вы доставили королю и всѣмъ присутствовавшимъ въ сколько минутъ по истинѣ высокаго музыкальнаго наслажденія, любезно возражалъ принцъ.

— А вамъ, *monseigneur*? въ порывѣ какой-то внезапной нахлынувшей смѣлости спросила, устремляя на него взоръ, Стази.

— Я нахожуся въ ихъ числѣ: c'est tout dire!

— Простите всю нескромность моего вопроса, какъ бы одумавшись и серьезнымъ тономъ продолжала она, — но если я такъ опрометчиво его сдѣлала, то повѣрьте не изъ суетнаго желанія вырвать у васъ комплиментъ, въ которомъ я заранѣе могла быть увѣрена: вы какъ свѣтскій человекъ мнѣ бы не отказали: нѣтъ, мнѣ дорого ваше мнѣніе какъ мнѣніе собрата по искусству, скажу болѣе, какъ артиста и художника.

— Артиста! Художника! услугавно улыбулся принцъ. — Вы вѣрно принимаете меня сегодня за другаго.

— Ни-уть! продолжала Стази, — и если вы не хотите признавать этихъ титуловъ, то я не въ правѣ отказывать въ нихъ автору прелестныхъ *Souvenirs de Florence!*

— Вы знаете мои вальсы?!

— Всѣ, и даже...

— Чтò такое?

— Вы не разсердитесь?

— Je vous absous d'avance.

— Позволила себѣ безъ авторскаго согласія переложить нѣкоторыя для пѣнія.

— Восхитительно! съ дѣтскою радостью воскликнулъ принцъ. — Чтò за блестящая мысль, и могу себѣ представить какъ исполнена!.. а слова?.. озабоченно добавилъ онъ.

— Слова подысканы, какъ бы нехота отвѣчала Стази.

— Изъ какаго поэта?

— Изъ неизвѣстнаго и неизданнаго... слегка вспыхнувъ отчеканила она.

— О, я заранѣе ему аплодирую, продолжалъ принцъ Эрнестъ съ привѣтливою улыбкой, — и приношу почтительную, сердечную признательность за хорошіе стихи, которые приравнять погрѣшности моей плохой музыки; ваша снисходительная любезность, — заключилъ онъ, — дасть мнѣ смѣлость надѣяться услышать когда-нибудь нашъ общій трудъ. Видите я становлюсь уже навязчивымъ.

— Il ne tient qu'à vous, monseigneur, почла умѣреннымъ отвѣтить за дочь Анна Николаевна, безмолвно, но зорко слѣдившая за *приятнымъ оборотомъ* принятымъ продолжительною бесѣдой принца со Стази, которая не могла пройти незамѣченной и для окружающихъ.

Принцъ какъ бы въ свою очередь смущенный внезапнымъ

т. слых.

вънѣшательствомъ въ разговоръ Анны Николаевны, секунду замѣлся.

— Vous avez un piano, madame? вѣселся онъ тотчасъ же.

— Certainement! не задумываясь отвѣтила Анна Николаевна.

Стази вопросительно взглянула на мать; фортепиано у нихъ не было, но удивленіе было дѣломъ момента, она тотчасъ же все сообразила и со свойственною ей смѣтливостью повяла. Принцу послѣ этого разумѣется оставалось только поблагодарить за любезное приглашеніе и осведомиться когда можетъ онымъ воспользоваться.

— Мы дома каждый день между двумя и четырьмя часами и будемъ всегда счастливы видѣть у себя ваше высочество, пояснила Анна Николаевна.

Принцъ Эрнестъ распрощался наконецъ съ Аладиными и направился къ будкѣ княгини Эммануиловой, гдѣ его появленіе вызвало возгласы общей радости и дружественныхъ шутокъ. Стази не могла не замѣтить разницы въ тонѣ и обращеніи съ какими относился принцъ къ молодымъ женщинамъ княгининаго кружка. Сдержанность и почтительность свѣтскаго человѣка нѣсколько минутъ предъ тѣмъ бесѣдовавшаго съ нею смѣнились оттѣнкомъ товарищества, почти ребяческой шутовности „мальчишества“, указывавшихъ на установившуюся вслѣдствіе долгаго обращенія интимность. Ей сдѣлалось вдругъ досадно и она безсознательно стала утѣшать себя доводомъ что всѣ эти дамы замужнія женщины, да и къ тому же львицы или „кокодетки“, какъ принято тогда было называть свѣтскихъ женщинъ стремившихся неуклонно подражать вънѣшными приемами, туалетами и жаргономъ извѣстнѣйшъ кокоеткамъ; но все же слишкомъ почтительный съ нею тонъ принца не выходилъ у нея изъ ума и почему-то казался ей оскорбительнымъ. На возвратномъ пути домой, проходя не вдалекѣ отъ будки княгини, ей послышалась среди громкаго смѣха пискливая рѣчь паразита Голошейкина и слово „лиферари“ (уличные лѣвцы въ Италіи). „Ядовитый скорпионъ,“ подумала она, „вѣрно забавляетъ ихъ на мой счетъ; онъ провѣдалъ уже про вчерашній вечеръ у короля и мнѣ не могутъ простить этого услѣха. Пускай ихъ, злоба лучшее подтвержденіе его дѣятельности.“

Анна Николаевна, всегда находчивая въ рѣшительныя минуты, въ тотъ же день разыскала порядочное пианино за

бессловенную дѣву ста франковъ на двѣ недѣли. Принцъ Эрнестъ не замедляя визитомъ и просидѣвъ около двухъ часовъ, то слушаая Стазу, то самъ исполняя по настоятельной ея просьбѣ свои невѣроятныя, но граціозныя провазрешенія. Онъ игралъ бойко и со вкусомъ. Стазу счастливая и очарованная не нуждалась во вдохновеніи, оно пришло само собою, провакло въ душу, охватило все существо...

Дни проносились быстро. Анна Николаевна блаженствовала не менѣе Стазу; материнское сердце ея казалось уголомо въ лазури синѣе лазури лирийскаго неба и Бискайскаго залива. Принцъ Эрнестъ начиналъ видимо увлекаться Стазу. Правда, его увлеченіе было вѣсколькѣ сдержанное, но Анна Николаевна утѣшала себя тѣмъ что въ людяхъ этого круга въ силу воспитанія и привычки сердечныя влеченія и всякіе порывы тщательно прикрываются до времени маской внѣшнихъ приличій, такъ какъ всѣ ихъ потугки и дѣйствія служатъ point de mire (она подумала это слово именно по-французски, затрудняясь подыскать соответствующее русское выраженіе) для окружающихъ. Ею знаетъ, шевелилася у нея неоглядно въ головѣ куллеръ изъ стариннаго водевиля, видѣннаго въ дѣтствѣ, кто знаетъ... „И короли въ простыяхъ влюблялись и брали въ жены ихъ себѣ!“ А вѣдь ея Стазу не простая: она родовитая русская дворянка, une *Audine enfin!*...

Принцъ Эрнестъ дѣйствительно, хотя можетъ-быть и не въ той мѣрѣ какъ предполагала Анна Николаевна, сталъ видимо находить удовольствіе въ обществѣ Стазу. При прогулкахъ по взгорью, на музыкальныхъ вечерахъ въ казино или послѣобѣденномъ кейфѣ на площадкѣ предъ Мадридскими кафе, онъ нигдѣ не упускалъ удобнаго случая подойти къ Аладинамъ, обмѣиваться хотя нѣсколькими шутливыми или острыми словами со Стазу. Ее невыносимо сердило что тѣмъ не менѣе, при всѣхъ этихъ ежечасныхъ встрѣчахъ, онъ всегда оставался стоя, хотя зачастую ихъ разговоры бывали весьма продолжительны.

— Знаете, *monseigneur*, сказала она ему однажды не вытерливъ, въ припадкѣ какого-то неудержимаго нервнаго раздраженія,—когда я съ вами говорю, я чувствую что мои мысли передаются совершенно не складно.

— Почему такъ? спросилъ не безъ удивленія принцъ Эрнестъ.

— А потому что я не умѣю говорить *подъ страхомъ*. Между тѣмъ каждый разъ какъ вы удостоиваете меня вашею бесѣдой, мнѣ все почему-то кажется что вы куда-то спѣшите, и я, изъ боязни васъ задержать, выражаюсь торопливо, а потому весьма плохо.

Принцъ улыбнулся и понялъ упрекъ, но онъ показался ему формулованнымъ въ такой любезной и даже лестной для самолюбія его формѣ что обидѣться было бы смѣшно и неумѣстно. Онъ захватилъ рукой находившійся подлѣ стула и, слегка упираясь въ него колѣномъ какъ бы готовясь пристѣсть, отвѣчалъ:

— Извините, это дурная военная привычка постоянно быть на ногахъ, но въ настоящемъ случаѣ вы не правы: я просто не садился боясь что залахъ моей сигары будетъ вамъ неприятенъ.

— Залахъ хорошей сигары восхитителенъ на воздухѣ, преслѣдовала его Стази,—и я не болѣе избалована въ этомъ случаѣ,—вѣсколько насмѣшливымъ тономъ добавила она,—чѣмъ княгиня Эммануилова.

Принцъ Эрнестъ разсмѣялся и сѣлъ.

„Рѣшительно, думала тѣмъ временемъ Анна Николаевна, все идетъ какъ по маслу, еще недѣля, двѣ, и онъ безъ ума будетъ отъ Стази“.

Непредвидѣнный, этотъ вѣчный и лютойшій врагъ человѣческихъ расчетовъ, вовсе не кстата поставило свое неумолимое veto поперекъ комбинацій чадолюбивой матушки; не прошло и трехъ дней послѣ этого разговора какъ принцъ Эрнестъ, не простившись даже съ Аладиными, внезапно уѣхалъ во Флоренцію, вызванный телеграммой отъ тяжело больной матери. Анна Николаевна съ грустью вспомнила при этомъ случаѣ о ста франкахъ израсходованныхъ на наемъ пианино, которые могли бы такъ пригодиться на разные покупки „au petit St. Tomas“ * при обратномъ проѣздѣ черезъ Парижъ.

VII.

Вернемся обратно въ Петербургъ, гдѣ мы оставили Стази въ самомъ разгарѣ зимняго сезона, на лутѣ къ столь давно желанному услѣху. Фортуна, казалось, улыбнулась ей на этотъ разъ широкою улыбкой. Минули тяжелыя времена тоскливыхъ

* Одинъ изъ обширнѣйшихъ модныхъ магазиновъ въ Парижѣ.

тревоженій по поводу запаздывавшихъ или иногда и не получаемыхъ приглашеній. Всѣ двери, даже самыя упрямыя, распахнулись какъ бы сами собой, и sauteries графини Елены Александровны, и вторники графини Тата, и лянницы княгини Баратынской, словомъ, всѣ затаенныя, излюбленныя, доступныя только для немногихъ интимныхъ и избранныхъ, убѣжища великосвѣтской веселости перестали быть для Аладиныхъ предметомъ однихъ безплодныхъ, но вожделѣнныхъ стремленій. Стази вошла въ моду, Стази теперь стала необходима какъ Петерсонъ со своимъ *brío* *, какъ тамбуръ у лошади, какъ сандвичи въ буфетѣ. Вечеръ безъ Аладиныхъ? Да это было невысказуемо; кто милѣе, изящнѣе, талантливѣе Стази? Съ кѣмъ же будетъ танцевать мазурку или котильйонъ принцъ Эрнестъ если она не будетъ? Чего добраго увидеть до ужина и другой разъ не охотно заглянетъ. Такія соображенія или имъ подобныя побуждали предусмотрительную хозяйку подчасъ не только явнѣ дѣлать отмѣтку въ приглашеніи спускъ, но нерѣдко приказывать передать швейцару чтобы не забыли послать вовремя приглашеніе гжѣ Аладиной съ дочерью и не „напутали какъ-нибудь“.

Рядомъ съ этими патентованными увеселеніями, возникъ одновременно для Стази цѣлый рядъ еще болѣе увлекательныхъ, милыхъ сердцу таинственныхъ вечеринокъ, лочивъ коихъ зародился въ кудрявой головкѣ Бобо Миньйонова. Молодой, красивый полуженственной красотой, сродни чуть ли не половинѣ петербургской знати, этотъ счастливый юноша не имѣлъ иной заботы какъ проживать изящно и со вкусомъ свои тысячъ шестьдесятъ годового дохода. Дружба его къ принцу Эрнесту носила оттѣнокъ какой-то восторженности. Горячій поклонникъ искусства во всѣхъ его проявленіяхъ, Бобо, равно пресыщенный какъ оргіями полусвѣта, такъ и салоннымъ лустословіемъ, возымѣлъ мысль скуки ради собирать еженедѣльно въ своемъ маленькомъ „армитажѣ“ тѣсный кружокъ нѣсколькихъ близкихъ проникнутыхъ подобно ему тонкимъ пониманіемъ жизни. Въ этихъ интимныхъ собраніяхъ не было доступа для грубыхъ инстинктовъ: двусмысленныя шутки и размахистый разгулъ не переступали его порога. Свѣтъ большихъ карселей мягко разливался по

* Любимый и модный талѣръ въ семидесятыхъ годахъ въ петербургскомъ свѣтѣ, замѣнявшій оркестръ даже на довольно большихъ балахъ.

персидскимъ и смирнскимъ коврамъ, едва освѣщая уютные уголки съ низкими восточными *тапалма*, заваленными причудливыми валиками и подушками, гдѣ шелкъ и бархаты, сафьянъ и аркія сукна перемѣшивались въ пестрой мозаикѣ, испещренные вышивками, фантастическими надписями, кабалитическими монограммами, сливаясь въ одно общее впечатлѣніе нѣги и комфорта.

Женскій элементъ, безъ котораго эти собранія неизбежно утратили бы свою чарующую прелесть, представляла исключительно свѣтскими женщинами. Ихъ было немного: пять, шесть. Бобо былъ требователемъ и крайне разборчивъ; его delicate нервы не переносили тривіальныхъ приемовъ большинства тогдашнихъ свѣтскихъ львицъ, копировавшихъ болѣе или менѣе удачно извѣстныхъ кокотокъ. Онъ бредилъ о сочетаніи въ своихъ женскихъ „друзьяхъ“ ума и граціи, чистокровности, вмѣстѣ съ искреннею веселостью и оригинальнымъ умомъ, но притомъ веселости не шумной, ума не утомительнаго. Трудно передать всѣ отбѣнки того что требовалъ Бобо отъ своихъ „intimes“, словомъ, онъ желалъ чтобы ихъ общество дѣйствовало на его „nature de sensitive“, какъ онъ выражался, такъ же мягко и благотворно какъ тонкая кухня его Француза-повара и нѣжный букетъ его превосходнаго бордо, возбуждая усталый организмъ ровно настолько чтобы не вызвать утомленія.

Стази появилась на этихъ вечеринкахъ вскорѣ послѣ своего успѣха на спектаклѣ, разумеется въ сообществѣ Анны Николаевны. Несмотря на общественное положеніе Бобо и признанное за нимъ свѣтомъ качество „общаго женскаго друга“, отстранявшее какъ бы даже возможность всякихъ исключительныхъ претензій на его всеобъемлющее сердце, а тѣмъ болѣе всякія матримоніальныя покушенія, появленіе свѣтской дѣвушки на вечеринкахъ у неженатаго юнги составляло достаточно смѣлую инновацию въ области частныхъ отношеній чтобы побудить Аладиныхъ прикрывать эти посвѣщенія величайшею таинственностью. Сознаніе запрещенности, въ силу общечеловѣческой слабости, придавало имъ еще болѣе прелести въ глазахъ Стази. Здѣсь такъ хорошо, такъ вольно говорилось, думалось и чувствовалось, сидя рядомъ съ принцемъ Эрнестомъ на низкой тахтѣ или утолая въ мягкихъ атласныхъ „coin de feu“ (низкія кресла). Окружающее море драпировокъ и ковровъ словно

смягчало, ублаживало самый звукъ рѣчей, теравшійся гдѣ-то по угламъ мягкихъ складокъ, въ подборахъ и пуффахъ; изъ соседней комнаты доносились по временамъ звуки тысячаугого Эдара, перебираемаго талантливою рукой...

Да, время шлоось быстро для Стази, какъ весется оно когда жданы и счастье сыплютъ намъ свои дары; только тяжелыя минуты бѣдотвѣй и неудачъ таятся, какъ кажется, безъ конца и служатъ дѣйствительнымъ мѣриломъ дерзитаго. Развернувшись на всѣхъ парусахъ свѣтская жизнь Аладныхъ вызвала совместно и необходимость усиленныхъ расходовъ. Стази уже не могла какъ прежде являться въ свѣтъ въ туалетахъ домашняго приспособленія. Детали костюма легко ускользающіе въ бальной залѣ набитою публикой или на посольскомъ раутѣ, гдѣ толчутся триста человѣкъ, не укроются отъ опытнаго женскаго глаза на маленькомъ вечерѣ въ двадцать, сорокъ парѣ. Бумажный атласъ, жиденькій фая, дешевые цвѣты и мытые перчатки, какъ плохо выведенныя масляныя пятна на телѣ, выплыли бы во всемъ своемъ буржуазномъ нищенствѣ рядомъ даже съ самыми „простенькими“ туалетами отъ Ворта. Аня Николаевна при всей скромности своихъ привычекъ создала невозможность ограничиваться при почти ежедневныхъ выѣздахъ своимъ завитымъ вишневымъ бархатнымъ платьемъ, къ тому же какъ на бѣду пошла мода на длиннѣйшіе шлейфы; ремонтъ сдѣлался настолько действительною что она рѣшилась скрѣпя сердце и послѣ двухъ безсонныхъ ночей заказать себѣ новый туалетъ изъ атласа цвѣта *evéque*. Счетъ Француженки-модистки изъ *сиромыслия*, за упроченными авансами, возросъ въ послѣдніе два мѣсяца почти до пятисотъ рублей. Необходимо было подновить либреею выѣздного, оживить немного гостиную цвѣтами, поговаривали о живыхъ картинахъ у княгини Ромодановской предстоящимъ постомъ, словомъ, нечаянныхъ и негаданныхъ расходовъ появилась бѣда. Чувство смутнаго безпокойства, сперва неопредѣленное, но затѣмъ все болѣе и болѣе возрастающее по мѣрѣ несообразности текущихъ издержекъ съ наличными средствами, стало овладѣвать Аной Николаевной среди суеты и шума свѣтской жизни. Залетая волосы, въ пятомъ часу утра, утомленная бальной атмосферой и трюфелями ужина, она озабочено раскидывала въ головѣ цѣлые ряды цифръ, и вмѣсто услокоенія своимъ своихъ лухлыхъ, но еще здоровыхъ членовъ,

перелистывала расходныя книжечки, фактуры и разныя доскутки бумаги съ отмітками и расчетами. Эти непреложныя данныя ежедневнаго дефицита еще болѣе увеличивали тревогу въ душѣ и сумбуръ въ головѣ. Она сознавала только одно: что *держаться* необходимо вопреки всякимъ доводамъ и помѣхамъ, держаться до крайняго истощенія силъ. Судьба Стазы и вмѣстѣ съ тѣмъ спокойствіе и блестящая обезпеченность ея собственной приближающейся старости были ставкой въ этой игрѣ. Всякая лишняя сотня рублей являлась при данныхъ обстоятельствахъ чѣмъ-то въ родѣ свѣжаго эскадрона или роты вовремя подослѣвшихъ на поле битвы и спасающихъ *ситуацію* въ рѣшительную минуту. Анна Николаевна слишкомъ хорошо памятовала и о томъ съ какимъ трудомъ эти скороеисчезающія сотни добывались изъ скудныхъ доходовъ смоленской вотчины и какихъ неимовѣрныхъ усилій ей будетъ стоить вымолить ихъ въ такое неурочное время отъ старика. Тѣмъ не менѣе цѣныхъ способовъ добыть денегъ на покрытіе настоятельныхъ расходовъ не представлялось. Маленькій резервъ изъ трехъ выигрышныхъ билетовъ внутренняго займа давно ложился въ кассѣ Баймакова и К^о, а бабушкина бриллиантовая брошь „на храненіи“ въ ломбартѣ. О роднѣ и знакомыхъ нечего было и помышлять. Анна Николаевна настолько знала людей и свѣтъ что сознавала совершенную бесполезность и даже неумѣстность подобныхъ обращеній къ близкимъ. Она понимала что деньги въ Петербургѣ своего рода товаръ, для пріобрѣтенія коего нужны особыя средства; лишнихъ, свободныхъ ни у кого нѣтъ, всѣ нуждаются; откажутъ на отръвъ и въ добавокъ прочтутъ еще неумѣстную, оскорбительную мораль подъ предлогомъ участія. Приходилось волеяневолей писать безконечныя письма старику въ деревню, развѣивать въ подробностяхъ новое общественное положеніе и естественно сопряженныя съ нимъ усиленныя издержки, выставлять всю *выгоду* требуемыхъ жертвъ, солоставляя ихъ съ ослаблительными результатами ожидаемыми въ близкомъ будущемъ, призывая на помощь не только отеческое чувство, но и практическіе доводы расчета. Словомъ, для успѣха просьбъ нужно было лгать, но лгать съ убѣжденіемъ, чтобы тамъ въ глуши свѣжныхъ проселковъ далекой деревушки лагнуло на старика тѣмъ заразительнымъ воздухомъ суеты и тщеславія которымъ онѣ дышали.

Независимо отъ этихъ матеріальныхъ неудобствъ, новое положеніе Аладиныхъ въ свѣтѣ наклало имъ не мало враговъ и недоброжелателей. Коспачь и завидовали старые знакомые, отъ общества коихъ Аладина невольно ототала поглощенная великосвѣтскою средой, завидовали и великосвѣтскія дебютантки не одаренныя подобно Стазу всѣми вѣшними изяществами, точили когти и молодыя львицы подмѣтившія признаки увлеченія въ принца Эрнестъ; завидовали не участвовавшія въ спектаклѣ, потому именно что не могли попасть, завидовали и участвовавшія не стажавшія равнаго услѣха, словомъ, всѣ и каждый были не прочь укутить, подлустить вѣдкое слово, двусмысленный намекъ, скорчить презрительную гримасу, лишь только появлялась увѣренность что подобныя выходки встрѣтятся сочувственно. Но самымъ злѣйшимъ и безплоднымъ врагомъ Стазу явилась воздушная княгиня Лина Ярославцева, основательно или не основательно претендовавшая на исключительное обладаніе помыслами и „часами“ принца Эрнеста. Слишкомъ умная и изощренная въ свѣтскихъ интригахъ чтобы прибѣгать къ грубому оружію салоннаго злословія или атаковать Стазу со стороны ея вѣшнихъ качествъ, она, съ вѣрнымъ приемомъ холодной злобы, рѣшилась выжидать удобнаго случая когда какой-либо промахъ или неосторожность этихъ „*forçes de portes*“, какъ она презрительно называла ихъ въ своемъ умѣ, доставитъ ей возможность уничтожить ихъ однимъ взмахомъ, погубить во мнѣніи тѣхъ высшихъ сферъ гдѣ никакія поправки и объясненія не въ силахъ возстановить разъ утраченнаго положенія. Для болѣе услѣшнаго исполненія своего плана княгиня Лина, скрывая очень искусно свою игру, осыпала вездѣ Стазу самыми лестными похвалами, превознося ея достоинства и таланты, она какъ бы сама стала искать съ нею сближенія, зазывала къ себѣ, принимала съ пріятельскою простотой и безцеремонностью наравнѣ съ интимными своего избраннаго кружка. Эта ловкая „передержка“, имѣвшая цѣлью изучить намѣренія и средства Аладиныхъ въ ихъ „походѣ“ на принца Эрнеста, удалась какъ вельзя лучше. Стазу, очарованная кошачьими приемами княгини, польщенная этою равноправною дружбой съ одною изъ эlegantнѣйшихъ львицъ большаго свѣта, исполненная помышленіями и образомъ принца, не могла удержаться отъ порывовъ откровенности и легко

попалась на удочку княгини, дада заглавуть ей въ свою душу. Для женщины какъ Лина Ярославцева было достаточно одной ниточки чтобы распутать весь не особенно хитрый каубокъ „Аладдскихъ затѣй“. Мало-по-малу подслушивая и выведывая, не гнушаясь даже разказами своей камеристки, компаньютки и пріятельницы chef de cuisine Бобо Миньдонова, княгиня Лина разузнала и о таинственныхъ вечерникахъ. Потокъ вскипѣвшей въ ней при этомъ злости усугубилась отъ одной мысли что „этотъ отвратительный Бобка“ (Лина не жаловала Миньдонова) осмѣливается туда же интриговать и сводить Стази съ принцемъ изъ какихъ-то темныхъ разчетовъ, и разразилась мучительною мигренью. Принцъ Эрнестъ, аккуратно появившійся прѣчь чаѣ между четырьмя и шестью часами, въ этотъ день получилъ отъ величестваднаго швейцара необычный отвѣтъ „что цѣ сіятельство болыны и не могутъ принять его высочества“.

Три дня спустя княгиня Лина, совершенно оправившаяся и болѣе *воздушная* чѣмъ когда-либо, благодаря легкой истомѣ оставленной мигренью, въ восхитительномъ восточномъ халатѣ издѣлія Ворта, возлежала на мягкой, покрытой пѣлами кушеткѣ, въ своемъ „интимномъ кабинетѣ“, когда дослѣдовательный рядъ звонковъ и докладъ дежурнаго камердинера возвѣстили о прибытіи принца Эрнеста. Швейцару еще съ утра отдавъ былъ приказъ что „ея сіятельство никого другаго въ это утро принимать не намѣрены“. Принцъ вошелъ въ кабинетъ сдержанною поступью кака невольна является у порога болыныхъ; низкая японская ширмочка закрывала отъ его взоровъ видъ очаровательной княгини. Томный голосъ Лины вывелъ его изъ минутнаго недоумѣнія относительно дальнѣйшихъ поисковъ.

— C'est bien aimable à vous, Monseigneur, de ne pas négliger une pauvre malade!

Послѣ незначительныхъ фразъ прівітствія и разказа о своихъ недугахъ, княгиня съ таинственнымъ вздохомъ и грустною улыбкой, какъ бы возвращаясь къ минутно забытому тяжелому воспоминанію, тихо обратилась съ вопросомъ:

— Можно уже поздравить ваше высочество?

— Съ чѣмъ? уставилась на нее видимо недоумѣвающий принцъ Эрнестъ.

— Oh, le cachotier! шутя погрозила она:—не хотите сознаться даже *старому другу* что готовитесь насъ скоро подарить

прелестью принцессой... Что жь, пусть иные кричатъ и бранятся, я, съ возрастающимъ жаромъ продолжала княгиня, — сашкомъ много страдала сама чтобы не признавать *les droits du sang* и не оставить ихъ выше всякихъ расчетовъ.

— Я рѣшительно не понимаю о чемъ вы говорите, княгиня, тономъ искренняго недоумѣнія возразилъ принцъ Эрместъ, — что за мифификація и причеиъ тутъ принцесса и какіе-то *droits de sang*, объяснитесь пожалуйста.

Лина, не останавливаясь на этомъ возраженіи, какъ бы увлеченная теченіемъ собственной мысли, продолжала въ сколько болѣе спокойнымъ тономъ:

— Конечно, безъ шума и суетенъ не обойдется, но вы должны были предвидѣть что эти мелочныя драги — неизбежное послѣдствіе вашего высокаго положенія. Въ концѣ концовъ, надѣюсь, все уладится къ лучшему и вы будете счастливы, а это главное... Я лично понимаю вашу выборъ: она мила, изящна, талантлива, что же касается общественнаго положенія, во это предрасудокъ черезъ который можно въ извѣстныхъ случаяхъ перескочить, *et puis une fois votre femme, elle aura la position que vous lui ferez!* Хотя Аладины и не громкое имя, но, говорятъ, они изъ стараго дворянства.

Княгиня смолкла, какъ бы усталая, и отбросилась на кружевные подушки куметки. Лицо ея изображало подавленное волненіе и тихую, покорную грусть. Принцъ Эрместъ, нетерпѣливо выслушивавшій ея монологъ, вспыхнулъ и насунулся, когда имя Стазу, искусно брошенное княгиней въ самомъ концѣ ея тирады, уяснило ему вполнѣ смыслъ не совсѣмъ понятныхъ для него до той поры словъ.

— Удивляюсь княгиня, съ замѣтнымъ неудовольствіемъ возразилъ онъ, — что если только все это не шутка, не мифификація, какъ вы при вашемъ умѣ и, кажется, зная меня не со вчерашняго дня (онъ ударилъ на эти слова), могли повѣрить и придать серьезное значеніе бессмысленной суетнѣ которыми кишитъ послѣднее время нашъ милый Петербургъ. Что за небыллицы, и позвольте узнать изъ какого источника почерпнуты вами свѣдѣнія о моей предстоящей свадьбѣ съ *Mademoiselle* Аладиной?! Надѣюсь что я не дамъ ни ей, ни ея матушкѣ никакихъ поводовъ зачислять меня въ формальные претенденты или даже аспиранты... *Non, ma parole, cela serait trop fort!* добавилъ онъ съ первымъ хохотомъ.

— Но это предметъ разговоровъ всего города. Vos assiduités auprès d'elle, ваши какія-то таинственныя встрѣчи у Бобо (съ которымъ, вы знаете, я не вижусь) дали обильную пищу языкамъ; наконецъ, околько мнѣ извѣство, и сами Аладины предвидятъ возможность такой развязки. Впрочемъ можетъ-быть я оскорбила, разсердила васъ моею непрощенною откровенностью,—переходя въ задумчивый тонъ продолжала Лина,—въ такомъ случаѣ простите старому другу и вѣрите что только горячее сочувствіе ко всему что имѣетъ какое-либо отношеніе къ вамъ могло вызвать этотъ неумѣстный разговоръ.

— Боже мой, я ни мало не сержусь, княгиня, уже съ улыбочкой отвѣчалъ принцъ Эрнестъ, цѣлуя тонкіе длинные узаннанные сафировыми кольцами пальцы протянутой ему руки,—я даже очень благодаренъ вамъ за все высказанное и постараюсь en tirer mon profit въ будущемъ. Меня только волнуетъ и бѣситъ что въ *нашихъ положеніяхъ* нельзя уже и двухъ котильоновъ протанцовать съ неглупою дѣвушкой не рискуя быть зачисленнымъ въ формальные претенденты. Ma parole! съ нѣкоторыхъ поръ, c'est devenu un tic у этихъ барышень и ихъ маменокъ, говаться за выеочествами.

Принцъ Эрнестъ, а вслѣдъ за нимъ и княгиня добродушно разсмѣялись; Лина позволила и приказала подать чаю...

Нѣсколько дней послѣ описаннаго разговора, на маленькомъ вечерѣ у княгини Чесменской, Стаси была крайне озадачена холодно-учтивымъ поклономъ принца Эрнеста, стоявшаго въ дверяхъ бальной залы въ то время какъ она пробиралась. „П me boude“, тотчасъ заключила она: „но за что? вотъ вопросъ!“ Рядъ предшествующихъ свиданій и разговоровъ съ принцемъ отчетливо развернулася въ ея памяти, но не въ состояніи былъ подсказать удовлетворительнаго отвѣта. Она временно усложнилась въ ожиданіи что послѣ перваго тура вальса дѣло разъяснится. Ожиданіе не сбылось: прошелъ вальсъ, безконечная кадрили, затѣмъ опять вальсъ, и принцъ Эрнестъ не только не сдѣлалъ съ ней ни одного тура, но даже, какъ ей показалось, избѣгалъ подходить.

— Comme tu est palotte ce soir, ma chérie! съ участіемъ подошла къ ней Анна Николаевна, тревожно заглядывая въ глаза,—te sens tu mal?

— Нѣтъ, нисколько! уклончиво отвѣчала Стаси, избѣгая ея пытливаго взгляда,—немного душно, пройдемъ въ буфетъ.

— Tu danse le cotillon? продолжала допрашивать мать.

— Je ne sais encore!

Первые такты мазурки прогремѣли; теплый воздухъ заколебался отъ движенія цѣлаго потока газовыхъ и шелковыхъ треновъ, мраморные лодоконники унизались темными ляннами складныхъ шляпъ и золотыми касками; задвигались стулья, и Стази, къ немалому удивленію Анны Николаевны, усѣлась въ далекомъ уголкѣ съ миниатюрнымъ виконтомъ, секретаремъ французскаго посольства. Она отказала князю Григрю, дарижировавшему въ первой ларѣ, и еще двумъ или тремъ блестящимъ кавалерамъ, въ чаяніи приглашенія принца Эрнеста, и ей теперь въ концѣ вечера не оставалось другаго исхода какъ ухватиться за удачно подвернувагоса виконта или увѣхать съ бала, чтобы на другой день не разнесли по городу что Стази Аладива осталась безъ кавалера на котильйонѣ. Стази чувствовала себя не въ нормальномъ состояніи. Котильйонъ съ секретаремъ посольства не представлялъ ей ровно никакого интереса. Кровь стучала въ виски, нервный спазмъ сжималъ горло, внезапные порывы жара ударали въ голову. Изысканно-изящныя тирады юнаго дипломата считавшаго долгомъ занимать свою даму раздражали ее какъ скрипъ ножа о тарелку; она съ наслажденіемъ бросила бы и виконта и балъ, не будь твердая рѣшимость разъяснить тутъ же причину страннаго поведенія принца Эрнеста, заставить его выказаться. Она стала искать его глазами въ кругу танцующихъ, такъ какъ приближалась очередь дѣлать фигуру.

— Un million d'excuses! раздался сзади знакомый звучный голосъ, неволью заставившій ее вздрогнуть. Принцъ Эрнестъ пробирался изъ буфета къ незанятому еще мѣсту вода подъ руку княгиню Лиду. Облеченная въ мелодрамаемый туалетъ отъ Ворта, закутанная по обыкновенію въ цѣлое облако газа, скрывавшаго худобу плечъ и дополнявшаго мягкими тонами воздушныя очертанія ея томной, вѣчно склоненной на бокъ головки, великосвѣтская сирена мелькнула мимо своей взволнованной жертвы, едва не унеся маленькаго виконта въ своихъ безконечныхъ ароматическихъ юлкахъ.

— A-t-elle du cachet, la princesse Lina!... восторженно обратился онъ къ своей дамѣ.

— Vous trouvez!... желчно отвѣтила на это Стази.—C'est notre tour, слѣшила она замать, быстро подымаясь съ мѣста, замѣтивъ приближавшагося князя Григря.

— Un cavalier, une dame s'il vous plait, любезно наклонясь напомнилъ дирижеръ.

Стази быстро направилась къ принцу Эрнесту, который не замѣчая или не желая замѣтить ея приближенія былъ весь погруженъ въ разговоръ съ княгиней.

— Monseigneur! первою и громко отчеканила Стази, остановившись въ двухъ шагахъ противъ нихъ. Принцъ съ аффектированной послѣдностью вскочилъ съ мѣста и подавъ ей руку. Фигура состояла въ какомъ-то замесловятомъ шествіи въ нѣсколько паръ, повторяемомъ поочередно. Стази и принцъ остались вдвоемъ. Минута молчанія показалась ей вѣчностью; рѣшившись на объясненіе, она теперь не только не могла подыскать для него соответственныхъ выраженій, но даже какой-либо пустой избитой фразы требуемой ярлычьемъ.

— Cette fête est charmante! первый заговорилъ принцъ, повидимому совершенно спокойный. Стази очулась.

— Monseigneur pourtant ne semble pas s'y amuser beaucoup.

— Mais bien au contraire, je m'amuse comme un roi... que je ne suis pas! добавилъ онъ шутливо.

— Мнѣ показалось что monseigneur особенно озабочена, не въ духъ сегодня.

— Это почему? въ томъ же веселомъ, нѣсколько измѣнившимся тонѣ продолжалъ онъ:—развѣ у меня сегодня особенно болѣзненный или влюбленный видъ, такъ какъ правѣ быть не въ духъ имѣють, по моему, только больные и влюбленные; смѣю замѣтить что у меня и расудокъ и сердце совершенно на мѣстѣ.

— Кто знаетъ! вырвалось какъ-то машинально у Стази; она сознавала что сентиментальный тонъ въ который впала смѣшенъ и неумѣстенъ; слезы досады подступали къ глазамъ.

— А гдѣ проводите вы лѣто? послѣ паузы спросилъ принцъ.

Стази передернуло какъ отъ внезапной боли, и взглядъ ея, полный недоумѣнія и укора, остановился на немъ. Этотъ пустой, повидимому ничего не означающій вопросъ былъ для нея въ данномъ случаѣ цѣлымъ *откровеніемъ*: въ одномъ изъ предшествующихъ свиданій принцъ Эрнестъ, разговаривая ей очень забавно и остро объ особенностяхъ своего характера, пояснилъ, между прочимъ, что имѣеть дурную привычку дѣлать такой вопросъ каждый разъ когда не знаетъ что сказать лицамъ представляющимся или вообще мало знакомымъ.

Принцъ невозмутимо вынесъ взглядъ Стази и продолжалъ

улыбаться своею спокойною, мягкой, какъ бы покровительственною улыбкой.

— *Mais dans nos terres, Monseigneur, отъѣхала едва внятно совершенно убитая Стаси. Фигура тѣмъ временемъ дѣшная и до нихъ. Принцъ весело дочкалъ Стаси до ея мѣста, почтительно раскланялся и вернулся къ своей дамѣ.*

— Извините, графъ, вѣскольکو минутъ слуха обратилась Стаси къ секретарю посольства,—если не за то что я лиду вась своего общества (которое въ данкихъ условіяхъ по малой мѣрѣ невыносимо), но котильона; ушена страшная мигрень, и я не въ силахъ долѣ оставаться.

— *Oh! Mademoiselle!... соболѣзненно затолкалъ Французъ, но Стаси, сопровождаемая Анной Николаевной, зорко слѣдившею за всѣми ея движеніями изъ угла мамелекъ, уже оставляла балную залу, не подозревая сопутствовавшей ея, насмѣшливо презрительной гримасы княгини Лиды.*

— Что у тебя такое вышло съ принцемъ? не утерѣла спросить Анна Николаевна, едва оны успѣли увѣстаться въ одну изъ тѣхъ извоицихъ ночныхъ каретъ, которыя такъ хорошо и мѣтко охарактеризовала одна остроумная графиня прозваніемъ „преждевременныхъ гробовъ“ (*des cercueils anticipés*).

— Что вышло! да ровно ничего не вышло, не выходите и не можете выйти, рѣзко и нервно отъѣхала Стаси, — впрочемъ, оставивъ, прошу тебя, этотъ разговоръ, у меня въ самомъ дѣлѣ страшно болитъ голова и я не въ силахъ что-либо сообразить, добавила она вѣскольکو мягче.

Сбросивъ балный туалетъ, Стаси послѣдшнею отпустила заспанную горничную и попробовала заснуть.

IX.

Наступала Масляница, со своимъ всеобщимъ кортежемъ „презвычайныхъ“ удовольствій. Высшій свѣтъ, изъ сонма предстоящихъ празднествъ, былъ исключительно занятъ назначенною у одной особенно знатной особы, дававшей такъ сказать тонъ всѣмъ корифеямъ онаго, „folle jougnée“, то-есть утреннимъ баломъ. Этотъ особенно интимный праздникъ, нерѣдко отлагаемый въ предыдущіе годы по слабому здоровью хозяйки, возобновился въ настоящій сезонъ и тревожилъ

еще :задолго .впередъ розовые сны многихъ красивыхъ и некрасивыхъ головокъ. Не одна великосвѣтская львица изъ самыхъ „перодотныхъ“, покачивалась съ олимпійскимъ спокойствіемъ въ своей восьмирессорной коляскѣ въ часъ урочной прогулки по Невскому и Морской, съ затаенною тревогой помышляла о томъ какъ бы изящная блѣдная рука не провела „роковой черточки“ въ завѣтномъ опускѣ, куда включались только избранные изъ избранныхъ. Высокая хозяйка была немолчимо строга къ нѣкоторымъ чедовѣческимъ слабостямъ, стоя сама выше ихъ. Ни общественное положеніе, ни громкое имя не могли повліять на приговоръ ея немолчимаго карандашика, разъ общественная молва доносила до ея слуха о какихъ-либо дѣваніяхъ или приключеніяхъ несомнѣстныхъ по ея понятіямъ съ достоинствомъ женщины хорошаго общества. Она весьма недружелюбно относилась ко всѣмъ молодымъ женщинамъ занимавшимъ тогдашній свѣтъ своимъ шумнымъ, безалаберно-расточительнымъ образомъ жизни. Манеры и жарговъ тюльрійскихъ *понедѣльницкозъ*, которые эти дамы облакали вмѣстѣ съ туалетами Ворта, какъ последнее слово моды и изящества, были крайне антипатичны ея прямой натурѣ, воспитанной и окрѣпшей среди патріархальныхъ преданій традиціональнаго величія. Женщина честная, уважающая себя, по ея мнѣнію, тѣмъ самымъ обязана была сколько возможно меньше давать лицу общественной молвѣ, не привлекать особеннаго вниманія даже чисто вѣтшею стороною своей жизни. При такомъ взглядѣ на общественное положеніе свѣтской женщины, понятво чего могла требовать она и отъ дѣвушекъ того же круга.

Это маленькое отступленіе отъ нити нашего разказа являлось необходимымъ для уясненія нѣкоторыхъ послѣдующихъ событій.

Воздушная княгиня Луна, раскидывая невидимую, но крѣпкую паутину въ которую должна была неминуемо лопасть беззащитная Стази, рѣшилась довершить такъ удачно начатое однимъ рѣшительнымъ ударомъ. Эпизодъ на вечерѣ Чесменскихъ, конечно, не прошелъ ею не замѣченнымъ. Воздерживаясь отъ всякаго намека о семъ въ послѣдующихъ свиданіяхъ съ принцемъ Эрнестомъ, какъ бы забывъ даже совершенно и предшествовавшій разговоръ и самое существованіе Аладивыхъ, она со свойственною ей женскою тонкостью почти дословно угадала *какого рода* разговоръ произошелъ.

между ними и Стави во время котаальона. Смушоніе, неволежность и вполнашій откідъ Стави, равнодушно-самодовольный видъ принца Эрнеста, ничто не ускользнуло отъ ея наблюдательнаго взора. Тѣмъ не менѣе все это показалось ей недостаточнымъ: нужно было устроить совершенные асакую возможность дальнѣйшихъ между ними встрѣчъ и какихъ-либо объясненій; принцъ, мягкій и легко увлекающійся по характеру, былъ чуть не ребенокъ по годамъ, а Лина уже пятый годъ какъ застѣла на двадцати восьми годахъ!

Едва ли кто-нибудь угадалъ тревожныя думы шевелившіеся въ душѣ очаровательной княгини въ то время какъ росамъ вышедшей высаживалъ ее изъ высокой кареты подъ крытымъ монументальнымъ подъѣздомъ стариннаго дома гдѣ жила ея „grande tante“ (двоюродная бабка), старая фрейлина, графиня Агаея Дмитриевна Бурцева, „la comtesse Agathe“, какъ просто звали ее въ большемъ свѣтѣ. Совершенно черныи, роскошный, но вѣскольکو строгій туалетъ и бархатная шляпа того же цвѣта съ широкими кружевными завязками соединенными въ огромный бантъ подѣ тонкими подбородкомъ придавали вѣскольکو аскетическій томъ стройной, изящной фигурѣ княгини. Чѣмъ-то не отъ моря осею вѣдало отъ ея прозрачнаго матоваго лица, гдѣ легкій слой „вельютина“ смягчала желтоватыя тоны. Едва шурцъ данными трюномъ, плавно и сосредоточенно точно въ комнату большого вошла Лина не те въ саловъ не то въ молельню графини „Агаты“. Для всякаго не посвященнаго въ обычную жизнь хозяйки убранство этой комнаты могло показаться съ перваго взгляда вѣскольکو страшнымъ: вдали отъ украшеныхъ вѣсколькими старинными картинами духовнаго содержания, болшею частію школы дорафаэлитовъ, на креслахъ и стульяхъ во вкуш имперіи размѣщался цѣлый рядъ свѣже написанныхъ большихъ иконъ чисто византійскаго стиля; столики краснаго дерева съ мѣдными бляхами и украшениями; ивѣдѣи вѣскогда извѣстнаго Жакета, лежали подѣ груди новыхъ изданій Житій Святыхъ, Вѣтхаго и Новаго Завета, Дѣланій Апостоловъ и разныхъ духовныхъ и поучительно-нравственныхъ брошюръ; на неудобныхъ прямолинейныхъ диванчикахъ, съ золочеными ножками въ видѣ африканскихъ львъ, лежали развернутыми вѣскольکو кусковъ церковной лари, газета и поументовъ, наконецъ подоковникъ и консоль были мѣстами заставлены церковными сосудами:

чайнами, двѣдесати, дерохранительницами. Самой воздухъ этой комнаты казался пропитаннымъ какими-то своеобразнымъ запахомъ, смѣсью ладана и воска, точно издавнаго предъ тѣмъ въ ней совершалось служеніе.

Графиня Агата сидѣла у чайнаго столика современнаго образца, въ два яруса, покрытаго чайными принадлежностями и тарелочками съ лютыми печеніями, сухариками и сушками всевозможныхъ сортовъ. Противъ нея поглядѣлся рослый здоровый монахъ съ довольно красивымъ, весьма огульнымъ лицомъ чисто южнаго типа.

— Bonjour, chère belle, протягивая руку вошедшей, проговорила графиня,—le père Cyrille du mont Athos! послѣднью добавила она указывая на монаха,—привѣтъ мнѣ патриаршее благословеніе.

Лина граціознымъ движеніемъ подошла подъ благословеніе отца Кирилла. Мокрая жилистая рука съ крупными лютарными четками коснулась ея головы, причемъ княгиня незамѣтно поднесла къ носу вадушенный платокъ отъ пошваншаго ненавистнаго ей запаха розоваго масла. Нѣсколько минутъ спустя отецъ Кириллъ удалился, и княгиня осталась наединѣ со старою фрейлиншей.

— Я поступила весьма нескромно, дорогая тетюшка, забывшись смущать васъ въ вашихъ благочестивыхъ замѣткахъ, начала какъ бы извиняясь Лина.

— Нѣсколько. моя дорогая, отвѣчала графиня, охотно говорившая и по-русски,—отцу Кириллъ будетъ у меня еще вечеромъ, nous avons à causer par rapport à cette triste question о положеніи восточныхъ церквей, добавила она съ грустью, нѣсколько таинственно.

Лина сосредоточенно покачала головой, какъ бы глубоко соболевшая бдствіямъ восточныхъ церквей, и скрѣпя сердце съ соответственнымъ благочестивымъ видомъ приготовилась терпѣливо выслушивать дальнѣйшее развитіе разговора на эту дорогую графинѣ тему. Ожиданіе ея не оправдалось; графиня совершенно внезапно перешла на другой предметъ.

— Что новаго у васъ въ свѣтѣ? спросила она.—Ты такъ много выхваляешь и такъ привлекаешь вѣкъ что тебѣ естественно все должно быть известно.

— Въ сожалѣнію, тетюшка! съ отгнкомъ скорби отвѣчала княгиня.—свѣтъ мнѣ иногда становится противенъ своимъ коварствомъ, своими интригами... Да кстати, какъ бы

припомнила добавила она, — дакъ, конечно, уже известна будица настоятельная фрейлины?..

— Да, кое-что слышала, но...

— О ради Бога, слышала перебить Луна, — но примите мой вопрекъ за нескромность, мнѣ только весьма интересно было бы знать, попадетъ ли въ число пожалованныхъ Аладина.

— Аладина?... какъ бы припомнила повторила графиня, — это кажется та что имѣла такой succès fou въ спектаклѣ?... А что, развѣ и ты ей протежируешь?

— Боже уласи! почти испуганно произнесла Луна, — мнѣ просто любопытно узнать, какъ смотреть en „haut lieu“ на предстоящій бракъ принца Эрнеста.

Кругленькая фигура старой дѣвы зашевелилась въ креслахъ и любопытство мелькнуло въ узенькихъ замывающихъ глазахъ.

— Бракъ принца Эрнеста, торопливо заговорила она, — да развѣ это уже дѣло рѣшенное, мнѣ еще на дняхъ la duchesse нѣкогда говорила что принцесса Августина ему не по сердцу и что послѣднее свиданіе было довольно комедно...

— Il s'agit bien de la princesse Augustine!.. съ насмѣлкой подхватила княгиня, — бѣдная герцогиня какъ видно и не подозреваетъ какой ударъ ей готовить; впрочемъ и неудивительно: все это было ведемо такъ шито и крыто, que de plus forts y perdraient leur latin.

— Ничего не понимаю! съ нетерпѣніемъ вновь заволновалась графиня Агата. — Да на комъ же это онъ захотѣлъ жениться, неужто на этой Аладинѣ!.. Да вѣдь она, говорятъ, совсемъ нищая, да къ тому же и не изъ мамелъ, а такъ себѣ простая дворяночка... Ну ужъ нечего сказать, убилъ бобра, королю выдѣтъ принцесса!.. Впрочемъ ужъ вѣрно это нынче такая мода пошла на эти, какъ ихъ башь называютъ... морганатическіе что ли браки.

— Въ отгаданіи, тетушка, съ вѣкоторою торжественностью сказала княгиня, — они его окрутили бѣдашкой и обошли.

Тутъ последовалъ продолжительный и слезливый разказъ о тѣхъ коварныхъ хитросплетеніяхъ и ухищреніяхъ благодаря которымъ Аладиннымъ будто бы удалось закружить голову и поймать въ свои сѣти юнаго и доврчиваго принца. Княгиня, монтированная собственнымъ воображеніемъ и веназностью, впала въ тонъ чистосердечнаго негодованія. Знакомство въ Біаррицѣ, знаменитый спектакль, вечеринки Бобо

(изображенныя въ видѣ чуть ли не сатурналіи), ничто не было улучшено, напротивъ, всё эти довольно невинныя событія были выставлены какъ послѣдовательныя ступени одного адокаго замысла, дабы поразить благочестивымъ ужасомъ богобоязненную графиню. Замѣчая интересъ возбуждаемый ея повѣствованіемъ, Луиза очень искусно воспользовалась случаемъ провести параллель между прежнимъ свѣтомъ и теперешнимъ, уломанула о надежнѣ нравовъ и потрясеніи традицій и какъ бы вскользь, въ видѣ общаго размышленія добавила что потворствовать подобнымъ интригамъ грѣшно, и что имѣя она, княгиня Луиза, право голоса en „haut lieu“, она почла бы за священныи долгъ предупредить кого слѣдуетъ для пресѣченія подобныхъ скандаловъ и соблазновъ.

— Vous concevez, строго и съ негодованіемъ заключила она, — que si toutes ces demoiselles Aladines épousent des princes de sang, quelle sera donc notre position à nous autres femmes de principes et de devoir?!

Утомленная длинною рѣчью и собственнымъ волненіемъ, княгиня мапгинально стала грызть тонкій соленый сухарикъ. Она была вполне довольна собою; разказъ видимо разбудилъ и задѣлъ за живое графиню Агату. Луиза весьма искусно затронула ея больное мѣсто, выѣзжая на традиціи и родовыхъ началахъ. Графскій титулъ Бурцевыхъ не насчитывалъ еще и полвѣка, но тѣмъ не менѣе графиня считала себя, въ силу „особеннаго положенія въ высшихъ сферахъ“, недосыгаемою аристократкой и ее почтенно будто лично оскорбило что „какая-то Аладина“ (въ отечественной генеалогіи, какъ весьма многіе ея круга, она была не сильна и едва ли бы даже измѣнила свой взглядъ, убѣдившись что эти „какіе-то“ Аладины были столыниками и думными боярами въ то время, когда Бурцевыхъ еще никто не зналъ) осмѣливается помышлять сдѣлаться супругой принца, предъ которымъ даже и она, „графиня Агата“, не взирая на свои годы и положеніе, въ извѣстныхъ случаяхъ дѣлаетъ реверансы! Тѣмъ не менѣе княгиня Луиза хотѣла убитъ въ полномъ убѣжденіи что старая фрейлина „продаетъ“ гдѣ и какъ слѣдуетъ искусно недоумавшую ей лѣсеньку въ томъ именно томѣ какой казался наиболѣе ледходящимъ для успѣха задуманнаго ею плана.

— Les listes pour la folle journée sont elles d'jà présentées?, обратилась она съ вопросомъ.

— Je ne crois pas, et quoi? возразила графиня.

— Полагаю, спокойно и какъ бы равнодушно отнѣсая княгиня подымаясь,—что въ данныхъ обстоятельствахъ доверіе ея на этомъ интимномъ праздникѣ было бы равносильно одобренію „свыше“ ея дерзкихъ притязаній и поощренію бы въ ней стремленіе къ скорѣйшему приведенію ихъ къ концу... *Di geste nous n'y rouvons rien!*

Лива распростиалась; теперь она была почти несомненно убѣждена что стрѣла намѣчена вѣрно и не минетъ своей цѣли.

X.

Подъ спокойною личной свѣтской жизни Аладиныхъ затаялась послѣднее время непонятная тревога. Инстинктивное чувство чего-то недобраго, тотъ неопредѣленный страхъ непредвидѣннаго, который охватываетъ сознаніе и волю помимо доводовъ разсудка, закралось почти одновременно во внутренній міръ Стази и Анны Николаевны. Подъ гнетомъ этого чувства, интимныя отношенія между дочерью и матерью утратили свой обычный задушевный характеръ, потерялись отгѣнкомъ скрытности, не чуждымъ и въ некоторой жемч. Онѣ точно сговорившись умалчивали о поговорахъ ихъ исключительныхъ соображеніяхъ. Стази раздражалъ и оскорблялъ сердобольный видъ Анны Николаевны. Ей чудился скрытый упрекъ и обидное соболѣзнованіе въ мягкихъ приемахъ матери, подступавшей къ ней словно къ венальничко больной. Анна Николаевна со своей стороны скорбѣла о недостаткѣ откровенности и довѣрія, къ которымъ издавна привыкла ея Стази. Подчиняясь общей слабости пожилыхъ людей вѣрить въ непогрѣшимость своего жизненнаго опыта, она волевалась при мысли что Стази, дѣйствуя въ рѣшительную минуту безъ ея совѣтовъ и руководства, испортить все „положеніе“ присущими молодости горячностью и торопливостью. Она еще не могла или не хотѣла угадать наступившаго рушенія всего хрупкаго зданія ея завѣтныхъ грезъ. Подмѣченное ею „нѣчто“ на вечерѣ у Чесменскихъ представлялось не болѣе какъ легкою „bouderie“ двухъ влюбленныхъ, вызванною по всемъ вѣроятіямъ несдержанностью самой Стази, можетъ-быть сценой ревности къ княгинѣ Ливѣ. „*Décidément elle a trop de tempérament*“, вздыхая разсуждала Анна Николаевна и старалась улокоуться

тѣмъ что эта горячность чувствъ, хотя и заслуживаетъ поощренія, но серьезнаго разрыва произвести не можетъ, такъ какъ принцъ Эрнестъ, одумавшись, пойметъ этотъ избытокъ любви.

Стази, послѣ напрасныхъ усилій подыскать какую-либо осязательную причину внезапной перемены послѣдовавшей въ приемахъ и тонѣ принца Эрнеста, естественно пришла къ убѣжденію что эта катастрофа была вызвана постороннимъ, враждебнымъ ей вліяніемъ; но гдѣ таился узелъ этой темной интриги, очевидно имѣвшей цѣлью оттолкнуть его отъ нея, какъ равно и какія средства плуцены были для этого въ ходѣ, разгадать ей не удалось. Послѣ всесторонняго, насколько возможно хладнокровнаго обсужденія новаго положенія, Стази сознала непригодность всякихъ крайнихъ выходокъ, навѣянныхъ лихорадочнымъ состояніемъ первыхъ минутъ неудачи. Идти что называется напроломъ, не зная ни силы, ни средствъ врага, было немислимо и крайне неосторожно. Она рѣшилась ждать, какъ ни мучительно являлось это ожиданіе. Предстоящій утренній балъ долженъ былъ, по ея расчету, доставить весьма удобный случай изощрить свою наблюдательность, и, если окажется возможнымъ, ловкимъ маневромъ возстановить обычныя отношенія съ принцемъ.

Въ пятницу, за день до знаменательнаго дня утренняго бала назначеннаго на прощальное воскресенье, первымъ вопросомъ Стази вошедшей утромъ горничной было: „Нѣтъ ли приглашенія?“ Получивъ отрицательный отвѣтъ, она приказала осведомиться у швейцара, не былъ ли фурьеръ со сплскомъ, но отвѣтъ остался тотъ же: „не былъ“. — „Ужь не отиѣвали ли, подумала Стази, — досадно! Впрочемъ еще рано, утиѣшлась она, курьеры народъ привычный и ранѣе часа не заглядываютъ“.

Анна Николаевна тревожилась не менѣе дочери, хотя и старалась казаться совершенно спокойною. Когда бронзовые часы съ Психеей ударили два, она не вытерпѣла долѣе и быстро начала собираться.

— Vous sortez? не безъ удивленія спросила Стази.

— Да, на минутку, закутываясь пуховою косылкою отвѣчала она, — только къ Катюшѣ справиться, нѣтъ ли отиѣвки на послѣзавтра; страшно, нѣтъ до сихъ поръ приглашенія, между тѣмъ какъ ты знаешь, мы вѣдь стоимъ на сплскѣ.

Не прошло и часа какъ она вернулась обратно домой съ

свѣдѣніемъ видно. Графиня Катерина Александровна, привыкшая съ обычнымъ дружескимъ добродушіемъ, сообщила что никакой отъѣзды воскресной *folle journée* не предвидится и приглашенія уже послѣдовали и общама для разъясненія дѣла немедленно написала два слова графу Шумилову, ближайшему распорядителю этого праздника, причемъ однако добавила:

— Vous savez, chère, que ces sortes d'invitations relèvent exclusivement de la volonté personnelle... et que personne n'y peut rien!..

Анну Николаевну, освоившуюся въ последнее время со всеми величіями, вѣсколько покоробило это замѣчаніе графини, и она не безъ нѣкотораго высокомерія упоминала о всѣхъ предшествующихъ самыхъ интимныхъ празднествахъ сезона, гдѣ она съ дочерью не только постоянно приглашалась, но даже не разъ удостоивалась особенно милостиваго вниманія высокихъ хозяевъ. Графиня заключила что весьма возможна ошибка или олашность, которая графъ Шумиловъ не замедлитъ возстановить по полученіи записки; отвѣтъ графа общама сообщить немедленно. День прошелъ обычнымъ порядкомъ, не прінеся лихорадочно ожидаемаго отвѣта. Вечеромъ танцовали въ англійскомъ посольствѣ. Стази изволнованная неразрѣшившимися тревогами дня, раздраженная отсутствіемъ принца Эрнеста, стала испытывать въ концѣ вечера неудержимый приливъ той истерической, судорожной веселости которая исключительно свойственна въ извѣстныхъ случаяхъ впечатлительнымъ, нервнымъ натурамъ и по психической аналогіи могла бы довольно удачно быть названа *слѣпощимся рыданіемъ*. Нѣсколько бокаловъ шампанскаго храбро проглоченныя въ антрактахъ танцевъ вмѣстѣ съ крѣпкими горчичными самдвичами усилили это возбужденное состояніе. Она была очаровательна: отбѣлѣвшіяся вьющіеся пряди свѣтлорусыхъ волосъ, словно набѣгавшіе лучи мелькающаго, какъ бы рѣзвась, вокругъ разгорѣвшагося лица, оживленнаго глубокими лихорадочно свѣтящимися глазами, влажная полураскрытая губы и учащенное движеніе высокой груди и округленныхъ женственныхъ плечъ, низко открытыхъ по требованію тогдашней моды, придавали всей ея фигурѣ отбѣнокъ нѣги и страсти. Самъ *высокочтимый* сэръ-Авдуръ, посолъ Соединеннаго Королевства и кавалеръ ордена Бани, не выдержалъ и съ жаромъ которому могъ бы

демонстрировать не одну юность, мускулами выкидывавши от притоптываніями и покачиваніями, рука объ руку со Стаси, причудливыя фигуры такъ-называемаго *smallish* танца (*danse anglaise*), слѣдовавшая по обыкновенію въ заключеніи танца. Стаси, со свойственнымъ ей даромъ переносчивости, превосходно усвоила этотъ своеобразный танецъ и нисколько не уступала въ манерѣ и удали, характеристичныхъ особенностяхъ онаге, чистокровной Англійчанкѣ жень одного изъ секретарей посольства, составлявшей *vis-à-vis* съ княземъ Жюлемъ Урасовымъ.

— *Ho! elle est délicieuse, miss Aladine!* одобрила на своемъ англо-французскомъ нарѣчїи почтенная леди, любовавшаяся въ дверяхъ балной залы эволюціями своего салоннаго супруга.

Уже начинали гасить фенари по широкимъ пустыннымъ улицамъ Петербурга, когда Аладина возвращалась домой. Засыпанная горчичная подала Аннѣ Николаевнѣ извѣщенный конвертикъ, украшенный причудливою монограммою лоды графскою короной. Въ немъ оказался по вскрытіи листокъ синевагой англійскою бумагою писанный довольно крупными разнашестымъ почеркомъ; поданный отвѣтъ графа Шумилова на утреннее посланіе графини. Анна Николаевна прочла его однимъ взглядомъ и залоска какъ бы сама собою выла изъ ея рукъ. Стаси сразу поняла по ея разсѣянному лицу *en чья дѣло*, но потребность болѣе осязательнаго ощущенія нанесеннаго удара побудила ее убѣдиться во очю.

— *Vous permettez?* обратилась она къ остолбенѣвшей матери и не дожидаясь отвѣта прочла слѣдующее: „Дорогая графиня, — Съ прискорбіемъ слѣшу извѣстять васъ въ отвѣтъ на вашу милостивую утреннюю записку что покровительствуемая вами прелестная гжа Аладина къ сожалѣнію не находится въ числѣ назначенныхъ для утренняго праздника въ Ретондѣ.“ Затѣмъ слѣдовали извиненія въ замедленіи отвѣта по случаю обѣда у вице-канцлера и *avant-soirée* проведеннаго у княгини Селимы, но Стаси какъ-то бессознательно прѣбывала все это глазами до красивой съ рошчеркомъ подлинна Графъ Александръ Шумиловъ.

Историческая веселость вечера разомъ пропала, ей хотѣлось рыдать соверчая эту подпись, какъ будто она скрѣпляла таинственный, неотразимый приговоръ опредѣлявшій ея

судьбу. Несомненно земли сфабрились одна другою въ ея горахъ; ей принадлежало, какъ часъ предъ тѣмъ въ мосальствѣ на вопросъ Аппенъки Денишею, приглашена (а она на утро въ Ретондѣ, она съ бѣлою въ сердцѣ самоуверенно отъѣхала main certainement) и пришла нѣсколько приглашеиой пастады. Это „certainment“ теперь болѣеменно отдавало у нея въ ушахъ, цемало грудь, надавало мезгъ. Она почему-то знавала что записка графа должно-быть писана гусинымъ, а не стальнымъ перомъ, на какой-то особенной, шершавой бумагѣ безъ монограммы и короны и подумала при этомъ что все это не случайность, а такъ именно случается. Предъ всю нелепо промелькнула мимолетная головка и миниатюрная фигурка княжны Арры Ржевской, колывшеиой въ свѣтъ только першай сезонъ, небогатой, не блиставшей на умомъ, не особыми талантами, но тѣмъ не менѣе уже помолвленной за графа Окаронскаго, красавца, представителя одного изъ знатнѣйшихъ родовъ и величайшихъ состояннй въ Россн. Почему она, а не я? оставила она себя злобно вопросомъ, почему жале все такъ легко, такъ просто дается? Кто были эти я, она не отдавала себя отчета, но она губке неслышала ихъ въ эту минуту, какъ виновниковъ своего горя, ослепле душунныхъ и разбитанныхъ по вѣтру надеждъ. Обесиланный злобой рассудокъ отказывался облечь ихъ во вѣкую конкретную, личную форму, и „тѣ“ представлялись ей въ видѣ фантастическихъ, сказочныхъ чудовищъ, фатальныхъ, несправданныхъ, въ борьбѣ съ которыми она падала безсильная и надломленная...

— Ce n'est peut être qu'un oubli... прехода въ себя рѣшилась прервать тигостное молчанне Анна Николаевна, — а заду утромъ къ Катншь, постаранюсь разузнать...

Она говорила безосмысленно что подвергалось на языкѣ, сомнѣвая что говорить вздоръ, которому ни сама, ни Стаси не придасть значенн.

— Довольно объ этомъ, маман, спокойно, но съ энергней перебила Стаси, — le soup est bien porté... Постаранюся не быть смѣшными. Сезонъ конченъ... Знаете, самое лучшее что мы можемъ придумать, это собраться поскорѣй въ Сашню.

Слегка похудѣвшая, съ желто-зеленоватыми тонами на осумушемся лицѣ явилась Стаси въ концѣ третьей недѣли поста на станцію Николаевской желѣзной дороги. Провожавшихъ не было. Четырехмѣстный извожичий рыдванъ

достигавшій Алладныхъ быстро ослорожилса, благодаря усердію воспитываювъ, отъ громоздившихся на козлахъ и переднемъ сидѣніи сакъ-де-воажей, картонокъ и узловъ стамбульскъ традиціонными желтыми ремнями. Молодой, красноречивій парень сидѣвшій на козлахъ, получивъ изъ рукъ Анны Николаевны двѣ рублевныя бумажки вмѣстѣ съ билетомъ, не преминулъ ослабиться и добавилъ классическое: „малодато, барыня“ совершая получившій „на часекъ“ двугривенный, пока молодцоватый жандармъ не крикнулъ обычное „прощай!“ Было еще рано, такъ какъ Анна Николаевна, всегда боявшася опоздать, прѣехала минутъ за двадцать до жерваго звонка. Рѣшено было ѣхать во второмъ классѣ, въ виду вѣроятности что по равняемъ времени года великосибѣтскихъ знакомыхъ въ лождѣ не будетъ, „qu'unc nuit est biontôt passée“, а главное въ виду того что тысячи рублей высланныхъ наконецъ старикомъ послѣ нѣсколькихъ отчаянныхъ писемъ и телеграммъ едва хватало на покрытие вазобливыхъ требованій модистки, извозчика, расчета яриалуга и нѣкоторыя необходимыя покупки для лѣтняго сезона, такъ что свободный остатокъ по расчету есоторожной Анны Николаевны немогущъ превышать издержки втораго класса съ багажемъ.

Наконецъ и жосадній звонокъ! Прокосилса суегишиа блатовия послѣднихъ прощаній, жерученій, поклоновъ, поцѣлуевъ; кондуктора торолливо захопывали дверцы вагоновъ; забывавшисъ пробѣжалъ заюоздамай пассажиръ съ туго набитыми ковровымъ мѣшкомъ, въ фуражкѣ съ кокардой и орденомъ на шеѣ, изъ отставныхъ или запштатныхъ; расходившисся воспитанники лобракивали мѣдными лятаками или рассматривали на ладоки заравезанную „мелочъ“, и среди этой общед картины суеты и движенія нѣскольکو невозмутимо величественныхъ фигуръ осамотныхъ выѣздяныхъ въ темныхъ лиревахъ съ лестрыми кавтиками и галуныхъ шлалахъ жеркдавшихъ за рѣшеткой провожающихъ господъ.

У Стана какъ будто отлетало на душѣ когда оберъ-кондукторскій свистокъ пропѣлъ свою прощальную трель, и жывадъ медленнао выкатившисъ изъ-подъ стекляннаго навѣса сталъ быстрѣе и быстрѣе врѣзыватьса въ тускло блѣдншее неособримое пространство...

ДМИТРІЙ П—КЪ.

Вильва, июль 1880.

ГРЕКО-БОЛГАРСКИЙ ЦЕРКОВНЫЙ ВОПРОСЪ

ПО НЕИЗДАННЫМЪ ИСТОЧНИКАМЪ

Inter duos litigantes tertius gaudet.

Изученіе историческаго хода и развитія греко-болгарскаго вопроса не можетъ не привести къ заключенію что присвоенный вопросу этому эпитетъ „церковнаго“ не вполне точенъ, такъ какъ можетъ относиться развѣ лишь къ вѣдшей сторонѣ идущаго между двумя народностями спора. Въ сущности это вопросъ политическій, выражающій собою отародавную вражду Грековъ и Болгарь за обладаніе Балканскимъ полуостровомъ. Вопросы каноническіе служатъ лишь орудіемъ прікрывающимъ истинныя, открыто не высказываемыя цѣли вожаковъ обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ, съ настойчиностью и упорствомъ продолжающихъ дѣло которое не смѣгли остановить ни блестящія победы царя Симеона, ни неслыханныя жестокости императора Василія II Болгароубицателя.

Поэтому-то для большаго уясненія внутренняго смысла пренеходящихъ на глазахъ нашихъ явленій намъ необходимо обратиться къ исторіи, которая, какъ яркій свѣточъ, освѣтитъ намъ мракъ давно минувшихъ лѣтъ и поможетъ разсмотрѣть тотъ путь по которому долженъ будетъ направиться разбираемый нами вопросъ въ будущемъ.

Историческій обзоръ Болгаріи и ея древней церкви составилъ я, придерживаясь Доброва (*Южное Славянство*) и Голубинскаго (*Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей*).

Кромѣ того я пользовался, какъ источниками, кромѣ необходимыхъ богословскихъ книгъ, еще и слѣдующими сочиненіями: *Сношенія Россіи съ Востокомъ по церковнымъ дѣламъ*, Муравьева, 1858; *Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ*, Соловьева; *Вселенскій патріархъ Григорій VI и греко-болгарская распря*, Фицшлова; *Опредѣленіе Константинопольскаго собора по вопросу о болгарскомъ экзархатѣ*, Фицшлова; *Греко-болгарскій церковный вопросъ*, Тесовскаго, 1871, *Мнѣніе православныхъ Арабовъ о греко-болгарской распрѣ*, Муркоса 1880. *Панславизмъ и Греки*, Леонтьева; *Византизмъ и Славянство*, его же; *Первый болгарскій экзархъ блаженный Антимъ*, Муромцевой; *Греко-Россійскія церкви въ своихъ отношеніяхъ къ церквамъ Запада*, 1880; *Зеленая Книга Болгарскаго Императора*; *Органическій Уставъ Восточной Румелии*; *Официальная Статистика на Источно румелийско-го населеніе*, 1880; *Матеріалы для статистики Болгаріи, Бракіи и Македоніи*, Тенловъ 1877; *Ethnographie de la Macedoine, Philippopole* 1881; *Carte ethnologique de la Turquie d'Europe et mémoires sur la repartition actuelle des races dans la péninsule Illlyrienne*, par Stanford, Paris, 1877 г.; *Ethnographie des vilayets d'Andrinople de Monastir et de Salonique*, 1878; *Carte ethnographique de la Turquie d'Europe et dénombrement de la population grecque*, par Surhes; кромѣ того замѣтки разбросанныя въ различныхъ перемѣнныхъ изданіяхъ.

Но главный и самый богатый матеріалъ доставилъ мнѣ архивъ посольства нашего въ Константинополь, которымъ я пользовался съ благоклоннаго разрѣшенія нашего посла Е. П. Новикова. Ходъ переговоровъ и различные факты чрезъ которые проходилъ греко-болгарскій церковный вопросъ въ время начинающаго съ Крымской войны изложенъ и разобранъ мною на основаніи политическихъ дѣленъ посольства, консульскихъ доносеній, переписки съ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, а также на основаніи мемуаровъ, записокъ и другихъ дипломатическихъ документовъ. Не мало пользы принесли мнѣ воспоминанія принимавшихъ личное участіе въ церковномъ вопросѣ настоятеля посольской церкви архимандрита Смарагда и доктора Каракаловскаго, родомъ Болгарина.

Ко всему перечисленному нужно присоединить еще и мои личные воспоминанія, вынесенныя изъ одинадцатилѣтняго пребыванія моего въ Константинополь съ 1870 по 1881, причемъ на глазахъ моихъ разыгрался всѣ главный проявленія остраго періода греко-болгарскаго вопроса.

I.

Съ самаго водворенія Болгаръ въ Мизию начался рядъ опустошительныхъ войнъ между новыми пришельцами и греческими императорами, причежь христіанская Византія въ жестокостяхъ сопровождавшихъ эти войны не уступала нисколько своимъ языческимъ противникамъ. Мало-по-малу Болгарскій народъ собирается въ сильное царство, которое вытѣсняетъ себя уже открытымъ соперникомъ Византіи на владѣніе полуостровомъ.

Официальное введеніе христіанства въ Болгарію приписываютъ царю Борису (Михаилу) и относятъ событіе это къ 868; но еще раньше религія эта лусила корни, благодаря массамъ лѣвннхъ, времянъ войнъ царей Круме и Мартына, такъ что сильно уже расшатанный язычскій культъ лалъ тихо, почти безъ борьбы.

Отъ императорскаго Рима наследовала Византія принципъ нераздѣльности церкви и государства; при всѣхъ попыткахъ церкви къ обособленію, византійскіе императоры продолжали считаться ея верховными главами. Такимъ образомъ верховная власть надъ церковью стала однимъ изъ существенныхъ преимуществъ свѣтскаго владыки на Востокѣ.

Взглядъ на такое отношеніе церкви къ государству былъ усвоенъ всеми тѣми народами которые приняли христіанство отъ Византіи. Всѣ они, при зарожденіи у нихъ сознательно твердаго стремленія къ политической независимости разрывали церковно-іерархическую связь съ Византіей, устанавливая у себя высшую церковную власть независимую отъ Константинопольскаго патріарха.

Поэтому неудивительно что и царь Борисъ хотѣлъ закрѣпить свою независимость учрежденіемъ въ Болгаріи независимой высшей церковной власти. Обращеніе по этому поводу къ патріарху съ цѣлью добиться назначенія для Болгаріи особаго митрополита не имѣло успѣха, такъ какъ Греки въ видахъ господства надъ Болгарами не хотѣли первоначально имъ дать собственнаго отдѣльнаго архиепископа, а вторыхъ, есть большое основаніе предполагать что въ своихъ заботахъ о сохраненіи владычества надъ Болгарами, Греки не хотѣли имъ давать не только митрополитовъ, но даже и

еписколовъ, предполагая ограничиться назначеніемъ изъ Болгаръ лишь однихъ священниковъ. Нежеланіе состоять въ подобной опасной для самостоятельности государства церковной зависимости, заставило Бориса прервать переговоры съ Греками и обратиться въ 866 году къ папѣ Римскому.

Но непродолжительно было господство Латинамъ въ Болгаріи, и въ 870 году они были изгнаны, а патриархъ Константинопольскій Игнатій, видя необходимость сдѣлать Борису уступку, назначилъ Иосифа, Болгарина родомъ, архіепископомъ Болгарскимъ. Собственно говоря желаніемъ царя Бориса было имѣть въ Болгаріи патриарха, но такъ какъ на просьбу его объ этомъ былъ полученъ рѣшительный отказъ не только отъ Константинопольскаго патриарха, но даже и отъ папы, то Борисъ по необходимости долженъ былъ удовольствоваться архіепископомъ подчиненнымъ Константинопольскому престолу.

Здѣсь не имамъ коснуться различія существовавшего въ Восточной и Западной церквахъ относительно правъ и преимуществъ соединенныхъ съ самимъ архіепископомъ и митрополитомъ.

Въ Западной церкви архіепископы были то же самое что и митрополиты; въ Восточной же эти два сана не смѣшиваются и рѣзкими чертами отличаются другъ отъ друга. Митрополиты, представляя собой въ общей церковно-правительственной организаціи вторую инстанцію послѣ патриарха, были главными начальниками округовъ на которые были разделены патриархаты. Архіепископы же, вслѣдствіе автономіи автокефальныхъ, представляли собою такъ-сказать изъятіе изъ общаго правительственнаго строя и были двухъ родовъ, низшіе и высшіе митрополитовъ. Первыми были епископы освобожденные изъ-подъ власти мѣстныхъ окружныхъ епископовъ и зависѣвшіе прямо и непосредственно отъ патриарховъ. Вторыми назывались такіе окружные митрополиты которые освобождены были со своими округами изъ-подъ власти своихъ мѣстныхъ патриарховъ и были столь же самостоятельны какъ и эти послѣдніе, отличаясь отъ нихъ только именемъ.

Что же касается Иосифа, посвященнаго архіепископомъ Болгарскимъ, то слѣдуетъ думать что по своему значенію онъ былъ обыкновеннымъ, подчиненнымъ патриарху Константинопольскому митрополитомъ, а получалъ имя архіепископа лишь потому что предъ этимъ происходила переписка съ

линей объ учрежденіи въ Болгаріи архіепископства, и Греки дали Болгарамъ митрополита съ именемъ, но не со значеніемъ, въ восточномъ смыслѣ, архіепископа.

Самъ архіепископъ, какъ высшаго лица болгарской духовной иерархіи, не удовлетворялъ честолюбію болгарскихъ царей, и пресвѣтъ Борисъ, Симеонъ, считая что невозможно быть царству безъ патриаршества, собственною властью возводитъ архіепископа Болгаріи въ достоинство Болгарскаго патриарха, утверждая престолъ его въ Преславѣ. Въ 927 году сынъ Симеона, Петръ, женился на внучкѣ императора Романа II, и Византія, старавшаяся тогда задобрить въ свою пользу могущественныхъ болгарскихъ царей, признала патриархомъ архіепископа Болгарскаго Даміана, но преемниковъ сего послѣдняго Греки не хотѣли уже признавать патриархами. Архіепископская кафедрa переносилась постепенно изъ Преславы и Доростола въ Софію, Водилу, Преслу и Охридъ, слѣдуя за столицей Болгарскаго царства, а иногда престо-валдствіе необходимости искать безопаснаго мѣста отъ раздѣранныхъ тогда Болгарію войнъ. Такъ какъ въ 971 году Цимисхій завоевалъ Бакавскую Болгарію, то пресвѣтъ Даміанъ Гавріилъ завѣдывалъ только македонско-албанскою частью Болгаріи по Софію и Видинъ включительно, утративъ прибавленскія епархіи состоявшія изъ *Преславской* съ городомъ Преславою, нынѣшнимъ Экистамбуломъ, *Доростолской* или *Дристрской*, съ городомъ Доростолемъ, нынѣшнею Силистріей, *Проватской* съ городомъ Провада, *Дебелтской* или *Загорской*, съ городомъ Дебелтомъ, верстахъ въ 20 къ западу отъ Бургаса, и *Брегалницкой* съ городомъ Брегалница, вблизи Велеса и Струмицы. При пресвѣтѣ Гавріилѣ Филиппъ столица царства перешла въ Охридъ, почему сюда была перенесена и кафедрa архіепископская.

Границы Болгарской архіепископшіи подвергались постоянному измѣненію, сообразуясь съ перемѣнами границъ Болгарскаго царства, то разбрасывавшагося во всѣ стороны, то терявшаго одну область за другою.

При царѣ Петрѣ, въ составъ Болгарской архіепископшіи кромѣ прибавленскихъ епархій входили слѣдующія:

1) *Охридская*, съ городами Охрида, Пресла, Кичавъ и Мокръ за западъ отъ Охридскаго озера.

2) *Касторійская*, съ городами Касторія, Курестъ-Горча, Калона (Калонія-Старія) Деволь, Вооза и Моръ.

3) *Гласиницкая*, съ городами Главица, Неашица и Кашине, близъ Авлонь.

4) *Могленская*, съ городами Могленъ (нынѣ не существующимъ, бывшимъ близъ городка Нотья), Просакъ, на Вардаръ, нынѣ Демиръ-Калу), Мирихова (нынѣ Морихова), Сетина, Островъ, въ 20 верстахъ на востокъ отъ Воденъ и Злетовъ.

5) *Битольская*, съ городами Пелагонія (нынѣ Битола), Прилѣтъ, Деврета (можетъ-быть Деври, между Билавой и Прилепомъ) и Велевъ.

6) *Струмичкая*, съ городами Струмица, Радовици, Коча (нынѣ деревня на ЮЗ отъ Радовици и на СВ отъ Струмицы).

7) *Меровицкая*, съ городами Козакъ (нынѣ деревня на ВСВ отъ Прилѣта), Славиче (на Ю отъ Враши), Злетовъ (на СВ отъ Иштиба), Моровица (недалеко на Ю отъ Злетовъ), Луковица (на С отъ Злетовъ), Пьяница (на В отъ Злетовъ), Малешевъ (близъ горы Малешъ).

8) *Вальбуждская*, съ городами Вальбужда (на Ю или на ЮВ отъ Софіи, можетъ-быть Кюстендиль), Султаскъ, Германія (близъ Дубица), Термеръ, Стобъ (нынѣ въ развалинахъ и на В отъ Рыльского монастыря), Ката, Сундаскъ и Разлогъ.

9) *Тригичкая*, съ городами Софія, Перникъ (крѣпость на Ю отъ Софіи по дорогѣ въ Филиппополь), Сиковосъ (можетъ-быть Самаковъ) и Свекалосъ.

10) *Нимская*, съ городами Нитъ, Мокръ, Комплосъ, Теллица (на р. Толлицъ), Сверлицъ (на р. Тимокъ, къ СВ отъ Нитъ).

11) *Враницкая*, съ городами Враница (вѣроятно Враница, при владеніи Млавы въ Дунай), Моравикосъ (при владеніи Моравы въ Дунай), Светеромосъ (вѣроятно Самандра), Гротосъ, Дивичикосъ, Истрагланга, Вродарикосъ.

12) *Българская*, съ городами Българъ (нынѣ Бератъ), Градице (въ 30 верстахъ на Ю отъ Берата), Омдосъ, Главентикосъ и Бѣлая Церковь.

13) *Трапска*.

14) *Скопийская*, съ городами Скопія, Вилеталеъ, Пресмеросъ, Ликова и Прикиносъ.

15) *Приштинская* съ городами Приштена, Хосмосъ (нынѣ Хвостно, на З отъ Приштины), Леаскулицосъ (нынѣ Дѣсковацъ), Врантосъ (можетъ-быть Вранья).

- 16) *Лилейская*, съ городами Лилей (въроятно Митровица).
 17) *Сервийская*, съ городомъ Сервiя.
 18) *Виддинская*, съ городомъ Виддинъ.
 19) *Орейская*, съ городомъ Орея (близь Чуприу).
 20) *Черникская*, съ городомъ Черникъ (въ средней или северной Албани).

21) *Химарская*, съ городомъ Химара (въ южной Албани, на берегу Адриатики, немного выше Корфу).

22) *Адрианопольская*, съ городомъ Адрианополемъ.

23) *Дривнопольская*, съ городомъ Дривнополемъ (недалеко отъ Аргирокастро).

24) *Бутротская*, съ городомъ Бутротъ (въ южной Албани на берегу Адриатики).

25) *Козильская*, съ городомъ Козиль (близь Химары).

26) *Янинская*, съ городомъ Янина.

27) *Петрская*, съ городомъ Петра (между городами Влацколивадо и Катерина).

28) *Стагская* или *Стагонская*, съ городомъ Стагъ (нынѣ Сталкалабакъ, въ средней Эссалии, у горъ Метеорскихъ).

29) *Веррийская*, съ городомъ Верриа.

Затѣмъ, кромѣ этихъ епархiй, въ составъ архіепископiи входили въ теченiе нѣкотораго времени еще слѣдующiя епархiи:

Моравская, съ городомъ Морава (при впаденiи Моравы въ Дунай).

Дебрская, съ городомъ Дибра (нынѣ кафедрa эта въ Кичевѣ).

Малешовская, съ городомъ Малешево (см. выше).

Гревенская, съ городомъ Гревена (на Быстрицѣ, къ СВ отъ Янины).

Дьвольская, съ городомъ Дьволь на югъ отъ Охриды и на СВ отъ Касторiи).

Расская, съ городомъ Расъ (близь Новаго Базара).

Между тѣмъ Болгарское царство, едва успѣвъ достигнуть блестящаго положенiя, стало клониться къ упадку подъ влiянемъ кореннаго порока своего государственнаго устройства. Сдѣлавшись государствомъ, Болгары сохранили инстинкты кочевниковъ и не переставая вести войны съ Византией руководились лишь стремленiемъ расширить предѣлы царства временными захватами городовъ и территорiй, нисколько не ломышляя о прочномъ органическомъ скрѣпленiи ихъ съ государствомъ. Страсть ко временнымъ успѣхамъ заставляла Болгаръ

разбрасывать и непроизводительно тратить свои силы, прелятствуя въ то же время правильному, здоровому росту государственнаго организма. Въ минуту испытанія обнаруживается полное отсутствіе единства въ этомъ обширномъ государствѣ, многоразличные элементы котораго оказываются вовсе чуждыми другъ другу. Благодаря стремленію къ захватамъ, Болгарія, съ одной стороны, потеряла государственную устойчивость, а съ другой, посѣяла сѣмена вражды въ сосѣднихъ славянскихъ племенахъ Сербовъ и Хорватовъ, отзвуки которой сохранились и до настоящаго времени въ тѣхъ неправильныхъ отношеніяхъ, основанныхъ на враждѣ и взаимной зависти кои замѣтны и нынѣ между славянскими племенами Балканскаго полуострова.

Впрочемъ, нельзя не признать что существованіе пропасти между этими послѣдними многимъ обязано разъединяющему влиянію византизма, внесшему въ Болгарское царство ничѣмъ неизлѣчимую деморализацію. Предательство, измѣна, самый мелочной эгоизмъ, отчужденіе народа отъ правящихъ классовъ охваченныхъ грекоманіей и считавшихъ высшимъ удовлетвореніемъ своего самолюбія быть называемыми „полу-Греками“, всѣмъ этимъ Болгары обязаны влиянію Византии.

Ослабленное внутри Болгарское царство рушилось въ 1019 году, подъ жестокими ударами императора Василія II Болгаро-побѣдителя.

Завоеватель, желая примирить съ собою Болгарскій народъ, оставилъ ему самостоятельную церковь и сначала предоставилъ даже самому народу выбрать себѣ архіепископа Болгарина Іоанна, котораго императоръ лишь утвердилъ въ его санѣ, но затѣмъ, какъ ловкій политикъ, Василій II приваля мѣры къ уничтоженію внутренняго значенія Охридской архіепископіи, которою народъ не могъ не дорожить какъ послѣднимъ остаткомъ утраченной свободы.

Независимость церкви представляется народу прежде всего, въ лицѣ низшаго духовенства вышедшаго изъ его же среды, а потому Василій II оставилъ Болгарамъ ихъ собственное приходское духовенство, чѣмъ не мало способствовалъ успокоенію завоеваннаго края подъ византийскимъ владычествомъ. Что же касается высшаго духовенства, то Василій II въ непродолжительномъ времени назначилъ преемникомъ Іоанну

епископа Льва, который и былъ первымъ архіепископомъ Охридскимъ изъ Грековъ. Затѣмъ всѣ высшія мѣста въ духовной іерархіи Болгаріи стали замѣщаться епископами греческаго происхожденія. Такимъ образомъ, съ покоренія царства и до конца XII вѣка Болгарія не имѣла своей народной церкви, такъ какъ церковь ея представляла два враждебные между собою элемента,—первый, народный, состоявшій изъ низшаго приходскаго духовенства, а второй—чуждый, къ которому принадлежали всѣ высшіе церковные сановники, съ архіепископомъ Охридскимъ во главѣ. Всѣ высшія каѳедры были заняты Греками или полу-Греками, отчасти по пристрастію архіепископа, отчасти вслѣдствіе трудности, какъ утверждали Греки, приискать въ то время въ средѣ Болгарскаго народа людей достаточно подготовленныхъ къ обязанностямъ блюстителей церковныхъ порядковъ и охранителей чистоты религіи.

Близкое къ народу, связанное съ его интересами, бѣдное и невѣжественное, отличавшееся отъ него только своею одеждой, приходское болгарское духовенство дѣйствительно не имѣло достаточно умственныхъ силъ чтобы стать руководителемъ народа въ сферѣ національнаго его развитія. При такомъ составѣ духовенства въ которомъ одна часть, образованная, набиравшаяся изъ Грековъ, враждебно относилась къ славянской національности, а другая, хотя и тѣсно связанная съ народомъ, соболѣзновавшая его нуждамъ, но сама невѣжественная, не только не могла направлять національное развитіе народа, но и дать этому развитію толчокъ,—при такомъ духовенствѣ Византіи нечего было опасаться независимой болгарской церкви, и вотъ почему императоръ Василій II не считалъ нужнымъ посягнуть на ея самостоятельность.

Въ то время когда болгарскіе бояре, соревнуя другъ предъ другомъ въ усвоеніи византійскихъ нравовъ, проводили пріятную жизнь въ столицѣ и иныхъ большихъ городахъ имперіи, народъ цѣлыми толпами убѣгалъ въ лѣса и горы ища отвоевать національную независимость. И вотъ въ концѣ XII вѣка образуется второе Болгарское царство.

Такъ какъ Охрида оставалась подъ властію Византіи, то основатели царства Петръ и Асѣвъ, озабочившіеся и о церковной самостоятельности, поставили архіепископскую

каедру въ Тырновѣ, около 1185 года, безо всякаго предварительнаго о томъ соглашенія съ Константинопольскимъ патриархомъ.

Желая быть признаннымъ сосѣдами въ титулъ короля, царь Калоянъ, будучи въ разрывѣ съ Византіею и ея патриархомъ, обратился къ другому раздавателю титуловъ, папѣ Римскому, вошелъ въ сношеніе съ папою Иннокентіемъ III, и въ 1204 году, признавъ его главенство, былъ вѣнчанъ королевскимъ вѣнцомъ, а архіепископъ Тырновскій былъ назначенъ примасомъ Болгаріи.

Достигши желаемаго, Болгары разорвали союзъ съ Римомъ и стали сближаться съ Византіею.

Асѣнъ II, соглашаясь на бракъ дочери своей съ сыномъ императора Иоанна Дуки Ватоцеса, поставилъ непремѣннымъ условіемъ признаніе Византіею Болгарскаго патриархата, что и было приведено въ исполненіе въ 1234 году, когда послѣ торжественнаго собора въ Лампсакѣ архіепископъ Тырновскій Іоакимъ былъ признанъ Болгарскимъ патриархомъ, на что, по болгарскимъ источникамъ, было исполнено предварительное согласіе патриарховъ Іерусалимскаго, Антиохійскаго и Александрійскаго.

Возстановленный Болгарскій патриархатъ имѣлъ характеръ вполнѣ народный. Какъ Тырновскій патриархъ, такъ и епископы были поставляемы исключительно изъ Болгаръ.

Наибольшее число епархій Болгарскій патриархатъ имѣлъ при Асѣнѣ II, когда въ составъ его входили: архіепископія Охридская, митрополія Солуньская со своими епископіями, всѣ Фракійскія епархіи Константинопольскаго патриархата, начиная съ Серрской и кончая Адрианопольскою, и въ нынѣшней Сербіи епархія Браничевская и Бѣградская. Что же касается отношеній между іерархіями Болгарскою и Греческою, то они были всегда холодныя, натянутыя, а иногда переходили въ прямой разрывъ.

Между тѣмъ, широкимъ потокомъ разливалось по Балканскому полуострову могущество новой военной державы сокрушившей второе Болгарское царство.

17 іюля 1393 года, со взятіемъ Тырнова, Турками былъ упраздненъ Болгарскій патриархатъ и самъ патриархъ Евфимскій сосланъ въ заточеніе. Въ данномъ случаѣ Турки измѣнили своей обыкновенной политикѣ оставлять все въ

томъ видѣ въ какомъ они что находили, и не вмѣшиваться въ духовную жизнь покоренныхъ народовъ. Поэтому-то въ дѣлѣ уничтоженія болгарской церковной самостоятельности нельзя не видѣть дѣла рукъ Константинопольскаго патріархата, который пустилъ въ ходъ всевозможныя средства и интриги и добился отъ Турокъ закрытія Тырновской патріаршей кафедрѣ и подчиненія подвѣдомыхъ ему епархій всеаевскому престолу.

Опираясь на посохъ вышелъ послѣдній патріархъ изъ столицы Болгарскаго царства. Большая толпа другихъ изгнанниковъ обоого пола и всѣхъ возрастовъ съ грустью и плачемъ сопровождала его. Многіе рѣшили оставить свой домъ чтобы раздѣлать судьбу изгнанника. Но по переходѣ черезъ Балканы послѣдовалъ приказъ патріарху отдѣлаться отъ своихъ согражданъ, имѣвшихъ отправиться въ Малую Азію. Разставаніе было трогательное: вмѣстѣ съ этимъ изгнанникомъ улетало послѣднее достояніе болгарской вольности; удаляющійся патріархъ представлялся имъ въ видѣ уходящей отъ нихъ свободы. Люди его провожавшіе преклонялись у ногъ его, дѣловали его руки, ломи его одежды, рвали траву съ того мѣста на которомъ онъ стоялъ, называли его отцомъ своимъ. Прощаясь, послѣдній Тырновскій патріархъ Евфимій наставлялъ Болгаръ быть твердыми въ христіанской религіи, и долго еще, пока можно было видѣть его, благословлялъ народъ.

Такимъ образомъ, Болгары въ 1393 году утратили свою народную церковь. Но Охридскій архіепископъ сохранилъ до 1767 года свою автокефальность.

Мы упоминали что съ паденіемъ перваго Болгарскаго царства архіепископія эта въ не долгій промежутокъ времени превратилась изъ болгарской въ греческую, со всѣмъ высшимъ духовенствомъ изъ Грековъ. И тѣмъ не менѣе она продолжала быть автокефальною.

Дѣло въ томъ что въ концѣ XII вѣка утвердилось мнѣніе что Охрида и есть то селеніе Таврезій, гдѣ родился императоръ Юстиніанъ и на мѣстѣ котораго онъ построилъ великолѣпный городъ Первую Юстиніану, учредивъ въ то же время, въ 535 году, автокефальную архіепископію Первой Юстиніаны и даровавъ главѣ этой послѣдней особо важныя права и преимущества, и что слѣдовательно архіепископія Охридская, какъ архіепископія Юстиніаны Первой, должна

существовать какъ учрежденная однимъ изъ древнихъ императоровъ.

Но сходство границъ Охридской архіепископіи съ архіепископіей Первой Юстиніаны только случайное. По послѣднимъ изысканіямъ, Таврезій былъ на мѣстѣ нынѣшняго Кюстендила; самый городъ Перваа Юстиніана былъ разрушенъ въ VI столѣтіи Аварами, и автокефалія ея уничтожилась сама собою по крайней мѣрѣ въ 691 году. VI вселенскій соборъ, утвердивъ преимущества престоловъ Константинопольскаго, Александрійскаго, Антиохійскаго, Иерусалимскаго и архіепископа Кипрскаго, ни однимъ словомъ не упоминаетъ объ архіепископіи Юстиніаны Первой.

Отъ Грековъ Охридская архіепископія переходила вѣдѣнь къ государямъ Болгаріи и Сербіи, но и они, уважая права предпологавшейся Первой Юстиніаны, не дерзали посягать на ея самостоятельность.

Мысль объ уничтоженіи Охридской автокефаліи, впрочемъ, не исчезала. Первые попытки Константинопольскихъ патріарховъ подчинить себѣ Охридскую архіепископію были неудачны. Пока существовала Византія, ее охраняло благоговѣніе къ памяти Юстиніана. По взятіи Константинополя обаяніе исчезло; но Турки, вопервыхъ, любили оставлять дѣла въ томъ положеніи въ какомъ заставали, воторыхъ, съ архіепископовъ они получали ту же подать что и съ патріарховъ Константинопольскихъ, а слѣдовательно имъ пріятнѣе было получать двѣ подати вмѣсто одной, и на конецъ мѣстные турецкіе чиновники принимая рѣшительное участіе въ выборахъ архіепископа и епископовъ имѣли благодаря тому источникъ постояннаго дохода, а потому и были предъ Портой самыми горячими защитниками автокефаліи архіепископіи. Лишь въ XVIII столѣтіи, когда Греки приобрѣли большое вліяніе въ Портѣ, захвативъ въ свои руки важное въ то время мѣсто перваго драгомана и когда князей Молдавіи и Валахіи стали назначать исключительно изъ Фанаріотовъ, лишь тогда Греки смогли, при извѣстномъ своею ученостью, твердостью характера и дипломатическими и административными способностями патріархъ Самуилъ I, подчинить себѣ, въ 1767 году, архіепископію Охридскую. Архіеписколъ Охридскій Арсеній вынужденъ былъ самъ съ подчиненными ему епископами просить о принятіи вѣрноподданной ему архіепископіи подъ власть Константинопольскаго

патріарха. 16 января архіепископъ Арсеній подписалъ отреченную грамоту, и всѣ подчиненные ему епископы ото всего своего собора подали Турецкому правительству просьбу, въ которой, указывая на крайне бѣдственное положеніе дѣлъ въ ихъ автокефальной архіепископці, умоляли присоединить ее къ церковному округу Константинопольскаго патріарха, въ надеждѣ что подъ управленіемъ вселенскаго первосвященника состояніе ея улучшится.

Прибавимъ что начиная съ 1019 по 1767 всѣ архіепископы Охридскіе, за исключеніемъ утвержденного Василиемъ II Иоанна и архіепископовъ времени Асѣна II, постоянно были изъ Грековъ, а не изъ Болгаръ. Въ послѣдній періодъ при владычествѣ Турокъ, Охридскій престолъ занимали иногда Болгары или Сербы, но это были единицы мелькавшія между десятками Грековъ. Къ тому же архіепископы эти по всей вѣроятности были изъ Болгаръ огречившихся, такъ какъ при постоянномъ рѣшительномъ преобладаніи на каеедрахъ діоцеза архіереевъ Грековъ могли добиваться отъ нихъ избранія въ архіепископы только Болгары эллинофилы.

Въ этотъ періодъ архіепископы представляли печальное зрѣлище непрерывнаго дѣйствія интригъ и подкуловъ и непрестанной смѣны однихъ искателей престола другими.

II.

Черными чертами изображенъ въ греческихъ лѣтописяхъ 1453 годъ, когда палъ Константинополь, когда рушилась Византійская имперія, уступивъ мѣсто ордѣ завоевателей, воцарившемуся братству Ислама. Взятіе Константинополя произвело общее оцѣпленіе. Несчастіе это поражало всѣ древнія области Византійскаго царства. Въ Морѣѣ, на островахъ Архипелага, все бѣжало не зная куда направить свои стопы. Море было покрыто судами увозившими греческія семейства, греческія богатства. Бѣгство это, по словамъ лѣтописцевъ, походило на бѣгство Евреевъ послѣ взятія Иерусалима. Но вскорѣ тотъ самый завоеватель имя котораго наводило всеобщій ужасъ пригласилъ разбѣгавшихъ Грековъ возвратиться въ Царьградъ, обѣщая имъ неприкосновенность ихъ имущества и свободное отправленіе ими ихъ религіи. Онъ пошелъ даже дальше на пути своихъ уступокъ и милостей

любѣжденнымъ: онъ созвалъ всѣхъ духовныхъ и мирянъ, какіе только были въ Константинополѣ, для избранія патріарха по древнимъ обычаямъ. Магометъ II лично присутствовалъ при церемоніи, пожаловалъ вновь избранному патріарху пастырскій жезлъ осыланный брилліантами и передалъ ему знаменитый берать (грамоту), не только подтверждающій, но даже увеличивающій права и преимущества которыми онъ пользовался при византійскихъ императорахъ.

Тотъ же берать опредѣлялъ условія политическаго существованія Грековъ подъ владычествомъ султановъ.

Они сохранили за собою свои церкви, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ, право свободнаго богослуженія и самоуправленія, образуя изъ себя такимъ образомъ обширную и совершенно отличную отъ завоевателей общину, во главѣ которой находится патріархъ со своимъ синодомъ. Всѣ дѣла гражданскія и бракоразводныя вѣдались судомъ составленнымъ изъ высшихъ духовныхъ сановниковъ, который могъ приговаривать виновныхъ къ тюремному заключенію, къ наказанію плетками, къ галерамъ и т. л. Всѣ высшія турецкія власти обязаны были содѣйствовать приведенію въ исполненіе рѣшеній патріарха равно какъ и епархіальныхъ епископовъ.

Синодъ былъ верховнымъ совѣтомъ Грековъ: онъ управлялъ доходами церкви и народа. Каждый архіерей въ своей епархіи имѣлъ такія же права, и наконецъ приходскіе священники вѣдали всѣ гражданскія дѣла своихъ прихожанъ.

Кромѣ того, каждая община народа образованнаго Турками изъ христіанъ подъ общимъ наименованіемъ *руль миллетти* имѣла свое самоуправленіе, причемъ правящія ея лица выборныя отъ общины главною своею обязанностію имѣли распредѣленіе между жителями государственныхъ налоговъ.

Ноне одни Греки были подчинены бератомъ Магомета II Константинопольскому патріарху. Не дѣлая никакого различія между народностями подвластными ихъ власти, Турки подчинили духовной и свѣтской власти патріарха всѣхъ исповѣдывавшихъ православную вѣру. Слѣдствіемъ такого порядка было то что рядомъ съ чисто-военною властью султана возникла въ Константинополѣ другая законная власть обнимающая всю имперію и которая, кромѣ духовной власти, имѣла еще и судебную.

При такомъ неожиданномъ поворотѣ дѣлъ, воскресли

надежды Грековъ и возникла ихъ „великая идея“ состоящая въ томъ чтобы эллинизацией народовъ Балканскаго полуострова способствовать приливу новыхъ, живительныхъ соковъ въ нѣсколько ослабѣвшее духовно племя Грековъ, изгнать затѣмъ изъ Европы Турокъ и на развалинахъ мусульманскаго государства основать сильную Греческую имперію, которая и объединила бы всѣ національности полуострова.

Понятно что при такой постановкѣ вопроса Греки съ недовѣстностью должны были относиться ко всякому народу который могъ бы явиться опаснымъ противникомъ въ осуществленіи заветныхъ ихъ мечтаній.

Болгары, издавна оспаривавшіе у Византіи владычество надъ Балканскимъ полуостровомъ, были именно такимъ противникомъ, а потому очень естественно что патріархатъ, какъ представитель греческой идеи, направилъ всѣ свои усилія къ уничтоженію болгарской народности.

Сознавая свое безсиліе противопоставить матеріальными средствами развитію болгарской народности, Греки избрали религію тѣмъ духовнымъ орудіемъ при помощи котораго они надѣялись затормозить ходъ національнаго самосознанія народа.

Борьба для патріарховъ Константинопольскихъ тѣмъ была легче что положеніе ихъ по отношенію къ Туркамъ все болѣе укрѣплялось. Хотя Восточная православная церковь, сообразуясь съ апостольскими правилами, признаетъ полную церковную независимость каждаго патріархата другъ отъ друга относительно іерархическихъ правъ, тѣмъ не менѣе, пользуясь своимъ исключительнымъ положеніемъ предъ Турками, вселенскіе патріархи, кромѣ многихъ примѣровъ вмѣшательства во внутреннія дѣла другихъ патріаршествъ, сумѣли стать къ послѣднимъ въ какія-то начальственныя отношенія.

Сначала патріархи вселенскіе оправдывали поплзновенія свои на прямое вмѣшательство въ дѣла неподвластныхъ имъ церквей законами Византійскихъ императоровъ Льва и Константина, институтами, дигестами и новеллами Юстиніана Великаго, въ которыхъ есть намеки о первенствующемъ значеніи вселенскаго патріарха не только по почету, но и въ дѣлахъ церковныхъ.

Вотъ краткая выборка изъ этихъ постановленій о патріархахъ:

„Константинопольскій престолъ (патріаршія) по важности царскаго пребыванія синодальными постановленіями признавъ первымъ. Согласно съ симъ и божественные (церковные) законы предписываютъ чтобы споры (или недоразумѣнія) бывающіе въ другихъ патріаршествахъ относимы были къ его разбирательству и сужденію.

„Управленіе всѣми митрополіями, епископіями, монастырями и церквами и полеченіе о нихъ, равно и судъ, осужденіе или оправданіе, предоставлены ихъ собственному патріарху; Константинопольскому же предсѣдателю позволено и въ епархіяхъ другихъ престоловъ давать ставрологіи тамъ гдѣ не было прежде освященія храма; равнымъ образомъ разсматривать и исправлять бывающіе у другихъ престоловъ споры (или недоразумѣнія) и оканчивать судъ.“

Затѣмъ, когда царь Алексѣй Михайловичъ послалъ въ Константинополь іеродіакона Мелетія съ вопросомъ какъ поступить съ патріархомъ Никономъ по его беззаконностямъ, вселенскій патріархъ отвѣчалъ, между прочимъ, что на Никона можетъ быть подана жалоба престолу Константинопольскому и что право верховнаго суда хотя дано лишь Римскому папѣ, но такъ какъ послѣдній по гордости и злонамѣренности отлученъ отъ католической церкви, то означенное право перенесено къ патріарху Константинопольскому, какъ патріарху новаго Рима.

Что же касается Турокъ, то при паденіи Византіи они имѣли очень смутное попятіе о патріархахъ Александрійскомъ, Іерусалимскомъ и Антиохійскомъ. Лишь по завоеваніи Сиріи, Палестины и Египта султаномъ Селимомъ I, Турецкое правительство было вынуждено опредѣлить положеніе Антиохійской, Іерусалимской и Александрійской патріархій по отношенію къ новой политической власти. При этомъ посредникомъ между ними и Портой явился всеелескій патріархъ, услѣвший заслужить довѣріе Турецкаго правительства и ставшій уже твердою ногой на почвѣ главнаго блюстителя интересовъ Восточной церкви, благодаря чему ему и удалось закрѣпить за собой исключительное право, которымъ онъ пользуется и до настоящаго времени, обращаться въ Порту съ представленіями для вытребованія султанскихъ бератовъ на признаніе въ своемъ санѣ патріарховъ Антиохійскихъ, Іерусалимскихъ и Александрійскихъ.

Пользуясь такимъ завиднымъ положеніемъ даже по

отношенію къ другимъ независимымъ восточнымъ церквамъ, Константинопольскій патріархъ съ тѣмъ большею легкостью могъ наложить свою руку на Болгарскій народъ. Какъ единственный посредникъ между Турецкимъ правительствомъ и подвластными ему христіанскими народами Балканскаго полуострова, онъ имѣлъ полную возможность убѣдить Порту и султана что попытка возстановленія Тырновскаго патріархата есть результатъ своеволія руководящей партіи Болгарскаго народа и представляютъ собою стремленіе къ церковному расколу, который при дальнѣйшемъ своемъ существованіи можетъ вызвать непріятныя и для правительства политическія послѣдствія.

Чтобы народъ признавалъ себя единымъ, живымъ цѣлымъ, словомъ, народомъ, необходимо чтобъ онъ имѣлъ для себя одинъ общій центръ, одно общее знамя его объединяющее. Утративъ вмѣстѣ съ царствомъ и патріаршествомъ, Болгары потеряли свой связующій центръ и не имѣя никакого органа чрезъ который могли бы быть высказываемы народныя нужды и желанія, они перестали признавать себя единымъ народомъ подѣ своимъ общенароднымъ верховнымъ пастыремъ и совершенно подчинились вліянію греческому. Фанариотскіе епископы, заручившись поддержкой Турецкаго правительства, сдѣлались полновластными хозяевами въ болгарскихъ епархіяхъ: славянское богослуженіе стало мало-по-малу замѣняться греческимъ, во всѣхъ значительныхъ городахъ были открыты греческія училища, преподаваніе болгарскаго языка повсемѣстно преслѣдовалось. Въ то же время тяжело легъ на Болгаръ гнетъ матеріальный. Греческіе епископы приобрѣтали во вселенскомъ патріархатѣ локулкой ту или другую болгарскую епархію и разумѣется возвращали себѣ уплаченныя деньги усиленными поборами со своей же паствы, которая равнымъ образомъ должна была содѣйствовать образованію капитала епископу на черный день, на дѣвъ смѣщенія съ кафедры—случайность тѣмъ болѣе частая, чѣмъ данная епархія бывала выгоднѣе.

Фанариоты стремились стереть болгарскую народность съ лица земли не мечомъ, который перешелъ къ Туркамъ, а путемъ духовнаго порабощенія народа, путемъ его обезличенія, для чего постарались уничтожить, всѣ памятники которые могли бы способствовать пробужденію болгарскаго самосознанія. Въ подтвержденіе этого мнѣнія

достаточно привести нѣсколько примѣровъ изъ вышшаго столѣтїа.

Въ 1823 году Софійскій митрополитъ Іоакимъ, узнавъ что въ одной изъ деревень близъ Берковицы хранятся древнїе болгарскїе сборники и изображенїа святыхъ, приказалъ крестьянамъ сжечь или зарыть въ землю всѣ эти предметы, угрожая что въ противномъ случаѣ онъ не вступитъ къ нимъ въ деревню. Желанїе его было исполнено, и лишь три рукописи были случайно спасены мѣстнымъ священникомъ, Болгаривомъ родомъ.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ въ Зографской обители на Аѳонѣ масса славянскихъ рукописей была истреблена и брошена въ море; въ Ватопедскомъ монастырѣ ими топили хлѣбныя печи; то же дѣлали Сересскій монастырь и игуменъ монастыря Св. Наума, Діонисїй.

Въ сороковыхъ годахъ, Шуменскій епископъ при освященїи церкви въ Туль приказалъ зарыть въ яму древнїа болгарскїа рукописи; то же сдѣлаво съ рукописями найденными въ Эски-Загрѣ.

Въ Тырновѣ митрополитъ Неофитъ велѣлъ сжечь всѣ найденныя имъ болгарскїа рукописи до XIV столѣтїа. Но такъ какъ нѣкоторыя рукописи спаслись отъ участи постигшей большую ихъ часть и то случайно, то новый митрополитъ Иларїонъ, открывъ секретное книгохранилище гдѣ находились эти остатки болгарской письменности, сжегъ ихъ, тщательно выбравъ предварительно греческїа рукописи.

Подъ удручающимъ влїанїемъ Фанарїотовъ и Турокъ заглохъ Болгарскїй народъ и навсегда, казалось, отрекся отъ мысли о лучшей политической будущности, тѣмъ болѣе что и всѣ высшіе его слои или были истреблены завоевателями, или же перешли на сторону Грековъ. Но сознанїе о своей народности сохранилось въ темной массѣ Болгаръ и идея свободы отличалась такою живучестью что никакія казни не могли подавить ее въ конецъ. Даже 500лѣтнее турецкое владычество оказалось безильнымъ въ борьбѣ съ этою идеей, которая при всей подавленности Болгарскаго народа давала о себѣ знать отдѣльными взрывами возстанїа.

III.

Обративъ все свое вниманіе, всѣ свои заботы на военное устройство государства, Турки пренебрегли другими сторонами государственной жизни и въ среду разноплеменныхъ подвластныхъ имъ народовъ не внесли твердаго начала политическаго общежитія; они не слотили эти народы, не захотѣвъ довать себѣ головы надъ создаваемъ для нихъ новыхъ формъ при которыхъ они сознавали бы себя гражданами одного и того же государства связанными между собою общими интересами. Турки поставили въ Европѣ свой военный станъ и были очень довольны что при посредствѣ его могли поддерживать механическую связь между завоеванными ими народами. Болгары, Греки, Сербы и проч. и послѣ завоеванія ихъ Турками продолжали жить своею особною народною жизнью и, конечно, должны были предъявить свои требованія на самостоятельность при малѣйшемъ ослабленіи той военной силы которая держала ихъ въ искусственномъ соединеніи.

Попытки мятежныхъ шаекъ къ политической автономіи, имѣвшія нерѣдко временный успѣхъ, оказали громадное вліяніе на отношенія христіанскихъ народностей Балканскаго полуострова къ турецкому владычеству. Онѣ раскрыли предъ христіанами слабость его и расшатанность и въ сознаніи ихъ утвердили мысль о возможности борьбы за независимость, онѣ послужили школой, въ которой христіане приучились драться съ Турками, такъ какъ инсurreкціонныя отряды шаекъ набирались не только изъ мусульманъ, но и изъ христіанъ, причемъ на религію обращалось столь мало вниманія что Али-паша Телелевскій, заключая союзъ съ христіанскими племенами Албаніи, клялся надъ Евангеліемъ, а тѣ надъ Кораномъ.

Первыя христіанскія возстанія имѣли характеръ отдельныхъ попытокъ. Важншія событія обобщили ихъ. Эти событія сводятся главнымъ образомъ къ австро-русскимъ отношеніямъ къ Турціи.

Россия и Австрія, стремясь къ турецкимъ морямъ, нашли удобнымъ для себя пользоваться броженіемъ общественныхъ элементовъ Турціи.

Несмотря на свою отдаленность и отрѣзанность отъ Турціи, издавна начались сношенія православной Россіи съ восточными патріархами, ограничивавшіяся сначала просьбами этихъ послѣднихъ о денежной помощи угнетаемымъ христіанамъ; но къ нимъ скоро стали примѣшиваться надежды иного рода, выставлявшія Московскихъ царей какъ государей всѣхъ православныхъ. Подобныя отношенія не могли не вращаться Московскимъ государямъ, такъ какъ увеличивали ихъ значеніе, и потому они принимали очень благосклонно обращенія и просьбы патріарховъ, стараясь помогать имъ деньгами и соболями и явно высказывая свое къ нимъ сочувствіе и увѣренность въ скорой перемѣнѣ ихъ пригнетеннаго положенія.

Въ 1557 году царь Иванъ Васильевичъ Грозный пишетъ грамоту патріарху Іосафу съ просьбой о благословеніи его на царское вѣнчаніе и въ концѣ говоритъ: „И мы желательнo желаемъ дабы и вы отъ Бога получили милость, какъ чашу исполненную растворенія, и избавились во дни сіи отъ томительства богохульныхъ; и мы о томъ услышавъ возрадуемся и принесемъ побѣдную лѣсану Богу, во славу и честь Его имени.“

Соборная грамота вселенскаго патріарха 1561 года признаетъ царскій титулъ Ивана Васильевича и называетъ его „государемъ нашимъ“. Въ другой грамотѣ они называютъ его „царемъ и государемъ православныхъ христіанъ всей вселенной отъ востока до запада и до океана, надеждою и упованіемъ всѣхъ родовъ христіанскихъ; мы же воздвигни руки молимъ Всевышняго да возвыситъ оныя руку царя и да избавитъ повсюду всѣ христіанскіе роды отъ скверныхъ варваръ, сыродавныхъ и страшныхъ азычниковъ Агарянъ“.

Первое письменное сношеніе Московскихъ царей непосредственно съ Болгаріей уломинаемое въ лѣтописи, это двѣ проѣзжія грамоты данныя въ 1558 году царемъ Иваномъ Грознымъ старцамъ Рыльскаго монастыря Св. Іоанна для сбора милостыни по Россіи.

Съ теченіемъ времени патріархи вселенскіе уже прямо приглашаютъ Русскихъ государей ко вмѣшательству въ турецкія дѣла.

Въ 1688 году патріархъ Константинопольскій пишетъ царямъ Петру и Іоанну Алексѣевичамъ: „Всякія государства и власти благочестивыхъ королей и князей православныхъ всѣ вмѣстѣ возстали на антихриста, воюютъ на него сухимъ

путемъ и моремъ, а царство ваше дремлетъ. Всѣ благочестивые святаго вашего царствія ожидаютъ, Сербы и Болгары, Молдаване и Валахи; возстаньте, не дремлите, придите спасти насъ“.

Въ то же время господарь Валахскій Кантакузевъ и патриархъ Сербскій Арсеній говорятъ: „и будетъ путь Русскихъ до Царьграда безъ помѣшки“. Государи отвѣчали что сначала надо съ Крымомъ покончить, а потомъ уже думать о походѣ за Дунай, но что и они имѣютъ о всѣхъ православныхъ христіанахъ живущихъ подъ игомъ поганскимъ полеченіе неотмѣнное.

Не довольствуясь упрашиваньями, восточные іерархи въ грамотахъ своихъ къ Московскимъ царямъ прибѣгали даже къ насмѣшкамъ чтобы побудить ихъ на войну съ Турками. Такъ Іерусалимскій патриархъ Досифей пишетъ въ 1696 году по тому поводу что Русскіе не сдержали Татаръ: „Турки за то никакой благодарности вамъ не воздаютъ, потому что, думать надобно, доброта ваша отъ неразумія... Теперь такое благополучное время, и вы не радѣете... васъ ни во что ставятъ, смотрите какъ смѣются надъ вами, ко всѣмъ государямъ послали грамоты что воцарился новый султанъ, а къ вамъ не пишутъ ничего. Татары—горсть людей и хвалятся что берутъ у васъ дань, а такъ какъ Татары турецкіе подданные, то выходитъ что и вы турецкіе подданные. Много разъ вы хвастались что хотите сдѣлать и то, и другое, и все оканчивалось одними словами, а дѣла не явилось никакого.“

Нѣсколько уже окрѣпшая Россія съ XVIII столѣтія открыто принимаетъ на себя роль защитницы православныхъ христіанъ въ Турціи, безъ различія ихъ народностей, и съ того времени начинается рядъ сильныхъ ударовъ наносимыхъ одрабѣвшей имперіи Османливъ.

Понятія о различіи національностей Балканскаго полуострова были очень смутны у Московскихъ царей и сивались въ одномъ общемъ имени православныхъ, и это-то имя наплевала Россія на своихъ знаменахъ.

Начиная въ 1711 году войну съ Турками, Петръ I, дабы подячь христіанъ Адриатическаго побережья, посылаетъ Милорадовича съ воззваніемъ въ которомъ приглашаетъ всѣхъ на войну за вѣру и оканчивается: „ибо мы себѣ иной славы не желаемъ токмо да возможемъ тамошніе христіанскіе народы

отъ тиранства поганскаго освободить, православныя церкви тамо украсить и животворящій Крестъ возвысить. Итакъ, если будетъ всякій по возможности трудиться и за вѣру воевать, то имя Христово прославится наивяще и поганина Магомета наследники будутъ прогнаны въ старое ихъ отечество пещи и стелы арабскіе.“ Хотя Прутскій походъ и кончился неудачей, тѣмъ не менѣе война имѣла огромное значеніе; благодаря ей увеличились связи соединявшія Русскихъ съ христіанами Балканскаго полуострова. Они имѣли случаи взаимно побрататься оружіемъ, такъ какъ Сербы, Черногорцы, Молдаване и Валахи сотнями вступали въ русскую армію.

Болѣе близкое знакомство съ христіанскими народами Балканскаго полуострова открыло Русскимъ глаза на многіе недостатки этихъ послѣднихъ. Въ этомъ отношеніи любопытны донесенія Вешнякова и графа Орлова.

Первый изъ нихъ, бывшій нашимъ посланникомъ въ Царьградъ, пишетъ въ 1735 году, побуждая къ продолженію войны противъ Татаръ: „такъ какъ теперь самое полезное время не только къ сломленію звѣрскаго гордости, но и къ окончательному испроверженію всего этого беззаконнаго союзнца“, и затѣмъ: „здѣшніе константинопольскіе Греки большею частью бездѣльники, ни вѣры, ни закона, ни чести не имѣющіе, ихъ главный интересъ деньги и ненавидятъ насъ больше самихъ Турокъ, но Греки областные и еще больше, Болгары, Валахи, Молдаване и другіе такъ сильно заботятся объ избавленіи своемъ отъ турецкаго тиранства и такъ сильно предады Россіи что при первомъ случаѣ жизни не пожелаютъ для В. И. В. какъ уловаемую избавительницу.“

Графъ же Орловъ, въ 1770 году, во время Морейской экспедиціи, не щадитъ красокъ для очерненія и областныхъ Грековъ, расхваленныхъ Вешняковымъ: „здѣшніе народы, говоритъ онъ, лживы, обманчивы, вѣлостоянны, дерзки и трусливы, лакомы къ деньгамъ и добычѣ, такъ что ничто удержать не можетъ ихъ къ сему стремленія. Легковѣріе и вѣтренность, трепеть отъ имени Турокъ суть не изъ послѣднихъ также качествъ нашихъ единовѣрцевъ. Законъ исповѣдуютъ едиными только устами, не имѣя ни слабаго начертанія въ сердцѣ добродѣтели христіанскія. Привычки жизни вести въ раслуствѣ (т. е. раслущенности), ненавидящіе всякаго цорядка и не зная какимъ способомъ приступить къ

оному, пребываютъ ежечасно въ снѣтени духа. Работно и уже правленія турецкаго на нихъ належающа, въ которыхъ они родились и выросли, такъ и грубое невѣжество обладаетъ ихъ.“

Несмотря на такіе отзывы, сознаніе собственныхъ выгодъ и желаніе защитить православіе побуждали Россію сличивать христіанскіе нареды Турціи, еликомъ слабыя, чтобы дѣйствовать самостоятельно, въ одно цѣлое, прикрытое знаменемъ православія. Въ наказѣ Екатерины II графу Орлову при отправленіи въ Морейскую екселедцію говорится: „Да будете первымъ верховнымъ вашимъ попеченіемъ приводить всѣ тамошніе народы или большую ихъ часть въ тѣсное между собою единомысліе и согласіе видовъ и кривеста и къ яснымъ убѣжденіямъ соборвенно или взаимной пользы и надежды общаго всѣхъ освобожденія отъ неспособнаго ига невѣрствъ, особливо же равнью всѣхъ православныхъ христіанъ обязанностью защищать св. церковь и самое благочестіе.“

Въ то же время графъ Орловъ долженъ былъ распространять сѣдующее воззваніе, въ которомъ уже пресѣчается желаніе Россіи побудить не только Грековъ, но и Славянъ, къ возвращенію ихъ бывшей независимости.

„Божією милостію мы Екатерина II и пр. объявляемъ всѣмъ греческимъ и славянскимъ народамъ православнаго исповѣданія какъ на твердой землѣ, такъ и на островныхъ Архипелага обитающимъ. Крайняго сожалѣнія достойно состояніе древностию и благочестіемъ знаменитыхъ сихъ народовъ, въ какомъ они нынѣ находятся подъ игомъ Порты Оттоманской. Овоиственныя Туркамъ жестокость и немилость ихъ къ христіанству, законамъ магометанскимъ предавая, стремятся совокупно ввергать въ бездну злоключеній въ разсужденія души и тѣла христіанъ живущихъ не только въ подданствѣ и порабощеніи ихъ, но и въ соседствѣ уже, або злочестіе Агарянъ, не зная другаго себѣ обузданія кромѣ страха, не находило по сю пору никакого. Порты Оттоманская, по обыкновенной ея злобѣ къ православнои церкви нашей, вида старанія употребляемыя за вѣру и законъ нашу, который мы тщались въ Польнѣ привести въ утвержденныя трактатами древняго ея преимущества, кои по временамъ у него насильно похищены были, дыша мщеніемъ, презрѣвъ всѣ права народныя и самую истину, за то только одно, по овоиственному ей вѣроломству, разруша заключенный съ

нашею Имперіей въ чужій миръ, немало несправедливѣйшую и безо всякой законной причины противъ насъ войну и тѣмъ убѣдила и насъ нынѣ употребить дарованное намъ отъ Бога оружіе. И сіе есть то самое время въ которое христіане подъ игомъ ея стѣнатище еще большее почувствуютъ угнетеніе. Соображая горестное благочестивыхъ сыновъ церкви Божіей состояніе, пріемлемъ мы нынѣ во всемілостивѣйшее разсужденіе и желаемъ сколько возможно избавленію ихъ и отрадѣ споспѣшествовать. Остается только чтобы при производимыхъ нашими арміями военныхъ дѣйствіяхъ и они сами содѣйствовать потщились. Увѣщаемъ всѣхъ ихъ вообще и каждый особенно полезными для нихъ обстоятельствами настоящей войны воспользоваться къ сверженію ига и къ приведенію себя попрежнему въ независимость, ополчаясь гдѣ и когда будетъ удобно противъ общаго всего христіанства врага и стараясь возможный вредъ ему причинять и чрезъ то общему благу дѣлу воспоспособствовать и собственному своему жребію котораго прочность и на предбудущія времена свято и ненарушимо утвердится при заключеніи съ Портою Оттоманскою мира, когда высокохвальный непріятель принужденъ будетъ жекать оного отъ насъ. Наше удовольствіе будетъ величайшее видѣть христіанскія области изъ лютоснаго порабощенія избавляемыя и народы руководствомъ нашимъ вступающіе въ сады своихъ предковъ, къ чему мы и впередъ всѣ средства подавать не отречемся, дозволяя имъ наше покровительство и милость для сохраненія всѣхъ тѣхъ выгодностей которыя они своимъ храбрымъ подвигомъ въ сей нашей войнѣ съ вѣроломнымъ непріателемъ одержать.“

Нельзя оспаривать благотворныхъ послѣдствій какія оказала Россія постоянная поддержка на Востокъ православія; благодаря ей вліяніе наше со времени Петра Великаго постоянно возрастало. Въ прошломъ и въ началѣ нынѣшняго столѣтія роль наша была проста, дѣятельность могла проявляться въ формахъ наименѣе сложныхъ. Для христіанскаго раи-вса гражданская жизнь со всѣми ея правами и обязанностями обуславливалась его вѣроисповѣданіемъ. Онъ несъ на себѣ всю тягость турецкаго ига за свою вѣру и отъ той же вѣры чаялъ своего освобожденія въ будущемъ. Всѣ интересы христіанскихъ народовъ Балканскаго полуострова: народное образованіе, поддержаніе общинаго начала, нравственное единство, все сосредоточивалось

въ рукахъ духовенства, находившаго опору въ общеніи съ православно-русскою церковью. Вселенскій патріархъ являлся единственнымъ запятникомъ христіанъ Турціи предъ ненавистнымъ имъ правительствомъ и онъ же являлся единственнымъ представителемъ ихъ интересовъ предъ вѣшнимъ міромъ. Идеи о національностяхъ еще почти не существовало. Рѣзко отащались одна отъ другой лишь двѣ народности, побѣдителей и побѣжденныхъ: къ первой принадлежали все мусульмане какого бы племени они ни были, ко второй вся масса православнаго христіанскаго населенія. Латинскій элементъ, сравнительно малочисленный и лишенный пока матеріальной поддержки Запада, повеловѣ не отдѣлялъ рѣзко политическія судьбы свои отъ міра православнаго. Западъ переживалъ тяжелыя времена внутреннихъ переворотовъ, династическихъ войнъ, социальныхъ завоеваній демократическихъ началъ надъ послѣдними остатками феодализма; вниманіе его было отвлечено, ему некогда было заниматься Востокомъ. Тогда намъ не зачѣмъ было близко знакомиться съ національными бытовыми особенностями единовѣрныхъ намъ народовъ. Россія шла на проломъ, высоко неся предъ собою непобѣдимое знамя правосавія и наносила ударъ за ударомъ когда-то столь могущественной имперіи Османовъ.

Притомъ, какъ мы видѣли выше, старая Россія, Россія Петровскихъ преданій, создавая всю громадную государственную важность сохранить за собою непосредственное и преобладающее вліяніе на христіанскіе народы Балканскаго полуострова, не останавливалась предъ призывомъ балканскихъ христіанъ къ возстанію противъ ихъ властителя султана, смѣло протягивала имъ руку и шла вмѣстѣ съ ними въ бой за общее дѣло. Даже въ критическую минуту собственного существованія Россія не забыла восставшихъ въ Шумадіи, создавъ изъ Сербіи Букурештскимъ трактатомъ 1812 года свой первый эталъ за Дунаемъ, точку опоры среди самихъ Славянъ, для совмѣстной дѣятельности на Востокѣ. Правда, въ политикѣ этой былъ нѣкоторый перерывъ, когда послѣ Вѣнскаго конгресса и подъ вліяніемъ Священнаго Союза, вѣшняя политика Россіи сдѣлалась достояніемъ иностранцевъ и когда возможны были такія явленія какъ отказъ Россіи принимать въ войну 1828 года въ ряды своей арміи Болгаръ изъ-за того что они были для

вѣдъ лишь мятельными подавленными султана. Но перерывъ этотъ былъ непродолжителенъ, и вскоре Россія снова вернулась къ своей освещенной преданіями политикѣ.

Многое измѣнилось съ тѣхъ поръ когда Россія въ своемъ качествѣ защитницы православія, почти выкѣвъ не стѣсняясь, такъ дѣятельно вмѣшивалась въ дѣла Балканскаго полуострова. Разчитавшись съ прошедшимъ, выработавъ изъ его остатковъ нынѣшній политическій овои строй, Европа обратила свое вниманіе на Востокъ, ужаснувшись нашимъ успѣхамъ, и результатомъ явилась Крымская война, отнявшая у Россіи право исключительнаго покровительства надъ православными Турціи. Въ независимомъ Греческомъ королевствѣ и въ полунезависимыхъ Египтѣ и Румыніи укрѣплялись и стали развиваться различныя враждебныя намъ западныя вліянія, проникающія и въ христіанское населеніе собственно Турціи, посредствомъ уславившихся религіозныхъ пропагандъ, обязательной силы европейскаго образованія, промышленности, торговли и фальшиваго либерализма. Принципы національности получали права гражданства и разгружали по-своему то что прежде обуславливалось исключительно вѣроисповѣданіемъ.

При такихъ измѣнившихся обстоятельствахъ на Востокѣ, и Россія должна была измѣнить программу своей политической дѣятельности по отношенію ко христіанскому населенію Балканскаго полуострова. Исключительное поддержаніе принципа православія уже оказывалось недостаточнымъ, и мы не могли болѣе оставаться чуждыми лавсюду громко пробуждающемуся чувству народности, и вотъ Россія, силой историческаго хода вещей и подъ опасеніемъ утратить или по крайней мѣрѣ ослабить, свое вліаніе на турецкіе христіане, должна была неминуемо явиться первюю пособницей икъ народнаго развитія и сообщницей въ дѣлѣ достиженія ими національной независимости.

IV.

Выше мы имѣли уже случай видѣть какую тяжелую руку вложилло на Болгаръ фанариотское духовенство и какъ постепенно уничтожалось самое воспоминаніе о болгарской національности. Человѣкъ переставшій сознавать себя живюю частью собственнаго исчезнувшаго цѣлага подверженъ

тому же физическому закону по которому желкія тѣла притягиваются крупными и вслѣдствіе коего оны неизбежно стремились пристать къ народу болѣе его крупному. Такъ и у Болгаръ: все что переходило изъ низшаго сословія въ высшее чуждалось своего славянскаго происхожденія и считало особенною честью поступать въ народность греческую. Сознаніе же своей національности сохранилось лишь въ сельскомъ людѣ, во второй уже разъ явившемся носителемъ идеи о Болгаріи какъ самостоятельномъ государствѣ.

Въ тридцатыхъ годахъ импѣриала столѣтія совершается переломъ въ жизни поработеннаго, загнанаго Болгарскаго народа. Сначала едва слышались и доходили до него голоса славянскихъ писателей призывавшіе къ жизни разрозненнаго славянскія народности, но голоса эти съ каждымъ годомъ дѣлаются смѣлье, многочисленнѣе. Труды нѣкоторыхъ чешскихъ и русскихъ писателей, а въ особенности Юрія Венелина, Угро-Русинъ, воспитанника Московскаго Университета, гдѣ оны и сошлись съ Болгарами, по исторіи Болгарскаго народа, способствовали первымъ къ пробужденію чувства народности и сознанія своихъ народныхъ правъ сначала въ самомъ ограниченномъ кружкѣ Болгаръ, но мало-по-малу воздѣйствіе этого кружка стало ощущаться въ народныхъ массахъ. Благодаря усиліямъ этихъ историковъ, которые развернувъ предъ Болгарами картины блестящаго прошлаго, вдохнули въ нихъ вѣру въ самихъ себя и надежду на повтореніе времени Симеона и Калояна, благодаря всему этому народъ страхнулъ съ себя лативѣковой сонъ, вспомнилъ что и оны способны къ самостоятельной жизни и что и оны имѣютъ право на свое мѣсто подъ солнцемъ.

Въ свою очередь болгарская эмиграція, съ тридцатыхъ годовъ утвердившаяся преимущественно въ Румыніи, частью путемъ печати, частью чрезъ посредство своихъ агентовъ, волевымъ, вызвала нѣкоторое сочувствіе общественнаго мнѣнія Европы къ Болгарамъ, заставила заговорить о нихъ въ печати и тѣмъ самымъ развила въ нихъ извѣстную степень самоуверенности и надежды на успѣхъ въ борьбѣ съ турецкимъ владычествомъ и, въ вторыхъ, обобщила самую идею этой борьбы, поддерживая и распространяя эту идею указаніемъ на высшую помощь.

Въ то же время были открыты болгарскія училища и тѣмъ

положено дѣйствительное основаніе возрожденію болгарской народности.

Одна изъ самыхъ главныхъ и существенныхъ потребностей народа славянскаго лежала свое единство и свою національность, это имѣть своихъ пастырей и богослуженіе на своемъ родномъ языкѣ. Такимъ образомъ вопросъ о преобразованіи церковнаго устройства по необходимости явился первымъ проявленіемъ пробуждавшейся болгарской народности, а такъ какъ разрѣшеніе его зависѣло отъ Константинопольскаго патріарха и тормозилось высшимъ греческимъ духовенствомъ, то отсюда неминуемо должно было произойти столкновеніе противоположныхъ политическихъ интересовъ, но прикрытыхъ духовною маской, и вотъ произошло жданіе греко-болгарской церковной распри.

Возвращавшіеся изъ Россіи и изъ-за границы Болгары начали первые возбуждать своихъ согражданъ къ сверженію нравственнаго и матеріальнаго ига наложеннаго на нихъ народомъ Греками. Греческое духовенство было чуждо своей паствѣ и смотрѣло на нее какъ на дѣйствительное стадо овецъ гонимыхъ покаятельно къ стрижкѣ, которая и производилась постоянно, причемъ подати взыскивались мерзко съ явными насилиями и жестокостями. „Народъ нашъ“, говорятъ Болгары въ одной брошюрѣ 1860 года, „не только не усматриваетъ въ греческихъ архіереяхъ руководителей къ вѣчному спасенію, но и видитъ ежедневно съ ихъ стороны примѣры глубокаго развращенія и гнуснаго презрѣнія къ религіи, вадущіе въ вѣчную погибель“. Злоупотребленія высшего духовенства возстановили противъ себя поработенный народъ и ордѣ створаали услѣхамъ проповѣди равнинныхъ коноводовъ болгарскаго движенія. Въ то же время враги православія со свойственною имъ предусмотрительностью достигли всѣхъ выгодъ какія могутъ они извлечь изъ этихъ только что пробуждавшихся народныхъ стремленій Болгарь и ихъ ненавидѣти къ греческому духовенству и во имя возрожденія болгарской народности и освобожденія ея изъ-подъ греческаго ига стали призывать Болгарь къ отторженію отъ православія, общая содѣйствіе папы къ установленію національной іерархіи и западныхъ державъ для возвращенія народу его прежней независимости. Такимъ образомъ, съ каждымъ днемъ возрастало броженіе умовъ между Болгарами, но броженіе это будучи неопредѣленнымъ и безпорядочнымъ могло бросить

жкъ въ самыя преувеличавыя крайности и угрожало имъ несомнѣнными опасностями. Въ виду этихъ обстоятельствъ между Болгаріею образовалась партія, которая, понимая опасность положенія, считавшая однакоже что стремленіе къ достиженію равноправности болгарской народности осуществимо лишь подъ условіемъ неразрывности съ міромъ восточнымъ и принадлежності православію. Уставъ надзирательства болгарской церкви въ Константинополѣ, оправдывая необходимость борьбы съ греческимъ вліяніемъ, прибавляетъ: „при несчастномъ стремленіи греческаго духовенства и греческихъ общинъ подвить славянскія начала въ пользу гражданскаго единства, съ ихъ собственной точки зрѣнія, мы вынуждены выбрать оказавшійся тяжелый путь чтобы къ тому времени когда великая церковь сброситъ съ себя насильственные путы эллинскаго этеризма, сохранить для обитателей ея силъ неисчерпаемый и нашъ народъ, не мало къ сожалѣнію подотрѣкаемый шовинизмомъ и враждебною пропагандой.“

Нередко слышались голоса обвинявшіе Россію въ созданіи греко-болгарскаго вопроса въ видахъ политическихъ, но мы видѣли причины его возникновенія, указывающія что развитіе его совершалось непосредственно и помимо участія въ немъ нашего правительства. Слѣдуетъ постоянно помнить что средина текущаго столѣтія ознаменована развитіемъ идеи національностей, стремлящаяся группировать соплеменные народы и отдѣляема владѣніа въ крупыя политическія единицы. Это вѣдѣніе не могло не отразиться и на Болгаріи. Напротивъ, въкоторыхъ высоконеставленныя лица у насъ, близко стояща къ дѣлу, считала Болгаръ даже въ 1867 году политически невѣрными, не готовыми къ самостоятельной жизни: они вѣдоули что не слѣдовало во что бы то ни стало создавать блѣдней народности, исключительно болгарской, а нужно стремиться къ соединенію ея съ уже окрѣпшею и рѣже очерченною народностью сербскою, подъ общимъ именемъ народности южно-славянской, такъ какъ деморализованные турецкимъ игомъ Болгары, предоставленные сами себѣ, навсегда до останутся послушными орудіями Турокъ. Они признавали существованіе въ болгарской народности вліятельной партіи, которая желала бы составить особое политическое тѣло, отдѣльное и отъ Сербовъ и отъ Грековъ. Сознывая впрочемъ что они пока не имѣють ни свѣдующаго центра, ни способныхъ личностей, люди этой болгарской партіи твердо

вѣрноп изъ услугъ своихъ стараній, рассчитывая на время, когда усиленіемъ продолженія существованія Турціи до того момента когда болгарская народность усилится и смететь лишняя соперницей Сербіи. Къ этой цѣли направлены все ихъ усилія, причемъ все средства кажутся имъ годными. Въ то время полагали что тотъ кто захотѣлъ бы оградить изъ Болгаріи независимое государство напрасно сталъ бы искать въ странѣ необходимыхъ для того элементовъ и даже не могъ бы быть увѣренъ что народъ относится къ его стараніямъ съ признательностью. Одно изъ чего невозможно сомнѣваться, это то что старанія эти неминуемо вызвали бы недовѣріе и опасенія Сербовъ и Грековъ.

Въ виду такихъ живѣйш выказанныхъ компетенціями лицами въ 1867, невозможно допустить и мысли о подстрекательствѣ Болгаръ со стороны Россіи и возбужденія ихъ требованій. Требования эти обнаружались гораздо раньше, и къ поддержкѣ ихъ Россія, какъ то объяснено въ предыдущей главѣ, была увлечена уже затѣмъ историческими ходомъ вещей и заботливостью о собственныхъ, правильно понимаемыхъ, государственныхъ интересахъ.

Впервые желанія Болгаръ выражены въ прошеніи поданномъ ими въ 1858 чрезвычайному нашему послу князю Мелитовскому и въ которомъ они требуютъ богослуженія на своемъ родномъ языкѣ и огражденія отъ притѣвленій ихъ греческими епископами. Болгары не шли далѣ этихъ скромныхъ требованій и не задавались никакими политическими цѣлями. Не такъ относились къ этимъ требованіямъ патріархъ и въ особенности фанарскій народный совѣтъ, которые усмотрѣли въ нихъ пробужденіе болгарской народности, весьма вредное для существованія греческой великой идеи и, считая Болгаръ слишкомъ грубыми чтобы додуматься самимъ до подобныхъ мыслей, приписали ихъ подстрекательству сѣвернаго колосса. Въ свою очередь Болгары, видя такое желаніе Грековъ заглушить ихъ требованія и всякое проявленіе народности, стали оказывать, по закону сопротивленія, все большее и большее упорство и мало-по-малу увеличивать свои требованія. Такимъ образомъ, главнымъ виновникомъ быстраго развитія греко-болгарскаго вопроса является вселенскій патріархатъ, не умѣвшій малыми уступками, сдѣланными вовремя, предотвратить важныя послѣдствія отъ того происшедшія.

Гатта - гуманъ 1866 общалъ что архіереямъ, вместо всѣхъ ими собираемыхъ налоговъ и податей, будетъ полагаться опредѣленная жалованья. Видинскіе Болгары, желаясь этимъ, просили Порту и патриархатъ: 1) о назначеніи жалованья своимъ архіереямъ съ цѣлью избавиться отъ ненормальныхъ леборовъ греческаго духовенства и 2) о назначеніи епископовъ и епископовъ изъ прародныхъ Болгаръ. Несмотря на убѣжденія нашего посланника въ Константинополь, патриархатъ не рѣшился сдѣлать требуемыхъ уступокъ, и подавшія прошеніе лица были посажены въ тюрьму. Тогда Болгары вспомнили примѣры изъ своей исторіи и, не получая желаемого отъ вселенскаго патриарха, стали обращать его переходомъ своимъ въ католичество, которое удовлетворить всѣ ихъ требованія. Въ этому времени относится переходъ въ унию города Кукуша, который дѣйствительно вынудилъ у патриарха уступку болгарскимъ требованіямъ, выразившуюся назначеніемъ въ октябрь 1860 года Полянскимъ епископомъ, въ епархіи коего находится этотъ городъ, Парсенія, родомъ Болгарина и воспитанника Московской Духовной Академіи, благодаря чему Кукушъ возвратился въ православіе. Пресвященнѣйшій Парсеній, Болгаринъ изъ Калофера, постриженный въ монахи на Афонѣ; былъ по возвращеніи изъ Россіи профессоромъ славянскаго языка въ Халкинской семинаріи и постоянно отличался горячимъ патриотизмомъ и преданностью Россіи.

Несмотря на услуги оказанныя епископомъ Парсеніемъ православію при уничтоженіи Кукушской уни, Греки преслѣдовали его неотступно.

Въ концѣ 1861 года, за свои старанія о пробужденіи и поддержаніи въ Болгарахъ своей епархіи народнаго болгарскаго духа, пресвященнѣйшій Парсеній отданъ былъ Солунскимъ митрополитомъ подъ судъ, заключенъ въ митрополитичью тюрьму и наконецъ оправданъ посланнымъ вселенскою патриархіей для свидѣствія епископомъ Анѣимомъ, будущимъ экзархомъ болгарскимъ.

Турецкое правительство съ своей стороны поняло всѣ выгоды усиленія распри между двумя подвластными ему христіанскими народностями, съ цѣлью взаимнаго ихъ ослабленія, и въ 1857 году консулъ нашъ въ Адрианополь едва успѣлъ воспрепятствовать подписанію просьбы о совершенномъ отдѣленіи Болгарской церкви отъ вселенскаго престола, причемъ

мысль объ этомъ прошеніи была внушена самимъ великимъ викаремъ.

Примѣръ благоразумныхъ уступокъ былъ данъ патріархомъ Иерусалимскимъ, который разрѣшилъ въ подвѣдомственной ему церкви Иерусалимскаго подворья въ Адрианополѣ славянское богослуженіе на греческомъ и славянскомъ языкахъ, но вскорѣ мѣстные Греки рѣшились искоренить это вредное, по ихъ мнѣнію, нововведеніе. Съ этою цѣлью они стали собираться въ церкви подворья съ криками, угрозами и неприличными тѣлодвиженіями стараясь помѣшать произнесенію молитвъ на незнакомомъ имъ славянскомъ языкѣ. Вскорѣ дѣло дошло до драки; обѣ стороны обратились съ жалобами къ патріарху, причемъ Греки просили чтобы славянское богослуженіе было вовсе запрещено, а Болгары — чтобы оно было разрѣшено по возможности въ большемъ числѣ церквей и вмѣстѣ съ тѣмъ заявилъ что если рѣшено будетъ цѣлкомъ изъ величкости молиться на незнакомомъ для нихъ языкѣ, то они предпочитаютъ смѣшать богослуженіе на языкѣ равночуждомъ обѣимъ сторонамъ, то-есть на турецкомъ.

Послѣдствіемъ этихъ прошеній было синодальное постановленіе которымъ предписывалось употребленіе славянскаго языка на языкѣ клиросахъ, но и тутъ намѣренное или нечаянное улуценіе указаній о томъ слѣдуетъ ли Евангеліе и Апостолъ читать и по-славянски подава поводъ къ самымъ печальнымъ сценамъ въ церквахъ, нередко доходившимъ до кровавыхъ побоищъ.

Начиная съ послѣднихъ мѣсяцевъ 1858 года, борьба между Греками и Болгарами принимаетъ характеръ все болѣе національный, причемъ у обѣихъ сторонъ голосъ разсудка заглушается страстями, увлекающими несогласныхъ къ самымъ печальнымъ крайностямъ. Выбѣтъ съ тѣмъ, легче очерчивается политическая сторона вопроса, такъ какъ Болгары рядомъ съ требованіями чисто церковнаго свойства начинаютъ заявлять требованія объ отдѣленіи не только ихъ церкви отъ Константинопольскаго патріархата, съ дарованіемъ ей полной автономіи, но и о политической самостоятельности Болгаріи.

Желанія Болгаръ имѣть свое особое церковное управленіе съ отдѣльною болгарскою патріархіей или, при условіи главенства вселенскаго патріарха; имѣть на болгарскихъ кафедрахъ архіереевъ изъ природныхъ Болгаръ и участвовать въ завѣдываніи общецерковныхъ дѣлъ на правахъ совершеннаго

равенства съ Греками, были, по приказанію правительства, разсмотрѣны народнымъ соборомъ создаваемымъ въ 1858 году изъ представителей всѣхъ областей Турецкой имперіи, коимъ совместно съ нѣсколькими архіереями предоставлялось пересмотрѣть вопросъ о правахъ и преимуществѣхъ патриархіи и выработать новый уставъ церковно-народнаго управленія православными христіанами. Засѣданія собора тянулись два года и окончились 16 февраля 1860 года заключительною рѣчью Каратеодора, презрительно отвергавшаго всѣ требованія Болгаръ, причемъ ораторъ прибавилъ что Болгары слишкомъ наивны если воображаютъ что въ собраніи представителей греческихъ когда-нибудь могутъ быть выслушиваемы рѣчи о правахъ націи болгарской.

Пораженіе понесенное Болгарами въ народномъ соборѣ чрезвычайно способствовало успѣхамъ католической пропаганды, которая сумѣла имъ воспользоваться въ соответствующихъ видахъ, и къ этому времени относятся блистательнѣйшіе успѣхи уни въ Константинополѣ и Адрианополѣ. Многіе перешли въ унию подъ впечатлѣніемъ умышленно внушенной имъ надежды что подобныя обращенія вынудятъ патриархатъ на уступки, которыхъ иначе достигнуть невозможно.

Въ то же время стали появляться брошюры по церковному вопросу, которыхъ замало и многочисленныя начавшіе тогда выходить журналы: въ Смирнѣ началъ издаваться ежемѣсячный журналъ *Любословіе*, въ Лейпцигѣ газета *Балгарскій Орелъ*, въ Вѣнѣ ежемѣсячный журналъ *Міросозрѣніе*, въ Константинополѣ газеты: *Болгарія*, *Турція*, *Македонія*, *Совѣстникъ*, *Зарница*, *Время*, *Право* и др. и періодическіе издаванія *Балгарскія Книжкины*, выходившее съ 1858 по 1861 года. Греческіе журналы со своей стороны не оставались въ долгу, и такимъ образомъ вопросъ былъ перенесенъ на почву публичнаго обсужденія и литературной полемики, которая способна была лишь усугубить взаимную ненависть враждующихъ сторонъ.

Одно частное обстоятельство содѣйствовало окончательному разрыву Болгаръ съ патриархіей; оно заключалось въ отказѣ этой послѣдней назначить на вакантную Охридскую катедру одного изъ трехъ дуковскихъ лицъ призванныхъ епархіей достойными занимать это мѣсто. Патриархъ же нашелъ болѣе удобнымъ, не обращая вниманія на ходатайство

Охридскія, назначить митрополитомъ Охридскимъ Мелетія Велесскаго, ненавидимаго за свою жадность и жестокость. Въ виду этого Охридскіе выгнали Мелетія изъ города и отказались поминать имя патріарха на литургіи.

Примѣръ оказался заразительнымъ.

Болгарская община въ Константинополѣ была въ то время раздѣлена внутренними раздорами; въ средѣ ея образовалось двѣ партіи: одна перешедшихъ въ унию Болгаръ, другая православныхъ группировавшаяся вокругъ Авксентія, бывшаго митрополита Велесскаго, и Иларіона Макаріупольскаго, известнаго по своимъ качествамъ съ наилучшей стороны самой патріархіи, но въ то же время горячаго болгарскаго патріота.

Пресвященный Авксентій, Болгаринъ изъ Самакова, былъ самоучка. Постриженный въ Хиландарскомъ монастырѣ, онъ былъ затѣмъ рукоположенъ въ епископы Велесскіе, что не помѣшало ему смѣло выступить противъ вселенской патріархіи.

Иларіонъ Макаріупольскій, отличавшійся твердостью своего характера и пользовавшійся большимъ вліяніемъ между своими соотчичами, былъ Болгаринъ изъ Елены, Тырновскаго округа, воспитывался въ Аѳинскомъ университетѣ. Постриженный на Аѳонѣ, пресвященный Иларіонъ долгое время былъ представителемъ въ Константинополѣ аѳонскихъ монастырей и затѣмъ рукоположенъ въ епископы для константинопольской болгарской церкви. Умный и рѣшительный, епископъ Иларіонъ не питалъ однако симпатіи къ Россіи и относился къ ней съ недовѣріемъ; быть-можетъ въ этомъ отражалось вліяніе университетскаго образованія въ Аѳинахъ, во время котораго онъ такъ много долженъ былъ слышать кругомъ себя о завоевательныхъ замыслахъ Россіи на Востокъ.

Въ виду возраставшаго негодованія Болгаръ, усиленнаго охридскимъ происшествіемъ, и съ цѣлью удовлетворить сколько-нибудь одушевлявшему ихъ чувству ненависти къ греческому духовенству и въ то же время чтобъ удержать Болгаръ отъ перехода въ унию, Иларіонъ и Авксентій сочли себя вынужденными прибѣгнуть къ мѣрѣ крайней. Въ день Святаго Воскресенія, 3 апрѣля 1860 года, когда Иларіонъ совершалъ торжественное богослуженіе, онъ уступилъ шумнымъ крикамъ во множествѣ собравшагося въ церковь

народъ и отиѣчалъ поминаніе на литургіи патриаршаго имени, вмѣсто котораго сталъ поминать „всякое епископство православныхъ“. Лишь только вѣсть объ этомъ распространилась по Болгаріи, тридцать три города и мѣстечка прислали Иларіону благодарственные адреса и присоединились къ принятой имъ мѣрѣ; константинопольскіе уміаты толпами стали возвращаться въ православіе.

Событія эти утѣшили новаго вселенскаго патриарха Іоакима, хитраго и умнаго, и убѣдили его въ необходимости уступокъ. Въ апрѣлѣ 1860 года, съ согласія многихъ членовъ синода, Іоакимъ объявилъ что не будетъ препятствовать отдѣленію Болгарской церкви отъ Вселенской патриархіи и поставленію ея подъ власть самостоятельнаго болгарскаго епископа и вызвался даже самъ хлопотать объ этомъ предъ Портой, въ полной увѣренности что Турецкое правительство не допуститъ перваго шага къ восстановленію болгарской народности дарованіемъ ей церковной независимости.

Непреклонный нравъ патриарха постоянно увлекалъ его къ мѣрамъ крутымъ и рѣзкимъ. Считаая виновниками всего случившагося Авксентія и Иларіона, патриархъ обратился въ Порту съ просьбой объ ихъ наказаніи, на что великій визирь отвѣчалъ ему что Турецкое правительство не считаетъ себя въ правѣ вмѣшиваться во внутренніе распорядки православной церкви и что поэтому его святѣйшество самъ можетъ въ случаѣ надобности наложить церковное наказаніе на провинившагося епископа. Вслѣдствіе чего оба болгарскіе епископа въ концѣ 1860 года были патриархомъ осуждены и лишены архіерейства и священства. Въ этотъ же промежутокъ времени Иларіонъ, уступая всеобщему требованію народному, долженъ былъ отсажить обѣдню безъ благословенія патриарха, причемъ ему стоило большихъ усилій отклонить настоячивыя приглашенія многихъ Болгаръ чтобъ онъ объявилъ себя патриархомъ Болгарскимъ. Этотъ поступокъ Иларіона еще болѣе раздражилъ патриарха, который объявилъ что онъ не приступитъ ни къ какимъ переговорамъ и соглашеніямъ до тѣхъ поръ пока Иларіонъ не изъавитъ покорности и раскаянія и не явится къ нему съ повинною головою.

Пользуясь смущеніемъ умовъ въ средѣ Болгарскаго народа, католическая пролаганда собирала богатые плоды. Служа обычнымъ способомъ для выраженія протеста Болгаръ противъ патриархата, унія своими успѣхами много обязана ясно

свертывшейся тогда дѣятельности редактора газеты *Болгарія* Драгана Цанкова, приобрѣвшаго себѣ тогда печальную извѣстность своими стараніями совратить въ латинство своихъ соотечественниковъ. Уроженецъ города Ситова и будущій глава либераловъ Болгарскаго Княжества, Цанковъ воспитывался въ школѣ іезуитовъ въ Константинополѣ и затѣмъ отправился въ Россію, гдѣ кончилъ курсъ въ Киевской Духовной Академіи. По возвращеніи изъ Россіи, Цанковъ былъ учителемъ въ Галацѣ, потомъ добровольцемъ въ Болгарской дружинѣ 1853 года, снова ученикомъ въ одномъ изъ учебныхъ заведеній Вѣны и наконецъ, послѣ Крымской войны, поселился въ Константинополѣ, гдѣ сталъ издавать свою газету. Въ послѣдствіи рущукскій генералъ-губернаторъ Митхатъ-паша поручилъ Цанкову завѣдывать болгарскими школами вилайета и редижировать официальную газету *Дунай* и назначилъ его затѣмъ видинскимъ вице-губернаторомъ.

Недовольные арестомъ одного варскаго священника, который въ церковной проповѣди осмѣивалъ недостатки патріарха и приглашалъ народъ не признавать его власти, болгарскіе предводители уговорили народное собраніе обратиться къ покровительству палы, и тутъ же, подъ впечатлѣніемъ пламенной рѣчи Цанкова, былъ составленъ и подписанъ всѣми присутствующими актъ о переходѣ ихъ въ унию. Немедленно было составлено и подано палскому нунцію прошеніе, въ коемъ заявлено желаніе константинопольской болгарской общины подчиниться власти палы и готовность ея склонять къ тому же и остальныхъ Болгаръ. Отступничество свое община закрѣпила, по приглашенію армяно-католическаго епископа Хассуна, торжественнымъ благодарственнымъ молебствіемъ отслуженнымъ въ церкви католическаго архіепископства.

Къ чести патріарха слѣдуетъ сказать что къ поступку константинопольской болгарской общины онъ отнесся довольно хладнокровно, и послѣдующія событія показали что онъ былъ правъ, не особенно огорчаясь переходомъ въ латинство нѣсколькихъ худыхъ православныхъ. Унія не имѣла почвы подъ ногами и въ массѣ простаго сельскаго народа успѣхи ея были ничтожны, несмотря даже на то что католическіе миссіонеры рѣшились прибѣгнуть для этого къ денежнымъ средствамъ. При этомъ нельзя умолчать объ одномъ эпизодѣ довольно характерномъ.

Предположенные миссіонерами лектулы требовали знательныхъ денежныхъ средствъ, а казны уніи давно были истощены. Въ этой крайности они рѣшились обратиться къ содѣйствию французскаго посланника въ Константинополь, который отказалъ имъ наотрѣзъ, объявивъ что не считаетъ себя обязаннымъ поддерживать прощюки католицизма и содѣйствовать его успѣхамъ. Такимъ образомъ маркизъ Лавалеттъ, представитель католическаго государства, оказалъ здѣсь услугу православію.

Отношеніе епископовъ Авксентія и Иларіона къ совершившимся событіямъ было вполнѣ правильнымъ, они громко выразили свое осужденіе и разослали по всей Болгаріи посланіе, въ которомъ приглашали народъ остерегаться прощюковъ пропаганды, твердо держаться православной вѣры и неуклонно стремиться къ одной цѣли — отдѣленію болгарской церкви и упроченію ея самостоятельности.

Одновременно съ этимъ и правительство наше, вѣрное своему призванію оберегать истинные интересы нашихъ единовѣрцевъ въ Турціи, предписало консуламъ ономъ внушать Болгарамъ, какъ имъ слѣдовало быть осторожными чтобы не подпасть вліанію миссіонеровъ, старающихся помощью разныхъ обмановъ заставить покинуть вѣру ихъ отцовъ. Вместе съ тѣмъ агентамъ нашимъ поручалось ободрить Болгаръ увѣреніемъ что правительство наше принимаетъ дѣлательное участіе къ удовлетворенію справедливыхъ требованій Славянъ.

По желанію патріарха, Болгары письменно представили свои требованія: 1) Болгарскій народъ признаетъ и почитаетъ святѣйшаго патріарха Константинопольскаго, какъ имѣющаго преимущество чести въ православной церкви, 2) Болгары, будучи особымъ народомъ, желаютъ имѣть себѣ іерархію которая бы находилась подъ властію архіепископа болгарскаго имѣющаго пребываніе въ Константинополѣ, 3) этотъ архіепископъ будетъ избираемъ Болгарами и утверждаемъ патріархомъ, 4) все епископы болгарскіе будутъ избираемы туземнымъ клиромъ, при участіи народныхъ представителей и съ согласія вышеозначеннаго архіепископа или его уполномоченныхъ, 5) Болгары исключительно самимъ себѣ оставляютъ право устроить все то что касается ихъ церковной администраціи, 6) Болгары, почитая Константинопольскій патріаршій престолъ, съ полною охотою соглашаются ежегодно

давать патриарху значительную сумму денегъ, 7) разнымъ образомъ Болгары впрочемъ не отказываются вытѣсть съ народомъ Греческимъ позаботиться о погашеніи долговъ Константинопольской церкви.

Ознакомившись съ требованіями Болгаръ, патриархъ объявилъ что онъ не намѣренъ входить въ какія-либо соглашенія съ этими послѣдними до тѣхъ поръ пока епископъ Иларіонъ не явится съ изъявленіемъ покорности и раскаянія, и присовокулилъ что онъ не считаетъ возможнымъ допустить отдѣльной болгарской церкви иначе какъ ограничивъ ея пределы Балканами.

Этимъ условіемъ арко очерчивается истинная причина трудности соглашенія между Греками и Болгарами; это та именно политическая сторона вопроса, хранимая въ глубинѣ мыслей обихъ враждующихъ сторонъ. На первый планъ выступаютъ интересы народные, въ чемъ открыто сознавался тогдашній греческій посланникъ въ Константинополѣ. По выраженію г. Деллава, греческіе интересы требовали заключенія самостоятельной болгарской народности въ границахъ которыя, представляя естественныя трудно-переходимыя преграды, служили бы надежнымъ средствомъ для окончательнаго разединенія Грековъ съ Болгарами, необходимаго для того чтобъ избавиться отъ вѣтхивающаго вѣка мисіоннаго въ тѣ великія событія, которыя имѣютъ совершиться на Балканскомъ полуостровѣ и въ которыхъ Греки представляли себѣ дѣятельную и преобладающую роль.

25 февраля 1861 патриархъ разослалъ окружное посланіе, въ которомъ, осуждая унию и принявшихъ ее, отозвался въ самыхъ жесткихъ выраженіяхъ о епископѣ Иларіонѣ и Авксентіи, обвиняя ихъ въ произведеніи вслѣдъ безпорядковъ возмущавшихъ спокойствіе церкви и нарушавшихъ ея достоинство и безопасность. Въ томъ же посланіи патриархъ оправдывается въ обвиненіяхъ на него вводимыхъ относительно гонимой на болгарскую народность и въ 15 пунктахъ излагаетъ предоставляемая ей права. Главнѣйшіе изъ этихъ пунктовъ: 1) достойныя лица изъ болгарскаго каира будутъ отнынѣ назначаемы на чисто-болгарскія епархіи; 2) въ случаѣ вдовства какой-нибудь изъ чисто-болгарскихъ епархій, патриархія съ благосклонностью будетъ принимать достойныхъ кандидатовъ рекомендуемыхъ самою епархіей; 3) въ одной изъ епархій Болгарашъ дозволяется открыть для себя

богословское училище; 4) во всѣхъ болгарскихъ училищахъ имѣетъ первенствовать болгарскій языкъ; 5) одинъ или два болгарскіе архіерея будутъ, какъ и прежде, присутствовать въ синодѣ состоящемъ при патріархіи; 6) въ церквахъ чисто-болгарскихъ епархій богослуженіе будетъ совершаемо на славянскомъ языкѣ.

Неопредѣленные и условныя уступки патріарха, оставляющія полный просторъ личному его произволу, не могли удовлетворить Болгарь, и они обратились къ Портѣ, представивъ ей такъ-называемыя восемь точекъ (пунктовъ) перечисляющія ихъ требованія, вотъ ихъ сущность: 1) въ избраніи патріарха Болгары имѣютъ право участвовать наравнѣ съ Греками; 2) члены патріаршаго синода состоятъ наполовину изъ Грековъ, наполовину изъ Болгарь; 3) болгарскіе архіереи (6) составляютъ съ шестью мірянами болгарскій народный советъ вѣдающій всѣ дѣла Болгарскаго народа не касающіяся религіи; 4) достойнѣйшій изъ архіереевъ съ выборнымъ міряниномъ пребываютъ въ Константинополѣ и представляютъ предъ правительствомъ Болгарскій народъ; 5) смѣна этихъ двухъ лицъ не зависитъ отъ патріарха, а въ случаѣ обвиненія ихъ народнымъ собраніемъ дѣлается Портой; 6) для замѣщенія каедедръ выбираются епархіей два кандидата: одинъ изъ нихъ избирается болгарскимъ народнымъ совѣтомъ и рукополагается патріархомъ; 7) въ смѣняемыхъ епархіяхъ, архіерей выбирается изъ того народа который многочисленнѣе, но онъ долженъ основательно знать оба языка, греческій и болгарскій, и строго блюсти чтобы никакого пренятствія не было селянамъ употреблять въ церквахъ и училищахъ свой природный языкъ, и 8) архіереямъ назначается жалованье.

Оскорбленъ весьма рѣзкимъ отвѣтомъ Болгарь на окружное посланіе, патріархъ созвалъ соборъ изъ всѣхъ патріарховъ проживавшихъ въ то время въ Константинополѣ и находившихся тамъ митрополитовъ и епископовъ, для осужденія епископовъ Иларіова и Авксентія. Несмотря на троекратныя приглашенія, обвиненные въ самовольномъ служеніи обѣднѣ, въ усиленіи раздора въ церкви и въ составленіи дерзкаго возраженія на патріаршее посланіе, епископы на соборъ не явились и были имъ осуждены, съ лишеніемъ священства и архіерейства. Одновременно съ болгарскими епископами былъ осужденъ и митрополитъ Филипполопльскій Паисій, родомъ Грекъ изъ Явыны, но глубоко преданный интересамъ Болгарскаго

народа и который тоже отбывалъ въ своей епархіи поминованіе при богослуженіи имени вселенскаго патріарха.

Преосвященный Паисій, бывшій сначала Смарнскимъ митрополитомъ, воспитанникъ Аѳинскаго университета, много содѣйствовалъ образованію Болгарскаго экзархата, на служеніе которому онъ принесъ отличавшіе его глубокой умъ, искренность и доброту.

Немедленно за постановленіемъ собора, патріархъ сталъ требовать у Порты изгнанія осужденныхъ епископовъ изъ Константинополя, но встрѣтилъ сильный отпоръ Аали-паши, несмотря на опасенія выраженныя этому послѣднему патріархомъ что дальнѣйшее ихъ пребываніе въ Царьградѣ вызоветъ безпорядки и столкновенія. Греки, въ особенности Іониды, подозрѣвая что причина уклончивыхъ дѣйствій Порты заключается въ наставленіяхъ англійскаго посла, предложили патріарху вооруженную свою помощь для изгнанія осужденныхъ епископовъ и хотѣли даже напасть на домъ англійскаго посольства.

Испугавшись такого настроенія народныхъ массъ, Порта распорядилась арестованіемъ и отправленіемъ епископовъ въ ссылку въ Малую Азію. Когда Иларіонъ находился уже на пароходѣ, къ нему пріѣхалъ Цанковъ и уговаривалъ его принять унію, обѣщая ему освобожденіе отъ заточенія и возвращеніе сана, но Иларіонъ отказалъ наотрѣзъ.

Новыя попытки непосредственнаго соглашенія сторонъ не имѣли успѣха. Патріархъ стоялъ на прежде поставленныхъ имъ условіяхъ и объявилъ что готовъ скорѣе допустить переходъ всѣхъ Болгаръ въ католицизмъ нежели уступить что-либо изъ преданій великой церкви.

Между тѣмъ Болгары просили у правительства скорѣйшаго разрѣшенія распри, такъ какъ народъ не принималъ къ себѣ греческаго духовенства, отчего во многихъ мѣстностяхъ дѣти оставались некрещеными, свадьбы вѣнчались безъ священниковъ, такимъ же образомъ погребались умершіе.

Австрійское правительство со своей стороны, видя раздраженіе Болгаръ, стало хлопотать о присоединеніи Болгаръ къ Карловицкому патріархату.

Порта въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ и желая также положить конецъ исканіямъ западныхъ державъ, стремившихся водворить свое вліяніе въ странѣ путемъ удовлетворенія

духовныхъ требованій Болгарь, учредила смѣшанную греко-болгарскую комиссію для разсмотрѣнія способовъ примиренія сторонъ на основаніи восьми точекъ Болгарь. Занятія комиссіи, продолжавшіяся полтора года, оказались совершенно безплодными, достигнуто было лишь общее соглашеніе по 1му пункту, объ избраніи патріарха, причѣмъ изъ числа 70 избирательныхъ голосовъ Болгарамъ предоставлялось отъ 25 до 30 голосовъ. По остальнымъ же пунктамъ пренія не привели ни къ чему; члены комиссіи не могли согласиться между собою, и она должна была закрыть свои засѣданія.

Аали-паша желая облегчить задачу комиссіи предложилъ два проекта разрѣшенія вопроса. Первый предполагалъ раздѣленіе всѣхъ существующихъ епархій на три категоріи: чисто греческія, чисто славянскія и смѣшанныя; отъ каждой группы посылаются для засѣданія въ синодъ по четыре епископа, а отъ смѣшанныхъ по два каждой народности. Второй проектъ предлагалъ устроить избирательные округа на каждыя 50 тысячъ жителей, съ тѣмъ чтобы каждый изъ округовъ имѣлъ своего представителя въ синодѣ.

Проекты эти были безусловно отвергнуты патріархомъ, уловство котораго и крутой нравъ вывели наконецъ изъ терпѣнія самихъ Грековъ и привели къ его низложенію и замѣнѣ его Амассійскимъ епископомъ Софроніемъ, человѣкомъ умнымъ, мягкимъ, одушевленнымъ самымъ примирительнымъ духомъ, но который, благодаря своей безхарактерности, сдѣлался вскорѣ игрушкой различныхъ партій толпившихся около вселенскаго престола.

Новый патріархъ собралъ большой совѣтъ изъ 70 членовъ, на половину духовныхъ и мірянъ, который выработалъ слѣдующія уступки Болгарамъ: 1) въ избраніи патріарха Болгарамъ предоставляется 59 голосовъ, 2) для достиженія большей правильности при назначеніи епископовъ патріархъ обязывается завести книгу въ которую будутъ вписываться имена лицъ наиболѣе достойныхъ избранія, а также кандидаты рекомендованные болгарскими епархіями: въ случаѣ ваканціи кафедры на нее назначается ближайшій по списку кандидатъ изъ числа предложенныхъ тою епархіею гдѣ открылась вакансія, 3) область вселенской патріархіи раздѣляется на 6 округовъ: Азія, острова, Элиръ-Фессалія, Фракія,

Македонія и Болгарія-Боснія; каждый округ посылаетъ по два епископа въ составъ Константинопольскаго синода, 4) члены синода назначаются на одинъ годъ, 5) требованіе о смѣшанномъ церковномъ совѣтѣ отвергнуто на томъ основаніи что Болгары такимъ образомъ получали бы больше правъ чѣмъ сама вселенская церковь, совѣтъ коей состоитъ изъ представителей одного Константинополя, а не провинцій, какъ того требуютъ для себя Болгары.

Съ точки зрѣнія Болгаръ предложенныя уступки главнѣйшимъ образомъ были недостаточны въ слѣдующихъ отношеніяхъ: избраніе епископовъ по списку составленному патриархіей не представляло никакихъ гарантій для Болгаръ, которымъ приходилось бы довѣряться добросовѣстности патриаршихъ чиновниковъ, неоднократно и не безъ причины ими заподозрѣнной. Затѣмъ при крайней неравномѣрности областей, при которой острова составляли округъ имѣющій такіа же права какъ и вся Болгарія и Боснія вмѣстѣ, очевидно было что греческій элементъ будетъ всегда имѣть значительный перевѣсъ въ синодѣ.

На основаніи этихъ-то соображеній Болгары не удовлетворились предложенными уступками, и раздоръ получилъ новую пищу вслѣдствіе возвращенія Портой въ Константинополь сосланныхъ епископовъ Иларіона и Авксентія. Болгары собирались было устроить имъ торжественный пріемъ, но онъ не имѣлъ мѣста вслѣдствіе заблаговременно принятыхъ Амалашой мѣръ.

Патріархъ пробовалъ мириться съ возвратившимися епископами и предлагалъ даже имъ епархіи, лишь бы они просили прощенія, но тѣ отказались и поселились въ деревнѣ Ортакей, на европейскомъ берегу Босфора, которая отнынѣ становится мѣстопробываніемъ высшаго болгарскаго духовенства.

Среди Болгаръ все болѣе и болѣе усиливается стремленіе къ обособленію своей народности, и одинъ изъ выдающихся ихъ дѣятелей, Геровъ, въ своей запискѣ 1864 года ставитъ слѣдующія условія примиренія съ патриархіей: Болгары желаютъ: 1) отдѣлиться отъ Грековъ и составить особенный народъ, хотя бы и подъ главенствомъ вселенскаго патриарха, 2) избирать имъ самимъ своихъ архіереевъ, для того чтобы патриархія не могла и впредь посылать къ нимъ какъ до сихъ

поръ недостойныхъ пастырей и 3) устранить неблагоприятное вліаніе патріархіи на управленіе болгарскими епархіями.

Впервые послѣ паденія Болгарскаго царства, съ амвона болгарской церкви въ Шумлу раздалась рѣчь митрополита Видинскаго Анеѣма, будущаго экзарха Болгаріи, въ которой онъ осмѣлился говорить народу явно и громко о его славномъ прошломъ. Владыка говорилъ что Шумла есть старая Преслава, древняя, великая столица Болгарскаго народа; она для Болгаръ что Сіонъ для Израиля.

Вспомнилъ онъ и Крума, и Симеона, и другихъ, предъ которыми когда-то трелетала Византія. „Еслибы камни и деревья ишлабъ языкъ и голосъ, они повѣдали бы намъ объ этихъ славныхъ временахъ, говорилъ онъ, но теперь все лаго, все исчезло, и нѣтъ свѣдовъ этой славы. этого могущества“...

Взаимная ненависть дошла до того что умирающій Авксентій, завѣщавшій предъ смертью все свое состояніе въ пользу болгарскихъ училищъ, отказался принять разрѣшеніе наложенной на него клятвы посланное ему патріархомъ вслѣдствіе настояній нашего посла, указывавшаго на необходимость воспользоваться подобнымъ случаемъ чтобы доказать готовность патріарха примириться съ Болгарами.

Патріархъ Софроній дѣйствительно понималъ необходимость скорѣйшаго разрѣшенія церковной распри. Патріархія была въ очень затруднительномъ денежномъ положеніи вслѣдствіе отказа славянскихъ епархій платить обычныя подати. Съ другой стороны, тутьчинскіе жители, не желая обращаться для поставленія священниковъ къ греческому митрополиту, рѣшили собрать соборъ священниковъ и поручить имъ произвести посвященіе. Тогда же, подъ вліаніемъ графа Игнатьева, Софроній приступилъ къ очищенію болгарскихъ кафедръ, отзывая постепенно или перевода въ другія епархіи епископовъ не болгарскаго происхожденія.

Но ни миролюбивое настроеніе умѣренной партіи Болгаръ, ни искреннія старанія патріарха Софронія добиться мира, ни наконецъ дѣятельное вмѣшательство посла нашего въ Константинополь, услѣвшаго достигнуть соглашенія по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ, не привели къ желаемой цѣли. Обѣ стороны убѣдились въ необходимости покончить споръ, но были не въ силахъ ограничить и видоизмѣнить свои

требованія настолько чтобы придти къ возможности соглашенія. Съ одной стороны сильное, хотя и не всегда высказываемое прямо стремленіе Болгарь къ достиженію самостоятельности своей церкви, а съ другой — упорная рѣшимость Грековъ удержать свое первенство создаютъ тысячи затрудненій, которыя при неуступчивости обѣихъ сторонъ обращаются въ неодолимая прелатствія. Напрасно всевозможныя комиссіи и много- и малочисленныя стараются надъ разсмотрѣніемъ всевозможныхъ проектовъ, всѣ усилія разбиваются объ упорство спорящихъ и достигаютъ лишь крайняго раздраженія сторонъ и вызываютъ взаимную вражду, которая, ослѣпляя спорящихъ, прелатствуютъ имъ прислушаться къ голосу разума. Наконецъ послѣ нѣсколькихъ новыхъ и неудачныхъ попытокъ соглашенія обѣ стороны приходятъ къ убѣжденію что онѣ не въ состояніи рѣшить своего спора собственными силами, и Болгары обращаются къ Портѣ съ просьбой допустить отдѣленіе Болгарской церкви отъ вселенской и устройство ея по образцу Сербской; Флаллопольскіе же Болгары изъявляютъ желаніе мириться на условіяхъ которыя будутъ предложены Россіей.

Въ концѣ 1866, на кафедрѣ Константинопольской произошла перемѣна: патріархъ Софроній былъ низведенъ, а на его мѣсто, 10 февраля 1867, избранъ одинъ изъ прежде бывшихъ Константинопольскихъ патріарховъ Григорій VI; онъ показалъ искреннее желаніе примириться съ Болгарами и подалъ правительству слѣдующій проектъ, оставившій такіе глубокіе слѣды въ исторіи греко-болгарскаго вопроса: 1) епархіи которыя будутъ признаны болгарскими не могутъ быть отдѣлены отъ вселенскаго престола, но составятъ отдѣльный округъ подъ названіемъ Болгарскаго. 2) Первоствующій митрополитъ этого округа получитъ званіе экзарха Болгаріи и будетъ признаванъ намѣстникомъ патріарха въ Болгарскомъ округѣ. 3) Экзархъ и подчиненные ему епископы будутъ поминать имя вселенскаго патріарха. 4) Всѣ митрополиты округа составляютъ подъ предсѣдательствомъ экзарха синодъ. Обязанности этого синода заключаются въ охраненіи чистоты православной вѣры и въ веденіи духовныхъ дѣлъ округа. Рѣшенія его будутъ имѣть полную силу въ предѣлахъ Болгарскаго экзархата и подлежатъ пересмотру только по апелляціи вселенскому патріарху. 5) Синодъ будетъ вести списокъ лицъ признанныхъ по надлежащемъ

испытаніи достойными назначенія во епископы и копію этого списка сообщать ежегодно вселенской церкви. 6) Назначеніе епископовъ будетъ производиться согласно этому списку. Патриарху предоставляется право утвержденія избраннаго. Хиротонія назначаемаго производится на основаніи патриаршаго разрѣшенія. 7) Архіепископскіе бераты испрашиваются у Порты патриархомъ и пересылаются имъ синоду для передачи по принадлежности. 8) Синодъ округа обращается къ патриарху для полученія св. мѣра и пр. 9) Синодъ озабочится устройствомъ на счетъ Болгарскаго округа вышшаго богословскаго училища и духовныхъ школъ для приготовленія низшаго духовенства. вмѣстѣ съ тѣмъ, Болгарамъ не восбраняется доступъ въ богословское училище на островѣ Халки. 10) Регламентъ для управленія Болгарскимъ экзархатомъ будетъ составленъ по соглашенію патриарха съ духовенствомъ и представителями Болгарскаго народа. Измѣненія въ этомъ регламентѣ могутъ быть производимы не иначе какъ съ согласія патриарха и его синода. 11) Уставъ ставропигіальныхъ монастырей вселенскаго патриархата остается безъ измѣненій. 12) Если въ какой-либо церкви Болгарскаго округа богослуженіе производится въ настоящее время по-гречески или по-славянски, то этотъ порядокъ будетъ сохраненъ до тѣхъ поръ пока по общему согласію прихожанъ и по благословенію митрополита не подвергнется измѣненію. 13) Низшее духовенство Болгарскаго округа находится въ полной канонической зависимости отъ своихъ епископовъ и поминаетъ ихъ имена на литургіи. 14) Митрополиты Болгарскаго округа имѣютъ тѣ же права какъ и всѣ прочіе митрополиты участвовать въ избраніи патриарха въ качествѣ избирателей или избираемыхъ. 15) Они обязаны въ бытность свою въ Константинополѣ по своимъ дѣламъ соблюдать тѣ же каноническія правила какъ прочіе іерархи великой церкви. 16) Болгарскіе митрополиты временно проживающіе въ Константинополѣ будутъ получать почетныя приглашенія на сослуженіе въ церквахъ съ греческими іерархами и на присутствіе въ синодѣ. 17) Еслибы въ Константинополѣ оказались законно-признанные свѣтскіе представители Болгарскаго церковнаго округа, то они будутъ приглашаемы на общія собранія патриархата. 18) Великая церковь даруетъ торжественнымъ актомъ прощаніе болгарскимъ епископамъ низложеннымъ за отказъ помянуть имя патриарха, лишь только они изъявятъ раскаяніе и

обязываютъ подчиниться всѣмъ вышеизложеннымъ постановленіямъ.

Патріархъ понималъ предлагаемыя имъ преобразованія какъ имѣющія чрезвычайную важность. Вотъ подлинныя его слова нашему посланцу въ Константинополь генералъ-адъютанту Игнатьеву: „Je bâtis de mes mains un pont à l'indépendance politique des Bulgares“.

Но Болгары не захотѣли довольствоваться уступками проекта Григорія VI, тѣмъ болѣе что онъ не раздѣлялъ главной стороны вопроса, именно о разграниченіи епископальныхъ епархій, укрываясь за властическимъ выраженіемъ: „епархія которыя будутъ признаемы болгарскими“. Идеи народности стали находить среди Болгаръ все болѣшую почву, и Порты захватываетъ въ это же время печатный адресъ на имя султана въ которомъ доказывается необходимость создать автономную провинцію изъ нынѣшней Болгаріи подъ именемъ наместничества Болгарскаго, связаннаго съ прочими областями Оттоманской имперіи на основаніяхъ федеративныхъ и имѣющаго въ отодѣлѣ имперіи свое отдѣльное народное представительство. Адресъ былъ подписанъ такъ-называемымъ центральнымъ болгарскимъ комитетомъ. Въ то же время враждебность Болгаръ по отношенію къ Грекамъ нашла себѣ выраженіе въ адресѣ которымъ Болгары осуждаютъ возстаніе Кританъ. Подачу этого документа, наглядно показывающаго разрывъ между христіанскими народами Балканскаго полуострова, Чомаковъ, одинъ изъ передовыхъ болгарскихъ бойцовъ, объясняетъ тѣмъ что Болгарамъ выродитѣ чтобы Турція просуществовала еще лѣтъ 50 или 60, въ теченіе коихъ они окрѣпнуть, иначе же они могутъ сдѣлаться добычей Грековъ или Русскихъ.

Не удовлетворивъ Болгаръ, проектъ Григорія VI вызвалъ опасенія и Грековъ; при разборѣ въ совѣтѣ проекта и составленнаго патріархомъ списка мѣстностей которыя должны были входить въ составъ предполагаемаго округа, особенное сопротивленіе было оказано мірянами, которые никакъ не хотѣли согласиться на расширеніе предѣловъ Болгарскаго экзархата за Балканы и громко обвиняли патріарха въ измѣнѣ греческому дѣлу. Твердость патріарха была поколеблена и онъ сталъ придумывать различныя отступленія отъ своего проекта, дабы тѣмъ успокоить бурю подавшуюся въ

совѣтъ по поводу его предложеній. Такъ ошараша на то что Фидлилополь даже во время самостоятельности Охридскаго патріархата составляя принадлежность вселенской церкви, Григорій VI объявилъ что этотъ городъ и теперь не можетъ быть присоединенъ къ будущему Болгарскому епархату. Кроме того, онъ объявилъ что епископскія кафедры въ Болгаріи будутъ замѣщаемы Болгарами лишь по смерти епископовъ въ настоящее время ихъ занимающихъ.

Вообще Греки были увѣрены что тогдашній моментъ имѣя рѣшающее значеніе въ исторіи развитія новой Греціи. Грецкій посланникъ въ Константинополь Деліанъ въ разговорѣ съ генералъ-адъютантомъ Игнатъевымъ повторилъ что во избѣжаніе всевозможныхъ недоразумѣній необходимо ограничить Болгарію линіей Балканъ. По его словамъ, вся политическая будущность Греціи зависитъ отъ разрѣшенія этого вопроса: борьба отнынѣ идетъ между Славянствомъ и Элланствомъ; борьба эта уже началась, и Греціи слѣдуетъ показать въ ней всю свою силу и непоколебимость.

Проектъ патріарха встрѣтилъ еще враговъ въ лицѣ турецкихъ министровъ, совѣтъ которыхъ выказался противъ созданія новой національности, — болгарской, — называя идею эту русскою. Они ошарашались чтобы вопросъ касающійся духовнаго управленія не породилъ новаго политическаго тѣла, съ которымъ Турціи придется считаться въ послѣдствіи. Порта боялась самаго имени Болгаріи и не желала давать этой области политическихъ границъ, дабы созданіемъ епархата съ ясно очерченными предѣлами не внушить Болгарамъ мысли требовать автономіи политической. Въ виду такихъ соображеній, Турки рѣшились, съ одной стороны, всячески мѣшать соглашенію между спорящими, выставляя каждому изъ нихъ недостаточность дѣлаемыхъ уступокъ и возможность добиться лучшихъ, а съ другой, споспосововать успѣхамъ униіи. Еще въ 1861 году Аали-паша въ отвѣтъ на сообщенія о недовольствѣ Болгаръ уступками патріарха сказалъ: „такъ пусть идутъ въ унию“. Теперь же Порта стала особенно интересоваться этимъ вопросомъ по двумъ причинамъ: встревоженная движеніемъ умовъ въ Болгаріи она, во первыхъ, желала бы сдержать ихъ порывъ, давъ ему другое направленіе и, во вторыхъ, надѣялась что по совращенію Болгаръ въ латинство сочувствіе къ нимъ Россіи неминуемо должно будетъ охладиться.

Какъ дополненіе къ своему проекту патріархъ Григорій

представлялъ проектъ рѣшенія финансовой стороны вопроса въ слѣдующихъ двухъ пунктахъ: 1) Болгарскій экзархатъ принимаетъ на себя уплату части долга патріархата пропорціонально своему пространству или числу жителей. 2) Епископы болгарскихъ епархій высылаютъ ежегодно на расходы по содержанию патріархата известную небольшую сумму, размеръ которой будетъ опредѣленъ особеннымъ регламентомъ. Остальные же всѣ доходы они употребляютъ по своему усмотрѣнію.

Какъ уже сказано выше, Болгары не удовлетворились проектомъ Григорія VI, какъ потому что епархія во Фракіи и Македоніи оставались въ прежнемъ положеніи, такъ и потому что патріархъ предоставлялъ себѣ большой просторъ вмѣшательству въ дѣла новоопредѣленнаго имъ Болгарскаго церковнаго округа. Они стали настаивать на совершенномъ отдѣленіи отъ вселенскаго престола, съ восстановленіемъ Охридской архіепископіи, съ тѣмъ чтобы къ ней были присоединены всѣ тѣ изъ болгарскихъ епархій которыя въ прежнее время хотя къ ней и не принадлежали, но какимъ-либо образомъ изъявляли желаніе соединить свою часть съ участіемъ прочихъ своихъ соотечественниковъ, а равнымъ образомъ и тѣ которыя входили въ предѣлы Тырновскаго патріархата, тоже незаконно уничтоженнаго патріархіей вселенскою. При такой лишь постановкѣ вопроса Болгары, говорили они, могутъ сказать что они пользуются правами происходящими изъ признаннаго въ государствѣ и начертаннаго въ гатти-гумаюнѣ начала свободы совѣсти.

Старанія турецкихъ министровъ усилить раздоръ между Греками и Болгарами нашли себѣ дѣятельнаго помощника въ одномъ изъ самыхъ ярыхъ предводителей Болгаръ, Чомаковѣ, депутатѣ города Филиппополя, который, не считая возможнымъ согласиться на предложенія патріарха, исключаяція представляемый имъ городъ изъ состава предполагаемаго экзархата, подаль Портѣ записку, прося о восстановленіи Охридскаго патріархата, основывая свое ходатайство на каноническомъ правѣ, на исторіи и на принципѣ свободы совѣсти, причемъ въ заключеніи благодарилъ Турецкое правительство за соблюдаемую имъ роль зрителя и просилъ сохранить ее до конца и не препятствовать Болгарамъ самимъ устроить свои церковныя дѣла.

Въ концѣ 1867 года въ Петербургъ пріѣзжали два болгарскіе представителя, Георгіевъ и Шоловъ, съ просьбой о помощи и покровительствѣ Болгарамъ, которые рѣшились посвятить всѣ силы и средства на освобожденіе свое отъ турецкаго ига. Депутаты эти выразили что они знаютъ что эта борьба сопряжена съ великими опасностями и страшными пожертвованіями, но не могутъ откладывать своего дѣла на неопредѣленное время, подчиняясь для составленія плана и опредѣленія времени указаніямъ Сербіи, которая со своей стороны обязалась помочь имъ деньгами, оружіемъ и снарядами.

Правительство наше, въ отвѣтъ на это обращеніе, отозвалось что по причинѣ важныхъ внутреннихъ преобразованій, Россія желаетъ устраниваться отъ войны, а потому не только не можетъ возбуждать своихъ единовѣрцевъ къ вооруженному возстанію, но и увѣщаетъ ихъ отложить рѣшительную борьбу до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, такъ какъ она не можетъ обѣщать поддержать вооруженною силой ихъ стремленій. До тѣхъ же поръ необходимо не покидать надлежащей осмотрительности и особенно озаботиться устраниеніемъ раздоровъ и недоразумѣній между разными христіанскими народностями, попытки которыхъ къ освобожденію оказывались неудачными отъ недостатка въ искреннемъ единствѣ дѣйствій. Въ то же время вниманіе Георгіева и Шолова было обращено на то какъ губельна для общаго дѣла продолжающаяся распря между Болгарами и патріархатомъ, что распря эта поддерживается чрезмѣрными стремленіями передовыхъ дѣятелей, что всѣ обращенія къ Портѣ по этому дѣлу совершенно бесполезны, какъ уже доказалъ опытъ, и только вредятъ православнои церкви, къ радости враговъ ея, и наконецъ что Болгарамъ необходимо войти въ прямыя сношенія съ патріархомъ, принять предлагаемыя имъ уступки и, прекративъ этотъ раздоръ въ виду дорогихъ имъ надеждъ, предоставить времени достиженіе остальныхъ законныхъ ихъ требованій.

Впрочемъ, обращеніе Георгіева и Шолова къ совѣтамъ митрополита Московскаго Филарета для изысканія средствъ къ примиренію осталось безъ послѣдствій, такъ какъ митрополитъ іерархъ объявилъ что онъ считаетъ официальное вмѣшательство Россійскаго Св. Синода невозможнымъ.

Ограниченія возвышенныя патріархомъ касательно епархій Филиппопольской и Охридской вызвали цѣлую бурю въ средѣ болгарской общины и раздѣлили ее на двѣ партіи; одна отказывалась принять проектъ Григорія VI въ виду того что главною цѣлью своею онъ ставитъ разьединеніе славянскихъ земель какою-то фиктивною линіей, что въ свою очередь окажетъ вредное вліяніе въ политическомъ отношеніи, когда придетъ возможность возстановить и объединить ихъ національную независимость; другая же партія, болѣе умѣренная, желала чтобъ епархіи Филиппопольская и Охридская, продолжая оставаться подъ непосредственною властью патріарха, приобрѣли тѣмъ же не менѣе право свободнаго выбора своихъ епископовъ, которые затѣмъ будутъ лишь утверждаться въ своемъ санѣ патріархомъ. Кроме того, они желали учрежденія при вселенскомъ патріархатѣ болгарскаго совѣта изъ мѣрянъ, который бы завѣдывалъ школами и благотворительными заведеніями.

Подъ вліяніемъ совѣтовъ нашего посла, Григорій VI началъ было склоняться въ пользу программы умѣренной болгарской партіи, во главѣ которой сталъ митрополитъ Паисій. Турецкое правительство, узнавъ о непосредственныхъ переговорахъ болгарской общины съ патріархатомъ и предвидя возможность соглашенія между ними, тѣмъ болѣе для него непріятнаго что это время совпало съ Критскимъ возстаніемъ, употребило всѣ усилія чтобы помѣшать примиренію и оставило собственный проектъ, долженствовавшій служить яблокомъ раздора между спорящими, давъ Болгарамъ понять что оно готово принять ихъ отдѣльною національною, *миллетомъ*. Болгары сочли эту уступку чрезвычайно важною, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, въ ней заключается зародышъ будущей автономіи, къ которой направлены всѣ ихъ помысленія.

Проектъ Порты давалъ Болгарамъ совершенно самостоятельную церковь, потому что хотя и ставилъ ее изъ приличія подъ верховную зависимость вселенскаго патріарха, но не упоминалъ въ чемъ именно эта зависимость должна выражаться. Особенно много раздоровъ обѣщала второй пунктъ, который говоритъ: „церкви построенныя Греками и освященныя ихъ епископомъ будутъ признаны исключительно собственностью греческихъ общинъ; такія же права предоставляются Болгарамъ относительно храмовъ воздвигнутыхъ ими;

вмѣстѣ съ тѣмъ Болгарамъ разрѣшается, въ случаѣ еслибы они призвали это нужнымъ, приступить къ построению новыхъ храмовъ исключительно для себя“. При невозможности съ точностью опредѣлить на чьи именно деньги выстроена та или другая церковь, постановленіе это вызвало бы нескончаемые споры и даже серьезныя столкновения обидѣ народныхъ.

Не излишне замѣтить что въ то же время султаны прислали болгарской церкви Св. Стефана въ Галатѣ Евангеліе со своею тугрою (именемъ). Болгары были этимъ поставлены въ немалое затрудненіе и подъ конецъ рѣшили выразить султани благодарность, объявивъ что приняли Евангеліе на хранение, но что употреблять его въ церкви не будутъ. По случаю 2.000 такихъ же Евангелій съ султанскою тугрою приготовлены были Портой къ отправленію въ провинціи.

Между тѣмъ болгарскіе представители избрали исполнительную комиссію изъ восьми членовъ, которой ввѣрили веденіе переговоровъ по церковному дѣлу. Въ основаніи ея инструкцій положено обязательство сохранить догматическое и духовное единеніе съ великою церковью. Здѣсь кстати будетъ сказать что другое обстоятельство въ которомъ Болгары показали что желаютъ остаться въ тѣсномъ единеніи съ православною церковью—это отказъ ихъ принять приглашеніе папы на такъ-называемый вселенскій соборъ созванный тогда въ Римѣ.

Исполнительная комиссія рѣшила что если патріархъ откажется принять проектъ разрѣшенія вопроса составленный бывшимъ митрополитомъ Филлипопольскимъ Паисіемъ, то она обратится съ просьбой о разрѣшеніи несогласія къ синодамъ Россійскому и прочимъ автокефальнымъ церквямъ.

Проектъ митрополита Паисія есть не что иное какъ проектъ патріарха Григорія VI съ нѣсколькими измѣненіями и дополненіями, заключающимися въ слѣдующемъ: второй пунктъ выраженъ такъ: „Болгарскій церковный округъ состоитъ изъ епархій чисто болгарскихъ и *смѣшанныхъ*, которыя будутъ указаны“. Затѣмъ „въ смѣшанныхъ епархіяхъ избраніе епископа предоставляется большинству, а меньшинству дозволяется просить у солеменнаго духовнаго начальника хорьеллскола, поминующаго вселенскаго патріарха и пославшее его начальство“. 6й пунктъ измѣненъ предоставленіемъ патріарху разъ навсегда уполномочить синодъ экзархата посвящать

избранныхъ еписколовъ, а 8й пунктъ дополненъ возложеніемъ на патріарха представительства по дѣламъ экзархата у Порты. Пункты 12й и 18й отмѣнены, но за то прибавленъ одинъ пунктъ о томъ что болгарскіе митрополиты и епископы будутъ улачивать на содержаніе вселенскаго патріархата выдающую на ихъ долю сумму денегъ.

Затрудненіе для патріарха принять проектъ Паисія заключалось, во первыхъ, въ условіи, присоединенія къ экзархату всѣхъ смѣшанныхъ епархій, а во вторыхъ, предложенное имъ нововведеніе хоръ-еписколовъ представлялось канонически незаконнымъ и оскорбительнымъ для Грековъ, такъ какъ обнаруживало заботливость Болгаръ отрѣшиться ото всякаго общенія съ ними. Поэтому Греки приняли враждебно проектъ Паисія и обвиняли даже патріарха Григорія въ излишней мягкости и въ измѣнѣ греческому дѣлу, вслѣдствіе которыхъ вопросъ доведенъ до такого развитія, и заставила его святѣйшество поклясться что онъ никогда не допуститъ расширенія предѣловъ Болгарскаго экзархата за Балканы, чѣмъ болѣе и болѣе выясняли истинныя причины улоуства съ которымъ Греки, въ видахъ народныхъ, отказываются сдѣлать Болгарамъ просимыя уступки.

Видя взаимное раздраженіе сторонъ, графъ Игнатъевъ обратился къ Россійскому Св. Синоду за указаніями, дабы Императорское посольство могло сообразно съ ними руководить дѣйствіями сторонъ.

Св. Синодъ не нашель въ 1868 году возможнымъ дать просимыхъ указаній, такъ какъ хотя онъ, по его выраженію, „и слѣдитъ съ напряженнымъ вниманіемъ за развитіемъ прискорбной Греко-Болгарской распри, тѣмъ не менѣе не можетъ въ настоящее время принять въ ней какое-либо участіе, признавая ее внутреннимъ вопросомъ самостоятельной Константинопольской церкви, въ дѣла коей не почитаетъ себя въ правѣ вмѣшиваться, не получивъ на то приглашенія вселенскаго патріарха“.

3 октября 1868 Порты, вынужденная появленіемъ близъ Дунаѣ болгарскихъ четъ къ уступчивости, прислала патріарху два проекта рѣшенія вопроса при особомъ *taskepe*, въ которомъ указываетъ на невозможность продолженія распри, на необходимость обезпечить Болгарамъ дарованныя всѣмъ подданнымъ султана права свободы совѣсти и наконецъ, на то что составленные проекты не касаются вовсе религіи, въ

вопросы которой Порты, по принципу, вѣкогда не вмѣшивается.

Первый проектъ заключался въ слѣдующемъ: 1) во всѣхъ мѣстностяхъ Оттоманской имперіи гдѣ проживаютъ православные Болгары, имъ предоставляется выбирать себѣ священниковъ знающихъ ихъ языкъ, 2) въ митрополіяхъ гдѣ большинство населенія составляютъ Болгары, митрополитъ будетъ Болгаринъ; такое же право предоставляется Грекамъ. Если же въ епархіи, гдѣ митрополитъ Болгаринъ, большинство жителей Греки, епископомъ назначается Грекъ, подчиняющійся ея митрополиту Болгарину и обратно, 3) въ Константинополѣ будетъ засѣдать башъ-митрополитъ, который вмѣстѣ со своимъ синодомъ будетъ имѣть полеченіе о духовныхъ нуждахъ Болгаръ, 4) митрополиты и епископы болгарскіе, избранные церковнымъ собраніемъ, назначаются султанскимъ бератомъ, 5) митрополиты и епископы болгарскіе избираются болгарскимъ синодомъ, но утверждаются патриархомъ, имя котораго они обязаны поминать на богослуженіи, 6) въ городахъ гдѣ учреждены митрополіи и епископскія кафедръ будутъ засѣдать тѣ которые назначены духовными начальниками этихъ епархій. Болгары сохраняютъ право на всѣ церкви гдѣ они теперь исключительно производятъ богослуженіе, а тѣ гдѣ оно производится смѣшанно переходятъ въ собственность Грековъ, Болгарамъ же предоставляется право строить новыя церкви, 7) синодъ обязанъ составить духовный регламентъ, который по утвержденіи Портой получить полную законную силу.

Второй проектъ разнится отъ перваго въ слѣдующемъ: 1) Болгарамъ предоставляется имѣть въ каждомъ вилайетѣ митрополита и въ каждомъ санджакѣ епископа, 2) такъ какъ все' остается попрежнему и греческіе митрополиты и епископы сохраняютъ свои мѣста, то болгарскіе должны избрать себѣ города для пребыванія тамъ гдѣ нѣтъ греческихъ епископовъ и митрополитовъ, 3) Греки остаются подъ начальствомъ своихъ духовныхъ пастырей, которымъ и Болгары могутъ, если пожелають, подчиниться, для назначенія въ санджакъ болгарскаго епископа требуется согласіе большинства жителей, 4) греческія митрополіи и епископскія кафедръ остаются за ними.

Существенный и коренной порокъ обоихъ проектовъ Порты состоитъ въ томъ что ими устанавливается совмѣстное и

параллельное существованіе въ предѣлахъ одной и той же церковной области двухъ единовѣрныхъ, но взаимно другъ отъ друга независимыхъ церковныхъ властей. Второй недостатокъ проектовъ это неопредѣленіе точнымъ образомъ границъ Болгарскаго экзархата. По канонамъ никакая церковь и никакое церковное управленіе не существовали и не могутъ существовать безъ точно опредѣленныхъ границъ, точно также какъ немыслимо существованіе гражданской администраціи безъ предѣловъ географическихъ. Такимъ образомъ и предположенная Болгарская церковь неминуемо должна имѣть свои границы, а не можетъ распространять свою юрисдикцію на всѣхъ Болгаръ разбросанныхъ по всей Оттоманской имперіи. Никогда ни одинъ патріархъ или епископъ не имѣлъ и не имѣетъ претензій на юрисдикцію по отношенію къ вѣрующимъ, хотя и соплеменнымъ и единовѣрнымъ, но обитающимъ внѣ его церковнаго округа. Слѣдовательно, точно также какъ Иерусалимскій патріархъ или митрополитъ Эфесскій или Кесарійскій не могутъ распространять своей юрисдикціи на вѣрующихъ ихъ епархій живущихъ въ Константинополѣ, ни русскіе митрополиты на Русскихъ обитающихъ въ томъ же городѣ, или наконецъ Эллинскій синодъ на царьградскихъ Грековъ, точно такимъ же образомъ духовный глава Болгарской церкви не можетъ имѣть притязаній на подчиненіе своей власти всѣхъ Болгаръ въ какомъ бы уголкѣ Турціи они ни находились.

Опираясь на поддержку Турецкаго правительства, Болгары выпросили у него дозволеніе напечатать въ мѣстныхъ газетахъ какъ *тезкере* Порты, такъ и составленные ею проекты.

Выходка эта глубоко оскорбила патріарха, который, потерявъ прежнюю энергію и налуганный неистовыми воплями мірянъ, вознамѣрился созвать общее собраніе, въ которомъ, конечно, должны были восторжествовать крайнія мѣраіа нѣкоторыхъ лицъ, желающихъ вынудить патріарха приблизиться къ церковнымъ карамъ и произнести анаѣмъ на Болгаръ нарушающихъ священныя каноны. Это были первые признаки бури разразившейся на Константинопольскомъ соборѣ 1872 года.

Находя въ проектахъ Порты отголоски требованій на необходимость которыхъ посольство наше въ Константинополѣ не переставало настаивать предъ патріархатомъ, Греки приписали послѣднія мѣры Турецкаго правительства русскому

взаимно, русскимъ внушеніямъ. Дѣйствительно, въ половинѣ октября 1868 года графъ Игнатьевъ высказалъ мысль, въ послѣдствіи осуществившуюся, о необходимости империальства гражданской власти, такъ болѣе что посольство наше въ Константинополь, лишившее указаній Св. Синода и предоставленное собственнымъ своимъ средствамъ, готово уже было тогда созваться въ невозможности склонить стороны ко взаимнымъ, въ духѣ христіанскаго братолюбія, уступкамъ. Впрочемъ, какъ послѣднее средство къ достиженію соглашенія, намъ стоило напомнить патриарху совѣтъ данный имъ еще въ 1866 году чрезъ посредство Дерковскаго митрополита, а именно войти въ сношеніе съ единоверными церквами, дабы посредствомъ взаимнаго обмѣна мыслей сдѣлать возможнымъ созваніе всецарскаго собора.

Патриархъ съ радостью ухватился за эту мысль, явившуюся единственною доской спасенія, и созвалъ чрезвычайное собраніе высшаго духовенства и докторовъ богословія, поручивъ въ то же время своему синоду написать опроверженіе проекта Порты. Патриархія находила ихъ противорѣчащими не только канонамъ, но и самому существованію христіанскаго вероисповѣданія, то-есть догмату вѣры, и наносящими ему смертельную рану.

Болгарскіе архіереи не оставили мнѣнія всецарскаго патриархія безъ возраженія; они доказывали что стремленіе отдѣлиться отъ Константинопольской церкви не нарушаетъ канонъ, такъ какъ 28 правило IV всецарскаго собора признаетъ за патриархомъ Константинопольскимъ право назначенія и юрисдикціи лишь на однихъ архимитрополитовъ Азіи, Понта и Фракіи, предоставивъ назначеніе епископовъ на кафедры находящіяся въ епархіяхъ подчиненныхъ этимъ архимитрополитамъ самимъ архимитрополитамъ съ ихъ синодомъ составленнымъ изъ подвластныхъ имъ епархіальныхъ епископовъ. Что же касается утвержденія каждаго изъ сказанныхъ архимитрополитовъ, то правило прибавляетъ что оно будетъ производиться архіепископомъ Константинопольскимъ послѣ того какъ выборъ этого лица будетъ сдѣланъ и сообщенъ ему послѣднему, сообразно съ церковными канонами и обычаями. На этомъ-то правилѣ и основаны церкви Сербская и Молдовалахская съ ихъ полунезависимыми архимитрополитами.

Вѣтъ болгарскіе архіереи доказывали что начало

народности нисколько не противорѣчатъ церковнымъ правиламъ, такъ какъ съ глубокой древности были уже отдѣльными церкви Эфиопская, Готская, Армянская, Грузинская, Оксидская, Хазарская, Русская, Элисская и пр., причемъ священники и епископы избирались по большинству голосовъ духовенствомъ и мирянами, какъ то говоритъ 6 правило I вселенскаго собора и 19 правило Антиохійскаго собора и законодѣ 34 апостольское правило выражается по этому случаю: „епископы каждаго народа должны имѣть начальникомъ первого между ними“.

Кромѣ того, Болгарскіе архіереи доказывали что въ ихъ домогательствахъ нѣтъ ничего противоdogматическаго, такъ какъ нѣтъ и рѣчи объ измѣненіи dogматовъ или даже просто церковныхъ обрядовъ; dogматъ же единства церкви не заключается въ признаніи одной и единственной Константинопольской церкви, отъ которой они хотятъ отдѣлиться, но въ вѣрѣ во святую, вселенскую и апостольскую Церковь, глава которой самъ Іисусъ Христосъ.

Что же касается обращенія ихъ къ свѣтской власти, то архіереи объясняли его тѣмъ что греко-болгарскій вопросъ не только духовный, но и политическій, такъ какъ епископамъ, кромѣ духовной власти, принадлежатъ еще власть судебная и административная.

Въ заключеніе болгарскіе архіереи утверждали что образование отдѣльной, самостоятельной Болгарской церкви можетъ быть даровано собственною властью вселенскаго патріарха, безъ вселенскаго собора, какъ то было для установленія церкви Русской и Элисской. Въ опроверженіи болгарскихъ архіереевъ замѣчательно то обстоятельство что они не настаиваютъ на фактѣ уничтоженія въ 1767 году самостоятельной Болгарской церкви, и тѣмъ доказываютъ что они сами прекрасно знали что церковь эта была лишь фиктивно болгарскою, а въ сущности чисто греческою.

Святѣйшій Григорій VI, рѣшивъ обмѣняться мыслями съ прочими самостоятельными церквами, обратился къ нимъ съ окружающимъ посланіемъ, гдѣ излагая ходъ церковной распри и причины прелатствующія ему удовлетворить домогательства Болгаръ, нынѣ открыто поддерживаемыхъ Турецкимъ правительствомъ, указываетъ на необходимость созванія вселенскаго собора.

Мысль о вселенскомъ соборѣ, какъ о крайнемъ средствѣ, какъ сказано уже выше, внушена была генералъ-адъютантомъ

Игнацешанъ, который со времени назначенія своего въ Константинополь постоянно стремился установить близкія, частыя и по возможности непосредственныя сношенія между вселенскимъ патріархомъ, прочими іерархами Восточной церкви и нашимъ Св. Синодомъ. Старанія его были не безуспѣшны и мало-по-малу вошли въ обычай между восточными іерархами относиться къ Св. Синоду и спрашивать его совѣта и братскаго духовнаго пособія въ дѣлахъ касающихся церкви. Такимъ образомъ вселенскій патріархъ въ распріѣ своей съ Молдавалахскою церковью обратился къ нашему Синоду, и отвѣтъ имъ полученный окончательно убѣдилъ греческое духовенство въ пользу которую Восточная церковь можетъ извлечь изъ тѣсныхъ сношеній и общаго мыслей съ Русскою. Точно также обратился къ нашему Синоду Григорій когда послѣдовало приглашеніе отъ папы на Римскій соборъ. Но самымъ рѣшительнымъ шагомъ патріарха было посланіе его по греко-болгарскому вопросу, въ которомъ онъ не только испрашиваетъ мнѣніе Русской церкви по этому предмету, но и предлагаетъ собрать вселенскій соборъ всѣхъ православныхъ церквей, подчиняясь заранѣе рѣшеніямъ его.

Отвѣтъ нашего Синода, вынужденнаго, несмотря на все свое желаніе, категорически высказаться по поводу церковной распріи, не удовлетворилъ ни Болгаръ, ни Грековъ. Напротивъ, онъ возбудилъ ожесточенную полемику въ обоихъ лагеряхъ и способствовалъ сильнѣйшему раздраженію сторонъ и къ увеличенію недовольства греческаго духовенства противъ насъ, тѣмъ болѣе что и вообще характеръ отношеній восточныхъ іерарховъ къ намъ измѣнился. Проявленіе народныхъ стремленій, воскресившихъ заглушенія было въ лонѣ православной церкви различныя народности, заступничество наше въ пользу Болгаръ въ Болгаріи, Македоніи и Фракіи, Арабовъ въ Сиріи и Палестинѣ, Сербовъ въ Старой Сербіи и Босніи и разныя другія обстоятельства поселили въ Грекахъ недовѣріе къ намъ, замѣнившее прежнюю безусловную въ насъ вѣру. Подозрѣнія возбужденныя предполагаемымъ въ насъ желаніемъ дать первенство на Балканскомъ полуостровѣ единокровному элементу надъ греческимъ усердно и безпрестанно раздувались агентами Залада, Турками и эллинскою печатью. Не надо забывать что большая часть іерарховъ, получая свое образованіе въ Греціи и въ греческихъ школахъ, легко поддается вліянію греческой журналистики,

а потому съ ужасомъ помышляеть объ уничтоженіи греческаго элемента въ пользу славянскаго. Поэтому и неудивительно что въ то время когда Болгары обвиняли Россійскій Св. Синодъ въ пристрастіи къ фанариотскимъ воззрѣніямъ, за то что онъ не одобряеть самовольное отторженіе Болгаръ отъ патріархіи, въ то же время греческое духовенство смотрѣло на отвѣтъ Св. Синода съ недовѣріемъ, какъ на слишкомъ благопріятный Болгарамъ, вида въ немъ положительное намѣреніе содѣйствовать православицкимъ замысламъ въ ущербъ греческимъ интересамъ на Балканскомъ полуостровѣ, и было недовольно мнѣніемъ Св. Синода что вселенскій патріархъ имѣлъ полное право собственною властью признать независимость Болгарской церкви.

Кромѣ того, Греки обвиняли насъ въ томъ что мы желаемъ ввести въ церковь принципъ національностей, напали на то что мы ободряемъ внимательство Порты въ церковныя дѣла, допуская обсужденіе фирмана, который наша церковь должна была бы оставлять не замѣченнымъ.

Грамота Св. Синода дѣйствительно благопріятна Болгарамъ. Признавая за вселенскимъ патріархомъ право дѣлать по своей доброй волѣ уступки Болгарамъ и даже признавать независимость ихъ церкви, „какъ призналъ вѣкогда независимость церкви Русской и Греческой“, Синодъ прибавляетъ: „нѣкоторыя, если не всѣ, желанія Болгаръ, заявленныя предъ вселенскимъ патріархомъ, суть, конечно, желанія самыя естественныя, основательныя, законныя, и его святѣйшество призывается самимъ своимъ пастьрскимъ долгомъ удовлетворять по возможности этимъ желаніямъ.“

Вообще же Россійскій Св. Синодъ высказывается противъ вселенскаго собора, дабы не вызвать раскола, могущаго произойти въ случаѣ если Болгары не подчинятся соборному постановленію.

Отвѣтное посланіе Сербскаго митрополита было кратко и отличалось простотой и слокойствіемъ. Митрополитъ Михаилъ высказываетъ вселенскому патріарху сожалѣніе что въ дѣло Божеское замѣшаны людскія страсти и церковный вопросъ перешелъ на почву политическую. Что же касается церковнаго управленія, то онъ полагаетъ что оно можетъ видоизмѣняться согласно требованіямъ необходимости. Видя возможность утѣшить эту прискорбную распрю только

ярымъ соглашеніемъ сторонъ, митрополитъ высказывается за удовлетвореніе требованій Болгарскаго народа, желающаго имѣть ластырей „рожденныхъ среди его“.

Не таковы были отвѣты восточныхъ патріарховъ, высказывающіе явное нерасположеніе къ Болгарамъ. Иерусалимскій патріархъ приписываетъ волненіе Болгаръ „сблзнамъ и обманамъ орудій сатаны и вѣрныхъ служителей мрака“ и обѣщаетъ „сдѣлаться единодушнымъ способникомъ къ устраненію изъ среды церкви недавно подлозшей ехидны племенныхъ различій.“

„Мы не потерлимъ“, говоритъ въ свою очередь Антиохійскій патріархъ, „чтобы были устраняемы права и издревле переданныя намъ преимущества церкви.“ Въ томъ же духѣ составленъ былъ отвѣтъ Кипрскаго митрополита.

Аѳинскій синодъ въ своемъ посланіи считаетъ требованія Болгаръ не только противными церковнымъ законоположеніямъ, но и лишеными всякаго практическаго смысла. Отвѣтственность за всѣ раздоры возникшіе въ великой церкви Эллицкій синодъ возлагаетъ на преувеличенныя требованія Болгаръ. Признавая справедливымъ для Болгаръ употреблять въ церковныхъ службахъ славянскій языкъ, онъ сожалѣетъ объ отвращеніи ихъ къ языку греческому, „царственному языку“, которому они обязаны первоначальнымъ своимъ духовнымъ образованіемъ и на которомъ говорили и писали первые отцы церкви. Россійскій Св. Синодъ хотѣлъ было предварительно согласиться съ Эллицкимъ синодомъ, дабы отвѣты обоимъ на посланіе патріарха были по возможности тождественны, но когда объ этомъ было написано въ Аѳины нашему тамъ посланнику Новикову, то было поздно, такъ какъ отвѣтъ Аѳинскаго синода былъ уже отправленъ въ Константинополь.

Всѣ восточныя церкви высказались за собраніе вселенскаго собора, и такимъ образомъ ярко выступило разногласіе между греческими и славянскими церквами изъ-за вопросовъ чисто народныхъ.

Легко представить себѣ впечатлѣніе произведенное этими отвѣтами на Болгаръ; имъ не трудно было предвидѣть, въ какомъ смыслѣ рѣшилась бы ихъ распря на вселенскомъ соборѣ созванномъ при такомъ настроеніи.

Порта со своей стороны, не желая собранія въ Константинополь вселенскаго собора, не переставала поддерживать

домогательства Болгарь и внушала имъ подѣ рукой что она не прочь дать имъ фирманъ для учрежденія ихъ собственной церкви, лишь только епископы болгарскіе соберутся въ Константинополь и согласятся между собою насчетъ основъ будущаго церковнаго устройства.

Вслѣдствіе подобныхъ внушеній, крайняя болгарская партія вызываетъ въ Константинополь епископовъ, которые немедленно повинуются этому приглашенію. Простой народъ въ Болгаріи относится съ восторгомъ къ путешествію епископовъ, считая его предзнаменованіемъ скорого разрѣшенія вопроса, дѣлаетъ, между прочимъ, Софійскому митрополиту овацію при проѣздѣ его чрезъ Руцукъ и служить молебны за султана какъ благодѣтеля Болгарскаго народа.

Патріархъ вселенскій былъ глубоко олечаленъ самовольнымъ пріѣздомъ болгарскихъ епископовъ изъ своихъ епархій въ Царьградъ и считалъ его нарушеніемъ каноновъ и безпримѣрнымъ ослушаніемъ; онъ жалуется Портѣ и составляетъ окружное посланіе, читаемое по всѣмъ церквамъ Константинополя и объясняющее положеніе вопроса.

Болгарскіе епископы, прибывъ въ Константинополь, подали патріарху записку, въ которой объясняютъ что положеніе дѣлъ въ Болгаріи невыносимо, что народъ давно уже не хочетъ признавать греческихъ епископовъ посылаемыхъ вселенскимъ патріархатомъ и что вслѣдствіе того церкви лишены священниковъ, прихожанъ—таинствъ. Не ставя никакихъ новыхъ условій примиренія, епископы считаютъ раздѣленіе церквей фактомъ отнынѣ уже совершившимся и заявляютъ о невозможности для Болгарь помышлять о какомъ-либо полюбовномъ соглашеніи со вселенскимъ престоломъ. Указавъ на бесполезность вселенскаго собора для рѣшенія распри, епископы въ заключеніи своей записки говорятъ что они удаляются отъ служенія Константинопольскому престолу и возвращаются въ древнюю церковь Болгарскую, православную, каноническую и автокефальную, которую признаетъ весь Болгарскій народъ и клиръ и которая была, есть и вѣчно будетъ въ духовномъ единеніи съ великою церковью.

Патріархъ возвратилъ прошеніе епископамъ съ выговоромъ и потребовалъ ихъ отъѣзда въ епархію; въ то же время, хотя и крайне раздраженный, Григорій VI, подѣ влияніемъ совѣтовъ графа Игнатьева, лишь въ послѣдней крайности грозилъ прибѣгнуть къ церковнымъ карамъ.

Епископы не повиновались однако приказанію патріарха и, оставшись въ Константинополѣ, образовали изъ себя соборъ. Эти епископы были: Паваретъ Филиппопольскій, Паисій Пловдивскій, Анеимъ Виддинскій, Дороеей Софійскій, Иларіонъ Ловчанскій и Иларіонъ Макаріупольскій.

Съ личностями Паисія Филиппопольскаго и Иларіона Макаріупольскаго мы уже знакомы. Обратимся теперь къ прочимъ духовнымъ сановникамъ составившимъ изъ себя первый Болгарскій соборъ.

Пресвященный Паваретъ, родомъ изъ Битоли, кончилъ курсъ филологическихъ наукъ въ Аѳинскомъ университетѣ. Ноставленный епископомъ, онъ, благодаря своему искусному притворству, считался Греками вплоть до открытаго разрыва однимъ изъ преданнѣйшихъ вселенской патріархіи.

Пресвященный Дороеей—Болгаринъ изъ Колривщицы, самоучка, постриженный на Аѳонѣ, былъ за деньги рукоположенъ греческимъ Тырновскимъ митрополитомъ во Врачанскіе епископы и въ 1861 году ознаменовалъ себя ссорой со своею партіей; въ началѣ 1863 года принялъ унию, но потомъ скоро раскаялся и возвратился въ православіе. Еписколъ Дороеей считался преданнымъ Туркамъ и потому былъ очень не любимъ Болгарами; умеръ онъ въ Константинополѣ въ крайней бѣдности.

Иларіонъ еписколъ Ловчанскій, родомъ изъ Елены, былъ протосинагеломъ Тырновскаго греческаго митрополита Мелетія и по настоянію жителей города Ловчи былъ за большія деньги поставленъ еписколомъ этого города. Пресвященный Иларіонъ былъ первымъ Болгарскимъ еписколомъ посланнымъ на Болгарскую епархію.

Наконецъ будущій Болгарскій экзархъ Анеимъ Виддинскій былъ уроженецъ города Кыркъ-Клиссе (Лозенъ-града) и воспитывался сначала въ греческихъ училищахъ, затѣмъ уѣхалъ въ Россію, поступилъ въ Харьковскую семинарію, а потомъ въ Московскую Духовную Академію, гдѣ и кончилъ курсъ магистромъ. Въ 1857 году вернувшись въ Константинополъ, блаженный Анеимъ въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ былъ іеромаханомъ при російскомъ посольствѣ, а затѣмъ профессоромъ церковной исторіи и русскаго языка въ Халкинской семинаріи. Поставленный въ 1860 году еписколомъ Преславскимъ, блаженный Анеимъ, посланный на ревизію Визійской епархіи, возвращаетъ въ 1862 году

изъ унці села Малаго Тырновъ и Малаго Сажакъ, гдѣ изъ 500 семействъ уніатовъ не возвращалось въ православіе только 35 или 40 семействъ. При этомъ блаженный Анеимъ случайно избавлялся отъ убійства уніатами.

Затѣмъ преосвященнаго послали на новую ревизію въ Кукушь, гдѣ ему удалось оправдать Паресія Поляинскаго, и въ 1865 году назначили ректоромъ Халкинскои семинаріи, которую онъ и привелъ въ блестящее оостояніе. Снова посланный на свиданіе въ Кессарійскую епархію, блаженный Анеимъ, по возвращеніи своемъ поставленъ былъ въ 1868 году въ митрополита Виддинскіе; въ Виддинѣ онъ былъ принятъ очень холодно паствою, считавшею его другомъ патріархіи и измѣнникомъ народному дѣлу. Убѣдившись въ невозможности противиться народному движенію, блаженный Анеимъ по приглашенію главарей болгарской партіи осенью 1868 года рѣшился открыто принять сторону народа и 6 декабря 1868 года совершилъ литургію не помянувъ имя вселенскаго патріарха. Блаженный Анеимъ обладаетъ даромъ обязательнаго краснорѣчія. Проловѣди его въ Константинополѣ производили потрясающее впечатлѣніе, и греческіе журналы того времени приравнивали его къ знаменитостямъ древняго міра и называли новымъ Іоанномъ Златоустомъ. Выше впрочемъ мы имѣли уже случай привести Шумленскую рѣчь блаженнаго Анеима.

Положеніе дѣлъ становилось все болѣе натянутымъ.

Всю надежду свою Болгары полагали на Порту, которая чтобы разжечь споръ отдастъ имъ документы касающіеся уничтоженія Охридской и Илекской каедръ.

Въ свою пользу Болгары выставляли главнымъ образомъ тотъ аргументъ что если султанъ Мустафа съ вѣдома и по просьбѣ патріарха Самуила имѣлъ въ 1767 году право измѣнить церковное устройство установленное императоромъ Юстиніаномъ, то и султанъ Абдуль-Азизъ имѣетъ нынѣ такое же право возстановить прежній порядокъ вещей, не прибѣгая къ созванію вселенскаго собора, тѣмъ болѣе что въ сущности греко-болгарская распра въ настоящее время вовсе не церковный вопросъ, а чисто народное дѣло, благопріятнымъ рѣшеніемъ котораго Болгары желаютъ стать въ уровень съ другими народностями предъ правительствомъ султана.

Болгары рѣшились откровенно высказать что распра ихъ съ Греками имѣетъ характеръ исключительно народный,

направленный къ воссозданію Болгаріи какъ отдѣльной національности. Въ виду такого оборота дѣлъ и усилившагося волненія между Болгарами, Турецкое правительство, находившее одно время выгоднымъ для себя поддерживать и разжигать распрю, начало понимать опасность для себя такого образа дѣйствій и рѣшило подвергнуть вопросъ новому обсужденію въ смѣшанной комиссіи составленной изъ свѣтскихъ трехъ Болгаръ и трехъ Грековъ, которой было поручено добиться какого-либо соглашенія.

Работы комиссіи шли медленно; патриархъ отвергалъ ея значеніе какъ составленной не изъ духовенства и настаивалъ чтобы болгарскіе епископы отправились прежде всего въ свои епархіи. Крайняя же болгарская партія настаивала не только на томъ чтобы епископы не удалялись изъ Константинополя, но чтобы они совершили торжественное служеніе въ церкви, дабы тѣмъ ознаменовать свое отдѣленіе отъ вселенской патриархіи.

Недовольные ходомъ работъ комиссіи болгарскіе представители, не ограничиваясь жалобой на нее въ Порту, стали просить иностраннаго содѣйствія и обратились къ великобританскому послу; они не продолжали дѣйствовать въ томъ же смыслѣ въ другихъ посольствахъ лишь потому что это обращеніе весьма не понравилось Турецкому правительству.

Новое обстоятельство совершенно неожиданно усложнило вопросъ. Сербское регентство нашло нужнымъ поручить своему агенту въ Константинополѣ заявить права Сербіи на Илекскій и Охридскій престолъ, какъ принадлежавшіе некогда Старой Сербіи, и настаивать на томъ что, въ случаѣ отдѣленія ихъ отъ вселенскаго патриархата, право назначать епископовъ должно перейти къ Сербскому митрополиту. Графу Игнатьеву стоило не мало труда убѣдить Сербское правительство въ несвоевременности такихъ заявленій, которыя возбуждали бы недовѣріе Порты и повели бы, съ другой стороны, къ разрыву съ Болгарами.

Сознавая всю опасность направленія принимаемаго распрей, посолъ нашъ употребилъ всѣ усилія чтобы воспрепятствовать окончательному разрыву. Предъ Болгарами онъ настаивалъ прежде всего на необходимости установить каноническое основаніе для церковнаго болгарскаго устройства. Это была необходимость первенствующая, вопросъ же о числѣ и пространствахъ епархій которыя войдутъ въ составъ экзархата

имѣлъ уже второстепенную важность, такъ какъ онъ могъ измѣняться подѣ вліяніемъ событій. Прочныя учрежденія основываются лишь постепенно, желать же достигнуть всего разомъ значило бы дѣйствовать противно урокамъ исторіи. Что касается огреченія и католической пропаганды, то графъ Игнатъевъ старался разсвѣять опасенія Болгаръ въ томъ что оставшіяся въ рукахъ Грековъ болгарскія земли утратить свою народность; если до сихъ поръ Болгары могли противостоять вліяніямъ которыхъ нынѣ такъ они опасаются, то нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ ихъ стойкости теперь, когда предъ ними будетъ новый свѣтъ надежды, который будетъ освѣщать ихъ луть и укрѣплять ихъ мужество.

Великому визирю посольствъ нашъ поставлялъ на видъ крайнюю потребность достигнуть соглашенія сторонъ; такъ какъ въ случаѣ разрыва Портъ грозило бы волненіе въ Болгаріи или необходимость созвать вселенскій соборъ.

Понимая справедливость этихъ доводовъ, Аали-паша принималъ личное председательство надъ смѣшанною комиссіей, и послѣ нѣсколькихъ засѣданій удалось наконецъ прийти къ соглашенію, первому послѣ многолѣтнихъ раздоровъ.

Выработаннымъ комиссіей проектомъ устанавливалось отдѣльное церковное управленіе; во главѣ его находилась Болгарскій экзархъ—предсѣдатель Болгарскаго синода; онъ назначается бератомъ и поминаетъ при служеніи патріарха, который устранивается ото всякаго вмѣшательства въ церковное управленіе. За вселенскимъ патріархатомъ остается въ Варянской епархіи Варна, Месемврія, Анхιάлъ, Созопольскъ; во Фракіи южная ея часть съ Адрианополемъ, въ Македоніи Солуя. Болгарамъ предоставляются Кукушь, епархіи Водены, Моглены, Струмници и сѣверная часть епархіи Мельника. Городъ Битоля будетъ принадлежать патріарху, окружающія деревни съ городомъ Прильпомъ составятъ Болгарскую епархію. Велесъ, Скопія, Приштина, Самаковъ и Невроколь войдутъ въ предѣлы экзархата, точно также какъ и городъ Охрида. Фермы же Преславской епархіи, окружающія Преслу, деревни населенныя Куцовлахами, Сересъ и Драма будутъ продолжать оставаться подѣ властью Константинопольскаго престола. Мѣстомъ засѣданій синода будетъ Тырново или Охрида.

Несмотря, однако, на всѣ старанія какъ нашего посла, такъ и греческаго посланника и членовъ комиссіи, патріархъ не

согласился принять выработанный ею проектъ и представилъ свое возраженіе, требуя въ некоторыхъ измѣненій этого проекта; протестуя противъ предложеннаго разграниченія, патріархъ хотя и предоставляетъ Болгарамъ право свободного выбора, сообразно съ канонами, экзарха и митрополитовъ, но настаиваетъ на своемъ правѣ утверждать ихъ, въ этомъ санѣ особою утвердительною грамотою. Береть для экзарха испрашивается патріархомъ и немедленно сообщается имъ экзарху, который, равно какъ и подчиненные ему митрополиты, поминаютъ на богослуженіи имя патріарха. Въ денежномъ отношеніи патріархъ тоже не согладался съ заключеніями комиссіи, онъ желалъ получать съ Болгаръ 100.000 ластровъ ежегодной дани, а они предлагали лишь 30.000.

Что касается возраженія патріарха на разграниченія Аали-паша находилъ что противодѣйствіе ему исходить не столько отъ самого патріарха сколько отъ Грековъ міравъ, которые боятся чтобы граница проведенная нынѣ между двумя церковными областями не повліяла на политическія судьбы эллинизма, предполагая что въ тотъ день когда наступитъ время дѣлить наслѣдство имперіи Османа, Славяне воспользуются чтобы захватить себѣ львиную долю.

Приверженцы идеи эллинизма, видящіе въ уступкахъ Болгарамъ измѣну будущему великому дѣлу Греціи, фанариотское духовенство и католическая пропаганда удвоили свои происки чтобы помѣшать патріарху войти въ какое-нибудь соглашеніе съ Болгарами.

Французское же правительство уже тогда начало поддерживать стремленія эллинизма, дабы восстановить свое вліяніе на греческую народность и содѣйствовать въ то же время успѣхамъ униі.

Послѣ бурнаго засѣданія, въ которые изъ членовъ патріаршаго совѣта подали въ отставку, подъ тѣмъ предлогомъ что его святѣйшество одѣваетъ по слабости своей противоканоническія уступки Болгарамъ.

Утомленный борьбой и не вида себѣ поддержки въ окружающихъ его лицахъ, Григорій VI рѣшилса самъ подать въ отставку, и лишь благодаря усиленнымъ стараніямъ Аали-паша и графа Игнатьева, оласавшихся что при преемникѣ его церковное дѣло приметъ еще худшее направленіе, удалось уговорить его святѣйшество взять свою просьбу назадъ.

Разрѣшеніе вопроса не подвигалось, однако, нисколько;

послѣ вои́хъ разнообразныхъ и одинаково неудачныхъ попытокъ достигнуть соглашенія сторонъ оставалось еще одно средство, давно уже предвидѣнное министъ посломъ въ Константинополь, а именно—вмѣшательство Турецкаго правительства, но не какъ посредника, а съ цѣлью постановить свое рѣшеніе, равно обязательное для обѣихъ сторонъ. За невозможностью развязать узелъ, оставалось только разстчь его.

Порта тѣмъ болѣе склонялась къ такому образу дѣйствій что давая Болгарамъ фирманъ она рѣшилась строго ограничить вытекающія изъ него преимущества исключительно церковною стороною дѣла, сохранивъ за собою все что касается юрисдикціи гражданской и административной. Турецкое правительство предполагало достигнуть этимъ нѣсколькихъ результатовъ разомъ: добиться централизаціи власти, отнять патріаршихъ преимуществъ и ослабленія вообще церковной власти и въ то же время дать удовлетвореніе, хотя и кажущееся, домогательствамъ Болгаръ. Но появленію фирмана, окончательная редакція котораго была готова уже въ сентябрь 1869, прелютотвовали происки греческаго духовенства и существовавшія еще опасенія Турецкаго правительства, которому пришлось бы такимъ образомъ признать болгарскую народность. Сознывая все значеніе послѣдняго обстоятельства, великій визирь рѣшился однако покончить съ тагостнымъ греко-болгарскимъ вопросомъ и утвердить торжественнымъ актомъ постановленія комиссіи.

Посолъ нашъ находилъ въ то время что хотя, конечно, прямое соглашеніе сторонъ было бы лучше, но такъ какъ этого соглашенія не предвидѣлось и во всякомъ случаѣ вѣлья было бы обойтись безъ утвержденія правительства, то онъ и счелъ нужнымъ не только поддерживать Аали-пашу въ его намѣреніяхъ, но и настаивать на возможно скоромъ обнародованіи фирмана. Многочисленные прошенія изъ Болгаріи, усиленно настаивающія на рѣшеніи вопроса, тогда же ледаются Аали-пашѣ, который наконецъ 28 февраля 1870 вручаетъ фирманъ болгарскимъ выборнымъ.

В. ТЕПЛОВЪ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

СЕРЬСКІЯ МЕЛОДІИ

1.

Снилось Богоматери Пречистой:
Дерево у ней растетъ изъ сердца,
Въ ширину-то—по всему по свѣту,
Въ вышину-то—до самаго неба.
Разгадать тотъ сонъ она не можетъ,
Просить брата святаго Василья:
„Милый братецъ мой, святой Василій!
Въ эту ночь мнѣ чудный сонъ приснился:
Дерево у меня растетъ изъ сердца,
Въ ширину-то—по всему по свѣту,
Въ вышину-то—до самаго неба,
Разгадать сонъ чудный не могу я.“
Отвѣчалъ сестрѣ святой Василій:
„Сестра моя, Дѣва Пресвятая!
Чудный сонъ тебѣ я разгадаю.
Дерево у тебя растетъ изъ сердца:
Ты родишь намъ Христа Бога-Сына.
Разрослось оно по всему міру:
Отъ грѣха твой сынъ весь міръ избавить.
Поднялось оно съ земли на небо:
Отойдетъ отъ насъ Онъ къ Отцу-Богу.“

2.

Взялъ Господь у матери родимой
 Взялъ Господь любимаго сыночка.
 Плачетъ мать о сынѣ безпрестанно,
 И Господь ей съ неба посылаетъ
 На утѣху ангеловъ пресвѣтлыхъ:
 „Улетайте, ангелы святые!
 Ископайте изъ могилы сына,
 Приносите матери печальной
 Милаго сына полюбоваться.“

Улетали ангелы святые,
 Ископали сына изъ могилы:
 У него — мокрѣховька сорочка,
 Нѣтъ въ рукахъ свѣчи — одна свѣтильня.
 Приносили ангелы святые
 Матери сына полюбоваться.

Спрашиваетъ мать, увидя сына:

„Что съ тобой, дитя мое родное?

Отчего мокра твоя сорочка?

Отчего въ рукахъ одна свѣтильня?“

Отвѣчаетъ ей сынокъ любимый:

„Ахъ, родная, не пытай объ этомъ!

На плечахъ моихъ сорочка смокла.

Отъ твоихъ великихъ слезъ, родная,

А въ рукахъ истаяла вся свѣчка

Отъ твоихъ, родная, тяжкихъ вздоховъ!“

3.

Въ пятницу сынокъ работу бросилъ,
 Всю субботу пролежалъ въ постели,
 Въ воскресенье рано въ путь собрался.
 Не краснѣ его я снарядила:
 Полотна кусокъ дала въ дорогу,
 Да еще платокъ досокъ сосновыхъ!

4.

У Марицы девять латъиць,
 А сама лонла въ десятомъ
 Ранней утренней росой
 Въ виноградникъ за лозой.
 Въ виноградникъ ходила—
 Все то латъе замочила,
 И за эту за напаетъ
 Стала Мара себя клясть:

„Обрати меня ты, Боже,
 Обрати зеленой елкой,
 Мои косыньки—вѣтвями,
 Мои ручки—стебельками,
 Мое горлышко—въ свирѣль.
 Ты ловѣсь его на ель,
 Пусть Иванъ-пастухъ снимаетъ,
 На свирѣли той играетъ.
 Какъ заслышитъ пѣсню мать
 Станетъ дочку вспоминать.
 И похвалится родная:
 Ишь свирѣлочка какая!
 Слово горлышко, ей-ей,
 Милой Марицы моей!“

5.

Вѣтеръ дуетъ, солнце пышетъ
 Иво Ставкѣ письмо лишетъ:
 „Ты пришли мнѣ, дорогая,
 Свою душу, свои очи,
 Свое бѣлое лицо!
 Пришли душу вмѣстѣ съ латъемъ
 Чтобы быть ему — телѣе,
 Бѣло личико — съ сорочкой
 Чтобы быть ей любѣе,
 Очи ясны — съ видомъ краснымъ
 Чтобы быть ему лѣе!
 Да еще прибавь три слова:
 Одно слово—не скучай!
 А другое—поджидай!
 Третье слово—въ луть готова!“

6.

Что родила матушка—спасибо!
 А что выдала, родная—не спасибо!
 Что бы выдать за мастераваго?
 А не то такъ за купца какаго?
 Мастеръ хоть по правдицамъ да любить,
 Кулчикъ любить какъ придетъ изъ лавки,
 А крестьянинъ только то и знаетъ:
 День онъ—пашеть, ночь—воловъ гоняеть.

7.

Среди поля, на дорогѣ
 У юнака конь споткнулся,
 Заупрямился—нейдетъ.
 Юнакъ плеточку беретъ,
 Приговариваетъ:

„Что съ тобою, конь мой добрый?
 Что упрямишься? что сталъ?
 Иль узда тебѣ не въ пору?
 Иль въ дорогѣ ты усталъ?“

Конь юнаку отвѣчалъ:

„Нѣтъ, узда моя мнѣ въ пору,
 Я въ дорогѣ не усталъ:
 Мы съ тобою то и знаемъ
 Что въ кафаны заѣзжаемъ.
 Меня къ тыну привязалъ—
 Самъ въ кафану убѣжалъ.
 А въ кафанѣ три красотки:
 Одной имя—Наливайка,
 Другой имя—Угощайка,
 Третьей имя—Обнимайка.
 И пошелъ тамъ пировать,
 Да красотокъ подзывать:
 — Наливайка, наливай!
 Угощайка, угощай!
 Обнимайка, обнимай!
 А я жду, да ожидаю,
 Поджидаю голодаю,
 Кормлюсь сорною травкою,
 Да колытомъ земаю рою!“

8.

Это мой, что мимо околов ходить,
 Мимо ходить, плечикомъ поводить:
 Кажется меня онъ не обманеть:
 Проходилъ вчера—переглянулъ,
 Проходилъ сегодня—улыбнулся,
 А ужь завтра—вѣрно поцѣлуеть!

9. 114

Не гнѣвись ты, душа-дѣвица моя,
 Что вздыхаючи глажу я на тебя:
 На красу глядя да отвѣтлуду твою,
 Позабылъ я бѣдность горькую мою!
 А она въ оквѣтъ: „Эхъ, парень, гаушь ты. звать.
 Погода еще ты бѣдность забываешь.
 Ты сперва вѣтъ поцѣлуй, да приласкай,
 Да тогда ужь свою бѣдность забывай!“

10.

Дѣвушки—народецъ баловливый:
 Какъ увидать что коса по плечи—
 Просятъ: „Матка, залетай намъ косу!“
 Не услѣють заллести имъ косу—
 Просятъ: „Матка, покулай нарядовъ!“
 Не услѣють накупить нарядовъ—
 Просятъ: „Матка, выдавай насъ замужъ!“
 Какъ увидать парня, да съ усами:
 „Смотри, матка, словно котъ мурлыка!“
 Какъ увидать парня съ бороною:
 „Смотри, матка,—козелъ въ огородѣ!“
 А случится парень безбородый:
 „Смотри, матка,—дѣвичья душонка!“

11.

И каялась я, и божилась:
 Что бъ со мной ни приключилось—
 Не пойду за малыша!
 Да такіе дни настали.

Рослыхъ всѣхъ въ солдаты взяли—
И лошла за малыша!
По дрова его послаала,
Дожидалась-поджидала—
А его все нѣтъ да нѣтъ.
Побросала я работу,
Побѣжала за ворота:
Муженекъ въ снѣгу завязъ!
Его за поясъ схватила,
Грѣться къ печкѣ привосила:
Муженекъ кричить: „горю!“
Его за поясъ схватила,
На вашести посадила,
Муженекъ мавъ: „уладу!“
Его за поясъ схватила,
Да въ курятникъ затворила.
Муженекъ пропалъ и тутъ:
Плачетъ: „куры заклюютъ!“

АЛЕКСАНДРЪ ОРЛОВЪ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ

Сергей Горбатовъ. Историческій романъ конца XVIII вѣка. Всеволода Соловьева.

Авторъ этого романа, знакомый читателямъ *Русскаго Вѣстника* по весьма интересной повѣсти его *Наваждение*, одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ весьма распространеннаго и прекрасно издаваемого иллюстрированнаго журнала *Нива*, въ которомъ и былъ первоначально напечатанъ вышедшій нынѣ отдѣльнымъ изданіемъ *Сергей Горбатовъ*. Произведенія г. Соловьева имѣютъ значительный заслуженный успѣхъ среди многочисленныхъ подлищниковъ этого изданія, которыхъ онъ даритъ ежегодно новымъ беллетристическимъ произведеніемъ историческаго содержанія. Весьма еще молодой, но уже довольно много произведшій, писатель,—талантъ его видимо вырабатывается, пріобрѣтаетъ опытность и твердость. Отношенія его къ избираемымъ имъ сюжетамъ вполне добросовѣстны и здравы и не имѣютъ ничего общаго съ *тенденціозными* приѣмами цвѣхъ изъ его собратьевъ по бытописательному жару. Сынъ историка, г. Соловьевъ владѣетъ довольно обширною начитанностью по исторической литературѣ, лишеть прекраснымъ азыкомъ и отличается недостаточно быть—можетъ яркою и выпуклою, но весьма симпатичною во всякомъ случаѣ манерой рисовки характеровъ и картинъ нашего прошлаго. Изъ предшествовавшихъ *Горбатову* произведеній его наиболѣе удачнымъ

слѣдуетъ считать *Касимовскую Невѣсту*, небольшой „романъ“, вѣрнѣе повѣсть, въ которомъ весьма непосредственно и сердечно, если можно такъ выразиться, разказывается извѣстная исторія красавицы Всеволодской, избранной себѣ въ жены шестнадцатилѣтнимъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, и затѣмъ, по проискамъ Морозова, объявленной „пороченною“, изгнанной съ „верху“ и сосланной со всею семьей своею на жительство въ Тюмень.

Время дѣйствія *Сергѣя Горбатова* относится къ послѣдней трети царствованія Екатерины. Сынъ бывшаго сановника двора императрицы Елисаветы и преданнаго затѣмъ слуги Петра II, удалившагося добровольно къ свѣе Тамбовское имѣнiе послѣ смерти своего государя, герой романа воспитанъ въ глуши русской деревни образованнымъ Французомъ, страстнымъ поклонникомъ Жанъ-Жака Руссо и энциклопедистовъ. Старикъ отецъ его умираетъ, и двадцатилѣтній юноша, по вызову извѣстнаго Льва Александровича Нарышкина, пріятеля и родни покойнаго Горбатова, и подвигаясь жеданію самой императрицы, пріѣзжаетъ къ ея двору въ Петербургъ, гдѣ принять ея съ особою милостію и опредѣляетъ по вѣдомству иностранной коллегіи подъ начальство графа Безбородка. Богатый, знатный и красивый, онъ подвергается со стороны женщинъ и разгульной гвардейской молодежи, собирающейся у него въ домъ, всякимъ искушеніямъ, но остается чистъ и непороченъ, храня свято въ душѣ прекрасный образъ дѣвушки княжны Татьяны Пересвѣтовой, съ которою на самой зарѣ жизни, еще почти дѣтymi, обмѣнялись они обѣтами вѣчной любви и вѣрности. Таковъ главный мотивъ романа, дающій случай автору вывести предъ нами нѣсколько историческихъ лицъ той эпохи, начиная съ самой „великой жены“, какъ называлъ ее Пушкинъ. На большомъ маскарадѣ у Нарышкина Сергѣй Горбатовъ представленъ самою государыней свѣтлѣйшему князю Таврическому, только-что пріѣхавшему съ юга,—и подслушиваетъ затѣмъ нечаянно разговоръ его съ тогдашнимъ фаворитомъ, графомъ Мамоновымъ, котораго Потемкинъ журить за „маханье“ (ухаживанье) съ княжной Щербатовой, грозящее его протѣже гибелью положенія его при дворѣ, причемъ намекаетъ ему что молодой Горбатовъ можетъ легко сдѣлаться его преемникомъ... Но на этомъ же вечерѣ героя нашего представляетъ хозяинъ цесаревичу Павлу Петровичу, который, помня что старикъ Горбатовъ былъ

„одинъ изъ немногихъ и самыхъ вѣрныхъ друзей и слугъ его отца“, оказываетъ „сыну Бориса Григорьевича“ полное сердечное расположеніе и приглашаетъ его побывать у него въ Гатчинѣ, „но только не говоря объ этомъ никому“. Сергѣй радостно повинуется,—и выноситъ изъ этого перваго и послѣдующихъ посѣщеній чувство самой восторженной преданности великому князю.

Къ Павлу Петровичу авторъ относится своеобразно и сочувственно, обнаруживая значительную проникательность историческаго чутія. Дѣйствительно, тѣ пріятельскія черты вышшаго, рыцарскаго благородства, тонкаго ума и мягкости сердечной, при лылости нрава доходящей чуть не до безумія, которыми обрисовываетъ онъ „Гатчинскаго лустычника“, находятъ себѣ полное подтвержденіе въ историческихъ свидѣтельствахъ собранныхъ въ только что появившемся интересномъ трудѣ г. Кобекѣ, посвященномъ этому русскому царственному лицу, вся судьба котораго носить на себѣ печать чего-то Гамлетовскаго, безпомощнаго и роковаго... Особенно характерна у г. Соловьева сцена перваго пріѣзда Горбатова въ Гатчину, когда молодой человекъ, въ ожиданіи выхода цесаревича изъ его внутреннихъ покоевъ, слышитъ изъ маленькаго приемной бурный разговоръ его съ Катериной Ивановной Нелидовой, „добрымъ гениемъ“ Павла Петровича, доведеннаго въ эту минуту „до бѣшенства“ надменнымъ обращеніемъ съ нимъ Потемкина.

Тѣмъ временемъ Мамоновъ, подружившійся съ Горбатовымъ и повѣрившій ему о любви своей ко княжнѣ Щербатовой, проситъ у императрицы позволенія жениться, получаетъ его и тотчасъ послѣ свадьбы уѣзжаетъ съ молодою женой изъ Петербурга. На его мѣсто уже намѣченъ „женолодобный“ красавецъ Зубовъ, вчера ничтожный, бѣдный гвардейскій офицеръ, искавшій въ Сергѣѣ Горбатовѣ и возненавидѣвшій его за пренебреженіе съ которымъ этотъ относился къ его далеко не заслуживавшей уваженія личности. Сама Екатерина услаетъ нашего героя въ Парижъ съ депешами къ русскому повѣренному при французскомъ дворѣ Симолину, при которомъ онъ и долженъ оставаться впредъ до новаго приказа государыни.

Вторая половина романа переноситъ читателя во Францію; къ первымъ днямъ ея „великой“—свирѣпой и безсмысленной—революціи. Обласканный Версальскимъ дворомъ, гдѣ „изо

всѣхъ силъ старались не думать о приближавшейся грозѣ,
и прекрасная королева

Къ веселью, роскоши злѣкъ первый подавая,
Не вѣдая чему судьбой обречена,
Рѣзалась, вѣтреннымъ дворомъ окружена,—

Горбатовъ на первыхъ порахъ погружается весь въ „шумныя забавы Трианона“, въ лотокъ того нескончаемаго жизненнаго лира о которомъ пережившіе эту злоху говорили въ послѣдствіи что „кто не жилъ до 1789 года, тотъ и лоятія составить себѣ не можетъ о сладости жизни“. Онъ встрѣчается здѣсь съ очаровательною и легкомысленною женщиной, герцогиней д'Ориньи, забываетъ для нея и княжну Таню Пересвѣтову, и свою „нравственную чистоту“, и становится ея любовникомъ... Гроза событій подходитъ между тѣмъ все ближе и ближе. Г. Вс. Соловьевъ довольно подробно передаетъ намъ извѣстный историческій эпизодъ 6 октября 1879 года, когда возбужденная революціонными агитаторами и золотомъ Пале-Рояля толпа, съ депутаціей уличныхъ женщинъ во главѣ, ринулась изъ Парижа въ Версаль требовать отъ короля „хлѣба“, а затѣмъ переѣзда его съ семействомъ на другой же день въ Парижъ, изрубивъ предварительно нѣсколькихъ ему вѣрныхъ стражей, пытавшихся не допустить ее проникнуть во дворецъ, и окровавленные головы которыхъ повесла она затѣмъ, насаженные на лики, предъ королевскою каретою. Герой романа присутствуетъ при этомъ возмутительномъ событіи и уѣзжаетъ вслѣдъ за тѣмъ въ Парижъ съ герцогиней, страсть къ которой заставляетъ его забывать всѣ „тревоги и волненія наступившаго хаоса“.

Но сама герцогиня начинаетъ скучать эту страсть. Является кѣкій графъ Монтелуло, шарлатанъ-авантюристъ, которому она отдаетъ себя. Сергій не вѣритъ этому сначала, но затѣмъ убѣждается и вызываетъ счастливаго соперника своего на дуэль. Но въ теченіе этого времени сама княжна Пересвѣтова съ матерью, вызванная изъ глубины Россіи глубоко предавнымъ Горбатову старикомъ-карликкомъ Моськой, состоящимъ при немъ въ родѣ дядьки, пріѣзжаютъ въ Парижъ и останавливаются въ домѣ занимаемомъ молодымъ дипломатомъ. Моська объясняетъ дѣвушкѣ что любовь нареченнаго ея къ герцогинѣ „просто дьявольское наважденіе, избавить его отъ котораго можетъ только она, княжна Таня“.

Она действительно узнает вовремя от того же Моськи о предстоящей Сергью дуэли и прибываетъ съ карликомъ въ Буловскій лѣсъ въ ту самую минуту когда любимый ею человекъ падаетъ проткнутый шпагой своего противника.

Рана впрочемъ оказывается не смертельнымъ. Сергій выздоравливаетъ и получаетъ отъ Симолина извѣстiе „что русское посольство въ самомъ непродолжительномъ времени будетъ отозвано изъ Парижа“. Бывшiй воспитатель нашего героя, поклонникъ Жанъ-Жака, Французъ Рено, прiбывшiй съ нимъ изъ Россiи и на первыхъ порахъ кинувшiйся всецѣло въ омутъ революціоннаго движенiя, но успѣвшiй уже теперь разочароваться во всѣхъ своихъ иллюзіяхъ, прощается съ Горбатовымъ слѣдующими словами:

„Я остаюсь здѣсь, остаюсь не на радость. Но я не смѣю и не могу отсюда теперь уѣхать... Наше наказанiе начинается, да,—наказанiе... Мечтатели, фантазеры, незнакомые съ народомъ, мы начали дѣло во имя народа—и губимъ этотъ народъ, пробудивъ къ жизни его дикость, давъ силу только плесени, только отребью человѣческаго общества... Мы, какъ легкомысленный заклинатель, вызвали адскаго духа—и не въ силахъ съ нимъ справиться, и онъ готовится растерзать насъ... И намъ остается только честно погибнуть въ борьбѣ съ вызваннымъ нами же адскимъ духомъ.“

„Сергiй и Тана, прибавляетъ отъ себя авторъ, грустно глядя на него; но имъ нечего было возразить ему и нечѣмъ было его успокоить“...

Такимъ неразрѣшеннымъ аккордомъ заключается повѣствованiе г. Соловьева. Въ *продолженiи* его, печатающемся въ настоящую пору въ *Нивѣ* подъ заглавіемъ *Волтеріанецъ*, передаются дальнѣйшія приключенiя Горбатова и Тани, встречающихся въ Гатчинѣ, при дворѣ цесаревича, восемь лѣтъ послѣ свиданiя ихъ въ Парижѣ, то-есть за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Екатерины. Продолженiе это обѣщаетъ быть столь же занимательнымъ какъ и романъ о которомъ мы ведемъ рѣчь.

Долгъ безпристрастнаго рецензента обязываетъ насъ сказать въ заключенiе что эпоха среди которой проходитъ фабула этого романа такъ богата эпизодами и красками что отъ воспроизводящаго ее писателя можно было бы желать болѣе *обстоятельнаго* представленiя ея, картинъ менѣе отрывочныхъ, характеровъ отмѣченныхъ болѣею своеобраз-

ностью и отдалки менѣе слѣпкою чѣмъ сколько даетъ намъ всего этого *Сергей Горбатовъ*. Авторъ какъ бы не дѣлалъ, или не услѣлъ, отъ торопливости работы, воспользоваться всѣмъ обиліемъ матеріала который имѣлъ подъ рукой. Онъ пробѣлъ прежде всего мимо того психическаго мотива какой могъ бы заключаться въ развитіи имъ же описанаго положенія русскаго юнаго барича XVIII вѣка, воспитаннаго въ сельскомъ уединеніи на сентиментально-натуралистическихъ теоріяхъ *Эмман* и *Contrat social*, и перенесеннаго затѣмъ внезапно, безъ промежуточныхъ переходовъ, сначала въ міръ изощренныхъ придворныхъ интригъ; въ среду безпреставственныхъ и лукавыхъ честолюбцевъ, и немедленно затѣмъ въ революціонный водоворотъ Франціи 1789 года. Мы не видимъ въ героѣ г. Вс. Соловьева тѣхъ живыхъ впечатлѣній негодованія и муки, той тяжкой борьбы протеста и разочарованій, какія въ душѣ юности должны были бы неизбежно вызываться: съ одной стороны эта развращенная царедворческая среда, съ другой чудовищная разнузданность обезумѣвшаго въ революціонномъ водоворотѣ народа. Вліяніе Рено нисколько не замѣтно на *Сергѣѣ Горбатовѣ*. Вихрь событій вообще не задѣваетъ его: въ Петербургѣ онъ не замѣчаетъ ихъ среди литоническихъ мечтаній о княжнѣ Танѣ; въ Парижѣ—подъ отлежъ лобзаній герцогини д'Орнви. Онъ какъ бы *приотеснутъ* авторомъ къ исторической драмѣ, до которой ему собственно никакого нѣтъ дѣла, и вслѣдствіе этого должны мы сказать по всей справедливости, представляетъ собою ишо всѣхъ выводимыхъ г. Соловьевымъ въ его романѣ персонажей лицо наименѣе интересное. Гораздо болѣе сочувственны и занимательны прайродушная, пылкая и любящая Таня, предаанный карликъ Моська, Французъ воспитатель, замѣтно тигательнѣе очерченныи авторомъ со стороны психической чѣмъ его бездѣятный воспитанникъ... Относительно—или, вѣрнѣе, по поводу—историческихъ лицъ съ которыми встрѣчаемся мы здѣсь, мы позволимъ себѣ одно общее замѣчаніе. Чѣмъ *экономнѣе* распорядается такими лицами историческій романистъ, чѣмъ бережнѣе,—скажемъ просто, чѣмъ рѣже—выводитъ онъ ихъ предъ читателемъ, тѣмъ рельефнѣе рисуются они предъ нами и тѣмъ глубже производимое ими на насъ впечатлѣніе. Отецъ историческаго жанра, творецъ *Континъ Дэррарда* и *Вевреля* разумѣлъ главною довабющею ему задачей драмати-

зованное представлѣніе избранной имъ эпохи въ ея общемъ духѣ и археологической декораціи, съ ея бытовыми и мѣстными особенностями; дѣйствительныхъ же дѣятелей ея онъ выводилъ на сцену съ крайнею осторожностью, но озарялъ уже ихъ тогда полнымъ художественнымъ свѣтомъ, при которомъ историческая физиономія ихъ обрисовывается предъ нами во всей характерности своей и типичности (вспомнимъ Лудовика XI въ *Кенитинъ*, Марію Стюартъ въ *Аббатъ*, Карла II въ *Певсериль* и т. д.)... Къ сожалѣнію, въ наши безцеремонныя времена къ крутымъ историческимъ лицамъ имѣютъ не болѣе почтенія чѣмъ къ любому политиканствующему проходимцу нашихъ дней. Современные Валтеръ-Скотты за границей какъ и у насъ, съ легкой руки Александра Дюма-отца, почитаютъ себя въ полномъ правѣ обходиться съ ними *sons jante*, какъ говорятъ Французы, вызывать ихъ царственные или героическіе образы во всякій часъ и на всякую потребу, а къ тому еще во всемъ вершествѣ домашняго туалета. Чѣмъ непригляднѣе, чѣмъ пошлѣе выходитъ историческая фигура въ такомъ неумытомъ видѣ, тѣмъ это лучше и желаннѣе, въ разумнѣиіи писакъ извѣстной школы... Мы слишкомъ уважаемъ талантаивость и добросовѣстность г. Соловьева (чтобы приравнивать его, хотя бы самымъ отдаленнымъ образомъ, къ господамъ этого сорта, но позволимъ себѣ предостеречь его противъ дальнѣйшаго соблазна тѣмъ *легкимъ* приемомъ съ какимъ онъ относится, напримѣръ, къ интимной жизни императрицы Екатерины, произвольно влагая ей, романической фабулы ради, въ помыслы намѣренія, а въ уста рѣчи которыя она на самомъ дѣлѣ никогда не имѣла и не держала... *Записки Храповицкаго*, замѣтимъ мимоходомъ, вещь въ своемъ родѣ драгоценная, но пользоваться ими для романическихъ цѣлей такому добродѣтельному писателю какъ авторъ *Сергея Горбатова* слѣдовало бы осмотрительнѣе, особенно въ виду той публички для которой преимущественно пишетъ онъ въ *Нивѣ*...

Кстати о „рѣчахъ“. Онѣ—самая слабая сторона въ писательской манерѣ г. Вс. Соловьева. Происходитъ это, какъ кажется намъ, отъ недостаточности еще у автора жизненнаго опыта и случаевъ къ личному близкому наблюденію надъ обществомъ и людскими индивидуальностями. Онъ, въ силу пріобрѣденной ему даровитости, почти всегда очень вѣрно разумѣетъ en bloc, конкретнымъ, такъ-сказать, образомъ, духовный

обликъ выводимыхъ имъ личностей, но видимо затрудненъ какъ только приходится имъ у него *сказать себя* живымъ словомъ въ живомъ дѣйстви. Тамъ гдѣ болѣе, искусственный тревіемъ съ людьми и обстоятельствами писатель нашель бы легко, по закону аналогіи, лошибъ и отгѣнки языка соотвѣтствующіе даннымъ характера извѣснаго персонажа, ваятаго въ извѣстную минуту, нашъ авторъ какъ бы пробуеъ каждый разъ подлаживать собственный свой голосъ подъ требуемый тонъ рѣчи выводимаго имъ на сцену лица. Это придаетъ языку дѣйствующихъ лицъ г. Соловьева нѣсколько натянутый и, lâchons le mot, наивный отгѣнокъ, не совсѣмъ умѣстный особенно въ тѣхъ случаяхъ когда языкомъ этимъ говорятъ всѣмъ извѣстныя историческія личности съ совершенно ясно опредѣленными чертами характера ихъ и геніальности, какъ та же Екатерина, напримеръ... Этотъ недостатокъ въ молодомъ романиствѣ исчезнетъ, само собою, вмѣстѣ съ причиною обуславливающею оный; молодость, сказано давно,—порокъ отъ котораго излѣчиваются каждый день. Лучшимъ доказательствомъ этого служить постепенное, весьма замѣтное крѣпчаніе творческихъ способностей г. Соловьева, если мы сравнимъ *Сергья Горбатова* съ первыми его произведеніями.

LX.

Въ С.-Петербургѣ изданы слѣдующія книги:

Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никона. Составилъ по официальнымъ документамъ Н. Гиббенетъ. Часть первая. 270 стр. 8 д. л.

Картины Русской исторіи отъ Рюрика до Петра Великаго. С. Павловича. Выпускъ IV. 4 д. л.

Картины Русской исторіи отъ Рюрика до Петра Великаго. Выпускъ пятый. С. Павловича. Стр. 91—116. 4 д. л.

Про былое на святой Руси. О крещеніи Руси, о Владимірѣ Святомъ, о сыновьяхъ его и о монастырѣ Печерскомъ. Сочиненіе К. Бестужева-Рюмина. Четвертое изданіе. 88 стр. 8 д. л.

Описаніе изданій Общества Любителей Древней Письменности, основаннаго въ 1877 году, представленныхъ на Всероссийскую Промышленно-Художественную Выставку въ 1882 въ Москвѣ. 10 стр. 8 д. л.

Краткая хронологія Всеобщей и Русской исторіи древнихъ, среднихъ и новыхъ вѣковъ: М. Острогорскаго. Шестое изданіе. 32 стр. 8 д. л.

Война 1877 и 1878. Томъ III. Война въ Азіатской Турціи. Съ картой, планами и рисунками. Издано подъ редакціей генераль-майора Зыкова. 420 стр. 4 д. л.

Осада и штурмъ текинской крѣпости Геокъ-Теле. Съ двумя планами. 68 стр. 16 д. л. Изданіе редакціи журнала *Чтеніе для солдатъ.*

Археологія Россіи. Каменный періодъ. Томы I и II. Графа А. С. Уварова.

Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angrenzenden Landen Asiens. Band V. G. v. Helmersen. 412 стр. 8 д. л.

Отчетъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за 1881 годъ. Составленъ секретаремъ Общества В. И. Срезневскимъ. 117 стр. 8 д. л.

Докладъ В. В. Докучаева Отдѣленію Геологіи и Минералогіи С.-Петербургскаго Общества Естествоиспытателей. 54 стр. 8 д. л.

Образцы дубровницкаго языка и письма съ приложеніемъ неизданныхъ документовъ рисующихъ дубровницкую культуру. Владиміръ Качановскаго. 80 стр. 8 д. л.

Поступательное движеніе циклоновъ и антициклоновъ въ Европѣ и преимущественно въ Россіи. Исслѣдованіе П. Броунова (съ 15ю картами). 86 стр. 8 д. л.

Глицериды и амиды угольной кислоты не содержащія сѣры, Спеціальный курсъ химіи, читанный Н. Н. Любавинымъ въ 1880 — 1881. Изданъ студ. С.-Петербургскаго университета А. Горбовымъ. 167 стр. 8 д. л.

Вредныя насекомыя. Сочиненіе Федора Келлена. Изданіе Департамента Земледѣлія и Сельской Промышленности. Томъ второй. Спеціальная часть: I прямкрылыя, жуки и перепончатокрылыя. 585 стр. 8 д. л.

Атласъ къ курсу палеонтологіи, читанному въ Горномъ Институтѣ профессоромъ В. Меллеромъ и адъюнктомъ Лагузеномъ. Изданіе студентовъ В. Максимова и И. Крыжановскаго. IV курса.

Водоснабженіе. Расчетъ и устройство водопроводныхъ трубъ и водоподъемныхъ механизмовъ, преимущественно относительно снабженія водой городовъ. Сочиненіе Фридриха Кенига. Переводъ съ дополненіями инспектора Петра Усова. Со 166ю полнотипажамъ въ текстѣ. 320 стр. 8 д. л.

Курсъ гражданской архитектуры профессора Д. Д. Соколова. Читанный въ Институтѣ Инженеровъ Путей Сообщенія императора Александра I. Текстъ 244 стр. Чертежи 41 листъ: 8 д. л.

Паровозы одвоенной системы (Compound). Инженеровъ В. К. Клеберга и Р. А. Цизе. 26 стр. 8 д. л.

Крестьянскій вопросъ. Изслѣдованіе о значеніи у насъ крестьянскаго дѣла, причинахъ уладка и мѣрахъ къ помятію сельскаго хозяйства и быта поселянъ. К. Д. Кавелина. 210 стр. 8 д. л.

Обезпеченіе урожаевъ. Страхуваніе посѣвовъ съ проектомъ агентуры и таблицей урожаевъ за 10 лѣтъ И. Н. Берга. 56 стр. 12 д. л.

Учебникъ сельскохозяйственной и торгово-промышленной статистики Россіи. Составилъ Н. В. Пономаревъ. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. 280 стр. 8 д. л.

Каменный уголь въ Царствѣ Польскомъ, его источники, перевозка, стоимость, потребление и запасы. Стратега-экономической этюдъ. 22 стр. 4 д. л.

Плодовая школа. Руководство для культуры плодовыхъ деревьевъ въ южной Россіи. Часть I. 204 стр. 8 д. л.

Материалы для изученія техническихъ свойствъ нешершатовыхъ шерстей. Диссертация на степень магистра сельскаго хозяйства. Виктора Хлюдинскаго. 116 стр. 8 д. л.

Изслѣдованіе нѣсколькихъ болѣе употребительныхъ сортовъ чая. Диссертация на степень магистра фармаціи провизора Карла Гольде. 22 стр. 8 д. л.

Руководство патологической гистологіи Корниля и Ранье. Переводъ со 2го французскаго исправленнаго и дополненаго изданія подъ редакціей профессора Н. П. Ивановскаго. Часть I. Съ 281 рисункомъ въ текстѣ. Выпускъ IV. Стр. 481—624. 8 д. л.

Письма къ матерямъ объ уходѣ за здоровымъ и больнымъ ребенкомъ. Доктора М. И. Галамина. 105 стр. 8 д. л.

Физиологія человека въ связи со сравнительною и общою физиологіей Н. Ваупіис. Переводъ съ французскаго доктора Н. Цыбульскаго. Часть III. Стр. 233—564. 8 д. л.

О всасываніи желчи въ кишечномъ каналѣ. Диссертация на степень доктора медицины врача Юсифа Алексѣева. 64 стр. 8 д. л.

Методы изслѣдованія гортани, носа и уха. Ларинго и Риноскопія проф. Шнитцлера въ Вѣнѣ. Переводъ съ нѣмецкаго

Др. П. А. Зеленскаго. Съ 49 рисунками. Для врачей и студентовъ, 128 стр. 8 д. л.

Теоретическая и практическая хирургія. Проф. Уриксона. Переводъ съ англійскаго. Съ предисловіемъ профессора Е. И. Богдановскаго. Съ 862 рисунками въ текстъ. Часть I. 388 стр. 8 д. л.

Руководство для отправляющихся на Кавказскія минеральныя воды. Составилъ Н. В. Десницкій, ординаторъ Пятигорскаго военного госпиталя. 76 стр. 12 д. л.

Краткій катихизисъ для матерей и кормилицъ. Составилъ Др. Фейгиль. 44 стр. 16 д. л.

Очеркъ дѣятельности врачей по успешному санитарному надзору въ С.-Петербургѣ за періодъ времени съ 1 октября 1881 по 1 января 1882. 30 стр. 8 д. л.

Определение качества мясныхъ продуктовъ по двѣтвому способу анализоваъ мяса на аммиакъ. Матеріалы для общественной гигиены. Диссертация на степень доктора медицины Н. Е. Куршинскаго. 92 стр. 8 д. л.

Къ вопросу о дѣйствиі почечонныхъ средствъ. Диссертация на степень доктора медицины Льва Малиновскаго. 70 стр. 8 д. л.

Н. Наумовъ: *Въ забытомъ краѣ.* Разказы изъ быта сибирскихъ крестьянъ. 314 стр. 8 д. л.

Съверный орелъ. Романъ Уида. Переводъ съ англійскаго П. Лѣтнева. 213 стр. 8 д. л.

А. З. Соколовскій: *Нищія отъ себя и по волю.* Романъ въ 4хъ частяхъ. 320 стр. 8 д. л.

Вдоль по Японіи. Н. Шестунова. 233 стр. 8 д. л.

Изъ жизни женщины XIX вѣка. Наблюденія и впечатлѣнія. А. Д. Юзefовича. 194 стр. 8 д. л.

К. Трубниковъ: *Очерки и характеристики.* I. Нѣмецъ и иезуитъ въ Россіи. 84 стр. 8 д. л.

Н. С. Лѣсковъ. *Сказъ о тульскомъ львѣ и о стальной блохѣ* (цеховая легенда). 80 стр. 12 д. л.

Стихотворенія Н. А. Некрасова. Изданіе С.-Петербургскаго Комитета Грамотности. 42 стр. 12 д. л.

Донья Перфекта. Романъ Переса Гальдоса. Переводъ съ испанскаго П. Ватсонъ. 388 стр. 8 д. л.

Исторія служанки. Романъ братьевъ Гонкуръ. Переводъ П. Лѣтнева. 172 стр. 8 д. л.

Росинки съ цвѣтовъ всемірной поэзіи. 148 стр. 32 д. л.

Блѣокуроые голоса. С. Фарина. Переводъ съ италіянскаго В. Крестовскаго (псевдонимъ). 276 стр. 8 д. л.

Краткій курсъ естествовѣдѣнія. Составилъ А. Я. Гердъ. Удостоенъ преміи императора Петра Великаго и одобренъ какъ руководство для гимназій. Изданіе третье. 8 д. л.

Краткій повторительный курсъ физической географіи. 158 стр. 32 д. л.

Собраніе алгебраическихъ задачъ. Составилъ для употребленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ К. Краевичъ. Четвертое изданіе. 238 стр. 8 д. л.

Сборникъ работъ народныхъ учителей. Изданіе редакціи журнала *Русскій Начальный Учитель.* 136 стр. 8 д. л.

Русскіе писатели въ классъ. Редакція Петра Вейнберга. Выпускъ VI. *Державинъ.* Стихотворенія. 112 стр. 16 д. л.

П. В. Евстафіевъ: *Новая русская литература.* (Отъ Петра Великаго до настоящаго времени.) Изданіе пятое. 328 стр. 8 д. л.

Сборникъ грамматическихъ примѣровъ и задачъ. Курсъ второй. Сyntaxisъ. Составилъ Василій Разыграевъ. 131 стр. 8 д. л.

Приложеніе алгебры къ геометріи для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Я. Блюмбергъ. 44 стр. 8 д. л.

Картографическое заведеніе, географическій и книжный магазинъ комиссіонера главнаго штаба А. Ильина. 12 стр. 16 д. л.

Узоры русскіе, малороссійскіе и южно-славянскіе. О. Верховскій. XX таблицъ. 4 д. л.

О связи флота и береговыхъ батарей при оборонѣ приморскихъ пунктовъ. Ф. В. Пестига. 24 стр. 8 д. л.

Хоры для трехъ женскихъ голосовъ (преимущественно изъ оперъ русскихъ и иностранныхъ авторовъ). Съ аккомпаниментомъ фортепіано. Аранжированы для учебныхъ заведеній Я. И. Сычевымъ. 22 стр. 4 д. л.

Людвигъ Ноль: *Историческое развитіе камерной музыки* и ея значеніе для музыканта. Переводъ М. Иванова. 162 стр. 8 д. л.

Планъ С.-Петербурга, раздѣленный на части полицейскаго управленія. Составленъ И. Э. Ивановымъ.

Н. Д. Токарскій: *Жельзно-дорожный искъ.* 26 стр. 8 д. л.

Урегулированіе лова Каспійской сельди. 28 стр. 8 д. л.

Руководство къ изученію кройки мужскаго гардероба. Составилъ Юргенсъ. 72 стр. 12 д. л.

Въ Москвѣ издавы:

Копія съ писемъ государя Петра Великаго 1700—1725 годъ. Изданіе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Сообщилъ архимандритъ Леонидъ. 28 стр. 8 д. л.

Изъ бумагъ житрополита Московскаго Платона. Изданіе того же Общества. 88 стр. 8 д. л.

Исторія Геродота. Переводъ съ греческаго. Изданіе 2е. Выпускъ первый. Книга первая. 86 стр. 8 д. л.

Пятый археологическій съездъ въ Тифлисъ. Протоколы подготовительнаго комитета издаваемые подъ редакціей секретаря комитета И. Д. Мансветова (продолженіе) стр. 509—621. 4 д. л.

Статистика пожаровъ въ Москвѣ за 1870—1879. Составилъ Саблицъ. Изданіе Московской городской думы, 441 стр. 4 д. л.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи. Отдѣлъ санитарный. Санитарное изсѣдованіе фабричныхъ заведеній Московскаго уѣзда. Ч. П. Ф. Ф. Эрисмана. Т. II, выпускъ V. стр. 240+109. 8 д. л.

Отчетъ Московскаго Общества Озотъ за 1881—1882 годъ. 20 стр. 8 д. л.

Отчетъ еподомства Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Общества Поощренія Трудолюбія въ Москвѣ. 140 стр. 8 д. л.

Труды Московскаго городского статистическаго отдѣла. Выпускъ первый. Вѣдомости о смертности въ Москвѣ за 1879 годъ. Изданіе Московской городской думы 4 д. л. Выпускъ второй. Промышленныя и торговыя заведенія Москвы 4 д. л.

Наши педагогическіе вопросы. Соч. барона Н. А. Корфа. 409 стр. 8 д. л.

О научномъ и ремесленномъ образованіи слѣпыхъ. М. Г. Левицкій. 16 стр. 8 д. л.

Морель Мексизи: *Очеркъ патологіи и терапіи дифтерита.* Переводъ съ англійскаго изданіе Др. П. Радцихъ. 85 стр. 8 д. л.

Нѣсколько словъ по вопросу о Сибирской желѣзной дорогѣ 123 стр. 8 д. л.

Въ Кіевѣ изданы:

Славянскій ежегодникъ. Альманахъ и сборникъ статей по славяновѣдѣнію, издаваемый Кіевскимъ Славянскимъ Обществомъ подъ редакціей А. В. Стороженка. Выпускъ лѣтній. 245 стр. 8 д. л.

Труды Кіевского вспомогательнаго комитета по устройству Всероссийской Промышленно-Художественной Выставки 1882 въ Москвѣ. 408 стр. 4 д. л.

Историческіе матеріалы. Изъ архива Кіевского губернскаго правленія. Выпускъ 2й. Изд. редакторъ неофициальной части *Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей* А. А. 214 стр. 16 д. л.

Повѣсть о славномъ царствованіи и плачевной кончинѣ Государя Императора Александра II. Составилъ А. Клевановъ. 126 стр.

Въ Казани напечатаны:

Къ умению о вліяніи солнечнаго свѣта на животныхъ. Исслѣдованіе Ш. В. Годнева. 125 стр. 8 д. л.

Отчетъ о дѣятельности и состояніи Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ. За четвертый (1881—1882) годъ его существованія. Составилъ секретарь Общества Н. П. Загоскинъ. 15 стр. 8 д. л.

Въ Петровзаводскѣ напечатаны: *Систематическій сборникъ* распоряженій правительства о пожизненномъ содержаніи (пособіи) неспособнымъ къ личному труду нижнимъ чинамъ. Составилъ Н. Ходотовъ. 118 стр. 16 д. л.

Въ Одессѣ издана:

Перекрестный огонь. Комедія въ 3хъ дѣйствіяхъ, Евгеніева (псевдонимъ). Разборъ А. Кочубинскаго. 23 стр. 8 д. л.

Въ Харьковѣ напечатаны:

Руководство къ частной патологіи и терапіи, составленное подъ редакціей Доктора Гримссена. Томъ восьмой. Часть первая. Болѣзни печени. Переводъ со втораго изданія доктора Д. Г. Фридберга. 669 стр. 8 д. л.

Южно-русское тонкорунное овцеводство или указаніе правилъ: разведенія, хозяйственнаго содержанія и домашняго лѣченія тонкорунныхъ овецъ, а также краткое описаніе

фабричнаго производства шерстяныхъ тканей. Составилъ И. Д. Залара. 264 стр. 16 д. л.

Въ Петроковѣ изданъ *Отчетъ* о дѣйствіяхъ губернскаго и уѣздныхъ совѣтовъ общественнаго призванія по управленію благотворительными заведеніями въ Петроковской губерніи и о состояніи сихъ заведеній за 1881. 25 стр. 16 д. л.

Въ Омскѣ издана *Памятная книжка Западной Сибири*. 394 стр. 8 д. л.

Въ Острогѣ, Волынской губерніи, напечатанъ *Отчетъ* Св. Кирилло-Мефодіевскаго братства за 1880—81 годъ. 40 стр. 16 д. л.

Въ Ярославлѣ издана брошюра: *Вселенная*. Краткій очеркъ міроздавія. Составилъ А. Ш—въ. 40 стр. 8 д. л.

Въ Рязани напечатанъ: *Дневникъ доктора А. Θ. Риделя*. Собраніе психологическихъ и физиологическихъ очерковъ и наблюденій изъ врачебной практики. Перевелъ съ нѣмецкаго манускрипта и составилъ Дг. А. Федоровичъ. Часть первая. 56 стр. 8 д. л.

Въ Тулѣ изданы: *Размышленія* императора Марка Аврелія Антонина о томъ что важно для самого себя. Переводъ князя Л. Урусова. 180 стр. 8 д. л.

ВЪ КОНТОРЪ

ТИПОГРАФІИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

БОЛЬШІЯ ОЖИДАНІЯ. Романъ Чараса Диккенса. Переводъ съ англійскаго. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА ИЛИ ЖИЗНЬ НЕГРОВЪ ВЪ НЕВОЛЬНИЧЬИХЪ ШТАТАХЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКИ. Романъ г-ки Бичеръ Стоу. Переводъ съ англійскаго, изданіе второе. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

СЪ ТЕАТРА ВОЙНЫ (1877—78). ДВА ПОХОДА ЗА БАЛКАНЫ. Соч. кн. Л. В. Шаховскаго. 1878. Ц. 2 р.

СТРАНИЦЫ ИЗЪ КНИГИ СТРАДАНІЙ БОЛГАРСКАГО ПЛЕМЕНИ. Повѣсти и разказы Любена Каравелова. 1878. Ц. 1 р. 50 к.

КЕНЕЛМЪ ЧИЛДЕНГЛИ, ЕГО ПРИКЛЮЧЕНІЯ И МНѢНІЯ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. 1874. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

ПАРИЖАНЕ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. 1875. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ЗАКОНЪ И ЖЕНЩИНА. Романъ Уилки Коллинза. 1875. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

НОВАЯ МАГДАЛИНА. Романъ Уилки Коллинза. 1873. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

БѢДНАЯ МИССЪ ФИНЧЪ. Семейная исторія. Соч. Уилки Коллинза. 1872. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ЛЕДИ АННА. Романъ Антони Троллопа. 1874. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ДО ГОРЬКАГО КОНЦА. Романъ миссъ Брайдонъ. 1873. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

МОЯ МАТЬ И Я. Романъ автора „Джона Галифакса“. 1874. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

ВВРА. Повѣсть автора романа „Гостиница Сень-Жанъ“. Переводъ съ англійскаго. 1872. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

ПО ВОЛѢ СУДЬБЫ. Романъ Албани Фомбланка. Переводъ съ англійскаго. 1871. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ФОРМЫ ВОДЫ ВЪ ОБЛАКАХЪ И РѢКАХЪ, ВО ЛЬДѢ И ВЪ ЛЕДНИКАХЪ. Соч. Джона Тиддала. Переводъ съ англійскаго. Съ девятнадцатью рисунками въ текстѣ. М. 1873. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

ВНѢ КОЛЕИ *

РОМАНЪ

VI.

Erholung reicht dem Müden jede Nacht genug.
Des echten Mannes wahre Feier ist die That.

Goethe.

Было уже довольно поздно когда Дмитрій вернулся домой послѣ своей неудачи съ крестьянами.

Анна Григорьевна встрѣтила его молча: не любила она тратить слова на напрасные упреки. Но глаза ея говорили ясно за нее, какого мнѣнія она была насчетъ примарительныхъ попытокъ сына.

— Володя, обратился Дмитрій къ брату, — съѣзди сейчасъ же къ Томилину и попроси его завтра утромъ побывать въ Никольскомъ. Скажи ему что я очень разчитываю на его вліяніе на тамошнихъ крестьянъ. Если тамъ все гладко обойдется, со здѣшнимъ народомъ я справлюсь.

Потомъ онъ коротко и отчетливо отдалъ новому старостѣ приказанія насчетъ завтрашняго дня и послалъ во всѣ сосѣднія деревни чтобы пригласить тамошнихъ въ Бѣлые Столбы на уборку. Онъ не выказывалъ при этомъ ни той тревоги, ни того нетерпѣнія какими обыкновенно отличаются

* См. *Русск. Вѣстн.* №№ 1, 2, 3, 4 и 5.

у насъ распоряженія по хозяйству въ затруднительныя минуты. Его хладнокровіе даже поразило Надю, слѣдившую за каждымъ его словомъ съ возрастающимъ чувствомъ стыда и вины предъ нимъ.

Когда они остались вдвоемъ, послѣ ухода Анны Григорьевны, и Дмитрій, слегка утомленный, не примѣчая ея присутствія, олустился на кресло, она нервнѣтельно приподняла на него свои олущенные глаза и заговорила съ несвойственнымъ ей дрожаніемъ въ голосъ.

— Вы на меня сердитесь, Дмитрій; я дала вамъ дурной совѣтъ, и вы совершенно правы...

Но онъ не далъ ей договорить.

— На этотъ счетъ вы можете быть спокойны. Сердиться на васъ? съ какой стати? Вы тутъ ни при чемъ.

Хотя онъ сказалъ это почти весело, въ его словахъ ей слышалась отгвнокъ пренебреженія, будто онъ отрицалъ самую возможность какого бы то ни было вліянія съ ея стороны.

— Развѣ я кажусь вамъ раздраженнымъ? продолжалъ онъ взглядываясь въ Надю.

— Я даже удивляюсь какъ мало вы...

— Э, помилуйте, снова перебилъ онъ ее, — плохо же вы меня знаете, Надя. Раздражаются противъ людей на которыхъ разчитываютъ; отъ мужиковъ я не жду для себя ровно ничего да и не въ правѣ ждать. Они могутъ мнѣ причинить развѣ хлопоты да скуку, но ужь воля ваша, не раздраженіе. Я его приберегаю для иныхъ случаевъ. А вотъ съ пріателемъ вашимъ съ Василюмъ, — неожиданно окончилъ онъ вставая, — я таки раздѣляюсь. — Это слово, пріатель, опять прозвучало для нея какъ упрекъ. — А теперь, Надя, прощайте-сь. — И онъ протянулъ ей руку, — мнѣ завтра придется вставать съ явтухами.

На слѣдующее утро, уже въ пять часовъ, онъ былъ на ногахъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, мужики не вышли на работу, и обширная гладь полей попрежнему оставалась безлюдною и нѣмою. Рабочіе занятые въ городѣ пришлись очень кстати. Съ крестьянами Дмитрій уже въ переговоры не входилъ; изъ посланныхъ въ сосѣднія деревни двое принесли обѣщаніе явиться на косьбу ржи изъ „уваженія“ къ барину, то-есть за приличную плату съ водкой въ придачу.

Дмитрій разчиталъ что съ ихъ помощью даже своими рабочими рожь могла быть выкошена въ пять дней.

Но какъ на зло въ одиннадцатомъ часу, на дорогѣ изъ Никольскаго локазалась тройка Федора Васильевича и, за вида Дмитрія на полѣ, Томилинь послѣшилъ къ нему съ извѣстіемъ что Никольскіе крестьяне, подбитые Гондзевскимъ, не только рѣшительно отказались выйти на работу, но еще грозилась не лускать другихъ.

Федоръ Васильевичъ и стращаль и уговариваль народъ, но это не привело рѣшительно ни къ чему.

— Они мнѣ прямо объявили, закончилъ онъ,—что съ косами пойдуть на всякую деревню какая ввдумалъ бы наняться у Ордынцевыхъ. Чтѣ тутъ прикажете дѣлать? Вы сами знаете что наше вліяніе что-нибудь значить лишь пока самимъ крестьянамъ угодно въ него вѣрить. Оно какъ чучело для птицъ, котораго перестаютъ бояться какъ только на него сѣлъ воробей.

— Но посмотримъ какъ они съ косами пойдуть, вслышалъ Дмитрій, и тотчасъ приказаль нанятыхъ имъ на камунѣ рабочихъ послать въ Никольское. Онъ сознавалъ себя отвѣтственнымъ предъ Еленой Михайловной, такъ какъ изъ-за него и возникла вся эта кутерьма. — Я хотѣлъ чтобъ этого Гондзевскаго подъ судъ отдали, сказалъ онъ усаживаясь съ Томилинымъ въ тарантасъ. — Столько разныхъ грѣшковъ открылось что немудрено было его въ острогъ улечь. Но Елена Михайловна и дядюшка про это и слышать не хотѣли. И чтѣ же? Намъ теперь приходится слокойно глядѣть какъ этотъ фразъ у насъ подъ самымъ носомъ безнаказанно возбуждаетъ мужиковъ. Елена Михайловна литала свойственное почти всемъ свѣтскимъ женщинамъ отвращеніе ко вмѣшательству официальной власти, а у Петра Никольевича сказывалась боязнь предъ разоблаченіями Гондзевскаго.

— Поживете, батенька, узнаете, возразилъ Томилинь,—каковы наши средства, то-есть понимаете, законныя средства, противъ любого кто ввдумаетъ травить на насъ мужиковъ. Да и хорошо еще коли господинъ такой является не въ официальной ливрѣ. И это бываетъ!...

— Ахъ да, кстати, я вамъ хотѣлъ, какъ предсѣдателю сѣзда и бывшему посреднику, сказать, какъ накуралѣсилъ у меня нашъ землемѣръ, тоже официальная ливрѣ, какъ видите!—И Дмитрій передалъ Томилину про случившееся на камунѣ въ Бѣлыхъ Столбахъ.—Пускай онъ идетъ себѣ на

всѣ четыре стороны, Христось съ нимъ! Но держать его на казенной службѣ, воля ваша, глупо. Вѣдь не мнѣ одному онь насолить.

На этотъ счетъ могу васъ успокоить, отвѣчалъ Томилинь.— Вчера въ городѣ мнѣ говорилъ Копецевскій что сдѣлано распоряженіе объ арестованіи Василія Триумвинова (это была семиварская фамилія отца Зосимы), онь кажется замѣшая въ дѣлѣ раздачи прокламацій въ Дѣвичьей Слободѣ у предводителя.

Гнѣвъ Дмитрія мгновенно улялъ. Ему не то чтобы жалъ стало молодого малаго, но Василій тотчасъ показался ему беззащитнымъ существомъ противъ котораго уже невозможно было никакое раздраженіе.

— Надвяхъ, должно-быть, продолжалъ Томилинь,—къ вамъ сюда власти наѣдутъ, предупреждаю васъ. Они тамъ разували какъ-то что здѣсь въ околоткѣ скрывается какой-то очень важный агитаторъ, Нерадовичемъ его кажется зовуть. Онь въ городѣ у нихъ цѣлыя три недѣли подъ самымъ носомъ орудовалъ, да не досмотрѣли, должно-быть, изъ рукъ выгустали.

Дмитрій поморщился. Очень ужъ не нравилась ему перспектива непрошеннаго полицейскаго вмѣшательства. Въ Никольскомъ Дмитрій къ своему удивленію засталъ Петра Николаевича. Савовникъ былъ въ крайне возбужденномъ настроеніи и съ несвойственною ему горячностью отпуская несвязныя гнѣвыя слова. Два раза, не смотря на присутствіе Елены, онь даже прокричалъ: „Это чортъ знаетъ что такое!“ и при этомъ сердито комкалъ бывшее у него въ рукахъ письмо.

— Подъ судъ этого мошенника надо, твердилъ онь.—Я не понимаю, какъ давно не заявили слѣдователю про штуки Гондзевскаго!

Негодование Петра Николаевича объяснялось тѣмъ что наканунѣ вечеромъ бывший управляющій написалъ Еленѣ длинное письмо, въ которомъ ядовито намекалъ на какія-то суммы посланныя имъ Петру Николаевичу и неизвестно куда исчезнувшія. „Мои дѣйствія, гордо заканчивалъ свой доносъ Гондзевскій, позволилъ себѣ очернить человека который не смотря на свое высокое положеніе не постыдился присвоить себѣ деньги принадлежащія сиротѣ.“

Елена тотчасъ переслала это письмо къ своему товарищу

по олеки, прибавая отъ себя что она даже не хочетъ оставить своего вниманія на такомъ грязномъ доносѣ. Въ сущности она была не прочь уколоть Петра Николаевича подъ видомъ нежаданія вступаться въ дѣло податое Гондзевскимъ. Получивъ рано утромъ записку Елены савошникъ поспѣшилъ въ Никольское.

— Послѣ этого я ни минуты болѣе не останусь опекуномъ, произнесъ онъ съ чувствомъ оскорбленнаго достоинства.—Я уйду отсюда черезъ два дня и тотчасъ сдамъ все: отчеты, деньги, чтобы не слышать больше объ этихъ противныхъ дразгахъ. Въ моемъ положеніи, при моихъ занятіяхъ, я не могу терять времени на хлопоты по чужимъ, разстроеннымъ дѣламъ. Я принялъ опеку ради моего покойнаго друга,—и Петръ Николаевичъ устремилъ свои генеральскіе взоры горѣ, то-есть на потолокъ,—и если я встрѣчаю неблагодарность, на мое мѣсто возьмите кого хотите, хотя бы любого изъ моихъ молодкососовъ лаеманниковъ!

Голосъ Петра Николаевича оборвался. Елена не отвѣчала. Она была очень рада случаю отдѣлаться отъ навязаннаго ей товарища по управленію, но сѣдовало все-таки выказать недовольное удивленіе расходившемуся савошнику, который позволилъ себѣ въ ея домѣ возвышать голосъ и дѣлать неприличную сцену.

Петръ Николаевичъ слегка отпѣшилъ замѣтивъ холодное и гордое выраженіе глазъ Елены. Эти глаза умѣли сдерживать и не такихъ орловъ.

— А Гондзевскаго позъ суазъ, обратилса Петръ Николаевичъ уже къ Дмитрію, значительно понизивъ голосъ. Пусть онъ мнѣ не поладаетса на глаза, je rougissais m'oublier et me portr à toutes les extrémités.

Но эта загадочная угроза вышла какъ-то очень нестрашною.

— Э, дядюшка, бросьте, отвѣчалъ Дмитрій,—теперь намъ право не до Гондзевскаго.

И онъ въ двухъ словахъ, не обращая уже вниманія на дядю, передалъ Еленѣ про положеніе дѣлъ. Она его слушала съ притворнымъ вниманіемъ, желая казаться благодарною за его усилія. Но слова Дмитрія были для нея однимъ пустымъ звукомъ. Ея раздражала эта вѣчная заботливость о дѣлахъ Никольскаго. Каждый разъ когда Дмитрій заговаривалъ про эти дѣла, она видѣла въ его словахъ что-то насмѣшливое, почти обидное для себя, словно онъ настаивалъ на этихъ

бевразличныхъ для нея вопросамъ, какъ разъ для того чтобы рѣзче провести черту между настоящимъ и недавнимъ прошлымъ. И какая-то невидимая стѣна, Елена чувствовала это, все выше и выше возвышалась между ними, хоть имъ чуть ли не каждый день приходилось встречаться.

— Елена Михайловна, вы меня не слушаете, вдругъ сказалъ Дмитрій, пораженный страшною неподвижностью ея взгляда. Елена словно очмулась.

— Нѣтъ, нѣтъ, проговорила она принужденно улыбаясь, — а вамъ очень привѣтельна... безъ васъ, я думаю, новый управляющій потерялъ бы голову.

Федоръ Васильевичъ прискалъ для Никольскаго старика Ныца съ хорошими рекомендаціями, случайно оставшагоса безъ занятій.

— Все это очень, очень трудно, продолжала она съ видимымъ усиліемъ, и намѣренно стала преувеличивать свои опасенія, хотя для нея въ эти послѣдніе дни Никольское будто не существовало вовсе.

Въ соседней комнатѣ раздались торопливные шаги, и графъ Борисъ Сергѣевичъ стремительно вошелъ не вдоровался ни съ кѣмъ.

— Хороши здѣшніе мужики, воскликнулъ онъ обращаясь къ Дмитрію, — и нечего сказать, отлично вы распорядились... Мы съ Виссией Александровной возвращались съ прогулки, какъ вдругъ у самой усадьбы на поля слышны какіе-то крики. Представьте себѣ что здѣшніе мужики цѣлою гурьбой съ косами вышли на тѣхъ рабочихъ которыхъ вы прислали.

Дмитрій тотчасъ схватился за шляпу.

— Пойдемте, Федоръ Васильевичъ, оборвалъ онъ разказъ графа, — этому безобразію надо положить конецъ.

— Посмотримъ какъ вы конецъ положите, проговорилъ вслѣдъ ему насмѣшливо Сокольниковъ. — Роту солдатъ да розогъ надо, вотъ что!

Впрочемъ графъ вмѣстѣ съ Петромъ Николаичемъ тоже отправились въ поле. Имъ хотѣлось посмотреть какой оборотъ приметъ дѣло, да и слѣдовало все-таки выказать готовность и съ своей стороны околько-нибудь помочь, хотя помощь эта была довольно загадочнаго свойства.

Въ сѣняхъ Дмитрію и Томилину попалась фигура новаго управляющаго.

— Не ходите туда, заговорилъ онъ безо всякаго немецкаго

акцента, — толку вы никакого не добьетесь, да и не совѣтъ оно безопасно.

Нѣмедь очевидно отрусилъ. Но совѣта его не послушались. Дорогой онъ подробно разказалъ про случившееся.

— Едва принялись косить рожь приослабые изъ Бѣлыхъ Столбовъ тридцать человекъ рабочихъ какъ на нихъ подмалось чуть ли не все село. Хоть мужики и были въ полѣ на своей землѣ, они бросили работу, пошли къ господской ржи и стали громко кричать что не дадутъ ее косить никому. Ваши рабочіе, — закончилъ онъ, обращаясь къ Дмитрію, — поругались съ нами-таки порядкомъ, да нечего дѣлать, пришлось уступить силѣ.

Едва они вышли за ворота, помышался отдаленный беспорядочный гулъ. Постройки и деревья пока еще заслоняли отъ нихъ поля. Но когда они оботнули садъ, среди желтой зыби слуганныхъ ржаныхъ колосьевъ, на гребнѣ холмистаго поля, показалась шумная нестройная толпа; десятки голосовъ неистово горлавили и отдѣльныя бранныя слова только изрѣдка выдвигались изъ общаго безсвязнаго гама. Обѣ стороны, и рабочіе и Никольскіе мужики, смѣшались въ одну кучу. Все это безцѣльно волновалось и шумѣло, усиленно махало руками и обивалось неумоимомъ бранью. Долго, конечно, продолжались бы крики и ругань еслибы кто-нибудь не вмешался. До столкновения, до взрыва дѣла не дошло бы, конечно. Настоящей страсти не было, какъ не было и определенной цѣли.

Косы съ обѣихъ сторонъ разумеется въ дѣло не пошли, крику на самомъ дѣлѣ было гораздо больше чѣмъ раздраженія, но какъ не дать воли расхвядившейся глоткѣ? Такъ долго еще бѣсятся взмысленныя волны и безцѣльно рвутся на берегъ, когда давно уже утихла вздымавшая ихъ буря. Появленіе господъ произвело неожиданное дѣйствіе.

Завида ихъ рабочіе изъ Бѣлыхъ Столбовъ вдругъ сложившись что имъ собственно говоря дѣлать тутъ было нечего.

— Да чего мы тутъ, братцы, оказалъ одинъ изъ нихъ, — безъ толку горлавили? Не въ Никольское насъ рядили, такъ и нечего намъ здѣсь лутаться. Пойдемъ!

— Да и въ заправду такъ, заголосили другіе. И тутъ же стали подбирать кто кафтанъ, кто свитку, взяли котелки захваченные для варки пищи и закинувъ косы на плечо отпрягнувшись наветрѣчу къ господамъ. Никольскіе имъ не думали мѣшать: они только провожали ихъ руганью, къ которой

теперь примѣшивался смѣхъ. Послѣ побѣды веселость смѣняла раздраженіе.

— Куда вы? остановилъ Дмитрій поровнявшіеся съ нимъ рабочіе.

— Да назадъ откуда пришли, довольно грубо, встрадаютъ волосами, отвѣтилъ одинъ шедшій впереди, — мы къ тебѣ, баринъ, а не сюда занимались, а въ Никольскомъ, воля твоя, работать мы не согласны. Коли хоть, пожадуй вели насъ разчитать. За работой не погонимся — вездѣ найдемъ.

— Отпустите ихъ, не настаивайте, шепнулъ Дмитрію Томилину. — Они и въ Бѣлыхъ Столбахъ пригодятся, а здѣсь вы ужъ ихъ косить ничѣмъ не заставите. Они пошли впереди къ толпѣ Никольскихъ мужиковъ, все еще стоявшихъ посреди ржаного поля, гдѣ кое-гдѣ валялись первые накошенные снопы. Они шумно толковали между собой, но въ виду отсутствія сопротивленія крики понемногу утихали.

— Какъ вы смѣете не давать косить другимъ краи сами отказались? закричалъ на нихъ Дмитрій.

Кое-кто изъ мужиковъ скинулъ шапку, но большинство глядѣло враждебно на подошедшихъ.

— Да такъ, баринъ, видать смѣемъ, заговорилъ одинъ довольно молодой парень и любойчѣ другихъ. — Порѣшили чтобы не косилъ никто барскую рожь, такъ и не дадимъ.

— Не дадимъ, не дадимъ! въ отвѣтъ хоромъ заголосили въ толпѣ.

— Условіе съ нами значить нарушили насчетъ лѣса-то, подхватилъ другой рослый и коренастый мужикъ и подошелъ совсѣмъ близко къ Дмитрію. — Ну, такъ вотъ мы и порѣшили что не бывать у васъ нонѣ хлѣба.

Говорившій раздражался отъ звука собственныхъ словъ, голосъ его становился все громче, а лицо побагровѣло.

— Поташе, братъ, чего ты на меня лѣзешь, осадилъ его Дмитрій.

Должно-быть было что-то внушительное въ этихъ словахъ, только онъ отступилъ на шагъ.

— Да вотъ самъ Станиславъ Викентьичъ намъ объяснялъ, продолжалъ онъ не такъ ужъ громко, — что условіе наше совсѣмъ по закону было. Онъ указалъ рукой на лѣво. Дмитрій взглянулъ въ ту же сторону и увидалъ стоявшаго невдалекѣ Гондзевскаго, который спокойно покуривалъ папироску, да засунувъ руки въ карманъ насмѣшливо поглядывалъ на происходившую сцену.

— А лѣсъ господскій вы стало-быть даромъ имѣете право рубить, вмѣшаяся Томилинъ.

Въ толпѣ кое-кто засмѣялся.

— Да какъ же такъ, ваше благородіе, обратился теперь тотъ же мужикъ къ Томилину, снимаая предъ нимъ шалку,— коли условіе было закаючено, значить не даромъ.

— Знаю я какое это было условіе и кому вы занятаи за лѣсъ, возразилъ Томилинъ.

Жохоть въ толпѣ усилился.

— Кому бы ни платили, ваше благородіе, это ужь дѣло наше...

— А ты забылъ, перебилъ мужика Дмитрій,—что я вамъ говорилъ тогда на сходкѣ что управляющій никакаго права не имѣлъ вамъ лѣсъ продавать и что его за это смѣнять. Помнишь? И тогда вы со мной помирились на томъ чтобъ я вамъ лутошь отдалъ выкосить.

Возраженій въ толпѣ не послѣдовало.

— А за то, олять вмѣшаяся Томилинъ,—что вы сегодня бурковать затѣвали, становой актъ составить и судить васъ будутъ; сами знаете какъ было въ Златоустовѣ. Пятнадцать человекъ въ острогѣ сидятъ, небось слышали.

— Те въ Златоустовѣ, а то здѣсь, засмѣялся въ отвѣтъ одинъ рыжій мужичокъ съ необыкновенно простоватымъ лицомъ.

— Тамъ становаго избилъ, олять заговорилъ подступившій къ Дмитрію мужикъ,—становой все значить начальство, а здѣсь начальства мы не видимъ.

— Петруха! эй, Петруха! вдругъ сзади закричалъ кто-то;— али пойти намъ свою рожь косить, чего ей стоять-то?

— Пойдемъ, ладно, отвѣчалъ Петруха, очевидно пораженный вѣрностію этого довода.

— Это пожалуй лучше будетъ чѣмъ здѣсь буянить-то, засмѣялся Томилинъ, очень хорошо понимавшій что мужиковъ никакими убѣжденіями не уломать и что за отсутствіемъ всякой дѣйствительной власти угрозы рѣшительно ни къ чему бы не повели.

— Бросьте ихъ теперь, не теряйте даромъ словъ, вполголоса сказалъ онъ, отводя Дмитрія въ сторону,—обострять отголковеній съ мужиками не слѣдуетъ никогда, а мнѣ кажется, я придумалъ средство чтобы выпутаться изъ затрудненія.

Крестьяне сначала поодиночкѣ, потомъ все рѣшительнѣе и чаще стали уходить къ селу. Толпа стала и шумные не-правильные ряды направились по желваку къ дорогѣ.

Гондзевскій между тѣмъ подошелъ къ новому управлен-щему и сталъ надъ нимъ подтрунивать.

— Что, это ваша обыкновенная система для воста, Христофоръ Карлычъ? Поздравляю съ блестящимъ началомъ. Къ свѣту, должно-быть, хлѣбъ уберется, честь и слава Дмитрію Алексѣевичу и вамъ.

Слова Поляка долетѣли до слуха Дмитрія. Онъ быстро обернулся и подошелъ къ Гондзевскому.

— Что вы здѣсь дѣлаете? Какое право вы имѣете здѣсь оставаться?

— Да такое же какъ и вы, господинъ Корецкіи! И такое же выраженіе смѣшило насмѣшливое на лицѣ Гондзевскаго.

— Мнѣ противно здѣсь встрѣчать ваше гнусное лицо, и прикажу безъ дальнѣйшихъ церемоній васъ посадить на телегу и отвезти въ городъ.

Лицо Гондзевскаго поблѣднѣло.

— Я можетъ-быть мѣшаю распоряжаться здѣсь по при-мѣру вашего почтеннаго дядюшки, сказалъ онъ, выставивъ впередъ правую ногу и дергая лѣвою рукой часовую цѣпочку.

Несмотря однако на эти слова и на вызывающую позу, голосъ у Поляка слегка дрожалъ.

Рука Дмитрія схватила его за плечо, и отъ одного ея прикосновенія, казалось, вся тщедушная фигура Гондзевскаго затрясась.

— Говорю вамъ чтобы вашего духу здѣсь не было сегодня вечеромъ, а то... я не всегда владѣю собою и не совѣтую вамъ это испытать на себѣ.

— Попробуйте! воскликнулъ Гондзевскій, отстраняясь отъ Дмитрія.

Но Дмитрій къ нему уже повернулся спиной.

— Что же вы придумали, Федоръ Васильевичъ? обратился онъ къ Томилину.

— Послушаемъ сперва что предложить вашъ дядюшка и графъ Борисъ Сергѣичъ.

Оба они, до того оставшіеся позади, теперь подошли.

— Роту солдатъ надо чтобы образумить здѣшнихъ негодяевъ, съ необыкновенною воинственностью произнесъ Петръ Николаевичъ.—Я сегодня же губернатору напишу чтобы онъ положилъ конецъ такому безобразію.

— И онъ конечно никакъ примется тѣлохранителей, насмѣшливо отвѣтилъ Дмитрій.— А вы, графъ, того жеманника?

— Совершенно. Съ тѣмъ добавленіемъ, развѣ члѣбы въ Никольскомъ одного на десять мужиковъ порядкомъ вперолю на конюшнѣ.

— Да, чтобы все чувствовали что у насъ ии развоитъ ботъ, но вотъ что, графъ, какъ вы думаете, такіа бонапартистскія мѣры очень помогутъ успѣху здѣшняго хозяйства? Порядки ны, положимъ, водворимъ, а что дальше? Солдаты что ли уборку и смолотятъ хлѣбъ? Ну, а хотя бы убытки которые понесетъ Елена Михайловна, кто ихъ возмѣститъ?

— Какъ, а судъ на что? воскликнулъ Петръ Николаевичъ.

— Да, судъ! Мы подадимъ жалобу Федору Васильевичу, и онъ, пожалуй, намъ присудитъ вознагражденіе, а какъ и съ кого вы его взыщете? Пока протязнется дѣло, хлѣбъ будеть стоять, да осыпаться, и вдобавокъ надолго утѣмноватся съ крестьянами враждебныя отношенія, къ нашему ущербу обрѣчь сторону. Такъ ли, Федоръ Васильевичъ?

Томилинъ разсѣялся:

— Да, я думаю, сказалъ онъ,—энергическіа мѣры лучше отбросить въ сторону, а то пожалуй мужички дегадуются что влаети надъ ними нѣтъ ровно никакой.

Томилинъ изложилъ задумавшій имъ планъ дѣйствій:

— Мнѣ кажется, сказалъ онъ Дмитрію,—ваши Бѣлостобовскіе, которые тоже немного бунтуютъ, очень будутъ не прочь за порядочную плату замѣяться въ Никольское. Своей земли у нихъ мало—не сидѣть же имъ сложа руки. Только вамъ это имъ предложить, конечно, неудобно, и если позволите, я самъ поведу переговоры. Мое хозяйство маленькое, да идетъ оно какъ заведенное колесо, не бѣда стало-быть коли денекъ у меня пропадетъ, а вы тѣмъ временемъ подайте мнѣ прошеніе на Никольскихъ мужиковъ. Я завтра же ихъ вызову и дамъ имъ таки страху. Во время уборки не весело таскаться въ камеру; они не приговора боятса, а возни съ судомъ.

На этомъ и порѣшили. Томилинъ съ Дмитріемъ тотчасъ усѣлись въ тарантасъ.

— Вы меня извините предъ Еленой Михайловной, прощайся сказалъ Соколыницкому Дмитрій,—послѣзавтра я заѣду опять.

Томилинъ и Дмитрій версты съ двѣ проѣхали молча. Федоръ

Васильевичъ казался очень ослабевшимъ, хоть и говорилъ преле иль съ такою увѣренностью въ успѣхъ.

— Знаете, за кого я безпокоюсь, Дмитрій Александровичъ, вдругъ заговорилъ онъ, — не за васъ и, конечно, не за Елену Михайловну; дѣло такъ или иначе уладится, хотя, не спорю, времена наступаютъ кажется не легкія. Тревожусь я за Надежду Сергѣевну; она, бѣдная, какъ дерево недавно пересаженное. Не бы хотѣть и беречь надо! А ну какъ подобрется къ ней кто-нибудь изъ прежнихъ ея знакомыхъ и примется ее смущать? Какъ она за послѣднее время? что-то я давно ея не видалъ?

Дмитрій въ отвѣтъ проговорилъ что-то очень не ясное, и краска усилилась на его лицѣ.

— Дай ей Богъ ужитья въ нашемъ домѣ, продолжалъ Томилаинъ. — Я любовался, право, какъ матушка ваша всегда была къ ней добра, ну, а вы какъ съ ней помарились, или, по-прежнему на военномъ положеніи?

— Я? — глаза Дмитрія заблестѣли и онъ крѣпко стиснулъ руку Томилаина. — Я?... Знайте, Ѳедоръ Васильевичъ, что я въ обиду ее не дамъ никому, потому что каждый волосокъ на ея головѣ мнѣ дороже жизни!

VII.

Всей природы обаянье
И невольное сѣише
Усть въ нежданномъ поцѣлу,
Это музыка природы,
Это музыка души.

Полонскій.

Patience et longueur de temps font
plus que force et cour age.

Lafontaine.

Разсчетъ Томилаина оказался вѣрнымъ. Ему не стоило даже особенныхъ усилій сговориться съ Бѣлостолбовскими крестьянами. Правда, нѣкоторые упорно стояли за то чтобы не входить ни въ какое соглашеніе съ Никольскою барыней, потому, говорили они, отъ господъ имъ видно одно только утѣшеніе, но ихъ перекричали очень скоро тѣ болѣе многочисленныя, да и болѣе практичныя домохозяева которые не видѣли причинъ отказываться отъ предложенной имъ платы по двѣнадцати рублей за уборку десятины.

Русскій мужичекъ не оклоняетъ къ обобщеніямъ и не отказывается отъ барыша изъ-за принципа. Поголовкомъ онъ какой-нибудь часъ и порѣшилъ въ тотъ же день обанковелъ кому придется какая десятина. Устроилъ такимъ образомъ все къ лучшему, Томилынъ уѣхалъ домой. Володя между тѣмъ Дмитрій засталъ на полѣ верхомъ. Молодой человекъ распорядился съ непривычными ему рвеніемъ, и надо ему отдать справедливость, распорядился не душно. Недалеко еще безмолвное поле кишѣло теперь народомъ. Двѣ деревни, обещавшія явиться пособить, пришли въ полномъ составѣ. Бабы сарафаны и платки на головахъ удвужекъ пестрѣли среди бѣлыхъ рубахъ. Вернувшаяся изъ Никольскаго ярма рабочихъ тоже уже была разбитчена на трехъ десятинахъ. Работа кипѣла. Володя съ оживленнымъ, загорѣвшимъ лицомъ, видимо довольный себою, развѣивалъ по полю и громко отдавалъ приказанія.

— Справимся какъ-нибудь коли простоятъ погода, счелъ онъ долгомъ отрапортовать брату когда тотъ подошелъ къ конямъ.

Дмитрію немного комичнымъ показалось усердіе Володи и тотъ видъ дѣловаго хваста съ которымъ онъ распорядился. Новый староста, человекъ смышленный и удавчій вида, не могъ нахвалиться молодымъ баринкомъ, хотъ и дѣлалъ онъ это съ тою слегка насмѣшливою лестью, съ которою опытный русскій человекъ изъ простонародья прευеличешно выхваливаетъ затѣи господа. Когда однако Дмитрій передалъ брату про то что происходило въ Никольскомъ, Володя захотѣлъ тотчасъ бросить домашнее дѣло и яоскакать туда.

— Нельзя же оставить Елену Михайловну безъ мужской помощи, извинялся онъ предъ братомъ, замѣтивъ лукавое выраженіе на лицѣ Дмитрія. — Сокольницкій вѣдь въ счетъ нейдетъ; идѣ ему!

Дмитрій остановилъ этотъ рыцарскій пылъ, объяснивъ брату что его появленіе не особенно желательно, такъ какъ Блостолбовскіе мужики того и гляди не захотятъ слушаться его приказаній.

— Дай срокъ, сказалъ онъ ему, — коли хочешь, послѣзавтра выѣхавъ туда поѣдемъ.

Володя съ этимъ доводомъ согласился, тѣмъ болѣе можетъ быть что припомнилъ не совсемъ любезный приемъ оказанный ему за нѣсколько дней предъ тѣмъ Еленой. Но то что

Дмитрій ему оказалъ про крестьянъ на этотъ разъ всебу-
дло въ немъ влпмать гнѣвнаго чувства противъ тѣхъ людей
благодаря которымъ везника вся эта кутерьма. Онъ словно
теперь только прилепился своею потребу отъ Неродовичемъ
на постояломъ дворѣ и сообразилъ, какая связь могла быть
между этимъ человекѣмъ и начинавшимися волненіями.

— Тутъ не обошлось безъ подстрекательства, съ важностію
пришлось ему угадать Дмитрія, какъ будто тотъ до сихъ
поръ самъ не могъ этого подозревать. Интересны, а пожалуй
и сподобитіе Женички могли пострадать отъ такого под-
стрекательства, и въ разсказахъ Володи эти люди, которымъ
онъ недавно былъ готовъ сочувствовать, вдругъ показались
въ самомъ преступномъ свѣтѣ.

— Надо принять мѣры и это вырвать съ корнемъ, проше-
пелъ онъ, невольнo впадая въ тонъ официальной бумаги; онъ
тутъ же разказалъ Дмитрію про Неродовича.

— Я до сихъ поръ не придавалъ его словамъ особеннаго
значенія, продолжалъ молодой человекъ все болѣе оживляясь.—
Но теперь несомнѣнно что онъ здѣсь гдѣ-нибудь скрывается
и мутитъ крестьянъ, да и сообщники у него есть въ око-
лѣткѣ: Гондзевскій, Василій Триумфаровъ...

— Знаю, знаю, вотъ открылъ Америку! перебилъ его Дмитрій.

— Ну и Брусковъ тоже: я сильно его подозреваю. Онъ съ
перваго же дня мнѣ не понравился.

Брускову какъ-то разъ случилось довольно рѣзко и на-
смѣливо отвѣтить Володѣ.

— Ты думаешь Брусковъ тоже?... Можетъ-быть.—И Дмит-
рій началъ перебирать въ памяти разныя мелочи сначала
убокальзнувшій отъ его вниманія.— Не откровенно говоря, я
этому не придаю важности. Выгнать ихъ, конечно, отсюда
придется, и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше, но все-таки насто-
ящаго вліянія на крестьянъ у нихъ нѣтъ и едва ли будетъ
такъ скоро. Какъ они тамъ ни поддѣлывайся на мужицкій
ладъ, мужикъ въ нихъ своего брата не признаетъ.

Въ настроеніи Никольскихъ крестьянъ на другой же день
произошелъ крутой поворотъ. Прогнать Бѣлостолбовокихъ не
было конечно никакой возможности. Бѣлые Столбы были почти
вдвое больше и людиѣ Никольскаго. Приходилое волей-не-
волей смириться; а тутъ какъ разъ былъ полученъ вызовъ
къ мировому судѣю по иску о своевольномъ нарушеніи усло-
вія. Мужички стали себѣ почесывать затылки и раздумывать,
какъ бы не пришлось имъ поплатиться, да и обидно имъ

было что чужая деревня убереть геноподкій хлѣбъ и получить за то хорошую плату. „Ишь какъ! по двѣнадцати рублей за десятину посулили“, рассуждали тѣ же кто наканунѣ были своими ярыми коноводами. Потомъ ковали да поругались какъ слѣдуетъ и рѣшили отправить четырехъ человекъ къ управляющему. Явились они къ Христофору Карловичу съ чинными и смиренными видами. Совсѣмъ шелковыми они были въ этотъ короткій срокъ.

— Какъ же это такъ, Христофоръ Карловичъ? чужихъ лошадей, а насъ словно и нѣтъ совсѣмъ, какъ будто даже обидно выходить.

Смыслъ ихъ рѣчей былъ таковъ что Никольскіе совсѣмъ не пречъ съ господами помириться, какъ будто ни въ чемъ не бывало; но Христофоръ Карловичъ выказалъ имъ самое гордое равнодушіе, чѣмъ конечно только усилилъ ихъ желаніе идти на мировую.

Старичокъ Нѣмецъ преспокойно почитывалъ издавна выходящую имъ *Rigasche Zeitung* и не отрываясь отъ газеты объявлялъ что теперь уже поздно, такъ какъ нельзя же отказаться только-что нанатымъ Бѣлостолбовскимъ.

— На самихъ себя пивайте, коли по глупости и озорству попали въ просакъ.

Христофоръ Карловичъ, хорошо знавшій по-русски, любилъ приближать къ народнымъ выраженіямъ, хотъ и выговаривалъ ихъ съ замѣтнымъ усиленіемъ.

Депутация медленно удалилась. Часа чрезъ два пришла другая, болѣе многочисленная. На этотъ разъ она застала въ конторѣ, вмѣстѣ съ управляющимъ, Томилина, заѣхавшаго навѣдаться какъ идетъ дѣло. Увидѣвъ судью, мужики поклонились особенно низко, причемъ нѣкоторые даже съ особенно скорбнымъ видомъ принялись вздыхать. Федору Васильевичу пришло на мысль воспользоваться этимъ примирительнымъ настроеніемъ чтобы разомъ двухъ зайцевъ убить.

Онъ предложилъ мужикамъ замѣнить работу въ Никольскомъ такою же работой въ Бѣлыхъ Столбахъ. Тѣ не сразу поняли, да русскій человекъ и не охотно принимаетъ неожиданныя предложенія, въ которыхъ онъ всегда подозреваетъ для себя обманъ.

— Вы тамъ столько же десятинъ уберете сколько бы здѣсь убрали, пояснилъ Томилинь, — а Дмитрій Алексѣичъ не откажется васъ угостить. Оно на то же и выйдетъ. А здѣсь дѣла вамъ уже не предвидится никакого, такъ вы одно изъ

двухъ и выбирайте: либо въ Бѣлыхъ Столбахъ покосить, либо штрафъ! Посланные и на этотъ разъ ушли ни съ чѣмъ, но къ вечеру дѣло было улажено.

Федоръ Васильевичъ былъ очень радъ своей выдумкѣ. Такимъ способомъ и безъ суда обойтись можно, думалось ему, а мужикамъ все-таки не удастся безнаказанно нарушать условія. Съ Вѣлостолбовскими за Никольскую уборку разчитается Дмитрій, а такъ какъ съ нихъ же приходится высекать за нарушенное обязательство, то расчетъ окажется несложный. Въ другой разъ, по крайней мѣрѣ, не станутъ буянать. Теперь въ обихъ усадьбахъ дѣло пошло какъ по маслу. Не было повидимому и признака ропота, тѣмъ болѣе что господа не скупились на угощеніе. Опытный хозяйскій глазъ подмѣтилъ бы однако въ Бѣлыхъ Столбахъ все еще тѣхное неудовольствіе.

И Анна Григорьевна недовѣрчиво покачивала головой, когда старшій сынъ, довольный успѣхомъ, увѣрялъ ее что все пойдетъ какъ нельзя лучше. Она совсѣмъ не вмѣшивалась въ его распоряженія, но какъ-то искоса глядя на нихъ съ молчаливымъ неодобреніемъ, такъ обыкновенно бываетъ съ людьми стараго вѣка когда руководство начинается ускользать изъ ихъ рукъ. Она теперь по цѣлымъ часамъ сидѣла за завяземъ, либо раскладывала пасьянсъ, и одни ровныя, терпѣливыя движенія маятника стѣнныхъ часовъ нарушали безмолвный покой комнаты.

Странно было видѣть въ этомъ бездѣйствіи привычную ко власти и распорядительности хозяйку. Что-то похожее на отреченіе читалось на ея лицѣ, и хотя материнское сердце Анны Григорьевны неспособно было на горькое чувство противъ любимаго сына,—случалось что на это лицо словно туча находила, и черты его, обыкновенно ласковыя и мягкія, будто каменѣли отъ суроваго, пристального выраженія. Жизнь, казалось, становилась тяжелою для старушки, и она тѣмъ болѣе ощущала эту непривычную тягость что не съ кѣмъ ей было подѣлиться тѣмъ чувствомъ которое иногда бременемъ ложилось ей на душу. Ни съ Петромъ Николаевичемъ, ни съ Надеей она конечно бы про то не заговорила. Напротивъ, и съ деверемъ, и съ племянницей она сдѣлалась можетъ-быть еще молчаливѣе. Петръ Николаевичъ, впрочемъ, недолго прогостилъ въ Бѣлыхъ Столбахъ. Уже чрезъ три дня послѣ того какъ Елена переслала къ нему доносъ Гондзевскаго, онъ

написалъ ей формальнымъ и сухимъ тономъ что рѣшительно отказывается отъ опеки надъ Женичкой и просить ее не вѣнчать ея, но милости кашля означеннаго имъ въ этой несносной деревнѣ, онъ не въ состояннн будетъ захватить проститиься. Въ тотъ же вечеръ онъ отправился въ Петербургъ, громко объявляя всѣмъ членамъ семейства что въ провинцнн житья нѣтъ порядочнымъ людямъ. Какъ плодъ деревенскихъ впечатлѣннй, въ его умѣ уже зараждалась записка о помещельномъ вопросѣ.

Съ Надей Анна Григорьевна тоже держалась холодно. Какъ ни старалась она подавить недоброе чувство къ молодой дѣвушкѣ, прежняго радушнн она воскресить была не въ силахъ. Дмитрнй, правда, уже не подавалъ ей поводовъ къ опасеннямъ,—его время такъ было занято полями что онъ съ Надей встрѣчался лишь мелькомъ. Думая что она ошиблась на этотъ счетъ, Анна Григорьевна тѣмъ же мейзе не возвратила Надѣ своей прежней доврчивой ласковости. Молодая дѣвушка оставалась въ ея глазахъ какъ обвиняемая, отъ которой оправданнн все-таки не смало вполнѣ клейма недоврннн. На молодую дѣвушку Анна Григорьевна не смотрѣла теперь уже какъ на пригрѣтую въ ея домѣ безпомощную сироту, нуждавшуюся въ ея любви и покровительствѣ; она видѣла въ Надѣ чужое, почти враждебное существо, готовое измѣнить прнютившей ее семьѣ. Почему въ ней сказывалась эта перемѣна, Анна Григорьевна не сумѣла бы объяснить даже самой себя. Но между Надей и ею глухо и незамѣтно росло отчужденнн, какъ незамѣтно вырастаетъ и гаушитъ поле сорная трава. Да и самой Надѣ все думалось становилось, въ домѣ Корецкихъ. Она съ каждымъ днемъ болѣе уходила въ себя и словно отдѣлялась отъ семьи. На нее тоже, какъ и на тетку, легло какое-то оцѣвленнне воли. Она, которая прежде рвалась къ дѣлу, теперь цѣлые часы просиживала безъ занятнй. Въ село Нада почти не заглядывала. Она даже бросила чтеннн. Когда-то любимыя книги претили ей теперь своею мертвою печатною рѣчью. Надей овладѣло воющее, томительное чувство какой-то неразрѣшенной задачи стоящей поперекъ ея жизни. Оно походило на то что ощущаешь предѣ медленно надвигающеюся грозой, когда туча неподвижно виситъ на небѣ и такъ и хочется чтобы наконецъ полилъ дождь и грянулъ громъ.

Такъ прошла цѣлая недѣля. Дни таялись невозмутимо
т. слх.

ленье. Ни грозы, ни вѣтра, ни дождя. Молодую дѣвушку почти раздражала эта полая, гадкая тишина. Когда ея взглядъ уходилъ въ бездонную синеву неба, когда она прислушивалась къ дѣшному шелесту дремящей листвы, странное нетерпѣніе брало ее отъ этой сіяющей неподвижности. Ей казалось что и природа какъ и она сама ждетъ какой-то неизбѣжной развязки.

Дмитрій за эту недѣлю всего только разъ съѣздилъ въ Никольское, и то на самое короткое время. „Все тамъ идетъ отаично, думалось ему, новый управляющій оказывается дѣльнымъ, а здѣсь дома столько работы.“ Дмитрій слѣдовалъ какому-то самолюбивому чувству начинающаго хозяина, которому во что бы то ни стало хотѣлось выказаться на первомъ трудномъ опытѣ. На самомъ дѣлѣ, однако, онъ былъ радъ удобному предлогу не показываться въ Никольскомъ. Въ присутствіи Елены ему почему-то становилось неловко, и это полусознательное ощущеніе дѣлалось все сильнѣе по мѣрѣ того какъ отодвигался въ даль послѣдній вечеръ имъ проведенный съ нею. Эти воспоминанія словно глохли и покрывались пылью, какъ зарастаетъ тиной застоявшаяся вода. Живая струя его жизни текла теперь уже въ другую сторону. Володя тоже не ѣздилъ къ Ордынцевымъ.

— Откровенно говоря, сказалъ ему братъ, — совѣтую тебѣ быть на-сторожѣ съ Еленой Михайловной. Мнѣ сдается что съ нѣкоторыхъ поръ она къ тебѣ не благоволитъ.

И Володя, скрѣпя сердце, обуздывалъ свое нетерпѣніе. Въ Женечкѣ онъ былъ совершенно увѣренъ; графъ Борисъ Сергѣевичъ не возбуждалъ уже его ревности. Напротивъ, Володя сталъ лгать къ нему то презрительное состраданіе какое въ очень молодыхъ людяхъ часто возбуждаетъ соперникъ болѣе зрѣлый, какъ скоро они почему-то перестали бояться его. Но Володя чувствовалъ въ то же время что со стороны Елены его виды не найдутъ поощренія, и хоть онъ и не думалъ отчаиваться въ будущемъ, предъ молодою женщиной онъ все-таки немного робѣлъ. Володю даже слегка коробило при мысли о томъ что вѣроятно случится когда Елена узнаетъ про его любовь къ Женечкѣ.

Но всякому терпѣнію наступаетъ конецъ, а у влюбленныхъ и подавно. Почти цѣлыя двѣ недѣли онъ не видался съ Женечкой. Ея уже не отлучали въ Бѣлые Столбы, да и сама Елена перестала туда ѣздить. Молодому человѣку мерещилось

что Женечка исчезла въ какую-то даль, откуда и вѣсти оны не получить. Дни медленно сгибали другъ друга, и все тѣмже, однообразно казались они ему съ вѣчнымъ, невозмутимо яснымъ небомъ. Рвение къ хозяйству въ него охладѣло. Онъ безучастно скитался дѣлые дни по полямъ, не обращая вниманія на знойное июльское солнце. Наконецъ это ему стало не въ ногу. Онъ почти тайкомъ, словно ему надо было скрываться, самъ обдѣлал лошадей и поскакалъ въ Никольское.

Вечеръ наступалъ. На поляхъ все было полно оживленія и послѣдности конца рабочаго дня. Рожь была вся уже въ колнахъ. Нагруженные возы съ хлѣбомъ во все стороны пребывали себѣ колесн по живѣ, переkreщивались, сталкивались, да скрижали при каждомъ небольшомъ подѣжѣ. Гамъ и хохотъ, руготня и споры наполняли тихій вечерній воздухъ, и все новыя вереницы повозокъ послѣдно тапулись съ поля. Желѣзныя шины колесъ стучали попадая на камень, телѣги становили подѣ тяжестью своловъ, а тамъ вдали, гдѣ мгла уже спускалась на землю, бабы все еще нагружали новыя возы. Ребята то бравились, то хохотали съ дѣвухами, дразня ихъ болѣе чѣмъ помогая. Одни стоя на возахъ ловили сволы на лету и подсмѣивались надъ женщинами, которымъ силъ иногда не хватало подбросить шной тяжелой своль. Другіе съ деревянными вилами въ рукахъ баласничали съ дѣвками, ласкались къ нимъ и толкали ихъ подѣ часъ, за что тѣ имъ зачастую отплачивали здоровымъ ливкомъ. Все это пестрѣло, шумѣло и двигалось, и кажуційся безпорядокъ приходилъ мало-по-малу къ успѣшному концу. На полѣ рѣдѣли колны, все дальше отъѣзжали за ними телѣги, а на берегу озера, недалеко отъ молотильнаго сарая, все чаще и выше поднимались тяжелыя скирды, словно противъ деревни выросталъ другой, новый посѣль выстроенный изъ соломы и хлѣба; а тамъ, гдѣ уже кончили урокъ, лустыя телѣги живо стѣзжали съ поля; весело раздавались голоса вошиковъ и черовно дрожа въ вечерней тиши, сперва несладко и нерѣшительно, потомъ все дружнее и громче поднималась и тоскливая, и задорная лѣсна.

Но Володя не примѣчалъ всего этого. Съ какимъ-то ожесточеніемъ онъ прищипорилъ Солмава, и хотя до Никольскаго было всего шесть верстъ, своего бѣднаго кова онъ измучилъ-таки порядкомъ.

У самаго вѣзда во дворъ онъ вдругъ остановился. „Нить, подумалъ Володя,—я пройду лучше садомъ“. Неизвѣстно почему онъ предпочелъ этотъ окольный путь, и шагомъ обѣжавъ усадьбу, онъ слѣзъ у калитки и привалясь Саламана къ дереву. Едва успѣлъ молодой человекъ пройти нѣсколько шаговъ, какъ ему послышался чей-то голосъ, казался довольно взволнованный. Еще нѣсколько шаговъ, и Володя узналъ что это былъ Оокольницкій, говорившій съ кѣмъ-то по-французски. Словъ онъ слышать не могъ, но до него долетѣлъ обрывокъ фразы: „Vous ne m'avez pas compris, Jenny, je voulais...“

Въ отвѣтъ ему послышался запальчивый голосъ Женечки. Потомъ вдругъ все смолкло. Должно-быть они примѣтили подходящаго Володю.

Женечка сидѣла на той же скамейкѣ подъ вазомъ на которой засталъ онъ ее въ тотъ навсегда памятный ему день. Яркій румянецъ на ея щекахъ и глаза загорѣвшіеся блескомъ раздраженія свидѣтельствовали о томъ что происходившій тутъ разговоръ не былъ совсѣмъ обычнаго свойства. Графъ стоялъ предъ ней переминаясь съ ноги на ногу и съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ крутилъ усы лѣвою рукою. Лицо его было необычайно блѣдно. Приходъ Володы его видимо бѣсилъ.

— Вы иногда замѣчательно упрямы, кузина, вы знаете что это къ вамъ очень идетъ, проговорилъ онъ съ напряженнымъ смѣхомъ и небрежно кивнувъ головой Володѣ крупными шагами направился къ дому. На пути туда онъ сталъ насвистывать какой-то маршъ.

Володя съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на молодую дѣвушку, не рѣшаясь заговорить первый. Вдругъ слезы блеснули у нея на глазахъ. Мигомъ онъ очутился на скамейкѣ всталъ она и схватилъ ея руку.

— Что было между вами, что сказали вамъ этотъ человекъ? взволнованно спрашивалъ онъ ее, словно онъ сознавалъ за собою право знать все что до нея касается.

— Не говорите про этого человека—я не хочу его видеть, не хочу слышать про него..., прерывалась отвѣчала она и вдругъ, отирая слезы, быстро подтялась съ мѣста.— Я знаю что мама хочетъ меня за него выдать... онъ позволялъ себѣ... но этому не бывать!

Понятно что Володю эти несвязныя слова встревожили не

на шутку. Онъ принялся все разспрашивать горячѣе и настойчивѣе прѣшлаго. Но заставить Женечку сказать то чего она сказать не хотѣла было дѣломъ не легкимъ. Самообладаніе и рѣшимость къ ней тотчасъ вернулись.

— Вамъ незачѣмъ знать то что онъ говорилъ мнѣ здѣсь сейчасъ, отвѣтила она слегка даже притопнувъ ножкой. — Довольно съ васъ и того, кажется, что я сейчасъ сказала.

И вдругъ раздраженіе ея уняло и она прибавила совсѣмъ уже мягкимъ тономъ, понижая голосъ:

— Я никогда, никогда не буду его женой.

Этимъ Володя могъ удовольствоваться. Снова онъ схватилъ ея ручку и съ жаромъ прильнулъ къ ней губами.

Съ перваго же дня своего пребыванія въ Сокольницкѣи Сокольницкѣи сталъ явно ухаживать за молодою дѣвушкой. Елена Михайловна его замѣтно поддерживала. Но, чего грѣхъ таить, и сама Женечка съ кокетливымъ легкомысліемъ своихъ шестнадцати лѣтъ не то чтобъ его поощрала, а выказывала ему урывками довольно свисходительное вниманіе. Безъ этого онъ и не вздумалъ бы помолвиться за дѣвочкой едва вышедшею изъ дѣтства. Несмотря на различіе въ лѣтахъ и на то что при его состояніи придаеое Женечки не было особенною приманкой, Сокольницкѣи былъ не прочь сдѣлаться женихомъ молодой дѣвушки, воображая, конечно, что его опытность съ женщинами, да и блестящее положеніе его помогутъ ему не только вскружить ей голову, но и благополучно миновать опасности такой женитьбы.

Должно-быть его собственная голова немного закружилась, только въ этотъ вечеръ когда онъ съ нею сѣмелъ въ садъ послѣ обѣда, его ухаживаніе приняло слегка игривый характеръ, не совсѣмъ пригодный для будущаго жениха. Ему вдругъ такъ хотѣлось поцѣловать ея полуоткрытыя, чуть-чуть зазорныя губки что рука его почти ломимо воли обвила ея легкій станъ. Но ему тотчасъ пришлось раскаяться. Плодъ его стараній былъ мигомъ и навсегда потерялъ. Женечка ускользнула изъ его рукъ и выпрямилась предъ нимъ во весь ростъ съ негаданною для него запальчивою рѣшимостью.

Онъ старался усложнить ее, оправдаться, но все это было напрасно. Женечка не испугалась, не убѣжала и выслушала его извиненія, но разбиwała его на каждомъ словѣ; и при всей своей опытности Сокольницкѣи долженъ былъ сознаться предъ собой что болѣе и болѣе теряетъ почву и запутывается въ собственныхъ рѣчахъ.

— Я про васъ много слышала, сказала она Володѣ уже съ улыбкой на губахъ,—съ тѣхъ поръ какъ...

— Съ тѣхъ поръ какъ мы разошлись здѣсь у этой же скамейки, живо перебилъ онъ ее,—каково, думаете вы, было мнѣ не видѣть васъ цѣлыхъ шестнадцать дней.

— Шестнадцать, разсмѣялась она,—какъ вы хорошо считаете! А вы забыли какъ лосаѣ сюда заѣхали.

— Да, на какихъ-нибудь десять минутъ! И вы думаете я не замѣтилъ какъ не любезно тогда привала меня ваша мамочка.

Это слово заставило ее разсмѣяться еще болѣе. Она никогда не могла свыкнуться съ тѣмъ что Елена имѣетъ надъ нею какую-то власть.

— Что же, Женя, продолжалъ онъ, и голосъ его вдругъ задрожалъ,—вы видите, я васъ послушался, я теперь не тотъ уже какимъ былъ тогда...

— Да, да, я знаю, знаю и очень, очень рада.

На этотъ разъ она уже не сердилась что онъ называлъ ее этимъ уменьшительнымъ именемъ.

— Ну, коли такъ, Женя, могу ли я надѣяться что скоро получу обѣщанную награду?

Глава его заискрилась и опять ручка ее очутилась въ обѣихъ его рукахъ.

— Обѣщанную? а ничего не обѣщала, лукаво вполголоса проговорила она.

— Если вы не дадите отвѣта,—и говоря это, онъ вдругъ совсѣмъ наклонился къ ней,—я сегодня же побѣду къ Еленѣ Михайловнѣ и скажу ей...

— Нѣтъ, мамѣ вы пока не говорите ничего, я знаю напередъ.

И она дала понять Володѣ что на согласіе Елены Михайловны разчитывать нельзя.

— Да мнѣ и не нужно знать ея отвѣта, вдругъ съ жаромъ воскликнулъ онъ,—если только вы...

Руки его очутились вокругъ ея стана. На этотъ разъ она не сопротивилась, и губы его нѣмымъ подѣваемъ договорили его слова. Но почти тотчасъ она вскрикнула; ея чуткому уху слышались чьи-то легкіе шаги.

— Это мамѣ, проговорила она отходя отъ Володи и поправляя нависшую на ея лобъ волнистую прядь волосъ.

Изъ-за кустовъ у поворота дороги показалось свѣтлое кисейное платьѣ Елены.

VIII.

Es fällt ein Stern herunter
 Aus seiner funkelnden Höh!
 Das ist der Stern der Liebe,
 Den ich dort fallen seh!

* *

Es ist so still und dunkel,
 Verweht ist Blatt und Blüth.
 Der Stern ist knisternd zerstoßen
 Verklungen das Schwanenlied.

Для Елены только-что истекшіе дни были чуть ли не самыми тяжелыми въ ея жизни. Такъ недавно еще она радовалась своему мастерскому самообладанію и была уверена что до желаннаго счастья ей только рукой подать, и вдругъ эта рѣзкая, необъяснимая перемѣна. Сперва она старалась усложниться, твердила себѣ что все объяснится, что никакой перемѣны и не было, хотя внутренній голосъ съ перваго же раза подсказалъ ей всю правду. Но дни таялись за днями, бессонныя ночи смѣняли одна другую, а Дмитрій упрямъ молчалъ. Онъ такъ держался съ нею какъ будто ничего особеннаго между ними и не произошло. Иногда ей даже самой казалось что она обманываетъ себя, что прошаеое было не дѣйствительность, а сонъ какой-то. И опять въ ней поднималось негодующее чувство не хотѣвшее допустить того что она понимала все яснѣе. Развѣ онъ могъ позабыть то что онъ говорилъ ей въ тотъ недавній вечеръ? Развѣ онъ не любилъ ее почти съ самаго ея дѣтства? не оставался вѣрнымъ этой любви до сихъ поръ? Нѣтъ, такіа перемѣны невозможны! И вѣчно повторяя себѣ это, она въ то же время доискивалась причинъ такой перемѣны. „Имъ овладѣла другая женщина“, промелькнуло у нея въ мысляхъ; и хотя Елена, когда имя Нади впервые ей подсказалось само собой, презрительно оттолкнула такое подозрѣніе, оно все-таки упрямъ возвращалось и дразнило ее.

Разъ она въ присутствіи Женечки выразила удивленіе тому что Боровской что-то давно не показывается, и Женечка ей передала про неудачное сватовство Николаа Осиповича. Это извѣстіе поразило ее въ самое сердце. Она тотчасъ привела

его въ связь съ поведеніемъ Дмитрія и мигомъ у нея сомнѣнія исчезли. То что ей предъ тѣмъ казалось невозможнымъ и невозможнымъ, вдругъ стало для нея совершенно очевиднымъ. Для женщины самый пустой случай иногда служить подлымъ доказательствомъ.

И вотъ стало-быть объясненіе надъ которымъ она мучилась! Какъ, цѣлыхъ десять лѣтъ она любила его и ради этой любви она устояла противъ всѣхъ искушеній, а теперь стало явиться этой нищей дѣвчонкѣ чтобы эти десять лѣтъ были разомъ вычеркнуты какъ ни въ чемъ не бывало? Вѣдь не для мужа, не для сухой морали она сберегла себя, пожертвовала своими лучшими годами. Съ истинно женскою добросовѣстностью она готова была теперь обвинить Дмитрія за свое замужество и за то что жизнь ея съ тѣхъ поръ протекала такъ безотрадно и безстрастно. Ею овладѣло самое дурное изъ всѣхъ раскаяній.—раскаяніе въ несовершенной вѣрѣ. Вотъ стало-быть награда за безупречную жизнь! Вѣдь она могла бы, какъ многія женщины, наполнить ее не одними холодными, честолюбивыми планами.

Горькія, злая слезы хлынули изъ ея глазъ. Всѣмъ своимъ прошлымъ она пожертвовала Дмитрію, одно его имя наполнило это прошлое, ея жизнь могла быть совсѣмъ иною, оставить ей дорогія воспоминанія... и что же теперь? Первая молодость прошла, ничѣмъ не вернуть ея золотой прелести, сердцу не забиться вновь первою дѣвственною любовью. Все свое счастье она поставила на одну карту, и проиграла!

Часто говорятъ что всего труднѣе перенести первое разочарованіе, то которое скашиваетъ и уноситъ молодыхъ иллюзіи; это совершенная неправда: всего хуже утрата послѣдней надежды; съ годами сердце не привыкаетъ къ боли, но за то потеря становится уже непоправимою. Правда, Елена была еще молода, но что могли ей дать слѣдующіе годы взамѣнъ того призрака которому она отдала столько лѣтъ? Развѣ одна лампачь даромъ потраченного времени, этотъ настоящій адъ на землѣ,—не отравитъ собою и будущаго?

Цѣлую ночь Елена перебирала эти горькія мысли съ какимъ-то ожесточеннымъ наслажденіемъ. Утромъ; когда она заглянула въ зеркало,—она испугалась своего лица. Глаза у нея расширились и потускнѣли. Темная черта обрисовалась подъ ними, а между бровями, какъ зловѣщее предостереженіе, была едва замѣтная складка. На видъ Елена оставалась

такое же спокойное какъ и всегда, но въ душѣ у нея какъ-то было какое-то, мотательное чувство. Она считала себя въ правѣ понавидѣть въокъ окружающихъ ее за то что люблегла ея собственная жизнь. Она, однако, все-таки еще ждала чего-то, ей все еще казалось что Дмитрій непременно объяснится съ нею, какъ будто объясненіе могло еще къ чему-нибудь привести. А Дмитрій между тѣмъ пересталъ даже показываться въ Никольскомъ. Елена сознавала что онъ избѣгаетъ ея. Разъ только за дѣлую недѣлю онъ завернулъ на вѣсколько минутъ. Еслибы она могла прочесть на ея лицѣ то что она чувствовала, онъ испугался бы. Въ тотъ же вечеръ, когда Волода засталъ Желечку въ саду съ графомъ, но дѣлымъ часомъ раньше, Дмитрій тоже поѣхалъ въ Никольское. Онъ считалъ себя обязаннымъ еще разъ заглянуть туда чтобъ убѣдиться, все ли хорошо идетъ въ тамошнемъ хозяйствѣ. Переговоривъ съ управляющимъ, которымъ нельзя было нахваляться, онъ прошелъ къ Еленѣ и засталъ ее одну на террасѣ выходившей въ садъ. Она сидѣла въ глубокомъ креслѣ и ея полузакрытые глаза были опущены на работу которую она держала въ рукахъ.

— Ну-съ, Елена Михайловна, началъ онъ усаживаясь возлѣ нея,—я могу теперь со вполне спокойною совѣстью возвратиться вамъ порученныя мнѣ бразды правленія.—Онъ улыбался говоря это.—Христофоръ Карловичъ настоящій кладъ, и теперь все, я думаю, пойдетъ отлично.

— Въ самомъ дѣлѣ, равнодушно отвѣтила она. Глаза ея на мигъ выгнули на него и снова опутились на работу.—Я вамъ очень благодарна, добавила она немного погодя.

Дмитрій досталъ папирску и закурилъ. Съ минуту оба они молчали. Въ первый разъ съ тѣхъ поръ какъ они были знакомы, онъ не находилъ про что заговорить съ ней. Между ними была та напряженность какая всегда возникаетъ у людей когда они избѣгаютъ касаться того что занимаетъ ихъ всего болѣе.

Елена первая страхнула съ себя это неловкое ощущеніе. Она вдругъ словно оживилась и съ непринужденностью свѣтской женщины заговорила о самыхъ разнообразныхъ вопросахъ дня, слетая въ одну пеструю нить крупыя интересы политички съ мелочами петербургской слатни. Въ ея ровномъ голосѣ, въ той легкости съ которою она шуточно касалась важныхъ лицъ и ихъ мелкихъ отношеній, совсѣмъ неподвижному отсутствовала горькая нота. Въ ней будто

прослулась та прехваля Елена которая такъ хорошо изучила стратегію гостинныхъ и такъ умѣла каждому сказать по что имѣло слѣдовать. Дмитрія, однако, почему-то неспрiятно раздраило ея напускное остроуміе.

— Знаете ли, вдругъ сказалъ онъ, — что мы говоримъ съ вами точно мы на какомъ-нибудь петербургскомъ вечерѣ и я вамъ только-что былъ представленъ.

— Право? Вамъ это кажется? — Веселость разомъ исчезла и она уже не думала подавать прощаніе въ своемъ голосѣ. — Вамъ это странно потому можетъ-быть, продолжала она, — что вы такъ ужь пристрастились къ хозяйству; вы кажется про все шлое и думать разучились.

Брови его слегка сдвинулись.

— Чтѣ дѣлать, Елена Михайловна, возразилъ онъ, — время теперь настало самое прозаическое.

— И вы кажется совершенно удовлетворены этою прозой? — Щеки ея мгновенно вспыхнули: — Я предупреждала васъ что нельзя безнаказанно заператься въ глуши; она рано или поздно на всѣхъ кладетъ свою незаманчивую печать.

Озабоченіе все сильнѣе у нея порывалось наружу.

— Можетъ-быть, коротко отвѣтилъ онъ.

Елена отложила работу на отодикъ и вся выжидала.

— Я даже начинаю это чувствовать на себѣ и потому думаю скоро уѣхать.

— Вотъ какъ! вы мнѣ про это не говорили.

Но удивленіе было только въ его словахъ, а голосъ звучалъ совершенно равнодушно.

— Вы надолго уѣдете?

Она помолчала немного, пристально вглядываясь въ него. Вдругъ она напряженно разсмѣялась.

— Да не все ли вамъ равно, Дмитрій Алексѣичъ, сказала она. — и развѣ я сама это знаю? Я, слава Богу, не дѣлаю ничѣмъ и каждый день могу мѣнять свои рѣшенія. Свобода хорошее дѣло, неправда ли? А вамъ хочется знать, когда я вернусь въ Никольское?... Можетъ-быть, никогда. Je ne me sens pas appelée à jouer la châtelaine.

Еще разъ она коротко разсмѣялась, встала и почему-то унесла свою работу на противоположный край террасы. Она довольно долго ее укладывала тамъ въ большую соломенную корзину, словно Дмитрія тутъ и не было; потому она подошла къ периламъ и съ наслажденіемъ принялась нюхать только-что расцвѣтшую великолѣпную махровую розу.

— Неправда ли какъ хороши эти розы? вдругъ спросила она не глядя на него.— Я такъ ихъ люблю. А вамъ онѣ нравятся?

И снова она вдокнула въ себя аромат цвѣтка.

— Хотите?... Она съ какимъ-то страшнымъ ошелощеніемъ сорвала цвѣтокъ, не обращая вниманія на то что уколола себя палецъ.— Вотъ!..

Она протянула ему розу, продолжая не глядя на него, и выпустила ее изъ рукъ, не дожидаясь чтобы Дмитрій ее взялъ. Роза упала на каменный полъ. Она рѣзко обернулась и со сверкающими гнѣвными глазами заговорила опять, замѣтивъ что Дмитрій все еще на другомъ концѣ террасы.

— Вы, кажется, ждете не дожидаетесь что я васъ отлучу въ Бѣлые Столбы. Поѣзжайте, поѣзжайте, такому хозяину какъ вы надо сидѣть дома.

Онъ подходилъ къ ней и собирался поднять упавшій цвѣтокъ.

— Я и хотѣлъ проститься съ вами, сказалъ онъ наклонясь къ розѣ, но она предупредила его, поджала цвѣтокъ сама и бросила его за лѣрла въ садъ.

— Я и забыла что у васъ у самихъ въ Бѣлыхъ Столбахъ цвѣтовъ довольно, сказала она, и почувствовала теперь что сильно укололась.— Я даже не могу вамъ подать руку, видите, съ притворною шутливостью добавила она,—прощайте.

Елена чуть замѣтно наклонила голову и долго въ полутьмѣ наступавшаго вечера напряженно глядя на дверь за которою онъ скрылся. Брови ея сдвинулись, и упорная, злая мысль сковала ея притаенный взглядъ.

„Кончено, навсегда кончено“, шепталъ ей насмѣшливый голосъ.

Она и не приняла какъ на террасу вошелъ Соловьицкій.

— Я только-что встрѣтилъ уходившаго Дмитрія Алексѣевича, обратился онъ къ ней,—маѣ такъ и хотѣлось спросить у него долго ли онъ еще будетъ здѣсь въ Никольскомъ великимъ визиремъ. Да что съ вами, кузина?

Лицо его выразило какое-то странное полунасмѣшливое участіе.

— Такъ, ничего. И она провела рукой по горьшему лбу.

— Ну вотъ, продолжалъ графъ,—такъ я вамъ на прощанье дамъ хорошій совѣтъ: остерегайтесь этихъ Корецкихъ: дѣбра вы отъ нихъ не дожидаетесь.

— Вы развѣ уѣзжать собираетесь?

— Я у васъ заготовилась; кузина, пора къ себѣ.

Она вдругъ припомнила что имѣла на него виды для Женечки и принялась его уговаривать отстѣпая, но вышло это такъ холодно и вѣло что графъ разошелся. Онъ думно съ любезнымъ вниманіемъ слѣдилъ за всеми признаками того что происходило у нея въ душѣ.

— Нѣтъ, кузина, отвѣчала она, — я лучше не обещаю вамъ сюда возвратиться, а увидимся мы конечно осенью гдѣ-нибудь тамъ, гдѣ Русскіе всего легче встрѣчаются, такъ какъ и вы и я здѣсь долге не устоимъ — въ это я ручаюсь. До свиданія въ Труццалѣ или въ Вестморѣ.

И онъ съ чувствомъ лоднесъ ея руку къ своимъ надушеннымъ усамъ, а его умные, масляные глаза при этомъ лукаво прищурились. Хотя графу очень жутко было вспоминать про свое объясненіе съ Женечкой, онъ не подавалъ вида что узнать изъ Никольскаго что-либо кромѣ приятныхъ впечатлѣній.

— А вы Женю не видали? вдругъ почемуто спросила Елена, останавливая уходившаго графа.

— Видѣлъ даже очень недавно; я ее оставилъ въ саду у большаго вяза вмѣстѣ съ молодымъ Кородемъ.

Сказавъ это самымъ равнодушнымъ тономъ, Секельшицкій повернулся на каблукахъ и вышелъ. Того что онъ сказалъ было, однако, достаточно чтобы придать мысли Елены иное направленіе. Она давно рѣшила что ухаживать Володи надо положить конецъ. Теперь добавокъ Елена перенесла на молодого человека гнѣвное чувство возбужденное въ ней Дмитріемъ. „Нельзя доводить ему кружить голову этой дѣвчкѣ“, и говоря себѣ это, она думала конечно что ею руководитъ самая безкорыстная заботливость о судьбѣ Женечки. Она лоспѣнно спустилась въ темнѣншій садъ и ускоренными шагами направилась къ большому вязу. Угадавъ ее, молодые люди пошли къ ней навстрѣчу. Елена Михайловна холодно кивнула головой Володѣ и тотчасъ обратилась къ ладчицѣ.

— Jenny, ma chère, rentrez je vous prie, miss Finch vous cherche partout, отрывисто и повелительно сказала она.

Молодая дѣвушка молча повиновалась, хоть и знала очень хорошо что миссъ Финчъ ее вовсе не спрашивала. Елена медленно пошла рядомъ съ Володей. Ему казалось что она самою удерживаетъ его чтобы прочесть нотадію. Хоть онъ и

увѣривъ себя что ему рѣшительно нѣтъ дѣла до ея мнѣнія, онъ все-таки въ самой глубинѣ сердца предъ нею слегка робѣлъ.

— Я очень сожалѣю, Владиміръ Александровичъ, начала Елена, что вы мнѣ не успѣли доложить о своемъ приходѣ.

Слово „мнѣ“ она произнесла съ особымъ удареніемъ. Молодой человѣкъ вспыхнулъ и отъ оскорбленнаго достоинства и тоже немного отъ стыда.

— Вы знаете что я всегда очень рада васъ видѣть, продолжала она, но голосъ и выраженіе глазъ не подтверждали любезности этихъ словъ. Володя не нашелъ что отвѣтить. Они молча шли къ дому.—Вы не зайдете пить чай? спросила она, когда они были у самой террасы, но у Володи ледяное выраженіе хозяйки Никольскаго отбило всякую охоту пользоваться ея гостепріимствомъ. Онъ отказался даже съ извѣстной поспѣшностію, и Елена не настаивала. Она снова чуть замѣтно кивнула головой и, какъ всегда легкая и стройная, поднялась по ступенямъ террасы.

„Если онъ хоть сколько-нибудь умѣетъ жить, говорила она себѣ, онъ пойметъ что ему неважнѣе болѣе сюда ѣздить.“

Володя быстрыми шагами пошелъ за своею лошадыю. Несмотря на всю недовѣсть которую онъ только-что ощущалъ предъ Еленой, несмотря даже на то что доступъ въ Никольское для него теперь почти закрытъ, у молодого человѣка было легко и ясно на душѣ. Онъ и не сомнѣвался въ будущемъ, ни зѣрнѣ онъ даже о немъ не думалъ. Настоящее было такъ хорошо. Любовь къ Женечкѣ такъ переполнила его сердце-что ему только какъ можно долѣе хотѣлось удерживать эти счастливыя минуты, насладиться ими до упоенія. Бываетъ иногда что будто цѣлая жизнь сливается въ одинъ чудный мигъ и забываешь про то что было прежде, какъ не загадываешь того что будетъ впереди. Володя очень удивился, найдя у крыльца конторы брата разговаривающаго съ новымъ управляющимъ. Онъ не подозрѣвалъ что Дмитрій тоже былъ въ Никольскомъ.

— Что за чудный вечеръ, ласково обратилась Володя къ старыиу Нѣмцу. Всякому кою бы онъ ни встрѣтилъ онъ сказалъ бы что-нибудь приятное. Онъ готовъ былъ дружить и самый лѣтній вечеръ и яркій закатъ багровѣвшій на небѣ.

— Да-съ, ничего, отозвался Христофоръ Карловичъ,—только

боюсь какъ бы не былъ сильный вѣтеръ завтра и дожда не нанесъ. Очень ужъ небо красное.

— Что жь, за пшеницу завтра прививаетесь? спросилъ Дмитрій вскакивая въ сѣдо.—Я тоже думаю.

Управляющій пустился въ разные хозяйственные соображенія, очень дѣльными, но слегка многорѣчивыя. Видно было что онъ своимъ мѣстомъ доволенъ, несмотря на недавній переполохъ.

— Да, замѣтилъ Дмитрій,—можно сказать что мы изъ легкаго положенія выпутались.

Нѣмецъ покачалъ головой.

— Выпутались ли, Дмитрій Алексѣевичъ, это еще вопросъ; будьте насторожѣ, вотъ вамъ мой совѣтъ. Пока ваши мужики здѣсь рожь косили, я замѣтилъ, извѣстите меня, что они на васъ очень злятся за то особенно что имъ не удалось на своемъ поставить. Поговаривали даже что краснаго лѣтуха вамъ подлустать.

— Э-э, Христофоръ Карловичъ, пустыя слова, возразилъ Дмитрій.—А мѣры, впрочемъ, я принималъ, постройку всю застраховалъ, хлѣбъ тоже застрахую въ скардахъ. Пожарныхъ трубъ у насъ три, ночныхъ объѣзчиковъ держу четырехъ.

— Такъ-то такъ, настаивалъ управляющій, — а надо смотрѣть зорко. Однимъ глазъ хорошо, а два лучше, переиначилъ онъ неизвѣстно почему половицу.—И опять я вамъ доложу: Гондзевскій, положимъ, отсюда-то выѣхалъ, но живетъ онъ почти рядомъ, на постояломъ дворѣ у Акима, и наши рабочіе два раза слышали какъ онъ грозился что васъ убьетъ.

— Вотъ какъ, разсмѣялся Дмитрій,—пусть попробуетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы все-таки его напрасно подъ судъ не отдали, Дмитрій Алексѣевичъ. Вѣдь воѣ доказательства есть, и теперь еще можно, коли хотите.

— Да, чтобъ его оправдали! Ну-съ прощайте, Христофоръ Карловичъ.

Володя между тѣмъ весь погрузился въ свои сладкія мечты. Лошадь его, которой онъ совсѣмъ отдалъ поводъ, преспокойно щипала пшеничные колосья. Самъ онъ и не слыжалъ того что говорилъ его братъ съ управляющимъ. Онъ былъ въ томъ радостномъ чаду отъ котораго такъ сладко льдѣешь.

— Что, Владиміръ Алексѣевичъ, вдругъ услышалъ онъ голосъ подошедшаго Нѣмца, — вы, говорятъ, тоже отличались во время уборки. А лошадка у васъ какаа хорошая!

И онъ сталъ гладить красивую шеню Соломина.

— Да, да, я тоже полюбилъ хозяйство, улыбаясь неопредѣленно чему, оцѣтилъ Волода. — А что за дивный вечеръ, жужжалъ онъ опять озираясь на небо, гдѣ уже кое-гдѣ бѣлые мерцали звѣзды, и полною грудью вдыхалъ въ себя свѣжающій воздухъ.

Братья шагомъ поѣхали по дорогѣ въ Бѣлые Столбы.

IX.

Notre ennemi c'est notre maître,
Je vous le dis en bon français.

Lafontaine.

...Нѣтъ, нѣтъ, меня вамъ не помять,
Какъ не помять сухихъ вѣтвей дре-
веснымъ

Того что съ вѣтромъ поднебеснымъ
Вершины дуба говорятъ.

Веневитиновъ.

На большой дорогѣ, въ трехъ верстахъ отъ Бѣлыхъ Столбовъ, проѣзжимъ уже издаека бросалась въ глаза группа кудрявыхъ ракутъ стоявшихъ на пригоркѣ. Изъ нихъ очень скоро выдѣлалась большая, неуклюжая постройка очень схожая съ крѣпостями нарисованными на лубочныхъ картинкахъ. Потомъ оказывалось что это была огромная четырехугольная ограда изъ желтовато-сѣраго не тесаного камня, къ одному изъ угловъ которой была прислонена большая каменная изба крытая соломой, съ проходомъ посреда. Кирпичъ во многихъ мѣстахъ выглядывалъ изъ-за бѣлой замазки стѣнъ, на которыхъ лѣтнами выступали зеленоватыя отека оконъ съ полусгнившими рамами. Это былъ извѣстный всему околотку постоялый дворъ, куда заѣзжали рѣшительно всѣ кто изъ уѣзда возилъ въ городъ хлѣбъ на продажу. Держалъ его уже десять лѣтъ кирсановскій мѣщанинъ Акимъ Егоровъ Забудаевъ, человекъ необыкновенно тучный, съ багрянымъ, всегда довольнымъ лицомъ и спячъ какихъ мало. Носилъ онъ зимой и лѣтомъ вѣчно тотъ же засаленный, длиннополоый сѣрый кафтанъ на байковой подкладкѣ. Стужа и жаръ для него словно не существовали, какъ не звалъ онъ за собой много нравственнаго ощущенія, кромѣ удовольствія получать деньги

за постой и за угощеніе, да барышъ съ перепроданныхъ лошадей. Дѣла свои онъ велъ отлично, хотя не умѣлъ ни читать ни писать, и счета за него сводилъ молодецъ, трехлопастный дѣтина, съ вѣчно улыбающимся, замѣчательно глупымъ лицомъ. Днемъ и ночью рѣдко бывало пусто на дворѣ. Всегда тамъ слышались ржаніе и топотъ лошадей, пискливое кудахтанье куръ, возившихся въ навозѣ, гамъ и крики возчиковъ и всякаго люда заходившаго отвести душу за чаркой. Къ Акиму всѣ привыкли. Жалобъ на него не слышалось, хоть и слылъ онъ за человѣка себя на умѣ, который и съ мертваго сдеретъ и долга никому не спуститъ. Должно-быть полюбился онъ народу за то что всегда-умѣлъ найти веселую прибаутку. даже когда ему приходилось задержать за собою тулупъ отданный въ залогъ, и всегда ласково потчивалъ гостей.

А ужъ болѣе непривлекательное мѣсто былъ Акимовъ дворъ: въ проходѣ съ землянымъ поломъ всегда стояли вонь и грязь неолысанная. Въ большой комнатѣ слѣва, гдѣ была распивоchnая, и стѣны, и полъ, и дырявые столы всегда отсылались особымъ запахомъ дерева пролитаннаго водкой. Они словно потѣли виномъ. Сзади за перегородкой помѣщался самъ хозяинъ, давно бросившій жену и дѣтей гдѣ-то въ далекомъ захолустьѣ. Справа отъ прохода была такъ-называемая чистая комната для господъ, хотя чистотой она похвастаться не могла. Убранство ея заключалось въ грязныхъ, изодранныхъ обояхъ, въ кожаномъ диванѣ изъ котораго кое-гдѣ зѣлѣлъ конскій волосъ, да въ трехъ ярко окрашенныхъ картинахъ изображавшихъ переходъ Суворова черезъ Чортовъ Мостъ, коронаваніе императора Николая Павловича и мученія богача въ аду которому Лазарь изъ рая отказывался подать воды. Впрочемъ, горшки съ геранью на подоконникахъ обнаруживали нѣкоторыя поэтическія наклонности хозяина. Сзади была еще маленькая комнатка на дворѣ гдѣ теперь помѣстился Гондзевскій. Акимъ Егоровъ сидѣлъ сторбившись на стульяхъ крыльца. Онъ только-что вернулся съ бабчи которую держалъ въ имѣніи Ухова, усталый, но видимо довольный: арбузы и огурцы завязались отлично.

Солнце стояло высоко на безоблачномъ небѣ и безжалостно пекло его потное лицо, сильно напоминавшее кусокъ сырой говядины. Косматыя овчарки съ дикимъ воемъ привѣтствовали хозяина, звякая цѣпами. Былъ это какъ разъ тотъ самый день когда въ Бѣлыхъ Столбахъ кончали уборку ржи,

а Дмитрій и Володя, какъ будто сговорившись, оба поѣхали въ Никольское.

— Здравствуй, братецъ, закусить пришелъ? ласково, приподнятая суковную фуражку, привѣтствовалъ Акимъ подходящаго машиниста, который не въ первый разъ заглядывалъ къ нему на дворъ.—Милости просимъ. И вставъ онъ пропустилъ Неродовича.

— Макаръ, наливкой Ефима полотчуй, приказалъ онъ своему молодцу.

Въ комнатѣ стояла тяжелая, смрадная духота. На грязномъ потолкѣ черными пятнами лѣплились крупныя мухи, которыя вдругъ, словно ошалѣвъ отъ живаго пара, жужжа ударялись объ оконное стекло и снова на мигъ замирали гдѣ-нибудь въ углу рамы. Народу было немного: человекъ восемь или десять, все больше изъ Бѣлостобовскихъ. Ребята это были уже не молодые, настоящие хозяева, зашедшіе сюда отвести душу во время полуденнаго отдыха. Одинъ былъ только тутъ еще совсѣмъ молодой малый, съ правильнымъ молодцоватымъ лицомъ, сильно однако поматымъ, одѣтый съ нѣкоторыми признаками щеголеватости. На немъ были очень высокіе смазные салогі, блестявшіе въ смрадной комнатѣ, потертые пласовые штаны и красная рубаха съ косымъ воротомъ. Онъ лѣживо наигрывалъ на гармоникѣ, закинувъ ногу на ногу, и отрывками что-то напѣвалъ хрилымъ теноромъ. Лицо его, сонное, но залитое кровью и большіе неподвижные, стеклянные глаза говорили что это одинъ изъ тѣхъ людей которые цѣлые дни просиживаютъ не двигаясь съ мѣста, а вдругъ-таки выкинуть какую-нибудь отчаянную штуку. Звали его Флегонтомъ. Неродовичъ помолился иконѣ въ чистомъ углу и усѣлся за столомъ, поклонившись всѣмъ поочередно. Его знали всѣ. Макаръ поднесъ ему чарку съ мутною червотатою жидкостью.

— Настоящая смородиновая.

Неродовичъ превозмогъ отвращеніе и хлебнулъ изъ чарки.

— О чемъ бесѣду ведете, господа? обратился онъ къ прочимъ.

— Да вотъ все про свои обиды, отвѣчалъ кто-то.—Въ дуракахъ мы теперъ совсѣмъ остались. Нанялись къ Никольской барынь, а теперъ выходитъ что и деньжонокъ за то намъ не видать. Разчитайся, значить, сперва съ бариномъ за убытки. Ишь хитрая штука какаа.

— Молодецъ Дмитрій Алексѣичъ, подхватилъ другой.

т. слых.

16*

Вообще было замѣтно что, несмотря на раздраженіе, мужики готовы были чуть ли не похвалить Дмитрія за то что онъ не дался въ обиду.

— Ну, ужъ и молодецъ, разсмѣялся Неродовичъ,—по нашему это просто значить обманъ.

— Такъ, такъ, обманъ и есть, поддакнули ему двое.

— И дѣло-то какъ ловко сладили, продолжалъ тотъ кто заговорилъ первый,—съ этою съ мировою судьей. Намъ и не въ домекъ было.

— Ну да, станете еще на судей-то разчитывать, сами господа, извѣстно за кого стоять. Федоръ Васильчъ, вишь ты, давно, говорятъ, нахлѣбникомъ у Анны Григорьевны, да и у Никольской барыни тоже, надо же чѣмъ-нибудь за хлѣбъ-соль поблагодарить.

— Михѣичъ, вѣдь это онъ правду говорить.

Поднялись шумные толки. Неродовичъ со злорадствомъ подмѣчалъ какъ росло и нажилао ожесточеніе. Онъ незамѣтно подливалъ масло въ огонь, какъ будто его дѣло тутъ совсѣмъ сторона.

Флегонтъ громче заигралъ на гармоникѣ:

Архіерей же Еремѣй,
Давай деньги поскорѣй.

Закончилъ онъ какую-то лѣсню не отличавшуюся уваженіемъ къ духовенству.

— Ну, ты, закричалъ на него кто-то,—вишь люди про дѣло толкуютъ, а онъ со своими лѣснями дурацкими!..

— А ты что? нешто спрашиваютъ? отозвался Флегонтъ лѣниво, хотя глаза его при этомъ на мигъ сверкнули.

— Оставь, пусть потѣшается, заступился за Флегонта Неродовичъ.

Флегонтъ былъ однимъ изъ немногихъ парней въ Бѣлыхъ Столбахъ бывавшихъ на сторонѣ. Онъ ходилъ на работу въ Петербургъ и тамъ приобрѣлъ заливчатскую развязность фабричнаго, сталъ фравтить и цѣлые два просиживалъ по кабакамъ. За то и доставалось ему отъ тятеньки.

— И на работу въ свой чередъ не пойдетъ, укорялъ его одинъ мужичокъ постарше,—ишь здоровый какой, а знаетъ только по кабакамъ шляться.

— А самъ-то ты что же, да еще старикъ: у всякаго значить свое горе есть. Залить надо.

И Флегонтъ спросилъ себѣ лющнюю рюмку сладкой.

— А что, братъ, кажись пора, сказалъ вставая одинъ изъ мужиковъ,—часа два слишкомъ будетъ. Пойдемъ.

Кое-кто еще поднялся съ мѣста.

— Куда вы это? къ Никольской барынѣ сѣзшите? насмѣшаво спросилъ Неродовичъ.

— Нѣтъ, ужь слава тебѣ Господи, локовчили, будетъ съ нея. Свою рожь убирать идемъ.

— А много у васъ ея наберется, своей-то ржи? поджигалъ ихъ Неродовичъ. — Нобось до зимняго Николы хватить съ дароваго-то надѣла.

— Чего жь ты зубы-то скааишь, Ефимъ? выговаривалъ ему тотъ самый пожилой мужикъ, который поспорилъ съ Флегонтомъ.

— Мое дѣло сторона; коли вамъ хорошо на вищенскомъ надѣлѣ, Богъ съ вами.

Сердитый говоръ пошелъ по комнатѣ.

— Хорошо! извѣстное дѣло какъ хорошо! Полперекъ горая она вамъ сѣла господская-то межа.

— А вы все сидите, да ждете у моря погодки, авоеъ лучше будетъ? Молодцы!

— Дураки и есть! вмѣшался Флегонтъ.—Чего съ вами толковать, Ефимъ, послушай-ка лучше лѣсню, и снова принявшись за гармонику онъ заплѣлъ громче прежняго:

Ой ты Вава, ой Ванюша
Забубенна голова!

— Молчи ты, молокососъ, бѣшено закричалъ на него одинъ низкорослый, широкоплечій мужикъ,—не до твоихъ ласкудныхъ лѣсенъ телерь.

Онъ вырвалъ у Флегонта гармонику изъ рукъ и швырнулъ ее объ полъ. Но у того кровь застучала въ вискахъ, онъ вскочилъ на ноги и однимъ ударомъ повалилъ мужика.

Ихъ стали разнимать.

— Полно драться, забубенная голова, сказалъ подходя Неродовичъ.

Флегонтъ отскочилъ въ сторону.

— Не трогайте, зашибу! закричалъ онъ, засучивая рукава.

— Брось его, чего связываться?

Флегонтъ скрестилъ руки на груди.

— Плюнуть бы на васъ и только, сказалъ онъ презрительно.—Бабы вы настоящія; коли не въ моготу вамъ приходится,

чего думаете? Краснаго лѣтуха барину во ржаныхъ скирды, и готово.

— Рожь-то еще не успѣлъ застраховать Дмитрій Алексѣичъ, ехидно вставлялъ Неродовичъ.

— Что ты, что ты, Христось съ тобою, ислугавно проговорилъ старый мужикъ.—На то развѣ Богъ хлѣбъ уродилъ чтобъ его слалить?

— Пожалуй берегите барскую рожь, много вамъ отъ нея пользы будетъ, насмѣшливо продолжалъ Неродовичъ.

Въ проходѣ послышался голосъ Брускова, говорившаго съ хозяиномъ. Акимъ оказался въ дверяхъ.

— Тебя, Ефимъ, спрашиваютъ, сказалъ онъ Неродовичу.

Тотъ послышалъ выйти, а мужики долго еще спорили, пока рѣшились наконецъ побрести къ себѣ на село.

Брусковъ увелъ Неродовича въ комнату Гондзевскаго и залеръ за собою дверь. Поляка они застали сидящимъ на постели. На этотъ разъ въ довольно нерамливомъ костюмѣ Гондзевскій чистилъ свою двуствоаку.

— Что, батюшка, на охоту собираетесь? спросилъ у него Брусковъ.

— Да, на охоту, отвѣчалъ тотъ, глядя въ сторону.

— Ну, а позвольте васъ спросить, для какого звѣря вы предназначаете вотъ этотъ патронъ?—И говоря это Брусковъ подвѣшалъ съ кровати валявшійся тамъ зарядъ съ пулей.—Въ это время года, кажется, ни волковъ ни лисицъ не имѣется... ну да это ваше дѣло, а теперь вотъ вамъ наша покорная просьба: потрудитесь насъ со Львомъ Александровичемъ оставить здѣсь пока вдвоемъ. Мы съ вами безъ церемоніи, какъ видите.

— Помилуйте, какія тутъ церемоніи, обязательно возразилъ Полякъ.—Да я кстати ковчилъ.

И сказавъ это Гондзевскій вышелъ на улицу взявъ съ собою ружье. Брусковъ швырнулъ патронъ обратно на постель и усѣлся. Патронъ скатился подъ кровать.

— Дѣло совсѣмъ дрянъ выходитъ, обратился онъ къ Неродовичу.—Васцліа арестовали сегодня.

— Вотъ какъ! я не зналъ, довольно равнодушно отвѣтилъ Левъ Александровичъ.

— Да; становой пріѣзжалъ съ двумя сотскими. Отецъ Зосима божился что ни про что не знаетъ и обѣщалъ проклясть сына; просто лотѣха!

— Что жь, ничего не нашли?

— Двѣ, три пустыя книжонки. Мы ему ничего вѣдь и не доверяли. Да не въ этомъ дѣло, а въ томъ что намъ съ тобой отсюда убираться надо, пока сами цѣлы.

— Съ чего ты это взялъ? пожимая плечами отвѣчалъ Неродовичъ и помѣстился на кровати, такъ какъ въ комнатѣ былъ всего одинъ стулъ.—Никто еще не догадался кто я такой, а въ Черныхъ Хуторахъ до меня едва ли доберутся, старшина набитый дуракъ.

Неродовичъ уже за три дня предъ тѣмъ окончилъ работу съ паровикомъ, а такъ какъ настоящій машинистъ наконецъ явился, Дмитрій счелъ за лучшее его нанять на время молодѣбы, а Неродовича разчитать.

— Никто, говоришь ты, не догадался, продолжалъ Брусковъ,—объ этомъ мы еще лотокуемъ. Я знаю, у тебя на этотъ счетъ разныя есть романическія соображенія.

— Брусковъ! прошу не въ свое дѣло не вмѣшиваться, почти съ угрозой въ глазахъ проговорилъ Неродовичъ.

— Какъ хочешь! Но скажи мнѣ пожалуста, ради какихъ благъ мы здѣсь свой порохъ разстрѣливаемъ? Чего ты достигъ своею пресловутою мужицкою пропагандой? Какого-то водевильнаго бунта въ имѣніи этой петербургской грандъ-дамы, которой еслибъ! и пришлось убытки потерлѣть, все-таки было бы ни тепло, ни холодно. Подведи-ка итоги и, не говоря пустыхъ фразъ, выясни-ка себѣ что мы выиграли. Право я удивляюсь тебѣ, Неродовичъ. Не глухой ты человекъ, а затѣялъ грошевую лугачевщину.

Неродовичъ долго еще слушалъ пока Брусковъ развивалъ эту тему.

— Слушаю я тебя, братецъ мой, сказалъ онъ наконецъ,—и диваюсь, какъ это ты дальше своего носа не видишь? Неужели ты воображалъ что я въ самомъ дѣлѣ вздумалъ поднять всероссійскую революцію въ какихъ-нибудь Бѣлыхъ Столбахъ? Я никакихъ иллюзій себѣ не дѣлалъ и теперь не дѣлаю насчетъ возможности поднять здѣсь крупную исторію или даже набербовать себѣ новобранцевъ среди стелныхъ мужиковъ.

— Такъ зачѣмъ же тогда?..

Но теперь Неродовичъ не далъ уже ему говорить, онъ всталъ и подошелъ къ Брускову во весь ростъ.

— Всѣ твои недоумѣнія, продолжалъ онъ,—оттого происходятъ что тебѣ, какъ и многимъ другимъ, крупныхъ эффектовъ хочется, чего-нибудь потрясающаго нервы, потому

что и ты вѣдь, при всей своей хваленной трезвости, боишься черной работы, тебѣ олернаго финала хочется, а у насъ идетъ пока самая скучная проза; разрушить домъ, положимъ, скорѣе чѣмъ его выстроить, но все-таки и на то время нужно. Здѣсь, милый мой, мы не представление даемъ, а только дѣлаемъ репетицію и то самую начальную. Мы вѣдь, что бы ни говорили, народъ знаемъ мало и только этими слабыми попытками можемъ съ нимъ покороче сойтись, да и его къ себѣ приучить. Скучно это очень, и много нашихъ тутъ полагать, да что дѣлать. Мы вѣдь подъ вѣковую стѣну подкалываемся, а какъ она себѣ тамъ ни гуляла, копать еще много приходится.—Неродовичъ прошелся по комнатамъ.—А читалъ ты что Гольдштейнъ пишетъ изъ Симбирска?—остановился онъ опять предъ Брусковымъ и досталъ изъ кармана шифрованное письмо:—„Мнѣ удалось,—принялся читать Левъ Александровичъ,—попасть въ прикащики къ одному хлѣбному торговцу и въ интересахъ сего разжирѣвшаго буржуа я обмѣриваю и обвѣшиваю на саау. Разсудилъ я что это лучший слособъ узнать мужиковъ поближе, да и помочь имъ узрѣть на практикѣ всѣ доблести милыхъ капиталистовъ.“—Неродовичъ сложилъ письмо и засунулъ его опять за пазуху.—Вотъ этотъ настоящій, не боится себѣ руки марать, хотя бы на грошевомъ дѣлѣ; а то, право, тошно становится видѣть какъ всѣ вы на первыхъ же шагахъ устаете да слотыкаетесь.

— Да, и этотъ настоящій человекъ, возразилъ Брусковъ,—тебѣ вѣсколько разъ говорилъ что мирная пропаганда ни чорта не стоить.

На губахъ Неродовича показалась презрительная улыбка.

— И у тебя стало-быть, сказалъ онъ,—зародились кровожадные инстинкты? Больно вы уже нетерпѣливы, господа; а съ нетерпѣваемъ мы пропали.

На этотъ разъ въ самомъ дѣлѣ терпѣніе должно у Брускова.

— Ты морочить меня что ли собираешься, заговорилъ онъ вскакивая съ мѣста.—Развѣ я не знаю, коли на то пошло, что тебя здѣсь задерживаетъ! И вотъ это-то насъ и сгубить, потому что амуры къ нашему дѣлу примѣшивать, воля твоя, не полагается.

Неродовичъ поблѣднѣлъ.

— Нѣтъ, ластой, продолжалъ Брусковъ горячась:— это давно у меня накопилось! Ты вертаться около Бѣлыхъ Столбовъ ради этой царь-дѣвицы, которая насъ всѣхъ продать готова.

— Она? ни за что; я ее знаю!

Замѣтивъ волненіе Неродовича, Брусковъ почувствовалъ свою силу.

— Одно изъ двухъ, сказалъ онъ насмѣшливо,—либо она за насъ, и тогда пусть она это докажетъ на дѣлѣ, либо она измѣнница, и тогда она должна быть наказана, а этого ты и не хочешь.

— Она не измѣнница! Она...

И не договоривъ, Неродовичъ зашагалъ по узкой комнатѣ.

— Да развѣ она намъ помогала? настаивалъ Брусковъ,—развѣ тогда на межѣ она не старалась уговорить Василю? И кто же какъ не она выдала его теперь. Да она и насъ съ тобой выдастъ ради своего возлюбленнаго.

— Возлюбленнаго? воскликнулъ Неродовичъ съ пылающими глазами.

— А, а? ты и не зналъ? или просто не хотѣлъ знать? Да про это вѣдь всѣ здѣсь говорятъ. Она сосваталась съ Дмитриемъ Алексѣвичемъ или пожалуй еще что-нибудь шное... почище; а когда женщина полюбитъ, много для нея значать какія-нибудь отвлеченныя убѣжденія.

Неродовичъ его уже не слушалъ. Онъ схватилъ шалку, такъ рванулъ дверь что задрожали стѣны и стремительно вышелъ на улицу. Онъ былъ въ томъ возбужденномъ настроеніи въ которомъ самый умный и хладнокровный человѣкъ дѣйствуетъ безотчетно. Ему было надо видѣться съ молодою дѣвушкой во что бы то ни стало. Онъ не могъ простить себѣ теперь что такъ долго не искалъ встрѣчи съ нею. А вѣдь она еще такъ молода, думалось ему, ее въ самомъ дѣлѣ могутъ увлечь, и тогда она будетъ потеряна для общаго дѣла. Объ одномъ ли этомъ дѣлѣ безпокоился теперь Неродовичъ? въ этомъ онъ не хотѣлъ или не могъ теперь отдать себѣ отчета. Но гдѣ и какъ повидаться ему съ Надей? Вторично написать ей? Онъ сознавалъ что она на этотъ разъ уже не придетъ. Страха за себя она не знаетъ; его угрозы и останутся только угрозами. Онъ чувствовалъ себя безсильнымъ предъ нею.

Дождаться ея въ саду? Но вѣдь онъ тамъ могъ встрѣтиться съ Володей, да и любой изъ садовыхъ рабочихъ спросилъ бы у него, чего ему надо. Одинъ неосторожный шагъ—и могли легко возникнуть подозрѣнія. Вѣдь онъ уже не служить въ Бѣлыхъ Столбахъ и не имѣетъ повода являться въ усадьбу. Оставалось довѣриться случаю. Неродовичъ тщетно прождалъ цѣлые три часа въ роцѣ, недалеко отъ дороги ведущей отъ

мостики, въ надеждѣ тамъ увидать Надю. Онъ все-таки рѣшился къ ней написать. Однако была еще слабая надежда ее встрѣтить на селѣ. Надя иногда послѣ обѣда заходила въ школу, гдѣ все хозяйство было на ея рукахъ. Она выла-сывала книги да учебныя пособія и держала отчетность. Хотя дѣтвомъ постоянного ученья не было, по воскресеньямъ она дѣлала мальчикамъ экзамень. И вотъ когда Неродовичъ проходилъ мимо школы, ему показалось что чрезъ окно онъ слышитъ ея голосъ. Это была дѣйствительно она. Молодая дѣвушка зашла въ этотъ вечеръ къ Брускову подъ предлогомъ какихъ-то объясненій насчетъ учебныхъ занятій будущей зимы, а на самомъ дѣлѣ ей хотѣлось вывѣдать отъ него, куда дѣвался Неродовичъ. Ее томилло обманчивое слокоействіе за которымъ она чуала бѣду. Надо было попытаться хотя что-нибудь узнать про будущіе замыслы прежнихъ друзей. Предъ ней Брусковъ можетъ-быть и проговорится. Неродовичъ быстро вскочилъ на крыльцо и грубымъ движеніемъ оттолкнулъ дверь. Надя сидѣла въ школьной комнатѣ на одной изъ скамей. Брусковъ, покуривая папирску, ей что-то объяснялъ. Она обернулась на шумъ, и краска мгновенно ей бросилась въ лицо. Она старалась однако подавить смущеніе и съ кажущимся равнодушіемъ протянула Неродовичу руку, какъ будто въ ихъ встрѣчѣ не было ничего удивительнаго. Затѣмъ она снова обратилась къ Брускову и хотѣла продолжать разговоръ.

— Теперь я думаю, Надежда Сергѣевна, наша бесѣда прекращается сама собою, сказалъ тотъ съ насмѣшливымъ поклономъ.— Левъ Александровичъ безъ сомнѣнія имѣетъ вамъ сказать нѣчто важное и интересное.

И не дожидаясь возраженія Брусковъ вышелъ изъ комнаты. Едва затворилась за нимъ дверь, Надя пристально взглянула на Неродовича. Теперь въ ея глазахъ не было уже и тѣни смущенія.

— Я не подозрѣвала что вы еще въ Бѣлыхъ Столбахъ, начала она. Но онъ отвѣтилъ ей такимъ же пронизывающимъ взглядомъ. Они казались двумя врагами, готовыми вступить въ бой. Оба точно мѣрили свои силы предъ схваткой.

— Какъ видите, сказалъ Неродовичъ,—и до поры до времени не намѣренъ удалиться. Вы думали что отъ меня отдѣлались и я васъ такъ и не потребую къ отчету?

Его грозный тонъ не лугаль ея вовсе.

— Требу́йте меня къ отвѣту, сколько угодно, проговорила она совершенно спокойно, не слухая съ него глазъ.

Онъ сталъ горячо упрекать ее за измѣну, приписывая ей свою неудачу съ крестьянами и недавній арестъ Василя, но замѣтно было что онъ самъ не вѣрилъ своимъ словамъ.

— Еслибъ я хотѣла измѣнить, спокойно и рѣзко возразила она,—я бы начала съ довоза, а васъ до сихъ поръ не трогали!

Неродовичъ въ сущности былъ радъ всякому предлогу для примиренія. Вовсе уже не для того искалъ онъ свиданія съ молодою дѣвушкой чтобъ уличить ее и довести до полного разрыва.

— Но если оно такъ, заговорилъ онъ опять,—то чѣмъ же объясните вы свое странное поведеніе? Гдѣ то содѣйствіе на которое я имѣлъ право разчитывать?

— Содѣйствіе? Развѣ я вамъ обѣщала его? Развѣ вы не поняли какое чувство возбудили во мнѣ ваши слова въ тотъ вечеръ когда мы встрѣтились въ лѣсу?

Ноздри ея презрительно раздулись и въ глазахъ что-то блеснуло. Но, страннымъ образомъ, онъ все еще не отчаивался, напротивъ, чѣмъ заносчивѣе были ея слова, тѣмъ мягче и примирительнѣе становился онъ.

— Ахъ, Надя, возразилъ онъ,—вы бы не отвѣчали мнѣ такъ еслибы не старались извинить въ собственныхъ глазахъ переѣву въ своемъ образѣ мыслей. Вы поддали подъ чужое вліяніе.

— Потому что я не захотѣла стать вашею сообщницей? Пеняйте на самого себя. Вы сами мнѣ открыли глаза. Хороша польза которую вы принесли здѣшнему народу. Дмитрій Алексѣевичъ, вы это очень хорошо знаете, добровольно хотѣлъ сдѣлать крестьянамъ уступки, и кто же помѣшалъ этому какъ не вы и ваши пособники? И вы хотите чтобъ я была заодно съ вами!

— Вы не только не были съ нами заодно, вы старались сбить съ толку Василя.

— Да, перебила она его съ горячностью,—и я буду поступать такъ же всякій разъ когда увижу что ради какихъ-то загадочныхъ, сомнительныхъ цѣлей дурачатъ бѣдныхъ крестьянъ.

— Надя, да вы стали говорить языкомъ нашихъ враговъ? Васъ сбили съ толку, вы повѣрили людямъ готовымъ въ минуту опасности задобрить народъ какою-нибудь подачкой, чтобъ этимъ жалкимъ способомъ отдѣлаться отъ дѣйствительнаго удовлетворенія его нуждъ. Помните что я твердилъ

вамъ столько разъ? Жертвы неизбежны! И если это требованіе вамъ кажется суровымъ, согласитесь по крайней мѣрѣ что ставящіе его безкорыстны. Наши руки чисты, Нада, вы когда-то это понимали.

Онъ все еще не хотѣлъ признать свое дѣло окончательно проиграннымъ.

— Вы безкорыстны? вы чисты? съ негодованіемъ воскликнула она.—А вы забыли про нашу послѣднюю встрѣчу въ Москвѣ? Что, возвышенные мотивы любви къ народу говорили въ васъ тогда?

— Если даже такъ, Нада, и голосъ его дрогнулъ,—если и теперь я остаюсь здѣсь лишь для того чтобы предостеречь васъ и не дать васъ ослучать...

— Объ этомъ не беспокойтесь, сказала она презрительно. Нада живо встала, глаза ея пылали. — И вотъ стало-быть, сказала она тихо, низкія грудныя ноты слышались въ ея голосъ,—ради какихъ высокихъ цѣлей вы смущаете крестьянъ, натаалкиваете ихъ на безобразный, сумашедшій поступокъ, и вы не понимаете всего различія между вами, съ вашею жалкою революціонною комедіей и людьми которые въ самомъ дѣлѣ добросовѣстно стараются помочь народу не фразами только...

Неродовичъ поблѣднѣлъ.

— Вы очень горячо заступаетесь за этихъ людей, Надежда Сергѣевна, сказалъ онъ, всматриваясь въ нее.

— Во мнѣ говорить чувство справедливости.

— Какое мнѣ дѣло до справедливости? Далеко бы мы ушли еслибы стали умиляться предъ добродѣтелями своихъ враговъ!—Онъ прошелся по комнатѣ.—И неправду вы говорите, Надежда Сергѣева, чувство справедливости! захохоталъ онъ:—много о немъ женщины заботятся. Не потому вы перешли на сторону Корецкихъ что они лучше и правѣ насъ, а потому...

Она не выдержала его взгляда и опустила глаза.

— Развѣ я не читаю на вашемъ смущенномъ лицѣ, какихъ мнѣ еще нужно признаній? Вы измѣнили своимъ убѣжденіямъ, потому что любите Дмитрія Корецкаго.

Слова эти ее взорвали. Она забыла всякую осторожность.

— Да, я расхожусь съ вами рѣшительно и навсегда, проговорила она гордо,—я это дѣлаю открыто, какъ видите. Власть надъ собою я не признаю.

Бѣшенство овладѣло имъ; онъ тоже уже не былъ въ состояніи взвѣшивать слова.

— А, а? наконецъ вы договорились, воскликнулъ онъ.—Какъ будто я давно не понималъ что вы лицемерите со мной, но мы съ вами разчитаемся, за васъ заплатится тотъ кому вы продали себя!

Онъ бросился вонъ изъ комнаты и хлопнулъ дверью. Она олустилась на скамейку, закрывъ лицо руками; негодование и стыдъ поднимались въ ея сердцѣ. И въ то же время она чувствовала себя какъ будто легче и свободнѣе, какъ будто теперь только она возвратила себѣ независимость. Не будетъ, по крайней мѣрѣ, этой гнетущей двойственности въ ея жизни. Ею овладѣло какое-то странное изнеможеніе. Она даже была не въ силахъ подняться съ мѣста. Точно послѣ этого объясненія съ Неродовичемъ затишье наступило въ ея жизни. А затишье въ самомъ дѣлѣ было вокругъ нея. Надворья понемногу темнѣло. Солнечный лучъ потухалъ на крестѣ церкви. Все рѣже по улицѣ раздавались шаги прохожихъ. Вдругъ послышался неровный толпотъ копытъ, замычали коровы, забѣлали овцы; раздавался лонукающій голосъ ластуха. Стадо возвращалось съ выгона домой. Какъ туча прошло оно мимо школы и долго еще слышались слабѣвшіе крики, стукъ притворявшихся воротъ и протяжные, жалобные голоса животныхъ; потомъ все стихло. Только большая ночная бабочка стремительно влетѣвшая въ комнату дрожала крыльями и долго билась объ окно.

Молодая дѣвушка встрепенулась. Надвигавшаяся ночь ее словно разбудила. Надо было тотчасъ же переговорить съ Дмитріемъ; она спустилась съ крыльца и быстрою походкой направилась къ дому.

X.

Ночь хмурая, какъ звѣрь стокій,
Глядитъ изъ cadaго куста.

Тютчевъ.

Словно давнія печали
Разошлись какъ туманъ,
Словно всѣ преграды пали
Или были лишь обманъ.

Гр. А. Толстой.

Дмитрій и Волода проѣхали шагомъ почти до Бѣлыхъ Столбовъ. Едва колыхавшійся ночной воздухъ словно ласкалъ имъ лицо. Теплою, лахучею струей пробѣгалъ по немъ

южный вѣтерокъ, желтая луна медленно выплывала изъ-за мглистаго края неба. Стаи мошекъ, дрожа въ ея лучахъ, лыли по чистому воздуху.

Братья сперва вѣхали молча. Оба они слишкомъ были полны впечатлѣній вынесенныхъ изъ Никольскаго. Съ нерадостнымъ чувствомъ оставилъ его Дмитрій. Сердце его слегка щемило послѣ разговора съ Еленой, точно въ его жизни какъ разъ въ этотъ вечеръ оборвалась какая-то нить. А Володю, напротивъ, чѣмъ дальше онъ отъѣзжалъ, все живѣе охватывала волна радостнаго чувства.

— Митя, сказалъ онъ вдругъ, осаживая лошадь, — ты знаешь, она будетъ моею женой. Она мнѣ сказала сегодня... Ну словомъ, я удивительно, я дико счастливъ.

— Я думаю не такъ легко будетъ добиться согласія Елены Михайловны. Совѣтую тебѣ не слишкомъ предаваться надеждамъ.

Но Володя рѣшительно не допускалъ и мысли о препятствіяхъ.

— А ну, Богъ съ ней съ Еленой Михайловной, воскликнулъ онъ. — Много ставемъ мы ее спрашивать. Она къ тому же и не родная мать.

— Не мать, а все-таки олекумша. — И Дмитрій покачалъ головой. — Не горячись, братъ, годика два все обождать придется.

Но Володя и слышать не хотѣлъ о проволочкахъ. Съ самоувѣреннымъ эгоизмомъ счастливой любви, онъ сталъ излагать предъ братомъ свои радужные виды на будущее, въ полномъ убѣжденіи что и для Дмитрія ничего на свѣтѣ нѣтъ важнѣе осуществленія мечты отъ которой радостно лаяло его воображеніе. Они стали медленно спускаться въ отлогіи широкій оврагъ, плотно заросшій дубовымъ кустарникомъ. До Бѣлыхъ Столбовъ оставалось всего версты двѣ.

— Представь себѣ, вдругъ захохоталъ Володя, закуривая папирску, — какое я сегодня уморительное письмо получилъ отъ этихъ дураковъ, отъ Блюмштейна и Эльборуси. Они хотятъ чтобъ я принялъ участіе въ глупѣйшей манифестаціи въ честь какихъ-то харьковскихъ студентовъ, которыхъ сюда выслало начальство. Вздумали чуть ли не процессію цѣлую устроить отъ самаго вокзала желѣзной дороги и потомъ, кажется, окна выбить собираются въ губернаторскомъ домѣ. Мальчишки настоящіе и наши когда мнѣ это предлагать.

Темнота не позволила Володѣ разглядѣть улыбку на лицѣ

Дмитрія, вломившаго какъ еще недавно брать цѣлые дни проводилъ съ этими мальчишками. Володя продолжалъ хохотать, пока Дмитрій немного отсталъ чтобы поправить стремя. Вдругъ изъ-за кустовъ, слѣва отъ дороги раздался выстрѣлъ и Дмитрій почувствовалъ какъ что-то прожужжало мимо его уха, словно тяжелый жукъ пролетѣлъ. Лошади кинулись впередъ.

— Что это? въ тебя стрѣляли? съ ужасомъ воскликнулъ Володя.

— Кажется, но какъ видишь, я цѣлъ и невредимъ.

Володя хотѣлъ опрометью броситься въ кусты, гдѣ слышался легкій осторожный шорохъ, но брать остановилъ его.

— Куда ты? съ ума сошелъ? Вѣдь ружье о двухъ стволахъ, тебя изъ-за куста застрѣлятъ какъ куропатку. Давай лучше покачемъ впередъ, кажется, по дорогѣ сюда идутъ.—И въ самомъ дѣлѣ, среди вечерней тиши издали доносились чьи-то голоса.—Это Никольскіе послѣ выливки съ работы идутъ, сказалъ Дмитрій отъѣхавъ шаговъ съ двѣсти.—Пойсжай скорѣе къ матушкѣ, а то она отъ другихъ какъ-нибудь узнаетъ и перелугается, а мы здѣсь съ мужичками стараемся этого голубчика разыскать. Кажется, они къ намъ слѣзатъ на встрѣчу.

Между тѣмъ Анна Григорьевна съ Надей вдвоемъ были въ гостиной, слабо освѣщенной лампой съ матовымъ стекломъ. Долитыя чашки стояли на столѣ; самовара еще не убрали въ ожиданіи молодыхъ господъ. Надя съ безлокойствомъ прислушивалась къ каждому шороху, съ трудомъ скрывая нетерпѣливое безлокойство.

Дмитрію не въ рѣдкость было поздно возвращаться домой, но въ этотъ вечеръ его долгое отсутствіе напояло ее тревогой. Анна Григорьевна молча раскладывала ласьянсъ. Надя замѣтила что у нея дрожали руки. Совсѣмъ это было непривычно для бодрой старушки.

— Въ десятый разъ не выходитъ, съ неудовольствіемъ бросая карты, сказала она и откинулась назадъ въ свое кресло.

— Ты ничего не слышала? вдругъ приподнимаясь, спросила она молодую дѣвушку.

— Ничего, тетюшка, отвѣчала та, почему-то вздрогнувъ.

Вопросъ Анны Григорьевны пробудилъ ее отъ тяжелаго раздумья.

— Мнѣ показалось будто вдали стрѣлялъ кто-то, нерѣши-

тѣмъ проговорила старушка, снова усаживаясь въ кресло.— Должно-быть померещилось. Въ ухахъ у меня стучить сегодня, воздухъ такой тяжелый—гроза завтра будетъ.

„Нервы у нея разстроены“, подумала Нада. Воздухъ дышалъ всею прелестью ясной, лѣтней ночи. Вдругъ у крыльца послышалась толочь подскакавшей лошади и черезъ минуту въ сѣняхъ раздался громкій взволнованный голосъ Володи: „Гдѣ мамаша?“ и тотчасъ затѣмъ онъ быстро вошелъ въ гостиную.

— Мамаша, пожалуйста не пугайтесь, торопливо заговорилъ онъ прерывающимся голосомъ. — Я нарочно сюда прискакалъ чтобы вамъ разказать.

Но это какъ разъ перелугало Анну Григорьевну въ высшей степени.

— Что случилось? Гдѣ Дмитрій? Спросила она живо вставая? Истинктъ ей тотчасъ подсказалъ истину.—Гдѣ Дмитрій? Съ нимъ несчастіе случилось? Да говори же!

Нада, вся побѣдѣвшая, тоже поднялась со своего мѣста и неподвижно стояла, боясь услышать страшное извѣстіе.

— Мама, милая, ради Бога не пугайтесь.—Володя совсѣмъ уже растерялся.—Дмитрій не раненъ, въ него не попали.

— Какъ, стрѣляли? Въ тотъ же мигъ проговорили обѣ женщины.

— Да, въ оврагъ, изъ-за кустовъ.... кто-то выстрѣлилъ, да я же говорю вамъ что не попали!

И онъ бросился къ матери, которая, затрясшись всѣмъ тѣломъ, тяжело упала на кресло.

Нада подошла къ ней тоже; она двигалась почти неволью, словно ее подталкивалъ кто-то.

— Это Неродовичъ! шепотомъ сказала она Володѣ.

— Какъ Неродовичъ? Развѣ онъ все еще здѣсь?

— Здѣсь, здѣсь, я видѣла его сегодня.

Анна Григорьевна разслышала и мигомъ пробудилась отъ своего оцѣпенѣнія.

— Какъ, ты видѣлась съ этимъ человѣкомъ, гнѣвно воскликнула она, и снова бодрая и рѣшительная выпрямилась предъ молодою дѣвушкой, — ты знаешься съ убійцей моего сына?

Володя захотѣлъ успокоить ее, говоря что неизвестно еще кто стрѣлялъ, что Нада вѣдь ни въ чемъ не виновата....

— Оставь меня, я знаю что говорю, рѣзко оборвала его мать.—Все, долго сдерживаемое неудовольствіе противъ Нады

теперь просидеть наружу.—Она живетъ въ моемъ домѣ, она вотъ мой хлѣбъ и все-таки тайно сговаривается съ этими негодяями.

Надя закрыла лицо руками.

— Тетупшка, тетупшка! проговорила она всхлипывая.

Эти жесткія слова не вызвали въ ней гнѣвнаго отпора. Чувство вины предъ семьей Корецкихъ заглушило въ ней гордость.

— Да, я тебя хорошо узнала теперь, уже прямо обращаюсь къ ней, продолжала Анна Григорьевна. — Какъ ни старайся тебя приласкать, ты все въ лѣсъ гаддишь. Вѣдь всѣ здѣшніе безпорядки — твои друзья затѣяли. Ты съ ними заодно. Ты знала что сюда явился этотъ Перодовичъ, твой бывшій учитель, а кто знаетъ, можетъ-быть и не учитель только.

— Мама, мама, какъ можете вы, уговаривать ее Володя.

Надя была не въ силахъ вымолвить и слова.

— Нѣтъ, пора ей всю правду высказать, я понимаю теперь гдѣ ты по цѣлымъ часамъ пропадала. Жить изъ милости въ чужомъ домѣ и шушукаться съ тѣми кто крестьянъ бунтуютъ, да и не прочь убить изъ-за куста, это низко, это подло. Уйди пожалуйста, не показывайся мнѣ на глаза, мнѣ противно тебя видѣть.

Руки у нея тряслись отъ волненія.

Надя молча отвернулась, медленною, нетвердою поступью направилась къ раствореннымъ дверямъ террасы. На самомъ порогѣ она остановилась и нерѣшительно, съ испугомъ въ голосъ, спросила у Володи:

— Да гдѣ же Дмитрій? Отчего онъ неидетъ?

— Онъ будетъ сейчасъ, онъ меня сюда послалъ.

— Какъ смѣешь ты называть его при мнѣ? воскликнула Анна Григорьевна. Но вдругъ ей показалось что въ словахъ Володи была какая-то нерѣшительность, и страшное сомнѣніе запахло къ ней на умъ.

— Ты обманываешь меня, сказала она задыхающимся голосомъ,—его ранили, ты хочешь меня къ этому подготовить. Зрачки ея расширились отъ ужаса.

— Да вѣтъ же, мама, вѣтъ, увѣряю васъ, твердилъ Володя, но ему не удалось ее успокоить. Она все болѣе убѣждалась что отъ нея что-то скрываютъ. Дмитрій не являлся. Она заходила по комнатамъ, ломая себѣ руки въ безпомощной тревогѣ. Разъ десять она звала Терентія и приказывала

верховаго послать за молодымъ баринкомъ. Всѣхъ служащихъ въ домѣ она хотѣла ледяить на ноги. Съ террасы слышались подавленные всхлипыванья Нади. На нее Анна Григорьевна уже не обращала вниманія. Молодая дѣвушка тоже съ возрастающею тревогою ожидала прибытія Дмитрія. Безлокойство не давало ей чувствовать повеселенную обиду.

Такъ прошелъ цѣлый часъ. Молодой дѣвухѣ наконецъ стало не въ мочоту, слишкомъ тяжело было слышать какъ измученная мать рыдала и молилась, то падая въ изнеможеніи на кресло, то снова метаясь изъ угла въ уголъ.

Нада спустилась въ садъ и ушла въ глухую тѣнь старыхъ липъ, куда не доходили ни людскіе голоса, ни бѣлые лучи мѣсяца. Но и свѣжее безмолвіе ночи не успокоило ея. Оно только разбудило заглушенное было чувство острой боли отъ несправедливыхъ укоровъ тетки. Была уже полночь когда Дмитрій вернулся. Тогда только, когда она услышала его голосъ у крыльца, Анна Григорьевна повѣрила что онъ живъ и не раненъ. Она бросилась къ нему и долго судорожно прижималась къ его груди.

— Ничего, мама, право ничего, весело заговорилъ онъ,—я не только живъ и невредимъ, но уже поймалъ виновника этой передраги.

— Неродовича? спросилъ Володя.

— Какой Неродовичъ? Это былъ ни кто иной какъ милѣйшій господинъ Гондзевскій.

И Дмитрій принялся разказывать. Всѣ усѣлись въ томъ возбужденно счастливомъ настроеніи духа какое наступаетъ послѣ благополучно минувшей опасности.

— Никольскимъ мужикамъ которыхъ мы встрѣтили съ Володей я велѣлъ обшарить кусты въ оврагѣ. Они настоящую облаву учинили, хотя тотъ молодецъ, разумѣется, уже улизнулъ. И представьте себѣ, они даже съ большимъ удальствомъ это сдѣлали, когда я имъ сказалъ что подозреваю Гондзевского. Они теперь на него ужасно злятся за то что онъ ихъ подбилъ на бунтъ. Вотъ вамъ и народная благодарность. Троицкъ изъ нашихъ которые тоже тутъ подвернулись я приказалъ захватить лошадей и повѣхать къ Акимову двору. Самъ я впередъ поскакалъ туда же чтобъ отрѣзать Гондзевскому отступленіе и разбудилъ Акима. Тотъ сперва не хотѣлъ влутываться въ дѣло, но я его пристраждалъ. Рабочій тамъ у него на постояломъ дворѣ объяснилъ что Гондзевскій цѣлый день гдѣ-то пропадалъ и ружье съ

собой охотничье унесъ. Пошарили у него въ комнату и наши подъ кроватью патроновъ съ пулей; вскорѣ прискакали рабочіе, а спустя полчаса явился и онъ самъ; мы его впустили, и едва онъ перешагнулъ черезъ порогъ, двое изъ рабочихъ, которые его поджидали въ проходѣ, схватили его и отобрали ружье. Его такъ огорошило что защититься онъ не успѣлъ, но разумѣется сталъ барахтаться и ругаться что есть мочи. Узнавъ меня, онъ закричалъ что это насиліе, самоуправство, ну, чего тамъ еще—словомъ, что мнѣ придется строго отвѣчать, а я ему показалъ патронъ и говорю: „Что это, батюшка, вы съ этимъ на молодыхъ стрелетовъ ходили?“ Связали мы ему руки и помѣстили его въ его же комнату. Когда осмотрѣли ружье, оба ствола оказались разряженными, но изъ одного недавно былъ данъ выстрѣлъ. Онъ все-таки не признавался, но чрезъ часъ прибѣжали двое изъ Никольскихъ мужиковъ съ найденною ими въ оврагѣ серебряною лалпироксицей, которою онъ всегда щеголялъ и обронилъ ее должно-быть среди кустовъ. На ней красовался гравированный его шифръ. „А на это что вы скажете?“ спросилъ я тогда. Тутъ ужъ онъ пересталъ зализываться, но за то вошелъ въ азартъ неописанный и объявилъ что онъ хотѣлъ мнѣ отомстить за нанесенное оскорбленіе и былъ совершенно правъ, потому что я своими клеветами очернилъ его честное имя и въ добавокъ безстыдный притѣснитель народа. Дали мы ему наболтаться въ сласть, залерли его и приставили трехъ чловѣкъ караулить до утра. А такъ какъ слѣдователя, пожалуй, не скоро дождешься, я пока въ Черные Хутора за старшиной послалъ. Скрутить его какъ нельзя лучше, въ свидѣтеляхъ недостатка не было.

Наступило короткое молчаніе. Всѣ трое были подъ сильнымъ впечатлѣніемъ.

— Такъ Неродовичъ тутъ стало-быть не причемъ? вдругъ заговорилъ Володя.

— Неродовичъ? Съ какой-стату ты на него подумалъ?

— Такъ, Надѣ пришло въ голову что это былъ онъ, она съ нимъ видѣлась сегодня.

— Олать? Онъ все еще здѣсь скрывается? Неужели долго еще не будетъ отъ него покоя бѣдной Надѣ...

— Какъ, ты о ней еще жалѣешь! воскликнула Анна Григорьевна. — Она знаетса съ этими негодяями, она дражная дѣвчонка.

Дмитрій не вѣрилъ ушамъ.

— Что вы, мама, вы ли это говорите? вырвалось у него негодующее восклицаніе.

— Да, я ей это въ лицо сказала, а ее выгону изъ дома.

И Анна Григорьевна въ новомъ порывѣ гнѣва сказала сыну что произошло у нея съ племянницей. Дмитрій былъ въ отчаяніи.

— Какъ могли вы ее такъ оскорбить? Бѣдная, бѣдная Надя. Гдѣ она, Володя?

— Должно-быть въ саду.

Дмитрій не слушалъ уже что продолжала говорить его раздѣренная мать. Онъ бросился на террасу, стараясь разглядѣть среди темноты не покажется ли свѣтлое платье молодой дѣвушки. Тѣнь отъ дома широкимъ пятномъ ложилась на садъ, а вдали на листья дрожали полосы луннаго свѣта. Нади не было видно. Онъ спустился въ садъ и принялся искать ее, все болѣе углубляясь въ чащу деревьевъ. Въ густой яблочной аллее на старинной деревянной скамейкѣ что-то блѣло. Когда ускеривъ шагъ онъ подошелъ, она все еще оставалась въ совершенной, словно мертвой неподвижности. На ея лицѣ были слѣды недавнихъ слезъ.

— Надя... милая... бѣдная моя, что съ вами? вполголоса заговорилъ онъ опускаясь возлѣ нея на скамейку.

Она словно очнулась.

— Вы, это вы? радость воскликнула она:—вы въ самомъ дѣлѣ не равены?

Надя живо отерла послѣднія слезы.

— И вы еще обо мнѣ беспокоитесь, дорогая моя!.. Вы, которой пришлось выслушать такіе незаслуженные упрёки?..

Сердце ея забилось въ отвѣтъ на его слова, но она не сразу поняла что предъ нею пламенно любящій ее человѣкъ, не требующій отъ нея никакихъ оправданій.

— Нѣтъ, то были справедливые, заслуженные упрёки, отвѣтила она, не смѣя взглянуть ему въ лицо. — Я виновата предъ всѣми вами. Я скрывала отъ васъ что видѣлась съ Неродовичемъ. Вѣдь съ нимъ-то я и была въ ту ночь когда вы меня застали у Федотовой ласѣнки.

— Признаюсь вамъ, Надя, я тогда же догадался.

Странно звучалъ въ ея ушахъ почти веселый тонъ его словъ.

— Догадался? и не требовали отъ меня полноты откровенности? Вы, стало-быть, мнѣ все-таки вѣрили? И глаза ея, теперь

уже поднятые на Дмитрія, полны были благодарности.— Но всего вы не знаете. Неродовичъ требовалъ отъ меня чтобъ я стала его сообщницей, его шпionомъ въ вашѣмъ домѣ, а я все-таки не смѣла вамъ открыться. Глупая боязнь предъ тѣмъ что могло походить на доносъ, остатокъ какого-то суевѣрнаго чувства долга... вѣдь этотъ человѣкъ, вмѣстѣ съ Брусковымъ и Василиемъ, бунтовалъ противъ васъ крестьянъ. Вѣдь онъ не переставалъ все это время жить здѣсь въ околоткѣ, перекрѣпленный мужикомъ, подъ именемъ Ефима Петрова...

— Какъ, Ефимъ Петровъ, это Неродовичъ! съ изумленіемъ воскликнулъ Дмитрій.— Ефимъ Петровъ? тотъ самый который здѣсь жилъ въ качествѣ машиниста? Не можетъ быть.

Теперь за нею была очередь изумиться. Когда она описала Дмитрію наружность и пріемы Неродовича, онъ тотчасъ узналъ его въ машинистѣ.

— Вотъ порадуется дядюшка Петръ Николаевичъ, разсмѣялся Дмитрій,—когда услышитъ кто былъ смысленный мужикъ приводившій его восторгъ.

Но сдѣланное ею открытіе еще усилило смущеніе Нади.

— И вы мнѣ все-таки простите? сказала она:—несмотря на то что благодаря моему молчанію вы всё подвергались опасности. Вѣдь этотъ человѣкъ способенъ на все, Дмитрій; о, кабы я могла тогда подозревать... вѣдь онъ могъ убить васъ сегодня.

Она вся вздрогнула и покрыла лицо руками.

— Да вѣдь не онъ въ меня выстрѣлилъ, а Гондзевскій, послѣдшилъ онъ ее усложнить.—Вы видите что вамъ не за что упрекать себя. Не я въ опасности, а вы, васъ надо освободить отъ гнета этихъ людей. Они вамъ не простятъ никогда.

Онъ схватилъ обѣ ея руки и вѣжнымъ движеніемъ слегка потянулъ ее къ себѣ.

— Неправда лж, Надя, добавилъ онъ вполголоса,—вы съ ними разорвали теперь всякую связь? Навсегда разорвали? И вы не расскажете въ томъ что перешли на нашу, на мою сторону?

— Нѣтъ, нѣтъ, только и смогла она отвѣтить, покачавъ головой.

Развѣ объ этомъ можно еще было спрашивать? И словѣдъ ея была досказана, и слова Анны Григорьевны были забыты

и прощены. Легко становилось на сердцѣ Нади, точно съ него тяжесть была снята. И робко пока еще въ него прокрадывалось сладкое сознаніе любви Дмитрія.

Густая, черная листва окружала ихъ непроницаемымъ покровомъ. Точно сама ночь стояла на-сторожѣ оберегая ихъ въ своемъ пріютѣ тишины и покоя. Едва замѣтными кружками прокрадывалась сквозь липовые сучья, падали на землю молочныя пятна луннаго свѣта. Какъ слабая зыбь, сонный вѣтеръ крадся по вѣтвямъ, точно липы шелтались вокругъ нихъ, и самъ воздухъ притаилъ дыханіе, въ травѣ кое-гдѣ загорались искры отъ свѣтащихся жучковъ, да изрѣдка ночная бабочка закружится надъ вѣткой или задрожитъ уливаясь цвѣткомъ. Дмитрію и Надѣ хорошо было среди ночнаго покоя. Отъ него миромъ и вѣгой вѣяло на нихъ, словно ночь сама говорила имъ какъ ничтожны всѣ людскія тревоги, какъ есть на землѣ только одна вѣчная правда и одно вѣчно юное счастье—правда и счастье созвучной любви.

— Я знаю что ты моя навсегда, наклонился онъ къ ней, притягивая ее ближе къ себѣ.

Надя тихо опустила къ нему голову на плечо. Ея волосы коснулись его щеки. Еще одинъ блаженный мигъ, и губы ихъ слились въ долгій поцѣлуй. Вдругъ она почувствовала будто ее обожгло что-то, почти съ испугомъ она высвободилась изъ его рукъ.

— Пойдемъ, Дмитрій, вполголоса сказала она вставая,— поздно...

Они вышли изъ-подъ густаго навѣса липъ. Полный мѣсяцъ высоко уже стоялъ надъ крышей дома и широкою струей заливалъ весь садъ. Точно саваномъ были олутаны тополи и ясени близъ террасы. Одинъ только домъ, какъ черное привидѣніе, стоялъ неосвѣщенный.

Надю вдругъ обдало какимъ-то необъяснимымъ страхомъ. Что-то грозящее ей померещилось въ черныхъ вѣтвяхъ деревьевъ выдѣлявшихся на безоблачной синеѣ темнаго неба. Даже холодный блескъ мѣсяца, такъ невозмутимо глядѣвшаго имъ прямо въ лицо съ высоты, возбуждалъ въ ней странную тревогу, точно блѣдное, спокойное свѣтило являлось ей какъ строгій обличитель.

Дмитрій напротивъ весь отдался тому полному счастью которое такъ рѣдко на землѣ.

— Ну, теперь, Надя, заговорилъ онъ опять не выпуская

ея руки изъ-подъ своей,—я тебя въ обиду не дамъ этимъ людямъ. Надо чтобы завтра же все было кончено и они твоему спокойствію ужь не мѣшали.

— Что же ты думаешь сдѣлать? съ безпокойствомъ спросила она.

Онъ понялъ недосказанный смыслъ ея вопроса.

— Тревожиться тебѣ нечего, отвѣтилъ онъ ласково,—я все устрою такимъ образомъ что на тебя не падетъ и тѣни упрёка, даже собственной твоей слышкомъ ужь чуткой совѣсти. Я не выдамъ Неродовича и Брускова, мы и безъ полиціи, Богъ дастъ, обойдемся. Въ сущности не такъ ужь они страшны какъ тебѣ казалось, да ничего особеннаго они не успѣли надѣлать. Только я позабочусь о томъ чтобъ они очистили наши мѣста и тебя оставили бы въ покоѣ.

Но хотя она горячо благодарила его за это, молодая дѣвушка не могла освободиться отъ странной боязни вновь овладѣвшей ею. Надъ все не вѣрилось что горе и неволя теперь для нея миновали навсегда.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

К. ОРЛОВСКІЙ.

АРХИМАНДРИТЬ ПИМЕНЪ

НАСТОЯТЕЛЬ НИКОЛА - УГРЪШСКАГО МОНАСТЫРЯ *

БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

(1810—1880)

VII.

Впечатлѣніе произведенное на Москву смертію митрополита Филарета. — Преосвященный Леонидъ управитель епархіи. — Программа Угрѣшскаго училища. — Архіерейскій домъ. — Покупка строеній въ Островѣ. — Прїѣздъ новаго владыки въ Москву. — Первое его посѣщеніе Угрѣши. — Личность митрополита Иннокентія. — Первый экзамень въ Угрѣшскомъ училищѣ. — Болѣзнь отца Пимена, пребываніе его на Саввинскомъ подворьѣ. — Заботливость преосвященнаго. — Назначеніе преосвященнаго Леонида въ Нижній Новгородъ. — Отказывается отъ епархіи. — Поѣздка отца Пимена въ Петербургъ. — Подробности его тамъ пребыванія имъ самимъ описанныя. — Отецъ Пименъ благочинный загородныхъ общежительныхъ монастырей. — Второй прїѣздъ владыки на Угрѣшу. — Начало Островской богадѣльни. — Вторая поѣздка отца Пимена въ Петербургъ. — Подробности. — Окончаніе архіерейскаго дома. — Третій прїѣздъ владыки. — Освященіе Казанской церкви. — Освященіе Крестовой церкви въ архіерейскомъ домѣ. — Ново-Голутвинъ монастырь преобразованъ въ общежительный. — Открытіе и освященіе Островской 1й богадѣльни.

I.

Кончина митрополита Филарета произвела на Москву сильнѣйшее впечатлѣніе. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ значительныхъ лицъ продолжительное вліяніе которыхъ до того сроднило всѣхъ съ мыслию что это *лица незабвенныя*,

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 12ѣ 1880 и №№ 10 и 12ѣ 1881 года.

необходимыя, что безъ нихъ кажется и существовать ничто не можетъ и что все что держалось ими, послѣ нихъ должно рухнуть...

— Кто же будетъ его преемникомъ? въ недоумѣніи спрашивали другъ друга пораженные и опечаленные приверженцы Филарета.—*Кто можетъ послѣ Филарета занять его мѣсто?*

Большинство высшаго общества и людей влиятельныхъ весьма сочувственно отзывались о преосвященномъ Леонидѣ, признавая что онъ уже достаточно подготовленъ для руководства опочившаго святителя чтобы сдѣлаться его преемникомъ.

Временнымъ управляющимъ Московскою епархіею до назначенія новаго митрополита былъ назначенъ и Высочайше утвержденъ преосвященный Леонидъ, и это обстоятельство еще болѣе подавало поводъ всемъ его сторонникамъ надеяться и ожидать что въ послѣдствіи онъ будетъ утвержденъ въ должности временно имъ исправляемой. Само собою разумѣется что отецъ Пимень желалъ этого ото всей души, какъ по дружбѣ своей къ преосвященному такъ и въ той увѣренности что при немъ, если онъ будетъ митрополитомъ, не будетъ въ управленіи никакаго существеннаго измѣненія, ибо глубоко проникнутый духомъ Филарета и благоговѣя предъ его памятью преосвященный Леонидъ по всей вѣроятности не дозволялъ бы себѣ дѣлать отступленій отъ порядка установленнаго въ Московскою епархію и строго и неизмѣнно соблюдавшагося въ продолженіе цѣлаго полулѣтія.

Въ началѣ января 1868 года отецъ Пимень испросилъ разрѣшеніе на постройку на Угрѣшѣ дома для пріѣзда владыкъ, съ домовою крестовою церковію во имя преподобнаго Сергія.

Подобный домъ при довольно частыхъ посѣщеніяхъ Угрѣши владыками составлялъ существенную необходимость, и отецъ Пимень сдѣлалъ весьма благоразумно что воспользовался самымъ удобнымъ временемъ для осуществленія давняго своего желанія. При покойномъ митрополитѣ Филаретѣ о приведеніи сего въ исполненіе нечего было бы и ломаться. Онъ былъ слишкомъ бережливъ на монастырскія деньги, хотя самъ лично не былъ нисколько стяжатедемъ и совершенно безкорыстенъ, ибо свои деньги онъ щедро раздавалъ просившимъ у него помощи, а иногда и не просившимъ, но когда онъ зналъ или предполагалъ что нужны извѣстныя ему лица, что видно изъ многихъ его

лисемъ къ намѣстнику Автоноію. Но онъ весьма дорожилъ каждымъ монастырскимъ рублемъ и потому съ особенною осторожностію разрѣшалъ употребленіе монастырскихъ денегъ и то въ крайнихъ только случаяхъ, по необходимости, а не для прихоти. Отецъ Пименъ слишкомъ хорошо усвоилъ образъ мыслей владыки и потому конечно никогда бы не посмѣлъ даже и заикнуться ему о построеніи на Угрѣшѣ дома для пріѣзда владыкъ, изъ опасенія чтобы митрополитъ тотчасъ не остановилъ какимъ-нибудь неожиданнымъ вопросомъ на который и отвѣтить трудно и послѣ котораго и оправдаться невозможно.—„Для какихъ владыкъ? Для меня что ли? Я у тебя остававливаюсь, а если ты находишь что я тебя стѣсняю, я могу на будущее время тебя и вовсе отъ этого избавить...“ Отецъ Пименъ самъ это понималъ и сознавалъ, и потому при жизни владыки не было объ этомъ и намека. Но теперь рѣшился приступить къ дѣлу, такъ какъ преосвященный Леонидъ вполнѣ сознавалъ что особый домъ для временнаго пребыванія владыкъ при посѣщеніи Угрѣши составлялъ не прихоть, а существенную потребность монастыря, для удобства владыкъ и для спокойствія настоятеля.

Въ прежнее время, когда цари и патріархи посѣщали Угрѣшу довольно часто, не смотря на то что въ четырехъ верстахъ дааѣе было дворцовое село Островъ, гдѣ находились царскіе чертоги, на Угрѣшѣ все-таки были и *царскія палаты* и *патріаршія кельи*, какъ это видно изъ старинныхъ монастырскихъ описей. Гдѣ именно были эти палаты и кельи, теперь нельзя сказать утвердительно, ибо при перестройкахъ многое измѣнилось, но есть поводъ думать что настоятельскія кельи составляли нѣкоторую часть царскихъ палатъ, въ послѣдствіи разобранныхъ. Съ прекращеніемъ царскихъ посѣщеній эти палаты упразднились, монастырь бѣдѣвалъ, приходилъ въ упадокъ, и владыки московскіе со времени митрополита Платона, освящавшаго въ 1788 году теплую Успенскую церковь, и до вступленія Филарета въ управленіе Московскою епархіей, на Угрѣшю кажутся и не заглядывали въ продолженіе болѣе сорока лѣтъ (1788—1824); стало-быть не ощущалось и потребности въ особомъ, болѣе приличномъ помѣщеніи для пріема владыкъ чѣмъ настоятельскія кельи. Каждый разъ когда митрополитъ Филаретъ пріѣзжалъ на Угрѣшу и пребывалъ тамъ болѣе сутокъ, отецъ Пименъ выбирался изъ своей спальни и переходилъ на время въ самую тѣсную

келейку своего келейника (въ которой едва есть достаточно простора для кровати, стола и двухъ, трехъ стульевъ), а для прислуги сопровождавшей владыку въ настоятельскихъ кельяхъ вовсе не было видѣ помѣщенія. Всѣ эти неудобства, неизвѣстныя можетъ-быть митрополиту Филарету, очень хорошо зналъ преосвященный Леонидъ, который понималъ какъ пріѣздъ митрополита и его или другихъ архіереевъ стѣснительнѣе для хозяина и потому неоднократно самъ даже совѣтовалъ отцу Пимену перестроить и распространить свои кельи. Это и предполагалось сдѣлать при содѣйствіи Куманина и вѣроятно было бы сдѣлано ежели бъ его словесныя порученія были исполнены послѣ его смерти распорядителями оставшагося послѣ него имѣнія.

Слѣдовательно желаніе отца Пимена построить на Угрѣшѣ отдѣльный домъ для пріема владыкъ не только не встрѣтило со стороны преосвященнаго Леонида ни малѣйшаго прелатства, но еще напротивъ того полное сочувствіе. Была тутъ отчасти еще и личная причина вслѣдствіе которой преосвященный содѣйствовалъ къ построенію этого жилища для владыкъ на Угрѣшѣ, причина которую отецъ Пименъ не заблагодарилъ высказать въ своихъ воспоминаніяхъ, но которую въ настоящее время, когда нѣтъ уже въ живыхъ ни преосвященнаго, ни отца Пимена, можно передать безо всякаго стѣсненія и не въ укоризну ни которому изъ нихъ. Такъ какъ въ то время неизвѣстно еще было кто будетъ избранъ на Московскую митрополию, и ходили слухи что будетъ митрополитомъ архіепископъ Ярославскій Нилъ, который кажется и самъ этого ожидалъ *, то предрѣшено было преосвященнымъ что онъ немедленно удалится на покой, будетъ просить чтобы оставили въ его управленіе Саввинъ монастырь, а часть года, будетъ житьствовать и на Угрѣшѣ, которая несравненно

* Въ числѣ преосвященныхъ участвовавшихъ въ погребеніи митрополита Филарета находился и архіепископъ Ярославскій Нилъ. Хотя онъ самъ былъ слишкомъ остороженъ чтобы высказывать свою увѣренность что онъ будетъ митрополитомъ Московскимъ, но должно думать что отъ своихъ приближенныхъ не скрывалъ своего ожиданія, и когда сталъ собираться въ обратный путь въ Ярославль, его приближенные не стѣняясь громко говорили: „Охота это владыкѣ уѣзжать отсюда, когда не нынче завтра придетъ его назначеніе, тогда придется опять сюда ѣхать; лучше было бы дожидаться въ Москвѣ не уѣзжая.“

ближе Саввина отъ Москвы. Хотя это было келейно говорено между отцомъ Пименомъ и преосвященнымъ, но должно думать что слухъ объ этомъ насколько-нибудь проникъ и въ Москву, потому что многіе тогда же заговорили что преосвященный строитъ будто бы для себя домъ на свой счетъ на Угрѣшѣ.

Построеніе этого дома ускорилось еще и облегчилось для монастыря приобретениемъ съ торговъ въ селѣ Островѣ каменныхъ построекъ и деревяннаго графскаго дома, который былъ цѣль весьма толстаго, основанаго лѣса на каменномъ ильменѣ жиломъ этажѣ.

Всѣ эти постройки въ селѣ Островѣ были куплены съ торговъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1868 года менѣе чѣмъ за три тысячи рублей; говоря въ послѣдствіи о построеніи дома, мы скажемъ и о цѣнности матеріаловъ извлеченныхъ цѣло всего приобретеннаго въ Островѣ.

II.

Назначеніе новаго митрополита послѣдовало 5 января и обмануло ожиданія многіхъ: назначенъ былъ весьма достойный по жизни своей и по апостольскимъ своимъ трудамъ извѣстный просвѣтитель сибирскихъ странъ преосвященный Иннокентій Веніаминовъ, но Москвѣ совершенно незнакомый. Еще при жизни митрополита Филарета онъ сталъ проситься въ Москву на покой, но владыка совѣтовалъ ему „лучше остаться въ Сибири и тамъ довершить апостольскій подвигъ на своей кафедрѣ“.

Самъ преосвященный Леонидъ весьма благодушно принялъ назначеніе новаго митрополита. Получивъ о томъ извѣстіе, онъ немедленно предписалъ чтобы во всей епархіи во время богослуженія на ектеніяхъ возносились молитвы о благополучномъ путешествіи и прибытіи новоназначеннаго архипастыря. Въ Казани ожидалъ его Высочайшій рескриптъ и былъ поданъ ему бѣлый клобукъ, который онъ на себя возложилъ и оттуда уже какъ митрополитъ Московскій продолжалъ свое путешествіе.

Когда онъ прибылъ въ Москву, 25 мая, по Нижегородской желѣзной дорогѣ, онъ былъ встрѣченъ на станціи преосвященными викаріями, настоятелями обителей и почетнымъ духовенствомъ.

Пресвященныи Леонидъ поднесъ ему икону и сказалъ прѣдѣстительное слово; послѣ этого владыка поѣхалъ въ Иверскую часовню, а всѣ встрѣщавшіе его отпраздновали на Троицкое подворье дожидаться его прибытія. Пресвященныи Леонидъ представлялъ ему всѣхъ настоятелей монастырей, которые поднесли иконы, и прочее духовенство.

Въ день назначенный для перваго служенія, владыка прибылъ въ Казанскій соборъ, тамъ облачился и предшествуемыи крестнымъ ходомъ направился къ Успенскому собору, гдѣ была ему торжественная встрѣча; онъ совершилъ литургію и послѣ того произнесъ свою рѣчь къ пастырямъ московской, весьма простую, проникнутую смиреніемъ и глубоко трогательную всѣхъ слушателей.

Изъ загородныхъ обителей онъ посѣтилъ прежде всѣхъ Никола-Перервинскую, какъ непосредственно отъ него зависящую, а оттуда 17 іюля, въ 5 часовъ пополудни, прибылъ на Угрюму.

У святыхъ воротъ новому архипастырю была торжественная встрѣча: архимандритъ и всѣ іеромонахи въ облаченіяхъ и также іеродіаконы съ кадианами ожидали его выхода изъ кареты, архимандритъ поднесъ ему на блюды животворящій Крестъ; приложившись и возвративъ оный, онъ облачился въ мантию и съ посохомъ въ рукѣ, предшествуемый всѣми и крестнымъ ходомъ, при колокольномъ звонѣ направился къ Николаевскому собору. Приложившись ко святымъ иконамъ, владыка вошелъ въ алтарь и послѣ краткой литіи и возгласенія многолѣтія онъ благословлялъ всю братію и множество народа собравшагося посмотрѣть на того просвѣтителя Сибири имя котораго уже гремѣло и чтобы получить его благословіе. Изъ собора онъ прошелъ въ настоятельскія кельи; всенощное бдѣніе слушалъ въ Успенской церкви, находясь въ алтарѣ. На слѣдующій день, то-есть 18 числа, было соборное служеніе; со владыкой литургію совершали: архимандритъ Пимень, строитель Старо-Голутвинскій отецъ Сергій, протоіерей Гавріилъ Веніаминовъ (сынъ владыки) и три іеромонаха.

Владыка осматривалъ весь монастырь; подробно обо всемъ расспрашивалъ; входилъ въ кельи, посѣтилъ скитъ, церковь и также пожелалъ видѣть одну изъ братскихъ келій; потомъ кушалъ въ настоятельскихъ покояхъ въ монастырѣ, пригласивъ къ трапезѣ отца архимандрита Пимена, отца-строителя

Сергія и протоіерея Гавріила. Остальную часть дня провелъ въ назидательной бесѣдѣ, много разказывая о своихъ путешествіяхъ по Сибири и о разныхъ случаяхъ во время своего тамъ пребыванія.

Владыкъ было далеко за семьдесятъ лѣтъ когда онъ прибылъ въ Москву, ростомъ онъ былъ высокъ, довольно полный, но вслѣдствіе долгой привычки къ жизни дѣятельной, живой и легкой въ своихъ движеніяхъ. Лицо его, почти совершенно круглое, съ мѣстнымъ отпечаткомъ жителей сѣверо-восточныхъ странъ, нѣсколько выдающимся скулами и углубленными прищуренными глазами, было пріятное, благообразное, спокойно-величественное. Какъ всѣ движенія, такъ и разговоръ его отличались безыскусственною, совершенно первобытною простотою, привѣтливостію и добродушіемъ, и онъ смѣялся весьма громко и искренно, нисколько никѣмъ не стѣсняясь, и вообще про него можно сказать что онъ остался до конца своей жизни такимъ каковымъ былъ прежде, каковымъ привыкъ быть, ни мало не ставя себя въ зависимость отъ своего новаго высокаго положенія и не стараясь казаться важнѣе, сдержаннѣе и суровѣе; можетъ-быть въ этомъ-то и выразилось сознаніе и чувство собственного своего достоинства: „Хорошъ ли я, дуренъ ли, каковъ бы я ни былъ, но измѣняться и перевоспитывать себя я не намѣренъ: чѣмъ былъ прежде, тѣмъ останусь и теперь.“

Онъ составлялъ весьма рѣзкую противоположность со своимъ предшественникомъ, митрополитомъ Филаретомъ, такъ что невозможно было даже ихъ и сравнивать: тотъ былъ въ высшей степени сосредоточенъ, сдержанъ въ словахъ, съ движеніемъ во взглядѣ, этотъ напротивъ того вполнѣ откровененъ, словоохотливъ, общителенъ, привѣтливъ почти безъ различія личностей, ровенъ въ обращеніи, и рѣдко до того кѣмъ-нибудь недоволенъ чтобы рѣзко высказалъ свое неудовольствіе жесткимъ словомъ. Онъ былъ проникнутъ истиннымъ, глубокимъ смиреніемъ, которое въ его высокомъ положеніи становилось еще примѣтнѣе и ощутительнѣе и вслѣдствіе этого его дѣйствія и распоряженія были залечатлѣны удивительною добротою, скажемъ даже, чрезмѣрною и не всегда полезною, которую иные приписывали слабости характера, что можетъ-быть и дѣйствительно могло казаться таковымъ при сравненіи со строгою взыскательностію митрополита Филарета.

Москва, съ самаго пріѣзда новаго владыки, пораженная его

неподдѣльною патріархальною простотою, *быстротою и апостольскимъ видомъ и обращеніемъ* *, приняла его съ соотвѣтственнымъ простосердечіемъ и искреннимъ сочувствіемъ, котораго онъ вполнѣ заслуживалъ и внушалъ своимъ великими проповѣдническими трудами и высокими подвигами самоотверженія. Эти чувства взаимной любви и довѣрія, упрочиваясь болѣе и болѣе съ каждымъ годомъ, сохранились бы до конца его жизни, безъ его обстановки весьма ялчевой и для него вполнѣ неблагопріятной. Въ особенности это посторожнѣе вліяніе сдѣлалось весьма ощутительнымъ въ послѣдніе годы его жизни, когда лишившись зрѣнія онъ былъ только видимымъ представителемъ высшей духовной власти Московской епархіи, но всѣ чувствовали и видѣли что личныя побужденія и выгоды прикрывались этою властію и во зло употребляя расположеніе и довѣрчивость владыки заставляли его дѣйствовать несоотвѣтственно общественной пользѣ и не ко благостоянію епархіи, не говоря уже о томъ что весьма нерѣдко отдѣльныя личности испытывали небезпристрастность рѣшеній, иногда совершенно противоположныхъ сказанному на словахъ владыкой или обѣщанному имъ, что подавало поводъ предполагать что владыкѣ читали одно, а подлисывать подавали иное безъ его вѣдома.

Отецъ Пименъ съ перваго раза обратилъ на себя вниманіе новаго владыки, не столько отличавшагося высокимъ образованіемъ или глубокою ученостію, сколько свѣтлымъ природнымъ умомъ, который безъ стѣсненія и безъ посторожнихъ вліяній развился самъ по себѣ и усовершенся и созрѣлъ отъ опытовъ жизни, и потому владыка почувствовалъ тотчасъ каковъ угрѣшскій настоятель, отдалъ ему полную справедливость и возымѣлъ къ нему великое довѣріе. Простота обращенія митрополита, не стѣснявшая отца Пимена, дававшая ему возможность вполнѣ высказываться безъ принужденія, безъ натяжки и безъ лостояннаго и тяжелаго напряженія, которое ощущается когда приходится взвѣшивать каждое слово изъ опасенія сказать что-нибудь излишнее или не влопадъ, — все это давало отцу Пимену возможность

* Въ письмахъ своихъ къ архимандриту Пимену преосвященный Леонидъ писалъ: „Владыка въ Петербургѣ удивилъ всѣхъ быстротою и апостольскимъ видомъ и обращеніемъ. Дай-то Богъ!“ Письмо № 44, декабря 6, 1868 года.

предстать владыкъ тѣмъ чѣмъ онъ дѣйствительно былъ, что было для него весьма выгодно, и поэтому ихъ взаимное общеніе весьма скоро до того ихъ сблизило что между ними установились самыя искреннія отношенія и настолько дружественныя насколько это возможно между самымъ высшимъ начальствующимъ лицомъ и его подчиненнымъ. Можеть-быть владыка и еще болѣе къ себѣ приблизилъ бы и преосвященнаго Леонида и отца Пимена ежели бы ближайшіе его и неотлучно при немъ находившіеся блюстители и стражи не старались охранять его отъ слишкомъ большого сближенія съ такими лицами которыя могли быть проводниками истины не всегда желательной и безопасной для людей не любящихъ дѣйствовать при свѣтѣ и открыто, но пробирающихся окольными путями, кажуцихся имъ болѣе вѣрными и безопасными при не всегдашней добросовѣстности дѣйствій... Въ особенности это устраняющее вліяніе давало себя чувствовать преосвященному, который чаще, удобнѣе и смѣлѣе другихъ могъ бы сказать владыкъ то что слишкомъ уже ясно могло повести его къ открытію тѣхъ злоупотребленій въ которыхъ, совершенно безъ его вѣдома, его заставляли быть участникомъ. Однако при всей бдительности внутренняго надзора удавалось не однажды и преосвященному Леониду и архимандриту Пимену намекать владыкъ на такія обстоятельства которыя отъ него таили и обнаруженіе которыхъ полагало преграду къ дальнѣйшимъ и большимъ злоупотребленіямъ.

Преосвященный Леонидъ очень хорошо зналъ что не есть его жалуютъ на Троицкомъ подворьѣ, чувствовалъ отстраивавшую руку, пытавшуюся захватить многое вовсе ей не подлежащее, и хотя вслѣдствіе этого испытывалъ иногда противодѣйствіе своимъ благимъ намѣреніямъ, онъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ высказывалъ свое глубокое уваженіе ко владыкъ и, когда самъ не могъ или не рѣшался иногда обращать вниманіе его на нѣкоторыя обстоятельства съ которыми онъ не мирился, но опасался поставить владыку въ весьма неловкое и жалкое положенія объясняя ему что вокругъ него дѣлается, онъ прибѣгалъ къ содѣйствію отца Пимена, который, какъ человекъ посторонній въ епархіальномъ управленіи, при случаѣ, мимоходомъ, слегка намекалъ владыкъ, что ему и удобнѣе было дѣлать, потому что его сначала менѣе опасались чѣмъ преосвященнаго и не столько были съ нимъ насторожѣ... Когда въ позднюю осень владыка былъ потребованъ въ

Петербургъ на череду въ Святѣйшій Синодъ, временное управленіе епархіей было олять вполнѣ передаво пресвященному Леониду, который, однако, весьма ограниченно пользовался обширными правами ему предоставленными и можно сказать что ничего нѣсколько важнаго не предпринималъ и не рѣшалъ безъ согласія или разрѣшенія владыки.

III.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1868 года въ первый разъ происходилъ въ Упрѣшскомъ народномъ училищѣ экзаменъ въ присутствіи преосвященнаго Леонида и тогдашняго ректора Московской духовной семинаріи архимандрита Никодима, въ послѣдствіи настоятеля Богоявленскаго монастыря, потомъ наместника Невской Лавры, епископа Старорусскаго, и наконецъ викарія Московскаго.

Вотъ письмо преосвященнаго къ отцу Пимену по поводу этого экзамена:

Высокопреподобнѣйшій
отецъ архимандритъ!

Для производства экзамена въ вашемъ монастырскомъ училищѣ нахожу болѣе другихъ дней удобнѣе слѣдующій воскресный, 6 октября. Отцу ректору семинаріи я объ этомъ говорилъ: онъ соглашается. Итакъ въ субботу, послѣ обѣда мы, еще Богъ изволитъ, прѣйдемъ къ вамъ чтобы принять участіе, съ благословеніемъ Божиимъ, въ трапезѣ Господней въ день недѣльный и послѣ того отправиться въ училище. Хорошо ежели бы въ этотъ день ученики присутствовали при богослуженіи. Если вы находите прелатствіе къ произведенію въ сей день экзамена, то извѣстите; если же не находите, то не о чемъ и своситься. Мы прѣйдемъ, Богу помогающе.

Христосъ съ вами!

Леонидъ епископъ Дмитровскій.

Москва, октября 3
1868 года.

Это первое испытаніе происходившее въ училищѣ въ присутствіи преосвященнаго, ректора, отца архимандрита и нѣкоторыхъ изъ старшихъ братій доказало всю пользу которую принесло училище со времени своего учрежденія, то-есть съ небольшимъ въ три года. Главнымъ учителемъ былъ тогда расофорный монахъ отецъ Димитрій Байковъ, которому училище и обявано первоначальнымъ своимъ устройствомъ.

Пресвященный предлагалъ ученикамъ вопросы изъ священной и русской исторіи и географіи; наиболѣе отличившимися были крестьянскіе мальчики изъ ближайшихъ деревень: Матросовъ, Орловъ, Щербаковъ, Козловъ и другіе. Козлову Ивану было съ небольшимъ шесть лѣтъ, но онъ такъ хорошо отвѣчалъ что обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Въ послѣдствіи онъ былъ вылученъ какъ первый ученикъ и принятъ въ Ломоносовское отдѣленіе Лицея Цесаревича Николая, также какъ и Щербаковъ.

Наиболѣе оказавшимъ успѣхи были раздаваемы книги въ награжденіе.

Первоначально въ числѣ учащихся было и нѣсколько крестьянскихъ дѣвочекъ, но въ послѣдствіи найдено неудобнымъ присутствіе дѣвочекъ, которыхъ было весьма немного въ числѣ мальчиковъ и притомъ въ училищѣ при мужскомъ монастырѣ, и въ скоромъ времени принятіе ихъ было прекращено, во избѣжаніе могшихъ отъ того возникнуть неурядицъ.

Отецъ Пименъ, такъ неохотно и можно сказать съ принужденіемъ открывавшій училище, былъ въ полномъ удовольствіи когда убѣдился что доброе сѣмя падаетъ на добрую почву и начинаетъ приносить столь хорошіе и ранніе плоды и вполнѣ расположившись къ училищу продолжалъ съ тѣхъ поръ весьма усердно о немъ заботиться, не жалѣя никакихъ затратъ на содержаніе учащихся и на приобрѣтеніе всевозможныхъ учебныхъ книгъ и пособій.

Въ этотъ же годъ въ концѣ ноября, вслѣдствіе простуды, отецъ Пименъ занемогъ. Сперва сталъ чувствовать жаръ и головную боль, но перемогаясь не хотѣлъ ѣхать въ Москву куда его звалъ пресвященный, что можно видѣть изъ двухъ писемъ относящихся къ этому времени, наконецъ рѣшился отправиться въ Москву, гдѣ провелъ цѣлый мѣсяцъ.

Высокопреподобнѣйшій

отецъ архимандритъ!

Чѣмъ болѣе былъ я увѣренъ что вы будете на нашемъ, монастырскомъ илѣ *подворскомъ* праздникѣ, тѣмъ прискорбнѣе узнать что этого не будетъ и что причиною ваша болѣзнь. Могу благодарить васъ за то что не оставили меня въ неизвѣстности, а также и за то что не сдѣлали себѣ прирѣженія.

Призываю на васъ милость Божию и благодать исцѣленія. Да не надобно ли вамъ полѣниться серіознѣе? Не надобно ли вамъ пожить для этого въ Москвѣ? Моя столь извѣстная

вамъ гостиная келья для васъ всегда отворена. Владыка, могу васъ увѣрить, взглянетъ на это одобрительно и въ обители вашей, дастъ Богъ, все будетъ благополучно, Подумайте объ этомъ, а также сдѣлайте милость, часто извѣщайте меня о состояніи вашего здоровья. Я не рѣшился ѣхать въ Саввины по причинѣ безснѣжной обледѣлой дороги, на которой надобно пробыть часовъ восемь вмѣсто четырехъ или пяти. Несмотря, впрочемъ, на основательность этого рѣшенія, чрезвычайно сожалѣю что не у мощей преподобнаго буду праздновать вотъ уже второй годъ.

Простите! Съ совершеннымъ почтеніемъ и дружескою преданностію остаюсь

вашего высокопреподобія
смиранный богомолецъ
Леонидъ епископъ Дмитровскій.

Москва.
2 декабря 1868.

Высокопреподобнѣйшій
отецъ архимандритъ!

Словно вы подслушали: въ то самое время какъ я начиналъ безпокоиться, приходитъ отъ васъ извѣстіе, за которое глубоко васъ благодарю. Усердно желаю чтобы болѣзнь ваша скоро окончилась и пришли къ вамъ тѣ силы которыя нужны вамъ еще на долго и долго. Пожалуста повторяйте мнѣ извѣщенія о ходѣ болѣзни...

Владыка въ Петербургѣ удивилъ всѣхъ быстротою и *апостольскимъ* видомъ и обращеніемъ. Дай-то Богъ. Простите.

Душевно преданный вамъ
Леонидъ епископъ Дмитровскій.

6 декабря 1868.

Болѣзнь отца Пимена ежедневно усиливалась, такъ что вопреки своему желанію въ день праздника святителя Николая, декабря 6, онъ не только былъ не въ состояніи служить, но не могъ даже и въ церковь идти и потому рѣшился на слѣдующій день ѣхать въ Москву. Погода, до того времени довольно теплая, замѣтно измѣнилась, и чтобы путешествіе до Москвы не усилило еще болѣзни были приняты мѣры и возокъ въ которомъ отецъ Пименъ намѣревался ѣхать съ утра нагрѣли раскаленными кирпичами которые перемѣная клала въ возокъ въ большой мѣдный тазъ въ него поставленный. Отъ паровъ всѣ стѣнки прогрѣлись, и когда больного вывели сажать, въ возкѣ была уже комнатная температура, до самой Москвы незначительно понизившаяся. Отецъ Пименъ прямо проѣхалъ на Саввинское подворье и занялъ въ нижнемъ этажѣ гостиную келью.

Тотчасъ было послано за тогдашнимъ монастырскимъ врачомъ Тяжеловымъ, который прибылъ и, освидѣтельствовавъ больного, нашелъ что у него воспаление въ ухѣ. Были приняты самыя рѣшительныя мѣры, приларки, ножныя ванны и проч., и черезъ нѣсколько дней болѣзнь стала уступать врачеваніямъ и большой почувствовалъ значительное облегченіе, и по настоянію преосвященнаго призванные еще два врача на совѣщаніе единогласно рѣшили что всякая оласность миновала и что оставалось только продолжать приларки и беречься простуды.

Какъ очевидецъ неотлучно находившійся во все время болѣзни при отцѣ Пименѣ, лишущій сіе жизнеописаніе можетъ свидѣтельствовать о дружеской заботливости и полечительности преосвященнаго Леонида къ его больному гостю. Пока врачи не дозволяли болящему оставлять своей кельи и чрезъ сѣни хотя и телмыя подыматься вверхъ въ покои владыки, гдѣ было значительно свѣжѣе, преосвященный ежедневно и по нѣскольку разъ посѣщалъ больного: ѣхалъ ли онъ куда-нибудь по утру, онъ заходилъ взглянуть на отца Пимена; возвращался ли онъ, прежде чѣмъ идти къ себѣ вверхъ, онъ опять входилъ къ нему; иногда вечеромъ, когда не было посѣтителей и дѣла дозволяли, онъ приходилъ и бесѣдой старался утѣшить больного и заставить его на время позабыть докучающій недугъ. Когда же отцу Пимену было дозволено выходить изъ комнаты, онъ шелъ вверхъ, присутствовалъ при богослуженіи въ крестовой церкви, стоя или сѣдя въ моленной преосвященнаго, а остальную часть дня проводилъ съ преосвященнымъ. Въ послѣдствіи, подъ конецъ болѣзни, почти прошедшей предъ Рождествомъ, отецъ Пименъ сталъ участвовать въ богослуженіи, а въ отсутствіи владыки служилъ соборнѣ съ братіей, и по желанію преосвященнаго при входѣ въ церковь предъ литургіей приказано было дѣлать ему встрѣчу какъ бываетъ для настоятеля въ его собственномъ монастырѣ и на которую онъ не имѣетъ никакого права ни въ чужомъ монастырѣ, а тѣмъ еще менѣе въ архіерейскомъ домѣ. Но преосвященный желалъ и этимъ выказать другимъ свое особое уваженіе и почетъ къ настоятелю Угрѣшскому.

Здоровье отца архимандрита настолько поправилось что онъ могъ бы, принявъ тѣже предосторожности, возвратиться къ празднику въ монастырь, но преосвященный не рѣшался его отпустить, оласаясь чтобы возвратясь на Угрѣшу онъ

не утомилъ себя продолжительностію служеній, отъ которыхъ онъ былъ увѣренъ что архимандритъ никакъ не захочетъ отказаться, и въ особенності онъ очень опасался сѣней между настоятельской кельей и теплою церковью, въ которыхъ постоянно сквозной вѣтеръ, и этому переходу преосвященный приписывалъ и болѣзнь отца Пимена.

— Я васъ прошу, отецъ архимандритъ,—дружески прошу теперь не думать о возвращеніи къ себѣ, а ежели нужно, то какъ архіерей запрещаю вамъ: я васъ знаю, вы не утерпите, станете служить, утомите себя, въ Крещеніе вздумаете идти на воду и опять простудитесь такъ что тогда еще труднѣе будетъ помочь чѣмъ теперь, а главное, и что хуже всего, это ваши убійственныя сѣни въ которыхъ ходить и свистить сквозной вѣтеръ.... вотъ вы гдѣ простужаетесь.... Послѣ Крещенія можете вѣхать, тогда продолжительныхъ служеній не будетъ, а вы между тѣмъ окрѣпнете.... Церковь у меня есть, безъ службы не будете, а безъ меня, когда я въ соборѣ буду, на подворьѣ все-таки будетъ торжественное соборное служеніе... Такъ, отецъ архимандритъ?

Во время болѣзни многіе изъ общихъ знакомыхъ преосвященнаго и отца архимандрита посѣщали его, и владыка митрополитъ, пребывавшій уже въ Петербургѣ, съ участіемъ осведомлялся о его здоровьѣ въ своихъ письмахъ къ преосвященному и посылалъ ему свое заочное благословеніе. Наконецъ чрезъ день послѣ Крещенья отецъ архимандритъ собрался въ обратный путь. Преосвященный повелъ его въ церковь, у престола читалъ благодарственную молитву о выздоровленіи и другую въ путь шествующему и благословилъ его иконой Саввы прелодобнаго и послѣ трапезы съ миромъ, но не безъ сожалѣнія отпустилъ своего гостя обратно на Угрьшу.

При приближеніи отца архимандрита къ монастырю ударили въ колоколъ и стали трезвонить; у крыльца зимней церкви его встрѣтилъ казначей и возвѣстилъ ему что вся братія собралась въ церкви и ожидаютъ его чтобы совершить благодарственное молебное пѣніемъ предъ иконой святаго о возвращеніи его въ вождѣльнѣмъ здравіи. Поэтому не входя къ себѣ отецъ архимандритъ прошелъ прямо въ церковь и такъ былъ доволенъ своему возвращенію и видному изъявленію всеобщей радости что отъ радости и

умиленія не могъ воздержаться отъ слезъ и не только прослезился, но и отрадно заплакалъ...

На слѣдующій день онъ написалъ письмо къ преосвященному, благодарилъ за оказанное гостепріимство и извѣщалъ о своемъ благополучномъ возвращеніи и о встрѣчѣ и получилъ въ отвѣтъ слѣдующее письмо:

Высокопреподобнѣйшій и возлюбленнѣйшій о Господѣ
отецъ архимандритъ!

Раздѣляю и понимаю радость братіи о возвращеніи вашемъ въ обитель.

Благодарю Бога возвратившаго вамъ здравіе, благодарю васъ за инокское послушаніе, съ которымъ вы, вывѣвъ моему дружескому приглашенію, рѣшились прибыть въ Москву и довѣріе оказали мнѣ, принявъ отъ меня келію. Прошу съ земнымъ поклоненіемъ простить мнѣ недостатокъ вниманія, радушія, предупредительности. Право желаніе есть, но никакого умѣнія. Повѣрьте что я томлюсь тяжкою мыслию что не сдѣлалъ всего что требовалось для успокоенія вашего, что пропустилъ случай единственнѣй доказать вамъ какъ чувствую себя благодарнымъ за любовь вашу, за ту отраду которую имѣю въ обители вашей, за то назиданіе монашеское которое предлагаетъ мнѣ ваша бесѣда. Простите Христа ради, простите!

Радуюсь я что вы здоровы, но оласаюсь что вы не сумѣете сберечь такъ трудно прибрѣтенное здоровье. Остерегайте себя мыслию что возвратившуюся болѣзнь труднѣе выльчить. Вашъ переходъ въ теллую церковь ужасенъ. Едва ли рѣшусь я быть на Угрѣшѣ зимой, пока эта статья не будетъ приведена въ порядокъ. Вы исправленіе всего дома, а отъ этой малости вредите своему тѣлесному храму.

Господь да хранитъ васъ!

Душевно и глубоко вамъ преданный
Леонидъ епископъ Дмитровскій.

Москва.
10 января 1869.

Преосвященный совершенно напрасно упрекалъ себя въ недостаткѣ предупредительности, потому что болѣе того что было сдѣлано для архимандрита Пимена въ продолженіе его мѣсячнаго пребыванія на подворьѣ невозможно было бы и ожидать, и онъ дѣйствительно доказалъ въ это время всю свою любовь, дружбу и благодарность за всегдашнее радушіе съ которымъ былъ встрѣчаемъ на Угрѣшѣ.

IV.

Въ концѣ 1868 года и въ началѣ 1869 произошли нѣкоторыя передвиженія въ іерархіи, которыя отозвались и въ Москвѣ, именно: митродолитъ Литовскій Іосифъ Сѣмашко (изъ прежде бывшихъ униатскихъ епископовъ, принятый въ 1839 году въ общеніе православной церкви) послѣ своего тридцатилѣтняго правленія скончался 23 ноября 1868, вслѣдствіе чего переведенъ былъ на его мѣсто архіепископъ Харьковскій Макарій, въ декабрѣ мѣсяцѣ того же 1868 года, а на его мѣсто въ послѣдней половинѣ 1869 назначенъ изъ Нижняго-Новгорода Нектарій, и тогда въ числѣ представленныхъ къ перемѣщенію былъ и преосвященный Леонидъ, котораго думали перевести въ Нижній-Новгородъ. Но покойный Императоръ, зная какъ Москва любила преосвященнаго и какъ онъ привязанъ къ Москвѣ, былъ такъ милостивъ что не пожелалъ опечалить столицу столь недавно еще лишившуюся досточтимаго ею архипастыря и чтобы не огорчить и преосвященнаго не изволилъ назначить его на кафедру Нижегородскую, но приказалъ спросить его желаетъ ли перейти изъ Москвы въ новую епархію. Это сильно встрѣтило преосвященнаго Леонида, но такъ какъ ему предоставлено было право принять и отказаться, онъ пожелалъ не разставаться съ Москвою и въ этомъ духѣ и отвѣчалъ на сдѣланный ему запросъ изъ Петербурга. Вотъ письма которыя онъ писалъ въ это время къ отцу Пимену.

Высокопреподобнѣйшій
отецъ архимандритъ!

Въ нынѣшней вѣкѣ событія быстро движутся. Отъ г. синодальнаго оберъ-прокурора получилъ я приглашеніе на кафедру Нижегородскую. Приглашеніе сдѣлано по волѣ Государя Императора и по согласію владыки. Я отвѣчалъ что къ слову *благодарю* не могу присоединить: и *примлю* и выразилъ желаніе удалиться въ Саввинъ монастырь, а если нельзя, то по крайней мѣрѣ на *первое время* на Угрюшу. Сдѣлалъ такъ, не спросясь васъ (ибо некогда было спрашиваться), положился на дружбу вашу и сказалъ осторожно: *на первое время*. Написавъ это чувствую себя совершенно спокойнымъ по улованію на Господа. Ставленники (ваши) хорошо приготовились, похвалите ихъ; но множество готовыхъ заставило меня возвратить ихъ, но до времени.

Душевно вамъ преданный
Леонидъ, епископъ Дмитровскій.

Москва. Января 28 1869.

Черезъ два дня послѣ этого письма преосвященный олять писалъ къ отцу Пимену:

Прекрасно дѣлаете, ваше высокопреподобіе что не рѣшаетесь въ такую погоду ѣхать. Думаю что для здоровья вашего надобно чтобы вы оставались въ монастырѣ безвыѣздно, пока дорога и погода не исправятся совершенно.

Разсуждавъ по поводу письма изъ Петербурга довольно и послѣвъ отвѣтъ какой представилса моему уму, я не хочу болѣе объ этомъ думать; ибо это бесполезное дѣло.

Будьте здоровы, благодумствуйте и поминайте молящагося за васъ

Леонида, епископа Дмитровскаго.

Москва.

Января 30 1869.

Это предложеніе преосвященному Нижегородской каѳедры ускорило на Угрѣшѣ построеніе дома для приѣма владыкъ и быстро подвинуло къ окончанію. Хотя преосвященный и не безъ основанія отказался отъ предложеннаго ему перемѣщенія, имѣя на то полное право ему предоставленное милостивымъ вниманіемъ Государя, но онъ сознавалъ что его присутствіе въ Москвѣ многимъ не по мысли (и мѣшаетъ и тѣмъ которымъ хотѣлось безпрепятственно вліять на митрополита и тѣмъ которые будучи къ нему приближены чувствовали что не могутъ дѣйствовать вполнѣ свободно, пока преосвященный стоитъ на стражѣ) и потому ожидалъ что этимъ неудавшимся предложеніемъ не ограничатся попытки вытѣснить его изъ Москвы, и заранѣе предрѣшилъ не разставаться съ Москвою и скорѣе идти на покой чѣмъ куда-нибудь удалиться.

Вскорѣ послѣ отвѣтнаго письма отъ преосвященнаго на имя оберъ-прокурора графа Толстаго, одинъ изъ высшихъ сановниковъ Москвы душевно расположенный къ преосвященному собирался ѣхать въ Петербургъ, и такъ какъ былъ поводъ думать что при докладѣ объ отвѣтѣ и отказѣ преосвященнаго будетъ доложено только о содержаніи письма и неизвѣстно въ какихъ выраженіяхъ, то онъ просилъ отъѣзжавшаго изъ Москвы взять съ собою копію съ его письма и при удобномъ случаѣ въ подлинникъ, ежели возможно, его представить, что дѣйствительно и было исполнено и оказалось весьма не бесполезнымъ при неблагопріятствовавшихъ тогда ему обстоятельствахъ. Какъ ни старался преосвященный казаться спокойнымъ, въ чемъ онъ и себя хотѣлъ

увѣрить, мысль оставить Москву сильно его смущала и вопреки его высказывалась и въ его письмахъ къ отцу Пимену и въ личныхъ бесѣдахъ.

Такъ писалъ ему въ концѣ января что онъ *не хочетъ болѣе объ этомъ думать, потому что это дѣло бесполезное*, онъ почти черезъ мѣсяцъ послѣ этого писалъ ему опять:

Прошу молитвъ вашихъ; ибо я переживаю отъ начала года и донынѣ важные дни жизни, колеблется тѣло и смущается духъ. Впрочемъ, за все благодарю Господа. Написалъ письмо ко владыкѣ очень откровенное.

Леонидъ.

27 февраля 1869 года.

Отецъ Пименъ вполне сочувствовалъ преосвященному и старался сколько могъ успокоить его, но слышавъ *на всякій случай* достраивать архіерейскій домъ на Угрѣшѣ.

Мѣсто для его построения было избрано между монастыремъ и скитскимъ садомъ. Еще съ осени былъ сложенъ фундаментъ и на него поставленъ двухъэтажный срубъ сдѣланный изъ дома (графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской) купленного въ Островѣ. Лѣсъ изъ котораго онъ былъ строенъ былъ сосновый, замѣчательной толщины и твердости; въ размѣрахъ значительно противъ прежняго плана убавленъ и приспособленъ къ удобству для жительства владыкѣ. Рѣшено было что все будетъ деревянное, безъ штукатурки, внутри въ верхнемъ этажѣ съ деревянною узорчатою облицовкой стѣвъ и потолковъ, съ дубовыми дверями, колодами оконъ и лавалами Островскаго дома и съ сосновыми паркетами, что было приведено въ исполненіе и вышло удачнѣе сверхъ всякаго ожиданія.

Въ продолженіе зимы производились подготовительныя работы, и какъ только возможно было стали продолжать строеніе.

Въ мартѣ мѣсяцѣ домъ былъ уже вчернѣ настолько подвинутъ что можно было судить о томъ что будетъ, и преосвященный пріѣхалъ на Угрѣшу взглянуть на домъ и выждать окончателныхъ извѣстій изъ Петербурга о томъ какія послѣдствія будетъ имѣть отказъ отъ предложеннаго переезда изъ Москвы.

Цѣлую недѣлю, съ 10 и до 17 марта, преосвященный прогостилъ на Угрѣшѣ и въ продолженіе этого времени нѣсколько разъ совершалъ литургію; осматривалъ будущій

архіерейскій домъ, и разсуждая о нѣкоторыхъ монастырскихъ вопросахъ, рѣшеніе которыхъ зависѣло отъ владыки, находившагося въ то время въ Петербургѣ, преосвященный уговорилъ отца архимандрита самого туда съѣздить и лично доложить обо всемъ владыкѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ можетъ-быть узнать и о послѣдствіяхъ отказа отъ епархіи.

Это послѣднее порученіе было конечно такого рода что про него въ то время не было никому извѣстно, а явдимаыя побужденія къ этой поѣздкѣ были слѣдующія: 1) испросить увеличеніе монастырскаго штата; 2) испросить пожалованіе лѣсной дачи монастырю для содержанія училища; 3) разрѣшеніе покупки дома Лаврентьевыхъ, смежнаго съ монастырскимъ подворьемъ, на Маросейкѣ.

V.

Отецъ Пимень отправился въ Петербургъ марта 21, взявъ съ собою вмѣсто келейника одного изъ послушниковъ, Николая Илатова, малаго весьма сметливаго и расторопнаго.

Имѣя предъ собою удѣлавшую черновую тетрадь въ которой собственноручныя весьма подробныя наброски отца Пимена объ этомъ путешествіи, мы воспользуемся ею и извлечемъ изъ нея что можетъ познакомить насъ со взглядомъ человѣка саморазвившагося, впервые посѣтившаго Петербургъ и своеобразно выражающаго свои впечатлѣнія при видѣ необычныхъ и новыхъ для него предметовъ. Передаемъ разказъ отъ его лица.

„Въ томъ небольшомъ вагонѣ перваго класса въ который я сѣлъ со мною ѣхалъ неизвѣстный мнѣ человѣкъ, среднихъ лѣтъ, невысокаго роста, пріятной и благообразной наружности, но съ рѣзкими чертами, по которымъ я заключилъ что онъ изъ Грузинъ или Армянъ. Онъ первый вступилъ со мною въ разговоръ, прося у меня позволенія курить. Потомъ мы перешли къ причинѣ моей поѣздки, и когда, между прочимъ, я ему объяснилъ что ѣду хлопотать о пожалованіи монастырю лѣсной дачи для народнаго монастырскаго училища, этотъ господинъ очень любезно мнѣ предложилъ свои услуги и сказалъ: „Я очень радъ, батюшка, что случай свелъ насъ, потому что можетъ-быть и я не буду вамъ бесполезенъ и могу отчасти вамъ содѣйствовать,

„такъ какъ это и меня нѣсколько касается какъ служащаго въ „Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія; а товарищъ министра, „моя фамилія *Далляновъ*.““

„Можно себя представить какъ я былъ доволенъ подобной встрѣчѣ, которая дѣйствительно содѣйствовала въ послѣдствіи успѣху дѣла о пожалованіи дѣловой дачи въ пользу училища.

„Прибывъ въ Петербургъ поутру марта 22, я немедленно, прямо съ желѣзной дороги, отправился на Троицкое подворье ко владыкѣ. Онъ обошелся со мною, по обычной своей привѣтливости, весьма милостиво и ласково. Я передалъ ему письмо, которое имѣлъ къ нему отъ преосвященнаго Леоніда, объяснилъ ему о причинахъ моего пріѣзда и просилъ его благословенія хлопотать о монастырскихъ дѣлахъ. Онъ благословилъ меня и обѣщаль со своей стороны содѣйствовать во всемъ что отъ него будетъ зависеть.

„Просидѣвъ у владыки болѣе часа, я отправился искать себѣ помѣщенія въ какой-нибудь гостиницѣ, поближе къ Троицкому подворью, и нашель таковую на углу Невскаго Просѣкта и Владимірской улицы, гостиницу *Москва*.

„Немного отдохнувъ, я отправился въ консисторію и въ канцелярію оберъ-прокурора предъявить свой видъ, а послѣ того въ Казанскій соборъ. Я съ любопытствомъ и съ большимъ вниманіемъ разсматривалъ этотъ храмъ, про который столько слыхалъ прежде, и который, сказываютъ, построень въ уменьшенномъ размѣрѣ на подобіе Святаго Петра въ Римѣ, но ни по наружности, ни по внутренности своей этотъ соборъ мало того что не поразилъ меня, но даже мнѣ и не понравился: въ немъ нѣтъ той *церковности*, къ которой мы привыкли съ дѣтства, вида преимущественно древніе храмы болѣе или менѣе византійскаго зодчества. Снаружи Казанскій соборъ по своей растянутости представляется нѣсколько придавленнымъ, а внутри хотя онъ и высокъ, но величественности нѣтъ. Онъ крестообразный, множество гранитныхъ колоннъ, иконостасъ, царскіе врата и баллюстрада серебряные, весьма искусной работы и очень цѣнные, но все это не поражаетъ своимъ благолѣпіемъ, во всемъ есть что-то мірское, свѣтское, а не церковное... Весьма любопытно собраніе знаменъ отбитыхъ у неприятелей; есть нѣсколько фельдмаршальскихъ жезловъ французскихъ маршаловъ и ключи разныхъ крѣпостей.... Икона Богоматери, именуемая Казанская,

говорять, та самая которую Иоаннъ Грозный изъ Казани перенесъ въ Москву, откуда она въ послѣдствіи была взята Петромъ I. На ней очень драгоценная риза, оцѣниваемая болѣе чѣмъ во сто тысячъ рублей. Нѣкоторые изъ каменьевъ ее украшающихъ пожертвованы императрицами Марією Феодоровной, родительницей императора Александра I, и его супругой Елизаветою Александровной, и одинъ весьма крупный и цѣнный синий ахонтъ, — даръ великой княгини Екатерины Павловны. Странно было бы сказать про Казанскій соборъ что онъ не хорошъ или не обширенъ, но при всей своей громадности и несмотря на его драгоценности и великолѣпіе, я не нашелъ въ немъ ни величественности поражающей и приводящей въ благоговѣніе, ни того благолѣпія которое мы привыкли видѣть въ храмѣ Царя Славы.

„Зимній Дворецъ обширенъ, изящно украшенъ изящными и, не смотря на его низменность въ сравненіи съ растянутостію, имѣетъ видъ строгаго величія; видно что это жилище царское, и памятникъ достойный великой его строительницы...

„Отъ Дворца я пошелъ лѣшкомъ по направленію къ Адмиралтейству и оттуда въ Исакиевскій соборъ.

„Наружность его поражаетъ громадностію всего зданія и великолѣпіемъ и размѣрами безчисленныхъ цѣльныхъ порфировыхъ колоннъ, обширностію фронтоновъ, дверей и оконъ. Внутренность его удивляетъ изящною отчетливостію малѣйшихъ подробностей; много въ немъ сокровищъ, которыхъ цѣнность, можно сказать, неисчислима, но все это прекрасное, художественное исчезаетъ, меркнетъ въ полумракѣ, видишь подробности только вблизи, но общаго понятія о цѣломъ составить себѣ не можешь — недостатокъ свѣта все поглощаетъ. Мозаическія иконы удивительны по исполненію, и говорятъ что подобныхъ размѣрами и въ такомъ множествѣ нѣтъ ни въ одномъ храмѣ во всей Италіи, гдѣ колыбель мозаики, но иконы разглядить только въ нѣсколькихъ мѣстахъ, — отошелъ немного и не видать... Внутренность удивительная по изяществу частей и поразительная по своей громадности приводитъ въ изумленіе, но не располагаетъ къ молитвѣ. Здѣсь нѣтъ той божественности которою запечатлѣны древне-византійскіе храмы православнаго Востока, откуда воссіалъ и пролился къ намъ свѣтъ истины. Возможно ли сравнить эту чудную базилику съ нашими древними храмами Кремля?

Успенскій соборъ составляетъ можетъ-быть всего какую-нибудь четвертую часть Исакиевского, но какая разница!

„Оужу можетъ-быть съ предубѣжденіемъ, пристрастиемъ и далеко *неоовершенно*, но что же дѣлать: не умѣю чувствовать и думать иначе.

„Послѣ обѣда часа въ три я вздумалъ ѣхать въ Невскую Лавру и прошелъ прямо въ церковь, гдѣ только-что началось великое повечеріе, продолжавшееся, впрочемъ, не очень долго, такъ какъ въ тотъ день не было ни каноновъ, ни акаѳиста, и по окончаніи службы пошелъ къ отцу намѣстнику, архимандриту Ювеналію Половцеву. Я совершенно его не зналъ и до этого раза и въ лицо не видывалъ. Онъ принялъ меня пріятливо. На видъ ему лѣтъ сорокъ или нѣсколько болѣе. По наружности и по разговору онъ совершенный монахъ и видно что онъ жилъ подъ руководствомъ старцевъ и многое отъ нихъ себѣ усвоилъ. Разговоръ нашъ сперва какъ-то не клеился и шелъ довольно туго, но когда я коснулся Оптиной пустыни, гдѣ намѣстникъ полагалъ начало, и тамошнихъ старцевъ, онъ примѣтнымъ образомъ одушевился, сдѣлался разговорчивѣе и откровеннѣе. Говорили мы про преосвященнаго Игнатія Брянчанинова, но изъ его словъ я понималъ что онъ не имѣлъ къ нему сочувствія, а такъ какъ я самъ душевно любилъ и уважалъ преосвященнаго, то и старался перейти къ другимъ предметамъ разговора болѣе общимъ. Въ то время шла рѣчь въ Святѣйшемъ Синодѣ о преобразованіи всѣхъ монастырей въ общежительные, и такъ какъ тутъ отчасти былъ и я участникомъ, то и желательно мнѣ было узнать мнѣніе отца Ювеналія, какъ воспитанника олтинскаго и какъ намѣстника Невской Лавры и слѣдовательно лица приближеннаго къ первоприсутствующему члену Святѣйшаго Синода. Вопросъ этотъ возникъ совершенно случайно и неожиданно и еще неожиданнѣе оказался я въ немъ участникомъ.

„Сперва скажу объ этомъ вопросѣ, то-есть объ *общежитіяхъ*.

„Въ самомъ началѣ 1855 года, Андрей Николаевичъ Муравьевъ пожелалъ имѣть краткій историческій очеркъ общежительныхъ монастырей и такъ какъ онъ былъ въ постоянной перепискѣ съ митрополитомъ Филаретомъ, то писалъ ему о своемъ желаніи, но владыка, и безъ того обремененный дѣлами, при всемъ своемъ желаніи утѣшить Муравьева, конечно, не имѣлъ времени составлять для него подобный

очеркъ, требовавшій времени и справокъ, и потому отвѣчалъ ему кратко что „составить исторію общежитій не можетъ, но „что въ Четвѣхъ-Минехъ, въ отдѣльныхъ житіяхъ, видно „какъ образовались общежитія.““

„Не довольствуясь этимъ отвѣтомъ, Муравьевъ сталъ много говорить о своемъ желаніи, и когда года два или три спустя онъ посѣтилъ Угрѣшу передалъ и мнѣ. Я отвѣчалъ ему что я не ученый человекъ, а просто монахъ, и если что о монашествѣ знаю, то про себя изъ того что читалъ, и указалъ ему на ректора семинаріи архимандрита Леонида. Онъ на это мнѣ сказалъ: „Вы, монахи, знаете монашество, да писать „не умѣете, а эти ученые писать умѣютъ, да монашества не „знаютъ, то-есть знаютъ по наукѣ, по наслышкѣ и то по „верхностию; въ этомъ имъ у васъ учиться.““

„Этимъ дѣломъ, полагалъ я, и окончится. Отъ себя отклонилъ я это и потому что никакъ не рѣшился бы писать по своему безграмотству; было бы и курамъ на смѣхъ что бы я за неаппищу нагородилъ; а къ тому же Муравьевъ былъ близокъ ко владыкѣ и откровененъ съ нимъ; этакъ что напиши я что-нибудь и дай ему, онъ того и гляди показалъ бы владыкѣ и могла бы изъ ничего выдти такая исторія что и съ головы бы ея не страсти.

„Муравьевъ сталъ приставать къ ректору Леониду, который тоже пришелъ въ затрудненіе и просилъ меня написать краткое изложеніе различія общежитій отъ штатныхъ монастырей и какъ преобразовалась Угрѣша въ общежитіе.

„— Вы, прошу васъ, не стѣсняйтесь ни выраженіемъ, ни правописаніемъ: нуженъ смыслъ и чтобы разобрать было можно, а литература тутъ не нужна... выправить послѣ того всегда можно будетъ.

„Пока я все еще собирался приняться за составленіе этой записки, ректоръ былъ посвященъ въ епископа и онъ сталъ мнѣ снова говорить о составленіи этой записки, и чтобы меня еще болѣе подвинуть къ скорѣйшему составленію сказалъ мнѣ что графъ Александръ Петровичъ Толстой, оберъ-прокуроръ Синода, очень расположенъ къ монашеству, и поговариваютъ о преобразованіи монастырей въ общежитія.

„Послѣ этого я медлить не сталъ, набросалъ на бумагу нѣсколько мыслей о различіи монастырей общежительныхъ отъ штатныхъ и о преобразованіи этихъ; велѣлъ переписать и отвезъ къ преосвященному. Что стало съ моею запиской, я не спрашивалъ, и послѣ того совершенно про нее позабылъ.

„Между тѣмъ произошла большія перемѣны: графъ Александръ Петровичъ Толстой отказался отъ должности обер-прокурора. Послѣ него былъ А. П. Ахматовъ и наконецъ графъ Д. А. Толстой, митрополитъ Филаретъ престоавился и его преемникомъ былъ назначенъ теперешній владыка (Инокентій), который на первыхъ порахъ высказался въ пользу общежитій, чему я не мало порадовался, потому что лока монастыри не преобразуютъ въ общежитія, монашество не можетъ быть вполне возстановлено.

„Вдругъ слышу что митрополитъ намѣревается представить въ Св. Синодъ записку объ общежитіяхъ, которая была дана кому-то графомъ Александромъ Петровичемъ Толстымъ и наконецъ попала въ руки владыки, и каково же было мое удивленіе когда я удостоверился что это именно моя записка, только, конечно, исправленная и нѣсколько измѣненная. Скажу о ней далѣе.

„Въ прѣздѣ свой на Угрьшу владыка много говорилъ объ общежитіяхъ и спрашивалъ мое мнѣніе. Я вполне ему высказался и въ подтвержденіе благотворнаго дѣйствія устава общежительнаго указалъ на Угрьшу. Тогда и владыка разказалъ слѣдующее про Иркутскій Вознесенскій монастырь, въ которомъ почиваютъ мощи первосвятителя Сибири, Инокентія.

„Монастырь этотъ былъ штатный: тамъ не было ни чина, ни порядка; братства мало, и то не было прилично одѣто: Въ такомъ положеніи онъ былъ въ концѣ 1850 годовъ. Когда же владыка ѣхалъ въ Москву въ 1868 году, то монастырь былъ уже совершенно въ иномъ видѣ: братіи человекъ до 70, все въ одинаковой одеждѣ, чинъ, порядокъ, благоуліе,—монастырь былъ неузнаваемъ. Я изумился и когда сталъ спрашивать преосвященнаго Паренія о такой перемѣнѣ въ столь короткое время, то-есть лѣтъ въ восемь или въ девять, то онъ отвѣтилъ что *монастырь во всей этой перемѣнѣ обязанъ учрежденію общежитія.*

„Средства обителя не увеличивались, мѣстныя условія ни мало не измѣнились и однако обитель обновилась. Причина такой перемѣны въ перемѣнѣ управленія и въ дѣйствіи устава общежительнаго: не столь важны вещественныя сами по себѣ, сколько нравственныя начала лежація въ основаніи монастыря общежительнаго и одинаково дѣйствующія въ мѣстностяхъ совершенно различныхъ.

„Какъ монастырь Угрѣшскій обязавъ своимъ обновленіемъ учрежденію общежитія, точно также и Вознесенскій Иркутскій: одинъ находится вблизи многолюдной и древней столицы, другой въ четырехъ верстахъ отъ Иркутска (почти въ двадцать разъ менѣе населеннаго противъ Москвы), слѣдовательно мѣстныя условія обоихъ монастырей совершенно различныя, но оба они (и Николо-Угрѣшскій и Вознесенскій) будучи *штатными* дошли до одинаковой степени общности и уладка и точно также оба возстали изъ развалинъ, обновились и благоустроились, когда были преобразованы и введенъ былъ въ нихъ уставъ общежительный.

„По прїездѣ моемъ въ Петербургъ, при первомъ моемъ свиданіи со владыкой, онъ мнѣ сказалъ:

„— А я вѣдь хлопочу объ общежитіи монастырей и хочу вмѣстѣ съ запиской подать въ Св. Синодъ свое объ этомъ мнѣніе: частно говорилъ со многими.

„Такъ какъ я зналъ что намѣстникъ отецъ Ювеналій былъ изъ Олтинскаго литовика, то основываясь на этомъ я былъ вполнѣ убѣжденъ что встрѣчу въ немъ большое сочувствіе къ уставу общежительному, но оказалось однако что я ошибся; онъ мнѣ сказалъ:

„— Вашъ митрополитъ, говорить, стоитъ за общежитіе... Это пожалуй вы наведете его на мысль всѣ монастыри сдѣлать общежитіями... Я слышалъ что онъ и то уже кое-кому сообщалъ объ этомъ намѣреніи.

„— Что же тутъ худаго, возразилъ я;—мнѣ казалось бы что тутъ вѣтъ ничего предосудительнаго; дай Богъ, я вижу въ этомъ только одно хорошее и полезное; то же скажетъ и всякій благонамѣренный человѣкъ...

„— Ну вѣтъ, я первый съ вами въ этомъ не буду согласенъ: развѣ общежитіе возможно вездѣ? Въ такомъ монастырѣ, напримѣръ, какъ нашъ, да и вообще во многихъ городскихъ, это немислимо...

„— Но вѣдь это однако было, замѣтилъ я.

„— Вы правду сказали что *это было*; точно было, но когда? Вотъ въ чемъ различіе... Не ослаблѣваю все превосходство устава общежительнаго, только теперь онъ *не современенъ*.

„— Потому, можетъ-быть, сказалъ я,—что мы не хотимъ привести въ жертву нашихъ мелочныхъ расчетовъ; мы внесемъ ихъ и туда гдѣ имъ вовсе не слѣдуетъ быть... Если мы не будемъ отступать отъ нашихъ обѣтовъ, тогда возможно будетъ и теперь то же что было прежде.

„— Съ этимъ и я согласенъ, это такъ, но *аллеголии сіе и малы досаждаютъ*, прибавилъ онъ съ полуулыбкой.

„Я продолжалъ:

„— Для настоятелей, какъ для лицъ начальствующихъ, могли бы сдѣлать исключенія предоставивъ имъ право пользоваться тѣмъ же чѣмъ они пользуются и теперь; также и другимъ въ некоторымъ лицамъ можно было бы выдавать определенное вознагражденіе на утѣшеніе. При введеніи повсемѣстно устава общежительнаго было бы въ монастыряхъ несравненно болѣе равновѣсія и менѣе бродяжничества изъ монастыря въ монастырь: къ чему было бы тогда и ходить съ мѣста на мѣсто, когда вездѣ одно и то же положеніе...

„— Тогда монастыри лишились бы казеннаго оклада или получаемого, замѣтилъ онъ.

„— Объ этомъ даже и говорить не стоить, то что придется на долю каждаго монастыря такая малость что, право, за этимъ гоняться нечего... Отыми казна что она выдаетъ теперь монастырямъ, они не упадутъ отъ этого, ежели только будетъ болѣе обращено вниманія на ихъ внутреннее устройство, на нравственность братіи... Это важнѣе всего.

„— То-есть цыными словами: *Ищите прежде царства Божіа, сіа же вса приложатся вамъ*; противъ этого кто же спорить можетъ?

„Хотя мы не соглашались другъ съ другомъ въ главномъ, то-есть въ необходимости ввести уставъ общежительный вездѣ, но мы скорѣе разсуждали чѣмъ спорили, и ни который изъ насъ не старался убѣдить другаго и заставить его думать по-своему; однако во многомъ отецъ намѣстникъ былъ одного со мною мнѣнія.

„Видно было что онъ доволенъ своимъ положеніемъ и своимъ монастыремъ; и избѣгая хлопотъ и ломки не одобрялъ повсемѣстное введеніе общежительства, а можетъ-быть также и то что полагавъ начало въ общежительномъ монастырѣ, онъ имѣлъ поводъ къ неудовольствію, и завоза навсегда остался въ его воспоминаніи. Мнѣ очень хотѣлось заставить его побольше высказаться, въ той надеждѣ что въ его личныхъ убѣжденіяхъ и соображеніяхъ я уловлю проблескъ мысли Съ. Самода, но мои ожиданія остались безъ успѣха, изъ чего я заключилъ что онъ или слишкомъ остороженъ и, зная мнѣнія высшихъ правительственныхъ лицъ, не высказываетъ что ему известно, или не говоритъ потому что и самъ объ этомъ знаетъ не болѣе моего.

„Своею личностію и обращеніемъ онъ произвелъ на меня весьма пріятное впечатлѣніе и видно что онъ монахъ. Онъ пошелъ провожать меня и при прощаніи сказалъ мнѣ весьма привѣтливо: *до свиданія*. Засидѣвшись у него, я нашелъ что идти осматривать Лавру было уже слишкомъ поздно и отложилъ это до слѣдующаго дня, намѣреваясь явиться и ко владыкѣ, что я не иначе могъ исполнить какъ утромъ.

„Вечеръ я окончилъ на Троицкомъ подворьѣ, досидѣвъ до девяти часовъ у секретаря владыки, съ которымъ имѣлъ нужду повидаться. Отъ него я узналъ что владыка уже отдалъ ему бумаги представленныя мною по утру (о покупке дома и объ исходатайствованіи лѣсной дачи) съ резолюціей согласною съ преосвященнымъ Леонидомъ.

„На слѣдующее утро я снова поѣхалъ въ Невскую Лавру пораньше, чтобы застать еще начало обѣдни, и пріѣхалъ въ благовѣсть, такъ что въ соборѣ читали еще часы. Я приложился къ рактъ съ мощами Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго, обошелъ и осмотрѣлъ всю церковь и послалъ кейника узнать, будетъ ли владыка принимать въ этотъ день, и узналъ что владыка уже принимаетъ. Я къ нему отправился. Зданіе въ которомъ покои митрополита весьма величественно и такъ же какъ и вся Лавра, начатая при императорѣ Петрѣ I и достроенная при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, должно полагать, судя по внѣшности, того же времени; говорятъ что пріемныя комнаты (которыхъ я не видалъ) сохранились въ своемъ первобытномъ видѣ. Владыка принималъ въ маленькой гостиной, которая не очень велика, но хороша; на немъ была коричневая ряса съ двумя звѣздами и бархатная камилавка; онъ стоялъ у стола, и когда послѣ моего поклона онъ благословилъ меня, то сдѣлавъ мнѣ нѣсколько вопросовъ: „Зачѣмъ я пріѣхалъ, гдѣ остановился, гдѣ наша обитель?“ и т. п. Опять благословилъ меня и тѣмъ кончилось мое ему представленіе. Вышедши отъ владыки, я пошелъ осматривать всю Лавру. По своей внѣшности и по расположенію всѣхъ построекъ и церквей она мало походитъ на монастырь и кажется скорѣе какимъ-нибудь обширнымъ казеннымъ заведеніемъ, кадетскимъ корпусомъ, больницей; казармами, институтомъ, но только не монастыремъ; по крайней мѣрѣ на меня сдѣлала она такое впечатлѣніе.

„Кладбище не находится въ чертѣ ограды самаго монастыря, а только какъ бы окаймляетъ его съ сѣверной стороны,

и дорогой ведущею въ монастырь раздѣляется на двѣ части, направо и налево—и обнесено не очень высокою каменною стѣной. Не нахожу его весьма обширнымъ, думаю что будетъ не болѣе трехъ десятковъ съ каждой стороны и на всемъ этомъ пространствѣ весьма густо и близко тѣснятся роскошные и пышные памятники одинъ къ другому. Я прошелся между рядами этихъ могилъ, читалъ имена и надписи на мраморѣ, гранитѣ и бронзѣ подъ гербами и княжескими и графскими коронами... Сколько уроковъ и назиданій для живущихъ ихъ потомковъ и родственниковъ въ однихъ только ихъ именахъ, ежели они захотятъ поразмыслить глядя на нихъ и вслушаться въ этотъ нѣмой, но живой языкъ олочившихъ. Много сильныхъ и славыныхъ земли погребено въ этомъ вертоградѣ смерти! Можетъ-быть посвѣщеніе многихъ изъ нихъ было торжествомъ и праздникомъ для Лавры: всѣ двери отверзты для нихъ, все склонялось предъ ними, смерть похитила ихъ, и прахъ ихъ не проникъ въ ограду, но смиренно покоится внѣ, у вратъ монастырскихъ! Про соборъ скажу что онъ очень хорошъ и величественъ снаружи, но когда войдешь въ него находишь что внутренность какъ-то пуста и мало соответствуетъ внѣшности и не представляетъ совершенно ничего монастырскаго. Въ этотъ же день я посѣтилъ графа С. Д. Шереметева, котораго не засталъ дома. Послѣ обѣда былъ у П. И. Саломона, сенатора, прежде того временно завѣдывавшаго дѣлами въ Святѣйшемъ Синодѣ, исправляя должность товарища оберъ-прокурора. Въ этотъ же вечеръ былъ я въ Воскресенскомъ женскомъ монастырѣ, который былъ прежде на томъ мѣстѣ гдѣ теперь Смольный Монастырь, основанный при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, а при Екатеринѣ совершенно упраздненный. Но блаженныя ламаты императоръ Николай Павловичъ возстановилъ этотъ монастырь подъ тѣмъ же названіемъ, на совершенно иномъ мѣстѣ, въ 1845 году, и для учрежденія вызвана была изъ Горлицкаго монастыря полагавшая тамъ начало при игуменіи Маврикіи монахиня Θεοφανія. Она была рожденная Щулепникова Александра Сергѣевна. Она родилась въ Солигалицкомъ уѣздѣ, въ имѣніи отца своего; воспитывалась въ Петербургскомъ Екатерининскомъ институтѣ и была лично извѣстна въ Бозѣ почившей императрицѣ Маріи Θεοδοоровнѣ, къ ней весьма благоволившей. Вышедши за генералъ-майора Готовцева, она прежде года послѣ замужества

овдовѣла и схоронивъ и единственную свою дочь въ младенчествѣ, чрезъ нѣсколько послѣ того лѣтъ вступила въ Горицкій монастырь, гдѣ прожила двадцать семь лѣтъ. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ, когда я бывалъ въ Горицкомъ монастырѣ, посѣщая моихъ сестеръ тамъ находившихся, я видалъ мать Теофанію. Ей было въ то время немного болѣе тридцати лѣтъ; она была высока, стройна, величава и лицомъ очень еще хороша. Игуменья Маврикія и всѣ сестры очень ее любили, уважали за ея примѣрную строгую жизнь и доброту, боялись ее и имѣли къ ней великое довѣріе. Когда ее вызвали въ Петербургъ для возобновленія монастыря, вся обитель плакала ее провожая, потому что во все время своего пребыванія въ монастырѣ она и словомъ никого не обидѣла, и потому оставила по себѣ самыя отрадныя воспоминанія, которыя и теперь еще по преданію сохраняются въ Горицкомъ монастырѣ. Съ нею вмѣстѣ выѣхало изъ монастыря нѣсколько монахинь, между прочими и та которая теперь настоятельница Воскресенскаго монастыря, игуменія Евстолія.

„Былъ уже вечеръ; я осмотрѣлъ только главный храмъ, весьма благолѣпный и содержимый съ удивительною чистотою, возможною только въ женскихъ обителяхъ, гдѣ болѣе усердія къ храму Божію чѣмъ въ нашихъ мужскихъ монастыряхъ; долженъ въ этомъ сознаться во обличеніе нашего нерадѣнія и лѣности. Между тѣмъ ударили ко всеобщему бѣдѣнію и я остался желая послушать пѣніе, намѣреваясь уѣхать послѣ каѳизмъ, но игуменія, узнавъ что въ церкви есть какой-то архимандритъ, прислала ко мнѣ одну изъ старыхъ монахинь предложить мнѣ пройти въ алтарь, гдѣ я нашелъ коверъ и стулъ для меня приготовленные. Послѣ всеобщей я пошелъ къ игуменіи, которой лично до тѣхъ поръ я не зналъ. Она чтитъ память своей предѣвственницы и этимъ внушаетъ къ себѣ еще большее уваженіе и хранитъ порядокъ при ней уставленный и, не стараясь выставлять своей личности, не говоритъ, какъ это часто бываетъ, что это сдѣлаю *я*, при *жнѣ*, а это завела, напротивъ того все больше говорила о матери Теофаніи, а не о себѣ. Она намѣревалась выстроить гостиницу при монастырѣ и спрашивала моего мнѣнія хорошо ли будетъ ежели она сдѣлаетъ два входа, одинъ снаружи, а другой на монастырь?

„Я не посовѣтовалъ ей дѣлать этихъ двухъ входовъ, потому

что входъ въ гостиницу съ монастыря могъ имѣть неблагопріятныя для него послѣдствія и сказалъ ей:—Имѣйте въ виду что изъ желанія угодить людямъ вы можете сдѣлать неудобное Богу.

„Чтобъ имѣть болѣе точное понятіе о монастырѣ я вторично посѣтилъ въ утреннее время и видѣлъ его во всѣхъ его подробностяхъ.

„Я пріѣхалъ къ преждеосвященной литургіи. Пѣніе превосходное.

„Весь монастырь совмѣщается въ одномъ весьма длинномъ трехэтажномъ зданіи, въ срединѣ котораго церковь почти квадратная, съ крышей шарообразною и съ большою, нѣсколько приплюснутою главой. Протяженность зданія не соответствуетъ вышинѣ, что при низменности церкви производитъ непріятный видъ. Церковь въ одной связи съ настоятельскими кельями, съ помѣщеніемъ сестеръ и со всѣми прочими принадлежностями монастыря. Внутренность весьма хороша и благолѣпна; есть хоры; расположеніе लोकоевъ и келій удобно, видно что все сдѣлано по образцу иноземныхъ женскихъ обителей.

„Съ восточной стороны монастыря весьма обширное пространство земли предназначенное для кладбища. Въ продолженіе моего десятидневнаго пребыванія въ Петербургѣ я былъ въ Петропавловской крѣпости, въ Смольномъ бывшемъ монастырѣ, въ Покровской Общинѣ и въ домикѣ Петра I. Въ Петропавловскую крѣпость я ѣздилъ по утру. Везли меня на Николаевскій мостъ и на Тучковъ ларкомъ, что мнѣ показалось очень далеко; прямо ѣхать было бы несравненно ближе, но вслѣдствіе дурной весенней дороги ѣзды не было.

„Когда мы стали подъѣзжать къ крѣпости, я началъ смотреть въ окно кареты ожидая увидѣть высокія стѣны, огромныя башни, рвы, цѣльные мосты, казематы и тому подобное... Спрашиваю извозчика: Да гдѣ же крѣпость?—А вотъ это-то и есть самая крѣпость, отвѣчалъ онъ.

„Вѣхали мы въ ворота; думаю: вѣрно внутри всѣ эти укрѣпленія и бастіоны которыхъ снаружи не видно.

„Вышелъ я изъ кареты, окинулъ глазами кругомъ,—тоже ничего особеннаго: въ срединѣ церковь, а нѣсколько поодаль раскинуты около нея не въ равномъ разстояніи небольшіе каменные домики, одноэтажные и въ два этажа, о трехъ и о пяти окнахъ, а кругомъ всего низменное одноэтажное зданіе

съ толстыми желѣзными рѣшетками въ окнахъ. Не зная я что нахожусь въ крѣпости, я подумалъ бы скорѣе что меня привезли въ монастырь и нахожу что внутренность двора Петролавловской крѣпости болѣе имѣеть сходства съ монастыремъ нежели внутренность Невской Лавры.

„Церковь одноэтажная, въ два свѣта, обширная, высокая, заложена Петромъ I въ 1712 году, была достроена чрезъ двадцать лѣтъ, при императрицѣ Аннѣ; но колокольня начата и довершена Петромъ I. Она имѣеть, говорятъ, болѣе тридцати сажень высоты и въ особенности замѣчательна тѣмъ что остроконечный ея шпиль почти равнялся ея высотѣ, что при первомъ взглядѣ поражаетъ своею необыкновенностію, и не скажу чтобы первое впечатлѣніе было пріятно, но потомъ глазъ свыкается съ этою несоразмѣрностію. Наружностію своею церковь очень наломиваетъ одинъ изъ прекрасныхъ московскихъ храмовъ—Никиты Мученика что въ Басманной, только конечно въ увеличенныхъ размѣрахъ. Иконостасъ весьма возвышенный, въ нѣсколько ярусовъ, внизу весь сплошной вызолоченный, прорѣзной, со множествомъ рѣзныхъ изображеній Апостоловъ, Ангеловъ, Херувимовъ, Серафимовъ, по золоту раздѣвленныхъ красками. Это придаетъ иконостасу видъ совершенно своеобразный и хотя онъ кажется оттого нѣсколько тяжеловатымъ, но при обширности и возвышенности храма въ цѣломъ эта необычность нравится.

„Но что всего болѣе привлекаетъ вниманія въ Петролавловской крѣпости и сильно поражаетъ каждаго—это царственныя гробницы, начиная съ Петра I все его императорское потомство, кромѣ Петра II, умершаго и погребеннаго въ Москвѣ...

„Всѣхъ гробницъ я насчиталъ двадцать шесть: съ правой стороны впереди лежатъ Петръ I и Екатерина I, а въ западномъ углу не помню чей-то одинокій памятникъ; а съ лѣвой стороны императоръ Павелъ и за нимъ его семейство. Гробницы бѣлая мраморныя съ осьмиконечнымъ крестомъ сверху и бронзовыми орлами по угламъ, и въ возглавіи бронзовая доска съ именемъ погребеннаго лица.

„На памятникъ императрицы Александры Феодоровны задохшіи лучекъ цвѣтовъ подъ стеклянною покрывшкою и засушенный вѣнокъ и цвѣты на гробницѣ Цесаревича Николая Александровича, тоже подъ стекломъ; безъ сомнѣнія какія-нибудь особыя воспоминанія.

„Нигдѣ ничтожество чловѣка не поражаетъ такъ какъ при видѣ этихъ царскихъ гробницъ: какъ велики, могучи и славны были тѣ чей прахъ покоится подъ этими мраморными плитами!

„По окончаніи литургіи, осмотрѣвъ въ подробностяхъ всю церковь и вышедъ, я увидѣлъ часоваго ходившаго взадъ и впередъ предъ однимъ изъ зданій и направился было къ нему съ намѣреніемъ спросить его нельзя ли посмотрѣть какой-нибудь казематъ, но едва я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ какъ онъ мнѣ крикнулъ чтобъ я не шелъ далѣе. Изъ этого я могъ лопать какъ строго наблюдаютъ за каждымъ постороннимъ.

„*Марта 24.* Я ѣздилъ къ министру Государственныхъ Имуществъ Александру Алексѣевичу Зеленому, къ которому писалъ письмо отъ преосвященнаго Леоніда, просившаго его содѣйствовать намъ въ исходатайствованіи лѣсной дачи для народнаго училища; но въ этотъ день былъ докладъ Государю, и я министра уже не засталъ дома. Отъ него я отправился къ товарищу министра Народнаго Просвѣщенія, Ивану Давыдовичу Делянову, живущему на Невскомъ Проспектѣ въ домѣ армянской церкви. Онъ женатъ на двоюродной внучкѣ извѣстнаго основателя Московскаго Лазаревскаго Института восточныхъ языковъ Ивана Лазаревича Лазарева (род. 1734, † 1801). Я остался весьма доволенъ его пріемомъ: безъ всякой напыщенности и мелочной слѣси, которою иногда вѣетъ отъ важныхъ сановниковъ, онъ обошелся со мною привѣтливо, любезно и уважительно, не ко мнѣ конечно, но къ духовному моему сану, несмотря на то что онъ даже и не нашего исповѣданія. Онъ обѣщался содѣйствовать намъ при исходатайствованіи лѣсной дачи для училища.

„Въ этотъ день я былъ у вечерни на Троицкомъ подворьѣ и послѣ того у владыки, который продержалъ меня довольно долго и много говорилъ со мною объ общежитіяхъ и сказалъ мнѣ что ту записку которую онъ требовалъ отъ меня объ учрежденіи вездѣ общежитій онъ показывалъ графу Толстому, оберъ-прокурору, и что она будетъ доложена.

„Владыка весьма подробно говорилъ о Іосифо-Волоколамскомъ монастырѣ, чтѣ сдѣлать, а такъ какъ настоятель оного и ветхъ и хилъ, то разсуждалъ совсѣмъ ли его смѣнить или дать ему помощника и сказалъ мнѣ что въ случаѣ преобра-

зованія этого монастыря потребуются люди и чтобы тогда я въ этомъ содѣйствовалъ и далъ бы отъ себя опытнаго человека, который могъ бы руководствовать при этомъ немаловажномъ преобразованіи. Владыка пригласилъ меня съ нимъ на завтра служить на подворьѣ.

„Марта 25, *Благовѣщеніе*. Служилъ со владыкой на подворьѣ, послѣ того онъ пригласилъ зайти къ нему напиться чаю, но оставался я у него не долго, такъ какъ онъ слѣдшилъ куда-то ѣхать, и простившись съ нимъ я зашелъ къ секретарю и, поговоривъ съ нимъ не долго, уѣхалъ.

„Въ этотъ день я по дѣламъ ни у кого не былъ и посѣтилъ только нѣкоторыхъ знакомыхъ.

„Марта 26. Приемъ у министра Государственныхъ Имуществъ начинается съ десяти часовъ. Выѣхавъ отъ себя въ началѣ десятаго, я вторично посѣтилъ Исакіевскій соборъ чтобы досмотрѣть днемъ то чего не видалъ въ первый разъ, когда было уже не довольно свѣтло. Въ этотъ разъ я осматривалъ всѣ три алтаря. Въ главномъ я обратилъ особое вниманіе на запрестольное изображеніе Христа Спасителя составленное изъ отдѣльныхъ небольшихъ стеколъ въ чугунномъ перелетѣ и вставленное въ среднее окно огромнаго размѣра; изображеніе прозрачное, по матовому фону весьма ярко художественно начертанное, можно назвать его мозаическою работою. Большая дарохранительница на подобіе храма, золоченая серебряная, а можетъ-быть и золотая, весьма изящной работы... Съ правой стороны главнаго алтаря предѣлъ благовѣрнаго князя Александра Невскаго, съ лѣвой—великомученицы Екатерины. Староста церковный мнѣ весьма любезно объяснялъ многое въ соборѣ; такъ онъ передалъ мнѣ что стоили нѣкоторыя части храма, онъ мнѣ сказывалъ что малахитовыя колонны обошлись по 70 тысячъ, лаписовыя по 90 тысячъ, царскія двери удивительно-художественной работы стоятъ 500 тысячъ, боковыя бронзовыя громадныхъ размѣровъ съ выуклыми бронзовыми изображеніями имѣютъ по 700 пудовъ. Но какъ ни хороши эти двери, онѣ портятъ весь соборъ, который и безъ того мраченъ, а онѣ его еще затемняютъ.

„Тихвинская икона Божіей Матери украшена драгоценною ризою, въ которой 17 фунтовъ вѣсу, въ дорогомъ золотомъ кіотѣ, который оцѣниваютъ въ 16 тысячъ.

„Но повторю что Исакиевскій соборъ своимъ великолѣпнѣмъ, богатствомъ и художествомъ производитъ впечатлѣннѣе на глаза, поражаетъ умъ и что все что видишь приводитъ въ разслабленность и мѣшаетъ человѣку сосредоточиться, войти въ себя и молиться съ тѣмъ усердїемъ и умилениемъ которое ощущается въ храмѣ не столь обширномъ и великолѣпномъ.“

„Къ 10 часамъ я послѣдовалъ къ министру А. А. Зеленому, живущему по близости отъ Исакиевского собора и дворца великой княгини Марїи Николаевны. Просителей было довольно. Въ одной изъ прїемныхъ комнатъ множество большихъ тропическихъ растений, разставленныхъ весьма искусно у оконъ и по угламъ. Въ одномъ окнѣ стеклянный порядочной величины водоемъ съ рыбками и разными водяными животными. Видя что другіе просители кто ходитъ, кто сидитъ, я подошелъ къ акварію и сталъ разсматривать. Ко мнѣ подошелъ чиновникъ и спросивъ мое имя пошелъ доложить обо мнѣ министру и возвратившись сказалъ: „Не угодно ли присѣсть; генералъ скоро приметъ“.

„Я сѣлъ, и минутъ черезъ пять отворилась дверь, изъ которой выглянула голова министра, который сказалъ: „Не угодно ли войти“. Я вошелъ въ полуоткрытую дверь. Онъ принялъ отъ меня благословеніе, сѣлъ на диванъ и указалъ мнѣ на кресло.“

„Я сказалъ ему что преосвященный Леонидъ ему кланяется, посылаетъ благословеніе и поручилъ мнѣ лично передать ему письмо, которое ему и подалъ. Прочитавъ письмо онъ спросилъ меня:

„— Вы настоятель? Вы имѣете ли монастырѣ землю?“

„Я отвѣчалъ что въ 1867 году монастырь получилъ 136 десятинъ, а теперь бы желалъ ходатайствовать о дарованіи лѣсной дачи для монастырскаго народнаго училища.“

„— Это превышаетъ мою власть и самъ по себѣ сдѣлать этого не могу, и потому не могу вамъ и слова дать что это будетъ непременно сдѣлано, но повѣдаюсь съ оберъ-прокуроромъ, переговорю и долженъ буду представить на Высочайшее благоусмотрѣніе.. Все что могу сдѣлать, постараюсь, это вамъ обѣщаю для общепользнаго и добраго дѣла.“

„Отъ министра я поѣхалъ на Васильевскій Островъ, на Смоленское поле, въ Покровскую Общину сестеръ милосердія, учрежденную игуменіей Серпуховскаго Владычнаго монастыря“

Митрофаніей. Оканчивались часы и должна была начаться преждеосвященная литургія. Я вошелъ въ алтарь, гдѣ и простоялъ во все время службы. Пѣли сестры милосердія и весьма хорошо; пономарскую должность исправлялъ мальчикъ лѣтъ восьми, а двумъ мальчикамъ выходившимъ со свѣчами въ рубашечкахъ было лѣтъ по шести, я думаю не болѣе. Община эта на краю города на очень обширномъ мѣстѣ обнесенномъ деревянными заборами; посрединѣ возвышается храмъ не очень большой, но прекрасной архитектуры; всѣ зданія заведенія въ связи съ церковью. Иконостасъ совершенно необыкновенный,—лаковый и расписанный на подобіе простыхъ деревянныхъ чашекъ.

„Игуменія Митрофанія, въ міру Параскева Григорьевна Розень (дочь кавказскаго генераль-губернатора барона Григорія Владиміровича, женатаго на Елизаветѣ Дмитріевнѣ Зубовой), была фрейлиной Императрицы Александры Фодоровны. Лишившись своего отца и матери, вступила въ монашество въ Московскій Алексѣевскій монастырь, при игуменіи Паисіи; въ послѣдствіи она перешла въ Серлуховъ, во Владычній монастырь, гдѣ была пострижена, а по времени была сдѣлана игуменіей *.

* Объ игуменіи Митрофаніи, вслѣдствіе несчастнаго дѣла въ которѣ она была влутана, различныя мнѣнія: одни ее обвиняютъ въ подлогѣ, въ вымогательствѣ денегъ чрезъ обѣщаніе протекціи, концессій и т. п., другіе ее отчасти оправдываютъ и обвиняютъ ея судей, которые воспользовались случаемъ и не столько пресѣдовали ее личность сколько старались уронить *принципы* (духовность и монашество) во всеобщемъ мнѣніи. Есть доля истины и въ томъ и въ другомъ мнѣніи: при своемъ быстромъ, дѣятельномъ и далеко не дюжинномъ умѣ, мать Митрофанія увлеклась далеко и перешла за границы благоразумной умѣренности при исполненіи своихъ обширныхъ плановъ и предпріятій и, разчитывая на успѣхъ и плоды своихъ трудовъ, она слишкомъ легко поддавалась соблазну пользоваться довѣріемъ людей которые искали ея покровительства, и не встрѣчая своевременно контроля въ своихъ дѣйствіяхъ со стороны высшихъ лицъ духовнаго начальства, она неосторожно и самонадѣянно все болѣе и болѣе себя запутывала, пока обстоятельства не поставили ея въ совершенный тупикъ и не раскрылись ея злоупотребленія. Тогда тѣ лица которыя ей помогали и содѣйствовали, вида безвыходность ея положенія и желая сложить съ себя отвѣтственность за то что слишкомъ много ей довѣрили, отъ нея отступились и выдали ее на позорный судъ. Когда ей нужна была

„По окончаніи обѣды игуменія подошла ко мнѣ и повела меня по всему заведенію. Внутренность расположена весьма удобно и удачно. Дѣтей было тогда до ста семидесяти старшаго возраста и младшаго. Въ одномъ отдѣленіи грудные младенцы съ ихъ кормилицами и няньками, всѣ одѣты весьма прилично. Въ другомъ отдѣленіи дѣти лѣтъ восьми; они пролѣли „Символъ вѣры“ и еще какое-то духовное стихотвореніе, весьма длинное и для слуха пріятное; жалѣю что не спросилъ какъ оно называется. Для дѣтей сдѣлана деревянная гора съ которой они катаются. Въ рухлядой палатѣ въ большихъ шкафахъ за мѣдною сѣткою вмѣсто стеколь хранится бѣлье и одежда дѣтей. На каждаго ребенка 11 перемѣнъ бѣлья и все разнаго цвѣта. Слѣдовательно на 170 человекъ безъ малаго двѣ тысячи рубашекъ.

„Все заведеніе вообщемъ мнѣ весьма понравилось, я порадо-

твердая опора, она ее не нашла ни въ комъ и оттого нравственно погибла жертвой собственнаго небагоразумія и слабодушной уклончивости ея соучастниковъ. Нельзя оправдать ея дѣйствія (хотя и для достиженія благой цѣли), но нельзя и не обвинить тѣхъ которые, выдавая ее на судъ, далеко и сами не правы чрезмѣрнымъ довѣріемъ и чрезмѣрною своею уклончивостію. Есть такіа обстоятельства въ дѣлахъ *духовныхъ*, точно также и въ *политическихъ* (что теперь наконецъ опытъ и доказалъ) которыя требуютъ тщательнаго разбирательства, не возмущая умы, не посягая на свободу совѣсти во всеобщемъ мнѣніи и не предоставляя судіямъ права подъ прикрытіемъ закона глумиться надъ духовнымъ саномъ, который не всегда возможно отдѣлать отъ личности обвиняемаго, такъ какъ не всѣ поймутъ или захотятъ понять что проступокъ или преступленіе совершенное лицомъ не возится позорнымъ каеимомъ на такое сословіе которое ни въ какомъ случаѣ не должно быть ни опозориваемо, ни унижаемо во всеобщемъ мнѣніи. Не ради пристрастія къ лицу матери Митрофаніи требовалось въ дѣлѣ Серпуховской игуменьи судопроизводство при закрытыхъ дверяхъ, но потому что ея дѣйствія (предосудительныя сами по себѣ и заслуживавшія наказанія) подали поводъ гражданскому суду при осужденіи духовной сановницы или разсматривать дѣйствія лицъ высшаго духовенства, не подсуднаго свѣтскому суду, или, умалчивая о нихъ и устраняя, всю тягость вины возложить на одно лицо обвиненной... Желательно чтобы несчастные случаи подобныя дѣлу матери Митрофаніи не повторялись, но не менѣе желательно то чтобы свѣтская власть въ дѣлахъ касавшихся духовенства дѣйствовала безпристрастно и несравненно осторожнѣе. *Дет.*

вался такому хорошему устройству и сожалѣлъ иугуменію чтобъ оно утвердилось и осталось въ такомъ же видѣ какъ теперь.

Въ этотъ же день въ четвертомъ часу пополудни я отправилса въ Сергіевскую пустынь что на Петергофской дорогѣ, и прибылъ туда въ пять часовъ. Меня привезли прямо въ слободу, потому что монастырская гостиница въ предыдущее лѣто сгорѣла и не была еще отстроена. Я пошелъ изъ слободы лѣшкомъ, и вошелъ въ церковь, гдѣ шло повечеріе. Пѣнія было немного, и настоящаго себѣ о немъ понятія я составить не могъ. По окончаніи службы я разспросилъ какъ мнѣ пройти къ архимандриту, и вышедши изъ церкви направилса къ его кельямъ. Въ одно время со мною подошелъ къ крыльцу еще какой-то монахъ въ бѣличьей расѣ и съ тростью въ рукѣ; я не зналъ кто это, и, думая не пріѣзжій ли какъ и я, спросилъ его:

„— Вы, батюшка, здѣшній?

„— Да, отвѣтилъ онъ,—здѣшній.

„Тогда я снова ему сдѣлалъ вопросъ:

„— Сюда ли я иду? Мнѣ къ отцу архимандриту нужно.

„Но онъ вмѣсто того чтобы мнѣ отвѣтить самъ спросилъ меня:

„— А вы, батюшка, откуда?

„— Изъ Москвы, съ Угрѣши.

„— Такъ стало-быть вы отецъ Пименъ, воскликнулъ онъ,— я все представлялъ себѣ что вы толсты и высокаго роста, а выходитъ что вы вовсе малевькій.

„Это былъ отецъ Игнатій, архимандритъ и Сергіевскій настоятель; онъ роста средняго какъ и я, пріятной наружности, привѣтливый и общительный. Онъ петербургскій уроженецъ, изъ купечества, по прозванію Макаровъ; полагалъ начало въ Сергіевской пустыни, при архимандритѣ Игнатіи Брянчаниновѣ, и прошелъ всѣ монастырскія послушанія, а когда тотъ былъ сдѣланъ (въ 1858 году) епископомъ Кавказскимъ и Черноморскимъ, онъ былъ уже достаточно подготовленъ къ высшей должности, и занялъ его мѣсто; ему лѣтъ около 60. Вмѣстѣ съ нимъ, въ монастырь вступили и два брата его, одинъ былъ схимонахомъ и весьма строгой жизни, и другой тоже былъ почтенный старецъ, и оба помощниками брату, теперь ни того ни другаго нѣтъ въ живыхъ. Много хорошаго слышалъ я объ отцѣ Моисѣѣ.

„Вошедши въ келіи мы сѣли на балконѣ въ стеклянномъ фонарѣ, гдѣ пили чай и бесѣдовали объ общихъ для обоихъ занимательныхъ вопросахъ касающихся монастыря. Потомъ отецъ Игнатій предложилъ поводить меня по монастырю пока еще свѣтло и показать мнѣ всѣ церкви, которыя между тѣмъ велѣлъ отпереть.

„Соборная Троицкая, время императрицы Елисаветы Петровны, кажется самая старинная изъ существующихъ въ Сергіевской пустыни; она посредиѣ монастыря и сохранилась почти безъ измѣненій. Въ алтарѣ залестольная икона или правильнѣе картина—изображеніе Святыя Троицы, работы извѣстнаго художника Брюлова, при всей даровитости прославленнаго мастера мнѣ не слишкомъ понравилась, я нашелъ что въ ней мало *божественности* и слишкомъ много земнаго и человѣческаго; не берусь судить о самой художественности, но говорю о впечатлѣніи которое она произвела на меня.

„Кочубеевская церковь, теплая, весьма хорошая, также и Кущелевская; которая-то изъ нихъ стоила до 300 тысячъ рублей, это семейныя усыпальницы. Въ Воскресевской также погребаются: весь полъ устланъ чугуными плитами, нѣкоторыя просто узорныя, а другія съ именами лицъ подъ ними положенныхъ. Все пространство начиная отъ входной двери и до соеи разгорожено (подъ плитами) на могилы заранѣе приготовленныя и выложенныя. Надъ святыми воротами церковь, кажется во Имя Св. Саввы, не была еще тогда освящена. Въ инвалидной богадѣльнѣ устроенной на иждивеніе графовъ Зубовыхъ церковь во имя мученика Валеріана. Кромѣ того, есть еще двѣ церкви со склепами, не припомню во имя кого. Хороши склепы Нарышкиныхъ и Полторацкихъ, но въ особенности замѣчательна усыпальница семейства принца Ольденбургскаго: она въ видѣ длиннаго стекляннаго фонаря, на подобіе тѣхъ которые бываютъ при оранжереяхъ, и вся наполнена цвѣтами и растеніями. Эту особенность должно объяснить себѣ тѣмъ что не будучи греко-россійскаго исповѣданія, члены герцогскаго дома, хотя они состоятъ въ близкомъ родствѣ съ Императоромъ Всероссійскимъ, не могутъ быть погребаемы въ Петропавловскомъ, ни имѣть усыпальницу въ которомъ либо изъ храмовъ монастыря, то сооруженъ надъ тѣлами ихъ склепъ, совершенно отличный отъ всѣхъ прочихъ. Въ связи съ настоятельскими келіями и съ трапезой прекрасная церковь на подобіе базилики.

„Пока мы ходили уже стемнѣло. Вечеромъ былъ у архимандрита въ гостяхъ князь Суворовъ, а послѣ того пришелъ схимонахъ отецъ Михаилъ Чихачевъ, съ которымъ вмѣстѣ были мы нѣкоторое время послушниками въ Новозерскомъ монастырѣ въ 1833 году. Тогда ему было около 22 лѣтъ; въ послѣдствіи онъ перешелъ въ Лопотовъ Пельшемскій монастырь, къ другу своему, соученику и сослуживцу, отцу Игнатію Брянчанцову, онъ вмѣстѣ съ нимъ послѣдовалъ и въ Сергіевскую пустынь. Здѣсь онъ былъ постриженъ и названъ Мисаиломъ. Онъ священства не желалъ и не принималъ никакихъ видныхъ должностей. Онъ ведетъ жизнь уединенную и воздержную, какъ теперь такъ и прежде, и всегда вездѣ гдѣ ни былъ всѣми былъ любимъ и уважаемъ за привѣтливость и общительность. Единственный его недостатокъ, впрочемъ не отъ него зависящій и происходящій отъ природныхъ слобностей, это слабость характера и неимѣніе собственного мнѣнія и своего сужденія, почему и въ старческихъ лѣтахъ онъ остается въ этомъ отношеніи совершенный младенецъ. Тенерешній отецъ архимандритъ постригъ его въ великій ангельскій образъ, въ схиму, съ возвращеніемъ ему прежняго мірскаго имени Михаила. Такъ онъ почти уже сорокъ лѣтъ живетъ въ одномъ монастырѣ ничего не желая и ничего не добываясь: истинно великая заслуга.*

„Не видавшись болѣе тридцати лати лѣтъ мы очень другъ другу обрадовались и съ удовольствіемъ и вмѣстѣ съ грустію вспоминали о прошедшемъ...

„Отецъ архимандритъ показывалъ мнѣ иконы своей живописи, нѣкоторыя мнѣ весьма понравились, онъ имѣетъ замѣчательный даръ какъ живописецъ, и кромѣ того вечеромъ пожелалъ прочесть мнѣ и узнать мнѣніе на счетъ имъ написаннаго, именно: 1) о театрахъ, 2) о телерешнемъ состояніи монашества сравнительно съ бѣлымъ духовенствомъ и 3) о Валаамскомъ монастырѣ.

„Переночевавъ въ келіяхъ архимандрита, я на слѣдующее утро еще походилъ съ нимъ по монастырю и побывавъ въ церкви собирався въ обратный путь, но онъ не хотѣлъ отлучить не угостивъ меня трапезой, что замедлило мой отъѣздъ, такъ что въ Петербургъ я возвратился уже часу

* Схимонахъ Михаилъ Чихачевъ, въ міру Михаилъ Васильевичъ, скончался въ 1873 году. См. Га. I. § II.

въ лятѣ. О посѣщеніи мною этой пустыни я сохранилъ пріятное воспоминаніе, какъ о радушномъ приѣмѣ такъ и всемъ что я тамъ видѣлъ изящнаго и великолѣпнаго.

„Весьма жалѣю что не могу составить себѣ надлежащаго понятія о мѣстности монастыря, такъ какъ вездѣ еще лежалъ снѣгъ. Очень хотѣлось мнѣ посмотреть на море, котораго я не видывалъ. Одно меня весьма удивило: ни отъ кого я не слыхивалъ что въ Сергіевской пустынѣ нѣтъ ограды, а только невысокая гравитная аршина въ два вышины изгородь и то съ одной только стороны... Знаю что есть у насъ въ Россіи монастыри и видаль я ихъ у себя на родинѣ въ Вологодской губерніи, гдѣ нѣтъ ограды, но на то есть причины и совершенно иныя мѣстныя условія. Такъ напримѣръ Спасо-каменный монастырь не имѣющій ограды,—но отъ чего? Оттого что онъ на небольшомъ островѣ, который среди обширнаго озера, и материкъ разстояніемъ отъ монастыря въ 4, въ 8, въ 20 и въ 40 верстахъ. Понятно что при такомъ положеніи нѣтъ нужды монастырю въ оградѣ, и со всѣмъ тѣмъ однакоже это отсутствіе ощутительно въ зимнее время. Говорю это не въ укоризну Сергіевской пустыни (въ которой это отсутствіе ограды мнѣ только и не понравилось), но потому что наша мысль искови сроднилась съ оградой какъ необходимымъ условіемъ монастыря. Я полагаю что если и въ древнія и отдаленныя отъ насъ времена, когда монашество изобиловало строгими подвижниками и великими старцами, которые создавая свои обители въ мѣстахъ безлюдныхъ, среди непроходимыхъ дебрей, отдаленныхъ отъ обиталищъ человѣческихъ все-таки почитали необходимымъ ограждать себя олатомъ вещественнымъ отъ соблазновъ житейскихъ, намъ ли при испорченности нашихъ нравовъ и при совершенномъ несходствѣ монастырскаго быта съ мірскимъ, и еще въ самой лучшей суеты и молвы житейской, самонадѣянно пренебрегать предосторожностями признанными на самомъ опытѣ какъ существенная потребность монашества, залечатлѣнными давностию времени? Великіе старцы, которыхъ воля была надежнѣе всякихъ оградъ, не довѣряя себѣ или младшимъ своимъ братьямъ, не почитали себя въ безопасности безъ ограды,—намъ ли самонадѣянно и безразсудно подвергать себя соблазнамъ и искушеніямъ... Не похваляю и не извиняю подобной олаомости и неумѣстной довѣрчивости, которыя могутъ оказаться

не безвредными при совершенной смежности Стрѣльни и ея безчисленныхъ дачъ съ монастырскимъ кладбищемъ Сергіевской пустыни.

„Марта 28го. Въ этотъ день я расположился любоваться въ Зимнемъ Дворцѣ у Д. С. Арсеньева, къ которому имѣлъ письмо отъ преосвященнаго Леонида. Я отправился въ десять часовъ утра къ Салтыковскому подъезду; обо мнѣ доложили Дмитрію Сергіевичу Арсеньеву (состоящему воспитателемъ при младшихъ Великихъ Князьяхъ Сергія и Павла Александровичахъ). Лично я его не зналъ и видѣлъ его въ первый разъ: на видъ ему не болѣе 24 или 25 лѣтъ, но вѣроятно онъ только моложавъ, а въ дѣйствительности ему много болѣе; его лицо самое пріятное и привлекательное, и вообще наружность представительная.

„Я передалъ ему письмо отъ преосвященнаго; онъ прочиталъ его, весьма любезно извинился что будучи занятъ съ Великими Князьями не можетъ со мною быть долго, но предложилъ мнѣ вторично пріѣхать часамъ къ двѣнадцати, когда Великіе Князья завтракаютъ и когда онъ свободнѣе, и прибавилъ что тогда я могу имѣть случай видѣть и Великаго Князя Сергія Александровича, ежели я того пожелаю.

„Чтобы не слишкомъ отдаляться отъ Дворца, я поѣхалъ въ Казанскій соборъ и, постоявъ тамъ у обѣдни, возвратился во Дворецъ къ двѣнадцати часамъ.

„Зная уже какъ пройти къ Арсеньеву, я добрался до него безъ провожатаго и вошелъ въ ту комнату гдѣ уже былъ усѣлся дожидаться на диванѣ. Прошло съ четверть часа, все было совершенно тихо, вдругъ слышу дѣтскіе голоса и въ комнату бѣжали два мальчика, одинъ лѣтъ семи, въ красной шелковой рубашкѣ бѣжалъ впереди и промелькнулъ мимо меня не останавливаясь, а за нимъ бѣжавшій, года на три постарше, въ курточкѣ, увидѣвъ меня, остановился и, сдѣлавъ мнѣ поклонъ, продолжалъ договать младшаго. Вслѣдъ за ними шелъ бѣлокурый молодой человекъ весьма привлекательной наружности, въ военномъ мундирѣ съ серебряными эксельбантами; онъ тоже, вида меня, пріостановился, сдѣлавъ мнѣ поклонъ и прошелъ далѣе. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того вышелъ ко мнѣ изъ противоположной двери Арсеньевъ и съ нимъ пробѣжавшій мальчикъ въ курточкѣ, — оказалось что это Великій Князь, и Арсеньевъ сказалъ мнѣ: „Вотъ, отецъ архимандритъ, это Великій Князь Сергія

Александровичъ, такъ извольте же сами передать Его Высочеству поклонъ отъ преосвященнаго“, что я исполнилъ и благословилъ его..

„Мы прошли въ слѣдующую комнату, довольно просторную, о трехъ окнахъ, которыя выходятъ на площадь. Я окинулъ комнату взглядомъ: стѣны безъ обоевъ, просто выкрашены однимъ цвѣтомъ; мебель краснаго дерева, но не то чтобы прежняя, а какъ видно новѣйшаго времени, обитая ситцемъ съ крупными разводами; посреди комнаты накрытый столъ съ приготовленнымъ завтракомъ—жареный картофель, грибы, бѣлый круглый хлѣбъ и еще что-то, но все весьма простое, незатѣливое, и ничего рыбнаго. Я душевно парадовался, видя что съ юныхъ лѣтъ дѣти царскія приучаются къ соблюденію правилъ святой церкви.

„Нѣсколько ближе къ двери стоялъ тотъ молодой военный который прошелъ мимо меня. Арсеньевъ вполголоса подсказалъ мнѣ: „Великій Князь Алексій Александровичъ“ и подвелъ меня къ нему. Великій Князь принялъ отъ меня благословеніе, мы поцѣловались рука въ руку, и послѣ того онъ мнѣ сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ: „Изъ Москвы ли я? Давно ли пріѣхалъ, долго ли пробуду и по дѣламъ ли?“ И наконецъ спросилъ еще: „Вы каждый годъ бываете здѣсь?“ Я отвѣчалъ: „Напротивъ, Ваше Императорское Высочество, а здѣсь въ первый разъ, и нуженъ было особый случай чтобъ я пріѣхалъ“. Потомъ Великій Князь обратился къ какимъ-то двумъ мужчинамъ въ черныхъ фракахъ стоявшимъ возлѣ него и продолжалъ на иностранномъ языкѣ, кажется на французскомъ, прерванный для меня съ ними разговоръ.

„Великій Князь Сергій Александровичъ сѣлъ на диванъ; Арсеньевъ указалъ мнѣ на кресло возлѣ него, дѣлая знакъ чтобъ и я сѣлъ. Великій Князь сказалъ мнѣ: „Прошу васъ поклонитесь и отъ меня преосвященному и просите его благословенія“.

„Арсеньевъ спросилъ у Великаго Князя:

„— Помните ли вы, какъ вы были на Угрьшъ?

„Онъ отвѣчалъ: „нѣтъ, не помню“.

„И Арсеньевъ сталъ у меня разспрашивать о нашемъ монастырѣ: давно ли онъ существуетъ, и разныя иныя подробности; и такъ разговоръ нашъ продолжался минутъ съ десять, во все время Великій Князь молчалъ и весьма внимательно слушалъ; потомъ взялъ со стола возлѣ котораго мы сѣдѣли

лежавшую на немъ свою карточку и передалъ ее Арсеньеву, который мнѣ ее подаль, прибавивъ: „Передайте преосвященному Леониду что Великій Князь ему кланяется, посылаетъ ему свою карточку, благодарить за память и просить благословенія“. Я всталъ и былъ въ вѣрѣшности подойти ли мнѣ олять къ Великимъ Князьямъ, или просто поклониться, но они сами вывели меня изъ затрудненія, вторично подошедъ подъ благословеніе; а потомъ Арсеньевъ и двое мушинъ въ черныхъ фракахъ со мною вѣжливо раскланялись; кажется это были два иностранца, по крайней мѣрѣ, судя по наружности, а такое составилъ себѣ о нихъ понятіе.

„Младшаго Великаго Князя Павла Александровича я не видалъ; онъ не показался послѣ того какъ пробѣжалъ.

„Въ этотъ же день я услѣлъ вторично побывать у графа С. Д. Шереметева, познакомившаго меня съ его милою молодою графиней, * и былъ у Татьяны Борисовны Потемкиной, къ которой имѣлъ письмо отъ преосвященнаго Леонида.

„Домъ Потемкиныхъ выходитъ главнымъ фасадомъ на Миліонную улицу и своею наружностію нисколько не хорошъ: мраченъ, сторообразенъ и не обѣщаетъ того что внутри, гдѣ также все старо, потому что домъ остался въ томъ видѣ какъ былъ отдѣланъ въ царствованіе императора Александра I, около 1820 годовъ. Но при всей своей устарѣлости и отчасти поблеклости съ перваго взгляда поражаетъ отпечаткомъ вельможественности и устарѣлой роскоши, къ которой видно что хозяева привыкли, которою они дорожатъ и не считаютъ нужнымъ замѣнять новизною. Татьяна Борисовна, урожденная княжна Голицына (дочь князя Бориса Андреевича, женатаго на княжнѣ Грузинской, сестрѣ извѣстнаго князя Георгія Александровича, которому принадлежало Лысково подъ Нижнимъ Новгородомъ), была одна изъ наиболѣе приближенныхъ особъ къ покойной императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ. Весьма уважаемая дворомъ, всѣмъ городомъ и всѣмъ духовенствомъ, заслужила всеобщее расположеніе и можно сказать благоговѣніе, она за свое благочестіе и всегдашнюю неутомимую готовность оказывать свое покровительство

* Графиня Екатерина Павловна, рожденная княжна Ваземская, дочь князя Павла Петровича и Маріи Аркадіевны Столыпиной (въ первомъ бракѣ за Бекъ) и внука извѣстнаго писателя князя Петра Андреевича Ваземскаго, женатаго на княжнѣ Вѣрѣ Феодоровнѣ Гагаринѣ.

и услуги вѣсѣмъ и каждому кто къ ней только ни обращался за помощію, помогая и словомъ и дѣломъ. Въ особенности она благоволила къ духовенству и монашеству.

„Ея усердію и благочестію обязаны своимъ возобновленіемъ Святгорскій Успенскій монастырь, находящійся въ Изюмскомъ уѣздѣ, въ имѣніи ея мужа. Монастырь этотъ, основанный неизвѣстно кѣмъ, въ первой половинѣ XVII вѣка, существовалъ около полутораста лѣтъ, пока не былъ упраздненъ при императрицѣ Екатеринѣ, въ 1780 годахъ, по просьбѣ любимца ея, свѣтлѣйшаго князя Потемкина Таврическаго, которому были пожалованы земли прилегавшія къ этому монастырю, чего ради онъ и просилъ о его упраздненіи, желая воспользоваться монастырскими владѣніями. Татьяна Борисовна это знала и ея совѣсть не мирилась съ мыслию что ея мужъ владѣетъ землями отнятыми у монастыря, который для того и былъ упраздненъ, и уговорила его монастырь возобновить, что по ихъ ходатайству и было Св. Синодомъ дозволено и Высочайше утверждено въ началѣ 1840 годовъ. Монастырь открытъ на общежительныхъ правахъ, обезпеченъ Потемкинымъ и называется Святгорско-Успенскою пустынею, и благодаря ихъ щедротамъ находится, говорятъ, въ цвѣтущемъ положеніи.

„Потемкина вышла меня встрѣтить въ первую комнату и повела меня къ себѣ въ кабинетъ. Я отдалъ ей письмо преосвященнаго, онъ увѣдомлялъ ее о какомъ-то дѣлѣ о которомъ она его просила, принимая въ ономъ участіе. Потомъ она стала расспрашивать меня, изъ какого я монастыря—и когда я отвѣтилъ ей что съ Угрѣши, она мнѣ сказала весьма любезно:—Такъ вы изъ того прекраснаго монастыря о которомъ я столько слышала? Я тамъ никогда не бывала, но надѣюсь что когда-нибудь побываю.

„Изо всѣхъ вопросовъ которые она мнѣ дѣлала можно было видѣть что она хорошо знакома со внутреннимъ бытомъ монастырей. Ей было лѣтъ около шестидесяти; видны остатки прежней красоты; она высока, стройна, худоцава; одѣта весьма просто и безъ подражанія модѣ, а по-своему, какъ ей удобно; въ обращеніи безо всякаго напыщеннаго чванства, весьма привѣтлива; но при всей ея простотѣ въ обращеніи чувствовалось кто и что она: *отъ нея вѣяло большою барыней*. Не припомню въ который изъ дней я былъ еще у одной петербургской старушки, тоже съ письмомъ отъ преосвященнаго,—

у графини Пелагеи Васильевны Муравьевой, жены извѣстнаго графа Михаила Николаевича, бывшаго виленакаго генералъ - губернатора, скоропостижно умершаго въ 1866 году, что подало поводъ къ разнымъ толкамъ о его кончинѣ. Домъ Муравьевыхъ на Сергѣевской улицѣ, которая почитается одною изъ самыхъ барственныхъ: почти всѣ дома заняты самими владѣльцами и какъ на другихъ улицахъ рѣдко встрѣтишь домъ безъ лавокъ и выѣсокъ, такъ на этой почти ихъ не увидишь; дома все барскіе, особняки, не очень большіе и скорѣе похожіе на московскіе чѣмъ на петербургскіе.

„Меня сперва принялъ одинъ изъ сыновей графини въ своемъ кабинетѣ, а потомъ провелъ къ своей матушкѣ. Она очень милая, ласковая и пріятливая старушка, весьма небольшого роста; коротко знакома съ министромъ Зеленымъ, къ которому писала насчетъ дѣсной дачи, и думаю что ея ходатайство было не безуспѣшно.

„Будучи послѣ этого у одного изъ знакомыхъ въ гостяхъ я сказалъ ему что имѣю дѣло къ министру, къ которому у меня и письмо отъ преосвященнаго; но онъ у меня спросилъ:

„— А есть ли у васъ какая-нибудь барыня-ворожея которая бы министру *напоминала* и *докучала*?“

„— Да развѣ это нужно? сказалъ я.

„— Необходимо, безъ нихъ дѣло не обойдется, и ежели не имѣете никого изъ знатныхъ барынь, что бы министры ни общали вамъ ничего не выйдетъ изъ этого: они забываютъ при множествѣ дѣлъ...

„Тогда я сказалъ что былъ у графини Муравьевой и что она обѣщала замолвить слово и хотѣла написать записку.

„— Ну вотъ это другое дѣло, ея слово *съско*, а записочка полновѣснѣе всякаго прошенія... Теперь могу васъ поздравить съ успѣхомъ.

„Графиня водила меня въ кабинетъ покойнаго графа и показывала мнѣ много любопытнаго: разныя достопамятности, альбомы и подарки, которые были ему поднесены отъ разныхъ лицъ и подчиненныхъ въ Вильнѣ.

„*Марта 30.* Я вторично служилъ на Троицкомъ подворьѣ, но только не со владыкой въ этотъ разъ, а съ преосвященнымъ Василиемъ, бывшимъ Полоцкимъ и засѣдающимъ теперь въ Св. Синодѣ. Онъ небольшого роста, сѣденькій и весьма благообразный старичекъ; чувствуешь въ его выговорѣ

что-то малороссійское, не то бѣлорусское. Онъ имѣеть Св. Владимира 14 степеня и Александра Невскаго съ алмазами.

„Послѣ литургіи мы прошли ко владыкѣ пить чай. Тутъ былъ Аскоченскій, редакторъ *Домашней Бесѣды*; онъ разказывалъ что его дѣдъ былъ священникомъ и имѣлъ одиннадцать сыновей и четырнадцать дочерей; отецъ его былъ самый младшій.

„*Марта 31го*. Въ этотъ день я собирался выѣхать и все еще не побывалъ въ часовнѣ Спасителя, что въ домикѣ Петра Великаго, и поэтому положилъ непремѣнно туда съѣздить утромъ. Домикъ этотъ на Петербургской Сторонѣ; лѣтомъ можно туда ѣхать на лодкѣ, но теперь меня везли довольно далеко со Владимірской улицы на Литейный мостъ. Домикъ въ длину имѣеть пять сажень, въ ширину болѣе трехъ; сѣни раздѣляютъ его на двѣ половины, налѣво часовня, направо большая комната, гдѣ сохраняются вещи принадлежавшія Петру I: нѣсколько стульевъ съ высокими рѣзными спинками и большой шкафъ изъ темнаго дерева; крыша изъ деревянной черепицы; чтобы предохранить домъ отъ разрушенія надъ нимъ выстроены большой шатеръ съ навѣсами со всѣхъ сторонъ; такъ можно обойти кругомъ; оконницы свинцовыя съ мелкимъ переплетомъ и со слюдой вмѣсто стеколъ.

Икона Спасителя—вершковъ десять не болѣе; изображеніе согласное съ преданіемъ западной церкви: ибо ликъ Спасителя на убрूसѣ, но въ терновомъ вѣнцѣ, чего на иконѣ Едесской, присланной Авгаря, нѣтъ. Должно думать что икона италянской живописи, весьма темная, но ликъ отъ этого какъ будто еще болѣе выдѣляется. Риза драгоценная, украшенная множествомъ камней—алмазовъ, жемчуговъ, которые при свѣтѣ свѣчей, постоянно горящихъ предъ иконою, окружаютъ ликъ Спасителя необыкновеннымъ сіяніемъ. И зимой и лѣтомъ часовня постоянно наполнена богомольцами и молебны слѣдуютъ одинъ за другимъ. Эта часовня въ Петербургѣ столь же почитаема какъ Иверская въ Москвѣ.

„Рядомъ съ домикомъ хранится лодъ ларусиной лодка Петра I.

„Отправляясь на желѣзную дорогу, я заѣхалъ къ Петру Иванову Саломону, проститься съ нимъ и съ его семействомъ и, позавтракавъ у него, поѣхалъ на Николаевскій вокзалъ.

„Туда пріѣхали провожать меня: протоіерей Гавріилъ Ивановичъ, архимандритъ Владиміръ изъ Алтайской миссіи и Семенъ Григорьевичъ Котовъ.“

VI.

Въ июнѣ мѣсяцѣ того же года, митрополитъ сдѣлалъ преобразование въ благочиніи монастырей Московской епархіи. Прежде было четыре благочинные, между которыми были распределены всѣ мѣста, именно: 1) Богоявленскій архимандритъ отецъ Никодимъ; 2) Лаврскій намѣстникъ отецъ Антоній; 3) Даниловскій архимандритъ отецъ Іаковъ; 4) Іосифо-Волоколамскій архимандритъ Гедеонъ.

Отца Іакова потребовали въ Петербургъ для присутствія въ консисторіи, отецъ намѣстникъ Антоній отказывался отъ должности благочиннаго по слабости своего здоровья, а отецъ Гедеонъ по преклонности лѣтъ и по слабости; оставался слѣдовательно одинъ только Богоявленскій архимандритъ Никодимъ. Это подало владыкѣ мысль сдѣлать перемѣну и весьма основательную, раздѣливъ всѣ монастыри только между двумя благочинными: одному подчинивъ монастыри городскіе и всѣ *штатныя*, другому всѣ *общежительныя*. Отецъ архимандритъ Никодимъ остался благочиннымъ штатныхъ монастырей, а для общежительныхъ нуженъ былъ и благочинный изъ монастыря общежительнаго, и такъ какъ отецъ Пименъ былъ одинъ изъ старшихъ настоятелей, самый заслуженный и опытный, то на немъ и остановился выборъ владыки, какъ нельзя болѣе удачный.

Въ вѣдѣніи Лаврскаго намѣстника остались монастыри по близости отъ Лавры находящіеся и отъ нея зависящіе, и кромѣ того, Спасо-Виѣанскій, Хотьковскій и Махринскій; а у отца Гедеона только его собственныи монастырь Іосифо-Волоколамскій.

У отца Никодима въ благочиніи оказалось двадцать монастырей, одиннадцать мужскихъ и девять женскихъ, именно, мужскіе: 1) Андроньевскій, 2) Богоявленскій (который въ послѣдствіи времени поступилъ въ управленіе викарія, а Высокпетровскій, гдѣ жилъ викарій, перешелъ въ вѣдѣніе благочиннаго), 3) Лужецкій-Можайскій, 4) Знаменскій, 5) Златоустовъ, 6) Даниловъ, 7) Покровскій, 8) Перервинскій, 9) Срѣтенскій, 10) Борисоглѣбскій-Дмитровскій и 11) Высоккій-Серпуховской; женскіе: 1) Вознесенскій, 2) Новодѣвичій, 3) Алексѣевскій, 4) Рождественскій, 5) Никитскій, 6) Страстной,

7) Зачатіевскій, 8) Брусенскій-Коломенскій и 9) Владычный-Серпуховской, хотя и общежительный, но о причинѣ его исключенія изъ числа другихъ общежительныхъ мы упоминаемъ въ послѣдствіи.

Къ отцу Пимену въ благочиніе поступили слѣдующіе монастыри общежительные, мужскіе: 1) Троицкій-Коломенскій-Ново-Голутвинъ (бывшій до 1872 штатнымъ, но послѣ преобразованный въ общежительный), 2) Николо-Угрѣвскій, 3) Николо-Пѣвшинскій, 4) Старо-Голутвинъ-Коломенскій, 5) Бобреевъ, 6) Бѣлжесокскій (близъ Каширы), 7) Николо-Берлюковскій, 8) Давыдовская пустынь, 9) Екатерининская пустынь и 10) Спасо-Гуслицкій монастырь; женскіе: 1) Бородинскій, 2) Аносинъ-Борисоглебскій, 3) Одигитриевская - Зосимова пустынь, 4) Спасо-Влахернскій и 5) Крестовоздвиженскій-Лукинскій.

У городского благочиннаго числомъ было болѣе монастырей, но такъ какъ большая часть ихъ въ Москвѣ, то представлялось менѣ затрудненій для осмотра и посѣщеній оныхъ, тогда какъ общежительные загородные монастыри почти во всѣхъ уѣздахъ губерніи и посѣщать ихъ такъ часто невозможно. Сдѣлавшись благочиннымъ монастырей, отецъ архимандритъ весьма ясно повялъ значеніе и обязанности своей новой должности и тотчасъ же умѣлъ стать въ уровень своего новаго положенія. Онъ не былъ прихвастелемъ и мелочемъ и не слѣшкомъ строго слѣдилъ за рублями и копѣйками переплаченными за что-нибудь, какъ это дѣлывали до него нѣкоторые изъ благочинныхъ при повѣркѣ книгъ. Онъ смотрѣлъ на главные расходы монастыря, на вѣрность итоговъ, и подписывалъ представленныя ему книги не истязуя настоятелей, какъ будто подозрѣвая ихъ въ злоупотребленіяхъ и недобросовѣстности.

Онъ говаривалъ: „Я нахожу неумѣстнымъ и неприличнымъ когда благочинный ввязывается въ дразги и притирается къ мелочамъ; смотри за главнымъ, обращай вниманіе на внутренній бытъ монастыря, на нравственное настроеніе братіи, на благолѣпіе храмовъ и на чистоту въ оныхъ, на служеніе, на трапезу, на порядокъ въ монастырѣ, на хозяйство, гдѣ оно есть, а куплена ли мука гривной дешевле или дороже, это дѣло настоятеля; можетъ-быть онъ оттого дороже заплатилъ за свою муку что она лучше чѣмъ у меня; какъ за этимъ услѣдить? вступаться въ эти мелочи значитъ ронять достоинство своего званія. Былъ одинъ благочинный который

ло страницамъ провѣрялъ книги, держалъ ихъ по долгу, и цѣлую исторію сдѣлалъ одному настоятелю за то что у него оказалась гдѣ-то невѣрность въ пятнадцати колѣвкахъ; это непростительно...“

Но когда отецъ Пименъ пріѣзжалъ въ какой-нибудь монастырь, въ особенности когда онъ дѣлалъ свой первый объѣздъ, онъ все осматривалъ въ монастырѣ, на все обращалъ вниманіе и прежде всего на церковную службу, на то чтобы лѣвѣе было въ мужскихъ монастыряхъ преимущественно столбовое, которое почиталъ самымъ приличнымъ для монастырей общежительныхъ. Требовалъ чтобы часы богослуженій были правильно установлены соотвѣтственно уставу. Такъ, пріѣхавъ во время чetyредесятицы въ одинъ монастырь, онъ былъ удивленъ узнавъ что часы аячинаются въ 8 часовъ утра, и сдѣлавъ за это строгое замѣчаніе, запретилъ во время поста начинать часы прежде 11 часовъ, а литургію прежде 10. Какъ въ своемъ монастырѣ, такъ и въ прочихъ ему подвѣдомыхъ онъ требовалъ чтобы на утрени и во время всеобщаго бдѣнія было правильное чтеніе канонизмъ и положенное чтеніе изъ Благовѣстника и Пролога...

Во многихъ монастыряхъ было отмѣнено возрошеніе ланнагіи послѣ трапезы, онъ его вездѣ возстановилъ, а гдѣ оно не существовало, ввелъ его, даже и въ женскихъ монастыряхъ, и послалъ отъ себя ланнагары.

Весьма свѣдущій въ строительной части, онъ обращалъ большое вниманіе на состояніе зданій, и когда замѣчалъ уладокъ или улупченія высказывалъ свое мнѣніе, и весьма деликатно, но и настойчиво вынуждалъ настоятелей заботиться объ исправленіи указанныхъ имъ улупченій.

Вслѣдствіе замѣченныхъ имъ безпорядковъ въ управленіи нѣкоторыхъ монастырей и вида въ настоятеляхъ упорство, онъ вынужденъ былъ подать свое мнѣніе объ ихъ смѣнѣ, но, не желая ихъ срамить, онъ обыкновенно совѣтовалъ имъ проситься на покой, чтобы имъ не такъ чувствительно было удаленіе отъ власти.

Такъ, въ Берлюковской пустынь и въ Екатерининской онъ настоятелямъ посовѣтовалъ подать на покой, что они и сдѣлали, и оба эти монастыря отъ перемѣны весьма скоро и много выиграли, въ особенности Берлюковская пустынь, когда поступилъ въ нее бывший на Угрѣшѣ казначеемъ

іероманахъ Нилъ. Монастырь процвѣлъ и во всѣхъ отношеніяхъ сталъ не узнаваемъ.

Въ Гуслицкомъ монастырѣ, при постуленіи отца Пимена въ должность благочиннаго, настоятелемъ игуменомъ былъ отецъ Пареній. * Онъ былъ человекъ весьма самонавный и избалованный расположеніемъ митрополита Филарета и обширнымъ своимъ знакомствомъ въ Петербургѣ. Имѣя чрезъ нѣкоторыхъ лицъ довольно свободный доступъ ко двору, онъ очень много о себѣ возмечталъ, и хотя давно звалъ отца Пимена и былъ съ нимъ въ дружественныхъ отношеніяхъ, встрѣтилъ его въ первый его пріѣздъ въ Гуслицы не только что не радушно или холодно, но весьма не дружелюбно и даже грубо и замосчиво. Зная характеръ отца Паренія, отецъ Пименъ имѣлъ намѣреніе обойтись съ нимъ какъ можно ласковѣе и мягче; но это благое намѣреніе ни къ чему не послужило и можно сказать съ перваго шага заставило новаго благочиннаго поставить себя въ оборонительное положеніе чтобы не дать себѣ наступить на ногу.

Гуслицкій монастырь оказался въ самомъ жалкомъ и запущенномъ положеніи, несмотря на весьма значительныя суммы и вспомоствованія Высочайше ему данныя при его основаніи въ 1858 году; а такъ какъ преимущественно всѣ строенія были деревянныя, строенныя наскоро, все оказалось полусгнившимъ и пришедшимъ въ упадокъ, а монастырь хотя имѣлъ и весьма не малые доходы былъ обремененъ долгами.

Не желая дать отцу Паренію повода къ несправедливому обвиненію себя въ пристрастіи и недоброжелательствѣ, отецъ Пименъ, чтобы устранить отъ себя всякую отвѣтственность въ этомъ случаѣ, сдѣлавъ донесеніе владыкѣ о состояніи въ которомъ онъ нашелъ Гуслицкій монастырь, настоятельно просилъ назначить комиссію для изслѣдованія положенія

* Отецъ Пареній (составившій книгу—*Сказаніе о странствіи и путешествіи по Россіи, Молдавіи, Турціи и Святой Землѣ. Постриженника святыхъ горъ Афонскія, инока Паренія*. Москва. 1856) (изд. второе 8 д. 4 ч.), молдавскій уроженецъ, бывшій раскольникъ перешедшій въ православіе, прибывши въ Россію былъ іеромонахомъ на Троицкомъ Сухаревскомъ подворьѣ при митрополитѣ Филаретѣ; онъ числился въ Геесиманскомъ скитѣ; потомъ находился въ 1856—1858 въ Никола-Берлюковской пустынѣ строителемъ и оттуда переведенъ въ Гуслицкій монастырь, имъ основанный.

монастыря и для обсуждения дѣйствій отца Пареевнн, и благодаря этой благоразумной предосторожности онъ избѣгъ нареканій со стороны недовольнаго настоятеля, почитавшаго себя притѣсненнымъ. Но такъ какъ предсѣдателемъ комиссiи былъ архимандритъ Никодимъ, и въ дѣйствiяхъ комиссiи принималъ участiе и самъ владыка непосредственно и чрезъ преосвященнаго викарiя, то волей-неволей пришлось отцу Пареевнн, хотя и не безъ ропота, подчиниться необходимости и проситься на покой. Это послѣдовало въ 1872. Но чтобы не возвращаться вторично къ разказу объ отцѣ Пареевнн и объ обители имъ основанной считаю удобнымъ досказать о нихъ однимъ разомъ, не прерывая нити разказа.

Отецъ Пареевнн по прошенiю его удалился на покой сперва въ Геосиманскiй скитъ, а въ послѣдствiи перешелъ въ Троицкую Лавру, гдѣ прожилъ еще нѣсколько лѣтъ до самой своей смерти, получая отъ Гуслицкаго монастыря ежегодную пенсiю въ триста рублей серебромъ.

На его мѣсто былъ избранъ братiей монастырскiй благочинный iеромонахъ Исронимъ, благодаря старанiямъ котораго монастырь началъ видимо и быстро улучшаться во всѣхъ отношенiяхъ и послѣ немногихъ лѣтъ пришелъ въ то цвѣтущее положенiе въ которомъ находится въ настоящее время.

Особаго вниманiя заслуживаютъ замѣчанiя отца Пимена помѣщеннаго имъ въ его *воспоминанiяхъ* при разказѣ о Гуслицкомъ монастырѣ, потому что они доказываютъ намъ какъ добросовѣстно онъ исправлялъ должность благочиннаго на него возложенную и до какой степени глубоко и мудро умѣлъ онъ обсуживать всѣ вопросы касавшiеся монашества, такъ что и тѣ особенности и отгѣнки которые зависятъ отъ совершенно мѣстныхъ условiй и случайныхъ обстоятельствъ, не ускользали отъ его зоркаго и пытливаго ока.

„Гуслицкiй монастырь (заведенный въ мѣстности наиболѣе заселенной раскольниками изстари тамъ обитающими) основанъ въ тѣхъ видахъ чтобы туземное населенiе мало-по-малу обратить къ православию; ни одинъ изъ монастырей Московскои епархи не имѣетъ подобной задачи.

„Отецъ Пареевнн, испрашивая разрѣшенiя устроить обитель, имѣлъ въ виду что она *послужитъ къ совершенному искорененiю въ той мѣстности раскола* и былъ увѣренъ что по прошествiи трехъ-четырехъ лѣтъ не останется тамъ ни одного раскольника.

„Слѣдовательно, обитель Гуслицкая должна быть *свѣточемъ во тьмѣ сіяющимъ, разгоняя пракъ заблужденія истиннымъ свѣтомъ Христовымъ, свѣтъ просвѣщающимъ*. Для достиженія этой цѣли настоятели гуслицкіе должны бы обращать вниманіе на то чтобъ иноки обители не только соблюдали все то что надлежитъ соблюдать каждому иноку, но вообще имъ слѣдуетъ идти далѣе и совершать то чего не дѣлаютъ иные, чего отъ иныхъ и не требуютъ, но что здѣсь должно быть главною цѣлію. Иными словами: общая задача монашества—*покаяніе*, дабы при богоугодномъ жителствѣ достигнуть собственнаго своего спасенія; слѣдовательно ежели инокъ *спруеть* (какъ учить вѣровать наша Святая церковь) и старается, по слову апостола, *отъ себя зная вещи отгребатися* (I Сол. 5. 22.), то-есть удаляться отъ всего грѣховнаго, прилагая такимъ образомъ дѣла къ вѣрѣ, — *ибо тѣра безъ дѣлъ мертва есть* (Іакова, 2. 26): ежели онъ все это соблюдаетъ, то вѣтъ сомнѣнія что достигнетъ желаемаго—*своего спасенія*.

„Для инока Гуслицкія обители сего не довѣтъ: онъ долженъ не только помышлять о *своёмъ собственномъ спасеніи*, онъ долженъ еще всѣми силами лечись и о *спасеніи другихъ*; слѣдовательно задача его сугубая: *Старайся и самъ спастись, но старайся спасти и другаго, который погибаетъ, тогда только исполнишь ты свое назначеніе*. Что же для сего нужно? 1) чтобъ иноки жили *душеполезно для себя* и 2) *душеисцелительно для другихъ*; а для сего необходимо чтобы жизнь ихъ была и *назидательна и учительна*. Назидательною ихъ жизнь будетъ для мірянина (въ особенноти для раскольника, всегда зазирающаго жизнь каждаго православнаго, а тѣмъ паче и православнаго инока) ежели они не будутъ подавать поводовъ къ соблазну, и *учительною* ежели еще, кромѣ того, будутъ стараться возвратити на луть истины (въ лоно церкви) уклонившихся отъ правыя стези.

„Чтобы жизнь инока не была соблазнительною для мірянина, вообще, достаточно чтобъ онъ жилъ соотвѣтственно монашескому своему званію. Посему и въ обителяхъ городскихъ (гдѣ, свисходя къ немощности осуетившагося міра, поневолѣ приходится дѣлать отступленія отъ устава церковнаго и сокращать службы, дабы не обременить молящихся продолжительностію богослуженія) иноки назидали бы мірянь, живя благочестиво и пребывая во храмѣ благоговѣнно.

Сего недостаточно для *раскольниковъ*: ибо они не столько выкаютъ въ смыслъ догмата и ученія, сколько обращаютъ вниманіе на вѣшность обрядовыхъ дѣйствій и хорошо зная уставъ церковный легко могутъ замѣтить всякое отступленіе отъ оного. Слѣдовательно, при церковномъ служеніи въ Гуслицкомъ монастырѣ необходимо неуклонное слѣдованіе уставу церковному и лѣвіе столбовое, а не потное. Такимъ образомъ раскольникъ, приходя во храмъ, будетъ обезоруженъ, ежели идетъ назирать братію и находя точное исполненіе устава и вторично возвратится и послушаетъ лѣвія и чтенія въ сладость.

„Относительно постовъ необходимо тоже строгое соблюденіе правилъ изложенныхъ въ уставѣ какъ въ самомъ качествѣ пищи, такъ потребно воздержаніе и въ количествѣ употребляемаго. Для того чтобы доставить раскольнику возможность видѣть чинъ трапезы и простоту свѣдій соответственно уставу полезно было бы ежели бы настоятель старался оказывать гостепріимство и почаще и побольше приглашать ихъ къ трапезованію съ братіей, учредивъ, ежели то потребуется, для нихъ особый столъ. Это было бы первымъ шагомъ къ сближенію; ибо потомъ не трудно будетъ незамѣтнымъ образомъ привести ихъ и къ *сотрапезованію*, чего они избѣгаютъ, опасаясь общенія съ людьми которые *не по ихъ стѣ*.”

„Говорить о благочестивомъ поведеніи инокъ и о благоговѣнномъ стояніи во храмѣ почитаю совершенно излишнимъ; ибо это должно быть соблюдаемо вездѣ и прежде всего, *да не како соблазниши брата твоего*; это даже не есть и заслуга, но обязанность и долгъ каждаго христіанина, тѣмъ болѣе всякаго инокъ. Слѣдуетъ же прибавить что въ общеніи съ людьми законными въ заблужденіи необходимо блюсти себя ото всякаго слова суетнаго, постоянное смиреніе, кротость, благодушіе, даже и не при совсѣмъ мирныхъ отношеніяхъ ближняго. Вотъ все что неуклонно должно быть соблюдаемо для предупрежденія всякаго повода къ соблазну и для внушенія уваженія и благоговѣнія ежели уже невозможно достигъ благорасположенія. О живущихъ такимъ образомъ можно будетъ сказать что они живутъ *назидательно*; но это только еще половина дѣла: нужна еще и вторая половина— *учительность*.”

„Для достиженія сего надлежитъ наблюдать слѣдующее:

1) учить дѣтей для предотвращенія ихъ отъ заразы лжеученія и 2) всѣми мѣрами стараться обращать людей взрослыхъ, коснѣющихъ въ заблужденіяхъ отъ невѣжественнаго пристрастія къ старому, что простекаетъ отъ неразумнѣя истиннаго ученія *православнаго вѣры*. Слѣдовательно, для этого въ числѣ братіи должны быть люди способные къ наученію, и сами хорошо знающіе догматы православныя и съ тѣмъ вмѣстѣ изучившіе основательно всѣ утонченныя мелочности расколовъ. Братій имѣющихъ таковыя свойства найти не весьма легко или, лучше сказать, почти невозможно, такъ какъ потребны основательныя знанія и искусныя приемы для пренія. Эти познанія можетъ имѣть только человекъ изучившій богословскія науки во всей ихъ полнотѣ, какъ преподаются въ высшихъ духовныхъ училищахъ; ожидать же что найдутся и сами по себѣ придутъ въ монастырь подобныя лица, значило бы себя льстить тщетною надеждою и полагаться на мечту, а поручать словопрение людямъ къ тому неприготовленнымъ было бы безразсудно; ибо это неминуемо повлекло бы за собою постоянный *перевѣсъ раскольниковъ надъ православными самоучками* и, само собою разумѣется, подорвало бы всякое довѣріе, сдѣлавъ подобныя законоучителей посмѣшищемъ. То ли желательно? Этимъ ли способомъ можно достигнуть предположенной цѣли?

„Обитель должна образовывать людей которые были бы ея дѣятелями. Такъ Троицкая Лавра когда пожелала ввести у себя иконописаніе, она учредила у себя и послала монаховъ своихъ учиться въ Академію Художествъ. Поводобилась фотографія—отправлены были изъ ея братіи въ Москву учиться этому искусству, и нынѣ она имѣетъ своихъ фотографовъ. Но ни живопись, ни фотографія не были существенною потребностію обители, тогда какъ люди способные быть дѣятельными противоборниками раскольниковъ необходимы для Гуслицкой обители по мѣстности гдѣ она находится. Она должна, стало-быть, заботиться и готовить людей къ сему духовному дѣланію, указанному ей какъ цѣль ея. Протекало уже болѣе лятнадцати лѣтъ со времени ея учрежденія, а много ли сдѣлано ею? Ежели же и сдѣлано что-нибудь, то такъ немного и притомъ такими средствами что лучше объ этомъ и не говорить. Неужели же въ числѣ ея братій вѣтъ людей благонадежныхъ какъ поведеніемъ такъ и способностями, которыхъ она могла бы послать въ семинарію

и академію изучить все то что нужно для успѣшнаго дѣйствованія на поприщѣ ей указанномъ? Нужно только положить начало—послать учиться двухъ или трехъ человекъ, и послѣ того отправлять еще по одному. Такъ незамѣтнымъ образомъ въ непродолжительное время соберется въ монастырѣ достаточное число людей обученныхъ, чтобы было кому обучать и прочихъ братій, и приступить къ правильному способу дѣйствованія для успѣшнаго обращенія раскольниковъ въ православіе.*

„Въ этихъ видахъ полезно было бы тогда учредить, въ извѣстные дни или праздники, *собесѣдованіе* въ монастырѣ, подобное тому какое бываетъ на Святой Недѣлѣ, иногда и въ другое время въ Москвѣ, въ Кремлѣ.

„Кромѣ того, желательно бы чтобы въ Гуслицкомъ монастырѣ учреждена была особая больница съ аптекой и наемнымъ при оной врачомъ для бесплатнаго лѣченія окрестнаго населенія. Таковыя дѣла любви и милосердія не могутъ не возымѣть благотворнаго дѣйствія на сердца людей даже самыхъ загрубѣлыхъ и закоснѣлыхъ въ суевѣріи. Тогда монастырь будетъ доказывать на самомъ дѣлѣ что онъ постигъ свое высокое назначеніе, и дѣломъ и словомъ будетъ подвизаться о Христѣ и за Христа; а доколѣ онъ не достигнетъ сказаннаго, доколѣ онъ будетъ всеу трудиться и не только не искоренять расколъ, но еще болѣе распространять его служа предметомъ нареканій и подавая поводъ къ осужденію.

„....Обитель эта, какъ видится нынѣ, на одномъ уровнѣ съ прочими обителями; что же касается главной ея цѣли и ея исключительнаго назначенія... выразимъ не обвинуясь всю истину: сокровенно отъ насъ будущее, и чѣмъ она въ послѣдствіи станетъ мы не предусматриваемъ, но прошедшее видимо, и *несомнѣннымъ оказывается что не только не достигнута ея цѣль ея, сомнительно даже было ли еще когда-либо содѣлано надлежашее начало къ достиженію предположенной цѣли?*“

* При случаѣ можно замѣтить что отецъ Пименъ не указалъ еще на мѣсто откуда Гусацкая обитель могла бы заимствовать людей способныхъ и вполнѣ уже подготовленныхъ для обращенія изъ раскола въ православіе: это Никола-Преображенскій единоѣрческій московскій монастырь, въ которомъ подъ руководствомъ архимандрита Павла (прусскаго), ревнителя правосавія, образовалось уже много людей готовыхъ выйти на подобное поприще.

Читая эти замѣчанія отца Пимена тотчасъ видно какое онъ обращалъ вниманіе на каждую обитель находившуюся въ его благочиніи и какъ онъ вдумывался во всѣ потребности, недостатки и средства къ устраненію оныхъ.

До него рапорты благочинныхъ состояли въ официальныхъ только донесеніяхъ что въ обителяхъ „*все состоитъ благополучно*“, или доводили до свѣдѣнія начальства только въ важныхъ случаяхъ о какихъ-нибудь внѣшнихъ безпорядкахъ, когда бывали на примѣръ растраты суммъ или происходили какія-либо нестроенія въ монастырѣ, но исправность богослуженія, чинъ монастырскій, состояніе братіи, словомъ сказать, все что относилось ко внутреннему быту и благоустройствію, оставалось попрежнему, потому что благочинные не заглядывали такъ глубоко и только смотрѣли на поверхность, далѣе которой не простирались ихъ взоры. Отецъ Пимень, напротивъ того, какъ усердный и добросовѣстный врачъ, такъ-сказать *аускультировалъ* каждый монастырь и тщательно вникалъ во внѣшній и во внутренній его бытъ, и первое его донесеніе по обзорѣнн всѣхъ обителей его благочинія есть не просто рапортъ, но живая, общая картина въ которой очерченъ каждый монастырь и въ краткихъ словахъ представляенъ со всѣми отличительными его чертами и особенностями, улущеніями и недостатками не встрѣчаемыми въ другихъ. Богослуженіе, состояніе храмовъ и ризницы, лѣвнѣ, трапеза, строенія, хозяйство—все осмотрѣно, изслѣдовано, обсужено.

Съ перваго года своего назначенія, съ 1869 до 1872 года, отецъ Пимень ежегодно объѣзжалъ всѣ монастыри ему подвѣдомые по крайней мѣрѣ одинъ разъ, а въ другихъ болѣе близкихъ бывалъ и чаще, и слѣдилъ за улучшеніями и за исправленіями замѣченныхъ имъ недостатковъ, но съ 1873 года, когда его постигла тяжкая болѣзнь потребовавшая неоднократныхъ операцій, и когда ему уже затруднительно стало ѣздить на колесахъ, онъ однако все-таки бывалъ въ монастыряхъ, но изрѣдка и преимущественно зимой. Онъ поручалъ иногда дѣлать обзоръ благочинія своему вѣрному и надежному помощнику Новогодутвинскому архимандриту Сергію, который былъ временно данъ ему отъ владыки въ 1873 году чтобъ исправлять его должность въ то время когда по настоянію врачей онъ долженъ былъ пить воды въ продолженіе шести недѣль, и когда спокойствія ради врачи

требовали чтобъ онъ удалился ото всякихъ заботъ и хлопотъ монастырскихъ; но и послѣ того помощникъ благочиннаго остался и продолжалъ исполнять его порученія до конца его жизни, а послѣ кончины былъ утвержденъ въ званіи благочиннаго.

Безъ лести и пристрастія должно сказать что всѣ общежительные монастыри Московскои епархіи подъ наблюденіемъ и руководствомъ отца Пимена пришли въ болѣе стройный видъ. Какъ опытный и зыскательный старецъ и авва, онъ заботился о водвореніи вездѣ порядка и благочинія.

Подъ его руководствомъ преобразовалась женская Крестовоздвиженская община въ 1873 году, дотолѣ существовавшая съ 1856 года частнымъ образомъ въ селѣ Пахрѣ Старый Ямъ, въ Подольскомъ уѣздѣ, на Каширской дорогѣ, а въ 1873 году она была переведена въ село Лукино, того же уѣзда. Объ этой общинѣ упомянемъ далѣе.

По его старанію и при его содѣйствіи преобразовать Троицкій Ново-Голутвинъ монастырь въ городѣ Коломнѣ изъ монастыря штатнаго въ общежительный, по смерти архимандрита Тихона, умершаго 7 февраля 1871 года; открытіе общенія послѣдовало 26 ноября того же года, въ день тезоименитства покойнаго митрополита Иннокентія.

VII.

Второе посѣщеніе Угрьши митрополитомъ Иннокентіемъ совершилось 9 августа 1869 года.

Владыка намѣревался прибыть въ монастырь наканунѣ совершать бдѣніе, а 9 числа литургію. Но въ этотъ день приходился сороковой день по кончинѣ Татьяны Борисовны Потемкиной, которую владыка очень уважалъ и желалъ совершить по ней поминованіе, что неудобно было бы въ день праздника смѣшивать службу праздничную съ заупокойною, и потому, находясь въ Екатерининской пустынѣ, въ двѣнадцати верстахъ отъ Угрьши, онъ прислалъ извѣстить что въ этотъ день не прибудетъ, но на слѣдующій послѣ полудня.

Пріѣздъ владыки и встрѣча его у святыхъ воротъ послѣдовали тѣмъ же порядкомъ какъ и при первомъ его посѣщеніи,

и потому не повторяемъ однажды нами уже описаннаго. День былъ субботній, владыка располагалъ и слѣдующій воскресный провести на Угрѣшѣ и совершать литургію; въ 7 часовъ ударили ко всеобщему бѣднію, которое отецъ архимандритъ служилъ въ соборѣ, а для владыки было отслужено въ Успенской церкви, гдѣ онъ стоялъ въ алтарѣ.

Вмѣстѣ съ митрополитомъ прибыли Чудовской намѣстникъ отецъ Веніаминъ и отецъ протоіерей Гавріилъ и случайно пріѣхавшій въ этотъ день намѣстникъ Саввинскій Галактіонъ и они всѣ трое и отецъ Пименъ служили на утрѣ со владыкой литургію въ соборѣ. Трапезовать владыкѣ угодно было вмѣстѣ со всею братіей въ большой трапезной палатѣ, и потому послѣ литургіи, откушавъ чай, владыка изъ настоятельскихъ келій снова пришелъ въ Николаевскій соборъ, гдѣ ему подали мантию и святительскій жезлъ, и въ предшествіи братіи и въ предношеніи панагіи онъ торжественно направился въ трапезу.

Владыка въ то время могъ еще довольно хорошо и далеко видѣть; хотя его зрѣніе, утомленное яркими свѣтами Сибири, и начинало уже примѣтнымъ образомъ отуманиваться, но однако онъ не только читалъ и писалъ свободно, онъ и вдали различалъ предметы довольно явственно.

Въ послѣобѣденное время онъ вышелъ въ это второе свое пребываніе на Угрѣшѣ на площадку окружающую бесѣдку которая примыкаетъ къ настоятельскимъ кельямъ и оттуда, простирая свои взоры вдаль на окрестность, сталъ разспрашивать отца архимандрита какія это села и селенія видны за Москвой-рѣкой. Отецъ Пименъ называлъ ихъ владыкѣ и уломанувъ о селѣ Островѣ, сталъ ему разказывать объ этомъ селѣ все что ему было о немъ извѣстно и въ заключеніе своего разказа сказалъ ему:

— Вотъ, высокопреосвященнѣйшій владыко, въ селѣ Островѣ много прекрасныхъ каменныхъ зданій строенныхъ при министрѣ Кисилевѣ, кромѣ тѣхъ которыя остались отъ графскихъ усадебныхъ построекъ; они пусты теперь и такъ пропадають и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе ветшають, а ужъ какъ хорошо было бы воспользоваться ими для какогонибудь казеннаго заведенія: строены прочно и большихъ стоили они денегъ.

— А кто же теперь завѣдуетъ ими? спросилъ митрополитъ.

— Они въ вѣдѣніи Московской Палаты Государственныхъ Имуществъ, отвѣчалъ отецъ Пименъ.

— Худое ли бы дѣло воспользоваться ими, продолжалъ владыка,— да вѣдь пожалуй не дадутъ, а я бы не прочь употребить ихъ на пользу ближняго... Мнѣ давно приходило въ мысль какъ хорошо было бы устроить богадѣльню для вдовъ и сиротъ духовнаго званія... Чего же лучше ежели бы можно было выпросить эти готовые постройки и приспособить ихъ для помѣщенія тамъ призрѣваемыхъ!

— Можно разузнать, владыко святой, и это мнѣ весьма легко будетъ сдѣлать, я знакомъ съ совѣтникомъ Палаты...

— Да можно ли надѣяться что-нибудь сдѣлать? спросилъ митрополитъ.

— Попытка не штука, спрось не бѣда, владыко святой, благословите разузнать, я разузнаю и вамъ въ точности донесу.

— Почему же не узнать? можете справиться, Богъ благословить...

Этотъ случайный разговоръ рѣшилъ судьбу Острова и былъ первымъ шагомъ къ учрежденію вполнѣ благотворительнаго заведенія задуманнаго Московскимъ митрополитомъ Иннокентіемъ и приведеннаго въ исполненіе и устроеннаго подъ непосредственнымъ неутомимымъ и бдительнымъ надзоромъ архимандрита Пимена. Но въ подробностяхъ о немъ будемъ говорить далѣе.

Въ этотъ же день (10 августа) митрополиту угодно было осмотрѣть строившуюся при монастырской богадѣльнѣ Казанскую церковь и архіерейскій домъ, вчернѣ уже совсѣмъ готовый, такъ что можно уже было судить о внутреннемъ его расположеніи. Владыка похвалилъ планъ дома и очень одобрилъ устройство крытой широкой галлерей окружающей весь домъ въ верхнемъ его этажѣ. Такъ было сдѣлано въ Островѣ, когда тамъ еще находился этотъ домъ, строенный при графѣ Алексѣѣ Григорьевичѣ Орловѣ-Чесменскомъ. Вышедши изъ архіерейскаго дома, владыка вошелъ въ деревянную часовню напротивъ дома на новомъ братскомъ кладбищѣ.

На слѣдующій день послѣ ранней литургіи онъ поспѣшилъ скитъ, входилъ въ одну изъ братскихъ келій и въ 1мъ часу откушавъ у настоятеля пришелъ въ соборъ, гдѣ вся братія ожидала его чтобы предъ отъѣздомъ принять его благословеніе. Уѣзжая митрополитъ неоднократно выражалъ отцу

Пимену свою признательность за цвѣтущее состояніе обители, за радушное гостепріимство, повторяя нѣсколько разъ: „Обитель ваша вторая Лавра въ Московской епархіи; я монастыри теперь всѣ знаю, а лучше вашего не видалъ“.

Нѣсколько дней спустя по отъѣздѣ владыки отецъ Пименъ отправился въ Москву благодарить за посвѣщеніе, какъ это всегда водится, но прежде чѣмъ являться къ нему онъ вздумалъ сперва побывать въ Палатѣ и доизвѣдаться насчетъ Острова и узнать есть ли возможность надѣяться на пріобрѣтеніе его или на дозволеніе воспользоваться существующими тамъ здаціями.

Въ то время тамъ служилъ совѣтникомъ нѣкто Федоръ Самоиловичъ Зибертъ, человекъ весьма благочестивый, котораго отецъ архимандритъ хорошо зналъ, такъ какъ онъ бывалъ въ Островѣ непременно заѣдетъ на Угрѣшу и побываетъ у отца Пимена, котораго онъ любилъ и уважалъ. Онъ неоднократно жаловался что строенія въ Островѣ не приносятъ никакой пользы только поглощаютъ деньги на ремонтъ. Но мало ли что говорится въ разговорѣ и что можетъ быть принято совершенно иначе когда дойдетъ до дѣла.

Зибертъ былъ въ Палатѣ. Отецъ Пименъ тотчасъ приступилъ къ дѣлу и сталъ ему говорить объ Островѣ.

— Я неоднократно слышалъ отъ васъ что островскія строенія вамъ въ тягость, требуя ремонту, теперь представляется случай вамъ отъ нихъ избавиться, ежели только казна уступитъ ихъ подѣ благотворительное заведеніе; какъ вы думаете, сбыточное это дѣло, Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ не воспротивится этому?

— Да сдѣлайте милость, избавьте только насъ отъ нихъ, отъ хлопотъ по Островскому селу, мы же первые вамъ въ ножки поклонимся... Не желаете ли, я вамъ и планы дачи и строеній передамъ; рассмотрите ихъ... Что же касается насъ, то будьте увѣрены что мы не только не будемъ вамъ препятствовать, напротивъ того все сдѣлаемъ что можемъ чтобы поскорѣй отъ Острова избавиться.

И тотчасъ велѣлъ онъ планы пріискать и передалъ ему ихъ изъ рукъ въ руки.

Съ этимъ извѣстіемъ отправился отецъ Пименъ на Троицкое подворье и обрадовалъ владыку, который счелъ такое начало за доброе предзнаменованіе успѣшности задуманнаго дѣла и какъ признакъ видимаго благоволенія Божія.

Но дѣло это тянулось долго: явились соперники желаніе оттагать островскія земли для училища въ вѣдомствѣ земства; дѣло обсуждалось въ общемъ собраніи министровъ, доходило до Государственнаго Совѣта и Высочайше рѣшено согласно съ желаніемъ митрополита Московскаго въ маѣ мѣсяцѣ 1870 года.

Вся бывшая усадебная господская земля села Острова, въ количествѣ 32 десятинъ, со всеми находящимися на оной строениями, была всемилостивѣе безвозмездно пожалована духовному вѣдомству Московской епархіи. Послѣ этого начали заготовлять материалы нужные для постройки богадѣльни.

VIII.

Дѣла начатыя отцомъ Пименомъ въ Петербургѣ въ мартѣ мѣсяцѣ плохо двигались впередъ: наступилъ уже октябрь мѣсяцъ, о нихъ не было ни слуху, ни духу.

Въ числѣ братіи Угрюмскаго монастыря нашелся одинъ который имѣлъ знакомыхъ и родственниковъ въ Петербургѣ и былъ въ свойствѣ съ тогдашнимъ товарищемъ оберъ-прокурора Св. Синода. Отецъ Пимень, зная его усердіе къ обители, хотя онъ и былъ только послушникомъ, не усомнился послать его въ Петербургъ и благодаря письмамъ къ министру А. А. Зеленому отъ преосвященнаго Леоніда и къ некоторымъ другимъ высокопоставленнымъ лицамъ тяжелые запоры съ дверей спали и посланный отъ отца Пимена, не будучи лицомъ замѣтнымъ и виднымъ, прошелъ во всѣ нужныя двери и все подготовилъ, такъ что когда архимандритъ Пимень пріѣхалъ въ концѣ ноября въ Петербургъ, онъ нашелъ все настолько подготовленнымъ что ему оставалось только идти продолженною тропой и довершать начатое.

Преосвященный снабдилъ и его письмами, и дѣло лежавшее неподвижно закихло и быстро подвинулось впередъ.

Юрій Васильевичъ Толстой, знакомый только со столичными монахами, былъ видимо пораженъ почтенною наружностью и смиренно-спокойнымъ обхожденіемъ настоятеля изъ пустыннаго монастыря и отвелся къ нему съ примѣтнымъ уваженіемъ и несомнѣннымъ участіемъ. Въ подробностяхъ дѣла зависѣвшихъ отъ Св. Синода много помогъ одинъ изъ

оберъ-секретарей, Александръ Петровичъ Крыжинъ, который былъ правою рукою товарища оберъ-прокурора, и который къ сожалѣнью скоро за нимъ послѣдовалъ въ могилу.

Пребываніе архимандрита Пимена въ Петербургѣ продолжалось въ этотъ разъ почти три недѣли, съ 22 ноября по 10 декабря.

Вотъ собственноручныя замѣтки его объ этой второй его повѣздкѣ.

„Во время вторичнаго моего пребыванія въ Петербургѣ я снова посѣтилъ соборы, крѣпость, монастырь, общину... Въ этотъ разъ я видѣлъ вновь только одинъ Смольный Монастырь, то-есть главный его соборъ, который нашелъ дѣйствительно замѣчательнымъ произведеніемъ зодчества. Онъ былъ, говорятъ, задуманъ и начатъ при императрицѣ Елисаветѣ, по предначертанію знаменитаго италянскаго художника графа Растрелли, вызваннаго въ Россію И. И. Шуваловымъ, основателемъ Московскаго университета.

„Высокая пятиглавая церковь находится посреди обширнаго двора, заключающаго со всѣхъ сторонъ зданіями той же прекрасной архитектуры какъ и церковь, которая замѣчательно высока и просторна. Вышшею она, говорятъ, превосходить Ивана Великаго, Кіевскую и Троицкую колокольни и можетъ вмѣщать до 6.000 тысячъ человѣкъ. Внутри шесть огромныхъ столбовъ поддерживаютъ громадные возвышенныя своды. Вся внутренность храма бѣлая; всѣ три престола въ рядъ; алтари на возвышенной солей имѣющей двѣнадцать ступеней...

„Этотъ величественный храмъ, начатый при императрицѣ Елисаветѣ, въ 1740 годахъ, болѣе восьмидесяти лѣтъ оставался недостроеннымъ, и только уже при императорѣ Николаѣ, въ 1834—1835 году окончательно достроенъ и освященъ. Онъ во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательнъ и приходишь въ недоумѣніе, не знаешь рѣшить что лучше—внутренность или наружность: когда смотришь на его внѣшность, думаешь что невозможно чтобъ и внутренность соответствовала этой величавой наружности; войдешь въ него и позабудешь что видѣлъ снаружи и восхищаешься тѣмъ что представляется взорамъ, величественность, обширность, соразмѣрность частей, красота, изящество, благодѣліе, обиліе свѣта.

„На этой мѣстности прежде былъ дворецъ построенный

Петромъ I для цесаревны Елисаветы Петровны, а первоначально было селеніе *Смольное*, такъ называвшееся оттого что тутъ существовалъ дегтярный и *смоляной заводъ*. Императрица Елисавета пожелала учредить тутъ женскую обитель, которая и была названа Воскресенскимъ-Смольнымъ монастыремъ. При императрицѣ Екатеринѣ II монастырь былъ упраздненъ и въ зданіяхъ монастыря учрежденъ институтъ для дѣвицъ, но который продолжалъ именоваться Смольнымъ Монастыремъ, именованіе которое сохранилось и понынѣ. Небольшое число монаховъ было раслущено и предоставлено имъ право избирать какіе пожелаютъ монастыри или возвратиться въ свои семьи. Я слышалъ что въ 1820 годахъ существовало въ Петербургѣ пять, шесть монаховъ Смольнаго монастыря.

„По наружности зданія телерешнаго Смольнаго Монастыря ни мало не похожи ни на институтъ, ни на дворецъ, но сохраняютъ вполнѣ отпечатокъ первоначальнаго своего значенія.

„Я былъ дважды въ церкви Смольнаго Монастыря: однажды у всенощной подъ воскресенье, въ другой разъ въ будни у литургіи. Величественъ и благолѣпемъ храмъ при вечернемъ полумракѣ, но еще лучше и поразительнѣе при дневномъ сіяніи.

„Весьма сходственно съ храмомъ Смольнаго Монастыря, но только въ несравненно меньшихъ размѣрахъ церковь Владимірской Божіей Матери, вправо отъ Невскаго Проспекта, на улицѣ по имени церкви называемой Владимірскою. Если это не произведеніе самого Растрелли, то весьма удачное ему подражаніе.

„Визній Дворецъ, домъ графа Строганова у Полицейскаго моста и Царкосельскій дворецъ (о которомъ суку впрочемъ по изображеніямъ, потому что въ дѣйствительности его не видалъ) носятъ отпечатокъ того же характера. Не оттого ли такъ хороши и изящны всѣ зданія временъ Елисаветы и Екатерины II что тогдашніе наши зодчіе были подъ вліяніемъ даровитаго Итальянца Растрелли и старались подражать ему.

„Ноября 24, въ день Св. Великомученицы Екатерины, происходила закладка памятника императрицы Екатерины II, на площади напротивъ Публичной Библіотеки.

„Ноября 26, въ день памяти Иркутскаго первосвятителя Инокентія вмѣстѣ и именинъ владыки, я служилъ съ нимъ

на Троицкомъ подворьѣ равнѣ обыкновеннаго часа, потому что въ этотъ день память Св. Великомученика Георгія и кавалерскій праздникъ, въ который свершались столѣтній юбилей со времени учрежденія въ 1769 году Георгіевскаго ордена; то всѣмъ тремъ владыкамъ, Новгородскому, Кіевскому и Московскому, назначенъ былъ сборъ во Дворецъ для совершенія торжественнаго молебствія, а предъ Дворцомъ на площади долженъ былъ происходить высочайшій смотръ войскамъ, угощеніе и для георгіевскихъ кавалеровъ обѣдъ у Государя. Стеченіе народа на парадъ было неимоверное, и это отозвалось и въ другихъ ближайшихъ мѣстностяхъ: я куда-то ѣхалъ по Невскому Проспекту въ каретѣ и нужно было повернуть влѣво, но куда ни подѣзжалъ извозчикъ, нигдѣ насъ не пропускали, и потому пришлось олять ѣхать обратно и дѣлать большой объездъ чтобы попасть куда мнѣ было нужно, что вышло весьма далеко.

„Декабря 6 я снова служилъ со владыкой на Троицкомъ подворьѣ и мнѣ было весьма грустно что въ день нашего праздника мнѣ приходится быть не въ обители; но я желалъ дожидаться рѣшенія нашихъ дѣлъ. Такъ я пробылъ еще нѣсколько дней въ Петербургѣ и когда узналъ что локулка Лаврентьевскаго дома рядомъ съ нашимъ подворьемъ Высочайше разрѣшена, я 10 числа отправился обратно въ Москву, а 14го благополучно возвратился въ монастырь.

„Эта вторичная поѣздка моя въ Петербургъ принесла для обители великую пользу, ибо мы получили все о чемъ просили, именно: 1) штатъ монастыря, состоявшій всего изъ 12 человекъ, было разрѣшено увеличить еще на 80 человекъ, то есть 40 монаховъ манатейныхъ и 40 указныхъ бѣльцовъ (послушниковъ), что въ совокупности составило 92 человекъ на монастырскомъ содержаніи; 2) домъ Лаврентьева разрѣшено приобрести, а на локулку изъ Перервинскихъ суммъ владыка разрѣшилъ взять заимообразно изъ 5⁰/₁₀₀, и 3) по ходатайству Св. Синода и по представленію министра Государственныхъ Имуществъ Высочайше пожалована монастырю для училища и богадѣльни лѣсная дача называемая Савеловская, мѣрой въ 238 десятинъ, находящаяся на границѣ Александровскаго уѣзда, разстояніемъ отъ Троицкой Лавры въ 18 верстахъ.“

IX.

Въ 1870 году въ началѣ мая мѣсяца были совершенно окончены архіерейскія палаты, выстроенныя, какъ мы уже упоминали выше, изъ дома графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской, находившагося въ селѣ Островѣ, купленнаго на свозъ *. Построеніе начавшееся съ поздней осени 1868 года по многотѣлности внутренней отдѣлки не могло быть приведено къ совершенному окончанію прежде мая мѣсяца 1870 года. Все зданіе съ крестовою церковію, утварью, внутреннею обстановкой, мебелью, посудой и пр. стоило монастырю приблизительно до 15.000, что, по мнѣнію людей свѣдущихъ и бывшихъ въ домѣ, оказывается весьма немногимъ.

Вся внутренность зданія деревянная—потолки, стѣны всѣ изъ дерева, ничто не штукатурено, но все штучное или наборное изъ сосны, кромѣ лѣстницы ведущей изъ внутреннихъ нижнихъ стѣнъ вверхъ, которая дубовая, старинная, передѣланная изъ бывшей въ Островскомъ домѣ—все сосновое, лакированное...

* Въ селѣ Островѣ съ публичнаго торга куплено въ 1867 году за 2.500 р.:

1) Господскій домъ деревянный двухъэтажный на высокомъ каменномъ жилищѣ этажъ; 2) кухня каменная; 3) каменная ограда сада ограда и за все заплачено 2.500 р. сер.—Вотъ матеріалъ замеченный изъ этихъ построекъ, оцѣниваемый по дешевой цѣнѣ:

1) Домъ—стѣны сосноваго лѣса почти барочной толщины, балки, накаты, переводы и проч.....	1.000 руб.
2) Дубовыя ламели, косаки, одверья, двери, окна, рамы, лѣстницы.....	600 "
3) Кирпичу болѣе 500 тысячъ (частію употребленъ на фундаментъ архіерейскаго дома, а остальной вошелъ въ составъ употребленнаго на монастырское училище)	7.500 "
4) Камня бѣлаго разной величины до 6.000 штукъ....	1.200 "
5) Желѣза листоваго, брусковаго и пр. болѣе 1.000 пуд.	2.000 "
6) Половой лещадки, изразцовъ.....	100 "
7) Около 80 кубик. буту и лому.....	600 "
	13.000 "
Перевозка въ монастырь стоила до 5.000	7.500 "
Заплачено съ торговъ за всѣ строенія 2.500	5.500 "
	7.500
Чистой прибылью за уплатой всѣхъ расходовъ	5.500 "

Стѣны лѣстацныхъ сѣней изъ филичатыхъ тѣсницъ въ елку; но потолоки вездѣ, въ церкви, въ залѣ, въ гостиной, въ столовой и кабинетѣ—узорчатые сосновые съ крупными разводами, и такъ какъ слои дерева расположены совершенно противоположно (въ узорѣ слои вдоль, а лодъ узоромъ поперекъ), то отъ этого происходитъ такой же переливъ оттѣнковъ, какой бываетъ въ одноцвѣтной ткани штофа или въ скатертахъ, что при всей пестротѣ узора придаетъ ему пріятную для взгляда мягкость.

Лѣстаца ведущая изъ нижнихъ сѣней примыкаетъ къ площадкѣ, съ которой открываются три двери: налѣво стекольчатая дубовая на вѣшную крытую галерею окружающую весь домъ; прямо стекольчатая сдвижная въ крестовую церковь, направо дубовая въ залу.

Крестовая церковь, во имя преподобнаго Сергія, съ прорѣзнымъ невысокимъ иконостасомъ, изъ-за котораго виденъ почти весь алтарь когда отдернута завѣса, устроена на подобіе находящейся въ Визаніи въ домѣ митрополита Платона, съ тѣмъ только различіемъ что тамъ иконостасъ прорѣзной золоченый, а здѣсь изъ темнаго полированного дерева. Восточная залпестольная стѣна алтаря съ горнимъ мѣстомъ въ углубленіи изъ бѣлаго кипариса украшена иконами фражскаго письма. Изъ алтаря вправо есть отодвижная дверь въ залу. Зала въ четыре большихъ окна на полдень съ потолоками и стѣнами изъ наборной сосны крытой лакомъ, съ высокими дубовыми панелями, косяками, дверями и широкими лавками изъ дуба. Гостиная такая же, но только лавки обиты дымчатаго цвѣта шелковою матеріей; столовая въ одно окно и кабинетъ и два окна стѣнами и потолоками походятъ на прочія комнаты, но олочивальня облицована липовыми тѣсвицами въ елку и стѣны не лакированы.

Нижній этажъ состоитъ изъ нѣсколькихъ келій предназначенныхъ для временнаго жительства лицъ пріѣзжающихъ со владыками.

Крытымъ переходомъ соединяются съ домомъ небольшая поварня и ледникъ. Южною стороною домъ выходитъ на новое братское кладбище, а сѣверною въ скитскій садъ, куда изъ галереи окружающей домъ есть ступенчатый сходъ.

При всей простотѣ внутреннихъ украшеній, при совершенномъ отсутствіи всякой позолоты, картинъ и всякихъ предметовъ суетной роскоши, посѣщающій архіерейскія палаты чувствуетъ что онъ не въ мірскомъ жилищѣ и видя строгую

монастырскую обстановку его окружающую сознаеть что онъ не въ кельѣ простаго инокъ, не въ покояхъ настоятеля, но въ хоромахъ архіерея. Лучше уловить всѣхъ отбѣговъ необходимого для жилища святителя было невозможно и это зданіе есть безспорно одно изъ лучшихъ построеній на Угрѣшѣ и памятникъ строительнаго искусства отца Пимена и несомнѣнное доказательство его рѣдкаго умѣнія согласить изящнѣйшую простоту съ величественною и строгою изысканностію, чуждою всего мірскаго, которая единственно приличествуетъ для монастырскаго загороднаго жилища высшаго духовнаго сановника.

Нельзя не подивиться странной случайности что жилище благочестивой графини Орловой, искренней читательницы монашества и усердной почитательницы святителей, не поступило въ собственность мірскихъ людей, но по прошествіи цѣлой четверти вѣка по смерти прежней его владѣлицы приобрѣтено инокескою обителью и предназначено для приема и жительства владыкъ посѣщающихъ Угрѣшу.

Отецъ Пименъ приглашалъ преосвященнаго Леониды на праздникъ святителя Николая, мая 9го, желая чтобы преосвященный первый обновилъ архіерейскія палаты, на что онъ и согласился, обѣщавъ пріѣхать наканунѣ ко всеобщему бдѣнію или въ самый день праздника къ литургіи, но поздно вечеромъ отецъ архимандритъ получилъ письмо преосвященнаго въ которомъ онъ сообщалъ что самъ не будетъ ни ко всеобщей, ни къ литургіи, но будетъ на утро московскій градоначальникъ князь Долгоруковъ, до тѣхъ поръ никогда еще не бывавшій на Угрѣшѣ. Услышавъ отъ преосвященнаго его намѣреніе ѣхать на Угрѣшу и князь выразилъ свое желаніе тамъ быть, много слышавъ о ней прежде: тогда преосвященный не сказавъ ему ничего рѣшилъ самъ уже не ѣхать утромъ, дабы не отвлекая вниманія отца архимандрита предоставить весь почетъ приема первому гостю, градоправителю Москвы, и немедленно о томъ извѣстилъ архимандрита.

На утро князь Долгоруковъ прибылъ во время благовѣста къ литургіи и былъ принятъ въ архіерейскомъ домѣ, который онъ, слѣдовательно, первый и обновилъ. Онъ присутствовалъ при литургіи, участвовалъ въ крестномъ ходу около монастыря, по приглашенію архимандрита трапезовалъ въ братской трапезѣ и возвратившись въ архіерейскія палаты и получивъ тамъ въ благословеніе икону отъ настоятеля

поѣхалъ предъ вечеромъ обратно въ Москву. На пути оный повстрѣчался съ преосвященнымъ ѣхавшимъ на Угрѣшу; они остановились, другъ съ другомъ поговорили изъ своихъ каретъ и каждый продолжалъ свой путь.

Х.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же 1870 года совершилось на Угрѣшѣ освященіе двухъ храмовъ: 1) Казанскаго при богадѣльнѣ и 2) Крестоваго во имя преподобнаго Сергія въ архіерейскихъ палатахъ. Первый былъ освященъ владыкой митрополитомъ Иннокентіемъ, сентября 6. Владыка прибылъ сентября 3 предъ вечеромъ прямо къ архіерейскому дому, сказавъ заранѣе чтобъ ему большой встрѣчи не дѣлали, но что братія можетъ принять отъ него благословеніе въ архіерейскомъ домѣ и поэтому при пріѣздѣ оный былъ встрѣченъ настоятелемъ и всю братію у западныхъ воротъ. Вошедши въ домъ и благословивъ всѣхъ оный пошелъ вверхъ; осматривалъ церковь, весь домъ обошелъ кругомъ по галлерей и всѣмъ остался весьма доволенъ и въ особенности хвалилъ галлерей. Въ слѣдующіе дни, 4го и 5го числа, владыка ходилъ въ 7 часовъ утра въ скитскую церковь къ литургіи и ходилъ по монастырю. Послѣ обѣда 5го числа оный пожелалъ посѣтить село Островъ (уже Высочайше пожалованное въ маѣ мѣсяцѣ духовному вѣдомству Московскаго епархіи) и туда ѣздилъ съ отцомъ Пименомъ. Въ Островѣ владыкѣ была сдѣлана у церкви встрѣча со звономъ и со крестомъ. Архимандритъ водилъ его и показывалъ зданія и объяснилъ свои предположенія. Возвратившись въ монастырь владыка слушалъ всенощное бдѣніе у себя въ Крестовой церкви, а архимандритъ Пименъ служилъ въ Казанской; читалъ за малую вечерней акаѣстию Божіей Матери и всенощное бдѣніе совершалъ соборнѣ.

Погода, съ вечера начавшая мѣняться, къ утру превратилась въ осеннее ненастье, и владыка изъ архіерейскаго дома ѣхалъ въ новоосвященный Казанскій храмъ въ каретѣ; за святыми мощами былъ крестный ходъ въ Николаевскій соборъ. Въ сослуженіи со владыкой участвовали: архимандритъ Пименъ, Перервинскій игуменъ Никодимъ, Старо-Голутвинскій игуменъ Сергіи, Бѣломосецкій игуменъ Іоанникій, Бобреневскій строитель Феоктистъ, протоіерей Гавріилъ и два іеромонаха. Послѣ освященія владыка возвратился въ

архирейскія палаты, потомъ ѣздилъ въ гралезу, по окончаніи которой благословилъ всю братію и въ исходѣ третьяго часа отправился въ обратный путь въ Москву.

Освященіе Крестовой церкви совершалъ преосвященный Леонидъ, въ самый день праздника Преподобнаго Сергія, сентября 25 дня.

Преосвященный прибылъ наканунѣ и соборѣ съ архимандритомъ и монастырскою братіей совершалъ въ Крестовой церкви всенощное бдѣніе. На утро послѣдовало освященіе; за святыми мощами владыка съ крестнымъ ходомъ ходилъ въ скитскій храмъ. Гралеза была праздничная въ большой гралезной палатѣ, и преосвященный и нѣкоторые изъ московскихъ посѣтителей гралезовали съ братіей.

Въ это же время Угрѣтскій казначей іеромонахъ Нилъ былъ назначенъ владыкой исправлять должность настоятеля Николо-Берлюковской лустыни, въ Богородскомъ уѣздѣ. Онъ былъ уроженецъ Рязанской губерніи, города Сколина, изъ торговаго сословія, назывался въ міру Никита Лукичъ Сафоновъ, поступилъ въ Николо-Угрѣтскій монастырь въ 1852 году, еще при игуменѣ Иларіи, но постриженъ уже отцомъ Пименомъ. Онъ проходилъ всѣ послушанія; изъ экономовъ въ 1868 году, послѣ поступления отца Сергія въ Старо-Голутвинъ монастырь, заступилъ его мѣсто и должность казначейскую исправлялъ тщательнo и ревностно и управленіемъ своимъ Берлюковскою лустынею доказалъ что отецъ Пименъ не ошибся указавъ на него владыкѣ какъ на человѣка могущаго быть во главѣ обители приходившей въ нравственный упадокъ и требовавшей твердой руки которая въ состояніи была бы поддержать ее и возстановить, такъ какъ обитель эта прежде цвѣтущая въ продолженіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ сильно упала.

Хотя отецъ Пименъ по суровости своего характера не выказывалъ особаго своего расположенія къ казначею Нилу, но онъ чувствовалъ что это твердая у него подъ руками опора и человѣкъ способный и дѣльный и потому очень жалѣлъ его и при прощаніи съ нимъ не могъ воздержаться отъ слезъ. Онъ самъ повезъ его въ Берлюки и тамъ его водворилъ.

Въ началѣ сѣдующаго 1871 года скончался въ Коломенѣ въ Троицкомъ Ново-Голутвинѣ монастырѣ настоятель онаго архимандритъ Тихонъ, который съ 1835 и до 1846 года былъ настоятелемъ Дмитровскаго Борисоглѣбскаго монастыря и

оттуда поступивъ въ этотъ, провела въ немъ цѣлую четверть столѣтїа, не только не благоустроивъ монастыря, но оставивъ его въ совершенномъ упадкѣ и въ полной нищетѣ.

Лично, какъ человекъ, онъ былъ весьма почтенный, воздержный и нестяжательный старецъ, благонамѣренный и по своей жизни безукоризненный, но нисколько не способный къ управленію монастыремъ, не имѣя ни рѣшимости ни твердости характера необходимыхъ для правителя: онъ былъ постоянно подъ вліяніемъ другихъ и какъ покорное дитя исполнялъ желанія другихъ, ни къ чести себѣ, ни къ пользѣ братіи и къ явному вреду всей обители.

День его кончины, 7 февраля, пришелся въ самое процальное воскресенье.

Отецъ Пименъ послѣ прощанія съ братіей только что возвратился изъ церкви въ келью какъ ему подали делешу отъ Голутвинскаго игумена Сергія, извѣщавшаго его объ этой кончинѣ. Какъ благочинному монастырей штатныхъ слѣдовало бы туда ѣхать настоятелю Богоявленскому архимандриту Никодиму, но почему-то было назначено туда отправиться отцу Пимену, а на погребеніе ожидали и преосвященнаго Игнатія епископа Можайскаго.

Въ понедѣльникъ отецъ Пименъ отправился и прибывъ нашелъ монастырь въ совершенномъ общипаніи: монастырскихъ денегъ было рублей около 15, и не нашлось даже порядочнаго воздуха чтобы прикрыть лицо покойника, а собственно у него было имѣнія не болѣе какъ на сто рублей. Отецъ Пименъ былъ въ недоумѣніи что ему дѣлать и на какія суммы хоронить усопшаго; но нашлись добрые люди и всѣ затрудненія устранились, такъ что все обратилось даже къ лучшему: покойника въ городѣ любили и уважали за хорошую его жизнь, и соборный староста вызвался принять на себя всѣ расходы церковныя, освѣщеніе, плату лѣтчимъ и прочее, а одинъ изъ коломенскихъ богачей и почетныхъ гражданъ Ротинъ изъявилъ желаніе заллатить за поминковый столъ и за всѣ остальные издержки, такъ что погребеніе вышло не только приличное, но даже великолѣпное.

Архимандрита по его желанію положили въ самомъ монастырѣ подъ соборнымъ храмомъ.

Послѣ погребенія и трапезы, когда преосвященный Игнатій и отецъ Пименъ стали благодарить Ротина что онъ такъ щедро содѣйствовалъ благодѣлю погребенія, онъ сказалъ: „Я и всегда бы готовъ былъ поддержать нашъ монастырь и

помочь ему, но по милости этого штатнаго положенія онъ до того дошелъ что его хотять, какъ я слышала, закрыть. Это будетъ очень прискорбно нашему городу что онъ будетъ совсѣмъ безъ монастыря; одинъ только былъ и тотъ закрыть. Если бы я только былъ увѣренъ что начальство согласится монастырь не упразднить, а открыть въ немъ общежитіе и отца Сергія перевести изъ Старо-Голутвина монастыря въ Троицкій, а весьма охотно принялъ бы въ этомъ участіе, да и домъ который у меня въ Коломнѣ отдалъ бы въ пользу монастыря...“

Отецъ Пименъ зналъ какъ митрополитъ Инокентій сочувствуетъ общежительному уставу и потому общалъ Ротина довести до свѣдѣнія владыки его готовность содѣйствовать возобновленію монастыря пришедшаго въ упадокъ.

Преосвященный и архимандритъ посѣтили Ротина и благодарили его за участіе принятое имъ въ погребеніи.

Отецъ Пименъ не замедлилъ довести владыкъ о намѣреніяхъ Ротина и склонилъ его ускорить перемѣщеніе игумена Сергія изъ Старо-Голутвина монастыря въ Ново-Голутвинъ. Какъ человекъ свѣдущій въ дѣлѣ, бывъ назначенъ на Угрѣшскіе во время преобразования монастыря штатнаго въ общежитіе, отецъ Сергіи зналъ какъ ему приматься за дѣло и руководимый отцомъ Пименомъ и при содѣйствіи и вещественномъ вспоможеніи Ротиныхъ мужа и жены, онъ мѣсяе чѣмъ въ годъ подготовилъ монастырь къ открытію въ немъ общежитія, которое и послѣдовало 26 ноября того же 1871 года, въ день памяти святителя Инокентія Иркутскаго и въ день имени митрополита Московскаго.

Открытіе совершилъ преосвященный Леонидъ со всѣмъ благоуліемъ и торжествомъ какое было возможно по мѣстнымъ условіямъ и по средствамъ обители, не имѣвшей еще собственныхъ средствъ.

Коломенскій архіерейскій домъ, однажды уже спасенный митрополитомъ Платономъ отъ упраздненія и отъ превращенія въ казармы и коюшню и превращенный въ монастырь, по прошествіи 70 лѣтъ, снова угрожаемый запустѣніемъ, былъ вторично сохраненъ въ цѣлости тщаніемъ митрополита Инокентія, поличительностью отца Пимена, дѣятельною, щедрою помощію благотворителей Ротиныхъ и неутомимыми ревностными заботами и стараніемъ отца Сергія.

„Въ искренномъ и теломъ участіи, которое принялъ Гурій Θεодоровичъ Ротинъ въ судьбахъ Ново-Голутвинской обители“, говоритъ отецъ Пимель въ своихъ воспоминаніяхъ, „выразилось, я полагаю, не столько его собственныя личныя чувства и убѣжденія, сколько вообще сочувствіе русскаго православнаго люда къ уставу общежительному. Это весьма естественно: ибо жизнь общежительныхъ монастырей, не утратившая духа первобытно-древней простоты и основанная на взаимномъ довѣрїи и совершенной покорности младшихъ старшимъ, ближе къ понятіямъ Русскаго народа, нежели тѣ нятянутыя отношенія которыя были вымышлены для монастырей штатныхъ. Поэтому-то она и находить сочувствіе большинства, какъ вѣчто родное и близкое къ сердцу русскаго человѣка. Да и самыя даже образованные люди, хотя и вовсе не проникнутые монашескимъ духомъ, но имѣющіе о монашествѣ неискаженное понятіе, чистосердечно сознають что тѣ высокія христіанскія добродѣтели смиренія, нестяжанія и нравственной чистоты, безъ которыхъ монашество немислимо, несравненно скорѣе приобрѣтаются и лучше сохраняются въ уединеніи обителей общежительныхъ чѣмъ среди суетливой и разсѣянной жизни, сложившейся въ штатныхъ монастыряхъ, по большей части окруженныхъ мірскими жилищами.

„Вотъ почему и Троицкій Ново-Голутвинъ монастырь, цѣлыя 70 лѣтъ существовавшій въ Коломнѣ, былъ предметомъ всеобщаго сожалѣнія и предоставляемый своимъ собственнымъ средствамъ, едва существовалъ, но преобразованный въ общежитіе воскресъ изъ развалинъ и такъ быстро обновился и пришелъ въ цвѣтущее положеніе.“

XI.

Послѣ того какъ въ маѣ мѣсяцѣ 1870 года вся господская усадебная земля въ селѣ Островѣ со всѣми на оной строевыми была высочайше безвозмездно пожалована въ собственность духовному вѣдомству Московской епархіи, и въ іюнь мѣсяцѣ того же года передана ему закономъ порядкомъ отъ свѣтскаго начальства, владыка учредилъ *Комитетъ по устройству Островской Владычной Богадѣльни*, и предсѣдателемъ назначилъ отца Пимела.

. Тотчасъ было приступлено къ изготовленію потребныхъ матеріаловъ и къ предварительнымъ работамъ, а съ мая мѣсяца 1871 года къ самому дѣлу, то-есть къ передѣлкамъ въ зданіи въ которомъ предназначено было устроить богадѣльню. Это одноэтажное зданіе составляетъ нѣсколько удлиненный квадратъ, въ серединѣ котораго дворъ, двѣ стороны самыя длинныя имѣютъ по 50 сажень длины, а другія двѣ по 40 сажень, ширина безъ одного аршина 7 сажень. При графинѣ Орловой это былъ скотный дворъ. Внутренность зданія распредѣлили такъ:

1) Въ юго-восточномъ углу устроили церковь во имя Святителей Петра митрополита Московскаго и Иннокентія Иркутскаго чудотворца.

2) Въ противоположномъ, сѣверо-западномъ углу общая столовая и поварня.

3) Больница и аптека въ серединѣ зданія.

4) Кладовыя и погреба.

5) Баня и прачечная.

6) Первоначально отдѣльныхъ помѣщеній для 90 семействъ или приблизительно для 250 человекъ, а въ 1875 году было еще прибавлено во вновь отдѣланномъ другомъ зданіи еще на 30 семействъ, такъ что въ настоящее время всѣхъ призваемыхъ взрослыхъ и дѣтей тамъ находится до 300 человекъ.

Неутомимо заботилась отецъ Пимень объ устроеніи этого заведенія: онъ почти ежедневно отправлялся въ Островъ и оставался тамъ на работахъ по нѣскольку часовъ. Когда требовалось его присутствіе никакая погода не могла ему воспрепятствовать туда отправиться: весной и осенью, когда въ грязное время оказывалось сообщеніе въ экипажѣ неудобнымъ, онъ лѣшкомъ переходилъ черезъ мостъ за Москву-рѣку, иногда до Острова шелъ совершенно одинъ по грязи и слякоти, а иногда ему высылали лошадь съ телѣжкой. И такую жизнь онъ велъ въ продолженіе почти цѣлаго года, нѣсколько не тяготась этимъ почти постороннимъ для него дѣломъ, прилатымъ на себя по желанію владыки и ради пользы ближнему.

Какъ Угрьшскій монастырь обязанъ отцу Пимену своимъ возстановленіемъ и цвѣтущимъ положеніемъ, такъ точно Островская богадѣльня обязана ему своимъ существованіемъ и благоустройствомъ, потому что безъ его содѣйствія едва ли бы

владыка рѣшился предпринять подобное дѣло, а ежели бы и предпринялъ, но поручилъ бы людямъ имѣющимъ семейства и живущимъ въ Москвѣ, вышло бы совершенно иное, нежели то что было устроено стараніемъ и бдительностію отца Пимена.

Всѣ работы были окончены къ 26 ноября 1871 года и предполагалось въ самый день праздника совершить освященіе храма и открытіе богадѣльни, но вовсе необычное разлитіе Москвы-рѣки въ столь позднее время года заставило владыку отложить освященіе до первой возможности. Отсутствіе морозовъ и снѣга мѣшало удобству сообщеній по Москвѣ-рѣкѣ, на которой живой мостъ былъ уже снятъ, и только послѣ Николаина дня, въ первыхъ числахъ декабря, установилось безопасное сообщеніе, и назначено было для освященія 12 декабря.

Наканунѣ освященія прибылъ на Угрѣшу послѣ полудня владыка съ преосвященнымъ Игнатіемъ и съ протоіереемъ Гаврииломъ и проѣхалъ прямо въ архіерейскія палаты; къ вечеру прибылъ преосвященный Леонидъ и остановился въ скиту. По приглашенію владыки прибыли нѣкоторые изъ настоятелей и изъ московскихъ протоіереевъ. Всенощное бдѣніе для владыки совершалось въ Крестовой церкви, а въ Островъ посылали іеромонаховъ и лѣвцовъ изъ монастыря.

На слѣдующее утро всѣ участвовавшіе въ освященіи преосвященные и настоятели отправились въ Островъ къ восьми часамъ, а къ девяти прибылъ туда и владыка. Съ нимъ служили оба преосвященные, отецъ Пименъ, протоіерей Рождественскій изъ Москвы отъ Черниговскихъ Чудотворцевъ и еще какіе-то два протоіерея. Проловъдъ говорилъ протоіерей Калустинъ отъ Никиты Мученика въ Баоманной; вмѣсто лѣвчихъ лѣли угрѣшскіе братіи и весьма удачно.

По окончаніи литургіи владыка и за нимъ всѣ прочіе пошли въ трапезную палату, гдѣ поднесли владыкѣ хлѣбъ-соль какъ хозяину и подали чай; затѣмъ послѣдовалъ актъ открытія, священникъ Антушевъ читалъ отчетъ и объ издержкахъ на построеніе и о средствахъ заведенія.

Ежегодный доходъ Островской богадѣльни простирается до пятнадцати тысячъ рублей; двѣ трети этой суммы взносятся ежегодно разными монастырями, а третья часть получается съ капитальной суммы во сто тысячъ взятой изъ Переувинскихъ суммъ и положенной въ банкъ; владыкой пожертвовано изъ собственныхъ его денегъ пять тысячъ. Судя по

доходу Островская богадѣльня обезпечивается, слѣдовательно, суммой въ триста тысячъ рублей.

По прочтеніи отчета владыка пожелалъ обойти все заведеніе и все осмотрѣть, такъ какъ въ то время его зрѣніе дозволяло ему еще кой-что видѣть и различать предметы. Онъ остался всѣмъ чрезвычайно доволенъ и весьма благодарилъ отца Пимена. Многіе ожидали даже какой-нибудь видимой ему награды, но владыка ограничился словами.

Изъ Острова всѣ поѣхали въ монастырь, гдѣ въ большой трапезной палатѣ былъ приготовленъ обѣдъ слишкомъ на 100 человекъ. Во время заздравныхъ провозглашеній за здравіе Государа Императора и всего Царствующаго Дома, Святѣйшаго Синода и владыки и наконецъ настоятеля Угрьскаго отца Пимена, протоіерей Рождественскій, сидѣвшій черезъ столъ противъ владыки, вставалъ и произносилъ краткія пріветственныя рѣчи, на которыя владыка также отвѣчалъ кратко. Наконецъ владыка самъ всталъ, какъ и всѣ сидѣвшіе, и произнесъ краткую, но выразительную рѣчь, въ которой между прочимъ сказалъ: „Напрасно приписываете мнѣ болѣе нежели сколько я сдѣлалъ, вы говорите что я *устроилъ*, что я *учредилъ*, что я *сдѣлалъ*, это не совсѣмъ вѣрно: мнѣ принадлежитъ начинаніе, это правда, но что бы могъ я сдѣлать если бы не нашелъ дѣятелей и не имѣлъ бы сотрудииковъ подобныхъ отцу Пимену (о которомъ владыка тутъ очень распространялся и восхвалялъ его неутомимость и прочее), которые мнѣ бы спослѣшествовали?.. Итакъ, не говорите что я устроилъ богадѣльню, что я открылъ ее; скажите что она была устроена *при мнѣ*, что *было это сдѣлано въ мое время* и это будетъ вѣрнѣе... Итакъ благодарю еще разъ всѣхъ принимавшихъ участіе“ и проч.

Такъ совершилось открытіе этого столь благотворительнаго учрежденія.

Владыка и всѣ прочіе гости разъѣхались къ вечеру въ тотъ же день.

Б.

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ.*

I

Едва ли есть какая-нибудь другая наука о которой у насъ существуютъ такія неопредѣленныя и шаткія представленія, какъ о классической филологіи. А между тѣмъ отъ этой шаткости и неопредѣленности представленій нашихъ о классической филологіи зависятъ главнымъ образомъ и сужденія наши о пользѣ этой науки. Для того чтобы получить болѣе точное и ясное понятіе о томъ что такое классическая филологія, необходимо, по нашему мнѣнію, обратиться къ исторіи этой науки и прослѣдить, какъ понималась филологія прежде и какъ понимается теперь, какую задачу преслѣдовала она прежде и какую теперь, и въ силу чего имѣла она и до сихъ поръ еще имѣеть такое громадное вліяніе на общеевропейское образованіе. Въ краткомъ очеркѣ мы не можемъ исчерпать этотъ вопросъ во всей его полнотѣ и ограничимся указаніемъ на главнѣйшіе моменты въ развитіи этой науки.

Имя свое филологія ведетъ изъ глубокой древности. Взято

* Читано на актѣ Историко-Филологическаго Института въ С.-Петербургѣ, 4 іюня 1881.

оно изъ языка того народа который положилъ начало и далъ названіе почти всѣмъ наукамъ, а именно изъ языка греческаго. Впрочемъ въ древнія времена подъ именемъ филологіи понимали совершенно не то что мы теперь понимаемъ подъ этимъ словомъ. Какъ изъ самой этимологіи этого слова видно, филологія (φιλολογία) первоначально означала любовь къ бесѣдамъ, преимущественно къ бесѣдамъ ученымъ, имѣющимъ высшій интересъ. Такъ у Платона извѣстный философъ Сократъ въ этомъ смыслѣ названъ филологомъ. Въ послѣдствіи, въ періодъ Александрійскій и во времена Римскія, именемъ филологіи стали обозначать многообразную эрудицію и филологами стали называть ученыхъ обладавшихъ многообразными знаніями. Такъ напримѣръ извѣстный Александрійскій ученый Эратосеенъ, жившій въ концѣ III вѣка до Р. X., получилъ названіе филолога за свои обширныя и разнообразныя свѣдѣнія по грамматикѣ, литературѣ, географіи, исторіи, математикѣ и астрономіи. * Въ извѣстномъ сочиненіи Марціана Капеллы *de Nuptiis philologiae et Mercurii*, относящемся къ V вѣку по Р. X., еще опредѣленнѣе выступаетъ понятіе филологіи и высчитываются самыя науки которыя древніе подъ конецъ своей исторической жизни обозначали этимъ общимъ именемъ. Эти науки суть: грамматика, риторика, диалектика, арифметика; геометрія, астрономія и музыка. Какъ изъ этого перечня видно, подъ именемъ филологіи, въ концѣ древнихъ вѣковъ, стали понимать всѣ науки входившія въ кругъ тогдашняго общаго образованія. Замѣтимъ что эти семь наукъ, извѣстныхъ еще подъ именемъ *trivium*'а и *quadrivium*'а, легли въ основаніе школьнаго образованія не только Среднихъ Вѣковъ, но продолжали существовать съ нѣкоторыми измѣненіями до новѣйшихъ временъ, какъ это между прочимъ доказываетъ исторія нашихъ духовныхъ заведеній. Впрочемъ въ Средніе Вѣка, несмотря на то что книга Марціана Капеллы была въ употребленіи, имя филологіи было забыто и весь кругъ наукъ стали обозначать новымъ именемъ *сcolastici* и ученыхъ, которыми

* По словамъ Светонія, Эратосеенъ самъ себя далъ это названіе и этимъ же именемъ назвалъ себя извѣстный грамматикъ и риторъ Римскій Л. Атей, такъ какъ оба они почитались людьми обширной и многообразной учености. Suet. *de Gramm.* X: (L. Ateius) philologi appellationem assumpsisse videtur, quia sic ut Eratosthenes, qui primus hoc cognomen sibi vindicavit, *multiplici variaque doctrina censebatur.*

въ древнія времена называли филологами, стали называть схоластиками. * Имя филологіи снова воскресаетъ въ эпоху возрожденія наукъ, и съ этого времени собственно начинается исторія этой науки въ современномъ ея значеніи.

Первою страной въ которой стали заниматься классическою филологіей была Италія. ** Еще въ XIV вѣкѣ извѣстные италіянскіе писатели, какъ-то: поэтъ Петрарка и поведдистъ Боккаччіо съ истинно поэтическимъ воодушевленіемъ принялись за изученіе древнихъ авторовъ, особенно Виргилія и Цицерона, и старались распространить интересъ и любовь къ древнимъ литературамъ между своими современниками. Ихъ примѣръ нашелъ себѣ вскорѣ многочисленныхъ послѣдователей, преимущественно въ средѣ даровитыхъ людей молодого поколѣнія. Особенно въ XV вѣкѣ замѣчаемъ мы въ Италіи необыкновенную ревность въ изученіи классическихъ языковъ и литературъ. Въ главныхъ центрахъ италіанской образованности, при университетахъ и дворахъ, открываются курсы чтенія и толкованія древнихъ авторовъ. Давно забытыя рукописи римскихъ и греческихъ писателей разыскиваются ревностно во всѣхъ бібліотекахъ и монастырскихъ архивахъ и подвалахъ. Сначала изучаются по преимуществу латинскіе авторы, которые были болѣе доступны по своему языку. Вскорѣ однако чувствуется необходимость изучить также и греческихъ авторовъ, на которыхъ римскіе писатели указывали какъ на своихъ наставниковъ и руководителей и безъ которыхъ многія стороны въ римской литературѣ оставались совершенно темными и мелочными. Съ этою цѣлью принимаются гостеприимно византійскіе ученые, которыхъ судьба заставила покинуть свое отечество въ слѣдствіе завоеванія Константинополя Турками. При ихъ помощи италіянскіе ученые изучаютъ греческій языкъ и

* О схоластикѣ см. Kaulich, *Geschichte der Scholastik*. Prag. 1868. Lilieneron, *Der Inhalt der allgemeinen Bildung in der Zeit der Scholastik*. 1876.

** Объ эпохѣ возрожденія классической древности см. образцовое сочиненіе Георга Фойхта: *Die Wiederbelebung des classischen Alterthums* von Dr. G. Voigt. Berlin. 2 auf. 1880. Для предупрежденія недоразумѣній, замѣтимъ что мы классическую филологію будемъ называть просто *филологіей*, такъ какъ до настоящаго столѣтія другой филологіи, какъ-то: романской, германской, славянской и т. п. не было, а существовала одна только классическая филологія.

вскорѣ превосходятъ своихъ наставниковъ въ живомъ пониманіи греческихъ классиковъ. Составляются первыя руководства по греческой грамматикѣ, первыя лексиконы, и для большаго распространенія свѣдѣній по греческой литературѣ самыя главныя произведенія ея переводятся на латинскій языкъ. *

Это ревностное занятіе классическими языками и литературами не ограничивается одною Италіей. Въ XV вѣкѣ, а

* Изъ филологовъ тогдашняго времени, между которыми мы находимъ не только ученыхъ по профессіи, но и государственныхъ дѣятелей и представителей духовной іерархіи, наиболее замѣчательны: *Салутати* (Colutus. Salutatus, † 1406), государственный канцлеръ во Флоренціи, отличный эпистографъ; *Леонардо Бруни*, † 1443, папскій секретарь, исторіографъ Флоренціи, переводчикъ нѣкоторыхъ греческихъ авторовъ, какъ-то: Аристотеля, Демосоена, Платарха и др.; *Поззубіо* (Fr. Poggius, † 1459), ревностный собиратель рукописей; *Варинио* (Varinus, † 1460) и *Филельфо* (Philelphus, † 1481) оба отличные преподаватели древнихъ языковъ; *Лаврентій Валла*, секретарь папы Николая V († 1457), переведшій на латинскій языкъ Геродота и Эукидида, особенно прославившійся трудомъ своимъ: *Elegantiae Latini Sermonis: Перотти* (Perottus, † 1480), переведшій пять книгъ Поливія, сочинитель *Rudimenta linguae latinae*; *Полуціано* (A. Politianus, † 1494), отличный стилистъ и стихотворецъ латинскій; *Фицино* (Ficino, † 1499), медикъ, переведшій на латинскій языкъ Платона и Платина, и др.—Изъ Грековъ содѣйствовавшихъ, какъ практическимъ преподаваніемъ, такъ и литературными трудами, распространенію знаній по греческому языку и литературѣ, наиболее извѣстны: *Эммануилъ Хрисолорасъ* († 1415), *Газа* (Th. Gaza, 1478), сочинитель греческой грамматики, получившей въ то время наибольшее распространеніе; *Виссаріонъ* († 1472) переведшій на латинскій языкъ метафизику Аристотеля; *Дим. Халкондиль* († 1510), при содѣйствіи котораго напечатанъ былъ въ первый разъ Гомеръ и лексиконъ Свиды; *братья Ласкарисы* (Константинъ и Андрей), особенно второй, издавшій схолиі къ Илиадѣ и Софоклу и греческую антологию; *Мусуръ* († 1517), при помощи котораго издааны были лексиконъ Гезихія, творенія Платона и схолиі къ Аристофану. Характеристиченъ для того времени споръ который завязался между самими филологами, о томъ, кому отдать преимущество въ философіи: Платону или Аристотелю. Въ этомъ спорѣ принимали участіе и италіянскіе и греческіе ученые. Споръ конечно остался нерѣшеннымъ, но онъ содѣйствовалъ разъясненію особенностей во взглядахъ этихъ двухъ величайшихъ философовъ древности. Повидимому, Платонъ имѣлъ болѣе горячихъ приверженцевъ.

еще болѣе въ XVI оно распространяется и утверждается во всей остальной западной Европѣ.

Если мы спросимъ почему въ XIV и XV вѣкѣ въ западной Европѣ принялись такъ усердно за изученіе классическихъ языковъ и литературъ и почему это изученіе получило такое громадное значеніе въ системѣ европейскаго образованія, то отвѣтъ на это мы должны искать въ исторіи средневѣковаго просвѣщенія. Тѣ семь наукъ которыя завѣщаны были древними и легли въ основаніе средневѣковаго образованія, вслѣдствіе грубости народовъ выступившихъ на поприще исторіи и вслѣдствіе другихъ обстоятельствъ, не только не получили никакого развитія, но частью совершенно были забыты, частью получили направленіе слишкомъ одностороннее и безплодное. Мы не говоримъ уже о наукахъ словесныхъ, какъ-то: грамматикѣ, риторикѣ и т. п., которыя представляли жалкія крохи древнихъ комментаріумовъ и потеряли всякое образовательное значеніе будучи изучаемы безъ образцовъ древнихъ на основаніи которыхъ онѣ были составлены. Сама философія, составлявшая суть схоластическаго образованія, послѣ краткаго періода процвѣтанія превратилась въ концѣ Среднихъ Вѣковъ въ лустую діалектику истощавшуюся въ безконечныхъ диспутахъ на давно избитыя темы, въ родѣ того существовали ли *universalia ante rem* или *post rem* *. Повидимому она основывалась на ученіи Аристотеля, но въ дѣйствительности руководителемъ ея былъ не древній Аристотель, котораго въ подлинникѣ не читали, потому что не знали греческаго языка, а Аристотель въ плохомъ переводѣ латинскомъ, сдѣланномъ притомъ не съ оригинала, а съ перевода же арабскаго и затемненные толкованіями Аввероеса, въ свою очередь требовавшими новыхъ толкованій. Притомъ философія строго была подчинена въ то время неумолимой ферулѣ католической теологіи и не смѣла выходить изъ своего завѣтнаго круга. Замѣтимъ что къ области философіи относились тогда и математика и

* О мелочности и безплодности тогдашней схоластической философіи можно судить по тому что она занималась рѣшеніемъ такихъ вопросовъ, какъ напр. гдѣ былъ Богъ до сотворенія міра, могъ ли Богъ воплотиться въ женщину, какъ злые духи входятъ въ человеческое тѣло и какъ они выходятъ изъ него, какое вліяніе имѣютъ 12 знаковъ зодіака на жизнь человѣка, что такое квинтессенція, какаѧ разница между *quidditas* и *esseitas* и т. п.

естествовѣдѣніе, а потому и эти науки находились въ жалкомъ состояніи, такъ какъ всякое самостоятельное наблюденіе и всякое самостоятельное сужденіе считались чуть ли не отступленіемъ отъ догматовъ церкви. Извѣстно что даже въ XVI вѣкѣ астрономъ Галилей подвергся преслѣдованію римской инквизиціи за то что осмѣлился доказывать что земля движется. По этому факту можно судить какое подавляющее вліяніе имѣла схоластическая теологія на развитіе всѣхъ наукъ въ тѣ времена когда папскій авторитетъ не былъ еще поколебленъ реформацией. Подъ вліяніемъ схоластики даже практическія науки, какъ юриспруденція и медицина, не двигались впередъ и косились въ кругу избитыхъ формулъ и терминовъ. Словомъ, въ концѣ Среднихъ Вѣковъ всѣ науки не только не представляли ничего живаго для ума пытливаго и любознательнаго, но должны были отталкивать своею безсодержательностью и пустотой. И подобно тому какъ всѣ неудовлетворявшіеся схоластическою теологіей обратились къ источникамъ вѣры—къ Библии и твореніямъ первыхъ отцовъ церкви (Августина, Тертуліана), такъ точно въ области знаній стали обращаться къ источникамъ наукъ—къ древнимъ литературамъ. Въ нихъ тогдашнее европейское общество нашло не только болѣе глубокія и полныя знанія по разнымъ отраслямъ человѣческаго вѣдѣнія, но, что еще важнѣе, ту свободу мысли въ изслѣдованіи разныхъ вопросовъ науки которая подавлена была схоластикой и то неподражаемое умѣніе излагать самые отвлеченные предметы въ формѣ простой, изящной и общедоступной, какое напрасно было искать въ твореніяхъ схоластиковъ. Отсюда объясняется то увлеченіе съ какимъ стали изучать древніе языки и литературы въ XIV и XV вѣкѣ.

Обратимся теперь къ исторіи филологіи и постараемся показать какъ постепенно развивалась эта наука, какъ все болѣе и болѣе опредѣлялось ея содержаніе и ея цѣль и какъ наконецъ выработалось то понятіе о ней какое теперь ей придается.

II.

Сначала, когда впервые стали заниматься въ Европѣ древними языками и литературами, филологія не была спеціальностью, въ родѣ того какъ напримѣръ были теологія, юриспруденція или медицина. Древнія литературы изучали всѣ кто только жаждалъ просвѣщенія. Поэтому между филологами XIV и XV вѣка находимъ мы ученыхъ разныхъ профессій, и теологовъ, и юристовъ, и медиковъ, и математиковъ, а также и просто литераторовъ. Всѣ они въ древнихъ литературахъ видѣли источникъ знаній и образцы для подражанія. Филологію понимали тогда какъ любовь къ наукамъ вообще, какъ занятіе такими предметами которые наиболѣе въ состояніи облагородить и просвѣтитъ духъ, словомъ, какъ занятія наиболѣе приличныя высшимъ стремленіямъ человѣческой природы. Поэтому занятіе древними литературами стали называть *studia humaniora* или *humanitatis*. Въ этомъ *универсальномъ* направленіи тогдашней филологіи заключалась главнымъ образомъ образовательная сила ея. Благодаря тому что она не была спеціальностью, а преслѣдовала общія цѣли просвѣщенія, касаясь почти всѣхъ сторонъ человѣческаго вѣдѣнія, она и могла благотворно дѣйствовать на возрожденіе почти всѣхъ наукъ. Подъ вліяніемъ ея прежде всего подверглась обновленію философія. Филологи первые познакомили западноевропейское общество съ ученіемъ Платона и съ подлиннымъ текстомъ Аристотеля и тѣмъ самымъ подорвали схоластику и внесли болѣе свободы и содержанія въ философскія изслѣдованія. А такъ какъ философія тѣсно была связана съ теологіей, то движеніе въ первой отразилось также и на послѣдней, какъ это достаточно извѣстно изъ исторіи реформации, въ которой филологи (или какъ ихъ иначе называли гуманисты) приняли немаловажное участіе. Вліяніе филологіи испытала также и юриспруденція, такъ какъ она содѣйствовала изученію и объясненію тѣхъ римскихъ источниковъ на которыхъ основывалась эта наука. Прямое однако и непосредственное вліяніе оказала филологія на науки словесныя. Безъ преувеличенія можно сказать что она не только обновила, а скорѣе создала эти науки. Занятіе языкомъ, теоріей прозы и поэзіи, вообще занятіе литературой

въ Средніе Вѣка почти не существовало. Отсюда объясняется та варварская латынь которою писали въ Средніе Вѣка *. Филологи были первые которые обратились къ изученію языка и изящной литературы. Конечно они имѣли при этомъ въ виду болѣе практическую чѣмъ чисто теоретическую цѣль, а именно старались усвоить себѣ искусство писать по-латыни такъ какъ писали древніе. Въ этомъ отношеніи они можетъ-быть увлекались до педантизма, стараясь на примѣръ рабски подражать Цицерону и считая всякое отступленіе отъ Цицероновскаго стиля чѣмъ-то варварскимъ. ** Но и это подражаніе изящнымъ формамъ древнихъ классиковъ имѣло болѣе глубокое значеніе чѣмъ оно можетъ показаться на первый взглядъ. Нужно замѣтить что въ эпоху возрожденія наукъ латинскій языкъ былъ въ Западной Европѣ не только языкомъ церкви и науки, но и языкомъ дипломатіи, литературы и вообще международнымъ языкомъ образованнаго общества; слѣдовательно, стремленіе ввести опять изящный языкъ древнихъ Римлянъ должно было оказать огромное вліяніе на эстетическое образованіе тогдашняго общества, на развитіе и облагороженіе его вкуса. Въ послѣдствіи, когда стали выработываться національныя литературы, римскіе и греческіе образцы послужили для нихъ нормами и наложили на нихъ свой классическій отпечатокъ.

* Замѣтимъ что схоластики, погруженные въ исследование разныхъ мелочныхъ вопросовъ теологическаго и философскаго содержанія, смотрѣли какъ на глупость на занятіе литературой, исторіей и особенно изящною словесностью и поэзіей.

** Къ числу такихъ *Цицеронианцевъ* принадлежали: Петръ Бембо (1470—1547), написавшій *Исторію Венеціи*, котораго пуризмъ доходилъ до того что онъ, не смотря на то что былъ кардиналомъ, не хотѣлъ читать посланій апостола Павла изъ боязни испортить свой саогъ; Никололи (Nizolius, 1498—1566), котораго *Thesaurus Ciceronianus* считался какъ бы канономъ настоящаго цицероновскаго языка; П. Мануцій (Manutius, 1511—1574), издатель Цицерона; Муретъ (M. Ant. Murætius, 1526—1585), юристъ и филологъ, образецъ Цицероновскаго стиля и другіе. Это подражаніе Цицерону продолжало существовать и въ послѣдующіе вѣка. Замѣтимъ кстати что филологи XV, XVI и XVII вѣковъ владѣли латинскимъ языкомъ въ совершенствѣ, какъ на примѣръ, Эрасмъ (1467—1536), отличавшійся обширнѣйшими познаніями, Шотландецъ *Бскананъ* (1465—1547), написавшій латинскія превосходныя стихотворенія, *Фрейнсеймъ* (1608—1660), написавшій дополненія къ Ливію и др.

Такимъ образомъ универсальность въ направленіи съ одной стороны и стремленіе къ подражанію древнимъ съ другой—составляютъ главную отличительную черту филологіи XIV и XV вѣка.

Этотъ характеръ въ общемъ и цѣломъ сохранила филологія и въ слѣдующихъ двухъ вѣкахъ, въ XVI и XVII, когда она стала особенно процвѣтать во Франціи, Нидерландахъ и Англіи. Полпрежнему она не составляетъ еще исключительной спеціальности, полпрежнему остается въ силѣ и подражаніе древнимъ. Но въ частности филологія XVI и XVII вѣка представляетъ уже свои особенности которыя замѣтно отдѣляютъ ее отъ филологіи предшествовавшего періода.

Вопервыхъ, все болѣе и болѣе начинаетъ выдвигаться на первый планъ та дѣятельность филологическая которая κατ'ἐξοχήν считается ея спеціальною дѣятельностію и которая наиболѣе способствовала развитію филологіи какъ науки. Я разумно изданіе, исправленіе и толкованіе древнихъ текстовъ. Въ предшествовавшемъ періодѣ, то-есть въ XIV и XV вѣкѣ, было положено только начало изданію и толкованію древнихъ авторовъ, но далеко еще не всѣ авторы были изданы, да и появившіяся изданія далеко не отличались тщательностію. Критики, по новости дѣла и по недостатку матеріала, почти что не существовало. Въ XVI же и въ XVII вѣкѣ дѣятельность филологовъ преимущественно направлена была на возможно полное и исправное изданіе древнихъ памятниковъ письменности и на собраніе матеріала относящагося къ языку и содержанію древнихъ литературъ. Къ этимъ временамъ принадлежатъ тѣ громадныя сборники или *тезауры* по языку и древностямъ и тѣ многочисленныя изданія авторовъ съ комментаріями которыя поражаютъ насъ своею громадною эрудиціей и до сихъ поръ еще не утратили своего значенія. Для подтвержденія нашихъ словъ достаточно назвать тезауры по древностямъ Гревія и Гронова, лексиконы Роберта и Генриха Стефана и изданія авторовъ съ комментаріями или замѣтками Скалигера, Ламбина, Лилсіуса, Казаубона, Сальмазія, Гейнзіуса, Бурмана и др. * Кромѣ того и

* Робертъ Стефанъ (Stephanus или Estienne, † 1550), Французъ, составилъ громадный лексиконъ по латинскому языку: *Thesaurus linguae latinae*. Сынъ его Генрихъ Стефанъ (Henricus Stephanus, † 1598)

критика за это время сдѣлала большіе успѣхи. Уже въ XVI вѣкѣ отличались какъ критики нѣкоторые изъ названныхъ выше филологовъ, какъ-то: Скалигеръ и Липсіусъ. Еще болѣе замѣчательнъ въ этомъ отношеніи XVII вѣкъ, въ концѣ котораго жилъ извѣстный англійскій филологъ Бентлей, прожившій начало рациональной критикѣ и чрезъ разработку метрики содѣйствовавшій немало лучшему исправленію испорченнаго текста древнихъ поэтовъ, особенно римскихъ.*

составилъ подобный же трудъ по греческому языку, до сихъ поръ еще незамѣнимый и съ нѣкоторыми дополненіями и измѣненіями вновь изданный въ 1838. *Græciæ* (Grævius или Græve, 1632—1703) издалъ въ 12 томахъ древности римскія: *Thesaurus antiquitatum Romanarum* и кромѣ того *Thesaurus antiquitatum et historiarum Italiae*. Подобный же трудъ о греческихъ древностяхъ издалъ Яковъ Гроновъ (1645—1716) *Thesaurus antiquitatum Graecarum*, въ 12 томахъ; онъ же извѣстенъ своими замѣтками и комментаріями ко многимъ греческимъ и латинскимъ авторамъ. Иосифъ Скалигеръ (1540—1609), Французъ, безспорно самый замѣчательный филологъ XVI вѣка, обладавшій обширными познаніями по разнымъ наукамъ и необыкновеннымъ критическимъ талантомъ. Онъ издалъ *Varrona*, *Festum*, *Mamilia* и другихъ трудныхъ авторовъ, но болѣе всего прославился своими изсѣдованіями по древней хронологіи и исторіи (о чемъ см. ниже). Ламбинъ († 1572) извѣстенъ своими комментаріями къ Горацию, Лукрецію, Цецерону и Плавту. Липсіусъ (Justus Lipsius, † 1606), знатокъ римской литературы и замѣчательный критикъ; изъ его трудовъ наиболѣе цѣнятся его замѣтки и поправки къ тексту Тацита, Веллея Патеркула и Валерія Максима. Казубонъ (Cassaubonus или Casaubon, 1559—1614), одинъ изъ лучшихъ эллинистовъ XVI вѣка извѣстный многочисленными своими комментаріями къ Персію, Светонію и другимъ, а также трактатомъ о римской сатурѣ. Саламзій (Claude Saumaise, 1588—1653), изъ трудовъ котораго наиболѣе важны *Exercitationes Plinianaæ*. Даниилъ Гейнзій (Heinsius, † 1655) и сынъ его Николай Гейнзій, первый болѣе эллинистъ и издатель греческихъ авторовъ (Аристотеля, Теофраста и др.), второй болѣе латинистъ. Бурманъ (Petrus Burmannus), трудолюбивый издатель многихъ латинскихъ авторовъ.

* *Ричардъ Бентлей* (Bentley, 1662—1742), одинъ изъ лучшихъ филологовъ XVII и начала XVIII вѣка, первый внесъ въ критику опредѣленный принципъ. Извѣстное изреченіе его *nobis et ratio et res ipsa centum codicibus potiores sunt* сдѣлалось какъ бы руководящимъ началомъ для позднѣйшихъ филологовъ. Не буква, не традиція должна рѣшать что сѣдуетъ признавать подлиннымъ и подложнымъ въ текстѣ древнихъ авторовъ, а разумъ и самое дѣло. Конечно такой

Затѣмъ, повторныхъ, въ XVI и XVII вѣкѣ изъ разнообразнаго круга предметовъ которыми занималась филологія, стали выдѣляться особенно два предмета на которыхъ по преимуществу начала сосредоточиваться ея дѣятельность, а именно: *языкъ* и *исторія*. Языкъ впрочемъ, особенно латинскій, изучали тогда не въ томъ смыслѣ какъ теперь его изучаютъ, чтобы только понять строеніе и развитіе его, а болѣе съ цѣлью практической, чтобы уметь пользоваться имъ въ совершенствѣ, такъ какъ онъ попрежнему оставался еще такъ-сказать общевропейскимъ языкомъ людей ученыхъ и образованныхъ. Оттого не ограничивались изученіемъ грамматики, но болѣе занимались теоріей прозы и поэзіи и старались усвоенное теоретически примѣнять къ практикѣ чрезъ подражаніе древнимъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ безчисленные *institutiones oratoriae* и *gradus ad Parnassum*, а также латинскія стихотворенія, рѣчи, эпистолы и другаго рода литературныя произведенія дошедшія до насъ отъ этого времени. Кромѣ языка или, вѣрнѣе сказать, *alexandrinum*, выдающимся предметомъ тогдашнихъ филологическихъ занятій была исторія, притомъ исторія не въ тѣсномъ значеніи этого слова, а въ томъ обширномъ значеніи какъ понимали ее въ древности, то-есть какъ знаніе и изслѣдованіе всего замѣчательнаго въ жизни какого-нибудь народа. Кстати замѣтимъ что почти до нынѣшняго столѣтія исторія не только Грековъ и Римлянъ, но и вообще вся древняя исторія, напримѣръ

принадлежитъ, отчасти субъективный, могъ провозгласить и съ успѣхомъ практиковать только такой филологъ какъ Бенгтсей, обладавшій и разумомъ и знаніемъ самаго дѣла (то-есть языка, литературы, древностей и т. п.). Да и успѣшной критикой текста поэтовъ онъ требовалъ, кромѣ того, еще и знаніе метрики древней и самъ положилъ начало разработкѣ этой науки. Изъ его трудовъ и до сихъ поръ выскоко цѣнятся его изданія Горация. Необыкновенное сочетаніе учености и критическаго таланта показало онъ въ своемъ сочиненіи о письмахъ Фаавариса, Эмистокла и др., которыя послѣ его критики перестали считаться подлинными произведеніями классической древности. Благодаря Бенгтсею критическое направленіе стало преобладающимъ между англійскими и нидерландскими филологами XVIII вѣка. Между первыми замѣчательны какъ критики *Markland*, *Porson* и *Blaisley* (два послѣдніе, особенно какъ издатели трагиковъ греческихъ), между послѣдними—*Гемстерхуисъ* (*Hemsterhusius*) и *Рункенъ* (*Rhunkenius*).

исторія Востока, изучалась почти исключительно по римскимъ и греческимъ источникамъ; слѣдовательно она какъ бы по праву принадлежала вѣдѣнію филологовъ занимавшихся этими источниками. Такое совокупное занятіе филологовъ языкомъ и исторіей * имѣло въ результатъ развитіе вообще исторической науки. Можно безошибочно сказать что филологи XVI и XVII вѣка не только собирали и издавали историческій матеріалъ, но и положили начало исторической критикѣ и новѣйшей историографіи. Въ подтвержденіе этого достаточно указать на труды Скалигера, который своими обширными изслѣдованіями о лѣтосчисленіяхъ далъ исторіи, насколько это возможно было въ тогдашнее время, твердую хронологическую основу. **

* Замѣтимъ что въ XVI и XVII и отчасти XVIII вѣкѣ въ университетахъ, особенно нидерландскихъ и германскихъ, филологи обыкновенно занимали кафедру краснорѣчія и исторіи, какъ напримѣръ Юстъ Липсій, Меурзіи, Гер. Фоссъ, Перизоній, Бурманъ, Дракенборхъ и др. Въ предшествующемъ же періодѣ, то-есть въ XIV и XV вѣкѣ, филологи, какъ академическіе преподаватели, обыкновенно назывались профессорами элоквенціи или же риторики и лѣтики. Это названіе осталось за ними и въ слѣдующихъ вѣкахъ, съ присоединеніемъ еще эпитета профессоръ исторіи.

** Главнѣйшія его изслѣдованія по хронологіи и исторіи суть слѣдующія: *De emendatione temporum* (изд. въ 1583 и вновь въ 1629), послужившее основаніемъ для всѣхъ позднѣйшихъ трудовъ въ этой области; *Thesaurus temporum, complectens Eusebii Pamphili Chronicon 2 vol. 1606* и 2e изд. 1658; *Συναγωγή ἱστορίων* или *Ὀλυμπιάδων ἀντιγραφὴ; Canones Chronologici*. Кромѣ того онъ первый оцѣнилъ важность эпиграфики и нумизматики для исторической науки. Современникъ его Голландецъ Грутеръ (1560—1627), предпринявшій изданіе латинскихъ надписей, нашелъ въ немъ дѣятельнаго сотрудника. Самое лучшее въ этомъ изданіи также какъ и *index* принадлежитъ Скалигеру (*Gruteri, Inscriptiones antiquae totius orbis Romani cum indicibus Scaligeri, 2 vol. 1603*). По нумизматикѣ онъ оставилъ сочиненіе *De re nummaria*, помѣщенное въ *Thesaurus antiquitatum Graecarum* Гронова. Его изслѣдованія имѣли огромное значеніе, потому что они были основаны на обширномъ и всестороннемъ изученіи всѣхъ имѣвшихся въ то время источниковъ и на строгой критикѣ матеріала. Замѣтимъ между прочимъ что Скалигеръ указывалъ на нѣкоторыя несообразности традиціонной церковной исторіи и за то подвергся гоненію иезуитовъ. Въ то время какъ Скалигеръ показывалъ какъ слѣдуетъ разрабатывать историческій матеріалъ, другіе филологи заботились о томъ чтобы

Впрочемъ хотя въ филологіи XVI и XVII вѣковъ стали уже выдѣляться нѣкоторые предметы на которыхъ она преимуществу сосредоточивалась, однако, какъ уже сказано было выше, она не стѣснялась еще опредѣленною рамкой и не имѣла опредѣленныхъ границъ. Область ея сливалась еще съ областью многихъ наукъ и задача ея была не столько теоретическая, сколько практическая, состоявшая въ усвоеніи изящныхъ формъ древней литературы и въ подражаніи имъ. Вслѣдствіе этой многосторонности она и въ то время еще имѣла немалое вліяніе на развитіе наукъ и образованности. Занимаясь элоквиенціей она устанавливала нормы для всѣхъ родовъ литературныхъ произведеній * и вліяла такимъ образомъ на развитіе національныхъ литературъ и вообще эстетическаго вкуса; а разрабатывая содержаніе древнихъ литературъ она содѣйствовала разработкѣ многихъ наукъ, которыя въ то время изучались преимущественно на основаніи древнихъ авторовъ (какъ, напримѣръ, исторіи, философіи, юриспруденціи и т. п.). Замѣтимъ что кругъ вліянія филологіи въ это время значительно расширился, такъ какъ изученіе древнихъ языковъ и литературъ не ограничивалось тогда одними академіями и университетами, какъ это было въ эпоху возрожденія наукъ, но перешло и въ среднюю школу, сдѣлавшись въ ней главнымъ орудіемъ общаго образованія.

III.

Въ такомъ положеніи была филологія почти до конца XVIII вѣка, когда въ ея направленіи произошла существенная и рѣшительная перемѣна. Конечно эта перемѣна медленно готовилась предшествовавшимъ вѣкомъ, но вступила въ силу и осуществилась она только въ концѣ XVIII или, вѣрнѣе сказать, въ началѣ текущаго столѣтія.

придать исторіи болѣе художественную форму, а именно такую какую находили они въ произведеніяхъ классическихъ историковъ. Такимъ образомъ, благодаря филологамъ, историографія европейская мало-по-малу теряла свою средневѣковую форму хроники.

* Какъ-то: для эпоса, драмы, лирической повѣи, для ораторскаго, историческаго, эпистолярнаго стиля и т. п. Эти нормы, какъ извѣстно, господствовали въ западноевропейской литературѣ почти до нынѣшняго столѣтія и даже въ началѣ его.

Причины давнія филологіи новое направленіе заключаются въ тѣхъ переи́мѣнахъ которыя произошли въ умственной и общественной жизни Западной Европы.

Прежде всего получили сильное развитіе національныя литературы и языки, въ однихъ странахъ раньше, какъ на-примѣръ во Франціи и Англіи, въ другихъ позже, какъ на-примѣръ въ Германіи. * Съ развитіемъ ихъ мало-по-малу сталъ вытѣсняться латинскій языкъ изъ тѣхъ областей въ которыхъ онъ прежде почти исключительно господствовалъ. Еще въ XVII вѣкѣ этотъ языкъ въ отношеніяхъ между-народныхъ сталъ замѣняться языкомъ французскимъ, а въ XVIII вѣкѣ сталъ онъ терять свое исключительное господство даже и въ наукѣ. Начиная съ XVIII вѣка даже ученые въ своихъ трудахъ стали употреблять попеременно то языкъ латинскій, то языкъ отечественный. При такомъ развитіи національныхъ литературъ не могъ долѣе удержаться въ силѣ прежній взглядъ на филологію, какъ на наставницу въ краснорѣчьи и поэзіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ должно было потерять свое значеніе и прежнее практическое изученіе языка латинскаго съ цѣлію владѣть имъ въ совершенствѣ. Писаніе латинскихъ стиховъ, рѣчей, эпитолаъ и т. п. стало все болѣе и болѣе выходить изъ моды. Затѣмъ самыя науки, которыя въ эпоху возрожденія стояли на низшей степени развитія чѣмъ у древнихъ (особенно у Грековъ), благодаря тому толчку который давъ былъ изученіемъ классическихъ литературъ, сдѣлали успѣхи и стали развиваться самостоятельно. Не говоря уже о математическихъ и естественныхъ наукахъ, которыхъ значеніе

* Забѣгнемъ что національныя литературы въ началѣ зависѣли отъ древнихъ образцовъ и теорій. Зависимость эта была сначала нѣсколько формальная, рабская, какъ это доказываетъ псевдоклассическій періодъ въ исторіи французской литературы. Псевдоклассицизмъ французскій въ свою очередь заималъ на литературы другихъ европейскихъ народовъ и былъ устраненъ благодаря опять-таки болѣе глубокому изученію классиковъ. Какъ извѣстно, въ Германіи Лессингъ поборова французскій псевдоклассицизмъ съ помощью же древнихъ образцовъ и болѣе рациональнаго толкованія платона Аристотеля. Такимъ образомъ древнія литературы послужили какъ созданію новѣйшихъ литературъ европейскихъ, такъ и очищенію ихъ отъ ложнаго направленія.

все болѣе и болѣе росло вмѣстѣ съ ихъ развитіемъ, даже тѣ науки которая ближе всего стояли къ филологическимъ занятіямъ, какъ-то: философія и исторія, стали эманципироваться отъ образцовъ и теорій древнихъ и пошли новыми путями. Словомъ, чѣмъ самостоятельнѣе дѣлалось науки и чѣмъ болѣе увеличивался ихъ кругъ тѣмъ менѣе становилась возможною та всесторонняя эрудиція которая отличала филологовъ прежнихъ вѣковъ и тѣмъ менѣе могла филологія быть представительницей универсальнаго знанія. По многимъ предметамъ древніе Греки и Римляне перестали служить единственными или, по крайней мѣрѣ, главнымъ источникомъ знанія, а по некоторымъ наукамъ, какъ-то математикѣ и естествознанію, они удержали только историческій интересъ. Такимъ образомъ съ развитіемъ наукъ и национальныхъ литературъ филологія не могла удержаться въ своемъ прежнемъ направленіи. Поэтому мы замѣчаемъ что уже въ XVII, а еще болѣе въ XVIII вѣкѣ, сами филологи колеблются во взглядахъ на предметъ и задачу своей науки. Въ то время какъ одни изъ нихъ (какъ Г. И. Фоссъ, Геснеръ, Эрнести и др.) * все еще смотрѣли на нее какъ на

* Г. И. Фоссъ въ своемъ сочиненіи „*De quatuor artibus popularibus, de philologia et scientiis mathematicis 1690*“ опредѣляетъ филологію какъ часть *polymathem* и подраздѣляетъ ее на грамматику, риторику, поэтику, исторію съ ея вспомогательными дисциплинами географіей, хронологіей, древностями и т. п., причемъ онъ рассматриваетъ эти науки сами по себѣ, безо всякой связи ихъ между собою и безъ ограниченія ихъ классическою древностію; къ другой части *polymathem* отнести онъ математическія науки; во главѣ всей *polymathem* ставить онъ философію. Такое же предоставленіе о филологіи, какъ *indicae* людей знаній, находимъ мы и у Ив. Геснера (1691—1761) въ его трудѣ *Primaе lineae isagoges in eruditionem universalem*, и у Эрнестия (1707—1781) въ его трудѣ *Initia doctrinae solidioris*. Замѣтимъ что въ одномъ трактатѣ, вышедшемъ въ томъ же году, какъ и вышесказанное сочиненіе г. Фосса, „*Dilherr, Apparatus philologiae*“ 1690, разнится та мнѣнье что подъ филологіей прежде разумѣлъ понимали, но что герардо вѣрнѣе понимать ее такъ какъ понимали Казубовъ, т. е. есть какъ знаніе языковъ и исторію или знаніе языковъ и всей древности; причемъ прибавляется что существуютъ еще третье мнѣніе, по которому филологія есть не что иное какъ наука о языкахъ. Это послѣднее мнѣніе, кажется, было наиболѣе распространено въ XVIII вѣкѣ. По крайней мѣрѣ извѣстный советникъ Зульцеръ опредѣляетъ филологію какъ совокупность всѣхъ

энциклопедію знаній, другіе разумѣли подъ нею только знаніе языковъ и археологіи или языковъ и исторію (*peritia linguarum et antiquae archaeologiae*, какъ опредѣляетъ ее Wower), третьи наконецъ (какъ на примѣръ ученые нидерландскіе и англійскіе)* считали настоящею задачею филологіи критику, исправленіе и толкованіе литературныхъ и вообще письменныхъ памятниковъ классической древности.

Изъ этого колебанія выведена была филологія въ концѣ XVIII вѣка извѣстнымъ нѣмецкимъ филологомъ *Фридрихомъ Августомъ Вольфомъ*. ** Онъ первый повелъ что филологія не могла далѣе преслѣдовать задачи которыя отчасти разрѣшались другими науками, отчасти устарѣли, и что она должна была точнѣе разграничить свою область отъ области другихъ наукъ если не хотѣла остаться въ кругу ихъ чѣмъ-то неопредѣленнымъ.

правилъ, ученій и замѣчаній, служащихъ къ основательному изученію языковъ. (*Sulzer, Kurzer Begriff aller Wissenschaften. Leipzig, 1786*).

* Яснѣ всего высказывается этотъ взглядъ на филологію въ сочиненіи Рукена *Elogium Hemsterhusii, 1768* По мнѣнію этого извѣстнаго филолога, грамматика, риторика, шутка, исторія, древности и т. п. суть только подготовительныя дисциплины, главный же и существенный предметъ филологіи есть критика, то-есть умѣніе различать подлинное отъ подложнаго, хорошее отъ нехорошаго въ письменныхъ произведеніяхъ древности. Подобное же преимущество критикѣ дается и *Фабриціемъ* († 1786), извѣстнымъ составителемъ исторіи древнихъ литературъ (*Bibliotheca Graeca* въ 14 томахъ, *Bibliotheca Latina* въ 3 томахъ), съ тою только разницей что онъ не вводитъ грамматику, риторикъ и шутку, которыя онъ тоже относитъ къ филологіи, на степень орудій этой науки (*Fabricii Bibliotheca antiquaria, c. 5.*).

** *Фр. Ас. Вольфъ* (1759—1824) былъ профессоромъ въ Геттингенѣ, а затѣмъ членомъ Берлинской Академіи Наукъ и преподавателемъ въ новоучрежденномъ Берлинскомъ университетѣ. Особенность своего направленія высказалъ онъ еще будучи студентомъ Геттингенскаго университета, гдѣ онъ записался слушателемъ у знаменитаго въ то время Эр. Гейне, извѣстнаго своими превосходными комментаріями къ *Виргилію*. Метода Гейне, который первый внесъ эстетическій элементъ въ толкованіе древнихъ авторовъ, не перемѣнился Вольфу. Онъ мало находилъ въ немъ критики и смѣлки много вѣры въ традицію и смѣлки много общихъ эстетическихъ разсужденій.

Одинаково не удовлетворяясь ни слишкомъ широкими, ни слишкомъ узкими воззрѣніями на нее, онъ старался точнѣе опредѣлить ея предметъ и задачу. Предметъ филологіи опредѣлялъ онъ тѣмъ что далъ ей названіе *науки о древности* (*Alterthumswissenschaft*). Это опредѣленіе, какъ оно ни покажется общимъ и страннымъ, оправдывается однако тѣмъ что и въ предшествовавшія времена и во времена самого Вольфа съ именемъ филологіи неразрывно связывалось изученіе не какой угодно древности, а только древности греко-римской; слѣдовательно Вольфъ опредѣляя филологію какъ науку о древности разумѣлъ подъ нею только классическую филологію, которая одна и существовала въ его время. Исходя изъ этого основнаго положенія что филологія (или какъ мы бы теперь сказали, классическая филологія) есть наука о классической древности, онъ включилъ въ кругъ ея всѣ тѣ дисциплины которыя занимаются изученіемъ этой древности. Не перечисляя всѣхъ 24 дисциплинъ, которыя, по опредѣленію Вольфа, составляютъ части филологіи или науки о классической древности, отмѣтимъ только главнѣйшія. Онѣ суть слѣдующія: греческая и латинская грамматика, теорія прозы и поэзіи древнихъ Грековъ и Римлянъ, или стилистика и метрика; основанія филологической герменевтики и критики (то-есть толкованія древнихъ авторовъ, критики и исправленія текста и т. п.); географія и исторія древнихъ Римлянъ и Грековъ со включеніемъ хронологіи и исторической критики; греческія и римскія древности (общественныя и частныя); греческая и римская мифологія; исторія литературы Грековъ и Римлянъ; археологія или теорія и исторія искусства древнихъ Грековъ и Римлянъ; эпиграфика, нумизматика и наконецъ исторія классической филологіи со включеніемъ библіографіи. *

* Этотъ свой взглядъ на объектъ и задачу филологіи Фридрихъ Вольфъ изложилъ сначала въ лекціяхъ читанныхъ имъ въ Геттингенскомъ университетѣ подъ названіемъ *Encyclopaedia philologica*, напечатанныхъ послѣ его смерти однимъ изъ его слушателей (*Wolf's Vorlesungen über Encyclopaedie der Philologie* von Stechmann, 1830) и затѣмъ въ особенной статьѣ, напечатанной имъ въ издаваемомъ имъ же *Museum der Alterthumswissenschaft* за 1807, подъ заглавіемъ *Darstellung der Alterthumswissenschaft*. Въ этой статьѣ Вольфъ, между прочимъ, объясняетъ почему онъ далъ этой наукѣ названіе науки о древности, а не филологіи: „потому что по его, словамъ, имя фи-

Если мы обратимъ вниманіе только на *названія* дисциплинъ которыя Вольфъ включаетъ въ кругъ филологіи, то увидимъ что въ этомъ отношеніи онъ немного новаго внесъ въ нее, такъ какъ и до него филологи занимались въ большей или меньшей степени вышеназванными дисциплинами. Новое и существенное въ его взглядѣ заключалось въ постановкѣ филологіи какъ науки. Онъ вывелъ ее изъ хаотическаго состоянія и внесъ единство и связь тамъ гдѣ до него господствовала разрозненность. Онъ далъ ей форму научнаго организма, опредѣливъ точно ея предметъ и ея задачу, которыя до него понимались какъ-то смутно и неясно, то-есть или слишкомъ широко, безъ опредѣленныхъ границъ и предѣловъ, или слишкомъ ограничено и узко. Сдѣлавъ объектомъ классической филологіи изученіе древняго классическаго міра, Вольфъ исключилъ изъ нея все что не относилось къ этому изученію (какъ напримѣръ, энциклопедическое занятіе почти всѣми науками или же практическое занятіе ею, какъ наукой элоквенціи) и включилъ въ нее то что прямо относилось къ этому изученію и что прежде составляло предметъ случайныхъ или такъ-сказать дилеттантскихъ занятій (какъ-то исторію классическаго искусства, эпиграфику, нумизматику и т. л.). Вместе съ тѣмъ Вольфъ постарался опредѣлить и основаніе филологическаго метода и самъ представилъ образецъ филологической критики въ извѣстномъ сочиненіи: *Prolegomena ad Homerum*. *

Конечно въ частностяхъ система Вольфа страдала многими недостатками, особенно излишнимъ дробленіемъ дисциплинъ

лологіи болѣе всего совпадаетъ съ литературой и исключаетъ искусство древнихъ и затѣмъ еще потому что подъ филологіей многіе разумѣютъ только лингвистику или языковѣдніе.“

* *Prolegomena ad Homerum*, Halle 1796 (новое изд. въ Берлинѣ въ 1871). Въ этомъ сочиненіи Вольфъ подробно рассмотрѣлъ исторію происхожденія Гомеровскихъ эпосовъ и на основаніи какъ внѣшнихъ свидѣтельствъ, такъ и внутреннихъ доказалъ что не только *Илиада* и *Одиссея*, но и каждый изъ этихъ эпосовъ не во всѣхъ своихъ частяхъ принадлежитъ одному времени или одному поэту Гомеру, а суть созданія нѣсколькихъ вѣковъ. Замѣтимъ что *Prolegomena* Вольфа не только произвели переворотъ во взглядѣ на Гомера, но положили начало болѣе практическому изслѣдованію вообще всѣхъ древнихъ народныхъ эпосовъ. Благодаря ему и въ германскомъ и въ славянскомъ древнемъ эпосѣ стали находить разныя наслоенія.

и отсутствіемъ органической связи между отдѣльными частями. Такъ, кромѣ греческой и латинской грамматики, Вольфъ вводитъ какъ отдѣльную дисциплину философскую грамматику обоихъ древнихъ языковъ, которая теоретически уже потому не имѣетъ никакого значенія что основана только на двухъ языкахъ; затѣмъ отдѣляетъ какъ особую дисциплину отъ исторіи литературы исторію словесныхъ искусствъ и наукъ и т. л. Но въ общемъ и цѣломъ взглядъ Вольфа имѣлъ громадное значеніе въ развитіи филологіи. Благодаря ему, она получила характеръ науки имѣющей свою определенную задачу, которая болѣе всего соотвѣтствовала новому ея положенію, созданному развитіемъ наукъ вообще и национальныхъ литературъ въ частности. Въ отношеніи къ другимъ наукамъ Вольфъ ограничилъ ея кругъ, но въ этомъ кругу, который онъ ей начерталъ, онъ значительно расширилъ и угаубилъ ея дѣятельность.

Направленіе данное филологіи Вольфомъ получило дальнейшее свое развитіе въ нынѣшнемъ столѣтіи, особенно въ Германіи, которой поэтому нынѣ и принадлежитъ пальма первенства въ этой наукѣ. Какъ всякое новое направленіе, оно не сразу было принято. Между тѣмъ какъ ученики и послѣдователи Вольфа, между которыми самое видное мѣсто занимаетъ Августъ Бёкъ (Voeskh),* стояли за взглядъ своего учителя, стараясь только исправить недостатки его системы болѣе вѣрнымъ установленіемъ отдѣльныхъ частей ея, другіе, какъ напримѣръ, Готфридъ Германъ** и его послѣдователи

* А. Бёкъ (1785—1867), профессоръ Берлинскаго университета и членъ Берлинской Академіи Наукъ. Подобно Вольфу онъ читалъ также курсъ энциклопедіи и методологіи, науки о классической древности (напечатанный послѣ его смерти Братушекомъ, Voeskh's *Encyclopaedie und Methodologie der Alterthumswissenschaft*). Изъ его трудовъ наиболѣе замѣчательны: изданіе Пиндара, котораго метръ онъ впервые объяснилъ удовлетворительно; о государственномъ хозяйствѣ Аѳинскомъ (*Der Staatshaushalt der Athener*, 2, изд. 1851), о морскомъ дѣлѣ Аѳинскомъ (*Über das Seewesen der Athener*, 1840), *Corpus inscriptionum Graecarum* и др. Бёкъ былъ однимъ изъ универсальныхъ филологовъ текущаго вѣка.

** Г. Германъ (1772—1848), профессоръ Лейпцигскаго университета, отличнѣйшій грамматикъ, метрикъ и критикъ. Его *Elementa doctrinae metricae* и до сихъ поръ служатъ руководствомъ въ этой трудной области классической филологіи. Кромѣ того важны изданія его

возстали противъ такого расширенія классической филологіи. Они полагали что задача поставленная Вольфомъ и его послѣдователями саишкомъ обширна и что настоящій предметъ классической филологіи есть языкъ древнихъ Грековъ и Римлянъ, толкованіе и критика литературныхъ произведеній классической древности, а что изученіе такъ-называемыхъ реальныхъ сторонъ этой древности принадлежитъ другимъ наукамъ, какъ-то: изученіе исторіи Грековъ и Римлянъ—исторической наукѣ, изученіе искусства—археологіи и т. л. Повидимому они до нѣкоторой степени были правы, потому что, во первыхъ, языкъ и литературныя произведенія всегда были главнымъ предметомъ филологическихъ занятій, и во вторыхъ, потому что языки и литературы древнія сами по себѣ представляютъ важную область человѣческаго вѣдѣнія, такъ какъ въ нихъ наиболѣе отражается древняя образованность, а слѣдовательно въ изученіи ихъ заключается наиболѣе образовательнаго элемента. Въ ихъ взглядѣ однако заключалась и порядочная доля непослѣдовательности. Они признавали что конечная цѣль классической филологіи есть уразумѣніе и какъ бы духовное воспріятіе всего идеальнаго и лучшаго въ литературѣ древнихъ Грековъ и Римлянъ и не могли не согласиться что для такого уразумѣнія не достаточно знать одинъ только языкъ, но необходимо также изучать исторію и мифологію и искусство этихъ народовъ. Слѣдовательно они противорѣчили себѣ признавая необходимость такъ-называемыхъ реальныхъ частей филологіи и все-таки желая исключить ихъ изъ круга этой науки. Затѣмъ, ограничивая задачу филологіи изученіемъ одного только языка и толкованіемъ и критикой литературныхъ произведеній, они дѣлали изъ нея науку чисто формальную и служебную и предоставляли все содержаніе древнихъ литературъ разрабатывать другимъ. Между тѣмъ, какъ казалось, всего естественнѣе было чтобы разработку содержанія взяли на себя тѣ которымъ это содержаніе было всего доступнѣе вслѣдствіе знакомства съ языкомъ древнихъ. Послѣдователи Вольфа справедливо замѣчали что ограничивать филологію только изученіемъ языка и критикой и экзегетикой древняго текста значить только

греческихъ трагиковъ (Эсхила, Софокла, Еврипида). Его сочиненія по грамматикѣ (*De emendanda ratione graecae grammaticae* и *De particula* ѳ) нынѣ нѣсколько устарѣли.

подготовлять матеріалъ для другихъ, самому не дѣлая изъ него никакого употребленія, значить останавливаться на полдорогѣ и считать наукой то что служитъ только подготовленіемъ къ ней. Замѣтимъ притомъ что въ началѣ нынѣшняго столѣтія изученіе самого языка получило совершенно новое направленіе. Благодаря трудамъ Боппа и братьевъ Гриммовъ возникла новая наука такъ-называемаго сравнительнаго языковѣдѣнія, стремящаяся посредствомъ историческаго изученія языковъ и посредствомъ сравненія ихъ между собой объяснить всѣ явленія и формы языка. Съ возникновеніемъ сравнительнаго языковѣдѣнія еще менѣе стало возможнымъ считать изученіе однихъ классическихъ языковъ чѣмъ-то въ самомъ себѣ законченнымъ, а приходилось разсматривать это изученіе какъ часть чего-то болѣе общаго и цѣлаго.

Впрочемъ борьба между послѣдователями Вольфа и ихъ противниками * имѣла и свою долю пользы, такъ какъ она заставила рельефнѣе выставить значеніе языка въ системѣ филологіи и отвести ему первое мѣсто какъ дисциплину основную, безъ которой не мыслима самостоятельная и правильная разработка такъ-называемыхъ реальныхъ частей филологіи.

Итакъ въ настоящее время подъ классическою филологіею разумѣютъ не только изученіе греческаго и латинскаго языка, но и всего содержанія классической древности насколько она выразилась въ памятникахъ не только литературныхъ, но и вообще письменныхъ (напримѣръ въ надписяхъ), а также въ памятникахъ искусства. Такъ какъ однако содержаніе всѣхъ памятниковъ классической древности можно уразумѣть только при помощи классическихъ языковъ, то изученіе этихъ послѣднихъ и составляетъ краеугольный камень классической филологіи. Языкъ составляетъ какъ бы центръ изъ котораго исходятъ и къ которому возвращаются всѣ филологическія занятія. Чѣмъ услѣшнѣе идетъ изученіе языка, чѣмъ полнѣе разрабатывается весь матеріалъ его, какъ грамматическій, такъ и лексическій, чѣмъ яснѣе становятся особенности его въ разные періоды его существованія и въ разныхъ діалектахъ и въ разныхъ

* Или точнѣе сказать, между Бёкомъ и Германомъ и ихъ послѣдователями.

родахъ литературныхъ произведеній, тѣмъ болѣе облегчается изученіе и самого содержанія древнихъ памятниковъ, а слѣдовательно тѣмъ услѣшнѣе разрѣшается и общая задача классической филологіи, которая состоитъ въ томъ чтобъ изслѣдовать и постигнуть жизнь двухъ главныхъ культурныхъ народовъ древности во всѣхъ ея проявленіяхъ и во всей ея совокупности и съ помощью этихъ изслѣдованій содѣйствовать, насколько возможно, разъясненію тѣхъ общихъ законовъ которые лежатъ въ основаніи духовной дѣятельности человѣчества.

Такое изученіе классической древности считается не только само по себѣ полезнымъ, но и необходимымъ, такъ какъ классической древности суждено было болѣе чѣмъ какой-либо другой древности вліять на европейское просвѣщеніе. И въ самомъ дѣлѣ европейская образованность связана столь многими узами и въ литературѣ, и въ искусствѣ, и въ наукѣ съ классическою древностью что вполнѣ понять и усвоить себѣ первую невозможно безъ изученія послѣдней.

Мы бы не кончили нашъ краткій очеркъ исторіи классической филологіи еслибы не указали еще на одно обстоятельство которое дало этой наукѣ такое громадное значеніе въ исторіи европейскаго образованія. Мы уже замѣтили выше что изученіе древнихъ языковъ и литературъ, начавшись въ XIV вѣкѣ въ средѣ литераторовъ и ученыхъ, начавшись съ академіи и университетовъ, вскорѣ перешло въ среднюю школу и стало какъ бы основаніемъ средняго или общаго образованія. Въ теченіе многихъ вѣковъ юное поколѣніе проходило чрезъ эту школу, изоцряя свои способности на чтеніи и толкованіи древнихъ авторовъ, учась у нихъ искусствурѣчи и строгости мышленія и воспринимая въ себя тѣ идеалы какіе созданы поэзіей и исторіей древнихъ Грековъ и Римлянъ. Классическая школа была палестрой для ума и слова, проводникомъ первыхъ элементовъ общихъ знаній, могучимъ орудіемъ формальнаго и эстетическаго развитія и въ этомъ качествѣ сослужила не малую службу общеєвропейскому образованію. Конечно и классическая школа, подобно филологической наукѣ, подъ вліяніемъ времени значительно видоизмѣнилась. Такъ отечественный языкъ и отечественная литература получили въ ней подобающее мѣсто, затѣмъ было отчасти расширено, отчасти вновь введено преподаваніе тѣхъ наукъ которыя выдвинуты были общимъ ходомъ просвѣщенія,

какъ-то: математики, физики, исторіи и т. п. Но при всемъ томъ классическіе языки остались и до сихъ поръ остаются въ ней какъ бы центромъ вокругъ котораго группируются всѣ остальные предметы и какъ бы регуляторомъ не дающимъ ей сбиться съ ея историческаго пути и уклониться отъ ея цѣли. Возникнувъ въ Европѣ изъ стремленій къ просвѣщенію, классическая школа и до сихъ поръ преслѣдуетъ *общеобразовательную цѣль*, а эта цѣль, которую можно также назвать *идеальною*, въ отличіе отъ практической, и есть цѣль наиболѣе соответствующая требованіямъ истинной школы. Въ силу этого своего общеобразовательнаго характера она еще и до сихъ поръ считается самою лучшею проледевтикой къ академическому ученію или, выражаясь словами Гёте, *базисомъ всякаго высшаго образованія*. Поддерживаемая сочувствіемъ общества не только по привычкѣ, но еще болѣе по убѣжденію въ ея пользѣ, она продолжаетъ и до сихъ поръ процвѣтать во всѣхъ передовыхъ государствахъ Европы, и если слышатся голоса противъ нея, то они направлены не столько противъ сущности самой школы сколько противъ нѣкоторыхъ устарѣлыхъ формъ въ ея учебной организаціи и практикѣ. Мы желали бы чтобъ эта вѣками испытанная общеевропейская школа и въ нашемъ отечествѣ была оценена по достоинству и чтобъ она все болѣе совершенствуясь въ своемъ внутреннемъ устройствѣ согласно указаніямъ опыта и здравой педагогики служила дѣлу нашего средняго и высшаго образованія, поддерживая его въ идеальномъ направленіи и не позволяя ему сдѣлаться слишкомъ одностороннимъ или поверхностнымъ.

Л. ВЕЙСМАНЪ.

ЗЛОЙ ДУХЪ *

РОМАНЪ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Въ сумерки зимняго дня, по плохо освѣщенной улицѣ, одной изъ тѣхъ которыя путаются позади Николаевскаго вокзала, шли двое молодыхъ людей. Старшій изъ нихъ, съ поднятымъ воротникомъ пальто и нахлобученною шалкой, поминутно пріостанавливался, озирался, и въ маленькихъ юркихъ глазахъ его выражалось что-то безлокойно-нервное, какъ будто онъ боялся чтобы не призналъ его въ темнотѣ любопытный взглядъ и не подслушало любопытное ухо разговора который онъ велъ со своимъ слутникомъ. Послѣдній, лѣтъ двадцати, съ нѣжнымъ и какъ бы еще отроческимъ оваломъ лица, съ блестящими изъ-подъ шалки курчавыми прядями бѣлокурыхъ волосъ, съ большими задумчивыми глазами, шагалъ неторопливою, спокойною походкой, какою идетъ человѣкъ слишкомъ занятый своими мыслями или своимъ внутреннимъ волненіемъ чтобы обращать вниманіе на окружающее.

* Сл. Русск. Вѣст. 1881, №№ 4, 5, 7, 9, 10, 11 и 1882, №№ 1, 2 и 3.

Одинъ небольшой сакъ былъ у него надѣтъ на ремнѣ черезъ плечо, а другой, побольше, онъ несъ въ рукѣ.

— Ну, какъ бы то ни было, а только надо... понято что непременно надо вамъ ѣхать, говорилъ прятавшійся въ воротникъ и подъ шалку, и въ которомъ читатели быть-можетъ уже угадали Михаила Ивановича Извоева.

— Знаю! коротко отвѣтилъ младшій, и въ голосъ его прозвучала нетерпѣливая, капризная нотка.

— Необходимо, во первыхъ, для самого дѣла, а во вторыхъ, потому что теперь тутъ какъ разъ подъ сюркуль попадешь... собаками травить начнутъ... продолжалъ первый.—Ужь я ихъ знаю, они послѣ „приключенія“ сейчасъ всѣ на ноги поднимаются.

— Хорошо очень „приключеніе“! возразилъ младшій.

— Ну, сорвалось, согласился первый, — вы думаете легко тоже подъ землей работать? И не одинъ еще разъ можетъ быть сорвется, на то идемъ. А главное, васъ тутъ на это время спрятать нельзя. Обыски идутъ по всѣмъ угламъ и щелямъ. Еще если бы вы затѣжій были, изъ какой-нибудь глуши, а то вѣдь вы тутъ толкались вездѣ когда еще въ легальныхъ состояли. Да пожалуй и отецъ слѣдить, а?

Что-то тоскливое пробѣжало при этомъ вопросѣ по лицу молодого человѣка и залегло въ быстро потемнѣвшихъ глазахъ.

— Откуда я могу знать? отозвался онъ почти грубо, и прибавилъ шагу.

Извоевъ потянулъ его за рукавъ.

— Не торопитесь, намъ надо къ самому звонку, а то еще присматриваться стануть, сказалъ онъ.—Эхъ, мѣста-то мнѣ знакомыя, куда вы ѣдете, продолжалъ онъ.—Кабы не боялся что всякая собака меня тамъ признаетъ, самъ бы поѣхалъ. Я вѣдь первый тамъ дорожку проталтывалъ. Теперь ужъ куда легче! На заводѣ вы настоящихъ людей найдете. Одея, на примѣръ—двушильная натура. Глуль, но ужъ не полатится... самый настоящій бунтарь, и съ выдержкой. Это вамъ будетъ хорошая школа. Вамъ вѣдь еще показать себя надо, а то васъ молокососомъ считаютъ.

„Молокососъ“ на это презрительно усмѣхнулся.

— Очень мнѣ нужно какъ меня считаютъ! возразилъ онъ.— И пожалуйста оставьте это все, я не понимаю къ чему вы говорите, продолжалъ онъ съ прежнею, еще рѣзче зазвучавшею капризною ноткой.— Я вамъ сказалъ что у меня свои,

личныя причины, и какъ вы не хотите повѣять? Я ушелъ къ вамъ не для васъ и не для вашего „дѣла“, а оттого что мнѣ надо было уйти, и некуда больше уйти. И если я теперь вѣду и буду дѣлать все что мнѣ велѣтъ—хоть бы это было убить кого-нибудь...

— Тс! въ ужасѣ прервалъ его Извозевъ, озираясь въ темнотѣ. — Перестаньте наконецъ болтать, чортъ васъ возьми совсѣмъ! вѣдь вы не замѣчаете что кричать стали...

Они проходили мимо освѣщенныхъ оконъ какой-то портерной. Извозевъ вынулъ изъ кармана серебряныя часы и взглянулъ. До отхода поѣзда оставалось еще минутъ двадцать лять.

— Зайдемъ по кружкѣ лива вылить, предложилъ онъ.

Въ портерной никого не было. Молодые люди усѣлись въ углу.

— Для васъ же хуже если вы хотите такъ относиться... заговорилъ опять Извозевъ. — Впрочемъ это вамъ такъ кажется, изъ упрямства какого-то. Въ сущности никакихъ личныхъ причинъ не бываетъ, онѣ всегда связаны съ общественнымъ зломъ, и кто вступаетъ въ борьбу съ обществомъ за себя, тотъ вступаетъ за всѣхъ. Всякое личное зло вытекаетъ изъ существующаго порядка, и когда этотъ порядокъ наконецъ рухнетъ, тогда каждый будетъ счастливъ, потому что каждый будетъ свободенъ.

Юноша ничего не отвѣтилъ, и нагнувшись надъ кружкой, съ жадностью лилъ холодное пиво. Теперь, безъ шалки, вѣжливое, почти отроческое лицо его казалось еще вѣжливѣе и красивѣе. Извозевъ съ минутой внимательно глядѣлъ въ это лицо, и въ глазахъ его выразилось что-то похожее на участіе.

— Вы мнѣ никогда не говорили о своей личной жизни; вы ужасно скрытны, сказалъ онъ. — Я слышалъ, вашъ отецъ очень важный человѣкъ; у васъ родня тутъ? Я знаю что вы у насъ носите вымышленное имя. Оно даже очень идетъ къ вамъ... Женья Козырь... что-то барчуковское, пожалуй женственное, и вмѣстѣ указываетъ на фатовство. Вѣдь вы по природѣ фать, это меня сразу поразило. Козыряете, любезный.

Молодой человѣкъ только вскинулъ глазами. Губы его опять презрительно дрогнули.

— Отстаньте пожалуйста, сказалъ онъ почти брезгливо.

— Ну да, самолюбіе самое барчуковское, объяснилъ Извозевъ.

— При чемъ тутъ самолюбіе? Вы цѣлый часъ глупости толкуете, мнѣ наконецъ надоѣло...

— Почему же глупости? какъ бы обидѣлся Извоевъ.

— Еще бы не глупости! Вы человѣка съ его личною жизнью отрицаете и даже не понимаете какую жалкую, рабскую роль себѣ навязываете... возразилъ съ калризмнымъ оживленіемъ тотъ кого называли Женей. — Общество, общественное зло, существующій порядокъ... Разумѣется началось съ того что я привыкъ ненавидѣть это общество, этотъ порядокъ, но только я вамъ скажу что если будетъ какой-нибудь другой, *ваш* порядокъ и *ваши* люди наверху, я ихъ еще больше буду ненавидѣть и презирать, въ тысячу разъ больше! Для меня вашъ порядокъ только и имѣетъ ту цѣну что при немъ можно будетъ каждому въ горло вцѣлиться. Я телеръ съ вами, потому что вмѣстѣ съ вами всѣхъ ненавижу, потому что вы — зло и съ вами можно дѣлать зло... Да нѣтъ, даже и не потому, а просто некуда дѣваться. Надо уйти отъ самого себя — вы способны понять это?

Его тонкая, до прозрачности нѣжная кожа покрылась слабымъ румянцемъ. Извоевъ все съ бѣльшимъ любопытствомъ и участіемъ слушалъ и смотрѣлъ на него.

— Странный вы юноша, Женя, сказалъ онъ. — Можно подумать будто вы въ самомъ дѣлѣ не вѣсть что пережили и перестрадали на своемъ вѣку. Ужъ не женщина ли, а?

Брови Жени нахмурились. Онъ взглянулъ на Извоева вызывающими, злыми глазами.

— Пытаетесь вывѣдать что-нибудь? произнесъ онъ иронически. — Удивляюсь, потому что хоть бы я все вамъ разказалъ, вы все равно ничего бы не поняли.

— Отчего же такъ? отозвался снова обиженнымъ тономъ Извоевъ. — Вы думаете что если я въ мужицкой рубахѣ хожу и волкомъ смотрю такъ я нѣкоторыхъ вещей и понять не могу? А можетъ-быть и на моей дорогѣ женщина стояла... да еще какая женщина! какихъ вы можетъ-быть и во снѣ не видали... Разумѣется, это былъ калризмъ, я такъ и понималъ съ самаго начала... только этотъ калризмъ всю мою жизнь перевернулъ.

Юноша подыалъ на него какъ бы удивленный взглядъ. Ему очевидно странно было услышать отъ Извоева подобное признаніе.

— Если вы знали что это калризмъ, значить не любили; любилъ только когда вѣрнше, возразилъ онъ.

— Ну нѣтъ, женщинѣ я никогда не ловѣрю, отвѣтилъ уже тономъ превосходства Извоевъ. — Я ее возьму, но съ полнымъ сознаніемъ что и у меня ее возьмутъ точно такимъ же образомъ.

По лицу Жени какъ будто пробѣжало выраженіе боли. Онъ ничего не сказалъ. Извоевъ чуть примѣтно усмѣхнулся.

— Съ этою философіей я по крайней мѣрѣ не раскисну, если какая-нибудь свѣтская пошлость со шпорами отобьетъ у меня бабенку... проговорилъ онъ. — Впрочемъ эти вещи намъ на-руку. Вотъ вы злы сдѣлались, когда у васъ заострились... эти щелчки не бесполезны, они волчатъ воспитываютъ. Одного законнымъ образомъ по міру пустать, у другаго жену или любовницу отобьютъ, третьяго за дурныя знакомства въ тюрьмѣ продержатъ... посмотришь, враговъ-то у легальнаго общества и прибудеть.

Глаза Жени неожиданно вслыхнули.

— Мерзавцы не въ одномъ легальномъ обществѣ существуютъ! сказалъ онъ рѣзко.

Извоеву показалось что это восклицаніе вдругъ все ему объяснило.

— Значить *тамъ*? кто-нибудь изъ нашихъ? догадался онъ вслухъ.

Лицо Жени покрылось внезапною блѣдностью и такая злоба сверкнула въ его потемнѣвшихъ глазахъ что Извоеву даже жутко стало.

— Я вамъ сказалъ чтобы вы не смѣли меня выпытывать! прокричалъ Жена съ бѣшенствомъ, и губы его задрожали.

Онъ отодвинулъ пустую кружку, всталъ и подвѣлъ со стула сакъ.

— Прощайте, мнѣ пора, сказалъ онъ, нахлобучивая шалку. Извоевъ тоже поднялся.

— Я васъ провожу, вы не сердитесь пожалуйста...

— Вамъ присмотрѣть велѣли, дѣйствительно ли я уѣду? презрительно бросилъ ему Жена.

— Можетъ-быть и велѣли, тутъ нечѣмъ обижаться, спокойно отвѣтилъ Извоевъ.

Разговоръ не возобновлялся. Подымаясь на широкія ступени вокзала, Извоевъ еще выше наставилъ воротничъ и еще больше нахлобучилъ шалку; лица его теперь совсѣмъ не было видно и только русый клокъ бородки торчалъ, прихваченный крючкомъ.

У кассы уже никого не было. Женя торопливо взялъ билетъ, вышелъ на платформу и не разбирая влѣвъ въ первый попавшійся вагонъ. Извоевъ въ окно протянулъ ему руку.

— Смотрите же, лишите, сказалъ онъ. — Федору Степановичу поклонитесь отъ меня, да не забудьте передать письма...

— Прощайте, отозвался изъ своего темнаго угла отъѣзжающій.

Извоевъ наклонился въ окно и пытливо оглядѣлъ размѣстившуюся въ вагонѣ публику. Повидимому никто не привлекъ его вниманія и не возбудилъ подозрѣнй. Онъ протянулъ къ себѣ Женю за руку и нагнувшись надъ самымъ его ухомъ прошепталъ:

— Смотрите же, остерегайтесь... время теперь горячее!

Молодой человекъ кивнулъ головой и съ признакомъ нетерпѣннѣя отдернулъ руку. Ему очевидно наскучили эти длинные проводы и прощаня...

II.

Поездъ ускоряя ходъ выдвинулся въ непроглядную мглу петербургской ночи. Среди незнакомыхъ лицъ, въ своемъ темномъ углу, Женя почувствовалъ себя свободнѣе. Онъ былъ одинъ со своими мыслями и эти мысли разомъ подхватили его, какъ подхватываетъ вѣтеръ улавшій на дорогу листъ, и погрузили въ состоянiе отупѣлой и все еще терзающей тоски, отъ которой онъ не могъ отдѣлаться какъ только оставался самъ съ собой.

Прижавшись въ углу, надвинувъ шалку, онъ закрылъ глаза, но ни малѣшей надежды на сонъ у него не было. Онъ испытывалъ все то же доходящее до боли нервное раздраженiе, и это какъ бы удвоенное ощущенiе жизни казалось вдвое мучительнѣе. Онъ былъ уже не Женя Козыръ, а Володя Ладожскій. Въ этой неумолимой необходимости быть самимъ собой заключалось самое ядовитое терзанiе. Онъ не могъ забыться, отдѣлаться отъ себя, отъ того что такъ мучительно и быстро пережито. Онъ все, все помнилъ—и наломанные ядовитыми впечатлѣнiями дѣтство, и отраву перваго счастья, и страшную ночь въ которую онъ навсегда разорвалъ съ семьей и обществомъ, и все, все что было потомъ...

Его мысль уже научилась анализовать, ползать въ темныхъ

извилицахъ этого страшнаго и гадкаго „потомъ“. Онъ понималъ какъ все случилось; на каждой подробности какъ будто еще болѣлъ прихваченный нервъ. Онъ понималъ что скрывшись послѣ той страшной ночи изъ Петербурга онъ уносилъ съ собою жгучую калю яда. Эту калю было отравлено его дорого купленное счастье. Какая-то мрачная тѣнь вѣснилась между нимъ и Катериной Петровной, безжалостно нарушая ихъ уединеніе и свободу. Оба чувствовали что тамъ, въ маленькихъ комнаткахъ въ Галерной, подъ гнетомъ безлокойства и заботы, легче дышалось и легче вѣрилось. Слово пыльный налетъ покрылъ ихъ любовь, мысль тревожилась, краски тускнѣли... Работалось плохо, поступленіе въ Политехникумъ все откладывалось, а тутъ совершенно новыя условія жизни, ничѣмъ не наполненные дни, отсутствіе тѣхъ маленькихъ подробностей привычной обстановки которыя такъ помогаютъ у себя дома коротать время. Володя тотчасъ втянулся въ знакомства, сошелся со всею русскою эмиграціей, и въ скоромъ времени квартира ихъ приняла видъ какой-то курительной залы въ которой съ утра до ночи толкались разношерстные соотечественники — недоучившіеся русскіе студенты, Поляки, восточные челоувѣки изъ Нахичевани и съ Кавказа, Жиды, акушерки, разводимыя жены и—дѣвицы, дѣвицы изъ всѣхъ городовъ и всей земли Русской. Все это толталось, грязнило полы и диваны, дымилъ изъ самодѣльныхъ палирось, спорило, кричало, должно по мелочи и производило такой шумъ и гвалтъ что въ первые дни у Катерины Петровны голова болѣла до одури. Но отдѣлаться не было возможности, да никто объ этомъ серьезно и не думалъ, потому что „кружковщина“ все-таки представляла какую-то жизнь и какъ бы какую-то цѣль, а своей жизни и цѣли у нихъ не было. Черезъ два, три мѣсяца Катерина Петровна уже совсѣмъ привыкла и къ безобразной толкотнѣ, и къ грязи, и даже къ невозможному обращенію съ дамами. Черезъ полгода ей уже казалось страннымъ смотрѣть на нѣкоторыя вещи иначе чѣмъ смотрѣли въ „кружковщину“; она уже не испытывала невольнаго, брезгливо-протестующаго чувства сказывавшагося въ первое время. Володя замѣчалъ какъ что-то изящно-мечтательное, романтически-страстное, такъ властительно поработившее его, словно сбѣгало съ нея, и изъ-подъ совлеченнаго блестящаго покрова выступала небогатая, легкомысленная и грубо развращенная природа. Пораженный сорвавшимся цивическимъ

словомъ, онъ иногда поднималъ на нее внезапно омрачившійся взглядъ и говорилъ съ выраженіемъ упрёка:

— Къ тебѣ вовсе нейдетъ такой тонъ; я не ловимаю что за охота представлять изъ себя какую-то... акушерку.

Катерина Петровна въ такихъ случаяхъ принималась хотать и дразнить его.

— А ты хочешь чтобъ я изъ себя буржуазную Діану представляла? Мой милый, это было бы слишкомъ глупо. Ты и такъ смѣшишь всѣхъ какимъ-то своимъ тономъ со мною. Всѣ очень хорошо знаютъ что я ничего больше какъ содержанка...

Володю возмущало это слово.

— Я тебя люблю, возражалъ онъ со вспыхнувшею страстностью;—а содержанки продаются.

— Ты меня любишь... положимъ; но когда ты проживешь свои деньги, я должна буду продаваться, настаивала Катерина Петровна. — Развѣ я не говорила объ этомъ еще въ Петербургъ? Такъ ужь лучше не надѣвать какой-то смѣшной маски.

Володя послѣ подобнаго разговора дѣлался мраченъ и страстное чувство съ такою болью сжимало ему сердце что хотѣлось плакать.

Иногда, подъ вліяніемъ томящей душевной усталости, на Катерину Петровну находили припадки нѣжности. Она забиралась съ ногами на диванъ, клала къ себѣ на колѣни голову Володи и, раслутивая пальцами его густыя бѣлокурыя пряди, говорила о томъ какъ она его любитъ и какіе они оба несчастные. Но что-то увядающее звучало въ ея голосѣ и рука игравшая его волосами была холодна.

Володя смущенный глядѣлъ на нее недоувѣрчивыми, занятыми какою-то внутреннею работою глазами.

— У меня вѣдь кромѣ твоей любви ничего нѣтъ... говорилъ онъ съ тоской.

Прежде, въ первые мѣсяцы ихъ любви, Катерина Петровна была счастлива когда въ его словахъ звучала эта тоскующая, напряженная до боли страсть. Но теперь такія слова какъ будто раздражали ее.

— Милый, ты заставляешь себя слишкомъ много думать о нашей любви, отвѣчала она утомленнымъ голосомъ.—Ты такъ молодъ, у тебя еще такъ много другаго впереди.

— Съ тобой, возражалъ Володя.

Катерина Петровна начинала налѣвать что-то вполголоса и въ ея усталыхъ глазахъ появлялось блуждающее выраженіе.

— О чемъ ты телерь думаешь? тревожно спрашивалъ Володя.

— Ахъ, какъ ты любишь себя мучить! тономъ ласковаго нетерпѣвнѣя отвѣчала Катерина Петровна.— О чемъ я думаю? мало ли о чемъ.

И она продолжала разсѣянно играть его волосами, глядя мимо него.

На Володю въ такія минуты находило иногда невыразимое волненіе. Онъ чувствовалъ какъ медленно размыкаются звенья невидимой цѣли скованшей ихъ обоихъ, и не имѣлъ власти остановить что-то безжалостно уходящее.

— Катя, ты уже не любишь меня какъ прежде... говорилъ онъ, пряча на ея колѣняхъ тоскующее блѣдное лицо.

— Полно тебѣ все объ одномъ... говорила она тихонько освобождаясь отъ него.

Онъ грубо удерживалъ ее за руки.

— Катя, скажи мнѣ одно... только одно: ты могла бы любить кого-нибудь другаго? спрашивалъ онъ голосомъ выражавшимъ муку.

Она увертывалась отъ него, улыбаясь и хмурясь.

— Почему я могу знать! отвѣчала она, и ея синіе зрачки становились прозрачнѣе, зеленѣе, напоминая что-то змѣиное.

— Вотъ же я знаю что никогда, никого не могу любить кромѣ тебя! возражалъ блѣднѣя Володя.

Катерина Петровна начинала смѣяться.

— Ребенокъ! говорила она;— ты ни себя, ни меня не знаешь... ничего не знаешь!

Слово „ребенокъ“ все чаще и чаще лопадалось въ ея разговорѣ и ему придавался особенный, снисходительный, даже пренебрежительный смыслъ, оскорблявшій Володю. Среди горластыхъ, наглыхъ, безлардонно врущихъ и бахвальствующихъ героевъ „кружковщины“ Володя дѣйствительно казался болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь ребенкомъ. Съ нимъ обращаясь въ покровительственномъ тонѣ, дали ему подуженскую кличку, отлускали на его счетъ небрежныя или циническія шутки. Все это въ началѣ оскорбляло Катерину Петровну, потомъ пріучило ее относиться къ Володѣ почти такъ же какъ относились къ нему другіе. Ей было вмѣстѣ съ тѣмъ досадно на него. „Ужь если сунуться въ грязь, то по крайней мѣрѣ взять всю эту сволочь въ руки...“ думала она иногда, взглядывая бокомъ на огромную косматую фигуру Чубата-

го, который наѣзжая изъ Женевы, производилъ въ революціонномъ муравейникѣ сильнѣйшій переломъ.

Чубатый,—читатели быть-можетъ еще не забыли его,—игралъ теперь очень большую роль. Въ „кружковщичѣ“ его считали чѣмъ-то въ родѣ тайнаго диктатора подъ наблюдениемъ котораго совершались приготовленія къ рѣшительнымъ событіямъ. У него были деньги и къ нему обращались за подаянками. Предъ его язвительными рѣчами умолкали даже львяные крикуны. Онъ царствовалъ окруженный таинственностью и играя съ циническимъ презрѣніемъ инстинктами революціонной черви, радовавшейся что нашла себѣ кумира.

Володя замѣчалъ что Катеринѣ Петровнѣ какъ будто нравится снисходительное ухаживанье Чубатаго. Онъ ревновалъ. Ее эта ревность сначала забавляла, потомъ стала раздражать.

— Какой ты право несносный, говорила она въ отвѣтъ на его подозрѣнія и упреки.—Что у тебя за странныя претензіи? не довольно тебѣ что я все тутъ же съ тобой, что я твоя? Не могу же я сдѣлать чтобы мнѣ никто никогда не нравился. Чубатый такой забавный... я на него вчера, дурачась, брызнула водой съ букета, а онъ меня прибилъ по рукамъ. Посмотри, до сихъ поръ пальцы красные.

И она подносила руки къ губамъ и медленно цѣловала ихъ.

Володя терзался невыразимо. Онъ чувствовалъ что разомкнувшаяся цѣпь держалась только потому что оба они какъ будто боялись выйти изъ своего неподвижнаго положенія. Стоить пошевелинуться, и звенья упадутъ. Ему приходило въ голову что лучше пошевелинуться, кончить равомъ...

— Катя, я не знаю что будетъ дальше, сказалъ онъ ей послѣ одной изъ ревнивыхъ сценъ, которыя стали почти ежедневно повторяться между ними.

Катерина Петровна вопросительно посмотрѣла на него нахмуреннымъ взглядомъ.

— Ты когда-нибудь думаешь объ этомъ? спросилъ онъ.

— О чемъ? сухо отозвалась она.

— О насъ, о нашей любви... о томъ какъ это кончится...

Катя, мнѣ кажется что для насъ лучше было бы избѣжать этой агоніи страсти, этого увяданья, тоски и холода... Я предпочелъ бы умереть.

Катерина Петровна легла плечами, и въ глазахъ ея мелькнулъ неприятный, прозрачный блескъ.

— Умирай, сказала она.

Володя пристально взглянулъ на нее. Она спокойно сидѣла у окна и лицо ея имѣло такое выраженіе съ какимъ слушаютъ надѣвшаго капризнаго ребенка. А ему въ эту минуту въ самомъ дѣлѣ хотѣлось умереть, умереть съ нею вмѣстѣ, пока ихъ еще связывало остывающее чувство... „Нѣтъ, если это и было когда-нибудь возможно, то теперь уже поздно“, шевельнулось въ его умѣ.

Онъ подошелъ къ ней и опустился подлѣ нея на колѣни.

— Катя, я знаю... ты бросишь меня... сказалъ онъ, испытывая странное, жуткое ощущеніе холода внутри.

Она ожала губы.

— Если будешь надѣвдать мнѣ, то брошу... проговорила она спокойно.

— Но ты знаешь чтò меня терзаетъ... Я не могу скрывать этихъ мукъ... возразилъ Володя.

— Ахъ, это скучно... молвила Катерина Петровна, отстраняя его.

Онъ всталъ и отойдя къ другому окну уперся горячимъ лбомъ въ стекло. На рѣсницахъ его навертывались слезы и медленно скатывались по лицу.

— Ты его любишь... Чубатаго... проговорилъ онъ не обращиваясь.

Катерина Петровна засмѣялась.

— Какой вздоръ! сказала она.—Послушай, это смѣшно, ты до сихъ поръ не умѣешь меня понять. Развѣ я когда-нибудь тебя обманывала, притворялась честною женщиной, обѣщала вѣчно любить тебя? Мнѣ нельзя вѣрить, нельзя смотрѣть на меня серьезно. Ты такъ не хочешь? Тебѣ мало что я тутъ съ тобой, что я твоя? Такъ не люби меня...

Володя глядѣлъ на нее мрачными и еще полными слезъ глазами.

— Ты кажется сама не понимаешь чтò такое предлагаешь мнѣ... проговорилъ онъ глухо.

— Я предлагаю чтобы ты смотрѣлъ на меня какъ на свободную женщину, отвѣтила Катерина Петровна.—Право, ты странный мальчикъ. Я тебя полюбила потому что хотѣла чтобы ты былъ счастливъ. Мнѣ самой надо счастья или по крайней мѣрѣ... веселья. А это скучно.

Она встала, надѣла шляпку, отыскала перчатки и зонтикъ и вышла.

III.

Революціонный муравейникъ продолжалъ жить все тою же безтолковою жизнью. Изъ Россіи безпрестанно прибывали все новыя лица. Одни прїѣзжали съ деньгами, въ состояніи радостнаго задора, и тотчасъ дѣлались предметомъ общаго ухаживанья и безшабашной эксплуатаціи; другіе, унылые и проголодавшіеся, имѣли видъ отсталыхъ разбитой арміи. Все это попрежнему толклось съ утра до ночи у Володи, бродило по дешевымъ кофейнямъ, сочиняло невѣроятныя политическія новости, гадаѣло надъ устройствомъ вспомогательной кассы и кружковой бібліотеки, безпардонно сплетничало и издѣвалось другъ надъ другомъ и хололоки благоговѣло предъ двумя, тремя самозванными вожаками. Чубатый прінялъ еще болѣе таинственный видъ, безпрестанно то уѣзжалъ, то снова появлялся и обѣщалъ приближеніе необычайныхъ событій. За дальнѣйшими откровеніями къ нему даже не рѣшались обращаться, но такъ-называемый „князьинька“, съ которымъ его часто теперь видѣли рука объ руку, кратко объяснялъ непосвященнымъ что „революція вступила въ динамитный періодъ“.

Къ Володѣ Чубатый относился съ покровительною фамиллярностью. Онъ не то щадилъ его, не то издѣвался надъ нимъ, но всегда въ присутствіи Катерины Петровны. Володя, выведенный изъ себя, отвѣтилъ ему разъ чрезвычайно грубо. Чубатый весело взглянулъ на него.

— Фу, какъ вы злитесь! сказалъ онъ, и продолжалъ смотрѣть ему прямо въ глаза, какъ бы предоставляя ему сдѣлать что-нибудь еще болѣе грубое. Володя только лобѣднѣлъ и взявъ шляпу вышелъ изъ дому.

Катерина Петровна, когда онъ вернулся, сидѣла у окна, и странная, какъ будто безсознательная усмѣшка скользила по ея губамъ.

— Зачѣмъ ты ушелъ! сказала она почти съ упрекомъ.

— Затѣмъ что я не намѣренъ переносить нахальства вашихъ друзей, рѣзко отвѣтилъ Володя.

Катерина Петровна повела загадочно улыбающимся взглядомъ.

— Все-таки это странно—уйти! сказала она и распахнувъ окно высунулась въ маленькій садикъ, гдѣ вѣтеръ слабо

шелестилъ опавшими осенними листьями. Вечерній воздухъ уже дышалъ холодомъ, но она оставалась неподвижно лежа грудью на подоконникѣ и не чувствуя какъ забыла плечи. Волода, усѣвшись въ углу, пробовалъ читать. Онъ не могъ заговорить съ ней... Черезъ полчаса онъ захлопнулъ книжку, ушелъ въ спальню, и легъ. Изъ сосѣдней комнаты не слышалось шороха, какъ будто Катерина Петровна намѣрена была всю ночь просидѣть у раскрытаго окна, глядя въ прозрачную мглу, наполненную холоднымъ луннымъ свѣтомъ.

Для черезъ два послѣ того Чубатый попросилъ Володю съѣздить по какому-то экстренному дѣлу въ ближайшій городъ. Володѣ показалось невозможнымъ уклониться отъ порученія, которому придавалась извѣстная важность. Онъ выѣхалъ утромъ и вернулся уже къ ночи, почти довольный успѣхомъ въ этомъ первомъ политическомъ дѣлѣ въ которомъ ему предоставили роль. Катерины Петровны не было дома. Хозяйская служанка объяснила что „фрау“ еще утромъ увезла свои вещи и приказала передать ему записку. На маленькомъ клочкѣ бумаги стояло всего нѣсколько строкъ. Катерина Петровна просила простить ей внезапный отъѣздъ и не искать ея, такъ какъ она убѣдилась что совместная жизнь не дастъ имъ больше счастья и что ей нельзя оставаться вѣчною для него обузой. „Ты еще слишкомъ молодъ, тебѣ надо думать о себѣ“, прибавляла она въ заключеніе.

Волода не помнилъ подробностей этой ночи. Онъ кажется не входилъ къ себѣ въ квартиру. Осенняя мгла словно поглотила его со всеми ощущеніями мучительно потрясенныхъ и разомъ отупѣвшихъ нервовъ. Онъ гдѣ-то бродилъ, усталый и иззябшій, и несмотря на неизмѣримую тоску которую онъ влачилъ за собою, время бѣжало съ непостижимою быстротой. Онъ помнилъ только какой-то сложный изъ огромныхъ плитъ мостъ и подъ нимъ съ шумомъ скользящія волны, такіа свинцовыя и холодныя въ эту хмурую ночь. Онъ стоялъ на мосту и смотрѣлъ на эти волны, а надъ нимъ вѣтеръ злобно гналъ разорванныя тучи и минутами лунный свѣтъ, прорвавшись сквозь нихъ, дробился ледянымъ блескомъ въ бѣшеныхъ брызгахъ. Мостъ стоялъ высоко; у Володи слегка кружилась голова, во мглистой глубинѣ подъ нимъ чувствовалась смерть и это чувство было почти пріятно. По утру, мокрый и больной, онъ вернулся домой, бросился на раздѣваясь на постель и залезъ безсильными злыми слезами.

На время онъ какъ-будто потерялъ способность думать и

соображать. Онъ никого не лускалъ къ себѣ и цѣлые дни все ходилъ изъ угла въ уголъ, безо всякой мысли, со смутнымъ ощущеніемъ необходимости что-то сдѣлать, на что-то рѣшиться.

Городокъ гдѣ онъ прожилъ уже больше года сталъ ненавистенъ ему. Онъ чувствовалъ отвращеніе къ этой жизни, къ этимъ людямъ, даже къ этому приваженному виду осенней строгости небу. Надо было уѣхать куда-нибудь лишь бы только выбраться отсюда. Но у него не было денегъ и не было свободы. Онъ уже настолько запутался въ „кружковщинѣ“ что не легко было разорвать съ нею. Его считали своимъ, на него имѣли притязанія, за нимъ слѣдили. Онъ казался подозрителенъ и отъ него требовали доказательства преданности. А въ немъ, вмѣстѣ съ ненавистью къ людямъ и къ мѣсту, явилась ненависть къ самому дѣлу. Въ Петербургѣ это дѣло представлялось ему великимъ и чистымъ; но лотогавшись среди эмигрантовъ, приглядѣвшись къ мародерамъ социализма и революціи, онъ догадался что грязныя руки не могутъ создать ничего чистаго. Мечты разошлись, осталась только злоба—злоба къ правымъ и къ лѣвымъ, къ обороняющимся и къ наладающимъ, къ существующему и къ предполагаемому. Это была унылая, мрачная злоба человѣка вполнѣ потерявшагося. И онъ ясно сознавалъ что былъ именно вполнѣ потерявшійся человѣкъ. Сначала у него явилась было мысль вернуться во что бы то ни стало въ Россію, предаться властямъ и просить поступить съ нимъ какъ найдутъ нужнымъ. Еслибъ онъ былъ только „политическій“, онъ вѣроятно такъ бы и сдѣлалъ. Но жгучее воспоминаніе послѣдней страшной ночи въ домѣ отца отнимало у него рѣшимость. Съ этимъ позоромъ ужь нельзя вернуться...

Такъ какъ Чубатый куда-то исчезъ, чуть ли даже не въ Америку, то въ кружкѣ явились новые заправители. Они распорядились отправить Володю въ Петербургъ въ качествѣ рабочей силы. Онъ повиновался; но переломъ произведенный взрывомъ лодъ Москвой заставилъ тамошній кружокъ выпроводить его подальше, въ провинцію, въ распораженіе уже извѣстнаго намъ Федора Степановича, бывшаго сельскаго учителя, а теперь управляющаго на паровомъ лѣсопильномъ заводѣ.

Вся эта горькая повѣсть припомнилась Володѣ, и чувство озлобленія, съ которымъ онъ простился съ Извоевымъ, не утихало, а какъ будто еще болѣе разгоралось въ немъ ло

мѣръ того какъ поѣздъ увосилъ его все дальше отъ Петербурга, въ новыя мѣста, гдѣ его ждала заранѣе опротавѣвшая, подневольная роль свободнаго каторжника... Ненавистный Петербургъ представлялся такимъ милымъ, съ такою болѣзненною тоскою думалось о тѣхъ отъ кого онъ бѣжалъ когда-то, кого хотѣлъ и не смѣлъ увидѣть...

На третью сутку онъ вышелъ изъ вагона, договорилъ мужика съ парною телѣжкой и поѣхалъ трусдой по просеку затоптанному осеннею грязью. Погода стояла холодная и влажная; оголенные беревы увило торчали по обѣ стороны, съ сосенъ и елей съ сухимъ шумомъ валилась засохшая хвоя и почернѣлыя, опустошенная шишки, гдѣ-то надъ головой оглушительно и нагло каркали вороны. Даже мужику кажется неприятно было это карканье и онъ, встрахивая головой, повторялъ: „Экъ ихъ, дьяволовъ!“ Подальше, между сосновыми стволами, кое-гдѣ бѣлѣлъ выпавшій и нарастающій снѣгъ. Непривыкшій къ ѣздѣ въ телѣжѣ по русскимъ дорогамъ, Володя чрезъ часъ почувствовалъ боль въ спицѣ и какое-то онемѣнiе во всѣхъ членахъ.

— Далеко еще? увило спросилъ онъ мужика.

— Эхма, доѣдемъ! также увило отвѣтилъ тотъ. — Животики-то мои притомились, больно тяжела нынче дорога.

Доѣхали только въ сумерки. Совершенно разбитый Володя почти не помнилъ какъ слѣзъ съ повозки и поднялся на низенькое крылечко. Онъ шатался какъ пьяный. Въ темныхъ свѣдахъ его встрѣтилъ самъ Федоръ Степановичъ и провелъ въ просторную, убранную по-конторски комнату.

— Меня объ васъ извѣщали, сказалъ онъ басомъ.

Володя досталъ изъ боковаго кармана письма и передалъ ему. Федоръ Степановичъ внимательно осмотрѣлъ ихъ, распечаталъ и погрузился въ чтенiе. Отъ напряженiя на лбу у него образовались толстыя складки и носъ раздулся. Онъ соглѣлъ, ворочалъ губами и ковырялъ въ носѣ. Дочитавъ послѣднее письмо онъ сложилъ ихъ всѣ, зажегъ на свѣчкѣ и кинулъ въ печь.

— Ну, добро пожаловать, произнесъ онъ голосомъ которому видимо старался сообщить прiятливостъ; — я васъ устрою якобы по бухгалтерiи... комната у васъ будетъ тутъ во флагелѣ... Какъ у васъ тамъ Михайло Ивановичъ живетъ?

— Ничего, здоровъ, кланяется вамъ... отвѣтилъ Володя.

Федоръ Степановичъ молча уставился на него глазами, и выраженiе этого нѣмага взгляда было любоблѣтствующее и

какъ бы неодобрительное. Онъ очевидно нашелъ въ наружности гостя нѣчто такое что не отвѣчало его ожиданіямъ и привычнымъ впечатлѣніямъ.

— Пойдемте-ка пока ко мнѣ, чайку нальемся, предложилъ онъ, и провелъ Володю на свою собственную половину, помѣщавшуюся тутъ же за конторой.

Какая-то дѣвица, очень некрасивая, однако не похожая на простую дѣвку, накрыла на столъ, а шустрый мальчишка въ огромныхъ салогахъ втащилъ самоваръ. Дѣвица присѣла къ столу, заварива чай и поставивъ оба локтя на столъ вперила въ Володю вопросительный и ожидающій взглядъ.

— Изъ нелегалныхъ? спросила она.

— Сожительница моя, счелъ нужнымъ объяснить управляющій.

Дѣвица, не дожидаясь отвѣта Володи, тотчасъ высказала все что какъ бы тяжкою ношей лежало на ея чувствахъ. Лѣсопильный заводъ былъ избранъ центромъ конспираціи по ея собственной мысли; здѣсь уже много сдѣлано, и она писала въ Петербургъ чтобы сюда присылали кого можно, такъ какъ для всѣхъ найдется дѣло. Между рабочими есть уже совсѣмъ обращенные, такъ что хоть сейчасъ послать куда угодно. Но главное, мѣсто чрезвычайно удобное для складовъ. У нихъ уже припрятано кое-что, а теперь Федоръ Степановичъ уговариваетъ помѣщика устроить лабораторію, такъ что можно будетъ и динамитомъ заняться. Сама она дочь сельскаго дьякона, но давно все повяла и вся жизнь ея принадлежитъ общему дѣлу.

— А помѣщикъ же какого рода? спросилъ Володя.

— Изъ трусовъ, быстро и какъ бы радостно отвѣтила дѣвица:—самъ пальца не приложить, но за спиной позволить дѣлать что угодно.

Федоръ Степановичъ слушалъ ее съ такимъ видомъ по которому рѣшительно нельзя было судить одобряетъ онъ или не одобряетъ. Но когда она встала чтобы разлить чай и ея сухая, плоская и слегка кривобокая фигура обрисовалась взгляду, Володя замѣтилъ что его вылученные глаза слѣдятъ за ея движеніями съ влюбленною жадностью.

Чай пили долго, разговоры тянулись безъ конца. Володя наконецъ извинился усталостью и просилъ чтобы его провели въ назначенную ему комнату. Тамъ онъ съ наслажденіемъ раздѣлся, бросился въ постель и заснулъ мертвымъ сномъ, какимъ давно уже не спалъ.

IV.

Зимнее солнце, яркое и холодное, разбудило его поутру. Онъ раскрылъ окно; свѣжій воздухъ ворвался въ комнату и бодрымъ трепетомъ пробѣжалъ по тѣлу. За ночь грязь затянуло морозомъ, на лочервѣлыхъ сучьяхъ выступилъ иней. Дворъ съ открывающимся изъ него выходомъ на широкую лѣсную просѣку смотрѣлъ чище и веселѣе чѣмъ наканунѣ. Рабочіе были уже на ногахъ, слышался шумъ машинъ и людской говоръ, изъ трубъ валилъ дымъ. Смолистый запахъ свѣжаго дерева вмѣстѣ съ запахомъ каменноугольной колоты носился въ воздухъ. Ближе, у самого окна, колошились куры, рылась въ какихъ-то сбѣдкахъ молодая свинья съ весело закорюченнымъ хвостикомъ и тянуло дымомъ отъ только что наставленнаго самовара.

„Вотъ они, новыя мѣста!“ думалъ Володя озирая представившуюся ему картину, втягивая въ себя всѣ эти запахи и невольно бодрясь отъ какого-то возбуждательнаго вѣянія чувствовавшагося въ природѣ. Онъ никогда не жилъ въ деревнѣ, и это вѣяніе дѣйствовало на него съ силой перваго впечатлѣнія.

Налившись чаю, онъ пошелъ отыскивать Федора Степановича. Ему хотѣлось знать что собственно здѣсь дѣлается и что онъ будетъ дѣлать. „Лишь бы что-нибудь настоящее, кружовое“... думалъ онъ. „Тамъ, за границей, меня считали мальчишкой; это скучно. Надо показать что я выросъ“...

Бывшій учитель повелъ его осматривать заводъ и всѣ заводскія строенія. Это заняло часа два. Володя ничѣмъ однако не заинтересовался и только усталъ.

— Въ чемъ же собственно все дѣло? спросилъ онъ наконецъ когда они остались вдвоемъ.

— То-есть какъ это? не понималъ Федоръ Степановичъ.

— Не для того же меня сюда послали чтобъ учиться заводскому хозяйству, пояснилъ Володя.

Управляющій усмѣхнулся своими толстыми губами.

— Вонъ что! произнесъ онъ проницательно. — Потерпите, узнаете. Наше дѣло не на показъ дѣлается; мы лаутину потихоньку плетемъ. Вотъ телерь рабочіе обѣдать пойдуть, а мы съ вами тѣмъ временемъ позавтракаемъ. А послѣ того у меня заведены классы: Марья Яковлевна съ ребятишками

возится, а я со взрослыми родъ собесѣдованія веду. Вы посмотрите, послушайте, да поучитесь, а потомъ помогать мнѣ будете.

— Соціальная пропаганда! брезгливо произнесъ Володя. — Съ рабочими разныя „хорошія“ книжки читать... для этого не стоило посылать меня сюда.

— А вамъ чего бы хотѣлось? снова усмѣхнулся Федоръ Степановичъ. — Сразу-то большого не дадутъ, надо прежде показать себя.

— Въ чины выслаужиться? закинулъ Володя.

— Опытъ надо имѣть, почти сурово отвѣтилъ управляющій. — Вы думаете пропаганда-то легкое дѣло? Сколько осторожности надо! Другіе зря такъ наускаиваютъ что ихъ скрутятъ по рукамъ да къ становому, а тамъ и пойдетъ переборка... цѣлое гнѣздо разорать.

Классы и „собесѣдованія“ тоже оказались Володѣ очень скучными. „Все это вздоръ, этою дорогою во сто лѣтъ не дойдешь“, думалъ онъ, слушая какъ бывшій учитель истощался въ „наведеніяхъ“ стараясь непримѣтнѣйшимъ образомъ направить мысль рабочихъ къ какой-нибудь намѣченной „идеѣ“. Рабочіе какъ будто и понимали, но затѣмъ вдругъ какое-нибудь одно слово, одинъ вопросъ ясно обнаруживали что влущенная идея совсѣмъ не застряла въ мозгу, такъ что хоть начинай съ начала.

— И давно это вы бьетесь такимъ образомъ? спросилъ Володя, когда по окончаніи класса они шли вдвоемъ по промерзлой дорогѣ.

— Я пропагандой лѣтъ десять уже занимаюсь, отвѣтилъ Федоръ Степановичъ.

— Ну, а я бы году не выдержалъ... сказалъ Володя. — Вы пробовали когда-нибудь разчитать сколько времени потребуется чтобы перевоспитать такимъ образомъ народъ?

— Дальше легче будетъ, возразилъ Федоръ Степановичъ.

— Дальше? когда надъ нами долухъ расти будетъ?

— Чтò жь, каждое поколѣніе работаетъ для будущаго. Мы съемъ, другіе жать будутъ.

Володя сдѣлалъ головой и плечами нетерпѣливое движеніе, выражавшее что онъ совсѣмъ не сочувствовалъ теоріи бывшаго учителя.

— Я усталъ, сядемъ здѣсь, предложилъ онъ, указывая на огромный срубленный стволъ лежавшій при дорогѣ. — А тѣ

что работаютъ револьверомъ и динамитомъ? вдругъ спросилъ онъ.

— Ты! протянулъ какъ-то особенно Федоръ Степановичъ, и въ глазахъ его какъ будто что-то завистливое мелькнуло.— Такъ вѣдь этимъ здѣсь не надѣ чѣмъ работать. Въ отамоваго стрѣлять будете что ли? Мы здѣсь только готовимъ... Вотъ, какъ будетъ у меня лабораторія, я тутъ маленькую фабрику устрою.

— Когда же это будетъ-то?

— А вотъ, ужю.. надо потихоньку, безъ подозрѣній...

Разговоръ вдругъ оборвался, такъ какъ оба слышали гулкій стукъ колесъ по мерзлой землѣ, и черезъ минуту изъ-за поворота дороги показалась коляска, а въ ней господинъ высокаго роста, плотный, съ широкимъ красноватымъ лицомъ и съ сильною просвѣдою на вискахъ и въ бородѣ.

— Помѣщикъ здѣшній, Грешановъ, толкнулъ Федоръ Степановичъ Володю.

По знаку сидѣвшаго въ коляскѣ господина, кучеръ оставилъ лошадей, а самъ господинъ выѣхавъ на дорогу и подошелъ къ управляющему.

— Здравствуйте, мой любезнѣйшій... молвилъ онъ нѣсколько сквозь зубы, протягивая руку.

Володя съ любопытствомъ оглядѣлъ его. Господинъ Грешановъ принадлежалъ къ тѣмъ представительнымъ дворянскимъ фигурамъ новаго склада которыя, сохранивъ отъ прежнихъ поколѣній нѣчто надменно-барственное, приобрѣли вмѣстѣ съ тѣмъ какую-то либеральную юркость и способность къ постыднѣйшему искательству предъ такъ-называемымъ интеллигентнымъ разночинствомъ. Маленькіе свѣтлые глазки его, когда онъ небрежно жаль руку Федору Степановичу, какъ будто говорили: „Простите что я цѣжу сквозь зубы и подаю два пальца, это у меня отъ привычки, такъ какъ я имѣлъ несчастье родиться при крѣпостномъ правѣ; но я готовъ сію минуту, сію минуту упразднить дворянство и пройти колесомъ по ярмаркѣ.“

Федоръ Степановичъ представилъ ему Володю и пояснилъ что онъ изъ „заграничныхъ“. Грешановъ словно даже подскочилъ на мѣстѣ.

— У меня, господа, готовый кровъ для гонимыхъ за идею, объявилъ онъ, оглянувшись впрочемъ на кучера.—Но только, господа, поберегите меня, поберегите!

— Будьте спокойны, Алексѣй Ивановичъ, вѣдь ваше дѣло сторона, сказалъ на это управляющій.

— Я сочувствую, вы знаете; но я старъ, старъ, не гожусь, продолжалъ Грешановъ, посылая кучеру знакъ отъѣхать. — Такъ вы только-что *оттуда?* обратилса онъ къ Володѣ, подмигнувъ глазомъ.

— Да, недавно... отвѣтилъ тотъ.

— Ну и что же, какъ? въ какомъ положеніи? спросилъ Грешановъ.

— Да ничего, кое-что дѣлается... промолвилъ неохотно Володя.

— Дѣлается? кое-что дѣлается однако? повторилъ помѣщикъ. — Я вамъ скажу... (онъ опять оглянулся) эта послѣдняя попытка... смѣлая вещь! досказалъ онъ, повижая голосъ и наклоняясь къ самому уху бывшего учителя. — И я слышалъ что главный... подъ именемъ Сухорукова... уже находится въ безопасности.

— Ловкачъ! промышалъ на это Федоръ Степановичъ.

— Ну, а у васъ, господа? впрочемъ не хочу ничего знать... у меня заводъ, при заводѣ управляющій, контора, рабочіе... больше ничего не хочу знать, продолжалъ помѣщикъ. — Дѣло идетъ плохо, но вѣдь теперь вездѣ застои, все подавлено, странъ угрожаетъ кризисъ...

— А что же, Алексѣй Ивановичъ, когда мы лабораторію-то заведемъ? прервалъ его управляющій.

Грешановъ сдѣлалъ озабоченное лицо.

— Любезнѣйшій мой, боюсь я этой вашей лабораторіи, отвѣтилъ онъ, съ выраженіемъ безпомощности разведя руками. — Первое, заводъ даетъ мало, а тутъ новый расходъ; но главное, подозрительно это можетъ показаться. О чемъ вы тамъ толкуете съ рабочими, это не мое дѣло, я ничего этого не знаю. Но лабораторію-то вѣдь я самъ значить устрою. Почему? для какой надобности? при льсолильномъ-то заводѣ? Повѣрьте, господа, въ глаза бросится.

— Да помилуйте, Алексѣй Ивановичъ, вѣдь я хочу лоташъ добывать изъ древесныхъ опилковъ, возразилъ ухмыляясь толстыми губами управляющій.

— Вотъ то-то, самому смѣшно... вѣтъ, господа, объ этомъ надо размыслить, сильно размыслить. Ужь вы, господа, поберегите меня. Я, вы знаете... вамъ извѣстенъ мой образъ мыслей... Но что дѣлать, права личности у насъ ничѣмъ не

ограждены. Всѣ подъ произволомъ полицейскаго чиновника ходимъ, говорилъ Грешановъ и вдругъ заторопившись пожалъ руки молодымъ людямъ и повернулъ къ коляскѣ.

— Трусовать! выразился Федоръ Степановичъ, провожая его неодобрительнымъ взглядомъ. — Однако пора и щи хлѣбать, добавилъ онъ, и оба направились къ дому.

Послѣ обѣда Федоръ Степановичъ немедленно завалился спать, а Марья Яковлевна разложила на столъ листъ газетной бумаги съ кучкой сухаго мелкаго табаку и принялась набивать папиросы.

— Какъ вамъ показался сеньйоръ нашъ? спросила она Володю.

— Кажется дрянъ порядочная, отвѣтилъ тотъ.

— Ужасная дрянъ, подхватила подруга бывшего учителя. — Вздумалъ тоже ко мнѣ съ любезностями подѣзжать, но я такъ его отдѣлала что чудо.

Володя недовѣрчиво взглянулъ на ея плоскій профиль и мысленно спросилъ себя, на чтѣ тутъ могъ польститься Грешановъ?

— Эти господа воображаютъ что если мы между собой безъ предразсудковъ, то и со всякимъ тоже, продолжала Марья Яковлевна, быстро работая пожелтѣвшими отъ такого занятія пальцами.

— Но онъ повидимому человекъ полезный для дѣла, сказалъ совершенно равнодушно Володя.

— Мало ли теперь такихъ-то! отозвалась Марья Яковлевна. — Изъ него дѣйствительно можно было бы веревки вить, но вѣдь Федя дуракъ, ничего не умѣетъ сдѣлать.

При такомъ неожиданномъ отзывѣ о Федорѣ Степановичѣ Володя невольно посмотрѣлъ на нее въ упоръ.

— Разумѣется дуракъ, подтвердила она совершенно спокойно. — Вотъ такъ завалится каждое послѣ-обѣда дрыхнуть, а тутъ и безъ того скучища смертная. Хорошо еще что вы пріѣхали, будете со мной сидѣть, или я буду приходить къ вамъ.

— Онъ кажется очень любить васъ, сказалъ на это, не зная чтѣ отвѣтить, Володя.

Марья Яковлевна презрительно повела губами.

— Чтѣ онъ понимаетъ! отозвалась она. — Пойдемте лучше къ вамъ, тутъ мнѣ даже комнаты опротивѣли, вдругъ предложила она и пристально взглянула Володѣ въ глаза.

Онъ вспыхнулъ.

— Я тоже имѣю привычку спать послѣ обѣда, сказалъ онъ.

— Спать? протянула Марья Яковлевна и съ игривымъ выраженіемъ отпихнула его отъ себя.

Потомъ, словно озадаченная чѣмъ-то, она опустилась на жесткій диванъ и поставила локти на столъ. Володя на ципочкахъ вышелъ изъ комнаты.

V.

Потянулись дни, недѣли; предъ окнами появились свѣжые сугробы; на заводѣ встрѣтили и проводили святки. Володя испытывалъ злую тоску, такъ что даже Федоръ Степановичъ сталъ относиться къ этому обстоятельству серьезно и придумывать что бы такое сдѣлать. Марья Яковлевна просилась снарядить ее въ Женеву, увѣряя что тутъ на заводѣ хуже чѣмъ было дома у дьякона...

Разъ Федоръ Степановичъ оставшись вдвоемъ съ Володей спросилъ его слышалъ ли онъ что-нибудь про деревню Толошную, въ сорока верстахъ отъ завода.

— У насъ есть рабочіе оттуда, отвѣтилъ Володя.

— А не говорили ли они вамъ чего про нѣкогого Максютина, тамошняго крестьянина? продолжалъ спрашивать Федоръ Степановичъ.

Володя не могъ припомнить.

— Максютинъ этотъ очень замѣчательная личность, пояснилъ Федоръ Степановичъ. — Это сектантъ и на самой социалистической подкладкѣ. Ученье его составляетъ до нѣкоторой степени тайну, но я знаю что онъ отвергаетъ собственность и думаетъ устроить какую-то евангельскую общину. Полиція о немъ провѣдала, онъ судился, сидѣлъ въ острогѣ. Телеръ я получилъ извѣстіе что онъ выпущенъ, вернулся въ Толошную и продолжаетъ пропаганду. У него уже нѣсколько сотъ послѣдователей и все это такой матеріалъ на который слѣдуетъ обратить самое серьезное вниманіе. Максютина озлобили, сдѣлали изъ него врага и вдобавокъ фаворита. Вы понимаете какая это находка.

Володя слушалъ съ большимъ любопытствомъ.

— Что же вы по этому случаю предполагаете? спросилъ онъ.

— Я думаю что надо непременно войти съ нимъ въ

сношенія и постараться привлечь его на свою сторону. Мнѣ сегодня лишуть объ этомъ изъ Петербурга, гдѣ давно уже слѣдятъ за нами, отвѣтилъ Федоръ Степановичъ.

— Я тоже думаю что это очень важно, сказалъ Володя.— Если у нихъ дѣйствительно социалистическая подкладка, то значить почва готовая.

— И еще какая почва-то! народъ все грамотный, развитый, трезвый, зажиточный... подтвердилъ управляющій.— Но дѣло въ томъ что самъ я не могу отлучиться туда на нѣсколько дней, да и слишкомъ это было бы замѣтно, въ Толошной меня знаютъ. Я хотѣлъ просить васъ съѣздить туда, повидаться съ Максютинымъ и пригласить его сюда...

Володя очень обрадовался.

— Что-жь, это прекрасно, сказалъ онъ.

— Вотъ и пользайтесь, продолжалъ Федоръ Степановичъ.— Вы можете появиться тамъ подъ предлогомъ покупки древеснаго угля для завода, намъ нужно. Но только помните что вы не должны входить ни въ какія подробныя объясненія, а только уговорить Максютина захватить ко мнѣ: дѣломъ есть. Въ пропаганду ни въ какомъ случаѣ не лускайтесь, за нее надо осторожно взяться. Сектанты вѣдь изувѣры, однимъ неловкимъ словомъ можно все испортить.

„Ладно“, подумалъ Володя, вовсе не расположенный стѣсняться инструкціями своего революціоннаго начальства.

На другой день рано утромъ ему заложили санки, и онъ уѣхалъ. Дорога шла лѣсомъ. Покормивъ лошаденку на поллуги у лѣсника, онъ къ полудню былъ уже въ Толошной.

Деревня производила пріятное впечатлѣніе. Крѣпкія, просторныя избы, окруженныя всяческими хозяйственными застройками, свидѣтельствовали о достаткѣ, пьяные совсѣмъ не попадались. По расчету Володи здѣсь было дворовъ двѣсти. Ему тотчасъ указали избу самаго Максютина. Семья сидѣла за обѣдомъ. Бойкій, здоровый парнишка лѣтъ десяти выскочилъ на дворъ и показалъ куда поставить лошадь.

— Пожалуйте, сударь, пріѣтливо пригласилъ самъ хозяинъ выйдя на крылечко.

Володя былъ пораженъ незначительностью его наружности. Максютинъ былъ совсѣмъ обыкновенный, сѣрый мужиченокъ лѣтъ сорока пяти, сутуловатый, лысоватый, съ согнутою шеєю, толстомосымъ длиннымъ лицомъ и лохматою бородкой. Ничто въ немъ не напоминало литерщика и зажиточнаго хозяина.

— Откуда Богъ примешь? спросилъ онъ, очищая гостю мѣсто на лавкѣ.

Волода объяснилъ.

— Угля можно собрать, найдется, сказалъ хозяинъ.—Только сами мы торговлей не занимаемся.

— Бросили?

— Покончилъ въ Питерѣ еще.

— Чтò же такъ? на покой кажется рано бы вамъ...

— Не для sloкойствія, а собственно занятіе не показалось. Грѣха много.

— Какъ быть, безъ грѣха не проживешь.

— Потому-то самому и убѣгаемъ соблазна. Тутъ наше занятіе простое, какъ показано... Отъ трудовъ литаемся.

Молодуха, жена старшаго сына, убирала въ это время со стола, а мужъ ея, два младшіе брата и мать присѣли въ другомъ углу избы и оттуда молча слушали бесѣду хозяина съ гостемъ. Володю это присутствіе домашнихъ очень стѣсняло.

— Я про васъ, Яковъ Капитовичъ, много наслышался отъ нашего управляющаго, Федора Степановича, сказалъ онъ.

— Слышалъ и я про него, молвилъ на это Максютинъ;— на заводѣ у васъ наши тоже работаютъ. Человѣкъ онъ по видимости хорошій, къ народу ласковъ.

— Онъ васъ очень почитаетъ, и когда узналъ какъ начальство васъ притѣсняетъ и нарушается надъ вами, то очень сокрушался, продолжалъ Волода.

Максютинъ при этихъ словахъ еще больше понурилъ голову.

— Въ міру неправды много, сказалъ онъ, и тотчасъ прибавилъ:—а больше все отъ неразумія. Не разумѣетъ человѣкъ какъ творить волю посланшаго и оттого совращается въ неправду.

— А такихъ чтò разумѣютъ да лучше хотятъ соблюсти свою выгоду—развѣ мало? Между начальствомъ-то да господами все больше такіе бываютъ, замѣтилъ Волода. — Имъ лишь бы нажитья отъ нашего брата, а если какой начнетъ имъ правдой глаза колоть, такъ какъ бы молчать заставить. Вотъ его сейчасъ въ кандалы, да по судамъ таскать...

Максютинъ наклонивъ голову раза два изъ-подлобья взглянулъ на говорившаго.

— А вы, сударь, изъ какихъ будете? спросилъ онъ совершенно просто.

Володя хотя и приготовился заранее къ такому вопросу, но въ первую минуту невольно смѣшался.

— То-есть какъ это? будто не понималъ онъ.

— Какого то-есть званія? подсказалъ Максютинъ.

— Я изъ мѣщанъ, отвѣтилъ Володя.

— Вышли значить въ ученье, молвилъ на это Максютинъ, и Володя понималъ что онъ хотѣлъ сказать этою неясною фразой. Ученье, т.-е. господское ученье, очевидно въ глазахъ сектанта равняло всѣ званія, и мѣщанинъ переставалъ быть мѣщаниномъ.

— Вамъ, Яковъ Калитовичъ, пришлось извѣдать каковы у насъ порядки, продолжалъ Володя, торопясь возвратить разговоръ на прежнюю тему.— Потаскали васъ довольно по судамъ да по острогамъ, за то что хотѣли научить людей праведной жизни.

— Не мнѣ первому претерпѣть случилось, молвилъ на это спокойно Максютинъ.

— За то и честь вамъ большая отъ честныхъ людей. А вотъ что горько что всякій у насъ можетъ наругаться надъ праведнымъ человѣкомъ и защиты ему ни у кого нѣтъ.

Максютинъ вздохнулъ.

— Вѣры нѣтъ нынче въ людяхъ, оттого и неправда верхъ взяла, сказалъ онъ.

Володя былъ какъ будто озадаченъ такимъ заключеніемъ.

— Какой вѣры? переспросилъ онъ.

— Христіанской, отвѣтилъ совершенно просто Максютинъ.

— Что жь бы тутъ вѣра помогла? возразилъ Володя.

— А какъ же тутъ вѣра не помочь? Вѣрующій человѣкъ развѣ не устыдится зла и не устрашится его дѣлать? подсказалъ Максютинъ.

Володя прекратилъ разговоръ, намѣреваясь возобновить его въ болѣе удобную минуту, когда они останутся вдвоемъ. Но каждая новая попытка убѣждала его что Максютинъ крѣпко стоитъ на какой-то своей собственной точкѣ зрѣнія и какъ будто даже не понимаетъ его мысли. Вечеромъ, когда домашніе уже улеглись спать, онъ замѣтилъ что хозяинъ накинулъ на плечи тулупъ и вышелъ изъ избы. Володя тоже одѣлся и пошелъ вслѣдъ за нимъ. Ночь была свѣтлая, на прозрачномъ небѣ мигали звѣзды, голубыя тѣни неподвижно лежали на снѣгу. Максютинъ сидѣлъ подъ стѣной на лавочкѣ и ловидимому о чемъ-то думалъ.

— Можно съ вами тутъ посидѣть? робко спросилъ Володя.

— Садитесь, сударь, предложилъ хозяинъ и какъ будто усмѣхнулся.

Въ этомъ словѣ „сударь“, съ которымъ постоянно обращался къ нему Максютинъ, и вообще въ его тонѣ Володѣ чувствовалось что-то неодолимо препятствующее ихъ сближенію. Онъ хотѣлъ дать Максютину самому разговориться и сталъ осторожно разспрашивать его о прежней жизни, о томъ какъ онъ додумался до своего ученія и въ чемъ оно состоитъ. Максютинъ не таился, разказалъ все. Въ дѣтствѣ ему случалось бывать въ монастыряхъ и замѣчать въ монашеской жизни, такъ же какъ и въ жизни приходскаго духовенства, разладъ между словомъ и дѣломъ. Это заставило его обратиться къ Евангелію, которое онъ изучалъ внимательно, сколько могъ понять. Потомъ, вступивъ въ практическую жизнь, онъ наблюдалъ на каждомъ шагу что люди живутъ не по правдѣ, что воспиталась уже привычка считать заповѣдь евангельскую необязательною, явилось убѣжденіе что жить по Евангелію нельзя. А онъ этому не могъ повѣрить, не могъ подчиниться. Жизнь по правдѣ казалась ему не только возможною, но и несравненно прекраснѣйшею. Думая объ этомъ непрерывно, онъ пришелъ къ заключенію что все зло происходитъ отъ розни людской, а рознь пошла оттого что стали люди между собою дѣлать—что мое, а что твое. А надо чтобы все было общее, и работа общая, и достатки общіе. Тогда люди привыкнутъ любить другъ друга, какъ училъ Христосъ. И чѣмъ больше онъ объ этомъ думалъ, тѣмъ больше убѣждался что вѣра въ людяхъ искажилась и что въ этой вѣрѣ нѣтъ спасенія. Мы въ церковь ходимъ, крещеніе и святое причастіе принимаемъ, священниковъ призываемъ, а правды и любви между нами нѣтъ; какая жь это вѣра? И вотъ онъ отвергъ таинства, пересталъ ходить въ церковь и сталъ учить „по Евангелію“.

Володя слушалъ его съ напряженнымъ вниманіемъ.

— А вы развѣ не слышали о тѣхъ людяхъ которые все это поняли и провозвѣстили и которыхъ за это вѣшаютъ и разстрѣливаютъ? вдругъ спросилъ онъ.

Максютинъ помолчалъ.

— Читалъ я, гнали въ давнія времена апостоловъ и святыхъ мучениковъ, сказалъ онъ.

— А какъ вы думаете о тѣхъ кого въ настоящее время

т. слх.

казнять за то что они встаютъ противъ чиновниковъ и господъ? торопилса Володя,—вѣдь и они ничего другаго не хотятъ какъ уничтожить нынѣшніе порядки и завести такъ чтобы каждый жилъ по правдѣ, чтобы земля была общая, чтобы не было ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, ни знатныхъ, ни простыхъ...

Максютинъ посмотрѣлъ на него вопросительно.

— Это что Царя извести хотятъ? молвилъ онъ.

— Царя они не трогали бы еслибы не надо было уничтожить вообще всѣ нынѣшніе порядки, которые начальство поддерживаетъ и защищаетъ, продолжалъ Володя.—Пока эти порядки существуютъ, пока есть царское войско и царскіе чиновники, правды не будетъ, потому что нельзя подѣлить ни земли, ни капиталовъ.

— Какъ такъ подѣлить? спросилъ Максютинъ.

— Такъ чтобы всѣмъ поровну, всякому одинаковая часть.

— Эко сударь, какое вы слово сказали, усмѣхнулся Максютинъ.—Подѣлить! Христось нешто дѣлил? Кто хочетъ сластись тотъ самъ отречется отъ богатствъ и прелестей мірскихъ. А то какая же правда—у богатаго отнять да бѣдному дать? Этакая правда у васъ горше неправды будетъ.

— А вы много такихъ видали что „отрекаются“? возразилъ уже съ нѣкоторымъ раздраженіемъ Володя.

— Это еще Христось сказалъ: легче верблюду въ ушко игольное войти, нежели богатому въ царствіе небесное. Слаженіе по вѣрѣ дается, отвѣтилъ Максютинъ.

„Не понимаетъ!“ мысленно, съ горестью протестовалъ Володя. „Чортъ ихъ разберетъ что они такое, эти народные изуверы. Додумаются до такого раціонализма которомъ и въ Европѣ не мечтаютъ, доколаются до социальной основы въ самомъ идеальномъ ея видѣ, а поскребешь ихъ—и окажется въ сущности тотъ же самый православный мужикъ который Миколѣ-угоднику свѣчку ставитъ и увѣренъ что земля на трехъ китахъ стоитъ“, думалъ онъ, сожалья что не послушался Федора Стелановича и не воздержался отъ неудачныхъ попытокъ. „Но только и Федоръ Стелановичъ не далеко съ нимъ уйдетъ“, прибавлялъ онъ какъ бы въ утѣшеніе себѣ.

VI.

Поутру предъ отъѣздомъ Володя все-таки хотѣлъ исполнить порученіе.

— Надо бы вамъ, Яковъ Капитоновичъ, заѣхать къ намъ на заводъ, сказалъ онъ Максютину.—Федоръ Степановичъ велѣлъ очень просить васъ.

— Зачѣмъ бы надо такъ? спросилъ Максютинъ.

— Дѣло есть.

Максютинъ удивился.

— Я нынче ни торговлей, ни чѣмъ такимъ не занимаюсь, какое ко мнѣ дѣло можетъ быть?

— Право, заѣхали бы, потолковали бы съ Федоромъ Степановичемъ, настаивалъ Володя.—Онъ васъ чрезвычайно уважаетъ и еслибы могъ отлучиться съ завода, самъ бы пріѣхалъ къ вамъ. Поговорить найдется о чемъ.

Максютинъ скорбно склонилъ голову.

— Намъ это очень пріятно и сами мы про Федора Степановича много хорошаго слышаны, но только вы люди ученые, а мы окромя духовнаго и не разумѣемъ ничего, потому для васъ и разговоръ нашъ ничего не стоящій, отвѣтилъ онъ, и въ голосъ его опять слышалась та подозрительная проническая нотка которая смущала и раздражала Володю.

— Ну, какъ хотите, сказалъ онъ досадливо.—Благодарю за хлѣбъ-соль.

— Не стоить того. А какъ съ углемъ-то? закупились ли?

— Нашелъ немножко.

— Ну, слава Богу.

„Вѣдь смѣется“, подумалъ Володя, обдергивая шлею. „Въ острогѣ сидѣлъ, а хуже парижскаго лавочника боится свѣжаго воздуха.“ И вдругъ спросилъ вслухъ:

— Правда это, Яковъ Капитоновичъ, будто вы въ судъ Евангеліе принесли и требовали чтобы судьи читали изъ него?

— Привосилъ, отвѣтилъ Максютинъ.

— И что же?

Яковъ Капитоновичъ помолчалъ.

— Гнѣвались очень, сказалъ онъ наконецъ и тотчасъ

прибавилъ какимъ-то рѣшительнымъ тономъ: — ну, сударь, счастливаго пути! Много благодарны за честь.

Володя хлопнулъ вожжей и поѣхалъ.

Онъ былъ страшно недоволенъ неудачей и не только потому что предстояло докладывать Федору Степановичу о неуспѣхѣ своего перваго политическаго порученія, но и потому что самое содержаніе дѣла очень его раздражало. Связь съ толстиковскими сектантами представлялась ему въ высшей степени важною: тутъ какъ будто нащупывалась почва, революція встрѣчала опоры въ народѣ. Настоящій народъ, какъ научили его еще въ „кружковщинѣ“, составляли именно раскольники. И вдругъ одинъ изъ самыхъ видныхъ людей современнаго раскола не понималъ его и не понималъ какъ-то злостно, провически... Но если народъ безнадежно чуждъ революціи, то для кого же ее наконецъ дѣлать? Для Чубатаго-для князюшки, для жалкихъ отбросковъ жалкой интеллигенціи на которыхъ онъ смотрѣлся за границей?

Размышленія его были внезапно прерваны самымъ неожиданнымъ образомъ. Онъ не замѣтилъ какъ навстрѣчу ему подѣхали маленькія американскія санки запряженныя породистымъ рысакомъ, въ которыхъ сидѣлъ высокій, смуглый господинъ въ собольей шалкѣ и въ пальто съ такимъ же воротникомъ. А господинъ этотъ еще издали со страннымъ вниманіемъ приглядывался къ нему, какъ будто узнавая и вмѣстѣ не вѣря своимъ глазамъ. Поровнявшись, онъ вдругъ остановилъ лошадь и окликнулъ его по имени.

Володя вздрогнулъ. Онъ уже почти отвыкъ отъ своего настоящаго имени. Быстро, съ испугомъ поднялъ онъ глаза и тотчасъ узналъ Глѣба Дмитриевича.

— Володя! Владиміръ Павловичъ! повторилъ Зимовьевъ, какъ бы все еще не довѣряя, не ошибся ли онъ.

Володя жалостнымъ образомъ растерялся. Онъ не зналъ отозваться ли ему, прикинуться ли что въ немъ олознамись, или просто стегнуть лошадежку и ускакать поскорѣе. Но Зимовьевъ, какъ бы предупреждая бѣгство, осадилъ лошадь и придвинулъ свою американку вплотную къ его санкамъ.

— Какими судьбами вы здѣсь? что вы тутъ дѣлаете? спросилъ онъ.

Володя приподнял шалку.

— Я тутъ проѣздомъ, на короткое время, отвѣтилъ онъ.

— Васъ считаютъ за границу!

— Я дѣйствительно живу за границей и завтра же опять туда уѣзжаю. А сюда меня звали знакомые... погостить.

Зимовьевъ все время пристально и лытаиво смотрѣлъ ему въ глаза.

— Вы въ Петербургѣ были? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, отвѣтилъ Володя, невольно избѣгая этого допрашивающаго взгляда.

— Вы неправду говорите! сказала Глѣбъ Дмитріевичъ.

Онъ отстегнулъ пологость, соскочилъ съ саней и подоидя къ Володѣ, взялъ его за руки.

— Послушайте, вамъ незначѣмъ отъ меня таиться, я знаю куда васъ сманили и зачѣмъ вы здѣсь...

— Чтò вамъ за дѣло до меня? рѣзко прервалъ его Володя.

— Чтò мнѣ за дѣло? Я старый другъ вашего отца, я видѣлъ какъ онъ страдаетъ, тревожится...

— Отецъ долженъ забыть что я существую на свѣтѣ! тѣмъ же рѣзкимъ тономъ возразилъ Володя.

— Но онъ не забылъ, а неизвестность убиваетъ его, продолжалъ Зимовьевъ.—Послушайте, мы не даромъ здѣсь встрѣтились. Вы еще такъ молоды, вамъ есть время опомниться, примириться съ отцомъ. Вы вѣроятно не знаете какъ велико его горе, но я видѣлъ, я знаю. Я знаю что онъ можетъ простить васъ...

Мучительное смятеніе выражалось въ глазахъ Володи. За минуту свѣжее отъ морознаго воздуха лицо его было блѣдно.

— Если можетъ... пусть проститъ, проговорилъ онъ съ усиленіемъ, и губы его какъ-то по-дѣтски покривились, какъ будто онъ готовъ былъ расплакаться.

— А вы? стремительно спросилъ Зимовьевъ.

— А я не могу вернуться... въ волненіи отвѣтилъ Володя.

Глѣбъ Дмитріевичъ замѣтилъ это волненіе и счелъ его за благопріятный признакъ.

— Но вѣдь вы не до такой степени замѣшаны и компрометированы чтобы для васъ не было возврата, продолжалъ онъ.—Васъ увлекли, вы почти ребенокъ были, на ваше раскаяніе должны взглянуть благосклонно. Довѣрьтесь мнѣ, у меня есть связи, я буду хлопотать. Если не для васъ, то для вашего отца сдѣлаютъ больше чѣмъ для другаго.

Володя отрицательно покачалъ головой.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не могу... Вы очень добры, благодарю васъ.

И онъ подобралъ вожжи. Глѣбъ Дмитріевичъ удержалъ его за руку.

— Можетъ-быть вы... считаете себя безвозвратно связанымъ съ ними? думаете что они не захотятъ возвратить вамъ свободу? продолжалъ онъ, и голосъ его звучалъ все дружественнѣе, горячѣе и ласковѣе.— Полноте, когда вы сбросите съ себя эту петлю, вы сами увидите что то были лустые страхи. Гдѣ вы? у кого? Я васъ возьму пока къ себѣ, у меня никто не осмѣлится васъ тронуть.

Володя нетерпѣливо высвободилъ руку.

— Глѣбъ Дмитріевичъ, вы напрасно хлопотаете убѣдить меня... проговорилъ онъ.— Я отрѣзанный ломѣтъ, съ моей дороги не возвращаются. И не старайтесь отыскать меня, а завтра же уѣзжаю изъ этихъ мѣстъ. Все что я могу сказать— просить забыть меня. Прощайте!

Онъ съ силой ударилъ вожжами; лошадь рванула и понесла по скрипучему снѣгу.

Глѣбъ Дмитріевичъ въ раздумьи шагомъ вѣхалъ знакомою лѣсною просѣкой. Что могъ онъ еще сдѣлать? Безполезно было бы его искать, онъ всегда имѣлъ возможность скрыться раньше чѣмъ нападуть на его слѣдъ. Написать отцу? но что могъ онъ сообщить утѣшительнаго? Простое извѣстіе о встрѣчѣ только растревожитъ незажившую рану, возбудитъ новыя опасенія. Лучше промолчать...

Дома ему доложили что его дожидается управляющій изъ Волчьего Дола. Зимовьевъ удивился. „Что такое могло ему понадобиться?“ подумалъ онъ и на мгновенье странное, щемящее и робкое чувство стѣснело ему грудь.

Илья Петровичъ вошелъ вслѣдъ за нимъ въ кабинетъ, осторожно скользя по ковру своими коротенькими, обутыми въ какую-то неслышную обувь ногами.

— Здравствуйте, какъ васъ Богъ милуетъ? встрѣтилъ его Зимовьевъ.

— Покорнѣйше благодарю; милуетъ Господь по своему долготерпѣнью. Какъ дрожайшее здоровье? Давненько-таки не доводилось нынче видѣться, не смѣлъ беспокоить. Хотѣлъ, не одинъ разъ хотѣлъ засвидѣтельствовать неизмѣнное почтеніе, да все какъ-то думалось—не обезлокою ли какъ-нибудь?—заговорилъ Миловановъ, и извлеки каемчатый фуляръ, по обыкновенію взялъ его двумя пальцами за среднюю и деликатно встряхнулъ.

— Садитесь, расскажите что у васъ новаго, пригласилъ Зимовьевъ.

Миловановъ подвинулъ стулъ, оглядѣвъ его и опустился съ такою осторожностью какъ будто опасался что вдругъ его изъ-лодь него выдернуть.

— Новаго у насъ, достопочитаемый Глѣбъ Дмитріевичъ, нынче не мало, сказалъ онъ, и плутоватое лицо его приняло загадочно-безстрастное выраженіе.—Еслибы не игра судьбы моею, то и не осмѣлился бы я наскучать вамъ моимъ постыщеніемъ.

— Вашей судьбы? переспросилъ Зимовьевъ, у котораго интересъ къ новости быстро отлетѣлъ.

— Старинные и любимые въ свое время авторы сравнивали жизнь человѣческую съ челномъ носимымъ по волѣ вѣтра въ безбрежности Океана... заплѣлъ Миловановъ слегка встряхивая платочкомъ.—Конечно, самое слово безбрежность показываетъ сколь малаго вниманія заслуживаютъ превратности человѣка незначительнаго.

— Что же такое съ вами случилось? вы меня пугаете... прервалъ Зимовьевъ.

Миловановъ собралъ мягкія складки лица.

— Случилось что послѣ многолѣтнихъ трудовъ моихъ и въ преклонномъ возрастѣ принужденъ я взять посохъ свой и покинуть тихое пристанище жизни проводить остатокъ дней въ скитаніи... объяснилъ онъ и прикрылъ платочкомъ ротъ. Затѣмъ бережно сложилъ этотъ платокъ и опустилъ въ карманъ, какъ бы поймавъ и завернувъ въ него вырвавшійся изъ груди слабый вздохъ.

— Какъ, вы покидаете Волчій Долъ? удивился Зимовьевъ.

— Съ истиннымъ сокрушеніемъ и горестью, подтвердилъ Миловановъ.

— Но почему же? спросилъ Зимовьевъ.

Миловановъ снова вздохнулъ, хотя лицо его рѣшительно не выражало ни сокрушенія, ни горести. Онъ помолчалъ и замысловато прищурился.

— Развѣ не слышали? закинулъ онъ.

— Что же такое? спросилъ съ возвратившеюся тревогой Глѣбъ Дмитріевичъ.

— Продали вѣдь! объяснилъ Миловановъ.—Пустобрюхова извольте знать?

— Ну?

— Купилъ! Давно желалъ, и наконецъ купилъ.

И какія-то торжествующія искры блеснули при этомъ въ глазахъ Милованова, свидѣтельствуя что совершившаяся покупка прошла не безъ вліянія на улучшение его собственнаго быта.

VII.

Глѣбъ Дмитріевичъ, пораженный извѣстіемъ, всталъ и нѣсколько разъ прошелся взадъ и впередъ по комнатѣ. Онъ былъ почти подавленъ цѣлымъ рядомъ мгновенно нахлынувшихъ ощущеній и соображеній. Какимъ-то неопредѣленнымъ укоромъ отозвалась въ немъ новость. Эта послѣдняя, ничѣмъ не вынужденная продажа великолѣпнаго имѣнія носила характеръ печальной рѣшимости съ какою глубоко-возмущенное сердце торопится раздѣлаться навсегда съ прошедшимъ, переноса уязвленное и мстительное чувство даже на самыя мѣста омраченныя злыми воспоминаніями.

— Но почему вдругъ понадобилось продать Волчій Долъ? спросилъ онъ почти враждебнымъ тономъ Милованова.

Тотъ сдѣлалъ значительное лицо.

— Можно сказать что случилось это дѣйствительно вдругъ, какъ бы по какому непостижимому для моего ума руководительству, отвѣтилъ онъ. — Прошедшею весной, вскорости по возвращеніи вашемъ изъ Петербурга, отписала ко мнѣ Марья Ивановна весьма кратко что онъ съ барышней Ларисой Григорьевной изволятъ отъѣзжать въ чужіе края и что какъ Пустобрюховъ еще ранѣе, при послѣдней болѣзни покойнаго Григорія Никитича, охотился имѣніе купить, на что Марья Ивановна тогда даже неудовольствіе выразила, то войти съ нимъ въ переговоры и рѣшительную цѣну его узнавъ не медля ни мало отписать о томъ. Очень это меня тогда поразило и даже произвело сматеніе въ мысляхъ и сердечную боль, однако, исполняя хозяйскую волю, я съ Пустобрюховымъ дѣло повелъ. А какъ цѣну онъ предлагалъ почти несоответствующую, то отписалъ я къ Марьѣ Ивановнѣ уже въ чужіе края что молъ не изволятъ ли онъ съ этимъ помедлить, такъ какъ выщутся можетъ-быть и другіе покупатели и тогда мой разговоръ совсѣмъ иной будетъ. Признаться, подумалось мнѣ тогда и о васъ, потому имѣнье, сами знаете, превосходное, для хозяина золотое дно. Однако Марья

Ивановна ничего этого близко не приняли и изволили отвѣтить какъ бы даже съ неудовольствіемъ, чтобы ни съ кѣмъ кромѣ какъ съ Пустобруховымъ разговора не имѣть и съ дѣломъ отнюдь не тануть. Приписали тоже что жить въ Волчьемъ Долѣ никогда больше не желаютъ, а имѣютъ совсѣмъ другаго рода намѣренія. Тутъ у меня, признаться вамъ, образовалось въ мысляхъ какъ будто всему этому причиной барышня Лариса Григорьевна...

Миловановъ при этихъ словахъ какъ-то бокомъ взглянулъ на Зимовьева и, вынувъ опять платочекъ, встряхнулъ имъ.

— Отчего же это у васъ такъ образовалось въ мысляхъ? спросилъ тѣмъ же враждебнымъ тономъ Глѣбъ Дмитріевичъ.

— Не знаю, не могу объяснить! Бываетъ это у меня что вдругъ явится какъ бы какое озареніе... залѣлъ Миловановъ. — По отъѣздѣ-то ихнемъ я вѣдь все о нихъ думалъ непрестанно и особливо какъ вы къ нимъ изъ чужихъ краевъ въ Петербургъ пріѣхали... Сижу у себя, въ управительскомъ своемъ домикѣ какъ бы въ одичаніи, а самъ все о нихъ думаю и благодарю Всевышняго. Ибо все устроится... Иной, вотъ какъ Иллолитъ Сергѣичъ Нестужевъ — вознесется, возмечтаетъ...

— Ну, а какъ же съ Пустобруховымъ? прервалъ его Глѣбъ Дмитріевичъ.

Миловановъ пересталъ лѣть и заговорилъ дѣловымъ тономъ: — Съ Пустобруховымъ дѣло я повелъ быстрѣйшимъ образомъ, и хотя онъ, доложу вамъ, лутъ и гордецъ какихъ мало, однако извлечь я изъ него уступочки не малыя—и по хозяйственному инвентарю, по особой описи и оцѣнкѣ, надбавку свыше ста рублей, и шкалчикъ краснаго дерева, что у Ларисы Григорьевны въ комнатѣ стоялъ—ему, сиводалому, на что? Да еще коверъ чудеснѣйшій, древній... А въ шкалчикѣ-то медальионъ фарфоровый—сказывали мнѣ, въ Петербургѣ за эти вещи большія деньги даютъ.

По голосу и лицу Милованова можно было думать что онъ говоритъ совершенно серьезно. Онъ съ видомъ торжества взмахнулъ платочкомъ.

— Карету, что покойный Григорій Никитичъ ѣзжалъ, изведите помнитъ? Въ шестьдесятъ рублей вѣдь онъ поставилъ, говоритъ: въ ломъ. А я и привязался къ слову: ломайте, говорю, будемъ вѣсить, сколько потянетъ? Десять рублей накинулъ...

Глѣбъ Дмитріевичъ не слушалъ его. Ему представилась толстая фигура Пустобрюхова, распоряджающаяся въ Волчьемъ Долѣ, прохаживающаяся по комнатамъ гдѣ еще все было полно Ларисой, гдѣ стояла ея мебель, гдѣ онъ помнилъ каждый уголокъ... Представилось какъ нагнанные новымъ хозяиномъ рабочіе тащатъ на чердаки и въ сараи старинное убранство дома, олустошають оранжерею, рубятъ столѣтніе дубы и вязы въ саду насаженные праѣдомъ. На расчищенномъ мѣстѣ вѣроятно возникнетъ каменное зданіе винокурни или ларовая мукомольня... Можно бы найти для нихъ и другое мѣсто, но кулачeskій глазъ не перемоситъ садовъ—зачѣмъ мнѣ еще дармовѣда-садовника держать...

— Что же Пустобрюховъ намѣренъ сдѣлать съ усадьбой? Питейную комнату въ ней помѣстить? спросилъ Глѣбъ Дмитріевичъ.

— Помните, какъ можно, самъ жить хочетъ! отвѣтилъ Миловановъ.—Слодручно, говоритъ: и городъ близко и станція подъ рукой. Эхъ, Глѣбъ Дмитріичъ, кабы эта покупка да вамъ! Я-то признаться думалъ что еще и лучше того устроится... вѣдь видишь тоже, замѣчаешь...

— А гдѣ телерь... Марья Ивановна? За границей? перебилъ хмурясь Зимовьевъ.

— Въ Петербургѣ, недавно вернулась... А вѣдь я, Глѣбъ Дмитріичъ, откročься вамъ, согрѣшилъ. Какъ стали мы съ Пустобрюховымъ перебирать утварь разную въ домѣ, соблазнился я, локорыствовался. Въ комодикѣ-то у Ларисы Григорьевны портретецъ ихній позабытъ оказался. Маленькій и не знаю на чемъ такомъ сдѣланъ, а должно-быть штука не дурная. Въ третьемъ году Итальянецъ къ нимъ пріѣзжалъ, такъ онъ должно-быть и дѣлалъ. Вотъ извольте взглянуть.

И Миловановъ досталъ изъ кармана медальонъ лисанный на слоновой кости и оправленный въ блѣдно-зеленую лагшевую раму. Глѣбъ Дмитріевичъ посмотрѣлъ и положилъ на столъ.

-- Вамъ слѣдовало бы отослать его къ Ларисѣ Григорьевнѣ, сказалъ онъ.

— Слѣдовало бы, знаю что слѣдовало бы, но искусился! Зачѣмъ, думаю, Ларисѣ Григорьевнѣ свой собственный портретецъ? А мнѣ ламятъ дорога... продолжалъ Миловановъ.— И доложу вамъ по истинной правдѣ, была у меня тутъ мысль... мнѣ конечно пріятно было бы сохранить, но вещь-то ужъ

больно хороша изящество! Дай думаю свезу къ Глѣбу Дмитричу, можетъ-быть понравится—предложу ему отъ искренняго сердца...

Зимовьевъ нетерпѣливо пожалъ плечами.

— Благодарю васъ, я не могу принять, сказалъ онъ сухо. Миловановъ нѣсколько смущенный прибѣгнувъ къ помощи фуляра.

— Кхе, кхе... поперхнулся онъ.—Оно конечно глуло это я разсудилъ; потому еслибъ изъ собственныхъ рукъ въ знакъ вниманія и сердечнаго расположенія.. А то чрезъ меня, утаенное...

— Вы какъ же теперь думаете: останетесь въ этихъ мѣстахъ или уѣдете куда-нибудь? перебилъ его Глѣбъ Дмитриевичъ.

— Думаю я переѣхать на жительство въ столицу, въ Петербургъ, отвѣтилъ Миловановъ.—Старъ становлюсь и постулать на мѣсто къ кому-нибудь изъ здѣшнихъ помѣщиковъ, свыкаться съ новымъ человѣкомъ, тяжело мнѣ было бы. Пора, думаю я, своимъ домкомъ зажить.

— Но что же вы въ Петербургѣ будете дѣлать? спросилъ Зимовьевъ.

Миловановъ разостлалъ платочекъ на колѣняхъ и принялся медленно складывать его.

— Думаю я остатокъ дней моихъ посвятить на пользу нуждающемуся человечеству, отвѣтилъ онъ.—Благодареніе Всевышнему, трудами и бережливостью скопилъ я въ теченіи жизни малый капиталецъ и хочу теперь не какъ рабъ лѣнивый и лукавый зарывшій таланъ въ землю, но въ сознаниіи обязанностей предъ ближнимъ своимъ, помочь страждущему и притѣсненному, поддержать влывшаго въ нужду отца семейства, утереть слезу вдовицѣ...

Зимовьевъ съ удивленіемъ взглянулъ на него.

— Вы намѣрены посвятить себя благотворительности? спросилъ онъ съ явнымъ недоумѣніемъ.

— Именно благотворительности, дѣйствительно слѣдуетъ такъ назвать, кхе... Дѣло истинной пользы и блага... Не тщеславія ради, подобно богатымъ что раздають помощь свою какъ милостыню и тѣмъ поощряють праздность, тупеядство и безлечность, но оказывать буду по мѣрѣ силъ моихъ помощь разумную и осмотрительную, подъ обезпеченіе или поручительство и съ приращеніемъ фонда, дабы нерадивый не растратилъ и у трудящагося не отнялъ.

Глѣбъ Дмитріевичъ не могъ скрыть улыбки.

— То-есть будете деньги въ ростъ давать? догадался онъ.

Миловановъ стыдливо хихикнулъ.

— Но съ разборомъ, Глѣбъ Дмитричь, съ разборомъ! Въ тѣхъ только случаяхъ когда помощь во благо, а не въ соблазнъ.

— Желаю вамъ успѣха, сказалъ Зимовьевъ и всталъ.

Миловановъ тоже поднялся.

— А вѣдь я къ вамъ, Глѣбъ Дмитричь, собственно по дѣлу заѣзжалъ, да такъ вотъ заболтался и о главномъ-то не сказалъ до сихъ поръ ни слова, заговорилъ онъ.—А дѣло выходитъ совсѣмъ особаго и деликатнаго свойства.

— Чтѣ же такое? спросилъ Зимовьевъ.

— Разрѣшите присѣсть и изложить все по порядку, продолжалъ Миловановъ, снова опускаясь въ кресло.—Изволите вы быть-можетъ припомнить что проживалъ здѣсь нѣкогда мелкопомѣстный дворянинъ Сверловъ, высокій такой, съ большою бородой и всегда въ русскомъ платьѣ ходилъ? Имѣянце у него небольшое подлѣ Волчьаго Дола было.

— Какъ же, помню. Онъ на Цыганкѣ какой-то женатъ былъ.

— Именно онъ самый. Жену его звали Настасья Ивановна, и красавица она была какихъ можетъ-быть и между московскими Цыганками не бываетъ, продолжалъ Миловановъ.—Роста-то небольшого, да тонкая, тальцу кажется двумя пальцами обхватишь, а плечи круглая, безъ косточки. Ручки, ножки—любая барышня позавидовала бы; а ужъ глаза извѣстно какіе у Цыганокъ-то глаза бываютъ. И голосъ... Онъ на гитарѣ чудесно игралъ, а она бывало заложетъ... такъ это у нихъ, я вамъ доложу, выходило, такъ выходило...

Миловановъ зажмурилъ глаза съ выраженіемъ несказаннаго улоенія и поднявъ платочекъ медленно помакивалъ имъ въ воздухъ.

— Вы въ нее влюблены должно-быть были, улыбнулся Зимовьевъ.

— Нѣтъ-съ, чтѣ ужъ тамъ влюбляться, она въ мужѣ своемъ души не чаяла, защищался Миловановъ.—И надобно сказать, странный онъ былъ человекъ, но рѣдкаго ума и сердца. Образованность большую имѣлъ, книжки на всѣхъ языкахъ читалъ и стихи сочинялъ въ журналахъ. Но слабость имѣлъ—зашибался немножко. Черезъ это самое никогда съ помѣщиками не водился и съ виду угрюмъ былъ. А я къ нему большую литасть пріязнь и частенько у нихъ гащивалъ.

— Но въ чемъ же собственно дѣло-то? перебилъ Зимовьевъ.

— А вотъ позвольте. Можетъ-быть знаете также что лѣтъ пять назадъ этотъ самый Сверловъ померъ. Осталась Настасья Ивановна одна съ дочкой Уленькой. Ну, женщина она была не глухая, въ хозяйствѣ свѣдущая, имѣньищемъ управлялась не хуже покойника, лучше даже! Для Уленьки и учительница изъ Москвы была выписана и фортепянь отличнѣйшій—все, знаете, какъ слѣдуетъ. Образование дала, какъ же Только, разумѣется, какъ дѣвочка росла одна на хуторѣ, безо всякаго общества, дикости въ ней еще много осталось. А прошедшимъ лѣтомъ Настасья Ивановна-то захворала да и померла. Осталась Уленька, изволите видѣть, круглою сиротой, а дѣвочкѣ-то ужъ семнадцать лѣтъ. Предъ смертью Настасья Ивановна безлокопалась о ней очень, просила не оставлять. Да и какъ бы ей одной на хуторѣ-то оставаться? Нечего дѣлать, перевезъ я ее тогда въ Волчій Долъ, думаю все-таки у меня на глазахъ спокойнѣе ей будетъ. Имѣньище въ аренду сдать, устроилъ это. Ну, а вотъ теперъ и не знаю я какъ съ ней быть—въ Петербургъ мнѣ ее никакимъ образомъ везти невозможно, я человѣкъ одинокій, вдовый, какъ еще она тамъ въ чужомъ городѣ? И пришло мнѣ на мысль, зная ваше доброе сердце—не примете ли какого-нибудь участія въ сиротѣ? Управитель у васъ семейный, люди они простые, добрые, еслибы ваше согласіе было, Уленька могла бы у нихъ пристроиться... Безъ васъ, надо правду сказать, придется сироту на волю Божию кинуть: никого у меня тутъ нѣтъ такого.

Глѣбъ Дмитріевичъ подумалъ.

— Что жь, я готовъ попросить жену управляющаго, она дѣйствительно женщина добрая, сказалъ онъ.—Привезите вашу Цыганочку.

VIII.

Миловановъ воспользовался разрѣшеніемъ на другой же день и не заставъ Глѣба Дмитріевича дома оставилъ Уленьку у управляющаго. Онъ впрочемъ еще раньше переговорилъ съ нимъ и заручился его согласіемъ, но изъ тончайшихъ соображеній скрылъ объ этомъ отъ Зимовьева, предпочитая чтобы тотъ какъ бы самъ помѣстилъ и устроилъ дѣвочку. Онъ разчитывалъ что въ такомъ случаѣ Глѣбъ Дмитріевичъ будетъ

больше интересоваться ею и считать себя какъ бы отвѣтственнымъ за ея положеніе. Илья Петровичъ признавалъ себя большимъ сардеевѣдцемъ и знатокомъ человѣческой природы...

Управляющій, Семенъ Матвѣичъ Скудѣльниковъ, происходилъ изъ мѣщанъ и не получалъ никакого образованія; но любилъ читать и во многихъ отношеніяхъ оказывался человѣкомъ свѣдущимъ. Зимовьевъ цѣнилъ его за честность и сметливость, а еще больше за то что онъ отлично ладилъ съ крестьянами и не заводилъ никакихъ ссоръ и клаузъ. Глѣбъ Дмитріевичъ, живя по-долгу въ деревнѣ, самъ хорошо зналъ крестьянъ и очень дорожилъ установившимся съ ними отношеніями добраго сосѣдства. Въ ученое агрономѣ онъ не нуждался, потому что лично руководилъ хозяйствомъ, а управляющихъ изъ Нѣмцевъ рѣшительно не переносилъ, говоря что гдѣ такой заведется тамъ приходится съ крестьянами на ногахъ быть и вообще деревенская жизнь теряетъ то что составляетъ для него главную ея привлекательность.

Вечеромъ Семенъ Матвѣичъ доложилъ что барышню привезли и „устроили“.

— А и славная жъ какая барышня, прибавилъ онъ.—Моя Лизвета Степановна такъ ей рада, словно родной. Горе-то наше вы знаете — дѣтокъ Богъ не далъ.

Глѣбъ Дмитріевичъ оказалъ что зайдетъ завтра съ ней познакомиться.

Ему Уля тоже понравилась. Тоненькая, съ маленькою головкой, съ покатыми и еще узкими плечами, она опѣла у окна и прилежно расшивала узоромъ полотеце. Въ ея наружности оригинально соединились брюнетка и блондинка; блѣдно-смуглая кожа, черныя брови и свѣтые двухъ отбѣнковъ волосы: коса золотистая, съ отливавшими на солнечномъ свѣтѣ искрами, а около лба короткія и крупныя пряди гораздо холоднѣе тономъ, почти серебристыя. Отъ этой странной игры тоновъ казалось какъ будто на ея изящной головкѣ постоянно лежитъ какое-то случайное, эффектное освѣщеніе.

При входѣ Зимовьева Уля приподнялась со стула и поклонилась, придерживая лежавшую на колѣняхъ работу.

— Я очень хорошо помню вашего покойнаго отца, сказалъ Глѣбъ Дмитріевичъ, лездоровавшись съ нею.—Мнѣ будетъ въ высшей степени пріятно чѣмъ-нибудь быть полезнымъ вамъ.

Уля поблагодарила, со сдержаннымъ любопытствомъ раскрывъ большіе, черные, продолговатые глаза. Зимовьевъ встрѣтившись съ ними невольно вспомнилъ замѣчаніе Милованова о глазахъ ея матери.

— Пожалуста распорайтесь у меня чѣмъ вамъ угодно, предложилъ онъ.—Посмотрите мою библіотеку, она къ вашимъ услугамъ; и рояль у меня найдете, вы вѣроятно любите музыку?

— Очень люблю, сказала Уля.

— Вы меня нисколько не стѣсните если будете приходиться играть когда только вамъ вздумается, продолжалъ Зимовьевъ.—Или можетъ-быть прислать рояль къ вамъ сюда?

— Нѣтъ, нѣтъ, благодарю васъ, послѣдшнею отказалась Уля.

— Во всякомъ случаѣ все это въ полномъ вашемъ распоряженіи. Теперь зима, гулять негдѣ, но если вамъ вздумается покататься, прикажите заложить савки—вообще, я васъ очень прошу, не стѣсняйтесь и не церемоньтесь. Я человекъ одинокій и почти праздный, помѣшать мнѣ нельзя, и я буду крайне радъ доставить вамъ какъ можно больше удовольствія и удобства.

— Вы очень добры, поблагодарила Уля, и такъ просто и мило улыбнулась и присѣла при этомъ, что Глазбъ Дмитріевичъ совсѣмъ не могъ помять, гдѣ это Миловановъ кашель въ ней какую-то дикость.

Онъ пожалъ ей руку.

— Мнѣ бы хотѣлось чтобы вы не въ шутку считали что ваше жилище не ограничивается этимъ домикомъ, но одинаково распространяется и туда, сказалъ онъ улыбаясь и показывая на господскій домъ.

На другой день онъ уѣхалъ въ губерскій городъ, гдѣ только что открылось земское собраніе, и пробылъ тамъ больше недѣли. Сѣздъ былъ многолюдный и даже шумный. На очереди оказалось дѣло довольно скандальнаго характера, обнаружилась растрата суммъ въ одномъ изъ земскихъ учреждений. Господа гласные спорили, слетничали, выворачивали изнанку, аллодировали тому кто торжественно взывалъ къ общественной совѣсти и тому кто мудро предлагалъ не выносить сору изъ избы. Въ концѣ концовъ рѣшили удовольствоваться тѣмъ что главный виновникъ скандала покорно сложилъ съ себя свои почетныя обязанности, не дожидаясь баллотировки. Господинъ Грешановъ выступилъ защитникомъ

темной народной массы и въ великолѣпной рѣчи, которой не рукоплескали только чуткіе до новыхъ налоговъ гласные изъ крестьянъ, доказывалъ необходимость ввести обязательное обученіе для дѣтей обоого пола и установить несмѣляемость народныхъ учителей. Но несмотря на весь шумъ и азартъ обнаруженный въ собраніи, нельзя было замѣтить чувства какого-то угнетенія и какъ бы растерянности, выражавшагося и на лицахъ, и въ рѣчахъ провинціальныхъ обывателей: всѣ точно чѣмъ-то смущены были, чего-то ждали, что-то у всѣхъ наболѣло на душѣ. Петербургскія газеты какъ разъ въ это время принесли ужасающія подробности взрыва въ Зимнемъ Дворцѣ. Даже тѣ у кого ни одной здоровой мысли никогда не моталось въ головѣ, почувствовали негодованіе и стыдъ. Провинція недоумѣвала, и это было мучительное, разлагающее недоумѣніе...

Глѣбъ Дмитріевичъ выѣхалъ изъ города еще болѣе мрачный чѣмъ ѣхалъ туда. Нужно было слишкомъ много душевной бодрости чтобы продолжать ждать и надѣяться. Будущее представлялось такимъ зловѣщимъ, а вблизи—никакой опоры, ни одного свѣточа. Какая-то враждебная, злая сила колошилась во мракѣ, лугая и сама пугаясь, отравляя воздухъ и распространяя маразмъ. Въ этой темнотѣ терялось различіе между тѣми кто служатъ этой злой силѣ и тѣми кто борется съ нею. Одни постыдно бездѣйствовали, другіе малодушно увлекались, третьи не вѣдали что творили, четвертые, вытянувъ шею и наравивъ носъ по вѣтру, усиливались вынюхывать завтрашняго триумфатора. Мысль отказывалась понять безтолковую игру какихъ-то тѣней, глазъ видѣлъ только безлутное маханіе обезсиленныхъ рукъ. А народъ... „народъ безмолвствовалъ“, по трагическому выраженію Пушкина.

Пріѣхавъ домой, Зимовьевъ еще не входя въ кабинетъ слышалъ громкіе звуки Бетховенской сонаты.

— Барышня, Ульяна Васильевна играютъ... доложилъ орбѣвшимъ тономъ слуга, который, не смотря на отданное распорядженіе, не былъ вполнѣ увѣренъ, можно ли пускать барышню въ домъ въ отсутствіе барина.

Глѣбъ Дмитріевичъ совсѣмъ забылъ про Улю.

— Прекрасно, пускай играетъ, сказалъ онъ, и спросилъ часто ли она заходила сюда безъ него.

— Заходили, домъ осматривали, въ бібліотекѣ книги перебирали, а то на фортепьянахъ играли, отвѣтилъ слуга.

Глѣбъ Дмитріевичъ расположился въ кабинетѣ и занялся полученными въ его отсутствіе письмами. Звуки сонаты продолжали раздаваться; потомъ ихъ смѣнилъ тихій аккомпаниментъ и свѣжее сильное контраalto. Зимовьевъ слушалъ. Страшное, почти болѣзненное чувство стѣснило ему сердце. Уже много лѣтъ не раздавалось въ его домѣ пѣніе. Эти свободные, сильные и мягкіе звуки какъ будто пробудили что-то, сорвали съ овѣтвѣвшихъ стѣнъ другіе, давно замолкшіе и мучительно ударившіе по нервамъ звуки...

Пѣніе наконецъ прекратилось, Уля вошла въ кабинетъ, и вдругъ, увидавъ Зимовьева, остановилась и вся вслыхнула.

— Когда жъ это вы успѣли прійхать? вѣдь я не знала что вы здѣсь! съ дѣтскимъ отчаяніемъ всплеснула она руками.

Глѣбъ Дмитріевичъ улыбаясь подошелъ къ ней и поздоровался.

— Я не хотѣлъ прервать васъ, сказалъ онъ и прибавилъ:— у васъ прехорошенькій голосъ и вы отличная музыкантша.

— Еслибъ я знала что вы тутъ, я бы ни за что... проговорила, не умѣя еще отдѣлаться отъ смущенія, Уля.

Ея большіе миндальной формы глаза почти со страхомъ смотрѣли на Зимовьева изъ-подъ длинныхъ темныхъ рѣсницъ, а руки такъ и остались сжатыми.

— Увѣряю васъ, для меня было очень приятною неожиданностію услышать ваше пѣніе; уже сколько лѣтъ въ этомъ домѣ такъ тихо и мрачно, сказалъ Глѣбъ Дмитріевичъ, и въ голосѣ его неволью прозвучала глубокая грусть.

— Но вы привыкли къ этой тишинѣ, и вдругъ я... продолжала Уля и остановилась сама не зная какъ назвать свой проступокъ.

— И вдругъ вы напомнимъ что есть музыка, пѣсня, молодость, жизнь? досказалъ Зимовьевъ. — Пожалуста напоминайте это почаще, вы не нарушите мою тишину, но сдѣлаете ее гораздо привлекательнѣе.

Уля посмотрѣла на него глазами выражавшими смѣсь недовѣрія и люболытства.

— Хорошо что я пѣла такое... обыкновенное! а то вѣдь я иногда Богъ-знаетъ что пою или играю! снова всплеснула она руками и снова вслыхнула при мысли о такой угрожающей ей опасности.

Глѣбъ Дмитріевичъ разсмѣялся.

— Напримѣръ? спросилъ онъ.

т. слх.

— Да мало ли что? иногда что-нибудь цыганское, или вообще.. вообще такое чего нельзя при васъ.

— Почему же нельзя?

— Да потому что... какъ же объяснить? словомъ такое что можно только для себя.

— А мнѣ вотъ именно такое хотѣлось бы услышать, сказала Зимовьевъ.

— Ну, ни за что! воскликнула Уля и сдѣлала шагъ впередъ чтобъ уйти.

— Позвольте, Ульяна Васильевна... остановилъ ее Глѣбъ Дмитріевичъ.—Я васъ просилъ не стѣсняться, быть безъ церемоній, располагать здѣсь всѣмъ что вамъ понадобится. Это иногда говорится изъ простой любезности, а иногда серьезно. Я говорилъ совершенно серьезно. Увѣряю васъ, меня гораздо больше стѣснить если я замѣчу что вы не привыкаете ко мнѣ, не вѣрите что ваше присутствіе никогда не можетъ мнѣ помѣшать.

— Благодарю васъ, я вѣдь приходила сюда каждый день безъ васъ, сказала Уля.

— Что жь, вы хотите чтобъ я опять уѣхалъ куда-нибудь на цѣлую недѣлю? возразилъ смѣясь Глѣбъ Дмитріевичъ.

Уля тоже разсмѣялась, показавъ въ первый разъ свои ровные, бѣлые зубки.

— Нѣтъ, не хочу, а просто.. мнѣ тамъ очень удобно, у Лизаветы Степановны, сказала она.

— Въ такомъ случаѣ я вѣлю этотъ роля перенести туда къ вамъ, предложилъ Зимовьевъ.

— Да нѣтъ же! воскликнула Уля, морща бровки и пожимаясь всѣмъ тѣломъ, съ выраженіемъ защищающагося отчаянія.— Я буду приходиться сюда.

— Наконецъ-то! улыбнулся Глѣбъ Дмитріевичъ.—Не хотите ли также выбрать книгъ? вы вѣрно любите читать?

— Мерсі, очень люблю. Выберите сами, пришаите.

И она, поклонившись, быстро выбѣжала изъ кабинета.

IX.

Глѣбъ Дмитріевичъ отобралъ нѣсколько томовъ русскихъ классиковъ и отослалъ во флигель. Прошло затѣмъ два или три дня, Уля не показывалась. Ида разъ дворомъ, Зимовьевъ

увидѣлъ ее сквозь тусклое двойное стекло, съ работой въ рукахъ; они издали поклонились другъ другу. Въ тотъ день вечеромъ, когда Семень Матвѣевичъ опять заговорилъ о ней, Глѣбъ Дмитріевичъ спросилъ читаетъ ли она книги которыя онъ послалъ ей.

— Нѣтъ, не видалъ чтобы читала, отвѣтилъ прикащикъ.— Посмотрѣла какъ принесла, велѣла благодарить, а не читала. Зимовьевъ удивился.

— Попросите ее чтобы зашла, выбрала бы сама, сказалъ онъ.

На другое утро Уля принесла книги.

— Отчего вы не читали ихъ? спросилъ Зимовьевъ.

— У меня эти всѣ есть, я ихъ наизусть знаю, отвѣтила дѣвушка.

— Какъ же вамъ не стыдно было не отослать ихъ назадъ и не взять другія! упрекнулъ Глѣбъ Дмитріевичъ.

— Чтò же такъ часто беспокоить васъ, возразила Уля.

— Значить все еще не вѣрите? улыбулся Зимовьевъ.

— Чтò нельзя помѣшать вамъ? Какъ же это можно! вы привыкли тутъ всегда одни быть, вы...

Она вдругъ остановилась, какъ бы испугавшись того что готово было сорваться съ языка и даже прикусила губу бѣлыми краешками зубовъ.

— Чтò: „вы“... засмѣялся Зимовьевъ.— Говорите, я очень люблю когда меня опредѣляютъ.

— Нѣтъ, ничево, отказалась Уля и сбоку, любопытными и какъ бы излодтишка смѣющимися глазами взглянула на него.

Пойдемте въ библіотеку, предложилъ Зимовьевъ.— Видите, по настоящему я самъ долженъ чувствовать себя сконфуженнымъ предъ вами, а не вы: я сдѣлалъ такой неудачный на первый разъ выборъ книгъ. Но я не подозревалъ что вы такая ученая. Все-таки впрочемъ въ этихъ шкалахъ найдется что-нибудь новое для васъ.

И онъ поочереди раскрылъ всѣ шкалы.

— Господи, этого кажется въ цѣлую жизнь не перечеитаешь, воскликнула Уля и на цыпочкахъ, вытянувъ шею, принялась читать на корешкахъ книгъ.

— Можно это? вопросительно обернулась она къ Зимовьеву и провела пальчикомъ по ряду маленькихъ томиковъ Жоржъ-Санда.

Глѣбъ Дмитріевичъ пожалъ плечами.

— Выбирайте что хотите, а не берусь руководить вашимъ чтеніемъ, сказалъ онъ.

— Не беретесь? отчего? спросила какъ бы съ удивленіемъ Уля.

— Да оттого что... можетъ-быть у васъ уже есть свой собственный вкусъ.

— Нѣтъ, я бы хотѣла чтобы вы мнѣ указывали; тутъ такъ много, не знаешь съ чего начать.

— Попробуйте пожалуй что-нибудь изъ Жоржъ-Санда; мнѣ интересно будетъ узнать ваше впечатлѣніе, сказалъ Глѣбъ Дмитріевичъ, и отобралъ нѣсколько томовъ.

Уля забрала ихъ обѣими руками и хотѣла уйти.

— Вы не дадите сегодня послушать вашей музыки? оставилъ ее Зимовьевъ. — Тутъ между нотами навѣрное есть что-нибудь вамъ знакомое.

Уля послушно подошла къ этажеркѣ и перебрала нѣсколько тетрадокъ.

— Хотите это? спросила она раскрывая ралсодію Листа.

— Пожалуста.

Она проиграла нѣсколько страницъ.

— Спойте что-нибудь, попросилъ Зимовьевъ.

Уля подумала неможко и наконецъ рѣшилась слѣть одну изъ самыхъ извѣстныхъ романсовъ.

— А чего-нибудь цыганскаго не споете? предложилъ Глѣбъ Дмитріевичъ.

Уля только покачала головой и сыграла что-то совершенно незнакомое ему. Это была какая-то странная музыкальная фантазія, почти непонятная вначалѣ, полная пестроты и недосказанности. Потомъ звуки становились все полнѣе, что-то поэтически-свѣжее обрисовывалось въ нихъ, звучало задоромъ и соблазномъ. Глѣбъ Дмитріевичъ слушалъ недоумѣвая, тщетно стараясь что-нибудь припомнить.

— Откуда вы это взяли? спросилъ онъ наконецъ.

— Это часто отецъ игралъ, только онъ никогда не записывалъ; я помню по слуху, отвѣтила Уля.

— То-есть это его сочиненіе?

— Да, онъ много сочинялъ.

— И все такъ и пропало? Какъ это жаль! молвилъ Зимовьевъ.

Уля встала изъ-за рояля.

— Онъ не придавалъ этому никакого значенія, а всѣ находили что у него большой талантъ, сказала она со внезапно

вслыхнувшимъ въ глазахъ оживленіемъ.—Невозможно было заставить его записать что-нибудь; онъ не доканчивалъ, переставивалъ каждый разъ какъ игралъ и вообще считалъ музыку чѣмъ-то „для себя“. Вотъ стиховъ послѣ него много осталось. Лучшихъ онъ тоже не хотѣлъ печатать, считалъ ихъ „для себя“. То чтò напечатано по-моему не даетъ о немъ понятія: слишкомъ холодно, а онъ совсѣмъ не такой былъ.

Уля, говоря, присѣла на маленькій диванчикъ междушкалами.

— Сколько вамъ было когда умеръ вашъ покойный отецъ? спросилъ Зимовьевъ.

— Двѣнадцать лѣтъ; но я такъ помню какъ будто я совсѣмъ большая была, какъ будто это еще вчера было... отвѣтила Уля, и лицо ея вдругъ стало такое печальное, жалкое...

— Какъ жаль что мнѣ не было случая ближе узнать его, сказалъ Зимовьевъ;—а мамашу вашу я даже никогда не видалъ.

— И мама... ахъ, какая мама была хорошая.... И никого, никого ужъ нѣтъ... проговорила Уля и прижала къ глазамъ свою узкую розово-смуглую руку.

Глѣбъ Дмитріевичъ въ смущеніи сѣлъ подлѣ нея.

— Сколько вы ужъ извѣдали горя! сказалъ онъ съ печальною ласковостію.

Ему хотѣлось чѣмъ-нибудь развлечь ее, успокоить, показать какъ искренно онъ тронуть. Но Уля сама отняла отъ глазъ руку и по-дѣтски встряхнула головой, какъ будто отгоняя свою печаль.

— Чтò дѣлать! чтò было—не воротить, проговорила она все еще грустно звенѣвшимъ голосомъ.

И взглянувъ на Зимовьева она чрезъ силу улыбнулась; точно извиняясь за свою нестати обнаруженную грусть.

— Какъ здѣсь хорошо, сколько статуй и все какія чудныя! продолжала она, поведя глазами по стѣнамъ и нишамъ въ которыхъ стыдливо бѣлѣлъ мраморъ и отливала темнымъ блескомъ бронза.—Мнѣ эта комната больше всѣхъ нравится у васъ въ домѣ. И еще кабинетъ; но тамъ я не рѣшалась ничего разглядывать.

— Я вѣдь только въ этихъ двухъ комнатахъ и живу, сказалъ Зимовьевъ.

— А чтò такое тамъ за занавѣской? можно взглянуть? спросила Уля и, не дождавшись отвѣта, прыгнула съ диванчика и отдернула драпировку.

Женскій портретъ въ тяжелой черной съ золотомъ рамѣ

выступилъ въ слабомъ полуосвѣтѣ угла. Уля остановилась предъ нимъ, внимательно вглядываясь сощуренными глазами въ прелестное лицо.

— Это ваша покойная жена? вопросительно повернула она голову къ Зимовьеву.

Онъ отвѣтилъ.

— Какая красавица! сказала Уля, и снова пристально обратила глаза на портретъ, словно викая въ него, словно усиливаясь угадать что-то загадочное, блаждавшее въ глубокихъ сивихъ зрачкахъ и въ неопредѣленномъ очеркѣ губъ.— Господи, какъ хороша! повторила она, поведя съ выраженіемъ восторга плечами.— Бываютъ же такія... И живая, ну вотъ совсѣмъ живая... Но какое выраженіе! вдругъ добавила она совсѣмъ другимъ тономъ и снова вопросительно взмахнула взглядомъ на Зимовьева.

У него при этомъ восклицаніи и взглядѣ что-то жуткое холодкомъ пробѣжало по нервамъ.

— Вамъ не нравится выраженіе? спросилъ онъ со внезапнымъ жаднымъ любопытствомъ.

— Мнѣ не нравится! отвѣтила Уля рѣшительно и опять взглянула на Зимовьева.— Не вообще, а что-то одно... что-то такое что не сейчасъ угадывается... Вообще это красота, не описанная красота, какой я и не видѣла; но когда присмотрѣться, что-то удивляетъ въ ней, что-то такое чего не надо. У нея что-то есть свое, и этого не надо.

— Какъ не надо? переспросилъ Глѣбъ Дмитріевичъ, внезапно и невольно испытывая жгучесть давно пережитыхъ впечатлѣній.— Я не совсѣмъ васъ понимаю.

— Я не знаю какъ сказать... только у нея что-то свое, отдѣльное, ну вотъ какъ будто... нѣтъ, я не умѣю, да и не слушайте, я такой вздоръ говорю, перебила сама себя Уля, тогда какъ глаза ея жадно, но уже съ какимъ-то почти враждебнымъ выраженіемъ продолжали всматриваться въ портретъ, словно она и хотѣла и не могла оторваться отъ него...

Глѣбъ Дмитріевичъ стоялъ за ея спиной и тоже смотрѣлъ. „Какъ странно!“ думалъ онъ. „Художникъ не могъ быть такимъ истолкователемъ. Ей что-нибудь рассказали.“ И лицо его приняло то сосредоточенное, мрачное выраженіе которое вызываютъ сохранившія власть воспоминанія.

Уля наконецъ задернула драпировку и отошла задумчивая и какъ будто тоже невеселая.

— Отчего этотъ портретъ всегда закрыть у васъ? спросила она.

Глѣбъ Дмитріевичъ промолчалъ. Уля взглянула на него, съѣла и опять повела кругомъ глазами.

— Я никакъ не могу себѣ представить этотъ домъ когда она жила тутъ, сказала она.

— Почему? спросилъ Зимовьевъ.

Уля вмѣсто отвѣта перемѣнила вопросъ:

— Вы были счастливы?

Лицо Глѣба Дмитріевича еще болѣе нахмурилось.

— И да и нѣтъ, сказалъ онъ.

— Значитъ я поняла! молвила Уля съ какимъ-то страннымъ оживленіемъ.— Еслибъ я любила такую женщину, мнѣ кажется я никогда бы не могла повѣрить что она меня любитъ.

— Вы что-нибудь слышали о ней? о насъ? спросилъ Зимовьевъ.

— Никогда! Илья Петровичъ говорилъ что вы вдовець— молодой вдовець, какъ онъ выражался (Уля улыбнулась при этихъ словахъ),— больше я не разспрашивала. Про васъ, собственно про васъ, я ото всѣхъ слышала, отъ отца, отъ мамы... много, очень много... но о ней никогда! Только вѣдь это такъ ясно!

— Чтѣ ясно? спросилъ все болѣе омрачаясь Зимовьевъ.

Уля, заведя этотъ разговоръ, повидимому уже не замѣчала тяжелаго волненія выражавшагося въ глазахъ и въ каждой чертѣ лица Зимовьева. Или можетъ-быть она поняла что лучше дать высказаться пробужденной горечи воспоминаній чѣмъ остановиться на одномъ безцѣльномъ раздраженіи.

— Ясно что вы ее любили, ужасно любили и не были счастливы, объяснила она.— Иначе никогда и не могло быть, потому что такая красота съ ума сводить, и другой можетъ-быть былъ бы счастливъ, а вы не могли, никогда не могли.

— Развѣ вы такъ знаете меня? улыбнулся сквозь горькое чувство Зимовьевъ.

— Да, мнѣ кажется я знаю... самое главное... отвѣтила Уля.— Вы... для вашего счастья надо чтобы женщина принадлежала вамъ безусловно, рабски, чтобъ она увичтожилась предъ вами, поняла бы сама что только такое и можетъ быть для васъ обоихъ прочное счастье. А тамъ (она указала глазами въ уголъ) этого нѣтъ, тамъ есть свое, отдѣльное... хитрое, живое... Тамъ гадкое выраженіе, гадкое!

Невольно ея голосъ зазвучалъ громче на этихъ словахъ. Глѣбъ Дмитріевичъ не обратилъ вниманія. Онъ не замѣтилъ что въ первый разъ, только въ первый разъ въ своей жизни онъ говорилъ о женѣ и что это не было трудно. Онъ былъ озадаченъ только тѣмъ что Уля сказала о женщинѣ-рабѣ, пораженъ ея опредѣленіемъ счастья. Онъ опять улыбнулся, но на этотъ разъ его улыбка какъ будто была веселѣе.

— Вы беретесь сразу разгадать загадку которую я никогда не могъ разрѣшить, сказалъ онъ.

— Люди такъ рѣдко понимаютъ самихъ себя, отвѣтила Уля.

„А Лариса?“ мысленно возразилъ Глѣбъ Дмитріевичъ. „Неужели и съ ней я не былъ бы счастливъ? Раба... но рабу нельзя любить!“ Онъ недовѣрчиво взглянулъ въ задумчивые глаза Ули.

— Вы еще не знаете какъ капризно человеческое сердце, сказалъ онъ.

И весь этотъ день онъ все думалъ о томъ что она такъ быстро и съ такою увѣренностью объяснила ему... Онъ думалъ почти смѣясь надъ нею, почти оскорбляясь. „Раба... это конечно мудро и вѣрно. Съ барскими барынями, съ княжичками, съ крадевыми изъ табора Стешами наши отцы и дѣды жили счастливо; этими преданіями полна всякая старая дворянская усадьба. Безгранично властвовать надъ женщиной, такъ чтобы она „уничтожилась“, какъ говоритъ Уля—для такого счастья существуютъ только тѣ женщины которыхъ мы не умѣемъ полюбить.“

X.

Въ глухую темную ночь, когда метель неистово крутила мелкія оледенѣвшія снѣжинки и выла во всѣхъ трубахъ, Володя сквозь сонъ услышалъ сильный стукъ въ дверь управительскаго домика, заглушаемый собачьимъ лаемъ. Освоившійся уже съ оласностями и предосторожностями „незаконнаго“ существованія, Володя быстро вскочилъ съ постели, подошелъ къ окну, и такъ какъ стекла были совсѣмъ завесены снѣгомъ, отворилъ форточку. Кто-то закутанный съ головой не то въ пледъ, не то просто въ рогожу, стоялъ на крыльцѣ и прислушивался, потомъ снова принимался стучать. Собаки неистово заливались. „А, чтобъ васъ!“ ругался

неизвѣстный, отбиваясь ногами и ладкой отъ рвавшихся на него собачьихъ мордъ.

Прошло можетъ-быть минутъ десять прежде чѣмъ изнутри кто-то подошелъ къ двери и опросилъ. Затѣмъ дверь отворилась и ночной посѣтитель вошелъ въ домъ. Володя, успокоившись, вернулся на постель и заснулъ.

Поутру, когда онъ еще не вставалъ, къ нему вошелъ Федоръ Степановичъ съ замысловатымъ и какъ будто радостнымъ лицомъ.

— Ничего не слышали ночью? спросилъ онъ.

— Кто это прѣхалъ? отвѣтилъ другимъ вопросомъ Володя.

— Изъ Петербурга, изъ нашихъ... да когда бы вы знали кто! объяснилъ Федоръ Степановичъ.—Столяръ который въ Зимнемъ Дворцѣ работалъ въ подвалѣ... Балдуровъ!

По лицу Володи пробѣжало что-то нервное, мучительное. Онъ только вчера прочиталъ въ газетахъ ужасающія подробности локушенія, и страшная картина окровавленныхъ, изуродованныхъ, разможенныхъ тѣлъ неотступно стояла въ его воображеніи, давила и терзала. Ему все казалось будто онъ приложилъ руку къ этому адскому дѣлу и онъ чувствовалъ содроганіе каждаго нерва. Еще вчера онъ крикнулъ при Федорѣ Степановичѣ:—Это бессмысленно, это гнусно и подло! и когда тотъ сталъ доказывать что „дѣло требуетъ жертвъ“, Володя ушелъ къ себѣ мрачный, подавленный угнетающими ощущеніями и думами, и весь день не показывался больше въ управительскомъ домѣ.

— Слить теперь какъ убитый, продолжалъ Федоръ Степановичъ.—Онъ вѣдь отъ самой станціи дѣлалъ день лѣшкомъ шелъ, боялся подводу взять, а ночью метель захватила—какъ это онъ еще дорогу нашелъ, ума не приложу. Тутъ опять пришлось черезъ заборъ перелѣзть. Но ужъ и натура же у него, я вамъ скажу—двужилъная! Плечистый, силицы надо быть неимовѣрной. Изъ мужиковъ, изъ настоящихъ. Я было думалъ разспросить его, поговорить—куда! Спросилъ водки, выпилъ дѣлалъ стаканъ, и какъ былъ, такъ и завадилса на диванъ. Къ завтраку приходите, я вамъ покажу эту штуку.

Володя на все это ничего не отвѣчалъ и лежа съ открытыми глазами на постели смотрѣлъ въ низенькій потолокъ.

— Вотъ вы съ Марьей Яковлевной все скучали что здѣсь и людей нѣтъ, и дѣла большаго нѣтъ, а теперь у насъ по другому пойдетъ! продолжалъ съ оживленіемъ Федоръ

Стелановичъ.—Онъ-то не изъ мелочи! Вначалѣ, конечно, поостережся придется, потому что его съ собаками телерь щутъ, а потомъ онъ какъ возьмется за дѣло, такъ не по нашему. Я, положимъ, здѣсь давно, и опытность имѣю, но гдѣ жь мнѣ противъ него. Онъ настоящій, центральный...

Къ завтраку были поставлены разные водки, сыръ и даже коробка съ сардинками; бывшій учитель очевидно хотѣлъ угостить пріѣзжаго не на шутку. „Центральный человекъ“ впрочемъ выпилъ только водки и прижался за жареную утку, а мелочью совсѣмъ не занялся. Онъ повидимому былъ голоденъ и ѣлъ съ жадностью. На Марью Яковлевну взглянулъ только сбоку, словно спрашивая: „а эта подстега чего тутъ?“ но на Володю посмотрѣлъ пристально и не одинъ разъ, и когда Володя отвѣтилъ ему такимъ же упорнымъ, вызывающимъ взглядомъ, на толстыхъ губахъ Балдунова появилась неприятная усмѣшка, какая бываетъ у „непомнящихъ“ арестантовъ при допросѣ. Федоръ Стелановичъ старался навести разговоръ на послѣднюю катастрофу; его снѣдало любопытство, онъ былъ увѣренъ что есть подробности не попавшія въ газеты. Балдуновъ однако распространялся мало, отзываясь кратко что „дѣло было налажено важно, малость самую не дохватило“.

— Но вы знали что десятки солдатъ должны погибнуть при этомъ? спросилъ Володя.

— Какъ не знать! отвѣтилъ Балдуновъ.—Мы даже думали—побольше будетъ. Вотъ какъ будемъ казармы взрывать, то ли еще выйдетъ!

— А будутъ взрывать? полюбопытствовалъ Федоръ Стелановичъ.

Балдуновъ утвердительно мотнулъ головой.

— Вотъ только заграничнаго динамиту дождаемся, объяснилъ онъ.

— Стало-быть вообще вы хотите истреблять всѣхъ кого попало? снова спросилъ Володя.

— Надо дребезговъ чтобы побольше было, отвѣтилъ Балдуновъ.—Читали въ газетахъ, дворцовую караульную-то какъ размозжили? Страсть!

— Это гнусность! сказалъ Володя.

Марья Яковлевна перелугалась.

— Ну, да; если представить себѣ все въ воображеніи,

разумѣтся наши нервы не привыкли, сказала она.—Но надо имѣть въ виду идею.

— Нельзя приучить нервы къ подлому зѣвотву, рѣзко возразилъ Володя.—Это не идея, не революція, даже не терроръ, это гнусность, на которую можетъ быть способна только совершенно подлая и презрѣнная сволочь!

У него глаза и лицо горѣли. Управляющій и Марья Яковлевна притихли ожидая что Балдуrowsъ бросится на него. Но „центральный“ человекъ только презрительно усмѣхнулся и, кивнувъ на Володю Федору Степановичу, проговорилъ:

— Бѣлоручки у васъ тутъ...

Володя вернулся къ себѣ еще болѣе мрачный и злой. Появленіе Балдуrowsа какъ будто усилило тайную тоску алегіи въ которую его погрузило уединеніе и бездѣйствіе новой жизни. Онъ больше прежняго почувствовалъ что руки не поднимаются, что азарта нѣтъ и нѣтъ даже любоблѣтства. За границей, среди фальшивой горячки революціонныхъ хвастуновъ и шарлатановъ, ему казалось что онъ страстно преданъ соціальной идеѣ и долженъ непремѣнно служить перевороту. Стоять въ центрѣ, воображать что предъ его глазами и почти въ его рукахъ плетутся и передегиваются политическія нити—это имѣло свою заманчивость. Но на заводѣ онъ научился смотрѣть на все другими глазами. Федоръ Степановичъ былъ глулъ и не могъ поддержать навѣяннаго „кружковщиной“ угара. Будничная кавителъ пропаганды подъ благосклоннымъ покровительствомъ господина Грешанова, „развиваемы“ заводскихъ ребятишекъ, разговоры съ Марьей Яковлевной, которая все старалась узнавать что дѣлаютъ въ Цюрихѣ русскія студентки—это навело скуку, поѣдало краски, разогнало чадъ. Ничего красиваго не оставалось. А главное..: главное заключалось въ томъ что народъ, во имя котораго дѣйствовала эмиграція, совсѣмъ о ней не зналъ или зналъ по-своему, какъ обнаружилось изъ разговора съ Максютинымъ. Но если народъ желаетъ попрежнему вѣрить что земля на трехъ китахъ стоитъ, пронически спрашивалъ себя опять Володя, то какой же наконецъ смыслъ въ томъ что они дѣлаютъ? Тутъ вѣдь не остается исхода даже для личной злости...

Предъ обѣдомъ Федоръ Степановичъ зашелъ къ нему и сдѣлалъ нѣчто въ родѣ дружескаго замѣчанія по поводу его давишной рѣзкости съ Балдуrowsымъ. Володя точно также рѣзко остановилъ его.

— Я оказалъ то что думалъ и иначе не могу думать! проговорилъ онъ съ краской въ лицѣ.

— Но вы этимъ очень вооружили его противъ себя, утѣщевалъ Федоръ Степановичъ.—Я конечно стараюсь это уладить, но онъ составилъ заключеніе что вы... какъ бы вамъ сказать... неблагонадежны!

— Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до его заключеній, отвѣтилъ Володя.

— Положимъ вы съ нимъ не сошлись, это бываетъ... продолжалъ Федоръ Степановичъ;—но вѣдь Балдуровъ—это не мы съ вами. Онъ можетъ внушить подозрѣнія на вашъ счетъ тамъ... понимаете?

Володя усмѣхнулся.

— Я буду очень радъ если онъ передастъ *тамъ* мои слова, сказалъ онъ.—Но онъ этого не сдѣлаетъ, если я даже ихъ повторю ему... что впрочемъ навѣрное случится. Скажите пожалуйста, этотъ Балдуровъ долго предполагаетъ тутъ оставаться?

— Да, онъ останется нѣкоторое время: ему необходимо скрываться, а у насъ, вы знаете, благодать, отвѣтилъ Федоръ Степановичъ.

— И вы, пока онъ останется, будете предъ нимъ холопствовать и стараться „уладить“ между нами? Не обидьтесь, это очень противно.

Федоръ Степановичъ покачалъ головой.

— Экой вы... какъ-то промычалъ онъ.—Пойдемте обѣдать.

— Не пойду, отвѣзалъ Володя.

И онъ въ самомъ дѣлѣ не пошелъ, а вмѣсто того отправился на деревню, гдѣ вылилъ кринку молока, и потомъ долго тихо шелъ по широкой снѣжной дорогѣ, не замѣчая ни морознаго вѣтра, ни усталости, мучительно занятый новою, властно охватившею его мыслью...

Вечеромъ въ этотъ день Зимовьеву доложили что его желаетъ видѣть какой-то молодой человекъ, откуда-то пришедшій пѣшкомъ. Глѣбъ Дмитріевичъ вышелъ въ залу.

— Что вамъ угодно? спросилъ онъ, и вдругъ узнавъ Володю, проговорилъ съ радостнымъ изумленіемъ:—Это вы! пойдемте...—и провелъ его въ кабинетъ, тщательно заперевъ за собою дверь.

— Не знаю что васъ привело, но я радъ что вы обо мнѣ вспомнили, сказалъ онъ, усаживая его подлѣ себя.—Вы можете говорить со мною совершенно откровенно.

— Еслибъ я не былъ въ этомъ увѣренъ, то не могъ бы и быть здѣсь, отвѣтилъ Володя.

Онъ тяжело дышалъ, на лицѣ его была написана усталость и тагостное возбужденіе.

— Я принужденъ обратиться къ вамъ, потому что здѣсь нѣтъ ни одного близкаго мнѣ лица, сказалъ онъ.— Можете вы помочь мнѣ уѣхать отсюда?

— Уѣхать—куда и съ какою цѣлью? спросилъ Зимовьевъ.

— Я не обратился бы къ вамъ еслибъ имѣлъ въ виду цѣль которой вы не можете одобрить, отвѣтилъ Володя, и до губамъ его скользнула печальная усмѣшка.— Я хочу уѣхать потому что... потому что хочу вернуть себѣ свободу. Мнѣ нужны небольшія деньги чтобы пріѣхать въ Ниццу, гдѣ теперь моя мать. Она тотчасъ возвратитъ ихъ вамъ.

— Вопросъ о деньгахъ самый послѣдній, сказалъ Зимовьевъ.— Но развѣ вы все-таки не хотите увидѣть вашего отца? Что вы будете дѣлать въ Ниццѣ?

— Я пробуду тамъ самое короткое время и затѣмъ уѣду въ Америку, отвѣтилъ Володя.— Въ Америкѣ люди начинаютъ новую жизнь, а я еще молодъ, у меня могутъ быть надежды. Когда прошедшее слишкомъ испорчено, лучше начинать сначала.

— Но вы преувеличиваете, вамъ нѣтъ необходимости въ такомъ тяжеломъ рѣшеніи, возразилъ Глазбъ Дмитріевичъ.— Я увѣренъ что вамъ можно выхлопотать возвращеніе въ Россію на легальныхъ условіяхъ. Я увѣренъ что отецъ проститъ васъ.

— Послѣ, когда-нибудь... проговорилъ Володя, и на лицѣ его обнаружались признаки нетерпѣнія.— Я знаю что вы добры ко мнѣ и желаете для меня лучшаго, но есть обстоятельства по которымъ я одинъ могу судить что возможно и что невозможно. Для меня нѣтъ выбора. Хотите помочь мнѣ, дать единственное средство выйти изъ положенія въ какомъ я нахожусь? Если нѣтъ, я буду просить извинить меня за безлокойство.

Глазбъ Дмитріевичъ въ раздумьи прошелся по комнатѣ.

— Въ Америкѣ Русскіе устраиваются не такъ легко какъ можетъ-быть вы думаете, сказалъ онъ.— Еслибы вашъ отецъ захотѣлъ помочь вамъ, облегчить хотя на первое время ваше положеніе?

— Онъ не будетъ знать моего адреса.

Зимовьевъ пожалъ плечами.

— Вы ссылаетесь на обстоятельства которыхъ я очевидно не знаю, следовательно не могу судить, сказалъ онъ.—Но вы ищете возможности разорвать ваши теперешнія оковы, бросить дѣло въ которое увлекли васъ. Я вамъ вѣрю и радъ что вы тоже имѣете довѣріе ко мнѣ. Но мнѣ хотѣлось бы вырвать у васъ одно обѣщаніе...

— Какое? спросилъ Володя.

— Если вамъ не повезетъ въ новой жизни, если придетъ черная минута—вы напишете мнѣ?

Володя въ нерѣшительности помолчалъ.

— Хорошо, благодарю васъ.... согласился онъ послѣ короткаго раздумья.

XI.

Въ воздухѣ начинало пахнуть тепломъ и раздражающимъ запахомъ весенней прѣлости, на еляхъ и соснахъ пробуждалась свѣжая хвоя, березы стояли черныя и мокрыя; появились прогалины, на пригоркахъ свѣтъ сдѣлался тонокъ и прозраченъ, и въ оврагахъ уже слышался послѣ полудня шумъ надувагагося ручья. По дорогѣ съ голодною важностью расхаживали грачи, и иногда широкимъ и быстрымъ кругомъ низко-низко проносились ласточки. Черезъ дворъ въ размахъ мѣстахъ проложили доски; Семенъ Матвѣевичъ скинулъ барашковую шапку и шубку и ходилъ по этимъ доскамъ въ какомъ-то коротенькомъ съ огромными луговицами пальто и въ порывчатой касторовой шляпѣ. Одно окно у него во флигелькѣ выставляли, и въ солнечные дни Уля глядѣла оттуда на широкій дворъ, все болѣе и болѣе грязнѣвшій, на глубокое ясное небо и на окруженныя весеннимъ паромъ темныя верхушки дѣса.

Глѣбъ Дмитріевичъ ходилъ невеселый. Весна не обѣщала ничего радостнаго. Онъ было задумалъ значительныя преобразованія въ хозяйствѣ, затѣялъ еще неиспробованное у нихъ въ уездѣ разведеніе табаку и зналъ заранее что дѣло пойдетъ. Но это было только средствомъ создать себѣ какое-нибудь дѣловое развлеченіе. Робко подкрадывавшаяся, еще холодная, но уже дышавшая раздражительнымъ трепетомъ весна смущала его. Облакотившись на сырыхъ перила балкона, онъ почти съ грустью глядѣлъ въ широкіе просвѣты сада,

наполненные шумнымъ трелыханьемъ птичьихъ крылъ, и странное, безлокойное чувство все сильнѣе овлаживало имъ. Опять зазеленѣютъ и зажестѣютъ поля, одинутся узорною листвою старыя липы, клены и вязы, закраснѣетъ шиповникъ, ворвется въ раскрытыя окна задорный птичій гамъ, закипитъ кругомъ обычная, дѣятельная, здоровая и полезная жизнь — а онъ будетъ здѣсь все также одинъ, безъ весны, безъ праздника въ душѣ, погруженный въ свою дѣловую лѣнь, въ мелкія заботы о томъ что не имѣетъ цѣны, не нужно, безцѣльно.... Какими ничтожными представлялись ему всѣ эти хозяйственные интересы и соображенія съ ихъ условною значительностью. Какая ему надобность получить нѣсколькими тысячами больше доходу, замѣнить картофель табакомъ, помѣшать какому-нибудь Пахому или Сидору искалѣчить лошадь или украсть лишнюю полтину? Онъ и такъ не проживаетъ всего что получаетъ, а сколько достанется лосаѣ него наследникамъ — не все ли ему равно? Василий Андреевичъ во всякомъ случаѣ сдѣлается богачомъ и будетъ выбранъ въ почетные мировые судьи вмѣсто участковаго...

— Господи, какъ хорошо! воскликнула разъ Уля, перебѣжавъ по доскамъ изъ своего фангелька и заставъ Глѣба Дмитриевича на балконѣ, съ котораго съ шумомъ шлепали и играли на солнцѣ тяжелыя, крупныя капли тающего снѣга. — Весна идетъ. Посмотрите, вонъ тамъ, надъ прудомъ, вербы ужъ зеленѣютъ, и ракиты, и трава показалась, и фиалками откуда-то лахветъ....

Кожаныя ботижки ея были забрызганы грязью, въ волосахъ разбилась сорванная откуда-то вѣтромъ шальная капля.

— Да, весна идетъ.... задумчиво повторилъ Глѣбъ Дмитриевичъ. — Вы рады?

— Ахъ, какъ я рада! подтвердила Уля.

Она, лежа по цѣлымъ часамъ на подоконникѣ, услѣла уже загорѣть, и подъ этимъ первымъ золотистымъ загаромъ какъ будто усиленно переливалась и сквозила кровь.

— Зима такая длинная!

Въ рукахъ у нея были книги которыя она хотѣла переимать.

— Пожалуйста выберите что вамъ угодно, предложилъ Глѣбъ Дмитриевичъ, а самъ остался на балконѣ.

Засыпавъ въ его голосъ угрюмую ноту, Уля бокомъ взглянула на него и вышла въ библіотеку. Черезъ минуту она

вернулась. Глѣбъ Дмитріевичъ стоялъ все тамъ же у колонки и курилъ сигару.

— Выбрали что-нибудь? спросилъ онъ.

— Мегсі, а какъ-нибудь послѣ, отвѣтила Уля и опять бокомъ взглянула на него.

Она привыкла что онъ самъ вмѣстѣ съ ней пересматривалъ книги, но такъ какъ сегодня онъ не пошелъ, то она ничего не хотѣла взять.

— Телерь у меня работа, надо къ лѣту спить что-нибудь, добавила она.

— Можеть-быть вамъ надо въ городъ послать? предложилъ Глѣбъ Дмитріевичъ.

— Нѣтъ, благодарю васъ.

Прислонясь къ периламъ Уля оципывала засохшіе листья плюща и изподлобья, вопросительно и безпокойно взглядывала на Зимовьева. Ей хотѣлось звать отчего онъ сегодня „такой“. Она была увѣрена что если мущина молча и торопливо курить, то непременно думаетъ о чемъ-нибудь непріятномъ.

— Вы никогда въ городъ не ѣздили? спросилъ онъ.

— Давно, когда маленькая была, съ отцомъ, отвѣтила Уля.

— А съ тѣхъ поръ все въ деревнѣ, вѣчно въ деревнѣ?

— Да... Гдѣ жъ еще?

— И вамъ не надоѣло? не хотѣлось бы побывать—хоть бы въ Петербургѣ? продолжалъ спрашивать Глѣбъ Дмитріевичъ.

Уля пожала плечами.

— Когда-нибудь, изъ любопытства; а луше какъ въ деревнѣ нигдѣ не можеть быть, отвѣтила она. — Развѣ не правда? прибавила она и вопросительно взглянула въ его угрюмые глаза.

Зимовьевъ швырнулъ въ садъ окурокъ сигары.

— Да, тутъ хорошо, сказалъ онъ равнодушно.—Тихо по крайней мѣрѣ... какъ въ могилѣ.

— Чтѣ это вы! изумилась Уля.—Тутъ жизнь, весна, все движется, колошится... какъ же можно съ могилкой сравнить?

— И тамъ вѣдь жизнь есть: трава пробивается, вода просачивается, черви колошатся... возразилъ Зимовьевъ.—Такая жизнь вездѣ въ природѣ. А не живое, могильное—тоже вездѣ. Вы слышали когда-нибудь о погребенныхъ заживо? Вотъ это настоящая, адская мука, а тѣ что умерли—для нихъ все кончено.

Уля посмотрѣла на него съ возрастающимъ удивленіемъ.

— Но всего лучше—жизнь, сказала она.

Глѣбъ Дмитріевичъ ничего не отвѣтилъ и вздрогнувъ озлобленными плечами ушелъ съ балкона. Уля, печальная и словно оробѣвшая, тихо проскользнула мимо него и пробѣжала по доскамъ во флагелекъ.

Вернувшійся со станціи слуга привезъ газеты и письма. Глѣбъ Дмитріевичъ пересмотрѣлъ пакеты и взялъ тотъ на которомъ узналъ руку своего стараго петербургскаго пріятеля.

„Что дѣлаете, гдѣ думаете провести лѣто и долго ли намерены хоронить себя отъ своихъ друзей?“ читалъ онъ на исписанномъ кругомъ листкѣ бумаги. „Правда, подъ вашими благословенными небесами теперь можетъ-быть уже зеленѣетъ весна, тогда какъ у насъ морозъ и снѣгъ или еще хуже—дождь и грязь; у васъ свѣтитъ солнце, а у насъ сѣро и хмуро въ воздухѣ какъ и въ душѣ. За то въ политикѣ, въ нашей печальной петербургской политикѣ начинается какая-то веселая игра. Послѣ ужасной катастрофы 5 февраля мы какъ-то всколыхнулись и до настоящей минуты не только не встали на ноги, но продолжаемъ скользить все съ большею и большею рѣзвостью и легкостью. Дошли ли до васъ слухи о томъ что здѣсь дѣлается, донеслись ли до васъ наши *новыя стѣны*, какъ теперь всѣ здѣсь выражаются? Шутки въ сторону, мы подняли паруса и пустились въ дальнее плаваніе. Долго ли оно продлится и куда приведетъ—я не знаю но можно поручиться что увидимъ много любопытнаго. Берегъ уже проладеваетъ изъ виду, вѣтеръ играетъ, мы чувствуемъ просторъ—можетъ-быть даже слишкомъ много простору. Будемъ уловать на ловкаго кормчаго котораго неожиданно послала намъ судьба.

„Какъ вамъ не грѣхъ прятаться? Я каждую минуту сожалею что васъ нѣтъ здѣсь. Никогда еще можетъ-быть Петербургъ не представлялъ такого любопытнаго зрѣлища. Я смотрю и поучаюсь. Помните какъ одинъ знакомый вамъ редакторъ, недовольный убылью подличиковъ, вдругъ догадался что публикѣ надоѣли наличные литераторы и сталъ искать, какъ онъ выражался, новыхъ силъ; пріѣдетъ какая-нибудь барыня поздравить его жену съ именинами, а онъ и пристанетъ къ ней: наложите мнѣ романъ, да не такъ какъ литераторы лишутъ, а совсѣмъ по другому; публика-моль свѣжаго требуетъ! И вотъ въ такомъ же родѣ мы засвѣтили фонари и

ищемъ новыхъ людей. Не спрашиваютъ ни ума, ни дѣла, ни таланта, а только чтобы человѣкъ былъ самый свѣжій, то есть совсѣмъ свободный отъ государственной подготовки и установившихся лонатій. Вы засмѣетесь если я назову вамъ массу знакомыхъ именъ поднятыхъ налетѣвшимъ на насъ вихремъ новыхъ вѣяній. Все это въ луджакахъ и съ паллоросами въ рукахъ расхаживаетъ по казенному паркету и указываетъ—туда! Помните у Раблѣ, когда Пантагрюель набираетъ товарищей для дальнѣйшаго плаванія, на поиски за великимъ *быть-можетъ*? Государственною властью овладѣлъ какой-то страннѣйшій недугъ самоотреченія и самоупряденія. Чиновники взываютъ къ земству и къ общественному мнѣнію выражаемому ими же самими за лять копѣекъ построчной платы, обуздываютъ губернаторовъ и полицейскихъ приставовъ и раздаютъ щедроты всѣмъ и каждому—правда не изъ своего кармана; губернаторы массаами ѣдутъ въ Петербургъ развѣдать чрезъ знакомыхъ столоначальниковъ что такое тутъ дѣлается, а имъ показываютъ обличительную корреспонденцію и совѣтуютъ поскорѣе примириться съ общественнымъ мнѣніемъ. Отставные кавалерійскіе юнкера, завѣдующіе школьнымъ дѣломъ въ какомъ-то земствѣ, недовольны учебною системою, и система привлекается по этому поводу къ отвѣту. Доклады остаются недоложенными, потому что новые люди пренебрегаютъ рутиной, но за то безъ доклада входятъ къ нимъ общественные крикуны и газетные репортеры.

„Какъ обидно что васъ здѣсь нѣтъ! Шутка становится слѣшкомъ грустною, на душѣ дѣлается слѣшкомъ безлокойно. Я боюсь что мы переживаемъ очень опасный моментъ, страшный припадокъ всеобщаго самоослѣпленія и безволія. Боюсь всего худшаго, смущаюсь и скорблю.“

— Милѣйшій эгоистъ, ему скучно наслаждаться безъ меня комедіей человѣческой суеты, подумалъ Глѣбъ Дмитріевичъ, дочитавъ письмо.—Но развѣ сюда не достигаютъ торжествующіе крики глупцовъ? Развѣ издали веселѣе? Вблизи по крайней мѣрѣ что-нибудь смѣшное можно увидѣть...

И лонемногу, точно радостный калпризъ, имъ овладѣла мысль ловхаться олять въ Петербургъ. Онъ былъ свободенъ, ничто серіозно его не связывало. Съ табакомъ и Семенъ Матвѣевичъ управится, а не управится, такъ Богъ съ нимъ. Въ Петербургъ онъ могъ пробыть недолго — посмотреть,

можетъ-быть посмѣяться, а если сдѣлается очень тошно и грустно—вернуться домой или уѣхать подальше, хотя бы опять въ ту затерянную между горами и моремъ деревушку гдѣ онъ тихо прожилъ нѣсколько недѣль среди Басковъ и ихъ козъ. Ему ничего не осталось кромѣ свободы, и такъ много грустнаго заключалось въ этой свободѣ что гауло было бы не пользоваться ея преимуществами.

Дня черезъ два всѣ въ усадьбѣ уже знали что Глѣбъ Дмитріевичъ уѣзжаетъ. Семенъ Матвѣевичъ принялъ преувеличенно спокойный видъ, какъ бы говорившій:—не первый разъ, намъ не въ диковину!

Наканувъ отъѣзда, вернувшись отъ Василія Андреевича, съ которымъ хотѣлъ проститься, Глѣбъ Дмитріевичъ опять услышалъ звуки фортепіано и голосъ Ули. Она играла ту самую музыкальную фантазію своего отца которую онъ разъ уже слышалъ, но теперь музыка сопровождалась лѣтнимъ. Глѣбъ Дмитріевичъ сталъ вслушиваться:

Стерегутъ какъ въ старой сказкѣ
Заколдованныя встрѣчи;
Очаровываютъ глазки,
Завораживаютъ рѣчи...

лѣла Уля, и ея густой, красивый голосъ какъ будто лестрѣлъ и свѣтился радужными красками, рассыпанными въ этой своеобразной фантазіи, полной сказочнаго блеска и сказочной темноты.

Глѣбъ Дмитріевичъ тихонько вошелъ въ библіотеку, но старая половица скрипнула подъ нимъ, Уля оглянулась и быстро вскочила съ табурета.

— Продолжайте пожалуйста! попросилъ Зимовьевъ.—Вы не сказали что есть стихи, это еще интереснѣе...

Уля покачала головой и даже сжала губы и сѣла подъ окномъ.

— Слова тоже вашего отца?

Она кивнула вмѣсто отвѣта.

— Спойте все! или хоть скажите... просилъ Глѣбъ Дмитріевичъ.

— Не стану! разжала губы Уля.—Послѣ, когда-нибудь, когда вернетесь... если вернетесь...

Глѣбъ Дмитріевичъ уже замѣчалъ въ ней эти капризы молчаливаго сопротивленія и зналъ что съ ними нельзя сладить. Онъ только улыбнулся на ея послѣднія слова.

— Я вѣроятно даже очень скоро вернусь, сказалъ онъ.

— Когда? быстро и какъ-то строго спросила Уля.

— Можетъ-быть черезъ мѣсяцъ, черезъ два, отвѣтилъ Зимовьевъ.

Она промолчала и смотрѣла мимо него въ бѣлые, слѣпые глаза мраморной *Ночи*.

— Я надѣюсь что въ мое отсутствіе вы не откажетесь пользоваться книгами, роялемъ, вѣсьмъ что вамъ понадобится, сказалъ Глѣбъ Дмитріевичъ.—Лошади, экипажи тоже во всякое время къ вашимъ услугамъ.

— Мерсі, поблагодарила Уля почти не разжимая губъ.— Знаете почему мнѣ опять вспомнилась эта „фантазія“? вдругъ перемѣнила она разговоръ.—Мнѣ пришла странная мысль... Вотъ для васъ, для другаго, для третьяго таинственнымъ представляется сказочный лѣсъ населенный оборотнями, русалками, всякими страхами и чудесами. А я въ какомъ угодно лѣсу кажется ничего бы не боялась... Ничего въ немъ таинственнаго нѣтъ. А когда мнѣ почему-нибудь представляется большой городъ, Петербургъ напримѣръ, мнѣ кажется что тамъ-то именно все какъ въ сказкѣ таинственно и опасно...

— Но не такъ поэтично какъ вы пѣли, усмѣхнулся Глѣбъ Дмитріевичъ.

Уля тоже улыбнулась и переведа на него странный, какъ будто сквозь невыраженную досаду смѣющийся взглядъ, повторила вполголоса:

Очаровываютъ глазки,
Завораживаютъ рѣчи...

— Такъ скучно вамъ здѣсь, Глѣбъ Дмитріевичъ? вдругъ оборвала она свое пѣніе.

— Тамъ можетъ-быть еще скучаѣе будетъ, отвѣтилъ Зимовьевъ.

Уля повела глазами и нервнѣе протанула руку.

— Прощайте... счастливаго пути... сказала она и скоро, скоро, то скользя по немъ взглядомъ, то отворачиваясь, отвѣтила на его пожатіе и выбѣжала изъ библіотеки.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КЪ УНИВЕРСИТЕТСКОМУ ВОПРОСУ

ИЗЪ ИСТОРИИ ОДНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Значеніе высшаго образованія въ общемъ строе государ- ственной жизни такъ велико что нельзя не интересоваться дѣйствительнымъ состояніемъ учрежденій служащихъ для распространенія научнаго образованія. Желая по возможно- сти слособствовать уясненію этого состоянія, я рѣшился представить краткій очеркъ университетской жизни одного изъ нашихъ университетовъ за время очень близкое къ намъ именно въ періодъ отъ 1870 по 1875 годъ.

Университетъ нашъ состоялъ тогда (вѣроятно состоитъ и теперъ) по составу своихъ слушателей изъ разнородныхъ элементовъ. Въ немъ были Малороссы, Великороссы, Поля- ки и Евреи. Отрицательное направленіе нашей литературы шестидесятихъ годовъ искало почвы для своихъ ученій и къ сожалѣнію, благодаря отсутствію серіознаго ученія, дѣй- ствительно нашло ее въ нашемъ молодомъ учащемся поко- лѣніи. Большинство нашихъ студентовъ усвоило якобы но- выя теоріи и взгляды на государство, политику, литературу. Склонность къ усвоенію „новыхъ“ ученій была признакомъ прогресса, ума, таланта, равнодушіе къ нимъ признакомъ

бездарности, буржуазнаго эгоизма, тулоумія. Понятно что не многіе имѣли мужество противостоятъ общему теченію.

Всѣ старались чтобы не отстать отъ другихъ, тѣмъ болѣе что ни окружающее общество, ни даже самъ университетъ не представляли никакого противовѣса разнороднымъ увлеченіямъ. Наука въ томъ видѣ какъ она преподавалась болѣе серіозными и трудолюбивыми профессорами была признана „казенною“, сами профессора за немногими исключениями „служителями деспотизма“. Между большинствомъ студентовъ прочю водворилось мнѣніе что кромѣ наукъ естественныхъ, математическихъ и медицинскихъ нечего изучать и что на юридическомъ, а частію и на филологическомъ факультетахъ „ничего дѣлать“. Всѣмъ было ясно что все окружающее — государство, общество и литература нуждаются въ „реорганизациі“, все это должно быть основано на новыхъ началахъ и всѣ важныя перемены призваны были осуществить эти студенты.

Въ разныхъ группахъ студентовъ настроеніе это видоизмѣнялось сообразно національному характеру, или мнѣственнымъ обстоятельствамъ и условіямъ. Поляки преслѣдовали свои цѣли, для которыхъ мнимо-либеральное и реформаціонное направленіе изъ русскихъ товарищей было какъ нельзя болѣе на руку. Участіе польскихъ студентовъ въ общемъ либеральномъ движеніи не было совсѣмъ искреннимъ. Душою Поляки, какъ и слѣдовало ожидать, принадлежали независимой Польшѣ. Участвуя въ общихъ сходкахъ и собраніяхъ, Поляки составляли кромѣ того свой собственный кружокъ въ которомъ главными предметами преній были прошлыя и настоящія судьбы Польши. Весьма куріознымъ является тотъ фактъ что молодые польскіе патріоты, нетерпѣливо забѣгая впередъ на счетъ устройства будущей обновленной и независимой Польши, успѣли уже раздѣлиться на двѣ главныя партіи, *прогрессистовъ* и *тарговицу*. Впрочемъ это не нарушало общей дисциплины и не отклоняло Поляковъ отъ главнаго направленія.

Часть малороссійскихъ студентовъ, преимущественно филологическаго факультета, имѣли свой малороссійскій кружокъ. Всѣмъ извѣстно украинофильское направленіе, проявившееся съ наибольшою силой въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ главныхъ центрахъ малороссійской интеллигенціи, преимущественно между молодежью. Начавшись съ невинныхъ развлеченій малороссійскою поэзіей, народными лѣсками и костю-

мами, украинофильство пыталось основать свою политическую теорию и провести ее посредством малороссийских учебниковъ и учителей въ народъ. Многочисленные агенты украинофильства, разбѣянные по всей Малороссіи, соединились небольшими группами въ *курени* и дѣятельно старались къ счастью совершенно безуспѣшно, вызвать въ народѣ историческія воспоминанія о гетманщинѣ, распространяя всякіе ласквильи на счетъ Русскаго народа и Русскаго правительства. Наконецъ изъ всего этого малороссийскаго сумбура яственно выглянула идея сепаратизма и правительство поставило преграды распространенію идей украинофильства. Второстепенные агенты его очень скоро пристроились къ разнымъ занятіямъ, втѣнулись въ интересы окружающей жизни, лавные же вожди остались на своихъ мѣстахъ и пока ступали до поры до времени.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ украинофильство начинаетъ опять вербовать адептовъ между студентами нашего университета, только теперь направленіе его измѣняется подъ вліяніемъ духа времени. Однимъ изъ главныхъ руководителей украинофильскаго кружка сдѣлался молодой доцентъ недавно вернувшійся изъ-за границы, куда онъ былъ посланъ изучать на казенный счетъ историческія науки. Теперь идеалы времени гетманщины отошли на второй планъ, мѣсто ихъ заняла славянская федерація съ демократическимъ общиннымъ устройствомъ, выкрененнымъ подъ сильнымъ вліяніемъ западныхъ социалистическихъ ученій. Видимая дѣятельность малороссийскаго кружка продолжала сосредоточиваться на народныхъ лѣсняхъ и украинской литературѣ, но тайнѣ кружокъ, пользуясь общимъ революціоннымъ настроеніемъ молодежи, подготавливалъ себѣ сторонниковъ преимущественно между учениками семинарій и народными учителями, которые и предназначались уже для непосредственной дѣятельности въ народѣ. Менѣе всѣхъ національными и болѣе другихъ простодушными оказались студенты-Великороссы. Въ ожиданіи всеобщихъ благъ отъ осуществленія своихъ идеаловъ, они весьма добродушно уступали свое отечество Полякамъ и украинофиламъ.

Коллективная дѣятельность нашихъ студентовъ началась съ учрежденія столовой, кассы и библиотеки. При большомъ числѣ бѣдныхъ студентовъ два первыхъ учрежденія имѣли по крайней мѣрѣ хотя нѣкоторый видъ необходимости.

Здоровая, дешевая пища, иногда въ кредитъ, денежные ссуды изъ кассы, служили большою поддержкой для бѣдныхъ. При сохраненіи этими учрежденіями исключительно студенческаго характера, простотѣ при веденіи дѣла, они могли оказаться полезными съ точки зрѣнія экономическаго благосостоянія студентовъ. Но не такъ вышло на самомъ дѣлѣ. вмѣсто простаго веденія дѣла, для студенческой столовой былъ сочиненъ сложный уставъ, измѣнявшійся постоянно. Къ рѣшенію дѣлъ примѣнялись всевозможныя системы подачи голосовъ; члены столовой дѣлились на партіи, изъ которыхъ каждая стремилась провести своего кандидата въ составъ „столовой администраціи“. Частыя общія собранія служили ареной для состязанія между первѣйшими ораторами, трактовавшими весьма пространно и въ изящныхъ выраженіяхъ о „реорганизаціи столовой администраціи“, швейцарскихъ, шведскихъ и разныхъ иныхъ системахъ подачи голосовъ и т. п. вопросахъ. Кромѣ того, „столовая“ принимала въ число своихъ членовъ и постороннихъ лицъ, какъ-то: акушеровъ, гимназистовъ, гимназистокъ, мелкихъ либеральныхъ чиновниковъ и какихъ-то неизвѣстныхъ молодыхъ людей и дѣвицъ, появлявшихся время отъ времени изъ столицъ для устройства разныхъ ассоціацій и распространенія прокламацій.

Почти то же самое можно сказать о кассѣ. Въ числѣ членовъ ея также были постороннія лица пользовавшіяся пособиями наравнѣ со студентами. Изъ студенческой кассы получали не разъ пособия разные лица обоего пола странствующія съ завѣдомою цѣлью распространять „революцію“. Студенческою кассой пользовались разные артели и ассоціаціи состоявшія не изъ студентовъ.

Если въ пользу существованія студенческой столовой и кассы можно привести экономическія причины, то что можно сказать о студенческой библіотекѣ? Какая надобность могла быть въ ней въ университетскомъ городѣ, гдѣ кромѣ университетской библіотеки было еще нѣсколько частныхъ? а вотъ какая: въ университетской и частныхъ библіотекахъ нельзя получать изданій не пропущенныхъ цензурой и заграничныхъ, въ студенческой же таковыя находились въ изобиліи. Сочиненія Лассала, Флеровскаго, Чернышевскаго, запрещенный томъ (кажется второй) Писарева, изъ заграничныхъ изданій *Впередъ* и другія подобныя, вотъ какія сочиненія

занимали выдающееся мѣсто въ бібліотекѣ. И это были именно тѣ сочиненія на которыя былъ наибольшій спросъ.

Кромѣ этихъ учрежденій дѣятельность многихъ студентовъ посвящена была устройству артелей, ассоціацій и коммунъ. Появились перелетныя мастерскія, швейныя, прачечныя. Много силъ потрачено было на просвѣщеніе портныхъ и прачекъ. Члены-учредители ежедневно посѣщали артели и поочередно читали вслухъ самыхъ выдающихся по ихъ мнѣнію русскихъ авторовъ, Добролюбова и Писарева. Впрочемъ дѣла шли такимъ порядкомъ не долго. Чтецы уставали читать, портныхъ ничего не понимали; для нихъ оказывалось слишкомъ много темнаго въ какомъ-нибудь „темномъ царствѣ“ Добролюбова. За этимъ слѣдовали вещи совсѣмъ не литературнаго сорта, приводившія и членовъ-локровителей и портныхъ ко взаимнымъ ссорамъ между собою и къ быстрой ликвидаціи дѣлъ коммунъ. Съ коммунами прачекъ дѣла оканчивались и того проще. Сознаніе благотворности артельныхъ началъ овладѣвало ими на очень короткое время. Слуста двѣ, много три недѣли, новыя коммунистки, послѣ обильныхъ возліаній въ честь Бахуса, ссорились между собою за барыши, и коммуна разстраивалась.

Такимъ образомъ главный интересъ въ жизни студентовъ, альфу и омегу студенческой мудрости составляли кружки, коммуны, запрещенныя сочиненія, пренія о лучшемъ государственномъ устройствѣ. Усвоивъ кой-какія идеи изъ Бюкля, Спенсера, Лассалля и главнымъ образомъ изъ Писарева и Добролюбова, какъ наиболѣе доступныхъ ограниченнымъ умамъ, наши студенты жили совершенно внѣ сферы дѣйствительности, въ какомъ-то ими самими созданномъ мірѣ. Вся окружающая дѣйствительность была „анормальна“, а потому должна быть преобразована. О русскомъ обществѣ, русской жизни и исторіи студенты не имѣли никакихъ правильныхъ понятій. По ихъ мнѣнію весь народъ за немногими исключеніями находился въ революціонномъ броженіи. Нужно было только начать, направить движеніе въ надлежащую сторону, а тамъ „реорганизация“ пойдетъ какъ по маслу. Увѣренность въ близости общей революціи была такъ сильна что студенты съ каждымъ днемъ ожидали конституціи, такъ какъ правительство залуганное страшнымъ призракомъ само де пойдетъ на уступки. Въ этомъ заблужденіи студенты поддерживались большинствомъ тогдашнихъ газетъ и

журналовъ, а также дѣйствіями самого начальства, которое своею нерѣшительностію и уступчивостію заставляло студентовъ смотрѣть на себя какъ на какую-то нелюбимую силу.

Отношенія студентовъ къ университету были чисто формальныя. Науки университетскія не уважались, потому что съ университетскихъ кафедр преподавалось вовсе не то чего желали студенты, не то что ими признавалось за науку. Лекціи посѣщались несправно. Наукой же занимались ровно столько сколько нужно было для выдерживанія экзаменовъ и полученія аттестатовъ. Для посѣщенія лекцій студенты заводили между собою очередь. Самые экзамены были въ большинствѣ случаевъ простою формальностію. Либеральныя профессора были снисходительны сами по себѣ, другіе подъ вліяніемъ общаго либеральнаго давленія со всѣхъ сторонъ. У нѣкоторыхъ профессоровъ можно было держать экзаменъ одинъ за другаго, у другихъ удобно было подмѣнить заблаговременно билеты приготовлявшіеся самими студентами. На нѣкоторыхъ экзаменахъ можно было, взявъ билетъ, подготовиться тутъ же въ аудиторіи по книжкѣ. Наконецъ нѣкоторые профессора обращались къ студентамъ съ вопросомъ: „сколько желаете получить?“ Если студентъ довольствовался отмѣткой *три*, то экзаменъ не производился вовсе. Но не смотря на такое очевидное равнодушіе къ университету, въ нѣкоторыхъ случаяхъ университетской жизни студенты принимали живѣйшее участіе. Такими случаями были публичныя диспуты и вступительныя лекціи. Студенты заблаговременно готовились къ принятію дебютанта алаодисментами или свистками, принимая во вниманіе не степенъ научной серіозности его, а принадлежность къ той или другой партіи, или фракціи. Такъ какъ студенческая наука главнымъ образомъ заключалась не въ профессорскихъ лекціяхъ, а въ студенческой библіотекѣ, то скромные труженники науки изъ профессоровъ не пользовались никакимъ расположеніемъ и уваженіемъ студентовъ. Кто не былъ либеральнымъ въ студенческомъ смыслѣ этого слова, а главное былъ строгимъ на экзаменахъ, тотъ по этому одному уже пользовался репутаціей бездарнаго и рутиннаго профессора.

За то либеральныя профессора, хотя бы даже и бездарныя, ревностно поддерживались и выдвигались студентами. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ въ нашемъ университетѣ былъ одинъ молодой доцентъ, занимавшій кафедру древней исторіи.

Этотъ доцентъ проведъ около четырехъ лѣтъ за границей, куда былъ посланъ на казенный счетъ съ ученою цѣлью. Онъ пользовался между студентами славой талантливаго ученаго, а потому на его вступительную лекцію, которую онъ долженъ былъ прочесть по возвращеніи изъ-за границы, собралась масса студентовъ всѣхъ факультетовъ. Въ аудиторіи, какъ это обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, явилось нѣсколько профессоровъ и во главѣ ихъ ректоръ. Началась вступительная лекція или, лучше сказать, рѣчь на тему что каждый ученый лобывавшій за границей обязанъ доказать на родинѣ что онъ не даромъ, не праздно проведъ тамъ время, путешествуя на казенный счетъ. Въ этой рѣчи вполнѣ обнаружилась ораторская несостоятельность профессора. Онъ говорил отрывисто, заливаясь, употреблялъ почти одни и тѣ же выраженія и поминутно повторялся. Прошло полчаса, а слушатели все-таки не знали что же такое вывезъ профессоръ изъ-за границы. Наконецъ дѣло разъяснилось. Послѣ нѣсколькихъ туманныхъ выраженій дававшихъ поводъ подозрѣвать что профессоръ самъ стѣсняется изложить свою *profession de foi* въ исторической наукѣ, онъ произнесъ нѣсколько безсвязныхъ словъ изъ которыхъ можно было только разслышать слово „соціологія“. Въ то время слова „соціологія“, „позитивизмъ“ производили на студентовъ магическое дѣйствіе. Слушатели рѣшили что профессоръ вывезъ изъ-за границы послѣднее слово науки и наградили его дружными, неистовыми аплодисментами.

Началось чтеніе лекцій. Тутъ уже профессоръ сдѣлался откровеннѣе и довольно прозрачно обнаружилъ свое позитивистское міровоззрѣніе. Первое время своихъ лекцій профессоръ посвятилъ на обзорѣніе философскихъ ученій объ исторіи. Это былъ очень краткій очеркъ, составленный безъ замѣтнаго серіознаго изученія предмета и съ крайне тенденціознымъ, одностороннимъ направленіемъ. Окончательный выводъ изъ всѣхъ чтеній объ этомъ предметѣ былъ тотъ что всѣ философы прошлаго и настоящаго времени неправильно думали о развитіи человѣческихъ обществъ, кромѣ Огюста Кювта, да самого профессора. За этими чтеніями должны были слѣдовать лекціи древней исторіи, къ которымъ, въ видѣ вступленія, профессоръ пристегнулъ описаніе быта дикихъ народовъ заимствованное не совсѣмъ умѣло изъ Вайца *Anthropologie der Naturvölker*. Прошло два года, а слушатели такъ и не слышали ничего о

Грекахъ и Римлянахъ. Дикимъ было отдано рѣшительное предпочтеніе. Ораторскій же талантъ профессора такъ и остался въ неподвижномъ состояніи. Въ началѣ чтеній собиралось много слушателей со всѣхъ факультетовъ, но это продолжалось не долго. Лекціи видимо не представляли для нихъ интереса, тѣмъ не менѣе они разстались съ нимъ съ убѣжденіемъ что вѣшнія обстоятельства не позволяютъ профессору развернуть свои силы. Впрочемъ, настоящая дѣятельность профессора была внѣ университета, въ малороссійскомъ кружкѣ. Къ счастью дѣятельность его продолжалась всего два года. Онъ былъ удаленъ, уѣхалъ за границу и въ настоящее время подвизается тамъ въ изданіи социалистическихъ журналовъ и сочиненій.

Былъ, впрочемъ, въ нашемъ университетѣ одинъ либеральный профессоръ которому не повезло между студентами даже въ то революціонное время. Это былъ человекъ очень ловкій, говорившій довольно бойко и красно. Читалъ онъ новую исторію. Слушателей у него было всегда много. Не смотря на это онъ не пользовался расположеніемъ студентовъ. Его считали буржуазно-либеральнымъ. Излагая исторію, профессоръ старался привлекать сердца своихъ слушателей на сторону „правоваго порядка“. По обычаю русскихъ либераловъ того времени, нашъ профессоръ пожелалъ прослыть между студентами человекомъ страдающимъ за направление. Но такъ какъ на самомъ дѣлѣ профессору никто не угрожалъ, то онъ пустился на хитрость и заявилъ что текстъ его лекцій сообщается полечителю округа. Студенты были возмущены, началось изслѣдованіе и оказалось что лекціи записываются только *двумя* слушателями (обязательными), на которыхъ и обрушилось подозрѣніе товарищей со всѣми его тяжкими послѣдствіями. Пребываніе ихъ въ университетѣ сдѣлалось до того невыносимымъ что они вынуждены были обратиться съ жалобой къ университетскому суду. Оказалось что полечителю никто никакихъ лекцій не сообщалъ. Такимъ образомъ продѣлка не удалась. Профессоръ оставилъ университетъ и занялся сотрудничествомъ въ одной петербургской газетѣ.

ВЪ РУССКОМЪ ДОМѢ ЗА ГРАНИЦЕЙ

„Простите меня, я совсѣмъ какъ пакетъ“, томо сказала хозяйка лежавшая въ раздвижномъ китайскомъ креслѣ и протянула мнѣ руку для облобызавія.

Я пришелъ ее поздравить съ праздникомъ Рождества Христова.

Въ гостинной сидѣла другая русская дама: эта хотѣла было отдернуть руку отъ моего лощауа, но не успѣвъ, приподнялась чуточку съ мѣста и звонко чмокнула меня въ високъ, затѣмъ, слегка зарумянившись, судорожнымъ движеніемъ привязала нитку къ вѣточкѣ изюму.

Молодые женщины занимались приготовленіями къ елкѣ, имѣвшей вечеромъ того же дня ослѣпить константинопольскій beau monde; приглашенія были разсланы по всему городу... Но тутъ, прежде даже чѣмъ уломануть о третьемъ лицѣ, статномъ иностранцѣ, который, помогая дамамъ, складывалъ изъ цвѣтной бумаги солодки, я долженъ на минутку затормозить свой рождественскій разказъ чтобы принять извѣстнаго рода охранныя мѣры.

Русскій фельетонистъ, обитающій въ Россіи или въ любой изъ европейскихъ столицъ, гдѣ бѣлымъ ключомъ кипитъ русская жизнь, конечно не стѣсняясь можетъ намѣчать типы своихъ соотечественницъ: никто не вздумаетъ себя „узнавать“

и обижаться. Въ Константинополѣ вопросъ представляется совсѣмъ иначе; здѣсь пребываютъ всего-на-все какихъ-нибудь пять, шесть русскихъ семействъ, и я очень опасуюсь какъ бы прекрасный полъ не сталъ доискиваться тайныхъ намековъ въ моемъ писаніи. Поэтому считаю долгомъ торжественно заявить что ниже приведенное случилось не нынѣшнею зимою, а когда-то очень давно, случилось не въ Константинополѣ, а совсѣмъ въ иномъ мѣстѣ, и наконецъ, главное, вовсе никогда и нигдѣ не случалось. Шутки въ сторону: это не корреспонденція, а вымышленное повѣствованіе, и авторомъ заимствована изъ константинопольской жизни только хорошо знакомая ему обстановка.

Большаго въ свое огражденіе сказать не сумѣю, и теперь будь что будетъ, а я буду продолжать.

— Простите что я лежу всѣ четыре лодковы наверхъ, еще разъ извинилась предо мной Мше Ижица;—я догуляла своихъ дѣтей и немного легла отдохнуть свои membra... Боюсь уласть. больна отъ усталости.

При этихъ словахъ вторая дама, Мше Ширяева, съ шумомъ откусила нитку и въ корсетѣ у нея что-то треснуло.

Евдалія Павловна Ижица и Авдотья Панкратьевна Ширяева являютъ во всѣхъ отношеніяхъ двѣ крайнія противоположности. Мше Ижица стройна, изящна, любитъ свѣтъ и, провоя жизнь въ чужихъ краяхъ, перелетною птицей носится изъ Парижа въ Римъ, изъ Рима во Флоренцію, изъ Флоренціи въ Вѣну; въ Петербургъ только не бываетъ. Мѣсяца три назадъ вѣтерокъ случайно загналъ ее на берега Босфора; помню, она появилась одновременно съ осенними ласточками. Во всякій свой „home“ Евдалія Павловна вносить... какъ бы это сказать яснѣе? употребляю собственное ея выраженіе, — вносить „одно я не знаю что“, нѣчто ей одной присущее, столь же обязательное и неотразимое какъ она сама. Выборъ и подборъ цвѣтовъ въ ея гостиной, изюмы и изгибы прихотливыхъ кушетокъ, качающихся стульевъ, столовъ для шахматовъ, столовъ-подвостовъ, столовъ-подсвѣчниковъ, все отмѣчено печатью граціознаго женскаго существа,—и мнѣ кажется, чуткій художникъ, руководствуясь одною какою-нибудь складною скамеечкой, могъ бы, отъ роу не видавъ Мше Ижицы, нарисовать довольно схожій ея портретъ.

Мше Ширяева росту небольшого, нѣсколько полная, свѣт-

скаго общества вообще, въ особенности же Нѣмцевъ, какъ имѣють она огульно иностранцевъ, терпѣть не можетъ, и если сегодня будетъ на космополитической елкѣ Евлаіи Павловны, то лишь потому что елка устраивается для дѣтей, а „дѣтокъ“ бездѣтная Авдотья Панкратьевна болѣзненно обожаетъ, не признавая въ нихъ различія народностей; по ея мнѣнію, „всѣ они птички Божіи“. За границей она живетъ по неволѣ (мужъ ея на службѣ въ Турціи), и страстно тоскуеть по Россіи. Владѣя въ совершенствѣ русскою рѣчью, она не знаетъ ни одного иностраннаго языка и даже едва умѣетъ объясняться по-французски: „двойныя рамы“ называетъ „doubles games“, „грабежъ“—„grabuge“ и проч. Злые языки—изъ соотечественниковъ—безплощадно прохаживаются на ея счетъ, приписывая ей всѣ руссизмы и челуховатыя ошибки по-французски, отъ вѣка придуманныя праздыми остряками. Такъ на примѣръ разказываютъ что однажды за столомъ она попросила сосѣда передать ей „le sinapisme“, то-есть горчицу: Увѣраютъ также будто она говоритъ: „regardons encore qui qui—tu je ou je tu“, то-есть „посмотримъ еще кто кого—ты меня или я тебя“ и т. п. Одно изъ самыхъ неправдоподобныхъ сказаній относится по времени дѣйствія къ 1870 году. Ее будто бы позвали въ Версаль на придворный балъ, и тутъ, отвѣчая на милостивыя привѣтствія Наполеона III, Евгении и сына ихъ Loulou, она назвала императора какъ слѣдуетъ „Sire“, императрицѣ сказала „Siresse“, къ принцу же и тогдашнему наследнику французскаго престола обратилась сначала со словами „mon prince“, но потомъ поправилась и назвала его „mon héritier“.

Я никогда не возмущался подобными шутками и даже, каюсь, самъ смѣялся имъ отъ души. Меня повергало лишь въ недоумѣніе что злые языки мгновенно себя прикусывали, какъ только я заводилъ рѣчь о русскомъ говорѣ Mme Ижиды. Были ли они подкуплены обаяніемъ этой очаровательницы, про которую мѣстный поэтъ сказалъ:

Кивить-эссеанція изящества,

Чувствъ и мыслей рафинадъ,

или въ самомъ дѣлѣ для русской жемцины предосудительно только ошибаться во французской болтовнѣ, коверкать же русскій языкъ вовсе не предосудительно. Какъ бы то ни было, Евлаію Павловну передразнивалъ въ Константинополѣ всего одинъ молодой человекъ изъ служащихъ при нашемъ

посольствѣ, да еще при русскіихъ ея галлицизмахъ и англлицизмахъ въ корсетѣ Авдотьи Панкратьевны, какъ въ описываемую мигуту, трещала косточка.

На трескъ косточки статыый иностранецъ, по имени графъ Landau (Ландо), тихо поднялъ свои выразительные глаза, красиво шевельнулъ усами (они у него всегда шевелятся предъ тѣмъ какъ ему что-нибудь сказать) и промолвилъ ровнымъ, звучнымъ голосомъ:

— Voilà deux jours qu'il pleut. On se lasse du mauvais temps.

Затѣмъ невозмутимое лицо его снова обернулось въ сторону большихъ и маленькихъ солонокъ, многочисленнымъ семействомъ стоявшихъ на столѣ.

— Le beau temps est préférable, отвѣчалъ я великосвѣтскому льву,—et la semaine dernière il n'a pas plu du tout.

Между тѣмъ дамы, не стѣсняясь его присутствіемъ, разговаривали по-русски. Съ прелестнымъ косноязычіемъ, которое по словамъ того же поэта было лучше всякаго краснорѣчія, Евладія Павловна объясняла Авдотьѣ Панкратьевнѣ что главною цѣлью воспитанія она ставитъ развитіе въ дѣтахъ вкуса. Слѣдуетъ чтобы глазъ ихъ съ колыбели привыкалъ ко всему прекрасному, и потому нынѣшняя елка не должна быть для Léon и Mary простымъ развлеченіемъ, забавой, а должна послужить имъ урокомъ эстетики.

— Вы бы ихъ сюда позвали, сказала Mme Ширяева лѣвучимъ заискивающимъ голосомъ.

Но Mme Ижица не согласилась: она и то по случаю Рождества сдѣлала исключеніе,—„сама ихъ гуляла“, да еще проведеть съ ними вечеръ; обыкновенно видится она съ ними разъ въ день и притомъ не болѣе получаса; если бывать вмѣстѣ чаще и дольше, то дѣти скоро привыкаютъ къ матери, вслѣдствіе чего теряютъ къ ней уваженіе...

— А если они не будутъ имѣть ко мнѣ уваженія, продолжала Ижица,—то я заплакаю себѣ глаза.

— Еслибъ у меня были дѣти, въ неудержимомъ порывѣ воскликнула Авдотья Панкратьевна,—я бы съ ними весь день возилась, и повѣрьте они бы меня уважали, если же подчасъ и не оказали бы должнаго уваженія, такъ ужъ конечно плакать не стала бы, а полпросту задала бы имъ трепку.

При послѣднемъ словѣ перелаеты альбомовъ и кипсековъ, привыкшихъ къ лучшему тону, слегка локоробило, а страницы

англійскихъ романовъ чуть не встали дыбомъ. Но хозяйка не совсѣмъ поняла. Сначала она подумала что *тренка* собственное имя въ родѣ *Стенка*, даже вспомнила по этому случаю заглавіе дѣтской книжки *Стенка Рас-тренка*. Но когда Авдотья Панкратьевна, поясняя свою мысль, согнула лѣвую ладонь и нѣсколько разъ шлепнула по сгибу пальцами правой руки, Евлалія Павловна надула губки и затѣмъ, повернувшись въ креслѣ, какъ въ постели, спиной къ Авдотьѣ Панкратьевнѣ, показала мнѣ куколку, которой только-что навязала на шею шелковый шнурочекъ.

— Взгляните, произнесла она, — какіе у ней афлёрдѣтетовые глаза... je veux dire, à fleur de tête.

Евлалія Павловна безпрестанно перепархиваетъ съ одного предмета разговора на другой, какъ бабочка съ цвѣтка на цвѣтокъ, и это составляетъ одну изъ главныхъ прелестей ея бесѣды. Занятія свои она мѣняетъ такъ же часто какъ рѣчи. Пока Мме Ширяева съ муравьинымъ постоянствомъ и упорствомъ, но притомъ съ ловкостью типографскаго наборщика, прикрѣпляла все тѣ же кусочки гаруса къ изюму и виннымъ ягодамъ, Мме Ижица то вырѣзывала маленькими рабочими ножницами воздушную сѣтку изъ голубой лапирсной бумаги (сѣтка, хотя и предназначавшаяся для мандарина, врядъ ли выдержала бы средней величины паука), то золотила орѣхъ, намазывая его посредствомъ кисточки душистымъ клеемъ и вытирая руки о квадратную салфеточку съ бахромой какія подаются обыкновенно къ чаю и съ которыми рѣшительно не знаешь что дѣлать — конфузять только, или наклонясь надъ турецкою табуреткой, все въ лежащемъ положеніи, писала что-то на длинныхъ узкихъ билетикахъ. Это уже готовилось не для елки, а для гаданья. Отставивъ бумажныя солонки, графъ тоже принялся писать своими бѣлыми аристократическими руками съ кольцами и синими жилками, но должно-быть его надписи не годились, потому что каждую изъ нихъ по прочтеніи Евлалія Павловна прेमилло комкала и не говоря ни слова равнодушно бросала въ каминъ.

— Грѣхъ, грѣхъ, твердила Авдотья Панкратьевна, — сами вовъ потѣшаетесь, а дѣтей не позовете.

— Напротивъ, это дѣлаетъ для меня трудъ, но я вся отдаю себя для моихъ крошекъ, смиренно возразила любящая мать.

— Полноте! будто не видно что для васъ это одна забава. Чѣмъ бы, напримеръ, орѣхи въ пиво съ сахаромъ макать, какъ всегда дѣлають, вы ихъ какимъ-то кольдъ-кремомъ мажете, цѣли вмѣсто крахмала одеколономъ клеите, потомъ еще вздумали эти огурцы золотить (Авдотья Панкратьевна ткнула пальцемъ на бананы), гдѣ жъ это видано? только золоту переводъ. А много ли вы съ утра наработали?

И въ самомъ дѣлѣ, если присмотрѣться, изъ рукъ Евлалиі Павловны, казавшейся на первый взглядъ такою трудолюбивою пчелкой, ничего лутнаго не выходило. Мнѣ, право, думается что она во всю жизнь не дорисовала ни одной акварели и не перевела до конца ни единой сказки Гримма (съ нѣмецкаго на англійскій).

— Я стараюсь о вкусѣ, о марьяжѣ цвѣтовъ, чтобы ничего не клошировалось, оправдывалась она.

— Заботьтесь о развитіи вкуса въ дѣтахъ, а ни слова противъ этого, бушевала неугомонная Mme Ширева: — покупайте имъ хорошія книги, хорошія игрушки, но въ томъ-то и бѣда что въ Константинополѣ вы ничего порядочнаго не достанете, да и вообще въ этой помойной ямѣ хорошимъ вкусомъ не обучишься. Гляньте-ка въ окошко, развѣ это улица, а не грязный колодезь? Гдѣ же вашимъ дѣткамъ гулять, какія для нихъ здѣсь развлечения? И потомъ вѣдь имъ Русскими надо быть. Увозите вы ихъ отсюда поскорѣе...

— Да, вы совсѣмъ правы, согласилась Евлалиі Павловна, — и я думаю уѣхать въ маломъ времени. Такъ больше нельзя для дѣтей... Я совсѣмъ не трудная, — je ne suis pas difficile, но тутъ, право, сама страдаю ностальжіей, такъ вѣдь можно сказать? Я не знаю, если я правильно сказала: я хотѣла сказать тоской... эдакою тоской...

— По родинѣ, подсказалъ я.

— Нѣтъ, по Парижу...

Графъ Landau, услыжавъ въ непонятномъ разговорѣ знакомое имя, качнулъ усамн.

— Paris est la capitale du monde, безстрастно промолвилъ онъ, — on ne se lasse pas d'y jouir de la vie.

Авдотья Панкратьевна, узнавъ о ностальжіи Евлалиі Павловны, ничего не сказала, только косточка въ ея корсетѣ хрустнула на всю комнату, что Mme Ижица сочла за упрекъ въ отсутствіи патриотизма.

— Кто любитъ свое отечество, стремительно обратилась она ко мнѣ,—тотъ всюду носить его въ самомъ глубокомъ своего сердца. Я развѣ не люблю все что есть русское? Но для меня одинаково гдѣ, только чтобы это было настоящее русское.. Сегодня все у меня будетъ настоящее русское: и ёлка, и гаданье, и даже одинъ общій сюрпризъ. Вы придете?

Я отвѣчалъ что приду непременно.

— Смотрите, и она погрозила мнѣ пальцемъ,—русская поговорка говоритъ: обѣщать и держать дѣлаютъ два, или составлять два... т.-е. два совсѣмъ противоположные... Держите же то что вы обѣщали и приходите... Приходите въ черной краваткѣ, а вы, Авдотья Панкратьевна, въ подаятомъ платьѣ, robe montante, это дѣтскій вечеръ.

Я конечно догадался что рѣчь идетъ не о русской поговоркѣ, а о французской: *promettre et tenir font deux*, и что подъ „краваткой“ слѣдуетъ разумѣть не постель, а галстукъ, *savate*, но когда я открылъ ротъ чтобы поблагодарить за столь любезное приглашеніе, разговоръ уже шелъ о Жоржъ-Сандѣ и о любви, въ связи съ женскою эманципаціей.

— Я почитательница Жоржъ-Санда, говорила хозяйка,—напримѣръ *Lucrecia Floriani* это сама натура... Мы не можемъ, намъ нельзя противъ природы. Разумѣется, я женщина женатая (Еввалія Павловна хотѣла сказать „замужняя“), я только вдова изъ сѣна, или какъ это говорится? вдова изъ соломы, и я не могу допустить *infidélité* въ практикѣ, а только въ душѣ...

Мне Ширяева, не читавшая *Луcreции Флоріани*, полюбостествовала узнать какая это такая у ней натура противъ которой нельзя. Я вкратцѣ изложилъ содержаніе романа.

— Высѣчь ее слѣдовало бы! рѣшила Авдотья Панкратьевна, оторвавшись на мигъ отъ винныхъ ягодъ и изюму чтобы сверкнуть взглядомъ по направленію къ почитательницѣ Жоржъ-Санда, — высѣчь и сослать въ монастырь на покойе.

Красная обложка какой-то эфемерной повѣсти, лежавшей возлѣ на этажеркѣ, еще болѣе покраснѣла отъ стыда, и цѣлая буря негодованья поднялась въ бумажныхъ украшеніяхъ разсыпанныхъ по столамъ и кресламъ, все затрепетало и задрожало какъ отъ землетрясенія или какъ здѣсь бываетъ когда проѣдетъ по улицѣ карета, дорою весь домъ

звенить и дребежжить, такова прочность константинопольскихъ построекъ.

— Une vraie Mégère, шепнула Mme Ижица графу и затѣмъ обратилась ко мнѣ.

— Ну, а ваше мнѣніе?

Свое мнѣніе я выразилъ въ болѣе мягкой формѣ чѣмъ Mme Ширева.

— Какъ, и вы на меня нападаете? обворожительно капризнымъ тономъ воскликнула хозяйка.—Вы злои! Но судьба протектируетъ олриминованнымъ, она васъ накажетъ и вы выйдете замужь за межеу... Вотъ вамъ! Вы получите что заслуживаете.

И наскоро дописавъ послѣдніе билетки, она подыалась со своей chaise longue: пора было убирать ёлку.

— Il ne faut pas se laisser aller à la papesse, промолвилъ графъ, уводя хозяйку въ залу, куда вслѣдъ за нами слуги перенесли на серебряныхъ подносахъ горы золоченаго хлама и всякихъ ёлочныхъ бездѣлушекъ.

Посреди обширнаго покоя стояла привезенная со склоновъ азіатскаго Олимпа сосна, такая невзрачная и корявая что я недоумѣвалъ какъ она можетъ способствовать развитію чьего-либо вкуса. Вокругъ на паркети громоздились дубовые дрова, слетались можжевеловыя и лавровыя вѣтви, а гирлянды люща какъ змѣи ползли въ разныя стороны. Я было спросилъ Евлалію Павловну, для какого употребленія все это назначается, но она велѣла мнѣ молчать и слушаться. По ея приказу мы сначала прикрѣпили нѣсколько вѣтокъ къ вершинѣ дерева и сосна стала похожа на низкорослую пальму: потомъ отобравъ съ десятокъ вѣтвей подлиннѣе, привязали ихъ въ видѣ хвоста у основанія, и пальма стала похожа на какого-то баснословнаго фазана; въ заключеніе притянули концы верхнихъ приставныхъ вѣтвей къ потолочному крюку какъ разъ надъ ёлкой (съ него была снята люстра). Накидали въ создавшуюся такимъ образомъ воздушную корзину цѣпей, флаговъ, финиковъ, лѣсныхъ орѣховъ (цѣпи и флаги скрылись отъ нашихъ взоровъ, а финики и орѣхи просыпались на полъ), одутали все плушемъ, и ёлка стала рѣшительно ни на что не похожа. Евлалія Павловна была очень довольна, но ей хотѣлось еще прицѣпить къ крюку горизонтальный обручъ, на которомъ висѣли бы амуры въ перемѣжку съ лощадками, а также припробивать къ стѣнамъ кругомъ всей залы оставшіяся вѣтки, украсивъ ихъ золотыми яблоками, и чтобы

все время вѣтки и обручъ сами собой качались. Только какъ это устроить? Устроить такой регретiuum mobile было мудро, и потому Евлалія Павловна рѣшила оставить свой проектъ „безъ появленія“.

Затѣмъ принялись увѣшивать ёлку. Разныхъ предметовъ убранства оказалось пропасть, дерево же несмотря на приставные верхушку и хвостъ все-таки въ общей сложности было невелико, и темная зелень его быстро исчезла подъ массой самыхъ пестрыхъ вещицъ, сластей, фруктовъ... ужъ было не на что цѣплять, свободной иглы не оставалось, а Евлалія Павловна все приказывала вѣшать. Черезъ часъ ёлка походила на тѣ коробочки сплошь выложенныя разноцвѣтными ракушками какія продаются въ южныхъ приморскихъ городахъ.

Внизу вокругъ ствола — все по велѣніямъ Евлаліи Павловны — мы набросали дровъ, увиди ихъ лапцемъ, переложили ватой и присылали крулкою бѣлою солью. Вата и соль такъ удачно изображали снѣгъ и иней что отъ дровяной кучи вѣяло крещенскими морозами, и Мше Ижица чувствовала какъ въ комнатѣ становится все холоднѣе и холоднѣе.

Евлалія Павловна своими руками ничего не дѣлала. Стоя въ нѣкоторомъ отдаленіи, она судила объ общемъ видѣ ёлки, указывала на несоотвѣтствіе цвѣтовъ, на угловатыя очертанія какого-нибудь лаяца, заставляла перевѣсить неумѣстную грушу или приговаривала къ совершенному изгнанію черезъ чуръ алаяловатую бонбоньерку. Такъ серьезно относилась она къ задачѣ воспитанія — къ развитію вкуса въ своихъ крошкахъ что вчужѣ было умилительно. Графъ красиво помогалъ ей взбираться, чтобы лучше видѣть, на столѣ и затѣмъ ловко снималъ ее со стола... Она была очаровательна, эта молодая мать вся отдававшая исполненію своего материнскаго долга.

Появленіе высокой какъ тополь, слегка волнообразной Англичанки съ краснымъ лицомъ прервало наши занятія. Почти-тѣльно остановившись у дверей она точно изъ книжки прочла длинную-преддлинную фразу, гдѣ часто повторялось слово „та'ам“ и которая значила что дѣти уже готовы, то-есть умыты, одѣты и подвиты, о чемъ она и доводитъ до свѣдѣнія на случай если та'ам пожелала бы на нихъ взглянуть.

— Они хорошенькія? спросила по-англійски Евлалія Павловна. Англійское произношеніе ея было чистокровное.

— О yes та'ам! отвѣчала гувернантка.

— Такъ приведите... Впрочемъ вѣтъ, Miss Logy, не надо; я все равно ихъ вечеромъ увижу, а теперь мнѣ самой пора одѣваться.

Пробило половина шестаго; съѣздъ на елку былъ назначенъ въ восемь,—слѣдовательно на одѣваніе у Евлаіи Павловны оставалось всего 2¹/₂ часа.

— У меня спина болитъ, ноги болятъ, я вся болю, пожаловалась она, протягивая мнѣ правую, а графу лѣвую руку; мы одновременно поцѣловали ихъ... И лишь теперь, когда обязанности матери были ею свято исполнены, Мме Ижда бросила намъ на прощаньи по взгляду въ которомъ сквозила известная доля кокетства. Она-таки не могла противъ ватуры.

Въ началѣ девятаго, два гамала, шлепая по лужамъ, несли меня въ *седы* глухими переулками столицы. Константинопольская седія (паланкинъ) похожа съ виду на маленькій каретный кузовъ, только суженный и растянутый въ вышину,—похожа пожалуй и на короткій гробъ поставленный стоямя; въ верхней части спереди и по сторонамъ какъ въ каретѣ имѣются стекла; съ боковъ кузова на половинѣ его высоты прицѣплены желѣзные скобки куда вѣшаются прямыя, довольно длинныя оглобли, которыя какъ впереди такъ и назадъ выступаютъ одинаково; дверь находится спереди; при посадкѣ пассажира одну изъ оглобель отодвигаютъ назадъ. Умѣстивъ васъ и прикуловивъ дверь, гамалы, одинъ спереди, другой сзади, нацѣпляютъ на концы оглобель толстые гужи перекинутые у нихъ чрезъ шею, берутъ оглобли въ руки и скорымъ шагомъ, нога въ ногу, уносятъ васъ къ неизвѣстнымъ опредѣленіямъ судьбы. Походка у нихъ совѣтъ особенная, чрезвычайно быстрая, размашистая, собственно не тряская: стараются они идти какъ можно ровнѣе и плавнѣе. Гѣмъ не менѣе въ седіи такъ же велокоино какъ на верблюдѣ. Колыханья ея занимаютъ средину между морскою качкой и лодкыдываніемъ лошадиной рыси. При каждомъ шагѣ носильщиковъ все внутри у васъ взбалтывается какъ въ неполномъ мѣхѣ,—взбалтывается и въ животѣ, и въ груди, и въ черелѣ; тошнить не тошнить, а что-то неладно: уши горять, мутится въ глазахъ, въ умѣ же совершенное помраченіе. Держись за оконные ремни, хотя это ни къ чему не ведетъ, и слѣдишь какъ узникъ изъ темницы за уличною суматохой... Наружи въ полномъ разгарѣ борьба за существованіе, но тамъ всѣ свободны, всѣ равноправны, всякій пользуется возможностью

самозащиты; вы одни безпомощны какъ безоружный воинъ, увлеченный коломъ въ самый лылъ битвы: вотъ чей-то локоть грозитъ продавить стекло, вотъ близко, близко налѣзаетъ фонарный столбъ, вотъ дышло съ двумя лошадиными мордами собирается проикнуть въ ваше одиночество,—ко всему надо относиться съ элическимъ самообладаніемъ, сидѣть мѣшкомъ и не двигаться если же сторониться или жаться, то подвергаетесь лишь лучшей опасности: гамалы теряютъ равновѣсіе, и седя идетъ криво, бокомъ, точно чрезъ мѣру нагруженная лошадь у которой вьюкъ свернулся на сторону. Слабоверныя особы, во избѣжаніе невольныхъ движеній, задергиваютъ себя отъ міра желтыми шторками (шторки всегда бываютъ желтыя). То же впрочемъ дѣлаютъ и люди солидные, предпочитающіе другимъ родамъ смерти безусловно неожиданную.

Однако на дѣлѣ несчастій съ лаланкинами никогда не происходитъ. Былъ одинъ случай тому нѣсколько лѣтъ, но окончился онъ благополучно. У лаланкина въ которомъ несли премилую старушку внезапно провалилось дно. Она успѣла впрочемъ удержаться за ремни, только ноги ея просунулись. Гамалы ничего не замѣтили и продолжали себѣ шагать. Чтобы не исколѣчиться старушка должна была, оставаясь внутри лаланкина, бѣжать по мостовой съ такою же быстротою какъ они. Носильщики остановились только тогда когда доставили свою жертву къ мѣсту—доставили разумѣется въ жалкомъ состояніи: полумертвую отъ страха и въ грязи по колѣна. Я понимаю что онѣмѣвъ отъ ужаса она не могла крикнуть имъ „стой!“ но какъ не протестовали прохожіе видя у седя вмѣсто двухъ паръ три пары ногъ, этого я рѣшительно не пойму.

Въ седя какъ всегда мнѣ было не по себѣ. На дворѣ стояла сырая, холодная ночь, ни звѣздъ на небѣ, ни фонарей на улицахъ не зажигали, и въ тѣснотѣ и во мракѣ мнѣ казалось что я ѣду на собственные похороны. Рядомъ плыли другіе гробы; неизвѣстные покойники провожали меня до послѣдняго жилища. Но вотъ забрезжилъ свѣтъ, сперва слабый, потомъ все ярче, ярче, и тутъ не смотря на обычное умопомраченіе, я сообразилъ что сегодня меня уже не заколаютъ: гамалы вошли въ обширныя сѣни съ колоннами. Однако все-таки мысли мои были очень смутны. Сквозь залотѣвшія стекла лаланкина я видѣлъ швейцара обнимающаго даму и

множество людей повѣсившихся веревницей вдоль стѣны; другіе люди только что вылезли изъ гробовъ, подходили къ стѣнѣ и соблюдая извѣстную очередь и порядокъ вѣшались тутъ же на моихъ глазахъ. Когда поставивъ седію на полъ, вытащивъ оглоблю и отворивъ дверцу, мосильщики выпустили меня на волю для новой жизни, швейцаръ пересталъ обнимать даму и только снималъ съ нея бурнусъ, а на вѣшалкѣ вмѣсто людей висѣли уже одни лустыя пальто; воскресшіе покойники уходили на верхъ по широкой мраморной лѣстницѣ, устланной смирскимъ ковромъ, въ которомъ какъ во мху по щиколку тонули ноги.

На дѣтскій вечеръ собралось уже много народу всѣхъ національностей—много накрахмаленныхъ и выглаженныхъ господъ въ бѣлыхъ галстукахъ, много дѣвицъ и дамъ декольте... Въ черной „краваткѣ“ былъ я одинъ, такъ же какъ Авдотья Панкратьевна была одна въ „поднятомъ платьѣ“. Держась гдѣ потемнѣе и побезлюднѣе, вполголоса бесѣдовали между собой тузы дипломатическаго корпуса. Въ сторонѣ отъ нихъ, обмахиваясь кляками, секретари посольствъ изъ вѣжливости разговаривали громко. Два восточные министра, вѣрно давно не видавшіеся, съ фарфоровою улыбкой на устахъ безостановочно, подобно китайскимъ болванчикамъ, кивали другъ другу головой. Артисты-любители, мужъ и жена, съ худо скрываемымъ нетерпѣніемъ косились на фортепиано и на ащикъ съ виолончелью. Русскій туристъ изъ гвардейцевъ, очень юный, едва вылученный изъ военноучебнаго заведенія, краснѣя до ушей кланялся дамамъ которымъ его представляли и самодовольно улыбался мысля что онъ одинъ безъ родителей завѣхалъ въ такую даль. Поближе къ дверямъ стояли тѣ молчаливые, безукоризненно одѣтые молодые Греконы, въ физиономіи которыхъ всегда находишь что-то знакомое, точно у нихъ когда-то стригся, брился, заказывалъ платье или сапоги. Дѣвицы были различныя, и такія которыя цѣлуютъ своихъ подругъ не иначе какъ съ разбѣгу, олазя по дорогѣ взглядомъ неосторожныя мужскія сердца, и такія которыя, получивъ воспитанье по англійскимъ романамъ, какъ они, приличны и скучны; были отроковицы съ красными еще кистями рукъ, широко открытымъ взоромъ, чисто-сердечнымъ смѣхомъ изъ-за всякой пошлости и внутреннею дрожью восторга отъ наплыва молодыхъ и свѣжихъ впечатлѣній: все имъ казалось прекраснымъ, возвышеннымъ и

главное удивительно умнымъ; были дѣвушки для коихъ свѣтъ давно уже не являетъ ничего новаго и которыя съ тайнымъ упрекомъ, не то съ состраданіемъ смотрятъ на дремлющую въ уголку маменьку, какъ будто желая сказать: „голубушка, вѣдь я умоляла васъ не ѣхать!“ Это изъ всѣхъ барышень самыя милыя. А сколько было дамъ!.. Но кто ихъ оlishеть, кто разберется въ складкахъ, оборкахъ и прошивкахъ ихъ душъ и нарядовъ?

Впрочемъ для меня въ Константинополѣ существуетъ всего одна дама,—красавица Mme Цѣуберинъ. Я не знаю ни исторіи ея, ни характера, знаю только что мужа, за котораго вышла въ 17 лѣтъ, по минутному увлеченію, она больше не любитъ, хотя и продолжаетъ пользоваться имъ какъ вещью: когда идетъ лѣшкомъ въ гости, опирается на его руку и оставляетъ въ передней вмѣстѣ съ калошами... Правда, калоши остаются, а мужъ идетъ за нею, но и въ гостиной онъ играетъ самую бездѣльную роль—обыкновенная роль сулруга хорошенькой женщины. Mme Цѣуберинъ, много, 24 года. Дѣвственно стройная и миловидная, она не походитъ на замужнюю женщину; это простодушная дѣвушка, исполненная невинной прелести, Гётевская Гретхенъ,—съ великолѣпными брилліантами въ ушахъ и на шеѣ. Помню я балъ на которомъ увидалъ ее въ первый разъ. Вся въ бѣломъ, съ легкимъ какъ лухъ шлейфомъ, съ чайными розами въ пелельныхъ волосахъ, она сіяла какъ первый свѣтъ, какъ весеннее солнце... Меня назвали ей; я поклонился такъ низко-низко какъ не случалось мнѣ еще сгибаться предъ сильными міра, какъ поклоняются развѣ богинямъ, и въ лицо мнѣ пахнулъ залахъ духовъ new town hay. Она взяла меня подъ руку, заглянула своими большими сѣрыми глазами въ мои глаза, точно прочесть что-то старалась, и потомъ мы во весь вечеръ не отошли другъ отъ друга. Мнѣ было ясно что она сама не хочетъ со мною разстаться, хочетъ видѣть одного меня, говорить со мною однимъ. Сидимъ ли мы въ амбразурѣ окна, а предъ нами толпится молодежь предлагая ей конфетъ и фруктовъ, приглашая на вальсъ—она благодаритъ небрежными кивками: ей запрещено танцовать, конфетъ она не любитъ... „Продолжайте, я васъ слушаю“, обратится она ко мнѣ (а я ей ничего не говорилъ)—и насъ оставятъ въ покоѣ, мы сидимъ рядомъ какъ царь и царица, полуприкрытые тяжелыми занавѣсами. Заговорить ли съ ней дама, когда мы безъ цѣли бродимъ взадъ и впередъ, она

оставовится, вѣжливо отвѣтитъ ей, но не выпуститъ моей руки, и чрезъ минуту мы опять одни въ бальномъ многолюдствѣ. Обступать ли ее послы и сылаютъ самыя тонкія комплименты,—она шелчетъ мнѣ въ ухо: „Je n'aime pas les ambassadeurs, c'est si gênant,“ — и вдругъ перебѣтъ котораго-нибудь на самомъ интересномъ мѣстѣ, когда еще все оказанное представляется челухой, когда еще не выпущено послѣднее слово, имѣющее фейерверкомъ освѣтить мадригалъ и вызвать наградную улыбку на устахъ волшебницы: „Allons faire encore un tour“, скажетъ она, и послы галамтерейно расступаются предъ нами, а она еще лотыше обхватитъ мой локоть, придвинется ко мнѣ гордая и прямая какъ кипарисъ и снова заглядываетъ въ глаза. При подобномъ ея движеніи, я испытываю странное, ни съ чѣмъ не сообразное чувство: точно меня съ головой окунула въ какое-то душистое масло, сердце замереть на мгновение, захватить духъ,—и жутко, и невыразимо сладко. Такъ близко сквозь кисею блеснуть ея цѣломудренныя плечи, сверкающее лицо такъ ослѣпительно хорошо, такъ глубоко и вѣжливъ взоръ что смущенный невольно отступалъ назадъ. Боишься ли своимъ дыханіемъ заляпнать это чистое видѣніе или самъ инстинктивно спасаешься отъ гибели? ибо если въ продолженіе одной только секунды не пошевеливаться, не страхнуть съ себя мучительно-сладкаго оцѣпленія, смотрѣть въ ея глаза вѣжливъ воззающіеся въ душу, чувствовать теплоту тѣла богини, — безвозвратно пропасть человекъ, нѣтъ у него ни прошедшаго, ни будущаго, ни родныхъ, ни друзей, ни ума, ни разума... Въ продолженіе трехъ дней послѣ бала я былъ недалеко отъ такого состоянія. Я былъ увѣренъ что она меня любитъ; всякія сомнѣнія безслѣдно растаяли какъ въ майскій полдень таютъ облака, и мечты мои улетѣли въ небо. Бывало вечеромъ, когда стихнетъ огромная столица и только порою доносится лай собаки, или муха, опаливъ крылья, жалобно звенитъ о розетку, мою комнату посѣщаетъ милый призракъ, я улываюсь переливами его серебрянаго голоса, взглядомъ большихъ сѣрыхъ глазъ и тону съ головой въ морѣ душистаго масла... Съ нетерпѣніемъ ждалъ я чтобы сонъ свершился наяву. И я опять увидалъ ее. Но къ несчастью въ этотъ вечеръ она вся принадлежала какому-то румяному Нѣмцу,—мнѣ же отдала только букетъ на храненіе! Я нѣсколько часовъ къ ряду бережно какъ ребенка на крестинахъ продержалъ

букетъ около сердца, утѣшаясь мыслию что Нѣмецъ, вѣроятно, близкій родственникъ. Однако и на слѣдующій вечеръ Мше Цауберинъ не обращала на меня никакого вниманія, даже вовсе не видѣла, точно я сталъ прозраченъ какъ хрусталь... А я-то на свое горе видѣлъ ее, прекрасно видѣлъ... рядомъ съ великолѣпнымъ Испанцемъ, въ угольномъ взглядѣ котораго уже пламенила андалузская страсть. Они не отходили другъ отъ друга, танцовали, смѣялись, гуляли по заламъ, сидѣли парами въ амбразурахъ оконъ... И съ той поры на всякомъ балу я встрѣчаю Мше Цауберинъ подъ руку съ новымъ мужчиной которому она безраздѣльно отдается на весь вечеръ. Прошлые кавалеры—калифы на часъ—забыты и отвергнуты, не исключая и близкаго родственника; въ ихъ взглядѣ она ничего не прочла—она ихъ не видитъ и не знаетъ; развѣ предъ уходомъ пошлетъ того или другаго привести самаго перваго изъ ея калифовъ, супруга, который добродушно наблюдаетъ изъ уголка за прелестнымъ своимъ Диогеномъ, Диогеномъ съ открытою шеей и въ бриллиантахъ—въ поискахъ за человѣкомъ... Со мной она больше не разговаривала, лишь однажды, любовно прижимаясь къ локтю длиннаго, заживо высохшаго Грека и глядя сквозь меня какъ сквозь стекло въ леструю толпу, небрежно сказала, точно ненужную вещь уронила: „voulez-vous bien me laisser tranquille, vous m'ennuyez!“ И это—когда я клялся ей что она соткана изъ эфира, что она сияетъ какъ весеннее солнце и зимній свѣтъ... Послѣ того я и самъ пересталъ къ ней обращаться, но и до сихъ поръ издалека люблюсь ею, мысленно цѣлуя край ея одеждъ. А какъ поглощаетъ меня вопросъ, на кого *сегодня* падетъ ея выборъ, будетъ ли онъ блондинъ или брюнетъ, толстъ или худъ, женатъ или холостъ? И теперь на дѣтскомъ вечерѣ, учуявъ сердцемъ ея присутствіе—отчасти по запаху new town hay—я старался угадать, кто *она*, и нехотя смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ, колебаясь въ воздухѣ, шелестѣли и лепетали вѣтра всевозможныхъ покрововъ и размѣра, вѣтра изъ слоновой кости, изъ перьевъ, изъ листьевъ, вѣтра изъ хлопчатой бумаги, японскіе вѣтра изъ англійскаго пластыря и другіе. Она сидѣла рядомъ съ графомъ Landau и, читая въ его глазахъ, говорила ему нѣжныя рѣчи, а онъ слушалъ и важно поводилъ раздушеными усами.

На дѣтскомъ вечерѣ тѣснилось много народу, — не видать было только дѣтей (ихъ въ ожиданіи еяки поили шоколатомъ

„въ одной изъ комнатъ посекретнѣй“, гдѣ кругомъ большаго стола, одѣланнаго ожерельемъ дѣтскихъ головокъ, съ разными чашками и бисквитами, легкими тѣстами рѣзали гувернантки); не видать было дѣтей, да сама хозяйка еще не появлялась; она не успѣла окончить туалета. Гости бесѣдовали о любительскомъ концертѣ на позавтраканной недѣлѣ, о неудобствахъ константинопольской жизни, объ отсутствіи тротуаровъ, о собакахъ, о грязи, объ измѣнчивости погоды, о южномъ вѣтрѣ, словомъ обо всемъ томъ что всякому надоѣло до смерти, но о чемъ можно было говорить безъ малѣйшаго напряженія мысли,—и всѣ, кромѣ Авдотьи Панкратьевны, чувствовали себя свободно какъ рыбы въ морѣ.

Когда Мше Ижица вошла, общество потоками хлынуло къ ней навстрѣчу. Она была въ атласномъ платьѣ, необыкновенно простомъ и изящномъ, цвѣта парижскихъ сливокъ, какое-то удивительное кружево,—все въ ладонь величиной,—граціозно какъ ночная бабочка сѣло ей на гладко причесанные волосы, и только. Обойдя по очереди дамъ, она подозвала меня.

— Это русская *dentelle*, сказала она, наклонивъ головку и дотронувшись до кружева сливочнымъ же вѣеромъ,—*se n'est qu'un petit rien*, но все-таки настоящее русское; помните, я обѣщала что все будетъ русское.

Я подивился на эту трялочку, прищипливавшуюся и перекладывавшуюся въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ и теперь готовую упорхнуть въ пространство. Однажды я видѣлъ въ прическѣ Евламіи Павловны цвѣтокъ, который казалось самъ по себѣ вмѣстѣ съ волосами выросъ изъ ея головы.

— И чай русскій, промолвила она, остановивъ челоуѣка съ подносомъ,—я привезла изъ Парижа, отъ Корещенки. Я люблю чай съ много, много рому и съ мало, мало сахару. Однако рому изъ граненаго флакона отлила себѣ только одну калю.

— Видите, и гость совсѣмъ русскій, шепнула молодая женщина, указывая взглядомъ на приближавшагося туриста, котораго она вообразила почему-то драгуномъ и называла „офицеромъ драконовъ“ (*officier de dragons*). Она привѣтствовала его упрекомъ что на вечеръ къ ней онъ явился во фракѣ, а не въ красивой парадной формѣ. Туристъ смѣло пристукинулъ каблуками, какъ будто на нихъ были шпоры, но когда сзади ничего не звякнуло, немного смутился: право, ему совѣстно... Онъ очень сожалѣеть... Онъ взялъ за границу парадную форму второй нумеръ, а второй нумеръ у него сбоку весь въ лятнахъ.

Хозяйка спросила, видѣлъ ли онъ базаръ, дворцы, былъ ли въ Св. Софіи... Туристъ отвѣчалъ что пока успѣлъ побывать только въ двухъ *cafés chantants* и что ему не столько хочется попасть въ Св. Софію, сколько въ гаремъ—конечно только такъ, посмотреть... Но Евлаалія Павловна уже не слушала. Ей надо было что-то узнать у русскаго секретаря имѣвшаго обыкновеніе ее передразнивать; она предпочитала говорить съ нимъ по-французски, но кругомъ стояли иностранцы, а предметъ былъ довѣрительный.

— Завтра я звана обѣдать въ англійское посольство, начала она,—имѣйте же обязательность сдѣлать мнѣ знать...

— Въ какомъ часу кладутъ себя тамъ за столъ? договорилъ за нее секретарь.

Мше Ижица надула губки:

— Это вы кажется олять мокируетесь надо мной?

— Ничуть: я какъ и вы перевожу дословно съ французскаго, иначе вы пожалуй не поняли бы. И онъ вставилъ въ глазъ вывалившееся стеклышко.

— Не раздражайте меня вашею лорнеткой! капризно воскликнула она,—я имѣю зубъ противъ васъ; я буду на васъ пожаловаться вашей женѣ; я уже давно была рѣшена это сдѣлать.

— Но объясните, если это вамъ нравится, за что вы взяли муху, за что взлѣзли на своихъ большихъ лошадей. Я прошу граціи; не толкайте меня къ концу, не то я сюсюцируюсь.

— *Vous devenez de plus en plus méchant*, вы повертываете ко зау.

— Нѣтъ, позвольте! Вытащимъ сперва на свѣтлое, положимъ этотъ вопросъ на коверъ и будемъ играть карту на столѣ.

— Однако вы сегодня въ жилѣ, *en veine*; вы столько много говорите глупостей.

Разговоръ этотъ, къ сожалѣнію прерванный лакеемъ вошедшимъ доложить что елка зажжена, въ высшей степени забавлялъ меня. Но въ корсажѣ Авдотьи Павловны открылась настоящая перестрѣлка.

— Не ему бы насмѣхаться, негодовала она.—Въ немъ самомъ русскаго остались однѣ перчатки которыя онъ изъ экономіи заказываетъ въ Варшавѣ.

Въ залѣ, куда со взаимными извиненіями тѣснясь перекочевали гости, совершалось обычное рождественское празднество.

Елка сіяла. Маленькія парафиновыя свѣчи всѣхъ цвѣтовъ радуги горѣли изо всѣхъ силъ, поджигая отъ усердія бумажныя розы и георгины. Бомбоньерки, солонки, свѣти, флаги открыли блестящій раутъ и чинно бесѣдовали между собой,—такъ по крайней мѣрѣ казалось дѣтямъ выпущеннымъ наконецъ изъ секретной комнаты. Орѣхи золотые и серебряные были особенно заняты куколками и въ знакъ вѣжливыхъ чувствъ щеголевато предъ ними раскачивались; а гордые куколочки повѣшанныя за шею плавно крутились то вправо, то влѣво, желая этимъ выразить презрѣніе ко всему окружающему; отъ взора ихъ афлёрдѣтѣтовыхъ глазокъ, которые подобно глазамъ madame Цауберинъ на все смотрѣли и ничего не видѣли, яблоки, изюмъ, вишныя ягоды и другія замарашки ушли въ самую чащу вѣтвей, куда и свѣчи не забрасывали своего луча.

Елку тотчасъ же осадили молодые люди: одни срывали для дамъ разныя лакомства, другіе соревнуя въ ловкости тушили гирлянды и трещавшія иголки. Малолѣтніе были отстранены и затерты. Впрочемъ madame Ширяева волновалась напрасно: „птичекъ Божіихъ“ гораздо болѣе занимали подарки. Дѣти греческаго происхожденія уже открыли ими мѣшковую торговлю. Дѣти французскаго происхожденія тщеславились и хвастались ими, вѣмецкія дѣти аккуратно завертывали ихъ въ бумагу и отдавали на храненіе родителямъ. Русскій мальчикъ лѣтъ пяти, сидя въ уголкѣ на стулѣ, видимо философствовалъ: „Слѣдующая елка будетъ черезъ годъ,“ разсуждалъ онъ про себя, „годъ—это очень долго, по крайней мѣрѣ миллионъ дней, но чтѣ же изъ того? Пускай съѣдятъ всѣ эти яблоки, апельсины, конфеты съ хлопучками, — игрушки вѣдь не съѣдятъ, игрушки будутъ существовать всегда: миллионъ дней, два миллиона дней, три миллиона дней...“ И очень довольный такимъ заключеніемъ онъ прижималъ къ груди свою лошадь, которой успѣлъ уже вырвать хвостъ и откусить голову.

Семилѣтній братъ философа, приписывавшій его задумчивость разочарованію и охлажденію къ жизни въ виду испорченной игрушки, утѣшалъ его косвеннымъ образомъ, щадя молодое самолюбіе:

— Я свою тачку уже подарилъ, сообщалъ онъ съ развязностью,—она по срединѣ долула, потому что колеса вывернулись, но мнѣ все равно: сегодня Рождество, завтра Новый

Годъ, послѣзавтра Масляница и блины, а потомъ опять елка.

Главные виновники торжества Ижицы получили самые художественные подарки: Магу чудесный вѣеръ со вѣяемымъ въ него зеркальцемъ, Léon, котораго Евлаіа Павловна называетъ своимъ „Бенжаменомъ“, леструю, раскрашенную колечками дудку съ удивительнымъ марьяжемъ цвѣтовъ. Магу обмахивалась вѣеромъ, порой охорашиваясь предъ зеркальцемъ, въ которомъ могла видѣть только кончикъ носа; Léon безъ передышки дулъ въ дудку, слишкомъ глупо засовывая ее въ ротъ и сильно мусая, вслѣдствіе чего марьяжъ цвѣтовъ мало-по-малу переходилъ на губы и на щеки; на роскошное дерево они не обращали вниманія, и маѣ поневоля захотѣлось провѣрить, дѣйствительно ли оно послужило для нихъ урокомъ эстетики. Сначала подошелъ я къ Магу и, удивившись вслухъ ея шелковому абрикосовому поясу, спросилъ, какъ ей повинулась елка?

— Никада! отвѣчала она. Изъ чего я заключилъ что моя собесѣдница по-русски не понимаетъ. И въ самомъ дѣлѣ Магу знала только четыре русскія слова: „никада“, „карато“, „клябъ-вино-кушить“ и „грасаца“ (вѣроятно *красавица*), которымъ научила ее *miss Logu*, проживавшая до поступления къ Ижицамъ лѣтъ девять въ Тамбовѣ. Когда я перевелъ свой вопросъ на французскій языкъ, Магу отвѣтила мнѣ по-англійски что ей на елкѣ нравится все что не слишкомъ сладко, потому что отъ сладкаго у нея болятъ зубы.

Потомъ я по звуку дудки разыскалъ бродячаго Léon, взялъ его къ себѣ на колѣни и заговорилъ съ нимъ о красотахъ елки, но онъ, не вынимая изо рта своего орудія попытки, медлительно-упорно высвободился изъ моихъ рукъ и мрачно дудя исчезъ среди ногъ многочисленныхъ гостей.

Урокъ эстетики очевидно пропалъ даромъ.

— Теперь гадаешь! возвѣстила хозяйка, когда елка нагрѣла „морозную“ комнату до 20 градусовъ тепла (отчего впрочемъ снѣгъ и иней на дровахъ не растаяли) и наполнила ее смрадомъ гнѣющихъ вѣтвей. Все двинулось въ большую переднюю или пріемную, глядѣвшую тремя стеклянными дверями на мраморную лѣстницу. Молодые люди со слящениными подъ мышкой шапками, осклабясь, шагали черезъ дамскіе шлейфы. Дѣти по мановенію Евлаіи Павловны куда-то исчезли.

— Какой же это дѣтскій вечеръ! ворчала Авдотья Пякратьевна.

Но Мме Ижица сказала что крошекъ вторично наполтъ шоколатомъ и что хотя вечеръ конечно дѣтскій, однако гаданіе будетъ только для большихъ.

Въ приемной слуга держалъ живаго лѣтуха, изъ приличія завернутаго какъ въ тогу въ салфетку; на столѣ стоялъ подносъ насыпанный овсомъ. Но Мме Ижица рѣшительно позабыла что надо было дѣлать съ лѣтухомъ. Всѣ съ любопытствомъ на него смотрѣли. Мме Цѣуберинъ погладила его и, близко придвинувшись къ графу Landau, сказала своимъ серебрястымъ голосомъ:

— *Quel bel oiseau! J'aime tout ce qui est beau.*

— *Et moi aussi!* воскликнула дѣвица изъ тѣхъ что съ разбѣгу цѣлуютъ подругъ.

— *On ne se laisse jamais d'admirer, ce qui est beau,* выразился графъ,—*les beautés du Vosphore par exemple..*

— *Je crois que la pauvre bête a faim,* замѣтила барышня възжающая въ свѣтъ по настоянію своей матери.

Тогда одинъ изъ молодыхъ людей, ловко зажавъ лѣтуха въ ладони, началъ какъ молоткомъ стучать его клювомъ въ лодось. Но барышня открыла что это олтичекскій обманъ, что лѣтухъ хотя и стучитъ носомъ, однако ничего не ѣстъ. Надо было прибѣгнуть къ другому средству. Кто-то изъ дипломатовъ искусно раскрылъ птицѣ клювъ и сталъ всыпать туда зерно какъ мелкія конфеты въ бонбоньерку: лѣтухъ, давно сбросившій тогу, бился, кричалъ, точно его рѣжутъ, чихалъ и отряхивался. Потомъ за него привалясь и другіе молодые люди; носили его за лапы внизъ головой, носили за шею, подбрасывали на воздухъ и опять ловили... Всякій желалъ показать дамамъ что не боится лѣтуха, хотя лѣтухъ былъ огромный и къ тому же оглушительно хлопталъ, хлопая крыльями. Подъ конецъ онъ вырвался и скрылся въ углу въ горкѣ растеній, гдѣ среди зеленого сумрака провелъ остальную часть вечера.

Перешли къ гаданію съ длинными билетиками, изготовленными во время дневнаго моего визита хозяйкой въ сотрудничествѣ съ графомъ Landau. Впрочемъ его билетки, писанные по-французски, Мме Ижица тогда же сжигала въ каминѣ: все должно было быть русское. Евлаія Павловна ломвила какъ гадаютъ съ билетиками. Они были надѣлены

надписью ввизъ по краямъ таза до половины наполненнаго водою и образовали горизонтальныя входящія лучи; гадающій, помѣшавъ воду пальцемъ, осторожно спускалъ на нее скорлупку грецкаго орѣха съ зажженнымъ парафиновымъ огаркомъ; покругившись немного лодочка приближалась къ берегу и поджигала какую-либо изъ бумажекъ—ее-то и надо было прочесть, снявъ и потушивъ вовремя. Но порой огарокъ, обрызганный водою, трещалъ, щелкалъ и гаснулъ не поджигая ни одного билетика; иногда же, напротивъ, зажигалъ ихъ по нѣскольку заразъ и притомъ такъ быстро что они наполовину сгорали. Вообще гаданіе не представляло особаго интереса, такъ какъ большая часть публички, не зная нашего языка, не могла оцѣнить изреченій Mme Ижицы. А занимательнаго въ нихъ было много: говорилось и о „сюксессѣ посреди женщинъ“, и объ „авантажахъ на бурсѣ“, и о какомъ-то „вioletковомъ букетѣ“. Авдотья Панкратьевна подошла надпись сдѣланную очевидно въ пылу нашего предвѣденнаго разговора: „добрый носить патрію въ самомъ глубокомъ своего сердца“. Въ мой огородъ тоже ползали камешки. Я сразу опалилъ нѣсколько бумажекъ; на одной стояло: „злой получить то которое онъ заслужилъ“, на другой— „вы выйдете за межеру“, на третьей... Но третью бумажку я покаместъ сунулъ въ жилетный карманъ, такъ какъ въ эту минуту хозяйка, услышавъ звуки музыки, быстро увлекла меня подъ руку въ залу.

— Теперь общій сюрпризъ, объявила она.

Въ залѣ было подметено, провѣтрено и накурено. Елка исчезла, и на крюкѣ къ которому Евлалія Павловна хотѣла прицѣпить обручъ съ амурами висѣла зажженная люстра.

„Общій сюрпризъ“ заключался въ томъ что Léon и Mary объявились танцовали „русскую“, которой научила ихъ все та же miss Logy. Это было не что иное какъ обыкновенная полька; различіе состояло въ томъ что лѣвая рука Léon и правая рука Mary вмѣсто того чтобы держаться другъ за дружку были непринужденно подняты и согнуты надъ головой.

— А музыка? узнаете „русскую“? говорила Mme Ижица,— я еще ребенкомъ слышала это въ Петербургѣ. Miss Logy просила талера: онъ и кадрили будетъ сыграть изъ русскихъ вѣровъ.

Музыку я узналъ; слышалъ я ее тоже въ Петербургѣ,

именно въ театрѣ Буффъ. Талеръ, безучастно глѣдѣвшій на знакомую толпу, выводилъ:

J'frotte et j'frotte et allons donc
Il y'a tant d'monde à la maison!...

И чудилось, самыя слова разбитвой лѣсенки выгѣваются фортепианами.

Léon и Mary все кружились. Зрители были въ восторгѣ:

— Quelle bijoux d'enfants! Quelle amour d'enfants! Quelle adorable danse! раздавалось отовсюду. Одна Авдотья Панкратьевна по обыкновенію негодовала.

— Это по-вашему русская? кипятилась она подступая къ Евлааліи Павловнѣ,—и этому-то безстыдству вы учите нашихъ дѣтей!? Такъ я же вамъ покажу какъ пляшутъ „русскую“: смотрите...

— Пожалуста, обратилась она ко мнѣ,—садьте за фортепиано.

Мне Ширяева уже взяла въ руку носовой платокъ, но Евлаалія Павловна запретила мнѣ играть, а Авдотью Панкратьевну попросила не танцовать при дѣтяхъ „настоящей русской“, и даже на всякій случай отвела въ сторону Mary и Léon, причемъ послѣднюю поцѣловала въ лобъ.

— Желаю тебѣ, сказала она ему во всеуслышаніе, забывая что Бенжаминъ не знаетъ даже тѣхъ четырехъ тамбовскихъ словъ которымъ выучена его сестра,—желаю тебѣ быть одинъ свѣтскій, одинъ элегантнѣйшій, одинъ хорошаго вкуса мальчикъ и одинъ добрый патриотъ.

— Одинъ... одинъ... одинъ, считалъ секретарь,—сколько же всѣхъ вмѣстѣ?

Авдотья Панкратьевна была такъ возбуждена что врядъ ли отказалась бы отъ своего намѣренія плясать еслибы талеръ не заигралъ ригурнела кадрили, назначавшейся для дѣтей.

Люблю я дѣтскіе балы за границей, эти собранья расфранченыхъ обезьянокъ, которымъ маманьки, не принимая въ соображеніе ни пола ихъ ни возраста, нацѣпили юбокъ, лентъ, галстуконъ, бантовъ... Обезьянки настолько выдрессированы что во время танцевъ лохоятъ на заводящихся куколъ, сочетаванныхъ въ стройную кукольную комедію. Обезьянки моложе двухъ лѣтъ въ танцахъ не участвуютъ и если попадаютъ въ кадрили, то лишь по неразумію, какъ мотыльки

въ огонь. Куклы заведенныя во всю пружину спшибаютъ ихъ съ ногъ, потому что не могутъ остановиться прежде чѣмъ кончится музыка, и няньки какъ коршуны выхватываютъ лавшихъ изъ механическаго хоровода. Однако если хорошенько всмотрѣться, видишь что куклы—живыя, что онѣ кокетливо щурятся, улыбаются, грозятъ пальчикомъ, морщатъ лобъ; одна, желая показать какого она высокаго роста, держитъ свою даму не за талию, а за шею, другая, въ шотландскомъ костюмѣ, уронивъ свою визави въ локонахъ, старается ее поднять, впрочемъ безъ посторонней помощи не можетъ, оттого что подымаетъ не съ того конца—за ноги...

Но у Еваліи Павловны дѣтская кадрили длилась не долго: съ первой же фигуры большія обезьяны, въ усахъ или съ обнаженною шеей, жадныя въ Константинополѣ до всякихъ удовольствій, оттѣвели и оттолтали маленькихъ.

— Ишь вѣдь какъ скоро слохватились! кричала Авдотья Павкратьевна, стрѣлая косточками корсета.

— Этимъ маленькимъ ангеламъ давно лора дѣрочки, * возразила мимоходомъ Мте Ижица, становясь на мѣсто съ офицеромъ „драконовъ“.

Въ третьей фигурѣ дѣти вовсе исчезли: юные хозяева были уведены волнообразною Miss Logy, прочіихъ окутали розовыми и бѣлыми sorties de bal съ лебяжьей олушкой и развезли по домамъ. Въ кадрили остались одни взрослые: навстрѣчу длинной волны бархата, атласа и тюля шелъ заборъ черныхъ фраковъ, отступала назадъ, шелъ снова, кавалеры и дамы брались за руки, все слутывалось и раслутывалось...

Pif, paf! écoute bien

C'est le quadrille,

лѣло фортельяно, отчеканивая каждое слово.

Это былъ волшебный инструментъ: мало того что онъ лѣлъ какъ лѣвица, онъ еще при этомъ смѣялся какъ Мефистофель, смѣялся безъ толку и безъ разбору, отрицая все—доброе и злое, смѣшное и прекрасное... Смѣялся онъ надъ звѣздами и лентами савонниковъ, надъ мраморомъ женскихъ плечъ и блескомъ драгоценныхъ камней, надъ завистливыми взглядами и влюбленнымъ шушуканьемъ, надъ самодовольствомъ, чванствомъ и лустословіемъ всего этого сброда бездомныхъ скитальцевъ, стекшихся сюда за почестями или за

* Французское „бай-бай“, употребительное и въ Россіи.

наживой; осмѣивалъ онъ славочныя перчатки Мме Ижицы, удивительно охватывавшія ея руки и застегнутыя до локтей на всѣ двѣнадцать луговыхъ; насмѣхался онъ надъ усердіемъ туриста, который, дѣлая emboite, со вздохомъ ставилъ каблуками точки на паркетѣ,—положимъ парадная форма въ латахъ, но какъ бы звенѣли шпоры; подымалъ онъ насмѣхъ и Мме Цѣуберинъ, которая прочла наконецъ въ глазахъ графа то чего такъ долго и такъ напрасно искала. Душевные мытарства ея кончились; она потушила фонарь, она нашла человѣка, и теперь на балахъ будетъ всецѣло принадлежать ему одному...

Oui, c'est ma tacade,
Je le dis sans fard,

разносилось изъ-подъ пальцевъ талѣра по всѣмъ угламъ залы.

Все настоящіе русскіе зры, повторала Евлаіа Павловна.

— Однако какой у васъ хорошій выговоръ для иностранки, любезно замѣтилъ туристъ, полагавшій что Мме Ижица Левантинка, вышедшая замужъ за Русскаго.

— Comment для иностранки? воскликнула она, вся вслыхнувъ:—вы кажется тоже мокируетесь? Я кровавая Русская, мой паталый городъ—Москва!

Никѣмъ не замѣченный вышелъ я на лѣтницу мимо растеній, гдѣ въ одиночествѣ сидѣлъ лѣтухъ. Хотя на дѣтскомъ вечерѣ уже не было дѣтей, съѣздъ еще продолжался, и съ надворья въ обширныя сѣни вносились все новые лалакины. У вѣшалки столкнулся я съ Авдотьею Панкратьевной; она уходила съ бала взволнованная и разстроенная.

— Конечно! говорила она прерывающимся голосомъ,—ужаю съ первымъ же пароходомъ! Пускай мужъ, если хочетъ, одинъ за границей служить... Не могу я больше, душа у меня изболѣла, изныла; это не жизнь, а смерть какая-то, лустота необъятная... Невыносимы для меня эти иностранцы со всего свѣта! И отчего они такіе? Есть же между ними люди умные, люди съ душой... родины у нихъ у бѣдвыхъ нѣтъ,—вотъ что!—дома ее позабыли. Проживешь съ ними вѣсколько лѣтъ и пожалуй сама такая же станешь. Нѣтъ, довольно! Буду къ себѣ въ имѣнціе,—авось сведу концы съ концами: шей горшокъ, да самъ большой. Буду пахать и сѣять, садъ разводить; буду соловьевъ слушать, ландыши рвать; жить я хочу, дышать хочу! русской рѣчи мнѣ нужно, русскаго воздуха...

Она вся преобразилась, глаза ея чудно блестящи, и славный деревенскій румянецъ разлился по ея лицу. Невольно вспомнилъ я про Мегеру которую судила мнѣ въ жены Евладія Павловна, и быть-можетъ калельку пожалѣлъ что Авдотья Панкратьевна уже замужемъ: очень мнѣ захотѣлось рвать съ нею лавдыши и слушать соловьевъ...

По сдѣленію мыслей, вслѣдъ за Межерой пришелъ мнѣ на память лежавшій у меня въ карманѣ билетикъ съ гаданья; я развернулъ его и съ изумленіемъ прочелъ слѣдующія семь съ половиной словъ, писанныхъ неизвѣстною рукой: „Tu es divine! on ne se lasse jam...“ Остальное сгорѣло.

А сверху по широкой мраморной лѣстницѣ, вмѣстѣ съ залахомъ куреній и цвѣтовъ, водоладомъ неслись къ намъ разгульные звуки конца шестой фигуры: шарканье галоломъ множества ногъ, шорохъ женскихъ платьевъ, гулъ разговоровъ, шумные, но неясные возгласы распорядителя—„chaine à d'oite“, „balancez“, „g'and ond“,—и надо всѣми этими звуками господствовала бойкая, язвительная насмѣшка фортепіанъ, вытѣвавшихъ звонко, отчетливо, ускореннымъ ладомъ прилѣвъ французской шапсонетки:

Chuo, chico candò, batifòl et ribampène!
Chico, chico candò, batifòl et ribampòn!

Гамалы пригласили меня сѣсть обратно въ гробницу и быстро повесели хоронить. Я услѣлъ еще замѣтить въ сѣняхъ возлѣ длиннаго ряда повѣшенныхъ людей единственнаго живаго человѣка, Авдотью Панкратьевну, которую обнималъ деревянный швейцаръ,—а въ темной сырой улицѣ бокъ-о-бокъ со мной уже полдыли покойники въ такихъ же черныхъ гробахъ какъ и я: то мертвые хоронили мертваго.

М.

ЯРОСЛАВСКІЙ ДОМЪ ПРИЗРѢНІЯ БЛИЖНЯГО

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ВОСПИТАННИКА ПЯТИДЕСЯТЫХЪ
ГОДОВЪ.

Время въ которое мы живемъ трудное, горькое время. Всѣ чего-то ждуть, чего-то боятся, къ чему-то прислушиваются. А отъ чего все происходитъ? Отъ того что вѣра ослабѣла, уваженіе къ закону и его требованіямъ поколебалось, дисциплина страдаетъ. И все это произошло лишь въ послѣдніе годы, годы мнимаго либерализма и всяческихъ побрякѣкъ. А корень всего—воспитаніе. Вопросъ о воспитаніи столь сложенъ, столь разнообразенъ, что опредѣлить его, установить его въ какія-либо рамки, сдѣлать общимъ, нѣтъ возможности. Но основы воспитанія должны быть одинаковы: развитіе въ дѣтяхъ религіознаго чувства, преданности Царю и отечеству, стремленіе исполнять точно свои обязанности. Это направленіе должно быть во всѣхъ слояхъ общества внушаемо дѣтямъ, начиная съ того возраста когда ребенокъ дѣлается способнымъ понимать, затѣмъ усиливаться по мѣрѣ развитія ребенка и непрерывно сопровождать его до того времени когда ребенокъ самъ сдѣлается человекомъ, членомъ общества. Такое направленіе должно быть организовано съ особеннымъ тщаніемъ въ общественныхъ учебно-воспитательныхъ заведеніяхъ.

Двадцать, двадцать пять лѣтъ назадъ воспитаніе при всѣхъ его недостаткахъ въ основѣ было правильнѣе чѣмъ теперь, и это мы можемъ подтвердить фактами. Съ этою-то цѣлю мы и желаемъ подѣлиться съ читателями воспоминаніями о мѣстѣ своего воспитанія.

Но прежде чѣмъ приступить къ описанію того заведенія которое называется „Ярославскій Домъ Призрѣнія Ближняго“, считаемъ не лишнимъ сдѣлать нѣсколько предварительныхъ замѣчаній.

Вспомнимъ, какъ въ прежніе годы учили чтенію. Читать учили въ нѣкоторыхъ деревняхъ и въ низшемъ слое городскаго общества по церковнымъ книгамъ: по Часослову или Псалтырю. При этомъ учившій или учившая читать знали на память послѣдовательно все находящееся въ этихъ книгахъ. Вслѣдствіе такого знанія учившіе во время обученія производили какія-нибудь ручныя работы и тотчасъ исправляли ошибки читающаго возлѣ нихъ ученика.

При обученіи чтенію *гражданской печати* въ большомъ употребленіи былъ такъ-называемый *Букварь*, издаанный, точно не припомнимъ, или Святѣйшимъ Синодомъ, или Департаментомъ Народнаго Просвѣщенія. Букварь этотъ содержалъ въ себѣ азбуки: гражданскую и церковную, затѣмъ *склады*, послѣдовательно усложнявшіеся, потомъ цѣлыя изреченія и наконецъ молитвы и заповѣди. Помню, съ какимъ нетерпѣніемъ каждый учившійся чтенію ожидалъ окончанія складовъ чтобы перейти къ чтенію изреченій. Эти изреченія начинались такъ:

„Уловай на Бога и люби Его всѣмъ сердцемъ. Кто боится Бога и честно поступаетъ, тотъ не страшится ничего.“

И такихъ изреченій было нѣсколько десятковъ. Изреченія эти каждый учащійся не только разбиралъ, но и зналъ наизусть. Изреченія эти глубоко врѣзывались въ памяти и часто повторялись при нѣкоторыхъ случаяхъ дѣтской жизни.

Первое чтеніе составляетъ одинъ изъ важныхъ моментовъ жизни, и здѣсь ребенокъ получалъ такія наставленія которыя должны были служить ему главными основаціями во всю его жизнь.

Возьмемъ также прежнее обученіе письму. Послѣ различныхъ палочекъ, выучивались писать отдѣльно каждую букву, послѣ чего переходили къ письму отдѣльныхъ словъ и наконецъ цѣлыхъ связныхъ статей. Переходъ къ письму

цѣлыхъ статей также считался важнымъ моментомъ въ жизни учащагося. При этомъ пишущему давалась учителемъ пропись, съ которой онъ долженъ былъ списывать. Что же въ прописяхъ давалось? Тѣ же изреченія что и при чтеніи, съ дополненіемъ новыхъ въ родѣ слѣдующихъ: „Бога боитеся, Царя чтите“, или: „Время драгоцѣнно; потеря его ужасна, ибо прошедшее время никогда уже не воротится“ и т. л.

Если прибавить что каждая пропись списывалась ученикомъ до тѣхъ поръ пока безукоризненно была исполнена работа, что продолжалось нѣсколько десятковъ разъ, то понятно что содержаніе прописи заучивалось наизусть и составляло одинъ изъ полезныхъ воспитательныхъ элементовъ.

Мы не имѣемъ цѣлю входить въ разборъ системы воспитанія * и упомянули о началахъ обученія только для того чтобъ указать, съ какимъ направленіемъ вступали дѣти въ то заведеніе которое мы имѣемъ въ виду.

Ярославскій Домъ Призрѣнія Ближняго основанъ въ 1786 году исключительно на суммы пожертвованныя дворянствомъ и купечествомъ Ярославской губерніи. При учрежденіи дома пожертвовано было 34.100 рублей ассигнаціями. **

Домъ Призрѣнія Ближняго имѣетъ своимъ назначеніемъ призрѣніе и *воспитаніе* сиротъ и дѣтей бѣдныхъ родителей; во вмѣстѣ съ тѣмъ заведеніе это предоставляетъ возможность частнымъ лицамъ воспитывать въ немъ своихъ дѣтей и родственниковъ за умеренную плату.

Изъ воспитывающихся въ Домѣ Призрѣнія Ближняго дѣтей,—мальчики ходятъ для обученія въ гимназію, уѣздное и приходское училища, а дѣвочки обучаются въ самомъ заведеніи и по окончаніи курса подвергаются въ заведеніи испытанію для полученія свидѣтельствъ на право первоначальнаго обученія дѣтей.

При учрежденіи Дома Призрѣнія Ближняго было восемьдесятъ воспитанниковъ обоаго пола; а въ 1872 году было

* Надѣмся въ недалекомъ будущемъ представить читателямъ нѣсколько картинъ современнаго воспитанія, снятыхъ съ натуры.

** Свидѣнія эти и нѣкоторыя изъ послѣдующихъ заимствованы нами изъ отчета о состояніи Дома Призрѣнія Ближняго за 1872 годъ, помѣщеннаго въ № 25 *Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостей* 1873 года. Это былъ, кажется, первый напечатанный отчетъ со дня основанія Дома.

восемьдесятъ одинъ воспитанникъ и сто сорокъ одна воспитанница, изъ которыхъ лятьдесятъ воспитанниковъ и семьдесятъ воспитанницъ содержались на суммы заведенія, а остальные на счетъ разныхъ суммъ или же на счетъ родителей, родственниковъ или вообще частныхъ лицъ.

Всего съ основанія Дома въ теченіе восьмидесяти семи лѣтъ въ немъ призрѣно 1.498 мальчиковъ и 2.381 дѣвочка, а всего 3.879 человекъ, кромѣ бывшихъ въ этомъ заведеніи своекоштныхъ воспитанниковъ и воспитанницъ.

Въ лятидесятыхъ годахъ (1851—1857) воспитанниковъ было около шестидесяти человекъ, между ними пансіонеровъ былъ только одинъ, всѣ остальные получали воспитаніе на суммы заведенія. Пансіонеры вносили за полное содержаніе, какъ-то: помѣщеніе, одежду, обувь, учебныя пособія и плату за обученіе въ учебномъ заведеніи, девяносто рублей въ годъ.

Такъ какъ мы не имѣемъ свѣдѣній о женскомъ отдѣленіи, то во всемъ послѣдующемъ изложеніи будемъ говорить только о томъ что относится къ жизни воспитанниковъ.

Въ число казеннокоштныхъ воспитанниковъ принимались преимущественно сироты бѣдныхъ чиновниковъ Ярославской губерніи; вслѣдствіе этого Домъ Призрѣнія Ближняго въ обществѣ былъ извѣстенъ подъ именемъ „сиротскаго дома“. Еслибы спросить въ городѣ, гдѣ находится Домъ Призрѣнія Ближняго, то навѣрное отвѣтъ былъ бы: не знаю; на вопросъ же, гдѣ помѣщается сиротскій домъ, всякій дастъ вѣрное указаніе. Кромѣ сиротъ принимались и дѣти имѣющія родителей, но такихъ которые, желая дать образованіе дѣтямъ, не имѣли возможности своими средствами достигнуть этого желанія.

Прошенія о пріемѣ подавались губернатору, который своею властію принималъ на казенный счетъ. Но предварительно онъ наводилъ справки у подлежащаго начальства о средствахъ просителя, а также и о томъ, заслуживаетъ ли проситель своими служебными качествами той милости о которой онъ просить. Въ случаѣ удовлетворительнаго отзыва, сынъ просителя зачислялся казеннымъ воспитанникомъ Дома Призрѣнія Ближняго.

Принятый вновь воспитанникъ является въ заведеніе. Ему тотчасъ давали форменный видъ. Первымъ дѣломъ стригли волосы что называется наголо; въ такомъ состояніи были волосы всѣхъ воспитанниковъ безъ различія возраста;

затѣмъ обували и одѣвали въ казенное платье. Новобранецъ готовъ; сейчасъ же начинается знакомство со своими товарищами; не обходится дѣло безъ линковъ и щинковъ которыми производится посвященіе новичка въ новое званіе. Въ большинствѣ случаевъ новобранецъ морщится, ежится, такъ какъ ему равнѣ уже родители или родственники сообщали объ этомъ, предупреждали что нужно терпѣть, для того чтобы заслужить расположеніе товарищей, и приговаривали: помнишь что написано въ *Букварь*: „сноси терпѣливо всѣ неудовольствія“.

На слѣдующій день новичка-воспитанника отправляли въ то учебное заведеніе въ которое родители или родственники заявили желаніе помѣститъ, что конечно находилось въ связи съ возрастомъ и познаніями ребенка.

Обучались воспитанники, какъ сказано уже, въ гимназій, уѣздномъ и приходскомъ училищахъ. Большинство обучалось въ гимназій; но бывали случаи, и нерѣдко, что гимназическій курсъ оказывался не по силамъ мальчика; тогда, дойдя до третьяго, много до четвертаго класса, воспитанникъ переходилъ въ уѣздное училище и тамъ оканчивалъ курсъ. А окончаніе курса въ уѣздномъ училищѣ давало права на поступленіе въ гражданскую службу и избавляло отъ испытанія на первый классный чинъ.

По окончаніи курса въ уѣздномъ училищѣ нѣкоторые поступали въ военную службу вольноопредѣляющимися и оставались въ ней; бѣольшая же часть поступали въ канцеляріи различныхъ губернскихъ учрежденій. При поступленіи въ гражданскую службу губернаторъ содѣйствовалъ бывшимъ воспитанникамъ къ скорѣйшему зачисленію ихъ въ то или другое казенное учрежденіе.

Окончившіе курсъ въ гимназій болѣею частію также поступали въ гражданскую службу, меньшинство продолжали образованіе въ Демидовскомъ Лицеѣ, въ которомъ воспитанники Дома Прозрѣнія Ближняго привимались всегда въ число казенныхъ студентовъ.

Наконецъ были очень рѣдкіе случаи что воспитанникъ, окончивъ курсъ въ гимназій, отправлялся въ Московскій Университетъ. Такое явленіе было рѣдкимъ, чего главнѣйшею причиною была боязнь остаться въ Москвѣ безъ куска хлѣба, не имѣя ни собственныхъ средствъ, ни руководителей. Съ другой стороны, близость Лицея и удобныя условія

для образованія въ немъ отвлекали молодыхъ людей отъ мысли ѣхать въ Москву. Наконецъ большинство увлеклось примѣромъ своихъ предшественниковъ, которые, поступивъ на службу, часто являлись въ мѣсто своего воспитанія и разказывали меньшимъ братьямъ своимъ о прелестяхъ своей жизни.

Впрочемъ, не смотря на всѣ по истинѣ серьезныя препятствія, бывали такіе храбрецы которые на свой страхъ отправлялись и въ университетъ. Съ гордостію можно сказать что всѣ *извѣстные* намъ воспитанники бывшіе въ университетѣ окончили въ немъ курсъ и въ настоящее время почти всѣ находятся на службѣ въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

По окончаніи курса воспитанникъ былъ свободенъ, но ему предоставлялось право пользоваться и помѣщеніемъ и столомъ вмѣстѣ съ воспитанниками впредъ до тѣхъ поръ пока онъ устроится на избранномъ имъ пути жизни. При выходѣ изъ заведенія воспитанникъ получалъ двѣ пары бѣлья, одну пару платья, одну пару салогъ и шинель.

Проживъ нѣсколько лѣтъ въ заведеніи, получая отъ него все необходимое, даже образованіе, воспитанникъ ничѣмъ не обязывался предъ заведеніемъ и, уходя въ послѣдній разъ, не зналъ кого идти благодарить за тѣ милости которыми онъ пользовался, не звалъ даже тѣхъ которые дали ему возможность честно зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба во всю жизнь.

Какъ сказано уже, заведеніе содержалось на проценты съ благотворительной суммы, которая, между прочимъ, еще дополнялась доходомъ съ залъ отдаваемыхъ въ наемъ. Но главнѣйшимъ усиленіемъ средствъ была ежегодная подписка съ членовъ общества Ярославской губерніи. Съ этою цѣлію ежегодно въ весеннее время губернаторъ приглашалъ въ одинъ изъ праздничныхъ дней общество Ярославской губерніи (объ этомъ извѣщались и жители уѣздныхъ городовъ губерніи) къ обѣднѣ въ Домъ Призрѣнія Ближняго.

Въ назначенный день, послѣ литургіи совершаемой архіереемъ, всѣ направлялись въ большой залъ, гдѣ губернаторъ сообщалъ обществу отчетъ о состояніи заведенія за истекшій гражданскій годъ. Затѣмъ губернаторъ, открывая своею подписью листъ, предлагалъ обществу пожертвовать въ пользу заведенія. Подписной листъ переходилъ тотчасъ отъ

одного къ другому, и блюдо стоявшее здѣсь же быстро покрывалось кредитными билетами на благо воспитываемыхъ дѣтей. Такъ въ 1872 году, во время бывшаго такового собранія, 25 марта, пожертвовано было 1.463 рубля.

Кромѣ того частная благотворительность не оскудѣвала; въ теченіе того же 1872 года прислаано въ Домъ Пріизрѣнія Ближняго разными лицами 627 рублей.

Соединяя эти двѣ суммы получимъ что въ теченіе 1872 года пожертвовано 2.090 рублей.

Въ томъ же году выручено чрезъ отдачу залъ дома въ наемъ 581 рубль 20 копѣекъ.

Не безынтересны цифры представляющія расходъ заведенія. По отчету за 1872 годъ видимъ что на казенный счетъ воспитывалось всего мальчиковъ и дѣвочекъ 120 человекъ (50 воспитанниковъ и 70 воспитанницъ), сверхъ того на суммы разныхъ лицъ содержались 31 воспитанникъ и 71 воспитанница. Въ расходъ въ продолженіе года употреблено 23.619 руб. 42 $\frac{1}{4}$ коп. Въ эту сумму входитъ все содержаніе, какъ-то: жалованье служащимъ при домѣ (7.260 р. 23 к.), продовольствіе воспитываемыхъ дѣтей (7.053 р. 59 $\frac{1}{2}$ к.), одежда, бѣлье, постель и мытье (2.003 р. 17 $\frac{3}{4}$ к.), обувь (1.211 р. 55 к.), учебныя пособія, выписка журналовъ и содержаніе музыкальныхъ инструментовъ (для воспитанницъ) въ исправности (589 р. 7 к.), за ученіе воспитанниковъ въ гимназіи и уѣздномъ училищѣ (965 р.), отопленіе (2.581 р. 30 к.), освѣщеніе (442 р. 82 к.), медикаменты (659 р. 37 к.), на покулку и почику посуды (156 р. 63 к.) и на разныя по заведенію потребности (696 р. 68 к.).

Всѣ эти цифры указываютъ статьи расходовъ, и между ними на первый разъ поражаетъ читателя сумма жалованья служащимъ, составляющая почти одну треть всего расхода. Но если принять во вниманіе что въ этой статьѣ находится плата за уроки всѣмъ учителямъ и учительницамъ въ отдѣленіи воспитанницъ, то эта цифра окажется очень умеренною.

Но цифры эти будутъ поразительны если опредѣлимъ во что обходится каждое воспитываемое лицо. На сумму 23.619 р. 42 $\frac{1}{4}$ к. содержалось 222 человека, слѣдовательно полное содержаніе каждаго въ продолженіе года стоило 106 р. 39 к! Цифра кажется невѣроятною, но тѣмъ не менѣе дѣйствительная.

Не имѣя данныхъ о средствахъ и расходахъ того времени

о которомъ мы говоримъ, можемъ только подѣлиться тѣмъ какъ жили воспитанники пятидесятихъ годовъ.

Одежда воспитанниковъ состояла изъ однорортной куртки о девяти металлическихъ пуговицахъ съ гербомъ Ярославской губерніи. Куртки сдѣланы изъ гвардейскаго сукна, подкладкой служилъ бѣлый, довольно толстый холстъ.

Каждый воспитанникъ имѣлъ три куртки: домашнюю, классную и парадную; послѣдняя надѣвалась только къ обѣдѣ въ воскресные и праздничные дни. Парадные куртки строились ежегодно осенью, послѣ постройки новыхъ, бывшія парадныя переименовывались въ классныя, а классныя обращались въ домашнія. Домашнія куртки къ концу года обыкновенно имѣли видъ очень невзрачный: заллатъ нѣсть числа, пуговицъ иногда значительно меньше девяти.

Постройка новыхъ куртокъ производилась въ полковыхъ швальныхъ, что значительно дешевле спеціальныхъ мастерскихъ. Предъ приѣмомъ заказа изъ швальной являлся закройщикъ и снималъ съ *трехъ* воспитанниковъ мѣрки, по которымъ и ириготовлялись всѣ 60 паръ. Три выбранные воспитанника служили представителями *трехъ возрастовъ* воспитанниковъ; одинъ служилъ образцомъ младшаго (по росту) возраста, второй—средняго и третій—старшаго.

Куртки шиты, воспитанниковъ собираютъ въ свободное время въ сборный залъ, приказывая: „пригонять куртки“. Каждому воспитаннику дается пара изъ того возраста къ которому онъ принадлежитъ, тотчасъ одѣваются въ обновки; очень многіе получили куртки вовсе невозможныя для ношенія, тотчасъ происходитъ обмѣнъ съ одного плеча на другое и подобныя перемѣны повторяются нѣсколько разъ; оказывалось въ концѣ концовъ что *почти* всѣ пригнали подходящее себѣ платье. Для воспитанниковъ не нашедшихъ для себя удобной пары платья передѣлывались принесенныя, и такимъ образомъ послѣ передѣлки всѣ были снабжены новымъ костюмомъ. Послѣ осмотра лекторами, * дядьками и смотрителемъ заведенія, новыя куртки дѣлались лично принадлежностію каждаго воспитанника и на подкладкѣ немедленно выставлялся каждымъ воспитанникомъ свой номеръ.

Обувь пригонялась точно такъ же какъ и куртки, причемъ сапоги были сдѣланы на прямую колодку, т.-е. каждый сапогъ

* О нихъ будетъ сказано послѣ.

могъ надѣваться на обѣ ноги. Такіе салогі имѣли ту практическую пользу что если одинъ салогъ прорвался, то овъ одинъ замѣнялся другимъ крѣпкимъ; въ силу этого салогъ весьма часто на ногахъ одного воспитанника бывали различныя, но за то оба крѣпкіе. Салогі можно было мѣнять во всякое время, такъ какъ прорванная обувь, возвращаясь отъ мастера исправленною, постоянно была въ большомъ запасѣ. Для выхода къ обѣднѣ были особыя салогі.

Бѣлье воспитанниковъ изготовлялось изъ холста, довольно толстаго, и дѣлалось также на три возраста и выдавалось десятками по возрастамъ; на бѣльѣ былъ только номеръ возраста, номера же воспитанниковъ не обозначались, такъ что бѣлье надѣвалось различное. Перемѣнялось бѣлье одинъ разъ въ недѣлю, по субботамъ. Носковъ на ногахъ не было; замѣвъ ихъ употреблялася кусокъ полотна вершковъ 6 или 7 квадратныхъ и назывался портянка; ею нога обертывалась.

Верхнимъ платьемъ служили шинель съ капышономъ и стоячимъ воротникомъ. Шинель дѣлалась изъ толстаго сукна чернаго цвѣта, верхняя часть имѣла подкладку изъ толстаго бѣлаго холста; воротникъ изъ краснаго сукна. Накопецъ шалка изъ чернаго сукна съ тремя красными кантами, безъ козырька.

Какъ на особенность костюма слѣдуетъ указать на то что во всемъ платьѣ не было ни одного кармана; носовой платокъ помѣщался въ рукавѣ лѣвой руки.

Учебныя книги недорогоя выдавались одна на двоихъ; дорогія же одна на классъ, или даже на нѣсколько классовъ. Книги по минованіи надобности возвращались обратно, причѣмъ необходимо было книги сохранять въ цѣлости; въ противномъ случаѣ виновные обязывались замѣнить новою.

Для освѣщенія употреблялись вездѣ сальныя свѣчи въ желѣзныхъ подсвѣчникахъ.

Помѣщеніе занимаемое воспитанниками состояло изъ залъ: сборной, релетиціонной, столовой и спаленъ.

Сборный залъ состоялъ изъ трехъ обширныхъ комнатъ соединенныхъ вмѣстѣ, и имѣвшихъ приблизительно саженъ 10 въ длину и около 2 саж. въ ширину. Мебель состояла изъ двухъ или трехъ столовъ, около сажени длиной и 1 аршина шириной каждый; около каждаго стола съ двухъ сторонъ стояли скамейки. Въ этомъ же залѣ помѣщались шкафы: 1) съ классными куртками и шинелями, 2) съ учебными пособіями

всѣхъ воспитанниковъ и 3) шкафъ съ обувью. Шкафы съ книгами внутри были раздѣлены на небольшіе открытые ящички; каждому воспитаннику назначался для его книгъ и учебныхъ принадлежностей одинъ ящикъ*.

Релетиціонный залъ имѣлъ квадратную форму, около 10 аршинъ въ сторонѣ; съ трехъ его сторонъ въ формѣ буквы П стояли столы такой же формы, какъ и въ сборномъ залѣ.

Столовый залъ былъ очень обширный; въ немъ находились нѣсколько длинныхъ столовъ, за которыми могло бы помѣститься по крайней мѣрѣ 120 человекъ, такъ что только два стола были заняты, изъ которыхъ на одномъ, самомъ большомъ, помѣщалось 40 человекъ, остальные 20 на другомъ. При входѣ въ столовую, направо у стѣны стоялъ небольшой столъ, человекъ на восемь; онъ назывался чернымъ столомъ; за этимъ столомъ помѣщались тѣ изъ воспитанниковъ которые были наказаны лишеніемъ обѣда или ужина. Наказанный обязанъ былъ сидѣть все время трапезы и получалъ только одинъ кусокъ чернаго хлѣба, вслѣдствіе чего вѣроятно и самый столъ назывался чернымъ. При столовой находился буфетъ. Это комната наполненная шкафами, въ верхнихъ частяхъ которыхъ помѣщались за стеклами оловяныя миски, тарелки, ложки, кувшины для квасу. Эту посуду употребляли въ дѣло только въ дни Св. Пасхи, Рождества Христова и въ день храмоваго праздника, 24 октября. Въ нижнихъ частяхъ шкафовъ за деревянными дверцами помѣщалась деревянная посуда, ежедневно употребляемая (миски, тарелки, ложки) и глиняныя кувшины для кваса. Здѣсь же находились и полотенца, которыя употреблялись въ замѣну ручныхъ салфетокъ.

Спальни—это три очень большія комнаты, соединенныя арками. Кровати размѣщались только у двухъ противоположныхъ стѣнъ по длинѣ комматъ; всѣхъ кроватей было около 100; около каждой изъ нихъ стояла тумбочка, въ верхнемъ ящикѣ которой находилось мыло, а въ нижнемъ помѣщалось на ночь платье. Матрацы и подушки сдѣланы изъ кожи и набиты мочалой. Одежда лѣтомъ были въ родѣ тканевыхъ, а

* Въ этомъ же залѣ на одномъ изъ оконъ помѣщался деревянный ушатъ съ квасомъ, а на другомъ окнѣ—такой же ушатъ съ водой. Въ томъ и другомъ ушатѣ находились деревянные ковши.

зимой—изъ толстаго сѣраго сукна, подшитыя очень толстымъ холстомъ сѣраго, почти чернаго цвѣта.

Въ послѣдней отъ входа комнаты у стѣны помѣщались иконы, которыя иждивеніемъ воспитанниковъ были убраны драпировкой, и здѣсь же теплилась неугасимая лампада на средства собираемыя съ воспитанниковъ. Утромъ, уходя изъ спальни, и вечеромъ, ложась въ постель, каждый воспитанникъ считалъ своею обязанностію совершить молитву и положить нѣсколько земныхъ поклоновъ предъ этими иконами.

Сюда же ежегодно предъ началомъ экзаменовъ приносилась по желанію и на средства воспитанниковъ икона Толгской Божіей Матери. Это *поднятіе* святыхъ иконъ совершалось съ благими мыслями получить видимымъ образомъ благословеніе Божіе предъ началомъ такого знаменательнаго въ жизни учащихся дѣла, каковы экзамены. Спальни и столовая содержались въ замѣчательной чистотѣ; прочія комнаты не отличались внѣшнею красотою; стѣны довольно грязныя, полы не крашенныя, столы и скамейки изъ простаго дерева съ ясными слѣдами того что когда-то они были окрашены черною краскою.

—

При заведеніи есть церковь. При церкви находились: священникъ, онъ же былъ и законоучителемъ воспитанницъ, діаконъ и дьячекъ; всѣ они имѣли квартиры при заведеніи; служба совершалась только въ воскресные и праздничные дни. Внутренность церкви представляла нѣчто особенное; впечатлѣніе производимое ею на видѣвшаго ее въ первый разъ поразительное. Особенность церкви составляла рѣшетка, которая ограничивала всю средину церкви. Внутри рѣшетки на полу находилось зеленое сукно, на которомъ нашиты черныя узкія полосы въ разстояніи одна отъ другой вершковъ около шести. Внутри рѣшетки стояли воспитанники, а черныя полосы на сукнѣ опредѣляли то мѣсто, гдѣ они должны были размѣщаться рядами. Разговоръ былъ строго запрещенъ; въ предупрежденіе же его воспитанники размѣщались въ каждомъ ряду на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга.

Въ задней части церкви находятся обширные хоры, подлираемые нѣсколькими колоннами; на хорахъ помѣщались всѣ воспитанницы и служація при нихъ.

Иконы въ иконостасѣ имѣли только вѣнчики металличе-скіе, остальное все живописное. Только на образѣ Божіей матери „всѣмъ скорбѣющимъ радости“, въ честь которой созданъ храмъ, одѣяніе Божіей Матери серебряно-вызолоченное. Стѣны бѣлыя мраморныя; потолокъ въ формѣ свода изображалъ небо усыпанное звѣздами. Надъ образами въ иконостасѣ на бѣломъ фонѣ золотыми литерами изображено: „блаженъ разумѣваяя на лица и убога“ и далѣе слова этого псалма продолжаютъ по всѣмъ стѣнамъ и образуютъ такимъ образомъ весьма изящный и поучительный бордюръ.

Правая сторона церкви назначена для мужчинъ, лѣвая для женщинъ. Окна въ церкви были только съ лѣвой стороны, а такъ какъ церковь посѣщало избранное общество, то всѣ окна были обиты подушками отъ полу на высоту около трехъ аршинъ. Въ правой стѣнѣ находились двѣ арки соединившія главную церковь съ сосѣднимъ заломъ, который также составлялъ продолженіе церкви и гдѣ помѣщались всѣ желавшіе быть въ церкви.

Во время службы всѣ обязанности въ церкви исполняли воспитанники: одинъ продавалъ и ставилъ свѣчи, другой подавалъ кадило и прислуживалъ въ алтарѣ, третій ходилъ съ кружкой для сбора на украшеніе храма, четвертый читалъ вмѣсто дьячка, пятый и шестой выносили свѣтильники; словомъ, въ церкви никто кромѣ воспитанниковъ не дѣйствовалъ. Выборъ того кто долженъ исполнять какую-либо обязанность производился самими воспитанниками.

Пѣвчіе были также изъ воспитанниковъ, но такъ какъ для полнаго хора недостаточно было дѣтскихъ и юношескихъ голосовъ, то недостатокъ этотъ пополнялся чиновниками служившими въ губернскихъ учрежденіяхъ и преимущественно бывшими воспитанниками. Бывшій губернаторъ Бутурлинъ любилъ хорошее пѣніе и подбиралъ тѣхъ чиновниковъ которые участвовали въ хорѣ. Эти чиновники, числомъ болѣе десяти, добровольно, изъ любви къ пѣнію, а также изъ желанія угодить губернатору, являлись и на слѣвки. Въ то время, между прочимъ, въ числѣ такихъ добровольцевъ пѣвчихъ былъ недавно умершій артистъ Императорскихъ Московскихъ Театровъ Платонъ Анемлодистовичъ Радонежскій. Не утверждаю, но у насъ говорили что Радонежскому оказалъ свое содѣйствіе губернаторъ при отправленіи его за границу для музыкальнаго

образованія; воспитанники называли Радонежскаго солистомъ и онъ пользовался большимъ уваженіемъ.

Къ церкви примыкали три зала: первый назывался портретнымъ, потому что здѣсь находились портреты учредителей заведенія и нѣкоторыхъ благотворителей; второй — большой въ два свѣта съ хорами на одной сторонѣ; третій — боковой, довольно обширный, но ничѣмъ не отличавшійся. Залы эти считались лучшими въ городѣ и отдавались въ наемъ для концертовъ, баловъ, различныхъ представлений и т. п. Доходъ отъ этихъ залъ употреблялся на содержаніе воспитываемыхъ. Въ этихъ же залахъ бывали и дворянскіе выборы. Во всѣхъ случаяхъ, когда бывали собранія, нѣскольکو воспитанниковъ, лучшихъ по услугамъ и поведенію, получали право быть на хорахъ.

При заведеніи находился обширный дворъ и весьма хорошій и большой садъ.

На дворѣ помѣщалась особымъ зданіемъ баня. Каждая двѣ недѣли въ субботу утромъ въ 6 часовъ воспитанники отправлялись прямо съ постели въ баню.

Наконецъ была и своя больница. Больница состояла изъ двухъ довольно большихъ комнатъ, изъ которыхъ одна назначалась для больныхъ заразительными болѣзнями. При больницѣ былъ докторъ и сидѣлка. Докторъ въ заведеніи не жилъ, но ежедневно навѣщалъ. Докторъ не любилъ пичкать лѣкарствами: обыкновенно употреблялись липовый цвѣтъ, грудной чай, горчица, касторовое масло и другія общеупотребительныя средства. Вообще здоровье воспитанниковъ отличалось крѣпостію, такъ что за всѣ шесть лѣтъ, о которыхъ мы ведемъ бесѣду, не припомнимъ ни одного смертнаго случая.

Сидѣлка при больницѣ въ то же время исполняла и обязанности кастелянши. На ея рукахъ находилось бѣлье воспитанниковъ.

Домъ Призрѣнія Ближняго состоитъ въ вѣдѣніи Приказа Общественнаго Призрѣнія, а главнымъ начальникомъ дома былъ мѣстный губернаторъ. Ближайшее завѣдываніе возлагалось на смотрителя. Въ помощь смотрителю были два дядьки изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ. Наконецъ для непрерывнаго надзора въ зданіи, а также и для помощи воспитанникамъ при приготовленіи уроковъ, изъ самихъ воспитанниковъ выбиралась трое, называвшіеся лекторами.

Бывшій въ то время губернаторъ Алексѣй Петровичъ Бутурлинъ любилъ это заведеніе и весьма часто посѣщалъ его. Посѣщенія его обыкновенно бывали по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ послѣ обѣдни. Губернаторъ почти каждый разъ бывалъ у литургіи и своимъ присутствіемъ привлекалъ большую часть знатныхъ жителей города. По окончаніи литургіи обыкновенно губернаторъ заходилъ къ воспитанникамъ, которые выстраивались въ спальняхъ, каждый около своей кровати, обходилъ всѣхъ, обращаясь къ нѣкоторымъ съ какими-либо вопросами, иногда совѣтами, наставленіями и проч.

При входѣ губернатора въ спальню его встрѣчалъ дежурный воспитанникъ и, вытянувшись въ струнку, произносилъ слѣдующее: „Имѣю честь ралортовать вашему превосходительству что въ заведеніи все обстоитъ благополучно. Воспитанниковъ по списку состоитъ столько-то, изъ нихъ больныхъ столько-то, въ отпуску столько-то, затѣмъ налицо столько-то“. Отралортовавъ воспитанникъ тотчасъ поворачивался по всѣмъ правиламъ команды *налѣво кругомъ* и направлялся *солнцемъ шагомъ* къ своей кровати. Затѣмъ губернаторъ обращался къ воспитанникамъ со словами: „здравствуйте дѣти“, на что они отвѣчали перекатнымъ: „Здравія желаемъ ваше превосходительство.“

Послѣ обхода воспитанниковъ въ спальнѣ губернаторъ нерѣдко заходилъ въ столовую, куда были направляемы и воспитанники по командѣ: *стройся по два въ рядъ, скорымъ шагомъ марши!* Наставало время обѣда. Здѣсь въ столовой на отдѣльномъ столѣ стояли въ оловянной посудѣ пробныя порціи того что приготовлено для воспитанниковъ. Дежурный воспитанникъ стоялъ около этого стола, и губернаторъ взявъ ложку, ножъ и вилаку, обыкновенно отпробовавъ кушанье удалялся. Такія посѣщенія выражали въ глазахъ воспитанниковъ значеніе губернатора для заведенія. Что же касается того какое имѣлъ значеніе губернаторъ вообще въ дѣлахъ заведенія, для воспитанниковъ это оставалось неизвѣстнымъ; мы знали только что онъ есть главное лицо и безъ его разрѣшенія не производилось никакихъ мѣропріятій.

Смотритель дома—это ближайшій начальникъ и хозяинъ заведенія. Онъ завѣдывалъ всѣми отдѣлами управленія. Смотритель помѣщался на казенной квартирѣ въ отдѣльномъ корпусѣ на дворѣ заведенія. Не знаю какъ велико содержаніе

получалъ оны, но всѣ три которые были въ продолженіе шести лѣтъ моего пребыванія тамъ (1851—57) жили весьма порядочно.

Остановлюсь на нѣкоторыхъ чертахъ каждаго изъ трехъ смотрителей бывшихъ при мнѣ. Первый изъ нихъ, отставной штабсъ-капитанъ Мацкевичъ, равный гдѣ-то въ ногу и ходившій при помощи костыля. Человѣкъ былъ очень крутой, дерзкій, рѣдко показывавшійся въ средѣ воспитанниковъ и наводившій каждый разъ ужасъ и страхъ своимъ появленіемъ. Посвщенія свои оны большею частію дѣлалъ только тогда когда находилъ нужнымъ кого-либо наказать. Отсюда понятенъ страхъ когда мы слышали стукъ приближающагося костыля. Эти посвщенія бывали по большей части вечеромъ около девяти часовъ, когда оканчивалось время приготовленія уроковъ и наставало время ужина. Выстроившись по звонку въ двѣ шеренги въ сборной комнатѣ, мы слышали команду *на-лѣво*, и тогда у каждаго начинало дрожать сердце, каждый боялся быть наказаннымъ. Такое настроеніе производило зловѣщее *на-лѣво*, потому что вслѣдъ за этимъ по командѣ: *лѣвое плечо впередъ, скорымъ шагомъ марш!* вся колонна направлялась въ рекреационную комнату, гдѣ и производилась экзекуція предъ строемъ всѣхъ воспитанниковъ. Если же посвщеніе не имѣло въ виду совершенія наказанія, то команда должна быть *на-право*, что означало путь въ столовую къ ужину. Мацкевичъ не былъ воспитателемъ, отцомъ дѣтей; нѣтъ, оны были разъяренный звѣрь, притомъ невѣжда; если кто-либо изъ воспитанниковъ обращался къ нему за совѣтомъ, то вмѣсто добраго сердечнаго слова получалъ только брань или ударъ костылемъ. Не много доброй памяти оставилъ по себѣ этотъ начальникъ-воспитатель.

Другой не долгое время управлявшій заведеніемъ, былъ некрупный чиновникъ Приказа Общественнаго Призрѣнія Радюкинъ. Это истый чиновникъ стараго времени. Появлялся оны въ средѣ воспитанниковъ часто, ничего рѣзкаго и ничего излишне мягкаго отъ него не было слышно; во всѣхъ его стремленіяхъ проглядывало одно—экономія, экономія и экономія. Какая была цѣль этой экономіи, для насъ оставалось неяснымъ.

Наконецъ третій, выслужившійся изъ сдаточныхъ солдатъ отставной полковникъ Котроховъ. Человѣкъ весьма добрый,

любившій хвалить и поощрять тѣхъ воспитанниковъ которые оказывали хорошіе успѣхи; удивлявшійся тому что въ гимназіяхъ учать не только дроби, но и что-то еще далѣе дробей. Такъ какъ дѣти его были помѣщены въ Московскій кадетскій корпусъ, чѣмъ онъ гордился, то онъ не зналъ имени выше кадета, а такъ какъ послѣднее время онъ служилъ командиромъ военныхъ кантонистовъ, которыхъ онъ не любилъ, то хуже кантониста по его понятіямъ не было ничего. Это особенно проявлялось во время маршировки: если прошли исправно, то въ видѣ похвалы онъ говорилъ: „молодцы кадеты!“ если же исполненіе было дурно, то онъ кричалъ: „кантонисты!“ Хотя самъ полковникъ былъ человѣкъ необразованный, но всегда поощрялъ хорошо учащихся и съ любовью относился къ таковымъ; вообще онъ былъ лучше всѣхъ пережитыхъ мною. Это былъ человѣкъ съ практическимъ умомъ, съ большою опытностію въ жизни и стремившійся по своему разумѣнію быть полезнымъ воспитанникамъ. Добрая память тебѣ, честный труженникъ!

Слѣдующее по порядку начальство изображали дядьки, оставшіе унтеръ-офицеры. Ихъ было два. Они по очереди оставались непрерывно въ продолженіе сутокъ вмѣстѣ съ воспитанниками. Утромъ въ 6 часовъ дежурный изъ нихъ ходилъ по спальнямъ съ колокольчикомъ въ рукахъ и звономъ пробуждалъ воспитанниковъ. Затѣмъ командовалъ къ молитвѣ, провожалъ учащихся въ гимназію и обратно, и вообще все распредѣленіе дня зависѣло отъ него и колокольчика, который былъ въ его распоряженіи. У этихъ же дядекъ хранилось платье, обувь и учебныя пособія. Они облечены были и властью надъ воспитанниками: оставить безъ отлука въ праздничный день, лишить обѣда или ужина, поставить на колѣна, дать затрецину или лимокъ и много другихъ педагогическихъ мѣръ было въ ихъ распоряженіи. Дежурный дядька спалъ вмѣстѣ съ воспитанниками.

Между бывшими дядьками былъ одинъ весьма замѣчательный, фамилія его Кучумовъ. Какъ старый солдатъ, онъ былъ дисциплинованъ превосходно и въ дни своихъ дежурствъ строго наблюдалъ чтобы все было исполнено въ назначенную минуту. Такъ, около шести часовъ утра онъ уже съ колокольчикомъ въ рукахъ стоялъ около часовъ чтобы тотчасъ послѣ перваго удара начать свой трезвонъ, и точно также былъ аккуратенъ во всемъ въ теченіе дня. Утверждая что

онъ происходитъ отъ мѣстныхъ дворянъ Кучумовыхъ, онъ старался быть гордымъ и чѣмъ-то важнымъ. Но это ему не удавалось: военная служба, притомъ весьма продолжительная, оставила на немъ неизгладимый тѣнь простаго солдата держащагося на вытяжкѣ и внимательно приглаживающаго свои длинные усы. Воспитанники боялись его и избѣгали случаевъ могущихъ навлечь его негодованіе; они знали что въ результатѣ будетъ и подзатыльникъ, и лишеніе обѣда, и ближайшее воскресенье придется быть въ заключеніи. Воспитанники дядькамъ говорили *вы*, они же ко всѣмъ обращались со словомъ *ты*; а къ этому *ты* возможно было прибавлять какіе угодно эпитеты, въ родѣ: каналья, мерзавецъ, ракалія и др. Ракалія — любимое слово Кучумова, имѣвшее крупное бранное значеніе.

Къ числу наблюдающихъ лицъ принадлежали еще *лекторы*. Ихъ было три. Они избирались смотрителемъ изъ воспитанниковъ старшихъ классовъ гимназіи отличавшихся своими успѣхами и поведеніемъ. Всѣ воспитанники дѣлились на три отдѣленія, изъ которыхъ каждымъ завѣдывалъ одинъ изъ лекторовъ. На обязанности лектора было: 1) наблюденіе за порядкомъ въ стѣнахъ заведенія, и 2) пособія при занятіяхъ. Лекторъ имѣлъ право останавливать каждаго производящаго какое-либо нарушеніе порядка, онъ могъ наложить наказаніе также какъ и дядька, онъ могъ просить смотрителя о наказаніи виновнаго болѣе серьезными взысканіями. Но главнѣйшею обязанностію лектора была помощь ученикамъ своего отдѣленія при затрудненіяхъ въ приготовленіи уроковъ. Съ этою цѣлью во время релетицій, которыя продолжались съ 5½ до 8 часовъ вечера, воспитанники имѣли право обращаться къ своему лектору для разъясненія всѣхъ встрѣчающихся недоразумѣній. Къ чести лекторовъ должно отвѣсти что это исполнялось до послѣдней возможности добросовѣстно; лекторы всегда съ удовольствіемъ исполняли желанія вѣрнѣйшихъ имъ воспитанниковъ. Въ 8 часовъ вечера дежурный дядька громогласно произносилъ: *слушать уроки!* Тогда лекторы отправлялись въ свое отдѣленіе и повѣряли каждый выучены ли уроки и если таковые найдены неисправными, то обязывали незнающихъ учить и послѣ ужина, когда всѣ уже ложатся спать. Выслушиваніе уроковъ у неисправныхъ учениковъ происходило или въ тотъ же вечеръ, или же на слѣдующій день утромъ. Неисполняющіе уроковъ своевременно

наказывались самимъ лекторомъ. Лекторамъ предоставлялось право заниматься приготовленіемъ своихъ уроковъ и послѣ ужина, но не далѣе 11 часовъ; разрѣшеніе это было необходимо, такъ какъ во время релетицій они часто бывали отрываемы отъ своихъ занятій. За свои труды лекторы получали жалованье въ размѣрѣ 20 рублей сер. въ годъ, но это жалованье выдавалось только при выходѣ воспитанника послѣ окончанія гимназическаго курса. Деньги эти выдавались даже съ наросшими процентами, такъ что получалась иногда довольно почтенная цифра, въ особенности для бѣднаго человѣка; напримѣръ, лишущему эти строки пришлось получить лекторскихъ денегъ 48 руб. 56 коп.

Въ дополненіе ко всѣмъ упомянутымъ властью имѣющимъ остается прибавить о существованіи такъ-называемыхъ *десятскихъ*. Десятскихъ было шесть, между которыми и три лектора. Обязанность ихъ состояла въ слѣдующемъ: послѣ утренней молитвы, предъ завтракомъ, каждый десятскій осматривалъ у своего десятка, въ порядкѣ ли находятся платье и обувь, то-есть вычищены ли салюги и пуговицы на курткѣ, вычищена ли куртка, вымыты ли лицо, руки, вѣтъ ли на рукахъ длинныхъ ногтей и т. п. Оказавшійся не въ должной чистотѣ, по указанію десятскаго, обязанъ былъ прежде привести себя въ надлежащій порядокъ, представиться вновь къ своему десятскому и только тогда могъ получить завтракъ.

Вотъ и все управленіе. Никакихъ канцелярій, письмоводителей, экономовъ, писарей не было. Все приказывалось на словахъ и приводилось въ исполненіе тотчасъ же. Письменные отчеты только и представлялись смотрителемъ о хозяйственныхъ расходахъ по заведенію, да лекторы ежемѣсячно представляли аттестаціи объ успѣхахъ вѣранныхъ имъ воспитанниковъ.

Остается сказать нѣсколько словъ о *дежурныхъ* воспитанникахъ. Изъ учениковъ гимназій, начиная съ четвертаго класса, одинъ по очереди назначался *дежурнымъ*. Главною обязанностью его было: 1) наблюденіе за исправнымъ веденіемъ дѣла на кухнѣ и 2) наблюденіе за чистотой во всемъ заведеніи. Съ этою цѣлью дежурный освобождался отъ люсъщенія уроковъ въ гимназій, отправлялся въ кухню при приѣмѣ мяса, присутствовалъ при приготовленіи его, при немъ оно завязывалось въ особо устроенныя веревочныя сѣтки и олускалось въ котлы для варки; крупа точно также при немъ

заваривалась и котелъ имъ запирался. Предъ обѣдомъ мясо вынималось и рѣзалось при немъ. Дежурный утромъ въ 8 часовъ являлся къ смотрителю съ рапортомъ писаннымъ на осьмушкѣ бумагѣ, въ которомъ обозначалось число воспитанниковъ по списку, число находящихся въ больницѣ, въ отпуску; число (съ обозначеніемъ фамилій) воспитанниковъ заболѣвшихъ и остающихся въ заведеніи ожидать доктора. Вечеромъ предъ ужиномъ также дежурный являлся къ смотрителю отрапортовать о томъ что въ теченіе дня все обстояло благополучно.

Обязанность дежурнаго для усердныхъ учениковъ представляла весьма непріятную повинность: нужно цѣлый день сидѣть во всемъ заведеніи одному, имѣя въ глазахъ только одного очереднаго служителя, а главное не имѣть права быть въ гимназіи. Лучшіе ученики нерѣдко прибѣгали къ такому приему: просили за себя дежурить того кому приходится дежурить въ ближайшій праздничный день, а его день принимали на себя. Подобная замѣна одного другимъ съ согласія лекторовъ утверждалась смотрителемъ. Желавшій перемѣнить день своего дежурства въ оправданіе своей просьбы говорилъ что сегодня на такомъ-то урокѣ учитель обыцалъ сдѣлать весьма серьезное сообщеніе, или произвести какой-либо опытъ, или что-нибудь вообще необычайное, которое пропустить крайне непріятно и можетъ повлечь за собою весьма важную въ наукѣ потерю. Обыкновенно такіа перемѣны удавались; или же дежурнымъ назначался тотъ кто остается ожидать доктора.

Образъ жизни воспитанниковъ не отличался разнообразіемъ, но порядокъ царствовалъ во всемъ. Въ шесть часовъ утра звонокъ дежурнаго дядьки приглашаетъ пробуждаться. Каждый обязанъ былъ вычистить себѣ салюги, луговницы и все платье, убрать свою кровать, вымыться и быть готовымъ къ семи часамъ. Въ семь часовъ общая молитва; молитвы пѣли всѣ воспитанники; тотчасъ послѣ молитвы осмотръ десятскими своихъ десятковъ; завтракъ. Завтракъ состоялъ изъ полудрунта хлѣба, испеченаго въ домашней кухнѣ изъ подрукавной * муки. Временемъ до восьми съ половиной часовъ предоставлялось располагать воспитанникамъ по своему усмотрѣнію: въ это время можно было встрѣтить

* Хлѣбъ изъ этой муки нѣсколько бѣлѣе пеклеваннаго.

многихъ занятыхъ повтореніемъ уроковъ, нѣкоторые играли, гуляли въ саду; а болѣе богатые (конечно сравнительно только) отправалялись или къ одному изъ дядекъ или кому-либо изъ служащихъ солдатъ пить *своей* чай. Такихъ впрочемъ счастливчиковъ бывало не болѣе двухъ трехъ изъ всего числа воспитанниковъ. Въ восемь съ половиной часовъ раздается звонокъ съ командой дядьки: *становись въ классъ*. Установившись въ лары и вставъ предъ образомъ, воспитанники поютъ молитву *Спаси Господи люди твоя* и, осылая себя крестнымъ знаменіемъ, направляются въ гимназію въ сопровожденіи дежурнаго дядьки. Гимназія отстоитъ на разстояніи семи—восьми минутъ отъ заведенія. Ко времени большой (получасовой) перемѣны дядька уже у дверей гимназіи: онъ ожидаетъ желающихъ отправиться въ заведеніе для полученія казеннаго завтрака, состоявшаго изъ куска приличныхъ размѣровъ чернаго хлѣба съ солью. Такихъ желающихъ оказывалось большинство, и вотъ они, пробывъ не болѣе десяти минутъ въ заведеніи, тѣмъ же порядкомъ какъ и утромъ снова отправаляются въ гимназію. По окончаніи уроковъ въ гимназіи всѣ воспитанники идутъ вмѣстѣ по два въ рядъ и олятъ-таки въ сопровожденіи того же дядьки. По возвращеніи изъ гимназіи воспитанники переменяютъ классныя куртки на домашнія и построившись въ лары направляются въ столовую—обѣдать. Предъ обѣдомъ, а также и послѣ обѣда молитвы поютъ всѣ воспитанники. Меню обѣда заранѣе извѣстно, оно выполняется неизмѣнно въ продолженіе цѣлаго года и состоитъ: въ понедѣльникъ и четвергъ изъ щей и гречневой каши, во вторникъ и субботу изъ картофельнаго супа и гречневой каши, въ среду и пятницу изъ гороха и гречневой каши съ коволянымъ масломъ, а въ прочіе дни съ коровьимъ масломъ; въ воскресенье и праздничные дни меню слѣдующее: щи, пироги съ гречневою кашей, жареная телятина и шпённая каша; въ постные же праздничные дни телятина замѣнялась какою-нибудь рыбой. Посты всѣ, даже среда и пятница, въ продолженіе всего года строго соблюдались, причемъ самыя блюда не измѣнялись. *

* Считаю долгомъ прибавить что въ скоромные дни горячее подавалось съ говядиной и горячаго можно было требовать сколько угодно, каша же отлускалась опредѣленными порціями. Черный хлѣбъ не имѣлъ ограниченій.

Не лишнее познакомить читателя и съ сервировкой. Столы были покрыты бѣлою скатертью. Приборъ каждого состоялъ изъ плоской деревянной тарелки и круглой деревянной ложки. Приборы покрыты полотенцами, изъ которыхъ каждое покрываетъ три прибора; эти полотенца замѣняютъ ручныя салфетки и каждое служитъ тремъ рядомъ сидящимъ. Кушанья подавались въ деревянныхъ мискахъ, которыя воспитанники называли купелями; каждая купель была общею для шестерыхъ, по три челоуѣка съ каждой стороны. На концахъ же столовъ, которые были закруглены, купель была общею для осмерыхъ. Исключеніе составляла только жареная телятина въ праздничные дни; порція телятины каждому давалась отдѣльно на его тарелку и для нея подавались ножи и вилки. Для полноты описанія сервировки слѣдуетъ упомянуть что на столѣ помѣщалось нѣсколько глиняныхъ кувшиновъ съ домашнимъ квасомъ и столько же оловянныхъ стакановъ.

По окончаніи обѣда, время до пяти съ половиною часовъ употреблялось на отдыхъ и прогулку. Въ это время разрешались игры, качанье на качеляхъ и пр.* Въ пять съ половиною часовъ дежурный дядька идетъ по комнатамъ, двору и саду, выкрикивая: *за столы!* Это означало что настало время приготовленія уроковъ. Всѣ воспитанники направляются въ релетиціонную комнату, усаживаются за столы, причемъ учащіеся въ одномъ и томъ же классѣ помѣщаются рядомъ. Лекторы наблюдаютъ за порядкомъ и слѣдятъ чтобы каждый занимался дѣломъ; съ этою цѣлю они поочереды обходятъ всѣхъ воспитанниковъ и, въ случаѣ замѣченныхъ беспорядковъ, читаютъ наставленія или наказываютъ (удаляютъ на средину комнаты, становать на колѣна). Во все время релетицій воспитанникамъ не позволяющимъ чего-либо предоставляется право обращаться къ лекторамъ за разъясненіями, что всегда исполнялось лекторами съ полнымъ желаніемъ помочь меньшему изъ братьевъ. Въ восемь часовъ дежурный дядька провозглашаетъ: *слушать уроки!* Лекторы тотчасъ отправляются въ свои отдѣленія и провѣряли, выучены ли уроки. Повѣрка эта производилась съ нѣкоторымъ тактомъ: преимущественное вниманіе обращалось на слабыхъ и нерадивыхъ; исправные же ученики большею частію освобождались

* Два раза въ недѣлю въ это же время обучались маршировкѣ.

лекторомъ отъ контроля, чѣмъ гордились безконтрольные и къ чему стремились вообще воспитанники; этотъ приемъ, между прочимъ, служилъ двигателемъ къ возвышенію успѣвности воспитанниковъ. Освобожденные отъ спрашиванія уроковъ съ восьми часовъ получали свободу.*

Въ девять часовъ ужинъ; онъ состоялъ изъ тѣхъ же блюдъ какъ и обѣдъ, въ праздничные дни ужинъ состоялъ только изъ щей и каши. По окончаніи ужина здѣсь же въ столовой общая молитва (всѣ воспитанники ложатъ) и затѣмъ тотчасъ спать.

Распредѣленіе дня измѣнялось наканунѣ праздниковъ и въ праздники. Наканунѣ праздничнаго дня послѣ завтрака одинъ изъ воспитанниковъ, отличавшійся красивымъ почеркомъ, садился за столъ, приглашая желающихъ *записаться отъ отпускъ*. На осьмишкѣ бумаги онъ записывалъ фамиліи каждаго дѣлавшаго ему заявленіе. Составленный списокъ представлялся лекторамъ для просмотра. Лекторы *вычеркивали* фамиліи тѣхъ которые въ продолженіе недѣли учились неисправно, или были замѣчены въ дурномъ поведеніи. Затѣмъ такое же вычеркиваніе производили дядьки. Начинались безконечныя просьбы, клятвы, обѣщанія зачеркнутыхъ, но всѣ эти мольбы большею частію не имѣли успѣха. Послѣ зачеркиваній списокъ перелисывался возможно изычно и препровождался дежурнымъ воспитанникомъ къ смотрителю также для вычеркиваній; списокъ этотъ отъ смотрителя возвращался черезъ того же дежурнаго въ то время когда возвращались изъ гимназіи.

По возвращеніи изъ гимназіи воспитанники которымъ разрѣшенъ отпускъ смотрителемъ могли тотчасъ, если желали, отправляться, или же могли и оставаться столько времени сколько хотѣли. Послѣ обѣда до шести часовъ приготавлились ко всеобщей: чистили сапоги, платье, вымывались, приглаживались; состоявшіе же въ хорѣ пѣвчихъ кромѣ того отправлялись на спѣвку. Пѣвчіе могли уходить въ отпускъ только послѣ обѣдни въ праздникъ.

* Два раза въ недѣлю, а иногда и болѣе, въ восемь часовъ являлся учитель пѣнія, котораго воспитанники называли регентомъ, и начинался урокъ пѣнія. Эти уроки, смотря по надобности, продолжались иногда часовъ до одиннадцати вечера, когда требовалось приготовить что-либо новое къ ближайшему празднику; это въ свою очередь происходило отъ желанія учителя угодить губернатору.

Въ шесть часовъ колоколъ ударяетъ ко всемогущей. Тотчасъ одинъ изъ старшихъ воспитанниковъ отправляется доложить губернатору о томъ что служба начинается. Выстроившись въ ряды отправляются въ церковь и занимаютъ назначенное мѣсто. По окончаніи всемогущей уживъ, а затѣмъ и спать. Весной и осенью въ эти дни дозволялось гулять на дворѣ или въ саду до 10 часовъ.

Въ праздничные дни звонокъ призывающій просыпаться раздавался въ 7¹/₂ часовъ и затѣмъ все время до начала обѣды, то-есть до 10 часовъ, воспитанники приготавливались къ обѣдѣ; каждый стремился быть безукоризненно чистымъ, чтобы не заслужить отъ кого-либо порицанія. Въ 10 часовъ, при ударѣ колокола, опять одинъ изъ воспитанниковъ отправляется къ губернатору съ докладомъ о началѣ обѣды. Къ обѣдѣ обязаны являться всѣ воспитанники находящіеся въ отпуску. Во время обѣды *Символъ веры, Отче нашъ* вмѣстѣ съ хоромъ поютъ всѣ воспитанники и воспитанницы. Во время молебновъ также поютъ *Тебѣ Боже хвалимы*. Въ такіе моменты кажется поющею вся церковь и это производитъ сильное впечатлѣніе на присутствующихъ во храмѣ.

По окончаніи обѣды обѣдъ, и затѣмъ до 8 часовъ вечера предоставляется каждому воспитаннику располагать временемъ по своему усмотрѣнію. Въ 8 часовъ уживъ и затѣмъ направляются спать.

Съ большимъ нетерпѣніемъ ежегодно ожидали воспитанники 24 октября; это былъ день храмоваго праздника, такъ какъ церковь была посвящена „Божіей Матери всѣмъ скорбящимъ радости“. Къ этому дню и новыя куртки готовились, новые салогі выдавались, такъ что каждому представлялась возможность щегольнуть обновкой, но предъ кѣмъ? Только предъ самимъ собою. На лицахъ всѣхъ воспитанниковъ сіяла радость и вслѣдствіе праздника, и вслѣдствіе цѣлаго рада обновъ, и вслѣдствіе ожидаемаго угощенія.

И дѣйствительно ожиданія сбывались ежегодно во всѣ шесть лѣтъ о которыхъ мы здѣсь вспоминаемъ.

Послѣ обѣды губернаторъ въ этотъ день, вмѣстѣ съ многими почетными лицами города, заходилъ къ воспитанникамъ, поздравлялъ ихъ съ праздникомъ, на что тѣ громогласно отвѣчали: „покорнѣйше благодаримъ ваше превосходительство“, и затѣмъ всѣ посѣтителі заходили къ обѣду, который состоялъ изъ тѣхъ же неизмѣнныхъ блюдъ каковыя бывали и во всякій праздничный день.

Во время обѣда смотритель сообщалъ что нѣкоторыя лица изъ общества прислали воспитанникамъ различныхъ лакомствъ, каковы: орѣхи, пряники, конфеты, фрукты и пр.; а Ив. Сем. Соболевъ кромѣ лакомствъ прислалъ чаю и сахару. Этотъ почтенный членъ Ярославскаго общества и кромѣ 24 октября иногда присылалъ намъ чаю, зная что для насъ этотъ напитокъ недоступенъ; за это вниманіе воспитанники любили Ивана Семеновича и въ немъ видѣли человека всегда душевно радующаго объ участи ихъ. Зайдеть Иванъ Семеновичъ какъ-нибудь неожиданно къ воспитанникамъ, обласкается ихъ, обойдется съ ними какъ нѣжный отецъ; воспитанники окружаютъ его, каждый старается добиться того чтобы къ нему было обращено хотя одно слово его и считаетъ себя въ эту минуту счастливымъ.

Тотчасъ послѣ обѣда лекторамъ отдается все присланное для воспитанниковъ. Нѣсколько другихъ воспитанниковъ отправляются къ смотрителю, священнику, діакону, дядькамъ и пр. просить самоваровъ, чайниковъ, чашекъ. Все это быстро является, такъ какъ никто ни въ чемъ не отказываетъ.

Начинается кипучая жизнь: тамъ лекторы дѣлятъ все полученное на шесть равныхъ частей и каждую отдаютъ десятому для раздѣла между воспитанниками своего десятка: здѣсь наливаютъ воду въ самоваръ, тутъ одинъ изъ воспитанниковъ, снявъ салоги, раздуваетъ имъ самоваръ; тамъ устанавливаютъ чашки. Наконецъ дѣлежъ сластей оконченъ; всѣ усѣлись около самоваровъ, раздается стукъ чашками и оживленный разговоръ о разныхъ вопросахъ относящихся къ событіямъ дня. Такъ, мы слышимъ:

— А каково сегодня мы концертъ-то пролѣли.

Это говоритъ солистъ изъ лѣвчихъ.

— Еще бы не пролѣть-то, сколько времени вы учили.

— А замѣтили ли вы, какъ всѣ въ церкви-то не молились во время концерта, а только слушали?

И дѣйствительно, къ этому дню лѣвчіе ежегодно разучивали какой-нибудь новый концертъ, который и исполняли взаимно причастнаго стиха. Исполненіе бывало безукоризненно.

Въ другомъ мѣстѣ слышимъ:

— Дай Богъ здоровья Ивану Семеновичу; еслибы не онъ, пожалуй остались бы мы безъ чаю.

— Ну, тогда прислажь бы Пастуховъ, говорить другой.

— Да, какъ же, много дождешься отъ Пастухова. Нѣтъ, ужь нѣтъ-то догадливѣе Ивана Семеновича.

Подходимъ къ новой группѣ: лица ихъ уже разгорѣлись, первые порывы удовольствія миновались, и одинъ изъ нихъ говорить:

— А когда же готовить уроки-то будемъ? сегодня вѣдь пожалуй не удастся.

— Ничего; велѣмъ завтра разбудить насъ въ четыре часа и успѣемъ все сдѣлать: до классовъ времени много.

Чаепитіе продолжается до вечера, оно прерывается прогулками, глѣніемъ лѣсенъ, различными играми, и когда настаетъ время ужина, бѣольшая часть отказываются отъ него и въ столовой едва насчитаетъ человѣкъ 10, 12, не болѣе. Не лишнимъ замѣтить что въ этотъ день въ отпускъ не ходили, всякій считалъ удовольствіемъ свой праздникъ провести вмѣстѣ со своими товарищами.

Подобное чаепитіе повторялось въ ближайшіе воскресные дни, пока истощался весь запасъ.

Остается дополнить что во время экзаменовъ въ гимназіи воспитанникамъ предоставлялось самимъ заботиться о своихъ обязанностяхъ; весь день каждый могъ быть гдѣ хотѣлъ; въ это время можно было встрѣтить и гдѣ-нибудь въ углѣ комнаты сидящаго за книгой, подъ каждымъ кустомъ въ саду лежитъ кто-нибудь съ книгой; не мало скрывалось даже въ дровахъ между полѣвницами. Но часовъ около восьми вечера всѣ воспитанники сходятся въ саду, или на дворѣ и до девяти часовъ поютъ хоромъ лѣсен; лѣсен лѣлись все русскія, на-примѣръ: *Громъ победы раздавайся, Солнце на закатъ, Возьмъ рѣчку, возль мосту, Вдоль да по рѣчкѣ* и многія другія.

Вотъ и вся жизнь воспитанника. Несмотря на всю бѣдность содержанія, воспитанники чувствовали себя не только довольными, но и счастливыми; въ бесѣдахъ между собою слышно было выраженій неудовольствія, не высказывались проекты того, какъ бы слѣдовало измѣнить существующій порядокъ, не высказывалось порицанія дѣйствій тѣхъ лицъ которыя имѣли какую-нибудь власть.

Воспитанникъ если высказывалъ свои планы на жизнь, то непремѣнно кончалъ тѣмъ что лучше и больше не желалъ бы еслибы достигнуть званія учителя гимназіи. Учитель гимназіи—это былъ идеалъ, но идеалъ почти недосыгаемый. Въ учителя воспитанникъ (да такъ впрочемъ думало большинство

учениковъ гимназiи) видѣлъ всѣ совершенства, онъ съ особою радостiю разказывалъ своимъ товарищамъ что сегодня ему удалось послѣ класса поговорить съ такимъ-то учителемъ; онъ гордился этимъ, онъ записывалъ этотъ день и разговоръ въ свою лампадную книжку или дневникъ, который, кстати сказать, вели многіе ученики.

Хотя воспитанники управлялись главнымъ образомъ лекторами и дядьками, но къ чести ихъ можно сказать что поведеніе было безукоризненное; мы не помнимъ ни одного проступка который бы могъ лечь чернымъ пятномъ на заведеніе. Самыми крупными проступками считались: куреніе табаку, олаздываніе изъ отпуска и неявка изъ отпуска къ обѣднѣ. За эти проступки и были налагаемы самыя тяжелыя наказанія.

Отношенія между воспитанниками были искренне-дружескія; старшіе не чуждались младшихъ, а наоборотъ, они охотно являлись на помощь имъ, если въ томъ была надобность.

Воспитанники каждое дѣло начинали не иначе, какъ молитвой; посѣщеніе храма Божія исполнялось неуклонно и всегда съ искреннимъ желаніемъ. Въ подтвержденіе этому приведемъ слѣдующій фактъ. Весьма нерѣдко случалось что въ теченіе недѣли по какому-нибудь случаю совершается въ церкви служба; воспитанники знаютъ объ этомъ и сами стремятся въ церковь. Для удовлетворенія своего желанія выучивали уроки тотчасъ послѣ обѣда и просили позволенія у своего лектора отправиться ко всеобщей, обязуясь по окончаніи службы сдать уроки. Обѣдня же въ будничные дни бывала часовъ въ 6 или 7; бѣольшая часть воспитанниковъ посѣщала эти обѣдны.

Звонъ колокольчика или крикъ дядьки—вотъ главнѣйшіе распорядители и управители; но какъ имъ повиновались? Дай Богъ чтобы столь же точно каждый исполнялъ въ жизни свои обязанности; также ревностно стремился вылолвить свой долгъ—тогда намъ не пришлось бы слышать о тѣхъ печальныхъ, скорбныхъ явленіяхъ которыя такъ тяжело дѣйствуютъ на людей искренно преданныхъ своему дѣлу и свято исполняющихъ свои обязанности.

Уваженіе къ старшимъ и, въ особенности, облеченнымъ нѣкоторою властью было вполне образцовое. Стоило только взглянуть на отношенія воспитанниковъ къ лекторамъ.

Лекторъ сказалъ что должно сдѣлать то-то; повѣрьте что повтореній не потребуется, сказанное будетъ исполнено съ совершенною точностію. Здѣсь не было ни возраженій, ни заявленій, ни объясненій: сказано—сдѣлано.

Мы не имѣемъ свидѣній о томъ, какъ течетъ жизнь воспитанниковъ въ настоящее время; знаемъ только что вся жизнь значительно измѣнилась, подчиняясь конечно вѣяніямъ времени. Но дай Богъ чтобы сохранился тотъ нравственный духъ заведенія который былъ въ немъ четверть вѣка назадъ. Дай Богъ чтобы въ нашемъ дорогомъ отечествѣ побольше было заведеній которыя подобно Дому Призрѣнія Ближняго давали возможность дѣтямъ бѣдныхъ чиновниковъ получать образованіе и чтобы воспитаніе ихъ не приучало къ роскоши, нѣгѣ и всему тому что составляетъ вредъ юности... При воспитаніи подобномъ тому какое давалось въ Домѣ Призрѣнія смѣло можно надѣяться что питомцы его будутъ вѣрными слугами Царя и Отечества, честными исполнителями своего долга, искренно, всецѣло преданными своему дѣлу.

Д. НАЗАРОВЪ.

Б Ы Л И Н А

ПРО ЦАРЯ ИВАНА ГРОЗНАГО ДА ПРО КНЯЗЯ ТРИФОНА ПАТРИКЪЕВА *.

Распашу ли я родимыя поля,
Борозду взмечу глубокую.
Уроди мнѣ мать-кормилица-земля,
Уроди мнѣ рожь высокую.
Я ль ту рожь на вивушкѣ сберу,
Съ поля сколики ловыволочу.
На гумно свезу все жито ко двору,
А по осени все вымолочу.

* Разказъ былинны основанъ на истинномъ происшествіи. Въ Москвѣ, на Прудномъ мѣстѣ, близъ Сокольниковъ, есть церковь во имя мученика Трифона, и о построеніи ея существуетъ слѣдующее преданіе: сокольничій царя Ивана Грознаго, по имени Трифонъ, упустилъ во время охоты любимаго царскаго сокола; разгнѣванный царь далъ сокольничему всего три дня сроку, съ тѣмъ что если, по прѣшествіи этого времени, соколы не будутъ найдены, то онъ, сокольничій, будетъ казненъ. Проискавъ два дня напрасно, сокольничій обратился съ горячею молитвою къ своему ангелу-хранителю; и вотъ—во снѣ явился ему мученикъ Трифонъ, и указалъ мѣсто гдѣ найти сокола. Въ благодарность за избавленіе отъ смерти, сокольничій Трифонъ и построилъ храмъ во имя ангела-хранителя своего, мученика Трифона.

т. слх.

Затрещали полны хлѣба закрома—
 Таково ль-то сердцу радостно....
 Ты иди-лети, студѣная зима,
 Намъ встрѣчать тебя не тягостно.
 Наберу ль я мѣру полную зерна,
 Золотистаго и гладкаго.
 Накурю ль я зеленя себѣ вина,
 Хмѣльной бражки, лива сладкаго.
 Созову ли я сосѣдшекъ-гостей,
 Старыхъ бабушекъ и дѣдушекъ,
 Добрыхъ молодцевъ и знаемыхъ людей,
 И молодухекъ и дѣвушекъ,
 Чару мѣду, лива-браги два корца,
 На здоровье гости кушаютъ;
 И былину, отъ начала до конца,
 Про старинку молча слушаютъ.

I.

Ахъ вы, гусельки, гусли звонкія,
 Золоченыя струны тонкія!
 Я настрою ль васъ по-уныльному,
 Залою ли я по-умильному
 Про то времячко, про досѣдшне.
 Про досѣдшне, не телерешне!
 Заиграю ли на веселый ладъ,
 Стану ль сказывать на потѣшный складъ—
 Все жъ не сказочку-прибауточку,
 И не выдумку и не шуточку,
 Заведу опять про старинкушку,
 Про исконную про былинушку!
 Ай-люди! ай-люди!
 Ладно ль пѣсню зевели?

* *

Закатилось красно солнышко
 Да за горушки, за высокія,
 Да за рѣченьки за глубокія,
 За моря ли тѣ за далекія;

Унималися вѣтры буйныя,
 На лѣса-поля росы ладали;
 И по небу ли, небу сивему,
 Словно очевьки темной ночевьки,
 Божьи свѣчечки загоралися,
 Часты звѣздочки разсаждалися.

*
 * *

Въ слободѣ ли той, Александровской,
 Во дворцѣ златомъ, государевомъ,
 Во стекольчатой свѣтлой горницѣ,
 Веселье пиръ идетъ, столованьице—
 И лируетъ-то самъ царь-батюшка,
 Государь Иванъ свѣтъ Васильевичъ,
 Со князьями все да съ боярами,
 Со своею ли со опричниной;
 А и было то во полуночи,
 Государевъ столъ во полустолѣ,
 Самъ царь-батюшка во полусыта,
 Гости царскіе во полульяна,
 Какъ вскричить-велитъ Грозный царь-Иванъ
 На всю гриденку, * на столовую:
 „Гей вы, слуги ль вы, слуги вѣрные,
 Вы ль прислѣшники неизмѣныя!
 Перестаньте вы пить и бражничать,
 Замолчите вы, да прислушайтесь!“
 И отъ голосу, крику царскаго,
 Отъ словесъ ли тѣхъ, государевыхъ,
 Всѣ застольнички слохватилися,
 Всѣ опричнички отрезвилися;
 А князя ли всѣ, со боярами,
 Въ мать-сыру-землю поклонилися.
 Усмѣхнулся тутъ Грозный-батюшка,
 На боярскія сливы гляючи;
 На остеръ костыль опираючись,
 И бородушку ручкой гладючи,
 Молвилъ, ласково ослабляючись:
 „Много думы мвоей передумано,
 Много дѣла мвоей передѣлано...

* Гридня—столовая комната.

Всѣ измѣнники переведены,
 Всѣ крамолы ихъ съ корнемъ вырваны!
 Порадѣли вы, слуги добрые,
 Послѣшаючи и умбючи;
 Послужили мнѣ вѣрой-правдою,
 Животовъ своихъ не жалбючи;
 А за то же я — васъ и балую!
 А за это же я — васъ и жалую!...
 Заберу васъ всѣхъ послѣ завтра
 На забавушку на любимую,
 На охоту ли соколиную!
 Вздумалъ сѣкола выбрать новаго,
 А сокольника вспомнилъ стараго —
 На Москву пошлю за бояриномъ,
 За Петрушкою Тимошеевымъ!
 А теперь же вы, добры молодцы,
 Знайте мѣру честь — поднимайтесь,
 Завтра къ утренѣ собирайтесь!“
 И вставали тутъ гости царскіе,
 Тѣ ль олрничники разудалые,
 Тѣ князья ли всѣ со боярами;
 До земли Царю поклонилися,
 Изъ дворца сейчасъ расходилися.
 Ай-люли! ай-люли!
 Ладно-ль лѣсью повели?

II.

Ты, Москва ль Москва, православная,
 Златоверхая, златоглавая!
 Далекѣ Москва разбросалася
 И вокругъ Кремля разметалася.
 На тебя ль, Москва, люди дивятся,
 На твои ль кресты люди молятся!
 Ты ли, матушка, русскій столичный градъ!
 Ты ль, родимая — сердце русское!

* *

Безъ числа у Царя воеводъ и князей,
 И бояръ, и дворянъ, и крещеныхъ людей;
 Безъ числа на Москвѣ площадей и торговъ,
 И палатъ, и хоромъ, и посадскихъ дворовъ;

И повсюду, въ Кремль, и въ далекихъ концахъ,
 Чтò ни шагъ чтò ни ладь, на торгахъ, площадяхъ —
 Иль обитель, иль храмъ, иль часовня стоитъ,
 Золоченый на нихъ крестъ звѣздою герить.

*
 **

Надъ Москвою-рѣкой, на крутомъ берегу,
 Во зеленыхъ садахъ, на широкомъ двору,
 Высоки терема да хоромы стоятъ,
 Всѣ сосѣди на нихъ, какъ на чудо, глядятъ;
 Нижни клѣти хоромъ—широки велики,
 Чуть не въ небо ушли наверху чердаки, *
 Въ серединномъ жильѣ повадуши ** подрядъ,
 Красны окна *** стекломъ во свѣтлицахъ блестятъ;
 И стѣной, вкругъ двора, отъ тесовыхъ воротъ,
 На версту побѣжалъ деревянный залоть ****.

*
 **

А и чьи жь то хоромы великія?
 А и чьи жь терема то высокіе?
 То широко подворье хозяйское,
 То гнѣздо родовое боярское,
 Имеютаго роду боярина,
 Богача ли Петра Тимоѣева.
 А и доля жь боярину выпала,
 И судьба жь задалася счастливая!...
 Онъ и честнаго роду стариннаго,
 И казною богатъ, и помѣстьями;
 Не оставленъ и царскою милостью
 Былъ когда-то въ чести государевой,
 Былъ любимымъ онъ царскимъ сокольничимъ.

*
 **

* Чердаками въ боярскихъ хоромахъ назывались верхнія жылы помѣщенія на лѣто.

** Повадушами въ боярскихъ хоромахъ назывались свѣтлыя горницы.

*** Крайними окнами назывались окна со стеклянными рамами, въ отличие отъ волоковыхъ оконъ, которыя задвигались доской волокомъ.

**** Залоть — заборъ.

Что жь?.. и ту ли усадьбу богатую,
И казну золотую несчетную,
И помѣстья угодья привольныя—
Все отдасть за едино сокровище,
За свое ненаглядное дѣтище,
За красавицу-дочку Парашеньку.

*
*
*

На Руси красота не въ диковину,
Красота-дѣлота ненаглядная!..
Да на небѣ изъ тысячи звѣздочекъ
Все-жь одна изъ всѣхъ полустисне—
И въ Москвѣ изъ красавицъ боярышень
Свѣтъ Парашенька всѣхъ распрекрасне!

*
*
*

Личико круглое—снѣгу ли бѣлаго,
Оченьки карія—звѣздочки свѣтлыя,
Щеченьки алыя—зоренька ясная,
Косыньки русыя—золото красное!
Статью-походкою—бѣла лебедушка,
Рѣчью-повадочкой—сиза голубушка,
Доброму молодцу—боль да хворобушка,
Сужену-ражену—сладка зазнобушка!

III.

То не вѣточка отломилася,
То не яблочко откатилося,
Отдѣлалася, удалилася,
Красна дѣвица шла въ замужество;
Подъ златой вѣнецъ становилася,
Съ милымъ суженымъ, да въ сулружество.

*
*
*

Всхоже солнышко клонить къ западу,
Ясный бѣлый день меркнетъ къ вечеру,
А почестень лирь сходитъ къ веселу;
То-ль весельице, столованьице,
Та-ль бесѣдушка, гостеваньице,
Тотъ ли лирь горой—честна свадебка.

Веселится тутъ, тѣшитъ душеньку,
 Весь ли столичный градъ, вся ли улица
 У хозяина тароватаго,
 Хлѣбосольнаго и богатаго,
 У боярина Тимоѣева.
 Ужь и свѣтелъ онь, ужь и радощень,
 Ужь во всю ли онь весель моченьку!..
 Вотъ дождался онь что на старости
 Далъ Гослодь ему счастья радости,
 Выдаетъ теперь милу доченьку,
 Ненаглядную свѣтъ Парашеньку,
 Да за князя ли родовитаго
 Богатѣя ли имевитаго,
 За того-ль млада добра молодца,
 Да за Трифона Патрикѣева.
 И гуляютъ тутъ, угощаются,
 Третій день-деньской лотѣшаются
 Гости званые, люди добрые:
 Тутъ и бабушки, стары дѣдушки,
 Добры-ль молодцы, тѣ-ль хоробрые,
 И молодушки, красны дѣвушки,
 И подросточки, малы дѣтушки;
 Тутъ и старь, и малъ, тутъ и званъ-незванъ,
 Третьи суточки весель, сытъ и пьявъ...
 И шумить-гремятъ тотъ почестень пиръ,
 Какъ на цѣлый ли, на крещеный миръ.

* * *

То не голуби встреленулися,
 Черна ворона примѣчаючи;
 То не сизые всколыхнулися,
 Отъ когтей его улетаючи;
 Испугалися, ужаснулися,
 Въ смѣхѣ говорѣ позалнулися,
 Средь бесѣдушки, гостеваньица,
 Той ли свадебки пированьица,
 Развеселые гости званые.
 Да и есть чего ужасаться имъ!
 Да и есть чего опасаться имъ!..
 Вотъ награвули, какъ изъ тучи громъ,
 Становилися среди хоромъ,

Гости страшные и нежданные—
 Тѣ-ль олричики и кромѣшники,
 Слуги царскіе и прислѣшники!..
 Клобуковъ своихъ не свимаючи,
 Предъ иконами не молился;
 На хозяина логладаючи,
 Громкимъ голосомъ объявился:
 „Говоримъ тебѣ слово царское,
 Приказаніе государское!
 Вышла честь тебѣ, Тимошееву,
 Какъ допрежь сего, быть въ сокольничихъ!
 Часу лишняго не теряючи,
 Завтра жь утречкомъ выѣзжать тебѣ!
 Службу старую всломиваючи,
 И охоту всю ображать тебѣ!“
 И повѣдавши государевъ сказъ,
 Повернулся, какъ стояли, вразъ,
 Изъ хоромъ уйти торопилися;
 А бояринъ Петръ за такую честь,
 Да и старъ и малъ, на цареву вѣсть,
 Вслѣдъ низѣхонько поклонилися.

*
* *

„Люди добрые, гости званые,
 Други-сродники Богоданные,
 Не на радость мнѣ та царева вѣсть!..
 Не по силамъ мнѣ эту службу снести!
 А и былъ же я, други милые,
 Былъ когда-то я лихъ-охотничекъ!
 Въ годы крѣпкіе и служилые,
 Былъ и вправду я смѣль-сокольничекъ!
 А теперь же мнѣ, сами знаете,
 Чуть не сто годовъ безъ единого!..
 Коль лѣта мои посчитаете —
 Не до лѣту мнѣ соколиного!
 Охъ, не даромъ же зло мерещется,
 И сердечушко бьетъ-трепещится!..
 Не Малюта ли, тотъ Скуратовъ-лѣсъ,
 Предъ царемъ меня клеветой обнесъ?“
 Такъ бояринъ-Петръ залечалился,
 Предъ грозой-бѣдой затуманился.

„Государь ты мой, тесть и батюшка!“
 Низко кланаясь, молвилъ затюшка,
 „Не кручинься ты, мой родимый свѣтъ!
 Какъ встаю ли я завтра съ зорюшкой,
 И охотою, вольной волюшкой,
 Самъ поѣду ль я за тебя въ отвѣтъ!
 Исполняючи волю царскую,
 Справляю службу ту государскую!“

IV.

Охъ ты, гой-еси, сырѣ дремучій боръ!
 Чтѣ ты хмуришься тучей черною,
 Чтѣ лугаешь ты чащей темною!
 Словно море ты пораскинулся,
 Безъ конца ты вдалѣ пораздвинулся!
 Окружилъ Москву съ четырехъ концовъ,
 Обложилъ ее съ четырехъ вѣтровъ!

*
*
*

На восточной ли на сторонушкѣ,
 На концѣ ль краю неба сияго,
 Зорька алая занимается,
 Яркимъ полымемъ загорается;
 Вотъ на встрѣчу ли красну солнышку,
 По горамъ-доламъ, по лѣсамъ-полямъ
 Сизъ-туманъ ползеть, завивается,
 Бѣлымъ облачкомъ поднимается.
 Встало солнышко, встало красное,
 Зачинается утро ясное;
 Въ золотой дали завиднѣлся,
 Засинѣлся горъ макушечки;
 И въ лѣсу ли томъ, во сыромъ бору,
 Зачернѣлся всѣ верхушечки;
 На лужаечкахъ, на муравушкѣ,
 Росвы капельки засвѣтились;
 И цвѣточки всѣ, тѣ ль лазоревы,
 Задымилися, закурилися;
 Словно крадучись, вѣтерокъ лахнулъ,
 Встрепекулся лѣсъ, какъ живой, вздохнулъ,

Птицы въ гнѣздышкахъ просыпалися,
 Звѣри въ логовахъ поднималися..
 Здравствуй, бѣлый день!.. тихъ и ясенъ ты!..
 Ахъ ты, Божій мѣръ!.. распрекрасенъ ты!

* *

Чу!.. какъ стонъ пошелъ по лѣсной глуши!..
 Равнимъ утречкомъ, по зарѣ ль тиши,
 Молвъ людская та гулко вдаль идетъ,
 Ковскій толь ли тотъ словно въ ухо бьетъ;
 Ближе-громче все гѣмовъ носится,
 На просторъ и ширь рвется-просится!
 Позаслышавши говоръ, шумъ и стукъ,
 Притаилися, прикорнули вдругъ,
 Смокли лгашечки полетучія,
 Стихли звѣри всѣ лорыскучіе;
 А лѣсной большакъ, грузенъ-толстъ медвѣдь,
 Словно мѣхъ сопитъ, озирается,
 Въ тѣмно логово пробирается.

* *

Кто жь встревожилъ-то сырѣ-дремучій боръ,
 Птицъ, звѣрей лѣсныхъ разгоняючи?
 Кто шумитъ-гремитъ съ экихъ равнинъ лоръ,
 Чащу тѣсную раздвигаячи?
 Кто жь смутилъ-взбудилъ гробовую ташь?..
 Выѣзжаетъ то на охоту, слышь,
 На забавушку на любимую,
 На ловитву ли соколиную,
 Самъ великій царь, Грозный царь-Иванъ,
 Государь Иванъ, свѣтъ Васильевичъ!

* *

Вотъ мелькаючи во сыромъ бору,
 Собираются, обряжаются,
 На полявочку соѣзжаются,
 Все молодчики да охотнички,
 Государевы все ль сокольнички.
 А и молодцы жь, тѣ ль хорѣбрые,
 Красовитые, разудалые!
 А и кони жь ихъ, кони добрые,
 Неусталые и ѣзжалые!

Какъ на коникахъ сѣда царскія,
 Чепраки на нихъ все черкасскіе,
 Узорочьями поразшивааны,
 Златомъ-серебромъ пообвивааны!
 Узды шелковы да летенныя,
 А поводья къ нимъ все ременныя!
 А и шалочки жь на сокольничкахъ —
 Все бобровыя, соболиныя.
 И кафтанчики жь на молодчикахъ —
 Красны бархатны, полы длинныя.
 Рукавички ль тѣ — все сукманныя;
 А саложки ль тѣ — все сафьянныя;
 У сапогъ задки — все ли лестрые,
 Передки-носки — шиломъ вострые;
 Вкругъ носка-носка — хоть айцомъ кати!
 Подъ пята-пату — воробей лети!
 На рукахъ у всѣхъ — по клейменовому,
 По соколику обученому.

*
*
*

Впереди ли вѣхъ, послѣшаючи,
 На соколика погладаючи,
 Добрый молодець, удалецъ лихой,
 Словно сказочный богатырь какой,
 Бѣдетъ, тѣшитса и красуетса,
 Всякъ на молодца залюбуется!
 Кто жь вѣдокъ ли тотъ?... поглядите вы....
 Коль признаете, назовите вы....
 Э!... на свѣтѣ всемъ лишь и былъ одинъ —
 Тимоѣева вѣрный зять и сынъ!...
 Патрикѣевъ — князь!... самый оуъ и естъ!...
 Соизвоцалъ царь гнѣвъ на милость свестъ —
 Избавляючи тестя-батюшку,
 Взаяъ сокольничимъ князя зятюшку.

*
*
*

Вотъ и самъ же оуъ, Грозный царь-Иванъ,
 Ласковъ, милостивъ выѣзжалъ теперь...
 А за нимъ сѣдомъ ненасытный звѣрь,
 Государевъ лесъ, душегубъ-палачь,
 Лихъ Маюта тотъ, послѣшаетъ вскачь;

Вотъ и Вяземскій, съ бабьей рожею,
 Безбородою и пригожею;
 Вотъ князья ли тѣ басурманскіе,
 И Казанскіе, и Ногайскіе...
 И за всѣми вслѣдъ, не зѣваючи,
 Рѣзвыхъ кониковъ подбодраючи,
 Тѣ ль отборные рынды * царскіе!

* *

Подъѣзжаетъ Царь — говоръ-шумъ затихъ...
 Вотъ орломъ на всѣхъ государь взглянулъ,
 Патрикѣеву рукавомъ махнулъ —
 И не медля тутъ, во единый мигъ,
 Зачинается та ль охотушка,
 Князю Трифону заа заботушка.

* *

Ходить солнышко, свѣтитъ поверху,
 Дологъ лѣтній день близить къ полудню,
 А соколики все гоняются,
 Ловлей-травлею забавляются.

* *

Ой вы, бѣлые гуси, лебеди,
 Ой вы, сѣрыя краквы — утицы!
 Ой вы, пташечки перелетныя,
 Полѣвувши ль вы беззаботныя!
 Какъ для царской ли для забавушки
 Много соколовъ заготовлено...
 Ой, безъ счету жь васъ, птички бѣдныя,
 Поизведено, переловлено!
 Обученые и умѣлые,
 Рвутъ васъ кречеты настагаючи...
 Ой, сгубили жь васъ стаи цѣлыя,
 Изымаючи и терзаючи!

* *

Свѣтель, радостень князь-сокольниковій...
 Честью-милостью царь пожаловалъ —
 Словомъ ласковымъ, слышь, побаловалъ
 За урядъ его за охотничій.

* Рынды — гѣохранители.

Грозный-батюшка ослабляется
 И не хмурится и не лаетса,
 Знать повправилась та занятная,
 И веселая и удатная,
 Та лотѣха ли разлюбимая,
 Та охота ли соколиная...
 Вдругъ нежданно тутъ и негаданно
 Машеть крыльями, надъ самимъ Царемъ,
 Цалля сѣрая, голенастая,
 Длинногогая и носастая!..
 Какъ ужалевный государь вскипѣлъ!..
 Вверхъ на цалю ту погладаючи,
 Перелеть ея примѣчаючи,
 Князю-Трифону закричалъ-велѣлъ
 Рѣзвымъ соколомъ изловить ее,
 Бѣлымъ кречетомъ затравить ее...
 И не смолкъ еще государевъ сказъ
 Какъ стрѣла съ лука зашилѣла вразъ.
 То, расправивши крылья крѣлкія,
 Соколъ слущенный въ небо ринулся;
 Наловчивши клювъ, когти цѣлкія,
 Внизъ на цалю ту сверху кинулся.
 А и цалля жь та—птица хитрая!
 Чуть лиху-бѣду запримѣтила,
 Сдохватилася, встрепенулася,
 Клювомъ къ соколу повернулася —
 Какъ гвоздемъ его снизу встрѣтила;
 Какъ ни цѣлится, ни кидается—
 Все на шило онъ натывается!..
 Чтò, соколикъ-братъ, разлюбезный другъ!
 Нѣтъ, не утица знать убогая,
 Цалля сильная, длинногогая!..
 Вотъ еще, еще... да пришлось не въ мочь...
 Соколъ мучится, утомляется...
 Весь исколотый улетаетъ прочь,
 По подоблачью вдалъ скрывается.

*
*
*

Какъ не туча то надвигалася,
 Ясный бѣлый день потемняючи;
 То не молнія загоралася
 Въ суховерхій дубъ удараючи:

Распаллся-то и разгѣввался,
 Расходился-то Грозный царь Иванъ!..
 Зажигались очи черныя,
 Словно молнія олаляючи;
 Раздавались рѣчи гѣвныя,
 Словно громъ въ грозу оглушаючи;
 Ой же, Грозный ты государь и царь!
 Ты ль сердечушко неотходчиво,
 Неумчиво и разгорчиво!
 Ужь и страшенъ же твой могутный крикъ!
 Ужь не сносенъ же твой гѣвливый ликъ!..
 Тутъ виновные, тутъ и правые.
 Слуги вѣрныя и лукавыя—
 Испугаются, позамечутся
 Какъ на вѣткѣ листь затрелещутся!
 Тутъ и глулые, тутъ и умные,
 И бояре всѣ, люди думные,
 И князья ли всѣ со дворянами
 Смерды-хололи со крестьянами
 Другъ за дружкойо всѣ туляются,
 Ко сырой землѣ приклоняются!
 Охъ ты, гой еси, Грозный-батюшка!
 И чего же ты расходился такъ?
 На кого же ты распаллся такъ?

* *

Разъярился-то, чуть не билъ, кричалъ,
 Разказнить грозилъ, лютовалъ-серчалъ
 Царь на зятюшку Тимошеева,
 На князь-Трифона Патрикѣева;
 Есть вина его и преймогая—
 Сѣра цалла та, длинноногая!..
 Не умѣлъ вишь онъ ни сравить ее,
 Ни словить ее, ни убить ее.
 Да и та ль вина—въ полѣ-бѣды бѣда!..
 Охъ ты, горюшко!.. охъ, печаль-страда!
 Охъ и что же князь за соколовицекъ!..
 Звать и вправду онъ плохъ-охотвицекъ,
 Коль и сокола обученаго,
 Отъ Царя ему порученаго,
 Неумѣючи улустилъ при всѣхъ!..
 Вотъ вина его!.. вотъ гдѣ стыдъ и грѣхъ!

* *

Охъ и злое жь-то прегрѣшеніе!
 И печаль же то до кровавыхъ слезъ!
 Чуть головушку государь не снесъ,
 И послѣднее далъ рѣшеніе:
 „Коль на третій день, Патрикѣевъ тотъ,
 Да соколика, бѣглеца, найдетъ,
 Такъ куда ни шло — живу быть ему!...
 А не същеть онъ — и не жить ему!
 У Маюты ли наостренный мечъ
 Буйну голову разомъ сниметь съ плечъ!

V.

Высота ль высота — неба синяго!
 Глубота ль глубота — моря темнаго!
 Широта ль широта — свѣту бѣлаго!
 Долгота ль долгота — Божьей милости!

*
**

Охъ, и горюшко жь, гореваньице!
 Охъ, разлютое жь злостраданьице!...
 А и въ горѣ жить — некручинну быть,
 Некручинну быть, и бѣду избыты!
 И кого жь, бѣда, не крушила ты?
 И кого жь, печаль, не сушила ты?

*
**

Патрикѣевъ князь надрывается,
 Богу молится и старается:
 Какъ поскачетъ онъ по горамъ-доламъ,
 По горамъ ли тѣмъ, по высокіимъ;
 Какъ поѣдетъ онъ по лѣсамъ-полямъ,
 По полямъ ли тѣмъ, по широкіимъ;
 То за соколомъ всюду рыщеть онъ,
 Бѣла кречета всюду щеть онъ!

*
**

Страшно грозное слово царское,
 Слово крѣпкое, государское!
 И тяжка же ты, смерть насильная,
 Казнь позорная, темъ могильная!...

„И не думалъ же, не гадалъ же я,
 Злой судьбы такой и не ждалъ же я!...
 Во честномъ бою, за Царя, за Русь
 Не пугаетъ смерти!... умирай, не трусь!
 А теперь же что?.. словно смердъ какой!...
 Словно холоду — голова долой!
 Родъ мой, племячко, обезчестится!...“
 И затрасса князь... стонеть, крестится.
 „А жена жь моя!... счастье-любушка!
 Ненаглядная, свѣтъ-голубушка!
 Не на радость же полюбилъ тебя!...
 И любилъ — люблю, и умру любя!
 А и матушка жь, разнесчастная!...
 Жизнь-душа моя, зорька ясная!
 А и тестюшка жь, богоданный мой!...
 Ты не жди меня!... не вернись домой!“ —
 Воздыхаючи и крестясь-молясь,
 Дальше-дальше все послѣдуетъ князь.

* *

Первы суточки, словно мигъ, прошли...
 Какъ во всю аь во всю силу-прыть и мочь
 Скачетъ Трифонъ-князь, ѣздитъ день и ночь!
 Рыщетъ-ищетъ онъ, и не ѣсть, не пьетъ,
 Въ страхъ-трепетъ горьки слезы льетъ:
 „Стой же, времячко, погоди же ты!
 Стой же, быстрое, не лети же ты!...
 Ой, соколикъ мой, отзовися ты!
 Любовь-желанный мой, объявися ты!“
 Да лиха-бѣда не стоитъ, не ждеть,
 И за мигомъ мигъ, какъ вода течеть...
 Меркнетъ въ очушкахъ ясный бѣлый свѣтъ,
 А соколика и въ поминѣ нѣтъ!

* *

Скачетъ-ѣздитъ князь — утомляется;
 Рѣзвый конь его слотыкается:
 Цѣлы суточки проносилъ его,
 И ни ѣсть, ни пить не просилъ его.
 „Охъ ты, гои еси, добрый конь лихой,
 Неземляной ли другъ-товарищъ мой!

Разсѣдаю ль я, разнуздаю ль я,
 И на волюшку отпущу тебя!
 Ты бѣги-лети, послѣдай домой!...
 Скажешь любушкѣ, скажешь матушкѣ,
 Скажешь милому тестю-батушкѣ,
 Чтобъ не плакали, не тужили бы,
 Чтобъ собралися да по затюшкѣ
 Павихидку хоть отсужили бы!...
 Ужь и быть же мнѣ разказневному,
 Какъ злодѣю быть погребенному!"

* * *

Отпустилъ кова и лѣшій идетъ
 За пролажей князь озираючись;
 Отощаль, усталъ, еле живъ бредеть,
 Словно нищенка лобираючись;
 И ослабъ совсѣмъ, и сморился онъ,
 И стенаючи такъ взмолился онъ:
 „Поле-полюшко, ты ль широкое!
 Небо-небушко, ты ль высокое!
 Рѣчки-рѣченьки потекуція,
 Свѣтлы ключики погремучіе!
 Красно солвышко, вѣтры буйныя,
 Ой вы жь грозныя, вихри бурныя!...
 Не видали ль вы?... не слышали ль вы?...
 Гдѣ жь соколикъ мой?... не знавали ль вы?“
 Поле чистое вдаль раскинулось,
 Небо ясное ввысь раздвинулось,
 Быстры рѣченьки въ берегахъ шумять,
 Свѣтлы ключики по горамъ гремать,
 Красно солнышко съ облаковъ глядитъ,
 Вихорь-вѣтеръ тотъ лишь одинъ гудитъ:
 „Не видали мы!... не слыжали мы!...
 Гдѣ соколикъ твой, не знавали мы!“
 Хоть зови-моли цѣлый бѣлый свѣтъ —
 Ни отвѣту нѣтъ, ни привѣту нѣтъ!

* *

Потухаетъ день, ясный бѣлый день,
 И вечерняя залегаетъ тѣнь...
 Какъ второй ли ужъ день кончается,
 Ночь послѣдняя зачинается!

т. слѣх.

Завтра утречкомъ чуть забрежжитъ свѣтъ,
 Долженъ Трифонъ князь ко царю идти,
 Бѣла кречета изловить-нести,
 А соколика и въ поминѣ нѣтъ!
 Нѣту сокола!... нѣтъ и моченьки!...
 Гаснуть свѣтлыя, меркнуть оченьки...
 Рѣзвы ноженьки подломилися,
 Сильныя рученьки опустилися.
 Ноетъ-падаетъ грудь высокая,
 Давитъ-жметъ ее грусть глубокая!...
 Вѣдь послѣдній день смерть и казнь несетъ...
 Охъ, сердечушко!... какъ змѣя сосетъ!

*
**

Потухаетъ день... жизнь кончается!
 Горемычный князь ужасается...
 Страшный часъ пришелъ!... смертный часъ насталъ!...
 И предъ Господомъ и Спасителемъ,
 Предъ архангеломъ и хранителемъ,
 Съ воплемъ крѣпкимъ на колѣни палъ:
 „О святой, Христовъ, Трифонъ мученикъ,
 Благъ хранитель мой и порученикъ!
 Завтра смерть моя!... завтра казнь моя!...
 Защити меня, и спаси меня!“—
 И лишь Трифону палъ-взмолился онъ,
 Стратотерпцу лишь поклонился онъ,
 Какъ на мѣстѣ томъ, не вставаячи,
 Богу душеньку поручаячи,
 Опустился онъ, позабылся онъ...
 И на травушкѣ на росистой ли,
 На муравушкѣ на душистой ли.
 Во глубокой тутъ погрузился сонъ.

*
**

Ночь кончается, утро близится...
 И неожиданое, и чудесное,
 Пресвятое ли и небесное,
 Сновидѣніе князю видится!
 Небо ширится, разверзается...
 Во блистающемъ одѣяніи,
 Во божественномъ во сіяніи,
 Свѣтозарный мужъ выпускается:

„Я хранитель твой, Трифонъ мученикъ,
 Покровитель твой и порученикъ!...
 Кляже Трифоне!... пробудися ты,
 И честнымъ крестомъ освнися ты!
 Какъ возстанешь ты, на востокъ пойдешь!
 Тамъ и сокола не искавъ найдешь!“

VI.

Наверху ль чудеса, наверху ль небеса,
 Превысокія и Яреславныя!
 На землѣ ль красота, на землѣ ль лѣпота —
 Божьи ль храмы тѣ православныя!

* *

Подъ Москвой-Москвой, во лѣсу-бору,
 На поляночкахъ, на широкіихъ,
 Близъ озеръ-прудовъ, близъ глубокихъ,
 Какъ сошлися тутъ, подражалися,
 Цѣлый день-деньской надрывалися,
 Дроводѣльнички да работнички,
 Обученыя стройкѣ плотнички;
 Да недаромъ же и труждалися,
 Сильныя рученьки измозолили;
 Да не даромъ же и старалися—
 Святъ-Господень храмъ, церковь строили.

* * *

Своему же-то покровителю,
 Святу ангелу и хранителю,
 За небесное-ль избавленіе,
 За чудесное-ль заступленіе,
 Патриковъ князь храмъ вознесъ-воздвигъ...
 Какъ проснулся овъ, въ тотъ же самый мигъ,
 Освнися крестомъ, на востокъ пошелъ;
 И въ лѣсу-бору, близъ озеръ-прудовъ,
 Въ скоромъ времени, безъ заботъ-тудовъ,
 Бѣла кречета не искавъ нашелъ.

* * *

Ужь и счастливъ же!.. Ужь и радъ до слезъ!
 Взявши сокола государю снесть...
 Да и тутъ олять милосердный Богъ,
 Паче чаянья, защитилъ-помогъ!
 Грозный батюшка, не лгваючи,
 Всю вину-бѣду отпускаючи,
 Допустилъ его до своихъ очей,
 Удостоивши таковыхъ рѣчей:
 „За стараніе и радѣніе—
 Угостить сейчасъ прикажу тебя!
 А за службу же, угожденіе—
 Шубой съ плечъ моихъ награжу тебя!
 Будь отнынѣ ты мой сокольникаи!
 Знай и вѣдай ты дворъ охотникаи!“

* * *

И какъ злая та избылась бѣда,
 Мудрый Трифонъ князь далъ обѣтъ тогда,
 Въ память ангелу, въ похвалу и честь,
 Пятиглавый храмъ возвести-возвестъ;
 Тамъ возвестъ его, гдѣ стенаючи,
 Свята Трифона умоляючи,
 Въ страшный вечеръ тотъ на колѣни лалъ,
 Гдѣ и сокола бѣглеца поймалъ.

* * *

И воздвигъ онъ храмъ, подъ Москвой, въ лѣсу,
 Послѣшаючи и радѣючи;
 И на стройку ту, на уборъ-красу,
 Золотой казны не жалѣючи.
 И до сей поры благодѣльный тамъ,
 И поднесъ стоитъ чудотворный храмъ;
 Словно звѣздочка лутеводная,
 Золоченый крестъ къ небу высится;
 А о чудѣ томъ молвь народная
 На святой Руси всюду слышится.

* * *

Ну, спасибо жъ вамъ, гусли звонкія,
 Гусли звонкія, струны тонкія!
 Тонки-ль струночки, золоченыя,
 Рѣзвы-ль пальчики, обученыя!

Ой вы ль жь, гусельки, вы яровчаты,
Расходились вы, разгудѣлись вы!
Ой вы жь, струючки переборчаты,
Раззвенѣлись вы, разгремѣлись вы!
Съ вами, гусельки-самогудочки,
Съ вами вѣщія, лѣвчи струючки,
Разказали здѣсь, какъ умѣли мы,
Стародавнюю ту ль былинку!
Что слыхали мы про старинушку,
Вмѣстѣ съ вами то и пролѣли мы!
Ай-люли! ай-люли!
Ладно ль лѣсю довели?

А. ЛУКЪЯНОВСКИЙ.

МИРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ НА ВОЙНѢ

ЗАПИСКИ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДІЯ НАХОДИВШЕЙСЯ ПРИ ДИВІЗІОННОМЪ ЛАЗАРЕТѢ 14Ѣ ПѢХОТНОЙ ДИВІЗІИ ВЪ ВОЙНУ
1877—1878 ГОДОВЪ.

ГЛАВА I.

До открытія военныхъ дѣйствій.

1877 года, 8 апрѣля, полкъ моего мужа выступилъ изъ Турасполя; вѣтъ словъ выразить какъ тяжело мнѣ было расстаться съ нѣкоторыми изъ знакомыхъ, да и вообще съ городомъ; какъ онъ ни скученъ, но я къ нему привыкла. Проводы полка были самые радужные: городъ устроилъ угощеніе для солдатъ на площади, какъ разъ противъ нашей квартиры, а для офицеровъ въ клубъ; духовенство благословило полкъ иконой; многіе изъ народа плакали навзрыдъ прощаясь съ солдатами; словомъ, картина была такая трогательная что и я какъ ни крѣпилась, а подъ конецъ, прощаясь съ моею хозяйкой, не выдержала и разрыдалась. Для дороги я шила себѣ солдатскую шинель и шапку; такъ и устала въ путь, въ полной увѣренности что никто меня не признаетъ за женщину, и что такимъ образомъ я избѣгну насмѣшекъ и непріятностей которыхъ мнѣ пришлось еще до выступленія наслушаться и натерпѣться вдоволь. Нѣкоторые

знакомые провожали насъ до Бендеръ; конечно, не обошлось безъ шампанскаго и искреннихъ пожеланій благополучнаго возвращенія. Въ Бендерахъ мы уже окончательно простились съ нашими знакомыми и поѣхали дальше; я всю дорогу отъ привала до привала ѣхала впередъ, но все время шагомъ, такъ какъ дорога была невыносимая: грязь выше ступицы колеса и пришлось подыматься на крутыя горы. Я удивляюсь какъ мои лошадки выдержали такую муку. Для ночлега отведена была молдаванская изба. Хата выбѣлена, по стѣнамъ расположены диваны покрытые коврами собственнаго издѣлія и почти въ каждомъ углу по подюжикѣ хорошихъ луховыхъ подушекъ, такъ что я нигдѣ не прибѣгала къ услугамъ своего походнаго багажа, а прямо спала на этихъ коврахъ (конечно, въ одеждѣ). Часовъ въ восемь, а иногда и еще поздѣе, когда совсѣмъ уже почти темнѣло, приходили мы на отдыхъ, а съ разсвѣтомъ снова пускались, и не успѣвъ горничьей протрубить сборъ къ выступленію какъ я уже выѣзжаю со двора и ѣду олять впередъ, пріѣзжаю за часъ, а если дорога маломальски сносная, то и за три часа, до прихода полка, приготавливаю закуску, чай, такъ что мужъ пріѣхавъ можетъ сейчасъ поѣсть и лечь отдохнуть. Нельзя себѣ представить до чего люди бывають измучены въ походѣ: не успѣвъ мужъ войти въ хату и едва-едва проглотить стаканъ чаю, какъ смотришь явился уже богатырскій сонъ, а съ разсвѣтомъ уже на конѣ и жаршъ съ полкомъ, который смотря на него тоже идетъ бойко, весело, съ пѣснями и съ музыкой, точно это не военный походъ а прогулка.

10 апрѣля мы прибыли въ Кишиневъ; полкъ расположился бивуакомъ у деревни Вестервиченъ, на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ мы годъ назадъ стояли лагеремъ; мужу отвели крошечную хатенку, а я поселилась въ городѣ Кишиневѣ, у моей хорошей знакомой С.

Въ Кишиневѣ мы пробыли шесть дней, съ 9 по 15 апрѣля, и я не замѣтила какъ время прошло. Въ городѣ было большое оживленіе въ ожиданіи пріѣзда Государя. 9 апрѣля встрѣча Царя была торжественная; весь городъ иллюминировали и весьма порядочно для Кишинева, въ особенности хорошо былъ иллюминированъ домъ занятый Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ и вся прилегающая улица; гимназисты устроили электрическое солаце которое очень хорошо освѣщало уголъ двухъ улицъ. Я въ пріятной компаніи объѣхала всѣ

иллюминированныя улицы и пошла какъ разъ на встрѣчу Государю, такъ что удалось хорошо Его разсмотрѣть; онъ казался исхудалымъ и задумчивымъ, проѣхалъ впередъ, а за нимъ вслѣдъ проѣхалъ и Цесаревичъ.

Государь, прибывъ въ Кишиневъ, направился въ кафедральный соборъ, гдѣ преосвященный Павелъ встрѣтилъ его рѣчью.

12 апрѣля утромъ былъ назначенъ парадъ съ молебномъ на томъ полѣ гдѣ полки нашей бригады были расположены бивуакомъ. 12 апрѣля, ровно въ 10 часовъ утра, пріѣхалъ Государь къ войскамъ выстроеннымъ въ полномъ порядкѣ въ строю находившихся на этомъ смотру вся 14 дивизія и 11 кавалерійская. Послѣ объѣзда войскъ, Государь со свитой выѣхалъ предъ середину строя: Кишиневскій архипастырь преосвященный Павелъ, приблизился къ походному аналою для начала (предъ Подольскимъ полкомъ) молебствія; день былъ ясный, солнечный, великолѣпный; наступила минута великая, торжественная. Владыка въ облаченіи и съ манифестомъ въ рукахъ, обратясь къ Государю, преклонилъ голову, испрашивая повелѣнія начать чтеніе. Государь со слезами на глазахъ подавъ знакъ рукой. Архипастырь взволнованнымъ голосомъ, но громко и внятно прочелъ манифестъ объ объявленіи войны, затѣмъ послѣдовалъ молебенъ, послѣ котораго Государь обратился къ войскамъ со словами что онъ надѣется что они поддержать честь Россіи и при этомъ со слезами на глазахъ обнялъ Главнокомандующаго, затѣмъ поцѣловалъ Радецкаго и Драгомирова. Государь объѣхалъ всѣ войска, сопровождаемый единодушнымъ ура.

16 апрѣля Подольскій полкъ выступаетъ изъ Кишинева. Въ городѣ полпрежнему большое оживленіе: гремитъ музыка, народъ толпами ходитъ по улицамъ, въ особенности около губернаторскаго дома гдѣ живетъ Государь. Какъ полиція ни разгоняетъ любопытныхъ, но все предъ окнами собираются новыя толпы; дамы кишиневскія, разряженныя, такъ и спуютъ въ своихъ экипажахъ взадъ и впередъ.

Несмотря на полученное мною лично отъ начальника дивизіи разрѣшеніе слѣдовать въ Турцію, я заласалась на всякій случай и заграничнымъ паспортомъ, чтобы не было никакихъ препятствій при переездѣ за границу. Итакъ 16го мы выступаемъ; что-то будетъ впереди, но я твердо рѣшилась перенести всѣ невзгоды и быть дѣйствительно полезною вашей

дивизию при подвижномъ лазаретѣ въ качествѣ сестры милосердія. Много мнѣ было труда выпросить согласіе на это у мужа, а затѣмъ позволеніе у начальства, но теперь всёми этимъ запаслась; только бы здоровье мое выдержало, оно не приучено къ разнаго рода невзгодамъ, да я надѣюсь что на святое дѣло служенія страждущимъ Богъ подастъ мнѣ и необходимую силу воли, дабы побороть всё прелютствія и исполнить честно мое служеніе.

16 апрѣля 1877 года, суббота. Въ Бессарабіи, молдаванская деревня Гаурены. Въ девять часовъ утра выступила наша бригада въ походъ. Съ полками, благодаря вниманію начальства, выѣхала и я, получивъ разрѣшеніе до открытія военныхъ дѣйствій слѣдовать съ Подольскимъ полкомъ. Мѣстность по которой мы проходили вся сильно гористая, подъемы и спуски весьма крутые и ко всёми этимъ трудностямъ еще прибавилась невылазная грязь; просто душа наболѣла глядя на несчастныхъ солдатъ которымъ и такъ тяжело идти неся на плечахъ двухпудовой грузъ, а они между тѣмъ должны еще безпрестанно вытаскивать засѣвшій въ липкой грязи обозъ и артиллерію. Полкъ нашъ сегодня провѣлъ въ пути ровно двѣнадцать часовъ, но несмотря на это въ деревню Гаурены солдаты вошли бодро, съ лѣсными; въ темнотѣ размѣстились бивуакомъ, зажгли костры, и чрезъ нѣсколько времени мы услышали уже солдатскія лѣсни; не остановили ихъ ни проливной дождь, ни страшная усталость. Мы съ мужемъ помѣстились въ крошечной комнаткѣ; онъ страшно усталъ и лишь вошелъ въ хату и отдалъ нужныя приказанія по полку какъ сейчасъ же заснулъ, а я сижу у окна и думаю, слушая лѣсни доносящіяся ко мнѣ съ бивуака. Тяжелыя думы волнуютъ меня и нагоняютъ мучительное чувство: Въ немъ слышится недовѣріе къ себѣ, особенно въ виду какой-то безпомощности моей среди людей мало меня понимающихъ! Вотъ когда пожалѣешь что нѣтъ со мною товарища въ однихъ условіяхъ; мы бы понимали другъ друга... Однако остается въ утѣшеніе что товарищи доброму дѣлу найдутся, а лока надо исполнить свой обѣтъ. Спать не лягу, потому что въ два часа ночи надо выступать, пожалуй еще проспашь. Обозъ весь отсталъ, въ томъ числѣ и повозка съ нашимъ багажемъ, почему пришлось довольствоваться такъ кстату приласеннымъ чаемъ и холодною закуской.

17 апрѣля, деревня Гура-Голбина. Хотя и выступили мы вмѣсто двухъ ночи въ девять часовъ утра и слѣдовательно времени было въ запасъ достаточно, но нашлись мало заботливые командиры которые хотѣли двинуться не покормивъ своихъ солдатъ (къ счастью, эта нераспорядительность была предупреждена вовремя и солдатъ накормили кашей наскоро приготовленною). Переходъ въ Гурь-Голбины оказался труднѣе вчерашняго, такъ какъ пришлось проходить чрезъ Гураголбинскій лѣсъ, гдѣ даже моя хорошая, сильная и сытая четверка только при помощи кучера и двухъ солдатъ насилу вытаскала изъ грязи мой легкій фаetonъ. Въ лѣсу я увидѣла впервые интендантскій транспортъ въ походѣ. Чтò за ужасное зрѣлище представилось моимъ глазамъ! Кули хлѣба лежатъ сложенные кучками въ грязи; въ сторонѣ валяются поломанныя телѣги и лежали четыре лавшія лошади, возлѣ которыхъ расправляются хищныя птицы! Нѣсколько повозокъ запряженныя вмѣстѣ вытаскивали изъ грязи мѣшки, лошаденки эти худыя и отъ безсилія при мнѣ двѣ надорвались, свалились и на мѣстѣ издохли. Солдаты интендантскаго транспорта имѣютъ страшно изнуренный видъ, у одного я спросила не болѣтъ ли онъ. Онъ отвѣтилъ: „у насъ болѣтъ нельзя, при транспортахъ лазаретовъ нѣтъ... мы здѣсь на положеніи лошадей: если захвораемъ и не въ состояніи работать, то транспортъ бросаетъ на дорогѣ безъ хлѣба и безо всякой помощи; сколько уже такихъ случаевъ было!“ При этомъ транспортный солдатикъ снявъ шалку и перекрестившись прибавилъ: „Когда бы нашъ Царь батюшка зналъ какую муку терпѣть его вѣрные подданные, то вѣрно наше транспортное начальство было бы къ намъ внимательнѣе и кормило бы лучше и насъ и этихъ бѣдныхъ лошадокъ, а то сердце надрывается смотрѣть на нихъ“. Мнѣ до слезъ стало жалко солдатъ, и я была несказанно счастлива что могла подѣлиться съ ними своею закуской и виномъ и дать имъ нѣсколько монетъ.

Выбравшись довольно счастливо изъ лѣса (хотя съ поломаннымъ дышлою и согнутыми рессорами), я наткнулась на новое зрѣлище: здѣсь засѣлъ обозъ первой бригады нашей дивизіи, то-есть эшелона шедшаго впереди насъ, и вотъ пришлось видѣть какъ 16 паръ воловъ и 30 человекъ солдатъ бились уже нѣсколько часовъ вытаскивая повозку изъ промозины; наконецъ, кто-то посоветовалъ нарубить и набросать

подъ колеса хвороста, и къ общей радости удалось наконецъ вытащить злосчастную пустую лазаретную линейку полковаго обоза. Благодаря тому что вся дорога запружена повозками мнѣ пришлось простоять нѣсколько часовъ въ полѣ, укрываясь какъ было можно отъ пронзительнаго вѣтра. Все время смѣнялись картины выбиванія изъ силъ людей и лошадей при вытаскиваніи повозокъ. Нашъ обозъ, слѣдуя общей участи, опять отсталъ и мнѣ вновь пришлось остаться спать на доскахъ. Всего тяжелѣе то что второй день мы остались безъ горячей пищи, то-есть безъ обѣда, спасибо выручилъ нашъ вѣрный походный другъ—тульскій самоваръ.

18 апрѣля, понедѣльникъ, селеніе Вештомаки. Этотъ переходъ былъ легче, менѣе горъ и нѣсколько суше; хотя прошли 35 верстъ, но прибыли на ночлегъ еще засвѣтло и въ 7½ часовъ вечера Подольскій полкъ размѣстился бивуакомъ за деревней. Намъ отвели для ночлега низенькую комнатку со столомъ, диваномъ и даже зеркаломъ. Такой уютный уголокъ былъ весьма кстати, ибо здѣсь назначена дневка. Въ теченіе дня пришлось наблюдать жизнь нашихъ солдатъ на дневкѣ. Всѣмъ нашлось дѣло: одни занялись стиркой, кто въ рѣчкѣ, кто въ канавѣ, другіе прочищали оружіе, врачи и офицеры осматривали людей; вездѣ говоръ, смѣхъ, пѣсни, звуки гармоникки, и видимо всѣ очень довольны что могутъ отдохнуть и почииться. Погода стала хорошая, а обоза нашего все еще нѣтъ и говорятъ что онъ равнѣе двухъ дней не подтянется. Сегодня я заловдала, и полкъ выступилъ въ луть прежде чѣмъ я успѣла выѣхать. Потому мнѣ пришлось испытать крайне непріятное чувство обгонять полки и беспокоить солдатъ; вездѣ выкрикивали: „вправо, влѣво, раздайся!“ и тогда дорогу очищали быстро; все это заставило обращать на себя всеобщее вниманіе и мнѣ было крайне неловко. Попробовала было остановиться на привалѣ (страшно хотѣлось отвѣдать тамъ горячаго супу, два дня его не ѣла), но мнѣ такъ стало неловко въ непривычной военной обстановкѣ что я поскорѣй уѣхала впередъ на мѣсто ночлега. Вотъ уже три перехода сдѣлано мною съ полкомъ, а все еще солдаты и офицеры смотрятъ на меня какъ-то странно и улыбаются.

19 апрѣля, вторникъ, селеніе Вештомаки. Первая дневка не обошлась безъ домашнихъ огорченій походной жизни, какъ ни настаивалъ командиръ полка чтобы смотрѣли строго за солдатами и не позволяли имъ ничего брать безъ денегъ,

даже клочка сѣна, зная впередъ что солдатскій масштабъ растяжимъ, и если позволить немножко, то не стѣснятъся и домъ разобрать. Такъ и случилось: солдатамъ понадобились дрова на кухню; долго они выглядывали да поглядывали, наконецъ не долго думая сняли съ ближней хаты слѣва дверь, а пока хозяева бѣгали съ жалобой къ сотскому, разобрали всю хату до основанія. Меня и мужа это обстоятельство возмутило; жалѣя потерпѣвшаго хозяина старика, я хотѣла дать ему 25 рублей, но одинъ полковникъ (изъ Туркестанцевъ) увѣрилъ меня что такіе случаи на войнѣ вещь самая обыкновенная и что если мнѣ платить за каждую разобрannую хату, то на это не хватитъ не только тройнаго, но и во сто разъ увеличеннаго содержанія. Послушавъ его я ограничилась тремя рублями; мужъ поднялъ однако дѣло, и полкъ возвратилъ старику стоимость хаты, оцененной хозяиномъ въ 32 рубля. Обоза все еще нѣтъ, но надѣются что къ ночи онъ прибудетъ.

Въ походѣ прибытіе обоза есть вѣсѣмъ близкій вопросъ: въ обозѣ у каждаго есть перемѣна бѣлья и стѣльное; тамъ найдется и кровать; вообще съ приходомъ обоза можно доставить себѣ въ походѣ нѣкоторый комфортъ, особенно цѣнный когда долго не знаешь его. Но обоза нашего все еще нѣтъ!... Неизвѣстно также гдѣ отсталъ нашъ дивизионный лазаретъ, слѣдующій при нашей бригадѣ. Сейчасъ показалаь наша полковая лазаретная линейка; врачи очень обрадовались ей. Безъ нея приходилось сильно бѣдствовать; большіе переходы дали много больныхъ, а везти не на чемъ; болѣютъ солдаты не столько отъ усталости сколько отъ залѣсневѣлаго хлѣба которымъ снабжаетъ насъ товарищество взявшее на себя продовольствіе арміи.

Обнаружилось что солдаты начали украдкой облегчать свои ранцы, освобождая ихъ отъ казеннаго добра. Мужъ мой сегодня перекулилъ нѣсколько проданныхъ солдатскихъ фуфакъ у Молдаванъ. Онъ приказалъ фуфайки отобрать и уложить на патронные ящики или на наемныя подводы. Какъ рѣдкость запишу что сегодня мы обѣдали. Подвода наша наконецъ дотащицалась; далѣе, для усиленія тяги, мы припрагемъ въ повозку еще одну лошадь, и теперь есть маленькая надежда что обѣдъ уже не будетъ у насъ рѣдкостью.

20 апрѣля, мѣстечко Логово (въ Руминіи). Перешла границу и даже не замѣтила ея. А съ какимъ страхомъ я ждала этого

перехода; нарочно одѣлась въ солдатское платье, запаслась заграничнымъ паспортомъ, и не мало было удивленіе мое когда я узнала что уже нахожусь на Румынской землѣ. Ко мнѣ подѣхалъ адъютантъ моего мужа и поздравилъ меня со счастливымъ переходомъ за границу. Прощай дорогая, родная Россія!.. Оказалось что границу означаетъ здѣсь маленькая канавка, чрезъ которую перекинуть полуразвалившійся гвиллой мостикъ; невдалекѣ стоялъ какой-то оборванный человекъ въ полувоенномъ, полугражданскомъ платьѣ, ничѣмъ не похожій на пограничнаго чиновника, я едва его замѣтила.

Мы пришли въ мѣстечко Леово и застали всѣ войска скопившіяся здѣсь, ибо мостъ не былъ наведенъ благодаря весеннему разливу Прута. А разливъ этотъ не былъ принятъ въ расчетъ при составленіи зимой проекта переправы. Много думали наши техники, писали, разсчитывали, но забыли что рѣки весной разливаются. Вотъ почему случилось теперь что мостъ устроенъ всего на триста сажень, тогда какъ переправа необходима у Леово на протяженіи трехъ верстъ, а по устроенному мосту нельзя переправляться, ибо вода подмыла всѣ плотины; уже цѣлую недѣлю работаютъ солдаты, а все еще переправа не готова! Генераль Радецкій, дабы не терять времени, въ ожиданіи слода водѣ приказалъ кавалеріи отыскать бродъ и она нашла его около Фальчи. Итакъ здѣсь у Прута первое препятствіе, которое военные спутники мои называютъ „осѣчкой“.

21го, Леово. Это тихое, совершенно спокойное маленькое мѣстечко, теперь, благодаря громадному стеченію войскъ, представляетъ какой-то вертелъ. На всѣхъ перекресткахъ идетъ брань, драка, благодаря ничѣмъ неудержимому пьянству. Открылась картежная игра въ невозволительныхъ размѣрахъ; вижу что я локуда здѣсь не лишняя, такъ какъ въ нашемъ обществѣ мое присутствіе по крайней мѣрѣ удерживаетъ разговоры и споры нашихъ офицеровъ въ предѣлахъ приличія.

Леово, 22 апрѣля. Въ походѣ хотя и говорятъ о братствѣ, но полки не оставили своихъ взаимныхъ счетовъ; командиры попрежнему стараются всѣми мѣрами не быть искренними съ „братьями“ и обмануть начальство, упуская изъ виду всю пользу отъ правильно дѣлаемыхъ заявленій. Но въ свою очередь и начальству замѣтно нравится слышать

что все обстоит благополучно, тогда какъ правдивые доклады видимо выводятъ изъ себя власть имущихъ. Сегодня генералъ *** созвалъ всѣхъ командировъ и въ качествѣ заботливаго начальника спрашивалъ о нуждахъ и неудачахъ. Мой мужъ заявилъ правду что солдаты несутъ слишкомъ тяжело нагруженные ранцы, и потому продаютъ, даже просто бросаютъ фуфайки и салюги; многія лошади отъ непривычки тащить вьюки испортили слины. Въ отвѣтъ на этотъ правдивый докладъ указано было язвительно, почему же не такъ у другихъ, почему у нихъ все благополучно; начальство похвалило сихъ послѣднихъ и поставило въ примѣръ. Мнѣ, вѣхавшей сзади, невольно пришлось быть свидѣтельницей того что все это благополучіе было чистая ложь. Сама видѣла какъ у нашихъ сосѣдей заболѣвавшіе солдаты кучами валялись по дорогѣ, а проходя деревни солдаты продавали фуфайки; случилось также видѣть какъ бросали лошадей до того искалѣченныхъ что дальше вести ихъ не было возможности.

23го, Леова. Завтра выступаемъ въ далекій путь, но далеко ли пройдемъ, неизвѣстно, такъ какъ у Фальчи переправа теперь тоже не въ порядкѣ: прежде можно было отлично переправиться, но теперь растоптали бродъ, да и Прутъ разлился такъ что вода уже по горло лошадямъ. Осмотрѣли мы сегодня нашу неудавшуюся переправу у Леова: сколько денегъ и солдатскаго труда пропало даромъ, а все отъ того что не позаботились впередъ осмотрѣть хорошенько и повѣрить проекты на мѣстѣ, а положились на „авось“.

24го, противъ Фальчи. Какъ ожидала, такъ и случилось: подошли къ переправѣ, а переправляться нельзя. Вода такъ разлилась что перейти нѣтъ никакой возможности. Нашъ бригадный начальникъ расходился, никого не слушаетъ, бранить врачей и приказываетъ переправлять больныхъ во что бы то ни стало. Врачъ не смѣлъ послушаться, повезъ больныхъ, и вотъ его линейка засѣла въ болотѣ среди разлива Прута; цѣлый день бьются чтобъ ее вытащить, и нѣтъ никакой возможности; бросили линейку, вынули всѣхъ перемокшихъ больныхъ и солдаты на рукахъ перенесли ихъ въ Фальчи. Легко-больнымъ это удалось, но трудно-больные едва достигли госпиталя, какъ отправились къ праотцамъ; врачъ тоже сильно простудился.

Въ первый еще разъ я попала уже вполнѣ въ военную боевую обстановку: одна женщина на бивуакѣ среди нѣсколькихъ

тысячъ военныхъ! Хотя мнѣ и разбили палатку, но въ ней страшно тѣсно, а выглянуть изъ нея невозможно—кругомъ солдаты; да къ тому еще поднялась буря съ проливнымъ дождемъ: палатка вся шатается, того и гледи что ее сорветъ и мы останемся въ открытомъ полѣ среди массы солдатъ. Счастье что я окружена хорошими знакомыми; они всѣ серьезные и образованные люди и сочувствуютъ моимъ намѣреніямъ; только въ ихъ обществѣ, въ бесѣдахъ съ ними, я хоть на время забываю свое крайне неловкое положеніе. Смотрю на нашихъ солдатъ и удивляюсь. Право они особенные люди: несмотря на эту страшную погоду, залитые водой отъ дождя, они развели-таки костры, накрывъ ихъ кусками палатокъ развѣшанныхъ на четырехъ кольяхъ, варятъ себѣ чай и лѣсенки раслѣваютъ, какъ будто не замѣчая дурной погоды.

25го, противъ Фальчи. Несмотря на всю трудность, рѣшились начать переправу, справедливо опасаясь что каждый день она будетъ становиться труднѣе и труднѣе. Сегодня снялся и началъ переправу четвертый полкъ и одна батарея; перевезти ее нѣтъ никакой возможности, и вотъ солдаты, сами выше пояса въ водѣ, тащатъ пушки и ящики, а на поднятыхъ вверхъ рукахъ переносятъ артиллерійскіе снаряды; просто сердце разрывается глядя на нихъ. Я со страхомъ жду завтрашняго дня, такъ какъ намъ придется испытывать то же самое и еще будетъ труднѣе, такъ какъ бродъ разобьютъ еще болѣе, да и вода все прибываетъ. Еще ночь проведу въ палаткѣ,—слава Богу, она не протекаетъ и тепло,—и потому, несмотря на то что первый разъ въ жизни пришлось мнѣ спать въ палаткѣ, я не простудилась, тогда какъ мужъ мой схватилъ лихорадку, но несмотря на это завтра долженъ ѣхать (лучше сказать плыть на лошади).

26го, Фальчи. Слава Богу мы на правомъ берегу Прута, въ городѣ Фальчахъ. Переправились, но что за мученія представляла эта переправа для всѣхъ насъ, въ особенности для бѣдныхъ солдатъ; они шли безъ нижней одежды, поднявъ руки къ верху, держа поверхъ воды на головѣ ружья, рапцы, артиллерійскіе снаряды. Я плыла не въ фаэтонѣ, а на крышкѣ его, такъ какъ остальная часть экипажа вся была въ водѣ; лошади не могли идти, онѣ лыли. Черезъ самый Прутъ насъ перевезли на баркахъ связанныхъ вмѣстѣ по двѣ чтобы больше можно было помѣстить людей. Но и здѣсь

встрѣтились затрудненія: не было сдѣламо никакихъ приспособленій для перевозки лошадей, а потому установка ихъ отнимала очень много времени. Только къ четыремъ часамъ пополудни мы добрались до мѣста, хотя все расстояние до рѣки было всего три версты. Самая рѣка не широка, и если бы не возня съ лошадьми, мы прибыли бы гораздо раньше.

Въ городѣ Фальчи намъ отвели хорошенькую квартирку въ одномъ миломъ семействѣ румынскаго офицера. Дамы приняли насъ очень радушно и благодаря знанію французскаго языка выразили намъ искреннее сочувствіе Румынъ и надежду ихъ на большіе результаты въ ихъ пользу отъ кампаніи, и угостили насъ уживомъ съ мѣстнымъ виномъ. Хозяйка не дурно навѣвала мѣстныхъ румынскія лѣсни и хотя лѣніе шло безъ акомпанимента, но исполнено было съ большимъ чувствомъ. Супруга отсутствующаго офицера очень жалѣла что такъ мало пришлось намъ побыть у нихъ, и что мы завтра же идемъ дальше.

Розштитъ, 27го. Почему-то мы не дошли до отведенныхъ намъ квартиръ, а остановились въ этой деревнѣ, двумя верстами ближе, а потому пришлось самимъ себѣ искать квартиръ, а поѣхала впередъ и съ помощію слуги Молдаванина, отлично объяснявшагося по-румынски, нашла себѣ квартиру у помѣщика; хозяйка опять-таки приняла очень радушно; но такъ какъ другаго языка кромѣ своего не знаютъ, то пришлось объясняться чрезъ моего слугу служившаго переводчикомъ. Хозяйка отнеслась къ намъ очень внимательно, угостила обѣдомъ и все старалась объяснить что Румыны очень сочувствуютъ намъ. Хозяинъ нашъ оказался старшиной деревни и на немъ лежала обязанность ставить войскамъ подводы: скоро пришлось лично убѣдиться съ какимъ трудомъ, и то лишь при помощи нашихъ казаковъ, удалось ему собрать нѣсколько самыхъ плохихъ подводъ. Старшина жаловался что грудь и горло заболѣли отъ крика и брани; при этомъ очень скорбѣлъ, показывая кулакъ, что не смѣетъ расправляться имъ, поселане же Румыны лишь только слышатъ что понадобятся подводы уговоряютъ воловъ и лошадей Богъ знаетъ куда, да и сами полпрячутся, между тѣмъ подводы нужны къ сроку, ну ничего и не подѣлаешь! Въ подобныхъ случаяхъ старшинѣ много помогали наши казаки со своею нагайкой, прозванною ими переводчикомъ на всѣ языки. Казаки наши молодцы на конѣ, находчивы и

распорядительны при исполненіи порученій, но народъ не очень вѣжливъ въ обращеніи.

28го, Умань. Останавливались въ деревнѣ Рожаны, гдѣ дѣлалъ привалъ. Крестьяне встрѣтили насъ очень радушно, угощали молокомъ, предлагали сѣна и овса лошадямъ, вообще были чрезвычайно внимательны. Дорога между деревней Рожанами и деревней Уманчей чрезвычайно живописная; она пролегаетъ среди садовъ и виноградниковъ, въ которыхъ зелень уже начала распускаться. Погода хороша и на душѣ спокойнѣе.

Что такое война въ прямомъ смыслѣ слова я еще не испытала, такъ какъ столкновеній съ непріателемъ еще не было, но съ разнаго рода обстоятельствоми и случайностями, предшествующими войнѣ, каковы путаница и лишенія, я уже хорошо познакомилась. Довольно отмѣтить что въ Кишиневѣ плохо обдумали исполняемый нами теперь походъ. Казалось все было предусмотрено: быстрая и безпрепятственная переправа черезъ Прутъ значительныхъ военныхъ силъ одновременно въ разныхъ пунктахъ; затѣмъ форсированный маршъ арміи къ Дунаю такъ-сказать съ полнымъ комфортомъ, съ госпитальными пріютами для больныхъ, съ продовольственными складами на станціяхъ, съ обильнымъ запасомъ хлѣба, крупы, вина, чая, сахара, сѣна и овса. Обѣщана была обильная и безпрепятственная поставка подводъ, воловъ въ подмогу обозу и усталымъ солдатамъ; грезилась организованная почтовая учрежденія и разбѣжные кассы съ обѣщаннымъ фондомъ звонкой монеты; телеграфное сообщеніе съ передачей русскихъ делешъ латинскими буквами; особо устроенное конское дело для замѣны лавшихъ искалѣченныхъ лошадей артиллеріи и подъемнаго обоза; благоустроенная санитарная помощь во время самаго похода, въ видѣ подвижныхъ дивизионныхъ лазаретовъ и лазаретныхъ линеекъ при войскахъ и т. д., словомъ, колоссальный, сгармонизированный въ мелочахъ проектъ грознаго и стремительнаго шествія русской арміи къ Дунаю. А на самомъ дѣлѣ, собираясь перейти Дунай, мы пока едва одолѣли Прутъ, и то благодаря находчивости войскъ, которыя сами себя устроили переправу. Это вызвало потерю нѣсколькихъ дней, и открытіе кампаніи ознаменовалось остановкой арміи на четвертый день по ея выступленіи изъ Кишинева. Первый госпиталь встрѣтился въ

Фальцахъ и такъ былъ переполненъ большими что изъ двухъ-сотъ мѣстъ не было ни одного свободнаго; по неволѣ, ради только очистки мѣстъ для пріема трудно больныхъ, пришлось выписывать полубольныхъ, и до пятидесяти человекъ такихъ съѣли въ Подольскій полкъ чтобъ ихъ довести до Дуная: въ сущности чтобы разбросать по дорогѣ оставшими. Подвижные лазареты пока никакой помощи войскамъ не оказали, такъ какъ линейки слишкомъ тяжелы и при запряжкѣ восьми вмѣсто четырехъ лошадей лустыя двигаться не могутъ; въ каждой балкѣ и въ толкихъ мѣстахъ линейки засѣдаютъ и воздухъ далеко оглашается визгомъ и крикомъ погонщиковъ и рабочихъ которые ихъ вытаскиваютъ. Такая работа изо дня въ день можетъ развить въ солдатъ ненависть, а не уваженіе къ лазарету; пользы онъ пока никакой не принесъ, а перемучились съ нимъ не мало. Продовольствіе оказалось въ рукахъ еврейскихъ агентовъ, которые снабжаютъ войска хлѣбомъ вполнѣ сгнившимъ, такъ что квартирмейстерамъ приходилось изъ десяти хлѣбовъ едва по куску вырѣзать не зеленого. Въ большинствѣ же случаевъ товарищество старается совсѣмъ ничего не давать подъ разными предлогами; фуража конечно никто не ставитъ и потому идемъ полями, срываемъ колосья хлѣба, такъ какъ и кулить негдѣ.

30го, Галацъ. Здѣсь мы снова сошлись съ нашею первою бригадою и 11ю кавалерійскою дивизіею и такъ какъ городъ оказался переполненнымъ русскими войсками, то намъ уже пришлось помѣститься въ слободкѣ за городомъ. Въ Галацѣ я встрѣтила одного очень хорошаго знакомаго изъ 11й дивизіи, который прибылъ раньше, а потому уже успѣлъ ознакомиться съ городомъ; онъ и предложилъ мнѣ свои услуги показать городъ и все что въ немъ есть замѣчательнаго. Дорогой я слышала отъ нашихъ что Галацъ отличный городъ, лучше Одессы, но ничего и похожаго нѣтъ на Одессу. Улицы узенькія, такъ что иногда два экипажа съ трудомъ разтѣзжаются; дома высокіе и узкіе, такъ что заслоняютъ свѣтъ; магазины есть порядочные, но особенно хорошихъ, бросающихся въ глаза незамѣтно; только одна главная улица похожа на что-нибудь; она довольно широка и по обѣимъ сторонамъ магазины съ зеркальными окнами. Особенно красивыхъ женщинъ какими мнѣ ихъ описывали тоже не видала; одѣваются, правда, изящно, но манеры очень непривлекательныя и валоминаютъ

слишкомъ развязныхъ женщинъ; онѣ слишкомъ приподнимаютъ платья, стараясь показать ноги которыя у нихъ и велики и некрасивы.

1 мая. Въ Галацѣ мы услышали о первыхъ военныхъ дѣлахъ. 25 числа наши взорвали турецкій мониторъ съ 250 человеками. Румыны очень довольны этимъ происшествіемъ и хранятъ какъ драгоценность выброшенный на берегъ цѣлый бортъ этого монитора и каждый приходитъ посмотреть на него и затѣмъ откалываетъ кусочекъ на память. Я тоже послѣдовала общему примѣру и тоже взяла на память. Говорятъ что одна изъ гранатъ взорвавшихъ этотъ мониторъ упала въ десяти саженяхъ отъ Великаго Князя Главнокомандующаго, когда онъ выходилъ со станціи въ Браиловъ, но, къ счастью, не разорвалась, а потому не причинила никому вреда. Дорогоовизна здѣсь страшная, ни къ чему нельзя приступить; за самую дрянную казенчатую шляпку я заплатила полумперіаль, когда ей вся цѣна у насъ бумажный рубль.

2 мая. Выступили въ 5 часовъ полудни, а потому пришлось переправляться черезъ Сыреть уже вечеромъ, въ 9 часовъ: наши ижемеры навели черезъ рѣку понтонный мостъ, освѣтили его фонарями и сами пропускали роты за ротами поочередно, такъ что безпорядку не было. Но такъ какъ настала уже глухая и темная ночь, то и рѣшили переправившись на другой берегъ расположиться тутъ до утра бивуакомъ. Опять мнѣ пришлось находиться одной женщинѣ среди тысячъ войскъ и на этотъ разъ моимъ единственнымъ убѣжищемъ служилъ мой фаетонъ, отъ котораго отпугали лошадей. Удивляюсь, какъ я осталась здорова. Ночь была такая сырая что съ фаетона бѣжала вода. И одежда моя была такъ мокра хоть выжми, а переѣхать нельзя. Утромъ солнышко высушило и я даже не получила вѣчной моей болѣзни, кашля. Конечно я глазъ не сомкнула, но на утро не чувствовала никакой усталости. Въ теченіе этой бивуачной ночи на берегу глубокой и быстрой рѣки, въ ужасную темь, на меня сильное впечатлѣніе произвелъ переполохъ въ нашемъ уголкѣ бивуака: солдатъ ломѣвъ за водой и утомулъ, послали искать, но не нашли.

Мая 13, Плумбуйтъ. Подошли наконецъ къ Букурешту. Лишь проливной дождь и грязь вся размакла, такъ что должны были дать войску отдыхъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Плумбуйта, предмѣстья города; чтобы подкрѣпить

солдаты, вѣрно было варить пищу. Насъ принялъ къ себѣ въ домъ монахъ, управляющій имѣніемъ графа Коцебу, оказавшійся къ большому нашему удовольствію русскимъ архимандритомъ, оставшимся еще съ 1828 года въ Букурештѣ для устройства здѣсь лѣвческой калеллы, съ цѣлью введенія хороваго лѣнія въ молдаво-валахскихъ (нынѣ румынскихъ) церквахъ. Монахъ оказался очень образованнымъ, начитаннымъ и слѣдящимъ за политикой; на столѣ разложена карта Турціи и расположеніе войскъ показано булавками съ зелеными и красными значками; по этой картѣ отецъ архимандритъ слѣдилъ за движеніемъ войскъ. Онъ принялъ насъ очень радушно и угостилъ обѣдомъ. Здѣсь мы узнали что 25го ждутъ Государа и что будто бы есть надежда что еще уладится дѣло и безъ войны. Въ самый Букурештъ насъ не пустили, опасаясь что наши солдаты будутъ лошаивать; поэтому насъ помѣстили въ Шлумбуитъ, маленькомъ и скверенькомъ предмѣстьѣ; квартира полалась въ одну комнатку, темная и грязная, а пробытъ здѣсь кажется придется нѣсколько дней. Наше самолюбіе очень задѣто тѣмъ что наши союзники Румыны не пускаютъ насъ въ свою столицу; эта грубая нелюбезность всѣмъ непріятна и осуждается рѣзко нашими офицерами.

Мая 14. Сегодня полковой праздникъ въ четвертомъ полку, и мужъ уѣхалъ на празднество, устроенное въ одной изъ лучшихъ гостиницъ Букурешта. Празднество прошло какъ-то особенно вяло, не было никакихъ воодушевляющихъ гостей, видно что совсѣмъ не время задавать пиршествва.

Ко мнѣ зашелъ хорошій знакомый Москвичъ и уговорилъ поѣхать посмотрѣть Букурештъ, который очень мнѣ понравился. Прехорошенькій городокъ, очень большой; но улицы и тутъ, какъ въ Галацѣ, очень узки и надо имѣть особенную сноровку чтобы при встрѣчѣ двухъ экилажей не зацѣпиться. Здѣсь меня поразило что извозчики все Русскіе: это раскольники переселившіеся сюда еще со временъ императора Николая I. Они здѣсь очень разбогатѣли и живутъ счастливо, хотя нѣкоторые и сознавались что часто нападаетъ страшная тоска по родинѣ (которая теперь при видѣ Русскихъ еще сильнѣе въ нихъ заговорила, и потому нѣкоторые даже подали прошенія Главнокомандующему о разрѣшеніи вернуться въ Россію.) Дома въ Букурештѣ все каменные, очень красивые, въ нѣсколько этажей;

мостовая отличная. Главная улица, гдѣ помѣщается дворецъ Карла Румынскаго, напоминаетъ собой въ миниатюрѣ Невскій Проспектъ. Весь день боікое движеніе, по обѣимъ сторонамъ великолѣпныя магазины съ зеркальными стеклами, товары выставлены самыя новѣйшія и лучшія; словомъ, есть на что посмотреть, но покупать нельзя. Въ походѣ всякая лишняя вещь не кстати, да и цѣны такія же неприступныя какъ и въ Галацѣ; нашъ полумперіалъ все равно что бумажный рубль въ Россіи, а франкъ какъ грошъ. На концѣ главной улицы, при выѣздѣ изъ города расположенъ очень хорошенькій паркъ (похожій на Петровскій въ Москвѣ), который и служитъ мѣстомъ лѣтнихъ гуляній; противъ парка расположены дачи, но особенно красивыя. Въ городѣ два театра, очень хорошенькіе; есть вѣсколько очень хорошихъ гостиницъ, своею роскошью бросающихся въ глаза. Вниманіе мое привлекъ румынскій караулъ на дворцовой гаултавахѣ. Солдаты нашихъ союзниковъ одѣты преуморительно, они походятъ на оперныхъ воиновъ, но гордятся своимъ костюмомъ и воинскимъ званіемъ неизмѣрно. Сегодня вездѣ разговоръ между военными о томъ что насъ ужасно оскорбило Румынское правительство не позволивъ нашимъ войскамъ проходить чрезъ городъ. Завтра мы выступаемъ и должны проходить отдаленными кварталами кругомъ всего города, захватывая только самыя отдаленныя улицы, благодаря чему нашимъ бѣднымъ солдатамъ приходится сдѣлать лишнихъ десять верстъ.

Мая 15. Рано утромъ выступили, пришлось идти все по шоссе; мѣста кругомъ города великолѣпныя, погода прекрасная. При видѣ меня, русской женщины, среди войскъ, народъ просто бѣжалъ за экилажемъ. Каждый заглядывалъ, они что-то говорили. Мой человекъ объяснилъ что спрашивали кто такой ѣдетъ; я замѣтила что лица заглядывавшія ко мнѣ смотрѣли на меня правда съ любопытствомъ, но очень дружелюбно, а нѣкоторые даже кланялись и подавали маленькіе букетики цвѣтовъ. Къ 5 часамъ пополудни прибыли въ селеніе Кореду, нашу полковую штабъ-квартиру. Кареда, обыкновенная и хорошенькая деревня, гдѣ намъ отвели квартиру у арендатора-Грека, очень представительнаго, который встрѣтилъ меня не какъ постоялицу, а какъ дорогую гостью; сейчасъ же приказалъ принести по мѣстному обычаю

для почетнаго гостя цѣлаго барана и отдалъ моему повару, приказавъ приготовить его къ ужину. Коредѣ имѣние какого-то Англичанина, который служилъ Туркамъ пліонемъ, жилъ здѣсь великолѣпно и велъ таинственную корреспонденцію со своимъ отечествомъ и Турками. Какъ только слышалъ онъ о приближеніи русскихъ войскъ, бросилъ домъ и все хозяйство и бѣжалъ, не успѣвъ даже забрать дорогія вина, которыхъ оказался большой запасъ въ его погребахъ и которыми безъ церемоніи пользовались солдаты.

4 іюня. 19 дней уже стоимъ въ Коредѣ и только сегодня обстоятельства нѣсколько разъяснились. Приказано завтра выступить и идти дальше, но куда именно, это держится пока въ большомъ секретѣ. Какія мнѣ пришлось пережить за эти дни нравственныя муки, такъ это нѣтъ силъ описать. Сколько насъ съ мужемъ терзали стараясь заставить меня вернуться назадъ! На мужа было жалко смотрѣть: такъ онъ страдалъ въ эти дни. Въ немъ боролись двѣ чувства, грусть разлуки и страхъ за меня, перенесу ли я всѣ труды и лишения сестры милосердія. Ближайшій начальникъ мужа, хотя въ глаза мнѣ ничего не говорилъ, но присылалъ то своего адъютанта, то кого-нибудь другаго сказать мнѣ чтобъ я выкинула изъ головы посыланіе сестрой милосердія въ дивизіонный лазаретъ и не думала бы о переправѣ черезъ Дунай. Я ходила какъ тѣнь, и не знала какъ мнѣ поступить; возвращаться я не хотѣла ни подъ какимъ видомъ, лучше сейчасъ умереть чѣмъ отказаться отъ цѣли на которую рѣшилась послѣ немалого размышленія. За мое рѣшеніе не было ни одного голоса, никто меня не поддерживалъ, всѣ были противъ, даже мужъ уговаривалъ уѣхать; но я твердо рѣшила идти вопрекоръ всѣмъ, только мучилась, не зная какъ бы законно пристроиться въ свой дивизіонный лазаретъ. Къ счастью пріѣхала жена Д., которая отнеслась весьма сочувственно къ моимъ желаніямъ и помогла мнѣ написать прошеніе, которое мы и подали дивизіонному доктору вмѣстѣ съ нею; кромѣ того, она обѣщала уговорить своего мужа дать дальнѣйшій ходъ этому прошенію и дозволить мнѣ служить при дивизіонномъ лазаретѣ. У меня точно камень свалился съ души, когда докторъ взялъ мое прошеніе и одобрилъ мое намѣреніе; я вернулась домой счастливая и спокойная; меня заставили только написать что я обязуюсь подчиняться всѣмъ требованіямъ боевой службы

лазарета и буду служить на свой счетъ, безъ отпуска какого-либо содержанія отъ казны, и что отъ лазарета я не потребую никакихъ денегъ, ни перевозочныхъ средствъ.

5 *юня*. Д. обсудивъ мое прошеніе призналъ возможнымъ согласиться и дать дѣлу дальнѣйшій ходъ; прошеніе мое послано на окончательное утвержденіе въ корпусный штабъ, а тамъ задержки не будетъ. Между тѣмъ я уже зачислена своекоштною сестрой милосердія приказомъ по дивизионному лазарету и сегодня уже поступила окончательно на службу въ лазаретъ. Мы вышли съ разсвѣтомъ; моему фаetonу указали мѣсто среди линейекъ, въ серединѣ лазаретныхъ каретъ. Мы пришли на вочлегъ въ деревню Станемти только въ 9½ час. вечера; я помѣстилась въ одной квартирѣ съ мужемъ, которая пришлась рядомъ съ нашимъ лазаретомъ. Всю дорогу со мною ѣхалъ мой зять хирургъ и училъ меня дѣлать перевязки; для этого мы посадили съ собой въ экипажъ одного санитаря, на которомъ онъ мнѣ и показывалъ и заставлялъ самой накладывать и снимать повязки; ѣхали все время шагомъ, такъ что удобно было практиковаться.

6 *юня*. Еще на одну станцію подошли мы ближе къ Дунаю. Я опять ѣхала съ зятемъ хирургомъ и все время практиковалась какъ и вчера. Чѣмъ ближе приближаемся къ Дунаю тѣмъ жутче становится на душѣ. Пока еще дѣла нѣтъ въ лазаретѣ, больныхъ не много, да и дивизионный докторъ еще не допускаетъ меня къ уходу за больными; говорить что мнѣ еще нечего тамъ дѣлать.

7 *юня* 8. Дневка. Получила сегодня первое служебное приказаніе заняться хозяйствомъ, то-есть пойти попробовать супъ приготовляемый для больныхъ и узнать пьютъ ли больные чай и получаютъ ли все продовольствіе вовремя. Нѣтъ словъ выразить съ какимъ удовольствіемъ я исполнила это первое приказаніе и нашла что лица не хороша и чай, вслѣдствіе плутней прислуги, не всѣ получаютъ. Получивъ всѣ нужныя свѣдѣнія отъ больныхъ, я разобрала причину: виновнымъ оказался надзиратель за больными; обо всемъ я доложила подробно начальнику лазарета, дивизионному доктору; но просила на первый разъ не взыскивать съ виновныхъ, такъ какъ они дали обѣщаніе что безпорядка болѣе не будетъ.

8 *юня* 9. Мы прошли впередъ къ Дунаю еще на переходъ. Опять занималась практикой перевязокъ съ зятемъ хирургомъ; познанія мои идутъ впередъ и надѣюсь что буду въ

состояніи перевязывать хорошо. Нашъ дивизионный докторъ Н. пожилой и почтенный; онъ очень внимателенъ ко мнѣ, постоянно подходитъ къ моему фаetonу и справляется о моемъ здоровьѣ; я въ свою очередь прошу у него дѣла, но онъ все говоритъ: „подождите, поберегите лока свои силы, не думайте что впереди будетъ очень легко.“ Вообще Н. очень любезенъ со всѣмъ персоналомъ нашего лазарета. Я уже познакомилась со всѣми медиками и служащими при лазаретѣ и такъ освоилась со всѣми ими что какъ-будто и всегда находилась среди ихъ. Весь нашъ лазаретный персоналъ состоитъ изъ дивизионнаго доктора Н., двухъ хирурговъ К. и Г., изъ коихъ одинъ мой зять, а другой хорошій знакомый, и двухъ младшихъ врачей; затѣмъ смотритель, комиссаръ, командиръ роты санитаровъ, командиръ обоза и класный фельдшеръ.

Юня 10. Сдѣлали еще переходъ и остановились въ деревнѣ Смердасть. Здѣсь назначена дневка, а потому я принялась съ особеннымъ усердіемъ и удовольствіемъ за свои обязанности. Какъ-только расположился лазаретъ, то-есть лишь установили госпитальные шатры, я посмотрѣла какъ высаживали изъ каретъ и укладывали въ шатрахъ больныхъ и लेकरѣннла всѣмъ бѣлье; затѣмъ попробовала пищу и нашла ее опять крайне неудовлетворительною; опросила больныхъ аккуратно ли получали чай и оказалось что опять получаютъ его только изблуженные почему-либо надзирателемъ. На этотъ разъ я распорядилась уже практичнѣе, а именно, не полагаясь на обѣщаніе, приказала поить всѣхъ больныхъ чаемъ утромъ и вечеромъ въ своемъ присутствіи. Надзиратель унтеръ-офицеръ необыкновенно грубъ и дерзокъ; онъ смотритъ за хозяйственною частью и ему крайне не по вкусу мое вмѣшательство. Цѣлый день провозилась около больныхъ и чувствую себя совершенно счастливою, находясь наконецъ у дѣла которое мнѣ по душѣ. Завтра въ шесть часовъ утра надо идти въ лазаретъ поить больныхъ чаемъ и осмотрѣть мясо и провизію приготовленную для обѣда больнымъ.

Юня 11. Встала рано, напоила больныхъ чаемъ, посмотрѣла провизію, а потомъ попробовала обѣдъ и все оказалось въ порядкѣ и очень хорошо, такъ какъ положено было все слѣдуемое количество продуктовъ; надзиратель гримасничаетъ, а больные видимо очень довольны, угостила ихъ табакомъ,

чему они очень обрадовались. Дивизионный врачъ Н. назначилъ въ мое распоряженіе одного старшаго фельдшера, весьма свѣдущаго и который какъ видно человѣкъ не глупый и сразу понялъ что ему выгоднѣе угождать мнѣ чѣмъ перечить и потому безпрекословно исполняетъ мои требованія. Вечеромъ опять напоила больныхъ чаемъ сама и посмотрѣла какъ имъ разнесли ужинъ.

Июня 12. Сегодня совершенно неожиданно мнѣ удалось испытовать крѣпость своихъ нервовъ и силу характера, а также и приступить къ практическому изученію перевязки ранъ. Пришла утромъ рано поить чаемъ больныхъ, какъ въ это время привезли утѣпленника солдатака и стали приводить его въ чувство; видъ этого олухшаго, посинѣлаго, почти мертваго человѣка произвелъ на меня потрясающее впечатлѣніе и первымъ желаніемъ было убѣжать изъ лазарета; но я побѣдила себя и заставила себя стоять все время, пока утѣпленника не привели въ чувство. Затѣмъ другая сцена у больного: зять пригласилъ помочь ему при операціи и заставилъ держать ногу на которой онъ прорѣзывалъ огромный нарывъ; солдатъ кричалъ благимъ матомъ, такъ и хотѣлось бросить ногу и убѣжать, чтобы не слышать этого крика и не видать этой операціи; но я заставила себя простоять до конца и даже перевязала ногу подъ руководствомъ зятя. Возвратилась домой пообѣдать; но нервы были такъ сильно возбуждены что я ничего не могла ѣсть. Не услѣла я придти къ вечерней раздачѣ чая, какъ привезли офицера нечаянно прострѣлившаго себѣ руку и раздробившаго кости лятаго пальца; зять мой дѣлалъ операцію и заставилъ меня вытаскивать косточки и затѣмъ показалъ какъ останавливать кровотеченіе и дѣлать перевязку. Все время у меня нервы были напряжены, сердце до того билось что я боялась упасть въ обморокъ, но зная что я для этого пошла и чувствуя что нужно къ этому приготовиться, я преодолѣла весь страхъ и до конца простояла. Завтра утромъ уже сама дѣлаю перевязку раненому въ присутствіи доктора.

Июня 13. Сегодня въ 3 часа пополудни снались и пошли далѣе, я перевязала руку и усадила въ карету моего раненаго офицера, затѣмъ удалось напоить больныхъ чаемъ и накормить обѣдомъ. Это нашъ послѣдній переходъ къ Дунаю, въ городъ Зимницу. Во все время пути царствовала необыкновенная тишина, шли точно крадучись, только изрѣдка

слышно было то тутъ, то тамъ ржамье лошадей; ни лѣсень, ни даже громкой команды; двигались тысячи людей и везлись десятки орудій; но все это дѣлалось такъ тихо что никто бы не повѣрилъ что идетъ значительный отрядъ войскъ. Кажется, каждый солдатъ чувствовалъ приближеніе роковой развязки, а близость Дуная давала уже себя знать, по крайней мѣрѣ, у меня на душѣ было такъ тяжело что я всю дорогу едва-едва удерживалась отъ слезъ, боясь чтобы кто не замѣтилъ моего малодушія и не сталъ смѣяться что взялась не за свое дѣло.

Какъ-то мы перейдемъ Дунай! Неужели вся наша дивизія должна погибнуть? Только въ 2 часа ночи пришли мы въ Зимвицу, которая уже полна была войсками, ранѣе насъ прибывшими сюда. Городъ оказался переполненнымъ до того что всѣ улицы были запружены солдатами, артиллеріей, обозами, просто негдѣ было бросить яблока. Мы остановились за городомъ, и я остатокъ ночи провела въ своемъ экипажѣ, во дворѣ какого-то дома наполненного солдатами. Несмотря на большое скопленіе войскъ, всѣ понимали обстановку минуты и тишина царствовала необыкновенная. Еслибъ я не видала вездѣ солдатъ, во всѣхъ дворахъ города, то могла бы подумать что нѣтъ здѣсь ни одной живой души кромѣ собакъ, которыя всю ночь ужасно завывали и еще больше разстраивали мои несчастные нервы.

ГЛАВА II.

На правомъ берегу Дуная.

Юня 14, въ Земницѣ, 12 часовъ ночи. Начались приготовленія къ переправѣ черезъ Дунай; все дѣлается такъ тихо что слышно какъ муха пролетитъ. Ночь совсѣмъ темная, такъ что первые рейсы вѣроятно обойдутся благополучно, а нашему полку назначена переправа третьимъ рейсомъ, то-есть когда разсвѣтетъ. Боже мой! какую душевную пытку я переношу весь нынѣшній день! Хотя слезы душатъ, но плакать не смѣю. Мужъ страшно грустенъ, хотя и старается этого не показывать мнѣ... Боже сохрани если оны увидятъ мои слезы! Онѣ еще больше разстроятъ его, а ему теперь необходимъ большій запасъ спокойствія, чтобъ обладать

всѣмъ присутствіемъ духа въ минуты когда онъ поведетъ свой полкъ въ дѣло. Зашелъ нашъ добрый знакомый Туркестанецъ чтобы проститься: его назначили наблюдать за переправой, для чего онъ долженъ первый перебраться на ту сторону и затѣмъ опять вернуться сюда чтобы сообщить полку приказаніе Радецкого. Порученіе рискованное, и даже душа такого твердаго человѣка какъ нашъ Туркестанецъ не совѣмъ покойна; прощаясь онъ даже прослезился. Какъ скоро время летитъ. Вотъ уже 2 часа утра, а чрезъ два начнется наша переправа. Съ нашего берега видна та сторона и уже сегодня съ утра было замѣтно какъ прибавлялось Турокъ на горахъ. Вотъ послышались выстрѣлы!... должно-быть Турки замѣтили нашихъ; вотъ опять пальба!... и все чаще, чаще. Мужъ совершенно бодръ, нельзя замѣтить что собирается идти въ бой. Всѣ приготовленія дѣлаютъ какъ будто идти въ обыкновенный походъ, не больше. Но вотъ настала минута моего прощанія съ моими дорогими и неизмѣннымъ другомъ и мужемъ... Чего стоило мнѣ сдерживать душившія меня слезы; но я выдержала характеръ: прощаясь улыбалась и все увѣряла мужа что онъ навѣрно блистательно исполнитъ свой долгъ при переправѣ и вернется цѣлъ. Что въ эти минуты испытывала моя душа, этого нѣтъ силъ описать, и къ удивленію моему я еще имѣла духу подхрипеть нѣсколькихъ молодыхъ офицеровъ и вольноопредѣляющихся нашего полка хорошо мнѣ знакомыхъ; они зашли ко мнѣ, простались въ полной увѣренности что живы не останутся: я ихъ воодушевила, и они пошли молодцами. Но вотъ наконецъ полкъ двинулся, колышатся его знамена, вижу мужа впереди... Куда дѣвалась вся моя храбрость, слезы льются безъ конца, чувствую что я близка къ рыданію...

15 іюня, въ Замкицъ, 9 часовъ утра. Вотъ пролетѣла мимо меня въ двухъ саженяхъ граната; она разомъ образумила меня и возвратила мнѣ силу и энергію, которыхъ я на время лишилась. Я тотчасъ же перебралась на другую квартиру чтобы выйти изъ-подъ выстрѣловъ и быть ближе къ шатрамъ нашего лазарета. Тороплюсь въ лазаретъ на работу, принявъ предварительно двойную порцію нервныхъ калелей. Весь лазаретъ на ногахъ и готовъ принять нашихъ доблестныхъ воиновъ страдальцевъ. Пальба усиливается, видно много дыма на правомъ берегу Дуная, никто не можетъ мнѣ объяснить, признакъ ли это побѣды или неудачи.

11 часовъ утра. Привезли первыхъ раненыхъ. Боже мой, какой ужасный видъ!... Мясо виситъ кусками, раны страшныя, не могла смотрѣть равнодушно на всѣ эти виды и судорожныя боли нашихъ страдальцевъ! Нервы одолѣли, не хватило характера—убѣжала; но вотъ везутъ еще раненыхъ, совѣсть упрекаетъ меня и заставляетъ побороть страхъ, иду, бѣгу на встрѣчу къ носилкамъ! на этотъ разъ почему-то докторъ не пустилъ меня въ палатку, сказавъ: „подождите, ваша работа впереди!“ Я опять вернулась назадъ, какъ вдругъ слышу санитары говорятъ тревожно между собой о томъ что три ливтона утонуло съ Подольцами! Боже! сердце такъ и запыло, вѣрно мужъ мой былъ на одномъ изъ нихъ, ноги дрожать, руки трясутся, не знаю у кого бы узнать кто именно утонулъ, слышу къ разговаривающимъ чтобъ узнать подробности дѣла, какъ вдругъ слышу, говорятъ съ другой стороны что командира Подольскаго полка, то-есть мужа моего, везутъ тяжело раненаго. Я такъ и зашаталась, но тутъ подвернулся мой денщикъ и подержалъ, стараюсь увести меня домой. Я вырвалась и стремглавъ, не помня что дѣлаю, полетѣла къ подѣхавшей лазаретной линейкѣ, изъ которой въ это время уже выводили подъ руки моего мужа, сильно блѣднаго, съ судорожнымъ движеніемъ лица. Увидѣвъ его на ногахъ, я отъ радости просто остолебѣла, потомъ зарыдала и бросилась ему на шею, я зарыдала, и далѣе ничего не помню. Мужъ меня успокоилъ, сказавъ что легко раненъ и просилъ прежде всего не забыть солдатъ, его боевыхъ сподвижниковъ съ нимъ вмѣстѣ доставленныхъ на перевязочный пунктъ. Я оломилась и ожила; я почувствовала новый притокъ силъ.

12 часовъ ночи. Сцена нашего свиданія съ мужемъ на перевязочномъ пунктѣ у нашего лазарета вышла очень трогательная; всѣ врачи (а ихъ было очень много) принимали самое живое участіе въ моемъ мужѣ, извлекали раздробленныя осколки кости и перевязали ему руку (въ которую онъ и былъ раненъ). Бѣдный мужъ мой, пока добрался съ мѣста боя на правомъ берегу къ перевозочному пункту на лѣвомъ берегу Дуная, въ Зимвицу, много потерялъ крови и сильно ослабѣлъ. Мужа отдали на мое леченіе, позволивъ взять его въ мою комнатку, куда я немедленно его увела, а успокоивъ его любѣжала въ лазаретъ и принялась за работу; число прибывающихъ раненыхъ между тѣмъ все возрастаетъ. Съ

энергіей принялась я за перевязки, съ такою энергіей какой прежде никогда не имѣла; весь ужасъ какъ рукой спало, я принялась за дѣло какъ опытная сестра милосердія, давно уже привыкшая къ подобнаго рода тяжелымъ картинамъ и надрывающимъ душу сценамъ. Нельзя выразить того какъ я чувствовала себя счастливою, когда мнѣ удавалось сдѣлать удачно перевязку и облегчить муки страдальцевъ! Какими благодарными глазами и они провожали меня! Сегодня пришлось поработать очень много, такъ что до самой поздней ночи мнѣ не удалось забѣжать домой и взглянуть на моего дорогаго больнаго. Раненыя которые покрѣпче безпрестанно обращались съ разными просьбами: кому дать вина, кому табаку, кто просилъ кулить ему огурецъ, кому написать письмо родителямъ, и вѣтъ словъ выразить какое истинное наслажденіе доставляетъ мнѣ возможность исполненія всѣхъ этихъ желаній. Раненыхъ солдатъ очень поражало что я имъ покулаю все чего они желаютъ и не беру съ нихъ за это денегъ, многіе совали свои колѣйки... и удивлялись что я отказывалась принять ихъ. Какое счастье быть при обязанностяхъ сестры милосердія, когда поставлена судьбой въ этой должности въ положеніе самостоятельное и имѣешь возможность сдѣлать изъ своихъ средствъ мелкіе расходы для успокоенія страдальцевъ; а самой-то какая радость когда можешь доставить удовольствіе, побаловать чѣмъ-нибудь страдальца на перевязочномъ пунктѣ! Ужасная мука была съ бѣльемъ. У насъ въ дивизионномъ лазаретѣ всего 80 комплектовъ, а раненыхъ все прибываетъ, и ихъ уже набралось нѣсколько сотенъ.

16 июня, 4 часа. Къ счастью подѣхали сестры С.-Петербургской и Георгіевской Крестовоздвиженской общины и привезли съ собой бѣлья и разныхъ снадобьевъ, какъ-то: сахару, чаю, палирось, сигаръ, и вывели насъ изъ затруднительнаго положенія. Съ пріѣздомъ четырнадцати сестеръ милосердія стало немного легче; старшею сестрой оказалась одна моя смоленская знакомая. Сестры усердно принялись за дѣло; какъ онѣ хорошо и ловко ухаживаютъ за ранеными! Все что нужно исполняютъ съ большою охотой и очень усердно. Я, какъ мало опытная по части перевязокъ, съ прибытіемъ четырнадцати сестеръ принялась исключительно за кормленіе страдальцевъ и взяла на себя присмотръ за порядкомъ и перемѣной бѣлья, которое приходилось мѣнять по нѣскольку разъ въ

день. И привезенныхъ запасовъ бѣлья оказывалось недостаточно, а перебивать не успѣвали. Прибывшихъ сестеръ я помѣстила на первое время у себя во дворѣ, разбивъ въ садикѣ двѣ палатки и, въ этотъ памятный для меня день побѣды одержанной нашею дивизіей и спасенія моего мужа отъ смерти, радости ради угостила всѣхъ сестеръ чаемъ и ужиномъ. Мужа моего въ это время безпрестанно навѣщали то офицеры, то солдаты его полка; я наша свободную минутку, попросила одного офицера, бывшаго близъ мужа въ минуту какъ онъ былъ раненъ, разказать мнѣ какъ было дѣло. Когда мужъ мой былъ раненъ, онъ не замѣтилъ этого, но потерявъ много крови упалъ; тогда одинъ изъ солдатъ полка (имя его осталось неизвѣстнымъ, что и лишило меня возможности вознаграждать его по мѣрѣ возможности) сильно перевязалъ его руку ремнемъ подъ мышкой, чтобъ остановить кровотеченіе, и старался привести въ чувство, послѣ чего онъ и былъ доставленъ на перевязочный пунктъ. вмѣстѣ съ мужемъ къ намъ привезли нѣсколько офицеровъ и солдатъ въ безсознательномъ состояніи, одинъ изъ нихъ лежитъ и все крестится; съ ними же былъ раненый унтеръ-офицеръ, ему раздроблено плечо, рана серіозная и очень мучительная, придется руку отнять. Этотъ въ полномъ сознаніи и все спрашиваетъ: не опасно ли раненъ командиръ полка; хотя ему запрещено разговаривать, но онъ все разказываетъ, какъ Подольцы взяли высоты и лорвали телеграфную проволоку на Сивцовскихъ высотахъ.

16го. Въ 5 часовъ пополудни свободная минутка. Замѣчательный выдался денекъ, такой хорошій что во всю дальнѣйшую жизнь его не забуду. Еще не успѣла я окончить всѣхъ утреннихъ перевязокъ какъ пріѣхалъ Главнокомандующій, обошелъ всѣхъ раненыхъ, съ каждымъ сказалъ нѣсколько словъ, моего мужа обнялъ, крѣпко поцѣловалъ и горячо благодарилъ за храброе боевое дѣло, затѣмъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ кѣмъ доставлены табакъ и вино которыми я въ это время угощала раненыхъ и узнавъ что это мое собственное выразилъ искреннюю благодарность. Черезъ часъ послѣ него, едва я успѣла попробовать лущу и распорядиться по хозяйственной части нашего лазарета и возвратилась къ раненымъ съ виномъ, водкой, какъ пріѣхалъ Государь съ Цесаревичемъ и Великими Князьями: узнавъ что въ числѣ раненыхъ находится командиръ полка,

Государь подозвалъ мужа, поблагодарилъ за славную службу и обнялъ его... На глазахъ Государя видны были слезы... Государь еще разъ поблагодарилъ мужа со словами: „Благодарю! ты исполнилъ данное мнѣ въ Кишиневѣ обѣщаніе!“ Затѣмъ Государь пошелъ по палатамъ къ другимъ страдальцамъ; здѣсь Государь засталъ меня у постели умирающаго прапорщика Здани, которому раздробило черепъ тою самою пулей которая ранила и моего мужа. Инспекторъ госпиталей арміи, генералъ Касинскій, тотчасъ же представилъ меня Государю, доложивъ что я жена того самаго командира съ которымъ Государь сейчасъ говорилъ. При этой рекомендаціи Государь подошелъ ко мнѣ, подаль руку, которую я отъ искреннаго сердца поцѣловала, и сказала снова, прослезившись: *благодарю васъ отъ души, надѣюсь что вы до конца не оставите этого святого дѣла за которымъ вижу васъ здѣсь!* Затѣмъ Государь спросилъ сколько лѣтъ я замужемъ и очень былъ удивленъ узнавъ что 12 лѣтъ. Обходя палаты, Государь подошелъ къ одному умирающему, поцѣловалъ его крѣпко и лично повѣсилъ ему на рубашку Георгіевскій крестикъ. При этомъ Государь заплакалъ и вышелъ изъ палатки, я тоже не могла равнодушно видѣть этой картины и разрыдалась какъ маленькая, позабывъ минуту и обстановку въ которой я находилась и строжайшій приказъ — не смѣть никогда при больныахъ выказывать своихъ чувствъ и огорченій, а напротивъ быть всегда веселою и всѣми мѣрами поддерживать у больныахъ бодрость духа. Выйдя изъ моей палатки, Государь снова подошелъ къ моему мужу сказавъ: *спасибо, спасибо вамъ обоимъ, тебѣ и жентѣ. Я съ васъ остертилъ исполнѣть преданнныа русскіяа людей, благодарю, не забуду васъ.* Моего мужа такъ растрогало такое вниманіе Государя что боль въ ранѣ усилилась и перешла въ нервный припадокъ; я поскорѣй увела его домой, давъ предварительно двойную порцію нервныхъ капель; но онъ все-таки весь день не могъ услокоиться, сильно страдалъ и боли его выражались подергиваніемъ всего лица, все ходилъ изъ угла въ уголъ, говоря что награжденъ царскимъ вниманіемъ не по заслугамъ, что солдаты и офицеры полка вели себя молодецки и что они дѣла сдѣлали, а что онъ, командиръ, ничего особеннаго сегодня не сдѣлалъ, находясь лишь на своемъ мѣстѣ во главѣ своего полка, и исполнилъ только свой долгъ. Однако надо бѣжать на вечернюю

перевязку; да еще обѣщала солдатуку написать письмо къ матери; также посмотрю что-то дѣлаетъ мой Георгіевскій кавалеръ, пришелъ ли бѣдняжка хоть на минуту въ сознаніе, чтобы порадоваться великой наградѣ лично возложенной на него Царемъ.

Два часа ночи. Какъ ни поздно, а не могу не записать что сегодня день какъ начался необыкновенно, такъ и кончился особенно. Предъ вечеромъ Государь прислалъ моему мужу въ награду Георгіевскій крестъ. Нѣтъ словъ выразить какъ мы счастливы... случилось это совсѣмъ неожиданно. По окончаніи работъ въ палатахъ я пришла домой съ профессоромъ Корженевскимъ и затемъ къ мужу, дабы сдѣлать ему нужную операцію и извлечь изъ раны раздробленныя кости; только-что расположились приступить къ дѣлу какъ вдругъ авилса красавецъ флигель-адъютантъ, мы не знали кто онъ. Незнакомецъ подошелъ прямо къ постели мужа, говоря: „поздравляю васъ съ Монаршею милостію“ и съ этими словами повѣсилъ ему на грудь, по повелѣнію Государя, Георгіевскій крестъ. Мужъ мой разчувствовался до слезъ и на радостяхъ пригласилъ флигель-адъютанта раздѣлить наше ликованіе: подали шампанскаго, и незнакомый вѣстникъ великой Монаршей милости принялъ участіе въ нашемъ семейномъ поздравительномъ тостѣ. Но каково же было наше удивленіе когда при прощаніи съ нимъ мужъ, пересиливая свою ужасную боль и едва справляясь со своимъ нервнымъ припадкомъ, спросилъ кого имѣетъ честь видѣть въ лицѣ вѣстника Царской къ нему милости и получилъ въ отвѣтъ что неузнанный имъ флигель-адъютантъ былъ Его Высочество Князь Сергій Максимиліановичъ Лейхтенбергскій! При этомъ извѣстіи мужъ былъ очень сконфуженъ, растерялся и сталъ извиняться. Его Высочество просилъ моего страдальца усложиться и, пожелавъ ему скорѣйшаго выздоровленія, простился со мною и моими гостями весьма любезно и удалился...

Сегодня некогда отдыхать, операція сдѣланная мужу окончилась вполнѣ благополучно; ради этого и подъ впечатлѣніемъ Царской милости моему больному лучше и обоимъ намъ стало весело на душѣ. Хотя я до того устала что ноги просто подкашиваются, но нужно идти снова въ лазаретъ посмотреть все ли въ порядкѣ: не заснули ли фельдшера, бодрствуетъ ли прислуга, обслуживаютъ ли

хорошо страдальцамъ; жаль что нѣтъ дежурныхъ сестеръ, всѣ онѣ уѣхали въ Патру вмѣстѣ съ транспортомъ раненыхъ. Послѣ очищенія нашего лазарета отъ раненыхъ, у насъ остались только тѣ тяжело раненые и ампутированные, которые не могутъ перенести перевозки, а потому мы ихъ еще придержимъ нѣсколько дней, затѣмъ передадимъ въ дивизионный лазаретъ 9й дивизию, который уже пришелъ сюда и разбилъ свои нары не далеко отъ насъ; нашъ же дивизионный лазаретъ готовится двигаться впередъ далѣе.

Юня 17, от Зиллициъ. Посѣтивъ ночью лазаретъ, нашла всѣхъ на своихъ мѣстахъ и дежурныхъ не спящими, а потому и вернулась домой и заснула часика три; ровно въ пять встала и опять пошла въ лазаретъ; больные уже стали просыпаться и началась перевязка; мои больные, увидѣвъ меня, какъ-то особенно обрадовались и сейчасъ же стали обращаться съ разными просьбами: кому поправить перевязку, кому чаю, кому водки, огурца, кому письмо написать къ роднымъ; пока удовлетворила всѣ просьбы наступило время обѣдать.

Сегодня у меня произошло первое, но крайне непріятное столкновение съ корпуснымъ докторомъ. Увѣзая, сестры передали въ мое распоряженіе присланные отъ Краснаго Креста продукты, какъ-то: оди́въ лудъ сахару, шесть фунтовъ чаю, двѣ сотни лалирось, двѣ сотни сигаръ, полбоченка спирту и одно ведро простаго молдаванскаго краснаго вина, и въ приѣмъ мною этихъ припасовъ отъ меня взяли расписку. Получивъ все это, я отправилась къ дивизионному доктору и отнесла записку въ которой было помѣчено все то что было мною принято и получила отъ него приказаніе—пока стоимъ на мѣстѣ держать все это у себя и выдавать раненымъ и больнымъ по моему личному усмотрѣнію; при этомъ почтенный докторъ прибавилъ что онъ это довѣряетъ мнѣ потому что мнѣ поручено хозяйство лазарета и что безъ моего глаза за хозяйствомъ больные не получали бы и четверти того что имъ слѣдуетъ и что они имѣютъ теперь. Я вернулась домой совершенно спокойная что исполнила свою обязанность какъ слѣдуетъ. Но вдругъ на вечерней визитаціи встрѣчаю корпуснаго врача; онъ напустился очень дерзко на меня съ упрекомъ какъ я смѣла принять вещи и даже взять ихъ въ свое распоряженіе и не отдала ему; какое я имѣю право здѣсь распоряжаться, что онъ самъ

желаетъ все это принять и раздѣлить между лазаретами по своему личному усмотрѣнію; кто мнѣ позволилъ распорядиться и т. д. Чѣмъ далѣе говорилъ корпусный докторъ, тѣмъ онъ дѣлался грубѣе и все болѣе забывался, а меня до того это взорвало что я пригласила его быть прежде всего вѣжливымъ, а затѣмъ и доложила ему что все принятое мною получено для передачи въ тотъ лазаретъ при которомъ я нахожусь не произвольно, а на вполне законномъ основаніи, и что о данномъ мнѣ разрѣшеніи находится до конца при лазаретѣ подтвердилъ не далѣе какъ вчера при всѣхъ самъ Государь Императоръ. Затѣмъ я объявила что на право распоряджаться приватымъ я уполномочена моимъ начальникомъ, дивизионнымъ врачомъ, къ которому и не угодно ли обратиться съ заявленіемъ претензіи. Тогда корпусный врачъ сейчасъ же перемѣнилъ тонъ; но все же таки чтобы не совсѣмъ мнѣ уступить, а показать свою власть, уже не приказалъ, а попросилъ вручить ему одинъ ящикъ лалирозъ и одинъ ящикъ сигаръ, выразивъ желаніе лично раздать ихъ больнымъ. Сегодня долго писала солдатикамъ письма, въ которыхъ дала денегъ отослать роднымъ и, Боже мой! какъ они мнѣ были искренно благодарны!

Мужу лучше, рана его причиняетъ ему уже менѣе страданій; цѣлый день его навѣщали офицеры его полка и разные другіе знакомые: навѣстилъ его также и генералъ Ванновскій, у котораго мужъ служилъ когда-то въ баталіонѣ лейбъ-гвардіи въ Финляндскомъ полку. Такое вниманіе очень тронуло моего мужа.

Юня 18, въ Зимницъ. Сегодня снова постигъ нашъ лазаретъ Государь. Онъ вспомнилъ о моемъ мужѣ, сказавъ „а гдѣ мой новый Георгіевскій кавалеръ?“ Немедленно по отъѣздѣ Государя нашъ лазаретъ снялся: часть больныхъ изъ тѣхъ что чувствовали себя покрѣпче отправили въ госпиталь въ Пятру, а слабыхъ передали въ лазаретъ 9й дивизіи. Я просто со слезами прощалась съ моими больными. Между ними попались два наши Подольца, тяжело раненные, одинъ въ грудь на вылетъ, а другой въ голову и въ спину; оба были особенно ко мнѣ привязаны и называли не иначе какъ ма-тушкой-благодѣтельницаей; но несмотря на всю привязанность не уговаривали меня остаться съ ними, а даже когда другіе солдатики стали упрашивать не уходить, а остаться при нихъ, Подольцы заявили что это будетъ несправедливо.

Пусть матушка, сестрица идетъ впередъ, пусть поухаживаетъ также и за другими, да и полковника нашего пусть не покидаетъ, вѣдь онъ бѣдный тоже сильно потерпѣлъ. Меня эти слова тронули до глубины души, и я едва-едва не расплакалась тутъ же; но принялась за дѣло, написала всѣмъ письма, сварила на дорогу кого могла деньгами и табакомъ, сигарами и папиросами и простилась со всѣми съ пожеланіемъ скорѣе выздоравливать и возвратиться кому въ свою семью, а кому въ ряды строя. Пока моя работа кончена, ибо лазаретъ нашъ уложился чтобы переправляться въ Систовъ, гдѣ снова лазаретъ развернется. Съ нами идутъ впередъ выздоравливающіе. Мой мужъ отказался отъ возвращенія въ Россію и тоже отправляется съ нами; онъ возвращается къ полку чтобы вести его далѣе впередъ; перевязки же будутъ необходимы мужу еще очень долго, но все это ему будутъ дѣлать на бивуакѣ при полку.

Систовъ съ 15 іюня занятъ нашими войсками и Турки прогнаны. Правленіе учреждено наше и временнымъ губернаторомъ назначенъ командиръ Житомирскаго полка полковникъ Тяжелыниковъ; въ городѣ на ряду съ ликованіемъ о побѣдѣ идетъ отлускъ войскамъ довольствія изъ захваченныхъ нами турецкихъ запасовъ.

Іюня 19го, въ Зимницѣ. Навѣстила оставшихся въ лазаретѣ 9й дивизіи своихъ раненыхъ, которые вчера такъ улаживали не покидать ихъ. Хотя они уже перешли въ руки другой сестры, но я все же цѣлый день провела съ ними, расспрашивала объ ихъ домашней жизни, писала имъ письма, читала Евангеліе, которое солдатики очень любятъ слушать, лишь бы чтеніе происходило на славянскомъ, а не на русскомъ языкѣ.

Сегодня лазарету нашему нельзя было переправиться—цѣлую ночь была страшная буря, которою и лорвало мостъ и затѣмъ должно бы было переправиться только на лодочкѣ, такъ какъ днемъ Дунай былъ очень неспокоенъ, то врачи и не позволили моему мужу выѣхать, и потому оставшись въ Зимницѣ я еще разъ имѣла удовольствіе навѣститъ моихъ раненыхъ въ лазаретѣ 9й дивизіи.

20го іюня. Вотъ я въ Систовѣ: переправились благополучно, мы прошли очень спокойно по вновь наведенному лонтовому мосту; теперь приблизившись къ берегу, я могла убѣдиться въ той страшной трудности какую пришлось

одолѣть нашимъ солдатамъ при переправѣ 15 юня. Берегъ къ которому приставали наши лодки, каждый шагъ котораго должны были брать съ бою у Турокъ, вовсе не похожъ на обыкновенные рѣчные берега; онъ представляетъ совершенно отвѣсную, почти перпендикулярно возвышающуюся надъ рѣкой скалу, и для того чтобы на нее взлѣзть, первые переправившіеся солдаты должны были изображать изъ себя лѣстницу, ставоваясь одинъ на другаго и такимъ образомъ достигали уступовъ въ скалѣ, съ которыхъ продолжали подниматься дальше, разрабатывая спускъ для послѣдующихъ: все это приходилось устраивать подъ страшнымъ огнемъ, но съ Божіею помощію нашимъ молодцамъ Волындамъ, твердымъ духомъ и богатымъ отвагой, удалось-таки взять берегъ и прогнать Турокъ. Дорога къ Систову очаровательная, она чрезвычайно живописна, вся въ садахъ и виноградникахъ, но эти сады совсѣмъ не обработаны и пробираться по раздѣляющимъ ихъ дорогамъ въ экипажѣ почти нѣтъ никакой возможности. Большую часть дороги мы принуждены были идти лѣшкомъ и все по горамъ; вообще съ большимъ трудомъ мы добрались до Систова. Городъ этотъ должно-быть прежде былъ довольно хорошъ, теперь онъ представляетъ только развалины, уцѣлѣли лишь нѣкоторые домики Болгары, турецкая же часть города вся разрушена. Видъ города совершенно особенный: улицы такъ узки что небольшому парному экипажу съ большимъ трудомъ можно проѣхать и то задѣвая за стѣны домовъ; улицы вымощены крупнымъ камнемъ, почти такой величины какъ употребляемые у насъ на фундаменты домовъ; дома все деревянные, окнами во дворъ и всѣ двухъэтажные; вторые этажи выдаются впередъ на одинъ аршинъ, такъ что вторые этажи какъ бы висятъ на воздухѣ. Болгары, а въ особенности Болгарки сильно обрадовались, увидѣвъ въ лицѣ моемъ впервые русскую женщину: всю дорогу Болгарки подходили ко мнѣ (и такъ какъ мы шли лѣшкомъ), обнимали, цѣловали, повторяя „добре дошла“. Я не зная языка отдѣлывалась отвѣтными поцѣлуями и улыбочкой; изъ многихъ домовъ выбѣгали хозяйки и подавали мнѣ букеты цвѣтовъ, а другія бросали цвѣты подъ ноги; цыны крестили, благословляли, словомъ, выражали свою радость какъ могли и какъ умѣли. Квартирку отвели намъ хорошенькую, хозяйка встрѣтила очень радушно, сейчасъ же привнесла варенья и холодной ключевой воды (я забыла сказать что по

дорогѣ къ Систову мнѣ бросались въ глаза великолѣпныя фонтаны, устроенныя въ скалахъ весьма часто, вездѣ эта вода холодная и очень пріятная на вкусъ). Хотя было еще очень рано, но жара стояла уже сильная. Дорога сильно измучила моего мужа и его рана страшно разболѣлась, рѣзкія боли повторились, но несмотря на это онъ все-таки вступилъ снова въ командованіе полкомъ. На бивуакѣ отъ бездѣлья солдаты завели споры между собою о томъ, кому первому досталось вступить въ Систовъ. Офицеры разказывали, какую имъ встрѣчу устроили Болгары когда они впервые входили въ городъ, предварительно очистивъ его отъ Турокъ (очищенію этому помогали и Болгары, они съ ожесточеніемъ бросались жечь и разорять турецкіе дома и даже рѣзали Турокъ, лишь дошаа до Болгаръ вѣсть о счастливой переправѣ Русскихъ черезъ Дунай); при вступленіи нашихъ войскъ весь городъ вышелъ на встрѣчу съ хлѣбомъ-солью, кромѣ того, кто тащилъ барана, кто быка, надѣвали на штыки солдатамъ вѣнки; женщины весь путь ихъ осыпали цвѣтами, бросались со слезами на шею солдатамъ, называя ихъ *братушками*, мужчины тащили табакъ, водку, приговаривая „много благодарны“. Оваціи продолжались два дня; нынче всѣ поуспокоились.

22 *июля*. Лазаретъ нашъ помѣстили въ бывшей турецкой школѣ; комнаты большія, воздуху много, даже больше чѣмъ нужно, такъ какъ окна всѣ перебиты: помѣщеніе все же очень хорошее и удобное; сейчасъ привезли двухъ страшно безчеловѣчно раненыхъ Болгаръ: у одного изрубленъ весь черепъ вдоль и поперекъ, у другаго не осталось на тѣлѣ ни одного живаго мѣста, весь израненъ пулями. Турки напали на нихъ въ полѣ во время занятія полевыми работами; съ изрубленными Болгарами пришли ихъ жены, онѣ рыдаютъ съ воемъ на весь лазаретъ. Сколько мнѣ ни приходилось перевязывать и видѣть раненыхъ, такихъ изувѣченныхъ не было ни одного; видно что надъ ихъ страданіями Турки издѣвались. Весь лазаретъ принялъ въ нихъ живое участіе, но врядъ ли можно что сдѣлать. Доктора говорятъ что съ раздробленнымъ черепомъ можетъ еще прожить сколько-нибудь, а другой несчастный врядъ ли и до вечера дотянетъ. Ужасное положеніе когда знаешь что нѣтъ никакой возможности помочь, а тутъ приходится утѣшать семью и увѣрять въ противномъ. Обѣ Болгарки не отстаютъ отъ меня, цѣлуютъ

колѣни, просятъ по-болгарски сласти ихъ мужей. До того тяжело что едва-едва сдерживаю слезы, а между тѣмъ улыбаюсь чтобъ ихъ услокоить. Кромѣ этихъ Болгарь, у насъ раненыхъ нѣтъ, а потому и работы немного.

Систова, 23 іюня. Какъ предсказывалъ докторъ, такъ и вышло: израненый Болгаринъ скончался сегодня ночью. Жена его въ страшномъ отчаяніи, нельзя оторвать отъ трупа, рыдаетъ на весь лазаретъ. Болгары Систова многіе приходили навѣстить ее и собрали денегъ; хотять похоронить хорошенько. Вернулась изъ лазарета вся взволнованная, а тутъ опять подыались непріятности отъ строеваго начальства. Оно снова намекаетъ что не мѣшало бы мнѣ увѣхать изъ арміи и воротиться назадъ въ Россію; на ту же тему плакать ежедневно и моего мужа; началась опять та же лѣсна что и передъ переправой. Мужъ страшно страдаетъ и отъ своей раны и отъ пиленія озлобленныхъ. Кому я мѣшаю? приложить свои заботы на пользу страдальцевъ мнѣ уже пришлось, а испытавъ разъ радость помощи и служенія страдающему ближнему, конечно ничто не можетъ заставить меня отказаться отъ обязанности сестры милосердія. Я дала обѣтъ Богу, дала слово Государю на перевязочномъ пунктѣ въ Зимницѣ—прослужить всю войну при нашихъ страдальцахъ. Развѣ присутствіе мое въ арміи при святомъ дѣлѣ служенія раненымъ мѣшаетъ чему-нибудь? Развѣ полкъ моего мужа не дрался доблестно и со славой у Систова? Развѣ мужъ мой не ладъ въ этотъ день раненый во главѣ своего полка? Развѣ кровью добытая слава полка и сдѣланное полкомъ боевое дѣло въ чемъ-либо пострадали отъ того что у каждаго изъ насъ свое дѣло... У мужа впереди—въ бою, среди своихъ боевыхъ товарищей, а у меня—у перевязочнаго пункта, чтобы тамъ облегчить судьбу страдальцевъ пролившихъ кровь по долгу присяги за Россію и Царя. Но вѣдь всѣ эти наладки происходятъ отъ эгоизма и бездѣлья. Буду помнить мой обѣтъ. Господь читаетъ въ нашихъ сердцахъ.

25 іюня. Лазаретъ нашъ готовится къ движенію впередъ; приливъ больныхъ малый. Хожу по городу и знакоблюсь съ бытомъ Болгарь, они очень радушно меня принимаютъ; но ужасно трудно объясняться не зная языка. Сегодня вошла въ Систовъ первая пѣхотная дивизія; встрѣтилась съ нѣсколькими старыми знакомыми и немножко забылась отъ непріятностей.

26 *юня*. Слава Богу, послѣдній день въ Систовѣ, завтра выступаемъ; теперь полки пойдутъ отдѣльно впередъ, а лазаретъ будетъ слѣдовать на полперехода за бригадой; всѣ рады что идемъ впередъ, но что насъ тамъ ждетъ, неизвѣстно; думаю что все лучше чѣмъ стоять на мѣстѣ и отъ бездѣлья предаваться напрасной раздражительности.

27 *юня*. Полки ушли впередъ, а лазарету приказано слѣдовать за обозомъ. Мы выступили въ пять часовъ пополудни и пошли форсированнымъ маршемъ; но съ обозомъ ужасно неприятно идти: какая-нибудь одна подвода отстала, и всѣ должны останавливаться и ждать пока она подтянется, а такъ какъ повозки тяжелыя, то намъ остановку приходится дѣлать чуть не на каждой верстѣ; это крайне утомительно и скучно. Дорога пролегаетъ по горамъ, жара невыносимая, и небо все покрылось свинцовыми тучами; уже начинается блестящая молнія и вѣроятно къ ночи разыграется страшная южная гроза, а мы вышли поздно, переходъ назначенъ большой, слѣдовательно придется заночевать въ полѣ. Несмотря на всѣ ужасы какіе пришлось испытать въ первомъ днѣ, я все не могу побѣдить въ себѣ боязнь грозы, и теперь я вся въ страхѣ. Весь нашъ лазаретный персоналъ очень ко мнѣ внимателенъ, всѣ принимаютъ такое живое участіе, а почтенный нашъ дивизионный докторъ ухаживаетъ за мною какъ отецъ. Боязнь грозы усиливается и нѣтъ возможности укрыться гдѣ-либо подъ крышккой—неприятно! Но чего не случается въ походѣ!

28 *юня*. Какъ я пережила эту ночь! Какъ отъ страха не умерла! Была такая страшная гроза какой я никогда еще не видывала. Всю ночь мы провели въ полѣ, нельзя было двинуться, не видно слѣда дороги. Одинъ ударъ разразился у самаго моего экипажа; молнія попала въ дерево, которое разщелилось, но, къ счастью, гиганта свалило въ противоположную сторону. Четверка моя испугалась и такъ дернула въ сторону что экипажъ едва не опрокинулся; я всю ночь просидѣла въ своемъ фазтонѣ ни жива, ни мертва, мысленно прощаясь съ мужемъ, съ жизнью. Къ счастью, со мной находился одинъ изъ нашихъ врачей, который все время подбадривалъ меня. Сегодня, въ 8 часовъ утра, мы двинулись дальше; но благодаря страшной грозѣ должны были идти шагомъ, такъ какъ не смѣли отдаляться отъ полковыхъ обозовъ (къ которымъ нашъ лазаретъ былъ прикомандированъ). Весь день проплака,

желая догнать наши полки, но когда подошли къ мѣсту ихъ остановки у деревни Царевичи, то уже не застали ихъ: они выступили дальше, а ихъ бивуачныя мѣста заняла 1я дивизія.

29 іюня. Пришлось сдѣлать большой переходъ, а потому на полдорогѣ сдѣлали привалъ. Во все время пути мы нигдѣ не встрѣтили ни одного Турка, шли спокойно какъ у себя дома, а между тѣмъ въ ожиданіи боя намъ придали въ прикрытіе роту лѣхоты, никогда не находившуюся до настоящаго времени при насъ. По пути рѣзко бросалось въ глаза и очень непріятно на насъ дѣйствовало то что какія бы деревни мы ни проѣзжали, почти всѣ онѣ были объаты пламенемъ. Кто былъ виной этихъ пожаровъ, остается неизвѣстнымъ. Болгары всѣ бѣжали, лобросавъ все свое хозяйство; жатва послѣла, а поля не убраны! Нашимъ лошадамъ было раздолье: какъ только обозъ останавливался, солдаты тотчасъ принимались косить и приносили лошадямъ цѣлыми снопами уже вполне поспѣваго хлѣба, и только благодаря этому лошади могли спокойно дѣлать по 50 верстѣ въ день, а не будь этихъ полей съ созрѣвшимъ хлѣбомъ, не знаю чтѣ бы намъ пришлось и дѣлать, такъ какъ товарищество намъ ни въ чемъ не помогало, а кулить зерна или муки было не у кого и не гдѣ. Привалъ почему-то былъ мнѣ особенно пріятенъ: потому ли что я очень устала ѣхать, или потому что прошлую ночь такъ перетревожилась; но сегодня я съ особеннымъ удовольствіемъ напилась чаю въ обществѣ нашихъ достойныхъ медиковъ, подъ великолѣпнымъ широкимъ орѣховымъ деревомъ, широко раскинувшіяся вѣтви коего укрыли насъ вполне отъ сильно палящихъ лучей солнца. Только къ 11 часамъ вечера мы прибыли къ назначенному пункту и размѣстились на горѣ; внизу пролегаетъ Тырновское шоссе, лазаретъ нашъ развернулся и разбилъ свои шатры какъ разъ противъ полковъ нашей дивизіи. Говорятъ что здѣсь, не въ далекомъ одна отъ другой разстояніи, размѣщено нѣсколько дивизій, въ виду ожидаемаго нападенія турецкой арміи подъ командой Керимъ-паши, который будто бы собирается бросить Шумлу и собравъ войска находящіяся вблизи Варны и Руцукъ дать здѣсь генеральное сраженіе. Въ ожиданіи сраженія мы здѣсь расположились вполне въ боевомъ порядкѣ и приготовились встрѣтить врага. Впервые приходится мнѣ занимать опредѣленное мѣсто въ боевой позиціи войскъ.

30 іюня. Разбила свою палатку, жара страшная, просто

нигдѣ мѣста не найти, занятій въ лазаретѣ почти нѣтъ. Такъ какъ больныхъ очень мало, то я отъ нечего дѣлать принялась за работу, достала свою швейную ручную машинку чтобы шить рубашки для лазарета. Вечеромъ, когда жара спала, я со своимъ зятемъ хирургомъ отправились къ мужу на бивуакъ Подольскаго полка и къ прискорбію моему застала его совсѣмъ больнымъ въ походной постели; рана причиняла ему серьезныя страданія, вызвавшія сильный жаръ и лихорадку; боюсь чтобы не разыгралось чего серьезнаго. Къ 10 часамъ вернулась въ свою ламатку, спать не хочется, тоска страшная; хотя Турокъ нигдѣ и не видно, но говорить что дня три все же стоимъ еще тутъ.

3 июля. Сегодня неожиданно на нашъ бивуакъ явился братъ моего мужа, артиллеристъ. Встрѣча была самая радужная (въ чужой сторонѣ родной человѣкъ—что можетъ быть пріятнѣе?) Братъ нашъ потерялъ всѣ свои вещи и деньги гдѣ-то на Румынской желѣзной дорогѣ и идетъ все время, пробираясь лѣшкомъ со своею батареей въ 9й бригадѣ, такъ какъ почтовыхъ нѣтъ и нигдѣ подводы нанять нельзя. Братъ говоритъ что шелъ такъ спокойно, какъ у себя дома, не встрѣтилъ нигдѣ ни одного Турка, должно-быть задали мы имъ страху при переправѣ что всѣ куда-то поспрачались. Сегодня на бивуакъ пріѣхало нѣсколько сестеръ Георгіевской общины, онѣ кажется хотятъ присоединиться къ лазарету 9й дивизиі, который прошелъ впередъ; мы не успѣли ихъ хорошенько разспросить, а я такъ даже благодаря жарѣ не выходила обѣдать къ нашему походному артельному столу.

4 июля. Въ часъ ночи получили приказаніе выступить. Поднялась страшная суета и въ 4 часа утра выступили. Теперь можетъ-быть уже совсѣмъ не увижусь съ мужемъ, такъ какъ полкъ идетъ въ одну сторону, а мы въ другую; сойдутся ли опять наши отряды?

5 июля. Переходъ до Тырнова хотя и не большой, всего 15 верстъ, а между тѣмъ благодаря приказанію идти съ дивизионнымъ обозомъ и подъ прикрытіемъ двухъ ротъ, мы прошли эти 15 верстъ въ теченіе 13 часовъ, при жарѣ въ 50 градусовъ. Я измучилась. Не было силъ даже любоваться прекрасною живописною мѣстностью: вся дорога идетъ вдоль рѣчки, между горъ, на самой возвышенности которыхъ справа и слева почти одинъ противъ другаго расположились до

монастырю. Крутизны страшныя; не видно ни подъема, ни спуска. Мы двигались этотъ разъ безобразно, часто останавливались и на неопредѣленное время, вслѣдствіе чего на пути неудалось даже валиться чаю. Голова до того нестерпимо разболѣлась что пришлось обливать ее у фонтана холодною водою... Еще живая добѣжала до Тырнова. Пока добрались до отвѣднаго намъ мѣста, пришлось проѣхать весь городъ. Здѣсь на видѣ все благополучно, не видно никакихъ слѣдовъ разрушенія. Городъ расположенъ по скаламъ; видѣ великолѣпный; но страшно смотрѣть на эти домики, они кажутся приклеенными на выступлахъ скалы, такъ и ждешь что вотъ сейчасъ постройки эти сорвутся и упадутъ. Конструкція ихъ такая же какъ и въ Систовѣ, улицы такія же узенькія, но мостовая нѣсколько сноснаѣе. Болгарки и здѣсь меня встрѣтили также радушно какъ въ Систовѣ, всю дорогу подбѣгали къ фаetonу и цѣловались; изъ всѣхъ оконъ бросали цвѣты въ фаetonъ, дѣвушки подносили ихъ цѣлыми букетами, такъ что пока я добѣжала до моста, въ моемъ фаetonѣ не было мѣста отъ цвѣтовъ и букетовъ и сама я вся была засыпана ими. Нашъ лазаретъ расположенъ на этотъ разъ очень дурно и неудобно: на площади среди обозовъ другихъ частей войскъ (не вдалекѣ отъ квартиры Главнокомандующаго), въ грязи и воню нестерпимой. При моей головной боли мнѣ сдѣлалось тутъ до того худо что я готова была лучше умереть чѣмъ тутъ оставаться. Наши доктора привали во мнѣ живое участіе, отыскали поблизости комнатку у Болгарки и тотчасъ же перенесли туда сперва мои вещи, а затѣмъ перевели и меня. Послѣ всѣхъ испытанныхъ за день мученій очутившись подъ крышею дома, я почувствовала себя какъ въ раю и тотчасъ же заснула; но вскорѣ была разбужена криками и музыкой; несмотря на все нездоровье я вскочила и выбѣжала къ хозяевамъ узнать причину: оказалось что Главнокомандующему привезли ключи отъ Никольской крѣпости, гдѣ взято 10 осадныхъ орудій и знамена, поэтому и идетъ при его квартирѣ ликованіе. Болгары тоже всѣ рады и несмотря на то что уже ночь, весь городъ оживленъ, ходятъ съ фонарями и кричатъ ура. Болгары свою радость выражаютъ тѣмъ что ходятъ по улицамъ съ заряженными ружьями и стрѣляютъ въ воздухъ: не могу сказать чтобъ эта забава понравилась кому-либо изъ насъ, того и жди кого-нибудь подстрѣлять; лучше расходовали бы порохъ на Турокъ.

6 июля. Утромъ служили на площади благодарственный молебенъ, среди всѣхъ войскъ, въ присутствіи Главнокомандующаго. Всѣ присутствующіе были въ розовомъ настроеніи и съ сіяющими лицами; у всѣхъ замѣтна была неподдѣльная радость. Я стояла вблизи, среди Болгарокъ, и видѣла какъ у нихъ отъ радости слезы лились изъ глазъ. Когда провозглашено было походнымъ протодіакономъ многолѣтіе Государю и его побѣдоносному воинству, едва лѣвчіе начали лѣвніе *многая мѣта*, Болгары и Болгарки не выдержали, зашевелились, замахали платками и кричали: „да живетъ Царь Александръ и Русскіе братья избавители!“ Стали бросать шалки. По окончаніи молебна, при проѣздѣ Главнокомандующаго, раздалось такое единодушное теплое и богатырское ура! что кажется весь городъ задрожалъ. Вернувшись домой я уснула, но была разбужена письмомъ отъ мужа; оказалось что онъ серьезно боленъ послѣ полученнаго вчера солнечнаго удара и послѣдовавшаго затѣмъ лихорадочнаго припадка. Изъ письма узнала что мой дорогой больной находится съ полкомъ въ деревнѣ Лясковицахъ, въ шестнадцати верстахъ отъ Тырнова: сразу прошло все веселое настроеніе и стало невыносимо тяжело; ѣду съ развѣтомъ въ эти Лясковицы навѣстить больного мужа... Правда, при немъ неотлучно полковые врачи и офицеры полка, тамъ же и почтенный нашъ Туркестанецъ. Зная ихъ я увѣрена что всѣ они сдѣлали все что необходимо больному, душевная тревога за дорогаго друга и мужа все-таки влечетъ меня къ больному; и ему и мнѣ станетъ легче....

7 июля. Здѣсь въ городѣ все тихо и мирно, никто ловидимому не боится и не ждетъ нападений. Я, заласпясь позволеніемъ своего старшаго доктора, на своей четверкѣ съѣздила въ Лясковицы, во всю дорогу туда и обратно не встрѣтивъ ни одного Турка.

Узенькая дорожка идетъ въ ущельѣ между отвѣсными скалами; справа обрывы и внизу течетъ горная рѣчка, а слѣва высокія скалы, такія высокія что голова кружится; взглянешь на верхъ, сердце страшно забьется и чувствуешь свое ничтожество: такъ и ждешь что кусокъ скалы отвалится и задавитъ на мѣстѣ; страшно и жутко, а вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то хорошо на душѣ. Надъ головой ларягъ орлы такъ красиво и плавно что не хочется глазъ оторвать отъ нихъ; на каждомъ шагу попадаются фонтаны, и такая живописная дорога тянется сплошь до города Орѣховца,

а затѣмъ уже картина мѣняется и дорога идетъ между полей покрытыхъ хлѣбомъ. Природа здѣсь вообще такъ разнообразна что взоръ то и дѣло перебѣгаетъ съ одного предмета на другой, не зная на чемъ остановиться. Мужа застала слабымъ послѣ лихорадочнаго припадка; квартирка у него хорошенькая, весь дворъ набитъ биткомъ разнаго вида хлѣбомъ; здѣсь тоже все спокойно и о Туркахъ даже не говорятъ. Вечеромъ уѣхала и вернулась къ своему лазарету въ Тырново когда уже совсѣмъ стемнѣло. Подъѣзжала къ городу въ то время какъ солнце садилось: здѣсь съ мостика открылся такой прелестный видъ на городъ что я долго простояла на мѣстѣ, не въ состояніи оторвать глазъ отъ этого великолѣпнаго вида. Весь Тырновъ какъ на ладони, осѣщенный солнцемъ; не часто случается увидѣть что-либо подобное.

Вернувшись, явилась къ своему старшему доктору, отблагодарила за отпускъ и какъ разъ послѣла ко времени раздачи ужина больнымъ. Нашъ лазаретъ перемѣстили сегодня съ площади въ садъ, помѣщеніе отличное, каждая палатка окружена деревьями, больнымъ здѣсь легко и прохладно, мнѣ такъ это мѣсто нравится что я тоже перейду сюда изъ занимаемой мною квартиры. Опять гремитъ музыка и крики *ура* доносятъ до насъ. Опять побѣда. Говорятъ Гурко взялъ Шилку; но подробности пока неизвѣстны, завтра утромъ опять ждемъ торжества. Какая счастливая кампанія! Неужели такъ-таки пойдетъ и далѣе и мы безъ особаго труда заберемъ Константинополь? Ужъ конечно не кончимъ кампанію прежде взятія Царьграда.

8 июля. Сегодня въ главной квартирѣ торжество по случаю взятія Шилки. Гурко прислалъ Главнокомандующему турецкое знамя, два значка, 8 горныхъ орудій. Молебствіе вышло какъ-то еще торжественнѣе чѣмъ день тому назадъ. По окончаніи молебна Главнокомандующій посѣтилъ госпитали, зашелъ и въ нашъ лазаретъ, былъ необыкновенно веселъ, очень любезно со мною поздоровался и спросилъ много ли больныхъ и поздравилъ съ побѣдой. Великій Князь поговорилъ ласково съ нѣкоторыми больными. Сейчас узнала отъ старшаго доктора что у мужа повторился пароксизмъ острой дунайской лихорадки и потому въ виду близости отъ насъ больнаго, я получила не только разрѣшеніе, но просто приказаніе ѣхать къ нему, такъ какъ больныхъ у насъ въ

лазаретѣ мало и присмотрѣть за ними взялся самъ дивизионный врачъ.

10 июля. Мужу лучше; но я еще пробуду нѣсколько дней, такъ какъ получила записку отъ старшаго доктора чтобъ я не торопилась, что у насъ остался въ лазаретѣ одинъ только больной и что дѣла пока нѣтъ, а потому онъ мнѣ разрѣшаетъ ухаживать за раненымъ мужемъ, пока меня не вытребу-ють запиской къ лазарету.

13 июля. Вотъ уже бѣ день какъ я сижу въ Ласковицахъ, — мужъ на ногахъ и почти здоровъ; но меня не вызываютъ. Одинъ баталіонъ Подольцевъ пошелъ въ рекогносцировку, подобныя военныя прогулки повторяются каждый день, но никакихъ извѣстій не приносятъ. Всѣ находятся въ какомъ-то уныніи, никто не понимаетъ что за причина такой долгой остановки. Мужъ на ногахъ, и я завтра же возвращусь къ своему лазарету въ Тырновъ.

14 июля. Въ полку подвѣялась суета, получено отъ начальника дивизіи приказаніе быть готовымъ отразить непріятеля, такъ какъ вчера у авангарда нашего отряда произошла стычка съ Турками и въ Якутскомъ полку убито 20 и ранено 11. Полку приказано двинуться на помощь; узнавъ объ этомъ, я тотчасъ же выѣхала изъ Ласковицъ къ своему лазарету.

Въ Тырновѣ опять ликование: наши Волынцы получили награды за переправу; ура и звуки музыки оглашаютъ воздухъ. Болгары ждутъ пріѣзда Государя, готовятъ Ему квартиру на живописномъ мѣстѣ, на горкѣ, не далеко отъ нашего лазарета. Командира Волынскаго полка произвели въ генералы и назначили бригаднымъ въ 5ю дивизію. Сегодня впервые пронеслись зловѣщія слухи о нашихъ неудачахъ, говорятъ что нашему быстрому шествію впередъ вдругъ явилось неожиданное прелѣтствіе, и не впереди, а сзади, въ какой-то Плевнѣ (о которой никто ничего и не зналъ даже); войска 5й дивизіи наткнулись будто бы совсѣмъ неожиданно на непріятеля. Они, привыкнувъ не встрѣчать на всемъ пути непріятеля, забыли всѣ боевыя предосторожности, и бригада входила въ Плевну какъ къ себѣ въ какую-нибудь русскую деревню съ музыкой и лѣсками; но вмѣсто встрѣчи съ хлѣбомъ-солью ихъ встрѣтили Турки свинцовымъ огнемъ, изъ домовъ, куда засѣлъ непріятель въ громадномъ числѣ. Начальство не потрудилося предварительно развѣдать, и вотъ бѣдная вторая бригада пятой дивизіи легла чуть не цѣлкомъ.

Это извѣстiе всѣхъ насъ страшно поразило, а мнѣ все не вѣрится, думается что это все злословіе скуки ради. Не могу сообразить, какъ могло случиться что спереди, со стороны опасности, получаютъ извѣстiя о побѣдахъ, а сзади, гдѣ мы считаемъ себя чуть не въ родной Смоленской губерніи, у насъ такая непріятная штука! Просто ума не приложу какъ это случилось.

15 іюля. Несмотря на тревожные слухи изъ Плевны и о томъ что не предусмотрительно квартира Главнокомандующаго очутилась въ авангардѣ арміи,—положеніе, какъ говорятъ, въ военномъ отношеніи довольно критическое,—не замѣтно чтобы предпринималось что-либо чтобы выйти изъ затрудненія. Все стоимъ на мѣстѣ; отъ нечего-дѣлать лѣхала прокатиться, осмотрѣть окрестности Тырнова. Какая богатая жатва! Количество разнообразнаго хлѣба бросается въ глаза. Изъ всего видно что Болгары живутъ гораздо лучше самыхъ богатыхъ нашихъ крестьянъ; у каждаго болгарскаго крестьянина домъ въ два этажа, внизу сараи, конюшни и кухня, вверху жилыя комнаты, по пяти и по шести, изъ коихъ въ двухъ живутъ, а остальные обращены въ кладовыя, наполненныя также какъ и двory хлѣбомъ, ячменемъ, овсомъ, кукурузой, который и идетъ имъ въ лицу; а избытокъ, котораго громадное множество, они продаютъ въ окрестности Тырнова. Болгары не бросили жатвы и производятъ теперь уборку полей. При видѣ всего этого богатства невольно, рождается вопросъ: кого мы пришли спасать? гдѣ же угнетенные Болгары? не по ошибкѣ ли мы попали въ Болгарію? Но такимъ представляется дѣло подъ влияніемъ лишь перваго впечатлѣнія; если же провѣрить кажущееся, то прйдешь къ другимъ выводамъ. Были ли притѣснены Болгары Турками? Конечно, тысячу разъ да! Турки не отняли у Болгаръ только того что не въ силахъ были отнять, а именно климата, плодородной земли и трудолюбія, но за то всѣ нравственныя святыни ихъ были попораны Турками, и какъ не содрогнуться когда вспомнишь что богато надѣленные отъ природы Болгары были обречены такъ долго на невѣжество подъ гнетомъ турецкаго ига. При такой обстановкѣ каждый Болгаринъ вѣчно дрожатъ за существованіе себя и семьи и зналъ что сласти жизнь, избѣгнуть ссылки и заточенія можно было только откулившись деньгами у алчныхъ агентовъ Турецкаго правительства. И вотъ живя, приобрѣтеніе и

накопленіе богатства составляли цѣль существованія Болгаръ въ теченіе пятнадцатилѣтняго рабства, а благодатныя условія природы, то-есть каимать и почва, вмѣстѣ съ трудолюбіемъ Болгаръ, помогли имъ дойти до того благосостоянія которое теперь насъ поражаетъ.

16 іюля. Стоимъ на мѣстѣ, дѣла никакого; но что-то не видно и не слышно уже того веселья какъ въ первые дни нашего пребыванія здѣсь. Говорятъ что въ Плевнѣ все что-то неладно, но положительнаго свѣдѣнія ни отъ кого получить нельзя. Видно только что и войска и Болгары находятся въ возбужденномъ состояніи. Болгары говорятъ что отъ Ласковичъ Турки близко и тамъ ждуть съ часу на часъ наладенія. Подольцы на чеку, и при мнѣ вышелъ куріозъ: казаки ѣздили за фуражемъ и въ числѣ шести человекъ прискакали во весь духъ къ мужу, съ докладомъ что показались въ десяти верстахъ баши-бузуки. Мужъ, не довѣряя сбивчивымъ показаніямъ казаковъ, послалъ развѣздъ подъ командой офицера развѣдать въ чемъ дѣло, и оказалось что казаки обманулись и надѣялись фальшивой тревоги: на указанномъ ими мѣстѣ находился тырновскій губернаторъ генералъ Домантовичъ, который объявлялъ что-то Болгарамъ.

17 іюля. Что-то, какъ видно, затѣвается: первый полкъ 14й дивизіи двинуть куда-то въ резервъ въ 45 верстахъ отъ Тырнова, но у насъ пока тихо—ни приказаній, ни перемѣнъ никакихъ нѣтъ.

19 іюля. Пользуясь тишиной и спокойствіемъ и полнымъ бездѣльемъ въ лазаретѣ, старшій докторъ предложилъ мнѣ съѣздить въ Ласковичи. Я конечно воспользовалась, но застала мужа огорченнымъ: два офицера изъ поступившихъ изъ отставки подстрѣлили другъ друга и оба ранены довольно опасно; не успѣвъ оъ разобрать этой исторіи какъ его потребовали къ начальству для полученія приказаній; оъ ушелъ, а въ отсутствіе его и я совсѣмъ неожиданно получила приказаніе немедленно вернуться къ лазарету по случаю послѣдовавшаго приказанія немедленно выступить изъ Тырнова. Я выѣхала немедленно, и къ счастью на дорогѣ встрѣтила мужа и простилась оъ нимъ, узнавъ что у нихъ еще нѣтъ никакихъ распоряженій о выступленіи. Подѣхала я къ лазарету уже готовому къ выступленію. Двинулись. Прошли тридцать верстъ и въ 12 часовъ ночи остановились на ночлегъ въ полѣ; здѣсь я узнала что мы идемъ въ Ловчу, гдѣ находится бригада 9й дивизіи и гдѣ

дѣла идутъ дурно: Турки тамъ, разказываютъ, вырѣзали Болгаръ. Ожидаютъ подъ Ловчей сраженія. Туда двинуть Скобелевъ, и полагаютъ что равныхъ будетъ такъ много что одному лазарету не справиться. Ночь проведу въ своемъ экипажѣ не разбивая палатки.

20 июля. Выступили въ 6 часовъ утра, а въ 12 остановились на привалѣ въ 15 верстахъ отъ города Сельви: подгородная деревенька эта очень живописна: стоило бы срисовать прилегающій лѣсокъ, а городъ весь въ грушевыхъ деревьяхъ, плоды послѣли, и мы, пообедавъ (въ сухую), занялись сбиваніемъ грушъ которыя оказались очень вкусны. За этимъ дѣломъ время прошло незамѣтно, и мы двинулись дальше. Въ 8 часовъ вечера вошли въ самый городъ Сельви. Здѣсь мнѣ впервые пришлось во очію познакомиться со всеми ужасами турецкаго варварства: не успѣли мы показаться какъ насъ тотчасъ же обступили цѣлыя толпы несчастныхъ оборванныхъ, почти раздѣтыхъ Болгарокъ, съ совершенно обнаженными дѣтьми на рукахъ, и со страшнымъ воплемъ обратились къ намъ съ просьбами и жалобами, спрашивая скоро ли придетъ войско и защититъ ли ихъ отъ Турокъ, которые уже разорили всю Ловчу. По словамъ разказчиковъ, Турки загнали Болгаръ въ церковь и тамъ на алтарѣ совершили ужасныя безчинства, вырывали изъ рукъ матерей ихъ дѣтей и тутъ же въ глазахъ били и убивали, и затѣмъ наругавшись и надъ матерями и дѣвучками убивали и ихъ. Нѣкоторымъ посчастливилось слести свою жизнь бѣгствомъ въ Сельви, гдѣ и остались пока на прокормленіи у горожанъ. Хотя они и отпускаютъ ежедневно по хлѣбу на человѣка, но приставаща дать не могутъ, и потому эти несчастные валяются на улицахъ и терпятъ холодъ. Сердце кровью обливается глядя на нихъ. Я не совсѣмъ довѣрала разказамъ о томъ что Болгары мученики; сегодня пришлось убѣдиться въ справедливости этихъ разказовъ.

Сегодня разказывали что подъ Плевной 18 июля происходило кровавое избіеніе нашихъ войскъ и мы потерпѣли полную неудачу, потерявъ до 10.000 убитыми и ранеными. Это извѣстіе до того озадачило главную квартиру что пришлось подумать о положеніи дѣла сзади, для чего и пришлось перейти поближе къ Плевнѣ. Чтобы не встревожить умы въ Тырновъ, Главнокомандующій, не предупредивъ даже свою свиту и конечно уже совсѣмъ неожиданно для Болгаръ, за два часа до

выступленія нашего лазарета изъ Тырнова уѣхалъ изъ города, оди́нь въ сопровожденіи дежурнаго адъютанта. За этимъ послѣдовалъ и переходъ всей главной квартиры въ Горній Студень. Въ этотъ же день незамѣтнымъ образомъ одна за другою части войскъ почти всѣ оставили Тырново, и когда уже выступили послѣдніе, Болгары съ большимъ недоумѣніемъ и страхомъ спрашивали насъ, куда мы идемъ и зачѣмъ? и правда ли что Турки обложили Тырново, и чтѣ имъ дѣлать, бѣжать или оставаться? По дорогѣ къ Сельви мы встрѣтили нѣсколько каравановъ изъ ословъ навьюченныхъ имуществомъ Болгаръ бѣгущихъ и направляющихся въ Балканы чтобы тамъ укрыться отъ врага.

21 іюля. Сегодня намъ отвели помѣщеніе позади города по Тырновскому шоссе, въ кукурузномъ полѣ, между горами; мѣсто это почему-то считаютъ наиболѣе безопаснымъ въ случаѣ нападенія Турокъ изъ Ловчи. Мы немного пообчистили кукурузы и въ этомъ хорошо взбитомъ черноземѣ разбили свои палатки. Въ городѣ Сельви застали мы начальника 9й дивизіи со всѣмъ его штабомъ. Войска этой дивизіи на Шулкѣ и у Балканъ. Несмотря на всѣ ужасы въ Ловчѣ, видѣть не видно чтобы шли туда наши войска. Сельвійскіе жители всѣ уложились, въ страшномъ волненіи, все ждутъ нападенія.

22 іюля. Пріѣхалъ въ Сельви адъютантъ Главнокомандующаго, капитанъ Ласковскій, и вмѣстѣ съ начальникомъ штаба и адъютантомъ 9й дивизіи осматривали всю мѣстность и назначали пункты которые нужно укрѣпить: влѣво отъ города уже начали сооружать укрѣпленія. Слухи ходятъ очень неутѣшительные; мы уже несомнѣнно окружены Турками и изъ наступательнаго перешли въ оборонительное положеніе. Получила съ оказіей письмо отъ мужа, онъ пишетъ что и они находятся въ такомъ же неопредѣленномъ положеніи; никакихъ распоряженій о движеніи нѣтъ.

23 іюля. Стоимъ на мѣстѣ, но въ воздухѣ не спокойно. Болгары ходятъ всѣ встревоженные. Не у кого распросить чтѣ дѣлается въ Плевнѣ. Ловчинскіе бѣженцы разказываютъ ужасные страхи, но вѣдь луганая ворона и куста боится, а потому въ разказахъ пострадавшихъ бѣженцевъ трудно отдѣлать правду отъ вымысла и преувеличенія. Пока нѣтъ раненыхъ, а больныхъ очень мало, я занимаюсь въ лазаретѣ одною только хозяйственною частью и у меня очень много свободнаго времени. Во время вечеряго чая ко мнѣ въ

палатку зашелъ маленькій мальчикъ Болгаринъ девяти лѣтъ и просилъ взять его къ себѣ, чтобъ увезти въ Россію учиться. У меня нѣтъ своихъ дѣтей и вѣрно Господь посылаетъ мнѣ этого сироту: схожу завтра къ его роднымъ, если отдадутъ—возьму.

24го. Никакихъ перемѣнъ. Мальчика съ радостію отдали; я попросила приготовить всѣ бумаги, и онъ уже у меня, очень доволенъ своимъ положеніемъ и мнѣ веселѣе.

25го. Пришелъ Болгаринъ въ нашъ лазаретъ и заливаясь горючими слезами просилъ пойти въ городъ посмотрѣть и, если можно, пособить его родственнику, искалѣченному Турками въ Ловчѣ. Я съ зятемъ хирургомъ сейчасъ же поѣхала въ указанное мѣсто, и въ грязной комнаткѣ, во второмъ этажѣ, нашла несчастнаго всего израненаго, совершенно голаго и съ залекшимися ранами, а въ головной ранѣ засѣли двѣ лули. Лежитъ онъ на голыхъ доскахъ. Стоны его просто раздирали душу, мы вѣдучи думали захватить его съ собой и сдѣлать перевязки уже въ лазаретѣ, ибо не захватили съ собой никакихъ перевязочныхъ средствъ, а между тѣмъ оказалось необходимымъ немедленно обмыть и перевязать, пришлось разорвать свою юбку и платки носовые. Кое-какъ связали лоскуты и приготовили бинты и компрессы. Обмывка и перевязка изувѣченнаго Болгарина заняла часа съ три. Затѣмъ достали у Болгаря кое-что изъ одежды и при помощи ихъ смесли раненаго съ лѣстницы. Уложили его въ мой экипажъ, а сами пошла съ боку, поддерживая страдальца, и едва живаго довели до лазарета. Доктора объявили что нѣтъ надежды на его выздоровленіе. Сегодня пришла 1я бригада нашей 14й дивизіи, и вотъ собрался отрядъ для защиты Сельви и Ловчи отъ вторженія Турокъ.

Юль 26. Сегодня князь Мирскій завѣждалъ навѣстить своихъ больныхъ, зашелъ и ко мнѣ въ палатку, попросилъ сопровождать по лазарету, все время былъ очень внимателенъ и со многими больными разговаривалъ. Весь день дождь льетъ, грязь невылазная.

Юль 27. Только что начала засыпать какъ была разбужена въ 3 часа ночи и потребована къ больнымъ: привезли раненыхъ изъ-подъ Ловчи. Скобелевъ дѣлалъ рекогносцировку, результатомъ которой пока было нѣсколько человекъ убитыхъ и 22 раненыхъ: большинство казаки, они страшно искалѣчены, жаль смотрѣть на нихъ, въ особенности одинъ

производить тяжелое впечатлѣніе: онъ раненъ въ животъ навзлѣтъ и страдаетъ страшно; его стоны душу раздираютъ, тѣмъ болѣе что помочь почти ничѣмъ нельзя. Старшій докторъ назначилъ мнѣ восемь человекъ для перевязки; въ ихъ числѣ два казака, оба сильно страдаютъ, но съ большою твердостью переносятъ перевязку, даже не поморщатся (у одного прострѣлено бедро, а другой раненъ въ грудь на вылетъ). Раненые до того симпатичны что я стараюсь угадывать ихъ желанія и стараюсь всѣми зависящими отъ меня мѣрами облегчить ихъ страданія, за что и они благодарно смотрятъ на меня. Какъ ни тяжело видѣть страданія, но я все же очень рада что опять у дѣла, опять чувствую что я нужный человекъ. Только къ вечеру, послѣ вечерней перевязки, я кое-какъ долмыла до своей палатки; она вся въ водѣ, хотя ее и окопали со всѣхъ сторонъ канавами и завѣсили войлоками, но все же внутри палатки страшная сырость. Вѣроятно завтра буду больна, такъ какъ сильно промочила ноги; калоши утонули въ грязи и я весь день путешествовала въ мокрыхъ сапогахъ и собираюсь еще и ночью сходить по палатамъ; вѣдь трудно раненые спать не могутъ, а санитары и фельдшеръ вѣрно уснутъ. Всѣ раненые поручили мнѣ на сохраненіе свои деньги, много времени ушло на записываніе имени каждаго и количества полученныхъ мною денегъ и затѣмъ адресовъ ихъ родныхъ, для пересылки имъ въ случаѣ смерти страдальцевъ.

Юля 28. Старшій докторъ приказалъ какъ можно скорѣе перевязать и накормить раненыхъ и отправить ихъ въ Тирновскій подвижной госпиталь. Мнѣ съ большимъ трудомъ удалось упросить его оставить моихъ 8 человекъ у насъ здѣсь, пока имъ не станетъ нѣсколько лучше. Нѣтъ словъ выразить ихъ радость при моемъ извѣстіи что они остаются на моихъ рукахъ еще нѣсколько времени. Самый лучший хирургъ пользуется моихъ больныхъ, и я какъ-то особенно привязалась къ этимъ раненымъ, въ особенности къ двумъ казакамъ; мнѣ грустно подумать о томъ что предстоитъ ихъ отправить отсюда чрезъ нѣсколько дней въ тяжелыхъ страданіяхъ: иначе нельзя, ибо мы въ такомъ положеніи находимся что каждую минуту можемъ получить приказаніе выступить, а между тѣмъ еслибъ удалось продержатъ ихъ при хорошемъ сердечномъ уходѣ съ мѣсяцъ, то выздоровленіе ихъ было бы вполне обезпечено. Остальныхъ двѣнадцать раненыхъ моихъ

накормила и кого усадила, а кого уложила въ кареты, снабдила ихъ на дорогу табакомъ, сигарами и деньгами. Когда все было кончено и нужно было трогаться въ путь я едва не разстроилась до слезъ,—такъ сердечно и искренно благодарили сперва Государыню Царицу за то „что придумала сестеръ“, а потомъ меня за то что по-Божьему служила имъ. Всѣ эти благодарности и благословенія исходили отъ чистаго сердца страдальцевъ. Дождь льетъ какъ изъ ведра, да къ тому же еще гроза; нервы мои отъ грозы и безъ того за нынѣшній день такъ измучены что мнѣ въ первый разъ чего-то страшно. Я одна съ девятилѣтнимъ Болгарчикомъ, который спитъ безмятежнымъ сномъ; моя горничная — дѣвчушка Василій, далеко, и мнѣ безотчетно страшно, заснуть не могу!

29 июля. Дождь все продолжалъ лить не переставая ни на минуту, грязи вездѣ по колѣно, ходить по лалаткамъ ужасно тяжело. Обходя раненыхъ, я промокла до костей. При дѣлѣ переодѣваться двадцать разъ нѣкогда,—обсохнуть и на мнѣ, чувствую что я теперь нужна, а слѣдовательно совершенно покойна за себя, я не должна и не могу теперь заболѣть! Говорятъ за Ляковицемъ идетъ бой. Чтò съ мужемъ? живъ ли онъ? не раненъ ли опять, не убитъ ли предъ полкомъ? Уповаю на Господа! Скорбѣть о мужѣ не время имѣя массу страдальцевъ на рукахъ; нашъ лазаретъ въ большой тревогѣ, не знаемъ чтò дѣлать, утромъ по дорогѣ изъ Тырнова прискакалъ Болгаринъ страшно встревоженный; говорить что Турки наступаютъ на насъ и что недалеко отсюда встрѣтилъ толпу башибузуковъ скакавшихъ въ направленіи къ ближайшей деревнѣ. Всѣ перелопотились, старшіе и младшіе начальники засуетились, всѣ кричатъ и торолятся, начался беспорядокъ. Старшій докторъ первый растерялся; кричитъ чтобы скорѣй закладывали ливетки и укладывали раненыхъ и больныхъ. Поднялся хаосъ. Пока мы всѣхъ раненыхъ перечисляли и уложили въ кареты прошло не мало времени и только въ четыре часа пополудни успѣли отправить наши транспорты въ Тырново. Я плакала прощаясь съ моими ранеными. И съ этою партией повторились тѣ же сердечные прощанья... уѣзжавшіе посылали отъ сердца слово признательности вашему лазарету. Въ прикрытіе транспорту дали нѣсколько санитаровъ, снабдивъ ихъ почему-то заряженными ружьями. Мы всѣ въ тревогѣ, чтò намъ дѣлать? Приказаній отъ начальства нѣтъ никакихъ; всѣ восемь ружей

какія у насъ были отдали мы санитарамъ отправленнымъ сопровождать транспортъ раненыхъ, такъ что если на насъ ночью нападутъ, то намъ нечѣмъ будетъ и защищаться, а на Болгаръ надежда плохая; рыцарскихъ наклонностей у нихъ не замѣчается. Медики наши судили, рядили и кончили тѣмъ что послали въ полкъ попросить роту въ прикрытіе. Пока роты нѣтъ, старшій докторъ приказалъ разставить вокругъ палатокъ санитаровъ и вооружилъ ихъ вмѣсто ружей длинными палками отъ носилокъ на томъ основаніи что въ темнотѣ не замѣтно съ чѣмъ они ходятъ. Все это вышло очень комично и нельзя было не посмѣяться при видѣ подобныхъ защитниковъ! Всю ночь мы просидѣли у своихъ повозокъ въ полной готовности выступить, всѣ кареты были запряжены, все готово чтобы немедленно сняться и идти. Не знаю почему, но во время всей окружавшей меня суеты, дошедшей до вооруженія санитаровъ палками, не было страшно, а напротивъ смѣшно было смотрѣть на всю эту тревогу; мнѣ все кажется что Болгаринъ со страха навралъ и надѣлалъ всѣмъ намъ напрасно хлопотъ.

30 июля. Напрасно только всю ночь мы не спали, никакого нападена къ счастью не послѣдовало, а утромъ пріѣхалъ адъютантъ князя Мирскаго и сообщилъ намъ что Болгаринъ напрасно насъ налугалъ, что вчера Бранскій баталіонъ ходилъ въ указанную имъ деревню, но не нашли тамъ никакихъ бати-бузуковъ. Болгары продолжаютъ быть въ страшной тревогѣ. Для услокоенія ихъ въ городѣ ночью патрулируютъ солдаты отъ дежурной роты. Князь Мирскій обѣщалъ и намъ на ночь прислать въ прикрытіе тоже роту. Такъ какъ погода все не улучшается, дождь все льетъ попрежнему, раненыхъ всѣхъ вчера отвезли въ Тырново, а слѣдовательно дѣла въ лазаретѣ нѣтъ никакого, то старшій докторъ со всѣми врачами уговорилъ меня переѣхать съ бивуака въ городъ, чтобы сколько-нибудь отдохнуть отъ грязи, сырости и холода. Когда, уступая общей просьбѣ моихъ почетныхъ сослуживцевъ, я согласилась, то сейчасъ же одинъ изъ докторовъ нашелъ мнѣ квартиру при самомъ въѣздѣ въ городъ и къ вечеру я уже переселилась подъ крышу и отсюда пишу эти строки. Отведенный мнѣ домикъ прехорошенькій, онъ съ балкономъ и садикомъ, около дома протекаетъ рѣчка и кругомъ все горы; видъ изъ квартиры великолѣпный. Хозяева полались очень радушные, но всѣ въ страшной

тревогѣ, они ждутъ нападенія изъ Ловчи, все у нихъ уложено и каждую секунду готовы забрать все и бѣжать. Послѣ долгой жизни въ палаткѣ или экилажѣ, съ какимъ я наслажденіемъ провожу сегодня день въ теплой и сухой комнатѣ!

Августа 1, 2 и 3. Первые три дня августа прожила въ городѣ, въ своей квартиркѣ, совершенно спокойно, но не могла куда выходить, такъ какъ жизнь въ палаткѣ отозвалась такъ: я простудилась и немного прихворнула. Зашелъ старшій докторъ и уговорилъ воспользоваться свободнымъ и пока относительно спокойнымъ временемъ съѣздить въ Ласковицы навѣстить мужа и самой въ дорогѣ скорѣй можно будетъ поправиться.

Августа 4. Выѣхала рано въ 7 часовъ утра; на подорогѣ въ Тырновѣ остановилась покормить лошадей и къ 5 часамъ вечера была уже въ Ласковицахъ и на этотъ разъ застала мужа здоровымъ. Всѣ мои тревоги за него были напрасны; у нихъ все тихо, хотя населеніе находится и здѣсь въ напряженномъ состояніи, ожидая съ минуты на минуту нападенія Турокъ. Здѣсь встрѣтилась съ однимъ капитаномъ генеральнаго штаба, принимавшимъ личное участіе въ дѣлѣ 18 іюля подъ Плевной. Онъ не можетъ равнодушно говорить объ этомъ боѣ, чувствуетъ себя нравственно потрясеннымъ; по словамъ его, страшная неудача наша 18 іюля произошла отъ небрежности начальствующихъ лицъ, допустившихъ безлечность въ боевыхъ колоннахъ и не сдѣлавшихъ рекогносцировки. Полки пострадавшіе 18 іюля, по мнѣнію разкащика, утратили духомъ и убиты неудачей. Мнѣ, полной надеждъ на блистательный конецъ кампаніи, весь этотъ разказъ крайне тяжелъ. Случилась, правда, неудача; но гдѣ и съ кѣмъ ея не бываетъ: неужели же отъ этого можно пасть духомъ? Тѣмъ не менѣе очень жаль что бѣда случилась и что она огорчила Царя и его сподвижниковъ, отъ великихъ до малыхъ, въ ту именно минуту когда нужно желать всѣмъ не ослабленія, а возбужденія нервовъ.

Августа 5. Мужъ хотѣлъ меня позабавить, позвалъ полковую музыку въ нашъ садикъ; но едва музыканты принялись исполнять *Рогенду*, какъ посылались выстрѣлы. Всѣ перелопошились, побѣжали узнавать чтò за причина, оказалось что на краю села загорѣлся домъ, и Болгары подняли стрѣльбу по своему обычаю чтобъ извѣстить жителей

о пожарѣ. Хотя Болгары знаютъ свой обычай, но теперь всѣ переполошились и воображали что это Турки подождли въ видѣ сигнала, а потому всѣ принялись стрѣлять пулями, а не холостыми зарядами, какъ это бываетъ у нихъ въ спокойное время. Вслѣдствіе извѣстія о пожарѣ мужъ отпустилъ музыку, дежурныя части полка вышли по тревогѣ на пожаръ. Мужъ и самъ отправился на мѣсто несчастія чтобы точнѣе разузнать что за причина, а между тѣмъ приказалъ охранять всю деревню. Я осталась одна въ садикѣ, какъ вдругъ мимо меня просвистѣла пуля и ударила въ то дерево подъ которымъ я стояла. Я до того перепугалась что едва добѣжала въ комнату какъ со мной сдѣлался нервный припадокъ; я не помню что со мной было; но когда открыла глаза, то увидѣла возлѣ себя мужа, разказывающаго другому офицеру про пожаръ. Онъ меня совершенно успокоилъ... Турокъ конечно не оказалось, загорѣлась кузница отъ простой неосторожности. Какъ ни утѣшительно было это извѣстіе, тѣмъ не менѣе всю ночь никто не ложился, всѣ чего-то ожидали.

6 августа. Мужъ получилъ приказаніе чуть свѣтъ выступить съ полкомъ къ Еленѣ, вся наша бригада идетъ туда же.

7 августа. Жара стоитъ такая что я упросила мужа не провожать меня, и мы простились дома часовъ въ одиннадцать, я уѣхала въ страшной тоскѣ. Онъ идетъ въ кровавое дѣло, да и безъ нашего лазарета. Кто ему поможетъ если, чего Боже сохрани, опять будетъ раненъ? при нихъ кромѣ полковаго доктора нѣтъ никакого. Не успѣла пріѣхать какъ меня навѣстили всѣ наши доктора и просидѣли со мной цѣлый вечеръ, обмѣниваясь новостями дѣйствительными и вымышленными, развлечения ради, подъ влияніемъ разстроенныхъ нервовъ.

8 августа. День прошелъ спокойно, жара стоитъ невыносимая; просидѣла дома за шитьемъ больнымъ бѣлья.

9го. Цѣлый день прошелъ въ страшной тревогѣ! Утромъ вбѣжалъ ко мнѣ Болгаринъ страшно блѣдный съ крикомъ: „бѣгите скорѣй, башки-бузуки идутъ къ Сельви!“ Подбѣжала къ окну, вижу весь народъ бѣжитъ съ навьюченными ослиами: крикъ, плачь, паника полная. Хозяева мои тоже убѣжали, бросивъ домъ; едва успѣла я одѣться какъ влетѣлъ ко мнѣ докторъ, блѣдный, залыхавшійся и, не говоря ни слова мнѣ, приказалъ человѣку какъ можно скорѣе укладывать мои вещи

и запрягать лошадей. Не прошло и пяти минутъ, прилетѣлъ нашъ общій любимецъ старичекъ аптекарь съ подводой забирать меня: живо уложили всѣ мои вещи и въ десять минутъ перевезли меня съ моимъ мальчикомъ опять на лазаретный бивуакъ, который я застала на этотъ разъ на военномъ положеніи, окруженнымъ двумя ротами солдатъ, залегшими за возведенными ими околами. Такимъ образомъ совсѣмъ неожиданно я снова очутилась въ своей палаткѣ. Вблизи ея застала всѣхъ нашихъ въ страшной тревогѣ. И только лишь вечеромъ разъяснилось что никакихъ баши-бузуковъ нѣтъ; адъютантъ Мирскаго пріѣхалъ съ приказаніемъ приготовить нѣсколько кроватей для раненыхъ и рассказалъ что Турки дѣлали рекогносцировку и 400 Черкесовъ напали на казачій ликеть изъ 40 казаковъ которые защищались очень храбро, но все же должны были отступить; Черкесы тоже вернулись назадъ. У насъ всю эту тревогу надѣлалъ казакъ, отправленный съ донесеніемъ къ Мирскому. Онъ былъ пьянъ, скакалъ какъ сумашедшій и кричалъ во все горло: „спасайтесь, баши-бузуки идутъ на васъ!“ Въ 8 часовъ вечера къ намъ привезли пять казаковъ раненыхъ; я опять взяла ихъ подъ свое покровительство, но двое несчастныхъ такъ страшно искалѣчены что врядъ ли поправятся. Сегодня рано утромъ отъ насъ ушелъ на Шилку форсированнымъ маршемъ Бравскій полкъ. Говорятъ тамъ что-то плохо.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Е. ДУХОНИНА.

ГРЕКО-БОЛГАРСКІЙ ЦЕРКОВНЫЙ ВОПРОСЪ

ПО НЕИЗДАНЫМЪ ИСТОЧНИКАМЪ *

V.

Фирманъ 1870 года, составляющій эпоху въ церковной греко-болгарской распрѣ, состоитъ изъ 11 пунктовъ:

1) Образуется особый церковный округъ подъ официальнымъ названіемъ Болгарскаго экзархата, въ составъ коего, вмѣстѣ съ нижепоименованными митрополитами и епископами, входятъ нѣкоторыя другія мѣстности. Управленіе духовно-религіозными дѣлами этого округа будетъ вполнѣ предоставлено самому экзархату.

2) Старшій по сану изъ митрополитовъ этого округа будетъ носить титулъ экзарха. Ему принадлежитъ право каноническаго предсѣдательства въ Болгарскомъ синодѣ.

3) Внутреннее духовное управленіе экзархатомъ будетъ опредѣлено, согласно съ основными канонами и религіозными постановленіями православной церкви, уставомъ которой будетъ представленъ на одобреніе и утвержденіе султанскаго правительства. Уставъ этотъ будетъ составленъ такъ чтобы патріархъ не могъ ни прямо ни косвенно вмѣшиваться въ духовныя дѣла и въ особенности въ избраніе епископовъ и экзарха. По избраніи экзарха Болгарскій синодъ даетъ знать объ этомъ патріарху, который немедленно же даетъ требуемую утвердительную грамоту.

* См. № 5 Русск. Вѣстн.

4) Экзархъ, назначаемый султанскимъ бератомъ, обязанъ будетъ сообразно съ церковными правилами почитать имя Константинопольскаго патріарха. Но прежде чѣмъ состоится избраніе экзарха, султанскому правительству должно быть представляемо то лицо которое признано будетъ достойнымъ быть возведеннымъ въ это званіе.

5) Экзархъ имѣетъ право по дѣламъ касающимся подчиненныхъ его духовному управленію мѣстностей сноситься непосредственно съ мѣстными властями и, въ случаѣ нужды, съ Портой. Особливо же бераты, даваемые духовнымъ лицамъ принадлежащимъ его вѣдомству, будутъ даваемы лишь съ его извѣщенія.

6) По дѣламъ касающимся православнаго вѣроисповѣданія требующимъ совмѣстнаго совѣщанія, Болгарскій синодъ относится ко вселенскому патріарху и его синоду; эти же послѣдніе должны давать ему просимую помощь и отвѣчать безъ замедленія на запросы которые имъ будутъ предъявляемы.

7) Св. муро Болгарскій синодъ будетъ брать отъ Константинопольскаго патріарха.

8) Епископы, архіепископы и митрополиты подчиненные вселенскому патріарху, могутъ безпрепятственно проѣзжать чрезъ епархіи Болгарскаго экзархата, точно также какъ и болгарскіе епископы, архіепископы и митрополиты могутъ проѣзжать чрезъ епархіи Константинопольскаго патріарха, имъ дозволяется пребывать въ главныхъ городахъ вилаетовъ и въ другихъ административныхъ центрахъ, но они не могутъ внѣ своего духовнаго округа созывать синодъ, ни вмѣшиваться въ дѣла христіанъ не принадлежащихъ ихъ духовному вѣдомству, ни священнодѣйствовать безъ разрѣшенія епископа той мѣстности гдѣ они находятся.

9) Подобно тому какъ Іерусалимское подворье находящееся въ Фанарѣ зависитъ отъ патріарха Іерусалимскаго, точно также Болгарское подворье и церкви находящіяся въ той же мѣстности будутъ зависетьъ отъ экзарха Болгарскаго. Каждый разъ когда экзарху необходимо будетъ пріѣзжать въ Константинополь, ему дозволяется жить въ своемъ подворьѣ. Что же касается священнодѣйствій, которыя экзархъ можетъ совершать во время пребыванія своего въ столицѣ, то онъ подчиняется тѣмъ же самымъ церковнымъ правиламъ которымъ въ подобныхъ обстоятельствахъ подчиняется патріархи Александрійскій, Антиохійскій и Іерусалимскій.

10) Въ составъ Болгарскаго экзархата входятъ епархіи: Руцукская, Силистрийская, Шумленская, Тырновская, Софійская, Врацкая, Тульчинская, Виддинская, Нишская, Шаркейская, Кюстендильская, Самаковская, Велесская, Филлипопольская, Сливненскій округъ и уѣздъ Сазовольскій, за исключеніемъ около двадцати селъ Черноморскаго побережья между Варной и Ыюстеджи, населенныхъ не Болгарами, за исключеніемъ городовъ Варны, Анхіала, Месемвріи, Филлипополя и Станимаха съ деревнями Куклина, Водена, Арнауткѣй, Панагія, Ново-село, Лесково, Ахлиявъ, Бачково, Вѣлаштица и монастырей Балковскаго, Св. Безсребренникосъ, Св. Параскевы и Св. Георгія. Приходъ Св. Богородицы, внутри Филлипополя, войдетъ въ составъ экзархата, но жителямъ этого прихода предоставляется свобода не подчиняться, если того пожелаютъ, экзархату. Подробности касательно этого пункта будутъ опредѣлены по соглашенію между патріархіей и экзархатомъ и сообразно съ церковными и религіозными постановленіями. Сверхъ перечисленныхъ и поменованныхъ выше мѣстностей, если жители другихъ мѣстъ исповѣдующіе православную вѣру пожелаютъ всѣ единогласно, или по крайней мѣрѣ двѣ трети обитателей, подчиниться Болгарскому экзархату и если послѣ разсѣдованія будетъ доказано что это справедливо, просьба ихъ должна быть уважена. И такъ какъ подобное заявленіе должно быть сдѣлано всѣми обывателями, или по крайней мѣрѣ двумя третями ихъ, то тѣ которые будутъ пытаться посягать между жителями раздоръ будутъ отвѣтственны предъ закономъ.

11) Порядокъ монастырей находящихся въ предѣлахъ экзархата и по вѣроисповѣданнымъ законамъ зависящихъ отъ патріарха остается тотъ же самый и будетъ соблюдаетъ и впредь.

По содержанію своему фирманъ согласенъ съ измѣненными патріархомъ постановленіемъ комиссіи и разится отъ него слѣдующими положеніями: церковь Св. Богородицы въ Филлиполѣ предоставляется экзархату, бераты выдаются прямо экзарху помимо патріарха, имя патріарха поминается лишь экзархомъ, а не всѣми епископами и, наконецъ, самое главное, число епархій можетъ увеличиваться подачей годовъ населенія.

Посолъ нашъ, способствовавшій изданію фирмана, видѣлъ въ

немъ зародышъ будущей независимости Болгаръ, народность которыхъ впервые была признана официально Портой и получила право отдѣльнаго существованія. Въ нашемъ посольствѣ радовались что Турецкое правительство озабочилось прекращеніемъ раздора авторитетомъ свѣтской власти, принявъ на себя все бремя неблагоприятнаго труда и избавивъ насъ отъ нареканій и усиленія подозрительности западныхъ державъ, неминуемыхъ въ случаѣ еслибы такое рѣшеніе состоялось нашими стараніями.

При всемъ томъ мы никакъ не могли смотрѣть на издавіе фирмана какъ на окончательное и законное разрѣшеніе существующихъ между Греками и Болгарами церковныхъ несогласій, тѣмъ болѣе что, съ одной стороны, сама Порта признавала за фирманомъ законную и обязательную силу лишь потому что, по ея мнѣнію, онъ основывается на проектѣ самого патріарха, а съ другой, независимость патріаршаго престола въ дѣлахъ, мы не могли признать законности вѣшателства мусульманской власти, не рискуя въ то же время своимъ собственнымъ достоинствомъ и вліяніемъ. Окончательное рѣшеніе вопроса могло быть достигнуто лишь примиреніемъ Грековъ съ Болгарами и каноническимъ установленіемъ будущихъ отношеній между вселенскою патріархіей и Болгарскимъ экзархатомъ.

Не такъ смотрѣли на вопросъ Болгары; они считали его уже разрѣшеннымъ окончательно. Напрасно русскій посолъ говорилъ имъ что на фирманъ обнародованный вопреки волѣ патріарха нужно смотрѣть лишь какъ на одинъ изъ эпизодовъ борьбы, или какъ на точку отпавленія новаго примирительнаго настроенія долженствующаго соединить въ одно общее цѣлое всѣ христіанскія народности Оттоманской имперіи. Болгары стояли на своемъ, твердо вѣруя въ заключительныя слова дарованнаго имъ фирмана: „les articles ci-dessus seront regardés dorénavant comme une règle de conduite qui ne sera pas enfreinte“. Послѣдующія событія не разъ показали что Турецкое правительство мало обращало вниманія на это условіе и нѣсколько разъ собиралось измѣнить фирманъ, который Болгары считали непреложнымъ.

Вдобавокъ, предоставляя Болгарамъ права и преимущества, фирманъ обуславливалъ ихъ соблюденіемъ извѣстныхъ обязанностей вытекающихъ изъ церковной зависимости

эксархата отъ Константинопольской патріархіи, обязательствъ опредѣленныхъ статьями 3, 4, 6, 7 и 9, исполнить которыя безъ соглашенія съ патріархіей является дѣломъ немислимымъ.

По моему мнѣнію, въ ту минуту когда Порта давала фирманъ она далека была отъ мысли искренно примирить обѣ враждующія народности; напротивъ, давая Болгарамъ видимое удовлетвореніе 10 ст. фирмана, она сдѣлала изъ нея именно Царягскую стрѣлу. Дѣйствительно, включая въ эту статью условіе о подачѣ голосовъ по крайней мѣрѣ двумя третями обитателей и зная всю трудность провѣрки и практическаго примѣненія этой мѣры, Порта широко открыла двери для раздора между Болгарами и Греками и посвяла между ними сѣмена всяческихъ несогласій, которыя скоро взошли и разрослись такимъ пышнымъ цвѣтомъ, оправдавъ коварные расчеты Турецкаго правительства.

Между тѣмъ Греки не теряли времени; составивъ особый комитетъ дабы доставить своимъ дѣйствіямъ болѣе единства, они отправили выборныхъ къ иностраннымъ представителямъ съ цѣлью показать имъ пагубныя послѣдствія фирмана, плодами которыхъ воспользуется лишь одна Россія. Но за исключеніемъ англійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, весь дипломатическій корпусъ принялъ эти откровенія очень холодно и продолжалъ благопріятно относиться къ Болгарамъ. Въ то же время греческая печать усиливаетъ свои крики, развивая мысли проповѣдуемыя впрочемъ съ 1868 года, что не слѣдуетъ болѣе разчитывать на Россію и что лишь искренній союзъ съ Турціей можетъ обезпечить будущность эллинской народности.

Умѣренная партія въ Фанарѣ была заглушена, и наскоро составленное патріархомъ собраніе отправляетъ въ Порту протестъ противъ фирмана, какъ нарушающаго преимущества вселенскаго престола и указываетъ на нарушаемыя фирманомъ права православной церкви и на противозаконное вмѣшательство государства въ область вѣры. Ссылаясь затѣмъ на свои церковныя обязанности, Григорій VI отказывается принять на свою отвѣтственность постановленное Портой рѣшеніе вопроса и требуетъ созванія вселенскаго собора.

Великій визирь въ своемъ отвѣтѣ на это посланіе указалъ на то что фирманъ основанъ на уступкахъ на которыя согласился самъ патріархъ, что Порта нисколько не желаетъ

выѣшаваться въ дѣла церкви и оставалась постоянно въ религіозныхъ препирательствахъ, но что первый долгъ каждаго правительства охранять спокойствіе и безопасность управляемыхъ имъ народностей и стараться устранять обстоятельства могущія смущать народныя массы. Потому-то Порты не можетъ оставаться пассивною и безучастною зрительницей выѣшняго положенія дѣлъ, угрожающаго правамъ и спокойствію большаго числа ея подданныхъ. Статья же 10 была вызвана постоянными жалобами получаемыми правительствомъ касательно притѣсненій Болгаръ греческимъ духовенствомъ.

Въ заключеніе Аали-паша прибавляетъ что созваніе вселенскаго собора Турецкое правительство не считаетъ возможнымъ, но готово на вѣкоторыя измѣненія въ фирманѣ, особенно въ 10 ст., которую Аали-паша считаетъ главнымъ камнемъ преткновения.

Это послѣднее обстоятельство говоритъ само за себя; оно показываетъ непрочность акта принятаго Болгарами за основное правительственное постановленіе и указываетъ имъ на необходимость достигнуть во что бы то ни стало освѣщенія этого акта согласіемъ патріарха, безъ чего вопросъ не можетъ считаться оконченнымъ. Графъ Игнатьевъ не оставилъ призвать на это обстоятельство серьезное вниманіе болгарскихъ епископовъ, доказавъ необходимость для новой церкви канонической санкціи вселенскаго престола.

Греческій посланникъ въ Константинополѣ дѣйствовалъ со своей стороны на Грековъ умѣряющимъ образомъ, но его стали обвинять въ слѣдомъ послушаніи русскому посольству, и вліяніе крайней партіи въ Фанарѣ все болѣе усиливается, несмотря на то что большинство синода желало бы примиренія. Крайніе всё свои надежды возлагали на происходившія тогда попытки сближенія между Православною и Англиканскою церквами, для чего въ Англію посланъ былъ Лукургъ, архіепископъ Сирскій, во всеуслышаніе объявлявшій что въ союзѣ съ Англиканскою церковью онъ видитъ лучшій олотъ противъ лаславизма. Константинополскіе Греки предполагали даже что англійскій посолъ Эллиотъ возьметъ на себя защиту поруганныхъ правъ Великой церкви.

Григорій VI, все болѣе и болѣе подпадающій вліянію крайней партіи славянофобовъ, при свиданіи своемъ съ графомъ Игнатьевымъ наладаетъ на Порту, горько сожалѣть о

своихъ уступкахъ 1867 года, на которыхъ Порта основала свой фирманъ, и единственнымъ средствомъ разрѣшенія вопроса считаетъ вселенскій соборъ. Посолъ нашъ, оспаривая это мнѣнiе, совѣтовала войти въ прямое соглашенiе съ Болгарами, хотя бы даже для того чтобъ уничтожить значенiе фирмана столь оскорбившаго его святѣйшество; соглашенiе это, котораго добиться слѣдуетъ во что бы то ни стало, наполнить, по его выраженiю, радостью весь православный мiръ, къ великому посрамленiю его враговъ.

Вслѣдствiе старанiй русскаго посла, четыре болгарскiе представителя имѣли свиданiе съ патрiархомъ, упрасивали положить конецъ вышшимъ затрудненiямъ компромиссомъ основаннымъ на фирманѣ и умоляли о прощенiи своихъ епископовъ.

Григорiй VI отвѣтилъ имъ что онъ удивленъ, слыша слова „болгарскiй представитель“, „болгарская нацiя“, такъ какъ церковь не признаетъ племенныхъ разлiчiй. Чтобы получить свое прощенiе болгарскiе епископы должны изъяснить раскаянiе; что же касается существующей распри вообще, то его святѣйшество полагаетъ что онъ сдѣлалъ всѣ уступки сообразныя съ достоинствомъ Великой церкви и съ истинными выгодами самихъ Болгаръ. Если же они желаютъ еще большаго, то имъ слѣдуетъ обратиться ко вселенскому собору, созванiя котораго онъ искренно желаетъ.

Недовольные отвѣтомъ патрiарха, Болгары удалились, произнеся текстъ Евангелiя: „не отвергай просящаго“. Епископы ихъ проживающiе въ Константинополѣ занялись выработкой устава Болгарской церкви, и несмотря на честолюбивые происки Иларiона Макариупольскаго, болгарское общее собранiе утвердило синодальное устройство церкви и экзарху предоставило весьма ограниченныя права предсѣдателя синода составленнаго изъ пяти архiereевъ. Экзархъ отличается отъ другихъ членовъ синода лишь тѣмъ онъ что будетъ старшимъ при церковномъ служенiи и тѣмъ что онъ находится въ официальныхъ сношенiяхъ съ правительствомъ. Духовные вмѣстѣ со свѣтскими представителями, присылаемыми по двое отъ каждой епархiи, избираютъ трехъ кандидатовъ изъ всѣхъ болгарскихъ архiereевъ и представляютъ ихъ Портѣ, которая утверждаетъ одного изъ нихъ экзархомъ. Экзархъ избирается на пять лѣтъ. Синодъ рукополагаетъ архiereевъ, выбирая одного изъ трехъ кандидатовъ представ-

денныхъ епархіей. Священниковъ избираютъ общиной; они должны быть не моложе 25 лѣтъ. Экзархъ носитъ титулъ экзарха всея Болгаріи и на богослуженіи поминаетъ Константинопольскаго патріарха и Болгарскій синодъ; остальные архіереи—только синодъ, а викаріи и священники своихъ епархіальныхъ архіереевъ. Всякая епархія вноситъ ежегодно въ кассу синода отъ 50 до 100 турецкихъ лиръ на расходы. Архіереи имѣютъ отъ своихъ епархій опредѣленное жалованье. Синодъ судить провинившагося экзарха, а послѣдній вмѣстѣ съ синодомъ—архіереевъ.

Въ то же время болгарскіе епископы обратились съ посланіемъ къ самостоятельнымъ православнымъ церквамъ, говоря что причиною всѣхъ телерешныхъ бѣдствій послужило уничтоженіе съ корыстными цѣлями независимыхъ Болгарскихъ архіепископствъ Охридскаго и Илекскаго. Россійскій Святѣйшій Синодъ оставилъ, однако, посланіе это безъ разсмотрѣнія, основываясь на томъ что Болгарская церковь состоитъ доселѣ въ канонической зависимости отъ патріарха Константинопольскаго и что непосредственныя сношенія Святѣйшаго Синода съ болгарскими епископами, какъ представителями церкви на отдѣленіе коей отъ патріарха соизволенія послѣдняго еще не послѣдовало, а равно и обсужденіе Святѣйшимъ Синодомъ дѣйствій упомянутыхъ епископовъ безъ предложенія о семъ со стороны патріарха, коему они въ іерархическомъ порядкѣ подчинены, было бы противно каноническимъ правиламъ.

Все болѣе и болѣе недовольный положеніемъ дѣлъ и отношеніемъ къ нему Турецкаго правительства, патріархъ объявляетъ вторично свое рѣшеніе оставить престолъ, представляя Портѣ выборъ между его отставкой и согласіемъ на созваніе вселенскаго собора, который въ случаѣ крайности могъ бы быть замѣненъ соборомъ помѣстнымъ, составленнымъ изъ патріарховъ и высшаго духовенства находящихся въ Турціи, и который могъ бы быть созванъ въ Константинополь или въ другомъ какомъ-либо городѣ.

Вынужденный дать Болгарамъ фирманъ, Аали-паша началъ безлокоитья относительно политическихъ послѣдствій этого документа, офиціально создавшаго отдѣльную болгарскую народность, тѣмъ болѣе что въ совѣтѣ министровъ начинаются нападки на Аали-пашу, котораго старые турецкіе министры упрекаютъ въ непоправимой ошибкѣ.

Встревоженный великій визирь прибѣгнулъ въ этомъ случаѣ къ обыкновенному средству турецкой администраціи, а именно сталъ стараться затормозить дѣла которому только что предъ тѣмъ оныъ благопріятствовалъ, и дѣлаясь болѣе дружелюбно настроеннымъ къ Грекамъ, оныъ отказался принять отставку патріарха.

Григорій VI между тѣмъ обращается ко графу Игнатъеву и греческому посланнику и проситъ ихъ содѣйствія чтобы Порты не противилась созванію вселенскаго собора.

Въ то же время русскій посолъ внушилъ еще мысль что быть-можетъ было бы весьма полезно еслибы автокефальныя православныя церкви согласились между собою прислать въ Константинополь алоклісаріевъ съ письменными отвѣтами на запросы патріарха: этимъ способомъ охранена была бы власть церкви и избѣгнуты неудобства неизбежныя при созваніи вселенскаго собора. Хотя патріархъ выказался противъ этой мѣры, считая недостойнымъ прибѣгать къ замаскированному собору и добиваться окольнымъ путемъ того на что она имѣетъ неоспоримое право, тѣмъ не менѣе нашъ посолъ полагалъ что его святѣйшество, убѣдившись что это единственный путь къ выходу изъ безчисленныхъ затрудненій, согласится на означенную мѣру, если предложеніе по этому предмету будетъ сдѣлано отъ имени Россійскаго Св. Синода.

Болгарскіе представители отнеслись сочувственно къ вопросу о присылкѣ алоклісаріевъ, заявляя что они готовы принять всякій компромиссъ который будетъ имъ предложенъ Россійскимъ Св. Синодомъ. Предложеніе русскаго посла осталось однако безъ практическихъ послѣдствій, такъ какъ нашъ Св. Синодъ усумнился чтобы лицо посланное имъ съ цѣлью умиротворенія и соглашенія Константинопольской церкви съ Болгарскою могло имѣть дѣйствительное значеніе предъ константинопольскимъ патріархомъ, который вдобавокъ и безъ того уже враждебно относится къ посылкѣ алоклісаріевъ. Что же касается вселенскаго еобора, то Св. Синодъ отозвался что созваніе его не только неудобно, но за состоявшимся фирманомъ Порты даже совершенно невозможно, такъ какъ „фирманомъ этимъ Болгарскій вопросъ уже разрѣшился фактически, хотя, къ глубокому прискорбію, и не каноническимъ порядкомъ.“

Григорій VI продолжалъ настаивать на своей отставкѣ, доказывая невозможность для него признать церковь проти-

воканонически установленную одною свѣтскою властью и не имѣющую опредѣленныхъ географическихъ границъ. Оставляя престолъ при анархіи Григорій хотѣлъ поставить въ затрудненіе Порту, Болгаръ и Россію и вывести эту послѣднюю изъ ея пассивнаго и безучастнаго отношенія. Въ своемъ разговорѣ съ нашимъ посломъ, патріархъ, выставляя на видъ необходимость вселенскаго собора, на созваніе котораго согласились уже всѣ церкви за исключеніемъ Русской, прибавляетъ что теперь нужно разрѣшить вопросъ не греко-болгарскій, но гораздо болѣе важный вопросъ о принципѣ на основаніи котораго церковь должна быть совершенно независима отъ турецкой власти, которая постоянно старается отобрать отъ нея одно преимущество за другимъ. Григорій закончилъ свой разговоръ словами: „Я не могу потерпѣть чтобы фирманъ исходящій отъ политической мусульманской власти опредѣлялъ духовныя отношенія между мною и частью моею паствы.“

Въ то же время святѣйшій Григорій послалъ новое окружное посланіе къ Россійскому Св. Синоду, гдѣ онъ объясняетъ, почему онъ настаиваетъ на соборѣ или отставкѣ.

Въ виду уловства патріарха, Турецкое правительство не прочь было бы согласиться на его отставку, но не желая, однако, слѣдить рѣшеніемъ этого дѣла, Аали-паша обратился къ Григорію съ вопросами объ основаніяхъ и предѣлахъ предлагаемаго имъ вселенскаго собора, подавая тѣмъ какъ бы надежду на согласіе. Патріархъ отвѣтилъ что соборъ займетъ разсмотрѣніемъ болгарскихъ домогательствъ и уступокъ сдѣланныхъ Великою церковью и постановитъ по этому предмету свое окончательное, безапелляціонное рѣшеніе.

Греческое духовенство и вообще Греки ухватились за мысль о соборѣ. Иначе думали Болгары, епископы которыхъ подали Портѣ прошеніе, въ коемъ, указывая на значеніе фирмана даровавшаго Болгарскому народу права, указываютъ на безпрерывныя возраженія патріарха и на усилія его уничтожить значеніе этого документа перенесеніемъ спора на вселенскій соборъ, большинство будущихъ членовъ котораго уже отнеслось враждебно къ требованіямъ Болгаръ. Въ заключеніе болгарскіе епископы просятъ великаго визиря объ исполненіи постановленій фирмана, высказывая готовность войти въ соглашеніе съ патріархіей на основаніяхъ заключающихся въ этомъ правительственномъ актѣ.

Между тѣмъ стали получаться отвѣты на окружное посланіе патріарха отъ 30 сентября 1870. Аѳинскій синодъ снова признаетъ неотложность вселенскаго собора и заранѣе высказывается противъ болгарскихъ притязаній, называя ихъ заблужденіями. Антиохійскій и Іерусалимскій патріархи отвѣтили въ томъ же смыслѣ, осуждая принципъ національностей въ церковныхъ дѣлахъ. Сербская церковь, какъ и прежде, высказывается противъ собора и не видитъ другой возможности справедливаго рѣшенія спора какъ починъ самой Великой церкви.

Россійскій Св. Синодъ въ отвѣтномъ посланіи своемъ, „со всею откровенностью, хотя и со скорбію въ сердцахъ“, высказалъ что не можетъ согласиться съ мыслию будто бы для рѣшенія вопроса необходимо созваніе вселенскаго собора, которые могутъ быть созываемы лишь по дѣламъ касающимся вселенской вѣры и Церкви, чего нѣтъ въ настоящемъ случаѣ. Греко-болгарскій вопросъ, какъ это уже объяснено было въ первомъ посланіи Св. Синода, относится исключительно къ церковному управленію и касается одной мѣстной Константинопольской церкви, которая и можетъ его рѣшить одна своею властію, или помѣстнымъ соборомъ какъ это было сдѣлано для образованія церкви Русской и Элливской. Въ настоящее время собраніе собора тѣмъ болѣе излишне что всѣ частныя греческія православныя церкви въ своихъ отвѣтныхъ посланіяхъ патріарху Константинопольскому какъ бы предрѣшили вопросъ, прямо высказавшись противъ Болгаръ. Такъ какъ по всей вѣроятности церкви не откажутся отъ своихъ мнѣній и на соборѣ, то этотъ послѣдній, не порѣшивъ окончательно ничего, могъ бы представить только печальное зрѣлище открытаго развогласія, если не раздѣленія между церквами греческими и славянскими и послужить соблазномъ для всего христіанскаго міра, православнаго и неправославнаго. Задача собора еще болѣе усложняется вслѣдствіе существованія султанскаго фирмана по греко-болгарскому вопросу. Въ случаѣ соборнаго постановленія несогласнаго съ фирманомъ, Порта можетъ не принять его и не допустить исполненія его между своими подданными. Посланіе заключается выдержкой изъ многихъ статей фирмана и разборомъ разностей между условіями соглашенія предлагаемыми Греками и Болгарами, помощью которыхъ оно доказываетъ что Болгары вовсе не хотятъ отдѣляться отъ вселенской

церкви и потому несправедливо подвергать ихъ отлученію и называть раскольниками.

Убѣдившись въ безуспѣшности своихъ стараній, Болгары оставили попытку примиренія и стали собирать въ Константинополѣ своихъ депутатовъ. Болгарское собраніе было открыто 23 февраля и избрало четырехъ кандидатовъ на экзарха: Иларіона Ловчанскаго, Иларіона Макариупольскаго, Панарета Филлиполпольскаго и Анеима Виддинскаго; что же касается Паисія Филлиполпольскаго, то онъ отказался самъ, въ виду своего греческаго происхожденія.

Недовольный положеніемъ дѣлъ и раздосадованный неудачей сближенія съ Англиканскою церковію, на которое Греки такъ разчитывали, вселенскій патріархъ, огорченный къ тому же отвѣтомъ нашего Св. Синода, вторично настаиваетъ или на своей отставкѣ или на созваніи собора и рѣшительнымъ письмомъ требуетъ отвѣта Порты въ пятнадцатидневный срокъ.

Аали-паша сильно оскорбился этимъ категорическимъ требованіемъ и если тотчасъ же не принялъ отставки Григорія VI, то лишь благодаря внушеніямъ графа Игнатьева, который совѣтовалъ удержать его святѣйшество чтобы не сдѣлать его въ глазахъ греческаго общества мученикомъ и не помѣшать уступкамъ его преемника. Новые переговоры, начатыя между свѣтскими лицами выбранными Греками и Болгарами, были безуспѣшны, несмотря на завѣренія Аали-паши что если невозможно придти къ соглашенію на почвѣ данного уже фирмана, то онъ готовъ дать второй дополнительный фирманъ, который узаконилъ бы состоявшееся соглашеніе.

Между тѣмъ Болгары, выработавъ свой церковный уставъ и передавъ его на утвержденіе Порты, просили дозволить имъ приступить къ избранію экзарха.

Наконецъ отставка Григорія VI была принята и онъ покинулъ дважды занимаемый имъ престолъ. Такъ какъ отнынѣ его святѣйшество до самой своей смерти въ нынѣшнемъ году уже болѣе не игралъ выдающейся роли, оставаясь въ тѣни, то не лишне сказать нѣсколько словъ о немъ.

Григорій VI родился 25 марта 1798, въ деревнѣ Фамараки, находящейся близъ входа въ Босфоръ. Воспитанный въ школѣ въ Тераліи и посвященный въ діакона въ 1809, онъ заслужилъ, благодаря своимъ выдающимся качествамъ, довѣріе

митрополита Дерковскаго, сдѣлавшагося егопокровителемъ. По смерти этого архіерея и послѣ трехлѣтняго удаленія отъ дѣлъ, Григорій VI нашелъ себѣ новаго покровителя въ лицѣ патріарха Хрисанова и былъ послѣдовательно назначаемъ архидіакономъ, великимъ патріаршимъ викаріемъ, архіепископомъ, митрополитомъ Пелаговійскимъ въ 1825 и Сересскимъ въ 1833.

Въ 1835 году Григорій былъ наконецъ выбранъ патріархомъ и занималъ престолъ въ теченіе пяти лѣтъ. Его святѣйшество вынужденъ былъ подать въ отставку подъ давленіемъ Англійскаго правительства, неудовольствіе котораго онъ вызвалъ защищая права константинопольскаго патріархата на Церковь Ионическихъ острововъ и противодѣйствуя вообще протестантской пролагандѣ на Востокѣ. Англійскіе миссіонеры въ началѣ нынѣшняго столѣтія начали переводить Священное Писаніе на разговорный греческій языкъ и раздавать свои изданія православнымъ Турціи. Когда же открылась истинная цѣль этого перевода и когда посредствомъ его протестантскіе миссіонеры стали практиковать самый необузданный прозелитизмъ въ массахъ православнаго населенія на Востокѣ, то патріархъ Григорій VI нашелся вынужденнымъ анаеоматствовать и англиканскія библіи и даровое ученіе, распространяемое на Востокѣ протестантскими миссіонерами. Недовольная такимъ распоряженіемъ Григорія, Англиканская церковь подготовила его изложеніе въ 1841 году, точь въ точь какъ въ бывшее время Католическая церковь готовила незаконныя изложенія неудобныхъ для нея патріарховъ.

Призванный въ 1867 году вторично на Константинопольскій престолъ, Григорій VI, потерпѣвъ неудачу въ устройствѣ греко-болгарскаго вопроса, въ 1871 году покинулъ престолъ и удалился на покой.

Понимая невозможность бороться съ наступающею волной національностей, Григорій VI проектомъ своимъ хотѣлъ дать правильный выходъ этому движенію и, сознавая всю политическую важность домогательствъ Болгаръ и вліяніе которое они имѣютъ для будущности эллинизма, хотѣлъ малыми уступками сдѣланными вовремя предотвратить требованіе большихъ въ будущемъ. Увидя же что Болгары не хотятъ довольствоваться малымъ и своими притязаніями предъявляютъ политическія права на Македонію, Григорій,

какъ истый Грекъ, остался вѣрнъ великой идеѣ и своимъ упорствомъ сдѣлалъ невозможнымъ соглашеніе между Греками и Болгарами. Въ послѣднее время своего пребыванія на патріаршемъ престолѣ Григорій былъ простымъ орудіемъ въ рукахъ интригановъ враждебныхъ Славянамъ, и потому-то когда онъ палъ греческое общественное мнѣніе смотрѣло на него какъ на послѣдняго бойца за правое дѣло, павшаго мужественно сражаясь противъ наступающихъ волнъ Славянства.

VI.

Все понимали насколько былъ важенъ вопросъ: кто замѣнить Григорія на Константинопольскомъ престолѣ, и потому отнеслись съ большою осторожностью къ выбору новаго патріарха. Графъ Игнатьевъ благопріятствовалъ кандидатурѣ 82лѣтняго старца Анеѣма, бывшаго еще со времени Крымской войны русскимъ кандидатомъ на патріаршій престолъ и, когда Анеѣмъ далъ положительныя обѣщанія привести греко-болгарскую распрю ко взаимному и справедливому соглашенію обѣихъ народностей, онъ былъ выбранъ вселенскимъ патріархомъ.

По совѣту графа Игнатьева болгарская депутація съ Иларіономъ Макаріупольскимъ и Чомаковымъ во главѣ идетъ съ поздравленіями къ новому патріарху, который объимаетъ Иларіона, сваливаетъ всю вину на своего предшественника и, объявивъ что у него уже готовъ проектъ рѣшенія вопроса, приглашаетъ Болгаръ на общее собраніе. Приглашеніе это Болгары, впрочемъ, отклонили, выразивъ мысль что предварительно слѣдуетъ стовориться объ основаніяхъ окончательнаго соглашенія.

Начало дѣятельности Анеѣма доказываетъ, насколько искренно желалъ онъ сдержатъ свои обѣщанія и добиться умиротворенія. Въ первой рѣчи сказанной имъ въ Фанарѣ греческому народному собранію Анеѣмъ проповѣдуетъ примиреніе и, снова осуждая своихъ предшественниковъ, высказывается противъ созванія вселенскаго собора. Затѣмъ его святѣйшество удаляетъ изъ Константинополя враждебныхъ Болгарамъ митрополитовъ Дерконскаго, Кизикскаго и Клеовула Кесарійскаго, посѣщаетъ въ Ортакѣѣ епископовъ,

чѣмъ предаеть забвенію ихъ осужденіе, посылаетъ двухъ епископовъ къ большому Паисію Филиппопольскому и проситъ нашего содѣйствія и совѣта. Посылая свой, согласный съ общими основаніями фирмана, проектъ нашему Святѣйшему Синоду патріархъ объявляетъ что онъ готовъ сообразоваться въ точности съ тѣми указаніями кои признано будетъ нужнымъ передать ему конфиденціальнымъ путемъ въ видахъ услѣдствіа разрѣшенія церковнаго вопроса.

Къ сожалѣнію, Болгары, видя уступчивость патріарха и дурно оцѣняя ее, стали увеличивать свои требованія и представили патріарху, по его желанію, списокъ требуемыхъ ими для экзархата 35 епархій, простирающихся до самыхъ почти воротъ Царьграда и охватывающихъ три четвери Македоніи, и несмотря на просьбу русскаго посла не обращать пока къ Портѣ, Болгары отправились къ турецкому министру иностранныхъ дѣлъ просить объ утвержденіи устава.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1871 года между патріархатомъ и Болгарами устанавливается соглашеніе по всѣмъ пунктамъ за исключеніемъ разграниченія епархій. Анѣмъ представляетъ свой проектъ въ Порту, которая хотя и считаетъ вопросъ разрѣшеннымъ фирманомъ, но готова измѣнить 10ю статью если по этому поводу установится непосредственное соглашеніе обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ. Порта дѣйствуетъ примирительно понимая что дальнѣйшее продолженіе раздора послужитъ причиной затрудненій, вызвавъ и усиливъ народныя стремленія ко вреду Оттоманской имперіи.

Патріархъ между тѣмъ сообщаетъ Болгарамъ свой списокъ уступаемыхъ епархій. Увидя что всѣ онѣ находятся исключительно въ Болгаріи, представители болгарскіе отказываются вести переговоры на подобномъ основаніи.

При свиданіи своемъ съ графомъ Игнатьевымъ, патріархъ не скрылъ что онъ откаивается въ успѣхѣ дѣла, такъ какъ де у него просятъ невозможнаго и онъ вынужденъ будетъ подать въ отставку и оставить преемнику менѣе уступчивому дѣлу которое должно было увѣнчать послѣдніе дни его жизни.

Посолъ не надѣялся на успѣхъ; онъ сознавалъ что Болгары, повидимому, не оцѣняютъ достаточно всю трудность положенія патріарха и всю важность сдѣлавшихъ уже имъ уступокъ, не понимаютъ всѣхъ выгодъ имѣть для ихъ будущей іерархіи каноническое основаніе и противятся всякой уступкѣ которая удалила бы ихъ отъ фирмана.

Главнѣйшее затрудненіе при разграниченіи епархій представляли Охрида и Битоля. Греки не хотѣли ихъ уступить изъ страха отдать жителей албанскаго происхожденія въ добычу славянству. Болгары же со своей стороны требуютъ эти мѣстности какъ древнюю часть ихъ отцовскаго наслѣдія.

Переговоры тянутся при постоянно прижирительномъ настроеніи патріарха, который готовъ снать осужденіе съ Иларіона Макаріупольскаго, въ случаѣ если на то будутъ согласны другіе патріархи.

Греческое правительство начинаетъ становиться въ болѣе дѣятельное положеніе по отношенію къ греко-болгарскому вопросу. Одобря уступки церковныя, которыя патріархъ собирается сдѣлать Болгарамъ, тѣмъ не менѣе объявляетъ что оно остается греческимъ касательно разграниченія епархій, предѣлы которыхъ греческій повѣренный въ дѣлахъ г. Разисъ считаетъ чрезмѣрными. Тогда уже посолъ нашъ предвидѣлъ что если Греческое правительство употребитъ свое вліяніе на печать и на многихъ мірянъ съ цѣлью противодѣйствія территоріальнымъ уступкамъ которыя Великая церковь пожелала бы сдѣлать Болгарскому экзархату, то это вліяніе причинитъ важныя затрудненія патріархату и отложить на неопредѣленное время желаемое разрѣшеніе.

Патріархъ былъ въ отчаяніи отъ упорства Болгаръ, тѣмъ болѣе что крайняя греческая партія уже желала насильственнаго отдѣленія Болгаръ отъ вселенской церкви.

Чтобъ избѣжать новаго разрыва переговоровъ графъ Игнатъевъ имѣлъ долгое совѣщаніе съ болгарскими представителями; онъ указывалъ имъ постоянное сочувствіе съ которымъ Россія относилась къ ихъ желаніямъ и стремленіямъ и увѣщивалъ ихъ не улускать единственнаго случая получить законное удовлетвореніе. Когда Болгары пожелали звать послѣднее слово патріаршихъ уступокъ, посолъ нашъ показалъ имъ списокъ по которому въ составъ будущаго экзархата Авѣимъ соглашается включить епархіи: Тырновскую, Софійскую, Видинскую, Дристрскую (за исключеніемъ Кюстенджи), Кюстендильскую, Преславскую, Самаковскую, Нишскую, Нишавскую, Ловчанскую, Враганскую, Червенскую, Велесскую, Скопійскую, Охридскую, Филиппопольскую, за исключеніемъ этого города, Стахиаха и нахию Кокусъ (Варнинскую) за исключеніемъ самаго города, Бальчика и деревень лобережья до Кюстенджи и Солопольскую (за исключеніемъ самаго города и деревень

лобережья) и слѣдующія мѣстности, изъ коихъ должны быть образованы новыя епархіи: каза Правади Месемвритской епархіи, каза Айдосъ Анхіальской епархіи, каза Сливно, Адрианопольской епархіи, казы Ямболи и Новаи Адрианопольской епархіи и каза Ахичелеби Ксавтской епархіи. Такимъ образомъ экзархатъ состоялъ бы изъ 23 епархій.

Въ отвѣтъ на это сообщеніе Болгары изъявили желаніе имѣть еще свои подворья въ Филипполовѣ и Варнѣ, непосредственно, впрочемъ, зависяція отъ патріарха.

Результатъ совѣщанія былъ переданъ патріарху, который согласился на все и прибавилъ еще къ составу экзархата сѣверную часть Битольской епархіи и быть-можетъ готовъ бы былъ уступить даже Невроколъ. Кроме того, Анеимъ обѣщалъ назначать священниковъ изъ Болгаръ во всѣхъ смѣшанныхъ мѣстностяхъ которыя будутъ зависѣть отъ Константинопольскаго патріархата, лишь только жители ихъ заявятъ о томъ желаніи, даже обѣщалъ посылать туда епископовъ изъ знающихъ преимущественно славянскій языкъ.

Патріархъ обо всемъ этомъ поставилъ въ извѣстность Болгаръ и надо отдать справедливость Анеиму что онъ сдѣлалъ все отъ него зависѣвшее для достиженія примиренія. Нельзя было требовать уступчивости большей чѣмъ та которую онъ выказалъ въ своихъ тогдашнихъ предложеніяхъ.

Въ виду услѣшнаго хода переговоровъ великій визирь Махмудъ-Недимъ-паша готовъ былъ дать новый фирманъ въ томъ случаѣ если состоится окончательное соглашеніе между Греками и Болгарами. Тогда нѣкоторые турецкіе министры, съ цѣлью возбудить затрудненія Махмудъ-пашѣ и низвергнуть его, стали подстрекать Болгаръ и въ особенности Чомакова настаивать на бѣльшихъ уступкахъ патріархата, и вотъ Чомаковъ начинаетъ требовать весь городъ Филиппололъ и епархіи Струмицкую и Могленскую. Въ свою очередь митрополитъ Панаретъ, уроженецъ Битоли, не довольствуется двумя третями этой епархіи которыя предлагаетъ патріархъ и требуетъ и самый городъ Битолю.

Умѣренные Болгары, которые были очень довольны уступками патріарха, теперь боялись подписать окончательное соглашеніе со вселенскою патріархіей изъ страха Панарета и Чомакова и изъ боязни быть обвиненными въ измѣнѣ народному дѣлу.

Назначенное въ Фаварѣ большое собраніе съ присутствіемъ

болгарскихъ представителей, которое должно было быть рѣшительнымъ, не оправдало ожиданій, такъ какъ Болгары въ послѣднюю минуту потребовали Филиппополя и Варны.

Требованіе это поставило патріарха въ большое затрудненіе, тѣмъ болѣе что ему противились и міряне и члены синода, умоляя Аѳеима не уступать ничего болѣе. Общественное мнѣніе обвиняло даже патріарха въ томъ что онъ будто влялъ въ дѣтство. Г. Разисъ выразился что образъ дѣйствій патріарха даетъ Аѳеискому правительству поводъ къ большимъ опасеніямъ и оно горячо возстаетъ противъ уступки Велеса Болгарамъ.

Подъ вліяніемъ всего этого патріархъ отказывается Болгарамъ въ Филиппополь и Варнѣ, соглашаясь лишь на устройство въ этихъ городахъ болгарскихъ подворій съ приходами, зависящихъ отъ вселенской патріархіи. Даже и эти уступки не понравились членамъ патріаршаго синода.

Въ то самое время когда вопросъ готовъ былъ, повидимому, разрѣшиться удовлетворительнымъ образомъ, случилось новое обстоятельство которое снова его осложнило и поколебало надежду на мирный исходъ дѣла.

Слухи о предполагаемыхъ территоріальныхъ уступкахъ въ пользу Болгаръ распространились въ городѣ и проникнувъ въ греческую печать возбудили страшныя наладки на Аѳеима, который, чувствуя что энергія его ослабѣваетъ, желалъ бы покончить дѣло какъ можно скорѣе путемъ прямого соглашенія съ Иларіономъ Макариупольскимъ, который въ такомъ случаѣ могъ бы быть назначенъ экзархомъ. Соперникъ Иларіона, Панаретъ Филиппопольскій, узнавъ объ этомъ планѣ и чтобы порвать всякую возможность подобнаго невыгоднаго для него лично соглашенія постарался доказать радикаламъ болгарской партіи необходимость какимъ-нибудь видимымъ образомъ засвидѣтельствовать независимость Болгарской церкви отъ вселенскаго патріархата. Радикалы, раздѣляя вполнѣ мысль о необходимости порвать переговоры съ патріархомъ, руководились тѣмъ соображеніемъ что какъ бы ни выгодны были условія соглашенія съ симъ послѣднимъ, всегда останутся Болгары живущіе внѣ границы экзархата и которые будутъ подлежать юрисдикціи патріархіи; тогда какъ радикалы не хотѣли пожертвовать ни однимъ Болгариномъ, не только живущимъ въ какой-либо провинціи, но и въ самомъ Константинополѣ, личной

елархіи Константинопольскаго патріарха. Поэтому съ точки зрѣнія радикаловъ, всякое соглашеніе съ патріархомъ бесполезно и даже вредно; они проводили эту мысль и въ своихъ письменныхъ заявленіяхъ и въ засѣданіяхъ собранія, гдѣ легко одолевали, въ рѣшительныя минуты, умѣренную болгарскую партію, слабую по численности и по вліянію и которая одна склонялась къ необходимости не лорывать совершенно іерархическихъ узъ со вселенскимъ престоломъ.

Чомаковъ, Толчилештовъ и Славейковъ (бывшій долго учителемъ въ разныхъ городахъ Болгаріи, писавшій по порученію американскихъ миссіонеровъ разныя брошюры духовнаго содержанія, а нынѣ считаемый болгарскимъ народнымъ повтомъ) съ радостью ухватились за предложеніе Панарета и набравъ толпу конюховъ * для приданія своей манифестаціи большей численности, а потому и бѣльшаго значенія, явились въ Ортакѣй и силою увели оттуда трехъ болгарскихъ епископовъ. Уже поздно вечеромъ Иларіонъ Ловчанскій и Славейковъ явились въ патріархатъ, требуя отъ славшаго въ то время Анеима разрѣшенія отслужить на слѣдующій день, 6 января, обѣдню.

Разбуженный патріархъ отказалъ въ требованіи шумной толпы, предъявленномъ при такихъ обстоятельствахъ, и предупредилъ о случившемся Порту, дабы она могла принять мѣры къ предотвращенію служенія.

Тѣмъ не менѣе, благодаря постоянно двойственному характеру дѣйствій турецкихъ министровъ, нужныя мѣры не были приняты, и несмотря на формальное запрещеніе патріарха обѣдня была отслужена двумя Иларіонами и Панаретомъ и окончилась молебномъ за султана.

Патріархъ былъ совершенно ошеломленъ этимъ поступкомъ явившимся какъ гроза при ясномъ небѣ.

Греки радовались происшедшему виду въ томъ осязательное доказательство нравственнаго растлѣнія въ которое владели люди стоящіе въ главѣ болгарской народности.

Безпристрастіе заставляетъ впрочемъ упомянуть что умѣренныя Болгары явились къ русскому послу съ изъясненіемъ сожалѣнія о случившемся и негодованія на дѣйствія Панарета и Чомакова. Порта со своей стороны отвѣтила съ видимою благосклонностью къ умѣренной партіи Болгаръ

* Почти всѣ конюхи въ Константинополѣ—Болгары родомъ.

и, по совѣту графа Игнатьева, рѣшила признавать лишь Габріеля-эфенди Крестовича, человѣка этой партіи, представителемъ Болгарскаго народа. Крестовичъ, уроженецъ города Котла, воспитывался во Франціи, считается весьма свѣдущимъ юристомъ и пользуется общимъ уваженіемъ какъ между Турками, такъ и между Болгарами, хотя эти послѣдніе и обвиняють Габріеля-эфенди въ излишней мягкости и нерѣшительности.

Но и назначеніе Крестовича не помогло: народное раздраженіе подъ вліяніемъ радикаловъ усиливается; умѣренные Болгары не смѣютъ болѣе показываться въ народномъ собраніи, и Толчилештовъ предлагаетъ отлучить патріарха Аѳеима отъ церкви и образовать свою диссидентскую церковь.

Проектъ этотъ не осуществился только благодаря противодействию обоихъ Иларіоновъ.

Удрученный своими недугами, лишенный твердыхъ убѣжденій, престарѣлый Аѳеимъ теряетъ свою прежнюю энергію. Видя себя обманутымъ и Болгарами и двуличными поступками Порты, которая легко могла воспрепятствовать служенію 6 января, Аѳеимъ владаетъ, что весьма естественно, въ другую крайность, подчиняясь вліянію греческихъ банкировъ, начинающихъ играть первенствующую роль, благодаря пустотѣ патріаршей кассы, которую они наполняютъ отъ времени до времени, но подъ условіемъ чтобы патріархъ дѣйствовалъ въ томъ или другомъ смыслѣ, обращая его такимъ образомъ въ слѣпое орудіе своихъ личныхъ и своекорыстныхъ цѣлей и замысловъ.

Уступая крикамъ крайней партіи и греческой печати и увѣщаніямъ митрополита Аѳинскаго Теофила, еще ранѣе событія 6 января упрашивавшаго не разрѣшать вопросъ въ смыслѣ національности чтобы не создать источника бѣдъ еще большихъ чѣмъ ереси, Аѳеимъ передаетъ обсужденіе вопроса греческому народному собранію, вслѣдствіе чего церковь какъ бы отказывается въ данномъ случаѣ отъ принадлежащей ей власти и передаетъ ее мірянамъ какъ какому-то республиканскому сборищу. Повинуясь злобнымъ внушеніямъ и страстнымъ рѣчамъ, собраніе это оставалось у митрополита Гераклейскаго безъ перерыва съ вечера субботы до глубокой ночи съ воскресенья на понедѣльникъ, чтобы тѣмъ воспрепятствовать всякимъ попыткамъ примиренія. Подъ

вліяніемъ всего этого синодъ составилъ актъ которымъ Иларіонъ Ловчанскій и Панаретъ Филипполольскій низвержены, а Иларіонъ Макаріупольскій, еще прежде низверженный, отлученъ отъ церкви, причемъ епископовъ не приглашали въ синодъ, не выслушавъ ихъ объясненій и оправданій, какъ они еще прежде сами о томъ просили и какъ требуютъ церковные каноны. Это было тѣмъ болѣе прискорбно что еслибы синодъ такъ не послѣшилъ, оба Иларіона вѣроятно отдѣлились бы отъ Панарета, а общее осужденіе снова соединило ихъ въ одно цѣлое.

Не лишнее также здѣсь прибавить что предъ этимъ церковью относилась довольно снисходительно къ нарушенію правилъ требующихъ для совершенія литургіи предварительнаго разрѣшенія мѣстнаго епископа.

Когда строгое примѣненіе извѣстнаго правила могло совершаться болѣшимъ зломъ чѣмъ его нарушеніе, въ такихъ случаяхъ церковь предпочитала обыкновенно придерживаться такъ - называемой теоріи приспособленія къ обстоятельствамъ. Этою теоріей руководствовалась церковь, когда епископъ Кидонійскій, въ 1866 году, по случаю Критскаго возстанія, переселился на островъ Косъ и совершалъ литургіи и хиротоніи безъ позволенія мѣстнаго митрополита. Бывали такіе же случаи и въ древности, напиримѣръ во времена Іоанна Златоуста неожиданно появился въ Константинополѣ Александрійскій патріархъ Теофілъ вмѣстѣ съ архіепископомъ Килрскимъ и оба они, не испрашивая предварительнаго дозволенія мѣстнаго епископа Златоуста, совершали литургію и хиротонію въ городѣ принадлежащемъ къ его паствѣ.

И въ данномъ случаѣ Греческая церковь могла бы примѣнить къ Болгарамъ означенную теорію, но она предпочла быть строгою.

Патріархъ между тѣмъ просилъ содѣйствія великаго визиря къ ссылкѣ осужденныхъ епископовъ. Махмудъ-паша въ отвѣтъ на это продолжалъ настаивать на необходимости примиренія, потому что иначе фирманъ будетъ имъ приведенъ въ исполненіе. Не желая крутыми мѣрами раздражать обѣ стороны Порты упрощала болгарскихъ епископовъ уѣхать на время изъ Константинополя, и они отправляются въ ссылку въ Исмидъ (древнюю Никомедію). Раздраженный этимъ Толчилештовъ предложилъ католическимъ священникамъ

служить для Болгаръ обѣдню въ болгарской церкви. Порта воспрепятствовала приведенію въ исполненіе этого намѣренія и полиція разогнала даже толпу Болгаръ пришедшихъ въ Порту съ жалобами по этому поводу. Пропагандисты же со своей стороны удваиваютъ свои усилія, стараясь доказать что за спиной католическихъ и протестантскихъ миссіонеровъ идутъ правительства Англіи и Австріи, которыя не откажутъ въ своемъ официальномъ покровительствѣ и поддержкѣ, дабы содѣйствовать будущему развитію Болгаріи на зло Россіи, которая жаждетъ лишь поглотить Болгаръ и которая нынѣ объ руку съ Портой дѣйствуетъ въ смыслѣ защиты во что бы то ни стало правъ патріархата.

Представители умѣренной партіи Крестовичъ и Пенчовичъ, рущукскій Болгаринъ и бывшій турецкій чиновникъ, попытались возобновить переговоры съ патріархатомъ и тотъ былъ не прочь; единственнымъ затрудненіемъ являлось то что представители эти были міряне, почему и дѣлается распоряженіе о вызовѣ въ Константинополь Анеѿима Виддинскаго извѣстнаго своею умѣренностію.

Ольгавенные своимъ мнимымъ услѣхомъ—изгнаніемъ еписколовъ, Греки сочли церковный вопросъ окончательно разрѣшеннымъ, и патріархъ Анеѿимъ объявилъ свой проектъ какъ бы несуществовавшимъ или какъ бы „листомъ бѣлой бумаги“ и отказался ходатайствовать о возвращеніи сосланныхъ еписколовъ. Напрасно Порта нѣсколько разъ напоминала о необходимости достигнуть примиренія, говоря что въ противномъ случаѣ она вынуждена будетъ привести въ исполненіе фирманъ, патріархъ тормозилъ переговоры Крестовича и его товарищей съ патріархіей. Относясь къ этимъ болгарскимъ представителямъ повидимому благосклонно, онъ въ дѣйствительности передаетъ всѣ ихъ предложенія народному собранію, которое наконецъ рѣшаетъ продолжать переговоры лишь въ томъ случаѣ если болгарскіе представители, которыхъ они считаютъ солидарными съ зачинщиками безпорядковъ, 6 января будутъ замѣнены новыми. Вообще Константинопольская церковь приходитъ въ такое хаотическое состояніе что дѣлается совершенно невозможнымъ ожидать отъ управляющаго ею синода какихъ-либо разумныхъ рѣшеній, крайніе же Греки въ Константинополѣ стараются объявить всѣхъ Болгаръ схизматиками, чтобы тѣмъ заставить нашъ Св.

Синодъ высказаться. Волненіе Болгаръ усиливается, страсти разыгрываются все болѣе и болѣе не только въ самомъ Константинополѣ, но и въ провинціяхъ, гдѣ дѣло доходитъ до крупныхъ столкновеній между Греками и Болгарами. Эти послѣдніе обращаются къ сыну султана, Юсуфъ Иззедину, съ просьбой о помощи и добиваются возвращенія въ Константинополь изгнанныхъ было болгарскихъ епископовъ.

Въ виду происходившихъ переговоровъ Порты три недѣли задерживала буюрулду относительно приведенія въ исполненіе фирмана и лишь убѣдившись въ безполезности надеждъ на успѣхъ дѣла рѣшилась обнародовать это буюрулду объявляющее Болгарамъ что они могутъ приступить къ избранію экзарха. Посольство наше употребило всѣ свои усилія дабы каноническое посвященіе экзарха патріархатомъ предшествовало политическому признанію его въ этомъ санѣ Портой, но всѣ его усилія разбились о ненависть и взаимное недоверіе сторонъ—наслѣдіе оставленное многолѣтнею борьбой. Убѣдившись въ совершенной безплодности своихъ стараній и въ томъ что совѣты его не слушаются ни въ Фанарѣ, ни въ Ортакѣѣ, посольство могло лишь присутствовать въ качествѣ простаго зрителя при дальнѣйшемъ развитіи распри до тѣхъ поръ пока народныя страсти не успокоятся и не будутъ въ состояніи услышать голосъ разсудка, нынѣ заглушаемый воллями вождей крайнихъ партій обѣихъ народностей. Въ предвидѣніи именно этого момента русскій посоль предписалъ агентамъ нашимъ въ Сиріи, Палестинѣ и Египтѣ разъяснить патріархамъ Антиохійскому, Иерусалимскому и Александрійскому насколько важно въ настоящую минуту дѣйствовать съ крайнею осмотрительностью и осторожностью, такъ какъ дѣло идетъ о пяти, шести милліонахъ православныхъ душъ, которыя благодаря одной какой-либо необдуманной или слишкомъ поспѣшной мѣрѣ принятой относительно ихъ вселенскимъ патріархомъ легко могутъ быть навсегда потеряны для православія и брошены въ объятія католичества или протестантства. „Пока“, говорилъ посоль, „будетъ существовать малѣйшая надежда сохранить Болгаръ для православія, священнымъ долгомъ каждаго православнаго является употребить всѣ усилія дабы восторжествовали даваемые обѣимъ сторонамъ совѣты быть снисходительными, милосердными и умѣренными и дабы были избѣгнуты всѣ крутыя мѣры могущія уничтожить вѣрность

умиротворенія. О священномъ долгѣ этомъ должны преимущественно помнить лица сидяція на святительскихъ престолахъ Иерусалима, Антиохіи и Александріи, которымъ въ настоящую трудную и рѣшительную минуту выдается роль примирителей и возстановителей спокойствія въ православной церкви. Святители эти должны заставить Константинопольскаго патріарха выслушать ихъ досточтимый голосъ прощенія и любви, дабы предотвратить принятіе вселенскимъ престоломъ мѣръ, могущихъ вызвать расколъ и дабы укрѣпить Анеима въ чувствахъ терпѣнія и кротости, руководясь единственно которыми можно приискать исходъ изъ настоящаго тяжелаго положенія, исходъ достойный святой православной церкви.“

Выборъ Болгаръ, противъ всякаго ожиданія, палъ на Иларіона Ловчанскаго, избраннаго экзархомъ Болгарскимъ.

Новый экзархъ, человекъ старый, слабый, безхарактерный, самъ созвалъ что онъ вовсе не подходитъ къ высокому положенію куда вызвалъ его народный выборъ, въ особенности при трудныхъ обстоятельствахъ со всѣхъ сторонъ окружающихъ экзархатъ и требовавшихъ не только одной доброты душевной, которою отличался Иларіонъ, но и извѣстной подготовки, знаній и энергіи, невозможной при престарѣломъ его возрастѣ. Вслѣдствіе этого сознанія Иларіонъ самъ подалъ въ отставку и былъ замѣненъ Анеимомъ Видинскимъ.

Патріархъ, отказавшись совершенно отъ собственной воли, подпалъ вліянію народнаго собранія, въ которомъ изъ 80 членовъ заседають 60 мірянъ. Вопросъ о новоизбранномъ экзархѣ разбирался въ этомъ собраніи и было предложено постановить что патріархія не признаетъ Болгаръ православными. Рѣшеніе это не было принято лишь благодаря замѣчательной рѣчи епископа Анхіальскаго, который воспротивился ему, говоря что Болгары продолжаютъ оставаться православными и что „вся разница между нашими и ихъ мнѣніями заключается въ формѣ, а не въ сущности. Мірской же элементъ не долженъ вмѣшиваться въ это дѣло, и можно лишь сожалѣть что народное собраніе связываетъ въ данномъ случаѣ руки духовенству.“ Превія окончились рѣшеніемъ что патріархія не признаетъ вновь избраннаго экзарха.

Мѣстные греческіе журналы и общество горячо приняли сторону народнаго собранія и не стѣснялись открыто высказывать что союзъ съ Западомъ выгоднѣе союза съ Россіей,

и что они надѣются усиленною враждебностью къ этой послѣдней державѣ заслужить расположеніе и милости западныхъ правительствъ. Мысли эти встрѣчали тѣмъ болѣе сочувственный отголосокъ что тогда сдѣлалось извѣстнымъ что англійскій и австрійскій послы упрекали Махмудъ-пашу въ послѣдствіи съ которою онъ исполненіемъ фирмана официально призналъ существованіе новой христіанской народности въ Турціи. Греческое правительство хотя ловидимому не одобряло тенденцій константинопольскихъ Грековъ, но тѣмъ не менѣе посовѣтовало патріарху дать Болгарамъ извѣстный срокъ, а затѣмъ отлучить ихъ отъ церкви. У патріарха же со своей стороны снова возникаетъ желаніе созвать соборъ восточныхъ патріарховъ для разрѣшенія распри.

Между тѣмъ одинъ изъ главныхъ дѣятелей болгарскаго движенія, митрополитъ Паисій Филиппопольскій, умираетъ, чѣмъ уменьшается число приверженцевъ болгарской умѣренной партіи, радикалы же все усиливаются, и тѣмъ яснѣе обрисовываются политическія стремленія Болгаръ. Самъ экзархъ сознаетъ что главная цѣль вожаковъ крайней партіи—радикальное рѣшеніе національнаго вопроса и что церковная распря служить имъ лишь предлогомъ или маской чтобы скрыть отъ Порты ихъ истинныя желанія.

2 апрѣля экзархъ получилъ свой берать, а 4го представлялся султану, чѣмъ какъ бы завершилось политическое его признаніе.

Три раза посылалъ экзархъ депутатовъ чтобы патріархъ дозволилъ ему представиться, и всѣ три раза Анеимъ отказался принять его, требуя чтобы: „сей самозванный экзархъ раскаялся письменно во всемъ совершившемся, подлисался бы не экзархомъ Болгарскимъ, а митрополитомъ Виддинскимъ, и осудилъ тѣхъ кого осудила великая церковь и вмѣсто султанскаго фирмана принялъ безо всякаго измѣненія проектъ представленный великому визирю“, по которому Болгарамъ, во первыхъ, уступалось гораздо менѣе епархій нежели сколько ихъ было въ прежнемъ проектѣ Анеима, а во вторыхъ, Болгарскому экзархату давалось имя не Болгарскаго, а Эмосскаго. Кромѣ того двѣ письменныя просьбы экзарха о разрѣшеніи ему совершить богослуженіе на Св. Пасху возвращены были ему патріархіей обратно.

Въ пятницу на Пасхѣ экзархъ обратился къ патріарху съ новою просьбой снять церковное наказаніе съ трехъ низложенныхъ

болгарскихъ епископовъ и дозволить имъ привести оправданіе въ своемъ поступкѣ, объясняя что осужденіе ихъ было неважкою и по существу дѣла и по формѣ.

Патріархія отвергла и эту просьбу.

Въ слѣдующее воскресенье, 23 апрѣля 1872, экзархъ привнесъ въ своей болгарской церкви рѣчь, въ которой, высказавъ свою горькую жалобу на постоянные отказы ему патріархіи во всемъ, объявилъ что отселѣ онъ не признаетъ болѣе дѣйствительнымъ изложенія трехъ болгарскихъ епископовъ. 11 же мая, въ день памяти славянскихъ апостоловъ Кирилла и Меодія, экзархъ совершилъ въ той же церкви торжественное богослуженіе вмѣстѣ съ остальными болгарскими епископами и многочисленнымъ духовенствомъ. Во время литургіи, послѣ Евангелія, прочитанъ былъ предъ всѣмъ народомъ обширный актъ провозглашающій независимость Болгарской церкви, составленный еще прежде и подписанный сборомъ семи болгарскихъ епископовъ.

Въ отвѣтъ на это патріаршіи синодъ провозгласилъ Болгарскаго экзарха Авѣима лишеннымъ сана и низверженнымъ, болгарскихъ епископовъ Панарета Филлипольскаго и Иларіона Ловчанскаго, прежде низверженныхъ, отлучилъ отъ церкви, а епископа Иларіона Макаріупольскаго, прежде отлученнаго, объявилъ „попичнымъ гонимъ огнемъ и въ чюй анаемъ“, распространивъ соотвѣтствующія церковныя наказанія и на всѣхъ клириковъ и мірянъ находящихся въ общеніи съ осужденными епископами. Не довольствуясь этимъ патріархъ рѣшилъ привести въ исполненіе свое предположеніе о собраніи помѣстнаго собора, въ которомъ должны были принять участіе кромѣ самого патріарха вселенскаго и его синода всѣ прочіе патріархи и всѣ епископы пребывающіе въ Константинополѣ, для чего и отправлены были въ нужныя приглашенія.

Экзархъ рѣшилъ игнорировать патріарха и начинаетъ дѣйствовать совершенно самостоятельно; онъ рукополагаетъ Досіея епископомъ Самоковскимъ, Виктора — Пашскимъ и Иларіона Макаріупольскаго — митрополитомъ Тырновскимъ. На всѣхъ этихъ кафедрахъ были уже греческіе епископы имѣющіе брать отъ Порты. Тѣмъ не менѣе Порта выдала бераты и нововозмущеннымъ болгарскимъ епископамъ, хотя замѣтно охладѣла къ экзарху.

Въ отвѣтномъ посланіи своемъ на послѣднее приглашеніе

патріарха, Аѳинскій синодъ одобряетъ мѣры строгости принятыя противъ Болгаръ и закликаетъ держаться того же пути. Патріархи Иерусалимскій, Антиохійскій, Александрійскій и архіепископъ Кипрскій вѣдутъ въ Константинополь благопріятно настроенные по отношенію къ Болгарамъ и обѣщаютъ дѣйствовать безпристрастно и примирительно, вполнѣ понимая всю важность Болгарскаго вопроса для дѣла православія на Востоцкѣ.

Иерархи Антиохійской церкви обратились предъ отъѣздомъ блаженнаго Героея въ Константинополь съ заявленіемъ подписаннымъ шестью митрополитами и въ которомъ они выражаютъ надежду что находящіеся на соборѣ святители безъ сомнѣнія отрѣшатся отъ племенныхъ и личныхъ интересовъ и цѣлей, которыхъ не знаетъ и не допускаетъ православная Христова церковь, чуждая всякому слову и дѣлу не имѣющему въ виду спасенія душъ, и что вообще они должны принять во вниманіе что великая святая церковь Христова, дабы нерушимо сохранить единеніе вѣрующихъ, дозволяетъ—по вопросамъ не затрагивающимъ догматовъ вѣры—снисхожденія, послабленія и уступки тамъ гдѣ нѣтъ опасности для вѣры.

Патріархъ Александрійскій Софроній обѣщаетъ употребить всѣ свои усилія для достиженія примиренія и обѣщаетъ что въ противномъ случаѣ не подлишетъ соборнаго опредѣленія.

Не такъ отнеслись къ вопросу александрійскіе Греки, которые шумными манифестациями старались устроить блаженнаго Софронія и заставить его быть враждебнымъ къ Болгарамъ. Константинопольскіе Греки не отстаютъ отъ нихъ и, пользуясь пріѣздомъ многочисленныхъ аѳинскихъ эмиссаровъ и извѣстнаго уже намъ епископа Ликурга, не скрывающаго своей ненависти къ Болгарамъ, производятъ уличныя демонстраціи. Толпа кричитъ: „да здравствуетъ султанъ, да здравствуетъ схизма!“ Вожаки объясняютъ эти крики тѣмъ что они боятся быть поглощенными славянскимъ элементомъ и что они хотятъ воспротивиться тому чтобы дѣти ихъ не обратились въ Болгаръ. Англія по политическимъ причинамъ поддерживаетъ ихъ въ такомъ настроеніи, и посолъ ея Эллиотъ является главнымъ совѣтникомъ и руководителемъ крайней греческой партіи.

Однако, несмотря на всѣ застрачиванія журналистовъ и

толлы, прибывшіе въ Царьградъ патріархи долгое время оставались тверды и непоколебимы.

Въ то же время состоялось назначеніе греческимъ посланникомъ въ Константинополь Симоса, англофила, умнаго и образованнаго человѣка. Русскій посоль съ нетерпѣніемъ ждалъ его пріѣзда въ Царьградъ, надѣясь что проникнувшись истинными интересами Греціи Симосъ сумѣетъ захватить вліяніе на здѣшнюю эллинскую колонію и сможетъ обуздать буйную и мятежную партію этой послѣдней. Къ сожалѣнію, надеждамъ этимъ, какъ показала послѣдующая дѣятельность Симоса, не суждено было сбыться, и дипломатъ этотъ, наоборотъ, лишь рѣзче отгвѣнилъ тогдашнее враждебное настроеніе константинопольскихъ Грековъ ко всему что носило имя славянскаго.

Прошеніе подписанное пятнадцатью тысячами Грековъ представляется вселенскому патріарху съ просьбой объявить схизму на Болгаръ и на всѣхъ ихъ послѣдователей, даже еслибъ эти послѣдніе были цѣлыми народами или націями (намекъ довольно прозрачный на Россію). Анѣмъ обѣщаетъ имъ сообразоваться съ ихъ желаніями, а на упреки русскаго посла отвѣчаетъ что онъ не въ правѣ умѣрять ревность православныхъ къ вѣрѣ и прелатствовать ея проавленію.

Очутившись въ омутѣ уличныхъ интригъ блаженный Кириллъ Іерусалимскій горько жаловался нашему послу на трудность своего положенія. Русскій посоль постарался, разумѣется, поддержать его бодрость, увѣщевая проникнуться тѣмъ убѣжденіемъ что іерархи православной церкви не должны уступать предъ внѣшнимъ давленіемъ уличной толлы возбужденной газетчиками и фанатиками. Въ то же время графъ Игнатъевъ обратилъ на шумныя манифестаціи вниманіе замѣнивашаго Махмудъ-пашу Митхадъ-пашу, который, хотя въ душѣ и радовался раздорамъ христіанъ между собою, запрашиваетъ однако Константинопольскій патріархатъ о происходящемъ волненіи и спрашиваетъ когда же осуществляются многочисленные проекты соглашенія съ Болгарами.

Анѣмъ принявъ это сообщеніе очень холодно, отвѣтивъ что соборъ занимается исключительно духовными дѣлами, въ которыя Порта не можетъ вмѣшиваться; что же касается прежнихъ его проектовъ, то они нынѣ ни что иное какъ листы бѣлой бумаги.

На приготовительномъ засѣданіи собора всѣ восточные іерархи находятъ провозглашеніе схизмы дѣломъ слишкомъ важнымъ чтобы постановить ее не испытавъ предварительно всѣхъ средствъ примиренія.

Со своей стороны посолъ обращается къ Болгарамъ и проситъ ихъ сдѣлать послѣднюю попытку примиренія, вслѣдствіе чего Габріель-эфенди и Пенчовичъ имѣютъ свиданіе съ восточными патріархами. По мнѣнію послѣднихъ, соглашеніе возможно на слѣдующихъ двухъ условіяхъ: 1) мѣстопробываніе экзарха и его синода будетъ въ Константинополѣ и 2) географическія границы епархіи экзархата будутъ опредѣлены развѣ навсегда на условіяхъ удобопріемлемыхъ Греками.

Узнавъ объ этихъ попыткахъ соглашенія, греческая депутация изъ Саввы-лаши, будущаго турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ, Мильтіада Аристархи—бывшаго князя Самосскаго, Калліади—виновника постановленія патріаршаго синода 6 января, Икіадеса и Зографо, требуетъ отъ восточныхъ патріарховъ немедленнаго объявленія схизмы, подъ опасеніемъ подвергнуться самымъ крайнимъ насиліямъ съ ихъ стороны.

Патріархи отвѣтили на это требованіе спокойно, но съ большимъ сознаніемъ собственнаго достоинства.

Наконецъ соборъ открывается официально. Когда на него отправлялся Кирилль Іерусалимскій, на пути на него накинулась толпа нафанатизованныхъ Грековъ, которые съ неистовыми криками угрожали Кириллу привести его на соборъ силой, въ томъ случаѣ еслибъ онъ не захотѣлъ туда явиться добровольно; его называли Иудой, Каіафой, русскимъ шлюномъ.

Сознаніе правоты своего дѣла дало блаженному Кириллу силу перенести всѣ эти незаслуженныя оскорбленія и, явившись на соборъ, онъ прежде всего изгоняетъ изъ него мірянъ и обращаясь къ духовенству упрощаетъ не торолиться схизмой и не увеличивать бездны между православными народностями.

Константинопольскій патріархъ ослабивалъ это мнѣніе и требовалъ немедленнаго провозглашенія схизмы. Послѣ долгихъ преній соборъ рѣшилъ поручить комиссіи богослововъ составить текстъ соборнаго опредѣленія, о чемъ и былъ составленъ протоколъ, подписать который блаженный Кирилль отказался, также точно какъ онъ отказался идти по приглашенію

Анеима въ церковь, говоря что „онъ пойдетъ въ храмъ не иначе какъ за тѣмъ чтобъ умолять Господа Бога наставить Его церковь на благой путь и озарить Своимъ свѣтомъ отцовъ церкви блуждающихъ повидимому во мракѣ“. Увлеченный примѣромъ блаженнаго Кирилла и патріархъ Антиохійскій запрещаетъ своему представителю участвовать въ комиссіи если она не займется изысканіемъ средства къ примиренію.

Вслѣдъ за симъ патріархъ Іерусалимскій объявляетъ Анеиму что онъ болѣе не будетъ принимать участія въ соборѣ и твердо стоитъ на своемъ рѣшеніи, несмотря на упрощенія греческаго повѣреннаго въ дѣлахъ Калерджи не отставать отъ прочихъ патріарховъ, и несмотря на начавшіяся въ Палестинѣ интриги клонившіяся къ его низложенію.

Отъ угрозъ блаженному Кириллу Греки перешли къ упрощеніямъ, но ничто не помогало, и просьбы ихъ какъ и застраиванія были тщетны, и за два дня до окончанія собора патріархъ вмѣстѣ со своимъ повѣреннымъ, не принимавшимъ участія въ работахъ комиссіи, уѣзжаетъ въ Іерусалимъ, принимать путешествовавшего тогда по Сиріи и Палестинѣ Великаго Князя Николая Николаевича. При отъѣздѣ своемъ блаженный Кирилла повторилъ что онъ порицаетъ послѣдній образъ дѣйствій іерарховъ собравшихся на соборъ; въ то же время онъ объявилъ что, не считая себя въ правѣ подписать рѣшеніе принятое подъ вліяніемъ народныхъ страстей овладѣвшихъ къ несчастію вселенскою церковью, онъ спроситъ о томъ мнѣніе своего синода и дастъ затѣмъ письменный отвѣтъ.

Событія происшедшія затѣмъ въ Палестинѣ и низложеніе патріарха Кирилла извѣстны, и мнѣ нѣтъ надобности описывать ихъ подробности. Достаточно сказать что за отказъ подписать опредѣленіе Константинопольскаго собора, блаженный Кирилла, собственнымъ своимъ клиромъ, составленнымъ изъ фанатиковъ Грековъ, былъ самъ объявленъ схизматикомъ и низложенъ съ престола, который онъ занималъ съ такимъ блескомъ въ продолженіи почти тридцати лѣтъ. Мало того, маститому іерарху было отказано въ позволеніи поклониться въ послѣдній разъ Гробу Господню, и онъ, какъ преступникъ, былъ отправленъ съ жандармами въ Яффокую тюрьму, гдѣ провелъ двѣнадцать дней въ ожиданіи

турецкаго военнаго судна, перевезшаго его въ Константинополь. Замѣчательно при этомъ что наибольшую поддержку противникамъ блаженнаго Кирилла оказалъ мѣстный губернаторъ Назифъ-паша и, какъ это ни странно слышать, германскій генеральный консулъ въ Иерусалимѣ баронъ Альтевъ. Не лишнимъ считаю привести здѣсь письмо этого послѣдняго къ блаженному Кириллу по возвращеніи его изъ Константинополя:

„Monsieur (!!) le patriarche,—En réponse à votre lettre, qui m'est parvenue hier, je dois vous dire:

„Considérant la position dans laquelle vous vous trouvez par suite de votre conduite envers le gouvernement de la Sublime Porte et envers Vos supérieurs (?) ecclésiastiques;

„Considérant la persistance fatale avec laquelle vous prêtez l'oreille aux instigations contraires à votre devoir;

„Je suis très surpris que vous vous croyez encore en droit de me demander des éclaircissements sur la conduite du drogman de mon consulat.

„Je ne crois donc pas convenable de vous donner des éclaircissements que je ne pourrais certes par refuser à qui de droit.

„Agréez, monsieur le patriarche, mes salutations empressées

„Freiherr von Alten

Consul général d'Allemagne.“

Не имѣя высшаго богословскаго образованія, блаженный Кириллъ отличался глубокимъ практическимъ умомъ, житейскою мудростію и непреклонною твердостію характера, дозволившими ему быстро покончить со внутренними несогласіями раздиравшими Иерусалимскую церковь, когда въ 1845 году онъ сдѣлался ея главой. Необразованный самъ, блаженный Кириллъ тѣмъ не менѣе страстно любилъ просвѣщеніе, и слишкомъ давнось вышелъ бы списокъ еслибы мы стали перечислять основанныя имъ образовательныя и благотворительныя учрежденія не только въ Палестинѣ, но и въ другихъ мѣстахъ Турціи, или же приводить число молодыхъ людей воспитавшихся на счетъ блаженнаго Кирилла въ Асинахъ и на Западѣ.

Народъ питалъ къ блаженному Кириллу глубочайшее уваженіе, тогда какъ архіереи, архимандриты и пр. боялись его, но не любили, называя деспотомъ, въ смыслъ крутаго его

обращенія съ подчиненными. Тогда какъ въ дѣйствительности, обладая сильною волей, покойный Иерусалимскій патріархъ лишь держалъ все и всѣхъ въ рукахъ, никогда, впрочемъ, не злоупотребляя своею властью. Онъ былъ справедливъ и въ другихъ уважалъ честность и искренность.

Мужественный поступокъ блаженнаго Кирилла въ 1872 году, когда ни угрозами, ни лаской, ни деньгами не могли заставить его перемѣнить убѣжденіе и подписать соборный актъ, ясно показываетъ какимъ запасомъ воли и энергіи обладалъ этотъ поистинѣ замѣчательный человекъ.

Въ Константинополь, въ ссылкѣ, блаженный Кириллъ существовалъ на пенсію высылавшуюся ему нашимъ правительствомъ до 1877 года, когда онъ скончался на 82 году отъ рожденія, и былъ погребенъ въ деревнѣ Еникаей на Босфорѣ. Черезъ два съ половиною года по его изложеніи Иерусалимская церковь прислала бывшему патріарху грамоту съ изъявленіемъ сожалѣнія о случившемся и съ извиненіями, а теперешній патріархъ Иерусалимскій Героеей провозгласилъ Кирилла православнѣйшимъ и тѣмъ загладилъ несправедливость, жертвой которой маститый іерархъ сдѣлался въ 1872 году.

Чтобы разсвѣять тяжелое впечатлѣніе произведенное отъѣздомъ Иерусалимскаго патріарха на нѣкоторыхъ колеблющихся членовъ собора, Митхадъ-паша счелъ нужнымъ ободрить приверженцевъ радикальной партіи, и посланный, по его приказанію, въ собраніе Икиадесъ передалъ отъ имени великаго визиря что Порта нисколько не сочтетъ объявленіе схизмы противорѣчающимъ интересамъ Турціи. Объявленіемъ этимъ въ огонь было подлито новаго масла, и сторонники схизмы гордо подняли голову, будучи увѣрены въ поддержкѣ Турецкаго правительства.

Въ засѣданіи 12 сентября работы подготовительной коммисіи были прочитаны и одобрены, а въ засѣданіи 16 сентября самая схизма провозглашена официально и единогласно соборнымъ опредѣленіемъ подписаннымъ 32 патріархами, архіепископами, митрополитами и пр., причемъ главнымъ виновникомъ провозглашенія схизмы былъ митрополитъ Дерковскій, человекъ умный, ловкій и интриганъ, весьма поддерживаемый партіей греческихъ банкировъ.

Этотъ актъ, по которому всѣ болгарскіе архіластыри съ духовенствомъ и мірянами объявлены схизматиками, какъ

слѣдующіе среен филетизма, былъ съ торжествомъ прочитанъ во всѣхъ константинопольскихъ церквахъ, затѣмъ обнародованъ во всѣхъ предѣлахъ патріархата и разосланъ ко всѣмъ автокефальнымъ церквамъ.

Вотъ въ полномъ видѣ это опредѣленіе въ русскомъ переводѣ:

Внимать себѣ самимъ „и всему стаду“, въ немъ же насъ „Духъ Святый постави епископы пасти церковь Господа и Бога, юже стажа кровію Своею“ повелѣваетъ намъ сосудъ избракіа (апостоль), который предвѣщаетъ что въ средѣ церкви Божіей возстанутъ волки алчные, не щадящіе стада, и люди творящіе развращенное, дабы отторгать учениковъ во слѣдъ себя и потому повелѣваетъ намъ бодрствовать. Съ ужасомъ и болѣзнью сердца узнали мы что въ послѣднее время въ лонѣ Вселенскаго престола возстали таковыя люди изъ среды благочестиваго Болгарскаго народа, дерзнувшіе внести изъ мірской жизни въ церковь нѣкое новочуждое о филетизмѣ (племенномъ различіи) и образовать въ презрѣніе божественныхъ священныхъ канонѣвъ неслыханное доселѣ племенное сборище. Вотъ почему мы, прелюбимые, какъ должно, ревностію о Господѣ и желая по требованію справедливости воспрепятствовать дальнѣйшему распространенію зла въ средѣ этого народа, собрались здѣсь во имя Великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Призвавъ съ сокрушеніемъ души благодать свыше отъ Отца свѣтовъ и положивъ основаніемъ для себя Евангеліе Христово, „въ немъ же суть сокровища премудрости и разума сокровенна“, мы при сопоставленіи начала племеннаго дѣленія съ евангельскимъ ученіемъ и постояннымъ образомъ дѣйствія церкви усмотрѣли что оно не только имъ чуждо, но и совсѣмъ противно. Въ то же время и противозаконныя дѣйствія, коими сопровождалось племенное сборище упомянутыхъ лицъ, мы нашли заслуживающими осужденія священныхъ правилъ.

Поэтому „съ услажденіемъ пріемля“, со святыми богоносными отцами нашими „божественныя правила и содржащее всецѣлое и непоколебимое постановленіе сихъ правилъ, изложенныхъ отъ всехвалныхъ апостоловъ, св. трубъ Духа, и отъ семи святыхъ Вселенскихъ соборовъ и помѣстно собиравшихся для изданія таковыхъ заповѣдей и отъ святыхъ отецъ нашихъ, ибо всѣ они, отъ единаго и того же Духа бывъ просвѣщены, полезное узаконили“, мы во Св. Духѣ постановляемъ: 1) мы отвергаемъ и осуждаемъ филетизмъ, то есть племенныя различія, народныя распри, соперничества и раздоры въ Христовой церкви, какъ нѣчто противное евангельскому ученію и канонамъ блаженныхъ отцовъ нашихъ которые составляютъ собою олозу церкви и украшая ея общество ведутъ къ божественному благочестію. 2) Пріемлющихъ филетизмъ и дерзающихъ основывать на немъ племенныя

сборища мы провозглашаемъ, согласно священнымъ канонамъ, чуждыми единой, святой, каѳолической и апостольской церкви или чѣмъ то же схизматиками.

Посему, какъ произвольно отдѣлившихъ себя отъ православной церкви, водрузившихъ свой особый жертвенникъ и образовавшихъ особое самочинное сборище, прежде изверженныхъ и отлученныхъ отъ церкви, бывшихъ митрополитовъ Иларіона Макаріупольскаго, Панагета Филиппопольскаго, Иларіона Ловчанскаго, Анеима Видинскаго и вышъ изверженныхъ бывшихъ епископовъ: Дороея Софійскаго, Паремія Нинавскаго, Геннадія Велесскаго и рукоположенныхъ ими архіереевъ, іереевъ и діаконовъ, всѣхъ находящихся съ ними въ общеніи и единомысліи, и принимающихъ ихъ благословеніе и священнодѣйствіе за дѣйствительное и каноническое, какъ мірянъ такъ и духовныхъ, всѣхъ ихъ мы объявляемъ схизматиками и отчужденными отъ православной Христовой церкви.

Опредѣляя сіе, мы молимъ всеблагаго и челоуѣколюбиваго Бога и Господа нашего Іисуса Христа, начальника и совершителя нашей вѣры, да хранитъ Онъ свою святую церковь чистою и невредимою ото всякой скверны нововведеній; отторгшимся отъ нея да дасть покаяніе, дабы они пришедъ когда-либо въ разумъ отвергли свое ученіе и обратились къ единой, святой, апостольской и каѳолической церкви, во еже славити въ ней, со всѣми православными, великаго Ангела мира пришедшаго умиротворить всѣхъ и возвѣстити миръ всѣмъ ближнимъ и дальнимъ, Ему же подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе со Отцемъ и Святымъ Духомъ во вѣки. Аминь.

VII.

Соборное опредѣленіе 1872, отлучившее отъ церкви цѣлый народъ Болгарскій и заклеймившее названіемъ ереси филетизма стремленіе его высвободиться изъ-подъ исключительнаго владычества греческаго духовенства, раздражило въ высшей степени обѣ враждующія стороны и создало значительное, хотя и чисто формальное, препятствіе для мирнаго окончанія дѣла.

Поэтому намъ необходимо нѣсколько остановиться на разборѣ этого опредѣленія и разсмотрѣть связанные съ нимъ вопросы, которые можно свести къ слѣдующимъ четыремъ: виновны ли Болгары въ филетизмѣ, правильно ли соборъ постановилъ свое рѣшеніе, какъ должна отнестись къ сему послѣднему Русская церковь и, наконецъ, какое вліяніе провозглашеніе схизмы должно было имѣть на отношенія Россіи къ Грекамъ.

Болгары обвиняются въ томъ что они дерзнули внести изъ мірской жизни въ церковь нѣкое новое начало племенныхъ различій—филетизмъ, начало противное Евангелію и церковнымъ канонамъ. Что же такое филетизмъ? По смыслу вытекающему изъ соборнаго опредѣленія это есть ученіе о томъ что сдѣлавшись христіанами и будучи членами единой Христовой церкви, люди желаютъ, основываясь лишь на племенныхъ различіяхъ, составлять свои особыя, народныя церкви. Впервые объ этомъ ученіи заявилъ патріархъ Анѳимъ въ окружномъ своемъ посланіи отъ 27 апрѣля 1872 г. слѣдующими словами: „не безызвѣстно православному народу что это возникшее въ нѣдрахъ церкви возстаніе (церковный греко-болгарскій вопросъ) и всѣ происшедшія отсюда беззаконія болгарскихъ архіереевъ и ихъ послѣдователей вытекаютъ изъ одного губительнаго и противоевангельскаго начала этнофилетизма. Каждый православный христіанинъ понимаетъ, конечно, что это ненавистное начало ясно противорѣчитъ ученію Господа нашего Іисуса Христа, уничтожаетъ основныя принципы христіанской любви, на которыхъ утверждается святое Евангеліе и ниспровергаетъ самыя основы христіанской религіи, потому что ученіе Господа нашего отменило всякое различіе народа и племени и объединило всѣ народы, давъ имъ одну общую мать св. церковь чрезъ возрожденіе человѣческаго рода въ купѣли св. Крещенія и одно общее отечество—небесный Іерусалимъ, ибо „нѣсть Эллина и Іудея, варвара, Скиѳа, раба, свободнаго, но все и во всѣхъ Христосъ“. Противъ этого, поистинѣ божественнаго ученія, которое проповѣдалъ какъ первое основаніе христіанства самъ Спаситель нашъ, пришедшій на землю дабы исполнить законъ, противъ этого, говоримъ, ученія и возстаетъ губительное начало филетизма и національныхъ различій, старающаго ниспровергнуть и уничтожить это начало, которое конечно содѣйствіемъ доброненавистника, проникнувъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ понятія нѣкоторой части Болгарскаго народа, породило въ ней противоевангельскую мысль о національно-племенномъ различіи даже по отношенію къ той самой религіи въ которой они искони воспитаны. Ихъ старанія и дѣйствія въ продолженіе почти 15 лѣтъ, разнообразныя притязанія противъ ихъ матери-церкви, во многихъ мѣстахъ незаконныя и антиканоническія требованія объ уступкѣ имъ исключительныхъ привилегій и другія дѣйствія идущія въ разрѣзъ съ установленными въ церкви порядками, были и

теперь направлены, какъ самымъ дѣломъ уже доказано, къ учрежденію собственной, національной церкви, чего никогда не было и слышно въ христіанскомъ мірѣ^а.

Такимъ образомъ главнымъ аргументомъ Грековъ служить изреченіе св. апостола Павла: нѣсть Иудей, ни Эллинъ, нѣсть рабъ ни свободъ, нѣсть мужескій полъ, ни женскій: вси бо вы едино есте о Христѣ Іисусѣ (Гал. 3, 27. 28). Основываясь на немъ Греки говорятъ что этими словами Христось отмѣнилъ всякое различіе племенъ и народовъ и христіане не должны и не могутъ различаться по своимъ народностямъ: вовторыхъ, всѣ вѣрующіе во Христа Іудеи и др. составляютъ единое, нераздѣльное тѣло Христово, единую церковь; слѣдовательно Христось объединилъ въ Себѣ всѣ народы и они не должны и не могутъ составлять своихъ отдѣльныхъ національныхъ церквей.

Но ясно что приводимый текстъ Св. Павла нельзя принимать въ прямомъ его значеніи. Текстъ этотъ выражаетъ прежде всего ту мысль что въ церкви Христовой всѣ люди, всѣ народы совершенно равны между собою и никакой народъ не долженъ господствовать, въ смыслѣ преимущества, надъ другимъ. Эти слова не разъ повторенныя въ посланіяхъ Св. Павла, онъ постоянно направлялъ, какъ извѣстно, противъ тѣхъ Іудеевъ-христіанъ, которые думали что и въ Новомъ Завѣтѣ Іудеи въ правѣ считать себя избраннымъ народомъ Божиимъ, какимъ были въ Завѣтѣ Вѣтхомъ, и преимуществовать предо всѣми прочими народами, почему и хотѣли обязывать христіанъ изъ язычниковъ къ исполненію своего обрядоваго закона.

Содержа одну и ту же вѣру, оживляясь однимъ и тѣмъ же Духомъ Святымъ, христіане въ то же время различаются между собою и по племени. Самъ апостоль Павелъ, говоря о себѣ и св. апостолѣ Петрѣ прибавляетъ: „мы естествомъ Іудеи“ (Гал. 2, 15), а о своемъ сотрудникѣ Титѣ: „Титъ же со мною, Еллинъ сынъ“ (Гал. 2, 3). Греки и Русскіе, Румыны и Болгары и всѣ другіе народы могутъ содержать одну и ту же православную вѣру и быть едино во Христѣ; но въ то же время каждый изъ этихъ народовъ можетъ исповѣдывать свою вѣру на своемъ природномъ языкѣ, составляющемъ самое первое и главное отличіе всякой народности: каждый изъ этихъ народовъ можетъ имѣть у себя пастырей изъ своихъ соплеменниковъ чтобъ они проповѣдывали ему вѣру

и совершали богослуженіе на его природномъ языкѣ. Христосъ посылая своихъ апостоловъ на всемірную проповѣдь ниспослалъ на нихъ Духа Святаго (Дѣян. 2, 3) чтобы получивъ такой чудесный даръ апостолы могли возвѣстить святую вѣру каждому народу на его природномъ языкѣ и апостолы дѣйствительно проповѣдывали Евангеліе всѣмъ народамъ на ихъ языкахъ. Поэтому желаніе Болгаръ имѣть у себя такихъ преемниковъ апостольскихъ, то-есть архипастырей которые проповѣдывали бы имъ святую вѣру и совершали бы для нихъ богослуженіе на болгарскомъ или славянскомъ, то-есть понятномъ имъ языкѣ, есть желаніе вполне согласное съ Евангеліемъ.

Стремленіе Болгаръ имѣть свою отдѣльную церковную іерархію также нисколько не противорѣчитъ евангельскому догмату о единствѣ церкви. Отдѣльность видимаго устройства самостоятельныхъ церквей: Антиохійской, Іерусалимской, Константинопольской, Россійской, Эллицкой и друг. не препятствуетъ же имъ духовно быть великими членами единого тѣла церкви вселенской, имѣть единого главу Христа и единый духъ вѣры и благодати, причемъ единство это выражается видимо одинаковымъ исповѣданіемъ вѣры и общеніемъ въ молитвахъ и таинствахъ. Еще во времена апостольскія были основаны церкви изъ христіанъ одного племени въ Парѣи, Индіи, Египтіи, Испаніи, Галліи, Германіи, Британіи и пр. Послѣдующая церковная исторія представляетъ намъ что однѣ и тѣ же церкви, состоявшія изъ христіанъ одного племени и народности, то входили въ составъ другихъ частныхъ самостоятельныхъ церквей и были отъ нихъ въ зависимости, то отдѣлялись отъ нихъ и сами дѣлались автокефальными, то вновь соединялись съ другими церквами. Напримеръ, церковь Иверская (Грузинская) входила сначала въ составъ церкви Антиохійской и зависѣла отъ нея; потомъ Антиохійскимъ соборомъ, какъ повѣствуетъ о томъ Вальсамонъ въ своемъ толкованіи на второе правило II Вселенскаго собора, признана автокефальною и архіепископъ ея началъ называться каеволикосомъ всей Иверіи; въ послѣдствіи церковь эта зависѣла снова отъ Константинопольской и затѣмъ снова получила самостоятельность и, наконецъ, соединилась съ церковью Русскою. Церковь Армянская нѣсколько времени находилась въ зависимости отъ Кесарійскаго архіепископа, отъ котораго принималъ рукоположеніе ея

архіепископъ, но вскорѣ сдѣлалась самостоятельной и архіепископъ ея, подобно Грузинскому, сталъ называться каеопикосомъ. Церковь Русская, принявшая святую вѣру отъ Византіи, нѣсколько вѣковъ была одною изъ митрополій Константинопольскаго патріарха, но имѣла свое народное духовенство; въ 1051 году, то-есть не болѣе какъ 62 года спустя послѣ крещенія Руси, поставленъ былъ митрополитомъ Илариомъ — природный Русскій. Потомъ церковь эта получила совершенную независимость и доселѣ пребываетъ автокефальною. Церковь Болгарская точно также, какъ мы уже видѣли выше, дважды признавалась независимою и затѣмъ входила въ составъ Константинопольской патріархіи.

Все это доказываетъ что во всѣ времена христіанства смотрѣли безразлично на то, состояла ли какая-либо частная церковь изъ христіанъ одного племени и была національною, или состояла изъ христіанъ разныхъ племенъ, а также находилась ли какая-либо національная церковь въ зависимости отъ другой церкви или пользовалась самостоятельностью, и существованіе отдѣльныхъ народныхъ церквей никто не признавалъ филетизмомъ, ересью, противною евангельскому ученію и догматамъ.

Допустивъ же что все означенное является безразличнымъ предъ судомъ Евангелія, естественно что оно оказывается безразличнымъ и предъ судомъ каноновъ. Правда, Греки оспариваютъ правильность одного изъ главныхъ основаній выставляемыхъ Болгарами и заключающагося въ 34 правилѣ Св. Апостоловъ, а именно: „Епископамъ всякаго народа подобаетъ знати перваго въ нихъ и признавати его яко главу“, — говоря что по позднѣйшимъ толкователямъ церковныхъ правилъ—Зонаръ, Вельсамону, Аристину, выраженіе „епископы каждаго народа“ должно понимать какъ „епископы каждой области“, тѣмъ болѣе что въ 9мъ правилѣ собора Антиохійскаго 341 года говорится: „Въ каждой области епископамъ должно вѣдати епископа въ митрополіи начальствующаго и имѣющаго поличеніе о своей области“. Но для уразумѣнія этого кажущагося противорѣчія необходимо помнитъ что правила апостольскія существовали и дѣйствовали въ три первые вѣка христіанства до императора Константина Великаго, а всѣ правила Соборовъ Вселенскихъ и помѣстныхъ, въ томъ числѣ и Антиохійскаго, писались уже послѣ того какъ церковь христіанская сдѣлалась господствующею, при

императоръ Константинъ, въ предѣлахъ Римской имперіи, и когда церковь была уже раздѣлена, для удобства въ управленіи, на округи—діоцезы и области или провинціи примѣнительно къ гражданскому раздѣленію Римской имперіи, чего въ три первые вѣка не было. Въ періодъ господства этого раздѣленія въ церкви очень естественно, если выраженіе апостольскаго правила „еписколы каждаго народа“ постоянно замѣнялось въ правилахъ соборовъ выраженіемъ „еписколы каждой области“, и если позднѣйшіе толкователи также замѣняли означенное выраженіе правила апостольскаго по примѣру соборовъ.

Если же припомнить что Болгарская церковь была самостоятельна и независима, и что Константинопольскій патріархъ разными происками подчинилъ ее себѣ если не въ 1767 году, какъ утверждаютъ Болгары (что мы имѣли уже случай опровергнуть доказавъ что уничтоженная патріархомъ Самуиломъ автокефальная Охридская архіепископія была архіепископіей Греческою), то во всякомъ случаѣ около 1393 года, въ такомъ случаѣ приводимое обыкновенно Греками въ свою пользу правило обратится противъ нихъ и въ пользу Болгаръ. Правило это слѣдующее: „Никто изъ епископовъ да не простираетъ власти на иную епархію, которая прежде и изначала не была подъ рукою его или его предшественниковъ... но аще кто простеръ и насильственно себѣ подчинилъ какую-либо епархію, да отдастъ оную; да не преступаются правила отцевъ... Святому и Вселенскому собору угодно чтобы всякая епархія сохраняла въ чистотѣ и безъ стѣсненія изначала принадлежащія ей права по обычаю издревле утвердившемуся“ (III Всел. соб. 8, I Всел. соб. 6, 15).

Болгарскіе епископы желаютъ возстановленія ихъ собственной церковной власти находившейся подъ рукою ихъ предшественниковъ, желаютъ чтобы возвращены были ей законныя права изначала ей принадлежавшія. На основаніи приведеннаго правила можно обвинять скорѣе самого патріарха въ томъ что въ 1393 году простеръ онъ свою власть на церковь Болгарскую, бывшую дотошъ за предѣлами его области, или на иную епархію, которая прежде не была подъ его рукою и посягнулъ на права изначала ей принадлежавшія.

Не выдерживаетъ критики и мысль будто независимость (автокефальность) церкви обуславливается политическою независимостью народа или извѣстной страны. Въ отношеніи

къ цѣлымъ народамъ вступавшимъ въ христіанское общество издревле существовало въ церковной практикѣ слѣдующее начало церковнаго управленія освященное св. соборами: каждая вновь основанная церковь становилась въ зависимость отъ той церкви отъ которой она получала свое первоначальное происхожденіе и устройство. Затѣмъ, если эта вновь устроенная церковь постепенно увеличивалась въ своихъ внѣшнихъ предѣлахъ, все болѣе и болѣе крѣпла въ своихъ нравственныхъ силахъ, тогда она получала право автокефальности или независимости, тѣмъ болѣе если члены ея составляли особую націю.

Если вселенская церковь въ порядкѣ церковнаго управленія слѣдовала порядку гражданскаго раздѣленія властей, то не потому что признавала этотъ принципъ раздѣленія церковной власти единственнымъ и безусловно обязательнымъ для нея, а потому что онъ большею частью былъ сообразенъ съ ея чисто нравственными цѣлями. Тамъ же гдѣ чрезъ подчиненіе этому гражданскому принципу распредѣленія церковной власти она видѣла явный ущербъ для своихъ церковныхъ интересовъ, она отступала отъ него. Напримѣръ, когда во время нашествія цолоагменниковъ на Восточную имперію многіе епископы оставили свои епархіи и принуждены были жить въ отдаленіи отъ нихъ, тогда Трульскій соборъ Quini sexte въ 692 году 37 своимъ правиломъ опредѣлилъ сохранить для этихъ епископовъ право власти надъ ихъ епархіями замѣтивъ что: „нуждою времени и прелатствами въ соблюденіи точности не должны стѣсняемы быти предѣлы управленія.“ Слѣдовательно, церковь порядокъ своего управленія никогда не ставила въ безусловную зависимость отъ порядка политическаго или гражданскаго подчиненія. Когда христіанскіе Востокъ и Западъ были подъ скипетромъ одного могущественнаго Рима, эта политическая зависимость восточныхъ христіанъ отъ римской власти нисколько не мѣшала имъ сохранять свою самостоятельность въ церковномъ отношеніи.

Кромѣ того, не на томъ ли самомъ принципѣ основываютъ свое автокефальное существованіе отдѣльныя церкви Александрійская, Іерусалимская, Антиохійская, Килрская.

Изъ всѣхъ этихъ доказательствъ ясно вытекаетъ что желаніе Болгаръ имѣть свою народную церковь не имѣло ничего еретическаго, достойнаго быть клейменнымъ именемъ филетизма. Наконецъ, самымъ лучшимъ опроверженіемъ подобнаго

предположенія служить то обстоятельство что сами патріархи вселенскіе Григорій VI и Аѳѳимъ не считали только-что высказанное желаніе Болгаръ схизматическимъ; иначе они не предлагали бы имъ извѣстныхъ своихъ проектовъ въ которыхъ соглашались на образованіе особаго болгарскаго церковнаго округа со внутреннимъ самоуправленіемъ, подъ властью Болгарскаго экзарха, проектовъ не разрѣшившихъ распри только благодаря разногласію возникшему по опредѣленію территориальныхъ границъ будущаго экзархата. Иначе, обоимъ патріархамъ мы должны были бы признать зараженными тою самою ересью филетизма которую затѣмъ они сами такъ торжественно осудили на соборѣ 1872 года.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію втораго вопроса, правильно ли постановилъ соборъ свое рѣшеніе.

Когда патріархъ Григорій VI предлагалъ созваніе собора для разрѣшенія греко-болгарской распри, то онъ имѣлъ въ виду соборъ вселенскій, то-есть составленный изъ іерарховъ представителей всѣхъ самостоятельныхъ православныхъ церквей. Что же мы видимъ въ дѣйствительности на соборѣ 1872 года? Изъ 32 присутствовавшихъ на немъ архипастырей только трое, патріархи Антиохійскій, Александрійскій и архиепископъ Кипрскій, не принадлежали къ Константинопольской патріархіи, да и то патріархъ Софроній, по рукоположенію и служенію своему до избранія на александрійскій престолъ, принадлежалъ все къ той же Константинопольской церкви. Патріархъ же Иерусалимскій, какъ мы видѣли выше, уѣхалъ за два дня до соборнаго опредѣленія, отказавшись подписать схизму, за что подвергся, какъ сказано выше, неслыханнымъ преслѣдованіямъ со стороны греческаго братства Св. Гроба и Турецкаго правительства.

Всѣ же прочіе архіереи участвовавшіе въ соборѣ принадлежали къ Константинопольской церкви и, слѣдовательно, являлись заинтересованною стороною и судьями въ своемъ собственномъ дѣлѣ, въ спорѣ ихъ патріархіи съ Болгарами. Къ тому же изъ числа ихъ только нѣкоторые имѣли свои епархіи и слѣдовательно имѣли право присутствовать и подавать рѣшающій голосъ на помѣствомъ соборѣ своего церковнаго округа, а другіе были только епископы титулярные не имѣвшіе ни епархій, ни отдѣльныхъ приходоу, или оставившіе свои кафедръ, какъ прежде бывшіе патріархи Іоакимъ и Григорій VI.

Но что всего важнѣе, приглашенные на Константинопольскій соборъ архипастыри были лишены той духовной свободы какая необходима была имъ для безпристрастнаго обсужденія спорнаго вопроса. Они были созваны не для того чтобъ обсуждать его и рѣшить, а для того только чтобы подписать уже предрѣшенное осужденіе Болгарскому народу. Мирные голоса нѣкоторыхъ архіереевъ не только заглушались неистовыми воплями уличной сволочи, но и сопровождались для нихъ оскорбленіями.

Едва успѣли восточные іерархи, Іерусалимскій, Антиохійскій и Кипрскій, прибыть въ Константинополь и начали обнаруживать миролюбивое настроеніе и высказывать мысли о возможности соглашенія между константинопольскою патріархіею и Болгарами, какъ толпы нафанатизованнаго Греческаго народа, возбужденныя крайнею фанариотскою партіею, явились къ патріарху съ требованіемъ немедленно открыть соборъ и провозгласить Болгаръ схизматиками, и св. Ананіемъ отвѣчалъ толпѣ что желаніе ея будетъ исполнено. Черезъ нѣсколько времени, какъ мы видѣли, константинопольскому патріарху было подано новое прошеніе за 15ю тысячами подписей, съ новымъ требованіемъ послѣдить объявленіемъ болгарскаго раскола, и патріархъ снова отвѣчалъ что рѣшеніе собора будетъ вполнѣ согласно съ ихъ просьбой.

Когда на предварительныхъ совѣщаніяхъ константинопольскій патріархъ заявилъ о своемъ намѣреніи провозгласить болгарскій расколъ, и патріархи Іерусалимскій, Антиохійскій и архіепископъ Кипрскій открыто выразили свое несогласіе, къ нимъ являлись депутація за депутаціею, чтобы заставить ихъ перейти на сторону константинопольскаго патріарха; ихъ убѣждали, отъ нихъ настоятельно требовали уступить желанію народа и, обвиняя ихъ въ измѣнѣ эллинизму и православію, въ продажѣ себя Россіи и ея панславистскимъ замысламъ, имъ угрожали даже буфною расправой недовольной толпы.

Соборъ наконецъ открылся. Въ первомъ засѣданіи, 29 августа, избралъ онъ только комиссію изъ десяти членовъ для составленія очерка исторіи болгарскаго вопроса и соображенія тѣхъ правилъ которыя должны быть примѣнены къ его извѣстному рѣшенію; во второмъ засѣданіи, 11 сентября, рѣшилъ поручить опять комиссію составить самое опредѣленіе о провозглашеніи болгарской схизмы, а въ третьемъ и

послѣднемъ засѣданіи 16 сентября принялъ и подписалъ это опредѣленіе.

Въ былыя времена Церковь въ подобныхъ случаяхъ дѣйствовала всегда съ мудрою медлительностью и никогда не забывала приглашать на соборы и противную сторону, дабы имѣть возможность подробно и всесторонне изучить вопросъ и постановить рѣшеніе вполне безпристрастное, достойное собранія православныхъ іерарховъ.

Не то видимъ мы въ данномъ случаѣ. Соборъ былъ созванъ для того чтобы судить Болгаръ, но никто изъ Болгаръ, ни изъ представителей ихъ не былъ вопреки яснымъ священнымъ правиламъ (Апост. 74, Коринѣ. 28), позванъ въ засѣданія для защиты своего дѣла, тогда какъ каноны предписываютъ пригласить, и притомъ троекратно, обвиняемыхъ лицъ явиться на соборъ.

Константинопольскій же соборъ 1872 года ни разу не призвалъ въ свои засѣданія ни одного изъ обвиняемыхъ епископовъ, не выслушалъ ихъ объясненій, ихъ оправданій, ихъ желаній, не предлагалъ имъ никакихъ убѣжденій и условій, а вачно осудилъ ихъ и предалъ анаеміи вмѣстѣ со всею ихъ паствою.

Арію и Македонію съ ихъ единомышленниками дозволено было первымъ и вторымъ вселенскими соборами вести свое дѣло на условіяхъ равныхъ съ защитниками православія, то есть не только защищаться противъ возведенныхъ на нихъ обвиненій, но и дѣлать возраженія своимъ противникамъ.

Затѣмъ, между архиеластырами созванными на соборъ для суда надъ болгарскими епископами не было согласія во мнѣніяхъ. Мы уже видали какъ относились къ вопросу патріархи Александрійскій и Антиохійскій и архиепископъ Кипрскій, заявившіе свое несогласіе съ Аномомъ вначалѣ работъ собора, и патріархъ Іерусалимскій, сохранившій свое мнѣніе непреклонно до конца и даже ухватившій чтобы только не подписывать соборнаго опредѣленія съ которымъ онъ не соглашался.

Между тѣмъ, по канонамъ церкви (Антиохійск. 14), собору собравшемуся для суда надъ епископами при обнаружившемся разногласіи во мнѣніяхъ не слѣдовало постановлять рѣшенія, а надлежало предварительно пригласить въсколькихъ другихъ епископовъ изъ ближайшей церковной области,

которые вновь разсудили бы дѣло и разрѣшили бы сомнѣнія, и только вмѣстѣ съ ними постановить и утвердить опредѣленіе.

Все это вмѣстѣ взатое доказываетъ что соборное рѣшеніе не было плодомъ искренняго убѣжденія членовъ собора, а было лишь выраженіемъ мнѣнія одной партіи которая, увлекаясь своими страстями, вовсе не заботилась о правильномъ разрѣшеніи вопроса и воспользовалась слабостью константинопольскаго патріарха и большей части остальныхъ членовъ собора чтобъ однимъ ударомъ положить конецъ домогательствамъ Болгарь, поставить послѣднихъ въ безвыходное положеніе и заставить ихъ отказаться отъ мысли которую они лелѣяли столько времени. Такимъ образомъ, мы не можемъ не придти къ убѣжденію что соборъ постановилъ рѣшеніе канонически-неправильное и что отцы церкви, долженствующие быть блюстителями цѣлостности церковныхъ постановленій и карателями нововведеній, хотя и выставляли себя оградителями Церкви отъ нововводимаго въ нее принципа, который съ ихъ точки зрѣнія долженъ измѣнить весь нынѣшній порядокъ дѣленія православныхъ церквей, явились въ сущности слѣпыми орудіями политическихъ страстей, которыя, казалось бы, должны были бы быть изгнаны изъ собранія святителей Православнаго Востока.

Въ какое же отношеніе должна была стать Русская церковь къ завѣдомо-неканоническому опредѣленію Константинопольскаго собора?

Только вселенская церковь, только вселенскіе соборы составляющіеся, по возможности, изъ архипастырей всей Церкви, непогрѣшимы и не могутъ уклоняться отъ христіанской истины, а церкви частныя, какъ бы онѣ ни были обширны и знамениты, равно и помѣстные соборы, какъ бы ни было велико на нихъ число архипастырей, могутъ погрѣшати и уклоняться отъ истины. Потому, только опредѣленія вселенскихъ соборовъ обязательны для всѣхъ частныхъ церквей, какъ и для всѣхъ въ отдѣльности вѣрующихъ и не принимать этихъ опредѣленій, не подчиняться имъ или относиться къ нимъ критически никому изъ вѣрующихъ не позволительно. Опредѣленія же помѣстныхъ соборовъ, какимъ былъ и Константинопольскій 1872 года, обязательно лишь для тѣхъ церквей архипастыри которыхъ на нихъ присутствовали, а для всѣхъ прочихъ самостоятельныхъ церквей нисколько не обязательны. Могутъ онѣ и принять эти опредѣленія, но только

по собственному усмотрѣнiю, если признають согласнымъ съ ученiемъ вѣры и канонами; могутъ и не принять, если признають несогласными съ ученiемъ вѣры и канонами.

Былъ у насъ великiй соборъ въ 1667 году, на которомъ присутствовало тридцать архиепископовъ, въ томъ числѣ кромѣ нашего патрiарха еще два греческiе, — Антиохiйскiй и Александрiйскiй, — соборъ между прочимъ постановившiй рѣшенiе не перекрещивать впредь католиковъ при обращенiи ихъ въ православiе. Это рѣшенiе нашего собора не приняла и доселѣ не принимаетъ Греческая церковь продолжающая ихъ перекрещивать и однако ни мы, Русскiе, не объявляли за то Грековъ раскольниками, ни Греки не переставали считать насъ православными и не прерывали братскаго общенiя съ нами по дѣламъ вѣры и церкви.

Точно такимъ же образомъ и Русская церковь имѣла и имѣетъ полное право, не принимая рѣшенiя Константинопольскаго собора, не признавать Болгаръ раскольниками, а продолжать считать ихъ нашими братьями по вѣрѣ и православию, не разрывая въ то же время и нашей связи съ Греками, такъ какъ если Константинопольскiй соборъ и погрѣшилъ, то отнюдь не въ догматахъ вѣры, не въ ученiи православиа, а только по вопросу касающемуся церковнаго управленiя. Отъ такой погрѣшности нисколько не потерпѣла наша святая, каеодическая и апостольская вѣра единая у насъ съ Греками, а потому мы и можемъ, не соглашаясь въ рѣшенiи болгарскаго вопроса съ Греками, сохранять съ этими послѣдними прежнiй церковный союзъ и считать ихъ нашими братьями во Христѣ.

Поэтому и отношенiя наши къ обѣимъ враждующимъ сторонамъ не должны были мѣняться съ точки зрѣнiя церковной и послѣ соборнаго опредѣленiя 1872 года. Съ самаго начала и во все продолженiе печальной распри, роль наша заключалась въ томъ чтобы, не раздражая обѣихъ сторонъ, вести ихъ всякими мѣрами ко взаимному примиренiю, къ мирному разрѣшенiю ихъ недоразумѣнiй и вслѣдствiе предупреждать между ними полныи и безвозвратный разрывъ. Главною конечною цѣлью нашей политики въ этомъ вопросѣ попрежнему оставалось достиженiе полюбовнаго соглашенiя Константинопольскаго патрiарха съ Болгарами для спокойствiя и утвержденiя православной церкви на Востокъ, въ чемъ заинтересованы одинаково и Болгары и Греки.

Не считая приговора Константинопольскаго собора окончательнымъ и неподлежащимъ измѣненію, наше Министерство Иностранныхъ Дѣлъ разослало тогда же своимъ агентамъ предписаніе въ которомъ разъясняло необходимость стремиться убѣждать какъ Грековъ, такъ и Болгаръ приступить къ уступкамъ, оставивъ безплодными притирательства, которыя, не подвигая нисколько разрѣшенія вопроса, лишь разжигаютъ страсти, производятъ соблазны въ церкви и усугубляютъ разнь между двумя православными народами, которые конечно могли бы добиться значительно большихъ результатовъ живя въ мирѣ и братскомъ единеніи чѣмъ вражда между собою. Приглашая своихъ агентовъ проводить мысли эти между единовѣрцами нашими въ Турціи, министерство поручало имъ въ то же время дѣйствовать въ этомъ дѣлѣ съ крайнею осторожностію, не обнаруживая притомъ пристрастія къ какой-либо сторонѣ.

Переходимъ теперь къ рассмотрѣнію послѣдняго поставленнаго нами вопроса объ участіи Грековъ и тогдашняго Греческаго правительства въ дѣлѣ провозглашенія схизмы.

Ранѣе мы имѣли случай видѣть какъ Греки измѣняли постепенно характеръ отношеній своихъ къ Россіи въ нынѣшнемъ столѣтіи, когда мѣсто беззавѣтной преданности покровительницѣ православія заступило все болѣе и болѣе усиливавшееся недоверіе къ могущественной сѣверной державѣ, естественной покровительницѣ Балканскихъ Славянъ. Въ шестидесятихъ годахъ греческіе публицисты уже на всѣ лады доказывали неполицитичность союза съ Россіей и заклинали своихъ соотечественниковъ стать въ ряды противниковъ этой послѣдней, приискавъ себѣ союзниковъ между западными державами.

Въ 1868 году, послѣ неудачнаго исхода Критскаго возстанія, въ Греціи было впервые напечатано мнимое завѣщаніе Петра Великаго въ переводѣ на греческій языкъ и было въ громадномъ количествѣ экземпляровъ роздано даромъ народу съ цѣлью просвѣтить его насчетъ завоевательныхъ плановъ Россіи относительно Востока. Тогда же появилась масса статей и листковъ въ которыхъ развивалась мысль о томъ что Россія есть единственный врагъ Греческой церкви и которые провикали какъ въ высшіе, такъ и въ низшіе слои населенія.

Увидя поддержку оказанную нашимъ здѣсь посольствомъ Болгарамъ въ ихъ распрѣ съ патріархіей, напуганные

призракомъ лавсавизма, которому они приписываютъ исключительно завоевательные замыслы, и надѣясь на свое возрожденіе въ объятіяхъ антиславянской Европы, Греки возымѣли мысль прибѣгнуть къ духовному оружію чтобы отдѣлаться отъ Славянъ и провозгласить раскольниками сначала Болгаръ, а за ними, если можно, и остальныхъ Славянъ.

Въ данномъ случаѣ старанія Грековъ облегчились тѣмъ обстоятельствомъ что политическія стремленія ихъ сошлись съ нежеланіемъ вполнѣ естественнымъ константинопольскаго патріарха утратить области присоединенія ему богатые доходы, и вотъ духовные и мірские стали дружно дѣйствовать въ одномъ направленіи. Поддержка Греческаго правительства не замедлила придти къ нимъ на помощь, изъ желанія конечно собрать въ будущемъ за то обильные плоды. Не рѣшаясь дѣйствовать открыто противъ Россіи, оно давало самыя успокоительныя завѣренія нашему посланнику въ Аѳинахъ, давало официально примирительныя инструкціи своему представителю въ Константинополѣ, между тѣмъ какъ подъ рукою дѣйствовало въ совершенно противоположномъ направленіи. Внимательное изученіе дипломатическихъ документовъ поневолѣ приводитъ къ убѣжденію что въ періодъ предшествовавшій провозглашенію схизмы имульсь былъ даваемъ Аѳинами: тамошніе агитаторы желали довести дѣло до разрыва съ Болгарами, постарались оказать могущественное давленіе на возбужденныя умы константинопольскихъ Грековъ, впечатлительныхъ, исполненныхъ предрасудками и настроенныхъ враждебно къ Славянамъ. Крайняя греческая партія получала свой лозунгъ изъ Аѳинъ, и оттуда шли къ ней самыя пагубныя внушенія; изъ Аѳинъ же прибыли сюда многочисленные эмиссары, которымъ удалось укрѣпить въ народныхъ массахъ Константинополя, хотя быть-можетъ и на недолгое время, тѣ чувства ненависти къ Россіи и Славянамъ которыя доселѣ гнѣздились лишь въ умахъ нѣкоторыхъ журналистовъ и фанариотскихъ ораторовъ.

Наконецъ, во время самаго собора, двусмысленное поведеніе Аѳинскаго синода и его офиціознаго представителя, архимандрита Ликурга, было поразительнымъ контрастомъ съ твердымъ и достойнымъ положеніемъ принятымъ блаженнымъ Кирилломъ Іерусалимскимъ. Невозможно, въ самомъ дѣлѣ, отвергать что провозглашеніе схизмы было вызвано въ значительной степени присылкой сюда архіепископа

Сирекаго, а также искусственнымъ возбужденіемъ Фанара эмиссарами получившими свои инструкціи изъ Аѳинъ.

Услугѣхъ интригъ архимандрита Лукурга, архимандрита Калугераса и многихъ подобныхъ имъ личностей, дѣйствовавшихъ, по ихъ словамъ, отъ имени Аѳинскаго синода и митрополита Делигеоргія, обманутаго ложною надеждой на поддержку Англійскаго правительства, сплособствовало, между прочимъ, и то что во все продолженіе остраго періода греко-болгарскаго вопроса, въ Константинополѣ, какъ нарочно, не было греческаго посланника, а лишь простой повѣренный въ дѣлахъ, по своему officialному положенію лишенный необходимаго авторитета для противодѣйствія, еслибъ онъ даже того искренно хотѣлъ, всѣмъ этимъ тайнымъ проискамъ. Къ тому же несвоевременно выраженное Аѳинскимъ синодомъ одобреніе всѣхъ предшествующихъ мѣръ и предложеній Константинопольскаго патріарха, значительно повлияло на восточныхъ іерарховъ, бывшихъ на соборѣ, въ дѣлѣ согласія ихъ на схизму. Не имѣя же этого предварительнаго согласія Аѳинскаго синода на схизму, соборъ утратившій уже свою нравственную цѣлостность благодаря отсутствію патріарха Іерусалимскаго, вынужденъ былъ бы остановиться на какомъ-либо полюбовномъ рѣшеніи вопроса.

Оставивъ даже всѣ эти обстоятельства въ сторонѣ, мы не можемъ не привести факта болѣе значительнаго чѣмъ искусственно въ Фанарѣ возбужденное эллинскими эмиссарами волненіе, а именно присылку изъ Аѳинъ денежныхъ средствъ вселескому патріарху съ очевидною цѣлью удержать этого повѣднаго на томъ опасномъ пути на который его натолкнули. Греція со своими разстроенными финансами находила однако средства высылать въ Константинополъ значительныя денежныя суммы съ цѣлью посѣвать и увеличивать раздоры въ лонѣ православной церкви.

Въ началѣ 1872 года святителю Аѳеиму была выслана тысяча турецкихъ лиръ, переданная ему чрезъ посредство греческой миссіи въ Константинополѣ, въ октябрѣ же мѣсяцѣ того же года Делигеоргій прислалъ патріарху чрезъ своего эмиссара, журналиста Потаміано, три тысячи фунтовъ стерлинговъ, которыя были обѣщаны св. Аѳеиму въ то время когда онъ еще колебался провозгласить отдѣленіе Болгаръ отъ Константинопольской церкви, говоря что въ такомъ случаѣ Вселенскій престолъ лишится большей части своихъ доходовъ.

При передачѣ этихъ трехъ тысячъ фунтовъ патріарху были обѣщаны и дальнѣйшія субсидіи подѣ тѣмъ, говорятъ, условіемъ что его святѣйшество будетъ продолжать являться послушнымъ орудіемъ ненависти къ Россіи и вражды Эллиновъ къ славянскому міру.

Всѣ эти факты достаточно ясно доказываютъ двоедушіе и коварство тогдашняго греческаго перваго министра, старавшагося всеми возможными тайными средствами подорвать наше вліаніе на греческихъ епископовъ нашихъ на Балканскомъ полуостровѣ и внушивъ имъ подозрительность къ безкорыстію цѣлей преслѣдуемыхъ Россіей, вселить въ нихъ ненависть къ этой послѣдней державѣ.

Конечно, мы далеки отъ мысли обвинять за этотъ образъ дѣйствій министерства Делигеоргія весь Греческій народъ поголовно. Масса, общность народа здорова, заслуживаетъ искренняго расположенія и симпатіи, и обаяніе единства вѣры съ великою сѣверною имперіей осталось пока непрікосновеннымъ среди этихъ первобытныхъ паликаровъ.

Но нельзя не выдѣлать изъ народной массы той, къ сожалѣнію, многочисленной партіи эллинскихъ политикановъ, адвокатовъ и вообще людей стоявшихъ тогда близко и даже направлявшихъ эллинскія руководящія сферы. Среди ихъ движеніе крайней фанатической партіи съ самаго начала нашло себѣ сочувственный отголосокъ, они протянули ей руку и увлекли за собою на этотъ скользкій путь даже большую часть эллинскаго духовенства, внеся политическія страсти въ священную ограду Аѳинскаго синода, гдѣ преодолѣли въ концѣ концовъ самыя крайнія мѣрніа. Благоразумные, умѣренные элементы народа не сумѣли и не смогли справиться съ демагогическимъ духомъ, который всегда составлялъ несчастіе Греціи и который въ этомъ случаѣ особенно далъ себя почувствовать.

Среди общаго безсилія, демагогіи выпала тѣмъ болѣе блестящая роль что на помощь ей пришла печать пользующаяся двойнымъ преимуществомъ безответственности и неограниченной свободы и которая вліяла на религіозный фанатизмъ и невѣжество народныхъ массъ, хотя этимъ самымъ и работала противъ истинныхъ интересовъ церкви.

Но съ другой стороны нельзя оспаривать что ответственность за дѣйствія лицъ стоящихъ во главѣ народа падаетъ на всю массу народа, которая своимъ безмолвіемъ какъ бы

одобряетъ и даетъ санкцію дѣйствіямъ этихъ лицъ и дѣлается нѣкоторымъ образомъ солидарною съ ихъ политикой.

Такое направленіе принятое эллинскою политикою, та сдѣланая и неразумная ненависть которую Греки стали не стѣсняясь выказывать къ Россіи, а равно и принятіе соборомъ греческихъ іерарховъ рѣшеній прямо противныхъ всѣмъ нашимъ совѣтамъ,—все это неминуемо должно было отразиться на характерѣ отношеній нашихъ къ Греціи, которой необходимо надо было дать понять какимъ ложнымъ путемъ она слѣдовала, желая увеличитъ бездуу между собою и славянскимъ міромъ, и какаѣ ошибка была сдѣлана эллинскимъ синодомъ, когда онъ не захотѣлъ составить съ нашимъ синодомъ, патріархомъ Іерусалимскимъ, митрополитомъ Сербскимъ и Румынскимъ духовенствомъ, того протавовѣса вліянію крайнихъ фанариотскихъ партій, благодаря которому можно бы было достигнуть возстановленія согласія въ православномъ мірѣ.

Съ начала настоящаго столѣтія большая часть нашихъ затрудненій съ Портою и съ западными державами происходила именно изъ-за поддержки которую мы оказывали Грекамъ въ ихъ припирательствахъ съ Турками; изъ всѣхъ едновѣрцевъ нашихъ на Востокѣ Греческій народъ по своей подвижности причиналъ намъ наиболее хлопотъ, поддерживая къ намъ въ Туркахъ ненависть, а въ Европѣ недобріе. Чѣмъ же отплатила намъ Греція за всѣ наши полеченія о ней? Въ 1872 году она доказала что пользуясь нами для достиженія своихъ собственныхъ цѣлей, она смотритъ на Россію какъ на силу которую при надобности можно пользоваться, но отъ которой можно отрицаться, которую можно осылать ругательствами, лишь только пройдетъ надобность въ ея поддержкѣ, въ ея услугахъ.

Обязанностію Россіи было дать почувствовать Греческому правительству что дѣйствуя въ духѣ политики *Delugeorgia et consortes*, оно неразумно вступило на опасный и скользящій путь желая создать политическій и религіозный антагонизмъ между собою и великою державою трактатомъ 1829 г. создавшею самое существованіе управляемой имъ страны.

Враждебное настроеніе Греціи къ Россіи ясно обрисовалось въ 1872 г. и сдѣлалось неоспоримымъ фактомъ съ которымъ отнынѣ нужно было считаться и отрицать который или даже закрывать глаза на который было недозволительно,

такъ какъ насколько въ политикѣ необходима правильная и точная оцѣнка происходящихъ событій, настолько же самообольщеніе опасно.

Мы уже не могли быть къ Греціи, направляемой Делиг-оргиемъ, послѣ всего происшедшаго столь же горячо благо-склонны какъ прежде и наши новыя отношенія къ ней долж-ны были носить до поры до времени печать нѣкоторой сдержанности и осторожности. Подобный характеръ нашихъ отно-шеній простекалъ изъ силы вещей и сознанія нашего соб-ственного достоинства. Словомъ, было необходимо чтобы въ Аѳинахъ знали что Россія не потерпитъ чтобы ее лишь эксплуатировали тѣ которые оскорбляютъ ее и называютъ себя злѣйшими ея врагами, такъ какъ сила, деньги и вліяніе Россіи должны принадлежать исключительно и прежде всего Россіи и употребляться на защиту ея истинныхъ интересовъ и было бы по меньшей мѣрѣ отравнымъ еслибы мы стали приносить ихъ въ жертву Грекамъ, вовсе нежелающимъ при-слушиваться къ совѣтамъ даваемымъ имъ нами не съ какою-либо корыстью или себлюбивою цѣлью, а въ видахъ дости-женія великаго результата, который, казалось, долженъ бы былъ быть одинаково дорогъ и Грекамъ и намъ—достиженія мира и согласія въ православной церкви.

Изъ того обстоятельства что Россія естественная защит-ница своихъ единоверцевъ на Балканскомъ полуостровѣ во-все не сдѣдуетъ что мы утратили свободу дѣйствій и спо-собность правильно оцѣнить событія и что мы должны рас-плачиваться за Эллиновъ, когда они, осылавъ насъ предвари-тельно всякою бравью, сдѣлаютъ намъ честь предложить вы-тащить для нихъ каштановъ изъ огня.

Чтобъ охарактеризовать тогдашнее направленіе греческой миссіи въ Константинополѣ безынтересно привести одинъ эпизодъ случившійся около этого времени.

За нѣсколько дней до отъѣзда отозваннаго изъ Констан-тинополя австро-венгерскаго посланника графа Лудольфа, Симось явился къ нему чтобъ изложить ему свои соображе-нія о положеніи Грековъ въ Турціи. По его словамъ, схиз-ма была провозглашена для того чтобы пріобрѣсти греческо-му дѣлу сочувствіе Англіи и Австро-Венгріи. Сжигая, такъ-сказать, свои корабли, Греки хотѣли дать этимъ обѣимъ держа-вамъ и самой Турціи прочный залогъ своей искренности. Если же между Россіей и Австріей установилось уже

соглашеніе о которомъ разнесался тогда слухи, то, по мнѣнію Симоса, необходимо объ этомъ предупредить Грецію, дабы и она могла примириться съ Россіей. Затѣмъ греческій посланникъ подробно распространился о выгодахъ соглашенія между эллинизмомъ и Австро-Венгеріей на почвѣ Восточнаго вопроса, благодаря которому славянскій элементъ на югъ отъ Балкановъ поддается непреодолимому вліянію эллинизма, тогда какъ Австрія легко справится съ нимъ въ странахъ на сѣверъ отъ Балкановъ.

Графъ Андраши не одобрилъ, однако, переданныхъ ему плановъ Симоса, каонившихся ни болѣе ни менѣ какъ къ раздѣлу Оттоманской имперіи.

Справедливость, впрочемъ, требуетъ прибавить что издѣнія г. Симоса происходили помимо какихъ-либо приказаній короля Георга, вичего даже о нихъ незнавшаго и служили лишь отраженіемъ мнѣній руководящихъ классовъ свободной Эллады.

Такимъ образомъ дѣлая общій сводъ всему предшествующему нельзя не признать вполне естественнымъ что съ 1872 г. Россія была вынуждена по отношенію къ Греціи къ болѣе сдержанной политикѣ въ ожиданіи того горячо желаемого ею времени когда Элліны искренно сознаютъ что они слѣдуютъ ложнымъ путемъ, что нечего имъ бояться призраковъ плавизма, такъ какъ Эллинамъ и Славянамъ есть достаточно мѣста на солнцѣ и что наконецъ Россія не ищетъ какой-либо гегемоніи по отношенію къ народностямъ заселяющимъ Балканскій полуостровъ, а желаетъ лишь чтобы эти послѣднія мирно развиваясь въ союзѣ между собой работали дѣлу прогресса и цивилизаціи.

Что же касается высшаго греческаго духовенства выказавшаго въ 1872 году столь недружелюбныя къ Россіи чувства, то наше правительство послѣдовало пословицѣ „бить рублемъ“ и секвестровало доходы съ бессарабскихъ имѣній принадлежащихъ заграничнымъ греческимъ монастырямъ, благодаря чему доходы съ русскихъ земель перестали идти на поддержку агитаціи направленной прямо противъ Россіи.

(До слѣд. №.)

В. ТЕПЛОВЪ.

ПСИХИЧЕСКІЙ МІРЪ ЖЕНЩИНЫ,*

ЕГО ОСОБЕННОСТИ, ПРЕВОСХОДСТВА И НЕДОСТАТКИ

(Посвящается Н. О. Астафьевой и М. И. Астафьевой).

IV.

Примѣненіе закона сохраненія силы къ организмамъ уяснило намъ въ предшествующемъ очеркѣ существеннѣйшія изъ физиологическихъ особенностей женщины. Оказалось что, согласно этому закону, бoльшая сравнительно съ мужскимъ часть энергіи принадлежащей организму женскому уходитъ на дѣятельности внутри организма (имѣющія родовой характеръ и значеніе) и сравнительно меньшая на работу механическую, на дѣятельности внѣ организма; что *распределеніе силы* между формами живой и напряженной энергіи въ мужскомъ и женскомъ организмахъ *не одинаково*. Отсюда уже съ необходимостью само собою вытекаетъ несомнѣнное указаніе на существованіе нѣкоторыхъ коренныхъ различій, хотя бы только самыхъ общихъ, и въ психической жизни и дѣятельности двухъ физиологически столь различныхъ [половъ. Самыя

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 12, 1881.

элементарныя душевныя состоянія, *ощущеніе* и сознательное *движеніе* (по связаннымъ съ нимъ активнымъ мышечнымъ и пассивнымъ органическимъ *чувствамъ*) составляютъ необходимыя и нераздѣльныя условія (моменты) всего называемаго *отправленіемъ*, то-есть всякой дѣятельности живаго организма, будь она направлена на внутреннюю среду его, внутрь, или на вѣшнюю и на совладающее съ появленіемъ жизни приспособленіе внутренней среды ко вѣшней *. Большое разнообразіе и слѣдовательно (*ceteris paribus*) скорость органическихъ функцій поэтому являются естественно связанными съ *болѣе быстрою слѣдственной ощущеній* (впечатлѣній) и *соотвѣствующими или давятельными реакціями* организма, дѣятельностей его, органическихъ ли или механическихъ. Ритмъ жизни физиологической является естественно связаннымъ съ ритмомъ жизни психической. И если было возможно получить изъ примѣненія къ физиологическому ритму половъ нѣкоторые несомнѣнные выводы относительно ихъ различій въ физиологическомъ отношеніи, то нельзя ли подойти къ объясненію ихъ различій въ психологическомъ отношеніи путемъ примѣненія того же закона сохраненія силы къ различію психическаго ритма половъ?

* Возраженіе противъ этого примѣненія видѣли во мнимои несомнѣнности *сохраненія* количественнаго тождества *психической силы* съ развитіемъ, какъ бы *ростомъ* (и увеличеніемъ) этой силы очевидно составляющимъ одну изъ характернѣйшихъ чертъ жизни души, постепенно восходящей въ развитіи къ высшимъ и высшимъ дѣятельностямъ. Говорили что „сохраненіе силы“ въ психологіи называется лишь въ распредѣленіи *каличной* силы души, которою она обладаетъ въ *настоящій* моментъ, между разными сферами ея жизни (сознательной и безсознательной, волей и представленіемъ etc.), но что самое количество этой силы *растетъ*, отъ одного момента къ другому измѣняется (Фихте младшій). Но не трудно видѣть что если количество силы неизмѣнно въ *каличномъ* ея распредѣленіи, а послѣдующій моментъ развитія *опредѣляется* этимъ *раздѣленіемъ*, то и никакого измѣненія этого количества, никакого *роста силы* отъ одного момента къ другому (безъ невоистижимаго новосозданія силы) быть не можетъ. Что отъ этого нисколько не страдаетъ психическое развитіе, возможность перехода психической дѣятельности отъ низшихъ и простѣйшихъ формъ къ высшимъ и болѣе сложнымъ, на это вкратцѣ указано мною въ брошюрѣ *Помнѣтіе психическаго ритма*, стр. 27—32.

Закономъ жизни психической необходимо является *рядовое, последовательное* расположение психическихъ, смѣна психическихъ состояній во времени *меньше* быстрою, есть то что мы назвали выше психическимъ ритмомъ. Что въ этомъ ритмѣ можно и должно искать осуществленія закона сохранения силы, скорость дѣйствія обратно пропорциональна его напряженію, совершенно ясно.

Ту дѣятельную силу, въ результатъ которой являются психическія состоянія и событія, мы знаемъ не такъ какъ знаемъ физическія силы, не какъ вѣбто само по себѣ невѣдомое намъ, лежащее (только *по предположенію*) въ основѣ дѣйствительно наблюдаемой нами внешней смѣны явленій, но знаемъ, какъ уже выше сказали, вполнѣ и in concreto. Мы очень хорошо знаемъ *что такое* тѣ усилія (сказывающіяся намъ въ *мышечныхъ чувствахъ*), въ результатъ которыхъ является мышечное движеніе, и тѣ усилія вниманія, въ результатъ которыхъ является болѣе и болѣе ясное, отчетливое ощущеніе, представленіе, понятіе, группы и ряды ихъ и т. л. Мы тутъ знаемъ непосредственно самую вещь (имѣемъ cognitionem rei), хотя знаніе *условій* проявленія этой силы (cognitio circa rem) получается нами болѣе или *меньше* неполное лишь изъ изученія *науки* психологіи. Необходимость мышечнаго движенія и связанныхъ съ нимъ мышечныхъ чувствъ для уясненія сознанію самыхъ простыхъ и начальныхъ его состояній, *ощущеній*, вполнѣ несомнѣнна. Движеніе это необходимо и для *аккомодации* органа чувства (глаза, уха, языка) къ возбуждающему его звуковому, свѣтовому, химическому раздраженію, и для *разнообразженія* дѣйствія раздраженія посредствомъ испытанія его въ *разныхъ* степеняхъ, комбинаціяхъ, разными органами и разными частями ихъ, безъ чего ощущеніе остается слишкомъ смутнымъ, неопредѣленнымъ, — и для *ассоціаціи* (посредствомъ сопровождающихъ его мышечныхъ чувствъ) неопредѣленныхъ въ своей единичности элементарныхъ ощущеній въ болѣе сложныя и опредѣленныя для сознанія группы и т. д. Все это заставляетъ всякаго психолога, въ особенности стоящаго на физиологической почвѣ, признать вѣрность общаго положенія установленнаго Горвицемъ: *нѣтъ ощущенія безъ движенія*, сопровождаемаго мышечными чувствами и предшественнаго иннервацией приводящихъ въ движеніе тѣ или другія мышцы нервныхъ путей, иннервационными чувствами. Также

несомнѣнно и значеніе дѣятельности *вниманія* для полученія отчетливаго воспріятія, представленія, понятія и ясно, отчетливо сознаваемой *связи* между представленіями и понятіями, болѣе или менѣе обширныхъ и сложныхъ (въ сознаніи) группъ и рядовъ ихъ. Во вниманіи, направляемомъ на какой-нибудь органъ чувства (и возбуждающемъ иннервацию въ его мускульномъ аппаратѣ, который часто, напримѣръ, у глазъ или у осязающихъ губъ чрезвычайно сложенъ) или отвлекаемомъ отъ него, Фехнеръ * и другіе совершенно справедливо видѣли *пробужденіе* этого органа къ сознательности или засыпаніе его. Такова же роль вниманія и въ высшихъ сферахъ психической дѣятельности, тамъ гдѣ оно направлено не на органы чувствъ, а на связываніе и раздѣленіе представленій, понятій, сужденій и т. п. Вездѣ оно равносильно пробужденію или засыпанію психической, производящей ясно, определенное сознаніе дѣятельности. Вездѣ свойствами дѣятельности вниманія какъ основной психической дѣятельности опредѣляются и свойства ея результата, міра сознательныхъ представленій, понятій и дѣйствій. Имъ же естественно опредѣляется и третья изъ коренныхъ формъ психической жизни, *чувство*. Чувство (элементарнѣйшій видъ его) есть не что иное какъ *показатель* соответствія или несоответствія психической *дѣятельности* (вниманія, произвольнаго сознательнаго движенія), по ея мѣрѣ (напряженію) и направленію—*ея цѣли и результату* (представленію, сознаваемому движенію, сложной группѣ представленій и движеній и т. п.) въ основныхъ эмоціональныхъ опредѣленіяхъ сознанія, какъ чувство удовольствія или неудовольствія. Свойствомъ дѣятельности вниманія, какъ основной психической, дѣятельной силы, такимъ образомъ опредѣляются и свойства міра представленій и свойства міра чувствъ, то-есть вся психическая область. А нѣкоторыя по крайней мѣрѣ изъ свойствъ дѣятельности вниманія какъ одной изъ дѣятельныхъ силъ вообще, опредѣляются конечно и ея большею или меньшею *окоростью* по закону: скорость дѣйствія обратно пропорціональна его массѣ. Скорость психическаго ритма даннаго существа,—

* Сравнительно превосходную главу о вниманіи у Фехнера въ *Elemente des Psychophysik* однимъ изъ величайшихъ, несмотря на всю спорность его выхода (психическаго закона), произведеній чело-веческаго духа.,

у мужчинъ и женщинъ,—какъ мы уже знаемъ, *различная* можетъ такимъ образомъ навести насъ и на точное и вполне научное рѣшеніе вопроса о *естественныхъ* различіяхъ въ *психической* жизни мужчинъ и женщинъ, различіяхъ въ ихъ мышленіи, чувствованіи и хотѣніи какъ необходимыхъ чисто-психологически, послѣ того какъ мы указали уже главныя ихъ различія необходимыя физиологически.

Какъ же именно отражается вліяніе различной скорости психическаго ритма, какъ различной скорости основной психической дѣятельности, въ различіяхъ мысли, чувства и воли у женщинъ и мужчинъ?

Какимъ признакомъ въ состояніяхъ мысли, воли и чувства измѣряется бѣльшая или меньшая скорость производящей ихъ психической дѣятельности, большее или меньшее разнообразіе, число причитающихся на данную единицу времени раздѣльныхъ актовъ этой дѣятельности? Дѣятельность эта, какъ мы видѣли, производитъ *сознаніе*, ясную отчетливую различенность переживаемыхъ состояній, которыя, еслибъ они не были различены, опредѣлены для сознанія, вовсе и не были бы сознаваемыми психическими состояніями. Слѣдовательно чѣмъ *раздѣльнѣе*, различеннѣе для сознанія, *чѣмъ сознательнѣе отдѣльныя* *моменты сложнаго психическаго результата*, * лоятія, сужденія, дѣйствія, тѣмъ бѣльшая сумма основной психической дѣятельности должна была быть затрачена на его произведеніе, тѣмъ бѣльшее число раздѣльныхъ актовъ психической дѣятельности должно было быть совершено. И наоборотъ: чѣмъ меньше единица времени, уходящая на образованіе сложнаго психическаго результата (представленія, мотива, дѣйствія), чѣмъ эти сложныя психическія образованія бѣльше возникаютъ и чередуются въ сознаніи, тѣмъ бѣльше всякій изъ нихъ слитенъ, менѣе раздѣленъ, менѣе отчетливо (во всей различенности составныхъ моментовъ) сознанъ, тѣмъ на образованіе всякаго изъ этихъ результатовъ уходитъ *меньшая* доля производящей сознаніе дѣятельной психической силы вниманія. Тѣмъ, значитъ, психическіе результаты, мысли, сужденія, дѣйствія получаютъ въ результатѣ менѣе *напряженныхъ* (бѣлье легкихъ) и бѣлье *быстро* смѣняющихся актовъ вниманія, и тѣмъ они сами (результаты) бѣлье слиты, менѣе членораздѣльны, менѣе отчетливо сознательны.

* Чѣмъ сознательнѣе координація ихъ.

Такимъ образомъ какъ общій критерій быстроты или сравнительной медленности психическаго ритма, дѣятельности психической силы, мы получаемъ слѣдующій законъ:

Чѣмъ въ отдѣльномъ психическомъ событіи (результатъ психической дѣятельности) болѣе членораздѣльности, слѣдовательно сознательности и произвольности, то-есть сознательной координаціи (для сознательной координаціи очевидно требуется различенность, раздѣльность для сознанія координируемыхъ элементовъ), тѣмъ на осуществленіе его идетъ больше времени и тѣмъ слѣдовательно психическій ритмъ, слѣдствія этихъ событій, медленнѣе.

Что же даетъ намъ этотъ законъ для характеристики различій, особенностей мысли, воли и чувства у женщины и мужчины, настолько же естественныхъ и необходимыхъ (не зависящихъ отъ случайныхъ измѣнчивыхъ условій времени, воспитанія, положенія) насколько естественно и необходимо различіе въ скорости ихъ психическаго ритма, у женщины, какъ мы видѣли достаточно ясно, *необходимо болѣе быстрого?* *

Изъ установленной нами выше формулы зависимости психическихъ дѣятельностей и состояній отъ большей или меньшей скорости психическаго ритма явствуетъ что чѣмъ этотъ ритмъ быстрѣе, чѣмъ меньше единица времени, причитающаяся на группу раздѣльныхъ психическихъ актовъ его (а слѣдовательно и на всякій изъ нихъ), *тѣмъ женте эти акты допускаютъ и требуютъ сосредоточенія въ нихъ, напряженія окуланія, тѣмъ менѣе самая координація этихъ актовъ (и соответствующихъ состояній сознанія) есть дѣло психической*

* Для тѣхъ кто пожелади бы провѣрить послѣдующую характеристику двухъ психическихъ типовъ съ равномъ скоростью психическаго ритма, мужскаго и женскаго, не только по приложенію ея къ истолкованію сложныхъ давнихъ исторіи и жизни, но и болѣе научно и точно, *по ея психологическимъ основаніямъ*, мною издано достаточное для этой цѣли, хотя и краткое, изложеніе теоріи психическаго ритма (понятіе психическаго ритма, какъ научное основаніе психологіи половъ). Къ этому изложенію я и отсылаю читателя-психолога, требующаго болѣе научнаго и полнаго обоснованія излагаемыхъ дадеіе понятій о психологіи женщины, такъ же какъ и читателя, насколько дорожащаго теоріей психологическаго безразличія половъ, чтобы рѣшиться поискать во враждебномъ ему взглядѣ на предметъ поводовъ къ упреку въ ненаучности, голословности, произвольности.

самодѣятельности и тѣмъ она менѣе *сознательна*, тѣмъ болѣе тѣ психическія дѣятельности, которыя требуютъ болѣе или менѣе сложной группировки (координаціи), представлений, понятій, движеній etc., то-есть мышленіе и воля будутъ имѣть *непроизвольный, отраженный, не отчетно, не раздѣльно сознательный* характеръ. Опредѣленный результатъ психического процесса, опредѣленное представление, сужденіе, желаніе или движеніе, будетъ получаться такимъ образомъ въ результатѣ *болѣе быстрой и легкой, но менѣе знающей о своихъ раздѣльныхъ* моментахъ, менѣе слѣдовательно способной *контролировать себя* и менѣе произвольной работы вниманія. Такимъ образомъ болѣе быстрый психическій ритмъ обуславливаетъ въ психической жизни живущаго имъ существа тѣ отличительныя свойства, которыми характеризуется богатое развитіе *впечатлительности* при менѣе сложной, напряженной и контролирующей себя работѣ вниманія. И наоборотъ, болѣе медленному психическому ритму соответствуетъ и большее развитіе *смиленія* (большія по обширности и сложности работы его) при сравнительно слабой впечатлительности. Отношеніе впечатлительности и вниманія (чѣмъ сильнѣе одно, тѣмъ менѣе работы для другаго) оказывается обратнымъ. Преобладаніе же того или другаго въ данномъ случаѣ прямо измѣряется болѣею или меньшею быстротою ритма жизни психического существа. Такимъ образомъ психическій тилъ женщины, со свойственнымъ ей большимъ разнообразіемъ впечатлѣній и двигательныхъ реакцій на нихъ, долженъ характеризоваться *преобладаніемъ впечатлительности* надъ дѣятельностью вниманія; психическій же тилъ мужчины—преобладаніемъ сознательной и произвольной дѣятельности вниманія надъ впечатлительностью.

Резюмируя въ самыхъ общихъ чертахъ вытекающія изъ этой основной характеристики психического тила женщины особенности необходимо соответствующихъ ему психическихъ *состояній* (представленій, чувствъ, влеченій и хотѣній) женщины, мы получимъ слѣдующія черты специфически-женскихъ (женственныхъ) мысли, воли и чувства,—черты *въ общемъ и необходимомъ значеніи* которыхъ, въ независимости ихъ отъ случайныхъ и могущихъ измѣняться условій времени, воспитанія и положенія—мы теперь уже можемъ не сомнѣваться.

Въ области представленія (мышленія) съ болѣе быстрымъ ритмомъ психической дѣятельности женщины естественно связано, во первыхъ, *меньшее* число опредѣляющихъ вообще ея представленіе или понятіе (и воспріятіе, и представленіе и понятіе всегда болѣе или менѣе *сложныя группы нѣсколькихъ* раздѣльныхъ для сознанія признаковъ) * признаковъ, *во вторыхъ*, съ меньшею сознательностію и произвольностію въ самомъ соединеніи этихъ именно признаковъ въ это именно цѣлое (представленіе, понятіе), съ меньшею способностію контролировать и измѣнять, ради какихъ-либо цѣлей сознанія, эти соединенія, что равносильно болѣе *крѣпости* образованныхъ уже душой соединеній (ассоціацій) *въ памяти* и преобладанію способности легко и быстро *воспроизводить* существующія уже ассоціаціи безъ измѣненія ** въ томъ именно видѣ въ какомъ онѣ однажды занесены въ память (преобладаніе механической памяти надъ логическою) и *третьихъ*, съ вытекающею отсюда болѣе тѣсною, *нерасторжимую* и не столь легко какъ при болѣе сознательности соединяющей работы измѣняемою связью моментовъ цѣлаго представленія и понятія, слѣдовательно—съ болѣею *индивидуальностію, ульностью* этихъ представленій и понятій, съ болѣею такъ-сказать *самобытностію, изолированностію* всякаго изъ нихъ въ ряду другихъ. Въ результатѣ болѣе быстрой психической дѣятельности женщины такимъ образомъ получаются группы признаковъ (понятія и представленія), болѣе

* Нѣтъ и не можетъ быть *простыхъ*, опредѣленныхъ однимъ только признакомъ понятій, представленій, воспріятій и *даже ощущеній*, хотя и въ наше время еще можно встрѣтить въ нѣкоторыхъ логикахъ и психологіяхъ (только не нѣмецкихъ) терминъ „простое“ представленіе. Не можетъ быть ихъ разъ потому что различаться въ одномъ какомъ-нибудь отношеніи могутъ только два состоянія *сходныя съ другимъ* отношеніи (ср. Ulrici *Compendium der Logik*), слѣдовательно опредѣленные по крайней мѣрѣ двумя признаками; а во вторыхъ, потому что столь же несомнѣнно нѣтъ ни ощущенія, ни представленія, которыя были бы *только* ощущеніемъ и представленіемъ, но и то и другое непременно сопровождается (опредѣлено) въ какой бы то ни было степени *чувствомъ* и напряженіемъ *вниманія* (волевого, дѣятельнаго начала).

** Объ особенностяхъ ассоціаціи, памяти и репродукціи обусловленныхъ быстротою психическаго ритма см. *Пон. псих. ритма*, стр. 22—32.

рѣзко очерченныя и разграниченныя, яркія, болѣе цѣльныя и слитныя, болѣе индивидуальныя, болѣе ограниченныя по числу точекъ соприкосновенія (отношеній) къ другимъ группамъ, болѣе крѣпко, тѣсно соединяющіяся между собою, но и не соединяющіяся въ такіе *обширные и сложныя ряды*, какъ это возможно при преобладаніи напряженныхъ, сознательныхъ работъ вниманія надъ впечатлительностью. Наконецъ слитности (меньшей членораздѣльности въ сознаніи), яркости и меньшей произвольности этихъ представленій, понятій и соединеній между ними соотвѣтствуетъ и *большая ихъ эмоціональность*, болѣе окрашенность ихъ *чувствомъ*, болѣе способность ихъ вызвать въ душѣ *волненіе* (сознательность и произвольность въ образованіи представленій, понятій и соединеній между ними *обратно пропорціональна* ихъ эмоціональности). А душевное волненіе вызываетъ *стремленіе* отвѣчать на вызывающее его воспріятіе, представленіе etc. двигательными (непосредственно разрѣшающими возбужденіе, дающими ему исходъ) реакціями, каковы рѣчь, жестъ, выраженіе лица и положенія тѣла, группа движеній, дѣйствіе *. Понятно при этомъ что какъ съ одной стороны индивидуальныя живыя, конкретныя представленія и понятія легче и быстрее чѣмъ общія и отвлеченныя *могутъ найти себѣ выраженіе* (въ рѣчи, мимикѣ, движеніи), такъ съ другой—большая аффективность въ теченіи мыслей у женщины и соотвѣтствующее болѣе сильное стремленіе ея къ *непосредственному выраженію, воплощенію мысли* въ слово, движеніе ** и т. д. *могутъ быть удовлетворены* только этими же необходимо преобладающими въ мышленіи женщины индивидуальными, конкретными, но не общими и отвлеченными понятіями и представленіями. Тѣ же самыя условія которыя дѣлаютъ

* Отсюда и извѣстная чрезвычайная *выразительность* женскаго голоса, взгляда, манеры вообще, также какъ и тотъ извѣстный всякому наблюдателю фактъ что женщина вообще больше и болѣе страстно говоритъ и жестикулируетъ чѣмъ (при равныхъ условіяхъ) мужчина. Одинъ древній путешественникъ съ наивнымъ удивленіемъ разсказываетъ, въ числѣ прочихъ видѣнныхъ имъ чудесъ, о странѣ въ которой женщины никогда не перестаютъ говорить.

** Если относительно мужчины можетъ быть спорнымъ вопросъ о возможности вообще мыслить иначе какъ словами (мысленная рѣчь), то относительно женщины нѣтъ сомнѣній что она мыслитъ не иначе какъ словами или образами.

мышленіе женщины конкретнѣе, ярче, аффективнѣе и такъ-сказать *практичнѣе* (какъ стремящееся къ непосредственному выраженію, воплощенію въ слово, образъ, дѣйствіе), облегчая образованіе индивидуальных, живыхъ, точныхъ и цѣльныхъ представленій, въ той же мѣрѣ естественно затрудняютъ всѣ операціи требующія *отвлеченія* отъ данной, тѣсно сплоченной связи признаковъ въ это именно и не иное цѣльное представленіе и понятіе о живомъ, конкретномъ цѣломъ. Таковы именно всѣ операціи мысли тамъ гдѣ она имѣетъ дѣло не съ индивидуальными, конкретными *вещами*, но съ общими *отношеніями* между вещами. Онѣ выполнимы только по мѣрѣ *расторжимости* признаковъ соединенныхъ въ одно цѣлое, и возможности вводить ихъ въ другія, новыя комбинаціи, устанавливая такимъ путемъ обширныя системы отношеній, связей между массой самыхъ разнообразныхъ въ своей конкретной, индивидуальной опредѣленности представленій о вещахъ. Этого же рода работы мысли, требующія отвлеченія, чѣмъ онѣ обширнѣе, тѣмъ менѣе допускаютъ и эмоциональности, тѣмъ менѣе возможно *непосредственное* воплощеніе результата ихъ, достигаемаго лишь медленными и сложными работами контролирующаго себя вниманія, въ рѣчь или дѣйствіе, тѣмъ менѣе онѣ *непосредственно-практичны*. Все сказанное нами здѣсь очень кратко, и въ слѣдующихъ главахъ выясняемое на примѣрахъ конкретной жизни женщины показываетъ что *прямое, естественное* слѣдствіе болѣе быстрого ритма психической жизни женщины (а не случайныхъ причинъ) составляютъ давно извѣстныя и всѣми безъ исключенія признанныя * характерныя черты женской мысли—*ея конкретность и практичность*.

Въ области *чувства* обусловленное болѣе быстрымъ ритмомъ психической жизни преобладаніе у женщины впечатлительности надъ работами вниманія (сознательной и цѣлесообразной, герр. произвольной координаціи) сказывается въ *двухъ* преимущественно важныхъ для насъ отношеніяхъ. Вопервыхъ, оно развиваетъ въ душѣ чувства *пассивныя*, давая меньше поводовъ и лицъ развитію активныхъ чувствъ, чувствъ самодѣятельности, власти своей надъ міромъ представленій и вызванныхъ представленіемъ движеній, въ

* Но объясняемая изъ иныхъ, случайныхъ и измѣнчивыхъ причинъ.

координаціи которыхъ въ обширныя системы поватій и движеній вся задача сознательныхъ душевныхъ работъ. Управление своими представленіями и представляемыми движеніями, контроль надъ ихъ координаціей въ болѣе и болѣе обширныя группы, находящій себѣ опору въ чувствахъ самодѣятельности, самости, такимъ образомъ у женщины, въ силу преобладанія у нея пассивныхъ чувствъ надъ активными, *естественно слабѣе* чѣмъ у мужчины, гдѣ отношеніе ихъ обратное. Но пассивныя чувства не только менѣе активныхъ способствуютъ развитію умѣнія цѣлесообразно управлять вниманіемъ, умѣнія образовывать обширныя и сложныя координаціи представленій и движеній, а и сами по себѣ менѣе *отчетливо-сознательны* (и по направленію своему, и по мѣрѣ своего напряженія), чѣмъ чувства активныя (напримѣръ активныя мышечныя чувства, чрезвычайно точно сознаваемые и по мѣрѣ, и по направленію). А это дѣлаетъ ихъ и болѣе волнующими по правилу: эмоціональность душевнаго состоянія прямо пропорціональна его смутности, неопредѣленности для сознанія. Болѣе же смутный и волнующій характеръ пассивныхъ чувствъ, сопровождающихъ развитіе впечатлительности въ ущербъ сознательному распоряженію работами вниманія, приближаетъ эти чувства къ области тѣхъ смутныхъ болѣе или менѣе мимовольно, роковымъ образомъ вмѣшивающихся въ теченіе нашихъ сознательныхъ работъ и влияющихъ на ихъ направленіе чувствъ, куда принадлежать чувства органическія и полусознательный фонъ, на которомъ совершается жизнь отчетливо-сознательная, *общее настроеніе*. Находясь внѣ сферы яснаго сознанія и внѣ полного контроля вниманія, эти пассивныя чувства даютъ общему настроенію большую возможность вмѣшиваться въ работы сознанія и нарушать ихъ цѣлесообразное теченіе, даютъ общему настроенію большую какъ бы внѣшнюю власть надъ жизнью яносознательною, чѣмъ чувства активныя. Съ другой стороны, возникая независимо отъ цѣлесообразныхъ работъ сознанія, измѣняющихся не скачками, но лишь *постепенно*, пассивныя чувства, какъ болѣе случайныя, дѣлаютъ и общее настроеніе у существа болѣе впечатлительнаго и менѣе властнаго надъ направленіемъ и напряженіями своего вниманія, *менѣе устойчивыя*, болѣе легко измѣняющимся отъ случайныхъ (съ точки зрѣнія цѣлей сознанія) причинъ. Такимъ образомъ и съ точки зрѣнія психологической, руководясь

понятіемъ психическаго ритма, мы приходимъ къ положенію что *общее настроеніе* въ жизни женщины *играетъ болѣе рѣшительную роковую роль и менѣе устойчиво чѣмъ въ жизни мужчины вообще*, положенію представившемуся намъ равнѣ необходимымъ уже съ точки зрѣнія физиологической. Наконецъ развитіе пассивныхъ чувствъ, при слабости активныхъ чувствъ самодѣятельности, не только препятствуетъ сосредоточенной энергической самодѣятельности (управленію вниманіемъ въ сферахъ представленій и движеній), но и связано съ *большою упѣнностью, значимостью* для психическаго существа тѣхъ впечатлѣній, представленій (гесп. представляемыхъ, вызывающихъ впечатлѣнія предметовъ), по поводу которыхъ и *влѣтъ* съ которыми эти чувства возникаютъ. Активные же чувства, наоборотъ, сосредоточивая весь интересъ на собственной дѣятельности въ сферахъ координаціи своихъ представленій и движеній, естественно лишаютъ міръ этихъ конкретныхъ представленій (у женщины и безъ того, какъ мы видѣли, болѣе волнующихъ) рѣшительной, главной значимости въ жизни и преобладающаго *самостоятельнаго* интереса. Глубоко волнуя душу (но и смутно, не вполне опредѣленно), усиливая для нея значимость испытываемыхъ ею отъ окружающаго міра впечатлѣній, и въ то же время подавляя энергическое побужденіе къ самодѣятельности, развитіе пассивныхъ чувствъ, мало благоприятное возбужденію дѣятельныхъ стремленій естественно должно способствовать сильному развитію *желательной способности*. Такимъ образомъ и столь давно всѣми подмѣченное большее чѣмъ у мужчины развитіе желательной способности у женщины оказывается не плодомъ случайныхъ и измѣнчивыхъ условій времени, воспитанія и положенія, но естественнымъ общимъ и необходимымъ слѣдствіемъ коренной отличительной черты ея душевной жизни, болѣе быстрого ритма ея.

Но эту сравнительною быстротою *опредѣляются*, восторныхъ, чувства свойственныя женскому психическому тѣлу и со стороны ихъ *тона*, со стороны преобладанія *приятныхъ или тягостныхъ* чувствъ въ общей душевной экономіи. Давно извѣстно что чувства *боли* возрастаютъ во времени дѣйствія вызывающихъ ихъ возбужденій безъ опредѣленной мѣры, возрастаютъ въ силѣ сколько бы времени дѣйствіе возбужденія ни продолжалось. Иное представляютъ *приятныя*

чувства: всякое раздраженіе вызывающее чувство удовольствія вызываетъ его въ той же стелени лишь въ теченіе опредѣленнаго промежутка времени; съ продолженіемъ его дѣйствія долѣ этого предѣла, оно доставляетъ уже все болѣе и болѣе слабыя чувства удовольствія, наконецъ вовсе исчезающаго изъ сознанія или даже уступающаго мѣсто тягостнымъ чувствамъ. При этомъ естественно что быстрая смѣна впечатлѣній даетъ *меньше* поводовъ къ возникновенію тягостныхъ чувствъ и *болѣе* къ возникновенію пріятныхъ чѣмъ болѣе медленная. Необходимость извѣстнаго разнообразія впечатлѣній для полнаго *здоровья* (и соответствующаго чувства) душевной дѣятельности слишкомъ хорошо извѣстна: стоить только вспомнить о губительномъ въ этомъ отношеніи (давно признанномъ психіатрами) вліяніи на увеличеніе процента помѣшательства (и болѣзней вообще) слишкомъ *однообразной* среды, въ которой течетъ жизнь, на примѣръ, больничной, тюремной, пріютской или той которою ограничены, на примѣръ, европейскія войска на стоянкѣ въ Либеріи, а развѣдающее, подтачивающее и физическія и душевныя силы дѣйствіе *скуки* (обусловленной именно однообразіемъ, медленностью смѣны впечатлѣній) всякій почти самъ на себѣ испыталъ. Но при этомъ становится понятнымъ какъ и почему у женщины, обладающей болѣе быстрымъ психическимъ ритмомъ (болѣе *разнообразно* чувствующей и дѣятельной), *настроеніе* вообще должно быть болѣе яснымъ, жизнерадостнымъ. Понятно какъ и почему она вообще должна лучше и тоньше наслаждаться жизнью и болѣе цѣнить ее нежели мужчина, у котораго болѣе медленный ритмъ душевной жизни обуславливаетъ собою и болѣшую массу тягостныхъ чувствъ, настроеніе съ болѣе серьезнымъ, меланхолическимъ или даже мрачнымъ оттѣнкомъ. „Понятно“, повторимъ мы сказанное нами въ другомъ мѣстѣ, „какъ одно это обстоятельство должно существенно отражаться во всѣхъ оттѣнкахъ внутренней жизни мужчины и женщины, и во всѣхъ оттѣнкахъ ихъ отношеній къ окружающимъ людямъ и встрѣчнымъ событіямъ. Со своими различной быстроты психическими ритмами женщина и мужчина не только различно *чувствуютъ и цѣнятъ* свою жизнь, но и такъ-сказать различно *звучатъ* въ жизни, подобно высокому тону, производящему яркое, и низкому, производящему серьезно-меланхолическое впечатлѣніе въ музыкѣ. Важно это различіе въ преобладающемъ тонусѣ чувствъ и

настроеніи у мужчины и женщины еще и тѣмъ что оно не можетъ не отражаться не только на большей или меньшей *омотъ* жить, но и на большей или меньшей *силѣ* жить, большей жизнєнности. И съ этой точки зрѣнія, такимъ образомъ, женщина обладаетъ большою энергіей жизнєнности, какъ и подобаетъ хранительницѣ жизни рода“ (*Пон. психического ритма* стр. 46). И съ этой точки зрѣнія (психологической) тому что женщина теряетъ вслѣдствіе болѣе быстрого ритма своей душевной жизни въ одномъ отношеніи (въ отношеніи сложности и обширности сознательныхъ и произвольныхъ работъ вниманія) соответствуетъ выигрышъ въ другомъ отношеніи. И сравнительная ясность, здоровость и жизнєнность душевнаго настроенія женщины вообще опять-таки давно всѣми подмѣченная и признанная, оказывается новою естественною и необходимою, независящею отъ случайныхъ условій времени, воспитанія и положенія, отличительною чертой женскаго психического типа вообще. *

Въ области воли характеризующее этотъ типъ преобладаніе впечатлительности надъ вниманіемъ (работами сознательной, цѣлесообразной, координацій представленій и вызванныхъ ими движеній въ болѣе обширныхъ и сложныхъ системы, группы выражается въ такихъ чертахъ, которыя несмотря на свою несомнѣнность тѣмъ не менѣе способны вызывать недоразумѣнія и споры насчетъ того эпитета какой нужно придать специфически-женской женственной волѣ. Сильна или слаба у женщины воля благодаря перевѣсу въ ея душевной экономіи впечатлительности надъ вниманіемъ? Съ одной стороны, казалось бы что воля у женщины должна быть признана болѣе сильною, такъ какъ самый міръ представленій и понятій у нея гораздо болѣе эмоціоналенъ чѣмъ у мужчины, болѣе волнуетъ ея душу и слѣдовательно болѣе возбуждаетъ въ ней стремленіе къ непосредственной реакціи на эти представленія движеніемъ, дѣйствіемъ, къ непосредственному воплощенію ихъ въ образъ и жизнь. Мышленіе у женщины, какъ мы видѣли уже выше, болѣе живое и конкретное и болѣе практично чѣмъ у мужчины, болѣе непосредственно стремится

* Мы говоримъ о женщинѣ типической, ничего пока не утверждая о тѣхъ женщинахъ которыя своими стремленіями, задачами и симпатіями болѣе или менѣе успѣшно затемнили и исказили въ себѣ самый типъ, отклонились отъ него.

выразиться въ дѣйствиі. Самыя чувства, придающія этому мышленію эмоциональность, какъ пассивныя, болѣе волнующія и побуждающія къ непосредственному разрѣшенію въ выраженіе, слово, движеніе, болѣе чѣмъ у мужчины *энергичны*. Значить ли это что воля женщины *сильнѣе и энергичнѣе* воли мужчины?

Но мы знаемъ, съ другой стороны, что воля какъ способность вызывать болѣе или менѣе обширныя и сложныя системы движеній, соответственно болѣе или менѣе обширнымъ и сложнымъ системамъ представленій о движеніяхъ, * необходимо должна производить тѣмъ меньшія работы чѣмъ менѣе развита способность образовывать обширныя и сложныя системы представленій, способность обширной сознательной и цѣлесообразной координаціи душевныхъ напряженій и состояній *вниманія*. Развитие вниманія и развитие воли ** съ этой точки зрѣнія оказываются синонимами: чѣмъ обширнѣе и сложнѣе сознательныя системы и группы представленій, тѣмъ обширнѣе и сложнѣе соответствующія системы сознательныхъ движеній; чѣмъ болѣе слитныя, дробныя результаты (системы представленій) даетъ дѣятельность *вниманія* (сознательной координаціи представленій), тѣмъ разсѣяннѣе, дробнѣе, безсвязнѣе и системы движеній, результаты *воли*. А у женщины работы вниманія менѣе, какъ мы видѣли, сосредоточены, напряжены и продолжительны (*выдержаны* въ одномъ направленіи) и соответствующія системы представленій и движеній необходимо менѣе обширны и сложны, болѣе безсвязны, изолированы и независимы другъ отъ друга. Наконецъ и *исполнительная способность*,—этотъ сильнѣйшій врагъ стойкой, ничѣмъ не отвлекаемой отъ своей однажды поставленной задачи, выдержанной, чуждой колебаній воли,—у

* Собственно воля (произволь) прямо направлена и простирается лишь на созданіе болѣе или менѣе сложныхъ представленій о движеніяхъ и на координацію подъ руководствомъ этихъ представленій, соответствующихъ имъ и реализующихъ ихъ въ движеніи мышечныхъ чувствъ.

** Если *воля* дѣйствительно имѣетъ дѣло непосредственно лишь съ координаціей сознательныхъ душевныхъ состояній и работъ, то она очевидно совпадаетъ со вниманіемъ, и психологически также невозможно говорить о безсознательной волѣ какъ и о безсознательномъ вниманіи.

женщины развита сильнѣе чѣмъ у мужчины, соответственно ея большей впечатлительности. И чувства ея *болѣе энергичныя* (болѣе побуждающія къ непосредственному разрѣшенію въ движеніе, дѣйствіе), болѣе случайно возникаютъ въ душѣ *какъ пассивныя*. Она и менѣе *постепенно*, болѣе мимовольно смѣняются въ душѣ, какъ бы скачками, направляя ея интересъ въ различныя стороны (менѣе *связаны* между собою въ обширныя системы, менѣе *глубоки*) чѣмъ активныя, стоящія подъ контролемъ вниманія и ясно сознаваемые и по мѣрѣ, и по направленію активныя чувства мужчины. Значить ли это что женская воля, вслѣдствіе большей впечатлительности женщины, *слаба, разспянна, не выдержана*, зависитъ отъ тысячи непредвидѣнныхъ случайностей? Гдѣ выходъ изъ этого противорѣчія *практичности* женской мысли, *энергіи* ея чувствъ, желаній и побужденій, и ихъ нестойкости, невыдержанности, — *слабости* воли?

Отвѣтъ на это недоумѣніе данъ уже въ самомъ выраженіи его. Воля у женщины сильнѣе, энергичнѣе чѣмъ у мужчины, тамъ гдѣ осуществленіе системы представленій въ системѣ движеній *непосредственно*, самыя системы руководящихъ представленій и соответствующихъ движеній *менѣе обширныя и сложныя*, эффектъ цѣлаго дѣйствія поэтому достигается сравнительно *легко и быстро*, сравнительно несложною цѣлью легко же и быстро поступающихъ въ распоряженіе дѣйствующаго субъекта *средствъ*. Всѣ эти условія, — и несложность осуществляющихъ задачу дѣйствій, и легкость и быстрота наступленія очевиднаго эффекта дѣйствія, и всегдашняя возможность располагать готовыми не требующими еще долгаго усиленнаго приисканія и новосозданія, средствами осуществленія задачи, очевидно встрѣчаются въ области *непосредственно-практической* жизни и дѣятельности въ ежедневномъ и быстромъ вліяніи лица на лицо. Здѣсь, въ этой области требующей быстрой находчивости, быстрого дѣйствія, не допускающей долгаго, намѣреннаго и напряженнаго обдумыванія и приисканія средствъ къ разрѣшенію вопросовъ задаваемыхъ быстро переходящимъ положеніемъ и ветерлящихъ отлагательства, — женщинѣ особенно помогаетъ то особенное богатство механической памяти, произвольной репродукціи, вообще бессознательной психической сферы ея, которое доставляетъ въ ея распоряженіе моментально массу готовыхъ образовъ, сужденій, приемовъ мысли, рѣчи и дѣйствія, —

приемовъ. На обдумываніе и приисканіе мужчина съ его болѣе бѣдною безсознательною жизнью, съ его болѣе медленною и сознательною психическою работою вообще тратитъ гораздо больше времени и сознательныхъ усилій. Поэтому именно онъ оказывается болѣе медленнымъ, неповоротливымъ и безпомощнымъ въ непосредственно-практической жизни чѣмъ женщина. Иное тамъ гдѣ дѣйствіе разчитано на очень обширныя и сложныя группы предметовъ (например, разнородныхъ лицъ, характеровъ и интересовъ цѣлаго собранія, народа), гдѣ оно осуществляться можетъ только длиннымъ рядомъ искусственно, съ усиленною работою подбираемыхъ и комбинируемыхъ средствъ, гдѣ наконецъ самый эффектъ дѣйствія сказывается послѣ долгаго сосредоточеннаго труда, чрезъ долгій промежутокъ времени и никогда не совершенно очевиденъ* (например въ научной или политической дѣятельности). Здѣсь требуется долгая, усиленная, сосредоточенная работа *вниманія* надъ сознательною координаціей очень сложныхъ и обширныхъ группъ представленій и движеній. Здѣсь сильное развитіе впечатлительности, и быстрое волющеніе быстро смѣняющихся впечатлѣній и чувствъ въ слово и дѣло, и сильная эмоціональность, и богатство безсознательной жизни, и развитіе желательной способности, очевидно могутъ только *жѣмать* успѣху дѣла. Здѣсь воля женщины такимъ образомъ оказывается естественно настолько же слабою, разсѣянною, невыдержанною, насколько она сильнѣе и успѣшнѣе воли мужчины въ области *непосредственно-практической* жизни и дѣятельности именно вслѣдствіе преобладанія у нея впечатлительности надъ необходимыми въ тѣхъ задачахъ работами сознательной и произвольной координаціи мыслей и дѣйствій. Превосходство женскаго ума и воли въ непосредственно-практической жизни надъ мужскими издавна считается несомнѣнно-признаннымъ, да и слишкомъ ясно и ярко сказывается оно во всѣхъ

* Мужчина,—вѣрно замѣчаетъ Лотце,—не прочь предпринять и такія вещи которымъ рѣшительно не видать конца если только дѣло идетъ о проведеніи какого-нибудь общаго начала; женщинамъ необходимо нагаданно выставить ожидаемый успѣхъ; онъ хотѣть предчувствовать окончательный видъ того къ чему должна напоследокъ прійти (неинтересная для нихъ) тревога дѣятельности. *Микрокосмъ*, р. пер. II, 503.

мелочахъ и перипетіяхъ ежедневной жизни для того чтобы можно было сомнѣваться въ немъ. Но обратная сторона медали,—меньшая пригодность женской мысли и воли въ разрѣшеніи задачъ *не непосредственно* практическихъ, болѣе условныхъ, искусственныхъ, отвлеченныхъ и сложныхъ (въ сферахъ всякаго рода *спеціальной и профессиональной* дѣятельности), далеко не пользуется такимъ же общимъ и столь же охотно выражаемымъ признаніемъ ея. Чаше всего указаніе на нее вызываетъ взрывы негодованія, упреки въ себялюбивомъ и корыстномъ извращеніи фактовъ и виртуозную брань вмѣсто разумнаго обсужденія дѣла, особенно со стороны женщинъ, сторонницъ „эманципациі“. Оно и понятно, такъ какъ для нихъ дѣйствительно отрицаніе способности женщины къ плодотворной и напряженной *профессиональной, спеціальной* дѣятельности является послѣднимъ и безповоротнымъ coup de grâce. Сейчас мы испытываемъ вѣрность и того и другаго положенія, высказанныхъ нами относительно силы и слабости женской воли, на конкретныхъ данныхъ о проявленіяхъ женской мысли, чувства и воли въ обыденной жизни и въ исторіи. Теперь же указываемъ лишь на то что оба положенія съ одинаковою необходимостью вытекаютъ какъ слѣдствія изъ кореннаго начала, проведеннаго черезъ весь этотъ очеркъ: *преобладанія у женщинъ впечатлительности надъ сознательными работами вниманія, соответствующаго болѣе быстрому ритму душевной жизни ея.*

V.

Начнемъ съ дѣйствительныхъ проявленій женской мысли. *Конкретность и практичность*,—вотъ какъ мы видѣли двѣ наиболѣе беспорная и общепризнанная характеристичныя черты специфически-женскаго мышленія. Всѣ безъ исключенія согласно видятъ главное превосходство женскаго ума надъ мужскимъ въ способности быстрого, точнаго и живаго пониманія окружающей дѣйствительности, съ которою женщина приходитъ въ соприкосновеніе,—пониманія этой дѣйствительности именно во всей ея конкретности, во *всей живой уплотности и во всякъ индивидуальныя оттънкахъ* ея явленій. Быстрота, живость и пронизательность пониманія женщины въ ея сношеніяхъ съ самыми разнохарактерными лицами и въ самыхъ разнообразныхъ жизненныхъ отношеніяхъ и

положеніяхъ, ея острая и быстрая наблюдательность, отъ которой не ускользають самыя мелкіе оттънки страстей и чувствъ тѣхъ съ кѣмъ она имѣеть дѣло, не укроется ни одно затаенное стремленіе, ни одно тщательно скрываемое притязаніе или слабость, заслужили женскому уму даже названіе ума *интуитивнаго*, какъ бы особаго, необъяснимаго дарованія постигать людей и вещи *чутьемъ*. Но повторимъ за Д. С. Миллемъ: „способность понимать вещи чутьемъ не имѣеть ничего общаго съ тѣмъ процессомъ посредствомъ котораго человѣкъ доходитъ до общихъ выводовъ“. „Различая двѣ эти способности, мы не говоримъ еще чтобы женщина была лишена *пониманія общихъ положеній*, чтобы ей было свойственно *только* пониманіе индивидуальнаго факта, положенія, а не общаго правила, закона. Мы утверждаемъ лишь что въ пониманіи индивидуальнаго, живаго, цѣльнаго женщина далеко превосходитъ мужчину. Что касается положенія о *неспособности* женщины къ пониманію общаго и абстрактнаго, то мы, отлагая пока вопросъ о немъ, ограничимся лишь ссылкою на высказанныя въ предшествующей главѣ общія начала заставляющія предполагать уже а priori что женщину индивидуальное, живое должно болѣе *интересовать*, болѣе должно привлекать ея вниманіе и симпатію. Пока, поэтому, остаемся на точкѣ зрѣнія Лотце, когда онъ говоритъ что „едва ли есть что-нибудь на свѣтѣ чего женскій умъ не смогъ бы понять (наравнѣ съ мужскимъ), но есть очень много такого чѣмъ никогда не привыкнуть интересоваться женщины“. ** Хотя причины вслѣдствіе которыхъ женщина болѣе интересуется именно индивидуальнымъ, единичнымъ, въ общемъ уже указаны нами выше, не будемъ пока ссылаться на нихъ, но ограничимся констатированіемъ *факта* что женщина вообще единичнымъ, индивидуальнымъ дѣйствительно болѣе мужчины интересуется и лучше понимаетъ его. Вундтъ не безъ основанія утверждаетъ что вообще говоря „мужчина хочетъ знать, женщина довольствуется вѣрой, мужчина вѣритъ только доказательству, въ женщинахъ доказательства часто *возбуждаютъ недоверіе*“. *** Женскій умъ дѣйствительно болѣе мужскаго покоряется понудительности

* О подчин. женщины стр. 142.

** Микрокосмъ. II. 499.

*** Душа человека и животныя. II. 416.

предлежащаго факта и авторитетности тона съ которымъ высказывается ему какое-либо положеніе; выводъ же и критика положенія, объясненіе факта изъ общихъ началъ его меньше привлекаютъ: это несомнѣнно, *говоря вообще*. Поэтому нельзя не признать значительной доли правды въ признаніяхъ Лотце, когда онъ говоритъ что „женщина изумительно познаетъ людей, но она не знаетъ человѣка; ничто не ускользаетъ отъ нея въ человѣкѣ и почти все темно для нея въ человѣческомъ родѣ“. Міръ фактовъ слишкомъ находится предъ глазами женщины чтобы не закрывать отъ нея міръ идей; ничто не показываетъ этого яснѣе, какъ ея манера познанія себя самой: женщины владѣютъ невѣроятнымъ сознаниемъ своихъ чувствъ и даже выраженій своего лица... и между тѣмъ онѣ не знаютъ себя научно, онѣ не могутъ опредѣлить себя. * Какъ бы дорисовывая эту характеристику женской мысли, Лотце указываетъ, какъ въ самыхъ даже малозамѣтныхъ чертахъ „находимъ мы всегда у женщинъ перевѣсъ живой чуткости надъ строго научнымъ анализомъ. Тысячи самыхъ ловкихъ техническихъ приемовъ, говоритъ онъ, употребляютъ онѣ въ повседневныхъ своихъ работахъ, но то самое что такъ искусно исполняется ими, едва ли сумѣютъ онѣ точно описать и развѣ только покажутъ. Анализирующая вдумчивость въ ихъ собственныя движенія въ высшей степени чужда имъ и не рискуя сильно ошибиться, мы дозволимъ себѣ утверждать что даже такія обыкновенныя слова какъ вправо, влево, поперекъ, наизворотъ, означаютъ на языкѣ женщинъ совѣтъ не математическія соотношенія, но какія-то особаго рода чувства, ощущаемыя при слѣдованіи этимъ указаніямъ въ руководѣльныхъ работахъ“. **

Каковъ же итогъ, простое выраженіе этихъ разнообразныхъ характеристикъ? Значать ли онѣ что женскій умъ вообще и силенъ въ постиженіи индивидуальнаго какъ такого, и по преимуществу именно имъ занятъ? Намъ кажется несомнѣннымъ что да. Лотце думаетъ что вѣрнѣе было бы сказать что познаніе и воля направлены у мужчины къ общему, а у женщины обыкновенно къ *цѣлому*. *** Но въ этомъ случаѣ споръ можетъ быть только о выраженіяхъ: цѣлое, живое именно

* Л. с. стр. 324—325.

** *Микрокосмъ*. II, стр. 505—506.

*** *Ibid*, стр. 500.

и есть индивидуальное, противоположаемое отвлеченнымъ отъ конкретной связи въ этомъ цѣломъ, общимъ и какъ та-кія одностороннимъ опредѣленіямъ его (признакамъ). Самъ Лотце превосходно разъясняетъ нашу мысль въ слѣдующей характеристикѣ: „дѣло мужской философіи точно разлагать прекрасныя отдѣльныя явленія и изслѣдовать отъ какой именно перекрестной встрѣчи общихъ условій каждое изъ нихъ, сколько бы оно ни казалось предобдуманымъ, произошло однакоже съ безпристрастою, роковою необходимостью; женщины же свойственно скорѣе ненавидѣть анализъ и съ удивленіемъ наслаждаться непредвидимо возникшимъ цѣлымъ, въ полной его законченности и красотѣ. Всѣ механизмы изобрѣтены мужчинами; мужчины тѣшатся обыкновенно тѣмъ что съ помощью всеобщихъ силъ и по всеобщимъ законамъ могутъ не прямо, а посредственно производить разнообразнѣйшія дѣйствія, достигать многоразличнѣйшихъ результатовъ; женщина, напротивъ, всегда рада приложить руку къ самому дѣлу, ей хотѣлось бы ощущать дѣятельную теплоту чувства въ ея непосредственномъ переходѣ къ дѣйствительности, къ насущному факту“.*

Самый фактъ преобладанія въ женскомъ умѣ интереса къ индивидуальному, цѣлому, надъ интересомъ къ общему, также какъ и превосходства его въ пониманіи именно индивидуальнаго цѣлага, совершенно несомнѣненъ. Слишкомъ очевидна и связь этого несомнѣннаго факта съ причинами его, съ тѣми коренными особенностями психической жизни женщины вообще которыя указаны нами въ IV главѣ,—для того чтобы настаивать на этой связи и снова повторять изложеніе тѣхъ общихъ и коренныхъ причинъ. Остановимся здѣсь лишь на той изъ нихъ, которая придаетъ превосходному пониманію женскимъ умомъ всего что индивидуально и живо, именно въ его живой цѣлостности, характеръ чрезвычайно быстрого и потому, несмотря на всю свою вѣрность, какъ бы не мотивированнаго, *интуитивнаго*, вдохновеннаго постиженія. Причина эта—соотвѣтствующее быстрому ритму душевной жизни женщины и ея эмоциональности богатство *безсознательныхъ, произвольныхъ* (не ясно отчетныхъ) душевныхъ работъ ея, крѣпость и неизмѣнность произвольно (независимо отъ усилій вниманія) образующихся въ ея душѣ *ассоціативъ*, вѣрность

* Ibid, стр. 500.

т. слѣд.

съ которою онѣ безъ измѣненія сохраняются памятью, легкость и быстрота съ которою онѣ *воспроизводятся* мгновенно, по поводу родственныхъ возбужденій, во всей своей первоначальной свѣжести и яркости. Все это, доставляя въ распоряженіе женской мысли безъ усилій и намѣреннаго исканія громадный запасъ готовыхъ сужденій, аналогій, наведеній, естественно чрезвычайно облегчаетъ ей задачу пониманія и оцѣнки всякаго *новаго* факта, попадающаго въ ея кругозоръ и всякаго новаго положенія. Отсюда, съ одной стороны, легкость, свобода и грація женственной мысли и и рѣчи, съ другой—изумительная вѣрность и образная ясность той и другой при полномъ отсутствіи всякаго видимаго и всегда тяжело дѣйствующаго на зрителя напряженія, которое такъ часто утомляетъ насъ при чтеніи произведеній и слушаніи рѣчей даже глубочайшихъ мыслителей и искуснѣйшихъ ораторовъ—мушницъ. Въ послѣднихъ нѣтъ (именно по жѣрѣ ихъ глубины) ничего непредвидѣннаго, неразчитаннаго и тѣмъ болѣе живаго, поразительнаго, именно потому что все сознательно, все носитъ на себѣ печать тяжелой работы. Богатство бессознательной душевной жизни у женщины; для объясненія котораго такъ часто считали нужнымъ прибѣгать къ очень сложнымъ и совершенно произвольнымъ метафизическимъ предположеніямъ, совершенно понятно, какъ необходимое слѣдствіе несомнѣнно болѣе быстрого ритма душевной жизни ея. Съ этой точки зрѣнія ничего мистическаго, таинственнаго нѣтъ и въ интуитивномъ (повидимому немотивированномъ и въ то же время поразительно-вѣрномъ) женскомъ пониманіи живыхъ лицъ и обстоятельствъ, также какъ нѣтъ ничего мистическаго и въ виртуозномъ исполненіи артистомъ трудной музыкальной пьесы безъ напряженнаго, разчитаннаго и медленнаго обдумыванія всякаго изъ выполняемыхъ имъ безчисленныхъ, тончайшихъ отбѣнокъ движенія его пальцевъ, смычка и т. п. Съ этой точки зрѣнія совершенно правъ г. Шкляревскій, утверждая что „логическій процессъ у женщины отличается быстротой, потому что первая большая послылка его готова уже въ сферѣ бессознательнаго и тотчасъ представляется уму ея въ подходящемъ случаѣ.... Въ суевѣрныя времена древности женщины приписывали поэтому даръ предвидѣнія, прозрѣнія прошедшаго и будущаго, даръ *всѣй силы*.... Всякая женщина до извѣстной степени Кассандра.... и въ то время какъ

большинство юношей и нѣкоторые мужчины и во всю жизнь не могутъ освободиться въ обществѣ отъ тягостнаго, парализующаго самонаблюденія, какъ часто молоденькая женщина на первыхъ же шагахъ въ свѣтъ проявляетъ находчивость, ловкость и изящную непринужденность въ обращеніи? * Все это очевидно даетъ женской мысли,—болѣе практичной уже по ея стремленію вполноты въ слово и движеніе, по ея большей живости и стремительности,—и болѣе практичности въ смыслѣ умѣнія вѣрно и точно *разрѣшать* предлагаемыя насущной жизнью задачи. „Разсматривая женщинъ такими какими ихъ показываетъ опытъ, говоритъ Д. Ст. Милль, можно о нихъ съ болѣею достовѣрностью чѣмъ во всякихъ другихъ обобщеніяхъ сказать что ихъ склонности и способности направлены преимущественно къ практической сторонѣ жизни“. ** Всякій помнитъ остроумное замѣчаніе Бокля что „находясь въ чужой странѣ и говоря на иностранномъ языкѣ, вы скорѣе будете поняты женщинами нежели мужчинами“. Всякаго наблюдателя не разъ также поражала ковечно изумительная способность женщины угадывать неожиданныя и калризные желанія очень маленькихъ дѣтей, тяжело-больныхъ и дряхлыхъ стариковъ, предъ которыми мужчина тѣмъ безпомощнѣе становится въ туликъ чѣмъ сама эти странныя для него желанія и чувства менѣе обладаютъ въ данномъ случаѣ средствами яснаго и точнаго выраженія, чѣмъ менѣе ребенокъ, больной или дряхлый старикъ можетъ или хочетъ дать понять себя. Это умѣнье женщины угадывать самые неувимые отгѣвки и измѣненія въ чужой жизни получаетъ особенное практическое значеніе отъ соединенія съ другою характерною чертой женской душевной природы, съ ея чрезвычайною *выразительностью*. Женщина не только гораздо яснѣе и точнѣе мужчины сознаетъ всѣ измѣненія своего внутренняго чувства и соотвѣтствующія измѣненія въ выраженіи своего лица, голоса и т. п., но и сама средства для точнаго выраженія самыхъ тонкихъ отгѣнковъ мысли и чувства у нея несравненно тоньше и разнообразнѣе. Никто не упрекнетъ Легуве въ преувеличеніи когда онъ утверждаетъ что „у мужчины десять взглядовъ, у женщины — тысяча, у мужчины одна улыбка, у женщины сто; въ

* L. c., стр. 18.

** L. c., стр. 138.

особенности голосъ, звучаый но грубый голосъ у насъ, изобилуетъ у женщины полутонами, четвертями тоновъ, которые воспроизводятъ какъ эхо всѣ состоянія сердца и мысли.“ * Преимущества доставляемыя женщиной этою чуткою способностью угадывать душевныя движенія тѣхъ съ кѣмъ она имѣетъ дѣло и способностью выраженія собственныхъ душевныхъ движеній въ непосредственно-практическихъ задачахъ жизни совершенно очевидны. Благодаря этимъ способностямъ женщина en masse *хитрее* мужчины, лучше его умѣетъ пользоваться окружающими людьми и характерами для своихъ цѣлей и перехитрить ее когда она на стражѣ (а на стражѣ она гораздо постояннѣе нежели мужчина) почти невозможно. Известно умѣнье женщины дешевле покупать и дороже продавать чѣмъ мужчина, ея умѣнье выпытать отъ окружающихъ то что она рѣшилась узнать, наперекоръ стараніямъ скрыть его, ея большее умѣнье распрѣжкаться сравнительно меньшими хозяйственными средствами, доставляя однако на нихъ больше довольства, ея превосходство надъ мужчиной въ тѣхъ задачахъ которыя требуютъ дипломатической способности, ея находчивость и умѣнье легко и безъ насилія раслутовать самыя запутанныя и щекотливыя житейскія комбинаціи. Всего что можно бы сказать въ этомъ отношеніи о практическихъ преимуществахъ женской мысли, не перескажешь; но вопросъ въ томъ, ограничиваются ли эти преимущества только выгодами *практичности* въ томъ узко-утилитарномъ смыслѣ, въ какомъ мы пока ее разсматривали, или же они имѣютъ и болѣе существенное, болѣе высокое моральное и культурное значеніе въ жизни не только самой женщины и близкихъ ей лицъ,—но и всего человѣчества? Только ли *хитрее, ловче, утилитарнѣе* мужчины женщина благодаря особенностямъ своей мысли, какъ это утверждали и утверждаютъ многіе чрезъ мѣру усердные противники женской эманципаціи, или же она, благодаря имъ, и *сильнѣе* мужчины въ нѣкоторыхъ очень высокихъ, очень цѣнныхъ и имѣющихъ общечеловѣческое значеніе сферахъ дѣятельности?

* 1. с. стр. 322. Оно иначе и не можетъ быть если принять въ расчетъ необходимую *пропорциональность выразительности* и чувствительности, *впечатлительности*, прямо вытекающую изъ ранее указанной связи всякаго органическаго движенія съ ощущеніемъ и обратно: нѣтъ ощущенія безъ движенія и нѣтъ движенія безъ ощущенія.

Прежде всего ясно что указанныя особенности женскаго мышленія даютъ женщинѣ громадное превосходство надъ мужчиной во всѣхъ тѣхъ сферахъ и отношеніяхъ жизни гдѣ приходится имѣть дѣло съ людьми не какъ съ безразличными во всѣхъ отношеніяхъ, *кромя одного*, единицами, экономическими, юридическими, логическими и т. п., но какъ съ живущими полною, разностороннею жизнью *личностями*, какъ съ моральными, цѣльными, живыми индивидами; во всѣхъ тѣхъ сферахъ и отношеніяхъ жизни гдѣ обращаешься къ человеку не какъ опредѣленному съ одной *внѣшней* стороны положенія его, спеціальнаго занятія, спеціальной его полезности для спеціальныхъ же цѣлей нашихъ, но къ самому цѣлостному, внутреннему міру его, къ его *моральной личности*. О полнотѣ, цѣлостности этой личности, не исчерпываемой ни однимъ спеціальнымъ занятіемъ, правомъ или обязанностью, женщина никогда не забываетъ и даже намѣренно не можетъ забыть, благодаря конкретности ея ума. Дѣйствительно, какую цѣль ни преслѣдовала бы женщина, съ кѣмъ и во имя чего ни имѣла бы она дѣло, она никогда за своею спеціальною задачей не теряетъ изъ вида личныхъ чувствъ и воззрѣній людей, всегда помнитъ о тѣхъ впечатлѣніяхъ которыя вызываютъ въ нихъ ея рѣчь и поступокъ. Отсюда, безграницная способность женщины *приморавливаться* ко всѣмъ особенностямъ положеній и лицъ съ которыми ей приходится сталкиваться, *тонкость и точная приспособленность средствъ*, путемъ которыхъ она вліяетъ на чужія мысли, чувства и поступки съ ускользящею отъ грубаго глаза, но часто тѣмъ болѣе неодолимою силой. * Отсюда и столь извѣстное умѣнье женщины облечь то что ей нужно дать положить въ точную формулу слова именно *до тѣхъ предѣловъ* за которыми „деликатность“, предполагаемая человеческими отношеніями вѣра въ чужую понятливость и уваженіе къ чужому достоинству (неприкосновенности нѣкоторыхъ сферъ чужаго внутренняго міра) грубой формулы слова уже не допускаютъ,—умѣнье сколько нужно дать *угадать* себя и угадать другаго,—умѣнье драгоценное и отсутствіе котораго такъ часто и такъ болѣзненно оскорбляетъ въ житейскихъ сношеніяхъ тонко развитую, чуткую душу. Въ этомъ отношеніи „деревянность“ и „прямолинейность“ отличающія рѣчи и

* А это и есть то что называется тактомъ.

поступки такъ-сказать варваровъ высшей культуры совершенно чужды обыкновенной женщинѣ. Все это несравненно чаще и рѣзче поражаетъ насъ въ муштинахъ даже очень высокаго развитія и воспитанія. Муштина не умѣетъ и часто не хочетъ соображать впечатлѣній, душевныхъ движеній тѣхъ съ кѣмъ говоритъ и на кого хочетъ въ извѣстномъ направленіи подѣйствовать. Для него все дѣло не въ ихъ личныхъ особенностяхъ, но въ той *мысли* которую онъ хочетъ имъ высказать, въ той *цѣли*, которой онъ хочетъ заставить ихъ служить. Люди которымъ онъ доказываетъ свою мысль, кого подчиняетъ своей задачѣ, для него *сами по себѣ* равно безразличны; они для него только *представители* логическаго мышленія, представители того или другаго интереса и т. п. Далѣе этого принимать ихъ во вниманіе онъ и мало умѣетъ и, повторяемъ, часто не хочетъ: ему недосугъ. Для всѣхъ безразлично у него въ одинаковыхъ случаяхъ одни и тѣ же слова, томъ, взглядъ и жестъ. Онъ дѣйствуетъ не на живой, всегда своеобразный индивидуумъ въ его дѣлости, но или на его *безличныи*, общелогическій разумъ, или на его *безличный* же общеприеметическій расчетъ. Но именно вслѣдствіе этого муштина, если онъ и осуществляетъ свою задачу, достигаетъ успѣха, только *подчиняетъ* людей силѣ своей мысли или воли, подчиняетъ себѣ не дѣлающую нравственную личность, но ея мысль, ея интересъ, ея отдѣльный поступокъ. Онъ подчиняетъ, но не привлекаетъ людей на свою сторону силой всесторонняго, полнаго и свободнаго съ ихъ стороны согласія. Самая *безотносительность* и простота средствъ къ которымъ онъ прибѣгаетъ, доставляя ему успѣхъ, дѣлаетъ этотъ успѣхъ вѣрнымъ для другихъ, какъ бы *вынужденнымъ*, такъ какъ средства эти онъ соображаетъ лишь со *своими цѣлями*, но не съ полнотою нравственныхъ особенностей и требованій тѣхъ на комъ онъ эти средства примѣняетъ и чрезъ кого эти цѣли осуществляетъ.

Въ тѣхъ сферахъ жизни и дѣятельности гдѣ *достаточно* одного такого вѣшняго, вынужденнаго подчиненія одной мысли, одного интереса или права (какъ такихъ) другой мысли, интересу и праву, эта безотносительность мужской логики, мужской воли и страсти могутъ быть и бывають умѣстны. Но таковы далеко не только не всѣ, но даже и не важнѣйшія по своему значенію сферы жизни; таковы лишь сферы разныхъ *спеціальныхъ задачъ и профессиональной*

дѣятельности (научной, политической etc.). Тамъ же гдѣ дѣло не въ осуществленіи какой-либо частной, специальной задачи, но во вліяніи измѣняющемъ самый строй внутренняго міра человѣка, во вліяніи моральномъ, глубокомъ и прочномъ, потому что не вынужденномъ, а свободно воспринятомъ самымъ цѣльнымъ *характеромъ* подвергающагося ему человѣка,—тамъ роль женщины съ ея *тактомъ*, съ ея безграничною способностью приторковаться ко всевозможнымъ особенностямъ характеровъ и вызывать въ другихъ не голое подчиненіе своей *силѣ* какого бы то ни было рода (силѣ мысли, воли), но свободное согласіе и сочувствіе, съ ея наблюдательностью, проникательностью, живостью и быстротой пониманія, совершенно незамѣнима мужскою безотвостительною, „прямолинейною“ и грубою силой. Не испытала этого только тотъ кто никогда не приходилъ въ соприкосновеніе съ чуткою и тонкою женскою натурой, не зналъ женскаго такта или и не могъ узвать его, такъ какъ вообще мало жилъ внутреннею жизнью, будучи всецѣло поглощенъ заботами болѣе *простой* жизни „внѣшняго человѣка“.

Итогъ всего сказаннаго тотъ что особенности женской мысли и такта имѣютъ особенно существенное значеніе въ тѣхъ жизненныхъ отношеніяхъ гдѣ требуется вліяніе одного лица на другое не внѣшнее, но внутреннее, не понудительное, но свободно и сочувственно воспринимаемое, не юридическое, политическое, экономическое или логически-понудительное, но моральное, морально-воспитательное.

Отношенія между супругами, отношенія воспитателя къ воспитаннику, отношенія общежительныя между людьми, какъ только членами *одного* цѣлаго, всѣ отношенія, словомъ, сложившіяся не ради осуществленія *одной* какой-либо специальной задачи специальной же, *профессиональною* дѣятельностью, но ради роста и всесторонняго удовлетворенія во взаимномъ общеніи, потребностей самаго внутренняго міра стоящихъ въ этихъ отношеніяхъ людей, представляютъ полприще на которомъ особенности женскаго пониманія и такта, женское вліяніе незамѣнимы. Только этими особенностями обусловливается возможность вліянія *морально-воспитательнаго*, имѣющаго и источникомъ своимъ и предметомъ своего воздѣйствія полный и цѣльный внутренний, свободный міръ человѣка, никогда ни на какой ступени уладка гуманности не исчерпываемый, не поглощаемый вполнѣ задачами его внѣшней,

общественной и политической жизни.* Только благодаря этимъ особенностямъ и дѣлается возможнымъ дѣйствительное и полное, изнутри исходящее, нравственное и свободное *общеніе* между людьми.

Необходимое условіе глубокаго и прочнаго моральнаго вліянія на человѣка есть живое пониманіе всѣхъ индивидуальныхъ способностей, наклонностей и силъ этого человѣка и умѣніе точно приспособляться къ нимъ,—пониманіе и приспособленіе преимущественно, какъ мы видѣли, собственныя женщины. Вслѣдствіе этого женщина вообще отъ природы *лучшая воспитательница* чѣмъ мужчина, и тѣмъ лучшая чѣмъ болѣе вѣжна и чутка индивидуальность воспитываемаго, чѣмъ эта индивидуальность менѣе окрѣпла, сосредоточилась и замкнулась въ себѣ. Женщина такимъ образомъ лучшая воспитательница чѣмъ мужчина *въ особенности для дѣтей или для особенно впечатлительныхъ, „нервныхъ“ и больныхъ людей.* Никогда мужчина не пойметъ такъ точно, вѣрно и *сочувственно* всѣхъ отбѣнковъ характера вѣреннаго его заботамъ юнаго существа и никогда не сумеетъ съ такою любовью и такъ легко приспособить къ этимъ особенностямъ свои воспитательныя средства и приемы какъ женщина. Мы не говоримъ здѣсь уже о томъ что, просто вслѣдствіе болѣе тѣсной, продолжительной и постоянной связи ребенка съ женщиной, никогда отцы не могутъ такъ хорошо какъ матери знать своихъ дѣтей и никогда не могутъ такъ пристально услѣдить за всѣми моментами ихъ постепеннаго развитія. Они не присутствуютъ при первыхъ проблескахъ дѣтской мысли и чувства; они и не окружаютъ въ теченіе долгаго періода ребенка самымъ мелочнымъ и заботливымъ уходомъ, требующимъ и сочувственнаго и безконечно мелочнаго наблюденія за всѣми волненіями, перилетіями дѣтской души, не умѣющей еще лгать и скрывать, но не умѣющей и ясно выражать себя. И извѣстно что отцы гораздо чаще матерей могутъ дѣлать

* Хотя бываютъ и періоды оскуднѣнія внутренняго человѣка, времена когда онъ самъ о себѣ рѣдко, по большей части лишь глубоко потрясенный какимъ-либо страшнымъ несчастіемъ, вспоминаетъ. Въ такія-то времена и представляется особенно драгоценною „женственность“, въ которой одной сосредоточивается весь охладѣвшій интересъ ко „внутреннему человѣку“, и вся сила пробуждать его изъ усыпленія, напоминать ему о себѣ.

совершенно для нихъ *неожиданныя* открытія въ характерѣ своихъ дѣтей; мать для этого слишкомъ постепенно, непрерывно и подробно знакомаась съ нимъ. Она лучше знаетъ его и поэтому лучше можетъ на него воздѣйствовать. Здѣсь муштина, имѣющій всегда и для всѣхъ одини и тѣ же лоятія и чувства, одини и тѣ же слова, взгляды и жесты, несомнѣнно уступаетъ женщинѣ съ ея безконечно-чуткою впечатлительностью и безконечно-точною *выразительностью*, выразительностью дѣлающею изъ нея истиннаго художника и справедливо заслужившею ей названіе *орудія точности*. Благодаря этимъ средствамъ женскаго воспитательнаго вліянія, тотъ на кого оно направлено и встрѣчаетъ его съ большимъ *доверіемъ*, и воспринимаетъ его болѣе *легко и непритужденно*, безъ враждебнаго протеста, безъ тягостнаго чувства совершаемаго надъ его я насилія.

Изъ того что женщина способна искренно играть, плясать съ ребенкомъ и утѣшать его маленькія скорби и слушать его сказки, Шолленгауэръ выводитъ что „женщины вообще сами ребячливы, вздорны, всю жизнь представляютъ изъ себя большихъ дѣтей, родъ промежуточной ступени между ребенкомъ и муштиной, который и есть собственно человекъ“. Но нельзя забывать что если, во первыхъ, отзывчивость и подвижность духа женщины сближаютъ ее съ ребенкомъ, то онѣ же сближаютъ женщину и съ людьми самыхъ различныхъ характеровъ, образованія, возраста, и интересовъ, а во вторыхъ, что едва ли наши дѣти когда-либо сдѣлались бы людьми, воспитались бы, еслибы не встрѣтили, когда были еще дѣтьми, души отзывчиво, тепло лоявимающей ихъ и могущей приморозиться къ нимъ, дать имъ себя лоявать. Нельзя же, по крайней мѣрѣ педагогу, забыть слова величайшаго поэта насчетъ „воспитательной“ силы вообще и тщетности замѣны здѣсь природной отзывчивости разными ухищреніями:

Напрасно! если не дана
И самъ не сознаешь той силы:
Врожденная, лишь отъ души она
На души дѣйствуетъ, мой милый!
.....
Нѣтъ, сердца не придашь сердцамъ
Когда оно отъ сердца не исходитъ*.

* Фаустъ пер. Струговщикова.

А такая сила и *есть* у женщины именно благодаря отзывчивости и подвижности ея духа, пока она не утратила этихъ свойствъ, пока она *женственна*. Понятно теперь почему въ біографіи всякаго выдающагося человѣка (начиная съ самого Гёте) мы также необходимо натолкнемся на воспитательное вліяніе женственной женщины, какъ въ біографіи безличнаго, бесслѣдно, безрадостно и безплодно протомившагося въ жизни и протомившаго другихъ общечеловѣка (*sit venia verbo—прижпра* человѣка) натолкнемся на преобладающее вліяніе *школы, положенія, современнаго предразсудка* и т. п.

Если изъ предшествующаго ясно значеніе особенностей женской мысли для морально-воспитательной задачи вообще, то тѣмъ несомнѣннѣе должно оно быть признано въ дѣлѣ воспитанія дѣтей, для задачи *собственно педагогической*. И такое признаніе тѣмъ желательнѣе что—словами г. Шкаревскаго—*„ничѣмъ незамѣнимая выгода педагогической дѣятельности женщины состоитъ въ томъ что она всего менѣе отрываетъ ее отъ собственной семьи и въ то же время позволяетъ ей дѣйствовать съ удвоенною пользою и въ этомъ ея микрокосмѣ, въ которомъ женщина, по нашему мнѣнію, всегда должна быть центральнымъ свѣтиломъ“*. *

Тотъ же даръ живаго и сочувственнаго пониманія индивидуальности и чуткаго приспособленія къ ея особенностямъ и даетъ женщинѣ много преимуществъ и въ другой сферѣ, *затѣ и менѣе чѣмъ въ предшествующей, именно потому что дѣятельность въ этой другой сферѣ болѣе спеціальная, профессиональная, чѣмъ въ первой*, то-есть у постели больного вообще. И здѣсь пониманіе темперамента, характера, настроенія больного и чуткій тактъ въ обращеніи съ нимъ составляютъ одно изъ необходимыхъ условій дѣйствительной помощи. „Въ природѣ существуютъ только больныя части, больные люди, говорить знаменитый Вагнеръ, но нѣтъ осязаемой вещи *болѣзнь*, которая есть только абстракція ума“. Нѣтъ болѣзней—есть больные,—постепенно убѣждается современная медицина, и съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе утрачивается вѣра старой, „эмпирической“ школы въ существованіе для всѣхъ и во всѣхъ случаяхъ *однородныхъ, точно-специфическихъ формъ и симптомовъ болѣзней*, такъ же какъ и въ существованіе специфически-болѣзненныхъ тѣлъ.

* Л. с. стр. 33.

Данныхъ для отвѣта на этотъ вопросъ у насъ накопилось уже не мало. Нельзя не признать женскій умъ вполне приспособленнымъ къ тѣмъ областямъ науки гдѣ главнѣйше требуется тонкость и точность *въ наблюдении*, способность быстро уловить *характеристичное* въ подлежащихъ фактахъ. Но наблюдение и *опытъ* (активное *допрашиваніе* природы, измѣненіе факта для полученія отъ него отвѣта на заданный изъ общихъ соображеній вопросъ) *не одно и то же*, и положительная наука вообще подвигаются вѣрно впередъ главнымъ образомъ благодаря успѣхамъ опыта, а не успѣхамъ наблюдения. Послѣднее только первый шагъ науки. Оно составляетъ главное лишь въ наукахъ *описательныхъ* по преимуществу, какъ напримѣръ зоологія (не зоономія), вѣдѣнія исторія и т. п. Но то что достаточно для описанія конкретного факта и даже дѣлаетъ это описаніе особенно вѣрнымъ, точнымъ и живымъ,—далеко еще недостаточно для вѣрнаго *вывода* изъ факта и объясненія его смысла, то-есть сведенія на *общія отвлеченныя начала*. Быстрота, конкретность и живость женской мысли, помогая одному дѣлу, прямо мѣшаютъ другому. Милль соглашается съ тѣмъ „что обладаніе, въ числѣ прочихъ способностей, быстротой наблюдения, дѣлаетъ женщину способною выводить опрочечивыя общія правила изъ однихъ своихъ личныхъ наблюдений.“ * Бокль, рассуждая о вліяніи женщины на успѣхи знанія, утверждаетъ столь же вѣрно что женщины воспріимчивѣе мужчины, скорѣе увлекаются и обладаютъ болѣе живымъ воображеніемъ, вслѣдствіе чего и стремятся *сразу* охватить мысль и *сдрузъ* разрѣшить задачу, въ противоположность съ медленнымъ и болѣе тщательнымъ разрѣшеніемъ ея научною мыслью. Но Бокль почему-то полагаетъ что мыслить *такимъ образомъ*, безъ тщательнаго контроля надъ своею мыслью, значить мыслить *дедуктивно*, вращаться въ міръ *идей* (!) Милль же думаетъ что если быстрота наблюдения приводитъ женщину часто къ „скоростѣлымъ выводамъ“, то она же должна въ такой же мѣрѣ способствовать и *скорой проверкѣ* этихъ выводовъ, поправкѣ ихъ погрѣшностей. ** Оба странно и сильно заблуждаются. Для того чтобы придти къ „скоростѣлому выводу“ нужно мыслить быстро, не вполнѣ

* L. c., стр. 144.

** Ibid.

отдавая себѣ отчетъ въ каждомъ шагѣ своей мысли, не вполнѣ ясно, сознательно; для того же чтобы провѣрять свою мысль, „считать ея шаги“, давать себѣ въ ней полный отчетъ, нуженъ именно контроль вниманія надъ актами мысли, вполнѣ сознательное и следовательно болѣе медленное мышленіе. Также и охватывать мысль сразу, одурачь рѣшать задачу и прямо выдвигать впередъ общія посылки, значить вовсе не мыслить дедуктивно, но мыслить интуитивно, мыслить на основаніи готовыхъ и не провѣряемыхъ болѣе сознаваемъ, не контролируемыхъ вниманіемъ, бессознательныхъ сужденій, умозаключеній и т. п., то-есть мыслить сравнительно быстро, но и сравнительно безотчетно, не провѣряя себя *. Что женское мышленіе быстро, интуитивно и совершается на почвѣ болѣе богатой чѣмъ у мужчины содержаніемъ (готовыми ассоціями, аналогіями и т. п.) бессознательной жизни,—это мы знаемъ, но *eo ipso* знаемъ мы и то что женщина необходимо мыслить менѣе контролируя свою мысль, менѣе отчетливо. А что же значить это какъ не то что она мыслить менѣе научно.

По общему правилу механики: что теряется въ одномъ отношеніи, то выигрывается въ другомъ,—всѣ превосходства женской мысли и такта въ одномъ направленіи непременно связаны съ соответствующими слабостями, недостатками ихъ въ другомъ. Быстрое, точное, цѣльное и живое пониманіе женщины есть именно пониманіе индивидуальнаго, конкретнаго, предлагающаго ей факта или положенія, непосредственно возбуждающаго ея впечатлительность, но не пониманіе отвлеченнаго правила, общаго отношенія, закона. Будущее и давно-прошедшее, отдаленное и не входящее въ тотъ кругъ гдѣ совершается жизнь женщины, не приходящее съ нею въ непосредственное соприкосновеніе, не затрагивающее непосредственно ея впечатлительности, не можетъ въ то же время сдѣлаться ни предметомъ прямаго наблюденія, ни предметомъ прямаго дѣйствія, проявленія ея такта, въ которыхъ

* Бокавъ только смѣшалъ понятіе дедукціи съ неимѣющею съ ней ничего общаго интуіціей, способностью прозрѣвать тайну задачи чутьемъ, не логическимъ процессомъ, но догадкой. Только на этомъ смѣшеніи понятій и основаны всѣ его разсужденія о вліяніи женщины на успѣхъ знанія, о большей, сравнительно съ женщиной, практичности мужчины, болѣе чемъ подчиненіи его предлагающему факту и т. п. Все это—чистыя недоразумѣнія.

она такъ сильна. Въ обоихъ отношеніяхъ оно и менѣе должно возбуждать *интересъ* ея мысли и менѣе даетъ случая *утомительному* и легкому проявленію ея способностей. Пониманіе всего этого можетъ быть лишь болѣе или менѣе отвлеченное пониманіе, а отвлеченность пониманія, по закону сохраненія силы, не мирится съ его живостью и конкретною вѣрностью, трудно совмѣстима съ чуткою впечатлительностью. Такимъ образомъ, самыя преимущества женскаго мышленія могутъ съ успѣхомъ проявляться только въ сравнительно болѣе узкомъ горизонтѣ, ограничивая кругъ ея настоящей дѣятельности непосредственно окружающею ее, подлежащею ей и живущею на ея глазахъ дѣйствительностью. Кругъ этой дѣйствительности, нѣтъ спору, тѣснѣе круга дѣятельности ума, сильнаго въ отвлеченіи,—но за то все въ этомъ болѣе ограниченномъ кругѣ понимается женщиной во всей своей конкретности, полнотѣ и жизненной правдѣ, *живо, твердо и трезво*, чего нельзя сказать о тѣхъ далекихъ горизонтахъ которые составляютъ предметъ ума, направленаго на отвлеченное и общее. Благотворное вліяніе трезваго и практичнаго ума женщины въ этомъ отношеніи несомнѣнно, хотя оно же дѣлаетъ женскій умъ и чрезвычайно сравнительно *слабымъ* въ тѣхъ задачахъ которыя требуютъ напряженной сосредоточенной дѣятельности отвлеченія, забвенія во имя интереса общаго закона, всего индивидуальнаго разнообразія живой дѣйствительности *. „Если“, повторимъ мы вслѣдъ за Миллемъ, „тяготѣніе женскаго ума къ настоящему, къ дѣйствительности, къ существующему факту и порождаетъ нѣкоторыя ошибки при исключительности, за то оно въ высшей степени полезно какъ противодѣйствіе ошибкамъ противоположнаго разряда. Главный и самый характеристичный недостатокъ теоретическихъ умовъ состоитъ въ слабости живаго пониманія и сознанія объективнаго факта. Мушоны, много учившіеся, легко впадаютъ въ непониманіе дѣйствительныхъ фактовъ: въ нихъ они часто не видятъ того что въ нихъ дѣйствительно есть, а видятъ

* То-есть тамъ гдѣ требуется полнота *доказательства*, строгое и *последовательное* проведеніе въ рядѣ мыслей и поступковъ *одного* исключительнаго начала. Женская мысль столь же *бездоказательна* и *непоследовательна* какъ сама жизнь. Въ этомъ—ея слабость, но въ этомъ же и ея сила.

то что *теорія* заставляетъ искать въ нихъ... Въ эту ошибку рѣдко впадаетъ женщина: она рѣдко увлекается въ погонѣ за отвлеченностью... она не вѣритъ въ тѣ выводы которые теряютъ изъ виду живые индивидуумы и обращаются съ вещами какъ будто онѣ существуютъ только ради теоріи. * Изъ этого исключительнаго сосредоточенія отвлеченнаго ума на одной своей общей задачѣ вытекаетъ извѣстная склонность его, игнорируя живое, индивидуальное въ дѣйствительности, въ его конкретной правдѣ и правѣ, деспотически ломать и вещи и людей для приведенія ихъ во что бы то ни стало въ согласіе съ логическими требованіями своей *системы*, — склонность его къ *доктринерству*, всегда исключительному и слишкомъ одностороннему для того чтобы вмѣстить въ свои рамы все разностороннее богатство, красоту и право жизни. Здѣсь именно отрезвляющее, примиряющее одностороннюю отвлеченность теоретическаго ума съ правдой жизни вліяніе женской мысли несомнѣнно драгоценно. Безъ этого отрезвляющаго и умѣряющаго доктринерскую исключительность вліянія, строго послѣдовательная, но потому именно и разошедшаяся съ дѣйствительностью мысль теоретика становится не только *безплодною* для этой дѣйствительности, но и *враждебною* многостороннимъ требованіямъ ея. Но ясно что восполненіе односторонности отвлеченнаго и строго послѣдовательнаго теоретическаго ума и сближеніе его съ правдой жизни можетъ осуществляться никакъ не теми самыми путями на которыхъ отвлеченность и строгая послѣдовательность именно необходимы, то-есть не путями науки, проповѣди, системы. Оно можетъ осуществляться лишь путемъ *морально воспитательнымъ*, путемъ неприводимаго въ систему, *интимнаго* общенія отвлеченнаго мужскаго ума съ живымъ и конкретнымъ женскимъ. Слишкомъ хорошо извѣстны всѣмъ плодотворные и для самой науки результаты такого общенія для того чтобы долѣе оставаться на нихъ. Это вліяніе женскаго ума не выраженное въ опредѣленной, рѣзкой формѣ, оно не *гласное*; результаты его не выдѣляются отчетливо изъ умственнаго труда мушны, выразившагося въ опредѣленномъ произведеніи и создававшагося однакоже чисто подъ его

* О подч. женщины, стр. 147.

руководствомъ и вдохновеніемъ. Результатъ общаго труда олицетворяется въ мушкетѣ. *Эгерія* же этого *Нумы* по большей части остается скрытою. Но это не мѣшаетъ тому что дѣйствительно, словами Легуве, „не одно мужское существованіе бываетъ такъ-сказать двойственнымъ, представляетъ два пола, и мушкетъ можетъ быть самимъ собою не иначе какъ вмѣстѣ съ женщиной и посредствомъ женщины.“ * И отъ того что это вліяніе женщины остается вліяніемъ интимнымъ, *морально-воспитательнымъ*, оно конечно не становится ни менѣе дѣйствительнымъ, ни менѣе почтеннымъ, хотя—нѣтъ спору—*тицесловіе* этою формою вліянія не можетъ удовлетворяться въ той мѣрѣ какъ писаніемъ брошюръ и книгъ сомнительнаго достоинства, но подъ которыми подлисаю имя. Тотъ родъ вліянія женскаго ума, о которомъ мы говоримъ, признается и *цѣнится* рѣшительно всѣми. Даже Шопенгауэръ,—этотъ мизантропъ вообще и женщино-ненавистникъ по преимуществу,—сомнѣвающийся въ томъ возможно ли женщину допускать къ присягѣ, къ олекѣ, къ званію ея мужа и т. л.,—во имя его одобряетъ участіе женщины въ совѣтахъ древнихъ Германцевъ,—даже онъ признаетъ что женскій умъ способенъ подмѣтить „кратчайшій путь къ цѣли и все близь лежащее, чего мушкетъ, смотря вдаль, не видитъ именно потому что оно у него подъ носомъ.“ И едва ли благодаря этому найдется хотя одно истинно великое и плодотворное произведеніе ума и чувства, хотя одна истинно великая и плодотворная жизнь, въ сложеніи которыхъ не участвовало бы это вліяніе женщины, отрезвляющее, умѣряющее и приводящее отвлеченную мысль къ гармоніи съ дѣйствительною жизнью и пониманію ея правды и права. Вліяніе это обуславливается, какъ мы видѣли, тѣми самыми особенностями женской мысли которыя дѣлаютъ ее сильною и плодотворною въ *морально-воспитательныхъ* задачахъ и,—какъ мы видѣли уже отчасти,—слабою и бесплодною въ *спеціальныхъ, профессиональныхъ сферахъ дѣятельности.*

(Окончаніе слѣдуетъ.)

П. АСТАФЬЕВЪ.

* Л. с. 342.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

Когда бъ я могъ порвавъ оковы тѣла,
Умчаться вольною мечтой
И долетѣть до крайняго предѣла
Пучины вѣчно голубой,

Я бытія не ждалъ бы тамъ другаго,
Не жаждалъ бы блаженствъ цѣлыхъ
И отрѣшаясь отъ всего земнаго
Не звалъ видѣній золотыхъ;

Нѣтъ, только позабыть всѣ злыя раны
Души моей хотѣлъ бы я
И погрузившись весь въ локоя нирваны,
Исчезнуть въ тѣмъ небытія.

II.

За предѣлами міра земнаго
Гдѣ кружатся всѣ мысли людей,
Есть страна всемогущаго слова
И прообразовъ вѣчныхъ идей

И все то что предъ нами, мгновенно
 Появясь, исчезаетъ какъ тѣнь,
 Въ этомъ краѣ всегда неизмѣнно
 Озаряетъ немеркнуцій день,

Но лишь тотъ кому чуждо хотѣнье
 Въ это царство найти можетъ путь
 И проникнуть туда на мгновенье
 Чтобъ усталой душой отдохнуть.

III.

Когда все то что миновало
 Проходить въ памяти моей,
 Гляжу я грустно и устало
 На сны моихъ минувшихъ дней.

Среди мелькающихъ видѣній
 Ловлю я образъ дорогой
 И кажется мнѣ шелчуть тѣни
 „Мы снова встрѣтимся съ тобой:

Пока носи земное бремя
 И не слѣши къ мирамъ инымъ,
 Живи! когда наступитъ время
 Мы за тобою прилетимъ.

Все то что здѣсь тебя плѣняло,
 Что видѣлъ ты въ неясныхъ снахъ
 Есть только первое начало
 Того что зрѣть въ тѣхъ мирахъ;

Но помни, каждое мгновенье
 Есть цѣлой вѣчности звено;
 Лишь тѣмъ кто свяжетъ эти звенья
 Достигнуть цѣли суждено.“

IV.

Прошли какъ сонъ тѣ дни, когда тревожно
 На жизнь еще глядѣла ты
 Незбыточное было такъ возможно
 И такъ заманчивы мечты,

Когда неясныя манили цѣли,
 Казалось, выше за собой
 Туда гдѣ звѣзды яркія горѣли
 И молвія вилась змѣей...

Передъ тобою прежнія картины;
 Но въ нихъ ты видишь смыслъ иной;
 И небо, степи, горы и долины
 Все полно новой красотой.

Всѣ образы знакомые, всѣ краски
 Значенья новаго полны
 И степь, и море, мирно шепчуть сказки
 И тихо навѣвають сны.

Такъ вдоль рѣки твой челнъ скользить спокойно,
 И мягкій свѣтъ лежитъ кругомъ,
 Лучъ солнца не пылаетъ яркій, знойный
 Не слышешь въ небѣ прежній громъ,

Съ улыбкой отдаешься ты теченью,
 Волна качаетъ и несетъ;
 Когда же прежнія мелькнутъ видѣнья
 Иль молча взглянешь ты впередъ,

Ты видишь тамъ въ туманѣ блещетъ море,
 Сливаются всѣ рѣки въ немъ
 И знаешь ты: мы всѣ въ его просторѣ
 Подъ всплески вѣчные заснемъ.

V.

Вотъ наступила минута желанная,
Все умолкаетъ и грезить кругомъ.
Милая, что же намъ грустно вдвоемъ,
Словно межъ нами есть гостья незваная,
Словно чего-то боимся и ждемъ?

Время бывшее, тяжелое минуло —
Время неясныхъ, непомятыхъ грезъ,
Тщетныхъ сомнѣній, утрековъ и слезъ;
Стѣны высокія страсть опрокинула,
Вихорь желанья обломки унесъ.

Что же у цѣли видѣнье мелькнувшее
Слова какъ призракъ далекій зоветъ?
Что жъ мы глядимъ такъ уныло впередъ?
Или воскресло мученье минувшее
Или ужъ новое горе встаетъ?

Князь Д. ЦЕРТЕЛЕВЪ.

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ

Воспоминанія декабриста о пережитомъ и пережитомъ.
1805—1850. А. Бѣлова.

Разказываютъ что одинъ русскій писатель, задумавшій было написать романъ, главнымъ мотивомъ котораго должно было служить событіе 14 декабря, отказался будто бы отъ такого намеренія въ томъ соображеніи что, послѣ ближайшаго изученія нравственной физіономіи крупнѣйшихъ участниковъ этого прискорбнаго дѣла, онъ будто бы пришелъ къ убѣжденію что „это были все *Французы*, а не русскіе люди“. Мы вѣсколько, разумѣется, не отвѣчаемъ за вѣрность самаго разказа, но не можемъ не признать весьма большой доли основательности въ передаваемой въ немъ общей характеристикѣ той извѣстной группы русскихъ *интеллигентовъ* двадцатыхъ годовъ къ которой принадлежали „декабристы“. Никакъ нельзя отрицать того что дѣятели революціоннаго движенія 1825 года увлекались политическими грезами не имѣвшими ничего общаго съ дѣйствительными потребностями ихъ отечества, что ихъ идеалы государственнаго устройства были идеалы заемные, выросшіе на чужой почвѣ и что ихъ иностранное, по большей части поверхностное и по преимуществу *французское* воспитаніе не позволяло имъ разумѣть насколько теоретическія мудрованія ихъ имѣли мало общаго съ выработавшеюся

всѣмъ теченіемъ нашей исторіи самобытною *правдой* Русскаго народа... Несомнѣнно съ другой стороны и то что значительнѣйшее число этихъ людей (лишущій настоящія строки имѣлъ случай знать многихъ изъ нихъ по возвращеніи изъ ссылки) вынесло изъ тяжкихъ испытаній своего изгнанія самое полное и искренное сознаніе „грѣховъ юности своей и невѣдѣнія“, а съ нимъ высокій духъ христіанскаго смиренія и глубокаго уваженія и любви къ своей народности, со всѣми особенностями ея государственнаго и бытоваго склада.

Живымъ доказательствомъ того духовнаго просвѣтленія котораго дако было достигнуто весьма многимъ изъ сосланныхъ декабристовъ въ пустыняхъ и дебряхъ Сибири служить лежащая предъ нами книга. Авторъ такъ объясняетъ руководившую его цѣль при изданіи ея въ свѣтъ:

„... На пишущемъ эти воспоминанія лежитъ священный долгъ искренней исповѣди предъ отечествомъ и исторіей въ тѣхъ дѣйствіяхъ и заблужденіяхъ которыя причинили столько несчастій, осиротили столько семействъ и, можетъ-быть, примѣромъ своимъ увлекли и погубили столько молодыхъ людей, заразившихся жалкою игрой въ революцію. Кто знаетъ, быть-можетъ эти *Воспоминанія декабриста* отрезвять въ некоторыхъ изъ нынѣшнихъ непрощенныхъ радѣтелей народа, который они стараются привести сперва въ скотообразное, а потомъ въ звѣриобразное состояніе, лишитъ его Бога, алтарей, семьи, всего святаго и благороднаго; а потомъ возбудивъ къ самоцребленію посредствомъ грабежей, убійствъ, разврата, тѣмъ сдѣлать свое отечество легкою добычей западныхъ ненавистниковъ нашихъ, ихъ вождей, учителей и поведенителей“.

Не знаемъ въ какой мѣрѣ можетъ ожидать высокопочтенный авторъ этой превосходной книги осуществленія своихъ чаяній. Но младенческая искренность его повѣствованія, его трогательное благодушіе, несомнѣнная поэтическая струя прорывающаяся сквозь его нѣсколько архаическій мѣстами языкъ — отчего языкъ этотъ приобретаетъ особую, своеобразную прелесть — заключаетъ въ себѣ такое обаяніе свѣжести и елейности что имъ, мы не сомнѣваемся, долженъ проникнуться каждый читатель не лишенаго эстетическаго и нравственнаго чутья. По простотѣ и горячности тона съ которымъ высказываетъ г. Бѣляевъ свои глубокохристіанскія убѣжденія, воспоминанія эти невольно напоминаютъ извѣстное *Путешествіе ко святымъ мѣстамъ инока Паренія*. Въ афонскомъ аскетѣ и сибирскомъ политическомъ

узынкѣ сказывается та же русская жаждущая вѣчной истины природа, принимающая какъ даръ посылаемая ей свыше испытанія и разумѣющая ихъ какъ орудіе къ душевному усовершенствованію и спасенію. У того и другаго вы чувствуете такое, бьющее какъ богатый родникъ изъ скалы, обиліе любви *къ человеку* что у васъ самихъ на душѣ становится легко и свѣтло, и одолавающая васъ злоба дна представляется вамъ лустымъ, безцѣльно смущающимъ васъ призракомъ...

Вотъ что говорить, на примѣръ, на послѣднихъ страницахъ своего разказа человекъ которому суждено было двадцать лѣтъ сряду искушать послѣдовательно, въ каторжной работѣ, на поселеніи и подъ солдатскою палкой на Кавказѣ, преступныя увлеченія юныхъ лѣтъ своихъ:

... „Я былъ такъ счастливъ въ моей жизни, или, вѣрнѣе сказать, такъ велика и безмѣрна была милость Божія на меня что мнѣ не разъ и не два въ моей жизни случалось, отъ юности и до старости, встрѣчать и восхищаться по истинѣ идеальными по добродѣтели, симпатичности и чудной добротѣ людьми, такъ что изъ всей моей жизни я вынесъ твердое убѣжденіе что еще много, много людей у Бога не преклонившихъ колѣнъ предъ Вааломъ, богомъ этого міра, а пребывающихъ вѣрными своему Творцу и Спасителю.“

Въ самомъ дѣлѣ, въ *Воспоминаніяхъ декабриста* проходитъ предъ читателемъ длинная галерея живыхъ лицъ съ которыми авторъ на пространствѣ почти полувѣка встрѣчался и состоялъ въ прямыхъ и близкихъ отношеніяхъ, начиная съ высшихъ сановниковъ государства и кончая рабочими изъ „поселенцевъ“ въ какомъ-нибудь городѣ Минусинскѣ, — и все это *хорошіе* люди въ полномъ значеніи этого слова... Какъ далеко это отъ тѣхъ „облитыхъ горечью и злостью“ изображеній русскаго человекъ на всѣхъ ступеняхъ нашей общественной іерархіи которыми, словно кичась ими и любуясь на ихъ мерзость и каррикатурность, такъ изобилуетъ современная наша печать! Невольно въ умѣ возникаетъ вопросъ: неужели такимъ кореннымъ образомъ могло въ какія-нибудь тридцать лѣтъ измѣниться все лицо земли нашей что и слѣда не осталось въ ея обитателяхъ тѣхъ качествъ „идеальной симпатичности и чудной доброты“ о которыхъ съ такимъ восторженнымъ умиленіемъ душевнымъ свидѣтельствомъ человекъ имѣвшій, какъ выражается онъ, „счастіе не разъ и не два“ въ теченіе своей тюремной и изгнаннической жизни

убѣдиться на дѣлѣ какъ вообще присущи эти высокія качества нравственной природѣ русскаго человѣка? Но мы впади бы въ большое заблужденіе еслибы приняли такое предположеніе за дѣйствительность. „Хорошіе люди“, слава Богу, не перевелись на Руси и понынѣ. Но свѣтлая сторона чужой души раскрываются лишь предъ тѣмъ кто самъ вѣрою въ *человѣка* вызываетъ сочувственный откликъ въ каждомъ не утерявшемъ образъ Божій человѣческомъ существѣ... А конечно не этотъ божественный образъ отыскиваютъ въ наши дни въ душѣ своихъ соотечественниковъ—да и едва ли признаютъ самую необходимость такового—извѣстные „этнографы“ и „народники“ *Вѣстника Европы* и *Отечественныхъ Записокъ* съ авторомъ *Писемъ къ тетенькѣ* во главѣ своей...

Отецъ Александра Петровича Бѣляева, прослужившій тридцать пять лѣтъ въ военной службѣ, былъ человѣкъ весьма образованный, превосходно зналъ нѣмецкій языкъ и его литературу, а равно нѣмецкую философію того времени. Онъ былъ масонъ и пріятель съ извѣстными дѣятелями тогдашнихъ ложъ, Лабзинымъ, Поздѣвымъ и др. Масонскія связи доставили ему, по выходѣ его въ отставку, мѣсто главноуправляющаго обширными имѣніями графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго въ Пензенской и Тамбовской губерніяхъ, которыя онъ въ теченіе пятилѣтняго своего управленія ими привелъ въ отличное состояніе. Умеръ онъ еще не старымъ человѣкомъ, оставивъ тридцатилѣтнюю вдову съ семьєю дѣтми безо всякихъ средствъ. Но доброта людей съ которою автору *Воспоминаній* суждено было встрѣчаться въ теченіе всей его жизни сказалась при первомъ же этомъ испытаніи посланномъ судьбой его семейству (самому ему шель восьмой годъ). Графъ Разумовскій, узнавъ о смерти глубокоуважаемаго имъ управляющаго своего, „тотчасъ же предписалъ конторѣ выдать его вдовѣ 10.000 рублей, что составляло тогда значительную сумму, и кромѣ того давать ей до конца дней помѣщеніе въ одномъ изъ графскихъ домовъ села Ершова, прислугу мужскую и женскую, все продовольствіе, экипажъ и лошадей для поѣздокъ.“ При такомъ полномъ обезлеченіи существованія, „на лонѣ сельской тишины“, прошло „беззаботное и счастливое дѣтство“ нашего автора, которому онъ и посвящаетъ нѣсколько задумевныхъ, весьма симпатичныхъ страницъ, относящихся, между прочимъ, и къ

элохъ Двѣнадцатаго Года... Но вотъ настало ему десять лѣтъ, лора приняться за серьезное ученіе; мать его еще сама не услѣла сообразить какъ обойтись съ этимъ дѣломъ, какъ получается ея отъ графа Разумовскаго, занимавшаго тогда постъ министра Народнаго Просвѣщенія, предложеніе помѣстить мальчика въ Царскосельскій лицей...

Но являются новые „добрые люди“, новые, неожиданные покровители... Старшая сестра автора, воспитывавшаяся въ Екатерининскомъ институтѣ, „была очень дружна съ одною знатною и богатою дѣвицей, княжною Варварою Сергѣевною Гагариной. При разставаніи онѣ дали другъ другу слово: одна въ томъ что когда выйдетъ замужъ, то прійдетъ сама за другую, а другая — не разлучаться съ нею, если это будетъ возможно“... И вотъ въ одно прекрасное іюльское утро подкатилъ подъ крыльцо дома занимаемаго семействомъ Бѣляевыхъ въ Ершовѣ цѣлый поѣздъ экипажей. Изъ перваго изъ нихъ, разказываетъ авторъ, „вышла и бросилась въ объятія сестры моей молодая женщина чудной красоты, а за нею молодой мужчина около тридцати лѣтъ, высокій, стройный, чрезвычайно красивый; это были княгиня * и князь ** Долгоруковы“.

Они, согласно обѣщанію данному другъ другу подружками Екатерининскаго института, пріѣхали за сестрой юнаго Бѣлева; но вмѣстѣ съ нею увозять и его самого, обѣщавъ его матери „замѣнить ему собою родителей“.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, князь, по совѣту адмирала Шишкова, опредѣлилъ мальчика въ Морской корпусъ, откуда по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ онъ отправлялся въ домъ Долгоруковыхъ относившихся къ нему и къ сестрѣ его какъ къ самымъ близкимъ и любимымъ роднымъ, и чрезъ которыхъ онъ сталъ извѣстенъ съ юныхъ лѣтъ высшему тогдашнему обществу столицы... Въ *Воспоминаніяхъ* автора читатель найдетъ весьма много замѣчательныхъ чертъ характеризующихъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ лицъ этого общества, а также духъ, систему ученія и своеобразности того сле-

* Варвара Сергѣевна, рожденная Гагарина.

** Василій Васильевичъ, внукъ князя Долгорукова-Крымскаго, бывшій оберштадмейстеръ въ царствованіе императора Николая; тестъ нынѣшняго московскаго генералъ-губернатора, князя Владиміра Андреевича Долгорукова.

спеціального заведенія гдѣ онъ воспитывался въ продолженіе двухъ лѣтъ (1815—1817).

Благодаря ходатайству вліятельныхъ друзей княгини Долгоруковой, желавшей чтобы молодой Бляевъ не покидалъ Петербурга, онъ былъ по Высочайшему повелѣнію по выпуску изъ корпуса, „не въ примѣръ прочимъ“, назначенъ прямо въ гвардейскій экипажъ, младшимъ офицеромъ на придворную яхту *Церера*, стоявшую лѣтомъ всегда тамъ гдѣ находился самъ государь Александръ Павловичъ, которому такимъ образомъ сталъ извѣстенъ и нашъ мичманъ... Зимой, разказываетъ авторъ, онъ жилъ на квартирѣ съ товарищами своими Недобровыми, у которыхъ была большая бібліотека; „я жадно принялся за чтеніе Вольтера, Руссо, энциклопедистовъ, и съ неопытнымъ, еще мало образованнымъ умомъ скоро допустилъ въ свои мысли порядочную долю тогдашняго скептицизма, а затѣмъ и невѣрія“. Такое душевное состояніе продолжалось года два. Но затѣмъ, говоритъ онъ, „вѣра снова посѣтила мое сердце, хотя въ послѣдствіи другое заблужденіе овладѣло мной. Я на этомъ же худо понятомъ ученіи основалъ свои убѣжденія что христіанинъ долженъ всѣмъ жертвовать для свободы и счастья людей, хотя бы то революціей и кровопролитіемъ, помня слова Божественнаго Учителя: „вѣтъ больше той любви когда человекъ положить душу за ближняго“. Но въ то же время я забывалъ другія слова: „добромъ любвѣждаете зло“ и „всякій поднявшій мечъ мечемъ погибнетъ“, и еще: „воздавайте кесарю кесарево, а Божіе Богу“.

Служба шла между тѣмъ своимъ чередомъ. Гвардейскій экипажъ отправленъ былъ въ 1823 году въ практическое плаваніе къ берегамъ Исландіи на фрегатѣ *Проворный*, на которомъ вторымъ лейтенантомъ былъ, тогда уже „кругосвѣтный морякъ“, знаменитый въ послѣдствіи адмиралъ Лазаревъ. Плаваніе было вполне благополучно, фрегатъ достигъ береговъ Исландіи; съ палубы видна уже была „огнедышащая Гекла“... но пристать къ острову не отличавшійся, по видимому, особеннымъ мужествомъ командиръ *Проворнаго* не рѣшился, наслышавшись у кого-то „о случаѣ съ однимъ кораблемъ который погибъ отъ изверженія подводнаго вулкана при проходѣ его въ портъ Рейкіавикъ“... Фрегатъ такъ и отплылъ обратно въ Кронштадтъ.

Въ слѣдующемъ году молодому моряку болѣе посчастли-

вилось. Онъ сдѣлалъ весьма удачную и пріятную кампанію на томъ же фрегатѣ *Провормозъ* въ Брестъ (во Франціи) и Гибралтаръ, гдѣ „видѣлъ подвижниковъ испанской свободы и свободолюбивыхъ Англичанъ, слушалъ маршъ Ріего и съ восторгомъ поднималъ бокалъ въ его память“. Въ Кронштадтѣ вернулся онъ „еще большимъ энтузіастомъ свободы“, бывшей въ ту пору темой самыхъ горячихъ юношескихъ толковъ въ кружкахъ „образованной“ гвардейской молодежи. Онъ подъ этимъ впечатлѣніемъ задумалъ, вмѣстѣ съ младшимъ своимъ братомъ, три года послѣ него выпущеннымъ изъ Морскаго же Корпуса, поступить на службу въ Американскую Компанію, которой дана была привилегія имѣть командирами своихъ судовъ офицеровъ Императорскаго флота. Но въ просьбѣ ихъ нашимъ молодымъ людямъ, какъ офицерамъ состоявшимъ въ гвардейскомъ экипажѣ, было отказано. „Мечты наши разлетѣлись, говоритъ авторъ, осталась дѣйствительность отъ которой мы и хотѣли бѣжать въ объятія океана, чтобы не видѣть всего того что возмущало и раздражало; но тутъ какая-то неодолимая сила влекла насъ именно туда, въ ту лучину которая должна была поглотить насъ.“

Мы не будемъ останавливаться на излагаемыхъ въ разбираемой нами книгѣ разсужденіяхъ объ общихъ причинахъ „движенія 14 декабря“, такъ какъ объ этомъ достаточно извѣстно русскимъ читателямъ, какъ изъ ранѣе появившихся въ печати записокъ товарищей г. Бѣляева по несчастію, такъ и изъ всякихъ статей посвященныхъ этому событію въ различныхъ нашихъ повременныхъ изданіяхъ, — и приведемъ лишь заключительный выводъ автора по этому случаю:

„Можно сказать что самъ великодушный императоръ Александръ Павловичъ какъ бы косвенно положилъ ему основаніе. Всѣмъ извѣстно съ какимъ либеральнымъ взглядомъ вступилъ онъ на престолъ; какъ онъ началъ освобожденіе крестьянъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ, хотя это освобожденіе и оказалось фиктивнымъ; какъ заявилъ онъ въ манифестѣ, послѣ знаменитой войны, свои желанія и для Русскаго народа совершить со временемъ то что совершилъ онъ тогда для Польши, даровавъ ей представительное правленіе. Хотя при концѣ своего царствованія онъ измѣнилъ свое прежнее направленіе и всѣ прежнія либеральныя его рѣшенія не исполнились на дѣлѣ, но все же умы въ современномъ образованномъ обществѣ уже получили толчокъ и скоро усвоили себѣ идеи которыя самъ онъ возродилъ въ началѣ своего царствованія и которыя потомъ ринулись съ Запада неудержимо въ наши предѣлы.“

Въ кругу молодежи въ которомъ вращались братья Бѣлаевы „разговоры о переворотахъ и о томъ какое устройство болѣе полезно Россіи: монархическое или республиканское, происходили очень часто и очень оживленные, но въ нихъ не было ни малѣйшей мысли о чемъ-либо близкомъ и дѣйствительномъ, а однѣ мечты и желанія свободы, величія и славы отечеству“. Ни къ какому тайному обществу братья не только не принадлежали, но даже о существованіи таковыхъ на Западѣ и въ Россіи узнали не задолго до 14 декабря отъ двухъ товарищей, изъ которыхъ, между прочимъ, одинъ представлялъ императору Александру проектъ устройства и укрѣпленія мѣстечка Россъ въ Калифорніи, которое, въ мечтаніяхъ его, „населившись, должно было сдѣлаться ядромъ русской свободы“... „Мы до такой степени были дѣтми, замѣчаетъ по этому поводу пишущій, что намъ даже въ голову не приходило критическое возрѣваніе: какимъ образомъ ничтожная колонія Тихаго Океана могла имѣть какое-нибудь вліяніе на судьбы такого громаднаго государства какъ Россія“...

Но вотъ нежданно получается въ Петербургѣ вѣсть о смерти императора Александра... „Тутъ все всполохнулось. Не знали кто будетъ царствовать, что будетъ“. Лихорадочное волненіе овладѣваетъ нашими молодыми людьми, они ждутъ, сами впрочемъ не зная чего именно... Гвардейскій эскадронъ, вмѣстѣ съ прочими войсками гвардіи, присягнулъ цесаревичу Константину... Въ это время одинъ изъ офицеровъ эскадрона Арбузовъ, узналъ случайно отъ одного изъ членовъ тайнаго общества что это „общество давно существуетъ, имѣетъ своихъ членовъ во всѣхъ полкахъ гвардіи и въ арміи“ и что „въ настоящее критическое время оно часто собирается на совѣщанія о томъ какъ начать дѣйствовать“. Арбузовъ заявилъ на это что „гвардейскій эскадронъ будетъ готовъ въ нужную минуту дѣйствовать за свободу“... „И все это полная ложь, энергично протестуетъ нашъ авторъ: если между офицерами и были люди которые желали измѣненія существующаго порядка, то никто не имѣлъ даже понятія о существованіи общества, никто не готовился ни къ чему и даже не воображалъ себѣ чтобы могло быть что-нибудь“.

Но настроеніе всѣхъ этихъ молодыхъ, возбужденныхъ либеральными теоріями, головъ было таково что достаточно было одной искры чтобы произвести взрывъ. Она не преминула вслыхнуть.

Цесаревичъ Константинъ отрекается отъ престола, но самого его нѣтъ и никакого манифеста отъ имени его не объявлено. „Тайное общество старается воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и въ случаѣ отказа отъ присяги войскъ („нелюбимому“ великому князю Николаю) рѣшается провозгласить уменьшеніе срока солдатской службы и чрезъ временное правленіе конституціи арестовать всѣхъ тѣхъ изъ министровъ которые бы держались Николая. Намъ, энтузиастамъ, поясняетъ авторъ, сказали что во временное правленіе будутъ призваны уважаемые всѣми люди: Мордвиновъ, Сперанскій и т. п. Конституцію предложили бы Константину, а при его отказѣ императрицѣ Елисаветѣ“.... Но и помимо всякихъ расчетовъ на конституцію, „самые даже тихіе и несвободномыслящіе почитали новую присягу противною совѣсти“. Пріѣхавшему утромъ 14 декабря, привести къ ней гвардейскій экипажъ, генералу Шилову отвѣчаютъ отказомъ не только офицеры, но и нижніе чины, „какъ одинъ человекъ“. Шилловъ, видя что не можетъ убѣдить офицеровъ, пошелъ въ казармы и позвалъ въ канцелярію ротныхъ командировъ.

„Мы, младшіе, остались съ баталіономъ возбужденные въ высшей степени началомъ дѣйствія. Въ эту минуту намъ, не думая даже о переворотѣ, казалось крайне обиднымъ и унижительнымъ такое безцеремонное обращеніе съ нашимъ долгомъ, съ нашею совѣстью и такое пренебреженіе къ нашею самостоятельности. Вдругъ раздалась выстрѣлы: Бестужевъ* вскричалъ: „ребята, это нашихъ бьютъ, то-есть неизмѣняющихъ присягъ.“ Ротные командиры были въ канцеляріи, какъ бы подъ арестомъ. Экипажъ заволновался, началъ звать ротныхъ командировъ, и мы съ братомъ Михайломъ Бодиско, Миллеромъ и еще не помню съ кѣмъ, бросились въ казармы и освободили ротныхъ командировъ. Только что они сошли къ баталіону, какъ весь баталіонъ ринулся въ ворота. Баталіонный командиръ, капитанъ I ранга Качаловъ развелъ руки чтобъ остановить насъ, но мы его обошли и стройно пошли къ площади, гдѣ сказано было собираться. Въ это утро, еще прежде Шилова, пріѣзжали въ казармы: Якубовичъ съ повязкой на головѣ, Рыльевъ, Каховской, съ тѣмъ чтобъ узнать настроеніе общества офицеровъ. Еслибъ они замѣтили колебаніе офицеровъ, то можетъ-быть этого 14 декабря не было бы. Но когда должно что-нибудь совершиться что написано въ путяхъ Божественнаго Провидѣнія, которое попускаетъ самое зло для какихъ-нибудь непостижимыхъ, но всегда благихъ

* Николай Александровичъ, братъ Александра (Мараинскаго).

цѣлей, то слѣпота не исчезаетъ и человекъ, однажды рѣшившійся на какое-нибудь дѣйствіе, считая его нравственнымъ долгомъ, не останавливается. Когда Каховской, испытывая рѣшимость офицеровъ, между прочимъ сказалъ:

— Можно и отложить возстаніе до болѣе благоприятнаго времени.

То въ безумномъ энтузіазмѣ я сказалъ ему:

— Нѣтъ, лучше не откладывать, если имѣются люди, могущіе вести временное правленіе; другаго такого случая, можетъ-быть, не будетъ.

— Въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ онъ, — станемъ дѣйствовать. Такимъ образомъ, рѣшено было дѣйствовать.“

Не разъ въ теченіе своего разказа возвращается съ горькимъ раскаяніемъ авторъ къ этимъ вырвавшимся у него въ ту роковую минуту словамъ, повлекшимъ за собою такіа кровавыя послѣдствія.

„Когда мы пришли (на Сенатскую площадь), передаетъ онъ, уже принесены были жертвы нашему идолу Молоху, называемому свободой. Милорадовичъ, этотъ Баярдъ, краса русской арміи, и полковникъ Стюрлеръ уже были отнесены раненыя тѣмъ самымъ Каховскимъ который еще утромъ у насъ колебался и рѣшимость котораго, какъ и ихъ смерть и его казнь, лежала тяжелымъ камнемъ на моемъ сердцѣ“...

Постоянный помыселъ объ этой винѣ своей усугублялъ въ душѣ молодаго „энтузіаста“ ужасъ послѣдовавшаго за тѣмъ одиночнаго „гробоваго“ заключенія его въ Петролавловской крѣпости, которое онъ въ силахъ былъ перенести, признается онъ лишь потому что былъ „вѣрующимъ, хотя вначалѣ только по названію, не покушался (какъ нѣкоторые другіе изъ участниковъ 14 декабря, заключенныхъ въ той же крѣпости) лишить себя жизни. И покорился участи своей безропотно“... Но тѣмъ сильнѣе мучили его угрызенія совѣсти. „И днемъ и ночью представлялись мнѣ образы Милорадовича, Стюрлера, Шеншина и Фридрикса, раненыхъ въ Московскомъ полку безумнымъ княземъ Щеллинымъ, бѣднаго малютки флейтчика котораго сразило въ голову картечью, множество убитыхъ и раненыхъ изъ толлы... И я тутъ влохнѣ убѣдился что только съ каменнымъ сердцемъ и духомъ зла ослѣпленнымъ умомъ можно дѣлать революціи и смотрѣть хладнокровно на всѣ бѣдствія и жертвы съ ними сопряженныя“.

„Легко сказать, говорится далѣе по этому поводу, — и, пожалуй, съ глубокимъ убѣжденіемъ, съ пламеннымъ чувствомъ:

„Погибну я за край родной,
Я это чувствую, я знаю,
И радостно, отецъ святой
Я жребій свой благословяю“ *,—

но та бѣда что революціонеры вмѣстѣ съ собою приносятъ преимущественно въ жертву людей, вѣроятно, большую частью, довольныхъ своею судьбой и вовсе не желающихъ и даже не понимающихъ тѣхъ благодѣяній которыя имъ хотятъ навязать противъ ихъ убѣжденій, вѣрованій и желаній.“

Предѣлы нашей статьи заставляютъ насъ противъ воли, но неизбежно опустить множество интересныхъ подробностей относящихся до суда и пребыванія въ крѣпости почтеннаго лобѣстлователя. Онъ, какъ и большинство товарищей его по дѣлу, убѣжденъ былъ что всѣхъ ихъ ожидаетъ казнь, и готовился къ ней.

„Въ день, кажется, 12 іюля (1826), сколько помню, утромъ я былъ пораженъ какимъ-то необыкновеннымъ движеніемъ въ крѣпости. Тотчасъ я забрался на окно и увидѣлъ кавалерію и пѣхоту, выстраивающихся по всѣмъ фасамамъ. Я не зналъ что это значило и потому предположилъ что насталъ конецъ всему и насъ выведутъ и разстрѣляютъ. Не скрою что сердце мое крѣпко забилось, хотя въ мысляхъ я и былъ приготовленъ къ этому. Тутъ я лалъ на колѣни и горячо просилъ Бога простить мнѣ всѣ грѣхи и укрѣпить меня въ минуту казни. Затѣмъ я всталъ и началъ ходить по каземату, придумывая что сказать предъ смертью.

Вдругъ, слышу скрилъ и грохотъ многихъ дверныхъ засововъ, вскорѣ и у моей двери послышался тотъ же шумъ, и дверь моя растворилась. Входитъ плацъ-адъютантъ, приносить мой офицерскій сюртукъ и фуражку; я одѣваюсь, иду за нимъ и тихонько спрашиваю:

— Насъ будутъ разстрѣливать?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ,—вамъ будутъ читать сентенцію.“

По сентенціи относительно братьевъ Бѣляевыхъ они приговорены были къ каторжнымъ работамъ въ рудникахъ на 12 лѣтъ.

Ихъ, какъ моряковъ, отдѣлили тотчасъ же отъ прочихъ осужденныхъ и повезли на арестантскомъ суднѣ въ Кронштадтъ „чтобъ исполненіе приговора совершилось на флагманскомъ кораблѣ“. Корабль этотъ былъ тотъ самый фрегатъ *Сисой Великій*, на которомъ молодые люди служили въ предшествовавшемъ году. „Адмиралъ Кроуъ, который былъ

* Известные стихи Рыбаева.

очень расположенъ къ намъ, увидѣвъ насъ, судорожно сложилъ свои руки, поднялъ глаза къ небу, а потомъ прочелъ приговоръ. Затѣмъ надъ каждымъ изъ насъ сломаны были наши сабли, сняты наши сюртуки и потоплены въ моръ, какъ мундиры сухопутно-военныхъ товарищей нашихъ были преданы огню... На насъ надѣли матросскіе буршлатуки (?) и, посадивъ въ ту же арестантскую лодку, повезли обратно въ Петропавловскую крѣпость“.

Тамъ просидѣли они еще полгода и только 1 февраля 1827 года отправлены были въ Сибирь, вмѣстѣ съ Нарышкинымъ (Мих. Мих.) и Одоевскимъ (поэтомъ), о которомъ, скажемъ мимоходомъ, нашъ авторъ, говоритъ что „еслибы собраны были и явлены свѣту его многія тысячи стиховъ, то литература наша конечно отвела бы ему мѣсто рядомъ съ Пушкинымъ, Лермонтовымъ и другими первоклассными поэтами.“ Въ Читѣ, за Байкаломъ куда привезли братьевъ, они уже нашли многихъ изъ товарищей по ссылкѣ пріѣхавшихъ раньше ихъ... Черезъ нѣкоторое время набралось туда слыльныхъ „слишкомъ сто человекъ“....

Изъ совершенно однородныхъ въ этомъ случаѣ свидѣтельствъ товарищей А. П. Бѣляева по ссылкѣ, записки и воспоминанія которыхъ появились въ печати ранѣе его книги (Болярина, Пуцина, Якушкина, Свистунова, Оболенскаго, Лорера и многихъ другихъ) читающіе люди въ Россіи имѣли уже возможность составить себѣ совершенно ясное понятіе объ условіяхъ жизни въ которыхъ находились декабристы въ пору пребыванія ихъ въ Читѣ, а затѣмъ на Петровскомъ заводѣ. Жизнь эту относительно можно назвать почти счастливою... Авторъ нашъ подтверждаетъ это самымъ положительнымъ образомъ:

„Ссылка наша цѣлымъ обществомъ, говоритъ онъ, въ средѣ котораго были образованнѣйшіе люди своего времени, при большихъ средствахъ которыми располагали очень многіе и которая давала возможность предаваться умственной жизни была такъ-сказать чудесною умственной школой какъ въ нравственномъ, такъ и въ религіозномъ и философскомъ отношеніяхъ. *Еслибы мнѣ теперь предложили вмѣсто этой ссылки какое-нибудь блестящее въ то время положеніе, то я предпочелъ бы эту ссылку.*“

Понятно что въ средѣ составленной изъ лицъ стоявшихъ въ большей или меньшей степенѣ на далеко неординарной

степени культуры должны были быть, по выраженію автора, „въ ходу самыя занимательныя и самыя глубокомысленныя идеи“.

„Тутъ было много невѣрующихъ, отвергавшихъ всякую религію; были и скромные скептики и систематически ярые матеріалисты, изучившіе этотъ предметъ по всѣмъ извѣстнымъ тогда и сильно распространеннымъ уже философскимъ сочиненіямъ. Съ другой стороны, стояли люди съ чистыми христіанскими убѣжденіями, также хорошо знакомые со всѣми источниками матеріалистическаго характера, обладавшіе и философскимъ знаніемъ, и знаніемъ исторіи какъ церковной, такъ и свѣтской... Въ этой борьбѣ представители христіанства были: Пав. Серг. Пушкинъ, Н. Крюковъ, Нарышкинъ, Оболенскій, Завалишинъ, много было и другихъ вѣрующихъ, но болѣе всѣхъ выдавался Пушкинъ, истинный и достойный лоборникъ христіанства какъ по своей прекрасной жизни, по силѣ своей вѣры, такъ и по силѣ своей логики. Главная борьба сосредоточивалась на происхожденіи человѣческаго слова. Матеріалисты проводили ту идею что скоточеловѣкъ. происшедшій тогда еще изъ глины, а теперь отъ обезьяны, силами матеріи, какъ и всѣ другія животныя, самъ изобрѣлъ языкъ, начавъ со звуковъ междометія, составляя его изъ звуковъ односложныхъ, двусложныхъ и т. д. Пушкинъ поддерживалъ, безъ сомнѣнія, сотвореніе человѣка непосредственно божественнымъ дѣйствиємъ, необходимымъ слѣдствіемъ чего было то что человѣкъ получалъ даръ слова вмѣстѣ съ разумною душою въ тотъ моментъ когда она была вдохнута въ него божественнымъ духомъ. Много доводовъ приводилось за и противъ этого сотворенія по откровенію, и споры длились безконечно. При этомъ общемъ настроеніи Пушкинъ написалъ обширную статью о происхожденіи человѣческаго слова, которая была прочитана всѣми и признана всѣми, даже индифферентными, побѣдоносною по силѣ логическихъ доводовъ и вѣрности историческихъ данныхъ.“

Къ этому замѣчательному по высокимъ даннымъ духовной природы своей лицу авторъ возвращается въ другомъ мѣстѣ своихъ воспоминаній, встрѣтившись съ нимъ въ Верхоленскѣ, гдѣ Пушкинъ жилъ уже на поселеніи:

„Пушкинъ своею вѣрой и истинно христіанскою жизнью вполне уподоблялся первымъ христіанамъ... Такъ, онъ недѣлю работалъ (онъ былъ отличный закройщикъ, портной и превосходный столяръ), въ субботу же въ вечерню складывалъ всѣ свои оружія, зажигалъ лампаду предъ образомъ и занимался чтеніемъ Библіи и другихъ религіозныхъ книгъ, или благочестивою бесѣдой, или молитвой. Онъ какъ между нами въ заключеніи былъ твердымъ и побѣдоноснымъ лоборникомъ вѣры во Христа и Его ревностнымъ ученикомъ, такъ

жилъ и здѣсь (въ Верхотевскѣ), дѣлая добро, ухаживая за больными, помогая чѣмъ могъ нуждающимся, бесѣдуя о царствіи Божиёмъ... Образцомъ его христіанскаго смиренія служить слѣдующій разказъ. Онъ не пропускалъ ни одной божественной службы; какъ прежде еще въ казематѣ привыкъ читать при служеніи, то и здѣсь онъ читалъ на клиросѣ. Такъ какъ онъ хорошо читалъ и внятно, то священникъ всегда поручалъ ему чтеніе, особенно Великимъ Постомъ, когда много чтенія при богослуженіи. Эта привилегія не повралась одному дьячку, потому ли что имъ овладѣла зависть за это предлчтеніе, было ли ему унизительно, только онъ сталъ лить вражду противъ Пушкина и старался ему вредить какъ только могъ. Пушкинъ съ радостью бы перенесъ всѣ эти навѣты и клеветы, но его сокрушало дурное и опасное состояніе ближняго; и вотъ, всломнивъ божественныя слова Спасителя: „добромъ любѣжайте всякое зло“, онъ во время говѣнья, предъ исповѣдью, нашелъ его гдѣ-то и упалъ къ нему въ ноги, прося простить его и не лить на него злобы. Врагъ его, зная что Бобріщевъ-Пушкинъ человекъ благороднаго рода, „вѣжнаго“, какъ народъ выражается, воспитанія, умный, ученый, кланяется ему въ ноги, былъ такъ пораженъ этимъ смиреніемъ и любѣженъ что съ этой минуты до самаго отъѣзда Пушкина былъ искренно ему преданъ.“

Эти пренія, эти высокіе примѣры „имѣли на насъ съ братомъ, еще очень молодыхъ людей, говоритъ почтенный авторъ, очень сильное вліяніе. Вѣра наша возрасла вмѣстѣ съ разумными ея изслѣдованіями...“ И спасительно провела ихъ, скажемъ мы въ свою очередь, сквозь всѣ дальнѣйшія тяжелыя минуты жизни ихъ...

Въ строгомъ смыслѣ слова говоря, — если не считать разлуки съ семействомъ, которое впрочемъ замѣняла горячая дружба, соединявшая почти всѣхъ сосланныхъ, — *кааторужная* жизнь ихъ, какъ и ихъ товарищей, не знала настоящихъ „тяжелыхъ минутъ“... „Заключеніе наше было *весьма челолюбивое и великодушное*, прямо показываетъ нашъ декабристъ; мы лишены были свободы, но кромѣ свободы мы не были ничѣмъ стѣснены... Въ трудахъ физическихъ и умственныхъ, въ пріятныхъ живыхъ бесѣдахъ, въ лѣвни, музыкѣ, протекла наше затворническая жизнь. Несмотря на заключеніе, эта жизнь имѣла такіа сладостныя минуты что и теперь при одномъ воспоминаніи сердце наполняется пріятными ощущеніями“... При такихъ данныхъ откровенное заявленіе автора что, — когда послѣ трехъ или четырехъ лѣтъ содержанія декабристовъ въ Читѣ объявлено имъ было „милостивое повелѣніе государя снять со всѣхъ ихъ оковы“, — „или

т. снх. 29*

стало *жалъ этихъ оковъ*“, представляется для насъ гораздо болѣе еще понятнымъ и мотивированнымъ чѣмъ извѣстный „вдохъ сожалѣнія“ съ которымъ у Байрона вышелъ Шильонскій узникъ изъ своей темницы.

„Но вотъ наступилъ и часъ горькой, по истинѣ, разлуки. Рожденіе Великаго Князя Михаила Николаевича было ознаменовано сокращеніемъ срока работы, и нашему четвертому разряду приходилось оставлять эту тюрьму, повидимому мрачную, а на самомъ дѣлѣ не мрачную, а ярко освѣщенное вмѣстѣ многого прекраснаго, возвышеннаго и благороднаго. Тутъ мы разставались навсегда съ добрыми, преданными, истинными друзьями; тутъ мы разставались съ тѣми идеальными существами (женами нѣкоторыхъ изъ ихъ товарищей) которыя такъ много улаждали наше заключеніе и оставляли многихъ влачить еще нѣсколько лѣтъ эту жизнь заключенія“.

Мы, къ крайнему сожалѣнію, имѣли возможность лишь въ самомъ краткомъ перечнѣ передать нашему читателю о послѣдующихъ страницахъ разсматриваемой нами книги... А. В. Бѣляевъ поселенецъ былъ сначала въ Илгинскомъ заводѣ, на рѣкѣ Ленѣ, затѣмъ въ Балаганской волости, на Ангарѣ, и, наконецъ, по просьбѣ его переведенъ съ дозволенія государя въ городъ Минусинскъ для совмѣстнаго жительства съ находившимся уже тамъ братомъ его. Обо всѣхъ этихъ мѣстахъ вспоминаетъ онъ съ благодарнымъ, умиленнымъ чувствомъ; повсюду въ этихъ дальнихъ углахъ Сибири, какъ было уже нами упомянуто, изгнанникъ „имѣлъ счастье“ встрѣчать прекрасныхъ, честныхъ, деликатныхъ людей, изъ коихъ нѣкоторые отличались дѣйствительно „идеальными добродѣтелями“. Пусть прочтетъ читатель объ отцѣ Петрѣ, на примѣръ, священникѣ одной церкви къ которой приписанъ былъ Илгинскій заводъ, о старикѣ поселенцѣ со старушкой женой „по добрымъ дѣламъ своимъ и благочестію напоминавшимъ нѣсколько Прискиллу и Акиллу апостола Павла“, о сосланной въ работы на тотъ же заводъ полковницѣ Полянской, „поставившей задачей своей жизни возможное обращеніе на путь истинно заблудшихся, сектантовъ, которыхъ тамъ было много“... Какъ мало походятъ рисуемые авторомъ живые портреты минусинскихъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ,—которыхъ считаетъ онъ долгомъ помянуть добрымъ словомъ за то участіе и ту пріязнь какую всѣ они оказывали ему и брату во все время ихъ пребыванія тамъ,—на грубо

карикатурныхъ „ломпадуровъ“ и чиновныхъ цивиковъ господина Щедрина! Какъ далеки фотографическіе снимки, снятые нашимъ декабристомъ съ лицъ простаго званія съ которыми приходилось ему по разнымъ занятіямъ его въ Сибири находиться въ ближайшихъ сношеніяхъ отъ тѣхъ полуслухотовъ и діотовъ, какими малюютъ намъ русскаго рабочаго, русскаго лахара Рѣшетниковы, Услевскіе e tutti quanti!... Авторъ не подпускаетъ преднамѣренно сахару, какъ говорится, въ изображенія всѣхъ этихъ проходящихъ въ его *Воспоминаніяхъ*, лицъ всякаго положенія и званія. Забавный невѣжда городничій пресеріозно „вѣрившій въ сказочнаго змѣя-Горыныча, въ Чудо-юдо“, причемъ оказывалось что, „когда добивались у него толкованія, выходило что онъ такъ называлъ крокодила“; комическій „триумвиратъ“ пролившихся минусинскихъ портныхъ, работникъ изъ бродягъ убѣгавшій въ лѣсъ „какъ только закукуетъ кукушка“, все это въ полной реальности стоитъ предъ вами. Но какъ въ Вандиковыхъ портретахъ вы чувствуете въ каждой фигурѣ доброе отношеніе къ ней самого художника такъ и здѣсь сказывается прежде всего то глубокое христіанское доброе расположеніе съ которымъ повѣствователь относится къ каждому вступающему съ нимъ въ сношеніе человѣческому существу и неотразимое, какъ бы чисто инстинктивно вырывающееся у него изъ души стремленіе отыскать въ этомъ существѣ его свѣтлую духовную сторону... Еслибы кому-либо понадобилось *примиреніе* съ Россіей, съ нашимъ столь оклеветаннымъ, олеванымъ за послѣдніе годы русскимъ *человѣчествомъ*, мы бы посоветовали ему познакомиться съ этими воспоминаніями челоѣка не подкуленного, конечно, жизненною долей смотрѣть на близко видѣнную имъ родную дѣйствительность въ розовые очки...

Въ Минусинскѣ братья Бѣляевы занимались хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, снимали въ аренду казенныя земли, доставляли свои земледѣльческія произведенія на начавшіе тогда заводиться золотonosные прииски. Съ восторгомъ говоритъ авторъ объ этихъ годахъ своей жизни, о „поразительной величественности и красотѣ“ природы береговъ Енисея, близъ котораго находилась ихъ „заимка“... Дѣла ихъ привимали все большее и большее расширеніе, когда получено было ими извѣстіе что они по Высочайшему

повелѣнію опредѣлены солдатами на Кавказъ. Это было въ 1840 году.

Братья выѣхали къ мѣсту службы, какъ видно изъ *Воспоминаній*, безо всякаго провожатаго, видѣлись по пути въ разныхъ сибирскихъ городахъ съ поселенными тамъ товарищами своими посылкѣ, а въ Симбирскѣ нашли пріѣхавшихъ туда на свиданіе съ ними двухъ изъ сестеръ своихъ, послѣ шестнадцатилѣтней съ ними разлуки.

Изъ Саратова наши декабристы отправились по Волгѣ на дощаникѣ, благополучно доставившемъ ихъ до самой Астрахани. Описаніе этого водянаго путешествія у автора исполнено повтической и задушевной прелести. Родная природа имѣетъ въ немъ страстнаго и тонкаго цѣнителя.

То же слѣдуетъ сказать о главахъ посвященныхъ переѣзду нашихъ путешественниковъ изъ Кизляра въ Тифлисъ.

Время въ которое попали Бѣляевы на Кавказъ было эпохой самой энергической и удачной военной дѣятельности Шамиля, требовавшей съ нашей стороны упорной и тяжелой борьбы. Пятилѣтняя служба братьевъ (они опредѣлены были рядовыми „въ знаменитый Кабардинскій полкъ“) и товарищей изъ декабристовъ того же *разряда*, состоявшихъ такими же рядовыми въ этомъ или другихъ полкахъ Кавказскаго корпуса, прошла въ ежегодныхъ лѣтнихъ экспедиціяхъ, „послѣ которыхъ, объясняетъ намъ авторъ, благороднѣшіе и великодушнѣшіе начальники наши обыкновенно отпускали насъ на отдыхъ, зная что мы опредѣлены были на Кавказъ милостію Государя доставляющаго намъ этимъ средство дослужиться и достигнуть свободы и возвращенія на родину“... Рисуемая авторомъ картины этихъ военныхъ дѣлъ, очерки кавказской жизни, портреты извѣстныхъ лицъ записавшихъ свое имя въ доблестныя лѣтописи Кавказской войны, Лабинцева, Фрейтага, барона Вревскаго, Меллеръ-Закомельскаго, Суслова и многихъ другихъ исполнены величайшей занимательности...

Въ 1845 году Бѣляевы произведены были въ офицеры, отпущены во временной сначала отпускъ на родину, а затѣмъ и въ полную отставку.

Синтезъ, позволимъ мы себѣ сказать въ заключеніе, всего „пережитаго и пережитоваго“ авторомъ этихъ превосходныхъ *Воспоминаній* выраженъ имъ самимъ въ слѣдующемъ мѣстѣ его книги (писанной еще въ 1878 году):

„Когда я видѣлъ Наслѣдника, Великаго Князя Александра Николаевича, нынѣ царствующаго Государя Императора, еще мальчикомъ катавшимся за Нарвскою заставой въ 1824 году на камчатскихъ собакахъ, могли ли мы думать тогда что этотъ царственный отрокъ, на нашихъ глазахъ рожденный и возраставшій, еще при нашей жизни совершитъ великое дѣло обновленія отечества, исполнитъ нашу заветную мечту, которую мы хотѣли осуществить революціей, мятежами и кровопролитіемъ... Какая революція могла бы совершить безъ потоковъ крови то что совершилъ Божественною благостію вознесенный и увѣнчанный Царь!... Онъ осѣнилъ себя всецильнымъ знаменіемъ креста, которымъ осѣнить воззвалъ и народъ свой,—и Господь не постыдилъ его вѣры и уловенія. Россія возрождена, путь къ добру, правдѣ и счастью указанъ и проложенъ... О, еслибы мы всѣ, Русскіе, шли этимъ путемъ вѣры, а не слѣдовали бы чуждымъ намъ ученіямъ ложнаго мудрствованія и безбожія, то какое благоденствіе водворилось бы между нами!“

Долисывая эти строки, почтенный старецъ не предвидѣлъ конечно чѣмъ три года спустя будетъ воздано этому „благостію вознесенному Царю“ за все совершенное имъ „безъ потоковъ крови!..“ Да и кто изъ политически-преступныхъ но высокихъ помысловъ и душою „энтузіастовъ“ 1825 года способенъ былъ бы предвидѣть что чрезъ полвѣка русскій „либеральный прогрессъ“ уготоваетъ имъ „скотообразныхъ“ и „звѣрообразныхъ“ преемниковъ?..

L. X.

Книжныя новости.

Въ Москвѣ предпринято новое изданіе *Сочиненій А. С. Пушкина*. О. И. Анскимъ. Это восьмое по счету изданіе редактируется П. А. Ефремовымъ. Одновременно съ этимъ изданіемъ г. Анскій печатаетъ изданіе сочиненій Пушкина для школьнаго употребленія. Последнее будетъ состоять изъ трехъ томовъ.

Общество Любителей Древней Письменности и Искусства приступило къ изданію изслѣдованія А. С. Архангельскаго *Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ*. Ихъ литературные труды и идеи въ древней Руси. Первая часть вышедшая въ свѣтъ содержитъ изслѣдованіе о Нилѣ Сорскомъ.

Типографія А. С. Суворина въ Петербургѣ издала роскошно-

отпечатанное изданіе, подъ заглавіемъ: *Образцы шрифтовъ этой типографіи.*

Съ разрѣшенія министра Государственныхъ Имуществъ Департаментомъ Земледѣлія и Сельской Промышленности напечатана небольшая брошюра составленная І. А. Порчинскимъ, подъ заглавіемъ: *Краткія содѣнія о нѣсколькихъ наиболѣе вредящихъ русскому полеводству.* Въ брошюрѣ описаны тринадцать нѣсколькихъ наносившихъ въ послѣдніе годы наи большій ущербъ полевой культурѣ и указаны мѣры къ истребленію ихъ. Для поясненія описанія приложены рисунки, частію въ видѣ раскрашенныхъ и нераскрашенныхъ изображеній.

Въ С.-Петербургѣ изданы слѣдующія книги:

Люди Екатерининскаго времени. Справочная книжка къ царствованію императрицы Екатерины II. 635 стр. 8 д. л.

Воспоминанія декабриста о пережитомъ и пережитомъ 1805—1850. А. Бѣляева. 507 стр. 12 д. л.

Основныя начала мусульманскаго права согласно ученію имама Абу-Ханифы и Шафи. Л. В. С. Фанъ-день-Берга. Перевелъ со втораго просмотрѣннаго изданія проф. В. Гиргасъ. 214 стр. 8 д. л.

Коллассъ: Исторія Турціи. Переводъ со втораго французскаго изданія. 160 стр. 16 д. л.

Зачатки реформъ въ военно-уголовномъ законодательствѣ въ Россіи. Статья П. О. Бобровскаго. 34 стр. 8 д. л.

Практическое руководство для полковъ судовъ военнаго вѣдомства и бригадныхъ судовъ пограничной стражи. Часть I. Преступленія и проступки. Составилъ полковникъ Щербаковъ. 291 стр. 8 д. л.

Исторія лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка. Составилъ капитанъ Н. Звонко-Боровскій 1й. 334 стр. 8 д. л.

Финансовое право. Лекціи доцента С.-Петербургскаго университета В. А. Лебедева. Томъ первый. Выпускъ второй. Стр. 361—722. 8 д. л.

Пособіе къ чтенію Цезаря. Краткій обзоръ военнаго дѣла по нѣмецкимъ источникамъ (Крамера, Маркварда и другихъ). Съ шестнадцатью рисунками и двумя планами. Составилъ. Г. Г. 62 стр. 16 д. л.

Памятники болгарскаго народнаго творчества. Выпускъ I

Сборникъ западно-болгарскихъ пьесъ со словаремъ. Собралъ Владиміръ Качановскій. 598 стр. 8 д. л.

Полное собраніе сочаненій Ф. М. Достоевскаго. Томъ пятый. „Униженные и оскорбленные“. Романъ. „Вѣчный мужъ“. Разказъ. 468 стр. 8 д. л.

Викторъ Крыловъ (Александровъ). *Драматическія сочиненія.* Томъ третій. 448 стр. 8 д. л.

Для сцены. Сборникъ пьесъ. Томъ третій. Изданіе Виктора Александрова. Второе изданіе. 224 стр. 12 д. л. Томъ пятый. 271 стр.

Путешествіе вокругъ луны. Жюль Верна. Съ 44 рисунками. Изданіе А. С. Суворова. 248 стр. 8 д. л.

Мавръ Іокай: *Черные брилліанты.* Романъ. 523 стр. 8 д. л.

Э. Шаветтъ: *Блѣзавшій нотаріусъ.* Романъ. 478 стр. 8 д. л.

Катуль Мендесъ: *Безсмертный.* Залиски Кадіостро. Романъ. 238 стр. 8 д. л.

Жюль Мари: *Любовь и ревность.* Романъ. 310 стр. 8 д. л.

Сказка о жгительной колдуньѣ, чернолѣхѣ вѣтрѣ и доброй феѣ. Изданіе седьмое. 64 стр. 32 д. л.

Пять недель на аэростатѣ. Путешествія и открытія въ Африкѣ совершенныя тремя Англичанами. Издамы по замѣткамъ Дг. Фергюссона. Сочиненіе Жюль Верна. Изданіе второе. Томъ I. 231 стр. 8 д. л. Томъ II. 264 стр. 8 д. л.

Сочиненія Фенимора Купера. Томъ VI. *Красный морской разбойникъ.* Переводъ А. Аванасьева. Изданіе второе М. О. Вольфа. 12 д. л. 368 стр.

Эмиль Зола: *Парижскія письма.* Изъ литературы и жизни. Второе изданіе. 351 стр. 8 д. л.

Подъ сѣтлмй день. Разказъ Н. Ив. Соловьева. 28 стр. 12 д. л.

И. Н. Измайлловъ: *Въ минуты досуга.* Разказы, сценки и стихотворенія. 174 стр. 12 д. л.

О подчиненіи женщины. Соч. Дж. Ст. Милля. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей и съ предисловіемъ Г. Е. Благовсѣтлова. Изданіе третье. 304 стр. 8 д. л.

Библиотека избранныхъ сочиненій для дѣтей младшаго и средняго возрастовъ. Пособіе для лицъ руководящихъ дѣтскимъ чтеніемъ. Составилъ М. В. Соболевъ. 105 стр. 8 д. л.

1881. *Дневникъ.* Апрель, май и іюнь. Князя В. П. Мещерскаго. 78 стр. 16 д. л.

Памятная книжка С.-Петербургской губерніи на 1882 годъ. Издана по распоряженію начальника губерніи. 118 стр. 3 д. л.

Временныя постановленія по почтовой части. 66 стр. 16 д. л.

Ежегодникъ русскихъ кредитныхъ учреждений. Выпускъ II 1878 г. Составленъ подъ редакціей И. С. Иващенко.

Памятная книжка по главному управленію Государственнаго Коннозаводства на 1882 годъ. 136 стр. 12 д. л.

Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по отдѣленію этнографіи. Томъ девятый. Изданъ подъ редакціей Л. Н. Майкова. 8 д. л.

Горнозаводская производительность Россіи въ 1880 году. Составилъ Н. Юсса, секретарь Горнаго Ученаго Комитета 144 стр. 8 д. л.

Указатель предметамъ выставленнымъ Министерствомъ Путей Сообщенія на Всероссийской Промышленно-Художественной Выставкѣ 1882 года въ Москву. 8 д. л.

Что такое поземельная община? Выводы изъ „Сборника матеріаловъ для изученія сельской поземельной общины“ С. Калустяна. 20 стр. 8 д. л.

Теоретическое и практическое руководство коммерческой корреспонденціи, удостоенное преміи на конкурсѣ Варшавскаго Коммерческаго училища. Составилъ Никодимъ Краковскій. 476 стр. 8 д. л.

Указатель матеріаловъ къ исторіи промышленности и развитія прикладныхъ знаній въ Россіи. Составилъ И. Θ. Токоваковъ. 48 стр. 12 д. л.

Арифметическіе примѣры и задачи. Часть I. Цѣлыя числа. Составилъ Θ. В. Геде. 2е исправленное и дополненное изданіе. 188 стр. 8 д. л.

Дополнительныя статьи Алгебры. Курсъ VII (дополнительнаго) класса реальныхъ училищъ 2е изд. Составилъ Я. Блумбергъ. 88 стр. 8 д. л.

Учебникъ хорового пѣнія и теорія музыки, приспособленный къ школьному обученію. Для учителей и учащихся, 8 д. л.

Высшая алгебра. Часть первая. рѣшеніе численныхъ уравненій Ю. Сохоцкаго. 314 стр. 8 д. л.

Сборникъ конкурсныхъ программъ и докладовъ о трудахъ на пользу народнаго образованія, удостоенныхъ преміями комитета грамотности. Издано на средства члена комитета грамотности Л. М. Розенталя. 148 стр. въ 8 д. л.

Извѣстія Санктпетербургскаго Практическаго Технологическаго Института 1880 и 1881 годы. 410 стр. 8 д. л.

Поступательное движеніе циклоновъ и антициклоновъ въ

Европа и преимущественно въ Россіи. Исслѣдованіе П. Броунова (съ 15 картами). 88 стр. 8 д. л.

О температурѣ воздуха въ Россійской Имперіи, по приглашенію почетнаго члена Академіи Наукъ графа П. А. Вааува, критически обработалъ г. Вильде. Выпускъ второй. Съ атласомъ. 4 д. л.

Специальная почвенная карта черноземной полосы Европейской Россіи. 40 стр. 8 д. л.

Отчетъ по главной физической обсерваторіи за 1879 и 1880 годы представленъ Физико-Математическому Отдѣленію Академіи Наукъ 10 ноября 1881 года директоромъ г. Вильдомъ. 155 стр. 8 д. л.

Объ одномъ видоизмѣненіи способа, извѣстнаго подъ названіемъ Эратосвенаго рѣшета. Академика В. Я. Бунаковского. 32 стр. 8 д. л.

Вопросъ обводненія степей. На основаніи изслѣдованій произведенныхъ въ 1881 году, по порученію Новоузенскаго земскаго собранія И. И. Филіпенко. 70 стр. 8 д. л.

Э. Гевохъ: *Дѣтскія болѣзни.* Руководство для врачей и учащихся. Переводъ съ нѣмецкаго съ предисловіемъ проф. Н. И. Быстрова. 660 стр. 8 д. л.

Компендіумъ акушерства. Руководство для клиническихъ практикантовъ и врачей. І. Н. Наакъ, доцента акушерства и гинекологіи въ Лейпцигскомъ университетѣ. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей Др. В. В. Святловскаго. 225 стр. 8 д. л.

Крейдцахъ. Библіотека минеральныхъ водъ. Подъ редакціей Др. Дубелера. 42 стр. 32 д. л.

Практическія занятія по гистологіи растений. Руководство для начинающихъ. Составилъ П. Я. Крутицкій. Съ 83 рисунками въ текстѣ. 118 стр. 8 д. л.

Общедоступный учебникъ домашихъ животныхъ. Составилъ Я. М. Шмудевичемъ. 750 стр. 8 д. л.

Словарь употребительнѣйшихъ фармацевтическихъ названій и синонимовъ ихъ на языкахъ русскомя, латинскомя, нѣмецкомя и французскомя. Для аптекарей и дрогистовъ. Составилъ Карлъ Крузе. 276 стр. 8 д. л.

О вліяніи обширныхъ ожоговъ кожи на животный организмъ. Экспериментальное изслѣдованіе. Диссертация на степень доктора медицины Алексѣя Троянова. 336 стр. 8 д. л.

Критическій обзоръ современныхъ русскихъ военно-медици-

статистическихъ изслѣдованій относительно мирнаго браженія. Диссертація на степень доктора медицины А. Антоновко. 236+144 стр. 8 д. л.

Къ ученію о пость. Диссертація на степень доктора медицины И. Медвѣдева. 66 стр. 8 д. л.

Результаты графическаго изслѣдованія пульса и дыханія душевно больныхъ. Диссертація на степень доктора медицины Льва Рагозина. 102 стр. 8 д. л.

Краткое руководство къ изученію основаній ипнологіи. Переводъ съ нѣмецкаго. 164 стр. 12 д. л.

Указанія къ рациональному устройству зданій для сельскихъ школъ. 24 стр. 8 д. л.

А. В. Прилажаевъ. *Что такое кустарное производство?* 208 стр. 8 д. л.

Разведеніе ивняка для производства плетеныхъ издѣлій и сельско-хозяйственныхъ потребностей. Составлено по руководствамъ Крахе, Нѣтлахса и Пивкерта. 71 стр. 8 д. л.

Руководство къ минералогіи, составленное Э. Гофманомъ Четвертое изданіе. 154 стр. 8 д. л.

Материалы для статистики паровыхъ двигателей въ Россійской Имперіи. 264+12 стр. 4 д. л.

Записки для образованныхъ мастерицъ портняжнаго дѣла. Собрала и перевела съ французскаго Серафима Сіонская. 182 стр. 12 д. л.

Справочныя таблицы для разчета штучныхъ и поденныхъ рабочихъ. Составилъ Г. Г. Шурыгинъ. 64 стр. 12 д. л.

Этюдъ объ образованіи песчаныхъ береговъ и объ устройствѣ морскихъ гаваней въ песчаныхъ мѣстностяхъ. Г. Келлера. Сокращенный переводъ съ нѣмецкаго. 68 стр. 8 д. л.

Въ Москвѣ вышли въ свѣтъ слѣдующія книги:

Архивъ Князя Воронцова. Книга двадцать шестая. 522 стр. 8 д. л.

Путешествіе по Китаю съ 1874—1875 гг. чрезъ Сибирь, Монголію, восточный, средній и сѣверо-западный Китай. Изъ дневника члена экспедиціи П. Я. Пясецкаго, въ двухъ томахъ, съ картой и портретомъ автора. Изданіе второе. Т. I. 584 стр. Т. II. 605 стр. 8 д. л.

Сочиненія В. Бѣлинскаго. Часть шестая. Изданіе четвертое. 664 стр. 8 д. л.

Эмиль Золя: *Побуль.* Романъ, переводъ съ французскаго. 560 стр. 12 д. л.

Освобожденные. Романъ въ пяти частяхъ А. Бѣшенцова.
Чудаки. Комедія въ 5 дѣйствіяхъ. Н. Полущина. 73 стр.
16 д. л.

Муаллака Имру-Уль-Кайса. Переводъ съ арабскаго. Г. Муркоса. 18 стр. 8 д. л.

Руководство ко всеобщей исторіи. Составилъ Д. Иловайскій. Часть первая. „Древній міръ“. Изданіе тринадцатое. 324 стр. 8 д. л. 10.000 экз.

И. П. Мясницкій: *Изъ степенства.* Юмористическіе очерки, сценки и картинки. 319 стр. 8 д. л.

Стихотворенія Ольги Пономаревой. 102 стр. 8 д. л.

М. Иогель: *Письма бродяги.* Очерки при жизни на Кавказѣ. 278 стр. 16 д. л.

В. Зелневскій: *Краткій путеводитель.* Справки и свѣдѣнія для незнакомыхъ съ Москвою. 30 стр. 16 д. л.

Путеводитель по Дашиковскому собранію изобрѣтеній русскихъ дѣятелей. 24 стр. 16 д. л.

Указатель достопримѣчательностей Москвы. Сост. Т. Толстолатовъ. 64 стр. 32 д. л.

Золотая рыбка. Сказочная быль въ стихахъ. Изъ жизни крестьянскаго мальчика. Изданіе второе. 266 стр. 12 д. л.

Равказы для дѣтей. Отъ 6 до 8лѣтняго возраста. Передѣлано съ англійскаго. Изданіе пятое. М. Ергольской. 144 стр. 8 д. л.

Лизоблюдкинъ концертъ. Изданіе Общества Распространенія Полезныхъ Книгъ. 10 стр. 4 д. л.

Курсъ педагогики, дидактики и методики. Сост. В. Тихомировъ. 370 стр. 8 д. л.

Альпы. Пособіе для учащихся. Составилъ Сергій Мечъ. 133 стр. 8 д. л.

Таблицы логарифмовъ барона Георга Вега, пересмотрѣнныя К. Бремкеромъ. Съ предисловіемъ А. О. Малинина. Изданіе стереотипное. 576 стр. 8 д. л.

Къ теоріи сравненій съ одной неизвѣстной при модуль простомъ. Б. Ставкевича. 17 стр. 8 д. л.

Задачи для начальнаго обученія ариметикѣ. На цѣлыхъ простыхъ и составныхъ именованныхъ числа. Составилъ Д. Гука, преподаватель Московской шестой гимназіи. 178 стр. 8 д. л.

Латинская грамматика Элендта-Зейфферта, переведенная съ приспособленіями къ преподаванію въ русскихъ гимназіяхъ П. Пѣвницкимъ, старшимъ учителемъ Лицея Цесаревича

Николая и В. Зубковымъ, доцентомъ Московскаго университета. Изданіе четвертое, исправленное. 346 стр. 8 д. л.

Описание привилегированнаго устройства передвиженія по рельсамъ и утѣпкамъ подтепкамъ торфяно и золотосодержащихъ песковъ. М. Д. Бутина. 8 д. л.

Практическое руководство къ употребленію волшебнаго фонаря и принадлежностей къ нему. Составилъ А. К. Еркемскій. 48 стр. 8 д. л.

Маларное и живописное искусство. Составили Виуавъ и Тромбинъ. 228 стр. 8 д. л.

Изслѣдованіе нѣкоторыхъ частей кавказской нефти. Диссертация на степень магистра формации Михаила Бокгардта. 54 стр. 8 д. л.

Молоко, сливки и масло. Общее знакомство съ устройствомъ и веденіемъ молочнаго хозяйства. Составилъ В. Д. Левинскій. 95 стр. 8 д. л.

Заводская книга рысистыхъ лошадей Хрѣновскаго Государственнаго конскаго завода. По порученію Главнаго Управленія Государственнаго Коннозаводства. Составилъ и издалъ Н. Лодыгинъ. 278 стр. 8 д. л.

О сборкѣ и установкѣ машинъ. Составилъ по Рейхе А. И. Фадѣевъ. Съ примѣчаніями В. А. Малышева. Изданіе Политехническаго Общества. 32 стр. 8 д. л.

Комнатное и воздушное цѣтководство, садоводство и огородничество. Л. А. Муратова. 248 стр. 8 д. л.

Описание хозяйства въ селѣ Дорогомль, Смоленской губерніи и уѣзда. Ф. Ф. Де-Тилліе. 23 стр. 12 д. л.

Чернышевская вотчина графа А. С. Уварова, Пензенской губерніи, Чембарскаго уѣзда. 62 стр. 4 д. л.

Въ Варшавѣ напечатаны:

Благодатное дитя. Разказъ изъ американской жизни. 44 стр. 12 д. л.

Солдатскій и народный театръ. Собраніе театральныхъ пьесъ для представленія на народныхъ и солдатскихъ театрахъ Я. У. Шашко. Съ приложеніемъ народныхъ и солдатскихъ пѣсенъ записанныхъ и аранжированныхъ на четыре голоса съ акомпаниментомъ фортепiano А. Д. Лебедевымъ. Выпускъ первый, 80 стр. 16 д. л.

Севъ-Суръ. Практическое руководство къ изслѣдованію груди домашнихъ животныхъ. Переводъ съ французскаго Г. Котлубая. 194 стр. 8 д. л.

Исследование ряда вопросов по государственным древностям Авинь, написал Ромуальд Стемловский. 232 стр. 8 д. л.

Памятная книжка для казаков. Полковника Дукмасова. Изд. второе. 164 стр. 12 д. л.

Въ Одессѣ напечатаны:

Нашъ государственный идеалъ. V. Еврейскій вопросъ. Изъ записокъ Ю. Олендскаго. 74 стр. 8 д. л.

Калейдоскопъ. Выпускъ первый. 46 стр. 8 д. л.

Женскій вопросъ. Эрнеста Легуве. Переводъ и примѣчанія по русскому законодательству М. А. Окса. 130 стр. 8 д. л.

Учебникъ нѣмецкаго языка для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ К. Я. Бѣлицкій. Часть I. 314 стр. 8 д. л.

Поволжье съ XVII и съ началъ XVIII вѣка. Очерки изъ исторіи колонизаціи края. Исследование Г. Перетятковича. 400 стр. 8 д. л.

Путешествіе на Синай въ 1881 году. Изъ путевыхъ впечатлѣній. Древности Синайскаго монастыря. Н. Кондакова. 160 стр. 8 д. л.

Н. Чижовъ. *Энциклопедія и философія права съ германскихъ и австрійскихъ университетовъ*. I. Гейдельбергскій университетъ: проф. Штраухъ и Шульце. II. Вѣнскій университетъ: проф. Лоренцъ фонъ-Штейнъ. Выпускъ первый. 94 стр. 8 д. л.

Итоги славянской и русской филологіи. По поводу книги проф. Котляревскаго: „библиологическій опытъ о древней русской письменности“. А. А. Кочубинскаго. 240 стр. 8 д. л.

Въ Харьковѣ изданы:

Осмотръ мяса. Для ветеринарныхъ врачей и медиковъ. Vaillet. Переводъ доцента А. П. Остапенко (въ извлеченномъ видѣ). 66 стр. 8 д. л.

Меттернихъ и европейская реакція. В. К. Надлера. 286 стр. 8 д. л.

Въ Киевѣ изданы:

Упругая ткань, ея строеніе и развитіе. Ивана Судакевича. 63 стр. 8 д. л.

Корнелія Непота жизнеописанія знаменитыхъ полководцевъ. Текстъ, порядокъ словъ, примѣчанія, переводъ и глаголы. Составилъ И. Эпельфельдъ. Выпускъ первый. Предисловіе и Миальциадъ. Изданіе второе, исправленное и дополненное. 45 стр. 32 д. л.

Въ Вильнѣ напечатаны: *Русское чтеніе для еврейскаго юношества*. Изданіе пятое. 194 стр. 8 д. л.

Въ Кременчугѣ издааны: *Способы начальнаго воспитанія и обученія*. Г. М. Морачевского. 88 стр. 8 д. л.

Въ Херсонѣ напечатанъ: *Географическій атласъ по упрощенному способу черченія* Н. Шилова. Изданіе седьмое. 7 л. 4 д. л.

Въ Агавьевѣ напечатано: *Руководство по средней исторіи*. (Для учениковъ VI класса). Составлено преподавателемъ при Агавьевской гимназіи М. Иващенко. 294 стр. 8 д. л.

Въ Нижнемъ Новгородѣ издавъ: *Нижегородцевъ*. Справочная книжка о городѣ. Составилъ И. Доскинскій. 44 стр. 16 д. л.

Въ Новгородѣ напечатанъ: *Карманный путеводитель Старорусскихъ минеральныхъ водъ*. Составилъ Дг. Веберъ, 122 стр. 32 д. л.

Въ Вяткѣ напечатана *Природорасходная книжка* для добрыхъ хозяекъ и хозяевъ. 228 стр. 8 д. л.

Въ Ростовѣ-на-Дону напечатана книжка: *Лѣчебная мѣста южнаго берега Крыма*. Руководство для ѣдущихъ въ Крымъ. Доктора В. И. Чугина. 2е изданіе. 144 стр. 12 д. л.

Въ Черниговѣ напечатанъ: *Отчетъ Черниговскаго мѣстнаго управленія Россійскаго Общества Краснаго Креста 1879, 1880 и 1881 годовъ*. 8 д. л.

✓ Въ Архангельскѣ напечатана: *Сельская поземельная община въ Архангельской губерніи по описаніямъ представленнымъ въ статистическій комитетъ*. 40 стр. 8 д. л.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ *

ПО МОСКОВСКИМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ.

Наша конституція.—Забота о Россіи иностранныхъ публицистовъ.—Что такое были наши земскіе соборы.—Новый шагъ на пути прогресса.—Куда заводитъ фраза.—По поводу важной перемены въ личномъ составѣ государственнаго управленія.—Открытие Выставки въ Москвѣ.—Радость въ Царской семьѣ.—Кемчина митрополита Макарія.

I.

11 мая.

Наши воздушныя партіи, либералы и консерваторы, консерваторы и либералы, хлопочуть о „правовомъ порядкѣ“, какъ они выражаются на своемъ жаргонѣ, и желаютъ надѣлать насъ, русскихъ подданныхъ, политическими правами. Не напрасна ли ихъ забота? Мы, русскіе подданные, уже обладаемъ тѣмъ что они обѣщаютъ даровать намъ; у насъ есть даже вѣчто большее. Они хотѣтъ даровать намъ политическія права, но у насъ есть политическія обязанности, а это больше. Въ обязанностяхъ уже заключаются права, обязанности неотлучно сопровождаютъ правами. Что намъ въ обязанность поставлено, на то намъ конечно и право дано. Но если за обязанностію само собою слѣдуетъ право, то не всегда обязанность послѣдуетъ за правомъ когда оно выдвигается впередъ. Право не прикрытое обязанностію уносится

* Подъ этою старою рубрикой *Русскаго Вѣстника*, мы будемъ помѣщать выборку изъ *Московскихъ Вѣдомостей* по текущимъ дѣламъ и вопросамъ.

малекѣ далеко впередъ, оставляя позади себя багажъ обязанностей. Напрасно намъ сулить конституцію; мы уже имѣемъ ее въ нашей государственной присягѣ которая обязываетъ всякаго русскаго подданнаго радѣть о пользахъ государя и государства. Мы обязаны свято заботиться объ этихъ пользахъ, и въ предѣлахъ возможности предотвращать всякій вредъ который можетъ угрожать имъ. Кто этого не дѣлаетъ, тотъ въ силу нашего „правоваго порядка“ будетъ измѣнникъ и преступникъ. А если каждый изъ насъ обязана служить такимъ образомъ престолу и отечеству, то каждый, конечно, имѣетъ и право исполнять эту обязанность.

Если караульный заснулъ, мы въ правѣ разбудить его; если онъ самъ воруетъ то что обязана стеречь, мы въ правѣ закричать и позвать кого слѣдуетъ. Мы въ правѣ это сдѣлать потому что обязаны.

Мы обязаны чтить власть. Власть отъ Бога, учить насъ церковь. Мы обязаны чтить власть не только за страхъ, но и за совѣсть. Насъ, православныхъ людей, обязываетъ къ тому не только гражданская, но и религіозная совѣсть. Но чѣмъ священнѣе для насъ это начало, тѣмъ должно быть намъ чувствительнѣе всякое небреженіе о немъ, а еще болѣе измѣна ему со стороны лицъ призванныхъ охранять его, блюсти его честь и пользу, исполнять его службы. У насъ есть общественное слово, есть печать которой дозволено касаться предметовъ государственнаго интереса. Странно было бы еслибъ эта сфера оставалась внѣ дѣйствія той конституціи которую мы, русскіе подданные, имѣемъ въ нашей государственной присягѣ. Люди имѣющіе право общественнаго слова обязаны не менѣе другихъ радѣть о пользахъ Государя и государства и предупреждать всякій ущербъ и вредъ имъ; только эта обязанность и даетъ смыслъ дарованному печати праву касаться политическихъ предметовъ. Не считать же, въ самомъ дѣлѣ, печать „священнымъ убѣжищемъ“ для политическихъ негодяевъ!

Но служить въ печати государству—дѣло не легкое. Какъ разъ столкнешься съ интересами которые пользуются привилегіями власти, но не всегда правдиво и честно къ ней относятся, не всегда служатъ ей должнымъ образомъ, не всегда бываютъ способны понимать и исполнять ея требованія, и нерѣдко вредятъ ея дѣлу вмѣсто того чтобы служить ему. Если общественное слово видитъ это, то оно

обязано сказать; оно изменить своему долгу, оно поступить нечестно, оно поступить подло, если не скажетъ.

Мы говоримъ вообще, ни на кого, ни на что не указывая; мы хотимъ только пояснить принципъ о которомъ зашла рѣчь. Только при помощи яснаго понятія можно правильно судить о томъ или другомъ случаѣ вызывающемъ нашу оцѣнку. Мы хотимъ только пояснить что гражданское и патриотическое чувство, полная преданность Государю и государству, полная готовность сослужить правительству въ его службѣ, могутъ сталкиваться съ дѣйствіями и направленіями лицъ которыя приходятъ и уходятъ, смѣняясь на чредѣ власти, и могутъ своими ошибками, своею неспособностью или недобросовѣстностію оставлять за собою пагубныя послѣдствія.

Развѣ мы могли бы дожить до ужасной катастрофы прошлаго года, развѣ могли бы мы очутиться въ нашемъ нынѣшнемъ положеніи еслибы не цѣлый рядъ правительственныхъ ошибокъ, которыхъ нельзя не видѣть. теперь когда онѣ совершились, но которыхъ послѣдствія можно было предвидѣть? Общественное слово въ свое время и предсказывало ихъ, раскрывая ошибки и обличая обманы. Оно по возможности исполняло свой долгъ, но ему не легко обходилось это. Говоря и дѣйствуя въ интересахъ правительства, мы тутъ-то именно и сталкивались съ лицами которыя по долгу безпристрастія старались соблюдать нейтралитетъ между правдой и ложью и по добротѣ сердца не только служили Государю и государству, но и тѣлились снискать любовь въ непріятельскомъ лагерѣ. Шагъ за шагомъ, русская политика переходила на тотъ путь куда влекла ее таинственная крамола. Въмѣсто того чтобы подавить ее въ началѣ, устранивъ причины которыя дали ей ходъ и ей способствуютъ, принятая система дѣйствій напротивъ создавала условія все болѣе и болѣе благоприятныя для ея развитія, и подъ предлогомъ умиротворенія враговъ сдавала имъ лучшія позиціи и усиливала ихъ, ожесточая. Изъ ничтожныхъ элементовъ выросъ призракъ могущества не имѣющій никакой реальности и обязанный своимъ развитіемъ только сближенію съ властями или сближеніемъ съ ними властей. Могъ ли этотъ призракъ не приобрести обаятельную силу когда его замыслы переходили въ правительственную программу?

Скажемъ въ видѣ предположенія, предположенія нехвалаго,

но пригоднаго въ настоящемъ случаѣ, такъ какъ своею несообразностью оно рѣзче выставитъ вопросъ о которомъ мы ведемъ рѣчь. Вообразимъ себѣ что въ настоящую минуту, при теперешнемъ положеніи дѣлъ и настроеніи умовъ, кто-либо изъ вліятельныхъ лицъ возымѣлъ бы мысль, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, созвать тѣ что *эфемеристическі* называется „земскимъ соборомъ“, якобы для поддержанія власти въ ея борьбѣ съ крамолой,—не была ли бы такая мысль, даже негласно въ сферахъ власти сказанная, торжествомъ крамолы? Что могло бы сдѣлать сборище людей деморализованныхъ и смущенныхъ, собранныхъ вокругъ правительства которое будто бы само собою держаться не можетъ, какъ живо увѣряютъ его противники и малодушно повторяютъ за ними ихъ лотворщики и пособники? Какую помощь могъ бы оказать этотъ сбродъ людей правительству пока оно не станетъ твердо на свои здоровыя ноги, не разсвѣтъ призракъ крамолы и не освободится отъ фальшиваго мнѣнія о своемъ безсиліи?

Когда извѣстнаго преступника Нечаева по произнесеніи надъ нимъ приговора выводили жандармы изъ залы судебного засѣданія, онъ кричалъ неистово: „земскій соборъ, земскій соборъ!“ Того же требовалъ и Желябовъ. Спрашивается, кто въ своемъ смыслѣ оказался бы вѣрнѣе своему дѣлу, Нечаевы и Желябовы, или тѣ фантастическіе, предполагаемые нами блюстители государственныхъ интересовъ, которые тоже крикнули бы: „земскій соборъ“?

Если наше правительство кому-либо кажется слабымъ, не способнымъ дѣйствовать, нуждающимся въ сборѣ людей которые сами не знали бы зачѣмъ они призваны, то не слѣдуетъ ли искать причины этой слабости не въ дѣйствительныхъ условіяхъ правительственной власти, которыя остаются невредимы и цѣлы, а развѣ въ неспособности ея случайныхъ органовъ?

II.

18 мая.

Какія иногда бываютъ удивительныя совпаденія! Въ *Revue des deux Mondes*, именно теперь, появилась окончательная діагноза нашего недуга. Въ статьѣ г. Анатолія Легоу-Беллеи изображено наше несчастное положеніе, изъ котораго нѣтъ иного выхода какъ рекомендуемый нашими домашними

врагами, легальными и нелегальными, патентованными и вольнопрактикующими. Утѣшительно по крайней мѣрѣ что добрые люди, даже на сторонѣ, принимаютъ въ насъ такое сердечное участіе и такъ заботятся о нашемъ здоровьѣ. Въ шестидесятыхъ годахъ, мы помнимъ, точно также, ко всеобщему удивленію, вдругъ заговорилъ по-русски, то-есть о русскихъ дѣлахъ (тогда былъ Польскій вопросъ на очереди), тоже въ *Revue des deux Mondes*, г. де-Мазадъ, который, по всей вѣроятности, никогда прежде русскими дѣлами не занимался и ни въ какомъ отношеніи къ нимъ не состоялъ. Статьи г. де-Мазада памяты намъ. По поводу ихъ очутились мы въ столкновеніи съ нѣкоторыми изъ тогдашнихъ правительственныхъ лицъ, не хуже насъ знавшихъ почему вдругъ французскій публицистъ такъ заинтересовался нашими дѣлами. Напечатавъ подъ своею редакціей и подъ своимъ именемъ то что оказалось нужнымъ для нѣкоторыхъ цѣлей, г. де-Мазадъ затѣмъ оставилъ Россію въ локоѣ. Г. Леруа-Больѣ слѣдить за нашими дѣлами съ заботливостію которая граничитъ съ самозабвеніемъ, съ самоотверженіемъ. Все свое вниманіе, всю политическую сообразительность свою посвящаетъ онъ нашему отечеству забывая о своемъ, и намъ несетъ свои врачебныя пособія въ которыхъ быть-можетъ нуждалась бы Франція.

Замѣтьте эту особенность: о нашихъ дѣлахъ пишутъ иностранцы не столько для того чтобы знакомить съ ними свою лубанку, сколько чтобы насъ вразумить и направить. Когда г. Шербюлье пишетъ свои остроумныя и язвительныя статьи о Бисмаркѣ, то конечно не разчитываетъ подвигнуть императора Вильгельма или его канцлера на какое-нибудь рѣшеніе; но когда иностранный писатель о нашихъ дѣлахъ повѣствуетъ, то его писаніе разчитывается главнымъ образомъ на то чтобы произвести извѣстный эффектъ въ нашихъ высшихъ правительственныхъ сферахъ и вызвать тамъ рѣшеніе... Легко сказать: чрезъ французскій журналъ намъ со-вѣтуютъ, почти предписываютъ, измѣнить нашъ государственный строй вѣками слагавшіяся...

Бѣдная Россія, бѣдная Федора! Она и не думаетъ быть больною, а ее уложили въ постель. И ветлянская чума, и жучки съ гессенскою мухой, и то что солдате лѣтомъ печеть, и что зимою бываетъ морозно, все это прописывается въ ея скорбный листъ съ неизмѣннымъ назначеніемъ „правоваго

порядка“ въ какомъ-нибудь препаратѣ. Всѣ преисполнены гражданской скорби; у всякаго вмѣсто вида свой идеалъ въ карманѣ; всѣ ищутъ застрашнаго дѣла, и всѣ судятъ нашей Федорѣ царство небесное, хотя она вовсе не расположена покинуть юдоль земнаго существованія.

Скажите, однако, на что это похоже! Мы всѣ привыкли къ обману который неотвязчиво морочитъ насъ въ продолженіе многихъ лѣтъ. Но человека свѣжаго должно страшно поразить зрѣлище которое мы теперь представляемъ собой. Если Богъ дастъ благополучно минуетъ время которое мы теперь переживаемъ, всѣ съ изумленіемъ увидятъ какими грубыми средствами морочитъ насъ интрига.

Россія, конечно, не рай земной, и мы не знаемъ какая страна на земномъ шарѣ претендуетъ быть раемъ. Вездѣ есть люди и дурные, и хорошіе, и пополамъ. Вездѣ люди нуждаются, вездѣ заболѣваютъ, и вездѣ смерть есть удѣлъ людей. Вездѣ бываютъ всякаго рода бѣдствія, вездѣ бываютъ всякаго рода злоупотребленія, и въ Россіи отнюдь не больше чѣмъ въ другихъ странахъ, и не болѣе чѣмъ во Франціи, гг. французскіе публицисты. Напротивъ, исторія Россіи болѣе чѣмъ какой-либо иной страны есть непрерывное восхожденіе изъ силы въ силу, несмотря на всѣ, неизбежныя въ человеческихъ дѣлахъ, ошибки правительства, злоупотребленія и грѣхопаденія. Всякій случай казнокрадства, хищенія, своекорыстія и т. п. ставится въ укоръ нашимъ государственнымъ учрежденіямъ. Но можетъ ли быть больше казнокрадства, и хищенія, и разной мерзости въ общественныхъ дѣлахъ какъ, напримѣръ, въ Сѣверной Америкѣ? Чтобы не ходить далеко, случите за минувшія двадцать лѣтъ ходъ дѣлъ въ Россіи съ судьбой другихъ странъ. Было ли въ Россіи что-либо похожее на то страшное междуусобіе которое пережили Соединенныя Штаты? Было ли во всей ея исторіи что-либо подобное тому повору и погрому которые слытае на нашихъ глазахъ Франція? Имѣетъ ли основаніе Россія завидовать теперешнему положенію Англіи?

Господа врачи: Россія право не больна. По физическимъ условіямъ своего организма, она здоровѣе и сильнѣе теперь чѣмъ когда-либо; но она одурочена, она уложена въ постель какъ больная...

Всѣ кричатъ что Россія погибаетъ отъ чрезмѣрнаго, отъ исключительнаго господства бюрократіи. Но въ Россіи никогда не было бюрократіи какъ системы. У насъ нѣтъ того

Beamtenthum какимъ справедливо гордится Пруссія, нѣтъ той централизаціи какую создала во Франціи революція и Наполеоновская имперія. До отмины крѣпостнаго права въ Россіи господствовало помѣстное дворянство и управляло народными массами не на бюрократическихъ основаціяхъ, но на правѣ частной собственности. После освобожденія крестьянъ, въ Россіи появились разныя автономіи которыя de facto упраздняютъ самый принципъ государственной власти. Не въ томъ ли истинное наше зло что государственная власть наша считается на половину упраздненною и теперь приглашается совсѣмъ покончить съ собою? Не въ томъ ли наше зло что мы дозволяемъ трактовать насъ какъ разслабленныхъ будучи здоровы и крѣпки и отдаемъ въ руки самой нахальной, самой очевидной интригѣ? Намъ нужно сильное правительство, но не въ томъ смыслѣ чтобы стѣснить жизнь, какъ обычно хотятъ интриганы представить усиленное дѣйствіе власти, а напротивъ дѣйствіе государственной власти нужно для того чтобы вырвать насъ изъ того больничнаго состоянія въ которомъ мы находимся, чтобы разогнать шарлатановъ, чтобъ обезнадежить интригу, чтобы дать всѣмъ законнымъ интересамъ вздохнуть свободно, чтобы войти въ обладаніе нашими ногами, руками, наконецъ, головой,—безъ чего какаа же жизнь возможна?

Нѣтъ, не *le tchinovnisme*, какъ лишеть французскій публицистъ, наша бѣда: кто теперь думаетъ о *чиновникахъ*? Нѣтъ, бѣда наша въ томъ что мы даемъ поводъ подвергать у себя все вопросу, даже наше существованіе. Нѣтъ пустой головы которая не имѣла бы готоваго проекта для преобразованія нашего государственнаго строя. Вотъ почему наше общество во всѣхъ слояхъ своихъ, и въ высшихъ болѣе чѣмъ въ низшихъ, такъ легко обрабатывается самою враждебною политическою интригой. Это состояніе самое опасное. Опасное не потому чтобы мы боялись за существованіе Россіи, но оно можетъ подвергнуть живущее поколѣніе тяжкому и гибельному кризису. При такомъ состояніи общества даже здравомыслящіе порознь люди даютъ собравшись негодный духъ. Когда люди не чувствуютъ твердой почвы подъ ногами, когда умы въ разбродѣ и сами не знаютъ чего хотятъ и чего ищутъ, тогда по малой мѣрѣ бессмысленно искать опоры въ обществѣ. Можно ли опираться на то что лишено почвы и само шатается вуждаясь въ опорѣ?

III.

22 мая.

По печати сдѣлано распоряженіе не говорить ничего ни въ пользу, ни противъ созыва земскаго собора. Нельзя не признать этого распоряженія весьма, какъ говорится, дѣлесообразнымъ; но нельзя также не признать что въ нашей печати то и дѣло, и притомъ самымъ настойчивымъ образомъ, высказывается необходимость измѣненія нашего государственнаго строя, а скептическія замѣчанія касательно такой необходимости, сколько мы знаемъ, появлялись только въ нашей газетѣ. Что же касается земскаго собора, то оставляя въ сторонѣ затронутый вопросъ о необходимости его созыва въ настоящее время, мы считаемъ должнымъ разъяснить вольное или невольное недоразумѣніе касательно самого значенія этого термина. Есть ли нѣтъ необходимость въ созывѣ земскаго собора, надо во всякомъ случаѣ знать что разумѣется подъ земскимъ соборомъ. Мы сейчасъ прочли въ одной почтенной газетѣ краснорѣчивыя сужденія о земскихъ соборахъ. Мы уважаемъ всякое добросовѣстное мнѣніе, но болѣе всего обязаны уважать истину. Всякій вопросъ, конечно, можетъ только выиграть отъ того что будетъ приведенъ къ своему истинному выраженію. Случается такъ что приведенный къ истинѣ вопросъ вдругъ и исчезнетъ...

Въ прошломъ году появилась сначала за границей, а потомъ и внутри, довольно объемистая книжка подъ заглавіемъ: *Письма о состояніи Россіи*. Въ ней, въ связи съ разными другими вопросами, трактуется вопросъ о земскихъ соборахъ. Мы тогда кое-что сказали по поводу этой книжки, но не коснулись того въ чемъ заключается ея главная мысль. На ней можно съ особенною наглядностію раскрыть то странное недоразумѣніе которое вдругъ у насъ соединилось съ понятіемъ о земскихъ соборахъ. Книжка эта какъ бы служить программой всѣхъ вышнихъ толковъ по этому вопросу. А потому и кажется намъ своевременнымъ возобновить о ней рѣчь.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить что безыменные авторы брошюры особенно отличаютъ наши земскія учрежденія и на нихъ главнымъ образомъ возлагаютъ надежды нашего прогресса. Въ связи съ этими-то учрежденіями является имъ въ

мистической, но недалекой перспективѣ, „всеобщающее преобразование“ имѣющее де „положить конецъ нашему нравственному неустройству“. Съ другой же стороны, они крайне недовольны земскими учрежденіями, хотя высказываются объ этомъ съ поэтической неопредѣленностью. „Земскія учрежденія, говорятъ они, идутъ до сихъ поръ плохо, но по причинамъ которыя нельзя имѣть прямо ставить въ вину“. Какія же это причины? Воиервыхъ, земскія учрежденія, по мнѣнію авторовъ, спелены: „имъ дано не право и возможность, а лишь позволеніе развиться посреди государства“. А во вторыхъ, имъ даны никуда негодные уставы. Авторы говорятъ: „факты и общій голосъ не позволяютъ сомнѣваться въ томъ, насколько уставы о земскихъ учрежденіяхъ оказались искусственными: съ одной стороны эти учрежденія, связанныя съ народными массами только наружно, не могутъ руководить ими; съ другой же стороны, напротивъ, они проникнуты самымъ ложнымъ демократизмомъ... Дошло до того что цѣлые округа на Дону просили объ отмѣнѣ самоуправленія въ его нынѣшнемъ видѣ“.

Однако что же такое учрежденія, какъ не уставы? Если не годятся уставы земскихъ учрежденій, значить не годятся учрежденія, значить на нихъ ничего основать нельзя, значить никакой перспективы открывать они не могутъ, а буде такъ, то всего лучше послѣдовать мнѣнію округовъ на Дону которыя просили объ отмѣнѣ самоуправленія въ его нынѣшнемъ видѣ. И если все это такъ, зачѣмъ же авторы такъ язвительно укоряютъ центральную администрацію за то что она будто бы стѣсняетъ эти, по ихъ же сужденію, фальшивыя учрежденія и не даетъ простора ихъ дѣятельности? Да и въ чемъ, когда ихъ стѣсняли? Напротивъ, этимъ негоднымъ, по мнѣнію авторовъ, учрежденіямъ, оказывается большой респектъ, и иные правители о томъ лишь и хлопочутъ чтобы пріобрѣсти благосклонность передовыхъ земскихъ дѣятелей. Дѣло у авторовъ какъ по этому, такъ и по многимъ другимъ пунктамъ, двоится въ мысляхъ. Говоря о земскихъ учрежденіяхъ, они представляютъ себѣ, подъ добродушный звукъ *земля* и *земство*, какія-то хорошія учрежденія имѣющія лишь тотъ недостатокъ что они пока не существуютъ и что сами авторы не имѣютъ опредѣленнаго и яснаго представленія какъ ихъ устроить, а въ то же время они имѣютъ въ виду учрежденія дѣйствительно теперь существующія

подъ именемъ земскихъ. То о чемъ они говорятъ непрерывно мѣняется: то подразумеваются хорошія, но не существующія учрежденія, то дѣйствительныя, но, по сознанію авторовъ, никуда не годныя, и оба столь разнородныя подлежащія одинаково предцируются, сливаются, смѣшиваются и производятъ крайнюю кутерьму и противорѣчіе въ мысляхъ.

Авторы вспоминаютъ, между прочимъ, о мировыхъ посредникахъ, которымъ такъ много обязана своимъ успѣхомъ крестьянская реформа. Вторя тому что такъ настойчиво, но увы! безуспѣшно, заявлялось нами въ давнее время, безыменные публицисты справедливо замѣчаютъ что мировые посредники могли бы послужить ядромъ хорошаго мѣстнаго управленія. Но признавая это и совѣтуя возвратиться къ затертому учрежденію посредниковъ, наши публицисты страннымъ образомъ пріурочиваютъ ихъ къ тѣмъ же земскимъ учрежденіямъ. Забывая что всякая вещь выноситъ свою натуру изъ своего происхожденія, они хотятъ чтобы мировые посредники выбирались негодными, по ихъ мнѣнію, земскими собраніями и были ихъ органомъ.

Но, такъ или иначе, авторы брошюры съ великимъ пафосомъ, торжественно, напряженно, говорятъ о земскихъ соборахъ какъ о „всеобщающемъ преобразованіи“ (soulèvement de l'édifice), которое сразу пересоздастъ Русскую землю, изведетъ самодержавную власть изъ того плѣна въ коемъ держитъ ее всесильная бюрократія, все благоустроить и приведетъ въ порядокъ. Они усложняютъ самодержавную власть въ виду предстоящей борьбы съ этимъ чудовищемъ бюрократіи, которое якобы противится совершенію этого послѣдняго Геркулесовскаго подвига, и ободрительно восклицаютъ: „для воли Русскаго Государа, когда онъ правъ предъ исторіей, нѣтъ прелатствій въ предѣлахъ его царства!“ Но воздымая такимъ образомъ тонъ о „всеобщающемъ преобразованіи“, долженствующемъ состоять въ учрежденіи земскихъ соборовъ, безыменные публицисты въ то же время видимо стараются преумалить значеніе этихъ соборовъ и доходятъ до того что возникаетъ вопросъ: да къ чему же нужно такое ни къ чему ненужное учрежденіе? Эти соборы отнюдь не должны походить на парламенты запада, которые надлежащимъ образомъ обзываются говорильнями. Вмѣшиваться въ администрацію ни подъ какимъ видомъ они не должны, и законодательное дѣло будетъ въ полной отъ нихъ

независимости. Соберутся эти выборные люди со всѣхъ концовъ Россіи, правительство предложитъ имъ нѣкоторые вопросы, и то не по всѣмъ частямъ (въ финансовую, военную и морскую часть имъ не слѣдуетъ де и заглядывать), они дадутъ желаемые отвѣты, доставятъ нужныя свѣдѣнія, а затѣмъ съ Богомъ разойдутся. Что можетъ быть невниманіе такого учрежденія? Къ тому же, и это главное, учреждая земскіе соборы, мы только де возвратимся къ доброму старому времени, to the old merry Russia. „Если со времени великаго „императора Петра,“ говорятъ авторы, „мы далеко подвинулись въ просвѣщеніи и могуществѣ, то общественное развитіе Россіи едва ли не придется начать сызнова со дня „кончины царя Алексѣя Михайловича“.

Но вотъ бѣда: Петръ Великій не отмѣнялъ земскихъ соборовъ которые авторы брошюры считаютъ „всеувѣчивающимъ преобразованиемъ“, не отмѣнялъ по той простой причинѣ что такого учрежденія вовсе не имѣлось. Земскіе соборы никогда не были учрежденіемъ. Они созывались случайно, при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, по какому-нибудь определенному вопросу, и всѣ они наперечетъ. Они созывались при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и всего разъ семь, а царствованія его было тридцать два года. До возвращенія Филарета Никитича, выборные люди постоянно окружали несовершеннолѣтняго царя; а по возвращеніи изъ плѣна его родителя, мудраго государственнаго мужа, разныхъ чиновъ люди созывались на короткое время только по отдѣльнымъ вопросамъ. Родоначальникъ новой династіи, вступивъ шестнадцатилѣтнимъ юношей на престолъ послѣ смутнаго времени, послѣ непріятельскаго нашествія и разгрома Русской земли, весьма естественно нуждался въ опорѣ и въ ознакомленіи съ нуждами разныхъ мѣстностей своего царства, которое и тогда было довольно обширно, но не имѣло ни телеграфовъ, ни желѣзныхъ, ни шоссеиныхъ дорогъ, даже правильнаго почтового сообщенія. За то при его сынѣ, царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, во все продолженіе его тридцатилѣтняго царствованія, приходилось созывать не болѣе какъ раза три разныхъ чиновъ людей. Въ сущности соборы эти были большею частію способомъ представленія царю такихъ же вселоданнѣйшихъ адресовъ какіе и теперь повергаются къ подножію престола отъ разныхъ сословій и изъ разныхъ мѣстностей. Часто это было такое же ура, какое недавно раздавалось въ

Кремлевскомъ Дворцѣ на слова Государя возвѣстившаго войну.

Мы не видимъ почему полагають что со времянь Петра Великаго произошелъ въ этомъ отношеніи перерывъ. Послѣ Петра Великаго былъ земскій соборъ который далеко превосходитъ долетровскіе соборы и своими размѣрами, и продолжительностію своей сессіи. Это Екатерининская коммисія. Ни Петръ Великій, ни кто-либо изъ его преемниковъ никогда не отказывались отъ права призывать свѣдущихъ людей изъ разныхъ мѣстностей и отъ разныхъ сословій. Безпрестанно и теперъ призываются эксперты; въ земскія собранія передаются для предварительной разработки разные вопросы. Изъ-за чего же шумъ и зачѣмъ учреждать то что само собою разумѣется?

Куріознѣе всего то что тѣ же публицисты, проектируя свои земскіе соборы, считаютъ необходимымъ чтобы депутаты являлись на соборъ съ *императорскими мандатами* отъ своихъ избирателей. Увѣнчатели нашего общественнаго зданія требуютъ чтобы вопросы подлежащіе разсмотрѣнію великаго земскаго собора предварительно были обсужены въ помѣстныхъ соборахъ, чтобы депутаты въ центральномъ собраніи заявляли только то что постановлено въ мѣстныхъ собраніяхъ. Но чтобы передать правительству мнѣніе тульскаго или рязанскаго земства, какая надобность посылать нарочныхъ когда есть почта которая скоро и дешево доставить требуемое по назначенію?

Итакъ, если идетъ рѣчь о земскихъ соборахъ въ смыслѣ стараго времени, то учреждать нечего, и никакого вопроса нѣтъ. Русскій Царь имѣетъ несомнѣнное право призывать и созывать, когда окажется надобность, людей разныхъ сословій по тому или другому вопросу. Имѣется ли въ настоящее время надобность созывать соборъ, это другой вопросъ, котораго мы теперъ не въ правѣ касаться; но, во всякомъ случаѣ, никто не оспаривалъ у Русскихъ государей этого права и никто изъ нихъ отъ этого права никогда не отказывался ни за себя, ни за своихъ преемниковъ. Если же имѣется въ виду какое-либо учрежденіе подъ именемъ земскаго собора, то это будетъ нѣчто совершенно новое, не имѣющее ничего общаго съ земскимъ соборомъ Русской исторіи.

Вотъ въ томъ-то и бѣда: люди добросовѣстные часто сами не знаютъ чего хотять, между тѣмъ какъ недобросовѣстные хорошо знаютъ чего хотять.

IV.

27 мая.

Мы идемъ быстро путемъ прогресса. Теперь и въ церковное управленіе вторгается интрига посредствомъ печати. Это тоже характеристическая черта нынѣшняго дня. Что будетъ дѣлать архіерей въ котораго уличные негодаи будутъ бросать грязью если не камнями? Какъ служитель Христовой церкви онъ долженъ терпѣливо переносить оскорбленія; онъ не долженъ считаться съ оскорбителями, не будетъ привлекать ихъ къ отвѣтственности. Но каково же состояніе того общества гдѣ могутъ безнаказанно и безпрелатственно совершаться подобныя безчинства?

Предметомъ ожесточеннѣйшихъ, непрерывныхъ, систематическихъ нападеній печати сталъ одинъ изъ достойнѣйшихъ предстоятелей Россійской церкви. Мы говоримъ объ интригѣ противъ московскаго архіластыря. Предметъ интриги уже изобличаетъ всю ея безсовѣстность. Не находя къ чему прицѣпиться въ его жизни и дѣятельности, она тѣмъ нагѣе въ своемъ голомъ злословіи. Безукоризненная чистота жизни, въ которой и малѣйшее пятно, *верху горы*, не могло бы укрыться отъ взора, возвышенный характеръ, христіанское безкорыстіе, ученые труды по богословію и исторіи, поставившіе его имя высоко среди церковныхъ писателей; наконецъ его свѣтлый умъ, его просвѣщенный патриотизмъ и государственное разумѣніе, напоминающее его великаго предмѣстника митрополита Филарета,—все, независимо отъ его высокаго сана, должно было бы самой интригѣ, какъ она ни безсовѣстна, внушать по крайней мѣрѣ разборчивость въ средствахъ. Интрига свила себѣ гнѣздо въ самой Москвѣ. Подъ видомъ консервативнаго, якобы преданнаго Церкви листка, издается газета исключительно въ видахъ этой постыдной интриги, неприязненной не только къ нашему архіластырю, но и къ Русской церкви вообще. Этотъ листокъ носить названіе *Востока*. Въ немъ, сколько намъ извѣстно, замѣшана интрига Фавара вмѣстѣ съ постыдными домашними интригами.

Признаемся, мы также мало довѣряемъ нашимъ такъ называемымъ консервативнымъ какъ и либеральнымъ органамъ. Просимъ припомнить блаженной памяти *Вѣсть*, которая играла столь печальную роль въ концѣ шестидесятихъ годовъ. Ханджество которымъ прикрывается *Востокъ*, нисколько

не лучше тѣхъ лишнихъ принциповъ цивилизаціи и права собственности какими украшала себя *Вѣсть*, подкальываясь подъ только-что установившуюся русскую національную политику въ Западномъ краѣ. Не много нужно зоркости чтобы въ выходкахъ *Востока* усмотрѣть другую интригу, которая сталкивается съ русскими интересами на Востокъ, злоупотребляя для своихъ цѣлей священнымъ именемъ Церкви и извращая характеръ православія фальшивою идеей лализма, не допускаемаго самымъ духомъ нашей Церкви. Недавность этой интрижной газетки возбуждена главнымъ образомъ тою церковною политикою на Востокъ которой держалась Россія, между прочимъ, по совѣту высокопреосвященнаго Макарія. Чтобы убѣдиться въ источникѣ злобы довольно прочесть слѣдующія строки:

„Точно также извѣстно чью сторону держалъ преосвященный Макарій въ греко-болгарскомъ церковномъ вопросѣ причинившемъ такую скорбь въ православномъ мірѣ и чѣмъ могъ бы грозить нашей церкви этотъ вопросъ еслибы записка преосвященнаго Макарія принимавшая сторону Болгаръ схизматиковъ, посланная въ Константинополь, была бы представлена вселенскому патріарху.“

Итакъ, въ Москвѣ, средоточіи русскаго православія, осмѣливаются называть схизматиками Болгаръ съ которыми мы пребываемъ въ полномъ церковномъ общеніи, несмотря на всѣ усилія интриги привлечь насъ къ непризнанному нами постановленію фанарскаго собора на которомъ Болгары были преданы анаемѣ.

Чтобы показать до чего доходить безстыдство личныхъ нападеній на нашего владыку, мы не можемъ не привести слѣдующихъ строкъ:

„Правда что высокопреосвященный Макарій пожертвовалъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ *гласно* двѣсти тысячъ на дѣла благотворенія или лучше сказать на премію за ученые сочиненія, но думаемъ что благотворенія митрополита Филарета которыя онъ *дѣлалъ тайно* и рѣдко являе, далеко превышаютъ 200.000 даръ митрополита Макарія.“

Высокопреосвященному Макарію ставится въ вину даже то что онъ пожертвовалъ на общую пользу все стажаніе доставленное ему учеными трудами. Злоба наша возможнымъ даже и это поставить ему въ укоръ,—зачѣмъ де онъ сдѣлалъ это явно,—причемъ съ истинно иезуитскимъ приемомъ, также какъ бы въ укоръ ему, замѣчается что митрополитъ Филаретъ быть-можетъ пожертвовалъ еще болѣе...

Духовенство города Москвы движимое негодованіемъ собиравось въ минувшую пятницу въ залѣ Епархіальной Библіотеки, въ числѣ болѣе пятисотъ человекъ, чтобы выразить одушевляющее его чувство въ адресъ высокопреосвященному Макарію. Была назначена коммиссія для окончательной редакціи этого обращенія. Вчера имѣла она свое засѣданіе, причѣмъ стало извѣстно что владыка, освѣдомившись о намѣреніи духовенства, отклонилъ поднесеніе предположеннаго адреса. Сегодня духовенство, снова собравшись, выслушало докладъ предсѣдателя, которому владыка поручилъ передать духовенству его благодарность.

V.

28 мая.

Daily Chronicle сообщаетъ что 4 іюня, въ одномъ изъ домовъ на Сого (въ Лондонѣ), происходилъ митингъ „уполномоченныхъ“ отъ вигилистовъ и американскихъ феніевъ „дабы обсудить полезность формальнаго союза между обѣими партіями, которыя, по мнѣнію ихъ основателей, обѣ стремятся къ полному и безусловному искорененію своихъ правительствъ.“ Одинъ какой-то русскій делегатъ изъ Москвы сказалъ что вигилисты теперь считаютъ въ своихъ рядахъ почти половину Россіи и могутъ де оказывать не малое вліяніе на ея иностранную политику. Они съ интересомъ слѣдили де за усиліями Ирландцевъ освободиться, но всегда считали *Британское правительство образцомъ того какое желали бы видѣть въ своей странѣ*. Они никогда де не покусятся подкапываться подъ конституцію Великобританіи, но полагаютъ что Ирландцы не пользовались тою свободой и правосудіемъ какими наслаждаются ихъ братья въ Англіи, Шотландіи и Вельсѣ. Затѣмъ говорилъ делегатъ отъ феніей, и послѣ нѣсколькихъ рѣчей рѣшено было что интересы обѣихъ партій требуютъ заключенія формальнаго союза, условія коего должны быть составлены четырьмя делегатами и представлены ими на утвержденіе своихъ главныхъ „правительствъ“.

Сообщеніе это не лишено интереса. Оно, въ свою очередь, бросаетъ свѣтъ на сущность той крамолы которая у насъ работаетъ. Порченые и полоумные люди, это только порохъ и динамитъ употребляемый для взрывовъ, а руководить этимъ дѣломъ, очевидно, рука политическая. Финіи добиваются

независимости Ирландіи, и въ этомъ смыслѣ враждуютъ противъ правительства Соединеннаго Королевства. Кого же русскіе вигиллисты хотятъ освободить отъ Россіи? Посмотрите, они вовсе не такіе безумные анархисты какими являлись дѣятели крамолы въ лицѣ Рысаковыхъ и тому подобныхъ. Они, видители, очень уважаютъ Британское правительство и желали бы такое же установить въ Россіи. Это немножко рознится съ ходячими мнѣніями о нашей крамолѣ. Эти господа вигиллисты оказываются любителями „правоваго порядка“ и ихъ благожеланія могли бы, безо всякой помѣхи, появиться въ *Голосъ* или *Вѣстникъ Европы*. Мы увѣрены что эти господа, какъ впрочемъ и сами они заявляютъ въ своихъ подпольныхъ изданіяхъ, готовы съ удовольствіемъ наименовать *всепутничивающее учрежденіе* и земскимъ соборомъ. Да и чѣмъ бы это не названіе? Не все ли равно: соборъ, сеймъ, дума, парламентъ? лишь бы выбить нашу Федору изъ колеи...

Исторія съ земскими соборами ярко показываетъ какъ легко въ интеллигентныхъ сферахъ нашего любезнаго отечества возбуждать разные „токи“ и „вѣянія“. Мы показали (см. № 141 *Московскія Вѣдомостей*) обращикъ благонамѣренной боатовни о предметахъ государственнаго устройства. Одной благонамѣренности недостаточно для того чтобъ уберечься отъ обмана и не попасть въ его сѣти. Надобно положить зарокъ на свой языкъ и леро, и если кто владѣетъ общественнымъ словомъ, тотъ, особенно въ смутную пору какова телерешная, не долженъ бросать сужденія о политическихъ предметахъ безъ достаточной обдуманности и зрѣлаго убѣжденія. Надобно лучше всего бояться фразы: наркотизмъ фразы всего вреднѣе дѣйствуетъ на умъ, и благонамѣренныхъ живьемъ отдастъ въ руки интриги.

Фраза бѣдовое дѣло: улившись ею можно очутиться невѣдомо гдѣ и проснуться въ омерзительныхъ объятіяхъ....

VI.

2 іюня.

Въ самый разгаръ реформъ минувшаго царствованія оказалось у насъ присутствіе какого-то тайнаго общества, которое обнаруживало свою дѣятельность въ локушеніяхъ на царевубійство, въ чемъ наконецъ и успѣло. Не поддежить

сомнѣнію что это злоумышленное общество не находится ни въ какой связи съ народомъ. Оно ничего другаго не хочетъ какъ разрушенія государственнаго порядка въ Россіи, то-есть ея разрушенія. Люди выступавшіе дѣятелями этого вражескаго заговора оказывались совершеннымъ ничтожествомъ: это были большею частію люди еще въ дѣтствѣ удовленные въ карбонарскую сѣть и настиганные на всякое безумство. Правительство поставлено было въ необходимость принимать мѣры противъ этого зла. То и дѣло слышалось о необходимости бороться съ нимъ, то и дѣло призывались и сословія, и семейства къ содѣйствию правительству. Но какія же мѣры принимало правительство? Какъ оно дѣйствовало противъ зла которое всѣхъ заботило и приводило въ негодованіе? Хватая ничтожныхъ людей служившихъ исполнителями имъ самимъ невѣдомыхъ замысловъ, правительство само помогало фабриковать ихъ и исполняло требованія крамолы съ которою боролось. Оно не противодѣйствовало, а содѣйствовало ея видамъ. Каракозовъ и Березовскій стрѣляли въ то время когда правительство вышло на путь національной политики внутри государства. Отвѣтомъ на эти выстрѣлы было ослабленіе національной политики, что и требовалось интригой. Мѣры которыя принимались въ Западномъ краѣ были парализованы и извращены; люди которые работали тамъ надъ русскою государственною задачею были поруганы и изгнаны оттуда съ позоромъ. Русскому какъ тогда говорилось дѣлу, русскому патриотическому духу въ обществѣ, былъ самимъ же правительствомъ нанесенъ тяжелый ударъ. Слутя дѣтъ десять, когда слова въ русскомъ обществѣ возникъ патриотическій духъ, возбужденный событіями на Востокѣ и народнаго свойства войной, съ новою силой заявила о своемъ существованіи та же злоумышленная организація. Какъ бы въ поруганіе тогдашнему патриотизму, предъ изумленнымъ и негодовавшимъ народомъ, вдругъ начались публичныя демонстраціи революціоннаго характера и политическія убійства. Поразительный контрастъ: съ одной стороны всеобщее патриотическое одушевленіе народа, съ другой—явленія возможныя только въ странѣ объятаго революціей! Въ это время, въ Сенатѣ, который еще именуется правительствующимъ, происходилъ знаменитый процессъ 193. Въ это время, при рукоприкладствѣ петербургскаго общества и официальныхъ лицъ, судился петербургскій градоначальникъ за сдѣланное

на него въ самомъ его домѣ наладеніе нигилисткой высланною революціоннымъ комитетомъ, а сама преступница чествовалась блистательною озаціей и, тутъ же похищенная невидимую рукой, выпроложена за границу. Наконецъ 2 апрѣля 1879 года снова подвергся наладенію самъ Императоръ, и затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ царубійственныхъ покушеній, даже взрывъ въ самомъ Дворцѣ. Что же дѣлало правительство? Оно усиливало своихъ враговъ сначала бездѣйствіемъ, а наконецъ и содѣйствіемъ. Усилія злоумышленниковъ сначала были направлены на то чтобы захватить въ свои руки школу и разрушить новые установленные въ ней порядки. Ненависть ихъ къ тогдашнему министру Народнаго Просвѣщенія не знала предѣла. И что же? Послѣ выстрѣла 2 апрѣля, положеніе графа Толстаго стало невозможнымъ. Еще оставаясь министромъ, онъ былъ преданъ истязателямъ; надъ его управленіемъ, безъ его вѣдома, было наряжено негласное жандармское слѣдствіе... Наконецъ, послѣ дворцоваго взрыва, графъ Толстой былъ уволенъ, и всѣмъ извѣстно какія оргіи затѣмъ послѣдовали...

Общество жалобно призывалось къ содѣйствію противъ крамолы, въ то время когда лица во власти старались угодить ей. Всѣмъ извѣстно какими послѣдствіями для злополучныхъ ревнителей государственной безопасности сопровождался и малый шагъ въ этомъ смыслѣ...

Публикѣ также извѣстно сколько неистовыхъ ругательствъ досталось и на нашу долю. Мы получали отъ самихъ нигилистовъ посланія, въ которыхъ они, за наше противодѣйствіе, обвиняли насъ въ мятежѣ противъ правительства: „или вы не видите, въ своей тулости, писали они, что правительство на нашей сторонѣ?“ Какъ нигилисты, такъ точно и легальная, именующая себя либеральною, печать упрекала насъ въ мятежныхъ свойствахъ, въ оппозиціонномъ духѣ и ликовала провозглашая наше якобы паденіе. О насъ составили мнѣе будто мы были во власти, всѣмъ распоряжались, и что все дѣлалось по нашему изволенію, но потомъ, благодаря торжеству этой самой либеральной партіи, мы будто бы лишились этой власти и очутились въ оппозиціи.

Наши противники ошибаются представляя насъ то во власти, то въ оппозиціи. Мы всегда во власти и всегда, если угодно, въ оппозиціи. Смѣна разныхъ лицъ въ правительствѣ нисколько не касается насъ и не измѣняетъ нашего положенія.

Власть наша действительно большая: она заключается въ магической формулѣ А есть А или, если угодно, дважды два четыре. Ничего мы не говорили что не отводилось бы къ этимъ формуламъ. Это, конечно, неоспоримая сила, но ее нельзя отнять у насъ, тѣмъ болѣе что она принадлежитъ равно всѣмъ, хотя не всѣ ею пользуются, а насъ упрекають въ обладаніи привилегіей такъ какъ мы эту тавтологіей руководимся.

Если нужно было подавлять крамолу прокравшуюся въ наше общество, то нужно было подавлять ее, а не содѣйствовать ей. Это совершенно то же самое что А есть А и не есть не А. Вотъ что мы говорили, и эта истина не потеряла своей силы и во время торжества крамолы. Нельзя было и тогда отрицать эту истину, нельзя было и тогда не повиноваться ея велѣніямъ. Но, съ другой стороны, вѣрно и то что на дѣлѣ выходило нѣчто совершенно противное здравому смыслу который весь заключается въ магической формулѣ: А есть А.

Что требовалось для успѣшной борьбы съ оказавшимся зломъ? Власти дѣйствовали въ разбродъ, часто воюя между собою, вмѣсто того чтобы подавлять преступную организацію. Требовалось прежде всего сосредоточить дѣйствія власти и дать имъ должное направленіе. Вотъ что писали мы въ *Московскіяхъ Вѣдомостяхъ*, 6 февраля 1880 года, тотчасъ послѣ взрыва во Дворцѣ: „Въ прошломъ году была повидимому принята „серiousная мѣра, учреждены временныя генераль-губернаторства съ обширными полномочіями. Тогда же выразили мы „опасеніе что никакихъ серьезныхъ послѣдствій ожидать отъ „нея нельзя. Къ несчастію, такъ и вышло. Тогда же казалося намъ необходимымъ сильное центральное дѣйствіе власти. Борьбу съ организованною кривою, которая конечно „не между мальчишками получила свое происхожденіе, необходимо сосредоточить въ одной сильной рукѣ; необходимо чтобы одинъ правительственный органъ облеченный полнымъ довѣріемъ Государя имѣлъ диктаторскую власть для „борьбы со зломъ. На немъ должна лежать вся отвѣтственность, и ему должны быть предоставлены всѣ средства дѣйствія. Прочія власти должны безпрекословно способствовать „ему во всемъ что относится къ предмету его полномочія. „Не вмѣшиваясь въ спеціальности управленій, въ технику „разныхъ вѣдомствъ, онъ долженъ имѣть полную свободу

„дѣйствій въ дѣлахъ и вопросахъ политическаго свойства. „Отъ него должно исходить направление и соглашеніе дѣйствій генералъ-губернаторовъ; ему должны быть предоставлены контроль и повѣрка, и никакія формальности процедуры не должны имѣть силы предъ его полномочіемъ“.

Это было *дежды два четыре*, и вотъ въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько дней, графъ Лорисъ-Меликовъ получалъ тѣ обширныя полномочія которыя требовались положеніемъ дѣлъ. „Совершилось то чего слѣдовало ожидать“, писали мы 14 февраля: „правительство рѣшилось дѣйствовать... Будемъ надеяться что сильный довѣріемъ Монарха, графъ Лорисъ-Меликовъ сумѣетъ, благодаря своему такту, преодолѣть трудности задачи. Всякій честный человекъ будетъ желать ему успѣха и способствовать ему по мѣрѣ силъ. Борьба со зломъ принявшимъ острый характеръ должна неизбѣжно повести къ разъясненію общаго положенія нашихъ дѣлъ. „До сихъ поръ правительственное дѣло распадалось... Теперь придется на все взглянуть при свѣтѣ цѣлаго... Во всякомъ случаѣ мы совершенно увѣрены что сильное сосредоточенное дѣйствіе власти, при данныхъ обстоятельствахъ, не только не стѣснить здоровыхъ силъ страны, но напротивъ оживитъ ихъ, освобождая отъ деморализаціи невольна овладѣвающей умами при видѣ страшныхъ въ Россіи явленій, возможныхъ только въ эпоху безвластія и государственнаго разстройства...“ „Быть можетъ“, писали мы на другой день (15 февраля), „для успѣха дѣла вскорѣ окажется полезнымъ соединить всѣ части полицейскаго управленія непосредственно въ рукахъ лица призваннаго Высочайшимъ довѣріемъ къ борьбѣ съ крамолой...“

Это было тоже *А есть А*, и вотъ графу Лорисъ-Меликову вскорѣ было подчинено жандармское управленіе, а затѣмъ спустя нѣсколько мѣсяцевъ III Отдѣленіе было вовсе упразднено, и такъ-называемая государственная полиція вошла въ составъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, во главѣ котораго былъ поставленъ графъ Лорисъ-Меликовъ.

Графъ Лорисъ-Меликовъ, при самомъ началѣ возложеннаго на него служенія, обратился съ воззваніемъ къ обществу, приглашая безъ разбора всѣхъ и каждого къ содѣйствію. Воззваніе это произвело странное дѣйствіе. „По всѣмъ признакамъ замѣтнымъ для людей зрячихъ“, говорили мы 20 февраля, „диктатура не произвела должнаго впечатлѣнія на

„сферы ожидающія *богатых милостей* отъ дѣйствія крамо-
 „лы. Эти сферы надѣются что правительство для искорене-
 „нія крамолы пойдетъ путемъ какой именно она сама реко-
 „мендуетъ. Руководители заговора объявляютъ въ своихъ
 „прокламаціяхъ что не успокоятся до тѣхъ поръ пока власть
 „не дастъ Россіи *либеральныхъ учрежденій*. Оказывается что
 „заговорщики хотятъ того же, чего желаютъ заграничные и
 „домашніе доброжелатели Россіи.“

Такимъ-то образомъ родилась „диктатура сердца“, которая залерла подъ замокъ вѣренную ей государственную власть и предоставила полный просторъ анти-государственному духу подъ титуломъ либеральной партіи. Какъ школа, такъ и все одно за другимъ отдавалось въ ея распоряженіе; ей дѣлались всевозможныя угоденія, къ соблазну и смущенію всероссійской публики; подъ выстрѣлами и взрывами обдумывалась программа дальнѣйшихъ уступокъ... Кому уступокъ?

Поддаваясь неприятелю на полѣ битвы, чего можемъ мы ожидать какъ не того что онъ поколотитъ насъ? Это тоже А есть А и не есть не А.

Послѣ событія 1 марта наступило иное время. Ивыя лица появились въ правительствѣ. Но миновало болѣе года, а новое время ничѣмъ не обозначилось. Никакой попытки дѣйствовать и поправить главную причину зла, то положеніе которое образовалось послѣ столькихъ несогласныхъ между собой и съ общимъ государственнымъ строемъ реформъ. За то созывался маленькій парламентъ вести праздыя рѣчи о кабацкомъ дѣлѣ. За то различіе между легальною и нелегальною печатью почти совсѣмъ изгладилось. За то поднимались какіе-то вопросы о недостаткѣ земли въ Россіи, о необходимости переселеній, и почему-то вдругъ воздвиглось гоненіе на эксплуататоровъ Евреевъ; наконецъ прокрался вопросъ о земскихъ соборахъ...

Мы не имѣемъ ничего личнаго ни противъ графа Лорисъ-Меликова, ни противъ графа Игнатьева; съ обоими, напротивъ, мы были въ наилучшихъ личныхъ отношеніяхъ; ото всей души желали мы какъ тому, такъ и другому полнаго успѣха. Къ сожалѣнію, и тотъ и другой дѣйствовали подъ обаяніемъ какой-то, якобы дѣйствительно существующей, якобы имѣющей основаніе и право существовать, либеральной партіи, не догадываясь что эта партія есть призракъ порождаемый отчасти нашею глупостію, отчасти вражескимъ

навожденіемъ, и что стоить только правительственнымъ лицамъ провинуться святостью своихъ обязанностей предъ Самодержавнымъ Государемъ и Россіей какъ ее создала исторія, и твердо посмотрѣть вокругъ,—и партія эта, вмѣстѣ со крамолой, исчезаетъ какъ олтическій обманъ.

Желая уволеннымъ по болѣзни министрамъ поправиться въ здоровьѣ, мы надѣемся что преемникъ ихъ сохранится въ добромъ здоровьѣ на долгое время. Онъ приступаетъ къ своей новой, столь важной и отвѣтственной должности не новичкомъ, но опытнымъ государственнымъ человекомъ, искушеннымъ въ правительственномъ дѣлѣ, съ практическимъ знаніемъ людей и вещей, съ зрѣлымъ разумѣніемъ нашихъ государственныхъ задачъ. Графъ Д. А. Толстой испыталъ на глазахъ нашихъ удивительную судьбу. Онъ, совершившій съ поразительнымъ успѣхомъ, при величайшихъ затрудненіяхъ и ожесточенномъ сопротивленіи, въ самихъ правительственныхъ сферахъ, самую, послѣ отмены крѣпостнаго права, важную, самую плодотворную и неистиннѣ благонадежную реформу минувшаго царствованія, въ которой зрѣетъ спасенная будущность нашего отечества,—онъ, создавшій истинный олотъ противъ нигилизма, былъ низвергнутъ тою самою диктатурой, которая призвана была бороться съ язвой нигилизма и политическимъ развратомъ; во вотъ, чрезъ два полные событій года, государственныя заслуги его блистательно признаны новымъ высокимъ довѣріемъ Государя. Онъ наверху власти, а его вѣкогда могущественные противники одинъ за другимъ отправлены Немезидой на отдыхъ и врачеваніе... Дай Богъ ему и на этотъ разъ сослужить Государю и Россіи добрую службу.

Назначеніе графа Толстаго знаменательно и важно еще какъ для всѣхъ очевидное выраженіе живой самодержавной воли. Имя графа Толстаго само по себѣ уже есть манифестъ и программа; имъ яснѣе чѣмъ цѣлымъ рядомъ мѣръ опредѣляется путь правительства....

Мы не рѣшились бы теперь говорить о необходимости единоличной диктатуры. Обстоятельства существенно измѣнились. Теперь было бы всего желательнѣе чтобы лица пользующіяся особымъ довѣріемъ Государя и вполне согласныя между собою дѣйствовали по всѣмъ общимъ государственнымъ вопросамъ съ инициативою и солидарно.

VII.

20 мая.

Да благословить Богъ жатву русскаго труда! Да будетъ открывшаяся въ Москвѣ Всероссійская Выставка залогомъ и знаменіемъ ясныхъ дней для нашего отечества! Земля наша велика и обильна, и порядокъ въ ней будетъ лишь бы разсѣялся надъ нею туманъ живыхъ идеаловъ, лишь бы поменьше было у ней благожелателей и благополечителей...

Выставка и возбуждаемые ею интересы станутъ на вѣкоторое время средоточіемъ нашей общественной жизни. Сюда обратится теперь общее вниманіе, и дай Богъ чтобъ этотъ праздникъ нашей промышленности способствовалъ отрезвенію головъ и чтобъ изъ воздушныхъ простраствъ оны возвратилъ ихъ на землю, на добрую Русскую землю, и заставилъ бы ихъ взглянуть вокругъ себя болѣе умными глазами. Пожелаемъ еще чтобы Выставка наша не была только показнымъ дѣломъ, чѣмъ часто бываютъ наши предпріятія. Пусть бы она не была очень эффектною и очень блистательною, лишь бы она была выраженіемъ дѣйствительности. Пусть бы въ ней оказались недочеты, лишь бы она была правдой. Она исполнитъ свое дѣло и принесетъ свою пользу если мы вынесемъ изъ нея не самомнѣніе, а плодотворное чувство того что еще не достаетъ намъ, того что еще требуется достигнуть. „Человѣкъ рождается на трудъ“. Этимъ словомъ изъ книги Іова пріивѣтствовалъ Всероссійскую Выставку нашъ досточтимый архиластырь. „Трудомъ, говорилъ владыка, человѣкъ развиваетъ, укрѣпляетъ, усовершенствуетъ свои силы и способности духовныя и тѣлесныя; трудомъ пріобрѣтаетъ себѣ все необходимое для жизни и для удовлетворенія своихъ потребностей, трудомъ достигаетъ и того что можетъ возвышать, украшать и облагораживать его бытъ домашній и общественный“. Ничего лучшаго не можемъ мы пожелать нашему народу во всѣхъ его сферахъ, особенно въ высшихъ и умственныхъ, какъ улучшенія труда. Все процвѣтетъ у насъ и все войдетъ въ силу, и все станетъ намъ легко и достижимо, когда мы пріучимъ себя, главнымъ образомъ въ умственныхъ сферахъ, къ труду серіозному и доброкачественному.

Въ послѣдніе дни, во всѣхъ газетахъ только и было рѣчи о томъ что ко дню назначенному для открытія Выставки она не будетъ готова. Репортеры, не имѣвшіе возможности проникнуть въ зданіе ея заблаговременно, разказывали что въ ней господствуетъ пока хаосъ приборки, что во всѣхъ почти отдѣлахъ валяются ящики, вездѣ соръ и безпорядокъ, и что трудно де предсказать когда администрація и экспоненты управятся съ предстоящею имъ задачей и будутъ въ состояніи представить намъ произведенія всероссійской промышленности и искусства въ приличномъ видѣ.

Тѣмъ пріятнѣе были поражены посѣтители когда, вступивъ съ главнаго подъѣзда въ зданіе Выставки, съ перваго же шага увидѣли предъ собою богато убранные отдѣлы которые приковываютъ къ себѣ взоры зрителя. Нигдѣ суеты, все устроено, чистота примѣрная, почти не замѣтно пустыхъ мѣстъ или неоткрытыхъ витринъ. Ихъ такъ мало по крайней мѣрѣ что ихъ не замѣчаешь, и онѣ не нарушаютъ общаго впечатлѣнія.

Плавъ построекъ, если и подлежитъ критикѣ въ архитектурномъ отношеніи, оказывается весьма удачнымъ для размѣщенія произведеній. Вездѣ много свѣта, достаточно простора при обиліи витринъ, шкафовъ, горокъ и декоративныхъ украшеній. Если въ день открытія Выставку посѣтили нѣсколько тысячъ человѣкъ, то можно смѣло сказать что въ десять разъ большее число посѣтителей не причиняетъ давки, а лишь болѣе оживаетъ всѣ части зданій. Внутренніе дворы съ ихъ фонтанами, клумбами, газонами и ротондами представляютъ вѣчто не виданное еще въ Москвѣ, и прекрасно придуманный способъ связать всѣ строенія Выставки въ одно цѣлое. Будемъ надѣяться что внутреннее достоинство выставленныхъ произведеній, послѣ свѣдущей оцѣнки ихъ, окажется достойнымъ наружнаго блеска.

И по своимъ размѣрамъ, и по численности экспонентовъ рѣшившихся выступить на публичное состязаніе, и по разнообразію, и по обилію, и особенно по качеству представляемаго на общій судъ, нынѣшняя Выставка является у насъ фактомъ еще небывалымъ. Успѣхи оказанные нашею промышленностью, по признанію знатоковъ, превзошли всякія ожиданія. Наша промышленность, на которую изъ года въ годъ не переставали сыпаться укоры въ коснѣніи и снѣ, не словомъ, а дѣломъ даетъ отвѣтъ своимъ порицателямъ. Заслуживающіе полнаго вниманія продукты производства

которые прежде выставлялись лишь немногими, на которые можно было указывать только какъ на счастливыя исключенія, являются теперь массами съ разныхъ сторонъ. У промышленности, почти по всѣмъ ея отраслямъ, нашлось большое изобиліе достойнаго быть показаннымъ, и публикѣ дѣйствительно есть что посмотреть.

Состязаніе экспонентовъ по любой отрасли производства на открывающейся Выставкѣ будетъ дѣломъ гораздо болѣе серьезнымъ чѣмъ на прежнихъ. Массы мало извѣстныхъ и вовсе неизвѣстныхъ доселѣ производителей составятъ себѣ извѣстность и репутацію; многіе изъ заднихъ рядовъ промышленнаго міра передвинутся въ передніе; множество предметовъ о которыхъ думали что они у насъ вовсе не могутъ изготовляться, что ихъ можно выписывать только изъ-за границы, окажутся не только производимыми въ Россіи, но и производимыми съ успѣхомъ и нуждающимися только въ расширеніи сбыта. Въ интересахъ расширенія сбыта товаровъ, образчики коихъ представить Выставка, необходимо, конечно, чтобы все выставленное экспонентами подверглось правильной и справедливой оцѣнкѣ. Необходима дѣльная и безпристрастная экспертиза. Желателенъ также, помимо формальной экспертизы, возможно большій приливъ на Выставку серьезной публики, для которой осмотръ выставленныхъ предметовъ не одно препровожденіе времени, но практическое дѣло.

Позволительно надѣяться что техническіе успѣхи русской промышленности подорвутъ мистическую вѣру большинства нашей публики въ превосходство всего иностраннаго и въ негодность производимаго у себя дома. Выставка должна изобличить это заблужденіе. До сихъ поръ оно держалось крѣпко, и примѣняясь къ нему наши производители, чтобы не остаться безъ сбыта, должны были терпѣть что ихъ издѣлія часто продаются за иностранныя, что хорошія русскія сукна продаются за англійскія, хорошія русскія шелковыя ткани за лонскія, русскія ножовыя издѣлія продаются съ англійскими и нѣмецкими клеймами и т. п. Но если публика достаточно насмотрится на то что представить ей Выставка и оцѣнитъ достоинство выставленнаго, не будетъ болѣе надобности прибѣгать къ такому обману, унизительному и для промышленности нашей, и для торговли, и для публики.

Русская промышленность не коснется, не слить, ея техническіе успѣхи въ сомнѣніи. Но ей не достаетъ достаточно

обширнаго и обезпеченнаго сбыта, безъ котораго невозможно надлежащее развитіе и удешевленіе производства. При маломъ сбытѣ, общіе расходы производства распредѣляются на малое число производимыхъ предметовъ и тяжело ложатся на ихъ цѣны; при большомъ производствѣ, тѣ же расходы, распредѣленные на множество произведенныхъ предметовъ, позволяютъ понизить ихъ цѣну. Вотъ почему можно быть увѣрену что подъемъ таможенныхъ пошлинъ, который обезпечилъ бы за русскимъ производствомъ внутренніе рынки сбыта, поведетъ развѣ только ко временному подъему цѣнъ на нѣкоторые товары. Затѣмъ внутренняя конкуренція не замедлитъ понизить ихъ, какъ это уже и сдѣлалось съ миткалями и ситцами. Но не одинъ таможенный тарифъ, благоприятствующій заложению русскихъ рынковъ чужеземными продуктами, мѣшаетъ расширенію сбыта русскихъ товаровъ. Бѣда ли не большимъ тормазомъ для русской промышленности является система самоуправленія нашихъ желѣзныхъ дорогъ. Каждая изъ нихъ распоряжается у себя какъ хочетъ, распоряжается не своимъ только добромъ, но и судьбами русской промышленности и торговли. Имъ предоставлена эксплуатация рельсовыхъ линій, но казалось бы ни русское производство, ни русская торговля не отдааны имъ въ кабалу. Промышленность и торговля входятъ въ сферу общихъ интересовъ страны, и прямая задача правительства не допускать ихъ нарушенія. Но исполненіе этой правительственной задачи у насъ парализовано своего рода „правовымъ порядкомъ“ установившимся въ отношеніяхъ правительства къ желѣзнымъ дорогамъ. Дороги то и дѣло принимаютъ мѣры явно направенныя въ ущербъ интересамъ страны. Вредъ всѣ сознаютъ, всѣ жалуются о немъ, но ничего не дѣлаютъ для его пресѣченія.

Неблагоприятнымъ для вышней нашей Выставки обстоятельствомъ оказывается внезапно возбужденная антиеврейская агитация. Сдѣлано распоряженіе по печати о прекращеніи этой агитации,—давно бы пора!—но къ сожалѣнію она не ограничивается печатью. Что же касается Выставки, то для всѣхъ производителей важно чтобы товары ихъ имѣли сбытъ по возможности во всѣхъ углахъ Россіи, и между прочимъ въ томъ районѣ гдѣ пребываніе Евреевъ не считается противозаконнымъ. Это районъ весьма обширный; его населеніе еще въ 1870 году исчислялось почти въ 26 милліоновъ. Торговлей во всемъ этомъ обширномъ районѣ занимаютса

преимущественно Евреи. Они главнымъ образомъ снабжаютъ многочисленное мѣстное населеніе всѣми нужными ему товарами. Желательно, безъ сомнѣнія, чтобы они торговали въ возможно большихъ размѣрахъ продуктами русской фабрикаціи, чтобы связи ихъ со внутренними заводчиками и фабрикантами расширялись. Это важное условіе для успѣха фабрикъ и заводовъ и для работающаго на нихъ люда. Не только прїѣздъ торговцевъ изъ западнаго района въ Москву на время Выставки сдѣлался невозможень вслѣдствіе затрудненій въ полученіи ими нужныхъ для того паспортовъ, но и множество пребывавшихъ въ Москвѣ по торговымъ дѣламъ Евреевъ должны были поневолѣ покинуть ее не дождавшись открытія Выставки. Вмѣсто закрѣпленія и расширенія торговыхъ связей между нашею фабрикаціей и обширнымъ рынкомъ съ многочисленнымъ населеніемъ, на что многіе рассчитывали, Выставка открывается при условіяхъ ослабляющихъ связи съ этимъ рынкомъ, которыя начали было завязываться прежде. Это обстоятельство неблагоприятно отозвалось и на самой Выставкѣ. Нѣкоторые фабриканты и заводчики, предлагавшіе сперва принять въ ней участіе, вовсе не выступили экспонентами.

VIII.

іюня 1.

1 іюня московскій генераль-губернаторъ получилъ Высочайшую телеграмму, которою Государь Императоръ повелѣтъ соизволилъ возвѣстить жителямъ Москвы о благополучномъ разрѣшеніи Государыни Императрицы Маріи Феодоровны Великою Княжной, нареченною Ольгой. Князь В. А. Долгоруковъ послѣдшилъ о такомъ радостномъ событіи извѣстить жителей столицы.

IX.

іюня 10.

9 іюня въ Бозѣ почилъ Московскій митрополитъ Макарій. Тяжела утрата понесенная нашею церковью и нашимъ отечествомъ съ его кончиной, утрата тѣмъ болѣе чувствительная чѣмъ она неожиданнѣе. Онъ былъ еще въ лорѣ силъ, и не ослабѣвалъ въ трудѣ своего служенія. Онъ взятъ отъ насъ, Божій воинъ, во всеоружіи духовнаго подвига. Почившій архипастырь былъ великою духовною силой нашего отечества, силою въ какихъ оно такъ

нуждается. Какъ и подобаетъ русскому іерарху, онъ былъ вѣствъ и патриотомъ Русскаго царства, съ которымъ неразрывно соединены судьбы Православія. Мы убѣдимся, если оглянемся на нашу исторію, что русскому іерарху свойственно быть патриотомъ, ибо православный іерархъ не знаетъ другой земной власти кромѣ единой. Начальники церкви на Руси, паса овецъ и агнцевъ стада Христова, всегда полагали священнымъ долгомъ своимъ служить къ утвержденію православной государственной власти какъ оплота и охраны Церкви на землѣ. Таковы были даже отшельники наши, и краса ихъ, Преподобный Сергій.

Въ Бозѣ почившій владыка не долго занималъ Московскую кафедру, но въ церковныхъ дѣлахъ здѣшней епархіи уже почувствовалась его твердая и опытная рука. Его свѣтлый практическій умъ, умудренный наукой и исторіей, нельзя было отуманить отвлеченностію и сбить съ толку фразой; ко всякому вопросу относился онъ прямо и просто, съ мудрою трезвостію. Смерть застигла его на многолѣтнемъ трудѣ посвѣщенномъ исторіи Русской Церкви. Уже приготовленъ къ печати томъ XII, и въ своемъ уединеніи владыка дѣлательно работалъ надъ слѣдующимъ, въ который главнымъ образомъ должно было войти дѣло о патриархѣ Никонѣ и судъ надъ нимъ. Сколько поучительнаго могло быть вынесено изъ этой эпохи, сколько свѣта могло быть пролито на вопросы которые и нынѣ тревожатъ и мутятъ умы!

Во все время управленія Московскою епархіей владыка былъ предметомъ ожесточенныхъ, не бывалыхъ еще у насъ публичныхъ нападеній черезъ печать, которыя можно было объяснить только крайнею слабостію правительственной власти. Какъ подобало христіанскому іерарху, онъ переносилъ терпѣливо возмутительныя проявленія этой вражды, которая имѣя отдаленныя цѣли пользуется для нихъ всякими средствами и вступаетъ въ союзъ со всякою низостію. Предъ гробомъ почившаго да устыдятся люди служившіе орудіемъ этой цинтриги!

Владыка скончался отъ апоплексическаго удара въ загородной митрополичьей дачѣ селѣ Черкизовѣ. Тѣло его погребено въ Успенскомъ соборѣ Троицкой Лавры, рядомъ съ гробницею архіепископа Московскаго Августина.

JUN 5 - 1939

JUN 5 - 1939

JUN 5 - 1939

